

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
Высшая школа перевода

Русский язык и культура в зеркале перевода

XII международная научная конференция

г. Москва (Россия)
13-15 мая 2022

Материалы конференции

Издательство Московского университета
2022

УДК 81'25:008

ББК 81-7:71.0

P89

Русский язык и культура в зеркале перевода: XII международная научная конференция; Материалы конференции. – М.: Издательство Московского университета, 2022. – 708 с.

Рецензент: доктор исторических наук, профессор Э. Харацидис

ISBN 978-5-19-011541-3 (e-book)

В сборник включены материалы докладов, представленных на XII международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Ключевые слова: теория и методология перевода, художественный перевод, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный.

УДК 81'25:008

ББК 81-7:71.0

Russian Language and Culture Reflected in Translation: Proceedings of XII International Scientific conference – Moscow: Moscow University Press, 2022. – 708 p.

Reviewer: PhD in History, professor E. Haratsidis.

The compilation includes materials of the reports presented at XII International Scientific conference “Russian Language and Culture Reflected in Translation”.

The published reports touch on various aspects of the general theory, history, methodology, translation didactics as well as the theory of literary translation. Traditionally, reports also examine the aspects of teaching Russian as a foreign language and comparative culturology.

This compilation is of interest to the researchers studying technique and practice of teaching Russian as a foreign language, theory, methodology and translation didactics, contrastive linguistics and literary criticism, culturology and intercultural communication.

The compilation materials will be undoubtedly of use to teachers, postgraduates, students and anyone related to the subject.

Key words: theory and methodology of translation, literary translation, contrastive linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

ISBN 978-5-19-011541-3 (e-book)

© Коллектив авторов, 2022

© Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022

ПЕРЕВОД КАК ВЕКТОР НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

<i>Алевич А.В.</i> Антиномии перевода эпохи Просвещения.....	8
<i>Алиева Р.В.</i> Проблема трансформации портретных деталей в переведенный текст (на материале перевода романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на киргизский язык).....	19
<i>Артемьева Ю.В., Мелькаева Р.В.</i> Лингвокреативность как прием перевода.....	26
<i>Аушева Х.У.</i> История переводов Корана на русский язык.....	34
<i>Ваганян А.Г., Оганнисян Г.Р., Татевян Г.А.</i> Особенности колоративной лексики и вопросы перевода некоторых цветообозначений (на материале английского, русского и армянского языков).....	44
<i>Ван Синьюань</i> Перевод и культурное различие.....	55
<i>Васильева Ю.В.</i> Эвиденциальность как залог достоверности научного текста: правда или миф?.....	62
<i>Воюцкая А.А.</i> Влияние развития российской дипломатии на переводческую деятельность со времен свержения татаро-монгольского ига до петровских реформ.....	75
<i>Гальчева Е.В.</i> Исторические и лингвистические аспекты перевода художественного произведения на примере перевода рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» на греческий язык.....	90
<i>Гао Цзяи</i> К вопросу о качестве перевода новостных сообщений с русского языка на китайский гугл-переводчиком: достигим ли идеал «信, 达, 雅».....	99
<i>Герашенко К.П.</i> Переводческая деятельность Б.Л. Пастернака на примере перевода «Фауста» Гете.....	111
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> О примечаниях в современных переводах французской художественной литературы.....	120
<i>Жаткин Д.Н., Морозова С.Н.</i> К.И. Чуковский о русских переводах Шекспира.....	129
<i>Зигмантович Д.С.</i> Американский политический дискурс как объект устного синхронного перевода.....	138
<i>Кокоева Т.С.</i> О художественном переводе в Киргизской республике.....	147
<i>Кольцова Д.А.</i> Применение цифровых технологий в обучении современных переводчиков.....	155
<i>Крюкова Е.В.</i> На стыке культур: литературные палимпсесты и их перевод.....	163
<i>Кушнина Л.В., Кан Синьюнь</i> Антропонимическая метафора как когнитивный маркер комического в культурном пространстве перевода.....	173
<i>Лю Цзинпэн</i> Стратегии перевода лингвистического ландшафта города Москвы.....	183
<i>Нурғали К.Р., Сиряченко В.В.</i> Сравнительный анализ переводов романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» на казахский и русский языки.....	191

<i>Пак А.Л., Селезнева А.И.</i> Формирование произносительной культуры переводчика.....	202
<i>Разумовская В.А., Тарасенко Т.В.</i> «Сильные» тексты литературы в свете неокатегорий художественного перевода.....	211
<i>Серкова С.Е.</i> Аудиовизуальный перевод в системе подготовки переводчиков-синхронистов.....	220
<i>Трубина О.Б.</i> Поэзия Микеланджело: о переводах на русский язык.....	228
<i>Ушаков С.Г.</i> Креолизованный текст как объект научно-технического перевода: дидактические аспекты.....	236
<i>Цыбенко О.П.</i> Перевод и «воспроизведение»: культурно-исторический и духовный аспект (на материале русских и греческих переводов).....	245

РУССКИЙ ЯЗЫК: ЯЗЫК НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Басова М.В., Леоненкова Е.Д.</i> Опыт организации и проведения языковой школы по обучению РКИ: подходы, компетенции, методика.....	257
<i>Брызгалина Е.Д.</i> От художественного к словесному: иллюстрация и ее лингводидактическое значение.....	271
<i>Жгунова С.А.</i> Стилистическое распределение взрывного [г] и фрикативного [γ] в истории русского языка и обозначение этих звуков на письме.....	281
<i>Зеленова А.А.</i> Инфографика на занятиях русского языка как иностранного.....	295
<i>Ковалева К.Н., Пышненко А.А.</i> Возможности использования интерактивных технологий при обучении русскому языку как иностранному в онлайн-среде.....	304
<i>Литвинова Г.М.</i> «Что-что вы сказали?..» (к проблеме формирования фонетических навыков в условиях дистанционного обучения).....	312
<i>Лян Кэсинь</i> Фактор тревожности в процессе изучения русского языка китайскими студентами.....	322
<i>Петророва Е.Г., Раздолина Е.А.</i> Русский язык как посредник в передаче академических знаний и опыта.....	332
<i>Садыгова А.А.</i> Некоторые аспекты обучения деловой коммуникации на уроках РКИ.....	339
<i>Ся Н.В., Шульженко А.М.</i> Особенности преподавания практического курса русского языка (аспекты лексика и грамматика) в дистанционном формате обучения.....	346
<i>Юсупова К.Т.</i> Из опыта написания монографии и учебного пособия по РКИ посредством перевода для греческих студентов-русистов.....	355

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Аль-Авад Асиль Рафаа</i> О метафоризации алхимических концептов в арабском химическом и медицинском дискурсах.....	364
<i>Бежук Ю.В.</i> Перевод как аспект преподавания восточного языка в средней общеобразовательной школе.....	373
<i>Гадимова А.Б.</i> По вопросам социально-психологической адаптации этносов.....	382
<i>Жбанкова Е.В.</i> Европейский салонный танец XIX века в «переводе» на русский язык.....	391
<i>Кабанова О.В.</i> Русское лингвоспецифичное слово «милый» в зеркале перевода.....	398
<i>Казакевич О.А.</i> Способы репрезентации реалий иноземного мира в посольских отчетах XVII в. о поездках в Китай.....	406
<i>Кольцов С.В.</i> Типы и функции языковой игры в произведении Фредерика Дара «История Франции глазами Сан-Антонио, или Берюрье сквозь века».....	416
<i>Логинова А.В.</i> Переводы турецких прагматических текстов на русский и английский языки как элемент лингвистического ландшафта Турции.....	424
<i>Лыткина О.И., Разина А.С.</i> Пространство дома в русской и китайской языковых картинах мира.....	434
<i>Манерко Л.А.</i> Терминология морали в работе английского философа Джона Локка: результаты корпусного анализа.....	441
<i>Мешкова Е.М.</i> Сравнения в поэтическом дискурсе М.Ю. Лермонтова: оригинал и английский перевод.....	452
<i>Миронова Н.Н.</i> Русская классическая литература в комментариях переводчиков.....	460
<i>Немкина Н.И.</i> Лингвокультурологическая адаптация национальных образов героев русских сказок на китайский язык.....	469
<i>Николаиди М.А.</i> Модели трансформации басенных текстов в греческой и русской культурах.....	479
<i>Нурутдинова А.Р.</i> Разработка учебных материалов в контексте межкультурной коммуникации.....	490
<i>Соколова И.А.</i> Роль преподавания и обучения языку в развитии отношений между двумя странами. История и успех преподавания хинди. Уникальная школа хинди в Санкт-Петербурге.....	498
<i>Тарасова К.Э.</i> Сравнение концептуальных областей языковых конфликтов в представлении этнокультурных сообществ Шотландии и Каталонии.....	508
<i>Цай Ванифань</i> Специфика перевода субтитров культурологического аспекта для субтитрирования (на материале цзянсиской музыкальной драмы «Сон в Ханьдань»).....	520

<i>Чернова Л.В., Томашева И.В., Ковалевич Е.П.</i> Актуализация медицинской лексики в контексте обновления языковой картины мира.....	528
<i>Чович Л.И., Чович Б.</i> Игра переводами: особенности перевода паремий о женщинах с русского на близкородственный сербский язык (к вопросу о культурологическом аспекте перевода паремий о женщинах в двух близкородственных языках).....	539
<i>Эйвазлы А.Р.</i> Гендер как направление научных исследований.....	552

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Бубекова Л.Б., Кудрявцева Е.Л.</i> Этнокультурное адаптивное транскодирование в стихотворении А.С. Пушкина «Памятник».....	560
<i>Гик А.В.</i> Синкретизм художественного произведения. Взаимодействие культур и литературных традиций.....	568
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> Может ли один неточно переведенный глагол изменить представление о персонаже? (на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки).....	576
<i>Карданова Н.Б.</i> К вопросу о гендерной асимметрии в литературе петровского времени...588	
<i>Кольовски А.А.</i> В спорах о настоящем и будущем русской литературы в эмиграции (1920–30-е гг.).....	601
<i>Конюхова Е.С., Лыткина О.И., Абрамова Г.С.</i> Концепт «Русская культура» в мировом пространстве.....	611
<i>Криворотова Э.В.</i> Овладение обучающимися содержанием понятия «многозначность» и формирование лингвокультурологической компетенции выпускника.....	619
<i>Кульгавчук М.В.</i> В поисках нравственной нормы: о некоторых особенностях современной русской прозы.....	625
<i>Логвинова И.В.</i> Музыкальный аспект русского и украинского культурного взаимодействия в романе А. Фадеева «Молодая гвардия».....	634
<i>Мишкуроев Э.Н.</i> Ложный дискурс: функции, троллинг, девиантный узус, перевод.....	642
<i>Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Мировое культурное пространство в зеркале компаративных тропов с прецедентными именами (на материале современной русской прозы).....	653
<i>Осипова Н.О.</i> Литературное наследие митрополита Нестора (Н. Анисимова) как источник осмысления духовной миссии русской эмиграции за рубежом.....	664
<i>Полехина М.М.</i> Автодокументальный жанр в дискурсивной практике повседневного сознания: записные книжки Марины Цветаевой.....	672

<i>Пушкарева Н.В.</i> «Стараться спасти людей» (из истории глагола «стараться» в деловой письменности XVIII века).....	683
<i>Тетерукова И.М.</i> «Война и мир» Л.Н. Толстого в восприятии итальянцев.....	691
<i>Хуснулина Р.Р.</i> «Колокол» век спустя: русская газета А. Герцена и одноименный ирландский журнал Ш. О'Фаолейна.....	701

ПЕРЕВОД КАК ВЕКТОР НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Алевич Анисия Вячеславовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Alevich Anissia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

АНТИНОМИИ ПЕРЕВОДА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ANTINOMIES OF ENLIGHTENMENT TRANSLATION

Статья посвящена особенностям перевода эпохи Просвещения на примере французских и русских переводов поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай». Переводы создавались в соответствии с требованиями «хорошего вкуса» и пониманием художественного идеала эпохи вне зависимости от идейного своеобразия подлинника. Переводы значительным образом трансформировали оригинал в стремлении приблизиться к «абсолютной ценности». Тем не менее с позицией неизбежности значительных трансформаций оригинала и адаптацией классических текстов в соответствии с правилами «хорошего вкуса» были согласны не все. Эпоха стала противостоянием «переводческой вольницы» и «переводческого рабства». Переводы, осуществлявшиеся в царской России, отражали западноевропейские тенденции. Переводы «Потерянного рая» выполнялись с небольшой разницей во времени в стремлении передать идейно-эстетическое своеобразие подлинника наилучшими средствами в эпоху становления норм русского литературного языка. Переводы «Потерянного рая» носили преимущественно исправительный характер. Переводы очищались от смысловых искажений, язык перевода освобождался от церковнославянской и устаревшей лексики.

The article is devoted to the specific features of the Enlightenment translation on the example of French and Russian translations of John Milton's poem "Paradise Lost". Translations were created in accordance with the requirements of "aesthetic taste" and the artistic ideal, regardless of the original. Translations significantly transformed the original in a bid to achieve an "absolute value". Nevertheless, not everyone agreed with the inevitability of significant transformations and the adaptation of classical texts in accordance with the rules of "aesthetic taste". The epoch opposed "translation freedom" and "translation slavery". The translations carried out in tsarist Russia reflected Western European trends. Numerous translations of "Paradise Lost" were carried out in an effort to convey the aesthetic originality of the original amid the formation of the norms of the Russian literary language. Translations of "Paradise Lost" were cleared of semantic distortions, the translation language was freed from Church Slavonic and outdated vocabulary.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, переводческие трансформации, переводческие стратегии, герменевтика, «Потерянный рай», переводческая критика.

Key words: Enlightenment, translation transformations, translation strategies, hermeneutics, "Paradise Lost", translation criticism.

XVII–XVIII века прошли под знаком классицизма. Представители направления, зародившегося во Франции, провозгласили в качестве эстетического идеала искусство. Образцы античной литературы воспринимались в качестве высшей ценности,¹ а

¹ В эпоху расцвета классицизма во Франции появились мнения о том, что словесность Франции не уступает произведениям Античных авторов. «Спор древних и новых» связан с поэмой Шарля Перро «Век Людовика Великого», прочитанной 27 января 1687 года на заседании Французской академии, в которой автор сопоставляет век Людовика XIV с веком Августина, говоря, что «ученики оказываются порой искуснее своих

рационалистический подход определял оценку художественных произведений. Переводы создавались в соответствии с требованиями «хорошего вкуса» и пониманием художественного идеала эпохи вне зависимости от идейного своеобразия подлинника. Переводы значительным образом трансформировали оригинал в стремлении приблизиться к «абсолютной ценности». Провозглашенный принцип *plaire au lecteur et perfectioner son auteur* определял выбор переводческих решений.

Многие писатели и поэты пробовали свои силы на поприще перевода (Мольер, Расин, Буало, Лафонтен и др.). Анонимные переводы остались в прошлом. Переводчики приглашаются в основанную Ришелье Французскую академию, призванную кодифицировать язык. «Переводческий Ренессанс» был во многом связан с именем Франсуа де Малерба. Основоположник классицизма во Франции, реформатор стиха и поэтического языка Малерб выступал за создание прозрачного языка, свободного от архаизмов и заимствований. Малерб осуществил перевод работ Сенеки и Тита Ливия. В комментариях к собственным переводам он отмечал, что переводчик в праве опустить фрагменты оригинала, искажающие историческую правду. Малерб писал, что «не будет слепо переносить в перевод несовершенства, встречавшиеся в работах Тита Ливия» (перевод мой – А.А.) [Ballard, 1995, с. 155]. Малерб прибегал к переводческой парафразе для прояснения неясных фрагментов текста (*éclaircir des obscurités*), руководствуясь стремлением «нравиться публике» (*le désir de plaire*) [Malherbe, 1862, с. 464–465].

«Каждая строка Малерба является святой», – писал Антуан Годо (1629–1652 гг.), представитель новой волны переводчиков, мыслящий в духе «прекрасных неверных». В «Речи о трудах Г. де Малерба» он пишет, что перевод не уступает другим разновидностям творческой деятельности, может быть равным оригиналу по красоте, а также служит распространению культуры. В завершении Антуан Годо отмечает, что «правда не производит впечатления, если не выражена изящно» (перевод мой – А.А.) [Godeau, 1862, с. 368–370]. Сходных взглядов придерживался Перро Абланкур, переводчик Тацита, Лукиана и Фукидида. Говоря о концепции художественного перевода, он полагал, что перевод является способом воссоздания подлинника, из которого убраны все шероховатости, а предпочтение отдано изящным выражениям (*belles expressions*). «Главное в переводе – передать оригинал в соответствии со вкусом эпохи, – писал он. –

учителей» [Magne, 1976, с. 821]. «Чтить древность славную прилично, без сомненья, / Но не внушает мне она благоговенья. / Величье древних я не склонен умалять, / Но и великих нет нужды обожествлять. / И век Людовика, не заносясь в гордыне, / Я с веком Августа сравнить посмею ныне» [Спор древних и новых, 1984, с. 41]. В работе, вызвавшей бурю критики в том числе Н. Буало и Ж.П. Расина, метод перевода остался классицистическим.

Различные времена отличает не только способ выражения, но и образ мысли» (перевод мой – А.А.) [Ablancourt, 1988, с. 24].

С позицией неизбежности значительных трансформаций оригинала и адаптацией классических текстов в соответствии с правилами «хорошего вкуса», отхода от влияния Античности были согласны не все. Эпоха стала противостоянием «переводческой вольницы» и «переводческого рабства».

В речи члена Французской академии К.-Г. Баше де Мезириака «О переводе» (*De la traduction*) вольные переводы подвергаются критике, опущения фрагментов исходного текста становятся недопустимыми.² К.-Г. Баше де Мезириака разделял стремление нового поколения переводчиков нравиться публике, в то же время отмечая, что «красоты языка недостаточно для признания перевода совершенным. Основным качеством хорошего переводчика, бесспорно, является верность оригиналу» (перевод мой – А.А.) [Méziriac, 1635, с. 412].

Свидетельством различных взглядов на принципы перевода эпохи послужили переводы «Илиады» Гомера, выполненные членом Французской академии Антуан Удар де ла Моттом и Анной Дасье.³ Удар де ла Мотт в «Слове о Гомере» назвал произведение «далеким от совершенства» и при осуществлении перевода руководствовался принципами ясности, точности и «приятности». Перевод вызвал критику со стороны Анны Дасье, выполнившей перевод эпической поэмы прозой.⁴

В эпоху Просвещения были выполнены первые переводы поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» на французский язык, ставшие основой для воссоздания поэмы на русском языке в конце XVIII века.

В начале XVII века во Франции Мильтона знали как латинского секретаря при правительстве Кромвеля, диктатора, имя которого в Европе вызывало страх. Политические трактаты Мильтона-публициста, написанные на латыни, были широко известны за

² Критике подверглись переводы Жака Амио. К.-Г. Баше де Мезириака назвал стиль Амио несовершенным. Переводческие ошибки, согласно Б. де Мезириаку, состоят «в необоснованном и неуместном использовании тех или иных приемов преобразования текста оригинала» [Гарбовский, 2007, с. 107].

³ В 1681 г. увидел свет прозаический перевод стихов Анакреонта и Сапфо Анны Дасье, имевший громкий успех. Критические замечания нашли отражение в трактатах о переводе. Анна Дасье опубликовала «Трактат о причинах искажения вкуса» (*Traité des causes de la corruption du goût*), а Антуан Удар де ла Мотт – «Слово о Гомере» (*Discours sur Homère*).

⁴ По мнению Анны Дасье, герой поэмы Дефиоб был более изуродован переводчиком, нежели Менелая и Одиссеем. «К несчастью, поэме г-на де ла Мотта недостает этих трех вещей. В ней нет точности, потому что он часто переводит несколькими стихами один стих Гомера; в ней часто нет ясности, потому что он употребляет весьма двусмысленные выражения; и нет приятности, потому что он всюду пользуется либо слишком вычурными, либо низменными, пошлыми и коробящими слух выражениями, и потому что, стараясь смягчить образы Гомера и подменить мысли поэта своими, он искажил его характер и лишил поэму естественности, более благородной и приятной, чем все замысловатые прикрасы, совершенно недостойные большого поэта» [Спор древних и новых, 1984, с. 403].

пределами Великобритании. Вскоре Европе стал известен Мильтон-поэт. Людовик XIV, покровитель науки и искусства, поручил послу Франции в Великобритании назвать имена наиболее выдающихся англичан, проявивших свой талант в науке, искусстве и литературе. Помимо известных во Франции Томаса Мора и Фрэнсиса Бэкона послом было названо имя Мильтона.

Во Франции Мильтон впервые упоминается в работе французского публициста и философа Пьера Бейля. В «Историческом и критическом словаре» 1697 года он посвятил Мильтону три с половиной страницы. Бейль высоко отозвался о политическом либерализме поэта, а «Потерянный рай» назвал «одним из самых прекрасных поэтических произведений, написанных на английском языке» [Telleen, 1904, с. 6]. Через несколько лет в издании *Le Journal des Savants* о поэте скажут: «Его мысли и формы выражения отличает величие поэтов Античности» (перевод мой – А.А.) [Telleen, 1904, с. 7]. Мильтон, на тот момент известный во Франции в узких кругах, получил широкое признание благодаря идеологу Просвещения Вольтеру.

Когда произошло знакомство одного из величайших французских просветителей с творчеством Мильтона, доподлинно неизвестно. Наиболее вероятным исследователи называют период заключения Вольтера в Бастилии, где он получил от своего друга произведения английских авторов, среди которых был «Потерянный рай». Вольтер восхищался красотой поэмы, ставил автора в один ряд с Гомером, Вергилием и Торквато Тассо. Признавая гений Мильтона, Вольтер полагал, что белый стих местами переходил в прозу, детали батальных сцен противоречили поэтическому вкусу, а сюжет, в котором Сатана восстает против Бога, напомнил стороннику просвещенного абсолютизма произведения Франсуа Рабле. Тем не менее критические замечания Вольтер относил к различию литературных вкусов Англии и Франции.

Первый анонимный перевод поэмы «Потерянный рай» вышел во Франции в 1729 году в авторстве писателя Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мора. Переводчик, по собственным словам, трансформировал текст перевода в связи с асимметрией языковых систем, опускал метафоры и эпитеты, разбивал предложения, разъяснял туманные фрагменты текста. Критики назвали перевод поэтическим. Впоследствии Вольтер с гордостью напишет, что именно он уговорил Дюпре де Сен-Мора выучить английский язык для перевода поэмы. Перевод Дюпре де Сен-Мора положил начало для последующих переводов поэмы.

В 1780 году увидел свет полный перевод «поэмы героической», выполненный архиепископом Екатеринославским и Херсонес-Таврическим Амвросием (Серебренниковым) с французского перевода Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мора.

Амвросий (Серебрянников) стремился к передаче поэтической красоты поэмы, в основе которой лежит бережное следование тексту Священного Писания. «Прилѣжное чтение Священнаго Писанія а особливо Исаи Пророка подавало ему [Мильтону – А.А.] самыя высокія мысли, – писал он. – По сей причинѣ исполненъ онъ красотъ неподражаемыхъ, которыя сколь ни кажутся быть стихотворческія; однако почерпнуты изъ слова божія. Кромѣ того любилъ онъ изъ Греческихъ писателеи особливо Гомера, а изъ Латинскихъ Овидіевы превращенія. <...> Разсужденія его глубоки, мысли остры, подобія велики, страсти пылки, описанія живы, <...> вездѣ видна красота, великость, изобиліе» [Мильтон, 1780, с. 6–8].

В работе над переводом поэмы Амвросий (Серебрянников) опирался на перевод А.Г. Строганова. В начале первой книги Дж. Мильтон, подобно древним поэтам, обращается к музе. Исследователи в данном фрагменте усматривают аллюзию на первые строки «Илиады» Гомера («Гнев, богиня, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына...»), сопоставляя утрату рая с разрушением Трои. Переводы А.Г. Строганова и Амвросия (Серебрянникова) различаются переводом словосочетаний *les funestes effets* («бѣдственное дѣйство» / «пагубное дѣйство») и *la perte d'un Paradis* («погубления Рая» / «потеряніе Рая»):

Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор	<i>Je chante la désobéissance du premier homme, et les funestes effets du fruit défendu, la perte d'un Paradis, et le mal de la mort, triomphans sur la terre jusqu'à ce qu'un Dieu homme vienne juger les Nations, et nous rétablisse dans le séjour beinheureux.</i>
А.Г. Строганов	Пою преслушаніе перваго челоуѣка, бѣдственное дѣйство запрещеннаго плода, погубления Рая и зло и смерть, торжествующую на земли; доколѣ Богочелоуѣкъ придетъ судити народы и насъ паки приведетъ въ блаженное жилище.
Амвросий (Серебрянников)	Пою преслушаніе перваго челоуѣка, пагубное дѣйство запрещеннаго плода, потеряніе Рая и зло смерти, торжествующія на земли; доколѣ Богочелоуѣкъ придетъ судити народы и насъ паки приведетъ въ блаженное жилище.

Несмотря на то, что в работе над переводом Амвросий (Серебрянников) опирался на опыт предшественника, текст перевода претерпел значительные изменения. Амвросий (Серебрянников) вводил церковнославянские слова и обороты, придавал переводу звучание проповеди и богослужебного пения. Например, единице перевода *Triste emploi!* в переводе А.Г. Строганова соответствует выражение «О! Печальное дело» в переводе Амвросия (Серебрянникова) – «Печальный **предметъ пѣснопѣнія!**», а выражению «всевышняго чадо» в переводе А.Г. Строганова соответствует «всевышняго дщерь», имевшее широкое хождение в Славянской библии. Амвросий (Серебрянников) вводил уточняющие определения, основанные на интерпретации текста Священного Писания:

А.Г. Строганов Сниди со уединенныхъ верховъ Хорива и Синая, гдѣ ты вдохновеніемъ своимъ научила пастыря показати избранному племени како небо и земля произошли

Амвросий (Серебрянников) Сниди со уединенныхъ высотъ Хорива и Синая, гдѣ ты вдохновеніемъ своимъ научила пастыря показати избранному племени, **роду Еврейскому**, како небо и земля произошли

В следующем фрагменте из девятой книги, в котором описывается возвращение Сатаны к пределам рая с наступлением ночи и появление на небе Гесперы, первой вечерней звезды, являющейся одним из названий планеты Венера, Амвросий вводит церковнославянское слово «риза», обусловленное действием механизма логического уточнения ввиду межъязыковой асимметрии. Единица перевода «риза» в значении «одежда, одеяние», а также «оклад на иконах» имеет широкое хождение в Библии:

Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор *Le Soleil étoit tombé ; Hespérus, l'avant-Coureur du Crépuscule, qui concilie pour quelque moment la lumière et les ténèbres, commençoit à disparaître : déjà d'un bout de l'hémisphère à l'autre, la Nuit avoit investi l'horison*

А.Г. Строганов Солнце зашло, Гесперь, предтеча сумраку, согласующая на нѣсколько мгновений свѣтъ со тьмой, началъ сокрыватися уже от единого края полукружія до другаго, **нощь одеяла небо**

Амвросий (Серебрянников) Солнце еж закатилося; Гесперь, предшественникъ сумрака, соединяющій на нѣсколько минутъ свѣтъ со тьмою началъ скриватися; уже **нощь** отъ единого края полукружія до другаго **одѣяла своєю ризою небо**

Надеясь, что читатель хоть «некоторые черты столь прекрасного подлинника» найдет в его переводе, Амвросий (Серебрянников) осуществил прозаический перевод поэмы в стремлении наиболее близко отразить смысловое содержание подлинника. Тем не менее перевод содержал отступления от текста оригинала, поскольку был выполнен с французского перевода Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мора, созданного в духе «прекрасных неверных», одной из основных черт которого была ясность в изложении.

В следующем примере из шестой книги приводится разговор Архангела Рафаила с Адамом:

Оригинал *Say Goddess, what ensu'd when Raphael, / The affable Arch-angel, had forewarn'd / Adam by dire example to beware / Apostasie*

Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор Dites, Diéesse, ce qui se passa, quand Raphaël, l'affable Archange, eût averti Adam d'éviter l'infidélité, de peur de partager le sort terrible des Démon.

Амвросий Повѣдъжь мнѣ, богиня! Что происходило, когда Рафаиль благосклонный

(Серебрянников) Архангель увѣщеваль Адама избѣгати невѣрности, чтобъ не быть участникомъ ужаснаго жребія демоновъ.

Во французском переводе «вероотступник» (*Apostasie*) заменяется более понятным для читателя словом «демон», контекстуальным синонимом падшим ангелам. И несмотря на то, что в русской традиции XVIII века для слова «демон» существовал аналог («бес»), Амвросий придерживается французского перевода, вслед за ним перестраивая всю фразу, идя по пути описательного перевода. Развернутые добавления с целью разъяснения туманных фрагментов текста, трансформирующие структуру высказывания, были также одной из основных черт работ «прекрасных неверных», затронувших французский и впоследствии русский переводы поэмы.

Для французского перевода характерны опущения непоэтических, согласно литературным нормам эпохи, фрагментов текста. Во французском переводе были существенно сокращены описания батальных сцен, изменены описания вооружений ангелов, напоминающих воинов, сражавшихся у стен Трои.

Влияние изящной словесности приводило к поэтическим добавлениям, где переводчик становился на одну ступень с автором, существенно дописывая текст оригинала. В следующем фрагменте из четвертой книги приводятся слова Сатаны при виде Адама и Евы:

Оригинал	<i>O Hell! what doe mine eyes with grief behold, / Into our room of bliss thus high advanc't / Creatures of other mould, earth-born perhaps, / Not Spirits, yet to heav'nly Spirits bright Little inferior</i>
Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор	O Cieux, ô Terre, ô Enfers ! Voilà donc ceux à qui l'on a destiné nos trônes? voilà les nouveaux favoris de l'Eternel! Qui sont-ils? D'un coté, j'apperçois en eux tout ce qui appartient à la matière: de l'autre, ils me paroissent peu inférieurs aux célestes substances.
Амвросий (Серебрянников)	О небеса! О земля! О адъ! Се тѣ, которымъ опредѣлены наши престолы! Се новые любимцы Превѣчнаго! Но кто же они? Съ одной стороны примѣчаю въ нихъ всѣ свойства вещественныя; с другой кажутся быти мало нижшими существъ небесныхъ.

Не все добавления были восприняты благосклонно взыскательной публикой. В начале первой книги поэт, по образцу древних авторов Гомера и Вергилия, привел обращение к музе с просьбой о вдохновении. В поэме Дж. Мильтон отождествил музу с Божественным Логосом, превратив обращение к ней в молитву.

Оригинал	Heav'nly Muse
Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор	Divin Génie, enfant du Très-Haut

Сравнение музы с дочерью Предвечного вызвало у современников Дюпре де Сен-Мора шквал критики. «Мильтон этого не писал», – говорили противники перевода. Любые изменения текста не оставались без внимания, отклонения от норм словесности и от *bon usage* вызывали недовольство.

Амвросий (Серебрянников), восхищаясь красотой поэмы, указывал на некоторые фрагменты, с которыми не мог согласиться, обвиняя Дж. Мильтона-протестанта в ереси. Амвросий писал: «...нигдѣ онъ (*Мильтон* – А.А.) не говоритъ, что міръ созданъ изъ ничего; но всегда полагаетъ нѣкоторое вещество бывшее прежде сотворенія». В философско-моральном трактате «О христианском учении» (*De Doctrina Christiana*), изложенном на латыни, Дж. Мильтон отрицает положение о том, что мир был сотворен «из ничего» (*creation ex nihilo*), называя творцом Бога (*creatio ex Deo*), «великого скульптора», который привел в порядок существовавший хаос, наделив человека, величайшую ценность, свободой в выборе судьбы.

Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор

Le ciel et la terre sortirent du **chaos**

Амвросий (Серебрянников)

Небо и земля произошли изъ **неустроеннаго смѣшенія**

Поэтический космос поэмы соответствует птолемеевской картине мира. Космическое пространство поэмы разделено на небо, царство гармонии и света, и ад, пристанище падших ангелов, между которыми располагался океан хаоса. Согласно Дж. Мильтону, хаос является лишенной благодати божественной частью, из которого Бог может сотворить что угодно. В центре мира располагалась земля, прикрепленная к небу золотой цепью. Землю окружали концентрические вращающиеся сферы, на которых размещались планеты (Меркурий, Солнце, Луну, Марс, Юпитер, Венеру и Сатурн). Над сферой неподвижных звезд, располагавшейся над Сатурном, находилась кристаллическая сфера и перводвигатель, который приводил в движение небесные сферы.

Амвросий пишет о том, что в поэме Дж. Мильтона Адам и Ева были супругами, что противоречит положениям церкви: «В 4 книгѣ вводитъ онъ бракъ въ райское мѣсто; но сіе утверждаютъ только нѣкоторые и то Жидовскіе Раввины: а церковь противное сему приѣмлетъ» [Мильтон, 1780, с. 9].

Дж. Мильтон-протестант отрицал идею нематериальности ангелов, ссылаясь на строки из псалма LXXVII «Хлеб ангельский ел человек» и фрагменты Библии, где Авраам и Лот принимали ангелов («Он сделал им угощение и испек пресные хлебы; и они ели [Быт.,

19:3]), с чем также не мог согласиться Амвросий, говоря, что Дж. Мильтон «влагаетъ въ уста Ангела разговоръ Матеріалиста».

Если основные фрагменты поэмы, заключающие основные расхождения в религиозных направлениях, Амвросий оставил без существенных изменений, что свидетельствуют о главенстве общечеловеческих ценностей, то правке подверглись некоторые «не столь приметные погрѣшности», содержащие арианскую ересь.

«Въ разсужденіи же прочихъ вольностей, – писал Амвросий, – есть ли кто захочеть судить его, тот должень помнить, что онъ стихотворецъ, а не простой повѣствователь».

В 1777 году увидел свет прозаический перевод первых трех песен поэмы, выполненный титулярным советником и придворным поэтом Екатерины II Великой В.П. Петровым с английского подлинника. Перевод первых трех песен поэмы стал отражением литературного творчества В.П. Петрова. Церковнославянские слова и обороты, архаизированная лексика, выражения, воспринимаемые современниками в качестве устаревших (напр.: «хаось станеть судить прю», «въ сердцѣ уразъ», «побѣдоносные вои»), напряженно-патетический стиль были чертами поэтических произведений поэта и нашли отражение в переводе поэмы. Приведем следующие примеры:

Амвросий но въ немъ (*Велиале – А.В.*) все было **притворно и непостоянно**
(Серебренников)

В.П. Петров но все было **ложное и тщблнстательное**

Амвросий Мы уже безвозвратно на безконечныя бѣдствія **осуждены**
(Серебренников)

В.П. Петров Мы **опредѣленны, блюдомы, назначенны на вѣчное**
страстотерпіе

Амвросий Лишенный чувствъ, плаваль **девять дней** между огненными
(Серебренников) волнами со всѣмъ своимъ **проклятымъ воинствомъ**

В.П. Петров **Девятеричное время** <...>, лежалъ онъ пораженъ во своимъ
гноснымъ сонмищемъ, вращаяся во огненномъ заливѣ

Вскоре после перевода первых трех песен эпопеи, выполненных В.П. Петровым, начинают появляться полные переводы поэмы Ф.А. Загорского и Е.П. Люценко, выполненные с английского подлинника, носившие преимущественно исправительный характер.

В следующем фрагменте из пятой книги приводится описание дерева познания добра и зла, плоды которого было запрещено вкушать прародителям, символизируя испытание человека в любви к Творцу:

Оригинал	O fair Plant, said he, with fruit surcharg'd , / Deigns none to ease thy load and taste thy sweet, / Nor God, nor Man
Николя-Франсуа Дюпре де Сен-Мор	ô belle plante, a-t-il dit, tes douseurs et tes vertus , seront-elles toujours ignorées ?
Амвросий (Серебренников)	О прекрасное насаждение! рекъ онъ, сладость твоя и сила всегда ли будетъ неизвѣстна?
Ф.А. Загорский	О прекрасное растѣніе, согбенное подь тяжестию безчисленныхъ плодовъ! рекъ онъ: уже ли никто, ни человѣкъ, ни житель небесный не соблаговолить облегчить бремя вѣтвѣй твоихъ и вкусить сладость твою?
Е.П. Люценко	О прекрасное растѣніе, изрекъ онъ, согбенное подь тяжестию плодовъ безчисленныхъ! уже ли никто, ни человѣкъ, ни житель небесный не соблаговолить облегчить бремя твоихъ вѣтвѣй и вкусить твою сладость?

Во французском переводе опущены фрагменты *with fruit surcharg'd* и *Nor God, nor Man*, что заимствует русский перевод, а также путем смыслового развития *thy sweet* заменяется на *vertus* («сила» в переводе Амвросия (Серебренникова)), что исправляется в переводах поэмы, выполненных с английского подлинника.

Переводы конца XVIII века выполнялись с небольшой разницей во времени в стремлении передать идейно-эстетическое своеобразие подлинника наилучшими средствами в эпоху становления норм русского литературного языка. Осуществление новых переводов эпопеи во времена переводческих состязаний, когда одно и то же произведение переводилось одновременно несколькими переводчиками, было связано с неудовлетворенностью существующими переводами и надеждой, что собственный перевод «божественного стихотворца» окажется лучше предшествующих. Переводы «Потерянного рая» конца XVIII носили преимущественно исправительный характер. Новые переводы очищались от смысловых искажений, язык перевода освобождался от церковнославянской и устаревшей лексики.

Список литературы:

- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 542 с.
Спор древних и новых /сост., вступ. ст. В.Я. Бахмутского. М.: Искусство, 1984. 472 с.
Мильтон Джон. Потерянный рай. Поэма героическая / переведена с французского языка Амвросием (А. Серебренниковым). Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. 455 с.
Мильтон Джон. Потерянный рай. Поэма Иоанна Мильтона / переведена с аглинского В.П. Петровым. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1777. 107 с.

Мильтон Джон. Потерянный рай / Поэма Иоанна Мильтона / переведена с аглинского подлинника Ф.А. Загорским. Т. 1-4. Москва: Тип. Селивановского, 1795. 333 с.

Мильтон Джон. Потерянный рай / Поэма Иоанна Мильтона с приобщением его же творения Возвращенный рай. Перевод с французского, исправленный по английскому подлиннику, с присовокуплением примечаний Е.П. Люценко в четырех частях. Санкт-Петербург: Типография Н. Греча, 1824.

Ablancourt N.P. Epître dédicatoire in traduction de Lucien, réédit. Actes Sud, Arles, 1988.

Ballard M. De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Lille, Presse universitaire de Lille. 1995.

Godeau A. Discours sur les œuvres de M. Malherbe. Paris, Hachette. 1862.

Magne R. Crise de la littérature française sous Louis XIV. Humanisme et nationalisme. Lille-Paris, 1976.

Malherbe F. Œuvres complètes. Paris, Hachette. 1862. 5 vol.

Méziriac C.-G. De la traduction. Paris, 1635.

Milton John. Le Paradis Perdu / édition en anglais et en français, ornée de douze Estampes imprimées en couleur d'après les Tableaux de M. Schall. Tome premier. Paris, 1792. 391 p.; Tome second. Paris, 1792. 377 p.

Telleen J.M. Milton dans la littérature française. Paris, 1904.

References:

Ablancourt N.P. Epître dédicatoire in traduction de Lucien, réédit. Actes Sud, Arles, 1988.

Ballard M. De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Lille, Presse universitaire de Lille. 1995.

Garbovskii N.K. Teoriya perevoda [The theory of translation]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 542 p. (In Russian).

Godeau A. Discours sur les œuvres de M. Malherbe. Paris, Hachette. 1862.

Magne R. Crise de la littérature française sous Louis XIV. Humanisme et nationalisme. Lille-Paris, 1976.

Malherbe F. Œuvres complètes. Paris, Hachette. 1862. 5 vol.

Méziriac C.-G. De la traduction. Paris, 1635.

Mil'ton Dzhon. Poteryannyj raj [Paradise Lost] Poema geroicheskaya / perevedena s francuzskago yazyka Amvroziem (A. Serebrennikovym). Moskva: Univ. tip., u N. Novikova, 1780. 455 p. (In Russian).

Mil'ton Dzhon. Poteryannyj raj [Paradise Lost] Poema Ioanna Mil'tona / perevedena s aglinskago V.P. Petrovym. Sankt-Peterburg: Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1777. 107 p. (In Russian).

Mil'ton Dzhon. Poteryannyj raj [Paradise Lost] / Poema Ioanna Mil'tona / perevedena s aglinskago podlinnika F.A. Zagorskim. T.1-4. Moskva: Tip. Selivanovskago, 1795. 333 p. (In Russian).

Mil'ton Dzhon. Poteryannyj raj [Paradise Lost] / Poema Ioanna Mil'tona s priobshcheniem ego zhe tvoreniya Vozvrashchennyj raj. Perevod s francuzskago, ispravlennyj po anglijskomu podlinniku, s prisovokupleniem primechanij E.P. Lyucenko v chetyrekh chastyah. Sankt-Peterburg: Tipografiya N. Grecha, 1824. (In Russian).

Milton John. Le Paradis Perdu / édition en anglais et en français, ornée de douze Estampes imprimées en couleur d'après les Tableaux de M. Schall. Tome premier. Paris, 1792. 391 p.; Tome second. Paris, 1792. 377 p.

Spor drevnih i novyh [The quarrel of the Ancients and the Moderns] / sost., vstup. st. V.Ya. Bahmutskogo. M.: Iskusstvo, 1984. 472 p. (In Russian).

Telleen J.M. Milton dans la littérature française. Paris, 1904.

Алиева Рахилия Вахидовна
Кыргызско-Узбекский международный университет имени Б. Сыдыкова
г. Ош (Киргизия)

Aliyeva Rakhilya
Kyrgyz-Uzbek B. Sydykov International University
Osh (Kyrgyzstan)

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОРТРЕТНЫХ ДЕТАЛЕЙ В ПЕРЕВЕДЕННЫЙ
ТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И
ДЕТИ» НА КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК)**

**THE PROBLEM OF TRANSFORMING PORTRAIT DETAILS INTO TRANSLATED
TEXT (BASED ON THE TRANSLATION OF I.S. TURGENEV'S NOVEL "FATHERS
AND CHILDREN" INTO KYRGYZ)**

В данной статье проведен анализ перевода на киргизский язык портретных описаний романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Объектом исследования стали эпизоды словесных описаний внешности персонажей, раскрывающих их характеры. Методом сравнительного анализа прослежена трансформация портретных описаний в текст перевода, определены способы сохранения художественного стиля Тургенева, как мастера детального портрета. Выявлены несоответствия, выбранных переводчиком лексем, с русской действительностью, отраженной в оригинале. Также определены ошибки, приводящие к искажению оригинального представления о героях, утере настоящей информации, приводящая к ложному восприятию художественного мира. Предложены возможные функциональные замены с точки зрения адекватности передачи чужого как своего. В результате анализа было определено, что переводчик, следуя манере Тургенева, раскрыл внутренний психологизм, неуловимые детали в характеристике героев, тем самым сохранив для киргизского читателя тончайшую манеру изложения Тургенева.

This article analyzes the translation into Kyrgyz of portrait descriptions of I.S. Turgenev's novel "Fathers and Children". The object of the study was episodes of verbal descriptions of the characters' appearance, revealing their characters. By the method of comparative analysis, the transformation of portrait descriptions into the translation text is traced, the ways of preserving the artistic style of Turgenev as a master of detailed portrait are determined. Inconsistencies of the lexemes chosen by the translator with the Russian reality reflected in the original are revealed. The errors leading to the distortion of the original idea of the characters, the loss of real information leading to a false perception of the artistic world are also identified; possible functional replacements are proposed from the point of view of the adequacy of the transfer of someone else's as one's own. As a result of the analysis, it was determined that the translator, following the manner of Turgenev, revealed inner psychologism, elusive details in the characteristics of the characters, thereby preserving for the Kyrgyz reader the finest manner of presentation of Turgenev.

Ключевые слова: стиль, трансформация, портрет, персонаж, психологизм, герой, манера изложения, характер.

Key words: style, transformation, portrait, character, psychology, hero, manner of presentation, character.

И.С. Тургенев, как непревзойденный мастер художественного слова, внес огромный вклад в сокровищницу русского литературного языка. Став великим романистом своей эпохи, создав новый стиль в раскрытии русского характера, он стал учителем для большой плеяды писателей реалистов не только в России, но и в западноевропейских странах, а самое главное – путеводителем для начинающих писателей стран бывшего Союза. «Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, – писал Горький, – что начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие,

веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев призывал Льва Толстого» [Горький, 1951, с. 34].

Творчество Тургенева ознаменовало собой начало развития киргизской реалистической литературы, о чем отмечали начинающие писатели Касымали Баялинов, Тугелбай Сыдыкбеков, называя себя его учениками. Постигание особого тургеневского стиля повествования, построения сюжетных линий, создания образов персонажей шло через художественный перевод.

Проследим один из интереснейших моментов трансформации портретных описаний в текст перевода и сохранения художественного стиля Тургенева, как мастера создания детального портрета. Для анализа нами выбран роман «Отцы и дети» в переводе на киргизский язык Р. Джумалиевым.

Значительную роль в романе «Отцы и дети» играет портретная характеристика героев. Тургенев – художник-портретист, он немногословно, но метко схватывает самую суть персонажа, проявляя его внутренний мир. Во внешности, в чертах лица, в одежде, манере поведения и речи героев обычно проступают особенности характеров. Обычно писатель дает детальный портрет с описанием внешности героя, его роста, глаз, лица, волос. Каждая внешняя деталь сопровождается авторскими комментариями. Обратимся к портрету Базарова: «человек высокого роста, в длинном балахоне с кистями»; «обнаженная красная рука»; «Лицо длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами, висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум» [Тургенев, 1978, с. 54].

Киргизский текст: «Көлбөөрүгөн чоң чапан кийген, узун бойлуу киши»; «кызарган колун»; «узатасынан тарткан арык, кашка мандай, бүркүт мурундуу, деңиздей көк – жашыл балбылдаган зор көздүү, кумдай куп - куба бакенбарды бар жүзү жай баракат күлкү менен жанданып, өзүнө – өзү ишенгендиктен сезими менен акылдуу кишинин келбетин туюндуруп турду» [Тургенев, 1954, с. 9], – показывает, что автору перевода удалось воссоздать краткий и емкий портрет, располагая читателя к герою.

Портрет Базарова в романе Тургенева дается нейтрально: в описании не прозвучало ни восхищения, ни неприязни. Переводчик приукрашивает данный портрет поэтичными положительными эпитетами, смягчающими первое впечатление от знакомства с героем: «кашка мандай», «бүркүтмурундуу» (орлиным носом), деңиздейкөк– жашыл балбылдаган зор көздүү» (с большими и ясными, как море сине-зелеными глазами), «акылдуу киши» (умный человек). Сравнивая глаза героя с цветом моря, переводчик сгладил не доверительное отношение киргизского читателя к зеленым глазам, присущее для

менталитета южных жителей, не привыкших к светлым, голубым глазам. Такие глаза не соотносятся с положительными героями. Описание: «Кверху плоским, книзу заостренным носом», – передано способом сужения информации, лаконичным, понятным для рецептора переводящей культуры сравнением – «бүркүтмурундуу» (орлиный нос). Несмотря на то, что «заостренный книзу» и «орлиный нос» имеют две разные формы.

Портреты героев дают читателю первое впечатление, настраивают на определенное отношение к персонажам. Ироничное описание слуги Петра, «молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками», «в котором все и бирюзовая сережка в ухе, и напوماженные разноцветные волосы, и учтивые телодвижения, словом, все изобличало человека новейшего, усовершенствованного поколения», – переводится следующими кыргызскими фразами: «ак – саргыл бетинде бир түп жүнү бар, кичинекей көздөрү түнөргөн, бети жайык жаш жигит..», «кулагындагы көк сөйкөсү, чач май менен майланган, ар түстүү чачы, элпек дене кыймылы, бир сөз менен айтканда; жаңы жетилип бүткөн муундун кишиси...» [Тургенев, 1954, с. 5].

При переводе данной портретной характеристики переводчик попытался вызвать определенное читательское отношение к неискреннему, подхалимоватому, непорядочному человеку. «Маленькими тусклыми глазенками» (кичинекей көздөрү түнөргөн), «учтивыми телодвижениями» (элпек дене кыймылы) автор положительного героя не наделил бы. В переводе допущена ошибка в передаче частей лица и его цвета. В оригинале звучит: «с беловатым пухом на лице», – в переводе: «ак – саргыл бетинде бир түп жүнү бар», что значит буквально «на бело-желтом лице имеется клок волос». Кыргызскому читателю предлагается несколько иной портрет персонажа, возможно более понятный и соотносимый с образом отрицательного персонажа в национальной художественной картине мира.

Психологический портрет героев дается И.С. Тургеневым и при помощи вещных образов. В XIII главе романа «Отцы и дети» автор описывает губернский город и его улицы, затем речь идет о домике «на московский манер», в котором проживает мадам Кукушина: «У дверей, над криво прибитою визитною карточкой, виднелась ручка колокольчика, и в передней встретила пришедших какая-то не то служанка, не то компаньонка в чепце – явные признаки прогрессивных стремлений хозяйки» [Тургенев, 1978, с. 104]. Бытовой мир хозяйки свидетельствует о ее некоторых необоснованных претензиях; авторское же замечание о «прогрессивных стремлениях хозяйки» звучит явно иронически.

К сожалению, в данном тексте переводчик не почувствовал авторскую иронию и передал его в другом ключе: «Кыйшык урук бекитилген визиттик карточканын үстү жагындагы эшиктен коңгуроонун сабы көрүндү да, киребериш бөлмөдөн келгендерди

кандайдыр бир аял, кызматчыбы же компаньонкабы, айтор, прогрессивдик умтулуштун чыныгы белгилери бар, кеп такыя кийген бир аял тосуп алды» [Тургенев, 1954, с. 76],

В оригинальном тексте «претензии» служанки Кукшиной указывали на «явные признаки прогрессивных стремлений хозяйки», в переводе те же «прогрессивные стремления» («прогрессивдик умтулуштун чыныгы белгилери») относятся к служанке. Автор использовал слово *бар*, поэтому приобретает значение: *есть у служанки* – «прогрессивдик умтулуштун белгилери бар аял» (женщина с настоящими признаками прогрессивных стремлений). Как видим, легкая ирония, существующая в оригинальном тексте, исчезла при переводе.

Явная ошибка, допущенная переводчиком в расстановке членов предложения, изменила смысл тургеневского предложения: «У дверей, над криво прибитою визитною карточкой, виднелась ручка колокольчика». В переводе Р. Джумалиева данный текст приобретает следующий вид: «Кыйшык урук бекитилген визиттик карточканын үстү жагындагы эшикте конгуроонун сабы көрүндү». В оригинале предлог «над», имеющий пространственное значение, употребляется со словом «карточкой» (над визитной карточкой). В переводе читаем: «карточканын үстү жагындагы эшикте», – что означает: дверь над визитной карточкой. В данном случае наблюдается ошибка и логического, и фактического характера.

Вещные образы-детали, являются у Тургенева яркой косвенной формой художественного психологизма. В качестве примера обратимся к характеристике Кукшиной: «Бумаги, письма, толстые номера русских журналов, большею частью неразрезанные, валялись по запыленным столам; везде белели разбросанные окурки папирос». Описав бытовой фон, Тургенев воспроизводит портрет Кукшиной: «На кожаном диване полулежала дама, еще молодая, белокурая, несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевной косынкой на голове» [Тургенев, 1978, с. 104]. Р. Джумалиеву удалось художественно передать обстановку мадам Кукшиной, ее внешность, которые помогают раскрыть перед читателем настоящий внутренний облик героини, ее псевдо ученость, фальшивые манеры современной, «передовой» женщины своего времени, наигранные привычки, амбициозность в своих необоснованных желаниях выглядеть свободной и деловой, неограниченной в своих возможностях женщиной: «Кагаздар, каттар, көбүнүн барагы кесилбеген орус журналдары столдун үстүндө чачылып жатат; ар кайсы жерде тартылган папиростун калдыктары жатат. Булгаары капталган дивандын үстүндө али жаш, ак жуумал тарткан, чачы бир аз аксайган, анчалык тыкан эмес, жибек көйнөк кийген, кыска колдоруна

ири браслеттер салып, кыжыма кичине жоолук салынган аял жамбаштап отуруптур» [Тургенев, 1954, с. 76].

Надо отметить, что переводчик обращается осторожно именно с теми прилагательными, которые у Тургенева усиливают негативное отношение к героине. Например, прилагательное *бир аз аксайган*, имеющее признак по качеству с полным правом указывающее на беспорядок во внешности героини, в переводе немного ослаблено.

Переводчик справился с описанием вещных образов, создающих ироничность, высвечивающих несоответствие амбиций и возможностей: «*крупные браслеты на коротеньких руках*» / «*кыска колдоруна ири браслеттер*».

Остановимся еще на одной детали: «*кружевная косынка*» передана как «*кыжыма*» (*плющевое, бархатное*). Уместнее было бы перевести как «*тор*» или «*токулма*». Не передана семантическая структура косынки, исполненной в виде узорной плетеной сетчатой ткани.

Ирония и сатира играют значительную роль в художественном мире романа «Отцы и дети». Меткую оценку таким героям романа, как Кукшина дает на страницах «Современника» Салтыков-Щедрин, назвав их «подражателями»: «с ухарскою развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением, и, схватив одни наружные признаки этого дела, совершенно искренно исповедуют, что в них-то вся и сила [Тургенев, 1978, с. 234], К приему сатирического портрета автор прибегает в раскрытии образа Ситникова: «Тревожное и тупое выражение сказывалось в маленьких, впрочем, приятных чертах его примазанного лица; небольшие, словно вдавленные глаза глядели пристально и беспокойно, и смеялся он беспокойно: каким-то коротким, деревянным смехом» [Тургенев, 1978, с. 102].

Данный портрет дословно и конкретно переведен, сохранены эпитеты и признаки, черты внешности героя: «Анын кичинекей, ошенткени менен, ырайымду ужылмайган жүзүнөн кандайдыр бир тынчсыздык менен келесоолуктун жышааны сезилип турат; ичине батыш кеткен, үнүрөйгөн кичинекей көздөрү тигиле жана ойноктоп кароодо болду, өзү да кандайдыр бир кескин, тыкылдаган жыгачтын өнүнө окшош үнү менен тынчы кете күлдү» [Тургенев, 1954, с. 74].

В ином ракурсе высвечиваются положительные образы. В данном аспекте заслуживает внимания образ Фенечки: «Это была женщина лет двадцати трех, вся беленькая и мягкая, с темными волосами и глазами, с красными, детски-пухлявыми губками и нежными ручками. На ней было опрятное ситцевое платье, голубая новая косынка легко лежала на ее круглых плечах» [Тургенев, 1978, с. 102].

В переводном тексте: «Бул жыйырма үч жаштар чамасындагы, кебездей ап-аппак мамыктай жумшак денеси, чачы менен көзү кап-кара, баланын эрдиндей кып-кызыл калын эриндүү, колдору назик жаш аял эле. Кийгени өзүнө тыкан, татынакай чыт көйнөк; жап-жаңы көгүлтүр жоолук анын сымбаттуу ийнине барып оролуп турат» – переводчик не только сохранил нежность, доброту в детальной обрисовке портрета, но и усилил их путем добавления сравнений: «кебездей ап-аппак мамыктай жумшак денеси», «баланын эрдиндей кып-кызыл калын эриндүү»; специальных прилагательных, усиливающих признаки предметов: *ап-аппак, кап-кара, кып-кызыл, жап-жаңы, (очень белое, черное, красное)*.

Как и в случае с Базаровым, автор перевода понял особое отношение Тургенева к образу Фенечки и сумел передать его в киргизском тексте, перенеся в него и любование автора, и сочувствие, и сопереживание. Естественность, отсутствие жеманности и попыток строить из себя барыню, достойные манеры благовоспитанной и милой женщины представлены вниманию читателей при помощи слов из обихода народной лексики, фольклора. Пожалуй, в романе большего права называться «тургеневской женщиной» заслуживает именно Фенечка – чистая, добрая душа.

Базарову, который скептически и предвзято, с недоверием относится к окружающим, Фенечка понравилась: «Даже лицо его изменилось, когда он с ней разговаривал. Оно принимало выражение ясное, почти доброе, и к обычной его небрежности, примешивалась какая-то шутливая внимательность» [Тургенев, 1978, с. 173]. Р. Джумалиев передает это отношение: «Бул аял менен сүйлөшкөн кезде анын жүзү да өзгөрүлүп кетүүчү; жүзү ачык, ырайымдуу калыпка кирип, анын демейдеги олдоксондугуна кандайдыр бир тамашакөй кылдаттыктын белгиси кошулуучу» [Тургенев, 1954, с. 175].

При переводе достаточно сложно передаются метафоры и сравнения, в том числе и тогда, когда это касается портретных характеристик.

На основе сравнений вычерчивается портрет Павла Петровича Кирсанова: «На вид ему было лет сорок пять, его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные продолговатые глаза» [Тургенев, 1978, с. 61].

В киргизском тексте: «Өңүнө караганда анны кырк жашта дей тургандай, кыскартаалдырылган буурул аралаш кап-кара чачтары күнгө чагылышкан күмүшкө окшоп жалт-жулт этип турду; жүзү кекээрдүү болгону менен, абдан кылдат оюмчул киши оюп жасагандай укмуштуу түрдө көрктүү жана тап-таза болуп жылмайып, барып турган сулуулуктун элесин берет; анын узатасынан кеткен жоодураган кап-кара көздөрү көрктүү эле», – допущены ошибки фактологического характера. «Ему было лет сорок пять», –

переведено как «ан ыкырк жашта дей тургандай» (ему можно было дать лет сорок). Следующее несоответствие, искажающее представление читателя о внешности героя – «седые волосы отливали темным блеском», – переиграно в «буурул аралаш кап-кара чачтары» (черные волосы с проседью). В оригинале у героя седые волосы, а в переводе – черные, при этом используется прилагательное *кап-кара*, усиливающее признак – очень черные.

Развернутое сравнение «словно выведенное тонким легким резцом» в переводе приобретает другое значение. В оригинале используется слово *резец*, в значении – «инструмент для резки, а также режущая часть орудия», которым как будто было «выведено лицо Павла Петровича». В переводе: «оюмчул киши оюп жасагандай», – приобретается иное значение: как будто вырезано человеком-резчиком. Таким образом, в оригинале говорится об инструменте, в переводе – о человеке, обладающим определенным ремеслом.

Таким образом, перевод Р. Джумалиева явился свидетельством стадийного развития киргизской национальной культуры, литературы и переводоведения в середине XX века. Переводчик постарался поработать с основными значимыми реалиями, воспроизвел в киргизском дискурсе национально-культурную и общественную жизнь России XIX века, сохранив и передав идейно-эстетическое значение романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» для киргизского читателя.

Список литературы:

- Горький М. О языке. Собр. Соч. в 30-ти т., т. 27. М., 1951.
Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. Изд. Москов. Университета, 1987.
Тургенев И.С. Отцы и дети: Роман. Статья Д.И. Писарева. М.: Дет. Лит., 1978.
Тургенев И.С. Аталар жана балдар. Перевод Р. Джумалиева. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1954.

References:

- Gorky M. O yazyke [About the language]. Sobr. Soch. in 30 vol., vol. 27. M., 1951. (In Russian).
Pustovoit P.G. I.S. Turgenev – khudozhnik slova [I.S. Turgenev – the artist of the word]. Izd. Moskov. Universiteta, 1987. (In Russian).
Turgenev I.S. Ottsy i deti: Roman [Fathers and Children: A Novel]. Stat'ya D.I. Pisareva. M.: Det. Lit., 1978. (In Russian).
Turgenev I.S. Atalar zhana baldar [Fathers and children]. Translated by R. Dzhumaliev. Frunze: Kyrgyzmambas, 1954. (In Kyrgyz).

Артемяева Юлия Вячеславовна
Академия гражданской защиты МЧС России
г. Химки (Россия)

Мелькаева Раиса Владимировна
Тверской государственной университет
г. Тверь (Россия)

Artemyeva Julia
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
Khimki (Russia)

Melkaeva Raisa
Tver State University
Tver (Russia)

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ КАК ПРИЕМ ПЕРЕВОДА

LINGUO CREATIVITY AS A WAY OF TRANSLATION

Статья является результатом исследований речевого творчества как одного из приемов перевода. Рассмотрение и изучение художественного перевода одних и тех же текстов разными известными переводчиками и неподготовленными людьми показали зависимость качества перевода не только от подготовленности человека, берущегося за перевод, но, в первую очередь, от ментального состояния переводчика. Так, проведенная сравнительная характеристика переводов студентов вузов лингвистических факультетов и неязыковых факультетов дала возможность определить как полноценный перевод у почти половины студентов, изучающих иностранные языки как специальность и только у четверти от общего количества у остальных студентов. Однако удачные, интересные с точки зрения поиска подходящих эквивалентов при переводе в процентном отношении результаты у обеих исследуемых групп были приблизительно одинаковы. Сделанные перед заданием тесты на ассоциации (ассоциативные тесты) продемонстрировали те же соотношения. Таким образом, общая характеристика языковой личности переводчика имеет решающее влияние на качество перевода.

The article is the result of research into speech creativity as one of the translation techniques. Consideration and study of the literary translation of the same texts by different well-known translators and unprepared people showed the dependence of the quality of translation not only on the preparedness of the person who undertakes the translation, but, first of all, on the mental state of the translator. Thus, a comparative analysis of the translations of university students of linguistic faculties and non-linguistic faculties made it possible to define as a full-fledged translation almost half of the students studying foreign languages as a specialty and only a quarter of the total number of other students. However, successful, interesting from the point of view of finding suitable equivalents in translation, in percentage terms, the results for both studied groups were approximately the same. Tests for associations made before the task (association tests) showed the same correlations. Thus, the general characteristic of the translator's linguistic personality has a decisive influence on the quality of the translation.

Ключевые слова: лингвокреативность, перевод, вариативный цифровой переводчик, индивидуальная защита психики, художественный перевод.

Key words: linguistic creativity, translation, variable digital translator, mental individual protection, fiction translation.

Мысль изреченная есть ложь
Silentium! Ф.И. Тютчев, 1830

Роль переводчиков в последнее время заметно уменьшилась. Речь идет о людях, чья профессиональная деятельность связана с кодированием и декодированием языка, передачей текста оригинала средствами другого языка. Это связано, в первую очередь, с

развитием так называемого машинного перевода. Действительно ли время маститых переводчиков и простых толмачей, вносящих неоценимый вклад в развитие литературных языков многочисленных народов и племен, безвозвратно ушло в небытие?

Об унификации переводческой деятельности человечество задумывалось издревле, с момента покорения иноплеменных народов. Конечно, не в той мере, в какой это представляется сегодня или даже в первой половине XX века, когда в 1933 году был запатентован первый в своем роде аппарат, прибор, машина для подбора и печатания слов на четырех языках, автором которой был Петр Петрович Смирнов-Троянский, один из пионеров автоматизированного перевода.

Желание людей тратить меньше усилий и времени на процесс перевода с одного языка на другой подталкивало человечество к поискам возможностей сделать это и неотвратимо приближает тот момент, когда особой надобности в переводчиках не станет.

Изучение функционирования мозга человека и механизмов его деятельности, связанной с речепроизводством, мышлением, привело к возникновению прикладных наук, осуществляющих алгоритмизацию процессов порождения речи. Бурное развитие цифровых технологий дало начало интегративным процессам между физиологией и цифровизацией. Сегодня уже никого не удивляет возможность использования *вариативных цифровых переводчиков*. Однако всеобщая цифровизация, всех сфер жизнедеятельности человека, приводит к обратным от развития общества результатам. Вместо развития личности налицо ее деградация. Наука и образование проигрывают в сфере гуманизации социума, развития психологической и физиологической устойчивости индивидуума. Новые поколения, выросшие в отрыве от реальных событий и погруженные в виртуальный мир интернета и видеоигр, симуляторов, теряются в обычной жизни, не испытывая к ней интерес, полностью уходят в мир, оторванный от действительности. Картина мира новых поколений, как и языковая картина мира, лишены *индивидуальной защиты психики*, которая присутствует у тех, кто рос без «цифры». Индивидуальная защита каждого человека глубоко уходит в онтогенез речи (логогенез). Поэтому, чем раньше родитель дает ребенку «цифровой источник речи» (любое устройство), тем слабее в дальнейшем у этих людей сформирована собственная языковая картина мира и тем меньше у них возможности полностью социализироваться. Отрыв (отказ) от естественного, не виртуального, опосредованного общения приводит к потере навыков развитой речи, так как только в естественном общении человек развивает собственное мышление и речь, а также генерирует идеи и создает свою моральную шкалу ценностей. Среди детей довольно показательное различие в овладении речью, в данном случае влияние родителей выступает в гораздо меньшей степени, в большей – те виртуальные подкасты, на основе которых при

неоднократном просмотре строится языковая картина мира ребенка. Поэтому, к сожалению, речь современного ребенка, воспитанного «на цифре», точно так же «запрограммирована» и не является живой и креативной, хотя именно детям свойственна, например, грамматическая креативность, речетворчество, основанное на преломлении полученных знаний о языке в собственном сознании.

В последнее время термин «креативность» приобрел большую популярность. Мы все чаще встречаем такие словосочетания как «креативный менеджер», «креативный писатель», «креативный переводчик» и т.д. Проблема креативности была предметом изучения для многих исследователей (В. Гумбольдт, Дж. Гилфорд, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Е. Торранс и др.). Креативность (от англ. «create» – «творить») – это способ решения задач, заключающийся в неординарности, создании чего-то нового, несуществующего прежде. Креативность является инструментом решения профессиональных задач, включая и переводческие.

В первую очередь, креативность связана с индивидуальностью переводчика и зависит от его жизненного опыта и профессиональной компетенции. В этом смысле креативность понимается как применение разнообразных возможностей и знаний из накопленного профессионального опыта, создание нового, что может по достоинству оценить получатель сообщения. В процессе развития переводоведения понятие «креативность» подвергалось переосмыслению. Изначально, креативность была равнозначна с передачей смысла единиц перевода. Сегодня понимание близко к изобретательности и непредсказуемости [Бялэк, 2022, с. 2].

Переводческая креативность – это способность субъекта перевода к деавтоматизированному принятию разумных сингулярных решений посредством актуализации нестандартной когнитивной проекции [Колмогорова, Чистова, 2020, с. 67]. Креативность, как основа творческого начала, реализованная средствами языка, называется лингвистическая креативность. В фокусе нашего исследования находится изучение лингвокреативности в переводе (на материале художественного перевода).

Каждый вид перевода имеет свои особенности, которые необходимо учитывать. Так, художественный перевод является одним из самых сложных, поскольку писатели используют творческие способности, наполняют свои произведения выразительными средствами с целью воздействия на читателя. Поэтому при передаче на ПЯ переводчик должен творчески подойти к данному процессу, сохранить смысл и эмоциональную окраску. Ему необходимо чувствовать и понимать культуру другой страны, ее менталитет и моральные ценности, а также донести скрытые смыслы произведения. Перевод будет адекватным и полноценным в том случае, если переводчик смог передать не только то, что

выражено в подлиннике, но и как выражено. Согласно Н.Л. Галеевой, причиной переводческих неудач является именно непонимание текста оригинала. Переводчик может справиться с языковыми трудностями и создать грамматически и стилистически правильный текст, но при этом снять сложные обороты и некоторую стилистическую неправильность оригинала [Галеева, 2002, с. 123].

По Я.И. Рецкеру: «... в процессе перевода выстраиваются 3 категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого; 2) вариантные и контекстуальные соответствия; 3) все виды переводческих трансформаций». К переводческим трансформациям Я.И. Рецкер относит лексические и грамматические трансформации (дифференциация, генерализация, конкретизация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь) [Рецкер, 2016, с. 19].

В качестве примера был выбран роман Э. Сигала «Love Story» и перевод Л. Алексеевой, Ю. Полякова (1990 г.), который является официальным, а также переводы Н. Захаровой (1999 г.), А. Смирнова, Г. Смирновой (2015 г.), И. Загородней (2019 г.). Данный роман был выбран на основании того, что в нем достаточно много сленга, который представляет интерес с точки зрения перевода и является образцом лингвокреативности.

Проблема перевода сленга остается актуальной лингвистической проблемой, т.к. данные единицы во многих случаях относятся к безэквивалентной лексике. При переводе сленга существует 2 основных приема: 1) прямой или буквальный перевод – перевод осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передач неизменного плана содержания [Рецкер, 2016, с. 34]; 2) не прямой (перевод с помощью переводческих трансформаций).

Для оценки перевода выделяют следующие критерии: 1) правильность перевода идиом, фразеологизмов, сленга; 2) наличие ошибок, искажающих смысл; 3) отсутствие грамматических ошибок; 4) соответствие синтаксиса правилам языка [Башмакова, 2018, с. 24]. Однако, главными критериями оценки перевода являются адекватность и эквивалентность.

Роман «Love story» – это история о любви. Познакомившись в студенческой библиотеке, главные герои влюбляются друг в друга и преодолевают любые испытания. Оливер роддом из богатой семьи, студент Гарварда, имеет взрывной характер, но его воспитание не позволяет использовать в речи бранную лексику. Дженнифер роддом из бедной семьи, студентка музыкального колледжа. Речь Дженни полна сленгизмов и бранной лексики. В своем романе Э. Сигал с помощью диалогов тонко раскрыл своих персонажей: их внешность и манеру общения, что необходимо передать при переводе.

Однако, в переводе Л. Алексеевой и Ю. Полякова та интонация, которая присутствовала в тексте оригинала была потеряна. Оценивая данный перевод, мы не можем сказать, что он является адекватным и полноценным.

Во-первых, в переводе были пропущены целые абзацы, которые включали важную информацию.

Во-вторых, присутствуют искажения смысла переводческих единиц: «As I stood up to look further, I was informed that my two-minute sentence was up» – «Я встал, чтобы *лучше видеть игру*, и в эту минуту сообщили, что мое штрафное время истекло». Мы считаем, что в данном предложении автор хотел показать, что Дженнифер небезразлична к Оливеру. После ссоры с девушкой Оливер хотел увидеть ее среди толпы болельщиков, понять, что она не обиделась на него. И этому подтверждение в переводе И. Загородней: «К тому времени, как я повернулся, она уже ушла. Я встал, чтобы *посмотреть дальше*, и тут мне сообщили, что мое двухминутное штрафное время истекло». Искажение смысла мы наблюдаем и в следующем предложении: «Jenny, if you're so convinced I'm a loser, why did you *bulldoze me* into buying you coffee?» – «Дженни, если я, по-твоему, *законченный дебил*, то тогда зачем ты *потащила* со мной пить кофе?» В Cambridge Dictionary мы нашли данное слово, которое имеет следующие значения: 1) проигравший; 2) неудачник. В переводе И. Загородней переведено следующим образом: «Дженни, если уж ты убеждена в том, то я *неудачник*, зачем же ты *вынудила* меня угостить тебя кофе?» Также в переводе Л. Алексеевой и Ю. Полякова встречается искажение сленга. После признания Оливера в любви, Дженнифер явно сомневалась в этом: «... I would say...you were *full of shit*». – «Я бы ответила... что ты *мешок с дерьмом*». Мы считаем, что выражение «мешок с дерьмом» в данном случае неуместно, поскольку имеет отрицательную коннотацию. В переводе А. Смирнова, Г. Смирновой выражено это следующим образом: «Я бы ответила... Что ты жуткое *трепло*». Мы видим, что переводчики сохранили смысл и молодежный сленг. Рассмотрим еще один неудачный перевод сленга: «So his *not-so-great grandson* would be sure to get in!» – «Для того, чтобы его *занюханного правнука* наверняка приняли в Гарвард». Мы считаем, что данный перевод не совсем адекватный. Переводчикам необходимо было опустить «*not-so-great grandson*», как это сделала в своем переводе Н. Захарова: «Чтобы у его *правнука* не было проблем с поступлением?».

В-третьих, в своем переводе Л. Алексеева и Ю. Поляков часто прибегают к буквальному переводу и транскрибированию, где можно было перевести иначе. Например, сленгизм «*Preppie*» был переведен при помощи транскрибирования (с пометкой значения): «Woudja please watch your profanity, *Preppie?*» – «Будь любезен, выбирай выражения, *Преппи*». Мы посмотрели перевод сленгизма в Новом большом англо-русском словаре:

prerpie – учащийся или выпускник частной средней школы (обычно из состоятельной семьи). Полагаем, что в русском языке эквивалентом к данному сленгу будет «мажор». В Толковом словаре «мажор» обозначает молодого человека (независимо от пола), являющегося представителем «золотой молодежи». Чтобы удостовериться, подойдет ли наш перевод, мы посмотрели происхождение сленга, где убедились, что в 70–80-х годах так называли детей состоятельных родителей. Еще один пример неудачного транскрибирования проявляется в переводе И. Загородней: «No, but if we stay home this weekend I might be». – «Нет, но если мы останемся в этот уик-энд дома, у меня есть шансы». В данном случае слово «weekend» можно было бы перевести как «выходные», без ущерба смысла: «Нет, но если мы останемся дома в выходные, я могу ею стать» (перевод А. Смирнова, Г. Смирновой).

В-четвертых, переводчики Л. Алексеева и Ю. Поляков достаточно часто употребляют прием компенсации, однако, в некоторых местах использовать его неуместно. Например, при описании девушек, перевод может показаться грубым и резать слух: «One a tall-tennis-anyone type, the other a bespectacled mouse type». – «Одна из них – здоровенное теннисное нечто, а вторая – из породы очкастых мышей». Перевод Н. Захаровой звучит естественнее: «Одна высокая, на вид заядлая теннисистка, а другая очкастая мышка».

Еще одной ошибкой при переводе является нарушение сочетаемости слов: «I mean, we were all smashed». – «По-моему, все напились всмятку». В русском языке существует устойчивое словосочетание «быть пьяным в стельку или вдрызг». В данном случае перевод «напиться всмятку» будет неуместным. Таким примером служит и перевод сленга: «you're gonna flunk out» – «ты завалишься на экзамене». В русском языке существует эквивалент «завалить экзамен». Аналогично, перевод будет звучать как: «ты завалишь экзамен».

В тексте оригинала мы встречаем реалии, которые относятся к безэквивалентной лексике. Реалии – это «предметы материальной культуры». При переводе реалий возникают некоторые трудности, обусловленные: 1) отсутствием в языке эквивалента; 2) необходимостью передачи национальной и исторической окраски.

С.И. Влахов, С.П. Флорин выделяют следующие способы перевода реалий: транскрипция/транслитерация, полукалька/калька, создание семантического неологизма, а так же виды перевода (описательный, контекстуальный, уподобляющий), замена реалий ИЯ на реалию ПЯ [Влахов, Флорин, 2009, с. 89]⁵.

Одной из реалий в тексте является американская система оценок: «I got an A minus on the exam...» – «Я получил А с минусом.». Поскольку в России существует своя шкала

⁵ Цит. по Артемьева Ю.В., Явари Ю.В. Перевод реалий в произведениях кинематографа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 101–109.

оценок, из перевода Л. Алексеевой и Ю. Полякова мы не совсем понимаем о какой оценке идет речь. В данном случае русскому читателю будет понятен перевод А. Смирнова, Г. Смирновой: «Я получил на экзамене *пятерку с минусом*».

Таким образом, сопоставляя переводы и текст оригинала мы проанализировали степень адекватности и полноценности. Привели наиболее встречающиеся ошибки при переводе, которые заключались в нарушении узуса русского языка и искажении смысла. Что касается переводов, на наш взгляд перевод А. Смирнова и Г. Смирновой является наиболее удачным, поскольку приближен к оригиналу. Перевод И. Загородней можно также отнести к эквивалентному, т.к. в нем сохранена структура и образы. В представленных переводах переводчики находили эквиваленты согласно стилю, соблюли особенности текста, не исказили смысл единиц перевода, а также «уходили в затекст» с наименьшими потерями. Мы можем сказать, что А. Смирнов, Г. Смирнова и И. Загородняя полностью сохранили манеру письма Э. Сигала. Однако, стоит сказать, что несмотря на удачные и неудачные версии перевода, каждая из них интересна тем, что существует как одна из интерпретаций.

В заключении необходимо отметить, что перевод художественного произведения является сложнейшей задачей и для того, чтобы ее решить – необходимо знать переводческие приемы. Каждый переводчик применял свои переводческие трансформации. Большую роль в тексте играют реалии, перевод которых осложняется отсутствием эквивалента. Даже будучи талантливым переводчиком, не всегда удастся перевести правильно. Кроме того, при переводе важно сохранить не только смысл содержания, но и сохранить авторский стиль, поэтому переводчики должны творчески проявлять себя в процессе перевода. Кроме того, основным моментом при переводе как креативном процессе являются знания и профессиональная компетентность переводчика.

Список литературы:

- Артемяева Ю.В., Явари Ю.В.* Перевод реалий в произведениях кинематографа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 101–109.
- Башмакова И.С.* Современные технологии оценки качества перевода текста в высшей школе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. 2018. № 2. С. 21–30.
- Бялэк Е.* Несколько слов о креативности в переводе [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: <https://institutperegoda.ru/upfiles/phpjmScQX.pdf>
- Галева Н.Л.* Достоверность интерпретации художественного текста как предпосылка его понимания // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 120–126.
- Колмогорова А.В., Чистова Е.В.* Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19, № 3. С. 59–71.

Критерии оценки качества перевода [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: <http://www.neotech.ru/articles/kriterii-ocenki-kachestvaperevoda.html>

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. 564 с.

Оценка качества и языковой сложности перевода [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: <http://yazykoznanie.ru/content/view/29/217/>

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и комм. Д.И. Ермоловича. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аудитория, 2016. 244 с.

Тютчев Ф.И. Silentium! [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/45928/silentium>

References:

Artem'eva Yu.V., Yavari Yu.V. Perevod realii v proizvedeniyakh kinematografa [Translation of realities in the works of cinema] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2018. № 1. P. 101–109. (In Russian).

Bashmakova I.S. Sovremennye tehnologii ocenki kachestva perevoda teksta v vysshey shkole [Modern technologies for assessing the quality of text translation in higher education]. Seriya: Pedagogicheskie nauki. 2018. № 2. P. 21–30. (In Russian).

Byalek E. Neskolko slov o kreativnosti v perevode [A few words about creativity in translation] [Electronic resource]. 2022. – Available at: <https://institutperevoda.ru/upfiles/phpjmScQX.pdf> (In Russian).

Galeeva N.L. Dostovernost' interpretatsii khudozhestvennogo teksta kak predposylka ego ponimaniya [Reliability of the interpretation of a literary text as a prerequisite for its understanding] // Slovo i tekst: Aktual'nye problemy psikholingvistiki. Tver': Tver. gos. un-t, 2002. P. 120–126. (In Russian).

Kolmogorova A.V., Chistova E.V. Kognitivnyi mekhanizm porozhdeniya kreativnykh reshenii v perevodcheskoi deyatel'nosti [Cognitive mechanism for generating creative solutions in translation activities] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. 2020. T. 19, № 3. P. 59–71. (In Russian).

Kriterii otsenki kachestva perevoda [Criteria for assessing the quality of translation] [Electronic resource]. 2013. – Available at: <http://www.neotech.ru/articles/kriterii-ocenki-kachestvaperevoda.html> (In Russian).

Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya [Linguistic Creativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities: Collective Monograph] / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. 564 p. (In Russian).

Otsenka kachestva i yazykovo slozhnosti perevoda [Assessment of the quality and language complexity of translation] [Electronic resource]. 2013. – Available at: <http://yazykoznanie.ru/content/view/29/217/> (In Russian).

Retsker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation] / Доп. i komm. D. I. Ermolovicha. 5-е изд., ispr. i dop. М.: Аудитория, 2016. 244 p. (In Russian).

Tyutchev F.I. Silentium! [Electronic resource]. 2022. – Available at: <https://www.culture.ru/poems/45928/silentium> (In Russian).

Аушева Хава Увайсовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Ausheva Khava
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ КОРАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

HISTORY OF TRANSLATIONS OF THE QUR'AN INTO RUSSIAN

В статье объясняются причины увеличения интереса исследователей и переводчиков к тексту Корана. Показано, что Коран – это священная книга мусульман, абсолютно достоверная для них, Божье слово, в нем отражены разные исторические этапы развития народов Аравийского полуострова и все стороны жизни аравийского народа. Выделяются особенности и трудности перевода религиозной литературы и, в частности, Корана, так как перед переводчиком стоит задача передать идейно-смысловое содержание священного текста, стилистические фигуры, фразеологию, многозначные слова, имена собственные, термины, ритмизованную форму стихов и многое другое. Поэтапно рассматриваются переводы Корана, выполненные на русском языке, начиная с XVII века. Установлено, что перевести Коран с арабского языка на русский в петровское время не удалось, более успешными были попытки перевода с французского текста Дю Риэ. Рассматривается период XVIII–XIX вв., когда в России появились переводы Корана, выполненные с французского и английского языков. Особое внимание уделяется современным переводам Корана, в частности переводу Ю.И. Крачковского как наиболее научного, переводам В. Пороховой и М.-Н.О. Османова.

The article explains the reasons for the growing interest of researchers and translators in the text of the Qur'an. It is known that the Qur'an is a holy book of Muslims, absolutely reliable for them, Word of God, it reflects different historical stages in the development of the peoples of the Arabian Peninsula and all aspects of their life. The features and difficulties of translating religious literature and the Qur'an in particular are noted, since the translator is faced with the task of conveying the ideological and semantic content of the holy text, stylistic devices, phraseology, polysemantic words, proper names, terms, rhythmic form of verses, etc. The translations of the Qur'an made in Russian since the XVII century are observed step by step. It is generally agreed that no translation of the Qur'an from Arabic into Russian in Peter the Great time was possible, more successful were the attempts to translate from the French text by André Du Ryer. The period of the XVIII–XIX centuries, when translations of the Qur'an from the French and English languages appeared in Russia, is under discussion. Particular attention is given to modern translations of the Qur'an, in particular to the translation by Y.I. Krachkovsky as the most scientific, to the translations by V. Porokhova and M.-N.O. Osmanov.

Ключевые слова: Коран, Священное писание, арабский язык, религиозный текст, толкование, перевод, ислам.

Key words: Qur'an, Holy Scriptures, Arab language, religious text, interpretation, translation, Islam.

Интерес переводчиков и исследователей перевода к тексту Корана, в первую очередь, связан с уникальностью языка и слога Священного Писания мусульман и возвышенностью его стиля. Кроме того, это глубоко философский свод нравственных, религиозных, политических, юридических норм. Коран повлиял на развитие арабской литературы и предназначался арабам, которые знали арабский язык в совершенстве и могли оценить откровения Пророка, написанные великолепным, ритмизованным, прекрасным и совершенным языковым стилем.

Другими словами, это уникальный художественный и религиозный памятник арабской культуры. Именно этот факт обуславливает переводческие трудности: с одной стороны, переводчику необходимо передать содержание текста Корана, его основные идеологические и религиозные положения, а с другой – выразить его в художественной форме, максимально приближенной к стилю и языку оригинала, с тем чтобы перевод Священного Писания оказал то же прагматическое воздействие на получателей перевода, что и сам Коран – на мусульман.

Во-вторых, переводчик Корана должен не просто знать арабский язык в совершенстве, но и быть знакомым с историей возникновения и развития ислама, исламской культуры, арабской поэзией, историческими условиями создания Корана и др. Перевод Корана должен также осуществляться с опорой на тафсиры. Таким образом, дословный, механический перевод Священного Писания абсолютно недопустим.

В-третьих, актуальность исследования обусловлена ростом переводов Корана на разные языки мира. Ежегодно появляются новые переводы, требующие смыслового и языкового анализа. Увеличение количества переводов свидетельствует о том, что интерес к содержанию Корана и мусульманской религии постоянно растет. Переводы Корана позволяют познакомить представителей других религий с исламом, исламской культурой. Они также представляют большой интерес для лингвистов, филологов, культурологов, исламоведов и др. В связи с этим данное исследование, как и другие работы по истории перевода, актуально, поскольку, как отмечает в своей книге Н.К. Гарбовский, «для того чтобы освоить все тонкости непростого переводческого дела, стать настоящим мастером, необходимо прежде всего познакомиться с тем, что делали предшественники» [Гарбовский, 2007, с. 13].

Наконец, ни один из ныне существующих переводов Корана до сих пор не признан «универсальным». Более того, некоторые переводы были запрещены для публикации.

Коран (араб. «чтение вслух, речитатив, декламация») – главная священная книга мусульман, в которой зафиксированы проповеди пророка Мухаммада, произнесенные в форме «божественных откровений». Пророк Мухаммад – историческая личность, деятельность которого приходится на первую половину VII века. Он стал создателем третьей по времени появления мировой религии – ислама, которая по численности верующих занимает второе место после христианства. Мухаммад принадлежал к обедневшему роду племени курейшитов (курайшитов), начал проповедовать новую религию в Мекке. Однако в Мекке, где находилось общерабское святилище Кааба, он не имел большого успеха, поэтому переселился в Ясриб, который позже был назван Мединой

(аль-Мадиной), то есть городом пророка, где и оставался до конца жизни [Васильев, 2016, с. 108–112].

Коран Мухаммад получил, как верят мусульмане, непосредственно от ангела Джабраила, или Джibriла, (Гавриила), в ночь предопределения Лайлат-аль-кадр (в другом произношении – Лайлат-уль-кадр, или Ляйлат-уль кадр). Лайлат-аль-кадр до сих пор почитается мусульманами как большой праздник в священном месяце Рамадан. Как считают верующие мусульмане, откровение было дано Мухаммаду в пещере Хира, находившейся недалеко от Мекки [Яблоков, 2015, с. 537].

По исламской традиции Коран представляет собой слово Аллаха. Это копия своего рода «первокниги», хранящейся на небесах и записанной на небесной скрижали. Откровения, полученные от Джабраила, Мухаммад распространял при помощи проповеди. Как уже говорилось, отдельные записи Корана на разных материалах имелись, однако в основном при жизни Мухаммада текст священной книги распространялся изустно.

Особенную сложность в переводческой деятельности представляет перевод религиозных текстов. Такой перевод не сводится к передаче смысла, выраженного словами, хотя и здесь есть свои существенные сложности при переводе отдельных терминов, связанных непосредственно с догматикой или культом определенной религии. Священные писания на протяжении всей истории перевода имеют важное значение. Разграничение между литературой светской и религиозной прослеживается во всех периодах, при этом перевод религиозной литературы существенно преобладает [Гарбовский, 2007, с. 41].

Существует множество разных школ и концепций, связанных с религиозным переводом, но дискуссия о методах перевода, его тождественности или адекватности и даже о целесообразности перевода целиком священных текстов не утихает до сих пор, хотя самому первому переводу христианских текстов, по меньшей мере, около двух тысяч лет.

Таким образом, перевод религиозных текстов – трудный и многосложный процесс, что ясно видно на попытках перевода священных мусульманских текстов. Самое важное при переводе религиозных текстов – сохранение оригинального смысла, точность передачи элементов иной религиозной культуры. Ни на один язык мира религиозные тексты, особенно такие как Коран или Библия, не могут быть переведены механически, дословно.

При переводе Корана, и это отмечают многие коранисты и переводчики, важным является передать смыслы коранических слов и фраз, а не их дословное значение. Так, первый переводчик Корана, исповедующий ислам, И.В. Порохова пишет: «Перевод Писания – это не только и не столько перевод на другой язык словарно-языковых единиц в их грамматическом оформлении, сколько передача смысла Слова» [Порохова, 1997, с. 15].

В тексте Корана встречаются термины, обозначающие понятия, характерные только для ислама («джихад», «намаз», «закат» и др.). Стоит отметить, что арабский язык внес свой вклад в обогащение русского языка. Помимо общеизвестных арабизмов, которые часто встречаются в науке («алгебра», «алгоритм» и тд.) и других областях, в русский язык пришел ряд слов из Корана. Наличие арабизмов и экзотизмов («хадж», «шариат», «Рамадан» и др.) обусловлено отсутствием в русском языке средств номинации многих понятий. Необходимость сохранить точный смысл определённых слов из Корана является одной из причин наличия арабских заимствований в русском языке.

Передача подобных арабизмов на другие языки связана с рядом трудностей. Например, русское слово «молитва» по своему значению не совпадает со значением арабского «ас-саят». Слово «молитва» несет в себе значение обращения к Богу, определенный текст или просьба к святым. Данным словом можно перевести два разных арабских слова «дуа» и «ас-саят». Однако они несут разное значение. «Ас-саят» или «намаз» – молитва, состоящая из определенных действий с использованием стихов Корана, выполняемая пять раз в день в определенное время. «Дуа» – само обращение к Всевышнему, просьба, мольба. Иными словами ас-саят – своего рода обозначение процесса молитвы, а само обращение верующего к Аллаху – дуа. Два разных процесса, но при этом при переводе на русский язык часто используется одно слово «молитва», поэтому при его употреблении для обозначения этих понятий требуется уточнение, чтобы читатель, для которого такие понятия, как «намаз» и другие слова характерные тексту Корана, мог понимать, о чем идет речь.

В переводе второй суры Корана Аль-Бакара (араб. البقرة – «Корова») М.-Н.О. Османова присутствует словосочетание «молитвенный обряд», что можно рассматривать как своего рода пояснение перед употреблением экзотизма «салат», в то время как в переводе Ю.И. Крачковского используется слово «молитва».

وَاسْتَعِينُوا بِالصَّبْرِ وَالصَّلَاةِ وَإِنَّهَا لَكَبِيرَةٌ إِلَّا عَلَى الْخَاشِعِينَ 2:45

«Ищите подмогу в уповании на Аллаха и молитвенном обряде. Воистину, салат – тяжкое бремя [для всех], кроме смиренных» (перевод М.-Н.О. Османова)

«Обратитесь за помощью к терпению и молитве; ведь она – великая тягота, если только не для смиренных» (перевод Ю.И. Крачковского)

В данном случае стоит отметить, что перевод Ю.И. Крачковского был научным, и он не ставил перед собой цели сделать текст Корана более понятным. В переводе Э.Р. Кулиева, выполненном в то время, когда понятия характерные исламской культуре стали более распространенными, используется понятие «намаз».

«Обратитесь за помощью к терпению и намазу. Воистину, намаз является тяжким бременем для всех, кроме смиренных» (перевод Э.Р. Кулиева)

Таким образом, перевод Корана сопровождается рядом значительных трудностей для переводчика. Перед ним стоит задача передать идейно-смысловое содержание священного текста, стилистические фигуры, фразеологию, многозначные слова, имена собственные, термины, ритмизованную форму стихов и многое другое.

Согласно исламской религии, Коран переводить не следует, так как Слово Аллаха не может сравниться ни с какой другой речью. Однако Священную книгу переводят уже более десяти столетий, как в России, так и в других странах. Переводы Корана позволяют познако-мить представителей иных культур с традиционным для них толкованием Священного Писа-ния, с одной из ведущих мировых религий, дать им возможность прикоснуться к бессмертным ценностям, узнать истоки ислама.

В России переводы Корана на русский язык начали появляться в XVII в. Это были пе-реводы, осуществленные П. Постниковым (1716), М.И. Веревкиным (1790), А.В. Колмаковым (1792), а в XIX в. – К. Николаевым, Д.Н. Богуславским, Г.С. Саблуковым [Шарипов, 2017, с. 153].

При этом только два последних были сделаны с арабского первоисточника, остальные – с французского или английского переводов [Гаврилов, Шевченко, 2012, с. 82]. Западноевропейские переводы были ориентированы на комментарии арабоязычных толкователей Корана. Следовательно, эти переводы осуществлялись через посредников [Гаврилов, Шевченко, 2012, с. 82].

Первые переводы Корана представляли собой толкования и разъяснения, вследствие чего появился термин «перевод смыслов Корана», который фактически обусловил возникнове-ние ряда переводов его на другие языки разных народов [Долинина, 2013, с. 7].

Первые попытки перевести Коран относят к петровскому времени, однако во времена Московской Руси, хоть и косвенно, но удалось ознакомиться с Кораном: «Только случайные сведения о Коране были в исторических и полемических сочинениях, большей частью переводных. При этом, однако, арабские списки Корана были известны и на Руси: на Коране приносили клятву послы мусульманских государств, присягали служилые мусульмане (большой частью татары), которых много было на российской службе» [Крумлинг, 1994, с. 228].

Во времена Петра I перевести Коран с арабского языка на русский так и не удалось. Первые переводы были сделаны с французского языка текста Андре дю Рие в 1716 году. Перевод неизвестного автора содержал большое количество ошибок и несоответствий.

Более адекватный перевод позднее (в 1725 г.) был выполнен дипломатом П.В. Постниковым [Алиев, 2004, с. 120].

В начале 1960-х гг. академик П. Пекарский нашел в Московском архиве иностранных дел рукопись перевода Корана, который абсолютно соответствовал тексту издания 1719 г. и имел указание автора – П. Постникова [Пекарский, 1862, с. 370]. Постников очень точно следовал за французским текстом, но сравнивать его перевод с текстом Корана нельзя: перевод дю Рие не соответствовал арабскому тексту. Кроме того, Постников не был ученым-востоковедом, и перевод Священной Книги был для него частью дипломатической и литературной деятельности [Гаврилов, Шевченко, 2012, с. 86].

В XVI–XVII вв. переводчики Посольского приказа знали терминологию Корана и переводили отдельные обороты и аяты на русский язык. Однако перевести Коран целиком с арабского языка на русский во времена Петра I не удалось.

Впервые полный арабский текст Корана был опубликован типографией Шнора в 1787 году по указу Екатерины II. В 1790 году драматург М.И. Веревкин выполнил перевод Корана под названием «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих». В его переводе присутствуют неточности передачи смысла и повтор ошибок работы французского переводчика Андре дю Рие, так как она послужила основой для его перевода, как и для двух предшествующих. Он вдохновил А.С. Пушкина на создание в 1824 г. поэтического переложения фрагментов тридцати трех сур – знаменитых «Подражаний Корану». Коранические реминисценции можно найти и в ряде других произведений поэта (например, «Пророк»).

Веревкин имел широкие знания об исламе и Востоке, что и обусловило его интерес к переводу Корана. Несмотря на то, что это был «перевод с перевода», работа Веревкина отличалась в целом точным воспроизведением оригинала, простым и ясным языком, торжественностью (за счет использования церковнославянских элементов) [Гаврилова, 2012, с. 90]. Переводчик внимательно отнесся к поэтическим особенностям и образному строю текста Корана и рассматривал его не только как религиозное произведение, но и как величайший поэтический шедевр [Гаврилов, Шевченко, 2012, с. 91].

В период XVIII–XIX вв. в России появились переводы Корана, выполненные с французского и английского языков. Перевод М.И. Веревкина отличался простым языком, следованием оригиналу, торжественностью, вниманием к стилистике и языку Корана. Дж. Сейль впервые сделал комментарии к Корану, это была своеобразная первая попытка научнокомментированного перевода. Д.Н. Богуславский сделал первый перевод Корана с арабского языка. Сам Богуславский отмечал, что у него не было цели перевести Коран. Он

длительное время жил на Востоке и в свободные минуты переводил трудные места, используя комментарии му-сульманских ученых.

XX–XXI вв. значительно обогатили историю русских переводов Корана. Именно в этот период появились переводы, максимально приближенные к тексту оригинала.

Перевод Корана И.Ю. Крачковского считается научным и рассчитанным на арабистов и корановедов, его критикуют за неоднозначность толкования многих мест и несоответствия перевода исламскому вероучению.

У.З. Шарипов, доктор исторических наук, сотрудник Института Востоковедения РАН, сам выполнивший перевод Корана на русский язык, говорит о трудностях, возникающих в этом нелегком процессе. Оценивая русские переводы Корана, он отмечает серьезную работу, проделанную востоковедом-арабистом, академиком Академии наук СССР И.Ю. Крачковским, который впервые дословно перевел с арабского оригинала Коран на русский язык. Это произошло в 1963 году. Впоследствии было выполнено много таких переводов. Все они несовершенны, причем, если у Крачковского изъянов перевода относительно немного, можно сказать, что они единичные, то у последующих переводчиков их гораздо больше [Шарипов, 2017, с. 154].

Изъяны эти являются порой весьма серьезными. Осуществлялись так называемые поэтические переводы, что является в корне неверным методом для передачи смысла вероучительного текста; в части переводов смысл отдельных аятов оригинала заменялся формулировками комментаторов Корана, в некоторых переводах присутствовали и собственные домыслы переводчиков. Автор считает, что ученые-востоковеды И.Ю. Крачковский, а также М.-Н.О. Османов создали серьезную базу для дальнейшей работы по переводу Корана. Крачковский И.Ю., по мнению автора статьи, наиболее точно передал текст Корана на русский язык с языка оригинала [Шарипов, 2017, с. 157].

Однако на сегодняшний день исследовательский аппарат его перевода, сделанного в 20-40-е гг. XX века, уже устарел. Кроме того, он не был полностью закончен автором, в 1963 г. был опубликован незавершенный вариант. Поэтому и был совершен новый перевод, в котором приведен не только текст Корана, но и наиболее популярные тафсиры.

По мнению А.А. Долининой, Крачковский переводил Коран, в первую очередь, как филолог: его задачей стало представить русским читателям Коран в том виде, в каком его воспринимали первые слушатели [Долинина, 2013, с. 9–10]. В оправдание академика А.А. Долинина пишет, что Крачковский не ставил перед собой цели разъяснить читателю непонятные места. Напротив, он намеренно сохранял недосказанность, которая характерна для Корана [Долинина, 2013, с. 10].

П.А. Грязневский писал, что перевод Крачковского является заметным вкладом в востоковедческой науке: академик смог точно передать арабский текст, что послужит основной для последующих переводов Корана [Грязневич, 1986, с. 10]. Схожего мнения придерживается и М.Б. Пиотровский, который отмечает, что перевод Крачковского основан на самом Коране, а не на его поздних комментариях, которые часто искажают его первоначальный смысл [Пиотровский, 1991, с. 168].

Т.А. Шумовский осуществил первый научный поэтический перевод Корана, что расценивается исследователями и как его достоинство, и как недостаток.

В. Порохова – первый переводчик Корана, исповедующий ислам. Еще одной особенностью перевода Пороховой является то, что это стихотворное переложение Корана. Такая форма перевода была выбрана ею, поскольку Коран – «это высокопафосный стих», «духовная симфония звучания». Ее перевод критиковали за недостатки стилистики текста, косноязычие в передаче рифм, смысловые ошибки.

В 1995 г. вышел перевод востоковеда М.-Н.О. Османова. Сам переводчик так объяснял свою цель перевода Корана: «Возможно более полное и точное воссоздание арабского оригинала, приближение его к иноязычному читателю» [Османов, 1995, с. 5] Как мы видим, схожую цель ставил перед собой и Крачковский, однако Османов не говорит об аутентичности передачи текста, для него главное – приближение к читателю, ясность и доходчивость смысла Корана [Долинина, 2013, с. 11].

В XX–XXI вв. было множество и других переводов Корана (Э.Р. Кулиева, Б. Шидфар и др.), каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки.

Специалист в исламском правоведении Шамиль Аляутдинов, окончивший ведущий исламский университет аль-Азхар, к 2017 году подготовил так называемый богословский перевод Корана на русский язык. При работе над переводом Аляутдинов консультировался с теологическими трудами ученых всех суннитских мазхабов, уделяя особое внимание шафиитской и ханафитской школе фикха, а также провел параллели с современной жизнью.

В 2019 году был опубликован перевод казахстанца С.Б. Рысжанова, самостоятельно изучившего арабский язык. Рысжанов признает, что не имеет переводческого или богословского образования, однако считает, что его перевод непредвзят, в отличие от остальных. В 2019 году вышел перевод Духовного управления мусульман Республики Татарстан, над которым работали семь лет.

Таким образом, XX–XXI вв. значительно обогатили историю русских переводов Корана. Именно в этот период появились переводы, максимально приближенные к тексту оригинала.

Переводы Корана позволяют познакомить представителей иных культур с традиционным для них толкованием Священного Писания, с одной из ведущих мировых религий, дать им возможность прикоснуться к бессмертным ценностям, узнать истоки ислама. Перевод Корана – это, в первую очередь, перевод художественного памятника литературы и уникального свода религиозных, нравственных и других норм исламской культуры, с которым каждый желающий должен иметь возможность познакомиться.

Список литературы:

- Алиев А.* Коран в России: источник знаний или объект мифотворчества? М.: Дружба народов, 2004.
- Васильев Л.С.* История религий: В 2 т. М.: КДУ, 2016. Т. 2. 432 с.
- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Коран в России: переводы и переводчики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 82–96.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Издательство МГУ, 2007.
- Грязневич П.А.* Предисловие ко второму изданию // Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. С. 3–14.
- Долинина А.А.* Русские переводы Корана в XX веке: краткая характеристика // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 3. С. 7–17.
- История религии: В 2 т. Т. 2: учебник для бакалавров / под ред. И.Н. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015.
- Круминг А.А.* Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994.
- Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. Т. 2. СПб., 1862.
- Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М.: Наука, 1991. 219 с.
- Порохова И.В.* Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. М.: Аль-Фуркан, 1997. 800 с.
- Шарипов У.З.* О переводах Корана – Священной Книги ислама на русский язык // Россия и исламский мир. 2017. № 3 (297).

References:

- Aliiev A.* Koran V Rossii: istochnik znanii ili ob"ekt mifotvorchestva? [Qur'an in Russia: a source of knowledge or an object of myth-making?] М.: Druzhba narodov, 2004. (In Russian).
- Dolinina A.A.* Russkie perevody Korana v XX veke: kratkaya kharakteristika [Russian translations of the Qur'an in the 20th century: a brief description] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2013. T. 3. P. 7–17. (In Russian).
- Garbovskii N.K.* Teoriya perevoda [Translation theory]. М.: Izdatel'stvo MGU 2007. (In Russian).
- Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G.* Koran v Rossii: perevody i perevodchiki [Qur'an in Russia: translations and translators] // Vestnik Instituta sotsiologii. 2012. № 5. P. 82–96. (In Russian).
- Gryaznevich P.A.* Predislovie ko vtoromu izdaniyu [Preface to the second edition] // Koran / Per. i komment. I.YU. Krachkovskogo. М.: Nauka, 1986. P. 3–14. (In Russian).
- Istoriya religii: V 2 t. T. 2: uchebnik dlya bakalavrov [History of Religion: In 2 vols. Vol. 2: a textbook for bachelors] / pod red. I.N. Yablokova. 4-e izd., pererab. i dop. М.: Izdatel'stvo Yurait, 2015. (In Russian).
- Kruming A.A.* Pervye russkie perevody Korana, vpolnennye pri Petre Velikom [The first Russian translations of the Qur'an, made under Peter the Great] // Arkhiv russkoi istorii. Vyp. 5. М., 1994. (In Russian).
- Pekarskii P.* Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: v 2 t. [Science and literature in Russia under Peter the Great: in 2 vols] T. 2. SPb., 1862. (In Russian).
- Piotrovskii M.B.* Koranicheskie skazaniya [Qur'an stories]. М.: Nauka, 1991. 219 p. (In Russian).
- Porokhova I.V.* Koran. Perevod smyslov i kommentarii Valerii Porokhovoii [Qur'an. Translation of meanings and comments by Valeria Porokhova]. М.: Al'-Furkan, 1997. 800 p. (In Russian).
- Sharipov U.Z.* O perevodakh Korana – Svyashchennoi Knigi islama na russkii yazyk [On translations of the Qur'an – the Holy Book of Islam into Russian] // Rossiya i islamskii mir. 2017. № 3 (297). (In Russian).

Vasil'ev L.S. Istoriya religii: V 2 t. [History of Religions: In 2 vols.] M.: KDU, 2016. T. 2. 432 p. (In Russian).

Ваганян Армине Григорьевна
Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна
г. Ереван (Армения)

Оганнисян Гаяне Размиковна
Государственный университет имени В.Я. Брюсова
г. Ереван (Армения)

Татевян Грачья Александрович
МГУ имени М.В. Ломоносова (филиал в г. Ереване)
г. Ереван (Армения)

Vahanyan Armine
Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University
Yerevan (Armenia)

Hovhannisyan Gayane
Brusov State University
Yerevan (Armenia)

Tatevian Hrachia
Lomonosov Moscow State University (Yerevan branch)
Yerevan (Armenia)

**ОСОБЕННОСТИ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА
НЕКОТОРЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И АРМЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

**THE PECULIARITIES OF COLORATIVE VOCABULARY AND TRANSLATION
ISSUES WITH REGARD TO SOME COLOR TERMS
(ON THE MATERIAL OF ENGLISH, RUSSIAN, AND ARMENIAN LANGUAGES)**

Данная статья рассматривает особенности колоративной лексики в английском, русском и армянском языках с учетом экстралингвистического контекста и культурно-специфического восприятия цветообозначений. Авторы детально анализируют ряд базовых цветообозначений в сравниваемых языках, сопоставляют сходства и различия определенных лексем и демонстрируют сложности, возникающие при переводе текстов, содержащих цветоименования. Однозначные с первого взгляда цветообозначения совершенно по-разному воспринимаются и интерпретируются носителями сравниваемых языков в силу различий в культурно-историческом опыте. Более того, одно и то же слово, обозначающее цвет, в рамках одного языка также может нести неоднозначную, порой противоположную в разных контекстах экстралингвистическую нагрузку. Подобная семантическая нерегулярность вызывает дополнительные сложности, и поэтому при переводе колоративной лексики зачастую применяется неэквивалентный перевод, который в некоторых случаях нуждается и в дополнительном комментировании.

The present article examines the peculiarities of color denoting vocabulary in English, Russian and Armenian, taking into account the extralinguistic context and culturally specific perception of color terms. The authors analyze in detail a number of basic color terms in the aforementioned languages, compare the similarities and differences of certain lexemes and demonstrate the difficulties that arise when translating texts containing color terms. Color designations that are unambiguous at first glance are perceived and interpreted by speakers of the compared languages in completely different ways due to differences in cultural and historical experience. Moreover, the same word denoting color within the same language can also carry an ambiguous, sometimes opposite, extralinguistic charge in different contexts. Such semantic irregularity causes additional difficulties, and therefore, when translating words denoting color, non-equivalent translation is often used, which in some cases needs additional commentary.

Ключевые слова: перевод, цветообозначение, культура, психология, контекст, экстралингвистическое комментирование, эквивалент.

Key words: translation, color denoting words, culture, psychology, context, extralinguistic commenting, equivalent.

Отношение человека к цвету и его восприятие индивидом опосредуется системой ценностей, исторически складывающихся традиций, национальных и этнических особенностей, социальной средой, и даже спецификой климатической и географической среды обитания и др. Проблема цвета связана как с анализом его физической природы, так и с пониманием особенностей человеческой физиологии, культурных кодов, психологии, в частности, воздействия цвета на эмоциональную и когнитивную системы человека. Данная проблема занимала умы как великих философов и ученых, так и поэтов, художников и музыкантов. Достаточно упомянуть имена Аристотеля, Ломоносова, Гете, Юнга, Кандинского. О воздействии цвета на внутренний мир человека еще в 1810 г. писал И. Гете в своем «Трактате о цвете» [Гете, 1957]. О символике цветообозначений у различных этносов, о его значении и особенностях говорилось в работах Витгенштейна, Сепира и Уорфа, Ю. Апресяна, Б. Берлина и П. Кей, В. Тернера [Апресян, 1995; Тернер, 1972; Berlin, Kay, 1969; Whorf, 2012; Wittgenstein, 1977] и многих других. Особое значение цвет имеет в иконографии, геральдике, семиотике, психологии, рекламе. В настоящее время вопросы цветообозначения обсуждаются с позиций естественных наук, компьютерной графики, а также лингвокультурологии, информатики, изобразительного искусства. И данная тема поистине неисчерпаема.

В современном мире колоративная лексика приобретает все новые оттенки, часто обусловленные социально-политическими факторами «Неполиткорректные» цветовые обозначения табуируются, происходит подмена определенных лексем, эвфемизация табуированных слов и выражений [Ваганян, Татевян, 2018]. В силу подобных лексических трансформаций возникают дополнительные вопросы при переводе определенных цветообозначений с английского языка на другие языки вообще и на русский и армянский языки, в частности.

В данном исследовании рассмотрим некоторые цветообозначения, которые по нашим наблюдениям, чаще всего вызывают определенные трудности при переводе и обязательно нуждаются в экстралингвистическом комментировании. Иногда при переводе словосочетаний, включающих цветообозначение, переводчику приходится быть, в некотором смысле, «дальтоником». Попробуем разъяснить данное парадоксальное утверждение.

Мечта Мартина Лютера Кинга о свободе и равных гражданских правах чернокожего американского населения была отчасти реализована в 2009 году с избранием Барака Обамы на пост президента США. Однако кажущаяся социальная идиллия продолжалась недолго: не единичные случаи убийства представителей чернокожего населения полицейскими в США в 2013 году реанимировали протестное движение, выступающее против расизма и насилия в отношении афроамериканцев. Протестующие с лозунгом *Black Lives Matter*, требовали самого сурового наказания для полицейских, применивших насилие, которое стало причиной смерти некоторых чернокожих граждан США при попытке их задержания. Движение широко заявляло о гражданских правах чернокожего населения Америки (США). И вскоре, в 2015 году, в противовес данному движению, возникли и другие тенденции с лозунгами по уже растиражированному клише и с хештэгами *#WhiteLivesMatter* («Жизни белых важны»), *#BrownLivesMatter* («Жизни коричневых важны»), а также *#BlueLivesMatter* («Жизни синих важны») и, наконец, *#AllLivesMatter* («Все жизни важны»).

Необходимость представления информации об этом на других языках перед переводчиками поставила проблему адекватности перевода вышеуказанных лозунгов. Рассмотрим аспект лингвистической эквивалентности в «английской-русской» и «английской-армянской» языковых комбинациях. *Black Lives Matter* переводится на русский язык как «Жизни черных имеют значение» или «Жизни черных важны» – для сохранения лозунговой краткости. Но при этом дословный перевод, с сохранением оригинального порядка слов, как «черная жизнь важна» неприемлем, так как вызывает искажение расовой символики, а для сохранения данного контекста надо использовать слово *чернокожий*. Важность использования такого термина для русского перевода обусловлена еще и тем обстоятельством, что в российской среде нередко можно услышать «черные» («чернож..ые») для обозначения выходцев из Кавказа и других частей бывшего Союза [Ваганян, Татевян, 2018, с. 129]. В армянском языке фраза «черная жизнь» (սև կյանք) имеет еще более негативную коннотацию, и предполагает особый социальный и психологический контекст.

Примечательно, что цветовая хроматика, возникшая между черным и белым в виде коричневого, синего, голубого, розового и т.д., способствует расширению проблемы прав человека, перенося его из сферы сугубо расового равенства в сферы социальных, экономических, гендерных отношений в современном глобализированном обществе.

Если «черно-белый» конфликт имеет достаточно длительную историю, и в современности делаются даже попытки его разрешения путем метафоризации в

музыкальных произведениях,⁶ то в данном контексте социальные понятия «коричневые» и «синие» являются относительно новыми, и они требуют дополнительного комментирования. Сторонники контрдвижения «черно-белого» заявляли о равных правах и свободах для всех людей вне зависимости от их цвета кожи.

Использование хештэга *#BrownLivesMatter*, который дословно переводится как «Жизни коричневых важны», в частности перемещал внимание на существование не менее важной проблемы, связанной с миграцией из латиноамериканских стран в США, а также социально необеспеченного населения арабских стран в Европу. Этим подчеркивается не только проблема беженцев и мигрантов, но и вносится довольно опасный фактор конфронтации вероисповеданий, разогревая религиозный конфликт между «белыми» христианами и «коричневыми» мусульманами.

Естественно, данная проблема, имея подчеркнутую культурную значимость, не всегда однозначно отражается в переводах с английского на другие языки. Именно здесь переводчикам и приходится быть «дальтониками», так как фильтруются некоторые ценностные знания, которые не передаются в культуре переводящего языка. Дословный перевод цвета здесь не уместен, потому что коричневый цвет ни в русском, ни в армянском языках не ассоциируется с расовым и национальным контекстом. Происходит утрата существующей в английском языке информации, обозначенной колоративной лексикой. В когнитивном плане этот цвет, с одной стороны, символизирует землю и плодородие, с другой стороны, это цвет грязи: простолюдины на Руси в основном носили одежду именно этого цвета. Данное восприятие коричневого цвета также нашло отражение в армянской иконописной традиции. Как отмечает исследователь в области армянской иконографии С. Григорянц, «На фресках и миниатюрах часто используется коричневый цвет, который считается цветом земли и символизирует послушание, бедность, отречение от мира. Неслучайно в этом цвете изображены костюмы Пресвятой Богородицы, святых отшельников, выражая их сдержанность, уединенность, смиренность и отказ от всего мирского» [Григорянц, 2021, с. 11]. Однако помимо данной символики, которая не имеет негативной коннотации, в другом контексте, коричневый цвет может вызывать зловещие ассоциации: людей старшего поколения коричневый цвет отсылает к недалекому прошлому, когда нацизм в Европе называли «коричневой чумой» [Guérin, Schwartzwald, 1996].

⁶ Речь идет о песне Пола Маккартни и Стиви Уандера *Ebony and Ivory* («Эбеновое дерево и слоновая кость»), в которой музыканты задаются вопросом, почему же черным и белым не удастся жить в гармонии, подобно черно-белым клавишам на пианино («Ebony and ivory live together in perfect harmony. Side by side on my piano keyboard, oh Lord, why don't we?»).

Возвращаясь к расовому подтексту коричневого цвета, отметим, что в армянском языке слово շագինի/շագինյի (*коричневый* в рус. – ‘цвет корицы’) имеет составляющие «цвета каштана», и абсолютно не ассоциируется с расовым контекстом. Тут ситуация усложняется, поскольку не существует так называемой коричневой⁷ расы, и нет идентификации с конкретной этнической или национальной единицей, чтобы переводчики смогли использовать его как эквивалент для сохранения клише вышеупомянутого лозунга. Таким образом, переводить лозунг *#BrownLivesMatter* на русский и на армянский языки нужно исключительно посредством контекстуально-описательного метода, а конкретно – надо объяснять символику и ассоциативный, а иногда и исторический, контекст, вплетать их в дискурс концептуального перевода цвета.

Приведенные примеры интересны также с точки зрения изменения социально-когнитивных восприятий. Как уже отмечалось, расово-цветовой контраст черно-белого был в определенной мере символически разрешен путем категориального расширения цветовой палитры, через внесение третьего цвета. Проблема социального противостояния нейтрализовалась в обобщении категории цветовой символики, притом, как реальной, так и потенциально подразумеваемой. Модель расширения контекста “any color + lives+ matter” выдвигает идею о значимости человеческих жизней вообще, независимо от атрибутов. Когнитивный механизм разрешения социальной проблемы через расширение цветовой палитры работает следующим образом: вместе с переключением внимания на более крупный объект, трансформируется дискурс из конфликтного в проблемный, иными словами, производится подмена одной проблемы другой, относительно менее острой. Эта стратегия в конфликтологии известна как разрешение конфликта через расширение контекста и вовлечение большего количества заинтересованных сторон.

Как уже отмечалось, наряду с *Black Lives Matter* возникли и другие подобные лозунги, в частности, – *Blue Lives Matter*. В английском языке есть и другие примечательные устойчивые сочетания с синим цветом, которые вызывают сложности при переводе – “blue collars”, “blue movie”, “blue joke” и другие выражения, содержащие колоративную лексику. Здесь переводчику надо быть предельно осторожным и учитывать многие культурные, социально-исторические и даже гендерные факторы, выраженные особой символикой. Так, например, сочетание “blue joke” дословно означает «синяя шутка», однако переводится как «грубая шутка». Другое словосочетание – “blue movie” – служит термином для обозначения фильмов эротического характера. И наконец, название джазового жанра «блюз» (blues). В этой связи, стоит отметить один из наиболее известных примеров неточного перевода

⁷ Коричневыми именуют арабов сами же арабы, которые различают среди арабского населения рожденных от смешанных браков.

названий произведений Джорджа Гершвина – оперы *Blue Monday* (первоначальное название впоследствии переименованное в *135th Street*) и, пожалуй, самого известного, наряду с оперой «Порги и Бесс», произведения Гершвина *Rhapsody in Blue*. Есть множество вариантов перевода на русский, такие как: «Голубой понедельник», «Грустный понедельник», «Блюзовый понедельник» для оперы *Blue Monday*, и – «Голубая рапсодия», «Рапсодия в стиле блюз», «Рапсодия в блюзовых тонах», «Рапсодия в голубых тонах» – для *Rhapsody in Blue*. Несмотря на широкое распространение, калькированные варианты с использованием слова «голубой» сомнительны, так как Гершвин, стараясь соединить классическую музыку с афроамериканской, обращался к джазовым и, в частности, блюзовым мотивам. В английском языке *blue* часто обозначает печаль и депрессию (*I feel blue* – «Я в печали», «Я в депрессии», «Я в подавленном состоянии»), а *blues* традиционно воспринимается как музыка грусти. Следовательно, при переводе простое использование слова *голубой* не может быть оправдано. Хотелось бы обратить внимание на то что, как ни странно, в подавляющем большинстве случаев при переводе на русский слово *blue* из синего превращается в *голубой*. Примечательно, что подобная проблема соотношения *голубого* и *синего* возникает и при переводе с русского на английский.

Как известно, русское прилагательное «голубой» в определенном контексте, уже в качестве существительного, в разговорной речи заменяет термин «гомосексуалист». Однако слово «голубой» в значении «гомосексуалист» при переводе с русского на английский посредством данной лексики неуместно, поскольку *I am blue*, как уже было отмечено, означает эмоциональное состояние, а не его сексуальную ориентацию. В английском языке для данного понятия используется множество сленговых слов, и, в частности, – “gay” (гей).

Что касается армянского языка, то в случае с существительным «голубой» в вышеупомянутом значении, армянский язык заимствовал русское слово, и оно вполне свободно применяется в разговорной речи.

Другим примером неадекватности возможного перевода, теперь уже с русского на английский, может являться попытка дословного перевода на английский понятия «голубая кровь» (или синонимичное выражение «белая кость»). Если дословно перевести на английский, то полученный вариант *blue blood* никак не будет означать аристократию, а в американской социокультурной среде будет восприниматься как обозначение представителя полицейской династии.⁸

⁸ В 2010 г. Американская телекомпания CBS выпустила сериал под названием *Blue Bloods*, посвященный полицейской династии в Нью Йорке.

Возвращаясь к лозунгу *Blue Lives Matter*, следует отметить, что синий цвет, ассоциируемый с небом, морем, возвышенным, духовным, по своему воздействию на психику человека относится к группе успокаивающих цветов. Один из отцов абстрактной живописи В. Кандинский писал: «При углублении синий цвет дает элемент покоя...» [Кандинский, 1914, с. 51], а в известном тесте Люшера синий интерпретируется как символизирующий эмоциональную утонченность, покой, пассивность [Люшер, 2021]. В интересующем же нас контексте синий символизирует также правосудие и порядок, а с середины прошлого века в США стал восприниматься как символ полиции. После убийства двух полицейских в 2014 году в Нью-Йорке на почве вражды возникло контрдвижение *Blue Lives Matter*, выступающее за жизнь и права полицейских. Однако, данное движение некоторыми было раскритиковано и названо расистским. Тем не менее, лозунг бытует, «синий» же переводится как «полицейский», а никак не иначе.

Продолжая сопоставление экстралингвистической маркированности синего цвета, можно привести в качестве примера его другое восприятие. Как известно, еще в дохристианские времена синий цвет символизировал воздух, понятие возвышенности, божественности. В христианской цивилизации синий цвет закрепился за Девой Марией. Примечательно, что среди оттенков синего существует ультрамарин (лат. *ultra* (запредельный) и *mare* (море)), также называемый «цветом Марии» (*Marian blue*). Он связан с культом Богородицы и используется в изображениях Девы Марии. Данная связь обусловлена тем, что данный пигмент самый дорогой, его также называют «синим золотом», поскольку его получают из истолченного самоцвета – лазурита, и средневековые иконописцы берегли цвет Марии для изображения ее одеяний. В армянской иконописной традиции тоже плащ или накидка Богородицы всегда была синего цвета. Нелишне заметить, что с раннесредневекового периода армянские иконописцы Богородицу изображали в красной блузе и синей накидке, символизируя переход из земной жизни в жизнь божественную [Вардазарян, 2009, с. 62]. Культ Девы Марии запечатлен и в современной российской государственной символике: общеизвестно, что синий цвет на флаге РФ также символизирует Богородицу.

Синий цвет, однако, в английском языке имеет и другое значение в условной классификации людей по роду занятий – *blue collar vs. white collar* (синие воротнички – белые воротнички). «Синими воротничками» в широком смысле называют людей, занимающихся физическим трудом, в то время как «белые воротнички» занимаются умственным трудом. В данной дихотомии цветообозначение *синий – белый* вполне понятно, если учесть, что для людей, занимающихся физическим трудом, белая одежда неуместна, быстро пачкается, и поэтому синяя спецодежда, деним и джинсы стали так популярны.

Белый же цвет олицетворяет социальную элиту и избранность. В данном случае русский язык просто переводит цветообозначения посредством их эквивалентов, однако возникает необходимость дополнительного комментирования.

Выше, мы уже рассмотрели тему «воротничков» – синих и белых. Если с «белыми воротничками» все просто и понятно, то ситуация резко меняется, когда вместо воротника возникает ботинок или башмак. Сочетание *white shoe* (досл. ‘белый ботинок’) при переводе, так же, как и в случае с другими вышеупомянутыми сочетаниями, утрачивает свою колоративность. Известно, что белый цвет во многих культурах олицетворяет чистоту, безупречность, честность, является также определенным маркером в социальной иерархии: белая одежда – признак достатка, атрибут, характерный для высшего сословия. А если так, то можно предположить, что *white shoe* должно характеризовать что-либо или кого-либо, имеющего отношение к высшим слоям общества. На самом деле *white shoe* действительно обозначает профессионалов и/или компании высшей категории и переводится как «высший дивизион». Так, например, Рэнди Кеннеди в *New York Times* написал об адвокате престижной юридической фирмы Тиффани Палмер: «She is a lawyer in a white-shoe firm», («Она работает в юридической фирме высшего дивизиона») [Safire, 1997]. Этимология данного термина восходит к 50-м годам XIX века и связана с замшевыми ботинками светлых тонов, популярными среди студентов университетов Лиги плюща (*Ivy League*), в частности, в Йельском университете. Эти ботинки были показателем достатка и привилегированности, избранности и символом социальной иерархии. В современном американском английском компаниями высшего дивизиона называют старейшие компании с хорошей репутацией в сфере определенных услуг (юридические, экономические, управленческие сферы).

С другой стороны, в австралийском английском данный термин в словосочетании *white shoe brigade* имеет совершенно иную, негативную коннотацию, поскольку связан с пресловутым периодом (80-ые годы XIX века), когда группа застройщиков, пользуясь поддержкой главы правительства, наживалась на застройке Квинсленда. Данный термин представляет собой презрительный намек на предшественников таких мужчин из низшего социального класса, что проявляется в их ярком и безвкусном выборе одежды, который включал яркие рубашки или рубашки с рисунком, брюки с белыми полосами или в пастельных тонах, а также туфли и ремни из белой кожи, часто с золотыми или позолоченными пряжками. Они стали известны своими теневыми сделками с правительством относительно развития собственности, часто с ужасными последствиями для исторических зданий. Пожалуй, для наглядности «бригаду белых ботинок» можно сравнить с «нуворишами, малиновыми пиджаками из лихих девяностых в России». Как

показало данное сопоставление, даже в пределах одного языка, прослеживаются четкие различия, как денотативные, так и коннотативные – положительные и отрицательные, ввиду культурологических реалий, и, конечно же, *white shoe company* и *white shoe brigade* никак нельзя переводить тождественно, сохранив первичную номинацию цветообозначения.

Говоря о цветообозначении и трудностях их перевода, следует также учесть эпоху, временной контекст: в настоящее время происходят интересные процессы десемантизации определенных цветообозначений. Так, например, *черный* цвет во многих культурах имеет выраженную отрицательную коннотацию, однако за последние десятилетия он приобрел и положительную коннотацию относительно больших распродаж (изначально – по случаю дня Благодарения (*Thanksgiving*)). Как известно, обычай устраивать распродажи в этот день установился еще в XIX веке, а термин «Черная пятница» появился в 1966 году и поначалу употреблялся в основном на Восточном побережье США. Данная маркетинговая новинка была калькирована и сегодня вполне адекватно воспринимается в армянском и российском обществе (*Մի քարշիջ – Черная пятница*), чего нельзя сказать об историзмах «черный вторник» (США, 1929 г.), «черный понедельник» (Россия, 1998 г.), которые сохраняют исходную негативную семантическую нагрузку.

Еще одно небольшое наблюдение, связанное с «белым» и «черным». В приглашениях на официальные мероприятия принято указывать дресс-код, и отмечается *white tie* или *black tie*. Если не знать, что «белая бабочка/галстук» обозначает *фрак*, а «черная бабочка/галстук» позволяет надевать *токидо (смокинг)*, то перевод будет неверным.

Таким образом, анализ приведенных примеров показал, что переводческие приемы, применимые при переводе колоративной лексики, в общем соответствуют описанным Я. Рецкером теоретико-практическим положениям о лексических трансформациях [Рецкер, 1974], с большим акцентом на аксиологические различия и с учетом историко-культурного контекста. Как видим, данная тема, в силу своей глубины и разнообразия, поистине неисчерпаема, ее дальнейшее изучение может пролить свет на многие загадки языка и культуры и тем самым облегчить работу переводчиков, а также обогатить лингвокультурологический фактический материал.

Список литературы:

- Апресян Ю.Д. Избр. труды. Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 3–69.
- Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 146 с.

Ваганян А.Г., Татевян Г.А. Десять солдатиков или еще раз о политкорректности в языке (на материале английского, русского и армянского языков) // Актуальные научные исследования в современном мире // Журнал Переяслав-Хмельницкий, 2018. Вып. 10 (42), ч. 5. С. 128–132.

Гете И.В. Трактат о цвете // Избранные сочинения по естествознанию. Л.: Изд. АН СССР, 1957. 553 с.

Кандинский В.В. О духовном в искусстве // Труды Всеросс. съезда художников в Петрограде. Пг., 1914. С. 47–78.

Кошеренкова О.В. Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии, 2015. № 2 (32). С. 156–162.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Междунар. отн-я, 1974. 212 с.

Тернер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) // Семиотика и искусствометрия. М., Мир, 1972. 364 с.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. University of California Press, Berkeley, 1969, 196 p.

Black lives matter [Электронный ресурс] // Britannica Encyclopedia. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Black-Lives-Matter>

Guérin D., Schwartzwald R. The Brown Plague: Travels in Late Weimar and Early Nazi Germany [Электронный ресурс] // Discourse. Vol. 19, № 1. Secularism and the Future of Jewry, 1996. Wayne State University Press. P. 182–185. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/41389438>

Lüscher M. Der Lüscher-Test : Persönlichkeitsbeurteilung durch Farbwahl. Reinbek (bei Hamburg): Rowohlt, 1971.

Marian Blue [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ateneo.edu/about/history/fast-facts>

Safire W. On Language; Gimme the Ol' White Shoe [Электронный ресурс] // The New York Time Magazine, 1997. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1997/11/09/magazine/on-language-gimme-the-ol-white-shoe.html>

Whorf B.L. Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf, John B. Carroll, Stephen C. Levinson, Penny Lee (2nd ed.). Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2012, 294 p.

Wittgenstein L. Remarks on Color // Ed. G.E.M. Anscombe and trans. L. McAlister and M. Schättle. Berkeley, University of California Press, 1977, 132 p.

Գրիգորյանց Ս.Ռ. Գույնը որպես ազգային մտածելակերպի դրսևորում. վաղ միջնադարյան քրիստոնեականություն [Григорянц С.Р. Цвет как выражение национального менталитета: раннесредневековая фресковая живопись] // Ավարտական աշխատանք, ՀՊՄՀ, Եր., 2021, 44 էջ.

Տ.Առաքել քահանա Վարդապարյան Գույներն աստվածաբանության մեջ [Вардазарян А. Цвет в богословии], Էջմիածին, 2009 (Չ), էջ 20–25.

References:

Apresyan Yu.D. Izbr. trudy. T. I. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka) [Selectas. Vol. I. Lexical semantics (synonymous language of mass media)]. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1995. P. 3–69. (In Russian).

Bakhilina N.B. Istoriya tsветоoboznachenii v russkom yazyke [The history of color terms in Russian]. M.: Nauka, 1975. 146 p. (In Russian).

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. University of California Press, Berkeley, 1969, 196 p.

Black lives matter [Electronic resource] // Britannica Encyclopedia. – Available at: <https://www.britannica.com/topic/Black-Lives-Matter>

Gete I.V. Traktat o tsvete [Treatise on color] // Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu. L.: Izd. AN SSSR, 1957. 553 p. (In Russian).

Guérin D., Schwartzwald R. The Brown Plague: Travels in Late Weimar and Early Nazi Germany [Electronic resource] // Discourse. Vol. 19, № 1. Secularism and the Future of Jewry, 1996. Wayne State University Press. P. 182–185. – Available at: <https://www.jstor.org/stable/41389438>

Kandinskii V.V. O dukhovnom v iskusstve [On the Spiritual in Art] // Trudy Vseross. s"ezda khudozhnikov v Petrograde. Pg., 1914. P. 47–78. (In Russian).

Kosherenkova O.V. Simvolika tsveta v kul'ture [Symbolism of color in culture] // Analitika kul'turologii, 2015. № 2 (32). P. 156–162. (In Russian).

Lüscher M. Der Lüscher-Test : Persönlichkeitsbeurteilung durch Farbwahl. Reinbek (bei Hamburg): Rowohlt, 1971.

- Marian Blue* [Electronic resource]. – Available at: <http://ateneo.edu/about/history/fast-facts>
- Retsker Ya.I.* Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika [Translation theory and translation practice]. M.: Mezhdunar. otn-ya, 1974. 212 p. (In Russian).
- Safire W.* On Language; Gimme the Ol' White Shoe [Electronic resource] // The New York Time Magazine, 1997. – Available at: <https://www.nytimes.com/1997/11/09/magazine/on-language-gimme-the-ol-white-shoe.html>
- Terner V.U.* Problema tsvetovoi klassifikatsii v primitivnykh kul'turakh (na materiale rituala ndembu) [The problem of color persecution in the original cultures (based on the Ndembu ritual)] // Semiotika i iskusstvometriya. M., Mir, 1972. 364 p. (In Russian).
- Vaganyan A.G., Tatevyan G.A.* Desyat' soldatkov ili eshche raz o politkorrektnosti v yazyke (na materiale angliiskogo, russkogo i armyanskogo yazykov) [Ten soldiers or once again about political correctness in the language (on the material of English, Russian and Armenian languages)] // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire // Zhurnal Pereyaslav-Khmel'nitskii, 2018. Vyp. 10 (42), ch. 5. P. 128–132. (In Russian).
- Whorf B.L.* Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf, John B. Carroll, Stephen C. Levinson, Penny Lee (2nd ed.). Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2012, 294 p.
- Wittgenstein L.* Remarks on Color // Ed. G.E.M. Anscombe and trans. L. McAlister and M. Schättle. Berkeley, University of California Press, 1977, 132 p.
- Գրիգորյանց Ս.Ռ. Գույնը որպես ազգային մտածելակերպի դրսևորում. վաղ միջնադարյան դրմանակարչություն [Color as an Expression of National Mentality: Early Medieval Fresco Painting] // Ավարտական աշխատանք, ՀԳՄՀ, Եր., 2021, 44 էջ. (In Armenian).
- Տ.Առաքել քահանա Վարդազարյան Գույներն աստվածաբանության մեջ [Color in theology], Էջմիածին, 2009 (Չ), էջ 20–25. (In Armenian).

Ван Синьюань
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Wang Xinyuan
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРНОЕ РАЗЛИЧИЕ

TRANSLATION AND CULTURAL DIFFERENCE

Перевод, будь то сам по себе, как деятельность, как процесс или как результат деятельности, имеет определенные культурные последствия. Язык является носителем культуры и в то же время ее важной частью, но игнорирование культурных различий может легко привести к недоразумениям при переводе. Поэтому переводчики должны понимать различия между разными национальными обществами и культурами в их культурных контекстах, чтобы действительно отразить культурный подтекст текстов и лучше реализовать коммуникацию и перенос двух разных культур. Осуществляется ли переводческая деятельность, как и в каких сферах, зависит от многих факторов, связанных с исходной и принимающей культурами, а также с языками, оказывающимися в контакте. Результат перевода как обогащает национальную культуру, так и, в определенной степени, отражает культурные изменения и развитие. На самом деле, между переводом и культурой существует интерактивная взаимосвязь. Понимание взаимосвязи между переводом и культурой в макроперспективе обеспечивает практическую основу для исследований в области науки о переводе, культурологии и межкультурной коммуникации. Перевод – это всегда конкретный акт, результат деятельности, осуществляемой в конкретное время. Изучение перевода не может быть оторвано от этой реальности. Методы и приемы перевода обусловлены особенностями двух конкретных языков, отражающих предметы и явления окружающего мира.

Translation, whether in itself, as an activity, as a process, or as a result of an activity, has certain cultural implications. Language is a carrier of culture and at the same time an important part of it, but ignoring cultural differences can easily lead to misunderstandings in translation. Therefore, translators must understand the differences between different national societies and cultures in their cultural contexts in order to truly reflect the cultural connotations of texts and better realize the communication and transfer of two different cultures. Whether, how, and in what spheres translation activities are carried out depends on many factors of the culture of the translated language. The result of translation both enriches the national culture and, to a certain extent, reflects cultural change and development. In fact, there is an interactive relationship between translation and culture. Understanding the relationship between translation and culture in a macro perspective provides a practical basis for the study of translation theory from the perspective of cultural studies and intercultural communication studies. Translation is always a concrete act and result of a concrete time, and the study of translation cannot be detached from this reality. The methods and techniques of translation are inseparable from the peculiarities of two particular languages.

Ключевые слова: перевод, культура, язык, различие.

Key words: translation, culture, language, difference.

Культура – это живой организм, и поддержание ее жизненных процессов зависит от обмена веществ так же, как и поддержание жизненных процессов организма. Благодаря метаболизму организм получает питательные вещества из окружающей среды и превращает их в энергию, необходимую ему для жизнедеятельности. Таким же образом культура должна общаться со своей внешней средой и взаимодействовать с другими культурами, поглощая в процессе питательные вещества и получая импульс для

собственной эволюции и инноваций. Культурная ценность перевода заключается в том, что он способствует метаболизму культурного организма и является важным средством культурной эволюции и обновления.

«На протяжении всей истории человечества перевод в более широком и систематическом масштабе преследовал только одну цель: внедрение новых идей» [Лэй Хайцзун/雷海宗, 2009, с. 637]. Перевод также обогащает язык и стиль переводимого языка путем создания новых слов и придания нового значения старым словам, путем обогащения грамматики, структуры и синтаксиса, а также путем продвижения новых стилей письма. Язык является носителем культуры и в то же время ее важной частью, но игнорирование культурных различий может легко привести к недоразумениям при переводе. Поэтому переводчики должны понимать различия между разными национальными обществами и культурами в их культурном контексте, чтобы действительно отразить культурный подтекст текстов и лучше реализовать коммуникацию и перенос двух разных культур.

Язык – это знаковая система, используемая людьми в процессе общения. Перевод – это выражение смысла, воплощенного в знаках одного языка, на другом языке. Поэтому перевод должен опираться на языковую и культурную среду, требуя от переводчика достоверно передавать ценности и душу национальной культуры, одновременно добиваясь широкого и точного понимания концепций, верований, обычаев, ценностных стандартов и других аспектов культуры другой страны. Формирование, изменение и развитие языковых выражений содержат богатую и сложную культурную информацию в таких областях, как география, социальная история, политика и экономика, обычаи и фольклор, религиозные верования, эстетические ориентации, ценности и образ мышления, отражая национальные особенности и культурные личности, благодаря чему языки разных национальностей имеют различные характеристики. Контекст является основным фактором при извлечении лексики из языка, и игнорирование языкового контекста, в котором она используется, не позволит точно понять значение самих слов, что в свою очередь повлияет на понимание и перевод текста. Например, разница в порядке мышления между русскими и китайцами также часто отражается в различных точках зрения при взгляде на вещи. Например, “九五折” (5% скидки) в китайском языке часто означает, что китайцы сосредоточены на доле фактической оплаты после скидки, а русские – на доле скидки, и эти две точки зрения полностью различны. «Самообучение» в китайском языке – “自学”, китайцы делают упор на «обучение» (学), а русские – на «преподавание». Что касается географической ориентации, то китайцы привыкли говорить о горизонтальной ориентации раньше, чем о вертикальной, в то время как в русском – наоборот: в китайском языке – “东北” (первый

иероглиф значит «восток», второй – «север») и “西南” (первый иероглиф значит «запад», второй – «юг»), но в русском языке это «северо-восток» и «юго-запад».

Также, например, в русском языке есть пословица – «В Тулу со своим самоваром». На английском языке она будет звучать как “To carry coals to Newcastle” (рус. «Поскольку в городе Ньюкасле много угля»). На китайском она будет выглядеть следующим образом: “多此一举” или “画蛇添足” (рус. «Рисую змею, добавив ноги»).

В оригинальных работах всегда имеются определенные национальные особенности и культурные различия между различными национальностями, язык оригинала может быть не до конца понятен носителям переведенной культуры. Оригинальное произведение всегда этнически специфично; то, что есть в культуре языка оригинала, может быть не до конца понято носителями переведенной культуры.

По мнению философа и литературоведа Стейнера, процесс возникновения и понимания языка на самом деле является процессом перевода. Процесс перевода можно разделить на четыре этапа: (агрессивное) вторжение, инкорпорация, восстановление (баланса) (trust, aggression, incorporation, restitution) [Steiner, 1975/2013, с. 13, 281–285]. Если рассматривать процесс перевода с точки зрения метаболизма организма, то «доверие» означает веру в то, что необходимые самому организму питательные вещества имеются во внешней среде; эти питательные вещества – оригинальный текст для переводчика, который должен поверить в то, что оригинальный текст интересен, и понять его. «Вторжение» – это результат несовместимости собственной конституции организма и внешней среды, с которой он неизбежно вступает в конфликт. Разница между двумя языками и двумя способами мышления при переводе является причиной этого конфликта. «Инкорпорация» – это превращение захваченных питательных веществ в энергию, необходимую самому организму, а инкорпорация перевода – это перенос смысла и формы оригинала на язык перевода. Первые три этапа неизбежно нарушают баланс внутренней структуры организма, приводя к частичной дисфункции, поэтому четвертый этап «восстановление», восстанавливает ранее нарушенный баланс и возвращает организм к естественному, здоровому состоянию роста. При переводе, переводчик сначала теряет баланс, «доверяя» оригиналу. Затем «вторгается» в него, чтобы понять его значение когнитивно. Потом, на основе оригинала «инкорпорирует» его новые элементы, которые могут привести к различным последствиям на языке перевода, баланс снова теряется. И, наконец, для достижения цели и идеала перевода, производится восстановление баланса, нарушенного вышеуказанным процессом.

No language, no traditional symbolic set or cultural ensemble imports without risk of being transformed. Here two families of metaphor, probably related, offer themselves, that of

sacramental intake or incarnation and that of infection. The incremental values of communion pivot on the moral, spiritual state of the recipient. Though all decipherment is aggressive and, at one level, destructive, there are differences in the motive of appropriation and in the context of the bringing back [Steiner, 1975/2013, с. 283].

Перевод: «Ни один язык, ни одна традиционная символическая или культурная система не присваивает себе элементы извне, не рискуя претерпеть изменения, преобразиться. Здесь возникает два, судя по всему взаимосвязанных, семейства метафор: причастия или инкарнации и инфицирования. Ценность причастия зиждется на нравственном, духовном состоянии получателя. Хотя любой расшифровке свойственна агрессия и в какой-то степени разрушение, цели присвоения и контекст “возвращения домой” оказываются различными».

Согласно Стейнеру, язык изначально представляет собой систему знаков или символов, которые являются частью культурного организма. Он использует метафору «Святое причастие» и «заражение микробами» для описания двух реакций, которые происходят, когда новая кровь вводится в культурное тело – «Святое причастие» или «Пресвятое таинство» – это религиозное понятие, обозначающее позитивные аспекты процесса перевода. «Заражение микробами» – это негативная реакция на этот процесс. Процесс поглощения и трансформации естественно сопровождается процессом нейтрализации или отторжения чужеродного вещества, так как новый фактор вызывает дискомфорт у организма из-за структурных различий. «...для того, чтобы язык перевода принял “другого”, его необходимо “идентифицировать с ним” как основное условие, переработать и трансформировать в новую среду. Эта обработка или трансформация является функцией как объективных ограничений, налагаемых на нее историческим, социальным и культурным контекстом (или объективных возможностей, предоставляемых ей), так и субъективности переводчика, идеологии и языковых отношений текста» [Сюй Цзюнь/许钧, 2003, с. 288–289].

Роль культурного метаболизма еще более важна для культур, находящихся в слабом положении, стремящихся выжить в условиях угнетения и проникновения гегемонистских культур. По словам Хэ Линь, «<...> смысл и ценность перевода заключается в китаизации западного обучения, превращении западных знаний в китайское и вливании новой культурной крови. Это делает западное знание частью нашей нации. <...> это попытка расширить себя и развить свою личность, и никогда не закапывать ее в рабство» [Хэ Линь/贺麟, 2009, с. 522]. Это показывает, что китайская интеллигенция занимала активную позицию в поглощении и преобразовании, а не в отвержении иностранной культуры. Обсуждая значение перевода буддийских писаний, Лян Цичао заметил: «Со времен

династии Хань ученые в Китае почитали только древность и не смели ничего создавать, даже когда появлялась новая идея, в нее обязательно вставляли древние слова. И это сильно влияет на развитие новых идей» [Лян Цичао/梁启超, 2014, с. 191–192]. В длительном процессе религиозного перевода переводчики не довольствовались тем, что проглатывали иностранные идеи целиком, и смело создавали большое количество новых слов, давая новую жизнь местной науке и культуре.

Как говорит китайский лингвист и переводчик Цзи Сяньлинь, китайская культура развивается без перерыва. История контактов, конфликтов и примирений между китайской и иностранными культурами – это в некотором смысле и история перевода. Согласно Ма Цзуи, в истории Китая было четыре переводческих волны – перевод буддийских писаний от Восточной Хань до династий Тан и Сун, перевод науки и техники в конце династии Мин и начале династии Цин, перевод западной науки от Опиумных войн до периода 4 мая, и перевод китайского языка после периода 4 мая, новая волна переводов, расцветшая после периода 4 мая [Ма Цзуи/马祖毅, 1998, с. 1]. При таком подходе акцент смещается с крайних рубежей того или иного исторического периода, переломных моментов, свидетельствующих о зарождении или угасании какой-либо тенденции, к его середине, кульминации [Костикова, Чэнь Шуи, 2012, с. 31].

В основе перевода лежит потребность людей в общении друг с другом, и результатом этого общения является расширение пространства для саморазвития человека. «Какими бы славными и великими ни были их собственные культуры, им неизбежно приходится общаться с другими культурами, постепенно понимая и смешиваясь друг с другом в постоянном столкновении или даже конфликте. Именно перевод привел к расширению национальной культуры в плане пространства и обогащению в плане коннотации» [Лю Юньхун, Сюй Цзюнь/刘云虹, 许钧, 2017, с. 58]. Содействие культурному обмену и расширению пространства для саморазвития – вот смысл и ценность переводческой деятельности в современном мире.

Перевод – это всегда конкретный акт и результат конкретного времени, и изучение перевода не может быть оторвано от этой реальности. Методы и приемы перевода неотделимы от особенностей двух конкретных языков. В процессе перевода мы должны исходить из потребностей нации и потребностей времени. Мы должны изучать зарубежные теории перевода, но не копировать их. Мы также должны впитывать переводческий опыт наших предшественников, чтобы «использовать наследие прошлого в интересах настоящего». В то же время переводчики должны осознать неизбежность межкультурной интеграции и освободиться от оков «эгоцентрического взгляда», чтобы принять

инострannую культуру с более открытым сердцем и взять на себя инициативу передать ее читателям, чтобы практика перевода под руководством теории перевода могла лучше способствовать культурному обмену.

Список литературы:

- Костикова О.И., Чэнь Шуи.* Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 31–48.
- Steiner G.* After Babel. Aspects of Language and Translation [1975]. 3d edition. New York: Open Road Integrated Media, 2013 [e-book].
- 雷海宗.* 由翻译史看翻译理论与翻译方法. 罗新璋, 陈应年. 翻译论集 (修订本). 北京: 商务印书馆, 2009, 637 p. (Лэй Хайцзун. Теория перевода и методы перевода из истории перевода. Луо Синьчжан, Чэнь Иньянь. Собрание эссе о переводе (пересмотренное). Пекин: Коммерческая пресса, 2009, 637 с.).
- 许钧.* 翻译论. 武汉: 湖北教育出版社, 2003. P. 288–289. (Сюй Цзюнь. Теория перевода. Ухань: Издательство образования Хубэй, 2003. С. 288–289).
- 贺麟.* 论翻译. 罗新璋, 陈应年. 翻译论集 (修订本). 北京: 商务印书馆, 2009. 522 p. (Хэ Линь. О переводе. Луо Синьчжан, Чэнь Иньянь. О переводе (пересмотренное). Пекин: Коммерческая пресса, 2009, 522 с.).
- 梁启超.* 佛学研究十八篇. 北京: 商务印书馆, 2014. P. 191–192. (Лян Цичао. Восемнадцать исследований по буддизму. Пекин: Коммерческая пресса, 2014. С. 191–192).
- 马祖毅.* 中国翻译简史. 北京: 中国对外翻译出版公司, 1998. P. 1. (Ма Цзуи. Краткая история китайского перевода. Пекин: Китайская корпорация иностранных переводов и издательств, 1998. С. 1).
- 刘云虹, 许钧.* 翻译的定位与翻译价值的把握——关于翻译价值的对话. 中国翻译, 2017. P. 54–61. (Лю Юньхун, Сюй Цзюнь. Позиционирование перевода и понимание ценности перевода – беседа о ценности перевода. Китайский перевод, 2017. С. 54–61).

References:

- Kostikova O.I., Chen Shuyi.* Stanovlenie kitaiskoi perezodcheskoi traditsii: praktika, kritika, teoriya [Chinese Translation Tradition: Practice, Criticism, Theory] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perezvoda. 2012. № 1. P. 31–48. (In Russian).
- Steiner G.* After Babel. Aspects of Language and Translation [1975]. 3d edition. New York: Open Road Integrated Media, 2013 [e-book].
- 雷海宗.* 由翻译史看翻译理论与翻译方法. 罗新璋, 陈应年. 翻译论集 (修订本). 北京: 商务印书馆, 2009, 637 p. / Lei Hai Zong. You Fan Yi Shi Kan Fan Yi Li Lun Yu Fan Yi Fang Fa. Luo Xin Zhang, Chen Ying Nian. Fan Yi Lun Ji (Xiu Ding Ben). (Lehi Khaitzsun. Teoriya perezvoda i metody perezvoda iz istorii perezvoda [Translation Theory and Translation Methods from the History of Translation]. Luo Sin'chzhan, Chehn' In'nyan'. Sobranie ehsse o perezvode (peresmotrennoe). Pekin: Kommercheskaya pressa, 2009, 637 p.). (In Chinese).
- 许钧.* 翻译论. 武汉: 湖北教育出版社, 2003. P. 288–289. / Xu Jun. Fan Yi Lun. (Syui Tszyun'. Teoriya perezvoda [Translation Theory]. Ukhan': Izdatel'stvo obrazovaniya Khubei, 2003. P. 288–289). (In Chinese).
- 贺麟.* 论翻译. 罗新璋, 陈应年. 翻译论集 (修订本). 北京: 商务印书馆, 2009. 522 p. / He Lin. Lun Fan Yi. Luo Xin Zhang, Chen Ying Nian. Fan Yi Lun Ji (Xiu Ding Ben). (Kheh Lin'. O perezvode [About translation]. Luo Sin'chzhan, Chehn' In'nyan'. O perezvode (peresmotrennoe). Pekin: Kommercheskaya pressa, 2009, 522 p.). (In Chinese).
- 梁启超.* 佛学研究十八篇. 北京: 商务印书馆, 2014. P. 191–192. / Liang Qi Chao. Fo Xue Yan Jiu Shi Ba Pian. (Lyan Tsuchao. Vosemnadtsat' issledovaniy po buddizmu [Eighteen Studies on Buddhism]. Pekin: Kommercheskaya pressa, 2014. P. 191–192). (In Chinese).

马祖毅. 中国翻译简史. 北京: 中国对外翻译出版公司, 1998. P. 1. / Ma Zu Yi. Zhong Guo Fan Yi Jian Shi. (Ma Tszui. Kratkaya istoriya kitaiskogo perevoda [A Brief History of Chinese Translation]. Pekin: Kitaiskaya korporatsiya inostrannykh perevodov i izdatel'stv, 1998. P. 1). (In Chinese).

刘云虹, 许钧. 翻译的定位与翻译价值的把握——关于翻译价值的对谈。中国翻译, 2017. P. 54–61. / Liu Yun Hong, Xu Jun. Fan Yi De Ding Wei Yu Fan Yi Jia Zhi De Ba Wo – Guan Yu Fan Yi Jia Zhi De Dui Tan. (Lyu Yun'khun, Syui Tszyun'. Pozitsionirovanie perevoda i ponimanie tsennosti perevoda – beseda o tsennosti perevoda [Positioning Translation and Understanding the Value of Translation – A Discussion on the Value of Translation]. Kitaiskii perevod, 2017. P. 54–61). (In Chinese).

Васильева Юлия Владимировна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Vasilyeva Julia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ЗАЛОГ ДОСТОВЕРНОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ПРАВДА ИЛИ МИФ?

EVIDENTIALITY AS A REASON TO TRUST A SCIENTIFIC TEXT: MYTH OR REALITY?

Статья посвящена сопоставительному анализу категорий эпистемической модальности и эвиденциальности с английскими модальными глаголами, встречающимися в медицинском научном дискурсе, с целью выявления сходств и различий между указанными категориями. В частности, в статье сделана попытка выявления понятийных особенностей категории эвиденциальности, а также средств ее выражения в англоязычном научном дискурсе для уточнения роли адресанта сообщения и концептуального представления информации с позиции ее достоверности. Практическая значимость работы напрямую связана с понятием эпистемической модальности и ее корреляцией с авторской речью в научном дискурсе.

Таким образом, производится оценка перспектив значимости аспекта эпистемической модальности (и эвиденциальности как ее субкатегории) в научном дискурсе с прослеживанием функциональной связи между реципиентом и продуцентом сообщения, а также средствами экспликации интенций последнего.

The article dwells upon the comparative analysis of such categories as epistemic modality and evidentiality in constructions comprising the English modal verbs in academic medical discourse, aimed at revealing the possible similarities and differences between the two categories in question. In particular, there was an attempt made herein to identify some notional peculiarities of the evidentiality as a category, as well as the means of its representation in the English academic discourse. This exercise was made in order to specify a role of a speaker and conceptual vision of the information in such texts in terms of its reliability, plausibility and certainty. The practical significance of this study is thus directly related to the notion of epistemic modality and its intercorrelation with the author's intentions exposed in the academic discourse.

In the course of this study, we consider a handful of perspectives that play a key role in evaluating the aspect of epistemic modality (and evidentially as its subcategory respectively) in the English academic discourse, which helps us track how much the audience and the speaker are biased functionally and how explicitly the intentions of the latter are expressed.

Ключевые слова: модальность, модальные глаголы, научный дискурс, эпистемическая модальность, эвиденциальность.

Key words: modality, modal verbs, academic discourse, epistemic modality, evidentiality.

Одной из ключевых тенденций современной лингвистики является антропоцентрический подход к изучению и толкованию разнообразных языковых явлений и дискурсивных практик. Примерами лингвистических категорий с антропоцентрическим содержанием являются категории эпистемической модальности и эвиденциальности, причем интерес представляет не только изучение особенностей их функционирования и средств выражения, но и вопрос о соотношении данных категорий, которые рассматриваются некоторыми исследователями как смежные или даже равнозначные в

подобных контекстах. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть существующие подходы к их разграничению, а также разработать гипотезу об отнесении их к одной категории.

Изобилие противоречивых мнений в отношении категории эвиденциальности, а также концептуально заложенное предназначение каждого языка в отсылке на источник передаваемой информации предопределяют ментальный характер применения данной категории в каждом конкретном языке и онтологические особенности наличия или отсутствия каких-либо предпосылок или ограничений морфосинтаксического свойства.

Согласно мнению некоторых исследований, эвиденциальность представляет собой отдельную категорию. Здесь стоит отметить, что для нас при выявлении первостепенного значения категории эпистемической модальности в процессе изучения научных текстов принимается во внимание такой критический фактор, как достоверность излагаемой информации, то есть фиксация знания у продуцента сообщения и последствия подобных сообщений не только для научного, но и всего мира. В связи с этим нам крайне важно оценить, следует ли разграничивать или объединять понятия эпистемической модальности и эвиденциальности в контексте авторского текста, который характеризуется как своеобразный гарант в представлении повествования с точки зрения акцента именно на авторскую речь, что существенно отличает подобный вид текста от несобственно-прямой речи. Как отмечает Ю.А. Шарапова, ключевым отличием несобственно-прямой речи от авторского текста является система эвиденциальных средств, выраженная полноценно при авторской речи и являющаяся заложником различным включений, обеспечивающих гетерогенность средств подобной аранжировки текста [Шарапова, 2001, с. 10]. При этом следует помнить, что научный текст как продукт одноименного дискурса обладает исключительной значимостью с точки зрения оставления своего следа в истории: «нет таких текстов, которые не явились бы также конечным итогом дискурсивной, т.е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности. Текст – это особый результат процесса речи, и в этом смысле завершенное произведение, рожденное в ходе дискурса» [Кубрякова, 2004, с. 516].

Сама по себе *эпистемическая* модальность (*греч.* episteme, ‘знание’) напрямую связана с понятиями вероятности, возможности и необходимости в зависимости от наличия фактов, свидетельств или доказательств – иными словами в прямой зависимости от того, какой информацией владеет продуцент сообщения. Так, по мнению О.М. Егоровой, понятие «не-эпистемический» раскрывает отношение высказывания к действительности и находится в оппозиции к «эпистемическому» виду, который выражает оценку высказывания с позиции говорящего или пишущего в плане реальности его содержания

[Егорова, 2016, с. 20]. Это позволяет нам рассматривать понятия вероятности, возможности и необходимости как конститутивные признаки эпистемической модальности.

В непосредственной близости к эпистемической модальности располагается понятие *эвиденциальности*, известное также в отечественном языкознании как «очевидность, засвидетельствованность, пересказанность» от английского слова *evidence*. Данное понятие приобрело особую популярность после выхода в свет работы Р.О. Якобсона “Shifters, Verbal Categories, and the Russian verb” («Шифтеры, глагольные категории и русский глагол») в 1957 году, в которой лингвист рассматривает эвиденциальность как отдельную грамматическую категорию, базирующуюся на событиях трех видов: событие рассказанное (*narrated event*), событие речевое (*speech event*) и рассказанное речевое событие (*narrated speech event*) [Jakobson, 1957, с. 14]. Вводя в обиход термин «шифтер», Р.О. Якобсон таким образом знакомит нас с новой языковой единицей вторичного уровня значимости, основная задача которой состоит в отсылке либо на участников речевого акта, либо на сам речевой акт. Согласно мнению Р.О. Якобсона, информация, которая служит основой для выражения эвиденциальной модальности, может представлять собой широкий спектр различных перспектив: от чьего-либо сообщения, догадки, предположения до выводов, сделанных на основании предшествующего опыта или даже сновидений [Там же]. В научном мире принято называть подобного рода сведения «информацией из вторых рук», ведь, как справедливо отмечает А. Мустайоки, продуцент сообщения при экспликации эвиденциальности высказывает одновременно и факт, и сомнение в достоверности излагаемого факта [Мустайоки, 2006, с. 289].

При широком рассмотрении эвиденциальность принято относить к подвиду эпистемической модальности, ее составляющей, что соответствующим образом отражено в «Словаре лингвистических терминов» (“Glossary of Linguistic terms”): эпистемическая модальность сигнализирует о степени уверенности говорящего и о том количестве сведений, которые необходимы ему для экспликации пропозиции высказывания. Эвиденциальность – это эпистемическая модальность, которая представляет собой оценку говорящим сведений, которыми он располагает [GoLT, эл. ресурс]. Отметим, что наше видение полностью опирается на данное определение и предполагает, что явления эпистемической модальности и эвиденциальности находятся в непосредственной близости, тесной взаимосвязи друг с другом, ведь оба понятия имеют отсылку к одинаковым признакам: возможность, вероятность, необходимость. Лингвистические маркеры эвиденциальности, таким образом – это средства ее выражения, указывающие на тип информации-источника через призму вероятности, надежности или достоверности:

*Although children and adolescents generally have milder Covid-19 than adults, severe illness can occur in this population, especially in those with underlying medical conditions. Adolescents **may play** an important role in SARS-CoV-2 transmission. Thus, their vaccination **may prevent** disease and **contribute** to herd immunity.*

Данный пример иллюстрирует гипотетический аспект знания у продуцента сообщения, полученный посредством некоторых доступных ему статистических данных. Тем не менее, это позволяет ему делать определенные умозаключения в отношении исследуемой темы, прибегая к помощи оператора эпистемической модальности *may*, который способствует снижению степени уверенности автора сообщения в своем суждении.

Установление взаимоотношения между эпистемической модальностью и эвиденциальностью исторически проблематично, тема разграничения данных категорий подвергается серьезным дискуссиям уже долгое время, что с логической точки зрения не должно нас удивлять: между рассматриваемыми понятиями существует явная логическая связь в том смысле, что эпистемические суждения концептуально базируются на каких-либо доказательствах, а любые подтверждающие данные априори относятся к категории эвиденциальности. Приведем примеры:

*We detected increased 21-hydroxypregnenolone, the essential intermediate for synthesizing corticosterone, suggesting that corticosterone biosynthesis **may be** a protective mechanism against SARS-CoV-2 infection. Our data suggest severe COVID-19 patients **might benefit** from this therapeutic strategy.*

*VITT is a new syndrome, and without a full understanding of the pathophysiology, including why certain vascular beds are more susceptible, and with the real incidence of PF4 antibodies after vaccination in the healthy population, unknown cases **may be included** that are not true VITT or else they **may be missed** if they do not meet immediate criteria such as platelet count on admission.*

В подобного рода предположениях граница между эпистемической модальностью и эвиденциальностью пролегает на уровне сложноподчинительной связи, выражающей некое условие, которое, с одной стороны является критически важной предпосылкой реализации сценария, заложенного в главном предложении, а с другой стороны, представляет собой некий «буфер» – параметр, который сглаживает эффект суждения с точки зрения полноценного знания об исследуемом объекте.

В соответствии с этим, эвиденциальные категории, как правило, несут в себе определенную степень вероятности развития событий. Так, к примеру, когда речь заходит о показаниях с чужих слов, в контексте такого сообщения непременно проявляется

эпистемическая модальность, указывающая на более низкую степень уверенности, чем, скажем, свидетельство, основанное на зрительном восприятии «своими глазами» [Nuyts, 2005, с. 11]. Тем не менее, различные исследователи по-разному трактуют взаимосвязь эпистемической и эвиденциальной модальности. Как правило, основой для отнесения концептуализируемого события к тому или иному исследуемому виду модальности является способ получения информации – источник, который трактуется разными лингвистами по-разному, но в целом его можно отнести либо к сведениям, полученным «из первых рук», либо «не из первых рук» с пометкой на отдельный подтип информации, получаемой при помощи органов чувств:

*However, use in a larger population **could potentially play** a role in driving the selection of viral resistance, as has been seen with oseltamivir for Influenza A virus (IAV).*

The first attempt to develop a prophylactic approach to prevent respiratory syncytial virus (RSV)-induced disease in children was in 1966 and relied on the use of a formalin-inactivated vaccine. This approach failed and was even detrimental to patients, resulting in vaccine-associated enhanced respiratory disease (Kim et. Al, 1969), possibly associated with the elicitation of high levels of non-neutralizing antibodies.

Второй пример, более того, изобилует не только количеством данных, полученных опытным путем, но и ссылкой на первоисточник, что, тем не менее, не придает автору данного сообщения полной уверенности в достоверности подобного утверждения и приводит его к выбору в пользу сентенциального наречия *possibly*. Рассмотрим различные позиции исследователей в отношении корреляции эпистемической модальности и эвиденциальности.

Дж. Байби и Ф. Палмер включают эвиденциальность в категорию эпистемической модальности [Bybee, Fleischman, 1995; Palmer, 1979]. К. Хенгевельд косвенно связывает эвиденциальность и эпистемическую модальность в одну субкатеорию, которая, по мнению автора, носит название *эпистемологическая модальность* [Hengeveld, 1987, с. 57]. Дж. Нойтс предпочитает относить эвиденциальность к отдельной категории, получившей название «*оценочная категория*» (vs. Модальная) [Nuyts, 2005, с. 12].

М. Фаллер отводит эвиденциальность в отдельную категорию, которую, тем не менее, ограничивает до понятия лингвистического маркера, описывающего характер источника информации, который служит основой для продуцирования некоего утверждения [Faller, 2006, с. 2]. Как отмечает исследователь, основными субкатегориями эвиденциальности выступают прямое и косвенное доказательство. По определению Т. Уиллета, к косвенным доказательствам следует отнести так называемую информацию «из вторых рук», то есть сведения, полученные с помощью информации от третьих лиц, а

также инференцию [Willet, 1988, с. 72]. Контрастирующая категория эпистемической модальности, в данном смысле, маркирует степень уверенности продуциента сообщения и/или возможность/необходимость истины, которую несет в себе пропозиция. М. Фаллер указывает, что концептуально две сравниваемые категории являются, очевидно, разными, хотя и близкородственными: характер сведений, которым владеет продуциент сообщения, всегда будет определять степень уверенности в пропозициональной части его высказывания [Faller, 2006, с. 2].

Среди разработок российских лингвистов, исследующих вопросы эвиденциальности, отмечаются работы Н.А. Козинцева и Е.Е. Корди [Козинцева, 1994, 1998; Корди, 1998]. Н.А. Козинцева предлагает подразделять языковые факты на два вида – в первом продуциенту сообщения не обязательно ссылаться на источник информации, он может моделировать свое сообщение по своему усмотрению, так как подобного рода авторская речь построена на его прямом свидетельстве (наблюдении). Второй вид подразумевает обязательное обращение или упоминание источника информации и представляет собой уже косвенное свидетельство, или, как говорилось выше «сведения из вторых рук» [Козинцева, 1994, с. 92].

Рассматривая возможные источники информации, закладывающие основу категории эвиденциальности, следует подчеркнуть, что данная категория носит название *‘пересказывательной’* [Молошная, 1989, с. 63], а обозначаемая данным термином косвенная информация в разных источниках тесно связана с разными терминами: «инференция», *‘инференциональность/неинференциальность’*, *‘очевидность/неочевидность’*, *‘дистантность’*, а также *‘имперцептив’* [Козинцева, 1994, с. 93]. Исследования категории эвиденциальности не стоят на месте, и, согласно данным, отмеченным в работах по когнитивной лингвистике, опубликованным шотландским центром Когнитивного научного сообщества, с понятием эвиденциальности коррелирует термин *‘метарепрезентация’*. Как отмечает Т.А. Клепикова, представители данного направления вводят ограничения на спектр глаголов, отвечающих за репрезентативную часть предложения, оперирующего категорией эвиденциальности, и локализуют перечень релевантных операторов речи до «идеальных» значений, а именно – глаголов оценки и выражения мнения [Клепикова, 2002, с. 23].

Среди перечисленных терминов, наиболее часто встречающихся в контекстах категорий эпистемической модальности и эвиденциальности, особое место занимает понятие инференции, которая представляет собой «гораздо более весомое доказательство, нежели информация, принятая на слух или опытным путем» [Палмер, 2001; Нойтс, 2005]. Под инференцией Е.С. Кубрякова понимает «получение выводных данных в процессе

обработки информации и/или языка и само выводное знание, умозаключение», что представляет собой «одну из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [КСКТ, 1996, с. 33]. Дж. ван дер Аувера и В.А. Плунгян даже включают признак инференции в понятие эпистемической модальности, но исключают, однако, все прочие признаки эвиденциальности из какой-либо принадлежности к категории модальности [van Der Auwera, Plungian, 1998, с. 121]. Рассмотрим таблицу 1:

Таблица 1.

Инференциальная эвиденциальность = эпистемическая необходимость

Необходимость				
...	Деонтическая необходимость	Эпистемическая необходимость = Инференциальная эвиденциальность	«Цитируемая» эвиденциальность	...
Эвиденциальность				

Инференция (в частности, обоснованная) обладает по меньшей мере одним смежным свойством с эпистемической модальностью, которого лишены все иные подвиды эвиденциальности – это градация степеней надежности или достоверности. Так, по мнению Дж. Нойтса, существуют сильные формы (*clearly, obviously, logical*), умеренные (средние) формы (*appear, plausible, presumably*) и слабые формы выражения уверенности в истинности пропозиции (*seem*) [Nuyts, 2005, с. 11]. Даже несмотря на то, что степень уверенности в достоверности излагаемого материала, выражаемая при помощи подобных маркеров эвиденциальности, может варьироваться в зависимости от способа получаемой информации (информация «из вторых рук» обычно воспринимается как менее достоверная, в то время, как цитирование источника, как правило, придает стопроцентную уверенность в истинности репродуцируемых данных), они не могут коррелировать с маркерами инференции с точки зрения их семантической нагрузки. Таким образом, инференция относится к категории эпистемической модальности. Рассмотрим примеры:

*However, use in a larger population **could potentially play** a role in driving the selection of viral resistance, as has been seen with oseltamivir for Influenza A virus (IAV).*

*Another highly potent RSV mAb (nirsevimab) harboring an Fc fragment engineered for half-life extension recently showed a 78% reduction in hospitalization in pre-term infants in a phase 2b study (Griffin et. Al., 2020; Zhu et al., 2017). Its (nirsevimab) success **may revolutionize***

the prophylactic use of mAbs to a very large population, possibly reducing RSV-associated mortality and hospitalization globally.

Оба приведенных выше примера демонстрируют наличие эвиденциальных признаков: в первом примере речь идет о визуальном проводнике данных, полученных опытным путем, т.е. «своими глазами», а во втором случае перед нами предстает развернутая картина информации, полученной из «первых рук», так как автор статьи ссылается на непосредственные первоисточники. В отношении используемых маркеров эвиденциальности следует отметить, что первое предложение является примером слабой эпистемической модальности, выраженной модальным оператором *could*, а второе предложение характеризуется большей степенью уверенности в достоверности излагаемой информации, в котором автор оперирует модальным глаголом *may*. Напомним, что, согласно наиболее распространенному актуальному мнению, которое изначально было выражено Дж. Коутс, модальные глаголы *may* и *might* выражают идентичную, то есть одинаковую степень уверенности автора в излагаемой информации, а потребность снизить вероятность прогнозируемых событий реализуется при помощи *could* [Coates, 1983, с. 152].

При изучении приведенных выше примеров будет уместно поднять вопрос о средствах выражения категории эвиденциальности в английском языке с уклоном на академический дискурс, являющийся предметом данного исследования. Само по себе понятие дискурса, по мнению М.Л. Макарова, уже предполагает некоторую ‘идеологическую интерпретацию’, ‘собственную точку зрения на изучения языка и языкового общения’ [Макаров, 2003, с.56].

При изучении научного дискурса особое значение отводится роли реципиента сообщений, так как продукт научного дискурса – в нашем случае это научная статья – служит проводником передачи знаний о различных объектах и явлениях действительности. «Важнейшими составляющими ее структуры дискурса являются автор (адресант текста) и читатель (адресат), а также сама изображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие адекватно воплотить творческий замысел, а читателю воспринять заложенные в текст смыслы» [Манерко, 2013, с. 106]. Таким образом, при исследовании любого вида дискурса необходимо учитывать ситуацию общения коммуникантов, цель, содержание, канал коммуникации, прагматику и коммуникативную эффективность речевого акта. Дискурс, таким образом, представляет собой модель ментального пространства, в котором содержится восстанавливаемый контекст [Манерко, 2004].

Характерные для любого другого вида дискурса обозначения авторства или пересказывания чужих слов не являются типичными чертами научного дискурса, в котором

всегда наблюдается некоторое вероятностное предсказывание со значением отстраненности или непричастности, но, тем не менее, встречаются в исключительных случаях:

***We report** an initial spike in a systemic inflammatory response, which is gradually alleviated and followed by a protein signature indicative of tissue repair, metabolic reconstitution, and immunomodulation.*

***We show** that the machine learning models based on the proteome are transferable to an independent cohort.*

В частности, распространенным приемом обозначения отсылки на источник информации в наших примерах является прием умолчания о точном источнике исходящей информации:

*Furthermore, proteomic data and diagnostic parameters **have pointed to** underlying pathological mechanisms and possible therapeutic targets.*

Ввиду того, что исследуемая категория эвиденциальности в научном тексте проводит определенные границы категориального поля безличности автора, согласно мнению О.А. Кобриной, для ее выражения в английском языке применяется ряд «лексических (типа словосочетаний и идеальных глаголов, однокоренных с ними существительных, личных местоимений) и синтаксических (различные конструкции типа парантез, ComplexSubject, сложных предложений с эвиденциальной модусной частью)» [Кобрина, 2001, с. 8]. В научных статьях нашей выборки мы обнаруживаем значительное количество примеров, иллюстрирующих применение синтаксических средств выражения эвиденциальности и эпистемической модальности соответственно:

*Furthermore, markers of dysregulated coagulation, inflammation, and other organ dysfunction **have been established** as risks factors for severe illness, including low platelet count.*

*Early referral to intensive care treatment units **has been shown to improve** prognosis and outcome for patients with severe COVID-19.*

*The measurements were performed on samples collected during the early period of COVID-19, i.e. immunomodulatory treatments such as dexamethasone became standard of care for severe COVID-19 (**RECOVERY Collaborative group, 2020**).*

*The prediction was made for each sample separately, by excluding (**withholding**) this sample from the dataset, training the classifier on the remaining (**independent**) samples and then predicting the withheld sample using the trained model.*

Проблема корреляции эпистемической модальности и эвиденциальности не может быть сведена к опоре на широкий коммуникативный контекст, но должна принимать во внимание также прагматический аспект. Вышеупомянутый фактор инференции призван

помочь реципиенту сообщения извлечь смысл из ситуативно изменчивого контекста с учетом интенции продуциента этого сообщения, его целей и предпочтений (в когнитивный механизм инференции входит широкий спектр возможных операций: от генерализации и аналогии до компрессии и фокусирования) [Одинцова, 2016, с. 6]. Иными словами, если автор отдает предпочтение операторам эпистемической модальности в процессе создания сообщения, подобный выбор по умолчанию подразумевает невысокую степень его уверенности в достоверности излагаемой информации даже при наличии ссылки на какие-либо первоисточники:

The first attempt to develop a prophylactic approach to prevent respiratory syncytial virus (RSV)-induced disease in children was in 1966 and relied on the use of a formalin-inactivated vaccine. This approach failed and was even detrimental to patients, resulting in vaccine-associated enhanced respiratory disease (Kim et. Al, 1969), possibly associated with the elicitation of high levels of non-neutralizing antibodies.

Таким образом, мы видим, что большинство лингвистов указывает на важность рассмотрения категорий эпистемической модальности и эвиденциальности нераздельно друг от друга, данные категории взаимозависимы, ведь, как справедливо отмечает Ф. Кифер, именно знания говорящего позволяют ему производить сообщение и делать выводы касательно обоснованности подобного высказывания в случае актуализации эпистемической модальности [Kiefer, 1984, с. 59].

Приведенные выше примеры позволяют нам сделать выбор в пользу более широкого определения эпистемической модальности, ведь предоставленные нами аналитические данные свидетельствуют о том, что наличие информации у говорящего об источниках произносимого им высказывания, т.е. собственно эвиденциальное значение предложения, не усиливает смысловой нагрузки всего высказывания в части ее достоверности. Подобные выводы являются вполне верифицируемыми, так как основываются на превалирующем количестве случаев употребления модальных глаголов, сопровождающих тип информации-источника в рамках высказываний авторов научных статей исследуемых изданий, что говорит о соответствующем сниженном уровне достоверности, вероятности или надежности излагаемой информации вне зависимости от способа ее получения или генерации. Применяемый нами индуктивный метод способствует разработке гипотезы о том, что эвиденциальность является субкатегорией эпистемической модальности, так как вне зависимости от характера информации – первоисточника, используемого для эскалации последующих суждений и теорий об объекте нашего исследования, авторы научных статей оставляют за собой «право на ошибку», прибегая к различным лингвистически кодируемым

инструментам, а именно маркерам эпистемической модальности для выражения своих идей и выдвижения гипотез.

Список литературы:

- Егорова О.М.* Модальные глаголы немецкого как грамматические прецедентные единицы: Монография / Под науч. Ред. Н.А. Голубевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. 189 с.
- Клепикова Т.А.* Моделирование семантики высказываний с глаголами мнения в английском языке // Композиционная семантика. Мат-лы III междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. 18–20 сент. 2002. Ч.1. Тамбов, 2002.
- Кобринна О.А.* Индикаторы эвиденциальности (семантический аспект) // Язык как функциональная система: сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. Тамбов, 2001.
- Козинцева Н.А.* Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
- Корди Е.Е.* К вопросу о категории эвиденциальности // Вопросы романского и общего языкознания. Спб., 1998.
- Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [КСКТ] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкратц, Л.Г. Лузина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Манерко Л.А.* Концептуально-смысловое пространство текста // Теория и практика германских и романских языков. Ульяновск, 2004. С. 131–138.
- Манерко Л.А.* Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
- Миронова Н.Н.* Структура оценочного дискурса: дис.... докт. филол. наук: 10.02.19 / Миронова Надежда Николаевна. Москва, 1998. 355 с.
- Молошина Т.Н.* Категория пересказываемости болгарского языка // Советское славяноведение. 1989. № 2.
- Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
- Одинцова И.В.* Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. М., 2016. Вып. 4. С. 4–6.
- Шарапова Ю.В.* Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Шарапова Юлия Викторовна. Спб., 2001. 196 с.
- Bybee J., Fleischman S.* Modality in grammar and discourse. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1995. 575 p.
- Coates J.* The Semantics of the Modal Auxiliaries. London: Croom Helm, 1983. 259 p.
- Faller M.* Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics/Pragmatics Interface. Manchester: The University of Manchester, 2006. 33 p.
- Glossary of Linguistic Terms [GoLT]* [Электронный ресурс]. What is epistemic modality? – Режим доступа: <http://www.01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/WhatIsEpistemicModality.htm>
- Hengeveld K.* Clause structure and modality in Functional Grammar // Ins and outs of the predication / Eds. J.V. der Auwera, L. Goossens. Dordrecht: Foris, 1987. P. 53–66.
- Jakobson R.* Shifters, Verbal Categories, and the Russian verb. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957. P. 14–16.
- Kiefer F.* Focus and Modality // Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik, 1984. Vol. 24. P. 55–81.
- Nuyts J.* Modality: overview and linguistic issues // The expression of modality / Ed. F. Willia. Mouton de Gruyter, Berlin/New York, 2005. P. 1–26.
- Palmer F.R.* Modality and the English modals. London and New York: Longman, 1979. 196 p.
- Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge: University Press, 2001. 236 p.

Papafragou A. Modality: issues in the semantics-pragmatics interface. Amsterdam, Lausanne, New York, Oxford, Shannon, Singapore and Tokyo: Elsevier, 2000. 238 p. (Current Research in the Semantics/Pragmatics Interface).

Auwers J. van der, Plungian V.A. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2 (1), 1998. P. 79–124.

Willet T. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language* 12 (1), 1988. P. 51–97.

References:

Auwers J. van der, Plungian V.A. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2 (1), 1998. P. 79–124.
Willet T. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language* 12 (1), 1988. P. 51–97.

Bybee J., Fleischman S. Modality in grammar and discourse. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1995. 575 p.

Coates J. The Semantics of the Modal Auxiliaries. London: Croom Helm, 1983. 259 p.

Egorova O.M. Modalnye glagoly nemetskogo yazyka kak grammaticheskiye pretsedentnye edinityy [German modal verbs as grammatical precedent units]: Monografiya / Pod nauch.red. N.A. Golubevoy. N. Novgorod: NGLU, 2016. 189 p. (In Russian).

Faller M. Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics/Pragmatics Interface. Manchester: The University of Manchester, 2006. 33 p.

Glossary of Linguistic Terms [GoLT] [Electronic resource]. What is epistemic modality? – Available at: <http://www.01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/WhatIsEpistemicModality.htm>

Hengeveld K. Clause structure and modality in Functional Grammar // *Ins and outs of the predication* / Eds. J.V. der Auwers, L. Goossens. Dordrecht: Foris, 1987. P. 53–66.

Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian verb. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957. P. 14–16.

Kiefer F. Focus and Modality // *Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik*, 1984. Vol. 24. P. 55–81.

Klepikova T.A. Modelirovaniye semantiki vyskazyvaniy s glagolami mneniya v angliiskom yazyke [Modelling the semantics of the utterances comprising the opinion-expressing verbs in the English language] // *Komposicionnaya semantika. Mat-ly III mezhdunar. shkoly-seminara po kognitivnoy lingvistike*. 18-20 sept. 2002. P.I. Tambov, 2002. (In Russian).

Kobrina O.A. Indikatory evidencialnosti (semanticheskiy aspekt) [Indicators of evidentiality: semantic aspect] // *Yazyk kak funktsionalnaya sistema: sbornik statey k yubileyu professor N.A. Kobrinoy*. Tambov, 2001. (In Russian).

Kozinceva N.A. Kategoriya evidencialnosti (problema tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality: problem of typological analysis] // *Voprosy yazykoznaneya*. 1994. № 3. (In Russian).

Kordi E.E. K voprosu o kategorii evidencialnosti [More on the category of evidentiality] // *Voprosy romanskogo i obshego yazykoznaneya*. Spb., 1998. (In Russian).

Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: on the way of getting some knowledge on the language: parts of the speech from the cognitive perspective. The role of the language in the world cognition] / E.S. Kubryakova. Russian Academy of Science. In-t Yazykoznaneya. M.; Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. 560 p. (Language. Semiotics. Culture). (In Russian).

Kubryakova E.S. Kratkiy slovar kognitivnykh terminov [KSKT] [Brief dictionary of the cognitive terms] / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L.G. Luzina. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1996. 245 p. (In Russian).

Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Basics of Discourse Theory]. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 280 p. (In Russian).

Manerko L.A. Konceptualno-smyslovoye prostranstvo teksta [Conceptual-semantic space of the text] // *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov*. Ul'yanovsk, 2004. P. 131–138. (In Russian).

Manerko L.A. Struktury znaniy, predstavlenyye v khudozhestvennom i akademicheskom diskursakh (Knowledge structures, presented in artistic and academic discourses) // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 22. Teoriya perevoda. 2013. № 1. P. 100–118. (In Russian).

Mironova N.N. Struktura otsenoch'nogo diskursa [Structure of evaluative discourse]: dis.... dokt. filol. nauk: 10.02.19 / Mironova Nadezhda Nikolaevna. Moskva, 1998. 355 p. (In Russian).

Moloshnaya T.N. Kategoriya pereskazyvatelnosti bolgarskogo yazyka [Evidentiality as a category of the

- Bulgarian language] // Sovetskoye slavyanovedenie. 1989. № 2. (In Russian).
- Mustayoki A.* Teoriya funktsionalnogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam [The theory of functional syntax: from the semantic structures to the language means]. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2006. 512 p. (In Russian).
- Nuyts J.* Modality: overview and linguistic issues // The expression of modality / Ed. F. Willia. Mouton de Gruyter, Berlin/New York, 2005. P. 1–26.
- Odintsova I.V.* Implikatciya i inferenciya v lingvodidaktike [Implication and inference in the language education] // Mir russkogo slova. M., 2016. Vyp. 4. P. 4–6. (In Russian).
- Palmer F.R.* Modality and the English modals. London and New York: Longman, 1979. 196 p.
- Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge: University Press, 2001. 236 p.
- Papafragou A.* Modality: issues in the semantics-pragmatics interface. Amsterdam, Lausanne, New York, Oxford, Shannon, Singapore and Tokyo: Elsevier, 2000. 238 p. (Current Research in the Semantics/Pragmatics Interface).
- Sharapova Yu.V.* Nesobstvenno-pryamaya rech' v funktsional'no-kommunikativnom i strukturno-semanticheskom aspektakh (na materiale angliiskogo yazyka) [Experienced indirect speech as viewed in the structural and semantic aspects: a case study of the English language]: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.04 / Sharapova Yuliya Viktorovna. Spb., 2001. 196 p. (In Russian).
- Willet T.* A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. Studies in Language 12 (1), 1988. P. 51–97.

Воюцкая Александра Анатольевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Voyutskaya Alexandra
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ПЕРЕВОДЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО ВРЕМЕН СВЕРЖЕНИЯ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА ДО ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN DIPLOMACY ON TRANSLATION ACTIVITY FROM THE TIME OF THE OVERTHROW OF THE TATAR-MONGOL YOKE TO THE REFORMS OF PETER THE GREAT

Статья представляет собой краткий обзор источников, посвященных деятельности переводчиков и толмачей в России с конца XV по первую половину XVIII вв. По мнению автора, это время ознаменовало собой период, когда в России происходило формирование профессии дипломатического переводчика. В статье рассмотрены факторы, способствующие развитию общественно-политического перевода и, как следствие, оформлению переводчиков и толмачей в самостоятельную профессиональную категорию, а также социальные условия их труда и быта – порядок приема на службу, обязанности и жалование, условия проживания. В статье также описаны структура и функции Посольского приказа – главного дипломатического ведомства России того времени, порядок ведения переговоров и особенности дипломатического этикета, которому должны были следовать толмачи, работающие на переговорах, и переводчики, осуществляющие перевод дипломатической документации. Также в статье описаны различия в социальном и профессиональном статусе переводчиков и толмачей, из которых первые считались более квалифицированными и высокооплачиваемыми специалистами, а также определены наиболее популярные языковые комбинации и кратко описаны особенности профессиональной подготовки переводчиков и толмачей.

The article is a brief overview of the activity of interpreters and translators from the end of the 15th century to the first half of the 18th century in Russia. According to the author, this time marked the period when the profession of diplomatic interpreter and translator was being formed in Russia. The article deals with the factors contributing to the development of social and political translation and interpreting and, as a result, to the formation of interpreters and translators into an independent professional category. The article also dwells on social conditions of their work and life, such as the order of employment, duties and wages, living conditions. The article describes the structure and functions of the Ambassador's office (Posol'skij prikaz) which represented the main Russian diplomatic body at that time, the procedure of negotiations and the special features of diplomatic etiquette, which had to be followed by interpreters working at the talks and translators, engaged in translation of diplomatic documentation. The article also describes differences in social and professional status of interpreters and translators, the former being considered as more qualified and highly paid specialists; identifies the most popular language combinations and briefly describes features of professional training of interpreters and translators of that time.

Ключевые слова: переводчики и толмачи, Посольский приказ, общественно-политический перевод, дипломатический перевода, история перевода.

Key words: interpreters and translators, the Ambassador's office (Posol'skij prikaz), social and political translation and interpreting, diplomatic translation and interpreting, translation history.

В последние десятилетия место России в мире стремительно меняется, что в свою очередь приводит к возросшему интересу к истории и культуре нашей страны со стороны

исследователей в разных областях знаний. Это время отмечено многочисленными попытками изучить и переосмыслить многие факты из русской истории, а также добиться систематизации научного знания. Не составляет исключения и наука о переводе. История перевода, составляющая один из основных аспектов науки о переводе, постоянно продолжает пополняться новыми фактами, что, в свою очередь, способствует совершенствованию науки о переводе в целом.

Данная тема особенно актуальна в настоящее время, на фоне возросшего в последнее время интереса к проблемам и особенностям переводческой деятельности, а также значительных пробелов в отечественной истории перевода и истории России вообще. Труды по отечественной истории перевода изучаемого периода в подавляющем большинстве посвящены переводу художественной, религиозной и научной литературы. Исследователи описывают изучаемый период в основном с точки зрения его значения для формирования русского языка, уделяя пристальное внимание переводам художественной и научной литературы с латинского и греческого, а позже и других европейских языков, и в особенности деятельности греческого монаха-ученого Максима Грека и его русских учеников. О переводе общественно-политических текстов, а также о самих переводчиках и особенностях их деятельности известно немного; научные исследования в этой области в большинстве своем не систематизированы; многие из них ограничиваются низкой оценкой качества общественно-политического перевода в то время. Многие исследования, затрагивающие тему данной работы, лежат в смежных с наукой о переводе областях знаний, таких как история политики или дипломатии. При этом подробные исследования Посольского приказа как организации со сложной структурой ограничиваются лишь основными категориями служащих – дьяками и подьячими, в то время как переводчики и толмачи дипломатического ведомства того времени изучены мало. А ведь именно в этот период, под влиянием необычайного прорыва в дипломатических отношениях России, формировалась профессия переводчика.

1. Историческая ситуация в России XIV-XVI вв. Геополитические предпосылки к развитию общественно-политического перевода в XVI-XVII вв.

XIV–XVII века – это время значительных перемен в истории народов Старого Света. Эти изменения оказали значительное влияние на историю России, перед которой в условиях стремительно меняющегося мира стояло много внешнеполитических задач. К ним относилось избавление от тяжелого бремени татаро-монгольского нашествия и борьба с наследниками Золотой Орды, а также выстраивание дипломатических отношений с набирающими силу европейскими государствами и расширение собственной территории.

Менялось положение и во внутренней политике страны: исчезали пережитки феодальной раздробленности, начинали завязываться новые торговые отношения, совершенствовался государственный аппарат. Все это привело к настоящему прорыву в развитии русской дипломатии, которая в силу своей специфики неразрывно связана с развитием общественно-политического перевода.

Первым учреждением, созданным для ведения международными сношениями в России, был Посольский приказ. Он был основан в 1549 г. и просуществовал до 1720 г. К XVII веку это было полностью сформировавшееся учреждение с профессиональным штатом. Письменные и устные переводчики Посольского приказа выполняли особую миссию, значение которой для науки о переводе и для развития российского государства в целом переоценить невозможно, однако зарождение общественно-политического перевода в России, разумеется, восходит к более раннему времени.

Практически всю свою историю Россия поддерживала насыщенные внешнеполитические отношения с другими государствами. Однако до XIII века внешняя политика Москвы не была столь активной. Одними из первых внешнеполитических контактов, значимых для развития перевода в России, хоть и губительными для развития самого государства, являются «столкновения» с мусульманами, которые привели в XIII веке к формированию целого периода в российской истории, периоду татаро-монгольского завоевания, датируемому с 1223 по 1480 гг. Во многом монгольское нашествие было разрушительным для Руси. Оно тормозило развитие товарно-денежных отношений в русских городах, что в свою очередь приводило к дестабилизации экономики, препятствовало установлению и поддержанию связей с другими государствами и привело к общему падению уровня культуры. Тем не менее, нельзя отрицать огромное влияние, которое оказали контакты с монгольской цивилизацией того периода на развитие переводческой деятельности в России, причем не только на Руси XIV–XVI веков, но и в целом.

Во время татаро-монгольского завоевания для того, чтобы общаться с ордынскими послами и ханами, будь то в Москве или в Орде, московские князья обзаводились *толмачами*. Словарь Российской Академии дает следующее толкование слову «толмач»: «переводчик, тот, кто изъясняет, переводит взаимный разговор двух и более особ, говорящих различными языками» [Словарь Российской Академии, 1794, с. 85]. В качестве языка заимствования данного слова исследователи в основном приводят тюркский язык. Многие историки относят появление слово «толмач» именно к ордынскому периоду российской истории (XIV в.), однако в тот период переводчики, специализировавшиеся на внешнеполитических контактах, были скорее окказиональными. «Съ татарскими послами,

какъ видно изъ жалованной грамоты В. К. Василя Темнаго, ѓзжали ихъ толмачи» [Мартынов, 1865, с. 195]. Очевидно, что здесь мы имеем дело с устным последовательным переводом в современном значении этого понятия: в дипломатических текстах XVII века «толмачу» противопоставляется «переводчик» (письменный переводчик). Заслугу толмачей XIV–XV веков в успешной внешней политике Российского государства трудно переоценить. Московским князьям, зачастую не владевшим иностранными языками, без переводчика обойтись было практически невозможно. В книге «Русь и Орда» М. Каратеев пишет:

Прими на миг, что и вправду в славянских землях сели нурманские князья, <...> суд над славянами почали вершить судьи, не разумеющие славянской речи. <...> Толмач стал бы на Руси первым мздоимцем, лицом видным и важным, ибо без его помощи невозможно было ступить шагу [Каратеев, 2009, с. 250].

В середине XV века единая Золотая Орда распалась на отдельные ханства (Астраханское, Казанское, Крымское и Ногайскую Орду). Многие татары, в том числе мурзы и ханы, бежали из охваченной смутой Орды в Москву, где находили приют у московских князей, становясь толмачами, писцами, проводниками. Здесь мы можем говорить об образовании класса служилых татар. В обязанности служилых татар входило участие в организации дипломатических миссий за границу, доставка дипломатической почты, а во многих случаях и обеспечение устного перевода.

Одним из государств, на которые распалась в XV веке единая Золотая Орда, была Ногайская Орда. С 1520-х гг. началось интенсивное развитие торговых отношений Москвы и Ногайской Орды (торговля лошадьми, одеждой, войлоком, кожей). Ногайские послы, приезжающие в Москву, останавливались на Ногайском дворе (район современного Павелецкого вокзала). Одним из основных вопросов, связывающих Москву и Ногайскую Орду, была выплата дани ордынским ханствам. Этот процесс контролировался московскими казначеями, а для общения между сторонами служили местные татары, проживающие в татарской слободе. Письма и грамоты из Москвы в восточные страны писались на татарском языке (очевидно, не без участия татарских толмачей, живущих в Москве), а приходящие в Москву переводились казанскими толмачами [Белокуров, 1906; Забелин, 1905/1990; Трепавлов, 2016; Хайретдинов, 2002, 2008].

2. Переводческая деятельность на Руси с середины XVI в. по первую половину XVIII в.

XVI век стал настоящим прорывом в установлении собственных дипломатических традиций для России. После установления независимости от татаро-монгольского ига

Россия начала усиливать международные контакты, причем не только с восточными государствами (Османская империя, Крымское ханство, Персия, и т.д.), но и со многими европейскими странами, что обусловило нужду в переводчиках с разных европейских и восточных языков. Начиная с XVI века, в Москву все чаще и чаще приезжали шведские, датские, венгерские, польские, литовские, чешские, итальянские делегации и многие другие, да и русские послы с конца XV века начали выезжать за рубеж. До XVI века в Восточной Европе была популярна «окказиональная дипломатия», т.е. зарубежные посольства приезжали нерегулярно и лишь по особо важным вопросам, таким как подписание мирного договора или заключение союза. Начиная с XVI века, дипломатические отношения с Россией становились регулярными, что способствовало формированию особого, русского посольского обычая. Это предполагало наличие специального дипломатического этикета, правил, определявших место и порядок проведения переговоров, а также состав участников, их одежду и даже цвет восковой печати.

Для ведения дипломатических отношений была создана отдельная организация, получившая название «Посольская изба» или «Посольский приказ». Посольский приказ был создан в 1549 г. при Иване Грозном, поручившем дьяку Висковатому управлять «посольскими делами». До 1720 г. Посольский приказ считался основным государственным дипломатическим ведомством, после чего Петр I заменил Приказ Посольской (Иностранных дел) коллегией. В ведение Посольского приказа входили традиционные дипломатические задачи – отправление дипломатических миссий за рубеж, поддержание контактов с иностранными посольствами, работа с дипломатической документацией и контроль за всеми иностранцами, проживающими на территории Российского государства. Посольский приказ возглавлял дьяк, у которого в подчинении находились подьячие, переводчики, толмачи, писцы и др. Можно предполагать, что профессия переводчика начала формироваться именно в этот период.

1. Численность и этнический состав

Помимо дьяков, подьячих, писцов в состав Посольского приказа входил целый штат переводчиков и толмачей. Эту группу служащих некоторые исследователи относят к наиболее многочисленной среди всех работников приказа [Куненков, 2007, с. 143]. Как отмечает Куненков, в 1689 г. в «переводческой службе» Посольского приказа насчитывалось 22 переводчика и 17 толмачей, владевших латинским, польским, татарским, немецким, шведским, голландским, греческим, персидским, арабским, турецким, волошским, английским, датским и грузинским языками. Но обычно толмачей было

примерно в два раза больше переводчиков: в 1623 году насчитывалось 16 переводчиков и 41 толмач, а в 1628 г. – 19 переводчиков и 35 толмачей. Стоит отметить, что практически за все время своего существования Посольский приказ не испытывал нужды в переводчиках и толмачах; исключение составляет лишь период Смуты, когда многие служащие дипломатического ведомства погибли или перешли на сторону самозванца, что привело к существенной нехватке переводческих кадров. Исторически одними из наиболее старых и наиболее многочисленных служащих Посольского приказа являются татары. Это обусловлено тесными контактами России с Золотой Ордой и государствами, сформировавшимися после ее распада. В период Смутного времени 8 из 11 татарских переводчиков Посольского приказа были татарами. К XVII веку татары составляли значительную часть населения Москвы [Куненков, 2012].

Большинство переводчиков и толмачей работали с несколькими парами языков. Среди наиболее популярных языковых комбинаций были польский-латинский-немецкий языки, английский-немецкий, голландский-немецкий, немецкий-шведский-датский, шведский-латинский и т.д. Переводчики обычно владели либо западными, либо восточными языками. В отличие от них, многие толмачи владели одновременно и восточными, и западными языками. При этом архивные данные говорят о том, что в штате обычно находилось по одному французскому, английскому и голландскому переводчику; немецких, латинских и греческий переводчиков обычно было двое, а количество переводчиков с татарского варьировалось от четырех до шести. Интересно, что до начала Смутного времени лиц, владевших азиатскими языками, было примерно в полтора раза больше, чем их коллег, владевших европейскими языками. Это соотношение изменилось в период междуцарствия, когда Россия вела активную борьбу с Швецией и Речью Посполитой. Во время царствования Михаила Романова ситуация стала прежней. Срок службы переводчиков в среднем составлял не менее трех лет, в архивах зафиксированы данные о служащих с сорокалетним переводческим стажем [Куненков, 2012].

2. Порядок приема на службу

Желающие стать толмачами или переводчиками подавали челобитную о приеме на службу в Посольский приказ и указывали, какими языками владеют [Куненков, 2007, с. 143]. Кандидатам на должность письменного или устного переводчика перед приемом на службу давали «для испытанія» переводить «старыя письма и книги». По итогам испытания определяли, кто справился лучше, и в зависимости от этого определяли переводчикам жалование:

<...> кто каковъ къ переводу добръ, и по тому и жалованье имъ дается, а переводятъ, сидячи въ Приказъ, а на дворы имъ самыхъ великихъ актовъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякія порухи отъ пожарнаго времени и иныя причины [Мартынов, 1865, с. 196].

О специфике экзаменационного задания можно узнать из дела греческого переводчика Селунского:

И дѣяки думной Ефим Телепнев да Максим Матюшкин велели греченину Анастасу написать письмо греческим писмом, а Посольского приказу переводчиком Ивану Селунскому то его письмо перевести и свое письмо греческим писмом написать, дати перевести Анастасу. И переводчики Иван Селунской да Борис Богомольцев писма греческие и руския меж себя списывали и друг у друга писма греческие переводили [Куненков, 2012].

При этом обязанности переводчиков и толмачей строго разделялись; исследователи не приводят данных о том, что переводчики могли становиться толмачами или наоборот. Иноверцам, принимавшим православие, платили дополнительное вознаграждение. Бывали случаи, когда должность отца переходила к сыну:

<...> а в Посолском приказе Инка Кулчанов и сын ево Осипко осматриваны, и Инка стар, от службы отбыл, а сын ево Осипко в службу поспел, государева служба ему служить мочно [Лисейцев, 2000, с. 184].

Д. Лисейцев в исследовании татар и новокрещен Посольского приказа второй половины XVI – начала XVII вв. делает вывод о формировании наследственной системы занятия должностей в дипломатическом ведомстве [Лисейцев, 2000, с. 184].

3. Обязанности и жалование

Как и в настоящее время, заработная плата письменных и устных переводчиков различалась, однако в противоположную сторону: у переводчиков годовое жалованье составляло 100, 80, 60 или 50 рублей, «смотря по человѣку», а у толмачей – 40, 30, 20, 15 рублей или еще меньше. В дополнение к этому выплачивался «поденный корм», т.е. ежедневное жалованье; переводчикам выплачивалась полтина, 15 алтын и 4 гривны, либо 10 алтын и 2 гривны в день, а толмачам – 2 гривны и 5 алтын, либо меньше. Переводчику с «аллинского, греческого, волоского, латинского» Николаю Спаѳарию, входящему в штат переводчиков в 1689 году, полагалось «157 рублей, хлеба по 50 чети ржи, овса тоже, полденного корму по 16 алтын и по 4 деньги на день», а переводчику цесарского латинского, галанского Леонтею Гросу, а также переводчику полского и латинского Семену Лаврецкому полагалось 150 рублей, хлеба по 30 чети ржи, овса тоже, полденного корму по

15 алтын и по 2 деньги на день. Всего за 1689 год переводчикам было выплачено «1149 рублей с полтиною, да им же поденного корму 1778 рублей 30 алтын 4 деньги», что в сумме давало «2928 рублей 14 алтын». Для сравнения, зарплата подьячих была существенно ниже: по данным за тот же год, жалованье подьячего Посольского приказа Максима Алексева составляло «65 рублей, хлеба 65 чети ржи, овса тоже, праздничных на 7 праздников 41 рубль», а жалованье подьячего Дмитрия Симоновского – «35 рублей, хлеба 35 чети ржи, овса тоже, праздничных тоже, что и Максиму». Жалованье толмачей было ниже жалованья подьячих. Полуехт Кучюмов, толмач, переводивший с татарского, в том же 1689 году получил «36 рублей, 26 алтын, 4 деньги, поденного корму по 3 алтына по 2 деньги на день», а толмач-переводчик с турецкого и татарского Кирило Паёилов – всего «17 рублей, поденного по 2 алтына на день» [Мартынов, 1865, с. 196]. Комментируя различия в жалованье переводчиков и томачей, Мартынов отмечает:

Изъ этого обнаруживается различіе переводчиков отъ толмачей; одни употреблялись для письменнаго перевода актовъ и книгъ, а другіе для устнаго объясненія и отправлялись при посольствахъ. Самое жалованье и окладъ, по тому вѣку, значительные, отличали однихъ отъ другихъ. Но прежде, какъ видно, толмачи имѣли большѣ значенія; о переводчикахъ въ XV вѣкѣ не упоминается [Мартынов, 1865, с. 196].

Д. Лисейцев, описывая штат Посольского приказа, в профессиональном плане ставит переводчиков выше толмачей: «для осуществления письменного и устного перевода в штате состояли переводчики; их менее квалифицированные коллеги – толмачи – специализировались лишь на устном переводе» [Лисейцев, 2000, с. 184]. При этом, несмотря на меньший объем жалованья, вряд ли можно говорить о том, что толмачи выполняли менее важную или менее тяжелую работу: помимо основной работы (обеспечение устного перевода во время приема иностранных послов и сопровождения посольских делегаций), они переводили во время судебных заседаний над иностранными торговцами и чиновниками и занимались второстепенной работой:

<...> да они жь толмачи днюють и ночують въ Приказѣ, человекъ по 10 в сутки, и за дѣлами ходять, и въ посылки посылаются во всякіе. Да они жь, какъ бывають окрестныхъ государствъ послы, бывають приставлены для толмачества и кормового и питейнаго сбора. Какъ въ Посольскомъ приказѣ судили торговыхъ иноземцевъ и всякихъ чиновъ людей, то для толмачества употреблялись толмачи [Лисейцев, 2000, с. 184].

К обязанностям толмачей относилась также доставка документов из Посольского приказа в другие ведомства. Письменные переводчики выполняли для Посольского приказа

перевод грамот, актов и книг, переводили русские грамоты, направленные за границу, на иностранные языки, а также лично для царя переводили статьи из иностранных газет (газеты в основном были польские, голландские и немецкие, статьи избирательно переводились на русский, и в России издавались под названием «Куранты»). Перевод грамот часто осуществлялся совместно с подьячими [Лисейцев, 2000, с. 184; Мартынов, 1865, с. 195].

4. Порядок ведения переговоров

Царю на Руси было «не должно» общаться лично с иностранными послами. На переговорах с иностранными дипломатами в присутствии царя обычно присутствовал толмач для обеспечения устного перевода. Крымских и ногайских послов переводили русские толмачи, часто это были крещеные татары. На приемах польско-литовских дипломатов обычно обходились без переводчиков, т.к. Иван Грозный сам прекрасно владел польским языком. В 1556 г., принимая литовскую делегацию, царь заявил: «А которые будет речи полским языком молвишь, и мы то уразумеем» [Юзефович, 1988, с. 121]. Самого царя переводили московские толмачи. Однако следует отметить, что функции устного переводчика зачастую возлагались на плечи самих дьяков. Л.А. Юзефович следующим образом описывает порядок ведения переговоров при Иване Грозном: дело в том, что лично царь задавал послам лишь вопросы, обусловленные дипломатическим этикетом, а «более пространные» речи от его имени произносили доверенные лица, в роли которых чаще всего выступали посольские дьяки. При этом интересно заметить, что в момент произнесения речи дьяки идентифицировались с самим государем. Дипломатический этикет требовал, чтобы во время общения с иностранными послами русский царь оставлял свой головной убор, а послы, наоборот, должны были снимать шапку. В связи с этим, дьяк, обращаясь от имени царя к послам, оставался в шапке, а переводя речи послов, шапку снимал. Того же самого требовал этикет при передаче посольских грамот:

Послы слушают без шапок, потому что он, государь, посольского дьяка позовет к себе и велит ему молить свою государскую речь, что было ему, государю, своими царьскими усты послом говорить, и дьяк говорит речь от царского лица. <...> А коли посольский дьяк говорит послом и посланником речь при государе же не от царского лица, <...> тогда он сперва к царскому имяни шапку сымает [Юзефович, 1988, с. 122].

Царь обычно принимал делегацию в Кремлевском дворце, в Набережной палате, или Ответной, как она часто именуется в посольских книгах. Позже для приема иностранных посольств были отведены помещения Посольского приказа. Участники переговоров

располагались следующим образом: царю полагалось сидеть на троне, находящемся на некотором возвышении; ближе всех к нему стояли приближенные особы; ниже их на одном уровне, по левую руку от царя размещались рынды (оруженосцы) и посольские дьяки [Юзефович, 1988, с. 104].

5. Место жительства

На Руси времен Монгольского нашествия и двумя веками позже основным местом концентрации переводчиков была Татарская слобода, которая считается первым поселением татар в Москве (Замоскворечье), а также одной из наиболее древних «слобод» в Москве. Об этом свидетельствуют многочисленные сохранившиеся с того времени документы, хранящиеся в архиве древних актов.

Татарская слобода была образована предположительно в XIV–XV веках татарами-выходцами из Золотой Орды и поволжских татарских княжеств. Она находилась в районе современных улиц Большая Татарская и Пятницкая. В определении точной даты формирования Татарской слободы историки расходятся, относя ее к широкому периоду с XIV по XVI вв. В XII – первой половине XVI вв. термин «слобода» означал «отдельные поселения или группу поселений, население которых временно освобождалось от государственных повинностей» (отсюда и название) [Ожегов, 1990]. В слободе имелись органы самоуправления – слободской сход, слободской староста. Деятельность обитателей Татарской слободы оказала значительное влияние на развитие перевода в России той эпохи. Это связано с тем, что по большей части населяли ее толмачи и переводчики, причем сначала это были татары, приезжавшие с посольствами, а затем и русские переводчики, которые тоже жили в Татарской слободе. Татары при поступлении на службу в Посольский приказ получали землю.

Место обитания татарских толмачей в исторических документах XVII века указано как «Толмацкая слобода», которая, по данным некоторых исследователей, отделилась от татарской в XVII веке:

Самое названіе урочища церкви Никиты мученика въ Татарской, также въ Старыхъ Толмачахъ, указываетъ на местопребываніе Татарскихъ толмачей; тѣ [татарские] и другія Толмачи составляли Толмацкую слободу, извѣстную под этимъ названіемъ въ XVII вѣкѣ. Слобода эта обязана своимъ происхожденіемъ сношенію Москвы съ Ордою [Мартынов, 1865, с. 195].

Татары, обитавшие в татарской слободе, исповедовали ислам. На протяжении истории Россия меняла свое отношение к религиозным меньшинствам, однако Н.В. Самсонов утверждает, что в средневековую эпоху российское христианское общество

отличалось терпимым отношением к мусульманским традициям [Самсонов, 2007, с. 15]. По словам Д.З. Хайретдинова, татарская слобода пользовалась широкой автономией и «в силу компактного жительства и самого рода их занятия» сохраняла религиозные и национальные традиции [Хайретдинов, 2002, 2008]. Зачастую переводчики-татары переходили в православие, за что получали «вознаграждение в виде “доброе аглицкого сукна”, кафтана, шкурок соболя». Принявшие православие именовались новокрещеными. Перепись населения 1744 г. свидетельствует о том, что жители татарской слободы обладали собственной мечетью (это была первая московская мечеть), что говорит о либеральной политике России в отношении мусульман.

Следы существования Татарской слободы можно увидеть в топонимике Москвы: как отмечает М. Сафаров, через татарскую слободу проходила дорога, ведущая в Золотую Орду, от которой осталось название улицы «Ордынка» [Сафаров, 2001]. Кроме того, о монгольском периоде русской истории свидетельствуют названия таких улиц, как Большая Татарская, Татарская, Большой и Малый Татарский переулки. При этом, согласно описанию топонимики Москвы А. Мартыновым, толмачи жили не только в Замоскворечье, но и в Китай-городе, в Белом городе, на Рождественской улице, на Поганом пруду, на Покровке, у церкви Архангела Гавриила, в Хохловке, в Калачном переулке, а также в Земляном городе [Мартынов, 1865, с. 195]. Это относится к XVI веку и имеет отношение к русским толмачам, в том числе толмачам Польского приказа (переводчик Еремей Еремеев имел двор на Рождественской улице, переводчик Иван Өомин – у церкви Архангела Гавриила, а толмач посольского приказа Иван Рыхторов – в Хохловке). На подворьях в Китай-городе, а также в Белом и Земляном городе останавливались переводчики, приезжающие с европейскими посольствами.

6. Образование

До начала XVII века переводчиками обычно становились либо побывавшие в плену русские, либо иностранцы. Б.А. Куненков утверждает, что бывшие пленники всегда были либо обменены, либо выкуплены, и приводит любопытный факт: единственный толмач-переводчик с татарского, не обмененный и не выкупленный, оказался крымским шпионом [Куненков, 2012].

Естественно, получить представление о качестве устного перевода не представляется возможным в связи с невозможностью фиксации самих фактов перевода, однако ясно, что его вряд ли можно считать высоким. Говоря о письменном переводе, исследователи оценивают его как «далекий от литературной нормы». Дело обстояло не лучше и в устном переводе: во времена Смуты, в связи с недостаточным знанием

иностранных языков некоторых толмачей, приходилось прибегать к помощи иностранцев. Однако период Смуты, оказавший в целом негативное влияние на развитие Российского государства, благотворно сказался на качестве переводов: Д. Лисейцев утверждает, что за время Смутного времени штат переводчиков и толмачей стал более квалифицированным [Лисейцев, 2000, с. 184].

Лишь с начала XVII века появилась практика отправлять студентов за границу для обучения иностранным языкам. Так, при Борисе Годунове в 1601–1603 гг. группа студентов была отправлена в Англию, Францию и Любек для изучения иностранных языков и других наук. Первые международные «стажировки» были безуспешными: «изо всех посланных в Борисово время молодых людей за границу, воротился только один, ... да и то неизвестно – который» [Воевода, 2009, с. 20]. С 1650 г. изучать татарский язык посылали в Астрахань, для изучения греческого – в Константинополь, а немецкого – в северную Германию; для изучения польского языка в 1653 г. был назначен подъячий Новгородской чети Лихвинцов. Толмачами и переводчиками также иногда становились жившие в Москве иностранные купцы.

Можно считать, что к началу XVIII века относится появление первых образовательных учреждений по обучению профессии переводчика. В XVIII веке более активными стали отношения Москвы с Западной Европой, в европейских странах были учреждены русские миссии, и действующих толмачей и переводчиков с европейских языков оказалось недостаточно. В связи с этим Московское правительство стало организовывать массовые кампании по обучению языкам в Европе и приглашать учителей из Немецкой слободы: к примеру, директора местной школы Николая Швимера взяли в Посольский приказ переводить с немецкого, шведского и латинского, а также учить русских этим языкам. Тех, кто в совершенстве овладевал языками, брали переводчиками в Приказ. Среди отправленных за границу известны, к примеру, такие имена как Борис и Григорий Волковы, Гордон, Ларионов, Лихарев, Воронин, Толстой, и т.д.

В 1705 г. на Покровке, в Белом городе, на дворе боярина Василия Федоровича Нарышкина под ведением Ижерской канцелярии была основана школа иностранных языков, в которую принимались дети бояр, окольных, служилых, думных, купцов, и т.д, причем обучение было бесплатным. Во главе был поставлен переводчик Петр Коет, а стольник Павел Веселовский был назначен его помощником. В школе преподавались греческий, латинский, итальянский, французский, немецкий и другие языки, а также философия.

Очевидно, что обучение профессии переводчика приравнивалось в то время к обучению иностранным языкам, и об освоении какой-либо особой техники устного или письменного перевода речь идти не может.

Заключение

Формирование дипломатических отношений в XV–XVII вв. оказало неоценимое влияние на развитие переводческой деятельности в России того периода. Можно утверждать, что толмачи и переводчики, служащие в Посольском приказе, были полностью самостоятельной профессиональной категорией, обладающей определенными обязанностями, правами и навыками. Анализ особенностей службы переводчиков и толмачей позволяет сделать вывод о том, что обязанности переводчиков и толмачей строго разделялись: толмачи обеспечивали устный перевод во время приема иностранных послов и сопровождали посольские делегации, а письменные переводчики занимались переводом документации и зарубежной прессы. Кроме того, устный перевод на переговорах на высшем уровне обеспечивался не только толмачами, но и посольскими дьяками. Отношение к труду письменных и устных переводчиков различалось. Последние оценивались как гораздо менее квалифицированные. Объем жалования письменных переводчиков примерно вдвое превышал объем жалования устных. Кроме жалования, переводчикам и толмачам выплачивался поденный корм и выдавалось определенное количество овса и ржи.

В зависимости от рабочих языков переводчики и толмачи делились на западных и восточных. Среди наиболее популярных языковых комбинаций были польский-латинский-немецкий языки, английский-немецкий, голландский-немецкий, немецкий-шведский-датский, шведский-латинский и т.д. Количество переводчиков и толмачей с определенного языка определялась особенностями внешней политики. В Посольском приказе существовала определенная процедура проверки кандидатов, желающих стать толмачами или переводчиками. Срок службы переводчиков в среднем составлял не менее трех лет. Профессия переводчика и толмача была в большей степени популярна среди иностранцев или пленных русских. С начала XVII века русские переводчики начали получать образование за границей. Появление первых образовательных учреждений по обучению профессии переводчика относятся лишь к началу XVIII века.

Список литературы:

Белокуров С.А. О посольском приказе. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1906. 174 с.

Воевода Е.В. Языковая подготовка дипломатов и переводчиков для Посольского приказа в XVII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2009. № 3. С. 20–23.

Каратеев М. Русь и Орда. М.: АСТ, 2009. 960 с.

Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Куненков Борис Александрович. Брянск, 2007. 586 с.

Забелин И.Е. История города Москвы. М.: 1905 / репринт. изд.: М.: 1990. 560 с.

Куненков Б.А. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема [Электронный ресурс] // М.: 2012. – Режим доступа: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php>

Мартынов А.А. Москва: подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. М.: издание А. Мартынова, 1865. 210 с.

Лисейцев Д.В. Посольский приказ в начале XVII века, источниковедческое исследование: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Лисейцев Дмитрий Владимирович. Москва, 2000. 607 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1990. 921 с.

Лепехин И.И. Словарь Академии Российской / Под ред. Лепехина И.И., Румовского С.Я., Озерецковского С.Я., Фонвизина Д.И., Державина Г.Р., Болтона И.И. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук. Часть 6. От Т до конца, 1794. 600 с.

Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI-XVIII вв. (историко-правовой аспект): дис. канд. юр. наук: 12.00.01 / Самсонов Николай Владимирович. Москва, 2007. 153 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды / Отв. ред. М. А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.

Хайретдинов Д.З. Ислам в Москве: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. редактор – Д.З. Хайретдинов. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. 400 с.

Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX вв. Н. Новгород, 2002. 248 с.

References:

Belokurov S.A. O posol'skom prikaze [About the Ambassador's Office]. M.: Imp. O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te, 1906. 174 p. (In Russian).

Karateev M. Rus' i Orda [Rus' and the Horde]. M.: AST, 2009. 960 p. (In Russian).

Khayretdinov D.Z. Islam v Moskve [Islam in Moscow]: entsiklopedicheskiy slovar' / Kollekt. avtor. Sost. i otv. redaktor – D.Z. Khayretdinov. N. Novgorod: Izdatel'skiy dom «Medina», 2008. 400 p. (In Russian).

Khayretdinov D.Z. Musul'manskaya obshchina Moskvyy v XIV – nachale XX vv. [The Muslim community in Moscow in the 14th and early 20th centuries]. N. Novgorod, 2002. 248 p. (In Russian).

Kunenkov B.A. Perevodchiki i tolmachii Posol'skogo prikaza vo vtoroy chetverti XVII v.: funktsii, chislennost', poryadok priema [Translators and interpreters of the Ambassador's Office in the second quarter of the 17th century: functions, number, admission procedure] [Electronic resource] // M.: 2012. – Available at: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php> (In Russian).

Kunenkov B.A. Posol'skiy prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo [The Embassy Office in 1613-1645: Structure, personnel, paperwork]: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02 / Kunenkov Boris Aleksandrovich. Bryansk, 2007. 586 p. (In Russian).

Lepkhin I.I. Slovar' Akademii Rossiyskoy [Dictionary of the Russian Academy] / Pod red. Lepekhina I.I., Rumovskogo S.Ya., Ozeretskovskogo S.Ya., Fonvizina D.I., Derzhavina G.R., Boltova I.I. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk. Chast' 6. Ot T do kontsa, 1794. 600 p. (In Russian).

Liseytshev D.V. Posol'skiy prikaz v nachale XVII veka, istochnikovedcheskoe issledovanie [The Ambassador's Office at the beginning of the 17th century, a source study]: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02 / Liseytshev Dmitriy Vladimirovich. Moskva, 2000. 607 p. (In Russian).

Martynov A.A. Moskva: podrobnoe istoricheskoe i arkheologicheskoe opisaniye goroda [Moscow: a detailed historical and archaeological description of the city] T. 1. M.: izdanie A. Martynova, 1865. 210 p. (In Russian).

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Russian Dictionary]. M.: Russkiy yazyk. 1990. 921 p. (In Russian).

Samsonov N.V. Pravovoye polozheniye musul'man v Rossii vo vtoroy polovine XVI-XVIII vv. (istoriko-pravovoy aspekt) [The legal status of Muslims in Russia in the second half of the sixteenth and eighteenth centuries (historical and legal aspect)]: dis. kand. yur. nauk: 12.00.01 / Samsonov Nikolay Vladimirovich. Moskva, 2007. 153 p. (In Russian).

- Trepavlov V.V.* Istoriya Nogayskoy Ordy [History of the Nogay Horde] / Otv. red. M. A. Usmanov. 2-e izd., ispr. i dop. Kazan': Izdatel'skiy dom «Kazanskaya nedvizhimost'», 2016. 764 p. (In Russian).
- Voevoda E.V.* Yazykovaya podgotovka diplomatov i perevodchikov dlya Posol'skogo prikaza v XVII veke [Linguistic training of diplomats and interpreters for Posolskiy Prikaz in the 17th century] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. 2009. № 3. P. 20–23. (In Russian).
- Zabelin I.E.* Istoriya goroda Moskvyy [The history of Moscow]. M.: 1905 / reprint. izd.: M.: 1990. 560 p. (In Russian).

Гальчева Елена Евстафиевна
Школа иностранных языков
г. Ксанти (Греция)

Galcheva Elena
Foreign language center
Xanthi (Greece)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА
А.П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ» НА ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК**

**HISTORICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF THE TRANSLATION OF THE
LITERARY WORK BASED ON THE EXAMPLE OF TRANSLATION OF
A.P. CHEKHOV "LADY WITH A DOG" IN GREEK**

Художественный перевод или, точнее перевод поэтических и художественных произведений резко отличается от других видов перевода и требует не просто использовать старое, заученное раз и навсегда, а предполагает речевое творчество. Ведь у разных людей получаются отличные по своим оценкам переводы одной и той же фразы. Такой перевод – настоящее искусство, так как эффект достигается соответствующими средствами. Переводчик должен сохранить неизменным содержание оригинального текста и его смысл. В статье, на примере перевода рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» на греческий язык, рассматривается процесс замены тех или иных выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции языка перевода, а также специфика перехода от единиц оригинала к единицам перевода, так называемым переводческими трансформациям. Особое значение переводческие трансформации имеют в художественном переводе.

Literary translation or, more precisely, the translation of poetic and literary works differs sharply from other types of translation and requires not only the use of the old method which has been, memorized once and used it forever, but involves speech creativity. After all, different people get excellent translations of the same phrase according to their estimates. Such a translation is a real art, since the effect is achieved by appropriate means. The translator must keep the content of the original text and its meaning unchanged. In the article, based on the example of the translation of the story by A.P. Chekhov's "Lady with a Dog" into Greek, the process of replacing certain expressive means with others accepted in the literary tradition of the target language, as well as the specifics of the transition from original words to translation words, the so-called translation transformations, is considered. Translation transformations are of particular importance in literary translation.

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, языковые единицы, художественный язык, А. П. Чехов, греческий язык.

Key words: translation, translation transformations, linguistic parts, literary language, A.P. Chekhov, Greek language.

История художественного перевода – это, помимо прочего, дискуссия по вопросу о верности переведенных текстов по отношению к оригиналу. Должен быть дословный перевод или вольный перевод. Должен ли переводчик быть переводчиком или оратором при переводе текста, который поднимает проблемы с лингвистической, теоретической, стилистической точек зрения. Наконец, что такое перевод? Зачем нам нужен перевод в нашей жизни? Как языковые единицы, которые существуют в одной культуре, переносятся в другой язык, в культуре которого их нет? Все это вместе с основными взглядами ученых-

переводчиков на вопрос о переводимости художественных текстов и трудностях, возникающих при их правильном исполнении, делает перевод успешным.

Литературный или художественный перевод передает мысли подлинника в форме правильной литературной русской речи, и вызывает наибольшее количество разногласий в научной среде. Многие исследователи считают, что лучшие переводы должны выполняться не столько посредством лексических и синтаксических соответствий, сколько творческими изысканиями художественных соотношений, по отношению к которым языковые соответствия играют подчиненную роль.

Другие ученые, например, в общем, определяют каждый перевод, в том числе и художественный, как воссоздание произведения, созданного на одном языке, средствами другого языка. В этой связи возникает вопрос точности, полноценности или адекватности художественного перевода, который мы попытаемся осветить ниже.

По данному мнению, художественный перевод в большинстве случаев колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, вольный перевод. Эти два принципа нашли отражения в двух основных точках зрения: определение перевода с лингвистической и литературоведческой позиций.

Ученые, занимающиеся переводом, представляют традиционные дисциплины, такие как лингвистика, философия, литература и филология. Как и любая наука, наука о переводе постоянно развивается, в результате чего постоянно создаются новые школы, модели и новые теоретические подходы. В этой главе мы постараемся упомянуть основных представителей науки в Греции и за рубежом.

Хотя о переводе сформулировано множество взглядов и теорий, все теоретики сходятся во мнении, что: «перевод есть единое явление, с различными аспектами, сконцентрированными в сущности текста, включающего в себя смысловые и стилистические элементы» [Κουτσιβίτης 1994]. Тремя важными категориями, разделяющими теории перевода, являются:

- 1) философский подход (все теории литературного характера), теории художественного перевода, делающие упор на эстетические аспекты перевода.
- 2) теории, основанные на общей лингвистике, теории, пропагандирующие объективную лингвистику, теории сравнительной лингвистики, теории использования перевода в обучении языкам и подход к компьютерной лингвистике.
- 3) метаязыковые подходы, теория семиологии, теория науки о коммуникации, функционально-текстовый подход и теория значения.

Переводчикам, которые не ведут какие-либо записи в процессе перевода, очень сложно потом объяснить, почему они пришли к тому или иному выбору, решения часто принимаются эмпирически (опытными переводчиками) или неосознанно, без опоры на какую-либо существующую теорию. Как пишет Питер Джей: «Я не нашел ни одной теории перевода, которая помогла бы мне сделать хотя бы один стих правильным, например тот факт, что никто не может переформулировать истинные причины, которые привели к решениям, которые он принял в процессе перевода. Но все переводчики подчеркивают, что переведенный текст должен постоянно пересматриваться, чтобы максимально точно соответствовать ему, и на всех уровнях (смысловом, стилистическом, фактическом), в исходном тексте» [Connolly, 1997/1998].

Levefere (1975) также отмечает определение успешного перевода: передать с точностью переводимый текст так, чтобы он был доступным для тех читателей, которые незнакомы с той или иной ситуацией. Это достигается заменой исходных вариантов автора их эквивалентами в другом языке, времени, месте и традиции». Итак, «перевод – это новый синтаксис существующего текста на основе необходимых тематических и лингвистических знаний и умений.

Хотя перевод, как и оригинал, умственный продукт, но он является продуктом речи, который исходит из намерения и стремится к результату. Мы переводим не фразы, а тексты. Перевод возможен в той мере, в какой возможны язык и речь. Перевод никогда не бывает полным, иначе речь бы шла о повторении оригинала, а не о новой его версии».

«Процесс перевода характеризуется как непрерывное одновременное явление. Результат не может быть окончательным и уникальным, и границы свободы переводчика постоянно проверяются в процессе перевода. Но честный переводчик или писатель, даже самый ярый защитник верности переводимого текста, знает, что он вопреки своей воле привязывает иностранное произведение к своему личному видению, к своему восприятию и подчиняет его своему выбору, всегда определяемому временем, то есть культурно» [Κουτσιβίτης, 1994].

Далее мы поговорим о проблемах, с которыми сталкивается переводчик. Одна из проблем состоит в том, «что переводчик может понять сообщение автора текста и передать его таким образом, чтобы оно произвело такое же воздействие на читателя. Трудность связана с двусмысленностью, терминологией и согласованностью. Три семантических и стилистических параметра определяют текст. Важным препятствием является грамматика в самом широком смысле, поскольку она может содержать важные элементы, которые либо ускользают от переводчика, либо приводят его к неправильным выводам. Уровень и тон языка также являются одним из препятствий, с которыми приходится сталкиваться

переводчику. Однако кроме этих вопросов, которые должен решить переводчик, есть и другие аспекты, такие как фонологический и графологический, которые мы не должны упускать из виду» [Κουτσιβίτης, 1994]. Наконец, помимо вышеперечисленных проблем, есть проблемы, связанные с социальной, религиозной, языковой и материальной культурой или временной дистанцией между письмом и переводом и, наконец, идеологической стороной культуры.

По словам Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, «трудности возникают из-за того, что «вещи», которые мы должны перевести, не существуют в культуре языка перевода, поэтому у них нет имени». По словам Этьена Доле, его закон переводческого искусства гласит: «Переводчик должен в совершенстве понимать материал и значение переводчика».

В заключение хотелось бы отметить, что «за каждым языком кроется разное восприятие мира и разная идеология. Существуют разные культуры, которые составляют разные миры соответственно. Разрыв между двумя данными культурами создает дополнительные трудности и выдвигается теми же языками в качестве аргумента против полного перевода» [Μουπίν, 2002].

Прозаические произведения Чехова стали известны греческой читающей публике раньше, чем театральные. Насчитывается около 390 переведенных на греческий язык произведений. От первой публикации рассказа Чехова, без имени переводчика, на греческом языке в 1889 году насчитывается ряд изданий, в которых не передается дух автора, хотя некоторые из его коротких и юмористических рассказов даже вошли в еженедельные журналы различной тематики, с разными названиями, смежными с жанрами научной литературы. В начале XX века переводятся и печатаются такие произведения, как «Палата №6», «Скрипка Ротшильда», «Госка», «Дуэль».

В то же время Александрос Пападиамантис (греч. *Αλέξανδρος Παπαδιαμαντής*) переводит и печатает рассказы А.П. Чехова в газете «Асти» (греч. *Το Άστυ*). Ежегодно с 1906 по 1917 гг. переводятся небольшие рассказы, такие как «Хирургия», «Сон», «Страшная ночь», «Ванька», «Дорогая собака» и т.д.

В течение всего XX века произведения А.П. Чехова переводились на греческий язык многочисленными авторами. «Проблема, которая усложняла процесс перевода, – это двуязычие (кафаревусы и димотики), просуществовавшее до 70-х годов XX столетия. Переводчики должны были сохранить не только индивидуальный стиль писателя, но сделать переводной текст понятным греческому читателю, плохо знающему официальный научный язык кафаревуса, на котором издавалась переводная литература» [Χαρατσίδης, 2010, с. 572].

Более систематической переводческой работой конца двадцатого века является работа Янниса Стилиатиса (греч. *Γιάννης Στυλιάτης*) в трех томах издательского дома «Кедрос»: А.П. Чехов, «Избранное», с критикой и комментариями из первой публикации каждого произведения. Это переводческий проект, в который впервые целиком вошли важнейшие рассказы Чехова, такие как: «Палата № 6», «Попрыгунья», «Черный монах», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Дама с собачкой», «Жена», «Архиерей», «Дуэль».

Именно к работе Яниса Стилиатиса обратимся, рассматривая два текста рассказа «Дама с собачкой» (греч. *Η κυρία με το σκυλάκι*) и делая сравнительный анализ текста оригинала и его перевода.

Хотелось бы отметить, что переводчиком был применен очень хороший подход к исходному тексту, и выделить наиболее сложные для перевода моменты произведения.

- Приехав в Москву, она останавливалась в «Славянском базаре...» – *Όταν έφτανε στη Μόσχα, έμενε στο ξενοδοχείο «Σλαβική αγορά...»*. Название гостиницы в данном случае переводится на греческий язык, тогда как правильнее было бы просто передать его с помощью транслитерации.
- Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста, в берете... – *Ενώ καθόταν στο περίπτερο, κοντά στο ξενοδοχείο «Βέρνη», είδε να περνάει μπροστά από την προκουαία μια νεαρή κυρία, ξανθιά, όχι ιδιαίτερα ψηλή, με μπινιέ στο κεφάλι*. Фразой «Сидя в павильоне у Верне...» А.П. Чехов имел в виду «который принадлежал Верне» (у кого? – предлог У в русском языке употребляется с родительным падежом и выполняет притяжательную функцию). В своем переводе Янис Стилиатис переводит фамилию купца Эдмунда Верне⁹ как название гостиницы.
- «И вот однажды под вечер...» – *«Να και που κάποιο βραδάκι...»*. «Под вечер» означает «ближе к вечеру», в греческом переводе же это означает «и вот каким-то вечером, т.е. одним из вечеров».

Встречаются и более сложные примеры реалий, значение которых не всегда ясно не только иноязычному, но и русскому читателю:

- «Уже он мог съесть целую порцию селянки на сковородке...» – *«Κι είχε τέτοια όρεξη, που θα μπορούσε πια να φάει ολόκληρη μερίδα πηχτής...»*

⁹ Эдмунд Верне – купец, живший в Ялте в 1880–1890-е годы. В 1886 году Верне стал владельцем кондитерской на набережной, а также принял решение открыть павильон на высоких деревянных сваях на берегу открытой ялтинской бухты прямо в море.

Селянка – неправильное, искаженное, но укоренившееся с XIX в. в поваренных книгах и меню наименование солянок. Происхождение этого искажения связано с тем, что солянки, известные в русской кухне в основном с XV в. и «родившиеся» вместе с изобретением водки, как «блюдо-противовес», опохмеляющее средство (ввиду чего они назывались одновременно и солянками, и похмелками), стало в XVIII в. в дворянской кухне рассматриваться как «неприличное» название, присущее только деревенскому, сельскому столу мелкопоместных дворян. Отсюда солянки стали именоваться селянками, что было удобно и по чистому созвучию этих двух слов. В XIX в., с появлением первых печатных русских поваренных книг, это название было в них занесено и, естественно, укоренилось, получило распространение. Одновременно в народе жило и старое слово, старый термин – солянки; он зафиксирован в «Домострое» 1547 г., где солянки имеют почти такой же состав, как и похмелки (в последних вся суповая жидкость приготавливалась на огуречном рассоле, без добавления воды) [Похлебкин, 2002, с. 324].

Πηγή в переводе на русский означает «холодец, студень» [Λογοθέτης, 1987, с. 705].

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод не верен, поскольку эти слова означают абсолютно два разных блюда, а отсутствие знаний о значении реалии представляет существенную трудность для перевода.

- «Она никак не могла объяснить, где служит ее муж, – в губернском правлении или в губернской земской управе, и это ей самой было смешно...» – «Δεν μπόρουσε καθόλου να εξηγήσει πού υπηρετεί ο άντρας της, στο κυβερνείο του νομού ή στην τοπική αυτοδιοίκηση του νομού, και αυτό φαινόταν και στην ίδια αστείο...». Как известно, до начала XX века Российская империя состояла из 81 губернии (греч. νομός) и 20 областей. Перевод не дает нам информации о том, принадлежит герой к уездному или губернскому земству, а также какой властью – исполнительной или распорядительной – обладает данное учреждение. Однако эти детали в данном случае не представляются нам существенными, поскольку и сама героиня не имеет ясного представления о том, чем занимается ее муж.
- «Чем мне оправдываться? Я дурная, низкая женщина...» – «Για ποιο λόγο να δικαιολογηθώ;» – Фраза Стилиатиса означает: «Почему я должна оправдываться?» Из перевода следует сделать вывод, что Анна Сергеевна не жалеет о случившемся, в то время как Чехов явно показывает читателю, как она страдает и плохо себя чувствует из-за измены мужу. Здесь отмечается явное несоответствие перевода тексту оригинала.
- «Березы» – «Μπερίόζες». В данном случае переводчик вообще не переводит название дерева, хотя в греческом языке существует соответствующее слово.

- «В его жизни было еще одно похождение» – «Στη ζωή του προστέθηκε ακόμα ένα περιστατικό». Слово в греческом языке означает «случай, происшествие», что не совсем синонимично со словом «похождение», которое в оригинальном тексте имеет явно любовный подтекст.
- «Не поехать ли нам куда-нибудь?» – Πως θα σας φαινόταν να πηγαίναμε κάπου με ομάδα;» Дословное значение фразы, которую употребляет переводчик «Как вы смотрите на то, чтобы поехать куда-нибудь на машине?». Глагол поехать в русском языке действительно означает отправиться куда-либо с помощью транспорта. Но в произведении многократно упоминается, что Анна Сергеевна путешествует на лошадах, что несомненно и лучше передает дух того времени. Здесь можно предположить, что перевод был не совсем точным и меняет историческую картину эпохи, в которой происходят действия произведения.
- «Если же послать записку, то она, пожалуй, попадет в руки мужу, и тогда все можно испортить. Лучше всего положиться на случай». – Αν στείλει σημείωμα, μπορεί να πέσει στα χέρια του συζύγου, και τότε θα χαλάσουν όλα. Το καλύτερο απ' όλα είναι να περιμένει τότε θα βγει η ίδια. В этом отрывке наблюдается авторский домысел переводчика. Вместо фразы «лучше всего положиться на случай» он переводит «лучше дожидаться, когда она сама выйдет».

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что прежде чем приступить непосредственно к переводу, необходимо осмыслить незнакомую реалию в подлиннике, то есть место, занимаемое ею в контексте, – как она подана автором и какими средствами он пользуется, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное содержание. Незнакомой чаще всего является чужая реалья. Автор вводит ее в текст художественного произведения главным образом при описании новой для носителя данного языка действительности. Передача эквивалентов на другой язык не зависит от контекста и от переводчика требуется лишь твердое знание соответствующего эквивалента. Перевод художественного произведения с четкими и сильными культурно-историческими предпосылками позволяет практически исследовать их значение в тексте оригинала и в его переводе. Несомненно, можно отметить, что культура сильно выражается через язык.

Список литературы:

- Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 187 с.
- Огнева Е.А.* Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. Москва: Изд-во «Эдитус», 2012.
- Похлебкин В.В.* Кулинарный словарь. М.: Центрполиграф, 2002. 503 с.

Φενενκο Η.Α., Κρετοβ Α.Α. Перевод как канал взаимодействия культур и языков // Социокультурные проблемы перевода: Сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж, 1999.

Χαρτσидис Э.К. К вопросу перевода русской литературы на греческий язык: история и современность // Материалы II международной научно-практической конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2010. С. 568–573.

Чарычанская И.В. Перевод реалий как средство выражения коммуникативного намерения переводчика // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1.

Αντόν Τσέχωφ [Электронный ресурс] // Викиπαίδεια. – Режим доступа: https://el.wikipedia.org/wiki/Αντόν_Τσέχωφ.

Αυγεράς Μ. Ξένοι λογοτέχνες. Αθήνα: εκδ. Ίκαρος, 1972.

Βορνινγκ Α. Σηματοδοτήσεις: εισαγωγή στην παγκόσμια λογοτεχνία από την αναγέννηση ως σήμερα. Αθήνα: εκδ. Ίων, 1993.

Κουτσιβίτης Β. Θεωρία της Μετάφρασης. Ελληνικές Επιστημονικές Εκδόσεις, 1994.

Λογοθέτης Γ. Большой Русско-Греческий словарь. Εκδ. Λογοθέτη.

Παππου-Ζουραβλιοβα Α. Γλώσσα και Πολιτισμός των Ελλήνων της Αζοφικής, η συμβολή των μεταφράσεων στα Μαριουπόλιτικά, η περίπτωση του Α.Π. Τσέχωφ // εκδ. Αντ. Σταμούλης, Θεσσαλονίκη, 2009.

Πιέρο Μ. Αντόν Τσέχωφ. Η τέχνη της γραφής. Αθήνα: εκδ. Πατάκης, 2007.

Connolly D. Λογοτεχνική μετάφραση: σε τι χρησιμεύει η θεωρία. Πρακτικά ημερίδας. Η γλώσσα της λογοτεχνίας & η γλώσσα της μετάφρασης. (24 Μαΐου 1997). Θεσσαλονίκη, 1998.

Mounin G. Τα θεωρητικά Προβλήματα της Μετάφρασης. μτφρ Ιωάννα Παπασπυρίδου. Εκδ Π.Τραυλός, 2002.

References:

Αντόν Τσέχωφ [Anton Chekhov] [Electronic resource] // Викиπαίδεια. – Available at: https://el.wikipedia.org/wiki/Αντόν_Τσέχωφ. (In Greek).

Αυγεράς Μ. Ξένοι λογοτέχνες [Foreign writers]. Αθήνα: εκδ. Ίκαρος, 1972. (In Greek).

Βορνινγκ Α. Σηματοδοτήσεις: εισαγωγή στην παγκόσμια λογοτεχνία από την αναγέννηση ως σήμερα [Signaling: Introduction to World Literature from the Renaissance to the Present]. Αθήνα: εκδ. Ίων, 1993. (In Greek).

Κουτσιβίτης Β. Θεωρία της Μετάφρασης [Theory of Translation]. Ελληνικές Επιστημονικές Εκδόσεις, 1994. (In Greek).

Λογοθέτης Γ. Bol'shoi Russko-Grechskii slovar' [Big Russian-Greek Dictionary]. Εκδ. Λογοθέτη. (In Greek and in Russian).

Παππου-Ζουραβλιοβα Α. Γλώσσα και Πολιτισμός των Ελλήνων της Αζοφικής, η συμβολή των μεταφράσεων στα Μαριουπόλιτικά, η περίπτωση του Α.Π. Τσέχωφ [Language and Culture of the Greeks of Azov, the contribution of translations in Mariupolitika, the case of A.P. Chekhov] // εκδ. Αντ. Σταμούλης, Θεσσαλονίκη, 2009. (In Greek).

Πιέρο Μ. Αντόν Τσέχωφ. Η τέχνη της γραφής [Anton Chekhov. The art of writing]. Αθήνα: εκδ. Πατάκης, 2007. (In Greek).

Charychanskaya I.V. Perevod realii kak sredstvo vyrazheniya kommunikativnogo namereniya perevodchika [Translation of realities as a means of expressing the communicative intention of the translator] // Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2003. № 1. (In Russian).

Connolly D. Λογοτεχνική μετάφραση: σε τι χρησιμεύει η θεωρία. Πρακτικά ημερίδας. Η γλώσσα της λογοτεχνίας & η γλώσσα της μετάφρασης [Literary translation: what is the use of theory. Minutes of the day. The language of literature & the language of translation]. (24 Μαΐου 1997). Θεσσαλονίκη, 1998. (In Greek).

Fenenko N.A., Kretov A.A. Perevod kak kanal vzaimodeistviya kul'tur i yazykov [Translation as a channel for the interaction of cultures and languages] // Sotsiokul'turnye problemy perevoda: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3. Voronezh, 1999. (In Russian).

Kharatsidis Eh.K. K voprosu perevoda russkoi literatury na grecheskii yazyk: istoriya i sovremennost' [On the issue of translating Russian literature into Greek: history and modernity] // Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda». М.: Изд. Vysshaya shkola perevoda MGU, 2010. P. 568–573. (In Russian).

Mounin G. Τα θεωρητικά Προβλήματα της Μετάφρασης [The Theoretical Problems of Translation]. μτφρ Ιωάννα Παπασπυρίδου. Εκδ Π.Τραυλός, 2002. (In Greek).

Ogneva E.A. Khudozhestvennyi perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda [Literary translation: problems of transmission of the components of the translation code]. Moskva: Izd-vo «Ehditus», 2012. (In Russian).

Pokhlebin V.V. Kulinaryni slovar' [Culinary Dictionary]. M.: Tsentrpoligraf, 2002. 503 p. (In Russian).

Vinogradov V.S. Leksicheskie voprosy perevoda khudozhestvennoi prozy [Lexical issues of translation of artistic prose]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. 187 p. (In Russian).

Гао Цзяи
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Gao Jiayi
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДА НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ С
РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ ГУГЛ-ПЕРЕВОДЧИКОМ:
ДОСТИЖИМ ЛИ ИДЕАЛ «信, 达, 雅»**

**ON THE QUALITY OF THE TRANSLATION OF NEWS FROM RUSSIAN TO
CHINESE BY GOOGLE TRANSLATOR:
CAN WE ACHIEVE THE IDEAL “信, 达, 雅”?**

Активное развитие современных информационно-коммуникационных технологий и Интернета полностью изменило работу практикующих переводчиков, сделав ее более эффективной. Однако качество машинного перевода все еще далеко от качества перевода, выполненного профессиональным переводчиком. В связи с ограничениями машинного перевода, постмашинное редактирование является необходимым для обеспечения качества перевода и повышения эффективности.

В данной работе мы рассматриваем четыре новости (на русском языке) в качестве примеров и анализируем типичные ошибки Гугл переводчика, возникшие при переводе новостей с русского на китайский. Одной из целей работы было выявить уязвимые места машинного перевода при обработке текста публицистического стиля. Также особое внимание уделяется трем критериям хорошего перевода – «信, 达, 雅» (верность, литературность, элегантность), которые были разработаны известным переводчиком, писателем, педагогом в Китае Янь Фу (1854–1921 гг.). В данной статье мы попытались выяснить, может ли машинный перевод при переводе новостей соответствовать этим трем критериям?

The active development of modern information and communication technologies and the Internet has completely changed the work of practicing translators, making it more efficient. However, the quality of machine translation is still far from the quality of a translation made by a professional translator. Due to the limitations of machine translation, post-machine editing is essential to ensure translation quality and increase efficiency.

In this paper, we consider four news items (in Russian) as examples and analyze typical Google Translate translation errors that occurred when translating news from Russian into Chinese. One of the goals of the work was to identify the vulnerabilities of machine translation in the processing of journalistic style text. And also special attention is paid to the three criteria for a good translation – “信, 达, 雅” (loyalty, literary and elegance), which were developed by the famous translator, writer, educationist in China Yan Fu (1854–1921). In this article, we tried to find out whether machine translator in news translation can achieve these three criteria?

Ключевые слова: машинный перевод, Гугл переводчик, публицистический стиль, языковая комбинация «русский – китайский», постмашинное редактирование.

Key words: machine translation, Google translator, journalistic style, Russian-Chinese combination, post-machine editing.

Книга Янь Фу «Теория природного развития» (《天演论》), изданная в 1898 г., была переводом «Эволюции и этики» Т. Гексли. Предисловие к этой книге было опубликовано в газете «Го вэнь бао» (《国闻报》) в 1897 году. В предисловии, размышляя над своим

переводом «Эволюции и этики» (天演论), китайский ученый, переводчик, педагог Янь Фу сформулировал очень важный тезис: «При работе над переводом сложно выполнить все три требования одновременно: верность, выразительность и элегантность» (译事三难: 信, 达, 雅). Эти три критерия надолго стали стандартами хорошего перевода в китайской теории перевода. И Янь Фу считается родоначальником современной теории перевода в Китае.

По мнению Янь Фу «Верность» (信/ xìn) означает, что перевод должен соответствовать оригиналу. «Литературность» (达/ dà) означает, что перевод должен быть свободен от языковых форм и структур исходного языка и соответствовать общепринятым нормам литературного языка, чтобы перевод был понятным».

В каких отношениях находятся эти два критерия, по мнению Янь Фу? В предисловии он написал следующее: «求其信已大难矣，顾信矣不达，虽译犹不译也，则达尚焉» [严复/Янь Фу, 1896] – «Переводчику достаточно сложно оставаться верным оригиналу. Однако если перевод был сделан без учета литературности оригинала, то это равносильно тому, что перевод отсутствует. Из этого следует, что обращать внимание на литературность переведенного текста тоже важно» (перевод мой – Г.Ц.). Категория «литературность» больше относится к стилю, чем к смыслу. А мы знаем, что в теории перевода есть две важные составляющие – форма и содержание (смысл и стиль). Если первая категория Янь Фу «верность» (信/ xìn), скорее, является смысловой составляющей, то вторая категория «литературность» (达/ dà) – уже стилистической составляющей.

Точно как и третья категория «элегантность» (雅) – язык переводного текста должен быть лаконичным, сжатым, но при этом изящным, как язык оригинала. Янь Фу отмечает: «故信达而外，求其尔雅 [严复/Янь Фу, 1896]» – «На самом деле, помимо верности и литературности речи, перевод также требует изящества языка не только для расширения влияния произведения» (перевод мой – Г.Ц.). «Литературность» – одна из категорий стиля, а «элегантность» дополняет ее. Как видим, в сознании Янь Фу стиль превалирует над смыслом.

Активное развитие современных информационно-коммуникационных технологий и Интернета полностью изменило работу практикующих переводчиков, сделав ее более эффективной. Однако качество машинного перевода все еще далеко от качества перевода, выполненного профессиональным переводчиком. Чтобы проанализировать отличие перевода новостей человеком от машинного и посмотреть может ли машина соответствовать этим трем критериям, мы выбрали четыре новости (текст оригинала на русском) в качестве объекта нашего эксперимента.

Во-первых, необходимо объяснить разницу между русскими новостями и китайскими новостями в порядке слова.

Порядок слов в русских новостях:

Обстоятельство время (Когда?) + обстоятельство места (Где?) + сказуемое (Что делать? Что сделать?) + подлежащее (кто? Что?)

Например: «4 февраля в Пекине состоялась встреча Си Цзиньпина с Путиным».¹⁰

Порядок слов в китайских новостях:

подлежащее (кто? Что?) + обстоятельство время (Когда?) + обстоятельство места (Где?) + сказуемое (Что делать? Что сделать?)

Например: «习近平 2月4日在北京与普京举行了会谈»

Рассмотрим порядок слов в китайских новостях (см. табл. 1):

Таблица 1

习近平	2月4日	在北京	与	普京	举行了	会谈
Си Цзиньпин	4 февраля	в Пекине	с	Путиным	состоялась	встреча

Рассмотрим порядок слов в русских новостях (см. табл. 2):

Таблица 2

4 февраля	в Пекине	состоялась	встреча	Си Цзиньпина	с	Путиным

Во-вторых, разница между русским и китайским языком еще и в формате даты: в русском языке в дате, по правилам, должно сначала писаться число, затем месяц, в конце год (например, 13.05.2022). В китайском языке наоборот: сначала год, потом месяц, в конце число (например, 2022.05.13).

Теперь посмотрим переводы новостей, выполненные Гугл переводчиком, и ошибки, сделанные при переводе.

Первая новость (см. табл. 3):

Таблица 3

Оригинал	8 декабря в Сочи состоятся переговоры Владимира Путина с Премьер-министром Греции Кириакомом Мицотакисом (07.12.2021 12:45 Анонс на 8 декабря 2021 года) 8 декабря в Сочи состоятся переговоры Владимира Путина с Премьер-министром Греции Кириакомом Мицотакисом. Планируется обсудить весь комплекс вопросов российско-греческого сотрудничества в политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной областях, а также обменяться мнениями по актуальным вопросам международной и региональной повестки дня.¹¹

¹⁰ Сайт президента России. – Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/news/67712

¹¹ Сайт президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67295>

Перевод, выполненный человеком	弗拉基米尔·普京将于12月8日在索契与希腊总理基里亚科斯·米佐塔基斯举行会谈 (2021.01.07. 12:45 2021年12月8日公告) 弗拉基米尔·普京将于12月8日在索契与希腊总理基里亚科斯·米佐塔基斯举行会谈。 计划讨论与俄罗斯与希腊在政治、经贸、人文领域合作的一系列问题，并就国际和地区议程上的热点问题交换意见。
Google	12月8日在索契将是弗拉基米尔·普京与希腊总理基里亚科斯·米佐塔基斯的会晤 (2021年12月8日 07.01.2021 12:45 公告) 12月8日，弗拉基米尔·普京将在索契与希腊总理基里亚科斯·米佐塔基斯举行会谈。 计划讨论俄希在政治、贸易、经济和文化人道主义领域合作的整个复杂问题，并就当前国际关系问题交换意见。

Ошибки, сделанные Гугл переводчиком при переводе первой новости:

1. Оформление перевода (формат даты). Перевод Гугл «2021 年 12 月 8 日 07.01.2021 12:45 公告», в том числе «07.01.2021» не соответствует формату написания даты в китайском языке.

2. Оформление перевода (порядок слов). Мы уже ранее отмечали, что существует большая разница между русским и китайским языками в порядке слов. Правильный перевод фразы оригинала «8 декабря в Сочи состоятся переговоры Владимира Путина с Премьер-министром Греции Кириакосом Мицотакисом» на китайском должен быть следующим: «弗拉基米尔·普京 (Владимир Путин)将于12月8日(8 декабря)在(в)索契(Сочи)与(с)希腊(Греции)总理(Премьер-министром)基里亚科斯·米佐塔基斯 (Кириакосом Мицотакисом)举行(состоятся)会谈(переговоры).

А Гугл не меняет порядок слов, ниже в таблице показан порядок слов перевода от Гугл (см. табл. 4):

Таблица 4

Перевод Гугл	12月8日,	在索契	将是	弗拉基米尔·普京	与希腊总理基里亚科斯·米佐塔基斯	的会晤	会谈。
Перевод	8 декабря	в Сочи	будет	Владимир Путин	с Премьер-министром Греции Кириакосом Мицотакисом	встреча	переговоры
Порядок слов	Обстоятельство времени	Обстоятельство места	Сказуемое	Подлежащее	Дополнение		

Оригинал был на русском языке, и Гугл переводчик сохранил порядок слов,

принятый в русском языке, а именно поставил обстоятельство времени на первое место, поставил обстоятельство места на второе, сказуемое на третье месте, подлежащее на четвертое. Таким образом, перевод Гугла соответствует нормам оформления новостей на русском, а не китайском.

3. Стилистическая составляющая (изменение частеречной принадлежности слова). Гугл переводчик переводит фразу «состоится переговоры Владимира Путина с Премьер-министром Греции...» – «将是弗拉基米尔·普京与希腊总理...的会晤» (будет встреча между Владимиром Путиным и Премьер-министром Греции). Гугл изменил частеречную принадлежность слова, т.е. в оригинале был глагол «состоится переговоры», а в переводе «будет встреча (переговоры)». «将是弗拉基米尔·普京与希腊总理...的会晤» («Будет встреча между Путиным и Премьер-министром») – в этом переводе нарушены речевые нормы (стилистический регистр), эта фраза не приемлема для китайского языка.

4. Ошибка смысловой составляющей (ошибочное употребление слова): переговоры – 会谈, а Гугл переводит как 会晤 (встреча). Хотя слова «переговоры» и «встреча» можно использовать в новостях при описании политических событий, особенно если речь идет о визитах руководителей государства. Но между ними существует разница. **Встреча**¹² – это такое событие, когда люди договариваются увидеть друг друга в определенное время, **чтобы обсудить что-либо, познакомиться или отдохнуть вместе.**

Международные переговоры¹³ – коммуникация между сторонами для достижения своих целей, при которой каждая из сторон имеет равные возможности в контроле ситуации и принятии решения. В узком смысле рассматривается как один из методов альтернативного урегулирования споров. В более широком смысле, переговоры – это коммуникационное взаимодействие людей или социальных групп. В процессе общения между участниками коммуникации происходит обмен разного рода информацией.

Обратим внимание на определение этих двух слов. «Встреча» – больше обсуждение чего-либо, знакомство или совместный отдых, не обязательно достижение каких-нибудь целей. «Переговоры», особенно международные, – встреча, целью которой является достижение своих задач.

5. Смысловая составляющая (смысловое искажение – опущения). В машинном варианте мы не находим перевод слова «региональной» и слова «повестки».

6. Стилистическая составляющая (буквализм). «Весь комплекс вопросов»

¹² Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева, 2003. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/576/встреча>

¹³ Словарь и энциклопедия на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1595525?>

переведено как «整个复杂问题 (整个: целые复杂: сложные问题:)», это не соответствует нормам китайского языка. В китайском сочетаемость следующая: «整个问题» (целый вопрос / весь вопрос / вся проблема), есть «复杂问题» (сложная проблема), только «整个复杂问题» не по-китайски. Гугл переводчик выполняет дословный перевод, который не соответствует грамматическим нормам китайского языка. «Весь комплекс вопросов» – в китайском языке существует устойчивое выражение для выражения этого значения «一系列问题».

Вторая новость (см. табл. 5):

Таблица 5

Оригинал	17 января в МИД России состоялась встреча Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Губернатором Астраханской области И.Ю. Бабушкиным. В ходе беседы затрагивались актуальные вопросы сотрудничества Астраханской области с прикаспийскими государствами и странами СНГ, тематика проведения в Астрахани VII Каспийского медиафорума и организации мотопробега «Каспий – море дружбы».¹⁴
Перевод, выполненный человеком	俄罗斯外长部部长谢尔盖·拉夫罗夫1月17日在俄罗斯外交部会见了阿斯特拉罕州州长伊戈尔·巴布什金。 会谈期间，双方讨论了当前阿斯特拉罕州与里海沿岸国家及独联体国家之间的合作问题，并就阿斯塔拉罕第七届里海媒体论坛的主题和举办“里海—友谊之海”摩托车越野赛等问题进行了商谈。
Google	1月17日，俄罗斯外长拉夫罗夫在俄罗斯外交部会见了阿斯特拉罕州州长伊戈尔·巴布什金。 谈话中，谈到了阿斯特拉罕地区与里海国家和独联体国家合作的热点问题，阿斯特拉罕第七届里海媒体论坛的主题以及“友谊里海”越野摩托车的组织。

По поводу коллокации, важно подчеркнуть, что в китайском языке приняты нормы сочетаемости «举行会晤 (举行: состояться) (会晤: свидание /встреча) », «举行会谈 (беседа / переговоры)», но не принято говорить «举行会见 (встреча) », так что когда мы при переводе фразы «состоялась встреча» должны менять частеречную принадлежность слова: не «состоялась встреча», а «встретился с кем, с чем» (会见了) . С этим Гугл переводчик хорошо справился. Он тоже переводит как «会见了» (встретился с ...).

Ошибки, сделанные при переводе второй новости:

1. Оформление перевода (порядок слов). Правильный перевод фразы оригинала

¹⁴ Сайт Информационного агентства ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/13460591?>

«17 января в МИД России состоялась встреча Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Губернатором Астраханской области И.Ю. Бабушкиным» на китайском должен быть «俄罗斯 (России)外长 (Министр иностранных дел) 谢尔盖·拉夫罗夫 (С.В. Лавров) 1月17日 (17 января) 在 (в) 俄罗斯 (России) 外交部 (МИД) 会见了 (встретился с) 阿斯特拉罕州州长伊戈尔·巴布什金 (Губернатором Астраханской области И.Ю. Бабушкиным)». А Гугл не изменил порядок слов, чтобы соответствовать китайскому формату. Он перевел как (см. табл. 6):

Таблица 6

Перевод Гугл	1月17日,	俄外长拉夫罗夫	在俄罗斯外交部	会见了	阿斯特拉罕州州长伊戈尔·巴布什金
Перевод, выполненный человеком	17 января	Министр иностранных дел России Лавров	В МИД России	встретился с	Губернатором Астраханской области И.Ю. Бабушкиным
Порядок слов	Обстоятельство времени	Подлежащее	Обстоятельство места	Сказуемое	Дополнение

В этот раз Гугл переводчик только «забыл» поставить дату после сказуемого, порядок других частей речи соответствует нормам китайского языка.

2. Имена собственные. Гугл переводчик перевел только фамилию – «拉夫罗夫» (Лавров), в оригинале было «С.В. Лавров», так что необходимо расшифровать: 谢尔盖·拉夫罗夫.

3. Стилистическая составляющая (стилистический регистр). Гугл переводчик перевел «В ходе беседы» как «谈话中» (сокращенное написание “谈话过程中”). На самом деле, это разговорный стиль. В публицистическом стиле данную фразу принято переводить как «会谈期间».

4. Стилистическая составляющая. В оригинале «организации мотопробега», а Гугл выполняет дословный перевод – «越野摩托车的组织». Чтобы соответствовать нормам китайского языка, иногда необходимо изменять часть речи, например, нужно изменить существительное «организация», которое в оригинале, на глагол «организовать».

5. Смысловая составляющая (смысловая неточность). Перевод слова

«мотопробега» от Гугл переводчика – «越野摩托车», то есть мотоцикл высокой проходимости. На самом деле, «мотопробег» – 摩托车巡游.

Третья новость (см. табл. 7):

Таблица 7

Оригинал	30 декабря в Москве состоялась встреча Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сиярто. С.В. Лавров вручил П.Сиярто орден Дружбы (соответствующий Указ был подписан Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 18 ноября с.г.), отметив, что награда является признанием вклада венгерского коллеги в развитие партнерских и направленных в будущее отношений между нашими странами.¹⁵
Перевод, выполненный человеком	俄罗斯联邦外交部部长谢尔盖·拉夫罗夫12月30日与匈牙利外交与对外经济部部长西雅尔多·彼得在莫斯科举行会晤。谢尔盖·拉夫罗夫向西雅尔多·彼得授予友谊勋章（相应法令由俄罗斯联邦总统弗拉基米尔·普京于今年11月18号签署），以此肯定他在发展两国伙伴关系及推进两国未来关系发展所做出的贡献。
Google	12月30日，俄罗斯联邦外交部长拉夫罗夫与匈牙利对外经济关系和外交部长西亚托在莫斯科举行会晤。 SV Lavrov 被 P. Siyarto 授予友谊勋章（相应的法令由俄罗斯联邦总统 VV Putin 于 2006 年 11 月 18 日签署），并指出该奖项是对匈牙利同事在发展中的贡献的认可我们国家的伙伴关系。

Ошибки, сделанные Гугл переводчиком при переводе новостей:

1. Оформление перевода (порядок слов). Правильный перевод фразы оригинала «30 декабря в Москве состоялась встреча Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сиярто» на китайский должен быть следующим «俄罗斯联邦(РФ) 外交部部长 (Министр иностранных дел)谢尔盖·拉夫罗夫(С.В. Лавров) 12月30日(30 декабря)与(с)匈牙利(Венгрии) 外交(и)对外经济部(внешнеэкономических связей)部长 (Министр)西雅尔多·彼得(П. Сиярто) 在(в)莫斯科(Москве) 举行会晤(состоялась встреча)».

Мы видим, что Гугл не ставит обстоятельство времени после подлежащего, чтобы соответствовать правилам оформления новостей на китайском языке. Перевод от Гугл: 12月30日，俄罗斯联邦外交部长拉夫罗夫 (Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров) 与 (с) 匈牙利对外经济关系和外交部长西亚托(Министром внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сиярто) 在 (в)莫斯科(Москве)

¹⁵ Там же. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/13336671?>

举行会晤(состоялась встреча)。Т.е. в Гугл переводе сначала идет дата, потом подлежащее, затем место и в конце сказуемое.

2. Имена собственные:

- 1) Имя и отчество (С.В. Лавров), которые были в оригинале, не были переведены на китайский язык – 谢尔盖·拉夫罗夫.
- 2) Имя П. Сиярто также не было переведено – 西雅尔多·彼得, Гугл переводит как P. Siyarto.
- 3) «В.В. Путин» тоже не было переведено на китайский язык – 弗拉基米尔·普京, перевод от Гугл – VV Putin

3. Смысловая составляющая (неверная интерпретация):

Оригинал: «вклада <...> в развитие партнерских и направленных в будущее отношений между нашими странами».

Перевод Гугл: 在发展中的贡献的认可我们国家的伙伴关系 (①在发展中的: в развитие ②贡献: вклад ③的¹⁶: служебная частица (1) используется после определения 2) если определяемое слово опущено 3) после сказуемого в прошедшем времени, если акцентирует на субъекте, времени, месте, способе этого действия ④认可: признать, признание ⑤我们国家: наши страны ⑥伙伴关系: партнерские отношение). Это предложение в китайском ничего не обозначает, так как машина выполняет дословный перевод, который не может передать грамматичное значение, не обращая внимание на порядок слов, которой является очень важной чертой китайского языка. Правильный перевод следующий: 在发展(в развитие) 两国伙伴关系 (партнерских) 及 (и) 推进 (направленных)两国 (между нашими странами)未来(в будущее)关系(отношений)发展 (развитие)所做出的(сделанные)贡献(вклада). 的 функционирует в качестве служебной частицы, а она в переводе Гугл появилась три раза, это тоже одна из причин, которая влияет на отсутствие смысла в переводе.

4. Смысловая составляющая (смысловая неточность): «венгерского коллеги» было переведено Гугл переводчиком как «匈牙利同事» (буквальный перевод), машина выполняет дословный перевод и не понимает, что по контексту это именно П. Сиярто.

5. Смысловая составляющая (опущение): Опушение в переводе «в будущее отношений».

¹⁶ Большой китайско-русский словарь. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=的>

6. Смысловая составляющая (неверная интерпретация): в оригинале «с.г.» – то есть «сего года». Перевод машины – 2006 年 (2006 г.); непонятно, почему 2006 год.

Четвертая новость (см. табл. 8):

Таблица 8

Оригинал	19 января в Москве состоятся переговоры Владимира Путина с Президентом Исламской Республики Иран Сейедом Эбрахимом Раиси. Планируется обсудить весь комплекс вопросов двустороннего сотрудничества, включая реализацию совместных проектов в торгово-экономической сфере, а также актуальные международные и региональные темы. Кроме того, имеется в виду уделить внимание проблематике выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. ¹⁷
Перевод, выполненный человеком	弗拉基米尔·普京将于1月19日在莫斯科与伊朗伊斯兰共和国总统赛义德·易卜拉欣·莱伊西举行会谈。 计划讨论两国双边合作的一系列问题, 包括实现经贸领域的联合项目, 以及重大的国际和地区问题。此外, 还将关注伊朗核计划的《联合全面行动计划》的完成情况。
Google	1月19日, 弗拉基米尔·普京将在莫斯科与伊朗伊斯兰共和国总统赛义德·易卜拉欣·赖西举行会谈。 计划讨论双边合作的全部问题, 包括在贸易和经济领域实施联合项目, 以及国际和地区热点问题。此外, 它意在关注伊朗核计划联合全面行动计划的实施。

Ошибки, сделанные Гугл переводчиком при переводе новостей:

1. Оформление перевода (порядок слов): то же самое, как и в предыдущих переводах; Гугл не изменяет место даты на принятое в языке-перевода.

2. Имена собственные: перевод Гугл «Раиси» – 赖西, – должен быть 莱伊西.

3. Стилистическая составляющая (нарушение речевой нормы – сочетаемость): В китайском языке существует устойчивое выражение для «весь комплекс вопросов», которое необходимо переводить следующим образом: 一系列问题.

4. Оформление перевода (пунктуационные нормы): при переводе на китайский выражение «Совместного всеобъемлющего плана действий» должно стоять в кавычках.

5. Стилистическая составляющая (ошибочное употребление терминов): в оригинале есть фраза «имеется в виду уделить внимание», обычно эту фразу переводят – 指的是要关注; 说的是要关注,¹⁸ 意在关注. Однако Гугл переводчик перевел как 它意在关注. Важно отметить, что новости – это жанр публицистического стиля, так что нужно переводить 关注 без «指的是...; 说的是...». Кроме того, 它: «оно» – это местоимение используется только в отношении животных и неодушевленных предметов,¹⁹ но не

¹⁷ Сайт президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/press/announcements/67605>

¹⁸ Большой китайско-русский словарь. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=имеется+в+виду...>

¹⁹ Там же. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=它>

употребляются в новостях.

На основе анализа было обнаружено, что существует одиннадцать видов ошибок в переводе от Гугл при передаче новостей с русского на китайский, их можно разделить на три группы:

1) Оформление перевода

- ① формат даты;
- ② порядок слов (порядок слов в машинном переводе не меняется автоматически, чтобы соответствовать нормам китайского языка);
- ③ пунктуационные нормы;
- ④ имена собственные.

2) Стилистическая составляющая

- ① частеречная принадлежность слов;
- ② буквализм;
- ③ стилистический регистр.

3) Смысловая составляющая

- ① ошибочное употребление слов;
- ② смысловые искажения – опущение;
- ③ смысловая неточность;
- ④ неверная интерпретация;
- ⑤ нарушение речевой нормы (сочетаемость).

Заключение

Лаоцзы говорил, что «Писание с великолепной риторикой часто не соответствует действительности (нет верности), верные слова некрасивы, потому что они раскрывают жестокость реальности» (перевод мой – Г.Ц.) [道德经·第八十一章]. Конфуций также говорил, «слова не могут полностью точно передать язык, как язык не может полностью точно выразить мысли человека» (перевод мой – Г.Ц.) [周易·系辞下]. Слова святого глубоки и оправданы, поэтому сегодня, когда мы переводим сутры, также должны правильно передать смысл оригинала и сделать перевод литературным. Из этого отрывка видно, что Лаоцзы и Конфуций также говорили о стандартах перевода. И отсюда мы понимаем: китайские переводчики действовали по заветам Конфуция и Лаоцзы. Эти две категории – верность и литературность – должны быть взаимосвязаны, и тогда и перевод будет хорошим. Человек (переводчик) всегда думает о том, как совместить литературность и натуру, но машина пока еще только выполняет буквальный перевод оригинала. Человек

может истолковывать текст, комментировать его, исключать непонятное для современной реальности. А такие функции пока сложно осуществить при помощи машин. В связи с ограничениями машинного перевода, постмашинное редактирование является необходимым для обеспечения качества перевода и повышения эффективности.

Список литературы:

Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>
Сайт Информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru>
Сайт президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>
Словарь и энциклопедия на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1595525>
Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под редакцией Д.В. Дмитриева. 2003. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/>
严复. 天演论序. 1896 (*Янь Фу*. Тяньяньлунь [Предисловие к переводу книги «Теория эволюции и этики»], 1896).
周易·系辞下 (Книга перемен (древнекитайская гадательная книга)).
道德经·第八十一章 (Канон Пути и достоинство (Дао дэ цзин). Раздел восемьдесят один).

References:

Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Big Chinese-Russian Dictionary] [Electronic resource]. – Available at: <https://bkrs.info> (In Russian).
Sait Informatsionnogo agentstva TASS (Website of the TASS News Agency) [Electronic resource]. – Available at: <https://tass.ru> (In Russian).
Sait prezidenta Rossii (Website of the President of Russia) [Electronic resource]. – Available at: <http://kremlin.ru> (In Russian).
Slovar' i ehntsiklopediya na Akademike (Dictionary and Encyclopedia at Academician) [Electronic resource]. – Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1595525> (In Russian).
Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory dictionary of the Russian language) [Electronic resource] / pod redaktsiei D.V. Dmitrieva. 2003. – Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (In Russian).
严复. 天演论序. 1896 (*Yan Fu*. Tianyanlun [Preface to the translation of the book “Theory of Evolution and Ethics”], 1896). (In Chinese).
周易·系辞下 (Book of Changes (ancient Chinese divination book)). (In Chinese).
道德经·第八十一章 (The Scripture of Ethics. Section eighty-one). (In Chinese).

Геращенко Ксения Павловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Gerashchenko Ksenia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.Л. ПАСТЕРНАКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА «ФАУСТА» ГЕТЕ

TRANSLATION ACTIVITY OF B.L. PASTERNAK ON THE EXAMPLE OF GOETHE'S FAUST TRANSLATION

Борис Пастернак – один из самых знаменитых русских поэтов и писателей, но также и талантливый переводчик. Некоторые произведения читатели до сих пор знают именно в его переводе. Выступая против буквального перевода, переводы писателя не раз подвергались критике. Произведение Гете «Фауст» очень популярно в России, на сегодняшний день существует несколько его переводов на русский язык. Лишь некоторые из них нашли отклик в сердцах читателей: это перевод Холодковского и перевод Пастернака. Считается, что перевод Холодковского является более точным по передаче смысла, а перевод Пастернака более слаженным в поэтическом отношении, ведь именно Пастернак передал на русский язык звучание этого произведения. В данной статье мы решили проанализировать перевод Пастернака на примере «Пролога на небе», его переводческие решения в сопоставлении с оригиналом и с переводом Н. Холодковского.

Boris Pasternak is one of the most famous Russian poets and writers, but also a talented translator. Some of the literary works are still known thanks to his translations. Speaking against a literal translation, Pasternak's translations have been criticized several times. Goethe's work "Faust" is very popular in Russia, today there are several of its translations into Russian. Only a few of them found a response in the hearts of readers: this is the translation of Kholodkovsky and the translation of Pasternak. It is believed that Kholodkovsky's translation is more accurate in conveying meaning, and Pasternak's translation is more poetically coordinated, because it was Pasternak who conveyed the sound of this work into Russian. In this article we decided to analyze Pasternak's translation using the example of "Prologue in Heaven", his translation decisions in comparison with the original text and the translation made by N. Kholodkovsky.

Ключевые слова: Пастернак, Фауст, переводческий анализ, художественный перевод.

Key words: Pasternak, Faust, translation analysis, literary translation.

Борис Леонидович Пастернак родился 29 января 1890 года в Москве, ровно за несколько минут до полуночи в годовщину смерти А.С.Пушкина. Его отец, Леонид (Исаак Леонид), был художником, а мать Розалия – пианисткой. К Леониду Пастернаку домой часто приходили видные люди того времени: он дружил с Левитаном, с Поленовым, с Нестеровым, с Л. Толстым (Лев Толстой разрешил ему подготовить иллюстрации к своему произведению «Война и мир»). Позже отец стал преподавателем в училище. Сам Борис Пастернак не видел своей жизни без музыки. Его мать – Розалия Исидоровна – была вундеркиндом, но из-за появления детей была вынуждена оставить свою карьеру (по другим сведениям – из-за сердечных припадков). Несмотря на это, она продолжала давать частные

занятия по игре фортепиано. С 1901 года Пастернак начинает на регулярной основе играть на фортепиано, чтобы профессионально заниматься музыкой. Семья Пастернака переезжает в Берлин в 1906 году после Декабрьского восстания, охватившего Москву в 1905 году. За границей Борис Леонидович продолжает брать уроки по игре на фортепиано, но бросает свои занятия по единственной причине – отсутствие абсолютного музыкального слуха – откуда он берется и можно ли судить о наличии такого слуха у него самого. Как пишет Дмитрий Быков: «пастернаковский лейтмотив – соскочить с поезда на полном ходу, оставить именно тот род занятий, в котором добиваешься наибольшего успеха; мы увидим потом, как в поэзии, едва овладев им же открытым методом, он стремительно переходит к завоеванию новых территорий; став лучшим лириком – бросается в эпос, став признанным эпиком – переходит на прозу; добившись вершины в прозе – начинает осваивать драматургию; разобравшись с современностью – углубляется в историю; переведя Шекспира – берет на заказ Гете... Так было у него и с философией, и с музыкой; двумя занятиями, которым он в отрочестве и юности отдал щедрую дань» [Быков, 2007, с. 19]. Борис Пастернак очень долго мучился с выбором специализации в университете. Окончив школу на «отлично», он поступил на юридический факультет Московского университета. Год спустя Пастернак перевелся на историко-филологическое отделение. Это связано с тем, что Пастернак рассчитывал на то, что обучаясь на юридическом факультете, он сможет также посещать занятия в консерватории. Но оставив музыку, он понял, что на юридическом факультете его ничего не ждало. Именно с момента начала обучения на историко-филологическом факультете начинается его история как поэта и писателя. Семья не поддерживала резкую смену увлечения, ведь до этого он целиком и полностью отдавался музыке. В 1912 году он поехал на стажировку в Марбург, где он решает оставить свои занятия философией и полностью перейти к литературе. В том же году окончил университет, но за дипломом так и не явился. В 1914 году он присоединяется к группе футуристов. Начиная с 1913 года, Пастернак публикует свои стихи. В 1921 году его семья покидает Россию и переезжает в Берлин, а сам Пастернак остается на родине. Он начинает переписываться с русскими эмигрантами, знакомится с М. Цветаевой.

Тридцатые года – трудные годы для поэта, но с 1934 года Пастернак начинает заниматься переводами для того, чтобы прокормить семью. У Пастернака был талант к языкам – в детстве он изучал английский, французский и немецкий языки. Он будет переводить еще и с грузинского и словацкого языков. Его переводы пользовались большой популярностью, что даже сейчас некоторые произведения читают именно в его переводе. Пастернак начал свой переводческий путь именно с переводов стихотворений: Верлен, Китс, грузинские поэты и литераторы. Он перевел стихи Райнера Марии Рильке, с которым

он виделся в России в 1910 году и письмо которого вернет в Пастернака веру. Позже Пастернак напишет автобиографическое произведение «Охранная грамота», где описывается его встреча с Рильке в России в 1910 году. Пастернак также перевел на русский язык Байрона, Шекспира, а «Гамлета» в его переводе будут ставить в театрах в Советском Союзе.

Пастернак выступал против буквализмов в переводе и считал, что перевод – это самостоятельное художественное произведение: «Переводы мыслимы: потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью» [Пастернак, 1944]. Например, в предисловии к «Гамлету» он пишет, что отказался от перевода слов и метафор и перешел к переводу мыслей.

В 1955 году роман «Доктор Живаго» опубликовали зарубежом, а в 1958 году писателя номинировали на Нобелевскую премию, которую ему присудили. В СССР началась травля против писателя – говорили, что он получил премию за этот антисоветский роман. От премии Пастернаку пришлось отказаться.

Писатель скончался 30 мая 1960 года от рака легких в подмосковном Переделкино. Реабилитация поэта и писателя начала происходить в 1980-е годы, а в 1989 году его старший сын, Евгений Пастернак, получил Нобелевскую премию вместо отца.

В 1950-х годах в СССР выходит новый перевод «Фауста» Гете, выполненный Пастернаком, и становится большим событием для читателей. Иоганн Вольфганг фон Гете писал «Фауста» около 60 лет. А.С. Пушкин охарактеризовал «Фауста» как «величайшее создание поэтического духа». Идея произведения, по всей видимости, появилась у писателя еще до написания «Страданий юного Вертера» или «Геца фон Берлихингена». Первая часть Фауста была опубликована в 1808 году, вторая часть – в 1832 году. Еще до Гете были попытки написать произведение о докторе Фаусте, герое национальных сказаний, но только у Гете это получилось. Мистическое произведение, затрагивающее многие темы, пришлось по вкусу многим читателям Европы.

Русская литература начала XX-го века тяготеет к символизму, мистицизму. В России начинает возрастать интерес к немецкой философии (например, Ф. Ницше, И. Кант...), к немецкой литературе, к современному немецкому искусству. Отсылки к мистицизму можно увидеть в произведении М.Булгакова «Мастер и Маргарита», который начинается эпиграфом из «Фауста» Гете «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Воланд в романе Булгакова наделен чертами Фауста, Фрида напоминает Гретхен, а само имя Гретхен является уменьшительно-ласкательной формой имени Маргариты. Героиню с именем Маргарита, а также героя-доктора можно будет также увидеть в

произведении самого Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Отсылки к произведению Гете можно видеть еще и в других произведениях: у Булгакова – это «Собачье сердце» и «Роковые яйца», у Набокова – «Защита Лужина».

Отметим, что Пастернак был не первым переводчиком «Фауста». Уже до его перевода существовало несколько переводов. В нашей статье мы кратко рассмотрим три перевода, выполненных Губером, Холодковским и Пастернаком.

Самый первый перевод произведения на русский язык выполнил Эдуард Губер в XIX веке. Он был знаком с дочерью императора Павла I, которая общалась с Гете лично. Эдуард Губер происходил из немецкой семьи и тяготил к литературе. Губеру перевод дался тяжело: переводчик трудился в течение пяти лет, а после того, как цензура не пропустила текст перевода, он сгоряча разорвал свой перевод. Только с подачи Александра Пушкина, который уговорил переводчика сесть за произведение еще раз, перевод был опубликован в 1838 году. Отметим, что у Александра Пушкина был особый интерес в этом произведении, так как он не владел немецким языком, но мечтал прочитать произведение, о котором так много говорили. Пушкин умер в 1837 году, так и не увидев перевод Губера. Опубликованный перевод имел очень много пропусков: вместо некоторых частей произведения стояли пропуски или многоточия). Эти места в произведении, связаны с религией, богословием, политикой и революцией. Некоторые литературоведы также утверждают, что в переводе Губера Мефистофель лишился мятежности в произведении. Такую цензуру можно объяснить тем, что в памяти были еще свежи события декабрьского восстания 1825 года.

Следующим знаменитым переводом «Фауста» является перевод, выполненный Н.А. Холодковским. Холодковский был профессором зоологии в Военно-медицинской академии, но в юности часто сочинял и переводил. Перевод Холодковского называют одним из самых точных переводов произведения на русский язык, его работа над переводом продолжалась в течение 40 лет. Первые попытки перевести произведение на русский язык начались в 16-летнем возрасте, в возрасте 20 лет появляется перевод в журнале. В общей сложности, по оценкам литературоведов, было подготовлено около 12 переводов произведения за всю его жизнь. За этот перевод в 1917 году Академия наук присудила ему премию А.С. Пушкина.

В 1948 году Борису Пастернаку предлагают перевести «Фауста», работа над переводом продолжалась около 3-х лет с 1950 по 1953 год. В жизни писателя эти годы были сложными. Он уже начал писать роман «Доктор Живаго», его новую любовь – Ольгу Ивинскую – арестовали и осудили, у него случился инфаркт. Некоторые сцены из трагедии Гете Пастернак видел в своей жизни. Позже о своем переводе в письме свой двоюродной

сестре он писал, что «этот Фауст был в жизни, что он переведен кровью сердца, что одновременно с работой и рядом с ней были и тюрьма, и прочее, и все эти ужасы, и вина, и верность». Приступив к переводу Фауста, Пастернак имел за плечами опыт поэта и писателя, он уже успешно перевел некоторые стихотворения на русский язык, а также У.Шекспира «Гамлета». В его переводах отчетливо прослеживается проблема личности переводчика и писателя. Пастернак выступал против буквального перевода: «Идея буквального перевода представляет хроническое, постоянно изживаемое и постоянно возвращающееся заблуждение» [Пастернак, 1944]. Он также считал, что удачный перевод может получиться на основе эмоций, которые переводчик получил в ходе прочтения определенного произведения. «Перевод должен исходить от автора, испытавшего воздействие подлинника задолго до своего труда. Он должен быть плодом подлинника, его историческим следствием» [Пастернак, 1944]. За такой подход Пастернака нередко упрекают в некоей вольности в переводе, хотя современники очень положительно оценили его перевод.

Для анализа перевода Пастернака был выбран «Пролог на небе» (“Prolog im Himmel”) в сопоставлении с переводом Холодковского. Данный отрывок является подражанием книге Иова. В этой сцене Мефистофель приходит к Господу, где они обсуждают и спорят из-за Фауста. Кроме Мефистофеля и Господа в этой сцене участвуют еще три архангела. Этот отрывок можно условно разделить на две части: песнь архангелов, воспевающих Бога и его деяния, и разговор между Богом и Мефистофелем. Здесь фигура Господа представлена воплощением духа справедливости, а фигура Мефистофиля, наоборот, – это дух отрицания. Считается, что в этой сцене заложена одна из идей произведения: судьба человека уже предрешена на небесах. Далее в таблицах 1 и 2 мы приводим оригинал текста и переводы Холодковского и Пастернака.

Таблица 1

Оригинал	Перевод Холодковского	Перевод Пастернака
Die Sonne tönt, nach alter Weise, In Brudersphären Wettgesang, Und ihre vorgeschriebne Reise Vollendet sie mit Donnergang. Ihr Anblick gibt den Engeln Stärke, Wenn keiner sie ergründen mag; die unbegreiflich hohen Werke Sind herrlich wie am ersten Tag.	Звуча в гармонии вселенной И в хоре сфер гремя, как гром, Златое солнце неизменно Течет предписанным путем. Непостижимость мирозданья Дает нам веру и оплот, И, словно в первый день созданья, Торжественен вселенной ход!	В пространстве, хором сфер объятом, Свой голос солнце подает, Свершая с громовым раскатом Предписанный круговорот. Дивятся ангелы господни, Окинув взором весь предел. Как в первый день, так и сегодня Безмерна слава божьих дел.

Такими словами архангела Рафаила начинается «Пролог на небе». В данном отрывке мы можем увидеть, что фразу «Die Sonne tönt, nach alter Weise, in Brudersphären Wettgesang, und ihre vorgeschriebene Reise vollendet sie mit Donnergang». (В состязании братских сфер солнце звучит как раньше и оканчивает свое предписанное путешествие громом – *перевод наш*) у Пастернака получилось передать лучше, чем у Холодковского. В данном примере мы видим, что первая строка «Ihr Anblick gibt den Engeln Stärke» (Его взгляд придает ангелам силу – *перевод наш*) у Холодковского превратился в «И крепнет сила упования», а у Пастернака на этом месте появляется фраза «Мы, ангелы твои господни», чего нет в оригинале. В переводе второй части стиха у Холодковского мы видим, что центральной темой становится «ход вселенной», а у Пастернака эта тема совпадает с оригиналом – восхваление божьих дел.

Таблица 2

Оригинал	Перевод Холодковского	Перевод Пастернака
Der Anblick gibt den Engeln Stärke, Da keiner dich ergründen mag, Und alle deine <i>hohen Werke</i> <i>Sind herrlich wie am ersten Tag.</i>	И крепнет сила упования При виде творческой руки: Творец, <i>как в первый день</i> <i>создания,</i> Твои творенья велики!	Мы, ангелы твои господни, Окинув взором весь предел, Поем, <i>как в первый день,</i> сегодня Хвалу величию <i>божьих дел.</i>

Фрагменты в обеих таблицах были выбраны неслучайно. Фрагмент в таблице 2 на немецком языке практически идентичен половине предыдущего фрагмента в таблице 1 (отличается только притяжательное местоимение *ihr* и определенный артикль *der*, а также во второй строке происходит смена личного местоимения *sie* на *dich*). В переводе Холодковского этот момент упущен, то есть читатель на русском языке не узнает первоначальный замысел автора. Отметим, что у Пастернака эти фрагменты получилось успешно передать. Последняя строка каждого фрагмента заканчивается одинаковым предложением в немецком языке «... hohen Werke sind herrlich wie am ersten Tag» (великие дела славны, как и в первый день – перевод мой – К.Г.). Если мы взглянем на перевод Холодковского, в обоих стихах последняя строчка отличается, но ему удалось передать фразу «и словно в первый день создания». В переводе Пастернака мы видим, что переводчик постарался соблюсти этот принцип «как в первый день... божьих дел».

Рассмотрим еще один фрагмент из этого произведения.

Таблица 3

Оригинал	Перевод Холодковского	Перевод Пастернака
Was wettet Ihr? den sollt Ihr noch verlieren! Wenn Ihr mir die Erlaubnis gebt, Ihn meine Straße sacht zu führen.	Бьюсь об заклад: он будет мой! Прошу я только позволения, — Пойдет немедля он за мной.	Поспоримте! Увидите воочью, У вас я сумасброда отобью, Немного взявши в выучку свою. Но дайте мне на это полномочья.

Фраза «den sollt Ihr noch verlieren» (Тогда Вы проиграете) в обоих переводах передана при помощи антонимического перевода: у Холодковского – «он будет мой», у Пастернака – «Увидите воочью, у вас я сумасброда отобью». Фраза «ihn meine Straße sacht zu führen» лучше передана у Холодковского, чем у Пастернака, потому что о «выучке» речи нет, а говорится о том, что он (Фауст) пойдет за Мефистофилом и будет слушаться его. Фразу «Erlaubnis geben» (дать разрешение) у Пастернака получилась как «дать полномочья», а у Холодковского - «прошу позволения».

Таблица 4

Оригинал	Перевод Холодковского	Перевод Пастернака
Solang er auf der Erde lebt, So lange sei dir's nicht verboten, Es irrt der Mensch so lang er strebt.	Пока живет он на груди земной, Тебе на то не будет запрещенья: Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.	Они тебе даны. Ты можешь гнать, Пока он жив, его по всем уступам. Кто ищет, вынужден блуждать.

Рассматривая отрывок в таблице 4, мы можем отметить, что Холодковский (как он и сам отмечал о своем переводе) старался придерживаться формы оригинала, а Пастернак перевел стих, начиная со второй строчки, поменяв тему и рему местами.

Говоря о переводе «Фауста» на русский язык необходимо отметить, что Пастернак сам любил это произведение и пытался передать читателю те эмоции, которые он сам получил от прочтения. На примерах мы убедились, что в части «Пролог на небе» Пастернак иногда отходит от текста оригинала. Аналогичное можно сказать и о переводе Н. Холодковского.

В 1958 году в переписке с главой немецкого издательства S. Fischer-Verlag (Frankfurt) Пастернак пишет: «Когда я переводил его, то в вихре работы позабыл, что вторую часть понять совершенно невозможно. И по рассеянности я ее нечаянно понял. Если я, хотя это и нескромно, представляю собой звено в развитии русской поэзии, русских поэтических форм, то это же следует признать и относительно моего перевода «Фауста». В этой работе

я следовал тем же законам самобытности (той надличной самобытности, истоки и возможности которой заложены в природе любого великого языка), тем же законам, которыми, вероятно, руководились и мои собственные скромные опыты, поскольку текст Гете был для меня не литературой, но первозданным и глубоким, основополагающим свидетельством, сходным по воздействию с природой. Так что меня не нужно убеждать в величии Гете». В Германии глава издательства знал о том, что перевод получился очень хорошим, поэтому в качестве знака уважения и радости он вместе с супругой прислали Пастернаку настоящий автограф Иоганна Вольфганга фон Гете: «Мы долго думали, что могло бы доставить вам радость, что имело бы отношение к вашей работе и к кругу Ваших мыслей, и мы решили поискать автограф Гете, произведения которого Вы так прекрасно перевели... И хотя это всего лишь небольшая записка, приглашение на обед, но все же это его рука и его подпись, и небольшая частичка его души чувствуется в этих нескольких строках».

Список литературы:

- Быков Д.Л.* Борис Пастернак. М.: Изд-во Молодая Гвардия, 2007. 930 с.
- Галкин М.А.* Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах Пастернака, Холодковского и Брюсова [Электронный ресурс] // Московский лингвистический журнал. Том 7. № 1. 2003. С. 41–54. – Режим доступа: http://mj.l.rsu.ru/issues/_num_7-1-2003.pdf
- Гете И.В.* Фауст. Трагедия (в переводе Б.Л. Пастернака): М. Изд-во Время, 2018. 480 с.
- Гете И.В.* Фауст. Трагедия (в переводе Н.А. Холодковского) [Электронный ресурс]. 1969. – Режим доступа: http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust_holod.txt
- Гете И.В.* Фауст. Трагедия (на немецком языке) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.projekt-gutenberg.org/goethe/faust1/chap003.html>
- Добронравова О.В., Галимова Х.Н., Паньков А.В.* Художественный перевод в творчестве Пастернака. [Электронный ресурс] // Балтийский гуманитарный журнал. Том 5. № 2. 2016. С. 74–76. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-perevod-v-tvorchestve-pasternaka/viewer>
- Есакова М.В., Литвинова Г.М.* Форма и смысл в творчестве Б.Л. Пастернака [Электронный ресурс] // Материалы II Международной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур», 2015. С. 133–141. – Режим доступа: http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/sbornik%20krakow%202015.pdf
- Лаврентьева Н.В.* Рецепция образа Фауста в творчестве Б. Пастернака в контексте проблемы восприятия «Немецкого текста» // Мир, науки, культуры, образования. № 4. 2013. С. 26–28.
- Пастернак Б.Л.* Заметки переводчика. [Электронный ресурс], 1944. – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/pasternak/3/j324.html
- Пастернак Б.Л.* Переписка с Бригитте и Готфридом Берман-Фишер [Электронный ресурс], 1958. – Режим доступа: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7631>
- Ратгауз Г.* О переводах Пастернака. [Электронный ресурс] // Иностранная литература. № 12. 1996. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/1996/12/o-perevodah-borisa-pasternaka.html>
- Сафрански Р.* Гете. Жизнь как произведение искусства: М. Издательский дом ДЕЛЮ, 2020. 704 с.

References:

- Bykov D.L.* Boris Pasternak [Boris Pasternak]. M.: Izd-vo Molodaya Gvardiya, 2007. 930 p. (In Russian).
- Dobronravova O.V., Galimova K. N., Pankov A.V.* Khudozhestvennyi perevod v tvorchestve Pasternaka [Literary translation in the works of Pasternak] [Electronic resource] // Baltiiski gumanitarnyi journal. V. 5.

- № 2. 2016. P. 74–76. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-perevod-v-tvorchestve-pasternaka/viewer> (In Russian).
- Esakova M., Litvinova G.* Forma i smysl v tvorchestve Borisa Pasternaka-perevodchika [Form and meaning in the translations by Boris Pasternak] [Electronic resource] // Materialy II Mezhdunarodnoy konferencii «Perevod kak sredstvo vzaimodeistviya kultur», 2015. P. 133–141. – Available at: http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/sbornik%20krakow%202015.pdf (In Russian).
- Galkin M.A.* Otrazhenie stilisticheskoy sistemy «Fausta» Goethe v perevodakh Pasternaka, Kholodkovskogo i Bryusova [Reflection of the stylistic system of “Faust” by Goethe in the translations of Pasternak, Kholodkovsky and Bryusov] [Electronic resource] // Moskovskiy lingvisticheskiy journal. V. 7. № 1. 2003. P. 41–54. – Available at: http://mjl.rsuh.ru/issues/_num_7-1-2003.pdf (In Russian).
- Goethe I.W.* Faust. Tragedy (original) [Electronic resource]. – Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/goethe/faust1/chap003.html> (In German).
- Goethe I.W.* Faust. Tragedy (translated by B. Pasternak). M, Izd-vo Vremya, 2018. 480 p. (In Russian).
- Goethe I.W.* Faust. Tragedy (translated by N. Kholodkovsky) [Electronic resource], 1969. – Available at: http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust_holod.txt (In Russian).
- Lavrenteva N.V.* Rezipcija obraza Fausta v tvorchestve B. Pasternaka v kontexte problemi vospriatia «Nemezkogo teksta» [Reception of the Faust’s image in the Boris Pasternak’s works in the context of the perception of the «German text»] [Electronic resource] // Mir, nauki, kultura, obrazovaniya. № 4. 2013. P. 26–28. – Available at: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/pasternak/3/j324.html (In Russian).
- Pasternak B.L.* [Translator’s notes] [Electronic resource], 1944. – Available at: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/pasternak/3/j324.html (In Russian).
- Pasternak B.L.* Perepiska s Brigitte i Gotfriedom Berman-Fischer [Correspondence with Brigitte and Gotfried Berman-Fischer] [Electronic resource], 1958. – Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7631> (In Russian)
- Ratgauz G.* O perevodakh Pasternaka [About Pasternak’s translations] [Electronic resource] // Inistrannaya literature. V. 12. 1996. – Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/1996/12/o-perevodah-borisa-pasternaka.html> (In Russian).
- Safranski R.* Goethe. Zhizn kak proizvedenie iskusstva [Goethe. Leben als Kunstwerk]. M.: Izdatelskiy dom DELO, 2020. 704 p. (In Russian).

Голубева-Монаткина Наталья Ивановна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Golubeva-Monatkina Nataliya
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О ПРИМЕЧАНИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ABOUT NOTES IN MODERN TRANSLATIONS OF FRENCH FICTION

В настоящее время важное место среди жанров метаперевода продолжает принадлежать переводческим примечаниям. До XVI в. разного рода комментарии переводчиков включались в переводимый текст и составляли вместе с ним единое произведение, но с появлением и, особенно, распространением книгопечатания и осознанием того, что произведение на чужом языке имеет свою форму и своего автора, эти метатексты начинают выноситься за пределы переведенного произведения, образуя сравнительно независимый текст. Современные специалисты по теории перевода указывают на нечеткость правил составления комментариев, неясность связи между его содержанием и формой, неопределенность в вопросе о том, какими должны быть комментарии к художественному тексту. В статье путем анализа примечаний в таких произведениях, как «Истории и новеллы в стихах» Жана де Лафонтена (пер., послесловие, статья, комментарии Т.В. Чугуновой. 2021), «Слава моего отца» Марселя Паньоля (пер. П.Л. Баккеретти, Т. Чугуновой. 2018) и «Сторона Германтов» Марселя Пруста (пер. Е.В. Баевской. 2020), демонстрируется то, каким образом современные переводчики комментируют тексты французских авторов.

Currently, an important place among the genres of meta-translation continues to belong to translation notes. Before the XVI century, various kinds of translators' comments were included in the translated text and formed a single work together with it, but with the advent and, especially, the spread of printing and the realization that a work in a foreign language has its own form and its author, these meta-texts begin to be taken outside the translated work, forming a relatively independent text. Modern specialists in the theory of translation point to the vagueness of the rules for making comments, the ambiguity of the relationship between its content and form, uncertainty about what comments should be to a literary text. In the article, by analyzing the notes in such works as “Stories and Short Stories in Verse” by Jean de La Fontaine (translated from French, afterword, article, comments by T.V. Chugunova. 2021), “The Glory of My Father” by Marcel Pagnol (translated from French by P.L. Bakkeretti, T. Chugunova, 2018) and “The Side of the Guermantes” by Marcel Proust (translated from French by E.V. Bayevskaya, 2020) demonstrates how modern translators comment on the texts by French authors.

Ключевые слова: переводческие примечания, комментарии переводчиков, жанры метаперевода, теория перевода.

Key words: translation notes, translators' comments, genres of meta-translation, theory of translation.

Как известно, «переводческая деятельность не исчерпывается написанием текста перевода. Помимо собственно выбора переводческих решений и оформления текста, переводчик принимает во внимание то, как будет восприниматься текст в дальнейшем, кто будет его читать, насколько его собственный продукт соответствует требованиям, просто даже насколько он будет понятен и т.д. Переводческая деятельность вплетена и в целостный процесс общественного интеллектуального производства, к ней присоединяются и в нее

вплетаются процессы оценки и самооценки, размышления о чужом и собственном переводе, советы, указания и даже наказания за результаты этой деятельности <...>. Многие из аспектов метапереводческой деятельности сами по себе производят тексты <...>. Можно выделить следующие жанры метаперевода: вступительные статьи к переводам (предисловия), заключительные статьи к переводам (послесловия), сноски и внутритекстовые примечания, послетекстовые примечания переводчика, примечания редактора, критические статьи, пародии, воспоминания переводчиков, художественная литература или фильмы, в которых отображается работа переводчика, размышления о переводе в прессе и блогосфере, а также ряд других» [Кашкин и др., 2008, эл. ресурс].

В научной литературе последнего времени имеется немало статей, диссертацией и даже учебных пособий²⁰ о переводческих метатекстах, где характеризуются, в том числе, разные аспекты примечаний, интерес к которым связан, по-видимому, с тем, что переводческое комментирование остается актуальным и в наше время. Это подтверждается, в частности, и появившимися в самые последние годы переводами и перепереводами таких французских авторов XVII и XX веков, как Жан де Лафонтен, Марсель Пруст и Марсель Паньоль.

Какими могут и должны быть комментарии переводчика? В свое время М.Л. Гаспаров, не согласившийся с утверждением М.Ю. Лотмана о том, что «никакой комментарий не может, да и не должен объяснять все», обратил внимание на обусловленность типа переводческого комментирования той эпохой, когда это комментирование осуществляется: «Нельзя безоговорочно сказать, что никакой комментарий не должен объяснять все. Чередуются эпохи, когда комментарий служит немедленному решению интерпретаторских задач и когда он служит подведением итогов, запасником средств для будущих интерпретаций, – так сказать, свалочным местом всего накопленного. Комментарии к античным авторам в XVI веке были деловито-текстологические, в XVIII веке стали компилятивно-энциклопедическими *cum notis variorum*, в XIX веке дифференцировались на разные лады, потом опять стали разрастаться во все тематические стороны; лет пятьдесят назад вновь раздались голоса, что универсальные комментарии рушатся под собственной тяжестью и нужно делать языковые комментарии отдельно, а предметные отдельно; однако многотомные комментарии “про все-все-все” отнюдь не перестали издаваться. В России из-за нашего ускоренного развития и здесь, как во всем, сосуществуют потребности разных стадий – как в целенаправленном комментарии, так и в универсально-свалочном <...>. При этом чем дальше от нас

²⁰ Об этом свидетельствует, например, работа [Козьмина, 2015].

комментируемая культура, тем больше она нуждается именно в таком систематическом, “концепционном” описании. Старые комментарии, по привычке рассчитанные на публику с гимназическим образованием, могли предполагать, что общая картина античной мифологии и истории у читателя в голове уже есть и нужно напоминать только отдельные имена, которые могли забыться. Современный комментатор, наоборот, вынужден иметь в виду читателя, который, наверное, что-то слышал и про Венеру, и про Сократа, и про Сириус, но ни в какую связь этот хаос звучных имен у него не складывается, так что» [Гаспаров, 2004, эл. ресурс].

Примечания взаимодействуют с основным текстом художественного произведения, воздействуя на его целостность и ритм, по-разному в зависимости от места их расположения: внутритекстовые, помещаемые в строку с основным текстом, – в меньшей степени (в особенности, если они специально не выделены), подстрочные – в большей степени (поэтому в художественных текстах их используют довольно редко), а затекстовые, расположенные после основного текста, – лишь в том случае, если читатель к ним обратится²¹. В целом же выбор типа примечания, как представляется, обусловлен целым рядом факторов, связанных, в том числе, и с личностью переводчика.

I/ Затекстовые комментарии использованы Е.В. Баевской²² в перепеводе «Le coté de Guermantes» («Сторона Германтов»), третьей книги цикла Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». В пятистраничном предисловии «От переводчика», написанном для того, чтобы «воссоздать общую картину работы (Марселя Пруста – Н.И. Г.-М.) над этим самым знаменитым французским романом XX века» [Пруст, 2020, с. 5], необходимость обширных (на пятидесяти страницах книги) затекстовых комментариев объяснена так: «В «Германтах» Пруст всю продолжает играть на мандельштамовской «упоминательной

²¹ Результаты [опроса на Fantlab.ru](http://Fantlab.ru) на 30.09.2009 г.: «1. Сноски в конце книги никогда не читаю. Если хотите подсказать – пишите на той же странице. 214 голосов. 2. Читаю сноски в любом виде. И побольше, побольше! 139 голосов. 3. Циферки с объяснениями на каждой странице раздражают. В конце книги – читаю с удовольствием. 42 голоса. 4. Я сам – человек образованный и без подсказок справлюсь. На худой конец, есть Википедия. 20 голосов. 5. Вообще не читаю сноски. 3 голоса» [Гришин, 2009, эл. ресурс].

²² В 2018 году в одном из своих интервью Е.В. Баевская объяснила то, почему она создала новый перевод знаменитого романа: «<...> в конце 80-х годов во Франции были подготовлены новые текстологически выверенные издания, благо в оборот вошло много ранее не известных рукописей Пруста. Оба моих предшественника (очевидно, речь идет об Адриане Антоновиче Франковском (1888–1942) и Николае Михайловиче Любимове (1912–1992), чьи переводы великого прустовского текста постоянно переиздаются – Н. Г.-М.) переводили по старым оригиналам, в которых было много ошибок и неточностей. Отчасти в этом виноват сам Марсель Пруст, потому что когда ему давали корректуру книги, он ее не правил, а тут же начинал переписывать. Текст становился еще лучше, но зато какие-то огрехи и опiski все равно оставались, он был просто не способен как следует выправить корректуру, не видел опечаток и прочее, сразу предлагал лучшие варианты. И это еще не все. Сам Пруст готовил к печати только четыре первые тома, остальные выходили уже после его смерти. А те, кто их готовил, его брат и друзья, просто не во всем разобрались, почерк у него был плохой, поправок и добавлений кошмарное количество. В конечном счете к концу XX века текстоведа-прустоведа положили все имеющиеся рукописи перед собой и подготовили наиболее достоверный на сегодня вариант текста, соответствующий последней воле автора. И конечно, во всех странах стали переводить заново» [Баевская, 2018, эл. ресурс].

клавиатуре». Но теперь <...> к именам писателей, художников, музыкантов, исторических деятелей добавился чуть не весь Готский альманах,²³ причем вполне реальные аристократические фамилии уживаются с вымышленными. Поэтому книга снабжена довольно подробными примечаниями, которые могут быть интересны тем, кто хотел бы заглянуть в рабочий процесс писателя <...>. Однако мы избегаем углубляться в генеалогические дебри, предоставляя наиболее любознательным читателям проводить самостоятельные исследования на этот счет» [Пруст, 2020, с. 10].

Е.В. Баевская не использует знаки сноски, обычно набираемые на верхнюю линию шрифта у того места, к которому относится затекстовое примечание, и этим предоставляет читателю прозаического произведения возможность сначала прочитать весь текст, а затем уже, если есть такое желание, вернуться к поясняемым переводчиком страницам русского Пруста. Комментарии привязаны к тексту с помощью указания номера страницы и выделенного курсивом фрагмента предложения, причем они различаются по объему и могут как занимать более трети книжной страницы (1), так и состоять из одной фразы (2), представлять собой русский перевод иноязычного вкрапления (3): (1) «С. 435. ...Сент-Бев берется... салон г-жи Жоффрен от салона г-жи Рекамье или г-жи де Буань... – Шарль Огюстен Сент-Бев (1804–1869) – поэт, романист и влиятельный литературный критик, с которым Пруст не устает полемизировать, начиная с ранней незавершенной книги «Против Сент-Бева», которая оказалась прообразом его романа. Мадам Жоффрен, урожденная Мари-Тереза Роде (1699–1777), – жена богатого промышленника, была хозяйкой блестящего салона, который посещали художники Верне, Мадам Рекамье, урожденная Жанна Франсуаза Жюли Аделаида Бернар (1777–1849), – подруга Бенжамена Констана, мадам де Сталь и Шатобриана, также была хозяйкой знаменитого салона. Графиня де Буань (1781–1866) – еще одна хозяйка салона, а также мемуаристка, послужившая, кстати, одной из моделей для г-жи Вильпаризи. Сент-Бев сравнивает салоны двух первых дам в статье «Мадам Жоффрен» (1850), а о салоне третьей пишет в статье «Мадам Рекамье» (1849)» [Пруст, 2020, с. 648]; (2) «С. 27. ...как Паскаль основывал истинность Религии и на Разуме, и на авторитете Писания. – Блез Паскаль (1623–1696) – французский ученый и писатель, автор «Мыслей» – труда, в котором он дает обоснование вере в Бога» [Пруст, 2020, с. 621];

²³ «Альманах де Гота (немецкий: *Gothaischer Hofkalender*) – это каталог Европейской королевской семьи и выше дворянства, включая майор правительственный, военный и дипломатический корпус, а также статистические данные по странам. Впервые опубликовано в 1763 г. К. В. Эттингером в Готе в Тюрингии, Германия, при Дукалесе Фридриха III <...>. Он издавался с 1785 года ежегодно издательством Юстуса Пертеса в Готе до 1944 года <...>. В 1992 году Семья Юстуса Пертеса восстановила свое право на использование имени Альманах де Гота. В 1998 году лондонский издатель Джон Кеннеди приобрел права на использование названия *Almanach de Gotha* у Юстуса Пертеса Verlag Gotha GmbH <...>. После перерыва в 54 года первое из новых изданий (182-е) было опубликовано в 1998 году на английском языке» [Готский альманах, эл. ресурс].

(3) «С. 255. <...> In petto – в душе, мысленно, про себя (ит.). Inter pocula – дословно: «между чаш» (лат.), то есть на пиру, среди своих» [Пруст, 2020, с. 637].

В начале «Примечаний» Е.В. Баевская указывает целый ряд пересмотренных и откомментированных французскими текстологами изданий Пруста конца XX века, с которыми имела возможность ознакомиться во Франции, и в ее переводческих метатекстах (например, к страницам 49, 174, 312, 343, 410, 425) встречаются отсылки типа «как указывает французский комментатор», «французский комментатор указывает, что», «по мнению французского комментатора», «французский комментатор отмечает»: «С.343. ... *«Поливальные шланги восхищались прекрасными дорогами... убежавшими каждые пять минут от Бриана и Клоделя».* – Как указывает французский комментатор, прообраз этого нового писателя – Жан Жироду; цитаты, которые приводит Пруст, навеяны ранним рассказом Жироду «Ночь в Шатору», опубликованным в 1919 г. в журнале «НРФ». Правда, в рассказе речь о Великой войне и упоминаются в нем маршалы Фош и Петен («дороги веером разбегаются от Фоша и Петена, а в пастеше Пруста упомянуты государственный деятель Аристид Бриан (1862–1932) и поэт Поль Клодель (1868–1955), совмещавший литературную деятельность с дипломатической; оба они имели влияние на дипломатическую карьеру Жироду. Присутствуют в рассказе Жироду и поливальные шланги, через которые переступают солдаты» [Пруст, 2020, с. 643].

Приводимые в комментариях цитаты даются в опубликованных переводах с указанием имени переводчика (1) или в переводе самой Е.В. Баевской (2) без такого указания: (1) «С. 587. <...> ... так точно у любви есть бранные остатки, мечты уснувшие, и нужен им покой. – Лакей дословно цитирует две строки из стихотворения «Октябрьская ночь» Альфреда де Мюссе, мы даем их в переводе С.А. Андреевского (1847–1918)» [Пруст, 2020, с. 666–667]; (2) «с. 187. <...> ...его крылатые, капризные и затейливые прыжки. – Моделью для этого танцовщика Прусту послужил, по всей видимости, Вацлав Нижинский. Пруст открыл для себя Нижинского в 1910 г. благодаря «Русским балетам» интересовался как его творчеством, так и его личностью. Кокто вспоминает, как они с Прустом после спектакля обедали в ресторане Ларю с группой «Русских балетов». Пруст потом надписал Кокто книгу в память об этом вечере: Спеша меня укрыть мехами и муаром, / Из глаз не расплескав чернил ни капли даром, / Как сильф на потолке, как лыжный след в снегах, / Жан спрыгнул мне на стол с Нижинским на руках...» [Пруст, 2020, с. 629].

Приведенные примеры уже демонстрируют, что содержание комментариев, имеющее, в основном, культурологический характер, чрезвычайно разнообразно, причем переводчик не проходит мимо некоторых любопытных особенностей устройства светской жизни времени Пруста: «С.20. ...занести визитные карты с загнутыми уголками в каждый

аристократический особняк в округе... – Обычай требовал в знак внимания завозить визитные карты знакомым, загибая правый верхний угол в знак того, что карту завез лично ее обладатель» [Пруст, 2020, с. 621]; «С.224. ... *оставлять шляпу в передней, как мой племянник Робер.* – Правила того времени требовали, чтобы головной убор оставляли в прихожей только в случае бала или званого вечера. В салоне гость был обязан держать цилиндр в руке, не расставаясь с ним ни на минуту» [Пруст, 2020, с. 633].

Ш/ Подстрочные и затекстовые комментарии использованы во впервые представленных Т.В. Чугуновой на русском языке «Историях и новеллах в стихах» Ж. де Лафонтена, причем все метатексты переводчика вынесены в «Приложения» (с. 327–377)²⁴. Это, во-первых, десять страниц рассказа, озаглавленного «Земную жизнь пройдя до половины...» и повествующего, в том числе, о совершенно неизвестных деталях второй половины жизни Лафонтена, с комментариями, среди которых 25 подстрочных и занимающих пять страниц 86 затекстовых.

Во-вторых, восемь страниц послесловия «О некоторых особенностях перевода стихотворений Лафонтена» показывают и глубокую филологическую подготовку переводчика, и понимание им своей аудитории – они читаются легко, но содержат важную литературоведческую информацию, помогающую понять текст Лафонтена: «Берясь за перевод “Историй и новелл в стихах” Лафонтена, этих эротических, но вовсе не непристойных стихотворений, надлежало соблюдать осмотрительность и осторожность. <...> вольности Лафонтена сродни вольностям Пушкина, который его высоко ценил и, чувствуя духовное родство с ним, именовал его Ванюшей Лафонтеном. Что касается вопросов стихосложения, тут необходимо было прежде всего прислушаться к самому автору, который в Предуведомлении пишет: “Автор счел, что нерегулярные стихи, весьма схожие с прозой, способны наиболее естественным, а стало быть, наилучшим образом передать авторский замысел”. Кстати, Лафонтен писал свои “Истории” в то время, когда во Франции шел спор о преимуществах прозы перед стихами <...>. В начале XVIII столетия спор о сравнительных достоинствах поэзии и прозы привел к утверждению идеи их равноправия. Лафонтен принадлежал к тем писателям XVII века, в творчестве которых стихи и проза взаимодействовали. Его басни и истории представляют собой, как правило, стихотворную обработку прозаических источников <...>. Необходимо подчеркнуть, что “Истории и новеллы в стихах” – это не лирическая поэзия со всем многообразием застывших форм, а именно рассказ, повествование» [Лафонтен, 2021, с. 347–348]. Как и

²⁴ Также на с. 378–381 приведен список созданных Жаном-Оноре Фрагонаром (1732–1806) иллюстраций к текстам Лафонтена. Как пишет в «Приложениях» автор заметки о творчестве художника В.Г. Зартайский, эти «иллюстрации Ж.-О. Фрагонара <...> признаны шедевром книжной графики эпохи рококо» [Лафонтен, 2021, с. 384].

Е.В. Баевская, Т.В. Чугунова позволяет себе обратиться в этом послесловии к читателям: «В заключение хотелось бы сказать, что переводчик получил огромное удовольствие, работая в течение десяти лет над этими текстами, и желал бы, чтобы и читатели получили не меньшее» [Лафонтен, 2021, с. 354].

В-третьих, к самому переводу историй и новелл сделано 40 страниц затекстовых комментариев, оформленных следующим образом:

«Побитый и довольный рогоносец. На сюжет Боккаччо

Le Cocu, battu et content. Nouvelle tirée de Boccace

Источник сюжета: седьмая новелла седьмого дня “Декамерона”.

С. 46. *Мессир* (от *ит.* messire, *фр.* messer – господин) – обращение к именитому гражданину в средневековой Италии и Франции.

С. 48. *Виллан* (от *ср.-лат.* villanus) – в Западной Европе в эпоху Средневековья феодально-зависимый (в отношении земли) крестьянин, сохраняющий личную свободу.

Пилигрим (от *ит.* pellegrino) – странствующий богомолец, странник» [Лафонтен, 2021, с. 360].

III/ П.Л. Баккеретти и Т.В. Чугунова весьма тонко использовали как внутритекстовые примечания (1;2), являющиеся рудиментами средневековых глоссовых заметок, без специального оформления (например, скобками), так и сочетание внутритекстового и подстрочного примечаний (3):

(1) «Un beau soir du mois d'avril, je rentrais de l'école avec mon père et Paul. C'était un mercredi, le plus beau jour de la semaine, car nos jours ne sont beaux que par leur lendemain. Tout en marchant le long du trottoir de la rue Tivoli, mon père me dit <...>» [Pagnol, 1973, p. 53] / «В один прекрасный апрельский вечер мы с отцом и Полем возвращались из школы. Это была среда, самый лучший день недели: ведь сегодня только тем и прекрасно, что за ним будет завтра, **а после среды, как известно, идет четверг – в то время свободный день для французских школьников** (здесь и далее выделено мной – Н.И. Г.-М.). По дороге, на улице Тиволи, отец мне сказал <...>» [Паньоль, 2018, с. 17].

(2) « Les normaliens <...> étaient peu à peu frappés de terreur, et la seule vue d'un verre de vin leur donnait des frissons de dégoût. La terrasse des cafés, à l'heure de l'apéritif, leur paraissait une assemblée de candidats au suicide» [Pagnol, 1973, p. 24] / «Будущие учителя <...> преисполнялись самым настоящим ужасом, и при одном виде стакана вина их начинало трясти от отвращения. А террасы кафе в предобеденный час, **когда француз пьет свой аперитив**, казались им чем-то вроде кладбища для самоубийц» [Паньоль, 2018, с. 16].

(3) «Ce n'est donc pas une montagne, mais ce n'est plus une colline : c'est Garlaban, où les guetteurs de Marius, quand ils virent, au fond de la nuit, briller un feu sur Sainte-Victoire,

allumèrent un bûcher de broussailles : cet oiseau rouge, dans la nuit de juin, vola de colline en colline, et se posant enfin sur la roche du Capitole, apprit à Rome que ses légions des Gaules venaient d'égorger, dans la plaine d'Aix, les cent mille barbares de Teutobochus» [Pagnol, 1973, p. 17] / «Гарлабан, собственно, еще не гора, но уже и не холм: именно здесь дозорные римского военачальника Гая Мария,²⁵ завидев в ночи, как далеко, на вершине **горы** Сент-Виктуар вспыхнул огонек, разожгли костер из сухого валежника, и огненная птица, перелетая в июньской ночи с холма на холм, достигла скалы Капитолия и поведала Риму, что его галльские легионы только что перерезали в долине Экса сто тысяч варваров **Тевтобод**²⁶» [Паньоль, 2018, с. 9].

Как представляется, проведенный предварительный анализ примечаний подтверждает точность процитированных выше суждений М.Л. Гаспарова и, кроме того, позволяет говорить не только о том, что современные переводчики художественных текстов предпочитают использовать затекстовые примечания, но и о том, что необходимо изучать самого переводчика как автора текста (а не только как «языковую личность»).

Список литературы:

- Баевская Е.В.* Когда я перевожу, мне важно, чтобы человек понял, о чем я, и не заскучал [Электронный ресурс]. 2018.– Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/95906-perevodchik-elena-baevskaya-o-tom-kak-ne-nado-perevodit>
- Гаспаров М.Л.* Лотман и проблемы комментирования [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2004. №2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/kommentarij-i-ego-dvojnik.html>
- Готский альманах* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://livepcwiki.ru/wiki/Almanach_de_Gotha
- Гришин А.* Примечания переводчика в художественном переводе [Электронный ресурс]. 2009. – Режим доступа: https://www.trworkshop.net/wiki/примечания_переводчика
- Кашкин В.Б.* Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях / В.Б. Кашкин, Д.С. Князева, С.С. Рубцов [Электронный ресурс]. 2008. – Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/index/0-131>
- Козьмина Е.Ю.* Комментирование художественных текстов: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 156 с.
- Лафонтен Ж.* Истории и новеллы в стихах в двух томах; пер. с фр., послесловие, статья, комментарии Т.В. Чугуновой. Том 1. СПб.: «Вита Нова», 2021. 385 с. (Фамильная библиотека. Парадный зал).
- Паньоль М.* Слава моего отца // Марсель Паньоль. Слава моего отца. Замок моей матери: романы; пер. с фр. П.Л. Баккеретти, Т. Чугуновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 5-220.
- Пруст М.* Сторона Германтов: роман / Марсель Пруст; пер. с франц. Е. Баевской. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. 672 с. (Иностранная литература. Большие книги).
- Pagnol M.* La gloire de mon père. Souvenirs d'enfance. Tome 1. Illustrations de Dubout. Monte-Carlo : Editions Pastorelly, 1973. 243 p.

²⁵ *Гай Марий* (158–86 до н. э.) – древнеримский полководец и политический деятель.

²⁶ *Тевтобод* – по легенде, гигант, король кимвров.

References:

- Baevskaya E.V.* Kogda ya perevozh, mne vazhno, chtoby chelovek ponyal, o chem ya, i ne zaskuchal [When I translate, it is important to me that a person understands what I am talking about and does not get bored] [Electronic resource]. 2018.– Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/95906-perevodchik-elena-baevskaya-o-tom-kak-ne-nado-perevodit> (In Russian).
- Gasparov M.L.* Lotman i problemy kommentirovaniya [Lotman and the problems of commenting] [Electronic resource] // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 2. – Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/komentarij-i-ego-dvojniki.html> (In Russian).
- Gotskii al'manakh* [Goth Almanac] [Electronic resource]. – Available at: https://livepcwiki.ru/wiki/Almanach_de_Gotha (In Russian).
- Grishin A.* Primechaniya perevodchika v khudozhestvennom perevode [Translator's Notes in Literary trans] [Electronic resource]. 2009. – Available at: https://www.trworkshop.net/wiki/primechaniya_perevodchika (In Russian).
- Kashkin V.B.* Metakommunikatsiya perevodchika v primechaniyakh i kommentariyakh [Translator's metacommunication in notes and comments] / V.B. Kashkin, D.S. Knyazeva, S.S. Rubtsov [Electronic resource]. 2008. – Available at: <http://lse2010.narod.ru/index/0-131> (In Russian).
- Koz'mina E.Yu.* Kommentirovanie khudozhestvennykh tekstov: uchebnoe posobie [Commenting on literary texts: a textbook]. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 156 p. (In Russian).
- Lafonten Zh.* Istorii i novelly v stikhakh v dvukh tomakh [Stories and short stories in verse in two volumes]; per. s fr., posleslovie, stat'ya, kommentarii T.V. Chugunovoi. Tom 1. SPb.: «Vita NovA», 2021. 385 p. (Familtonnaya biblioteka. Paradnyi zal) (In Russian).
- Pan'ol' M.* Slava moego ottsa [The glory of my father] // Marsel' Pan'ol'. Slava moego ottsa. Zamok moei materi: romany; per. s fr. P.L. Bakkeretti, T. Chugunovoi. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. P. 5-220. (In Russian).
- Prust M.* Storona Germantov: roman [The Side of the Guermentes: a novel] / Marsel' Prust; per. s frants. E. Baevskoi. M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2020. 672 p. (Inostrannaya literatura. Bol'shie knigi). (In Russian).
- Pagnol M.* La gloire de mon père. Souvenirs d'enfance. Tome 1. Illustrations de Dubout. Monte-Carlo : Editions Pastorelly, 1973. 243 p.

Жаткин Дмитрий Николаевич
Пензенский государственный технологический университет
г. Пенза (Россия)

Морозова Светлана Николаевна
Филиал Военной академии материально-технического обеспечения
г. Пенза (Россия)

Zhatkin Dmitry
Penza State Technological University
Penza (Russia)

Morozova Svetlana
Branch of the Military Academy of Logistics
Penza (Russia)

К.И. ЧУКОВСКИЙ О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ШЕКСПИРА²⁷

K.I. CHUKOVSKY ABOUT RUSSIAN TRANSLATIONS OF SHAKESPEARE

Работы К.И. Чуковского, посвященные великому английскому драматургу Шекспиру («Единоборство с Шекспиром» (1935), «Искалеченный Шекспир» (1939), «Переводы Шекспира (К вопросу о методике перевода Шекспира)» (1946) и др.), стали важной страницей литературно-критического восприятия творчества Шекспира в России. Первая половина XX века в русской переводческой рецепции Шекспира была ознаменована появлением переводов Б.Л. Пастернака и И.Б. Манделштама. К.И. Чуковский, характеризуя их переложения, не только обосновал художественную манеру и творческую позицию переводчиков, но и представил свое понимание отдельных недочетов и, наоборот, удачных находок. Переводы Б.Л. Пастернака К.И. Чуковский критиковал за превалирование в них проявлений собственного художественного таланта интерпретатора. К.И. Чуковский положительно отзывался о «Ричарде II» И.Б. Манделштама, несомненным достоинством которого считал его свободный стиль и отсутствие формалистского подхода в соблюдении отдельных параметров подлинного текста. Особенности переводческой концепции К.И. Чуковского наиболее полно раскрываются на примере его перевода комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви» (1945), неоднократно поставленного на театральной сцене.

The works of K.I. Chukovsky, dedicated to the great English playwright Shakespeare (“A battle with Shakespeare” (1935), “Crippled Shakespeare” (1939), “Translations of Shakespeare (About the question of the method of translation of Shakespeare)” (1946), etc.), became an important page in the literary critical perception of Shakespeare's work in Russia. The first half of the 20th century in the Russian translation reception of Shakespeare was marked by the appearance of translations written by B.L. Pasternak and I.B. Mandelshtam. K.I. Chukovsky, characterizing their interpretations, not only substantiated the artistic style and creative position of the translators, but also presented his understanding of individual shortcomings and, conversely, successful finds. Translations written by B.L. Pasternak K.I. Chukovsky criticized for the prevalence of manifestations of the interpreter's own artistic talent in them. K.I. Chukovsky spoke positively about “Richard II” which was created by I.B. Mandelstam, whose undoubted advantage was his free style and the absence of a formalist approach in respecting certain parameters of the original text. Features of the translation concept of K.I. Chukovsky are most fully revealed on the example of his translation of Shakespeare's comedy “Love's Labor Lost” (1945), repeatedly staged on the theater stage.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, Шекспир, русская литература, английская литература, историко-культурные и литературные связи, драматургия, театр, метафоричность языка, высокий стиль, эквилибрность, художественный перевод, интерпретация.

²⁷ Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)».

Key words: K.I. Chukovsky, Shakespeare, Russian literature, English literature, historical, cultural and literary ties, dramaturgy, theatre, imagist quality, high style, equilinearity, literary translation, interpretation.

Критические работы К.И. Чуковского, посвященные анализу переводческого прочтения Шекспира в России в первой половине XX века, явились первым опытом исследований на эту тему и предвещали большое количество работ отечественных шекспироведов. Позднее были опубликованы работы М.М. Морозова, М.Л. Гаспарова, Ю.Д. Левина [Морозов, 1955; Гаспаров, 2001; Левин, 1988]. Важную роль в появлении исследований, определявших критерии качественных переводов произведений Шекспира, сыграли многочисленные работы более широкого плана, посвященные разным аспектам изучения наследия английского драматурга. Художественные особенности драматургии Шекспира, социальные, философские и эстетические мотивы его творчества были особенно популярны и становились предметом специальных и общих исследований. Значимой работой по исследованию биографии английского драматурга, его художественного метода и текстологии стала книга А.А. Аникста «Творчество Шекспира», первая часть которой содержит общие сведения о Шекспире и эпохе, в которой он жил, последующие четыре – характеристику этапов его творчества с анализом отдельных произведений [Аникст, 1963]. Л.Е. Пинский в своей монографии акцентировал внимание на социально-философском и стилистическом анализе произведений английского драматурга, а также охарактеризовал степень влияния культуры Возрождения на шекспировскую драму [Пинский, 1971]. Ю.Ф. Шведов проанализировал жанровую специфику исторических хроник Шекспира [Шведов, 1964]. Различные аспекты творчества Шекспира освещены в работах А.А. Смирнова, И.Е. Верцмана, Д.М. Урнова, А.В. Бартошевича, Р.М. Самарина [Смирнов, 1934; Верцман, 1964; Урнов, 1964; Бартошевич, 1985; Самарин, 1964].

Немногие отечественные переводчики были способны передать сложный метафорический язык произведений Шекспира. Еще в 1935 году К.И. Чуковский в статье «Единоборство с Шекспиром» упоминал об этом обстоятельстве и считал несомненной заслугой Б.Л. Пастернака разработку наиболее приемлемых принципов работы с подобными текстами. Во многом соглашаясь с критериями художественного перевода, предложенными М.Л. Лозинским, Б.Л. Пастернак не придерживался строго научного принципа при работе с текстами Шекспира и стремился воспроизвести их современным языком. В статье «Единоборство с Шекспиром» К.И. Чуковский ставит в заслугу Б.Л. Пастернаку разработку принципов перевода, в которых точность сочеталась с поэтической свободой и естественностью русской речи. Такой подход обогатил отечественную переводческую традицию: «Хлебников, Пастернак, Маяковский и плеяда нынешних революционных поэтов расширили диапазон нашей поэтической речи и тем

исподволь подготовили нас к безболезненному восприятию наиболее чуждых “духу русского языка” оборотов Шекспира» [Чуковский, 1935].

К.И. Чуковский высоко оценивает переводы Б.Л. Пастернака, в которых ключевую роль в освоении художественного наследия Шекспира сыграл личный поэтический опыт переводчика. Вступаясь за Б.Л. Пастернака в истории с его награждением Нобелевской премией, К.И. Чуковский ставит переводы писателя по их художественной ценности наравне с его оригинальным творчеством. В дневнике К.И. Чуковского сохранилась запись от 27 октября 1958 года, в которой отмечаются заслуги Б.Л. Пастернака как переводчика Шекспира: «Ведь Пастернаку дали премию не только за “Живаго” – но за его стихи, за переводы Шекспира...» [Чуковский, 2013, т. 13, с. 268]. В дневниковой записи от 28 июня 1962 года К.И. Чуковский, описывая встречу с вдовой поэта З.Н. Пастернак, цитирует ее слова, свидетельствующие, в числе прочего, о популярности переводов Б.Л. Пастернака из Шекспира в театральной среде: «Когда в театре шли Борины переводы Шекспира, он весь доход клал на мою сберкнижку» [Чуковский, 2013, т. 13, с. 340]. Востребованность переводов Б.Л. Пастернака была обусловлена направленностью его работ на демократизацию поэтической речи, приветствовавшуюся в театральных постановках пьес Шекспира и отвечающую особенностям зрелищной коммуникации.

Вместе с тем в переводах Б.Л. Пастернака К.И. Чуковский видит существенные упущения, вызванные творческой позицией писателя, который переводные произведения рассматривает как частное проявление поэзии и «навязывает» Шекспиру свой слог и свое мироощущение. В письме к С.Я. Маршаку от 9 октября 1963 г. К.И. Чуковский, говоря о работе над книгой «Высокое искусство», объясняет, почему он не упоминает в ней переводы Б.Л. Пастернака: «Взял я его “Ромео и Джульетту”, стал сравнивать с подлинником – очень неряшливо, сбивчиво, словно неуправленный черновик. Я и бросил» [Чуковский, 2013, т. 15, с. 548]. К.И. Чуковский не мог себе позволить публикацию критики переводов Б.Л. Пастернака в период, когда властями была развязана травля писателя.

И.Б. Мандельштам известен переводами «Венецианского купца», «Юлия Цезаря» и «Перикла», опубликованными в конце 1940-х – 1950-е гг., однако почти неизвестен перевод «Ричарда II», подготовленный им для шекспировского трехтомника Детиздата, но оставшийся ненапечатанным. Вот как писала об этом переводе и о роли К.И. Чуковского в переводческой судьбе И.Б. Мандельштама Л.И. Володарская: «Перевод “Ричарда II” был послан для ознакомления К.И. Чуковскому, который его одобрил. Вот что написал Чуковский в 1948 году, когда снова зашла речь о напечатании этого перевода. “Перевод, исполненный И.Б. Мандельштамом, превосходно звучит: это певучие, широкие стихи, в которых передано главное – поэзия. Чувствуется, что переводчик свободен от

формалистических забот об эквилинеарности и других жупелов переводческого педантизма. Помню, я не соглашался с некоторыми мелочами в переводе отдельных стихов, но это дело редакторское, а в основном, повторяю, перевод представляется мне высоко ценным произведением искусства». С этим переводом “Ричарда II” Чуковский ознакомил А.А. Смирнова, подготовившего тогда трехтомное издание избранных трагедий Шекспира для Детиздата, Смирнову перевод также понравился, он включил его в план трехтомника и предложил И.Б. перевести для того же издания “Венецианского купца” и “Юлия Цезаря”, а для полного собрания сочинений Шекспира (Гослитиздат) – хронику “Король Генрих VIII”. (Смирнов был одним из редакторов полного собрания сочинений Шекспира)» [Минувшее: Исторический альманах, с. 389–390].

Особый исследовательский интерес вызывает тема переводческого прочтения произведений Шекспира самим К.И. Чуковским. В 1945 году была издана пьеса Шекспира «Бесплодные усилия любви» в переводе К.И. Чуковского. Первое упоминание о работе над этим произведением встречается в дневниковой записи К.И. Чуковского от 28 декабря 1944 года: «Вчера были Наташа Кончаловская [Н.П. Кончаловская, детская писательница, жена С.В. Михалкова, мать А.С. Кончаловского и Н.С. Михалкова] и Дикий [А.Д. Дикий, актер, режиссер, народный артист СССР] – первые занятия *Love’s Labor’s Lost* (Все труды любви – впустую!)» [Чуковский, 2013, т. 13, с. 75]. Работа над переводной пьесой стала для К.И. Чуковского отдушиной от житейских невзгод в тяжелое военное время. В начале 1945 года писатель, вспоминая разговор со своей женой М.Б. Чуковской, погруженной в мысли о непростой ситуации в семье, говорит о благотворном влиянии осуществляемого им перевода пьесы Шекспира: «Я каждое утро оболваниваю себя переводом Шекспира (*Love’s Labor’s Lost*) – уже перевел почти весь IV акт рифмованными стихами – так что мое утро свободно от углубления в печали, неудачи и боли» [Чуковский, 2013, т. 13, с. 76].

В дальнейшем К.И. Чуковский неоднократно высказывал желание переработать изданный перевод пьесы. В письме Ю.Г. Оксману от 11 ноября 1952 года необходимость изменений он обуславливает спецификой театральных постановок «Бесплодных усилий любви»: «Я перевел пьесу Шекспира “*Love’s Labor’s Lost*”, которая ставится в театре Ермоловой, и нужно изменить кое-какие слишком скоромные стихи – по требованию театральной дирекции» [Чуковский, 2013, т. 15, с. 385]. Переработка пьесы долгое время была в планах К.И. Чуковского, о чем свидетельствуют дневниковые записи от 13 и 25 апреля 1953 года [см.: Чуковский, 2013, т. 13, с. 137, 140].

Планы К.И. Чуковского не осуществились, и пьеса «Бесплодные усилия любви» в его переводе после 1945 года не переиздавалась. По прошествии времени К.И. Чуковский вновь возвращается к переводу пьесы Шекспира, который, по сравнению с его

собственными стихотворениями, кажется ему неудачным: «Но мой перевод “Напрасных усилий любви”, который я сейчас перечитываю, кажется мне по-прежнему отвратительным» [Чуковский, 2013, т. 13, с. 378].

Тем не менее в немногочисленных театральные постановках «Бесплодных усилий любви» использовался именно перевод К.И. Чуковского. Исследователь Е.А. Первушина связывает обращение к переводу К.И. Чуковского с его сценической направленностью: «Для самого Корнея Ивановича в его работе с “Бесплодными усилиями любви” главным стало осознание театральной предназначенности шекспировского текста» [Первушина, 2020, с. 623]. В 1975 г. пьеса была поставлена режиссером Ю.С. Копыловым на сцене Красноярского драматического театра им. А.С. Пушкина [Василенко, 1975], в 1984 году – режиссером Е.Д. Табачниковым на сцене Приморского краевого драматического театра им. М. Горького; в 2008 году зрители смогли увидеть «Бесплодные усилия любви» на сцене петербургского Малого драматического театра в режиссерской трактовке Л.А. Додина. Режиссеры подвергли перевод К.И. Чуковского значительным изменениям, в результате чего поменялись как идейная концепция пьесы, так и многие содержательные компоненты.

Мысли о собственном переводе, о судьбе шекспировской пьесы в России К.И. Чуковский изложил в кратком очерке «О “Бесплодных усилиях любви”», посвященном изданию 1945 года, а также в пространной статье «Бесплодные усилия любви», впервые опубликованной в сборнике «Люди и книги» в 1960 г. В статье К.И. Чуковский акцентирует внимание на том, что пьеса Шекспира была непопулярна в России из-за наличия в ней большого количества «вымученных и натянутых острот», «многие из которых изложены к тому же дремучей средневековой латынью» [Чуковский, 2012, т. 10, с. 627]. В. Хэзлитт, С. Джонсон, Ф. Харрис, Э. Чемберс, Э. Дауден сходились во мнении, что пьеса слаба, и объясняли ее недостатки тяжелой метафоричностью языка и низменным стилем некоторых сюжетных эпизодов. К.И. Чуковский не видит оснований для обвинений Шекспира в неопытности и незрелости, считая громоздкие и пафосные обороты шекспировской речи издержками исторических реалий: «Та манера острить, которая в XVI веке была так актуальна и жизненна в наиболее культурных кругах тогдашнего английского общества, кажется нам в настоящее время безнадежно мертвой и унылой» [Чуковский, 2012, т. 10, с. 629].

В отличие от большинства исследователей, К.И. Чуковский не склонен видеть определяющей в «Бесплодных усилиях любви» только борьбу автора с эвфуизмом, поскольку роль этой борьбы – «подчиненная, служебная, далеко не центральная, – она, так сказать, на периферии основного сюжета» [Чуковский, 2012, т. 10, с. 631]. И предполагать, что автор, подаривший впоследствии человечеству «Гамлета» и «Отелло» и обеспокоенный

философскими проблемами, испокон веков волновавшими все человечество, создал пьесу для такой мелкой задачи, как высмеивание популярного на тот момент напыщенного разговорного стиля узкого круга придворных, было бы, по мнению К.И. Чуковского, неверно. Тем более не вызывает сомнений, что Шекспир сам был эвфуистом и «умело владел этим орнаментально-метафорическим стилем, охотно культивировал его в своих “петрарковских” сонетах и в большинстве своих пьес, даже в тех, которые относятся к более поздней эпохе» [Чуковский, 2012, т. 10, с. 634].

Для демонстрации виртуозного владения автором этим стилем, К.И. Чуковский в своем переводе передает все стадии словесной манеры эвфуизма: гротескную речь стремящегося выглядеть ученым школьного педанта Олоферна, экстравагантную, но в то же время наполненную лоском речь дона Армадо и правдивую жизненность монологов Бирона. В их речи Шекспир высмеивал не эвфуизм, а чрезмерное опошление и вульгаризаторство его любимого стиля. Примеры подобного снижения высокого стиля особенно заметны в выпрренной речи дона Армадо в его письме королю («Дело в том, что обуреваемый черной, как траур, меланхолией, я препоручил свой угнетенный мрачным унынием дух благотворнейшему лекарству твоего целебного воздуха» [Шекспир, 2020, с. 252]), а также в размышлениях о предмете своей любви: «Я люблю даже ту грубую землю, которую она попирает еще более грубым своим башмаком, облегающим ее грубейшую ножку» [Шекспир, 2020, с. 259].

И если переводческая концепция К.И. Чуковского предполагала сохранение стиля пьесы, то театральная направленность его работы привела к значительным изменениям содержания «Бесплодных усилий любви». Считая, что пьеса специально написана «для театра 1945–1950 года», К.И. Чуковский постарался сделать реплики максимально ясными и сценичными, для чего сократил или удлинил их по своему усмотрению для максимальной восприимчивости зрителями произносимых с подмостков театра слов. Примеры подобных сокращений можно увидеть уже в самом начале пьесы, где слова короля объемом в 18 строк К.И. Чуковский перевел шестью, убрав пространные рассуждения о чести и достоинстве, после чего значительно сократил количество произносимых персонажами реплик [см.: Шекспир, 2020, с. 247–248]. В переводе К.И. Чуковского также есть примеры расширения реплик и даже включения в текст дополнительных фраз, не имеющих аналога в оригинале (например, слова Розалины о доне Армандо в конце пьесы: «Что ж, пожалуй, даже этого красная и лодыря любовь преобразит в человека!» [Шекспир, 2020, с. 445]).

Впрочем, как было сказано ранее, благодаря переработке К.И. Чуковского пьеса стала «удобной» для театральных постановок; она ставилась режиссерами в том идейном

ключе, который обозначил К.И. Чуковский в предисловии к своему переводу, – как пламенный гимн во славу любви.

Комментарии К.И. Чуковского о Шекспире не ограничиваются анализом переводческих прочтений его произведений в России, осмыслением собственной переводческой работы. На протяжении всей жизни писателя в его дневнике, эпистолярной и литературно-критических работах встречаются упоминания об английском драматурге, которые дают представление о специфике восприятия писателем творчества Шекспира. Характерные для первой половины XX века эстетические запросы общества, а также художественные критерии, на основе которых складывалось осмысление К.И. Чуковским творчества английского драматурга, хотя и вносили свои коррективы, но не трансформировали понимание писателем значения творчества Шекспира для русской литературы, в развитии которой шекспировские идеи, претворенные в жизнь разными формами рецепции, сыграли важную роль.

Список литературы:

- Аникст А.А.* Творчество Шекспира. М.: Изд-во художественной литературы, 1963. 615 с.
- Бартошевич А.В.* Шекспир на английской сцене, конец XIX – первая половина XX в.: жизнь традиций и борьба идей. М.: Наука, 1985. 303 с.
- Василенко В.* Накануне премьеры / Беседа с режиссером театра Ю.С. Копыловым // Красноярский рабочий. 1975. 20 дек.
- Верцман И. Е.* «Гамлет» Шекспира. М.: Художественная литература, 1964. 143 с.
- Гаспаров М.Л.* Сонеты Шекспира – переводы Маршака / М.Л. Гаспаров, Н.С. Автономова // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 389–409.
- Левин Ю.Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 326 с.
- Морозов М.М.* Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака / Послесл. М. Морозова. М.: Советский писатель, 1955. С. 177–194.
- Первушина Е.А.* Русские переводы комедии Шекспира «Love's Labour's Lost» // Шекспир У. Пустые хлопоты любви / Изд. подг. А.Н. Горбунов, Г.М. Кружков, В.С. Макаров, Е.А. Первушина. М.: Наука, 2020. С. 604–638.
- Пинский Л.Е.* Шекспир: Основные начала драматургии. М.: Художественная литература, 1971. 606 с.
- Самарин Р.М.* Реализм Шекспира / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1964. 189 с.
- Смирнов А.А.* Творчество Шекспира. Л.: Гос. акад. искусствознания; Ленингр. гос. большой драматич. театр им. М. Горького, 1934. 200 с.
- Урнов Д.М.* Шекспир: Его герой и его время. М.: Наука, 1964. 206 с.
- Цель в жизни – мыслить и страдать: [Письма И.Б. Мандельштама Б.М. Эйхенбауму] / Вступительная статья, подготовка текста и публикация Л.И. Володарской // Минувшее: Исторический альманах. М.–СПб.: Atheneum; Феникс, 1992. С. 382–413.
- Чуковский К.* Единоборство с Шекспиром // Красная новь. 1935. № 1. С. 182–196.
- Чуковский К.И.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. Мастерство Некрасова; Статьи 1960–1969 / Предисл. и коммент. Б. Мельгунова и Е. Чуковской. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2012. 736 с.
- Чуковский К.И.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. Дневник (1936–1969) / Коммент. Е. Чуковской. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. 640 с.

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма (1926–1969) / Вступ. ст. Е. Ивановой; сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская; общая ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. 800 с.

Шведов Ю.Ф. Исторические хроники Шекспира. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 306 с.

Шекспир У. Пустые хлопоты любви / Изд. подг. А.Н. Горбунов, Г.М. Кружков, В.С. Макаров, Е.А. Первушина. М.: Наука, 2020. 734 с.

References:

Anikst A.A. Tvorchestvo Shekspira [The work of Shakespeare]. M.: Izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1963. 615 p. (In Russian).

Bartoshevich A.V. Shekspir na anglijskoj scene, konec XIX – pervaja polovina XX v.: zhizn' tradicij i bor'ba idej [Shakespeare on the English Stage, Late 19th – First Half of the 20th Centuries: The Life of Traditions and the Struggle of Ideas]. M.: Nauka, 1985. 303 p. (In Russian).

Cel' v zhizni – myslit' i stradat': [Pis'ma I.B. Mandel'shtama B.M. Ejhenbaumu] [The goal in life is to think and suffer: [Letters of I.B. Mandelstam to B.M. Eichenbaum] / Vstupitel'naja stat'ja, podgotovka teksta i publikacija L.I. Volodarskoj // Minushee: Istoricheskij al'manah. M.–Spb.: Atheneum; Feniks, 1992. P. 382–413. (In Russian).

Chukovskij K. Edinoborstvo s Shekspirom [Combat with Shakespeare] // Krasnaja nov'. 1935. № 1. P. 182–196. (In Russian).

Chukovskij K.I. Sobraie sochinenij: V 15 t. T. 10. Masterstvo Nekrasova; Stat'i 1960–1969 [Collected Works: In 15 vols. Vol. 10. Nekrasov's Mastery; Articles 1960–1969] / Predisl. i komment. B. Mel'gunova i E. Chukovskoj. M.: TERRA–Knizhnyj klub, 2012. 736 p. (In Russian).

Chukovskij K.I. Sobraie sochinenij: V 15 t. T. 13. Dnevnik (1936–1969) [Collected Works: In 15 vols. Vol. 13. Diary (1936–1969)] / Komment. E. Chukovskoj. M.: TERRA–Knizhnyj klub, 2013. 640 p. (In Russian).

Chukovskij K.I. Sobraie sochinenij: V 15 t. T. 15. Pis'ma (1926–1969) [Collected Works: In 15 vols. Vol. 15. Letters (1926–1969)] / Vstup. st. E. Ivanovoj; sost.: E. Ivanova, L. Spiridonova, E. Chukovskaja; obshhaja red., podg. tekstov i komment. E. Ivanovoj i E. Chukovskoj. M.: TERRA–Knizhnyj klub, 2013. 800 p. (In Russian).

Gasparov M.L. Sonety Shekspira – perevody Marshaka [Shakespeare's sonnets in translations by S. Marshak] / M.L. Gasparov, N.S. Avtonomova // Gasparov M.L. O russkoj poezii: Analizy. Interpretacii. Harakteristiki. SPb.: Azbuka, 2001. P. 389–409. (In Russian).

Levin Ju.D. Shekspir i russkaja literatura XIX veka [Shakespeare and Russian Literature of the 19th Century]. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1988. 326 p. (In Russian).

Morozov M.M. Sonety Shekspira v perevodah S. Marshaka [Shakespeare's sonnets in translations by S. Marshak] / Poslesl. M. Morozova. M.: Sovetskij pisatel', 1955. P. 177–194. (In Russian).

Pervushina E.A. Russkie perevody komedii Shekspira «Love's Labour's Lost» [Russian translations of Shakespeare's comedy “Love's Labor Lost”] // Shekspir U. Pustye hlopoty ljubvi / Izd. podg. A.N. Gorbunov, G.M. Kruzhhkov, V.S. Makarov, E.A. Pervushina. M.: Nauka, 2020. P. 604–638. (In Russian).

Pinskij L.E. Shekspir: Osnovnye nachala dramaturgii [Shakespeare: Fundamentals of Dramaturgy]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1971. 606 p. (In Russian).

Samarin R.M. Realizm Shekspira [Shakespeare's realism] / Akad. nauk SSSR. In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1964. 189 p. (In Russian).

Shekspir U. Pustye hlopoty ljubvi [Love's Labor Lost] / Izd. podg. A.N. Gorbunov, G.M. Kruzhhkov, V.S. Makarov, E.A. Pervushina. M.: Nauka, 2020. 734 p. (In Russian).

Shvedov Ju.F. Istoricheskie hroniki Shekspira [Historical chronicles of Shakespeare]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1964. 306 p. (In Russian).

Smirnov A.A. Tvorchestvo Shekspira [Creative works of Shakespeare]. L.: Gos. akad. iskusstvovoznanija; Leningr. gos. bol'shoj dramatih. teatr im. M. Gor'kogo, 1934. 200 p. (In Russian).

Urnov D.M. Shekspir: Ego geroj i ego vremja [Shakespeare: His Hero and His Time]. M.: Nauka, 1964. 206 p. (In Russian).

Vasilenko V. Nakanune prem'ery / Beseda s rezhisserom teatra Ju.S. Kopylovym [On the eve of the premiere / Conversation with the theater director Yu.S. Kopylov] // Krasnojarskij rabochij. 1975. 20 dek. (In Russian).

Vercman I.E. «Gamlet» Shekspira [Shakespeare's «Hamlet»]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1964. 143 p. (In Russian).

Зигмантович Дарья Сергеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zigmantovich Daria
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ УСТНОГО СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

AMERICAN POLITICAL DISCOURSE AS A SUBJECT MATTER OF SIMULTANEOUS INTERPRETING

Устный синхронный перевод с середины XX столетия является основным средством обеспечения коммуникации между разноязычными участниками различных международных мероприятий. Исследование особенностей и механизмов синхронного перевода через призму политики играет важную роль для теории, практики, дидактики и методологии устного перевода. Ораторы, как и переводчики, оказывают влияние на качество, полноту и точность синхронного перевода. К индивидуальным особенностям речей ораторов, которые могут либо дестабилизировать работу переводчиков, либо облегчить ее, относятся следующие: синтаксические, просодические и лексико-стилистические. В статье последовательно анализируется и комментируется каждая из выделенных нами особенностей. Материалом исследования послужили речи, с которыми выступали два президента Соединенных Штатов Америки – Дж. Буш-младший (2001–2009 гг.) и Б. Обама (2009–2017 гг.). Результаты настоящего исследования могут помочь при отборе учебного материала для обучения устному переводу в соответствии с динамикой выполнения градуированных учебных задач от простого к сложному в языковой комбинации «английский – русский» и могут быть использованы для анализа политических выступлений и их переводов в других языковых комбинациях.

Since the mid-20th century, simultaneous interpreting has been the main means to ensure communication between multilingual participants during various international events. The study of the simultaneous interpreting features and mechanisms through the prism of politics plays an important role for interpreting theory, practice, didactics and methodology. Orators, like interpreters, have an impact on the quality, completeness and accuracy of simultaneous interpreting. The individual oratorical features can either destabilize the interpreters' work or facilitate it. The present article describes prosodic, syntactical, lexical and stylistic features inherent in the speeches delivered by orators. The article consistently analyzes each of the features that we have identified. We have analyzed speeches delivered by two US presidents: George W. Bush (2001–2009) and Barack Obama (2009–2017). The results of this study can help in the selection of material for teaching simultaneous interpreting in accordance with the dynamics of the performance of graded learning tasks from simple to complex in the language combination "English–Russian". The results and conclusions can be used to analyze political speeches and their interpreting in other language combinations.

Ключевые слова: устный перевод, устный синхронный перевод, теория устного перевода, практика устного перевода, политический дискурс, оратор, ораторский портрет.

Key words: interpreting, simultaneous interpreting, interpreting theory, interpreting practice, political discourse, orator, oratorical portrait.

Устный синхронный перевод (далее – УСП) выступает как особый вид переводческой деятельности, что обусловлено комплексной природой деятельности синхронных переводчиков. Экстремальные условия работы, одновременный (или синхронный) характер процессов восприятия и порождения речи; многоканальность поступающей на обработку информации; высокая скорость принятия переводческих

решений и выполнения переводческих действий – все эти факторы указывают на сложность реализации устного синхронного перевода.

В XXI веке ни одна крупная многоязычная встреча – от тематических круглых столов, выставок и форумов до конференций международного масштаба и встреч на высшем уровне – не обходится без использования услуг синхронных переводчиков. С середины прошлого столетия политика неизменно является той сферой общественной жизни, в которой устные переводчики оказываются неотъемлемым звеном для обеспечения коммуникации между разноязычными акторами.

УСП предстает как системная интеллектуальная деятельность человека, компоненты которой связаны системными отношениями. Эти связи влияют на процесс и результат перевода. Это в свою очередь указывает на то, что синхронные переводчики, будучи основными звеньями этой системы, оказываются под воздействием ряда факторов внешнего характера: информационные, исторические, психологические, технологические, экономические, эстетические, этические и др. [Гарбовский, Костикова, 2018, с. 18–19].

После проведения Нюрнбергского процесса (1945–1946 гг.) и в настоящее время исследованием особенностей и механизмов УСП занимались и занимаются ученые в разных странах мира: Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Италия, КНР, СССР (Россия), США, Франция, Финляндия, Швейцария, Южная Корея, Япония и другие. За счет все более активной практики устного перевода и регулярных экспериментов рядом специалистов было установлено, что некоторые элементы в речах ораторов оказывают влияние на оперирование информацией в процессе УСП [Миньяр-Белоручев, 1959; Чернов, 1978; 1987; Ширяев, 1979; Barik, 1969; Gerver, 1969/2002; Oléron, Nanpon, 1965/2002; Seleskovitch, Lederer, 2001 и другие].

Действительно, качество, полнота и точность перевода, осуществляемого в синхронном режиме, зависят как от самого переводчика, так и от оратора и особенностей подачи последним исходного сообщения [Зигмантович, 2016; 2018]. К числу таких особенностей мы относим следующие индивидуальные характеристики речи оратора: синтаксические, просодические и лексико-стилистические. Они могут, с одной стороны, дестабилизировать оперирование информацией при осуществлении устного синхронного перевода, а с другой стороны, облегчить его [Зигмантович, 2021].

Для анализа характеристик ораторов, оказывающих влияние на УСП, и создания соответствующих речевых портретов мы сравнивали речи двух президентов США: Джорджа Уокера Буша-младшего и Барака Хуссейна Обамы II. В предлагаемом нами алгоритме анализа учитываются перечисленные выше индивидуальные особенности, присущие речам ораторов.

Синтаксические особенности речи

Для оказания желаемого влияния на аудиторию и создания у нее соответствующего отношения к тематике выступления ораторы традиционно используют различные приемы (например, градацию) и синтаксические конструкции (деепричастные и причастные обороты, вводные слова и конструкции, синонимы, ряды однородных членов предложения [Тхакушинова, 2010; Филинский, 2002]; повторы и риторические вопросы [Паршина, 2012; Чубай, 2007]).

Речам Дж. Буша-младшего и Б. Обамы присущ основанный на анафорическом повторении отдельных слов и оборотов синтаксический параллелизм, который используется ораторами для создания желаемого ритма высказывания и соответствующего эмоционального фона. При синхронном переводе этих анафорических конструкций переводчики могут перевести анафору только один раз, воспользовавшись компрессией для значительной экономии времени [Чернов, 1978; 1987]. В ряде случаев (например, в зависимости от темы выступления) переводчик для оказания соответствующего воздействия на аудиторию, может и должен перевести конструкцию столько же раз, сколько она прозвучала в речи оратора.

В речах Дж. Буша-младшего анафорические конструкции используются чаще, чем в выступлениях Б. Обамы. Стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев это справедливо в отношении речей, произнесенных на мероприятиях под эгидой Организации Объединенных Наций (см. табл. 1).

Таблица 1

Анафорические конструкции в речах Дж. Буша-младшего

Анафорическая конструкция	Пример
« <i>To the people of</i> <...>» (выступление на 61-й сессии Генассамблеи ООН) Перевод: « <i>К народу</i> <...>» (перевод мой – Д.З.).	« <i>To the people of</i> Iraq <...>. <i>To the people of</i> Afghanistan <...>. <i>To the people of</i> Lebanon <...>. <i>To the people of</i> Iran <...>. <i>To the people of</i> Syria <...>. <i>To the people of</i> Darfur <...>» [Bush, 2006] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).
« <i>A free Japan</i> <...>» (обращение к населению Японии) Перевод: « <i>Свободная Япония</i> <...>» (перевод мой – Д.З.).	« <i>A free Japan</i> has transformed the lives of its citizens. <...> <i>A free Japan</i> has helped transform the lives of others in the region. <...> <i>A free Japan</i> is helping to transform the world <...>» [Bush, 2005b] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).

В речах Б. Обамы мы также нашли несколько примеров анафорических конструкций. Однако оратор использует их реже, чем Дж. Буш-младший, что значительно сокращает возможности применения компрессии синхронным переводчиком (см. табл. 2).

Анафорические конструкции в речах Б. Обамы

Анафорическая конструкция	Пример
« <i>We can remember</i> <...>» (выступление по случаю Дня поминовения) Перевод: « <i>Мы помним о</i> <...>» (перевод мой – Д.З.).	« <i>We can remember</i> Jay Aubin, the pilot, <...>. <i>We can remember</i> Ryan Beaupre, the former track star, <...>. <i>We can remember</i> Brian Kennedy, the rock climber and lacrosse fanatic, <...>. <i>We can remember</i> Kendall Waters-Bey, a proud father, <...>. And <i>we can remember</i> David Hickman, a freshman <...>» [Obama, 2012] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).
« <i>Our journey is not complete until</i> <...>» (инаугурационная речь) Перевод: « <i>Наш путь не завершен до тех пор, пока</i> <...>» (перевод мой – Д.З.).	« <i>Our journey is not complete until</i> our gay brothers and sisters <...>. <i>Our journey is not complete until</i> no citizen is forced to wait <...>. <i>Our journey is not complete until</i> we find a better way <...>. <i>Our journey is not complete until</i> all our children, <...>» [Obama, 2013] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).

Другой характерной для американского политического дискурса конструкцией является трехчастная. Трехчастная конструкция представляет собой синтаксический ряд, включающий в себя три однородных члена предложения или три словосочетания. С одной стороны, компоненты этих конструкций могут быть синонимами. С другой стороны, они могут косвенно или напрямую относиться к одной и той же теме, но передавать разные значения [Зигмантович, 2021, с. 16]. В первом случае при переводе в синхронном режиме переводчики могут воспользоваться компрессией. Во втором случае необходимо передать каждый компонент конструкции, только если пропуск одного из них не исказит смысл.

В своих речах американские ораторы используют трехчастные конструкции, элементы которых не синонимичны и передают разные значения (см. табл. 3).

Трехчастные конструкции в речах американских политиков

Трехчастная конструкция	Перевод
«<...> China's leaders can help their country grow into a <i>modern, prosperous, and confident</i> nation <...>» [Bush, 2005b] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).	«Лидеры Китая могут помочь своей стране вырасти в <i>современную, процветающую и надежную</i> страну» (перевод мой – Д.З.).
«<...> the greatest hardship fell upon citizens already facing lives of struggle - <i>the elderly, the vulnerable, and the poor</i> » [Bush, 2005a] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).	«Большие невзгоды выпали на долю граждан, которые уже и без этого ведут постоянную борьбу – на долю <i>пожилых, уязвимых и бедных людей</i> » (перевод мой – Д.З.).
«<...> we've developed a very effective working relationship built on <i>candor, cooperation, and mutual respect</i> » [Obama, Medvedev, 2010] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).	«Мы создали очень эффективные рабочие отношения, основанные на <i>искренности, сотрудничестве и взаимном уважении</i> » (перевод мой – Д.З.).
«<...> climate change will pose unacceptable risks to <i>our security, our economies, and our planet</i> » [Obama, 2009b] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.).	«Изменение климата создаст риски, неприемлемые для <i>нашей безопасности, экономики наших стран и нашей планеты</i> » (перевод мой – Д.З.).

Благодаря типичному и упрощенному синтаксису доля смысловых ошибок в устном синхронном переводе минимизирована, а синхронные переводчики могут успешно применить компрессию.

Просодические особенности речи

Оратор, выступая с тем или иным темпом речи, задает синхронному переводчику скорость восприятия, переработки и воспроизведения информации. Ряд исследователей проводили различные эксперименты с тем, чтобы установить средний предел комфортного темпа речи для синхронного переводчика при работе с английским языком.

Переводчик и руководитель Отдела устного перевода в Женевском университете К. Зибер предлагает классифицировать темп речи ораторов следующим образом: до 130 слов в минуту (далее – сл/мин) – низкий темп речи; до 160 сл/мин – средний темп речи; выше 160 сл/мин – высокий темп речи [Seeber, 2017, с. 79]. В русском языке слова длиннее примерно на 20–30%, в связи с чем средним пределом комфортного темпа речи для синхронного переводчика при работе с английским языком будем считать 140 сл/мин [Галло, 2015, с. 81].

Сравнение первых обращений двух политиков к Генеральной Ассамблее ООН показало следующее: средний темп речи Дж. Буша составил 112,2 сл/мин, а Б. Обамы – 139,3 сл/мин. Первый политик традиционно выступает с более низким темпом речи при обращении к иноязычной аудитории на мероприятиях с устным синхронным переводом. При обращении к Генассамблее ООН Дж. Буш-младший выступал с умеренным темпом речи, однако резкие ускорения наблюдались несколько раз: от 88 до 100 сл/мин на второй минуте; от 99 до 114 сл/мин на пятой минуте; до 133 сл/мин на 19-ой минуте. После резкого увеличения темпа речи до 133 оратор не снижал его и поддерживал на уровне 135,25 сл/мин. У Б. Обамы темп речи более высокий и менее равномерный. Наблюдается резкое увеличение темпа речи на второй минуте от 90 сл/мин до 124 сл/мин, после чего он не снизился. Также зафиксированы резкие ускорения дальше в ходе выступления: до 154 сл/мин (на 13-ой и 18-ой минутах) и до 167 сл/мин (на 24-ой) [Bush, 2001; Obama, 2009a].

Ораторы задают синхронным переводчикам установку, которая либо дестабилизирует восприятие, обработку и воспроизведение информации, либо облегчает их. Из-за высокого темпа воспроизведения оригинала переводчики начинают пересказывать, а не переводить то, что услышали; в их речи появляются недопустимые в УСП паузы хезитации, молчание и нарушается средний темп речи.

Лексико-стилистические особенности речи

При анализе лексико-стилистических особенностей речей американских ораторов внимание уделялось метафоричности и насыщенности выступлений реалиями

действительности. И Дж. Буш-младший, и Б. Обама, как правило, на выступлениях в международных организациях или при обращении к иноязычным народам могут использовать образные выражения, синхронный перевод которых не представляет никаких сложностей, поскольку метафоры и сравнения в их речах передают распространенные в политическом дискурсе образы (см. табл. 4).

Таблица 4

Лексико-стилистические особенности в речах американских политиков

Пример	Комментарий
«They met <i>in the shadow of a devastating war, with grave new dangers on the horizon</i> » [Bush, 2008] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.). Перевод: «Они встретились <i>в тени разрушительной войны, а над горизонтом нависла новая опасность</i> » (перевод мой – Д.З.).	Дж. Буш-младший говорит о том, как представители разных стран завершали работу над созданием Устава ООН после войны, последствия которой <i>тенью</i> легли на весь мир. Оратор говорит о новой опасности, под которой имеет в виду другие конфликты XX и XXI веков.
«The technology we harness <i>can light the path to peace, or forever darken it</i> » [Obama, 2009a] (выделение жирным и курсивом мое – Д.З.). Перевод: «Технологии, которые мы используем, <i>могут либо осветить путь к миру, либо навсегда омрачить его</i> » (перевод мой – Д.З.).	Здесь также встречается образ <i>тьмы</i> и <i>света</i> . Политик призывает задуматься об использовании современных технологий, которые могут иметь как положительные, так и негативные последствия для человечества.

Двусторонние переговоры американских ораторов с представителями других стран отличаются двумя особенностями, которые в случае неподготовленности переводчика могут дестабилизировать восприятие информации и сказаться на качестве синхронного перевода.

Первое: для демонстрации своих дружеских отношений их коллегами, а также уважения к культуре и языку и Дж. Буш-младший, и Б. Обама используют язык стоящего рядом с ними политика. В начале выступления американские ораторы говорят на иностранном языке «Добрый день/вечер», «спасибо» или «добро пожаловать», а в конце речи выражают благодарность на иностранном языке. В подавляющем большинстве случаев данный прием дружеского жеста использует Б. Обама.

Второе: для перехода с формального на неформальный уровень общения Б. Обама использует юмор (см. табл. 5).

Таблица 5

Юмор в речах Б. Обамы

Пример	Комментарий
«<...> but we do know that he [Hollande] has sampled American fast food in the past, because this happens to be the 40 th anniversary of François's first trip to America as a student. And I	«<...> но мы все знаем, что он пробовал американский фаст-фуд в прошлом, потому что ровно 40 лет назад Франсуа впервые приехал в Америку, тогда он еще был студентом. Он

understand he traveled across our country studying the fast-food industry. So, if back in 1974 you noticed a French guy poking around your local McDonald's, that was him» [Obama, Hollande, 2014].	наверняка путешествовал по нашей стране, изучая индустрию быстрого питания. Так что если в 1974 году вы заметили французского парня, ошивающегося в местном Макдональдсе, то это был он» (перевод мой – Д.З.).

Сопоставительный анализ речей американских политиков с точки зрения лексико-стилистических особенностей показал, что образные выражения, содержащиеся в их выступлениях, не создают сложностей при синхронном переводе. Дестабилизирующими факторами могут выступить иноязычные вставки и юмор, к передаче которых переводчики должны быть готовы.

Анализ речей ораторов играет важную роль для дидактики и практики устного синхронного перевода. Составление релевантных ораторских портретов может значительно облегчить деятельность начинающих синхронных переводчиков на начальном этапе овладения техникой перевода и помочь в отработке таких механизмов, как прогнозирование и компрессия. Синтаксические, просодические и лексико-стилистические особенности исходных речевых произведений оказывают влияние на качество, полноту и точность устного синхронного перевода.

Знание характерных для выступлений (в нашем случае политических) стратегий, а также знание ораторских качеств, облегчают работу в режиме синхронного перевода и помогают максимально полно сохранить коммуникативный эффект оригинала.

Список литературы:

- Галло К. Презентации в стиле TED: 9 приемов лучших в мире выступлений (пер. с английского). М.: Альпина Паблишер, 2015. 253 с.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 17–40.
- Зигмантович Д.С. Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 3. С. 41–57.
- Зигмантович Д.С. Скорость оратора и ее влияние на деятельность устных синхронных переводчиков // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.: Изд-во «Неолит», 2018. С. 860–863.
- Зигмантович Д.С. Устный политический дискурс: факторы переводимости: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Зигмантович Дарья Сергеевна. Москва, 2021. 27 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М.: Изд-во Института международных отношений, 1959. 190 с.
- Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021. 232 с.
- Тхакушинова Ж.Б. Речевые особенности политика как сильной/слабой языковой личности: лингвопрагматический и лингвокультурный аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Тхакушинова Жаннета Беслановна. Майкоп, 2010. 22 с.
- Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Филинский Алексей Анатольевич. Тверь, 2002. 163 с.
- Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. 208 с.

- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
- Чубай С.А.* Диалогичность современной политической рекламы: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Светлана Анатольевна Чубай. Волгоград, 2007. 24 с.
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Barik H.C.* A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology. University of North Carolina at Chapel Hill, 1969. 349 p.
- Gerver D.* The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 1969/2002. P. 53–66.
- Oléron P., Nanpon P.* Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris) // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 1965/2002. P. 43–50.
- Seeber K.* Interpreting at the European Institutions: Higher, faster, stronger / La interpretación en las instituciones europeas: más rápido, más alto, más fuerte // CLINA. 2017. Vol. 3. № 2. P. 73–90.
- Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. Paris: Didier érudition, 2001. 311 p.

References:

- Barik H.C.* A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology. University of North Carolina at Chapel Hill, 1969. 349 p.
- Chernov G.V.* Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpreting]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. 208 p. (In Russian).
- Chernov G.V.* Osnovy sinkhronnogo perevoda: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [The basics of simultaneous interpreting]. M.: Vysshaya shkola, 1987. 256 p. (In Russian).
- Chubai S.A.* Dialogichnost' sovremennoi politicheskoi reklamy [Dialogism of modern political advertising]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Chubai Svetlana Anatol'evna. Volgograd, 2007. 24 p. (In Russian).
- Filinskii A.A.* Kriticheskii analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampanii 1999–2000 gg. [Critical analysis of the political discourse of the 1999–2000 election campaigns]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Filinskii Aleksei Anatol'evich. Tver', 2002. 163 p. (In Russian.)
- Gallo K.* Prezentatsii v stile TED: 9 priemov luchshikh v mire vystuplenii [TED Style Presentations: 9 Tricks for the World's Best Speaking] (per. s angliiskogo). M.: Al'pina Publisher, 2015. 253 p. (In Russian).
- Garbovskii N.K., Kostikova O.I.* Perevod i obshchestvo [Translation and society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2018. № 1. P. 17–40. (In Russian).
- Gerver D.* The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 1969/2002. P. 53–66.
- Min'yar-Beloruhev R.K.* Metodika obucheniya perevodu na slukh [Methodology of teaching oral translation]. M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1959. 190 p. (In Russian).
- Oléron P., Nanpon P.* Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris) // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 1965/2002. P. 43–50.
- Parshina O.N.* Rossiiskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika [Russian political speech: theory and practice]. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2021. 232 p. (In Russian).
- Seeber K.* Interpreting at the European Institutions: Higher, faster, stronger / La interpretación en las instituciones europeas: más rápido, más alto, más fuerte // CLINA. 2017. Vol. 3. № 2. P. 73–90.
- Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. Paris: Didier érudition, 2001. 311 p.
- Shiryayev A.F.* Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous interpreting. Simultaneous interpreter and methodology of teaching simultaneous interpreting]. M.: Voениzdat, 1979. 183 p. (In Russian).

Tkhakushinova Zh.B. Rechevye osobennosti politika kak sil'noi/slaboi yazykovoi lichnosti: lingvopragmaticheskii i lingvokul'turnyi aspekty (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) [Speech features of a politician as a strong/weak linguistic personality: linguo-pragmatic and linguo-cultural aspects (based on Russian and English languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Tkhakushinova Zhanneta Beslanovna. Maikop, 2010. 22 p. (In Russian).

Zigmantovich D.S. Politicheskii diskurs kak objekt ustnogo perevoda (na materiale rechei rossiiskikh i frantsuzskikh politikov) [Political Discourse as a Subject Matter of Interpreting of Speeches Delivered by Russian and French Politicians] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2016. № 3. P. 41–57. (In Russian).

Zigmantovich D.S. Skorost' oratora i ee vliyanie na deyatel'nost' ustnykh sinkhronnykh perevodchikov [Speaker's speed and its influence on the activity of simultaneous interpreters] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXIV. M.: Izd-vo «Neolit», 2018. P. 860–863. (In Russian).

Zigmantovich D.S. Ustnyi politicheskii diskurs: faktory perevodimosti [Oral political discourse: translatability factors]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Zigmantovich Daria Sergeevna. Moskva, 2021. 27 p. (In Russian).

Список источников:

Bush G.W. President at the 56th Session of the United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <https://www.un.org/webcast/ga/56/statements/011110usaE.htm>.

Bush G.W. President's Remarks at National Day of Prayer and Remembrance Service [Электронный ресурс]. – 2005a. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/09/20050916-4.html>.

Bush G.W. President Discusses Freedom and Democracy in Kyoto [Электронный ресурс]. – 2005b. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051116-6.html>.

Bush G.W. President Bush Addresses United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/09/20060919-4.html>.

Bush G.W. President Bush Addresses United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/09/20080923-5.html>.

Obama B.H. First Speech Before the United Nations General Assembly (64th Session) [Электронный ресурс]. – 2009a. – Режим доступа: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaunitednations64.htm>.

Obama B.H. Remarks by the President at the Morning Plenary Session of the United Nations Climate Change Conference [Электронный ресурс]. – 2009b. – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/photos-and-video/video/president-obama-at-copenhagen-climate-change-conference-morning-plenary-session#transcript>.

Obama B.H. Remarks by the President Commemorating Memorial Day, Memorial Amphitheater Arlington National Cemetery [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/05/28/remarks-president-commemorating-memorial-day>.

Obama B.H. Inaugural Address by President Barack Obama [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama>.

Obama B.H., Hollande F. Press Conference by President Obama and President Hollande of France [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/02/11/press-conference-president-obama-and-president-hollande-france>.

Obama B.H., Medvedev D.A. START Treaty Signing Joint Presser with President Medvedev [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <https://americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamastarttreaty.htm>
<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/09/04/remarks-president-obama-and-prime-minister-may-united-kingdom-after>.

Кокоева Тазагул Салижановна
Кыргызско-Узбекский международный университет
имени Б. Сыдыкова
г. Ош (Киргизия)

Kokoeva Tazagul
Kyrgyz-Uzbek International University
named after B. Sydykov
Osh (Kyrgyzstan)

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ABOUT LITERARY TRANSLATION IN KYRGYZ REPUBLIC

В статье рассматривается история становления художественного перевода в Кыргызской Республике, начало которой относится к 20-м годам прошлого века. В 20–30-е годы формируется основа киргизского перевода, вставшего на путь системного восприятия произведений мировой литературы, происходит становление собственно теории перевода. Эти качественные изменения совершались синхронно с формированием нового содержания киргизской литературы. Целью исследования является изучение художественного перевода как историко-культурного процесса, имевшего место в киргизской литературе 20–90-х годов, выявление его наиболее характерных черт, в частности влияние переводов и переводческой мысли того времени на развитие киргизской литературы в целом. Предметом исследования являются вопросы формирования и развития художественного перевода в Киргизии. Материалом для изучения служат многочисленные переводы произведений русской, восточной, а также западноевропейских литератур на киргизский язык, научно-критические исследования по вопросам перевода, принадлежащие перу киргизских писателей и критиков. Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в теоретических курсах по теории и практике перевода, а также на занятиях по киргизской литературе.

The article discusses the history of the formation of literary translation in Kyrgyzstan, the beginning of which dates back to the 20s of the last century. In the 20–30s, the basis of the Kyrgyz translation was formed, which embarked on the path of systemic perception of works of world literature, the formation of the actual theory of translation took place. These qualitative changes took place simultaneously with the formation of a new content of Kyrgyz literature. The aim of the study is to study literary translation as a historical and cultural process that took place in the Kyrgyz literature of the 20–90s, to identify its most characteristic features, in particular the influence of translations and translation thought of that time on the development of Kyrgyz literature as a whole. The subject of the research is the formation and development of literary translation in Kyrgyzstan. The material for the study is numerous translations of works of Russian, Eastern, and Western European literature into the Kyrgyz language, scientific and critical research on translation issues, written by Kyrgyz writers and critics. The practical significance of the work lies in the possibility of applying its results in theoretical courses on the theory and practice of translation, as well as in classes on Kyrgyz literature.

Ключевые слова: дискурс, трансляция, культурная жизнь, переводчик, литературовед, художественный перевод, русскоязычная поэзия, профессиональная литература, оригинал.

Key words: discourse, translation, cultural life, translator, literary critic, literary translation, Russian-language poetry, professional literature, original.

Общеизвестно, что киргизская художественная профессиональная литература, возникнув в начале XX столетия, прошла огромный интенсивный путь развития от фольклорных принципов типизации и выражения мира к многожанровой профессиональной литературе.

Исследователями отмечено, что киргизская профессиональная литература с первых шагов развивалась под знаком творческого восприятия опыта русской классики. Через

русский язык киргизские писатели вступили в контакт с литературами других народов. Действительно, русский язык стал своеобразным мостом, соединяющим киргизских писателей, переводчиков с мировой культурой и литературой.

В процессе восприятия мировой художественной культуры, соответственно стадийного развития киргизской литературы важнейшую роль сыграло становление и развитие национального переводоведения. Е.К. Озмитель отмечает, что художественный перевод является важным средством, способствующим восприятию художниками слова одной нации творческого опыта других национальных культур [Озмитель, 1980, с. 113–114].

Творческий путь первых киргизских писателей, при отсутствии традиций профессиональной письменной литературы был трудным. Естественным и закономерным было обращение писателей к художественным традициям русской литературы, находящейся на более высокой ступени стадийного развития. Заметим, что культурное взаимодействие и качественный рост одной литературы за счет художественных достижений иной литературы вполне закономерный процесс, о чем свидетельствует мировой литературный процесс. Вспомним о влиянии более древней китайской литературы на корейскую, японскую и другие литературы юго-восточной Азии. В свое время в формировании и становлении древнерусской литературы существенную роль сыграли болгарская и византийская культура.

В силу историко-политических обстоятельств и культурного взаимодействия русская классическая и советская литература стали своеобразным фундаментом для киргизской литературы и литератур других народов СССР. На протяжении определенного периода, именно, ориентация на русскую культуру, а через нее на мировую стала для киргизской культуры исторически необходимой формой самовыражения, орудием национального самоутверждения.

Влияние русской литературы на развитие профессиональной литературы Киргизии происходило во многом через переводы произведений художественной литературы на киргизский язык. В своей работе «Поэтический перевод и взаимообогащение литератур» К.Х. Джидеева отмечала, что проблема влияния переводов русской классической поэзии на формирование и развитие киргизской профессиональной литературы требует глубокого исследования, что необходимо проследить пути, которыми художественный перевод содействует становлению киргизской профессиональной литературы. Знакомство киргизов с инонациональными литературами, в частности с русской, началось в основном с конца 20-х – начала 30-х годов XX века. Проблемы, стоявшие перед литературой, в значительной мере были присущи и художественному переводу [Джидеева, 1972, с. 8].

Художественная переводная литература стала частью общей киргизской литературы. Первые киргизские писатели публиковались не только как авторы своих произведений, но и как переводчики. Родоначальники национальной профессиональной литературы – К. Тыныстанов, С. Карачев, А. Токомбаев, К. Баялинов, М. Токобаев – стояли у истоков переводоведения в Киргизии. Из сокровищницы инонациональной литературы заимствуется, прежде всего, то, что отвечает потребностям народа и что с большой определенностью выражает духовный мир, образ жизни другой национальности [Рудов, 1970, с. 35].

В 1924 году Касымалы Баялинов положил начало художественному переводу в Киргизии переводом «Трех пальм» М.Ю. Лермонтова. Символично, что киргизского писателя заинтересовало именно восточное сказание, понятное и близкое мирозерцанию переводчика. Думается, что определенную роль могло сыграть и то, что поэтика данного произведения соотносится с девятым стихотворением из поэтического цикла А.С. Пушкина «Подражания Корану». В последующем стихотворение было опубликовано в сборнике «Кызыл гүл», составленном критиком Т. Джолдошевым (Москва, 1927 г.).

Следом за К. Баялиновым и другие киргизские поэты и прозаики начали работу над переводами инонациональной литературы. Идеологические и нравственно-дидактические ориентиры эпохи обусловили появление переводов К. Тыныстанова «Интернационала» Э. Потье, басни «Стрекоза и муравей» И. Крылова (1925 г.), сборника «Песни перемен» (1926 г.).

Данные и другие переводы ознаменовали собой начало профессионального развития переводческого дела, развивали и обогащали литературный язык, приобщали читателей к достижениям мировой культуры. Киргизские писатели через художественный перевод постигали основы профессионализма, осваивая новые жанры и стили.

В 20–30-е годы XX века в Киргизии было всего несколько человек, занимающихся переводами, однако к концу 30-х годов число переводчиков значительно возросло. Из 110 изданных за три года в стране книг, 70 были переводными, что подчеркивает востребованность, общественное осознание важности переводной литературы для развития национальной культуры в рамках единой социально-идеологической общности, так называемого советского многонационального народа.

Заметным явлением культурной жизни киргизского народа явились переводы А. Осмоновым «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели (1940 г.), «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (1948 г.), «Отелло» У. Шекспира, которые были приняты читателями очень восторженно. Перевод А. Осмоновым «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, столь

созвучного эпическому мышлению киргизов, стал явлением национальной литературы и, шире, культуры Киргизстана.

В начале 50-х годов накопленный опыт и рост профессионального уровня переводчиков привели к возникновению школы художественного перевода в Киргизии. Художественный перевод в Киргизии вступает в активную и самостоятельную полосу развития. Если раньше переводом занимались, в основном, писатели и поэты, то теперь художественный перевод стал делом и профессиональных переводчиков. Со второй половины 40-х годов и в 50-е годы осуществляются переводы романов «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Мертвые души» Н.В. Гоголя (С. Бектурсунов), «Поднятая целина» М.А. Шолохова (А. Аралбаев), «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, «Кола Брюньон» Р. Роллана (О. Орозбаев), стихотворений Абая (А. Токомбаев), рассказов Р. Тагора (Д. Абдылдаев) и т.д.

Переводчики-профессионалы С. Бектурсунов, У. Абдукаимов, К. Эшмамбетов, О. Орозбаев, З. Бектенов, А. Алдашев и другие в эти годы обогатили киргизскую художественную литературу новыми переводами произведений мировой прозы.

Творческая деятельность профессиональных писателей А. Токомбаева, Т. Уметалиева, Р. Шукурбекова, С. Эралиева, М. Алыбаева, С. Жусуева и др. сочеталась с переводческой. Много внимания было уделено, помимо русской классической и советской литературы, переводу произведений литературы народов СССР и зарубежных стран.

В первой половине 50-х годов были переведены на киргизский язык и изданы поэтические сборники: «Голоса корейских поэтов», «Поэты Украины», «Поэты Прибалтики», «Туркменские поэты», а также сборники стихов Абая, Я. Купалы, М. Турсун-Заде, П. Тычины, С. Вургуна и др.

Интенсивно переводится детская литература. На киргизском языке были изданы стихи А. Барто, «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Сын полка» В. Катаева, «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осеевой, «Золотой ключик или приключения Буратино» А. Толстого, «Слепой музыкант» В. Короленко, проза А. Мусатова, Н. Носова, А. Кононова и многие другие.

Активизация художественного перевода в 50-х годах способствовала и развитию переводоведения, осознанию его места и значения в общественно-культурной жизни. На страницах периодической печати публикуются статьи, посвященные переводу. В 1951 и 1953 годах Союзом писателей республики проведены совещания по проблемам художественного перевода. В 1955 году на Пленуме Союза писателей Киргизии были рассмотрены достижения и упущения в художественном переводе за истекшие годы, дано направление по его дальнейшему развитию.

Развитие транслатологии во второй половине XX века обусловлено научно-техническим прогрессом, усложнением всех сфер человеческой жизнедеятельности: резко возросла потребность в информативных (нехудожественных) переводах в социальной, политической, деловой и научно-технической сферах. Профессия переводчика стала массовой, а увеличение масштабов переводческой деятельности сопровождалось и организационными изменениями. Появилось большое число переводческих служб и отделов в штатах государственных учреждений и промышленных предприятий [Комиссаров, 1980, с. 103].

Общее развитие транслатологии приводило и к качественному обогащению художественного перевода в разных странах, в том числе и в Киргизии. Во второй половине 50-х годов киргизский художественный перевод обогатился в жанрово-тематическом отношении, расширилась география переводимых авторов и произведений, впервые стали издаваться многотомные переводные сочинения. Например, в конце 50-х начале 60-х годов вышло 7-томное издание произведений М. Горького в переводах С. Бектурсунова, Р. Шукурбекова, М. Догдурова, А. Алдашева, У. Абдукаимова – опытных мастеров художественного перевода.

Профессор Ч.Т. Джолдошева придает большое значение переводам произведений М. Горького на развитие профессионализма киргизских писателей: «Огромное значение личности и творчества Горького осознавалось кыргызскими писателями еще в 20-е годы, однако незнание русского языка, общий низкий культурный уровень кыргызского народа были препятствием на пути освоения творчества Горького. И только с 30-х годов начинают появляться переводы его произведений на кыргызский язык, которые стали школой творческого опыта, мастерства для таких писателей, как К. Баялинов, М. Элебаев, А. Токомбаев, К. Маликов, У. Абдукаимов» [Джолдошева, 1985, с. 141].

В конце 50-х годов издаются на киргизском языке «Бедные люди» Ф.М. Достоевского (1957), «Басни» И.А. Крылова (1956), двухтомник произведений Н.В. Гоголя (1959), повести И.С. Тургенева. Много было переведено в эти годы и произведений советских авторов: В. Маяковского, А. Серафимовича, А. Толстого, А. Твардовского, Э. Казакевича, В. Овечкина и др.

Выходят на киргизском языке и произведения всемирной литературы: «Дон Кихот» М. Сервантеса; произведения китайских писателей Лу Синя, Лю Бай Юя, Ли Бо; «Приключения Петра Шлемиля» А. Шамиссо, «Маугли» Р. Киплинга, «Двадцать тысяч лье под водой», «Дети капитана Гранта» Ж. Верна, «Всадник без головы» М. Рида. Общий художественно-эстетический уровень переведенных произведений показал качественный рост художественного перевода, профессиональную зрелость переводчиков в 50-е годы.

Эпопея «Война и мир», роман «Воскресение» Л.Н. Толстого; «Всадник без головы» М. Рида в переводе С. Бектурсунова; «Кола Брюньон» Р. Роллана в переводе О. Орозбаева; «Путь Абая» М. Ауэзова в переводе Т. Суванбердиева; повести Н.В. Гоголя в переводе З. Бектенова; «Василий Теркин» А.Т. Твардовского в переводе С. Эралиева – тепло приняты читателями и по настоящее время являются классическими образцами переводов русской классической литературы на киргизский язык.

Появление высококачественных переводов обуславливало становление и развитие новых литературных жанров, совершенствовало мастерство киргизских писателей, повышало уровень художественно-эстетического вкуса, культуры читателей; укрепляло традиции переводческого искусства и формировало молодое поколение профессиональных переводчиков. Профессор О.И. Ибраимов отмечает, что 50-е годы в развитии киргизской переводной литературы явились периодом наступившей зрелости, временем новых открытий, неустанных поисков. Это было явным проявлением и того, что киргизская литература в целом вступил в свой новый исторический период динамичного подъема, внутреннего оживления, обнаруживая свои новые художественные возможности и огромный творческий потенциал [Ибраимов, 2014, с. 68].

В 1954 году профессиональный переводчик Рыспек Джумалиев обращается к творчеству Тургенева и переводит цикл рассказов «Записки охотника», в который вошли рассказы «Хорь и Калиныч» («Хорь жана Калиныч»), «Ермолай и мельничиха» («Ермолай жана тегирменчинин аялы»), «Малиновая вода» («Кызыл суу»), «Уездный лекарь» («Уезддик дарыгер»), «Мой сосед Радилов» («Менин коншум Радилов»), «Одноворец Овсянников» («Бир короолу Овсянников»), «Льгов», «Касьян с красивой мечи» («Красивая мечтен келген Касьян»), «Бурмистр» («Бурмистр»).

В 60–70-е годы было переведено относительно немного произведений, но переводы, осуществленные в данный период, отличаются от переводов предшествующих лет новым качеством и профессионализмом. Переведенные произведения полнее и вернее стали передавать художественно-эстетическое содержание, интонационно-стилевые особенности оригиналов. Именно в этот период появилась плеяда новых профессионально подготовленных переводчиков, отлично владеющих теорией и практическими навыками художественного перевода. В Киргизии появилось и стало выделяться в особую научную дисциплину переводоведение.

Естественно, возросли требования к качеству перевода, как одного из основных источников удовлетворения духовных и эстетических запросов читателя. Количество переводов русской и зарубежной литературы значительно возросло. Переводчики обращаются к большим жанровым формам: роман «Поднятая целина» М. Шолохова

(М. Абдукаримов), трилогия «Хождение по мукам» А. Толстого (С. Бектурсунов), романы «Прощай оружие» (Ш. Келгенбаев) и «Острова в океане» Э. Хемингуэя (К. Огоев), «Жизнь» Ги де Мопассана (С. Молдокулова), роман «Мартин Иден» Дж. Лондона (Ж. Султаналиев) и многие другие.

80-е годы XX века знаменательны в хронологии переводов литературного наследия И.С. Тургенева на киргизский язык. Издаются повесть «Ася» (переводчик М. Омурзаков, 1984 г.), роман «Накануне» («Босогодо», Д. Сулайманкулов, 1980г.), роман «Дворянское гнездо» («Дворян уясы» Д. Сулайманкулов, 1985 г.). В целом данные переводы вполне удачны и обогатили киргизскую литературу своими неповторимыми стилевыми красками. Переводы отличаются четкостью, профессионализмом в воссоздании идейно-эстетической целостности, передачи историко-культурных реалий, сохранении национальной самобытности произведений.

В целом в Киргизии – это период расцвета переводоведения, обогащения киргизской национальной литературы не только произведениями русских и зарубежных писателей, но и древними литературными памятниками народов Востока: сказками, притчами, легендами и т.д. К ним можно отнести «Легенду об Ибн Сине», «Тоту-наме», (с древнетюркского перевел К. Малаев), «Кабус-наме» (перевод с узбекского Т. Ташматова), «О сорока вазирах» (Ж. Садыков).

В 90-е годы в Киргизии было переведено немало произведений зарубежных авторов: «Женщина в песках» Кобо Абэ (Ж. Шаршиев), «Спартак» Р. Джованьоли (М. Толомушев), «Человек, переживший муки тюрьмы». Г. Фаллады (А. Жолдошбеков), «Декамерон» Дж. Бокаччо (К. Саякбаев).

Описывая стадии развития переводоведения в Киргизии, безусловно, надо иметь в виду и переводы киргизской литературы на русский язык. В XX веке киргизская литература стала достоянием русскоязычного читателя. На русском языке изданы отдельные книги и собрания сочинений Токтогула, Тоголока Молдо, Барпы, А. Токомбаева, А. Осмонова, К. Баялинова, Ж. Боконбаева, Т. Сыдыкбекова, Ч. Айтматова, С. Жусуева, С. Эралиева, Т. Байзакова, О. Султанова, М. Борбугулова, Ш. Абдраманова, К. Осмоналиева, М. Байджиева, М. Гапарова, К. Жусупова, К. Жусубалиева.

Социально-экономические реалии 90-х годов сказались и на кризисе книгоиздания в Киргизии. «Конец XX века и начало XXI века оказались самыми трудными не только для переводной литературы, но для кыргызской литературы в целом. Распад СССР и новая экономическая политика, проводимая в суверенном Кыргызстане, привели к глубокому кризису эту важнейшую отрасль культуры», – констатирует О.И. Ибраимов [Ибраимов, 2014, с. 211].

Художественный перевод сыграл большую роль в становлении и развитии киргизской литературы. Работая над переводами, киргизские писатели и переводчики прошли отличную профессиональную школу. Переводческая деятельность была важным моментом формирования их творческой индивидуальности, а для некоторых писателей-переводчиков определяющим фактором в обращении к оригинальному, самобытному творчеству.

Таким образом, художественный перевод сыграл большую роль в становлении и развитии киргизской литературы. Работая над переводами, киргизские писатели и переводчики прошли отличную профессиональную школу. Переводческая деятельность была важным моментом формирования их творческой индивидуальности, а для некоторых писателей-переводчиков определяющим фактором в обращении к оригинальному, самобытному творчеству.

Список литературы:

- Джидеева К.Х.* Поэтический перевод и взаимообогащение литератур. Фрунзе: Кыргызстан, 1972. 116 с.
- Джолдошева Ч.Т.* Роль художественного перевода в формировании и развитии киргизской прозы. Ф.: Илим, 1985. 141с.
- Ибраимов О.И.* История Кыргызской литературы XX века: учебник. Б., 2014.544с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. М., 1980. 103 с.
- Озмитель Е.К.* Наследие классики и киргизская литература. Ф., 1980. 256 с.
- Рудов М.А.* Звенья открытий. Литературно-критические статьи. Ф.: Кыргызстан, 1970. 35 с.

References:

- Dzhideeva K.Kh.* Poehticheskii perevod i vzaimoobogashchenie literatur [Poetic translation and mutual enrichment of literatures]. Frunze: Kyrgyzstan, 1972. 116 p. (In Russian).
- Dzholdosheva Ch.T.* Rol' khudozhestvennogo perevoda v formirovanii i razvitii kyrgyzskoi prozy [The role of literary translation in the formation and development of Kyrgyz prose]. F.: Ilim, 1985. 141 p. (In Russian).
- Ibraimov O.* Istoriya Kyrgyzskoi literatury XX veka: uchebnik [History of the Kyrgyz literature of the XX century: a textbook]. B., 2014.544p. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Lingvistika perevoda [Linguistics of translation]. M., 1980. 103 p. (In Russian).
- Ozmitel E.K.* Nasledie klassiki i kyrgyzskaya literatura [The heritage of the classics and Kyrgyz literature]. F., 1980. 256 p. (In Russian).
- Rudov M.A.* Zven'ya otkrytii. Literaturno-kriticheskie stat'i [Links of discovery. Literary-critical articles]. F.: Kyrgyzstan, 1970. 35 p. (In Russian).

Кольцова Дарья Александровна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Koltsova Daria
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGY IN MODERN TRANSLATION TRAINING

Все более заметное увеличение спроса на переводческие услуги предъявляет новые требования к срокам и качеству перевода. Поэтому в настоящее время в переводческой деятельности все шире используются современные информационные технологии, владение которыми становится необходимой компетенцией современного переводчика. Чтобы переводчик умел грамотно использовать такие технологии в своей работе его этому надо обучить на этапе подготовки в университете. В статье мы рассмотрим виды электронных ресурсов и их применение в обучении переводчиков, опишем новые подходы в современной дидактике перевода, а также выявим вызовы, с которыми можно столкнуться в процессе обучения, используя новые технологии.

A significant increase in demand for translation services imposes new requirements on the timing and quality of translation. Therefore, modern information technologies are currently used in translation. Its knowledge is becoming a necessary competence of a modern translator. A translator must be trained at university to apply these technologies, so that he can properly use them in his work. The article considers types of electronic resources and their application in the training of translators, describes new approaches in modern translation didactics, reveals the challenges we can face during translation training.

Ключевые слова: перевод, дидактика перевода, цифровые технологии в переводе, машинный перевод.

Key words: translation, translation didactics, digital technologies in translation, machine translation.

Цифровые технологии оказали влияние на все сферы деятельности человека, включая переводческую. Переводчик сегодня – это личность, способная оперировать в своей профессиональной деятельности огромными потоками информации, используя при этом современные технологии. Гарбовский Н.К. в статье «Семь вопросов дидактики перевода» отмечает, что «поле деятельности современных переводчиков неизбежно становится более сжатым, более прагматичным, а также более специализированным, при этом в некоторой степени в нем утрачивается энциклопедическая составляющая, свойственная предшественникам» [Гарбовский, 2012, с. 38].

Это приводит к тому, что в системе подготовки современного переводчика обучение владением навыками использования специализированного переводческого оборудования и программ становится важной частью профессионального образования.

В настоящее время можно выделить следующие цифровые технологии, помогающие переводчику в его работе:

- системы машинного перевода;
- электронные словари;
- электронные корпуса;
- системы памяти переводов (англ. *Translation Memory, TM*).

Системы машинного перевода включают в себя:

- статистические системы (англ. *Statistical Machine Translation, SMT*);
- системы на основе грамматических правил (англ. *RuleBased Machine Translation, RBMT*);
- гибридные системы [Андреева, 2013, с. 65].

В статистических системах используется статистический анализ. В систему загружается двуязычный корпус текстов, содержащий большое количество текста на исходном языке и его перевод на требуемый язык, после чего система анализирует статистику межъязыковых соответствий, синтаксических конструкций и т.д. Система является самообучаемой: при выборе варианта перевода она использует полученную ранее статистику, отличается быстротой настройки и легкостью добавления новых направлений перевода. Среди недостатков наиболее значительными являются наличие многочисленных грамматических ошибок и нестабильность перевода. К таким системам можно отнести Яндекс. Перевод и Google Translate.

Системы на основе грамматических правил производят анализ текста, который используется в процессе перевода. Перевод осуществляется на основе встроенных словарей для данной языковой пары, а также грамматик, охватывающих семантические, морфологические, синтаксические закономерности обоих языков. Преимуществами систем на основе грамматических правил являются грамматическая и синтаксическая точность, стабильность результата, возможность настройки на специфическую предметную область. К недостаткам систем на основе грамматических правил можно отнести необходимость создания, поддержки и обновления лингвистических баз данных, трудоемкость создания такой системы, а также ее высокая стоимость. Примером такой системы является переводчик PROMT.

Гибридные системы – еще не до конца разработанная отрасль. Она сочетает в себе подходы, описанные ранее. Ожидается, что гибридные системы машинного перевода позволят объединить все преимущества, которыми обладают статистические системы и системы, основанные на правилах. В настоящий момент разработками в области гибридной системы занимаются Systran, PROMPT [Кольцова, Кольцов, 2019, с. 134].

Если к системам машинного перевода обращаются далеко не все, то без электронного словаря не обойдется ни один современный переводчик. Кроме удобства в использовании, электронные словари могут предоставлять такие возможности, которые нельзя было реализовать ранее с помощью традиционных бумажных словарей.

В качестве основных преимуществ электронных словарей можно отметить следующие: большее количество информации – в одном словаре можно совместить несколько специальных словарей, большая актуальность за счет быстроты создания словаря и простоты его обновления, упрощенный поиск, исключая долгое перелистывание страниц. Электронные словари рассчитаны на ускорение процесса перевода за счет убыстрения поиска слов, наглядного представления синонимов, часто в виде подбора фраз с различным употреблением слова в несовпадающих контекстах. К тому же их результат уже в электронном виде легко вставить в набираемый текст. Плюсом можно считать и то, что такие программы обладают интуитивно понятным интерфейсом и для их использования не требуется специальных знаний или изучения наборов команд [Брагилевский, 2018, с. 27]. Самыми известными электронными словарями являются ABBYY LINGVO и Мультигран.

Еще одним незаменимым помощником переводчика является технология памяти переводов, или накопителя переводов (англ. *Translation Memory, TM*). Она предназначена для повторного использования в переводческой деятельности ранее переведенных текстов. В настоящее время доступно множество различных ТМ-программ. Самыми популярными являются Across, Déjà Vu, MemoQ, OmegaT, SDL Trados Studio. На современном этапе память переводов представляет собой базу данных, в которой хранятся текстовые сегменты на исходном языке и языке перевода. Сегмент оригинала и сопоставленный ему сегмент перевода представляют собой единицу перевода (англ. *Translation Unit, TU*). В роли сегмента обычно выступают предложения текста.

Очень часто переводчик сталкивается с проблемой лексико-грамматической сочетаемости того или иного слова в тексте перевода. В этом случае можно обратиться к электронным корпусам. Виртуальный (специализированный) корпус – это обширная по объему подборка текстов по конкретной тематике, специально составленная для поиска переводчиком определенной лингвистической информации. Тексты отбираются из разных источников (периодические издания, энциклопедии, Интернет) в соответствии со строго определенной тематикой, и они обязательно представлены в электронной форме [Шевчук, 2010, с. 52].

Исследователь Груздев Д.Ю. отмечает, что корпуса облегчают работу переводчика на том этапе процесса перевода, когда он осуществляет перебор переводческих вариантов.

Это является «последней инстанцией» для проверки переводческих решений и не может заменить словари. Исследователь приводит следующие случаи применения электронных корпусов:

- проверка лексико-грамматической сочетаемости слова;
- поиск дополнительной энциклопедической информации по теме;
- поиск терминологических дублетов, антонимов, дефиниций терминов и т.д.
- расшифровка, встретившихся в оригинале сокращений [Груздев, 2011, с. 25].

Мы видим, что в арсенале переводчика появилось много цифровых помощников, которые существенно облегчают ему работу. Однако мнения по поводу их применения в процессе подготовки переводчиков расходятся. Одни преподаватели активно внедряют их в обучение и показывают, как правильно с ними работать, другие стараются обходить их стороной и продолжают «традиционный» подход.

В практике переводческой деятельности различаются два основных подхода к машинному переводу. С одной стороны, результаты машинного перевода могут быть использованы для поверхностного ознакомления с содержанием документа на незнакомом языке. В этом случае он может использоваться как сигнальная информация и не требует тщательного редактирования. Другой подход предполагает использование машинного перевода вместо обычного «человеческого». Это предполагает тщательное редактирование и настройку системы перевода на определенную предметную область. Здесь играют роль полнота словаря, ориентированность его на содержание и набор языковых средств переводимых текстов, эффективность способов разрешения лексической многозначности, результативность работы алгоритмов извлечения грамматической информации, нахождения переводных соответствий и алгоритмов синтеза. На практике перевод такого типа становится экономически выгодным, если объем переводимых текстов достаточно велик, если тексты достаточно однородны, словари системы полны и допускают дальнейшее расширение, а программное обеспечение удобно для постредактирования. Такого рода системы машинного перевода используются в организациях, потребности которых в оперативных и качественных переводах достаточно велики [Кольцова, Кольцов, 2019, с. 134].

Автор книг по использованию информационных технологий в переводческой деятельности В.Н. Шевчук в своей книге «Электронные ресурсы переводчика» с сожалением говорит об игнорировании всех современных технических средств в курсах практического перевода. «Электроника – это не прихоть, не дань моде и не праздная игрушка в руках человека. Это веление времени и жизненная необходимость» [Шевчук, 2010, с. 6].

Мы считаем, что грамотный специалист должен обладать как традиционными переводческими компетенциями, так и новыми, цифровыми. Только тогда он будет соответствовать требованиям современного рынка переводческих услуг: переводить быстро и качественно. В стандарте Европейской комиссии по подготовке письменных переводчиков (ЕМТ), целью которой является повышение качества подготовки переводчиков для упрощения молодым специалистам выхода на профессиональный рынок, выделяется шесть компетенций. Особое внимание уделяется технологической, в которую входит: владение средствами автоматизации перевода; умение создавать базы данных и файлы и управлять ими; умение адаптировать и осваивать новые средства, особенно в переводе мультимедийного и аудиовизуального материала; умение подготавливать и осуществлять перевод в различных форматах и для разных технических сред; знание возможностей и ограничений машинного перевода.

Перед дидактикой перевода встает задача обучить переводчиков, используя как классические подходы, так и новые. Дидактика перевода – подраздел педагогической науки, исследующий обучение переводческой деятельности как комплексную систему сопряженных деятельностей преподавателя перевода (обучающая деятельность) и обучаемого (познавательная деятельность) с целью формирования личности переводчика, осознающего свою социальную роль обеспечения коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, и обладающего необходимыми компетенциями для осуществления билингвистической психофизической деятельности по интерпретации системы смыслов, заключенной в исходном сообщении на основе его индивидуальных способностей [Гарбовский, 2012, с. 43].

Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова предлагают ввести новые дисциплины, направленные на развитие новых компетенций. Эти дисциплины включают в себя:

- «домашинную» обработку текста для АП;
- «пост-машинное» редактирование текстов;
- поиск, обработка и верификация информации в системе «больших данных» и др.

[Гарбовский, Костикова, 2019, с. 19].

Программы автоматизированного перевода удобны, но ими нужно уметь грамотно пользоваться. Именно поэтому необходимо обучать домашинной и пост-машинной обработке текста. Во-первых, необходимо уметь преобразовать исходный текст, прежде чем вбивать его в систему автоматизированного перевода. То есть упростить его таким образом, чтобы машине легче было перевести его качественно.

Во-вторых, нужно обучить быстро определять ошибки машинного перевода, на которые стоит обращать больше всего внимания. Обычно это ошибки в теме или реме,

пунктуации, грамматике. Наконец, необходимо показать какие тексты поддаются машинному переводу (тексты технического характера, инструкции), а какие нет (художественные тексты). Мы считаем целесообразным знакомить студента с системами автоматизированного перевода и переводческой памяти на последних курсах обучения, когда у студента уже заложены основные знания и умения, он может сам переводить без помощи технических средств.

Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова вводят понятие так называемого «цифрового перевода». Это новый вид перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика-человека и цифровых информационно-коммуникационных средств [Гарбовский, Костикова, 2019, с. 10]. То есть здесь речь идет не о замене человека машиной, а об их слаженной и совместной работе.

Следует понимать, что профессия письменного переводчика трансформируется, наибольшую популярность приобретает переводчик-редактор. Поэтому в процессе обучения переводу стоит уделить внимание редактированию текстов, переведенных с помощью систем автоматизированного перевода.

Однако не стоит упускать из виду те вызовы, с которыми могут столкнуться студенты и преподаватели при обучении переводу с использованием информационно-коммуникационных технологий. Во-первых, университеты могут не успевать оснащать кабинеты необходимым оборудованием, программным обеспечением, подключением к Интернету. Во-вторых, некоторые преподаватели могут сами не владеть современными информационными технологиями в полной мере. Кроме того, нужно понять, на каком этапе обучения вводить знакомство с информационными технологиями: в бакалавриате, магистратуре или аспирантуре. Поэтому, прежде чем вводить новые дисциплины, направленные на знакомство студентов с новыми технологиями, необходимо обеспечить оснащение университетов специализированным оборудованием и повысить квалификацию преподавателей переводческих дисциплин в области современных информационных технологий.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. В современном мире резко увеличился объем текстовых документов на всех языках, что привело к спросу на переводческие услуги. Для оптимизации процесса перевода переводчику необходимо использовать современные информационные технологии, так как только так можно добиться оперативного перевода больших объемов информации.

Несмотря на прогресс переводческих технологий, они до сих пор остаются за рамками подготовки переводчиков в вузах России: переводческий инструментарий не

включен в содержание переводческих образовательных программ, по которым осуществляется обучение студентов. В ряде вузов данная тема присутствует в структуре образовательных программ, однако обучение зачастую имеет только ознакомительный, а не практический характер. Поэтому нередко выпускники переводческих специальностей испытывают трудности при трудоустройстве и включении в реальный производственный переводческий процесс. Если на занятиях переводчика не обучить грамотно пользоваться современными технологиями, то в будущем он будет бездумно переводить с помощью программ машинного перевода, получая некачественный результат. Важно понимать, что машина – это лишь инструмент, помогающий переводчику, а не полностью заменяющий его.

Список литературы:

- Андреева А.Д.* Обзор систем машинного перевода / А.Д. Андреева, И.Л. Меньшиков, А.А. Мокрушин // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 64–66.
- Брагилевский Д.Ю.* Информационные технологии и обучение переводу // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Том 7. № 24.
- Гарбовский Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopos-дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2012. № 4. С. 36–54.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 4. С. 3–25.
- Груздев Д.Ю.* Электронный корпус текстов как инструмент переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 2. С. 23–36.
- Кольцова Д.А., Кольцов С.В.* История развития машинного перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода: IX Международная научная конференция (г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.): Материалы конференции. Москва: Издательство Московского университета, 2019. С. 130–135.
- Шевчук В.Н.* Электронные ресурсы переводчика: справочные материалы для начинающего переводчика. Москва: Либрайт, 2010. 131 с.

References:

- Andreeva A.D.* Obzor sistem mashinnogo perevoda [Overview of machine translation systems] / A.D. Andreeva, I.L. Men'shikov I.L., A.A. Mokrushin // Molodoi uchenyi. 2013. № 12. P. 64–66. (In Russian).
- Bragilevskii D.Yu.* Informatsionnye tekhnologii i obuchenie perevodu [Information technology and translation training] // Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze. 2018. Tom 7. № 24. (In Russian).
- Garbovskii N.K.* Sem' voprosov didaktiki perevoda ili scopos-didaktika perevodcheskoi deyatel'nosti [Seven issues of translation didactics: scopos didactics of translation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, 2012. № 4. P. 36–54. (In Russian).
- Garbovskii N.K., Kostikova O.I.* Intellect dlya perevoda: iskusnyi ili iskusstvennyi? [Intelligence in translation: artful or artificial?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, 2019. № 4. P. 3–25. (In Russian).
- Gruzdev D.Y.* Ehlektronnyi korpus tekstov kak instrument perevodchika [Corpora as Interpreters' Tools] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, 2011. № 2. P. 23–36. (In Russian).
- Koltsova D.A., Koltsov S.V.* Istoriya razvitiya mashinnogo perevoda [History of the development of machine translation] // Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: IX Mezhdunarodnaya nauchnaya

konferenciya (g. Saloniki, Greciya, 10–14 aprelya 2019): Materialy konferencii. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. P. 130–135. (In Russian).

Shevchuk V.N. Ehlektronnye resursy perevodchika: spravochnye materialy dlya nachinayushchego perevodchika [Translator's electronic resources: reference materials for the beginning translator]. Moskva: Librait, 2010. 131 p. (In Russian).

Крюкова Екатерина Викторовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Kryukova Ekaterina
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

НА СТЫКЕ КУЛЬТУР: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАЛИМПСЕСТЫ И ИХ ПЕРЕВОД

CULTURAL CROSSROADS: LITERARY PALIMPSESTS AND THEIR TRANSLATION

Устойчивый интерес различных видов эстетической деятельности к переосмыслению наследия прошлого нашел свое современное отражение в концептуализации понятия палимпсеста. Являясь сложными иерархическими построениями, литературные тексты – палимпсесты оказывают сильнейшее рецептивное воздействие на читателя, актуализируя или деактуализируя целые пласты смыслов, реализованных в более ранних образцах культурных практик. Особое прочтение палимпсестность приобретает в юмористическом фэнтези, будучи его имманентной характеристикой. Пародийное переосмысление текстов-предшественников и ироническая переоценка уже сложившихся в фэнтези приемов описания становятся возможными за счет тесной связи между всеми произведениями фэнтези, начиная с важных, «центральных», и заканчивая «периферийными». В свою очередь, проникновение фэнтези во все области современной культуры в значительной степени расширяет и само понятие текста-предшественника, позволяя включать в этот список фильмы, компьютерные игры, музыку и т.д. Все описанное выше уместно, тем не менее, когда предыдущий текст узнается в палимпсесте, выступая как некий код, расшифровать который предстоит носителю культуры. Иными словами, речь идет об узнаваемом тексте с соответствующей рецептивной нагрузкой, что ставит достаточно серьезные проблемы при переводе, поскольку набор узнаваемых текстов может не только не совпадать у представителей разных культур, но и сами языки могут отличаться инструментарием для передачи того или иного элемента. Взглянуть на этот вопрос предлагается на материале переводов произведений британского писателя Терри Пратчетта, который фактически сформировал юмористическое фэнтези в его современном виде, сознательно обращаясь к принципу палимпсеста.

The steady interest that various kinds of aesthetic activity have shown in rethinking the heritage of the past has manifested itself today in the conceptualisation of the notion of palimpsest. As complex hierarchical constructions, literary texts – palimpsests have a most profound receptive effect on the reader, actualizing or deactualizing the whole layers of meanings realized in earlier examples of cultural practices. Palimpsest takes on a special reading in comic fantasy, being its immanent characteristic. Parodic reinterpretation of the texts-predecessors as well as ironic re-evaluation of the already established fantasy description techniques become possible through close connection between all fantasy works, starting from the important, “central” ones, and ending with those “peripheral”. In its turn, the penetration of fantasy into all areas of modern culture greatly expands the very notion of the text-predecessor, allowing films, computer games, music, etc. to be included on this list. All of the above is appropriate, however, when the previous text is recognized in the palimpsest, acting as a kind of code to be deciphered by the carrier of the culture. In other words, we are referring to a recognisable text with a corresponding receptive load, which poses quite serious problems in translation, since the set of recognisable texts may not only fail to coincide for representatives of different cultures, but also the languages themselves may differ in the tools for transmitting one or another element. It is proposed to consider this question looking at the translations of the works of the British writer Terry Pratchett, who actually shaped modern comic fantasy by consciously appealing to the principle of palimpsest.

Ключевые слова: перевод; палимпсест; юмористическое фэнтези; Т. Пратчетт.

Key words: translation; palimpsest; comic fantasy; T. Pratchett.

Последние годы характеризуются устойчивым интересом различных видов эстетической деятельности к переосмыслению наследия прошлого с точки зрения

современных взглядов и ценностей. Безусловно, осмысление прошлого всегда имело место как часть развития человеческого общества, однако сейчас этот процесс приобретает новые формы и проявляется во всем разнообразии культурных практик. Выходящие с заметной регулярностью ремейки фильмов и песен, экранизации литературных произведений, целые книжные серии, дописывающие истории любимых героев, прекрасно иллюстрируют идею того, что созданное ранее и существующее сейчас неразрывно связаны, и даже самые современные тексты (в широком смысле) эксплуатируют то, что уже было придумано раньше, пополняя его «новой жизнью». Нельзя при этом не отметить взаимопроникновение различных видов эстетической деятельности. Сначала, благодаря развитию технологий и массовой культуры, литература «проникла» на экран. Сейчас же можно наблюдать обратный процесс, когда литература стала включать в себя кинотексты или даже тексты телевизионные.

Все перечисленное нашло отражение в концептуализации понятия палимпсеста, которое изначально использовалось в источниковедческом смысле как текст, написанный на пергаменте поверх уже имеющегося текста, нанесенного, в свою очередь, поверх другого текста и т.д. [Словарь античности, с. 407]. Метафорическое расширение этого понятия позволяет как нельзя лучше описать процессы, происходящие сейчас в культуре.

Применительно к литературе о палимпсесте впервые заговорил Ж. Женетт в работе «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982 г.), где в качестве слоев текста он выделял отсылки на произведения прошлого [Genette, 1997]. Таким образом использование понятия «палимпсест» в переносном значении как иерархии проступающих друг через друга текстов, будь то версии одного текста или разные тексты, пересекающиеся в едином нарративном пространстве, с целью рецептивного воздействия на читателя, позволяет более точно описать современную литературу, когда под влиянием массовой культуры текст литературного произведения может состоять не только из слоев текстов литературных, но также текстов кино или даже музыки. Однако несмотря на то, что концепция палимпсеста развивалась и уточнялась в работах разных ученых [Шатин, 1997; Тюпа, 2013 и др.], некоторые ее аспекты, в частности переводческий, еще не изучены детально, поскольку явление это очень сложное и требует всестороннего изучения перед тем, как подступиться к вопросам перевода.

Здесь сразу стоит оговориться, что важнейший компонент палимпсеста – это, прежде всего, его рецептивная нагрузка. Далек не любой литературный текст попадет на экран телевизора или кинотеатра, как и не любой фильм будет «увекочен» в литературе. Массовая культура стала огромной силой в формировании взглядов и вкусов человека и одновременно следствием выбора аудитории. Остается и закрепляется в сознании то, что

«зацепило», сохранившись в культуре как концепт, разделяемый ее носителями. Таким образом речь идет не только о тексте, но и памяти о нем, определенных представлениях, которые могут быть многослойны сами по себе. Основатель психоанализа З. Фрейд в «Заметках о “Вечном блокноте”» (1925 г.) сравнивал механизм работы памяти с восковым блокнотом, в котором даже после стирания, «длительный след написанного сохранился на самой восковой пластинке и может быть прочитан при соответствующем освещении» [Фрейд, 1926, эл. ресурс]. Получается, что каждая новая запись, новое воспоминание или впечатление, наносится поверх предыдущих, пусть и стертых, но оставивших свой след, что, в любом случае, будет оказывать влияние на то, что пишется потом, хотя бы по той причине, что оно просто существует.

Здесь стоит добавить, что само слово «палимпсест» стало использоваться в последние годы гораздо чаще, что можно объяснить значимостью данного понятия для современных реалий. Появляется все больше исследований, рассматривающих палимпсест применительно к самым разным областям культуры, среди которых не только литература и перевод, но и архитектура, музыка, философия и др. При этом есть целый корпус текстов, для которых палимпсестность является имманентной характеристикой. Речь идет о юмористическом фэнтези, чье развитие и оформление в отдельную разновидность связано, в первую очередь, с именем британского писателя Терри Пратчетта (Terry Pratchett) и его серии «Плоский мир» (“Discworld”).

Вообще, переводоведческие работы применительно к юмористическому фэнтези существуют, но ограничиваются рассмотрением пародии как приема, что является скорее частным случаем и требует более комплексного изучения, особенно на фоне настоящей «фэнтезизации глобальной культуры» [Савицкая, 2012, эл. ресурс]. Само юмористическое фэнтези представляет собой подвид фэнтези, в котором элемент необычайного нацелен на комическое пересоздание реальности. Достигается это именно за счет присущей юмористическому фэнтези палимпсестности, реализуемой через непрерывный диалог, в котором находятся все произведения фэнтези. При этом определяющими являются центральные образцы, от которых отгалкивается фэнтези по направлению к «речным заводям» (“water margin”)²⁸, некоей периферии, в которой можно встретить самые различные элементы фантастического, как отрывки мифов, сказочные сюжеты и многие др. В пользу этой идеи говорит и то, какую роль сыграл и до сих пор играет для фэнтези «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина. Определив во многом вектор развития литературы фэнтези, трилогия стала одним из центральных произведений фэнтези, если не сказать главным. Как

²⁸ Подробнее о происхождении термина см. Clute J. Water Margins // The Encyclopedia of Fantasy / ed. by J. Clute and J. Grant. Orbit, 1999. P. 997.

отмечал сам Пратчетт, без отсылок на Толкина обойтись просто невозможно: «Я полагаю, что можно «винить» Толкина: «“Властелин Колец” был настолько впечатляющим, что он стал неким образцом» (“I suppose you can ‘blame’ Tolkien: *Lord of the Rings* was so powerful it set an image.”) [Enright, 1999, эл. ресурс]. И, действительно, юмористического фэнтези обычно переполнено пародиями на другие фэнтезийные работы. Такая палимпсестность являет собой переосмысленное наслоение текстов-предшественников, распознаваемое читателем, а юмор предстает способом обновления старых форм и деактуализации старого содержания, что достигается за счет апеллирования к ожиданиям читателя.

Таким образом возникает вопрос передачи этой многослойности на другой язык с учетом заложенной в оригинале рецептивной нагрузки, напрямую связанной с авторской интенцией. Сам Т. Пратчетт, сознательно обращаясь к принципу палимпсеста, использовал термин «белое знание» (“white knowledge”) по аналогии с «белым шумом», подразумевая общее представление о чем-либо, существующее в сознании носителя культуры, на чей источник нельзя указать с точностью (“the sort of stuff that fills up your brain without you really knowing where it came from”) [Words from the Master]. При этом автор указывает, что он выбирает отсылки, которые может легко распознать начитанная и «насмотренная» аудитория (“I try to pick one [a reference] that a generally well-read, well-viewed, well-listened person has a sporting chance of picking up”) [Там же.]. Важным моментом здесь является именно ментальная составляющая, когда палимпсест выступает как «порождающее устройство модели мира», складывающейся из «многообразных вариаций памяти, ... размышлений и отражений в сознании» [Исаев, Владимирова, 2017, с. 206–207]. Иными словами, перед переводчиками стоит задача не просто распознать палимпсестную иерархию, считываемую носителем англоязычной культуры, но подобрать такое переводческое соответствие, которое будет производить похожий эффект на читателя другой культуры, вовлекая его в похожий диалог с автором произведения.

Так, в книге “Witches Abroad” («Ведьмы за границей») (1991 г.) можно найти переосмысление “The Wizard of Oz” («Волшебник страны Оз»), которое является частью развертывания авантюрной интриги. События происходят на пути героинь-ведьм в город Орлею, а первым намеком служит обувь (red boots), которую надевает в путешествие нянюшка. Уже практически долетев на метлах до пункта назначения, ведьмы вынуждены из-за сильного ветра продолжить путь пешком – по дороге из желтого кирпича (yellow bricks). Они ссорятся, и их разговор выглядит следующим образом:

‘What some people need,’ Magrat said, to the world in general, ‘is a bit more heart.’	– Что кое-кому не помешало бы, – промолвила Маграт, обращаясь к миру в целом, – так это иметь побольше сердца.

‘What some people need,’ said Granny Weatherwax, to the stormy sky, ‘is a lot more brain.’ <...> What I need, thought Nanny Ogg fervently, is a drink. Three minutes later a farmhouse dropped on her head.” [Pratchett, 1992, с. 139]	– А кое-кому не помешало бы, – ответствовала матушка Ветровоск, обращаясь к грозовому небу, – иметь побольше мозгов. <...> «А что мне не помешало бы, – с жаром подумала нянюшка Ягг, – так это глотнуть из бутылочки». Ровно три минуты спустя ей на голову упал дом [Пратчетт, 2019, с. 196–197].

Таким образом, в споре фигурируют те самые вещи, которые нужны были героям экранизации – сердце для Железного Дровосека и мозги для Страшилы. Мы говорим именно о фильме, а не о книге, поскольку для носителей английского языка культовым является именно фильм, которые традиционно показывают по телевидению в рождественские праздники. Менее очевидной отсылкой является упоминание алкоголя, для обозначения которого в английском языке есть эвфемистичное “Dutch courage”, а, как известно, Трусливому Льву нужна была именно храбрость, что тоже представляет собой переосмысление ситуации, поскольку, оказавшись меж двух огней, а именно между двумя ведьмами в ссоре, нянюшка считает, что ей не мешает дополнительная доза храбрости. Интересной деталью является то, что в оригинальной книге Лев получает свою храбрость в бутылочке, поэтому существует мнение, что, когда Л. Баум писал книгу, он подразумевал именно алкоголь [The Annotated Pratchett File, эл. ресурс]. К тому же, сама ситуация, когда на нянюшку, одетую в красные ботинки, падает дом, напрямую отсылает нас к практически идентичной сцене со злой ведьмой в фильме.

Если говорить о переводе, то отсылки с сердцем и умом сохраняются, а вот храбрость в лексико-стилистическом смысле передается с некоторыми потерями: в русском переводе мы видим «глотнуть из бутылочки», что в определенном роде тоже является эвфемизмом «выпить», но необходимо опять-таки задуматься, чтобы до конца прочувствовать, что эта манипуляция нужна для придания храбрости. Иными словами, заложенный в оригинале смысл явно будет потерян для русскоязычного читателя, а значит, и палимпсестный эффект будет передан не до конца.

Комичность ситуации развивается далее благодаря неожиданному использованию автором современного кинематографического клише, когда героя, перенесшему удар по голове, спрашивают, сколько пальцев он видит, чтобы убедиться, что все в порядке:

‘Gytha? How many fingers am I holding up?’ she said urgently. ‘Wha’ fingers? ‘S’all gone dark.’ Magrat and Granny gripped the brim of Nanny’s hat and half lifted, half unscrewed it from her head [Pratchett, 1992, с. 139-140].	– Гита, сколько пальцев ты видишь? – с тревогой спросила она. – Каких еще пальцев? Кругом тьма кромешная. Маграт и матушка ухватились за поля ведьмовской шляпы и полусдернули-полускрутили ее с нянюшкиной головы [Пратчетт, 2019, с. 198].

Здесь стоит отметить ту легкость, с которой киноклише описывается в оригинале, что создает отдельный переводческий вопрос. Ставшая довольно расхожей в западном кинематографе сцена с пальцами не приобрела такое же распространение в русскоязычной культуре. Здесь мы можем ориентироваться на существующие кинопереводы, среди которых довольно популярным вариантом является «Сколько пальцев я показываю?». В переводе мы уже видим менее удачный вариант. Образ развивается дальше, когда, чтобы немного взбодрить нянюшку после перенесенного шока, матушка заглядывает в дом в поисках спиртного, на что нянюшка реагирует другим неожиданно переделанным кинематографическим клише:

“Granny Weatherwax peered into one of the rooms. ‘I suppose there wouldn't be any food and drink about the place?’ she said. ‘I think I could force myself to drink some brandy,’ said Nanny quickly.” [Pratchett, 1992, с. 140]	«Матушка Ветровоск заглянула в одну из комнат. – Скорее всего, ни еды, ни питья здесь не сыщешь, – констатировала она. – Пожалуй, после долгих уговоров я бы глотнула чуточку бренди, – быстро сказала нянюшка» [Пратчетт, 2019, с. 198–199].

К сожалению, и здесь перевод теряет палимпсестность, создаваемую, в частности, за счет слова “force”, которое, используясь в одном значении, в конкретно приведенном контексте отсылает к другому:

to make someone do something that they do not want to do («заставлять кого-то делать что-то»),

to make an object move or open by physical strength or effort (проталкивать что-то силой») [Cambridge Dictionary, эл ресурс].

Именно во втором значении использовалось бы слово, если речь шла об описании киносцены, где героя, не всегда по его воле, пичкают чем-то крепким, чтобы привести в чувства (force sth down somebody’s mouth), что совсем неочевидно в переводе.

Далее следует прямая отсылка к экранизации 1939 г.:

“People didn't hit you over the head with farmhouses back home. ‘You know, Greebo,’ she said, ‘I don't think we're in Lancre.’ [Pratchett, 1992, с. 140]	«В родных краях тебя не станут просто так бить домом по голове. – Знаешь, Грибо, – сказала она. – По-моему, это не Ланкр [Пратчетт, 2019, с. 199].

В фильме Дороти говорит своей собачке Тото: “Toto, I've a feeling we're not in Kansas anymore.” [The Wizard of Oz] (“Тото, у меня такое чувство, что мы больше не в Канзасе».) Это выражение приобрело огромную популярность и теперь знакомо любому носителю английского языка. Любопытным здесь является то, что цитируется оно неточно: “I don't think we're in Kansas anymore, Toto.” [TV Tropes, эл. ресурс]. Именно этот вариант и использует Т. Пратчетт в романе, что указывает на «белое знание», смутное представление

о тексте, а не прямое использование первоисточника. Сложно судить, насколько узнаваема эта отсылка в русском переводе, поскольку «Волшебник страны Оз» является культовым компонентом именно англоязычной культуры. Поэтому, скорее всего, переводной эквивалент не будет считан соответствующим образом.

Безусловно, в романе не обходится и без толкиновского палимпсеста – речь идет, конечно, о «Хоббите» и «Властелине колец». Так, оказавшись застигнутыми снегопадом в горах, ведьмы размышляют, что делать, и матушка поступает следующим образом:

“Then she stood back, hit the rock sharply with her broomstick, and spake thusly: ‘Open up, you little sods!’ [Pratchett, 1992, с. 49]	«Затем отступила на шаг, резко стукнула по камню палкой своего помела и громко изрекла следующее: – А ну открывайте, безобразники низкорослые! [Пратчетт, 2019, с. 66].

Использование архаичных английских форм (“spake”, “thusly”) в сочетании с произнесенным затем ругательством (“little sods”) создает сильный контрастирующий эффект, сначала воспроизводя сцену с Гендальфом и невидимыми рунами из «Властелина колец» [Tolkien, 2012, с. 397–400], а затем резко переходя на лексику сниженного регистра, разрушая тем самым ожидания читателя. Чтобы увидеть невидимые руны и открыть дверь во владения гномов, сказав необходимое слово, Гендальф произносит “friend”, в то время как матушка просто ругается на гномов. Безусловно, комический эффект передается и в переводе, но довольно значительная разница заключается в том, что в оригинале фраза матушки начинается торжественно, как у Толкина, а затем происходит ее стилистическая «девальвация», в то время как в русском варианте все с самого начала звучит довольно стилистически равномерно.

Сцена получает дальнейшее развитие, когда гора раскрывается, и невидимый голос жалуется, что не надо было стучать, ведь на двери все уже написано невидимыми рунами:

‘We put writing on the door,’ it said sulkily. ‘In invisible runes. It's really expensive, getting proper invisible runes done.’ [Pratchett, 1992, с. 50]	– Мы установили на двери заклинания, – наконец мрачно заявил он. – Невидимые руны. Знаешь, сколько нынче стоят хорошие невидимые руны?! [Пратчетт, 2019, с. 67]

У Толкина внутри горы можно было попасть, только произнеся правильное слово – иначе дверь просто невозможно было открыть, что чуть не стоило жизни героям «Властелина колец». Матушка не видит никаких рун, что вполне логично, ведь они невидимые, но своей настойчивостью она все равно добивается, чтобы ей открыли. В переводе также немного смущает обращение на ты, что довольно снижает эффект.

Продолжив свой путь на лодке, ведьмы слышат, как к ним что-то подплывает:

“Two pale glows appeared at the edge of the lamplight. Eventually they turned out	«На краю освещенного круга воды появились два бледных светящихся пятна. Постепенно стало ясно, что

to be the eyes of a small grey creature, vaguely froglike, paddling towards them on a log. It reached the boat. Long clammy fingers grabbed the side, and a lugubrious face rose level with Nanny Ogg's. ‘ ‘ullo,’ it said. ‘It'sss my birthday.’ All three of them stared at it for a while. Then Granny Weatherwax picked up an oar and hit it firmly over the head. <...> ‘Horrible little bugger,’ said Granny... ‘Looked like a troublemaker to me.’ ‘Yeah,’ said Nanny Ogg. ‘It's the slimy ones you have to watch out for.’ [Pratchett, 1992, с. 59–60]	это глаза небольшого серого создания, немного напоминающего лягушку, которое гребло к ним, сидя на бревне. Наконец оно нагнало лодку. Длинные влажные пальцы ухватились за борт, и мрачное лицо оказалось на одном уровне с лицом нянюшки Ягг. – ‘Рассыте, – сказала тварь. – У мммня ддднь рожжжженья.’ Все три ведьмы несколько мгновений молча таращились на неожиданного гостя. Потом матушка Ветровоск схватила весло и что было силы огрела существо прямо по голове. <...> – Мерзкий маленький уродец, – фыркнула матушка... – От таких, как он, ничего, кроме неприятностей, не жди. – Точно, – кивнула нянюшка Ягг. – Вот от таких-то скользких все и беды [Пратчетт, 2019, с. 81].

Этот отрывок явно переключается с описанием Голлума в «Хоббите» и является его продолжением:

“Deep down here by the dark water lived old Gollum, a small slimy creature. I don’t know where he came from, nor who or what he was. He was a Gollum – as dark as darkness, except for two big round pale eyes in his thin face. He had a little boat, and he rowed about quite quietly on the lake <...> He was looking out of his pale lamp-like eyes for blind fish, which he grabbed with his long fingers as quick as thinking. <...> ‘Bless us and splash us, my preciouss!’ [Tolkien, 2013, с. 94–95]	На каменистом островке посреди озера, широкого, глубокого и холоднющего, жил старый Голлум, маленький и скользкий, как рыба. Не знаю, кто он такой и откуда взялся. Просто Голлум – черный, как ночь, и только на изможденном лице светились большие глаза навывкате. У него была лодка, в которой он плывал по озеру Он прекрасно видел в темноте и потому ловил рыбу не на удочку, а руками – ловко выхватывал ее из воды своими длинными пальцами. <...> – Как нам повезло, моя прелессть! [Толкин, 2013, эл. ресурс]

Невозможно не отметить, как близки описания существа у Пратчетта и Толкина. Даже упоминание у Пратчетта дня рождения не случайно, поскольку сам Голлум называл волшебное кольцо “My birthday-present” [Tolkien, 2013, с. 105]. Стоит сказать еще и о том, насколько визуально точно по отношению к оригиналу были сняты экранизации «Хоббита» и «Властелина колец» П. Джексоном, добавив палимпсестный слой толкиновской истории, что повысило ее узнаваемость. Русский перевод – это именно перевод пратчеттовского отрывка и имеет гораздо меньше связей с толкиновским. Любопытно, как пратчеттовские ведьмы пытаются понять, кого они увидели, что в данном случае представляет некое отстранение с точки зрения читателя. Их комментарий передает суть толкиновского персонажа, от которого, действительно, было много неприятностей. Однако сами ведьмы легко расправились с ним, «обрубив» дальнейшее развитие толкиновского сюжета в романе. Таким образом Пратчетт, с одной стороны, отдает дань уважения Толкину, без

которого современное фэнтези просто не существовало бы. С другой стороны, Пратчетт через юмор и пророческое высказывание матушки о Голлуме как источнике неприятностей снижает «эпичность» Толкина, демонстрируя неестественность каких-то элементов. Воспроизводя толкиновские сцены, Пратчетт разрешает их с точки зрения поведения и логики современного человека, что позволяет переоценить эпическое фэнтези с позиции современных культурных установок.

В заключение следует отметить, что, под палимпсестом подразумевается узнаваемый текст с соответствующей рецептивной нагрузкой, что ставит достаточно серьезные проблемы при переводе, ведь набор узнаваемых текстов может не только не совпадать у представителей разных культур, но и сами языки могут отличаться инструментарием для передачи того или иного элемента. Не стоит забывать о том, что в палимпсесте текст-предшественник выступает как некий код, который предстоит расшифровать носителю культуры, а при переводе – и самому переводчику, который должен оценить, насколько возможно воссоздание похожих напластований в другом языке и где необходимо использовать образы, которые будут знакомы носителям другой культуры. Все это требует большой чуткости и эрудиции со стороны переводчика, чтобы максимально передать авторскую интенцию при апеллировании к палимпсесту.

Список литературы:

- Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.
- Пратчетт Т. Ведьмы за границей [пер. с англ. П. Киракозов]. М., Эксмо, 2019. 416 с.
- Савицкая Т.Е. Фэнтези: становление глобального жанра [Электронный ресурс] // Культура в современном мире. 2012. № 2. – Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2012/02/2012-02_r_kvms3.pdf
- Словарь античности: Пер. с нем. / Отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989. С. 407.
- Толкин Дж. Р. Р. Хоббит / пер. с англ. К. Королев [Электронный ресурс]. AST Publishers, 2013. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/dzhon-tolkien/hobbit-150515/chitat-onlayn/>
- Тюпа В.И. Поэтика палимпсеста в «Докторе Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). М., 2013. С. 141–152.
- Фрейд З. Заметки о «Вечном блокноте» [Электронный ресурс] // Психоаналитические этюды. Одесса, 1926. – Режим доступа: <https://freudproject.ru/?p=1565>
- Шатин Ю.В. Миния и палимпсест // Ars interpretandi: Сб. статей к 75-летию Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. С. 222–225.
- Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/>
- Enright J. Million Article. 22 Oct. 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.us.space.org/about-terry/interviews/million.html>
- Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press, 1997. 490 p.
- Pratchett T. A Discworld Novel: Witches Abroad. Corgi Books, 1992. 286 p.
- The Annotated Pratchett File, v 9.0. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.space.org/books/apf/wyrd-sisters.html>
- The Wizard of Oz. Metro-Goldwyn-Mayer, 1939.
- Tolkien J.J.R. The Hobbit or There and Back Again. HarperCollins Children's Books, 2013. 365 p.

Tolkien J.J.R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. HarperCollins, 2012. 531 p.
TV Tropes [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/NotInKansasAnymore>
Words from the Master [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://www.lspace.org/books/apf/words-from-the-master.html>

References:

Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Available at:
<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/>
Enright J. Million Article. 22 Oct. 1999 [Electronic resource]. – Available at:
<http://www.us.lspace.org/about-terry/interviews/million.html>
Freud S. Zametki o “Vechnom bloknote” [Electronic resource] // Psikhoanaliticheskie ehtyudy [Psychoanalytical etudes]. Odessa, 1926. – Available at: <https://freudproject.ru/?p=1565> (In Russian).
Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press, 1997. 490 p.
Isaev S.G., Vladimirova N.G. Aktual'naya poehtika: Smena khudozhestvennoi paradigmy [Actual Poetics: the Change of Artistic Paradigm], Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University Publ., Velikii Novgorod, 2017, 482 p. (In Russian).
Pratchett T. A Discworld Novel: Witches Abroad. Corgi Books, 1992. 286 p.
Pratchett T. Ved'my za granitsej [per. s angl. P. Kirakozov]. M., Ehksmo, 2019. 416 p. (In Russian).
Savitskaya T.E. Fehntezi: stanovlenie global'nogo zhanra [Electronic resource] // Kul'tura v sovremennom mire, vol. 2, 2012. – Available at:
http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2012/02/2012-02_r_kvms3.pdf (In Russian).
Shatin Yu.V. Menaion and palimpsest. Ars interpretandi: Sb. statei k 75-letiyu Yu.N. Chumakova [Ars interpretandi: Collected articles to the 75-th anniversary of Yu.N. Chumakov], Novosibirsk, 1997. P. 222–225. (In Russian).
Slovar' antichnosti [Dictionary of antiquity]: Per. s nem. / Otv. red. B.I. Kuzishchin. M.: Progress, 1989. P. 407. (In Russian).
The Annotated Pratchett File, v 9.0. [Electronic resource]. – Available at:
<https://www.lspace.org/books/apf/wyrd-sisters.html>
The Wizard of Oz. Metro-Goldwyn-Mayer, 1939.
Tolkien J.J.R. Khobbit / per. s angl. K. Korolev [Electronic resource]. AST Publishers, 2013. – Available at: <https://www.litres.ru/dzhon-tolkin/hobbit-150515/chitat-onlayn/> (In Russian).
Tolkien J.J.R. The Hobbit or There and Back Again. HarperCollins Children's Books, 2013. 365 p.
Tolkien J.J.R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. HarperCollins, 2012. 531 p.
TV Tropes [Electronic resource]. – Available at:
<https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/NotInKansasAnymore>
Tyupa V.I. The poetics of palimpsest in ‘Doctor Zhivago’ // Novyi filologicheskii vestnik, vol. 2 (25), 2013. P. 141–152. (In Russian).
Words from the Master [Electronic resource]. – Available at: <https://www.lspace.org/books/apf/words-from-the-master.html>

Кушни́на Людмила Вениами́новна

Кан Синьюнь

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
г. Пермь (Россия)

Kushnina Lyudmila

Kang Xinyun

Perm National Research Polytechnic University
Perm (Russia)

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ МАРКЕР КОМИЧЕСКОГО В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА

ANTHROPONYMIC METAPHOR AS A COGNITIVE MARKER OF THE COMIC IN THE CULTURAL SPACE OF TRANSLATION

В статье обсуждается проблема транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, выраженной говорящим именем в юмористическом дискурсе. Материалом для анализа послужили юмористические рассказы А.П. Чехова и их переводы с русского языка на китайский. В качестве единицы анализа выступает одна из моделей антропонимической метафоры, представленная говорящим именем, которая претерпевает изменения при передаче из одной лингвокультуры в другую. Цель проводимого исследования – проанализировать процесс транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, приводящий к гармоничному переводу. Каждый язык, каждая культура в каждую историческую эпоху по-разному расценивают гармоничность. Методологическая основа данного исследования представлена концепцией переводческого пространства Л.В. Кушниной, ключевыми понятиями которой являются когниция, синергия, гармония. Данные понятия характеризуют эпистему перевода, базирующуюся на термине «эпистемическая ситуация», введенным М.П. Котюровой. Согласно эпистеме перевода, онтология данного процесса – это когниция, методология – это синергия, аксиология – это гармония. Переводческое пространство как синергетическая модель перевода представляет собой абстрактный конструкт, который формируется в сознании переводчика как индивидуальная переводческая картина мира, гармоничное переводческое мировоззрение, своего рода переводческая позиция. Согласно автору данной модели, в процессе освоения переводческого пространства в сознании переводчика формируются гетерогенные смысловые поля, принадлежащие как пространству текста, так и пространству субъектов. Речь идет о поле автора, поле переводчика, поле реципиента, содержательном поле, энергетическом поле, фатическом поле (поле контактирующих культур). Интегральный смысл текста перевода является результатом синергии смыслов всех полей, т.е. синергетическим приращением новых смыслов, приемлемых принимающей культурой. Такой перевод признается гармоничным. Каждый язык, каждая культура в каждую историческую эпоху по-разному расценивают гармоничность, предполагающую соразмерность и соотносимость смыслов оригинала и перевода. В случае переводческой ошибки возникает дисгармоничный перевод. Промежуточное положение между ними занимают адекватный и эквивалентный переводы. Идея переводческого пространства соотносится с достижением качественного перевода целого текста или дискурса. В результате проведенного исследования установлено, что возможны разные стратегии транскультурной модификации модели говорящего имени из русской культуры в китайскую, и лишь гармоничный перевод способен передать комический эффект и соответствующие культурные ценности автора, обогащая тем самым принимающую лингвокультуру.

The article discusses the problem of transcultural modification of the anthroponymic metaphor model expressed by the speaking estate in humorous discourse. The material for the analysis was the humorous stories of A.P. Chekhov and their translations from Russian into Chinese. The unit of analysis is one of the models of anthroponymic metaphor, represented by a speaking estate, which undergoes changes when transferred from one linguistic culture to another. The purpose of the study is to analyze the process of transcultural modification of the anthroponymic metaphor model, leading to a harmonious translation. Each language, each culture in each historical epoch evaluates harmony differently. The methodological basis of this study is represented by the concept of the translation space by L.V. Kushnina, the key concepts of which are cognition, synergy, harmony. These concepts characterize the translation episteme based on the term “epistemic situation” introduced by M.P. Kotyurova. According to the translation episteme, the ontology of this process is cognition, methodology is synergy, axiology is harmony. The translation space as a synergistic

model of translation is an abstract construct that is formed in the mind of the translator as an individual translation picture of the world, a harmonious translation worldview, a kind of translation position. According to the author of this model, in the process of mastering the translation space in the mind of the translator, heterogeneous semantic fields are formed that belong to both the space of the text and the space of subjects. We are talking about the field of the author, the field of the translator, the field of the recipient, the content field, the energy field, the phatic field (the field of contacting cultures). The integral meaning of the translation text is the result of the synergy of the meanings of all fields, i.e. synergistic increment of new meanings acceptable by the host culture. Such a translation is recognized as harmonious. Each language, each culture in each historical epoch evaluates harmony in a different way, which implies the proportionality and correlation of the meanings of the original and the translation. In the case of a translation error, a disharmonious translation occurs. An intermediate position between them is occupied by adequate and equivalent translations. The idea of translation space is related to the achievement of high-quality translation of a whole text or discourse. As a result of the study, it was found that different strategies for transcultural modification of the speaking name model from Russian culture to Chinese are possible, and only a harmonious translation is able to convey the comic effect and the corresponding cultural values of the author, thereby enriching the receiving linguistic culture.

Ключевые слова: антропонимическая метафора, метафорическая модель, говорящее имя, эпистема перевода, переводческое пространство, гармония, синергия, смысл.

Key words: anthroponymic metaphor, metaphorical model, speaking name, translation episteme, translation space, harmony, synergy, meaning.

Многовековая история переводческой деятельности, предназначенной для обмена научными знаниями и культурными ценностями, для взаимодействия как отдельных индивидов, так и целых народов, содержит богатый объем переводной литературы, требующей научного осмысления с общенаучных позиций – онтологических, методологических, аксиологических.

В рамках данного исследования мы фокусируем внимание на закономерностях перевода, сформулированных в концепции переводческого пространства одного из авторов данной статьи, представителя Пермской школы перевода, Л.В.Кушниной, которая вычленила основополагающие понятия: синергия, когниция, гармония. Мы соотносим данные понятия с общенаучным термином «эпистемическая ситуация», предложенным учеными Пермской школы функциональной стилистики М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой.

Функционально-стилистические исследования целого научного текста как компонента познавательно-коммуникативной деятельности, аккумулирующего научное знание, привели ученых к идее структурирования научного знания, определяющего смысл научного текста. Так появилась необходимость в обосновании экстралингвистической основы научного текста. В лингвистическом отношении она представлена в виде онтологии, методологии, аксиологии. Согласно М.П. Котюровой, онтологический аспект исследует предметно-понятийный компонент знания, представленный преимущественно терминосистемой. Методологический аспект знания рассматривается как способ формирования новых понятий. Оценочный компонент знания основан на ценностной

ориентации познающего субъекта [Котюрова 2007, с. 53]. Приведем определение эпистемической ситуации: «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику» [Котюрова 2007, с. 58]. Поясним, что в разрабатываемой нами эпистеме перевода мы сосредоточили внимание на трех ключевых компонентах эпистемической ситуации, осознавая значимость и других компонентов.

Остановимся кратко на понятии переводческого пространства, которое было введено в научный обиход Л.В. Кушниной в 2003 г., и получило дальнейшее развитие в последующих работах автора концепции, а также его учеников и последователей.

Сущность перевода мы трактуем в терминах синергетики, предположив, что «ключ» к расшифровке смыслов, которые транспонирует переводчик из одной лингвокультуры в другую, заключается в том, что многосмыслие исходного текста должно найти отражение в многосмыслии текста перевода. Переводчик должен исходить из идеи о том, что не все смыслы эксплицитно выражены автором. Многие из них имплицитны, их необходимо извлечь, понять, и далее выразить также имплицитно.

В переводческом пространстве мы выделяем следующие поля и смыслы:

Содержательное поле и фактуальный смысл как единственный эксплицитно выраженный с помощью тема-рематической прогрессии

Поле автора и интенциональный смысл;

Поле переводчика и индивидуально-образный смысл;

Поле реципиента и рефлексивный смысл;

Энергетическое поле и эмотивный смысл;

Фатическое поле и когнитивно-прагматический смысл.

Переводчик мысленно выстраивает переводческое пространство и анализирует его поля и смыслы. Вершиной анализа является фатическое поле, где происходит взаимодействие и контакт культур путем постижения интертекстуальных, интердискурсивных, интеркультурных ассоциаций и реминисценций. Понимание смыслов приводит переводчика к их синергии, т.е. происходит приращение новых культурно-значимых смыслов, соразмерных как с исходными смыслами, так и с теми смыслами, которые естественно воспринимаются реципиентами.

Мы считаем, что в процессе перевода происходит актуализация интерпретирующей функции переводческого понимания. Результатом этого процесса является порождение гармоничного перевода. Так выглядит в общих чертах наша концепция.

Предметом нашего анализа является антропонимическая метафора в оригинале и переводе. Материалом для анализа выступает юмористический дискурс, обладающий комическим эффектом. В юмористическом дискурсе нас интересуют рассказы А.П.Чехова в оригинале и переводе на китайский язык. Изучая рецепцию русской культуры китайскими читателями, мы выяснили, что Чехов является любимым русским писателем в Китае. Его первые переводы появились почти одновременно с публикациями Чехова в России, но первоначально речь шла о переводах с немецкого или с японского на китайский. Лишь в середине XX века Чехова начали переводить на китайский язык на основе русскоязычных текстов. Как показал анализ литературы, переводы Чехова на китайский продолжаются до сих пор.

В качестве единицы анализа мы используем русско-китайские антропонимические пары – говорящие имена, представленные антропонимической метафорой на двух языках.

Цель проводимого исследования – проанализировать процесс транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, приводящий к гармоничному переводу. Достижение данной цели требует обращения к когнитивной теории метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.), теории антропонима (А.В. Суперанская, О.Н. Фоякова, В.В. Катермина, Д.И. Ермолович, Е.А. Хамаева и др.), теории комического (М.М. Бахтин, Б. Дземидок, Л. Карасев и др.).

Изучение процесса трансляции метафорических смыслов с русского языка на китайский потребовало введения понятия транскультурной модификации исходной модели. Это связано с тем, что в настоящее время не существует единых принципов перевода антропонимической метафоры с русского языка на китайский и с китайского языка на русский. Мы предположили, что в переводческом пространстве юмористического дискурса осуществляется не просто культурный трансфер антропонимической метафоры, но переводчик выполняет определенные ментальные и речевые действия, т.е. происходит когнитивный трансфер в ситуации, когда пространство одной культуры соприкасается с пространством другой культуры, т.е. одно пространство проходит сквозь другое. Так происходит транскультурная модификация исходной модели. При этом стратегии транскультурной модификации могут быть различными. В соответствии с концепцией переводческого пространства мы обозначили их как гармоничная, дисгармоничная, адекватная, эквивалентная. Каждая из этих стратегий обуславливает определенный уровень реметафоризации, способствующий воссозданию комического эффекта. Это может быть полная реметафоризация, частичная реметафоризация, нейтрализация, деметафоризация. Процесс реметафоризации мы анализируем с трех позиций: когнитивной, культурной, коммуникативной, что будет проиллюстрировано ниже.

Прежде чем перейти к анализу нашего материала, представим примеры реметафоризации и гармоничного (с позиций нашей концепции) перевода говорящих имен из работы Т.П. Мироновой [Миронова 2018, с. 128]. Автор изучает перевод говорящих имен с русского языка на французский на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Т.П. Миронова изучила 10 вариантов перевода текста Н.В. Гоголя и сравнила традиционные переводы с одним их современных переводов. Она обратила внимание на перевод говорящих имен, которые создают колоритные образы персонажей. В большинстве переводов переводчики используют прием транскрипции, передавая звуковую форму онима, частично сохраняющего при этом этнокультурный компонент, экзотическое звучание, которое теряет смысловой компонент.

В 2005 г. был выполнен новый перевод А. Колдефи-Фокер. Переводчик использовал следующую словообразовательную модель: перевод корня слова (иногда с изменением орфографии нарицательного имени) и сохранение оригинального суффикса. Такой прием перевода антропонимической метафоры, по мнению автора исследования, позволил, с одной стороны, передать семантику и обеспечить эмоциональное наполнение онима, с другой стороны, сохранить особенность звучания.

Например, в традиционных переводах говорящее имя *Собакевич* переведено как *Sobakevitch*, в то время как в новом переводе как *Kabotievitch*, где *sabo* означает *пес, псуна*, что обеспечивает полноценный прагматический эффект [Миронова 2018, с. 129]. Мы признаем данный вариант перевода гармоничным.

Материалом для анализа послужили проявления антропонимической метафоры в юмористических рассказах А.П.Чехова в оригинале и переводе на китайский язык. Как показал наш анализ при переводе происходит транскультурная модификация исходной модели как с положительным, так и с отрицательным вектором. Положительный вектор свидетельствует, что при переводе имеет место реметафоризация, т.е. создание новой метафоры средствами языка перевода. В этом случае перевод мы признаем гармоничным, так как он обуславливает прагматический эффект, аналогичный оригиналу. Отрицательный вектор сопровождается деметафоризацией, так как переводчик ограничивается формальной транскрипцией антропонима, что приводит к дисгармонии и исчезновению комического эффекта. В качестве примера рассмотрим антропонимическую метафору в русско-китайских антропонимических парах из рассказа А.П. Чехова «Клевета», содержащего следующие образы персонажей и их говорящие фамилии: учитель чистописания Сергей Капитоныч *Ахинеев*, учитель истории и географии Иван Петрович *Лошадиных*, учитель математики *Тарантулов*, француз *Падекуа*, младший ревизор контрольной палаты Егор

Венедиктыч *Мзда*, учитель словесности Додонский, помощник классных наставников *Ванькин*.

Представим в виде таблицы исследуемые антропонимические метафоры.

Таблица 1

Транскультурная модификация модели говорящего имени (антропонимической метафоры): отрицательный вектор

АМ оригинала-русский язык	АМ перевода-китайский язык	Переводческая стратегия	Тип транскультурной модификации исходной модели АМ	Переводческая прагматика
<i>Ахинеев</i>	阿希涅耶夫	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта
<i>Лошадиных</i>	洛沙季内	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта
<i>Тарантулов</i>	塔兰图洛夫	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта
<i>Падекуа</i>	帕杰库阿	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта
<i>Мзда</i>	姆兹达	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта
Додонский	多东斯基	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта
<i>Ванькин</i>	万尼金	транскрипция	деметафоризация	Дисгармоничный перевод; исчезновение комического эффекта

Проанализируем говорящее имя *Ахинеев* в оригинале и переводе с трех позиций: когнитивной, культурной, коммуникативной.

С когнитивных позиций, отражающих ментальную деятельность автора, антропонимическая метафора *Ахинеев* характеризует человека, который говорит и пишет

несуразицу, чепуху, вздор. Фразеологизм русского языка «нести ахинею» восходит к греческому слову «афиня», обозначающему собрание философов в храме богини мудрости Афины для проведения дискуссий. Предположительно, эти дискуссии не всегда носили разумный характер, и некоторые собравшиеся говорили вздор.

С культурных позиций антропонимическая метафора *Ахинеев* отражает метафорическую картину мира автора, поэтому переводчик должен воссоздать аналогичную метафорическую картину. Но в китайской языковой картине мира подобного фразеологизма нет, поэтому метафорические смыслы исчезают или нейтрализуются.

С коммуникативных позиций при нейтральном переводе говорящего имени можно не ожидать появления в переводе комического эффекта.

Так мы приходим к выводу, что данное говорящее имя теряет свою метафоричность в китайской лингвокультуре, что характеризует негативный вектор развития переводной антропонимической метафоры. Культуросозидающая функция перевода не находит отражения в анализируемом примере

Аналогичная ситуация наблюдается при переводе этого рассказа с русского языка на французский. Говорящее имя Ахинеев также переведено с помощью приема транскрипции и приобретает форму Akhineiev, т.е. сохраняет свое звучание во французском варианте, но смысловое наполнение полностью исчезает из поля зрения франкоязычного читателя, что мы признаем дисгармоничным. Таким образом, антропонимическая метафора как маркер и как носитель комического эффекта нейтрализуется при переводе. Можно лишь предположить, что комизм ситуации позволяет переводчику частично компенсировать комический эффект за счет других языковых средств.

Предметом нашего анализа стали также проявления антропонимической метафоры из рассказа А.П. Чехова «Говорящая фамилия», где комизм ситуации доводится до абсурда. Как показали наши наблюдения, в большинстве случаев переводчик также обращается к приему транскрипции, что приводит к переводческой дисгармонии, т.е. деметафоризации. Вместе с тем, в некоторых случаях переводчик избирает другую стратегию перевода: он переводит корневую морфему на китайский язык и транскрибирует русскоязычную флексию, сохраняя тем самым экзотичность звучания антропонима. В таких случаях мы констатируем реметафоризацию, что мы относим к гармоничному переводу, воссоздающему юмористический эффект оригинала.

В представленной ниже таблице приведены варианты гармоничного перевода антропонимической метафоры.

Транскультурная модификация модели говорящего имени (антропонимической метафоры): положительный вектор

АМ оригинала-русский язык	АМ перевода-китайский язык	Переводческая стратегия	Тип транскультурной модификации исходной модели АМ	Переводческая прагматика
Буланов	黄骠马布诺拉夫	Создание переводческого метатекста: Рыжий конь с желтым оттенком+транскрипция окончания русского имени	реметафоризация	Гармоничный перевод; воссоздание комического эффекта
Овсов	燕麦奥夫索夫	Создание переводческого метатекста: Лист овса+транскрипция окончания русского имени	реметафоризация	Гармоничный перевод; воссоздание комического эффекта
Тройкин	三套马衣金	Создание переводческого метатекста: Три коня+транскрипция окончания русского имени	реметафоризация	Гармоничный перевод; воссоздание комического эффекта
Гнедов	枣红马多福	Создание переводческого метатекста: Коричнево-красная лошадь+транскрипция окончания русского имени	реметафоризация	Гармоничный перевод; воссоздание комического эффекта
Рысистый	快马希斯德乙	Создание переводческого метатекста: Быстрая лошадь+транскрипция окончания русского имени	реметафоризация	Гармоничный перевод; воссоздание комического эффекта

Метафорология антропонима, характеризующая метафорическую картину этноса, вызывает непреходящий научный интерес специалистов различных гуманитарных направлений: лингвистов, переводоведов, ономастов, практикующих переводчиков, психологов, специалистов в области межкультурной коммуникации и др. До сих пор многие проблемы остаются нерешенными, особенно в сфере русско-китайского межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

В рамках данной статьи были рассмотрены некоторые аспекты транскультурной модификации модели антропонимической метафоры при переводе юмористического

дискурса с русского языка на китайский. Творчество А.П. Чехова, первые переводы которого на китайский язык были выполнены еще при жизни писателя, в начале XX века, продолжает волновать китайских читателей. Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы проанализировать качество переведенных текстов на примере антропонимов. Как показал наш анализ, во многих случаях переводчикам не удается достичь того прагматического эффекта, который был заложен в текст автором. Так возникают дисгармоничные переводы, которые характеризуются ослаблением или полным исчезновением метафорических смыслов, т.е. антропонимическая метафора оригинала уступает место нейтральному антропониму перевода. Метафорическая идея автора не находит воплощения в переводном дискурсе, в результате иноязычный и инокультурный читатель не видит повода для смеха. Но существуют и другие переводы, когда переводчик озадачен созданием метатекста как в виде собственно перевода, так и в виде дополнительного к основному тексту послесловия, предисловия, переводческих комментариев, сносок, ссылок и пр. Подобные способы приводят переводчика к реметафоризации, которая благоприятствует воссозданию юмористического эффекта при переводе. Таким образом, можно говорить о транскультурной модификации модели антропонимической метафоры с позитивным и негативным вектором. Можно предположить, что дальнейшие исследования в этом направлении приведут к поиску новых переводческих стратегий, которые приблизят метафорические картины мира наших народов и приведут к взаимопониманию. Это будет означать выполнение переводческой миссии.

Список литературы:

- Ван Шоужэнь* Собрание сочинений Чехова. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2021. 2544 с.
- Кан Синъюнь, Кушина Л.В.* Ономастическая метафора в оригинале и переводе // Ижевск: Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Том 31, вып. 6. С. 1233–1240.
- Катермина В.В.* Имя собственное в художественном тексте. М.: Флинта, 2020. 100 с.
- Котюрова М.П., Бажеенова Е.А.* Культура научной речи: текст и его редактирование. Пермь: Ред.-изд. отд. Западно-Уральского ин-та экономики и права, 2007. 281 с.
- Котюрова М.П., Кушина Л.В.* Индуктивный и дедуктивный пути познания в научном дискурсе // Волгоград: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2018. Т.17, № 1. С. 172–184.
- Лакофф. Дж. Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., Едиториал, УРСС, 2004. 256 с.
- Ли Хуэйцюань* Собрание рассказов: Мопассан, Чехов, О. Генри. Наньчан: Изд-во Цзянсийский народ, 2018. С.157–159.
- Миронова Т.П., Лапотникова Е.А.* Особенности перевода этнографических реалии в художественном тексте (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводов на французский язык). Орел: Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. №2 (79). С. 127–130.
- Хамалева Е.А.* Китайские антропонимы. М., Издательский дом ВКН, 2020. 272 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 238 с.

References:

Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale [Russia in a metaphorical mirror]. Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2001. 238 p. (In Russian).

Kan Sin'yun', Kushnina L.V. Onomasticheskaya metafora v originale i perevode [Onomastic metaphor in the original and translation]. Izhevsk: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. 2021. Tom 31, vyp. 6. P. 1233–1240. (In Russian).

Katermina V.V. Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste [A proper name in a literary text]. M.: Flinta, 2020. 100 p. (In Russian).

Khamaeva E.A. Kitaiskie antroponimy [Chinese anthroponyms]. M., Izdatel'skii dom VKN, 2020. 272 p. (In Russian).

Kotyurova M.P., Bazhenova E.A. Kul'tura nauchnoi rechi: tekst i ego redaktirovanie [Culture of scientific speech: text and its editing]. Perm': Red.-izd. otd. Zapadno-Ural'skogo in-ta ehkonomiki i prava, 2007. 281 p. (In Russian).

Kotyurova M.P., Kushnina L.V. Induktivnyi i deduktivnyi puti poznaniya v nauchnom diskurse [Inductive and deductive ways of cognition in scientific discourse] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie, 2018. T. 17, № 1. P. 172–184. (In Russian).

Lakoff. Dzh. Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. M., Editorial, URSS, 2004. 256 p. (In Russian).

Li Khuehitsuian' Sobranie rasskazov: Mopassan, Chekhov, O. Genri [Collected Stories: Maupassant, Chekhov, O. Henry]. Nan'chan: Izd-vo Tszjansiiskii narod, 2018. P.157–159. (In Chinese).

Mironova T.P., Lapotnikova E.A. Osobennosti perevoda ehnotograficheskikh realii v khudozhestvennom tekste (na materiale poehmy N.V. Gogolya “Mertvye dushi” i ee perevodov na frantsuzskii yazyk) [Features of the translation of ethnographic realities in a literary text (based on the poem by N.V. Gogol “Dead Souls” and its translations into French)]. Orel: Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2018. №2 (79). P. 127–130. (In Russian).

Van Shouzhehn' Sobranie sochinenii Chekhova [Collected works of Chekhov]. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo perevodov, 2021. 2544 p. (In Chinese).

Лю Цзинпэн
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Liu Jingpeng
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА МОСКВЫ

TRANSLATION STRATEGIES OF THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CITY OF MOSCOW

Исследования, посвященные лингвистическому ландшафту, впервые возникли в ходе научной деятельности Родрига Ландри и Ричарда Буриса. Лингвистический ландшафт является достаточно новой темой в области современной социолингвистики и прикладной лингвистики, ставшей чрезвычайно востребованной и актуальной за последние годы. К сожалению, в настоящий момент большая часть исследований сосредоточена только на феномене самого языка, при этом мнение простых людей, прохожих в отношении лингвистического ландшафта не принимается во внимание, а также не учитываются причины и мотивация организации лингвистического ландшафта. Мировое сообщество вступает в постэпидемическую эпоху, где лингвистический ландшафт играет незаменимую роль в процессе реагирования на чрезвычайные ситуации и значительные события. Несмотря на это, исследования, посвященные лингвистическому ландшафту в контексте значительных событий в различных странах, в настоящий момент представлены в незначительном количестве.

По мере постепенного восстановления авиационного сообщения между Россией и другими государствами количество людей, возвращающихся в Россию, также постепенно увеличивается. Информация по въезду на территорию страны, а также связанные с ней различного рода документы чрезвычайно сложны для восприятия. Одновременно с этим практически в любом месте можно обнаружить различные обозначения и агитационные плакаты по профилактике эпидемии. Все это внесло значительные изменения в жизнь тех людей, которые прибывают на территорию России. В рамках данного исследования был проведен социологический опрос, в ходе которого его участникам был задан вопрос: «хотите ли Вы получать услуги в России на своем родном языке?». Результат проведенного опроса был достаточно очевиден – большинство респондентов хотят получать услуги в России на своем родном языке, а также иметь возможность читать различного рода объявления в публичном пространстве на родном языке. Однако выполнение данной задачи сопряжено со множеством трудностей при подготовке объявлений на других языках. В данном исследовании проводится анализ особенностей китайского и русского языков в контексте публикации общественных объявлений и указателей, цель которого заключается в подготовке предложений по составлению объявлений и формированию высококачественной многоязычной среды в Москве, за счет которой будет возможно укрепить совместное противодействие эпидемии.

Research on the linguistic landscape first emerged through the scholarly work of Rodrigue Landry and Richard Burris. Linguistic landscape is a fairly new topic in the field of modern sociolinguistics and applied linguistics, which has become extremely popular and relevant in recent years. Unfortunately, at the moment most of the research focuses only on the phenomenon of language itself, with the opinion of ordinary people, passers-by, regarding the linguistic landscape not being taken into account, and the reasons and motivations for organizing the linguistic landscape not being taken into account. The world community is entering a post-epidemic era where the linguistic landscape plays an indispensable role in responding to emergencies and significant events. Despite this, there is little research on the linguistic landscape in the context of significant events in various countries.

As air travel between Russia and other countries is gradually being restored, the number of people returning to Russia is also gradually increasing. Information on entering the country, as well as the various kinds of documents associated with it, are extremely difficult to comprehend. At the same time, various signs and propaganda posters on the prevention of the epidemic can be found almost everywhere. All of this has made significant changes in the lives of those people who arrive in Russia. As part of this study, a sociological

survey was conducted, in which participants were asked the question: “do you want to receive services in Russia in your native language?” The result of the survey was quite obvious: the majority of respondents want to receive services in Russia in their native language, as well as to be able to read various kinds of announcements in public space in their native language. However, there are many difficulties in preparing announcements in other languages to accomplish this task. This study analyzes the features of Chinese and Russian in the context of publishing public notices and signage, the purpose of which is to make suggestions for public notices and the formation of a high-quality multilingual environment in Moscow, through which the joint response to the epidemic can be strengthened.

Ключевые слова: эпидемия, городской лингвистический ландшафт, Москва, стратегия перевода указателей и объявлений.

Key words: epidemic, urban linguistic landscape, Moscow, translation strategy for signage and announcements.

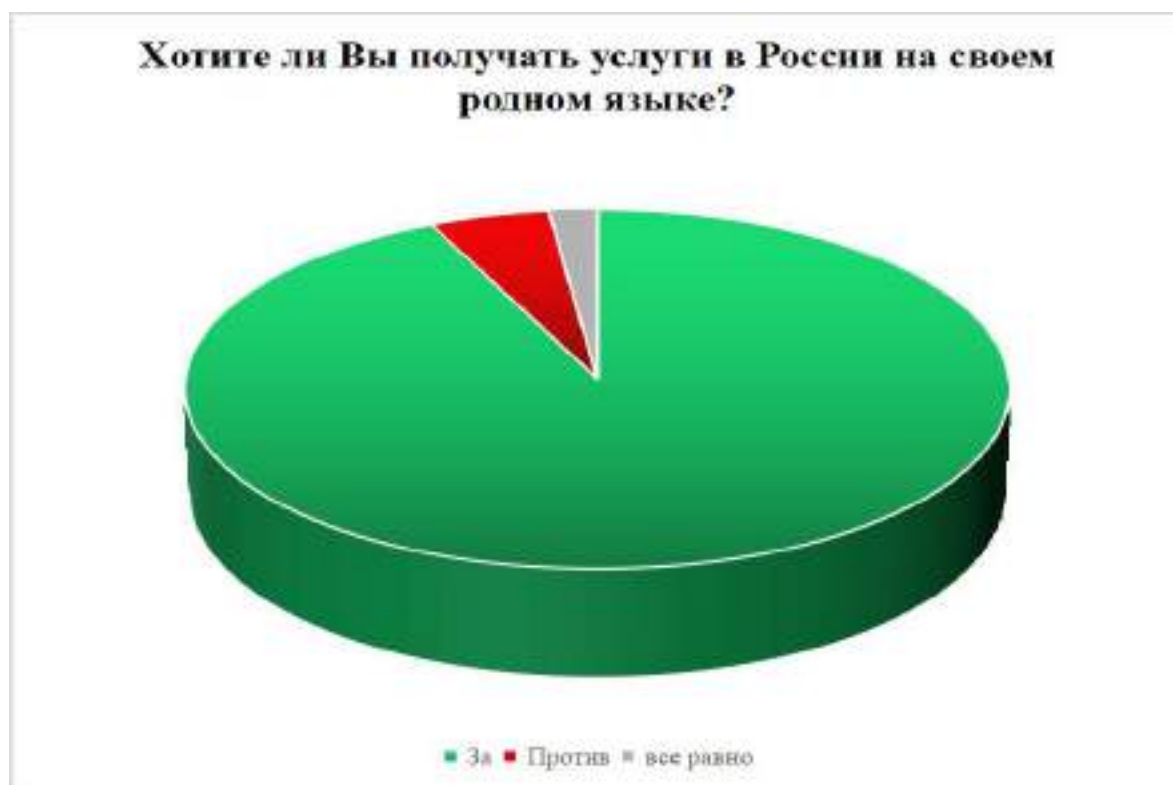
Процессы глобализации, осознанные лингвистами позднее, чем представителями других наук, меняют условия функционирования языка и требуют методологической рефлексии. Для исследования языковых контактов и их социальной составляющей предлагается метод анализа семиотики городской среды, получивший название «описание лингвистического ландшафта» [Кирилина, 2013, с. 159]. Как отмечает П. Бакхаус [Backhaus, 2007, с. 158], понятие «ландшафт» стало появляться в научной литературе как метафора происходящих процессов и взаимодействий с конца XX века.

В последние годы лингвистический ландшафт постепенно стал предметом активного обсуждения и исследований в различных научных областях по всему миру. Изучение лингвистического ландшафта, а также глубоких культурных, экономических и духовных ценностей, отражаемых в нем, имеет большое значение для лингвистических исследований в рамках определенного пространства. В условиях возникновения и ускоренного распространения эпидемии нового коронавируса во всем мире стали появляться различного рода объявления, транспаранты, реклама, лозунги и указатели, связанные с противоэпидемической профилактикой и борьбой с эпидемией.

Город Москва в данном процессе не стал исключением. В крупных общественных местах появилось множество противоэпидемических объявлений. Согласно результатам проведенного опроса, большинство расположенных в Москве объявлений были опубликованы исключительно на русском языке. При этом только в нескольких случаях респонденты отвечали, что встречали немногочисленные объявления, написанные на нескольких языках. Многоязычные объявления в основном встречались в различных общественных пространствах таких, как аэропорты, вокзалы, больницы, пункты тестирования на коронавирус, учебные заведения, а также в ряде иных общественных пространств, как показано на следующих изображениях:

Согласно последним требованиям по въезду в Россию, граждане Китая могут прибывать на территорию России в целях работы или учебы. Одновременно с этим прибывающие граждане Китая сталкиваются со множеством различных трудностей в области прохождения ряда процедур и соблюдения противоэпидемических требований после пересечения границы. В целях проведения социологического опроса нами были подготовлены и отправлены анкеты для прибывающих в Россию граждан Китая. Среди опрошенных респондентов были представители разных возрастных групп, которые имели различные цели прибывания в Россию. Содержание проведенного нами опроса в основном включало вопросы, позволяющие выяснить, насколько респондентам была необходима поддержка на родном языке при въезде на территорию России во время эпидемии. Полученные результаты показывают следующее:

93% опрошенных хотят получать помощь на родном языке;

5% опрошенных не хотят получать помощь на родном языке, поскольку считают, что у них высокий уровень русского языка, позволяющий им справиться с необходимыми задачами;

2% опрошенных затруднились дать однозначный ответ.

По результатам проведенного опроса видно, что большинство опрошенных респондентов хотели бы иметь возможность получить помощь в оформлении всех процедур на родном для них языке. Удовлетворение подобного спроса ставит определенные вызовы для осуществления перевода соответствующих объявлений, указателей, предупреждений и прочих видов публичной информации. По этой причине на текущий момент большая часть исследований, посвященных городскому лингвистическому ландшафту, затрагивает в первую очередь феномен самого языка, в то время как мнение прохожих в отношении лингвистического ландшафта, причины и мотивация в организации лингвистического пространства практически не рассматриваются. Данные факторы также оказывают влияние на возможности перевода подобных объявлений, доставляя немало трудностей переводчикам. В связи с этим возникает вопрос адекватного перевода истинного смысла, заложенного в общественные объявления.

В соответствии с проблемой, изложенной выше, могут быть рассмотрены несколько стратегий перевода городского лингвистического ландшафта.

Метод создания лингвистического корпуса – это метод научного исследования, который подразумевает сбор, хранение и обработку большого объема письменных и устных языковых материалов при помощи вычислительной техники в целях обеспечения практического лингвистического материала, который будет применяться при дальнейшем языковом обучении и в рамках лингвистических исследований. По этой причине применение эмпирического подхода, базирующегося на основе метода создания лингвистического корпуса, открывает совершенно новые возможности для развития в области практического перевода. Так, согласно теории культурной памяти, увеличение количества носителей памяти и информации приводит к распаду традиционного процесса формирования кругозора, в то время как передовые поисковые системы могут развиваться одновременно с данными процессами, позволяя получать быстрый доступ к информации, которая на первый взгляд кажется недоступной, в любом месте [扬 阿斯曼/Ассман, 2012, с. 20].

В процессе осуществления многоязычного перевода публичных объявлений в условиях пандемии необходимо не только в полной мере применять лингвистические корпуса, но и формировать собственные параллельные лингвистические корпуса,

включающие параллельный перевод на нескольких языках, а также формировать отдельные корпуса для отдельных шаблонных словосочетаний и предложений, основанных на международной практике. Помимо этого, в зависимости от требований к письменным переводчикам необходимо также создавать открытые лингвистические корпуса изображений публичных объявлений, а также двуязычные русско-китайские параллельные лингвистические корпуса, цель которых будет заключаться в помощи переводчикам, за счет которой будет возможно не только повысить скорость перевода публичных объявлений, но и повысить их точность и качество. Метод создания лингвистических корпусов предоставляет переводчикам новые модели мышления, а также новый культурный опыт, основанный на изучении практического лингвистического материала.

Параллельные лингвистические корпуса предоставляют лингвистический материал, состоящий из текстов, часть которого представлена на исходном языке, а другая часть представлена в виде перевода изначального текста на другом языке. Исследователи могут сопоставлять различия между лексикой, предложениями и стилем двух параллельных текстов, представленных в лингвистическом корпусе, могут делать обобщения относительно особенностей перевода, а также отмечать отношения эквивалентности [Baker, 1995, с. 233]. Лингвистические корпуса изображений публичных объявлений, а также параллельные корпуса изображений могут быть разделены по множеству критериев, таких как тип изображения, функции, категории, область применения, текстовые особенности, перевод и др.

Применяя подобные лингвистические корпуса, переводчики могут осуществлять очень быстрый поиск по изображениям, а также находить точные эквиваленты и примеры переведенного текста публичных объявлений, за счет чего переводчикам будет требоваться меньше времени для осуществления перевода исходного текста. Формирование лингвистических корпусов изображений, а также двуязычных параллельных лингвистических корпусов является одним из наиболее оптимальных методов осуществления максимально точного перевода текстов публичных объявлений.

Рассмотрим соответствующие примеры, которые приводятся в нижеследующей таблице:

№	Функция	Изображение	Первоначальный текст на русском языке	Перевод на китайский язык (перевод мой – Ц.Л.)
1	Указание		Технический перерыв 15 минут Санитарная обработка помещения	休息: 15分钟 清理室内卫生
2	Указание		Служебный вход	员工通道、员工入口
3	Указание		Международные вылеты	国际出发
4	Напоминание		В магазине ведется видеонаблюдение	店内有监控
5	Напоминание		Соблюдайте дистанцию	请保持距离!

6	Напоминание	Посещайте общественные места в защитных масках и перчатках	Посещайте общественные места в защитных масках и перчатках	去公告场所时，请戴口罩及手套。
7	Напоминание	Совершайте оплату бесконтактным способом	Совершайте оплату бесконтактным способом	请非现金支付
8	Запрет	НЕ СОРИТЬ!	Не сорить!	请勿乱丢垃圾
9	Запрет	Просьба не трогать! Please do not touch!	Просьба не трогать!	禁止触碰
10	Запрет	ЗАПРЕЩЕНО! КАТАНИЕ НА СКЕЙТБОРДЕ В ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ И В МАГАЗИНЕ	Запрещено! Катание на скейтборде в торговом центре и в магазине	商场内禁止使用滑板。

Таким образом, лингвистические корпуса изображений позволяют переводчикам эффективно осуществлять поиск необходимого материала в кратчайшие сроки для обеспечения наиболее точного и качественного перевода.

Список литературы:

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. 2013. № 24. С. 159–167.

Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). New York; Ontario; Clevalon, 2007. 158 p.

Baker M. Corpus in Translation Studies: An overview and some suggestions for future research. Target, 1995 (2).

扬 阿斯曼. 文化记忆 [A]. 文化记忆理论读本 [C]. 北京: 北京大学出版社, 2012 (Ян Ассман. Культурная память [A]. Теоретический читатель культурной памяти [C]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012).

References:

Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). New York; Ontario; Clevalon, 2007. 158 p.

Baker M. Corpus in Translation Studies: An overview and some suggestions for future research. Target, 1995 (2).

Kirilina A.V. Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novyi metod issledovaniya yazyka v ehpokhu globalizatsii [Description of the linguistic landscape as a new method of language research in the era of globalization] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. 2013. № 24. P. 159–167. (In Russian).

扬 阿斯曼. 文化记忆 [A]. 文化记忆理论读本 [C]. 北京: 北京大学出版社, 2012 (Yan Asman. Kul'turnaya pamyat' [A]. Teoreticheskii chitatel' kul'turnoi pamyati [C] [Cultural Memory [A]. Cultural Memory Theoretical Reader [C]]. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2012) (In Chinese).

*Нурғали Кадиша Рустембековна
Сиряченко Виктория Владимировна*
ЕНУ имени Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан (Казахстан)

*Nurgali Kadisha
Siryachenko Viktoriya*
L.N. Gumilyov ENU
Nur-Sultan (Kazakhstan)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА ДЖ. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ» НА КАЗАХСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF J. ROWLING'S NOVEL "HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHER'S STONE" TRANSLATION INTO KAZAKH AND RUSSIAN

В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности перевода текста художественного произведения с английского языка на казахский и русский языки, а также основные сложности и проблемы данного вида перевода, с которыми сталкиваются переводчики. Проводится сопоставительный анализ оригинала и переводов, сделанных разными авторами. Все переводы в той или иной степени отличаются друг от друга, имеют свой стиль и отличительные особенности. В ходе исследования анализируются степени *эквивалентности* и *адекватности* переводов на основе сопоставительного анализа используемых переводчиками трансформаций. Авторы в рамках настоящей статьи сравнивают переводы, рассматривая их с точки зрения *гармоничности*, выделяют сильные и слабые стороны каждого из представленных переводов. В статье отслеживаются особенности перевода на казахский и русский языки имен собственных, сленга, неологизмов и окказионализмов, а также фразеологизмов, использованных автором при написании оригинального произведения. С этой целью были использованы сравнительно-типологический и описательно-аналитический методы исследования. Результаты исследования содержат определенные выводы, которые могут носить рекомендательный характер для переводчиков художественной литературы, работающих в языковых парах: английский-казахский, английский-русский.

This article examines the peculiarities of literary text translation from English into Kazakh and Russian, as well as the main difficulties and problems of this type of translation encountered by translators. A comparative analysis of the original and the translations made by different authors is conducted. All the translations differ from each other to a greater or lesser extent; have their own style and features. The *equivalence* and *adequacy* of translations is analysed through a comparative analysis of the translation transformations used. The authors of this paper compare translations from the point of their *harmony*, highlighting the strengths and weaknesses of each of the translations presented. The peculiarities of translation into Kazakh and Russian of proper names, slang, neologisms and occasionalisms, as well as set expressions used by the author in the original work are discussed in the article. Therefore, comparative-typological and descriptive-analytical research methods have been used. The results of the study contain certain conclusions, which can serve as recommendations for translators of fiction dealing with English-Kazakh and English-Russian types of translation.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческие трансформации, эквивалентность, адекватность, гармоничность, авторский стиль.

Key words: artistic translation, translation transformations, equivalence, adequacy, harmony, author's style.

Процесс перевода представляет собой сложный когнитивный процесс, который связан с двумя основными функциями – восприятием текста оригинала и его воспроизведением на языке перевода. Предметом лингвистической теории перевода является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации, то есть преобразования текста на одном языке в *эквивалентный* ему текст на другом языке

[Бархударов, 1975, с. 3]. Сложность и основная проблема данного вида деятельности заключается в том что, несмотря на продолжительную историю переводоведения, как отдельной области науки, процесс перевода не имеет четкой общепризнанной модели. Многосторонность рассматриваемого процесса исключают возможность построения одной единственной «универсальной» модели, которая была бы в состоянии отразить сразу все стороны изучаемого явления во всех их сложных взаимных связях и отношениях [Бархударов 1975, с. 4]. Существует огромное множество критериев и параметров, по которым можно судить о качестве того или иного перевода, но все они носят скорее рекомендательный характер, их границы достаточно размыты. И если в техническом или юридическом переводе все же существуют строгие шаблоны договоров, образцов заявлений, инструкций по эксплуатации и мн. др., а также общепринятая терминологическая база, то в сфере художественного перевода дела обстоят намного сложнее.

В литературном произведении все, что «соприкасается» с произведением, составляет его художественное пространство: время, место, национальный менталитет, языковые особенности, стилистика автора и мн. другое, становится его неотъемлемой частью. Упущение или пренебрежение одним из указанных аспектов, может привести к частичному или полному искажению произведения на языке перевода. В процессе художественного перевода встречаются два основных действующих лица – автор и переводчик, позже к ним присоединяется и читатель, оценка которого также играет немаловажную роль, но это потом. В идеале, автор и переводчик должны наладить контакт, иметь возможность пообщаться, проконсультироваться в процессе работы над текстом перевода. Но что делать в ситуации, когда автор один, а переводчиков сотни, тысячи. Одним из ярких примеров, может послужить ситуация, сложившаяся при переводе серии романов английской писательницы Дж. К. Роулинг о подростке волшебнике Гарри Поттере. На сегодняшний день книга переведена более чем на 70 языков мира.

В России одной из последних развернулась жаркая дискуссия по поводу получения прав на перевод и публикацию романа издательством «Махаон». Переводы издательства стали сравнить с уже успешными стать «классическими» переводами издательства «РОСМЭН», которое первым получило права на франшизу в России. Также в связи с интенсивным развитием за последнее десятилетие сети Интернет, популярность стали набирать интернет-ресурсы и издательства, переводы которых также обладают своими специфическими особенностями. В качестве примера можно привести полную коллекцию книг о Гарри Поттере и его приключениях электронного издательства «Pottermore limited».

Даже любительские версии переводов, на различных сайтах получили право на существование и привлекли внимание фанатов.

В Казахстане, большая часть населения которого владеет русским языком, знакомство с вселенной Гарри Поттера происходило на русском языке. 7 февраля 2021 года у казахстанских читателей наконец-то появилась возможность приобрести первую часть поттерианы на казахском языке. Таким образом, казахстанские издательства официально вступили в негласную гонку по созданию «идеального» перевода знаменитой серии книг. И хотя переводом на казахский язык на сегодняшний момент занимается лишь одно издательство, здесь также не обошлось без споров и критики. Основные претензии, направленные в адрес издательства «Steppe&World», коснулись передачи имен главных героев произведения, некоторые из которых отличаются от «привычных» русскоязычных вариантов. Учитывая актуальность выбранной тематики статьи, авторы ставят перед собой задачу, провести сравнительный анализ переводов на казахском и русском языках, оценить уровень их *эквивалентности*. Под *эквивалентностью* авторы статьи переводческую эквивалентность – реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода [Комиссаров 1990, с. 51]. Однако, принимая во внимание факт наличия в тексте большого количества безэквивалентной лексики, не следует забывать и об оценке такой категории перевода как *адекватность*, которая исходит из того, что решение, принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер, что перевод требует жертв и что в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант) переводчику нередко приходится идти на известные потери [Швейцер 1988, с. 95]. Также многие исследователи отмечают, что классических понятий *эквивалентность* и *адекватность* не достаточно для оценки тех отношений, в которые вступают в процессе перевода текст оригинала и текст перевода. Поэтому авторы статьи оценивают представленные варианты перевода книги с точки зрения их *гармоничности* и *дисгармоничности*. С этой целью Кушникова Л.В. предлагает использовать термин «контур гармоничности перевода», который обозначает, что текст перевода в целом гармоничен тексту оригинала, что процесс взаимодействия языков и культур преодолел препятствия и перешел в контакт и взаимопонимание, взаимообогащение [Кушникова 2009, с. 125–126]. В рамках данной статьи для оценки трех указанных выше категорий авторы проводят анализ переводческих трансформаций, использованных при переводе первой главы книги «Harry Potter and the Philosopher's Stone» издательств «РОСМЭН», «Pottermore limited» (на русс. яз.), и «Steppe&World» (на каз. яз.).

Перевод имен собственных представляет особый интерес для читателей и всегда вызывает множество споров. Рассматривая представленные ниже в таблице варианты, можно отметить, что чаще всего расхождения среди переводчиков касается передачи таких английских дифтонгов как «-eu-», «-ia-»; звука «-u-» в закрытом слоге; сочетания согласных звуков «-ld-» «-lb-», в частности использования буквы -b- в переводе; согласных звуков «-h-», «-j-». В перечисленных случаях переводчики чаще всего прибегают к использованию транслитерации, либо транскрибирования. В некоторых случаях, как, например, с именем *Lily*, казахские переводчики отказываются от транслитерации / транскрибирования и предлагают собственно перевод имени на казахский язык – *Лала* (пер. с каз. яз. – лилия). Не менее интересен перевод имен на казахский язык с использованием казахских специфических букв, в частности звука «-ә-», который в точности передает английский вариант звучания имен *Harry* и *Hagrid* – *Хәрри* и *Хәгрид* соответственно.

Помимо имен собственных автор оригинального текста создает несуществующие локации на территории Англии. Так, например, особо выделяется перевод улицы *Privet Drive* на которой разворачивается развитие событий первой главы. С английского на русский язык *privet* переводится как *бирючина* – вид кустарникового растения, который хоть и похож на *тис*, все же отличается от него.

Таблица 1

Варианты переводов имен собственных и топонимов

№	Оригинал	«РОСМЭН»	«Pottermore limited»	«Steppe&World»
	Dursley	Дурсль <i>транслитерация</i>	Дурслей <i>транслитерация</i>	Дурсли <i>транслитерация</i>
	Dudley	Дадли <i>транскрипция</i>	Дудли <i>транслитерация</i>	Дадли <i>транскрипция</i>
	Petunia	Петунья <i>транслитерация</i>	Петунья <i>транслитерация</i>	Петунья <i>транслитерация</i>
	Harry Potter	Гарри Поттер <i>транслитерация</i>	Гарри Поттер <i>транслитерация</i>	Хәрри Поттер <i>транслитерация</i>
	Albus Dumbledore	Альбус Дамблдор <i>транскрипция</i>	Альбус Думбльдор <i>транслитерация</i>	Албус Дамблдор <i>транскрипция</i>
	McGonagall	МакГонагалл <i>транскрипция</i>	Макгонаголл <i>транскрипция</i>	Макгонагал <i>транскрипция</i>
	Dedalus Diggle	Дедалус Дингл <i>калькирование</i>	Дедал Диггл <i>транслитерация</i>	Дедалус Диггл <i>транскрипция</i>
	Voldemort	Волан-де-Морт <i>контекстуальный перевод</i>	Вольдеморт <i>транскрипция</i>	Волдеморт <i>транскрипция</i>
	You-Know-Who	Вы-Знаете-Кто	Сами-Знаете-Кто	«Аты өшкірдің» (пер. «Гот, чье имя нельзя называть»)

		<i>калькирование</i>	<i>контекстуальный перевод</i>	<i>модуляция</i>
	Lily	Лили	Лили	Лала (пер. – лилия)
		<i>транскрипция</i>	<i>транскрипция</i>	<i>калькирование</i>
	James	Джеймс	Джеймс	Жеймс
		<i>транскрипция</i>	<i>транскрипция</i>	<i>транслитерация</i>
	Hagrid	Хагрид	Огрид	Хэгрид
		<i>транслитерация</i>	<i>калькирование</i>	<i>транслитерация</i>
	Sirius Black	Сириус Блэк	Сириус Блэк	Сириус Блак
		<i>транскрипция</i>	<i>транскрипция</i>	<i>транслитерация</i>
	Privet Drive	Тисовая улица	Бирючинная улица	Қынаағаш көшесі (пер. қынаағаш – бирючина)
		<i>контекстуальный перевод</i>	<i>калькирование</i>	<i>калькирование</i>
	Godric's Hollow	Годрикова Впадина	Годрикова лощина	Годрик ойпаты
		<i>калькирование</i>	<i>калькирование</i>	<i>калькирование</i>

Наибольшую сложность и одновременно профессиональный интерес, представляет собой перевод авторских неологизмов и окказионализмов. Сталкиваясь с переводом данных категорий, переводчику необходимо показать себя не только грамотным профессионалом, но и проявить себя с точки зрения писательского таланта, представив в переводном тексте, что-то не менее креативное и в то же время понятное читателю перевода. В случае с Гарри Поттером Дж. Роулинг создает воображаемый волшебный мир, который полон чудес и магических вещей, определений, заклинаний, которые должны быть переданы читателю на любом языке так, что бы он смог проникнуться атмосферой таинственности, и волшебства.

Также автор позволяет себе заигрывать с языком, создавая такие слова и словосочетания как *unDursleyish*, *owl-free morning*, *Mrs. Next Door* для передачи которых переводчикам необходимо было использовать весь арсенал профессиональных навыков и умений. Равно как и перевод таких неологизмов, как *Muggles* и *the Put-Outer*.

Таблица 2

Варианты переводов авторских неологизмов и окказионализмов

№	Оригинал	«РОСМЭН»	«Pottermore limited»	«Steppe&World»
	unDursleyish	были полной противоположностью Дурслям	это же просто уму непостижимо	Дурсли отбасынан мүлдем өзгеше (пер. – сильно отличались от членов семьи Дурсли)

		экспликация	контекстуальная замена	экспликация
	owl-free morning	лишенное сов утро	бессовно	үкілерден хабарсыз (пер. – без новостей от сов)
		синтаксическое уподобление	калькирование	контекстуальная замена
	Muggle	магл	мугл	магл
		транскрипция	транслитерация	транскрипция
	Mrs. Next Door	соседка	миссис Пососедству	көрші ханым (пер. – соседка)
		модуляция	калькирование	модуляция
	showers of owls	дожди из сов	совопады	үкі аралас жаңбыр (пер. – дождь из сов)
		контекстуальная замена	контекстуальная замена	контекстуальная замена
	the Put-Outer	гасилка	мракер	шакпак (пер. – зажигалка)
		модуляция	контекстуальная замена	деметафоризация

Еще одна неотъемлемая часть любого языка, которая делает его живым и красочным это фразеологизмы и идиомы. Для того, чтобы у читателя перевода возник тот же ассоциативный ряд, что и читателя оригинала, переводчику необходимо провести тщательный поиск эквивалентов, которые в то же время не будут нарушать гармонию оригинального текста и вписываться в его антураж. Здесь особенного успеха переводчики из Казахстана добились при переводе словосочетания *Little tyke – Бұзығым-ай*, что дословно на русский язык можно перевести как *Ты ж мой любимый хулиган*. При переводе данного словосочетания также имеют место быть и предложенные русскоязычными переводчиками варианты: *Ух, ты моя крошка* и *Лапуля моя*. Однако, коннативный смысл того, что отец любит сына, даже несмотря на его шалости, утрачивается, такое обращение может быть направлено к совершенно любому ребенку, но автор оригинального текста делает упор на то, что Дадли весьма капризный и избалованный родителями малыш, что в полной мере раскрывается далее по ходу повествования.

При переводе предложения *The boy who lived!*, казахстанским переводчикам удалось придать даже большую национальную окраску и колорит, чем в оригинале – *Ажал аузынан қалған бала!* – выражение *ажал аузында болу* у казахов означает *быть на краю гибели*, дословно же на русский язык *ажал аузы* переводится как *пасть смерти*. Таким образом, перевод на казахском языке, который на русском языке можно передать как *Мальчик, сбежавший из пасти смерти!* передается адекватно относительно смысла оригинала, но также приобретает дополнительную стилистическую окраску.

Весьма живо и разнообразно переводчики издательства «Pottermore limited» в своем варианте переводе используют сленг и просторечные слова, так *weirdos* передаются как *придурки*, *her crowd* – *гоп-компания*, а словосочетание *some stupid new fashion* – *последний писк какой-то кретинской моды*. В некоторых случаях, для читателей, привыкших к более «интеллигентной» версии издательства «РОСМЭН» и кинематографической экранизации, подобные выражения могут нарушать определенную гармонию, но нельзя отрицать, чтобы подобный вариант звучит живо и даже более жизненно.

Таблица 3

Варианты переводов фразеологизмов и идиом

№	Оригинал	«РОСМЭН»	«Pottermore limited»	«Steppe&World»
	shuddered to think	содрогались при одной мысли	в дрожь бросало	төбе шашы тік тұрады (пер. – волосы на голове встали дыбом)
		<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>
	Little tyke	Ух, ты моя крошка	Лапуля моя	Бұзығым-ай (пер. – Ты ж мой любимый хулиган)
		<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>
	some stupid new fashion	по какой-то дурацкой моде	какой-то кретинской моды	жаңадан ойлап тапқан сәні (пер. – какая-то новая мода)
		<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>опущение</i>
	weirdos	странные типы	придурки	«сәнқойлар» (пер. – модники)
		<i>экспликация</i>	<i>контекстуальная замена</i>	<i>модуляция</i>
	Fear flooded him	Он ощутил, как на него накатывает волна страха	Его обуял страх	Бойын үрей биледі (пер. – паника в глазах)
		<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>	<i>модуляция</i>
	stood rooted to the spot	прирос к земле	прирос к асфальту	сілейіп тұрып қалу (пер. – остолбенел)
		<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>
	a downpour of shooting stars	звездопад	метеоритный дождь	жұлдыз жауған (пер. – звездопад)
		<i>деметафоризация</i>	<i>деметафоризация</i>	<i>деметафоризация</i>
	with her crowd	с такими, как она	с ее гоп-компанией	сіңліңмен байланысты

				(пер. – те, кто связан с сестрой)
		<i>деметафоризация</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>деметафоризация</i>
	his heart sinking horribly	екнуло сердце	оборвалось сердце	жөн шығар (пер. – душа покинула тело)
		<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>	<i>адекватная замена</i>
	he'd just popped out of the ground	будто вырос из-под земли	будто выскочил из-под земли	жер астынан шықты ма дерсін (пер. – будто вышел из-под земли)
		<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>
	But that's no reason to lose our heads	Но это не оправдывает тех, кто потерял голову	Но это не повод терять голову	Бірақ ол шектен шығуға сылтау емес (пер. – но это не повод впасть в крайности)
		<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>модуляция</i>
	The boy who lived!	Мальчик, который выжил!	Мальчик, который остался жив!	Ажал аузынан қалған бала!
		<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>адекватная замена</i>
	he had hands the size of trash can lids	ладони были размером с крышки от мусорных баков	лапищи размером с крышку мусорного бака	қолы күректей (пер. – руки размером с лопату)
		<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>адекватная замена</i>
	his feet in their leather boots were like baby dolphins	а обутое в кожаные сапоги ступни — величиной с маленьких дельфинов	ноги в кожаных сапогах, похожие на дельфинят-подростков	шелектей аяғына былғары етік киген адам жабайы алыпта р сияқты көрінеді екен (пер. человек, обутой в кожаные сапоги на платформе выглядел, как настоящий гигант)
		<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>синтаксическое уподобление</i>	<i>модуляция</i>

Вышеизложенные комментарии, относительно варианта перевода, предложенного электронным издательством «Pottermore limited» также можно адресовать и к переводу речи

одного из самых ярких персонажей поттерианы – лесничего Хагрида. Именно смелость и живость языка перевода издательства «Pottermore limited», по субъективному мнению авторов настоящей статьи, позволяет наиболее полно, ярко и колоритно изобразить характер героя: его малообразованность, но в то же время доброту и простодушие, а также, немаловажно, уважение, с которым он относится к профессору Дамблдору. Здесь этот просторечный говор пришелся весьма к месту.

Таблица 4

Варианты переводов речи Хагрида

№	Оригинал	«РОСМЭН»	«Pottermore limited»	«Steppe&World»
	No, sir — house was almost destroyed, but I got him out all right before the Muggles started swarmin' around	Да не очень, сэр, от дома, считайте, <i>камня на камне не осталось</i> . Маглы это заметили, конечно, но я успел забрать ребенка, прежде чем они <i>туда нагрянули</i>	Нет, сэр. Дом <i>раздолбалю</i> , но мальчика удалось вытащить, пока муглы <i>не понабежали</i>	Иә, мырза, үй <i>жермен-жексен болыпты</i> (пер. – сравняли с землей). Маглар <i>барып араламай тұрғанда</i> (пер. – пока не пришли) оны алып шығуға үлгердім
		<i>метафоризация / модуляция</i>	<i>контекстуальная замена / модуляция</i>	<i>метафоризация / деметафоризация</i>
	Lily an' James dead — an' poor little Harry off ter live with Muggles	Лили и Джеймс <i>умерли</i> , а <i>мальш</i> Гарри, <i>бедняжка</i> , теперь будет жить у маглов	Лили с Джеймсом <i>померли...</i> А <i>мальша</i> Гарри отправляют к муглам	Лала мен Джеймс <i>жоқ</i> (пер. – нет), <i>байғұс</i> (пер. – бедолага) Хэрри болса маглармен <i>тұратыны қандай өкінішті</i>
		<i>синтаксическое уподобление / синтаксическое уподобление</i>	<i>окказиональное соответствие / опущение</i>	<i>грамматическая замена / окказиональное соответствие</i>
	G'night, Professor McGonagall — Professor Dumbledore, sir	<i>Доброй ночи</i> вам, профессор МакГонагалл, и вам, профессор Дамблдор	<i>Д'зданья</i> , профессор Макгонаголл... профессор Думбльдор, <i>сэр</i>	<i>Қайырлы түн</i> , профессор Макгонагалл, Дамблдор <i>мырза</i>
		<i>деметафоризация</i>	<i>калькирование</i>	<i>деметафоризация</i>

В заключении, в первую очередь необходимо отметить, что, несмотря на то, что переводчики ориентировались на представителей разных национальностей (казахской и русской), они преследовали одни цели и задачи – сохранить идею автора, его стиль, передать отсутствующие элементы культуры, и самое главное, погрузить читателя в мир

волшебства, таинственности и сказочности. Переводчиками использовались разные способы достижения *эквивалентности*, *адекватности* и, как следствие *гармоничности* переводов, которые в конечном итоге были достигнуты во всех трех вариантах. Это хорошо прослеживается через переводческие трансформации, использованные при переводе (см. табл. 1, 2, 3, 4). Все три варианта перевода понятны, передают основную идею и замысел оригинального произведения, в полной мере воспроизводят текст оригинала. Переводчики учитывают культурные особенности, как языка оригинала, так и языка перевода, соответствуют структуре оригинального текста. Однако, присутствуют некоторые отличительные особенности в стилистике переводов, в частности отмечен большой контраст переводов издательств «РОСМЭН» и «Steppe&World» с вариантом перевода издательства «Pottermore limited». Переводчики данного издательства стремились к созданию так называемого подстрочного перевода, что в некоторых моментах отдаляет перевод от стиля оригинала. Всевозможные варианты перевода с использованием просторечных и даже несколько жаргонных выражений, таких как *придурки*, *дурацкая*, *гон-компания* и др., идут в разрез с активным словарем писательницы, которая, в первую очередь, ориентировалась на детскую аудиторию. Все это делает вариант перевода издательства «Pottermore limited» более «взрослым» по сравнению с оригинальным произведением. Однако, как уже было отмечено выше, данная стилистическая особенность позволила с удивительной точностью передать речь и в целом образ лесничего Хагрида.

В свою очередь перевод издательства «РОСМЭН», переводчики которого в первую очередь стремились передать необычную и волшебную атмосферу произведения, сохраняя при этом авторские выражения, игру слов и др., часто прибегали к экспликации, тем самым нагромождая текст перевода, усложняя его конструкцию, чего можно избежать, используя прием введения переводческих комментариев. Но, это не помешало данному переводу стать одним из самых популярных и предпочитаемых множеством русскоязычных читателей не только в России, но и в русскоговорящих странах. Во многом благодаря его близости «духу» и атмосфере оригинального произведения.

Перед казахстанскими переводчиками стояла весьма сложная задача представить читателю перевод произведения, с которым большая часть аудитории уже знакома и знакомство это происходило на другом языке, через другую культуру, поэтому некоторые моменты, как, например перевод имен главных героев широко обсуждались, и споры до сих пор не затихли. Необходимо также помнить, что синтаксический строй казахского предложения хоть и схож с английским предложением – порядок слов в них фиксированный, однако, глагол в казахском предложении всегда стоит в конце, что требует от переводчика приложить определенные усилия для передачи оригинального текста в

переводе. Многие из рассмотренных выше вариантов перевода, предложенных казахскими переводчиками, такие как *төбе шашы тік тұрады*, *Бұзығым-ай*, *мырза* (уважительное обращение у казахов, аналог сэр), помимо точной передачи авторского замысла, также придают произведению местный колорит, делают текст произведения ближе к культуре читателя.

Список литературы:

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Кушникова Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009. 196 с.
- Роулинг Дж.К.* Гарри Поттер и философский камень / пер. И. Оранского в обработке М. Литвиновой. М.: Росмэн, 2001. 398 с.
- Роулинг Дж.К.* Гарри Поттер. Полная коллекция. – «Pottermore limited», – 1997–2007. 3520 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Роулиң Ж.* Хэрри Поттер мен пәлсапа тас / пер. С. Мұхамедияр, Д. Мәзен, Н. Берікқызы. Алматы: Steppe&World Publishing, 2020. 324 б.
- Rowling, J.K.* Harry Potter and the philosopher's stone. London: Bloomsbury Publishing, 1997. 223 p.

References:

- Barkhudarov L.S.* Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda [Language and Translation: General and Special Translation Theory Issues]. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Theory of Translation (Linguistic Aspects)]. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 p. (In Russian).
- Kushnikova L.V.* Teoriya garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva [Harmonisation theory: Experiencing a cognitive analysis of the translation space]. Perm', 2009. 196 p. (In Russian).
- Rowling Dzh.K.* Garri Potter i filosofskii kamen' [Harry Potter and the philosopher's stone] / per. I. Oranskogo v obrabotke M. Litvinovoi. M.: Rosmehn, 2001. 398 p. (In Russian).
- Rowling Dzh.K.* Garri Potter. Polnaya kolleksiya [Harry Potter. Complete edition]. – Pottermore limited Publishing, – 1997–2007. 3520 p. (In Russian).
- Rowling, J.K.* Harry Potter and the philosopher's stone. London: Bloomsbury Publishing, 1997. 223 p.
- Roýliń J.* Hárri Potter men pálsaпа tas. [Harry Potter and the philosopher's stone] / S. Muhamediar, D. Mázen, N. Berikqyzy. Almaty: Steppe&World Publishing, 2020. 324 p. (In Kazakh).
- Shveitser A.D.* Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty [Translation theory: status, problems, aspects]. M.: Nauka, 1988. 215 p. (In Russian).

*Пак Александр Леонидович
Селезнева Александра Ильинична*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Pak Alexander
Selezneva Alexandra*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕВОДЧИКА

PRONUNCIATION NORM OF INTERPRETERS: FEATURES OF FORMATION

Дидактика перевода – наука, занимающаяся теоретическими разработками в сфере преподавания перевода, а также созданием упражнений, нацеленных на формирование определенных компетенций, которые необходимы переводчикам. Авторы статьи говорят о подготовке устных переводчиков и уделяют особое внимание фонетической составляющей специалиста межъязыкового общения. Изучение подходов к формированию таких компетенций до сих пор являются актуальными. Это обусловлено необходимостью сформировать личность переводчика, который будет успешно выполнять работу в новых реалиях, умело отвечая на вызовы современности. Во время пандемии COVID-19 были отменены почти все очные конференции, что потребовало от специалистов организовать свою работу по-новому. Во время удаленной работы как никогда необходима четкая дикция, артикуляция звуков, правильно поставленный голос, правильное дыхание, ровный тембр и интонационный диапазон. В статье мы рассмотрим упражнения, которые смогут помочь выработать вышеперечисленные навыки. Мы рассмотрим некоторые методы постановки речи, дикции и голоса, описанные К.С. Станиславским в двух томах его труда «Работа актера над собой».

Translation didactics is a field of study that deals with theoretical developments of teaching translation and interpreting. Experts also work on the creation of exercises aimed at developing certain competencies necessary for translators and interpreters. The authors of the article talk about interpreter training and pay special attention to the phonetic component of a specialist in interlingual communication. Approaches to the formation of such competencies are still relevant. Such research is necessary in order to form the personality of an interpreter who will successfully perform his or her work in the new realities and will be able to face challenges of our time. During the COVID-19 pandemic almost all face-to-face conferences were canceled. That required specialists to organize their work in a new way. During remote work clear diction, good articulation of sounds, trained voice, proper breathing, pitch and intonation range are needed more than ever. In this article we will examine the exercises that can help develop the above-mentioned skills. We will consider some methods of voice-training, pronunciation and diction described by Konstantin Stanislavsky in two volumes of his work “An Actor Prepares”.

Ключевые слова: дидактика перевода, подготовка устных переводчиков, фонетика, система Станиславского, удаленный перевод.

Key words: translation didactics, interpreters training, phonetics, Stanislavsky system, remote translation.

Дидактика – это раздел педагогики, связанный с вопросами обучения и воспитания. Дидактика перевода в современном мире стала востребованной областью педагогических знаний с связи с необходимостью подготовки специалистов в данной сфере. «Дидактика перевода изучает процесс формирования личности, обладающей особыми компетенциями, особыми психическими свойствами, сознающей свой особый социальный статус» [Гарбовский, 2017, с. 214].

Дидактика перевода является самостоятельной наукой, которая занимается теоретическими разработками в сфере изучения и преподавания переводу, а также разработкой упражнений и дидактических пособий для студентов, овладевающих навыками переводческой деятельности. Для разных видов перевода необходима определенная совокупность знаний и умений, которые сделают возможным качественное выполнение работы, то есть набор переводческих компетенций.

В.Н. Комиссаров пишет, что переводческие компетенции включают в себя языковую, текстообразующую, коммуникативную, техническую и личностную компетенции [Комиссаров, 2011, с. 326–330].

В данной статье мы остановимся на подготовке устных переводчиков. Известно, что для работы устным переводчиком необходимо тренировать краткосрочную и долгосрочную память, развивать стрессоустойчивость и умение концентрировать внимание и т.д. Мы хотели бы обратить внимание именно на фонетическую культуру специалиста устного перевода. У устного переводчика должна быть хорошая фонетическая подготовка, а именно: хорошо поставленная дикция, грамотная речь, знание орфоэпических норм, а также переводчик должен уметь правильно интонировать текст. Таким аспектам необходимо уделять время как на занятиях по риторике, так и на занятиях по языку. Следует проводить интонационные тренинги, необходимо заниматься постановкой дыхания, учить студентов избегать хезитационных пауз, так как в противном случае будет происходить затемнение смысла высказывания. Будущие переводчики должны внимательно относиться к подобному рода заданиям, ведь если акценты в предложении будут расставлены неправильно, то меняется смысл высказывания, а также возникнет сомнение в профессионализме специалиста.

Актуальность исследования связана с тем, что подходы к формированию и совершенствованию различных компетенций переводчика до сих пор являются темой различных научных дискуссий. Данные дискуссии обусловлены задачей сформировать личность будущего специалиста, который будет успешно выполнять работу в постоянно меняющемся мире и станет востребованным на рынке труда, отвечая на вызовы современности.

Во время пандемии COVID-19 были отменены почти все очные заседания, конференции и переговоры, что потребовало от специалистов организации труда в новых реалиях.

Постепенно стали внедряться способы проведения удаленных мероприятий с использованием новых технологий. Устный переводчик столкнулся с вызовами, характерными для работы в новой реальности, а именно: недостаточно хороший звук,

плохая звукоизоляция, отсутствие устойчивого Интернет-соединения, отсутствие привычного оборудования (переводческой кабины). Как следствие, переводчик сталкивается с большим количеством отвлекающих факторов, которые могут влиять на процесс перевода и мешать концентрации внимания. Зачастую у оратора нет подходящего микрофона или наушников, которые смогли бы улучшить звучание речи. Даже самым опытным переводчикам было сложно обеспечивать оптимальный перевод, так как слова, произносимые оратором, звучали неотчетливо. Например, очень легко упустить частицу «не», если качество звука не соответствует адекватному уровню. Это может привести не только к смысловым потерям, а также к искажению смысла высказывания.

При вышеупомянутых трудностях становится ясно, что если фонетические и фонационные навыки развиты неправильно, то восприятие речи переводчика становится еще сложнее.

Согласно многим теоретикам перевода, обучение переводу делится на два этапа: подготовительный и основной.

И.С. Алексеева в книге «Профессиональный тренинг переводчиков» пишет, что «подготовительный этап – это усиленное изучение иностранного языка (или двух языков), с которого и на который переводчик будет учиться переводить. Активно осваиваются жанры устной речи на родном языке. Студенты учатся произносить речи на разные темы, давать и брать интервью и т.п.» [Алексеева, 2001, с. 27].

В формировании же дикции, артикуляции, ровного тембра и интонационного диапазона следует обратить внимание на методы, используемые в подготовке актеров театра и кино. Главным среди них является метод великого русского режиссера и преподавателя Константина Сергеевича Станиславского.

«Система Станиславского» подробно описывает процесс постановки голоса и речи у актеров театра. С самого начала обучения «система» отмечает важность развития фонационных и дикционных навыков, так как именно они влияют на восприятие и понимание текста драматического произведения аудиторией.

Развитие голоса и его основных характеристик – очень длительный процесс, требующий систематической тренировки голосового аппарата. Основное внимание в этом процессе уделяется избавлению от мышечных зажимов и развитию яркого и глубокого тембра.

«Физические изъяны в частной жизни проходят незамеченными. Они сделались для нас нормальными, привычными явлениями» [Станиславский, 2015, с. 12].

В повседневной жизни голосовой аппарат используется не в полной мере. Его тембральные и динамические характеристики не достигают оптимальной величины. В

разговорной речи чаще используются небольшой интонационный диапазон, короткие фразы и средний или низкий уровень громкости. Информация в таком диалоге воспринимается контекстуально и не требует стабильного звукоизвлечения, четкого произношения и широкого интонационного диапазона. В связи с этим у некоторых людей возникают мышечные зажимы и проблемы с фонацией. К распространенным проблемам с фонацией можно отнести недостаточную громкость и отсутствие резонанса в звуке, тремоляцию, гнусавость и неконтролируемое придыхание.

Зачастую эти проблемы и зажимы принимаются как должное. Они становятся привычкой и принимаются человеком как неотъемлемая часть их голосовой природы.

«Физические изъяны в частной жизни проходят незамеченными. Они сделались для нас нормальными, привычными явлениями» [Станиславский, 2015, с. 12].

Однако с вышеуказанными проблемами и зажимами можно бороться.

«Система Станиславского» впервые соединяет опыт учителей дикции и учителей пения того времени. Метод учителей дикции, по мнению Станиславского, закрепощает голос учащегося и делает его тусклым и «стучащим», так как концентрируется только на четком и ясном произношении согласных. Вокальный метод развития голоса в свою очередь концентрируются больше на развитии яркости, глубины и протяженности звуков путем тренировки гласных, что приводит к искажению смысла и излишней «манерности» в представлении авторского текста.

«...при пении нередко голоса ставятся правильно на гласных звуках, а на согласных – неправильно, тогда как [на занятиях по] дикции, наоборот, на гласных – неправильно, а на согласных – правильно» [Станиславский, 2015, с. 55].

В понимании Станиславского два этих метода нельзя разделять. Использование только вокального метода в постановке голоса приводит к появлению неуместной декламационной напевности, а использование дикционного метода – к тусклому тембру, форсированию звука²⁹ и неуместным выкрикам, которые будут компенсировать недостаток яркости и громкости.

Для тренировки протяженности, яркости и глубины гласных «система» предлагает упражнение на развитие верхних резонаторных ощущений в области носа и придаточных полостей (гайморовых пазух), в области так называемой «маски».

²⁹ «Под форсированным звучанием голоса следует понимать не просто громкое пение, а такое, при котором голосовой аппарат работает с явным перенапряжением. Для некоторых певцов с большими голосами громкое пение вполне естественно. Форсированность звучания определяется не абсолютной громкостью звука, а чрезмерной его силой для данного индивидуума, что сказывается на тембре. Форсированное звучание приводит к потере наиболее “красивых” колебаний голосовых складок, которые рождают лучшие тембровые качества голоса» [Дмитриев, 2004, с. 353].

«Я ставлю звук при пении совершенно так же, как это делают больные или спящие при стоне, с закрытым ртом. Направив таким образом звук в маску и в носовые раковины, я открываю рот и продолжаю мычать, как раньше. Но на этот раз прежний стон превращается в звук, свободно выходящий наружу и резонирующий в носовых раковинах или в других верхних резонаторах маски» [Станиславский, 2015, с. 57].

Это упражнение традиционно используется вокалистами для увеличения яркости тембра и нахождения резонаторных ощущений в головных резонаторах^{30,31}. Крупнейший исследователь в области вокального искусства, профессор ГМПИ имени Гнесиных Леонид Борисович Дмитриев пишет об этом упражнении следующее:

«[Пение] на звонкие согласные **м** и **н** (“мычание” и “нычание”), когда рот закрыт и звук идет через носовые ходы, что приводит к сильному сотрясению стенок полостей верхнего резонатора даже в том случае, когда высокие частоты выражены слабо. Эти приемы помогают ученику понять, какого ощущения следует добиваться при пении» [Дмитриев, 2004, с. 286].

В рамках «системы Станиславского» упражнение на сонорные звуки **м** и **н** **не подразумевает пение мелодий по нотам**. Можно просто «мычать» или «нычать» на неопределенных звуковых частотах.

Так, вышеуказанное упражнение описывается в «Работе актера над собой в творческом процессе воплощения» К.С. Станиславского:

«Оказывается, что вначале, при постановке звука, лучше всего тихо мычать в поисках правильного упора.

Первое время я тянул лишь одну, две, три ноты медиума, упирая их во все точки резонаторов маски, которые мне удавалось ощущать внутри. Это была долгая, трудная и пытливая работа... В конце концов от долгого упражнения набилась привычка, и я научился с помощью каких-то приемов правильно ставить две-три ноты, которые, как мне казалось, звучали по-новому полно, компактно, металлически, чего я не замечал в себе раньше» [Станиславский, 2015, с. 59].

Помимо увеличения яркости и глубины звука при постепенном раскрытии рта во время «мычания» выравнивается звучание гласных. Гласные звуки образуются в одной позиции голосового аппарата, что делает ваш голос стабильным, глубоким и однородным.

³⁰ «Под **резонатором** (выделено мной – А.П.) в акустике понимается объем воздуха, заключенный в упругие стенки. Характерное свойство резонатора – его отзвучивание, резонирование на звук определенной высоты, совпадающей с его собственным тоном или его обертонами. Чем меньше размеры резонатора, меньше объем воздуха, тем выше собственный тон резонатора, на который он отзвучивает» [Дмитриев, 2004, с. 281].

³¹ «Под **головными резонаторами** (выделено мной – А.П.) мы понимаем только полости, расположенные выше небного свода, в лицевой части головы, в области “маски”» [Дмитриев, 2004, с. 283].

«Было ясно, что с помощью тихого мычания можно не только развить звук, но и сравнить все ноты на гласных. А как это важно! Как неприятны пестрые голоса, в которых [звук] **А** вылетает из живота, [звук] **Е** - из голосовой щели, [звук] **И** – протискивается из сдавленного горла, [звук] **О** гудит, точно в бочке, а **У, Ы, Ю** попадают в такие места, из которых их никак не вытащишь» [Станиславский, 2015, с. 61].

В разделе, рассказывающем о дикции, «система Станиславского» предлагает задуматься о правильной артикуляции и произношении согласных звуков. По мнению Станиславского в повседневной жизни люди искажают большинство согласных звуков.

«Мы не чувствуем своего языка, фраз, слогов, букв и потому легко коверкаем их: вместо буквы **Ш** про износим **ПФА**, вместо **Л** говорим **УА**. Согласная **С** звучит у нас как **ЦС**, а **Г** превращается у некоторых в **ГХА**. Прибавьте к этому оканье, аканье, шепелявость, картавость, гнусавость, взвизгивание, пiski, скрипы и всякое косноязычие» [Станиславский, 2015, с. 64].

По мнению театральных педагогов Н.П. Вербовой, О.М. Головиной и В.В. Урновой подобные речевые недостатки (неверное произношение отдельных звуков) следует исправлять отдельно, работая над произношением каждого звука отдельно и в слогах, чтобы через правильную артикуляцию добиться верного звучания. Затем правильно поставленный звук отрабатывается на словах и в фразах. В тренировке дикции следует также обратить внимание на соединение и слияние слов в предложении.

Пример поэтапной тренировки согласных звуков из учебного пособия для театральных вузов:

«Упражнения для тренировки согласных звуков.

Звуки Б, П.

Упражнение 1.

Сделайте несколько упражнений для тренировки губ. Произносите поочередно звуки:

Б–П Б–П Б–П и П–Б П–Б П–Б

Четко различайте звонкий Б и глухой П.

Упражнение 2.

Тренируйте Б и П в сочетании с гласными. Следите не только за четкостью произнесения согласных, но и за точным звучанием гласных звуков.

БИ – ПИ БИ – ПИ БИП

БЭ – ПЭ БЭ – ПЭ БЭП
БА – ПА БА – ПА БАП
БО – ПО БЕ – ПЕ БОП
БУ – ПУ БЮ – ПЮ БУП
БЫ – ПЫ БИ – ПИ БЫП
БИ – БИ – БИ – БИ – БИП
БЭ – БЭ – БЭ – БЭ – БЭП
БА – БА – БА – БА – БАП
БО – БО – БО – БО – БОП
БУ – БУ – БУ- БУ – БУП
БЫ – БЫ – БЫ – БЫ – БЫП

Упажнение 3.

Тренируйте звуки Б и П в словах:

БИТВА

БЫЛЬ

БОЛЬ

БАРАБАН

БОЛЬШЕВИК

БАШНЯ

БАЙРОН

БУНТ

БРАТ

ПОЛЕ

КОПНА

ПОКОС

ПЛОЩАДЬ

ПАПОРОТНИК

ПОПОНА

ПОТОК

КОПЫТА

ПЕСНЯ

Упражнение 4.

Произнесите следующие пары слов. Обратите внимание, как изменяется смысл слова при оглушении звонкого согласного звука:

БОРТ – ПОРТ
БАЛКА – ПАЛКА
БЫЛЬ – ПЫЛЬ
БРАГА – ПРАГА
БАР – ПАР

Упражнение 5.

Тренируйте четкость произнесения Б и П в текстах. Произносите медленно.

Был бы бык, а мясо будет.

Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка белая губа была тупа.

В поле полет Поля просо.

Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком.

Жил был поп, толоконный лоб.

Попадья Балдой не нахвалится.

Глядь – поверх текучих вод

Лебедь белая плывет»

[Вербовая и др., 1977, с. 18–19].

Таким образом, стоит отметить, что данные упражнения позволяют улучшить фонетические навыки будущих переводчиков, а также дают возможность студентам осознать необходимость постановки произношения и дикции.

Список литературы:

- Вербовая Н.П.* Искусство речи (Учебное пособие для театральных ВУЗов) / Н.П. Вербовая., О.М. Головина, В.В. Урнова. М.: Искусство, 1977. 126 с.
Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. 214 с.
Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики. М.: Музыка, 2004. 368 с.
Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш.шк., 2011. С. 326–330.
Станиславский К.С. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.

References:

- Dmitriev L.B.* Osnovy vokal'noj metodiki [Fundamentals of vocal technique]. М.: Muzyka, 2004. 368 p. (In Russian).
Garbovskij N.K. Teoriya perevoda [Translation theory]: uchebnik. 2-e izd. М.: Izd-vo Mosk.un-ta, 2007. 214 p. (In Russian).

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. M.: Vyssh.shk., 2011. P. 326–330. (In Russian).

Stanislavskij K.S. Rabota aktyora nad soboj v tvorcheskom processe voploshcheniya [The work of an actor on himself in the creative process of incarnation]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 416 p. (In Russian).

Verbovaya N.P. Iskusstvo rechi [The Art of Speech] (Uchebnoe posobie dlya teatral'nyh VUZov) / N.P. Verbovaya., O.M. Golovina, V.V. Urnova. M.: Iskusstvo, 1977. 126 p. (In Russian).

Разумовская Вероника Адольфовна
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Тарасенко Татьяна Васильевна
Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск (Россия)

Razumovskaya Veronica
Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

Tarasenko Tatiana
Reshetnev Siberian State University
of Science and Technology
Krasnoyarsk (Russia)

«СИЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ ЛИТЕРАТУРЫ В СВЕТЕ НЕОКАТЕГОРИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

“STRONG” FICTION TEXTS IN THE LIGHT OF LITERARY TRANSLATION NEOCATEGORIES

Исследование обращается к некоторым вопросам появления и существования в границах центра переводной аттракции иноязычных и иносемиотических версий «сильного» оригинала. Системно-структурные отношения примарного текста и его вторичных вариантов различной семиотической природы рассматриваются в контексте понятий информационной неисчерпаемости художественного оригинала и переводной множественности, понимаемых как неокатегории переводоведения. Специальное внимание уделяется понятиям переводной множественности и повторного перевода (переперевода). В статье используется понятие «сверхтекста», представляющего сложный поликодовый и полимодальный семиотический объект, позволяющий в предельно полном объеме воссоздать информационный потенциал вербального оригинала и увеличить степень его переводимости и, соответственно, переведенности. Предлагаемая рабочая гипотеза «сверхтекста» рассматривается на материале известной трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

The research addresses some issues of appearance and existence of foreign-language and other semiotic versions of a “strong” original fiction text within the boundaries of a center of translation attraction. The system-structural relations of a primary text and its secondary variants of various semiotic nature are considered in the context of the concepts of information inexhaustibility of an original text and translational multiplicity, understood as neocategories of Translation Studies. Special attention is paid to the concepts of translational multiplicity and retranslation. The article uses the concept of “supertext”, which is considered as a complex polycode and polymodal semiotic object allowing to recreate the information potential of the verbal original in the fullest possible extent and increase the degree of its translatability and, accordingly, translatedness. The proposed working “supertext” hypothesis is considered on the material of the famous tragedy by W. Shakespeare “Romeo and Juliet”.

Ключевые слова: культурное достояние, неисчерпаемость художественного оригинала, информационная неоднозначность, переводческая множественность, центр переводной аттракции, повторный перевод.

Key words: cultural heritage, fiction original inexhaustibility, informational ambiguity, translation multiplicity, center of translation attraction, retranslation.

Не отказываясь от поиска ответов на классические «вечные» вопросы, современное переводоведение регулярно обращается к новым объектам и демонстрирует расширение

категориальной парадигмы, что обусловлено качественными изменениями переводческой деятельности, стоящими перед теоретиками и практиками перевода новыми задачами и приобретением науки о переводе междисциплинарного характера [Сдобников, 2019]. Также отметим, что некоторые предложенные понятия и высказанные ранее концепции, оставшиеся пожеланием к использованию, получают в «новейшем» переводоведении новое осмысление и действенное применение. В рамках исследования обратимся к ряду концепций, имеющих методологическое значение для анализа системно-структурной организации центра переводной аттракции, формируемым «сильным» художественным текстом и его вторичными версиями. «Сильный» текст принадлежит к ядру национальных культур и литератур, широко известен представителю «своей» культуры, входит в каноны различных уровней образования и характеризуются высокой реинтерпретативностью – «переводимостью» на языки различных знаковых систем [Кузьмина, 2009].

«Сильный» текст литературы образует обширный центр переводной аттракции, в котором оригинал действует как аттрактор перевода, а генерируемые вторичные версии – полем переводимости, включающим созданные и активно используемые переводы (центр поля) и переводы потенциальные (существующие гипотетически), а также переводы, вышедшие из употребления в силу различных причин (периферия поля) [Razumovskaya, 2019]. Количество вторичных версий оригинала определяет степень его переведенности.

С учетом семиотической природы вторичных версий отметим, что наиболее изученными являются появившиеся в результате межъязыкового перевода иноязычные версии. Прежде всего, в лингвистическом и культурологическом аспектах. Системный аспект, предполагающий взаимодействие иноязычных переводов в пространстве центра переводной аттракции, требует более глубокого изучения. Еще одним вопросом является появление и функционирование вторичных версий оригинала, созданных средствами одной языковой системы. Не вызывает сомнения следующий важный факт: переводчики регулярно обращаются к текстам, уже ставшими классикой перевода и фактом литературы культуры перевода. В данном случае имеет место повторный перевод или переперевод.

Понятие переперевода существовало в переводоведении и ранее, но в настоящее время оно получило новое осмысление. Большое значение для понимания явления переперевода «сильных» текстов литературы имеет рассмотрение повторного перевода («retranslation hypothesis») в работах теоретика и философа перевода А. Бермана. Французский ученый утверждал, что каждый новый перевод становится более удачным и по сравнению с предшествующими версиями в большей мере соответствует оригиналу. Известен тезис Бермана о том, что первые переводы никогда не будут великими [Berman, 1984; Berman, 1990].

В переводоведении явление переперевода наиболее часто рассматривается в сопоставлении со смежным понятием переводной множественности. В настоящей работе переводная множественность рассматривается как наличие у оригинала вторичных версий различной семиотической природы и определяется как гипероним (при понимании перевода в широком значении, включающим три яacobсонских вида перевода). Тогда как переперевод, являющийся повторным переводом оригинала на иностранный язык при факте наличия созданного ранее перевода, понимается как гипоним понятия переводной множественности. При указанных различиях, переводная множественность и переперевод имеют в основе свойство реинтерпретативности «сильного» художественного текста. «Повторные переводы добавляют значимости исходному тексту, свидетельствуя о неугасающем интересе к иноязычному оригиналу как читательской аудитории, так и принимающей культуры вообще» [Шерстнева, 2020, с. 100].

«Сильными» текстами мировой культуры традиционно становятся произведения, которые тематически находятся вне времени, посвящены «вечным» чувствам и ценностям человека, что обеспечивает их информационную «вечность» и непреходящий интерес для многих поколений читателей. Таким текстом уже несколько веков остается трагедия «Ромео и Джульетта», созданная У. Шекспиром и датируемая 1594–1595 годами. История любви юных героев продолжает волновать всех, кто знакомится с пьесой в ее возможных ипостасях, а их имена стали нарицательными и широко известными независимо от факта знакомства с произведением. Образы юных влюбленных продолжают жить не только в англоязычном оригинале, многочисленных иноязычных переводах, но и во вторичных версиях, созданных средствами различных семиотических систем. Являясь регулярным аттрактором перевода, текст пьесы генерирует обширный центр переводной аттракции, в состав которого входят вербальные, невербальные и не только вербальные вторичные версии.

Изучение рецепции шекспировского текста как неотъемлемой части культурного наследия Европы и всего мира предполагает не только собственно научные и критические подходы, но и обязательное обращение к истории создания переводов (в узком и широком смыслах понятия), что позволит точнее определить основные контуры сложного процесса восприятия «сильного» текста культуры и литературы [Cerdá et al., 2017]. Всеобъемлющая история появления, «публикации» и функционирования вторичных текстов «Ромео и Джульетты» еще ждет своего создания. Важную роль здесь может сыграть привлечение технологии Big Data, которая уже принесла интересные результаты в рамках европейского проекта Big Translation History, посвященному сбору, обработке, анализу и интерпретации

данных, отражающих на глобальном уровне «судьбу» текстов переводов в течение продолжительного периода [Roig-Sanz, Fóllica, 2021].

Являясь по происхождению вторичным текстом и обнаруживая в своей основе ряд прецедентных произведений (поэтические и прозаические английские переложения более ранних итальянских повествований о юных влюбленных), пьеса регулярно переводится и перепереводится на языки мира. Используя яacobsonianскую типологию, отметим, что шекспировский текст, созданный на английском языке конца XVI века, неоднократно подвергался внутриязыковому переводу. После появления оригинала с течением времени необходимость создания новых версий на современном для читателей английском языке продолжает усиливаться. Так, издательство «Independently Published» публикует в 2021 году второе издание книги «Romeo and Juliet. Translated into Modern English». В издании представлены параллельные тексты (оригинальный текст Шекспира и версия на варианте современного английского языка С. Хиллза, который указывается как переводчик).

Появление ранних иноязычных версий рассматриваемой пьесы было обусловлено, прежде всего, целями сценических постановок за пределами Англии. Иноязычные версии предназначались для гастролировавших по континентальной Европе бродячих английских актеров и трупп европейских театров. История создания переводов пьесы на каждый иностранный язык также может стать отдельной темой для изучения. Поскольку перевод английского оригинала на иностранный язык определяется как его вторичный текст, то дальнейшая постановка переведенной пьесы становится уже третичной версией и цепочка перевоплощений может быть продолжена. Последовательность возможных версий не составит некий «переводческий меандр» в силу их объективных различий. В данном контексте отметим исследование итальянских переводов, посредством которых герои Шекспира «возвращаются» в культуру действия оригинала пьесы. Объектом монографии стали не только итальянские переводы, но также и их использование для последующих театральных постановок и киноадаптаций в Италии [Manutella, 2013].

Русские переводы шекспировской трагедии появились достаточно поздно и стали известны только с первой половины XIX века. Как первая русскоязычная версия наиболее часто указывается перевод сцен из «Ромео и Джульетты» в авторстве М.Н. Каткова (1838). Фрагментарный перевод выполнен в стихотворной форме и был опубликован в историко-литературном журнале «Московский наблюдатель». Первой полнотекстовой версией стал перевод И.В. Расковшенко (1839), опубликованный в первом российском многотиражном журнале «Библиотека для чтения» и получивший высокую оценку В.Г. Белинского. В дальнейшем авторами переводов стали Н.П. Греков (1862), А.А. Григорьев (1864) и Д.Л. Михаловский (1889), удостоенный за переводы Шекспира Пушкинской премии в 1890

году. Известны версии П.А. Каншина (1893) и А.Л. Соколовского (1894). XX век принес переводы А.Д. Радловой (1934, перевод опубликован под названием «Трагедия о Ромео и Джульетте») и Т.Л. Щепкиной-Куперник (1941). Данный перечень русских переводов не является исчерпывающим, но говорит об устойчивом интересе к «сильному» оригиналу.

Появление каждого русского перевода имеет свою историю. Так, версия Б.Л. Пастернака, появившаяся в 1942 году, и ее ранние редакции обнаруживают разночтения [Луценко, 2016]. Но факт появления еще одного нового перевода продемонстрировал «силу» оригинала и знакомил все новых читателей с шедевром мировой драматургией. Версия Пастернака (при ее широко признаваемой вольности) и спустя многие десятилетия после ее создания продолжает издаваться и сохранять свою популярность у читателей.

Бесспорный интерес представляют высказывания переводчиков, объясняющие причины своих обращений к тексту, который уже неоднократно становился объектом перевода. Так, А.Д. Радлова, автор одного из известных переводов трагедии, пишет: «Что же двигает переводчиком, когда он принимается за произведение, переведенное много раз, как переведен “Гамлет”? Им двигает, его воодушевляет желание в этой открытой стране найти неоткрытые еще сокровища, желание увидеть, услышать и почувствовать то, чем пренебрегли или что ускользнуло от его предшественников» [Радлова, 1934].

Полностью соглашаясь с высказыванием немецкой переводчицы С. Гайер, которая широко известна переводами русской литературы и считает, что каждая эпоха требует своих переводов, отметим, что не остался без новых переводов «Ромео и Джульетты» и XXI век. В 2001 году опубликован перевод О.П. Сороки, выполненный в соответствии с переводческим принципом, предполагающим активное словотворчество и использование переводческой стратегии остранения, что позволяет реконструировать во вторичном тексте прием остранения оригинала. Именно на данную особенность версии Сороки обращает внимание Е.Ю. Куницына: «Переводческий принцип О. Сороки как раз в том и заключается, чтобы... отразить странное шекспировское словотворчество, дать русскому читателю возможность остановиться, зацепиться взглядом за необычное слово так же, как “споткнется”, остановится англичанин, читая Шекспира на родном языке» [Куницына, 2009, с. 271]. В 2010 году появляется версия лингвиста и переводчика А.В. Флоря, доступная в информационно-исследовательской базе данных «Русский Шекспир». Над опубликованной в 2017 году версией пьесы Ю.И. Лифшиц работал десять лет (1993–2003).

Созданный для лондонской сцены, шекспировский текст сохраняет популярность в театрах Англии и в наши дни. Но в истории пьесы были и периоды цензурных запретов, вытеснения оригинала подражаниями, существенных переделок, имеющими различные

финалы и изменения сюжетных линий, что, однако, не повлияло на бесспорно успешную судьбу «сильного» оригинала. Не сходит трагедия и с театральных подмостков мира [Déprats, 2007]. Начиная с первой постановки, наблюдается непрерывный и интенсивный процесс наращивания «театральной» переводной множественности пьесы, поскольку каждый перевод на язык театра имеет свои особенности, обусловленные индивидуальным восприятием оригинала режиссером, его творческими концепциями и предпочтениями, а также различными обстоятельствами каждой сценической интерпретации и воплощения.

Появление вторичных версий оригинала пьесы образно представляет собой каскад бифуркаций, в котором отдельное место принадлежит музыкальным версиям. Если более точно, то это музыкально-вербальные (оперы, песни, мюзиклы, песни) и музыкально-танцевальные (балеты) вторичные тексты. Некоторые из них приобретают огромную популярность и становятся текстами (в широком понимании понятия), посредством которых происходит первое знакомство с шекспировской пьесой. В 2001 году в Париже состоялась мировая премьера мюзикла Ж. Пресгурвика «Roméo et Juliette, de la Haine à l'Amour / Ромео и Джульетта. От ненависти до любви». Мюзикл был поставлен в США, Канаде, Бельгии (2002), России, Венгрии, и Нидерландах (2004), Южной Корее и Мексике (2007), Франции (2010), Японии (2012), Италии (2013) и Казахстане (2017). К концу 2017 года мюзикл исполнялся на более чем 10 языках мира и имел уже более 6,5 миллионов зрителей [Zhang, 2022]. Появившиеся версии мюзикла имеют различия как между собой, так и с оригинальной французской постановкой 2001 года.

Наряду с театральными воплощениями, многовековая история которых берет свое начало с первой лондонской постановки, многочисленной категорией вторичных версий стали киновоплощения, что произошло в XX веке с наступлением эры кинематографа. Создание театральных и киноверсий предполагает представляет собой семиотическую трансформацию монолингвального и мономодального оригинала в полилингвальный и полимодальный эстетический объект, что позволяет визуализировать информацию текста оригинала и расширить границы его переводимости. Опыт межсемиотического перевода показывает, что трансформация связана с изменением нарративного рисунка, элизией или добавлениями, а также адаптацией и прочими информационными процедурами. «Как в театре, так и в кино звуковые знаки (слова, произносимые актерами, их голоса, музыка и другие звуки) и визуальные знаки, такие как костюмы, декорации, освещение, грим, объединяются, чтобы передать смысл. В результате, из-за особенностей каждого носителя, при переходе от художественного текста к текстам театра и фильма может возникнуть необходимость внести коррективы, вырезать части исходного текста и адаптировать его для новой аудитории» [Manutella, 2013, с. 32].

По аналогии с «сильными» вербальными текстами культуры и литературы среди киноверсий выделяются «сильные» кинотексты. Как результат успешного киноперевода, такие тексты очень долго не сходят с киноэкранов, пользуются большой популярностью у зрителей, отмечены наградами престижных кинофестивалей, имеют высокие оценки критиков, становятся регулярным объектом аудиовизуального перевода. Исследования киноадаптаций и справочно-информационных ресурсов сообщают о большом количестве переводов пьесы «Ромео и Джульетта» на язык кино. Различные источники сообщают о более известных 120 экранизациях. Среди вторичных текстов известны экранизации, киноадаптации с различной степенью удаленности от текста оригинала, а также пародии, кинопастиши, мультфильмы, аниме. По истории экранизации пьесы можно проследить все этапы развития искусства кино. Первой экранизацией стал немой черно-белый фильм Ж. Мальеса, снятый во Франции в 1902 году. Не все экранизации, созданные до появления звукового кино известны, поскольку часть версий была утрачена. В 1936 в Голливуде создается первая звуковая экранизация пьесы (режиссер Дж. Кьюкор). Известна экранная версия балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» (режиссер Л. Арнштам, хореограф Л. Лавровский), вышедшая в 1954 году на экраны СССР, в которой роль Джульетты исполнила Г. Уланова. В 1966 году в Великобритании снимается еще одна киноверсия балета Прокофьева (режиссер П. Циннер, хореограф К. МакМиллан). Оскароносный фильм Ф. Дзеффирелли, ставший значительным явлением кинематографа, вышел на мировой экран в 1968 году. «Без внешнего осовременивания итальянскому режиссеру удалось силой своего таланта приблизить шекспировскую трагедию к нашему сегодня, и в этом первая и главная его заслуга перед стратфордским драматургом и современностью» [Юткевич, 1973, с. 123]. Культовую киноверсию с полным правом можно определить как «сильную». Анализируя четыре итальянских экранизации (1954 – «Romeo and Juliet», 1964 – «Romeo e Giulietta», 1968 – «Romeo and Juliet» и 2000 – «Sud Side Stori» годов), определяемых исследователем как переводы (наиболее известными стали англоязычные фильмы Кастеллани и Дзеффирелли), отмечается, что отличиями версий является степень точности использования текста Шекспира, а также прецедентных ему «исходных текстов» [Manutella, 2013, с. 163]. Последней известной стала американская киноверсия (мини-сериал) 2020 года, вышедшая с традиционным названием «Romeo and Juliet».

История создания и функционирования вторичных текстов трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта», обладающей всеми характеристиками «сильного» текста культуры, позволяет сделать предложение о существовании в рамках центра переводной аттракции уникального семиотического объекта, образуемого англоязычным оригиналом и всеми его вторичными версиями, созданными средствами вербальных, невербальных и не только

вербальных семиотических систем. «Сильный» художественный оригинал и его версии взаимодействуют в национальных и мировой культурах, вступая в пролонгированный информационный резонанс и усиливая эстетический потенциал всех элементов системно-структурного семиотического объекта, который может быть определен как «сверхтекст». Указанный объект позволяет предельно увеличить переводимость культового текста и способствует его успешному культурному сохранению.

Список литературы:

- Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2009. 228 с
- Куницына Е.Ю. Шекспир – Игра – Перевод. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. 434 с.
- Луценко Е.М. «...под руку с Морозовым». Разночтения ранних редакций «Ромео и Джульетты» в переводе Б. Пастернака // Зарубежная литература и искусство. 2016. № 2. С. 131–156.
- Радлова А.Д. Как я работаю над переводами Шекспира [Электронный ресурс] // Литературный современник. 1934. № 3. – Режим доступа: http://www.romeo-juliet-club.ru/shakespeare/romeojuliet_radlova1.html
- Шерстнева Е.С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 96–102.
- Юткевич С.И. Шекспир и кино. М.: Наука, 1973. 272 с.
- Berman A. L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984. 320 p.
- Berman A. La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. 1990. № 4. P. 1–8.
- Cerdá J.F. "Romeo and Juliet" in European Culture / Ed. by J.F. Cerdá, D. Delabastita, K. Gregor. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. 331 p.
- Déprats J.-M. Retranslating Shakespeare for the Stage // Through Other Eyes: The Translation of Anglophone Literature in Europe / ed. by R. Trim and S. Alatorre. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 77–86.
- Matunella V. Reclaiming "Romeo and Juliet". Italian Translations for Page, Stage and Screen (Approaches to Translation Studies. Vol. 38). New York: Rodopi, 2013. 266 p.
- Razumovskaya V.A. A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // Mundo Eslavo. 2019. № 18. P. 202–215.
- Roig-Sanz D., Fóllica L. Big translation history // Translation Spaces, 2021. Vol. 10. № 2. P. 231–259.
- Sdobnikov V.V. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges // Russian Journal of Linguistics. 2019. № 23 (2). P. 295–327.
- Zhang Q. Classic French version of "Romeo and Juliet" returning [Электронный ресурс] // Shine, 2017. December 12. – Режим доступа: <https://www.shine.cn/feature/entertainment/1712127709/>

References:

- Berman A. La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. 1990. № 4. P. 1–8.
- Berman A. L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984. 320 p.
- Cerdá J.F. "Romeo and Juliet" in European Culture / Ed. by J.F. Cerdá, D. Delabastita, K. Gregor. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. 331 p.
- Déprats J.-M. Retranslating Shakespeare for the Stage // Through Other Eyes: The Translation of Anglophone Literature in Europe / ed. by Richard Trim and Sophie Alatorre. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 77–86.
- Kunitsyna E.Yu. Shekspir – Igra – Perevod [Shakespeare – Game – Translation]. Irkutsk: Izd-vo Irkytskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. 434 p. (In Russian).

- Kuz'mina N.A.* Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noi interpretatsii [Intertext: The Theme with Variations. The Phenomena of Culture and Language in Intertextual Interpretation]. Omsk: Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. 228 p. (In Russian).
- Lutsenko E.M.* "...pod ruku s Morozovym". Raznochteniya rannikh redaktsii "Romeo i Dzhul'etty" v perevode B. Pasternaka ["... by the arm of Morozov". Discrepancies in the Early editions of "Romeo and Juliet" translated by B. Pasternak] // *Zarubezhnaya literatura i iskusstvo*. 2016. № 2. P. 131–156.
- Matunella V.* Reclaiming "Romeo and Juliet". Italian Translations for Page, Stage and Screen (Approaches to Translation Studies. Vol. 38). New York: Rodopi, 2013. 266 p.
- Radlova A.D.* Kak ya rabotayu nad perevodami Shekspira [How I work on Shakespeare's Translations] [Electronic resource] / A.D. Radlova // *Literaturnyi sovremennik*. 1934. №3. – Available at: http://www.romeo-juliet-club.ru/shakespeare/romeojuliet_radlova1.html (In Russian).
- Razumovskaya V.A.* A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // *Mundo Eslavo*. 2019. № 18. P. 202–215.
- Roig-Sanz D., Fóllica L.* Big Translation History // *Translation Spaces*, 2021. Vol. 10. № 2. P. 231–259.
- Sdobnikov V.V.* Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. № 23 (2). P. 295–327.
- Sherstneva E.S.* Perevodnaya mnozhestvennost' v kontekste ehvolyutsii perevodcheskoi retseptsii originala: kul'turologicheskii i ehticheskii aspekty [Translation Multiplicity in the Context of Original Translation Reception: Culturological and Ethic Aspects] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. Vol. 42. № 3. P. 96–102. (In Russian).
- Yutkevich S.I.* Shekspir i kino [Shakespeare and Cinema]. M.: Nauka, 1973. 272 p. (In Russian).
- Zhang Q.* Classic French version of "Romeo and Juliet" returning [Electronic resource] // *Shine*, 2017. December 12. – Available at: <https://www.shine.cn/feature/entertainment/1712127709/>

Серкова Станислава Евгеньевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Serkova Stanislava
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ-СИНХРОНИСТОВ

AUDIOVISUAL TRANSLATION IN THE SYSTEM OF SIMULTANEOUS INTERPRETERS TRAINING

Специфика осуществления синхронного перевода требует особых, планомерных и тщательных механизмов подготовки будущих специалистов в этой сфере. Особенности данного вида перевода требуют формирования и развития навыков, которые выходят за пределы переводческих компетенций, необходимых для осуществления письменного или устного последовательного перевода. В данной статье приводится пример построения занятия по учебному аудиовизуальному переводу в рамках курса по синхронному переводу и рассматриваются преимущества использования некоторых стратегий аудиовизуального перевода в рамках подготовки переводчиков-синхронистов. Процесс учебного киноперевода, разделенный на несколько этапов, планомерно способствует формированию навыка аудирования, постановке дыхания и дикции, грамотному интонированию, применению лексических и синтаксических трансформаций, компрессии, скорости реакции и развитию навыка работы в режиме многозадачности.

The specific character of simultaneous interpreting requires some particular, gradual and thorough methods of future interpreters training. This type of interpreting requires developing and honing the skills which go beyond the competences necessary for translation or consecutive interpreting. The article provides an example of an audiovisual interpreting class in the frames of a simultaneous interpreters training programme. The article shows numerous benefits of applying the audiovisual translation strategies in the process of simultaneous interpreters training. The process of film translation which is divided in several stages gradually promotes developing of listening and comprehension skills, due breathing and diction, correct intonation, the usage of rewording and transformations, instant response and multitasking.

Ключевые слова: синхронный перевод, дидактика перевода, аудиовизуальный перевод, киноперевод.

Key words: simultaneous interpreting, interpreting and translation didactics, audiovisual translation, film translation.

Специфика осуществления устного синхронного перевода требует особых, планомерных и тщательных механизмов подготовки будущих специалистов в этой сфере. Особенности данного вида перевода требуют формирования и развития навыков, которые выходят за пределы переводческих компетенций, необходимых для осуществления письменного или устного последовательного перевода. «Синхронный перевод – один из сложнейших видов перевода. Главная особенность синхронного перевода заключается в параллельности восприятия речи оратора и порождения речи на языке перевода. Эта особенность синхронного перевода определяет другие особенности этого вида перевода и в первую очередь жесткий лимит времени: на перевод синхронному переводчику отводится

лишь период произнесения речи оратором. Это время в два раза меньше того, которым располагает переводчик при последовательном переводе, и в 20–30 раз меньше, чем при письменном переводе текста той же речи» [Ширяев, 1979, с. 4].

В отличие от письменных переводчиков синхронным переводчикам приходится работать в условиях жесткого дефицита времени, более того, в рамках темпа, навязанного оратором. Соответственно, принимать переводческие решения, осуществлять необходимые синтаксические и семантические трансформации необходимо в доли секунды. Таким образом, помимо знаний, навыков и умений в рамках методологии перевода, будущим переводчикам нужно тренировать навык автоматических переключений, скорость реакции и способность осуществлять несколько действий одновременно.

В условиях вышеупомянутого дефицита времени, в ситуации волнения и многозадачности синхронные переводчики иногда начинают поддаваться давлению переводческой интерференции, что неминуемо влечет за собой большое количество речевых ошибок. «Интерференция может быть обусловлена как воздействием текста оригинала на мышление переводчика, так и доминированием системы одного языка над системой другого в сознании переводчика. Переводческие ошибки возникают на этапе, когда переводчик принимает решение о переводе той или иной единицы ориентирования. Они могут быть обусловлены как неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильным выбором знаков в переводящем языке для оформления единицы перевода» [Гарбовский, 2007, с. 515]. В связи с этим необходимо оттачивать скоростное выполнение различных переводческих трансформаций и речевой компрессии, чтобы преодолеть влияние интерференции и не допустить дословного перевода, нарушающего нормы переводящего языка.

В процессе осуществления своей профессиональной деятельности переводчик-синхронист не располагает возможностью пользоваться справочными материалами для выбора более точного переводческого решения, которое может быть связано с более глубоким пониманием специфики конкретного выступления или темы переговоров и конференций. Процесс ознакомления с материалом и определенной тематикой вынесен в этап подготовки к переводу, а не протекает с ним одновременно, по мере встречающихся в тексте сложностей. Таким образом, совершенно необходимым представляется постоянное расширение кругозора и фоновых знаний, а также развитие и тренировка памяти.

«Процесс овладения синхронным переводом происходит по линии формирования и развития навыков и умений ориентирования в исходном тексте, поиска переводческих решений и их осуществления в условиях параллельного протекания этих процессов, создания механизма синхронизации, рационально распределяющего внимание переводчика

между компонентами деятельности, развития навыков и умений скоростного выполнения переводческих действий и овладения способами (операциями) выполнения действий (речевой компрессией и специфическими приемами лингвистических трансформаций) в зависимости от конкретных условий деятельности» [Ширяев, 1979, с. 111].

Переводчики-синхронисты преимущественно имеют дело с устной речью, в большинстве случаев, это переводы без опоры на текст, за исключением тех случаев, когда материалы для подготовки были выданы заранее. Однако и наличие текста выступления не снимает большинство сложных задач, стоящих перед переводчиком, а иногда еще и является дополнительным отвлекающим фактором, еще одним звеном в цепочке многозадачности, с которой сталкивается переводчик-синхронист. Устная речь, как правило, представляет намного больше сложности для восприятия, по сравнению с письменным текстом. На понимание устной речи влияют личные особенности дикции, темп воспроизведения высказывания, интонирование, фонетические и просодические особенности, связанные с региональным диалектом, а также акцент. Таким образом, развитие навыка аудирования, умение работать с различными акцентами и диалектами, особенно при переводе с иностранного языка на родной, является крайне важным в процессе подготовки переводчиков-синхронистов.

«Способности понимания, т.е. раскрытия существенного в предметах и явлениях, играют значительную роль в деятельности синхронного переводчика. Быстрое, с самого начала выступления оратора, раскрытие мотивов выступающего, цели и общей идеи высказываний, общественного значения данного выступления облегчает переводчику дальнейшее восприятие речи, решение переводческих задач и гарантирует его от серьезных смысловых искажений» [Ширяев, 1979, с. 126]. Понимание коммуникативной ситуации, навык быстрого выбора языковых средств, в зависимости от ситуации общения, способность переключаться между разными регистрами языка, сохраняя не только смысловую, но и стилистический посыл оратора, также являются неотъемлемыми составляющими обеспечения успешного синхронного перевода.

С точки зрения формирования вышеупомянутых знаний, навыков и умений, с учетом совершенствования и появления новых технических средств, в дополнение к классической методике подготовки синхронных переводчиков, разработанной выдающимися советскими исследователями и практикующими переводчиками Г.В. Черновым и А.Ф. Ширяевым, представляется важным и актуальным рассмотреть процесс учебного аудиовизуального перевода, как один из аспектов пропедевтического этапа подготовки переводчиков-синхронистов.

О дидактических преимуществах использования кино на занятиях по устному переводу писал еще переводчик и ученый-переводовед М.Я. Цвиллинг, в первую очередь обосновывая целесообразность использования аудиовизуального материала тем, что он создает в аудитории реальную ситуацию речевого общения, подавляя при этом привычную ролевую ситуацию «студент – преподаватель» и создает обстановку, адекватную профессионально-ролевому поведению устного переводчика. Процесс «аудирования и речь включены в комплексную звуко-зрительную ситуацию, двояким образом стимулирующую обучаемого: во-первых, в плане общечеловеческого, “зрительного” сопереживания, а во-вторых, в плане профессионально-ролевого собственно переводческого поведения. Из сказанного следует, что кино имеет все основания стать постоянной составной частью процесса обучения устному переводу» [Цвиллинг, 1972, с. 110]. М.Я. Цвиллинг предлагал отбирать киноматериалы, которые можно разделить на три группы:

- фильмы с внутрикадровым монологом, где непосредственно есть оратор, высказывающийся на определенную тему;
- фильмы с закадровым монологическим текстом, который озвучивает диктор, например, повествование от лица автора;
- документальные и хроникальные фильмы.

Сабрина Бальдо также рассматривает киноперевод не только как отдельный вид перевода, но и с точки зрения его вклада в формирование навыков, необходимых для осуществления переводческой деятельности в целом. Она полагает, что субтитрование, как один из видов киноперевода, вносит существенный вклад в усвоение некоторых аспектов методологии перевода. Благодаря работе над переводом субтитров, с учетом сильных временных ограничений, студенты развивают навык трансформаций, перефразирования, обобщения, отвлечения от поверхностной структуры текста [Baldo, 2008, с. 94–97].

Отдельные практические упражнения по аудиовизуальному переводу на факультете Высшая школа перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова используются в рамках дисциплины устный синхронный перевод, а также более продолжительно и интенсивно – в формате летней языковой школы, которая традиционно проводится факультетом в г. Комотини (Греция) и призвана развить и нарастить лингвистические и переводческие компетенции.

В качестве материала для аудиовизуального перевода, как правило, выбираются фрагменты из художественных или документальных кинофильмов. Сначала студентам предлагается ознакомиться с этим фрагментом с тем, чтобы определить целевую аудиторию, жанр, понять сюжет, выделить главных героев и антагонистов, продумать их речевой портрет, уловить эмоциональное развитие, выделить конфликты. Так как все эти

факторы влияют на дальнейшие переводческие решения, обуславливают выбор языковых средств, регистра и лексики. Данное задание формирует у студентов навыки предпереводческого анализа материала, учит их осознанно подходить к ознакомлению с тематикой предстоящего перевода, развивает поисковую компетенцию.

Затем, учитывая тот факт, что в данном случае мы рассматриваем киноперевод не только как отдельный вид переводческой деятельности, но в первую очередь как один из аспектов подготовки будущих переводчиков-синхронистов, студентам предлагается самостоятельно создать скрипт просмотренного фрагмента. Художественные фильмы предлагают большое разнообразие акцентов, диалектов, а также фонетических особенностей, которые являются неотъемлемой характеристикой персонажа. С точки зрения фонетической артикуляции особую трудность для восприятия также может представлять усиление глухих согласных, в особенности в «зашумленных» и насыщенных музыкой контекстах, редукция и пропуски гласных и согласных букв, особенно, в быстрой речи. Таким образом, данный этап задания представляет собой интенсивное упражнение на развитие навыка аудирования, причем данное упражнение связано с образным визуальным рядом и особой сюжетной линией, что делает данное упражнение намного более интересным, разнообразным и продуктивным.

Затем студенты начинают переводить данный скрипт по минимальным смысловым отрезкам звучащей речи (перевод осуществляется с паузами после каждой синтагмы без отрыва от видео ряда, так как он неразрывно связан со звуковым рядом и диктует многие переводческие решения). Студенты предлагают различные варианты перевода синтагм и завершенных предложений, обсуждаются использованные лексические и синтаксические трансформации, которые помогают достичь наиболее естественного варианта перевода, отвечающего поставленной драматической задаче. Особую трудность с точки зрения перевода могут представлять нарушения грамматического строя речи, лексико-семантические особенности, например, насыщение речи актуальными разговорными элементами, использование сленга и жаргонизмов в сочетании со специфической терминологией, связанной с определенными изображаемыми в кино отраслями человеческой деятельности. Таким образом, студенты не только отрабатывают применение различных переводческих, лексических и синтаксических трансформаций, что позволяет им избегать дословного перевода в дальнейшем, но и углубляют фоновые знания, связанные с различными областями человеческой деятельности, а также культурологическими особенностями разных стран. «При работе с кино/видео материалом переводчик должен выявлять культурно маркированные элементы в структуре ЛС и изыскивать их аналоги в ПЯ» [Матасов, 2009, с. 11]. К категориям лингвистической

системы, которые могут представлять особую трудность при переводе, Матасов Р.А. относит реалии, имена собственные, идиомы, диалекты, юмор, инвективную лексику, термины, иноязычные вкрапления и контаминированную речь. Некоторые из этих категорий являются еще «культурно маркированными, т.к. обладают свойством накопления культурно значимой информации концептуального характера и являются носителями культурных коннотаций, а потому представляют наибольшую трудность в кинопереводе» [Матасов, 2009, с. 12].

Следующим этапом студентам предлагается озвучить переведенный фрагмент, параллельно производя его редактуру для того, чтобы переведенные реплики можно было уложить в «губы», то есть успеть озвучить, пока актер говорит. Зачастую это оказывается очень непростой задачей и требует от переводчика сильной компрессии, а иногда «кинопереводчик должен освободиться от традиционных воззрений на сущность переводческой деятельности и предлагать неточные варианты перевода по причине навязанных ему пространственно-временных ограничений. Парадокс состоит в том, что эти самые ограничения как раз и являются для переводчика источником свободы. Действительно, чем динамичнее сцена, чем быстрее в ней сменяются планы и выше скорость диалогов персонажей, тем менее точным будет перевод» [Baldo, 2008, с. 95]. Благодаря этому этапу студенты тренируются использовать компрессию, причем так, чтобы не потерять основной смысл высказывания, начинают лучше «чувствовать» смысл речи и посыл оратора.

Далее студентам предлагается осуществить закадровый синхронный перевод без опоры на текст перевода. Подобное упражнение позволяет воспроизвести ситуацию реального синхронного перевода, осложненную высоким и зачастую «рваным» темпом речи, а также фонетическими и просодическими особенностями воспроизведения речи. Выполняя данное упражнение, студенты также тренируют скорость реакции и способность осуществления нескольких действий одновременно. Процесс озвучания, а в данном случае, процесс синхронного закадрового перевода также будет связан с определенными трудностями с точки зрения дикции, интонации и правильного дыхания. Студенты быстро осознают свои недостатки в области артикуляции и дикции и начинают работать над их устранением, они также учатся грамотно распределять дыхание по синтагмам и предложениям, «не задыхаясь», начинают преодолевать хезитационные паузы и избавляться от парафонетизмы, так как во время озвучания художественного фильма они особенно заметны, а также начинают более грамотно использовать возможности собственного голоса, находят комфортный для восприятия слушателя тембр и интонируют в соответствии с нормами родной речи.

В процессе подготовки переводчиков-синхронистов в рамках занятий по устному синхронному переводу на старших – пятом и шестом – курсах, а также в формате летней школы, преподавателям также необходимо способствовать тому, чтобы студенты повышали уровень владения иностранным языком, наращивали лексический запас и использовали продвинутые грамматические конструкции и синтаксические структуры в процессе устной речи. С точки зрения развития языковой компетенции, закрепления в памяти различной лексики и новых языковых оборотов, а также для тренировки синхронного перевода с русского языка на иностранный, в качестве заключительного этапа занятия студентам можно предложить перевести тот же самый фрагмент с русского языка, то есть уже дублированную версию данного кинофильма.

Таким образом, использование некоторых стратегий аудиовизуального перевода и включение занятий по данному виду перевода в курс подготовки переводчиков-синхронистов поможет не только получить базовые сведения об особенностях кино/видео перевода и методах его осуществления, но и, главным образом, будет способствовать развитию и закреплению навыков и умений, необходимых для осуществления устного синхронного перевода. Процесс учебного киноперевода, разделенный на несколько этапов, планомерно способствует формированию навыка аудирования, постановке дыхания и дикции, грамотному интонированию, применению лексической и синтаксических трансформаций, компрессии, скорости реакции и развитию навыка работы в режиме многозадачности.

Список литературы:

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник. 2-е изд. Москва: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
- Матасов Р.А.* Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Матасов Роман Александрович. Москва, 2009. 22 с.
- Цвиллинг М.* Кино на уроке перевода // Тетради переводчика (выпуск 9). М.: Международные отношения, 1972, 120 с.
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Baldo S.* Адаптация: пропедевтический метод обучения переводу [Adaptation: a propaedeutic method for learning how to translate] // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 2. С. 84–103.

References:

- Baldo S.* Adaptatsiya: propedevticheskii metod obucheniya perevodu [Adaptation: a propaedeutic method for learning how to translate] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2008. № 2. P. 84–103.
- Cvilling M.* Kino na uroke perevoda [The film in a translation class] // Tetradi perevodchika (vypusk 9). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1972. 120 p. (In Russian).

Garbovskii N.K. Teoriya perevoda [The theory of translation]. 2-e izd. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).

Matasov R.A. Perevod kino/video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty [The translation of film and video materials: linguistic, cultural and didactical aspects]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Matasov Roman Aleksandrovich. Moskva, 2009. 22 p. (In Russian).

Shiryayev A.F. Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous interpreting. Simultaneous interpreter and methodology of teaching simultaneous interpreting]. M.: Voenizdat, 1979. 183 p. (In Russian).

Трубина Ольга Борисовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Trubina Olga
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

ПОЭЗИЯ МИКЕЛАНДЖЕЛО: О ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

THE POETRY OF MICHELANGELO: ON TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

Статья посвящена анализу поэтического творчества Микеланджело в аспекте перевода на русский язык. Автор рассматривает историю переводов сонетов Микеланджело, например, выполненных Ф. Тютчевым, А.М. Эфросом, А. Вознесенским и др. Отмечаются особенности стиля итальянского поэта и переводческих рецензий. Делается вывод о вкладе поэтических переводов стихов Микеланджело в русскую культуру.

The article is devoted to the analysis of Michelangelo's poetic work in the aspect of translation into Russian. The author examines the history of translations of Michelangelo's sonnets, for example, those made by F. Tyutchev, A.M. Efros, A. Voznesensky and others. The features of the style of the Italian poet and translation receptions are noted. The conclusion is made about the contribution of poetic translations of Michelangelo's poems to Russian culture.

Ключевые слова: Микеланджело, перевод, сонет, метакомментарий.

Key words: Michelangelo, translation, sonnet, metacommentary.

Микеланджело Буонарроти (*Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони; Michelangelo di Lodovico di Leonardo di Buonarroti Simoni*) родился 6 марта 1475 года в городе Капрезе Флорентийской республики. Его творения до сих пор остаются наивысшим достижением искусства Возрождения. Микеланджело прожил долгую жизнь, почти 89 лет – целую эпоху: от периода Высокого Возрождения до начала Контрреформации. До настоящего времени сохранилось множество документов, свидетельствующих о его жизни и творчестве. Микеланджело был первым из западноевропейских художников, биография которого была напечатана еще при его жизни. Гений Микеланджело наложил отпечаток не только на искусство Возрождения, но и на всю дальнейшую мировую и русскую культуру [Вазари, 2018]. Микеланджело – человек культуры Возрождения, его художественное и поэтическое творчество – ярчайший образец той эпохи. До настоящего времени сохранилось около 300 стихотворений Микеланджело. Основные темы его поэзии – любовь, воспевание человека, гения художника; разочарование и одиночество. Отдельно можно выделить его философские стихи и комментарии к художественным работам. Поэтические формы, к которым чаще всего обращался Микеланджело – мадригал и сонет. Р. Роллан замечал, что писать стихи Микеланджело начал рано, в детстве, но их осталось не так много: в 1518 г. он сжег

большинство своих ранних стихов, а еще часть уничтожил уже позже, перед самой смертью [Роллан, 1992, эл. ресурс].

Наиболее ранние из дошедших до нас стихов Микеланджело относятся к началу 1500-х годов, он написал их между тридцатью и сорока годами жизни. Все остальное, около двухсот стихотворений, написано им между сорока пятью и восьмьюдесятью годами; в последнее двадцатилетие: в это время он писал больше всего. При жизни художника его стихи не печатали, первый сборник был издан только в 1623 году его племянником Микеланджело Буонарроти (младшим) под названием «Стихи Микеланджело, собранные его племянником» флорентийским издательством «Джунтине». Буонарроти-младший решил опубликовать стихи, но он пытался их переделывать, кроме того, издание было неполным и содержало неточности. В 1863 году Чезаре Гуасти выпустил в свет первое более точное издание стихов Микеланджело, которое, к сожалению, не было хронологическим. В 1897 году вышло одно из самых полных и известных собраний стихов Микеланджело немецкого искусствоведа Карла Фрея – «Стихи Микеланджело, собранные и прокомментированные доктором Карлом Фреем».

К творчеству Микеланджело обращались многие известные русские поэты. **Федор Тютчев** также переводил сонеты Микеланджело. Его перевод стихотворения «Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» («Ночь» или «Сон») многие поэты и исследователи творчества итальянского художника считают значительным успехом. Этот текст, единственный из переводных, включен в I том издания 1966 года [Тютчев, 1966, с. 164], куда входили только те переводные тексты, «которые могут выдержать сравнение с лучшими образцами оригинальной лирики поэта» [Тютчев, 1966, с. 317]. Русский поэт обратился к творчеству итальянского гения в кульминационной точке развития своего поэтического дара (в 1855 г.), когда ему было уже за пятьдесят лет. Стихотворение «Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» Тютчев переводил четыре раза: один раз на французский язык и три раза на русский, что свидетельствует о высокой значимости для него этого текста:

Молчи, прошу, не смей меня будить.

О, в этот век преступный и постыдный

Не жить, не чувствовать – удел завидный...

Отраднo спать, отрадней камнем быть.

(1855) [Тютчевiana, эл. ресурс].

Этот сонет, наиболее известное стихотворение Микеланджело, – поэтическая параллель, поэтический комментарий художника к его статуе «Ночь» на гробнице Джулиано Медичи. Написано оно в ответ на строки Джованни Строщи по поводу скульптуры «Ночь» в гробнице Медичи. Время написания – предположительно 1545 год: в

1546–1547 гг. сонет уже копируется современниками, ценителями поэзии Микеланджело, например Донато Джаннотти, отрывочно сонет цитируется в публичных лекциях известного гуманиста, флорентийского историка и филолога Бенедетто Варки (1503–1565 гг.). Кроме Ф. Тютчева, это сонет перевели многие другие известные русские поэты, например:

М.А. Кузмин:

*Сон дорог мне, из камня быть дороже,
Пока позор и униженья длятся,
Вот счастье – не видать, не просыпаться!
Так не буди ж и голос с низь, прохожий.*

А. Махов, много переводивший Микеланджело:

*Мне дорог сон. Но лучше б камнем стать
В годину тяжких бедствий и позора,
Чтоб отрешиться и не знать укора.
О, говори потише – дай же спать [Тютчевиана, эл. ресурс].*

Обратился к творчеству Микеланджело, того, в ком «умирал Ренессанс и рождалось барокко», другой великий русский поэт – **А. Вознесенский**. Он предложил свой вариант перевода таких стихов Микеланджело:

В 1975 году:

«**Единственно живой среди неживых...**» / «Dal ciel discese, e col mortal suo, poi...»

[= К Данте]

«**Еще о Данте**» / «Еще о Данте»

«**Истина**» / «Истина»

«**Творчество**» / «Когда скалу мой жесткий молоток...»

«**Фрагмент автопортрета**» / «Фрагмент автопортрета»

В 1992 году:

«**Блаженство – спать, не ведать злобы дня...**» / «Grato m'è'l sonno, e più l'esser di sasso...» [= Ответ Буонаротти]

«**Здесь с копьями кресты святые сходны...**» / «Qua si fa elmi di calici e spade...»

[= Гнев]

«**Уста твои встречаются с цветами...**» / «Quanto si gode, lieta e ben contesta...»

[= Утро]

В 2015 году:

«**Любовь**» / «Скажи, Любовь, воистину ли взору...»

«**Аннабел Ли**» / «До разлуки»

Джованни ди Карло Строщи «**Джованни Строщи на “Ночь” Буонарротти**» / «На статую «Ночь» Микеланджело» [Переводы А. Вознесенского, эл. ресурс].

Как видим, обратился **А. Вознесенский** и к стихотворению, которое переводили многие поэты («Ночь»/«Сон»):

Блаженство – спать, не видеть злобу дня,

Не ведать свары вашей и постыдства,

В неведении каменном забыться...

Прохожий, тсс... не пробуждай меня! [Тютчевiana, эл. ресурс].

Большой вклад в «русское прочтение» итальянской поэзии, в том числе и произведений Микеланджело, внесли переводчики. Например, известный поэт-переводчик Е. Солонович, переводивший таких итальянских поэтов, как: Франческо Петрарка, Эудженио Монтале, Данте Алигьери и др. Он предложил переводческую рецепцию таких стихов Микеланджело:

В 1974 году:

«**Для мастера не может быть решенья...**» / «И высочайший гений не прибавит...»

[= «Для мастера не может быть решенья...»]

«**Не правда ли - примерам нет конца...**» / «Не правда ли – примерам нет конца...»

[= «Не правда ли – примерам нет конца...»; «Не правда ли – примерам нет конца...»]

«**О ночь, не спорю – ты черным-черна...**» / «Ночь! сладкая, хоть мрачная пора...»

[= «О ночь, не спорю – ты черным-черна...»]

«**Один пылаю в бесконечной мгле...**» / «Один пылаю в бесконечной мгле...»

[= «Один пылаю в бесконечной мгле...»]

«**Он зрел картины божьего суда...**» / «Dal ciel discese, e col mortal suo, poi...» [= «Он зрел картины Божьего суда...»]

[= «Он зрел картины Божьего суда...»]

«**Порою шар, холодный наш приют...**» / «Порою шар, холодный наш приют...»

[= «Порою шар, холодный наш приют...»]

«**Я побежден. К концу подходит путь...**» / «Я побежден. К концу подходит путь...»

[= «Я побежден. К концу подходит путь...»]

«**Джованни, тому самому, что из Пистойи**» / «Джованни, тому самому, что из Пистойи» [= Джованни, тому самому, что из Пистойи («Я заработал зоб...»)] [Работы

Евгения Солоновича, эл. ресурс].

Приведем пример его перевода знаменитого сонета:

(Non ha l'ottimo artista alcun concetto)

*Для мастера не может быть решенья
Вне мрамора, где кроется оно,
Пока в скульптуру не воплощено
Рукой, послушной воле вдохновенья.*

Микеланджело Буонарроти

Перевод Евг. Солоновича [Buonarroti, эл. ресурс].

Отдельно следует сказать о переводах, сделанных А.М. Эфросом; он перевел наибольшее количество стихов Микеланджело, исследуя при этом все его творчество в целом [Эфрос, 1964]. Эфрос замечал «Поэзия была младшей из микеланджеловских муз, и он держал ее на положении Золушки. Он не любил пускать свои стихи в свет» [Там же]. Делая тонкий и точный анализ поэзии Микеланджело, Абрам Маркович отмечает разнообразие стилистических и художественных истоков его поэзии, индивидуальность и богатство стиля, множество поэтических интонаций: от тонкой лирической до фарсово-комической. Исследователь также выделил важную особенность поэзии Микеланджело – связь стихов итальянского гения с его работами скульптура и художника, и эта связь не только тематическая: «Он обращался со словом с той же непреклонностью, как с мрамором, с красками, со строительным камнем, и ощущал свой стих так же весомо и плотно» [Там же]. При этом А.М. Эфрос приходит к выводу: «особый строй поэтической речи Микеланджело, ее законы, ее обусловленность остались непонятыми и не оцененными [Там же].

Может быть, это и обусловило стремление автора сделать свои варианты перевода. Приведем пример его переводческой рецепции:

(Non ha l'ottimo artista alcun concetto):

*И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, – и лишь это нам*

Рука, послушная рассудку, явит [Buonarroti, эл. ресурс].

На наш взгляд, все стихи Микеланджело можно разделить на две группы: лирические и философские стихи и стихи-комментарии. Вторые есть самокомментарий к его художественным и скульптурным работам, которые необходимо понимать именно как «метакомментарий» к его живописным и скульптурным работам как некому прецедентному тексту невербального характера.

В качестве эксперимента был сделан наш вариант перевода сонета (*Non ha l'ottimo artista alcun concetto*):

<i>Non ha l'ottimo artista alcun concetto c'un marmo solo in sé non circoscrive col suo superchio, e solo a quello arriva la man che ubbidisce all'intelletto.</i> Michelangelo Buonarroti [Buonarroti, эл. ресурс].	Нет замысла великого творца, Что не таился б в глыбе мрамора простой. Убрав все лишнее ведомой разумом рукой, Явил нам мастер совершенство до конца. (перевод мой – О.Т.).

При переводе обращает внимание слово *superchio*: ... А прил. [agg.] *излишний*, *чрезмерный*, В м. [т.], *лишнее п.*, *излишнее п...* [Kovalev, 2007, эл. ресурс] ; *supèrchio* agg. e s. m. – Variante ant. di *soperchio*, *soverchio*: dice che 'l cibo e 'l vestimento *superchio* non è tuo, ma è di colui che ne pate carestia (s. Bernardino); *il pontefice*, ... quando dimostrando *superchia* audacia quando timore, ... *si partì da Bologna* (Guicciardini) [Trecanni, эл. ресурс].

Это слово имеет в итальянском языке книжную окраску, оно вышло из активного употребления, но при этом отражает важный концепт философии Микеланджело. В своем переводе А.М. Эфрос избегает его передачи. В переводе Е. Солоновича оно также отсутствует. Не использовал это слово в своем переводе **В. Иванов**:

Нет замысла, какого б не вместила

Любая глыба мрамора. Творец,

Ваяя совершенства образец,

В ней открывает, что она таила [Buonarroti, эл. ресурс].

Для Микеланджело – важно показать сложное единство разума (*concetto* – идея, понятие) и руки, которая материализует эту идею. В своем варианте перевода мы использовали, с «некоторой потерей смысла», слово *разум*, но сохранили концепт *рука*. Другое слово, которое требует внимания переводчика, – *artista* (художник, артист, мастер), для нас было важно избежать «буквальной трансляции», ведущей к межъязыковой омонимии, поэтому был использован вариант *творец*, как и в поэтическом переводе В. Иванова. Слово *творец* имеет в русском языке следующее значение: **ТВОРЕЦ**, – *рца; м. Высок. 1. Тот, кто творит, создает что-л. творчески; создатель. Самобытный т. Гениальный т. Великий т. литературы. Народ – т. и созидатель. Человек – т. своего счастья. 2. [с прописной буквы] В христианстве: одно из имен Бога. Т. небесный. Клянусь Творцом! Т. все видит* [Кузнецов, 2004, эл. ресурс]. Таким образом, сопоставление – противопоставление (Бог – творец, художник) «сконцентрировано» в одном слове – *творец*.

Возможно, этот сонет стал прецедентным текстом для приписываемого скульптуру высказывания: ... *я беру кусок мрамор и отсекаю все лишнее.*

Нами был сделан также перевод другого сонета – *Colui che 'l tutto fe', fece ogni parte...*:

<i>Colui che 'l tutto fe', fece ogni parte e poi del tutto la piu bella scelse, per mostrar quivi le suo cose eccelse, com'ha fatto or colla sua divin'arte.</i> Michelangelo Buonarroti [Rime di Michelangelo Buonarroti, эл. ресурс].	Кто создал все малое, создал все сущее, Оставив затем исключительно лучшее; Показать тем хотел в человеке суть ценного, Искусством своим он божественным сделал все бренное. (перевод мой – О.Т.).

В этом сонете обращает внимание переводчика архаичная форма *fe'* – ...*Troncamento poet. di fede (da non confondere con fé variante arc. e poet. di fece), comune in molte esclamazioni asseverative arcaiche. alla fé di Dio* [Trecanni, эл. ресурс].

На примере сделанного перевода можно наблюдать важную закономерность: к неизбежным «издержкам» поэтического перевода можно отнести грамматические несоответствия, например: замену предложной конструкции (*per mostrar...*) расщепленной глагольной конструкцией *показать хотел*. Важно при такой замене «минимизировать потери смысла»: итальянский предлог *per* может выражать значение цели (как и русские предлоги *для, ради*), но это же значение можно передать расщепленной глагольной конструкцией. На наш взгляд, при переводе необходимо быть близкими в выборе грамматических форм к тексту-источнику, так как это позволяет максимально корректно приближаться к смыслу переводимого текста.

Таким образом, можно сделать вывод: безусловно, значение и влияние творчества Микеланджело на всю русскую культуру велико и неоспоримо, что доказывается вниманием к его поэтическим произведениям и лучших русских переводчиков, и великих русских поэтов. При этом, на наш взгляд, требуют дополнительного исследования и осознанного понимания особенности его поэтического стиля и интертекстуальный характер его поэтического творчества.

Список литературы:

- Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. СПб.: Азбука, 2018. 640 с.
- Граценков В.Н. Микеланджело. Поэзия. Письма. Суждения современников М.: Искусство, 1983. 176 с.
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004, 1534 с.
- Махов А.Б. Микеланджело. М.: Молодая гвардия, 2014. 598 с.
- Тютчев Ф. Лирика. Том 1., М.: Наука, 1966. 448 с.
- Тютчевiana [Электронный ресурс] // Сайт рабочей группы по изучению творчества Ф.И. Тютчева. Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/mikelandz.html>
- Переводы А. Вознесенского [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/translator7867>
- Работы Евгения Солоновича [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/translator721>
- Эфрос А.М. Поэзия Микеланджело // Микеланджело. Жизнь. Творчество. М.: Искусство. 1964. С. 349–358.

Dizionario russo – italiano, italiano – russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. 2432 p.
Michelangelo B. «Non ha l'ottimo artista alcun concetto...» [Электронный ресурс] // Tania-Soleil Journal. Параллельные переводы. Фоторепортажи. Статьи об изучении иностранных языков. – Режим доступа: <https://www.tania-soleil.com/michelangelo-buonarroti-non-ha-lottimo-artista-alcun-concetto>
Rime di Michelangelo Buonarroti [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belpaese2000.narod.ru/Teca/Cinque/Michela/michelari.htm>
Treccani [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.treccani.it

References:

Dizionario russo – italiano, italiano – russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. 2432 p.
Ehfras A.M. Poehziya Mikelandzhelo [Poetry by Michelangelo] // Mikelandzhelo. Zhizn'. Tvorchestvo. M.: Iskusstvo. 1964. P. 349– 358. (In Russian).
Grashchenkov V.N. Mikelandzhelo. Poehziya. Pis'ma. Suzhdeniya sovremennikov [Michelangelo. Poetry. Letters. Judgments of contemporaries]. M.: Iskusstvo, 1983. 176 p. (In Russian).
Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Great dictionary of Russian language]. SPb.: Norint, 2004. 1534 p. (In Russian).
Makhov A.B. Mikelandzhelo [Michelangelo]. M.: Molodaya gvardiya, 2014. 598 p. (In Russian).
Michelangelo B. «Non ha l'ottimo artista alcun concetto...» [Electronic resource] // Tania-Soleil Journal. Parallelnye perevody. Fotoreportazhi. Stat'i ob izuchenii inostrannykh yazykov. – Available at: <https://www.tania-soleil.com/michelangelo-buonarroti-non-ha-lottimo-artista-alcun-concetto>
Perevody A. Voznesenskogo [Electronic resource] // Laboratoriya fantastiki. – Available at: <https://fantlab.ru/translator7867> (In Russian).
Raboty Evgeniya Solonovicha [Electronic resource] // Laboratoriya fantastiki. – Available at: <https://fantlab.ru/translator721> (In Russian).
Rime di Michelangelo Buonarroti [Electronic resource]. – Available at: <http://belpaese2000.narod.ru/Teca/Cinque/Michela/michelari.htm> (In Italian).
Treccani [Electronic resource]. – Available at: www.treccani.it (In Italian).
Tyutchev F. Lirika [Lyric]. Tom 1., M.: Nauka, 1966. 448 p. (In Russian).
Tyutcheviana [Electronic resource] // Sait rabochei gruppy po izucheniyu tvorchestva F.I. Tyutcheva [Site of the working group for the study of F.I. Tyutchev]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/mikelandz.html> (In Russian).
Vazari Dzh. Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelei i zodchikh [Lives of the most famous painters, sculptors and architects]. SPb.: Azbuka, 2018. 640 p. (In Russian).

Ушаков Сергей Геннадьевич
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Ushakov Sergey
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

CREOLISED TEXT AS THE OBJECT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION: DIDACTIC ASPECTS

Обучение студентов переводческих факультетов научно-техническому переводу подразумевает работу с креолизованными текстами. Студенты должны воспринимать невербальные элементы научного и технического текста как неотъемлемую часть речевого произведения научного стиля речи и переводить их. В статье приводится исследование, выполненное со студентами Высшей школы перевода в течение ряда лет, объектом которого являются креолизованные научно-технические тексты, их восприятие студентами и стратегии перевода иллюстраций и вербальных элементов, сопутствующих им. В статье показан обширный статистический материал, отражающий восприятие студентами научно-технических креолизованных текстов.

Teaching scientific and technical translation to students of translation departments reveals using creolised texts. Students have to consider non-verbal elements as an integral part of the whole text and to translate them. The article covers the outcome of the research that has been carried out for several years with the students of the Higher School of Translation and Interpreting, the object of which was to study how students perceive creolised scientific and technical texts and how to teach them to translate properly non-verbal elements as well as verbal ones that go along. The article also provides for statistics on how students perceive creolised scientific and technical texts.

Ключевые слова: теория перевода, научно-технический перевод, креолизованный текст, английский язык, французский язык, русский язык, невербальные элементы, пространственное мышление, научная речь.

Key words: translation theory, scientific translation, translation, technical translation, creolised text, English language, French language, Russian language, non-verbal elements, spatial reasoning.

В настоящей статье хотелось бы поделиться опытом преподавания научно-технического перевода и о восприятии креолизованного текста студентами в ходе практических занятий. Необходимо отметить, что научные и в особенности технические тексты обладают высокой степенью креолизации. Однако необходимо уточнить, что понимается под креолизацией в нашем исследовании, так как в языковедении термин используется как минимум в двух значениях.

Мы не будем отталкиваться от понятия креолизованного текста, сформулированного Джеймсом Сидбери, который считает, что «креолизация – это процесс впитывания ценностей другой культуры» [Sidbury, 2007, с. 617–630], то есть он рассуждает с позиции межкультурной коммуникации, и таким образом креолизованные тексты – это тексты, порожденные смесью языков в их лексическом и грамматическом оформлении. Нас же

интересует закрепившееся в лингвистике и теории текста другое понятие креолизованного текста. Так, Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов определяли креолизованные тексты как дихотомию вербальной и невербальной частей. Первая представляет собой традиционный текст (в языковом выражении), а вторая представлена иными знаковыми системами, то есть в ее составе помимо текстовых элементов широко применяются неязыковые смыслоносители: иллюстрации, рисунки, фотографии, графики и прочие изображения – все то, что в русском языке обычно именуется словом «рисунок», а в английском – «figure», а также особенности оформления вербальной части – шрифт, разрядка, интерлиньяж, регистр, подчеркивание, курсив, цвет и фон текста и др. Однако последнее в большей степени присуще художественным, рекламным текстам, нежели научно-техническим, перевод которых и представляет для нас интерес.

Функции креолизованного текста весьма обширны: помимо функций, присущих к речевому произведению стандартного (исключительно вербального) оформления, невербальные элементы могут отражать культурные реалии, выражать аллюзии или аллегорию. Стоит также отметить, что креолизованный текст воспринимается как единство: несмотря на кажущуюся очевидной самостоятельность невербальных (иллюстративных) вкраплений, они органично связаны с текстовой частью и образуют с ним смысловое целое. Невербальные элементы нельзя удалять из текста или перемещать в другое место в тексте – это нарушает общую связность, логичность и последовательность раскрытия темы.

В курсе научно-технического перевода в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова студентам предлагается выполнять переводы текстов научной речи, тематика которых широка: строительство, энергетика, автомобили, космос, медицина и биология, телекоммуникации и IT-сфера. В большинстве текстов так или иначе присутствуют иллюстрации разного рода. Курс обычно начинается вводной лекцией, где помимо описания целей и задач курса, рассказывается о том, в каком формате занятия проводятся и дается первый текст для тренировки. Новый текст объясняется преподавателем – обращается внимание на те места, где студенты могут либо совершить переводческую ошибку, либо не заметить что-то, что приведет к искажению смысла или к смысловой неточности, либо к стилистической погрешности (поначалу студенты в профессиональной теме могут не разбираться). Важное уточнение – преподаватель направляет студента на поиск решения, но никогда не подсказывает его сам. Иногда мы проводим эксперименты и намеренно не заостряем внимание студента на те или иные моменты, которые могут привести к переводческой ошибке. Большинство студентов на первых этапах в этих местах ошибки совершают. Интересно, также отношение студентов к необходимости перевода иллюстративных элементов. Напомню, что в научном и особенно

техническом тексте иллюстративные элементы представляются особенно важными. Невербальные элементы могут представлять собой:

- 1) графики;
- 2) продольный или поперечный разрез устройства, системы или узла устройства либо строение органа тела или целого организма;
- 3) логические схемы разного рода процессов;
- 4) фотографии с подписями;
- 5) чертежи;
- 6) схемы иного рода;
- 7) GIF-файлы в случае электронных публикаций, которые не только отражают строение, но и работу (функционирование) систем.

Если один из первых текстов, полученных студентами, является креолизованным, а мы намеренно не обращали на это внимание при объяснении потенциальных сложностей и особенностей перевода данного текста, то за годы преподавания сложилась следующая картина. В случае, если студенты не спрашивают, нужно ли переводить иллюстративные элементы, в 75% случаев в среднем перевода нет. Отметим, что в основном перевод выполняется не в рамках аудиторных (контактных часов) – этого времени хватает только на совместную проверку уже выполненного предыдущего текста (проверка выполняется индивидуально с каждым студентом с указанием всех ошибок, искажений и неточностей, а также с выделением интересных переводческих решений), а также на уже упомянутый небольшой предпереводческий анализ-комментарий со стороны преподавателя. При этом по мере прогресса комментариев со стороны преподавателя становится все менее пространным. На следующем занятии, когда студенты узнают, что иллюстративные элементы также нужно было переводить, реакция 30–40% студентов следующая: «Мы не знали, что нужно переводить». Остальные, кто не выполнил перевод, признаются в этом, только если их прямо спросить. На вопрос, почему не знали, аргумент обычно выдвигается следующий: «нам показалось важным переводить только текст, а картинки, по нашему мнению, элемент неважный» либо «картинки нам даны лишь в помощь». К слову, примерно аналогичные аргументы звучат у студентов, которые не переводят заголовки. Отметим, что встречаются студенты, которые сначала спрашивают, необходимо ли переводить невербальные элементы, что само по себе уже говорит о сомнении в сознании студента в необходимости их существования как органичной части всего речевого произведения. Количество интересующихся необходимостью переводить невербальные элементы обычно не превышает 15–20%. Столь низкая цифра может объясняться не только тем, что студенты

в принципе не задумываются о необходимости перевода, но и непониманием задач НТП и отсутствии мотивации на начальном этапе.

Еще одно интересное наблюдение, которое нам удалось зафиксировать, заключается в том, что, даже осознав необходимость перевода невербальных элементов, некоторые студенты не всегда связывают их с вербальной частью креолизованного текста. Так, в одном из текстов, посвященных модификаторам асфальтовых покрытий, в части его, где описывалось, как применять модификатор, встретилось выражение:

Spray – dry – spray technique.

Чуть ниже шла серия иллюстраций процесса с подписями. Иллюстрации ни у кого не вызвали проблем в понимании (и в переводе), однако вышеуказанное выражение было переведено так, что его нельзя было никак принять за правильный вариант. Либо это было что-то совершенно стилистически недопустимое, либо непонятное. У 90% студентов из группы, работавших с этим текстом, не возникло связи между выражением и иллюстрациями, чтобы они могли дать верный вариант «метод распыления раствора на указанном участке с промежуточной сушкой». Возможно, это связано с особенностями английского языка и схематичностью описания действий. Однако факт того, что понимание темы достигается благодаря невербальным элементам, но при этом не достигается адекватное выражение компонентов смысла на языке перевода.

Мы также проводили эксперимент, удаляя невербальные элементы из креолизованного текста, и часть вербальных на них указывающих. Оказалось, что при этом у 65% ухудшается понимание всего текста, при этом 27% отмечали, что не понимают вообще, о чем рассказывается в тексте. Некреолизованный изначально научный или технический текст также труднее подается пониманию студентами, но процент непонимания здесь отразить сложно ввиду смысловой, стилистической и иной разницы текстов. Для этого им предлагается смотреть параллельные тексты на обоих языках – родном и иностранном, – а также рекомендуется специально искать графическую информацию. Для 80% (год от года доля варьируется, но в среднем цифра такая) студентов после анализа именно вспомогательной графики текст становится понятен. Для остальных приходится объяснять преподавателю. При анализе работ с вышеуказанным примером *spray – dry – spray technique* студенты признались, что не понимали, о чем шла речь, и перевели дословно. Часть из них взяла вариант в кавычки, так как им самим собственный перевод показался странным.

Таким образом, нами был сделан вывод, что понимание текста вырастает при наличии графических элементов. Причем понимание растет на 50–70%; диапазон доли

понявших студентов весьма широк, но это может объясняться следующими факторами. Так, при описании какого-либо устройства:

- 1) у студента может быть не развито в достаточной степени пространственное мышление;
- 2) оригинальный текст написан не носителем языка, в связи с чем вызывает вопрос точности описания структуры устройства, прибора или узла (был опыт перевода текста по технологии ремонта дорожного полотна в Индии);
- 3) устройство, описанное в оригинальном тексте, не имеет аналога в культуре языка перевода (например, описание устройства окна).

Говоря об особенностях пространственного мышления, можно выделить такие компоненты, как пространственная визуализация [Lockman, 1979], пространственная ориентация [Hegarty, Waller, 2004], пространственное представление [Jansen, 2009], мысленное вращение [Shepard, Metzler, 1971] и пространственные отношения [Lockman, 1987]. В этой связи важно, чтобы студент осознавал, относится ли термин, подлежащий переводу, к описанию предметов или процессов – к сожалению, именно неспособность различать процессуальность или предметность в научном или техническом тексте на первоначальном этапе обучения научно-техническому переводу приводит к ошибкам в выполнении заданий. В качестве примера можно взять описание современной роботизированной коробки передач в автомобилях и ее работу. Для 50–90% студентов текстовое описание принципов работы представляло серьезную проблему на этапе понимания. Столь большой разброс в процентном отношении в разные годы объясняется не только уровнем развития пространственного мышления, но и другим немаловажным фактором: не испытывавшие проблем на этапе понимания студентов можно разделить на две группы: те, кто после внимательного прочтения смог составить верное понятие о предмете, и те, кто и до знакомства с текстом уже знал устройство РКПП, так как увлекался этим. При этом первая группа малочисленна, и в некоторые годы ее доля приближалась к нулю. Гендерную статистику мы по причинам политкорректности в этом контексте не проводили.

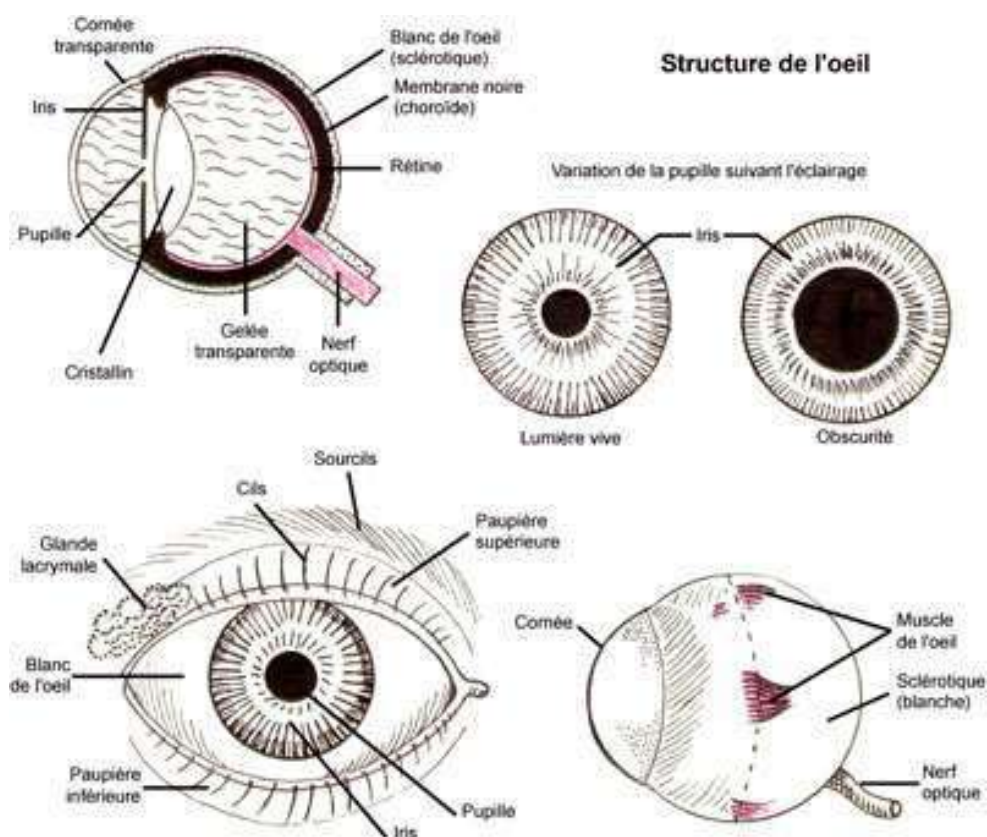
Отметим также тот факт, что графическая составляющая тоже не всегда дает представление студентам о строении сложных структур, механизма или устройства или о функционировании его. При этом отмечается, что статичное графическое представление о структуре повышает вероятность понимания предмета на 50–60%, и на 20–30% наблюдается рост вероятности понимания функционирования структур или систем. Наибольшую ценность для понимания работы механизма или системы имеют динамические изображения, однако и здесь понимание не всегда доходит до 100%. Отметим при этом, что динамические невербальные средства (в качестве консультаций) или

элементы креолизованного текста доступны только в электронной среде. Здесь распространенные ошибки связаны и с восприятием пространства, и с логическими операциями включения, отношения субъектов друг к другу, неразличением поступательного и вращательного движения, в случае, где это не выражено эксплицитно и др. В случае, если оригинальный текст не содержит динамических изображений (на бумажном носителе, к примеру), вероятность непонимания сохраняется.

Особую сложность представляет при переводе графических элементов, термины для наименования узлов которых не имеют эквивалентов в языке перевода (культурно обусловленные реалии). Как мы отмечали выше, в качестве примера может служить устройство окна: к примеру, существуют европейские, американские, немецкие и французские окна; в немецких окнах есть узлы и детали, наименование которых не существует, например, в русском языке.

Следующим аспектом научно-технического перевода креолизованных текстов является перевод подписей к иллюстрациям. Если при комментировании преподавателем особенностей и сложностей нового текста он не обращает внимание студентов на первоначальном этапе на необходимость различения подписей, обозначающих составные части какой-либо структуры и подписей, обозначающих условия, в которых система вынуждена реагировать.

Рисунок 1

При переводе этой иллюстрации 85% студентов совершили ошибку, когда переводили подписи к верхней правой части ее. Если в остальных частях подписи обозначают составные части глаза, то в этой – *Lumière vive* и *Obscurité* – условия, при которых значок расширяется или сужается. 85% студентов переводят это как «яркий свет» и «сумерки/темнота».

Следующим аспектом, вызывающим затруднения при переводе, являются численные обозначения, единицы физических величин, причем это справедливо и для вербальной, и для невербальной части креолизованного текста. Так, в самом начале курса в группах, обучающихся научно-техническому переводу в паре языков английский–русский мы напоминаем о различиях в оформлении чисел в русском и английском языках: в английском языке запятая используется для обозначения разрядности, в русском – для отделения целой части от дробной. Таким образом, сохранение написания приводит к смысловому искажению: число уменьшается или увеличивается в зависимости от направления в тысячу раз. Вместо запятой в русском языке в английском ставится точка, а вместо запятой в англоязычном тексте при переводе на русский либо не ставится ничего, либо пробел, если число записывается большим количеством знаков (1 000 000 000) для облегчения восприятия. К сожалению, даже напоминание об этом время от времени не спасает от невнимательности студентов.

Креолизованные научные и технические тексты также содержат упоминание разного рода физических величин, при этом в языке перевода и языке оригинала может наблюдаться асимметрия: так, в английских научных текстах используются единицы, не относящиеся к СИ, в связи с чем при переводе на русский язык необходимо их переводить единицы СИ (метр–килограмм–секунда). Сюда же относятся и случаи упоминания температуры (градусы Фаренгейта и Цельсия). При этом при переводе, к примеру, линейных единиц студенты должны понимать, когда требуется исключительная точность, а когда достаточно приблизительных значений. Так, если в иллюстрации или тексте указано *3 inches*, и речь идет о выточке детали заданного линейного параметра, точность важна. Если же в тексте, посвященном ремонту асфальтового покрытия, читаем:

Make 6-inch deep and 3-inch wide channel surrounding the marked area,

здесь точность не важна, достаточно приблизительных значений с округлением в полсантиметра, более точные значения с сотыми долями будут как раз излишними.

И наконец, еще один момент, который нам хотелось бы осветить в настоящей статье, – это непосредственно перевод подписей к невербальным элементам. Бывает так, что иллюстрацию можно отредактировать стандартными средствами текстового редактора и

вписать переводы вместо оригинальных надписей. Однако в случае, когда иллюстрация целиком графическая и редактированию не подлежит, мы рекомендуем студентам перепечатывать подписи и давать перевод к каждой после знака равенства. Если ставить тире, то будущий верстальщик может неверно интерпретировать перевод, вставить в макет иллюстрацию из оригинального текста и список подписей с их переводами вместо того, чтобы отредактировать саму иллюстрацию. Знак равенства, не являющийся пунктуационным знаком, сразу наведет на мысль о том, что следует проконсультироваться с переводчиком относительно финальной версии публикации.

Таким образом научно-технический перевод креолизованных текстов представляет собой особый тип перевода, в котором необходим комплексный подход к обработке информации, поступающей как из вербальной, так и невербальной части текста. В большинстве случаев графическая составляющая повышает вероятность понимания исходного текста и облегчает выполнение перевода. С самого начала обучения студентов НТП необходимо приучать их к невербальным элементам как неотъемлемой части единого целого и подлежащей переводу.

Список литературы:

- Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
- Аристова И.Л., Есипенко Е.А., Шарафиева К.Р., Масленникова Е.П., Чипеева Н.А., Фекличева И.В., Солдатова Е.Л., Фенин А.Ю., Исмагуллина В.И., Малых С.Б., Ковас Ю.В.* Пространственные способности: структура и этиология // «Вопросы психологии». № 1. 2018, С.118–126.
- Бернацкая А.А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А.П. Сковородникова. Вып. 3 (11). Красноярск: Красноярский университет, 2000. С. 104–110.
- Ворошилова М.В.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 180–189.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.
- Hegarty M., Waller D.* A dissociation between mental rotation and perspective-taking spatial abilities // *Intelligence*. 2004. V. 32 (2). P. 175–191.
- Jansen P.* The dissociation of small- and large-scale spatial abilities in school-age children // *Percept. Motor Skills*. 2009. V. 109. P. 357–361.
- Sidbury J.* Globalization, creolization, and the not-so-peculiar institution // *Journal of Southern History: journal*. 2007. Vol. 73. № 3. P. 617–630.
- Lohman D.F.* Spatial ability: A review and reanalysis of the correlational literature // *Technical Report*. 1979. V. 8. P. 226.
- Lohman D.F.* et al. *Intelligence and cognition: Contemporary frames of reference: Dimensions and components of individual differences in spatial abilities / Lohman D.E., Pellegrino J.W., Aiderton D.L., Regian J.W.* Springer, 1987. P. 253–312.

References:

- Anisimova E.E.* Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov): Ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov [Linguistics of the text and cross-cultural communication (creolised texts case study)]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2003. 128 p. (In Russian).

- Aristova I.L., Esipenko E.A., Sharafieva K.R., Maslennikova E.P., Chipeeva N.A., Feklicheva I.V., Soldatova E.L., Fenin A.Yu., Ismatullina V.I., Malykh S.B., Kovas Yu.V.* Prostranstvennye sposobnosti: struktura i ehtiologiya [Spatial reasoning: structure and etiology] // «Voprosy psikhologii». № 1. 2018. P. 118–126. (In Russian).
- Bernatskaya A.A.* K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The issue of text creolization: history and contemporary considerations] // Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik / Krasnoyar. gos. un-t; Pod redaktsiei A.P. Skovorodnikova. Vyp. 3 (11). Krasnoyarsk: Krasnoyarskii universitet, 2000. P. 104–110. (In Russian).
- Hegarty M., Waller D.* A dissociation between mental rotation and perspective-taking spatial abilities // *Intelligence*. 2004. V. 32 (2). P. 175–191.
- Jansen P.* The dissociation of small- and large-scale spatial abilities in school-age children // *Percept. Motor Skills*. 2009. V. 109. P. 357–361.
- Lohman D.F.* Spatial ability: A review and reanalysis of the correlational literature // Technical Report. 1979. V. 8. P. 226.
- Lohman D.F.* et al. Intelligence and cognition: Contemporary frames of reference: Dimensions and components of individual differences in spatial abilities / Lohman D.E., Pellegrino J.W., Aiderton D.L., Regian J.W. Springer, 1987. P. 253–312.
- Sidbury J.* Globalization, creolization, and the not-so-peculiar institution // *Journal of Southern History: journal*. 2007. Vol. 73. № 3. P. 617–630.
- Sorokin Yu.A., Tarasov E.F.* Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolised texts and their communicative function] // *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. M.: Vysshaya shkola, 1990. P. 180–186. (In Russian).
- Voroshilova M.V.* Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya [Creolised text: aspects of studying] // *Politicheskaya lingvistika*. Vyp. 20. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006. P. 180–189. (In Russian).

Цыбенко Олег Павлович
г. Афины (Греция)

Tsybenko Oleg
Athens (Greece)

ПЕРЕВОД И «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ»: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ГРЕЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ)

TRANSLATION AND “REPRODUCTION”: CULTURAL-HISTORICAL AND SPIRITUAL ASPECT (BASED ON RUSSIAN AND GREEK TRANSLATIONS)

Статья представляет собой некоторые выводы, сделанные на основе опыта работы автора над художественными (и научными) текстами разных культурных эпох одного языка (греческого VIII/VII в. до н.э. – XXI в.) при переводе их на другой современный язык (русский), так и в «обратном» направлении, то есть с текстами русского языка (XVI в., XIX–XX вв.) при переводе на другой современный язык (новогреческий), ставших выражением научных (гуманитарных) знаний, так или иначе связывающих культурно-исторические ценности Греции и России (как правило, это греческие переводы произведений русских писателей, освещающих различные стороны греческой культуры). В качестве культурно-исторических параллелей рассматриваются произведения двух авторов – русского К. Леонтьева и греческого Ф. Контоглу (в соответственно греческом и русском переводах), в центре которых стоит взгляд на Византию и византийскую культуру. На примере взгляда на искусство и смысл перевода греческого литератора Й. Сефериса рассматривается проблема перевода «внутри одного языка в разные исторические фазы его развития» и внутри эволюции единой многовековой культуры (т.н. *μεταγραφή* – воспроизведение).

The article presents some special conclusions based on the author's experience of working on literary (and scientific) texts from different cultural epochs of one language (Greek VIII / VII cent. BC – XXI cent.) when translating them into another modern language (Russian), and in the “reverse” direction, that is, with the texts of the Russian language (XVI, XIX–XX cent.) when translated into another modern language (Modern Greek), which became an expression of scientific (humanitarian) knowledge, one way or another linking culturally-historical values of Greece and Russia (as a rule, these are Greek translations of works by Russian writers covering various aspects of Greek culture). As cultural and historical parallels, the works of two authors are analyzed – the Russian K. Leontiev and the Greek Ph. Kontoglou (in Greek and Russian translations, respectively), in the center of which is a look at Byzantium and Byzantine culture. Using the example of the view on the art and meaning of translation by the Greek writer Y. Seferis, the problem of translation “within one language in different historical phases of its development” and within the evolution of a single centuries-old culture (the so-called *μεταγραφή* – reproduction) is considered.

Ключевые слова: К. Леонтьев Ф. Контоглу, К. Папарригопулос, Й. Сеферис, историософия, православие, византизм, поствизантизм, эллинизм, ромейство, либерализм, консерватизм, «наивный стиль», «внутренний» перевод, одноязычный перевод, «слово» λέξις, «слово» λόγος.

Key words: K. Leontiev, Ph. Kontoglou, K. Paparrigopoulos, G. Seferis, philosophy of history, Orthodoxy, Byzantinism, post-Byzantinism, hellenism, romiosini, liberalism, conservatism, “naive style”, “internal” translation, monolingual translation, lexis, logos.

В настоящей статье излагаются некоторые выводы, сделанные на основе опыта работы над художественными (и научными) текстами разных культурных эпох одного языка (греческого) при переводе их на другой современный язык (русский), так и в «обратном» направлении, то есть с текстами русского языка при переводе на другой современный язык (новогреческий). Что касается упомянутой здесь разновременности, то в случае греческого языка это практически его полный (или почти полный) временной диапазон от эпического языка Гесиода (VII в. до н.э.) до современных нам авторов конца XX – начала XXI века через поэзию и прозу классической (Еврипид, Аристотель) и эллинистическо-римской эпох

(Диодор Сицилийский, Оппиан Киликийский), позднюю античность (Ориген, Нонн и поэты его «школы», Григорий Богослов, Евсевий Кесарийский), XIX века (Г. Визинос, А. Ранкавис), XX века (К. Кавафис, Н. Казандзакис, Й. Сеферис, И. Цацу, Ф. Контоглу, И. Венезис, А. Эмбирикос, К. Уранис, Н. Энгонопулос, Т. Афанасиадис) и начала XXI века К. Димула. В случае русского языка это период т.н. «древнерусской литературы» (XVI век: Максим Грек) и преимущественно XIX век (В. Жуковский, К. Базили, Вл. Орлов-Давыдов, К. Леонтьев, Вл. Соловьев, Л. Толстой, А. Куприн, А. Чехов) и XX век (Н. Кузмин, Я. Голосовкер, Ф. Зелинский, Е. Тарле). Учитывая указанный временной диапазон, речь идет скорее даже не о разновременности, а о различной эпохальности (то есть о принадлежности к различным культурно-историческим эпохам) указанных авторов (прежде всего греческих, но также и русских), хотя последний термин несколько смущает своей (кажущейся?) претенциозностью.

При более пристальном взгляде на приводимый выше перечень нетрудно заметить присутствие в нем авторов произведений, ставших выражением научных (гуманитарных) знаний, так или иначе связывающих культурно-исторические ценности Греции и России (как правило, это греческие переводы произведений русских писателей, освещающих различные стороны греческой культуры).

Рассмотрим произведения двух авторов – русского К. Леонтьева и греческого Ф. Контоглу (в соответственно греческом и русском переводах), составляющих в известном смысле культурно-исторические параллели.

Выдающийся русский литератор и философ К. Леонтьев (1831–1891 гг., начало творчества – 1851 год) известен, прежде всего, как выразитель антилиберальных взглядов и идеологии православия. Самыми яркими событиями в жизни К. Леонтьева были его участие в Крымской войне и особенно его пребывание на дипломатической службе в различных областях Греции, находившихся в то время в составе Турецкой империи (1861–1871 гг.). Последние 20 лет творчества К. Леонтьева, к которым относятся его наиболее, по мнению самого автора, значительные произведения и основные историософские труды, отмечены резким и совершенно неожиданным поворотом к православию. При этом характер обращения к православию в 1872 году, ставшего поворотным событием в жизни и творчестве К. Леонтьева, до сих пор не получил убедительного объяснения со стороны исследователей как в богословском, так и в нравственном и психологическом плане.

Прекрасно знавший жизнь и быт балканских народов, а также греческий язык, К. Леонтьев оставил целый ряд как замечательных художественных произведений о

современной Греции³², так и историко-политических и историософских трудов, значительное внимание в которых уделяется историческим судьбам Греции и в особенности малопривлекательному на Западе, но зато духовно весьма значительному для России византийскому периоду греческой истории. Самое яркое из этих произведений К. Леонтьева «Византизм и славянство» вызвало огромный интерес в России сразу же после публикации, но, пожалуй, еще большим вниманием оно пользуется, как и другие историософские произведения, в последние 20 лет в связи с нынешним переосмыслением исторических судеб и России, и Византии, и Европы, по причине чего К. Леонтьева зачастую называют «предтечей О. Шпенглера», «русским Шпенглером».

Обычно творчество К. Леонтьева рассматривается в плане характерных для русской общественно-философской мысли антитез либерализм-консерватизм, западничество-славянофильство и т.п., хотя более внимательный анализ заставляет относиться к такого рода противопоставлениям более осторожно, во всяком случае, не считая их столь уж кардинальными. Так, весьма значительную роль в становлении литературно-художественных и общественно-философских взглядов К. Леонтьева сыграла его ориентация на «либеральных» представителей русской культуры (прежде всего И. Тургенев, В. Белинский, А. Герцен), причем основным критерием мировоззрения является не антитеза либерализм-консерватизм, а ярко выраженный эстетизм, в котором некоторые исследователи усматривают даже своего рода «религию» К. Леонтьева, значительно более глубокую, чем его отношение к вере вообще и к православию в частности, а также к церковной (в том числе монашеской) жизни восточного православия (в частности русского). Нет несомненных выступлений К. Леонтьева и против позиции русской либеральной общественности в социально-политическом плане (в частности в связи с отменой крепостного права в 1861 году), несмотря на его известный призыв «подморозить Россию». Неоднократные выступления К. Леонтьева против разного рода культурных и политических явлений современной ему западной (европейской) жизни в ряде случаев находят аналоги и у представителей русской либеральной мысли (в частности, у того же А. Герцена). С другой стороны, общественно-политические и культурно-исторические взгляды К. Леонтьева встретили также резкое противодействие ранее формально «близких» ему славянофилов (в особенности, после публикации «Византизма и славянства»). Существует также целый ряд более объективных объяснений проявлений

³² Следует отметить очень яркие греческие мотивы в относящейся к «крымскому» периоду творчества К. Леонтьева повести «Исповедь мужа». Впрочем, по крайней мере, окончательную отделку этого произведения относят не без оснований к тому периоду жизни К. Леонтьева, когда он уже основательно познакомился с греческим бытом на Балканах.

как «либеральных», так и «консервативных» взглядов К. Леонтьева, основанных на особенностях его личной жизни в психологическом аспекте.

Об этом я писал в большом эссе «Живая Византия: любимая и ненавидимая», которое стало предисловием к изданию моих переводов на греческий работ «Византинизм и славянство» К. Леонтьева и «Византия и Россия» Вл. Соловьева, в некотором смысле противостоящей леонтьевской Византии в том же аспекте консерватизма-либерализма и отношения к ее исторической роли. Эти три работы были изданы в Афинах в 2018 году в книге под общим названием «Византия в России» и, насколько можно судить по отзывам, это характерный случай того, как перевод выступает в **векторе научных знаний и культурных ценностей**.

Некоторые особенности эстетических (литературно-художественных) и историко-философских взглядов К. Леонтьева в плане исторического традиционализма обнаруживают известное подобие со взглядами выдающегося греческого литератора и художника XX века, творившего в обоих случаях в византийских традициях, Фотиса Контоглу (1895–1965 гг., начало творчества – 1916 год). При этом, несмотря на значительную хронологическую («эпохальную») дистанцию творчества двух этих представителей православной культуры, явное подобие ретроспективных византийских тенденций их творчества может объясняться также некоторым подобием культурно-исторических явлений, прослеживающихся в России второй половины XIX века и в Греции первой половины XX века. Весьма интересны здесь типологические подобию двух стран в указанные эпохи, и в особенности стремление сохранить национальную культурную самобытность в ее историческом развитии и в культурной преемственности. Ранний период литературного творчества Ф. Контоглу отмечен сильными западными (прежде всего французскими, а также «иберийскими» – испано-португальскими) влияниями, особым легким романтическим эстетизмом, а с другой стороны, противостоянием западным явлениям в культуре, где, несмотря на подобие общей тенденции, Ф. Контоглу пошел значительно дальше и решительнее, чем К. Леонтьев (в особенности в области церковной живописи и музыки вообще). Ярко выражено у обоих авторов и общее стремление к реконструкции (у К. Леонтьева) и реконструкции и сохранения (у Ф. Контоглу) явлений исходных для православия византийской культуры вообще и в особенности в отношении церковной жизни.

Надеюсь, что такой же интерес, который вызвала в Греции переводная с русского (кроме написанного по-гречески эссе-предисловия) книга «Византия в России» вызовет и подготовленный мной перевод «в обратном направлении» – с греческого на русский сборник эссе Ф. Контоглу под названием «Византийские этюды», позволив

русскоязычному читателю приобщиться к греческому «поствизантизму» XX века. «Контоглу пишет так, как не писал ни один христианский писатель после Византии», – замечает один из исследователей его литературного творчества [Μαστροδημήτρης, 1979–1985, с. 353]. А в оригинальной живописи главный ориентир Ф. Контоглу – критская школа поствизантийского искусства.³³

Оба вида его творчества – литература и живопись – пребывают в атмосфере народности, самого что ни на есть естественного «ромейства»³⁴ (и, шире, «эллинизма»), в русле самой чистой традиции (дословно «предания»), начала которой явственно проходят через византийскую духовность (как запечатленную в ее «научном» археологическом, так и в «живом» народном выражении). При этом сохраняются и воспоминания о древнегреческих истоках византийского и новогреческого «ромейства»: Ф. Контоглу совершенно естественно углубляется в атмосферу Древней Греции, но ровно настолько, чтобы показать, что античность не чужда византизму и ромейству, не более и не менее.

Читая литературные тексты Ф. Контоглу и рассматривая его живопись, современный человек, мало-мальски знакомый с греческой культурой в целом и с ее традицией, ощущает и себя самого как бы присутствующим в том «прошлом» («прошлом» только хронологически и не более того!), которое представляет этот литератор и живописец. В Греции такие «прыжки» к античности через «пропасть» нового времени и средневековья происходят довольно часто, особенно после обретения страной независимости в результате Греческой Революции и национально-освободительной войны 1821–1829 годов, когда вопрос об историко-культурной идентификации новой греческой нации встал особенно актуально. Нужно было согласовать «живую», современную Грецию с «монументальным», идеализированным образом Греции, который сформировался к тому времени в Европе (включая и православную Россию). Образ же Византии этому европейскому идеалу не только не соответствовал, но во многом даже противоречил. Поэтому Византию воспринимали не просто как нечто чуждое, но даже как враждебное идеализированной Греции – Древней и «возрожденной». На Византию смотрели как на некое заблуждение, отклонение, недоразумение, стараясь просто не замечать.

Противоречия между восточной и западной частями некогда единого греко-римского мира, противоречия поначалу политического и идеологического, а затем и культурного в самом широком смысле характера привели в конце концов после окончательного

³³ Естественно, и в литературе, и в живописи язык Ф. Контоглу варьируется в зависимости от тематики и характера изображаемого предмета.

³⁴ Имя «ромей» (досл. «римляне») греки получили как подданные Римской (Византийской) империи. Оно просуществовало значительно дольше самой этой империи и существует до сих пор как народное самоназвание греков.

решительного политического (и экономического) преобладания Запада к тому, что все, что связано с Византией, стало вызывать на Западе в большинстве случаев чувство резкого отторжения, а само понятие «византизм» в первую очередь ассоциируется на «просвещенном» Западе (да и в Греции) не с высокими духовными достижениями восточной части общеевропейского (греко-римского) мира, а с «низкопоклонством», «раболепием», «коварством» и т.п.³⁵

Господство пренебрежительного и даже уничижительного отношения к Византии и, следовательно, к византийскому периоду греческой истории в самой Греции было преодолено главным образом благодаря Константиносу Папарригопулосу (1815–1891 гг.) – крупнейшему греческому историку XIX века, автору монументальной «Истории греческой нации с древнейших времен и до новейших» в 15 томах.³⁶ К. Папарригопулос – в некотором смысле второй после Геродота «отец истории», но истории не всеобщей, а только греческой, но зато уже на протяжении всего ее существования. Можно сказать, что именно ему принадлежит создание «триединой» концепции общей греческой истории, разделенной на три периода – античный, средневековый и новогреческий. Именно К. Папарригопулос пытался доказать, что византийский период не был периодом упадка и вырождения, который зачастую даже не признавали частью греческой истории. Отметим, что, являясь одним из наиболее значительных представителей новогреческой культуры вообще, К. Папарригопулос провел детство и юность в России, где получил образование в Ришельевском лицее в Одессе, а впоследствии обвинялся в славянофильстве. К сожалению, творчество этого замечательного представителя греческой культуры на русском языке представлено крайне скудно. Это несомненное упущение, которое я пытаюсь устранить работой над сокращенным переводом его «Истории» на русский язык.

Впрочем, пренебрежительное и даже враждебное отношение к Византии весьма характерно для Греции до сих пор: нередко можно услышать высказывания, что коварная и раболепная Византия якобы убила светлую и исключительно гуманную Древнюю Грецию, оторвав тем самым Новую Грецию от «просвещенной» Европы и погрузив ее в восточное варварство и ретроградное православие. А потому не удивительно, что отношение в современной Греции к творческому наследию Ф. Контоглу, прежде всего к литературному, далеко не однозначное, и вряд ли мы ошибемся, если скажем, что в большинстве случаев

³⁵ Ср.: «...“раздвоение” авторской личности – одна из характерных примет “византизма”... Представители византийской правящей и умственной “элиты” отлично умели совмещать несовместимое» [Аверинцев, 1974]. В качестве примера приводится творчество Прокопия Кесарийского для начала византийской эпохи и Плифона для ее конца.

³⁶ Многотомный вариант «Истории Греческой нации» К. Папарригопулоса был издан в 1860–1876 годах. Предварительно в 1853 году был издан ее краткий однотомный вариант.

оно нейтрально-отрицательное.

Культурными категориями Восток-Запад Ф. Контоглу неоднократно оперирует в различных своих литературных произведениях – как художественных, так и в эссе. Замечательно, что в западный мир Ф. Контоглу вступает не через господствовавший в Афинах «мюнхенский» академизм, а через революционное, модернистское направление с тенденцией к наивной народности и примитивизму – направление, свойственное Парижу, где Ф. Контоглу учился после Афин и где он создавал свои первые литературные произведения. Собственные произведения Ф. Контоглу – как литературные, так и живопись – отличаются особой, идущей из многовековой греческой византийско-православной традиции оригинальностью. Уже первая книга Ф. Контоглу (роман «Педро Казас») отличалась изысканным греческим народным языком, весьма напоминающим его же живописные произведения «наивного стиля», так что на фоне прочей греческой литературной продукции она оказалась, по выражению одного из известных греческих писателей, «огромным камнем, упавшим в болото посредственности».³⁷

Сколь странным ни кажется это на первый взгляд, почти все литературные произведения Ф. Контоглу раннего периода, то есть 1920–1930-х годов, весьма далеки от греческой тематики³⁸ и концентрировались на «западной» экзотике дальних морских путешествий, открытия и завоевания Южной Америки, Африки, южных и северных морей. В 1920-е годы появляются также сделанные Ф. Контоглу художественные переводы, над которыми он работал и в следующие десятилетия. Кроме «родной» для Ф. Контоглу тематики, связанной с христианством (Книга Иова, Псалмы Давидовы), это переводные произведения западноевропейской литературы с яркими приключенческими и сказочными сюжетами – отрывки из трагедий Шекспира («Тимон Афинский», «Гамлет», «Как вам это понравится»), из первой части «Робинзона Крузо» Д. Дефо (1921), «Введение к Этюдам о природе» Б. Сен-Пьера, «Старинные итальянские сказки» (1927), «Миллион» Марко Поло, «Проделки Скапена» Мольера (1937 год, постановка в следующем, 1938 году), «История знаменитых морских разбойников» Чарльза Джонсона (1942), «Мысли» Блеза Паскаля (1948), а в 1952 году – «Икона» Леонида Успенского (перевод с французского перевода) и «Евангелие от Матфея» на «народном» (демотическом) языке, «истолкованное по возможности для более простого народа».

Упомянув о переводах Ф. Контоглу на фоне общей характеристики его творчества как литератора и живописца, в особенности о его переводах текстов Святого Писания «для

³⁷ Такова оценка Стратиса Миривилиса.

³⁸ Греческая тематика затронута, да и то косвенно, только в одном из рассказов сборника «Васанта» (1923), включавшего также переводные произведения.

простого народа», хочу остановиться также на проблеме «внутреннего» перевода вообще и на ее решении у одного из крупнейших греческих литераторов XX века Йоргоса Сефериса.

Естественно, что при переводе произведений разных эпох на иностранный язык в языке перевода используются различные средства в том числе стилистического характера. Нужно отметить, что, когда речь в обоих случаях идет о «новых» языках, русский язык в силу ряда причин оказывается в значительно более выгодном положении. Это обусловлено прежде всего историческими условиями судеб России и Греции в период т.н. «новой истории» XIX–XX веков и культурно-историческими причинами состояния литературы и языкового вопроса в двух этих странах. Если XIX–XX века в России – период расцвета литературы и создания высокого литературного языка, то относительно Греции можно сказать, что это время их становления, причем наличие богатейшей многовековой традиции (и античной, и в некотором смысле византийской) явилось не столько благоприятной почвой для развития литературы, сколько препятствием, требующим особого переосмысления даже через преодоление. Не случайно, что подавляющее большинство греческих литераторов XIX–XX веков сформировалось под сильнейшим влиянием сначала итальянской, а затем в еще большей степени французской литературы, будучи в значительной степени двуязычными авторами (или переводчиками), а А. Пападимантиса с чувством гордости называли «греческим Достоевским», произведения которого он, кстати, переводил на греческий с французского. (Кстати, в XX веке от переводов А. Пападимантиса, написанных на «книжном» языке, греческая литература отказалась, хотя и дальше его называют «греческим Достоевским»).

Важным аспектом является восприятие отечественного культурного наследия через «одноязычные» переводы, то есть когда произведения, созданные на языке более ранней эпохи того или иного языка, «воспроизводятся» («воспроизведение» – термин Й. Сефериса – см. ниже) на формальном «том же» языке³⁹ более поздней эпохи. Такие переводы можно было бы назвать «внутри-эпохальными» или для удобства «внутренними». В новогреческой литературе есть множество переводов с древнегреческого, причем одного и того же произведения в нескольких вариантах, и даже переводы на современный с «книжного» греческого XIX века (напр., переводы произведений тех же К. Папарригопулоса или А. Пападиамантиса).

Замечательно, что Святое Писание в Греции, несмотря на культурный консерватизм такого рода текстов (ср. использование латинского языка в католицизме или церковнославянского в русской православной церкви), предпочитают читать в

³⁹ «Тот же» язык — понятие зачастую условное.

новогреческих (хотя и несколько архаизированных) переводах, несмотря на то, что древнегреческий перевод «Ветхого Завета» (т.н. 70 Толковников) и оригинальный язык «Нового Завета» представляет собой решительный шаг к новогреческому.

Укажу в этой связи, что и памятники «древнерусской» литературы (такие, как «Слово о полку Игореве», пришедшие через земли южных славян из Византии «Девгениево деяние», «Александрии» и др., а также многочисленные «Хождения», создававшиеся вплоть до начала XIX века) тоже предпочитают читать в переводе на «новый» русский язык. (В частности, упомянутые в числе моих переводов на греческий Творения Максима Грека были сделаны с русского перевода начала XX века.)

Здесь мы подошли к очень важной, на наш взгляд, проблеме «внутреннего перевода», то есть перевода произведений с более ранней стадии некоего языка на «тот же» язык в его более поздней стадии. «Проекцией» таких переводов могут являться и переводы с диалектов или близкородственных языков (в том числе и естественные и искусственные интерференции с близкородственных языков, напр., в «малороссийских» повестях Н. Гоголя).

Естественно, такие «внутренние» переводы возникают зачастую в силу значительного изменения культурно-исторической ситуации, в том числе эволюции языка.

Эта проблема была очень тонко и глубоко прочувствована классиком греческой литературы XX века Й. Сеферисом, лауреатом Нобелевской премии 1963 года, одним из основоположников поэзии греческого модерна благодаря его переводу «Бесплодной Земли» Элиота.

«Внутренние» переводы Й. Сефериса, яркого поборника *единого* греческого языка, существующего от античности до наших дней как в книжных, так и особенно в *народных* формах, – это переводы «Песни песней» с греческого переложения «Ветхого Завета» (70 Толковников) и «Откровения» Иоанна из «Нового Завета».

Слово, обладающее подлинным смыслом (в тексте Сефериса это λέξη, то есть словарная единица), согласно Сеферису «никогда не существует само по себе, если мы не изолируем его с совсем простым его значением; оно связано с ассоциациями, которые приводят к тому, что мы ощущаем его укоренившимся множеством тончайших корней в его собственном языке, в его собственной почве, только в его собственном и ни в каком ином мире». Таким образом, многоплановый контекст превращает «слово» λέξη в «слово» λόγος – в тот смысл, с которого начинается «Евангелие от Иоанна», переданный по-русски как «Слово». Отсюда глубочайшая связь Слова с его эпохой и с его народом в самом высоком смысле этого понятия – неким мирозданием, внутри которого и только внутри него и существует слово. Поэтому для «эпохального» истолкования Слова, бледным и очень

условным истолкованием которого является употребленный мной выше термин «внутренний перевод», Сеферис использует не обычный термин μετάφρασις (традиционно «перевод»), а особый термин «μεταγραφή»⁴⁰ для указания разницы между переводами с наших древних языков и переводами с иностранных языков» [Σεφέρης, 1981, σ. 287, 3].

«Воспроизведения» Сеферисом библейских текстов предполагают существование в качестве важнейшего условия того особого мироздания, внутри которого и был создан тот или иной текст. Творцами таких текстов были так иначе пророки — люди, связанные с божеством, которых божество наделило особым душевным дарованием. «Пророк — орудие в руках Бога. Он *ο-божествлен*, он *в-дохновен*». Не случайно, что и в древнегреческой, и в воспитанной ей римской литературе поэт — не просто ποιητής (auctor) «творец»: он также пророк (замечательное латинское *vates*), а область поэзии в значительной степени совпадает с областью прорицания: это область Аполлона, а его пророчица пифия обязательно прорицает стихами (традиционным эпическим размером — гекзаметром).

«Естественно, что под давлением такого вдохновения слово пророка не блистательно и без предполагаемой связности, беспорядочно, прерывисто, загадочно: пророк высказывается посредством трудно постижимых символов, которые зрит в видениях. Даже числа здесь символичны. Однако символы — это не сущность, которую желает передать пророк, цель его — передать послание Божье. Символы — это аллегории, если можно так сказать, идеограммы этого послания. Было бы неверно остановиться только на них и отдаться рационалистическому порыву исследовать их естественность или убедительность».

«Нужно хорошо знать Ветхий Завет и свыкнуться с ним, равно как и с Новым, не говоря уже о том, что с конца I века и до дня нынешнего должны были утратить значения многих символов, привычных для того времени, и что поэтическое (этот термин я использую в самом общем смысле) воззрение людей значительно изменилось за двадцать веков, тем более если представить это воззрение в связи с преданностью, которую дарует вера».

В приведенных примерах из «воспроизведений» Сефериса рассматриваются тексты духовные, но то же нужно сказать и о подлинных (!) воспроизведениях других текстов, относящихся к гуманистической сфере человека — художественной литературе вообще и, по

⁴⁰ [«Я долго уже думаю над тем, как переводить греческие тексты на наш современный язык, и когда перевожу с иностранных языков, делаю две различные работы. Мне нужно два разных слова для выражения этого различия. Пока не нашлось более удовлетворительного слова, я принял слово μεταγραφή для транслитерации древнегреческих текстов. Слово с таким значением имеет свою традицию, поскольку встречается, например, у Фукидида или у Лукиана...] (Прим. греческого издания.) Дословное значение слова μεταγραφή в современном греческом языке «перепись». В нашей передаче — «воспроизведение». (О.Ц.)

крайней мере, к гуманитарным наукам. В конце концов, то же нужно сказать и об оригинальных стихотворениях Сефериса, и о его научно-художественных эссе.

Во всех своих произведениях Сеферис ищет особого вдохновения. Это же относится и к его «воспроизведениям» – согласно нашей привычной терминологии, переводческой деятельности.

В завершение отступления о Сеферисе вспомним его переводческий принцип, которому следую и я сам, и, думаю, следуют многие переводчики, работающие с текстами, существующими в пределах одного (единого, но с различными культурно-историческими фазами) языка:

«С чисто технической точки зрения я старался оставаться, насколько это было возможно, как можно ближе к древнему тексту, сохраняя, если это позволял наш язык, структуру и слова оригинала: слова преимущественно со смыслом, сохранившемся и в нынешнем нашем использовании. <...>».

Особую разновидность «внутреннего перевода» составляют т.н. «центоны» – «лоскутные» тексты, составленные из отдельных фрагментов материала, взятого в готовом виде из прошлых времен. Из этих фрагментов составляется некая совершенно новая переформатированная реальность, наполненная уже совершенно иным смыслом, не только в сюжетном, но и в идеологическом отношении. Пожалуй, самым ярким примером центонной поэзии является составленная из отдельных стихов античной поэзии (главным образом трагедийной и преимущественно еврипидовской, но не только) драма «Христос Страждущий», датировка которой в силу той же фрагментарности ее элементов хронологически занимает весьма значительный диапазон – от IV и до XII века. Прочтение такого перефрагментированного текста представляло собой довольно непростой продукт, по крайней мере, для эстетического восприятия на протяжении всего указанного периода. Тем более непростым является и воспроизведение такого продукта (далеко не единственного) на иностранный язык, когда хронологическое и культурное разнообразие отдельных составляющих центона почти неизбежно (во всяком случае в большинстве случаев) стирается вообще и, следовательно, стирается (опять-таки в большинстве случаев) и сама специфика восприятия. Впрочем, вопрос о специфике переводов центонной поэзии в силу своей многоплановости выходит далеко за рамки настоящей статьи [см., напр., Цыбенко, 2022].

Сказанное выше о «внутреннем переводе» (= «воспроизведении», согласно Сеферису) частично действительно и в отношении значительно более распространенного вида перевода – перевода с языка иностранного. «Внешний инструментарий», т.е. язык, здесь, естественно, совершенно другой, однако основная задача – сохранение смысла и его

по возможности бережный перенос в иноязычную среду и в той или иной степени инокультурную среду.

Список литературы:

- Византийская литература / Под ред. С.С. Аверинцева. М.: Наука, 1974.
- Цыбенко О.П.* Перевод и интерпретация: культурно-исторический аспект. (На материале классических греческих трагедий и трагедии Григория Богослова (?) Христос Страждущий) // *Nazianzena Rossica*. Свт. Григорий Богослов: исследования и переводы. М., 2022.
- Λεόντιεφ Κ., Σολοβιόφ Βλ.* Το Βυζάντιο στη Ρωσία: Δοκίμια ιστορίας και φιλοσοφίας. Εισαγωγή Ο. Τσυμπένκο. Αθήνα, 2018.
- Μαστροδημήτρης Π.Δ.* Το πεζογραφικό έργο του Φώτη Κόντογλου // Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Αθηνών. Περίοδος Β'. Τόμ. 28 (1979–1985).
- Παπαρρηγόπουλος Κ.* Ιστορία του Ελληνικού Έθνους από των αρχαιοτάτων χρόνων μέχρι της σήμερον. Τ. 1–6. Αθήνα, 1860–1874.
- Σεφέρης Γ.* Δοκίμες, Β'. Αθήνα, 1981.

References:

- Leontiev K., Solovyov Vl.* Το Βυζάντιο στη Ρωσία: Δοκίμια ιστορίας και φιλοσοφίας [Byzantium in Russia: Essays on History and Philosophy]. Introduction by O. Tsybenko. Athens, 2018. (In Greek).
- Mastrodimitris P.D.* Το πεζογραφικό έργο του Φώτη Κόντογλου [The prose work of Photis Kontoglou] // Scientific Review of the Faculty of Philosophy of the University of Athens. 2. Vol. 28 (1979–1985). (In Greek).
- Paparrigopoulos K.* Ιστορία του Ελληνικού Έθνους από των αρχαιοτάτων χρόνων μέχρι της σήμερον [History of the Greek Nation from antiquity to the present day]. Vol. 1–6. Athens, 1860–1874. (In Greek).
- Seferis G.* Δοκίμες, Β' [Essays]. Vol. 2. Athens, 1981. (In Greek).
- Tsybenko O.P.* Perevod i interpretatsiya: kul'turno-istoricheskii aspekt. (Na materiale klassicheskikh grecheskikh tragedii i tragedii Grigoriya Bogoslova (?) Khristos Strazhdushchii) [Translation and interpretation: cultural and historical aspect. (Based on the material of classical Greek tragedies and the tragedy of Gregory the Theologian (?) Christos Patiens)] // *Nazianzena Rossica*. St. Grigorii Bogoslov: issledovaniya i perevody [St. Gregory the Theologian: research and translations]. M., 2022. (In Russian).
- Vizantiiskaya literatura* [Byzantine literature] / Ed. by S.S. Averintsev. M.: Nauka, 1974. (In Russian).

РУССКИЙ ЯЗЫК: ЯЗЫК НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

*Басова Мария Владимировна
Леоненкова Екатерина Дмитриевна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Basova Mariia
Leonenkova Ekaterina*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ШКОЛЫ ПО ОБУЧЕНИЮ РКИ: ПОДХОДЫ, КОМПЕТЕНЦИИ, МЕТОДИКА

EXPERIENCE IN ORGANIZING AND HOLDING LANGUAGE SCHOOL CLASSES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: APPROACHES, COMPETENCES, METHODOLOGY

В статье освещается опыт организации и проведения выездной языковой школы по русскому языку как иностранному для греческих студентов-филологов. В целях расширения межкультурных контактов и поддержки русского языка и культуры за рубежом, реализации экспорта образования Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Центра русского языка и русской культуры Фракийского университета имени Демокрита (г. Комотины, Греция) уже в течение нескольких лет организует выездную школу по русскому языку. В ее основе лежит комплексный подход, позволяющий совмещать обучение русскому языку и знакомство с традициями и особенностями русской лингвокультуры. В ходе занятий активизируются различные виды речевой деятельности, развиваются коммуникативные умения и навыки. Для поддержания и развития мотивации студентов широко используются современные подходы и методики преподавания РКИ, активные и интерактивные формы проведения занятий, в том числе и на основе современных ИКТ: задания на креативность, ролевые игры, квесты, квизы, групповые проекты и т.д. Погружение в языковую среду и интенсивное взаимодействие с носителями русского языка позволяет успешно совершенствовать языковые умения и навыки. Практическая направленность обучения дает возможность непосредственно реализовать полученные на занятиях знания. Накопленный опыт способствует нахождению новых приемов обучения русскому языку как иностранному.

The article highlights the experience of organizing and holding an offsite language school classes of teaching Russian as a Foreign Language for Greek students studying philology. The Higher School of Translation and Interpreting (faculty) of the Lomonosov Moscow State University with the support of the Center of Russian Language and Russian Culture of the Democritus University of Thrace (Komotini, Greece), has been organizing an offsite school for several years. The aim is to expand intercultural contacts and support the Russian language and culture abroad, to implement the export of education. The language school is based on an integrated approach that allows its participants to combine studying of the Russian language and obtaining knowledge of the traditions and peculiarities of Russian linguistic culture. During the classes, the participants activate various types of speech activity and develop communication skills. To maintain and develop students' motivation, modern approaches and methods of teaching Russian as a Foreign Language, active and interactive forms of conducting classes, including those based on modern ICT, are widely used: creativity assignments, role-playing games, quests, quizzes, group projects, etc. Immersion in the language environment and intensive interaction with native Russian speakers allow participants to improve their language skills successfully. The practical orientation of training makes it possible to implement the knowledge gained in the classroom directly. The accumulated experience contributes to finding new methods of teaching Russian as a Foreign Language.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, языковая школа, лингводидактика, лингвокультура, межкультурная коммуникация.

Key words: Russian as a foreign language, methodology, language school, linguodidactics, linguoculture, intercultural communication.

На протяжении всей истории существования цивилизованного мира в нем происходят различные процессы, определенным образом сказывающиеся на связи всех составляющих элементов. Не последнюю роль в трансформации современного мира играет глобализация. Люди осознают, что они живут не только в своих странах, но в мире, который полон многообразия языков, культур, традиций. В связи с этим на передний план выходят межнациональные, кросс-культурные связи, становятся все более востребованными специалисты по межкультурной коммуникации, ее сопровождению и расширению. Кроме всего прочего, особенно ценным ресурсом нашей жизни становится время. Люди стремятся за короткий срок освоить максимальное количество полезной информации, сразу же стараясь применить полученные знания на практике. Межкультурные связи невозможны не только без знания иностранного языка, но и без навыка успешной коммуникации с его помощью. Если связать все эти факторы воедино, то мы увидим, что особую значимость для развития межкультурных взаимодействий приобретает интенсивный подход при краткосрочном языковом обучении, направленный на развитие коммуникативной, социокультурной, лингвострановедческой, лингвокультурной компетенций.

В складывающихся условиях взаимопроникновения культур, в ситуации активного изучения иностранных языков во всем мире не иссякает интерес и к русскому языку, к русской культуре в целом. Отсюда стремление устанавливать, расширять и укреплять межкультурные связи с Россией, продвигать изучение русского языка за рубежом, содействовать распространению образования на русском языке. В связи с этим формат краткосрочных языковых курсов (в том числе и в режиме онлайн) представляется особенно эффективным и привлекательным для реализации этих намерений.

Языковая школа «Русский язык и культура в современном мире» – это образовательное мероприятие, организуемое и проводимое Высшей школой перевода (факультетом) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при содействии Центра русского языка и русской культуры Фракийского университета имени Демокрита (г. Комотини, Греция).

Основная цель работы языковой школы – развитие коммуникативной компетенции обучаемых, формирование развитой поликультурной личности, а также обеспечение такого уровня владения русским языком, при котором беспрепятственно осуществляется общение во всех видах речевой деятельности в рамках определенных коммуникативных заданий.

Ежегодно в языковой школе принимает участие более 50 студентов, изучающих русский язык как иностранный. Спектр уровней владения русским языком у аудитории

обучающихся широк – от А2 до С1. Обучение русскому языку проходит по специально разработанной методике в группах по 10 – 12 человек с учетом сертификационного уровня.

Преподавателями Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (ст. преп. Басовой М.В., преп. Брызгалиной Е.Д., преп. Зигмантович Д.С., преп. Леоненковой Е.Д., преп. Селезневой А.И., преп. Паком А.Л.) был разработан курс занятий по русскому языку «Из России в Грецию с любовью». Курс разделен на несколько модулей, которые предлагаются учащимся в разных комбинациях. Тематически модули не связаны между собой, их можно осваивать как отдельно друг от друга, так и в связке. В каждом модуле представлено три уровня сложности, зависящие от уровня владения русским языком: А2 – В1, В1+, В2 – С1. В каждый блок добавлены аспекты, наиболее часто вызывающие затруднения у иностранных учащихся. В среднем каждый модуль рассчитан на 26 академических часов. Целевая аудитория школы – студенты-филологи, изучающие русский язык как иностранный.

Перед преподавателями Высшей школы перевода (факультета) была поставлена сложная задача: за короткий срок в процессе обучения задействовать все виды речевой деятельности. Занятия были направлены на расширение лексического запаса, систематизацию лексики по тематическому и грамматическому принципам, развитие и совершенствование умений в аудировании, чтении, говорении, письме и т.д. Целью занятий являлось развитие коммуникативных компетенций иностранных студентов, активизация их языковых умений и речевых навыков.

Занятия по русскому языку должны были быть запоминающимися, мотивировать обучающихся к дальнейшему изучению русского языка и культуры, развивать творческую сторону личности и формировать навыки работы в команде.

Учебный материал всех модулей базируется на оригинальных и аутентичных текстах, отражающих реалии современной действительности. Разумеется, лексические и грамматические темы в модулях были обусловлены и запросами и потребностями целевой аудитории. Особое внимание при составлении материалов уделялось культурному компоненту, ведь изучение иностранного языка невозможно представить без знакомства с культурой, историей и религией народа. Культурный компонент находит свое отражение в языке в системе базовых убеждений, норм поведения, морали. Язык является средством коммуникации, а также выступает в качестве транслятора культурных ценностей. Знания в области культуры не только расширяют кругозор, закрепляют фоновые знания, но и способствуют формированию лингвистических умений и навыков (обогащение лексического запаса, приобретение навыков переводческой деятельности).

Основоположники методики преподавания русского языка как иностранного (В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, Е.И. Пассов, А.Н. Щукин и многие другие исследователи) всегда подчеркивали необходимость междисциплинарного подхода к изучению русского языка как иностранного. В многочисленных методических работах подчеркивается, что на занятиях по РКИ особое внимание должно уделяться культуре, т.к. знания в этой сфере помогают наладить эффективное межкультурное общение.

Использование лингвострановедческих материалов на занятиях по РКИ способствует передаче знаний о русской культуре, развивает творческие навыки обучающихся, повышает интерес к изучению русского языка.

При усвоении лингвострановедческих материалов у обучающихся формируются общекультурная и лингвострановедческая компетенции, позволяющие получить целостную систему представлений об обычаях, традициях русского народа и вступать в коммуникацию, используя приобретенные знания.

Лингвострановедческая компетенция – это «знание национальных обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка, способность извлекать из единиц языка страноведческую информацию и пользоваться ею, добиваясь полноценной коммуникации» [Азимов, 2009, с. 128].

Основу лингвострановедческой компетенции студентов составляют фоновые знания. К ним относятся страноведческие (знания историко-культурного, социокультурного, этнокультурного и семиотического фонов), а также входящие в их состав лингвострановедческие фоновые знания (знания лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики). Вместе с лингвострановедческой компетенцией у обучающихся должна формироваться и лингвокультурная компетенция – способность понимать национально-культурную специфику поведения носителей языка, уметь вычленять и комментировать языковые явления культуры. В эту компетенцию входят знания о культуре и языке, понимание языковой картины мира (знания человека об окружающем его мире, воплощенные в языковых сущностях) [Азимов, Щукин, 2018, с. 152].

Формирование этих компетенций осуществляется в процессе обучения всем видам речевой деятельности. Для того чтобы это формирование происходило максимально эффективно, авторы постарались включить в курс разнообразные задания на чтение, аудирование, говорение, письмо, которые могут использоваться и на обычных (неинтенсивных) занятиях по РКИ.

В условиях интенсивного обучения языку, освоения большого массива новой информации, нахождения в непривычной обстановке основной из главных задач

преподавателя становится управление вниманием студентов. Для поддержания интереса и мотивации обучающихся используются нетрадиционные задания, созданные на базе современных информационных технологий, а также задания, учитывающие психологические особенности личности (избирательный интерес к материалу, который связан с личным опытом участников, готовность к игре и др.). Возникающая в результате устойчивая мотивация способствует обучению, упрощая процесс запоминания новых лексико-грамматических единиц, синтаксических моделей, речевых клише.

Повышение мотивации может происходить путем использования в процессе обучения:

- упражнений, развивающих креативность (создание видеоблогов и презентаций, проведение анкетирования);
- ролевых игр;
- видеоматериалов, возможностей социальных сетей, различных интернет-ресурсов.

Последнее стало особенно актуально во время пандемии COVID-19 в 2020 году, когда языковая школа впервые проводилась в онлайн-формате.

Нетрадиционная форма заданий, использование современных технических средств, которые постоянно присутствуют в жизни обучающихся, способствуют снятию психологического напряжения, отрицательно влияющего на процесс обучения.

Возможность параллельного предоставления визуальной и аудиальной информации также повышает мотивацию и положительно влияет на усвоение программы. Видео на занятиях по РКИ приближают лексический и грамматический материал к ситуациям общения, а также демонстрируют обучающимся «живой» русский язык.

Особую роль в процессе обучения играет самостоятельная внеаудиторная работа обучающихся, позволяющая:

- усваивать максимальное количество информации, что особенно актуально в условиях ограничения времени на аудиторную работу;
- оперативно вводить в речевое использование новый материал;
- развивать творческие, исследовательские способности;
- поддерживать учебную мотивацию;
- избавляться от психологической нагрузки.

В рамках внеаудиторной работы обучающимся часто предлагались самостоятельные (индивидуальные или групповые) задания, например:

- провести опрос/анкетирование русскоязычных студентов на заданную тему (например, в рамках темы «Досуг» обучающимся было предложено проинтервьюировать русских студентов на тему «Мое свободное время»);
- в рамках работы над фонетическими сложностями студенты должны были записать на видео чтение скороговорок с ускорением темпа;
- подготовить видеопроект по теме «Один мой день».

Коммуникативный принцип обучения РКИ через самостоятельную работу в языковой школе эффективно решает главную учебную задачу: за минимальное время освоить максимальное количество лексико-грамматических единиц и научиться применять их в ситуациях реального общения. Благодаря тому что в работе школы обычно принимают участие и русские студенты, у обучающихся появляется возможность отработать изученные лексико-грамматические единицы непосредственно в контакте с носителями русского языка.

Одной из тем модулей, которые были разработаны преподавателями Высшей школы перевода (факультета), была тема «Праздники в России». Данная тема интересна иностранной аудитории, потому что праздники – это часть традиционно-бытовой культуры всех народов, они понятны и близки студентам из разных стран.

Развитие у иностранных учащихся способностей к межкультурной коммуникации происходит во время сопоставления родной и изучаемой повседневной культуры, культуры проведения праздников, элементов вербального и невербального поведения, традиционного и современного образа жизни, в том числе и молодежной субкультуры.

Важно было обратить внимание иностранных студентов на то, что существуют разные типы праздников: политические; религиозные; гражданские. Среди этих типов выделяются отдельные категории: светские/религиозные, официальные/неофициальные, профессиональные, праздники с фиксированной/«плавающей» датой и т.д. В связи с этим нами были выбраны такие праздники, как Новый год, Рождество, Крещение, Татьянин день, Международный женский день, День русского языка.

Мы не старались полностью отойти от традиционных форм преподавания РКИ или наполнить наш курс исключительно креативными заданиями, мы стремились гармонично соединить уже давно существующие эффективные типы упражнений с такими, формат которых подсказывают новые технологии и технические возможности. Каждый тематический блок в модуле имеет ряд схожих и отличных заданий. Мы стремились сохранить баланс между всеми видами речевой деятельности в каждом уроке, следя за тем, чтобы планомерно включать в материалы типовые или сходные задания. Мы считали целесообразным начинать занятия с артикуляционной разминки и фонетического диктанта

(в частности, с использованием числительных и счетных оборотов); предъявляли как учебные, так и неадаптированные тексты для чтения; для раскрытия темы использовали понятные красочные инфографики, которые студенты научились читать; обязательно включали задания на аудирование (в материалах представлены записи с высказываниями в разных регистрах); конструировали те или иные ситуации общения; предлагали различные кейсы для групповых проектов, сопровождали каждое занятие красочной презентацией и т.д.

Далее мы хотим представить несколько примеров заданий на разные виды речевой деятельности, которые были разработаны в рамках курса «Из России в Грецию с любовью».

В теме, касающейся зимних праздников, в качестве одного из заданий нами был выбран учебный текст, на котором учащиеся отрабатывали навыки разных типов чтения (просмотрового, ознакомительного, изучающего, поискового), затем давались традиционные задания на распределение слов по однокоренным группам, построение синонимических рядов, задания на словообразование (они часто вызывают затруднения у иностранцев, как отмечают многие исследователи).

В каждом тематическом блоке мы делали упор на аудирование. Проблема многих людей, изучающих русский язык за границей, состоит в отсутствии погружения в языковую среду, небольшом количестве носителей языка, невозможности реализации коммуникативных ситуаций. Мы постарались подобрать разнообразные аудиофрагменты: это были и учебные записи, и академические, и разговорные.

Так, тематический блок «Зимние праздники» начинается с переводческой разминки, состоящей из числительных, встречающихся в последующем тексте:

СЧЕТНЫЕ ОБОРОТЫ ИЗ ТЕКСТА: 96%, 9 мая, 95%, 8 марта, 88%, 23 февраля, 84%, 82%, 7 января, 77%, 1 мая, 63%, 12 июня, 54%, 4 ноября, 42%, 12 апреля, 26%, 14 февраля, 27%, 3-5%, от 18 до 24 лет, в возрасте от 35 до 44 лет, 72% против 63%, 66% против 53%, 54% против 26%, 13% против 4%, 8% против 3%, 86% женщин против 77% мужчин, 80% против 73%, 30% против 24%, 31% против 23%, 91% жителей городов с населением 500-950 тыс. человек, 28 октября 2018 года.

Далее предлагается задание на прослушивание новостной статьи (публицистический стиль) о любимых праздниках россиян. Аудиофрагмент предваряют ключевые вопросы:

1. Что изучает ВЦИОМ?
2. Какой вопрос задавали россиянам?
3. Перечислите 8 самых популярных праздников в России.
4. Какой зарубежный праздник россияне отмечают чаще всего?
5. О каких зарубежных праздниках говорится в тексте?
6. Сколько процентов россиян отмечают эти праздники?
7. Какие праздники популярны среди молодежи?
8. Кто чаще отмечает религиозные праздники?
9. В каких городах чаще отмечают праздники?

10. Когда был проведен данный опрос?

В теме «Татьянин день» мы предлагаем просмотреть видео об истории и традициях Дня студента в России и в мире. Это видео разделено на части, к каждой из которых прилагаются разные типы заданий. В первой части учащиеся должны были выполнить задание на заполнение пропусков:

Во всем мире день студента принято отмечать _____, в России это _____. Почему в нашей стране появился свой праздник и что празднуют в мире, будем разбираться вместе.

В России День студента связан с именем святой мученицы Татианы и часто называется _____. История этого праздника как студенческого началась в _____, когда 25 января _____, в день великомученицы Татианы, императрица Елизавета подписала указ «Об учреждении в Москве университета». Изначально Татьянин день имел характер Актового торжества, которое отмечалось только в _____.

Всероссийский размах этот праздник приобрел после того, как _____ подписал указ, в котором повелевал праздновать 25 января не день открытия конкретного _____, а подписание акта об учреждении нового вида образовательных организаций как таковых. Так он обозначил 25 января как дату появления в России первого университета и, соответственно, первых _____.

Далее учащиеся должны посмотреть третью часть видео об истории Международного дня студента и выяснить, соответствуют ли данные высказывания содержанию фрагмента.

№	Высказывание	ДА	НЕТ
1.	В мире Международный день студента связан с солидарностью.		
2.	Традиционно Международный день студента в других странах отмечают 17 октября.		
3.	Этот праздник был учрежден (впервые принят) в Чехии в 1941 году.		
4.	Пражские студенты и преподаватели вышли на праздничную демонстрацию в честь годовщины основания Чехословацкой республики.		
5.	Студент юридического факультета Ян Оплетал был застрелен во время разгона демонстрации.		
6.	Все чешские образовательные учреждения после студенческих демонстраций были закрыты до конца войны.		

К реализации заданий курса мы привлекали наших коллег и студентов. Так, одним из заданий для иностранцев было во время просмотра видео заполнить предложенную таблицу и сравнить ответы респондентов. Для многих участников курса люди на видео были хорошо знакомы – это мотивирует активнее вовлекаться и выполнять задание.

№	Вопрос	Герой 1 Даша	Герой 2 Юля	Герой 3 Александр Леонидович
1.	Когда проходят зачеты и экзамены?			
2.	Сколько экзаменов обычно бывает в сессию?			
3.	Какая сессия легче: зимняя или летняя?			
4.	Как нравится сдавать: очно или дистанционно?			
5.	Какие есть ритуалы, чтобы удачно сдать экзамены?			
6.	Особенные слова и выражения			

Отдельную сложность вызывает у учащихся аспект говорения, так как для многих возможность совершить ошибку кажется фатальной и им трудно перебороть себя. В качестве тренировки монологической (а иногда и диалогической речи) мы предлагали разбор инфографики. Так, в тему «День русского языка» мы включили следующее задание:

Рассмотрите картинку. Расскажите, зачем нужно изучать русский язык.

Используйте конструкции:

*Нужно изучать русский язык, чтобы ... + глагол в начальной форме (инфинитиве)
Я изучаю русский язык, чтобы ...*

Рисунок 1

В теме «Международный женский день» мы взяли такое задание:

Рассмотрите инфографики и обсудите их между собой. Опишите, что вы видите на рисунках.

Рисунок 2

Аспект письма, безусловно, важен для полноценного изучения русского языка, поэтому мы постарались органично добавить эту часть в материалы краткосрочного курса.

В теме «Международный женский день» мы предлагаем небольшой текст об истории праздника 8 марта в качестве диктанта. Студенты записывают текст под диктовку преподавателя, а затем производят перекрестную проверку. Сам текст выводится на экран в презентации:

Международный женский день празднуют в России 8.03. Этот праздник начали праздновать в 1913 году в Петербурге. Сейчас 8 марта – это праздник женщин, весны, любви, красоты. Но раньше этот праздник был связан с политикой. Еще 120 лет назад женщины не могли работать там, где они хотели, и не могли выбирать президента. В 1913 году женщины в России, Франции, Германии, Америке вышли на большую демонстрацию.

Например, в Нью-Йорке на демонстрации было 15 000 женщин, а в Петербурге – 2000 женщин. После демонстрации женщины получили важные права, поэтому теперь этот день – их праздник. Международный женский день празднуют в России, Китае, Корее, Белоруссии, на Украине и так далее. Восьмого марта мужчины поздравляют женщин и дарят им красивые цветы: красные розы, розовые тюльпаны или букеты желтых мимоз.

Еще одним письменным заданием в этом тематическом блоке было заполнение открытки в честь праздника 8 Марта. Студентам были предложены стандартные поздравительные формы с грамматическим пояснением:

Подпишите по-русски открытку для своей мамы или для своей подруги. Используйте эти фразы:

- Поздравляю тебя / Вас с Международным женским днем!*
- Желаю тебе / Вам + родительный падеж (чего?)... крепкого здоровья!*
- Желаю тебе / Вам + инфинитив... быть счастливой!*

Желаю тебе / Вам всегда быть (какой? + творительный падеж)!

Что можно пожелать:

- *крепкого здоровья;*
- *хорошего настроения;*
- *семейного счастья;*
- *большой любви;*
- *огромной удачи;*
- *успеха в работе.*

Кроме стандартных аудиторных занятий участникам курса после каждой темы предлагался просмотр связанного с ней фильма («Наваждение», 1965; «Елки», 2010; «Мамы», 2012) и выполнение ряда увлекательных упражнений на понимание просмотренных фрагментов.

Пример заданий по фильму «Елки» (2010 г.)

Задание 1. Расскажите, что вы знаете о географии России? Назовите известные российские города.

Задание 2. Сравните пары слов и определите, в каких ситуациях они употребляются: здравствуйте – привет; Алексей – Леха; Валерий Петрович – Петрович; сейчас – щас; шутка – прикол...

Задание 3. Посмотрите первый фрагмент, ответьте на вопросы:

- *Какая главная мысль в истории рассказчика?*
- *Сколько праздников в России отмечают все люди? Какие это праздники?*
- *Какие города назвали в рассказе?*

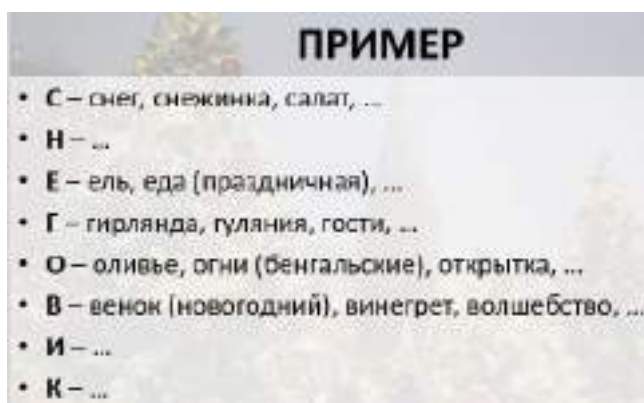
Задание 4. Прочитайте слова и выражения, которые вы услышали в данном фрагменте. Можете ли вы объяснить их значение?

растянуться, нарезать салат, нарезать в салат, часовой пояс...

В конце каждого модуля предполагается итоговый контроль полученных знаний. Но проводится он в виде интерактивной игры (квеста). Квест, как особая форма творческой работы, раскрывает возможности личности, усиливает мотивацию за счет возникновения эффекта новизны и индивидуализации образовательного процесса, повышает результативность самостоятельной работы.

Квест модуля «Праздники в России» включает несколько разделов:

- *этап 1, жеребьевка (участники разделяются на команды, выбирают капитана и придумывают название);*
- *этап 2, конкурс 1 «Праздник» (на экран выводится определенное слово, команды должны придумать как можно больше своих слов на каждую букву):*

- этап 2, конкурс 2 «Перетягивание каната» (участники отгадывают загадки, соревнуются по две команды, всего есть три «жизни»);
- этап 2, конкурс 3 «Киноман» (участники отвечают на вопросы по фильмам);
- этап 3, конкурс капитанов «Стеклянный мост» (капитаны команд должны пройти по карточкам. На карточке может быть задание для капитана, а может, ему попадет пустой лист. Побеждает тот, кто первым ответит на все попавшиеся вопросы и пройдет «мост»);
- этап 4, квиз, вопросы с выбором ответа;
- этап 4, квиз, открытые вопросы;
- этап 4, квиз, видеовопрос.

Далее жюри подводит итоги квеста и присуждает командам шуточные номинации.

Конечно, все задания квеста основываются на материалах краткосрочного языкового курса, здесь проверяется степень их освоенности. В то же время участники курса работают в команде, а элемент соревновательности мотивирует их двигаться дальше, болеть за своих друзей и быстро заполнять пробелы в собственных знаниях. Добрая поддержка преподавателей ободряет и направляет учащихся вперед, они не успевают расстроиться, если совершили ошибку, и радуются успехам.

После каждой языковой школы проводится анкетирование участников. Цель данной работы – определить сильные и слабые стороны разработанного учебного курса; понять, какие темы вызвали наибольшие трудности у обучающихся, а какие привлекли особое внимание; установить, какие вопросы обучающимся хотелось бы разобрать в рамках следующего учебного модуля.

Данный курс был апробирован в Высшей школе перевода на занятиях по практическому курсу русского языка с китайскими студентами. Стоит отметить, что занятия понравились студентам, темы не показались сложными, несмотря на значительные культурные различия. Были отмечены динамичность и разнообразие предложенных

заданий. Религиозные аспекты материалов также не вызвали затруднений, хотя, конечно, в греческой аудитории информация была бы воспринята интуитивно легче.

Модульный курс занятий по русскому языку «Из России в Грецию с любовью» развивает коммуникативные способности студентов, активизирует их языковые и речевые навыки, способствует расширению лексического запаса, систематизации лексики по тематическому и грамматическому принципам, совершенствует умения и навыки во всех видах речевой деятельности. Курс интенсивно и эффективно погружает учащихся, с одной стороны, в академическую, университетскую среду, а с другой (благодаря внеаудиторной работе и присутствию студентов из России) – в разговорную, дружескую. Благодаря грамотно подобранным материалам, преподавателям, которые с душой подходят к своему ремеслу, теплой атмосфере на занятиях в языковой школе у иностранных студентов создается положительный образ России и между участниками устанавливаются крепкие дружеские отношения. Кроме того, курс «Из России в Грецию с любовью» оказывает поддержку русскому языку, русскоговорящим гражданам за рубежом, способствует распространению русской культуры и интересу к ней.

Список литературы:

- Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов (теоретическое и практическое преподавание языков). СПб.: Златоуст, 1999. 334 с.
- Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Индрик, 2005.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Круглый стол: что такое лингвокультурология? // Мир русского слова, 2000. № 2. С. 35–51.
- Усачева О.Ю.* Коммуникативная компетенция: структура, компоненты, вопросы формирования // Методические проблемы реализации компетентностно-ориентированного преподавания в современном вузе: сборник трудов участников межрегиональной научной конференции (21 ноября 2013 г., г. Липецк) / Под ред. С.В. Фролова, Д.А. Будюкина, Е.В. Фроловой. Липецк: Гравис, 2014. С. 162–166.
- Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. 334 с.

References:

- Azimov Eh.G.* Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)] / Eh.G. Azimov, A.N. Shchukin. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448 p. (In Russian).
- Azimov Eh.G., Shchukin A.N.* Slovar' metodicheskikh terminov (teoreticheskoe i prakticheskoe prepodavanie yazykov) [Dictionary of methodological terms (theoretical and practical teaching of languages)]. SPb.: Zlatoust, 1999. 334 p. (In Russian).

- Azimov Eh.G., Shchukin A.N.* Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii. Teoriya i praktika obucheniya yazykam [Modern dictionary of methodological terms and concepts. Theory and practice of teaching languages]. M.: Russkii yazyk. Kursy, 2018. (In Russian).
- Karaulov Yu.N.* Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 p. (In Russian).
- Shchukin A.N.* Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: ucheb. posobie dlya vuzov [Methods of teaching Russian as a foreign language: textbook for universities]. M.: Vyssh. shk., 2003. 334 p. (In Russian).
- Ter-Minasova S.G.* Kruglyi stol: chto takoe lingvokul'turologiya? [Round table: what is linguoculturology?] // Mir russkogo slova, 2000. № 2. P. 35–51. (In Russian).
- Usacheva O.Yu.* Kommunikativnaya kompetentsiya: struktura, komponenty, voprosy formirovaniya [Communicative competence: structure, components, issues of formation] // Metodicheskie problemy realizatsii kompetentnostno-orientirovannogo prepodavaniya v sovremennom vuze: sbornik trudov uchastnikov mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii (21 noyabrya 2013 g., g. Lipetsk) / Pod red. S.V. Frolova, D.A. Budyukina, E.V. Frolovoi. Lipetsk: Gravis, 2014. P.162–166. (In Russian).
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G.* Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. M.: Indrik, 2005. (In Russian).

Брызгалина Елена Дмитриевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Bryzgalina Elena
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО К СЛОВЕСНОМУ: ИЛЛЮСТРАЦИЯ И ЕЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

FROM ARTISTIC TO VERBAL: ILLUSTRATION AND ITS LINGUO-DIDACTIC POTENTIAL

Методика использования иллюстраций в процессе обучения родному и иностранному языку имеет большую историю. Зрительная наглядность широко используется на всех этапах обучения иностранному языку. Иллюстративный материал успешно применяется не одно столетие как один из способов развития устной речи. В данной статье рассмотрены типы иллюстраций, их культурная значимость, изменения, которые претерпели наглядные пособия с развитием цифровых технологий, и лингводидактическое значение использования различных видов иллюстраций в процессе обучения русскому языку как иностранному. Автором описан лингводидактический потенциал художественно-образного и научно-познавательного типов иллюстраций. Отдельно разобрана лингводидактическая роль мультипликации (работы советских художников-мультипликаторов) и документально-анимационного сериала «Живые мемории». Все типы иллюстрации рассмотрены как инструмент наглядного метода обучения в лексико-грамматическом и лингвострановедческом аспектах. Кроме того, подробно разобрана функция визуально-изобразительной интерпретации литературного текста на примере иллюстраций И.Я. Билибина к русским народным сказкам; творческого коллектива Кукрыниксы к произведениям А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина; Ю.Д. Коровина к стихам В.В. Маяковского. Отмечено, что на процесс создания художником иллюстраций к литературным произведениям влияет целый спектр социокультурных контекстов.

The methodology for using illustrations in the process of teaching native and foreign languages has a long history. The seeing imagery is widely used at all stages of teaching a foreign language. Illustrative learning material has been successfully used for more than one century as one of the ways to develop oral speech. This article discusses the types of illustrations, their cultural significance, the changes that visual aids have undergone with the development of digital technologies, and the linguo-didactic significance of using various types of illustrations in the process of teaching Russian as a foreign language. The author describes the linguo-didactic potential of editorial and the other types of illustration. In addition, the article analyzes the linguo-didactic role of animation (artwork by Soviet animators) and the Russian documentary-animated series “Live Memories”. All types of illustrations are considered as a tool for visual teaching in the lexical and grammatical, linguistic and cultural aspects. The article analyzes in detail the function of visual pictorial interpretation of a literary text on the example of Bilibin's illustrations for Russian folk tales; the artworks of creative team Kukryniksy to a literary work by Chekhov, Gogol, Saltykov-Shchedrin; Korovin's arts to poems by Mayakovsky. It is noted that the process of creating illustrations for literary works by an artist is influenced by a whole range of sociocultural contexts.

Ключевые слова: образ, иллюстрация, культурный контекст, лингводидактика, русский язык как иностранный, развитие устной речи.

Key words: image, illustration, cultural context, linguo-didactics, Russian language as a foreign language, the development of oral speech.

Методика использования иллюстраций в процессе обучения родному и иностранному языку имеет большую историю и берет свое начало с возникновения прямого метода обучения иностранным языкам (беспереводной метод), в котором особая роль

отводится использованию наглядных приемов для семантизации нововведенной лексики. Книжные иллюстрации помогают понять содержание текста, его идею, прочувствовать происходящее. Кроме того, иллюстративный материал успешно применяется не одно столетие как один из способов развития устной речи. С возникновением аудиовизуального метода обучения, родиной которого принято считать Научно-исследовательский центр по изучению и распространению французского языка за рубежом (CREDIF), использование слуховой (аудиозапись) и зрительной наглядности становится ключевым в процессе обучения иностранному языку: значение нового материала раскрывается с помощью изображения, а звучащий текст помогает лучшему пониманию ситуации, реализуемой посредством зрительного образа. Отметим, что данный метод обучения продолжает традиции прямого метода. С 70-ых годов XX века в европейской методике обучения иностранным языкам разрабатывается теория коммуникативного обучения, во многих отношениях пересекающейся с принципами аудиовизуального метода. Коммуникативный метод характеризует значительное увеличение количества речевых упражнений, социокультурная направленность учебных материалов, предусматривающих сопоставление фактов из области разных культур и широкое привлечение средств наглядности, которые используются как для семантизации материала на всех уровнях, так и для закрепления и активизации в речи. Рисунки, например, часто служат опорой для порождения высказывания.

В данной статье рассмотрены типы иллюстраций, их культурная значимость, изменения, которые претерпели наглядные пособия с развитием цифровых технологий, и лингводидактическое значение использования различных видов иллюстраций в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Изобразительное искусство – неотъемлемая часть гармоничного развития личности, ее приобщения к богатству мировой культуры, к опыту, накопленному предшествующими поколениями. Иллюстрации являются самым распространенным видом изобразительного искусства в учебных пособиях. Иллюстрация (от лат. *illustration* – освещение, наглядное изображение) – изображение, сопровождающее, дополняющее и наглядно разъясняющее текст (рисунки, гравюры, фотоснимки, репродукции и т.п.). Одним и тем же словом «иллюстрация» называют изображения разные по содержанию и форме, по значению для произведения и читателя, а так же по связи между рисунком и текстом, или технике исполнения.

Рассмотрим основные типы и функции иллюстраций. Схемы, фотографии, графики, чертежи и рисунки, находясь на страницах текста, являются иллюстрациями, т.к. помогают дополнить и сделать более наглядной информацию, которая заключена в тексте. Такой тип

иллюстраций называется научно-познавательным. В книжном оформлении выделяют художественно-образный тип иллюстраций. Они помогают ярче передать сюжет произведения, образы героев, подчеркнуть важность тех или иных событий. Функции иллюстраций обширны: дополняющая, познавательная, воспитательная, эстетическая.

Обратимся к художественно-образным типам иллюстраций в лингводидактическом аспекте. Процесс обучения иностранному языку невозможно представить без использования визуальных опор. Художник, работающий над созданием книжных иллюстраций, во многом выполняет для читателя функцию визуально-изобразительной интерпретации литературного текста. Иллюстрации к текстам художественной литературы на иностранном языке помогают не только снять лексические сложности понимания текста, но и знакомят с иноязычной культурой.

Произведения изобразительного искусства погружают в культуру, породившую их, и вмещают в себя обширные сведения эстетического, культурного и исторического характера. «Художественная культура является связующим звеном между целостным бытием культуры и искусства...» [Дорогова, 1978, с. 9]. Произведения живописи передают духовный опыт человечества, отражают культурные особенности эпохи, мировоззрение людей, передает сложный мир человеческих чувств и характеров.

Ярким примером является отражение традиций древнерусского народного быта в иллюстрациях к русским народным сказкам выдающихся художников: И.Я. Билибина, В.М. Васнецова, Б.А. Дехтерева, Н.А. Устинова, В.М. Конашевича и многих других.

Так, работы И.Я. Билибина отличает обилие орнаментов и узоров, сказочность образов при точном следовании историческому облику русского костюма и предметов быта. Художник стал широко известен как иллюстратор русских сказок и былин на рубеже XIX–XX вв. Отметим, что в это время в российском обществе активно формируется мифологема «русской народности» как существенная часть общенациональной идеи. мода на «русский стиль» на рубеже XIX–XX вв. охватывает разные круги общества, включая высшую аристократию, причем акцент в костюмах часто делался на времена допетровской, «настоящей» Руси. Этот стиль существенным образом определяет визуальную культуру того времени. Темы исторического прошлого, фольклора, простонародных традиций становятся актуальными в литературе, науке, общественно-политической сфере. Таким образом, можно говорить и о визуальной проекции историко-культурных контекстов в книжных иллюстрациях.

В своих иллюстрациях И.Я. Билибин воплотил мифологизированный образ русской старины, отвечая тем самым духу времени. Художник отправлялся в экспедиции, собирал богатые коллекции утвари и традиционной одежды. Русский Север с его бескрайними

лесами, монастырями и скитами, шатровыми деревянными церквями, крестьянскими избами, разнообразными народными промыслами стал для него местом, где еще можно воочию соприкоснуться со стариной. Воплощая в своих работах мифологизированный образ русской старины, Билибин неизменно точен в воспроизведении достоверных, этнографически выверенных деталей архитектуры, убранства, утвари, костюмов. Иллюстрации И.Я. Билибина, несомненно, стали символами всей русской культуры.

На процесс создания художником иллюстраций к литературным произведениям влияет целый спектр социокультурных контекстов. Книжные иллюстрации прямо и косвенно отражают визуальные и словесные аспекты, современные культурные процессы и одновременно – явления исторического прошлого. Так, например, Кукрыниксы, творческий коллектив советских художников, сумели передать идею народности произведений Салтыкова-Щедрина, создали замечательные иллюстрации к произведениям Н.В. Гоголя, А. П. Чехова. Художники не только основательно знакомились с визуальной средой культурного времени писателя, изучая фотографии, быт, костюмы, интерьеры, но и искали прототипы персонажей, стремясь «...уловить во встречаемых в своем окружении или на улицах людях типические черты, схожие с героями литературного произведения» [Иванова, 2014, с. 89]. Отметим, насколько гармонично сочетаются сатирические изображения персонажей в иллюстрациях Кукрыниксов (выполненные в стиле шаржа и карикатуры) и их первообразы в художественной литературе вышеназванных писателей.

Одним из самых ярких примеров визуальной проекции социо- и историко-культурных контекстов в книжной иллюстрации является иллюстрация детской литературы советского периода.

По иллюстрациям к детской литературе советского периода можно легко составить представление о быте и интересах советской семьи. Художественные образы, которые доминировали в детской иллюстрации того периода, были призваны отражать систему ценностно-смысловых ориентаций советского ребенка. Особое внимание в таких изданиях уделялось темам труда, быта, дружбы. Перед художниками-иллюстраторами детской книги ставились не только художественные, но и воспитательные задачи.

Для изучающих иностранный язык особые трудности вызывают прецедентные феномены, которыми богата детская литература советского периода. Прецедентные феномены выступают фондом национально-культурной и исторической памяти этноса, входят в коллективные фоновые знания лингвокультурного сообщества, а значит, являются важнейшим элементом общекультурной грамотности языковой личности.

Отметим, что использование данных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному позволяет сформировать у обучающихся представления о жизни и

ментальности русского народа, что способствует успешной межкультурной коммуникации. По мнению исследователей Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, именно «языковые афоризмы» и их национально-культурная семантика содержат сразу две трети страноведческой информации [Верещагин, 1990].

Как показывает практика, успешность коммуникации при чтении художественной литературы в большей степени зависит не от предварительного знания читателя, а от его умения использовать уже имеющиеся у него знания, а также соответствующие когнитивные стратегии для извлечения необходимой информации из текста [Кулибина, 2015, с. 47]. В связи с этим для учебного занятия, на котором проводится работа с художественным текстом, более эффективна методика, ориентированная на обучение когнитивной деятельности, которая направлена на поиск и декодирование опорных пунктов интерпретации внутри самого текста. Немаловажную роль играют в данном случае иллюстрации.

Иллюстрация стимулирует к познанию и прочтению текстовой части и помогает понимать события и описание тех или иных явлений. Подчеркнем, что художник в детской литературе выступает в роли соавтора литературного произведения, направляя читателя в нужное русло образного представления, раскрытия сюжета. Так, работы советского художника-иллюстратора Ю.Д. Коровина отличали нарочито грубоватый стиль – прямые линии, незаконченность рисунка, экспрессия. Это делало иллюстрации легкоузнаваемыми. Особенно гармонично выглядят его иллюстрации к стихам Маяковского. Они как будто дополняют манеру автора, вторят ей.

Рассмотрим научно-познавательный тип иллюстраций (схемы, фотографии, графики, чертежи и рисунки) в лингводидактическом аспекте. Принцип наглядности, как известно, один из ведущих в обучении. Наглядные методы – методы, при применении которых используются наглядные пособия и технические средства обучения. Использование наглядных методов значительно повышает эффективность обучения, так как опирается на чувственные образы обучающегося, делает материал ясным, а его усвоение доступным. Зрительная наглядность широко используется на всех этапах обучения иностранному языку. Средства зрительной наглядности включают так называемый печатный материал (демонстрационные карточки, репродукции картин и т.п.) и экранный материал (диафильмы, кадры из (мульт)фильмов, слайды).

Средства обучения русского языка как иностранного, помимо комплекса учебных, учебно-методических пособий, также включают в себя средства наглядности. В учебных пособиях широко используются рисунки, фотографии, таблицы, схемы, различные способы оформления шрифта и цветовой акцент. Отметим, что использование различных видов

наглядности зависит от целей и задач соответствующего типа учебной деятельности: презентация нового учебного материала или его закрепление.

При ознакомлении учащихся с лексико-грамматическим материалом, наравне с приемами наблюдения, анализа, сравнения, сопоставления с соответствующим явлением в родном языке, важными являются приемы объяснения преподавателем и формулирования правил. На этой стадии введения лексико-грамматического материала отмечается эффективное применение всех видов схемно-графической наглядности, а именно: таблицы, схемы, рисунки. Примером учебного материала, в который включены данный тип иллюстраций, являются следующие учебные пособия и словари: Г.Г. Малышева «Русская грамматика в картинках для начинающих. Кто? Где? Когда?», К.И. Пехливанова «Грамматика русского языка в иллюстрациях», Ю.В. Ванников «Картинно-ситуативный словарь русского языка», И.К. Геркан «Русский язык в картинках», Н.Г. Крылова, И.Б. Соколова «Наглядные материалы по русскому языку», серия простых картинок А. Беловицкой «Русский язык в котях», посвященных правилам русского языка и многие другие.

Применение иллюстраций эффективно как способ беспереводной семантизации лексики. В процессе обучения иностранных учащихся русскому языку одной из самых сложных лексико-грамматических тем являются глаголы движения. Для успешного усвоения данной темы целесообразно использовать иллюстрации различных типов, в том числе анимацию (диафильмы, (мульт)фильмы). Примером использования мультфильмов в качестве учебного материала по данной теме могут быть работы художников-мультипликаторов В.М. Котеночкина («Ну погоди!», «Лягушка-путешественница»), Ф.С. Хитрука («Винни-Пух и все-все-все»), В.Г. Арбеков («Гуси-лебеди», «Олень и волк»). Современными методистами предлагается использовать в процессе работы над мультфильмом различные приемы, обеспечивающие реальное общение в учебной обстановке: беседа, дискуссия, составление диалогов и рассказов, ролевые игры.

Отметим особую роль мультипликации при изучении слов природной тематики иностранными учащимися. Отражая жизненно значимые реалии действительности, имена существительные, номинирующие предметы и явления природы, составляют базовую лексику любого языка. Для большинства иностранцев впечатление о русской природе зачастую абсолютно неожиданно и трудно совмещается с теми представлениями, которыми они обладают. Видеокадры пейзажных зарисовок помогают закрепить словесные образы в сознании обучающихся. Примером использования мультфильмов в качестве учебного материала по данной теме могут быть работы художников-мультипликаторов К.В. Зотова

(«Весенние мелодии»), Б.П. Дежкина («В гостях у лета», «Когда зажигаются елки», «Дедушка и внучок», «Лиса и дрозд»), А.А. Белякова («Серая шейка», «Зимняя сказка»).

Мультфильмы помогают создать проблемную ситуацию на учебных занятиях, что способствует активизации навыков говорения, а также формированию у учащихся лингвистической и экстралингвистической компетенций.

Искусство анимации имеет собственную интересную историю. Российская и особенно советская мультипликация – это исключительный феномен, не имеющий аналогов в истории по своему качеству и количеству художественного материала, интересного представителям разных культур, детям и взрослым. Отечественная мультипликация невероятно богата и жанрово разнообразна.

Мультфильмы-сказки позволяют иностранцу окунуться в национальную культуру русского народа, понять структуру базовых ценностей, познать особенности национального характера, что помогает облегчить адаптацию иностранных учащихся в русской языковой среде. Подчеркнем, что для системной и эффективной работы над национально-маркированной лексикой данный метод представления учебного материала является наиболее эффективным.

Для ознакомления с бытом и укладом жизни в Древней Руси познавателен мультипликационный фильм «Сказка о царе Салтане» («Союзмультфильм», 1984 г., художники-постановщики И. Иванов-Вано, Л. Мильчин), снятый по одноименной сказке Александра Пушкина. Особо ценным в данном мультфильме является то, что художники-мультипликаторы максимально точно отразили быт, уклад и традиции того времени. На протяжении всего мультфильма встречаются сцены свадеб и торжественной встречи гостей, по которым можно судить о древнерусских традициях проведения подобных мероприятий. Из видеоряда мультфильма можно почерпнуть информацию об особенностях русского зодчества: внешнее и внутреннее строение и оформление царских палат.

Одной из главных задач художественных и мультипликационных фильмов на уроке русского языка как иностранного является передача информации о культуре, народе, ценностях и нормах поведения в стране изучаемого языка. В 2020 году состоялась премьера документально-анимационного сериала «Живые мемории», в основе которого лежат мемуары о России, ее видных и малоизвестных деятелях, что определяет лингводидактическую роль данного проекта в обучении русскому языку как иностранному.

«Живые мемории» – это медиапроект на стыке моноспектакля, анимации и документального сериала. Каждая серия (7–10 минут) представляет собой отрывок из книги воспоминаний: путешествие по страницам прошлого России, которое оживает благодаря искренним и личным свидетельствам. Герои проекта – как видные, так и малоизвестные

деятели русской культуры, искусства и истории. Писатели, композиторы, художники, общественные деятели, а также простые люди – крестьяне: воспоминания жены Федора Достоевского, писателя Ивана Бунина, дочери Льва Толстого, Сергея Рахманинова, инженера и мецената Петра Перцова, крестьянина Павла Зайцева и других. Примечательно, что каждый эпизод заканчивается картой страны: загорается точка на карте России, место памяти, связанное с героем, автором прочитанных мемуаров. Как правило, это мемориальные музеи.

Мультфильмы озвучили современные российские актеры, а каждая серия выполнена в определенном анимационном стиле ведущими художниками анимации: Марией Нистратовой, Ириной Пименовой, Владимиром Михалко, Анной Леоновой, Валерием Кожиним, Эдуардом Беляевым, Юлией Кривошеиной, Алисой Сербиненко, Светланой Кислицыной, Марией Майоровой, Вероникой Непутиной.

В серии, где представлен отрывок из воспоминаний Всеволода Саввича Мамонтова, сына мецената и предпринимателя Мамонтова С.И., эпизод перенесет зрителей в детство героя, проведенное в окружении его выдающихся современников. Среди них – художник Василий Поленов, который учил сыновей Мамонтова изготавливать лодки и ходить на них по реке Воре. В серии, где представлен отрывок из воспоминаний Михаила Васильевича Нестерова – русского живописца и художника, который в течение 22 лет расписывал православные храмы в Российской империи и за ее пределами, эпизод расскажет о нескольких днях 1896 года, когда во Владимирском соборе в Киеве были первые торжественные службы. В серии, посвященной отрывку из воспоминаний Ивана Бунина, зритель узнает при каких обстоятельствах Бунин узнал о том, что получил самую высокую награду в области искусства – Нобелевскую премию по литературе, как относился к этому событию и о чем думал в те дни.

Лингводидактическое значение использования материалов данного проекта заключается в видеонаглядности, усилении мотивации и эффективности восприятия на основе использования различных каналов информации, эффективном сочетании аудиторной и внеаудиторной работы. Рассмотрим типы дидактических задач, которые можно решить с помощью данного проекта: совершенствование умения аудирования на основе аутентичных звуковых текстов; совершенствование умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения; пополнение словарного запаса лексикой, встречающейся в аутентичных текстах; знакомство с социокультурными аспектами языка, особенностям речевого поведения; формирование устойчивой мотивации на основе систематического изучения «живых» материалов.

Наглядность, интерактивность и динамичность подачи информации, представленной в виде мультимедийных продуктов, способствуют процесс обучения сделать более интересным, увлекательным и познавательным, подняв усвоения учебного материала на более высокий уровень. Наглядность, представленная в виде анимации, активизирует внимание, усиливает восприятие учебной информации, повышает эмоциональный фон, мотивацию к учению, формирует способы познания мира, собственной деятельности, развивая научный стиль мышления и творческие способности» [Катханова, 2018, с. 130].

Использование наглядных пособий помогает расширять лексический запас, развивать познавательную деятельность, повышает мотивацию учащихся к обучению. Наглядные пособия успешно используются для развития фонематического восприятия, закрепления правильного произношения, расширения словарного запаса, изучения грамматического строя речи, связной речи.

Список литературы:

- Верещагин Е.М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. 1990. С. 38–39.
- Дорогова Л.Н.* Художественная культура: понятия, термины. М.: Знание, 1978. 208 с.
- Иванова О.Г.* Актуальность воссоздания творческого метода художников-графиков XX века в современной иллюстрации // *The progressive researches science & genesis*. 2014. № 1. С. 84–90.
- Катханова Ю.Ф.* Творческие способности и их развитие в графической деятельности: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. 140 с.
- Кольовска Е.Г.* «Я понятно объясняю?..» Об использовании полнометражных мультипликационных фильмов на уроках РКИ / Е.Г. Кольовска, М.В. Кульгавчук // *Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*. 2009. № 3. С. 110–114.
- Кулибина Н.В.* Зачем, что и как читать на уроке. Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015. 224 с.
- Соковиков С.С.* Визуальные проекции историко-культурных контекстов в книжных иллюстрациях / С.С. Соковиков, О.Н. Зайкова // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2021. № 2.

References:

- Dorogova L.N.* Khudozhestvennaya kul'tura: ponyatiya, terminy [Artistic culture: concepts, terms]. M.: Znanie, 1978. 208 p. (In Russian).
- Ivanova O.G.* Aktual'nost' vossozdaniya tvorcheskogo metoda khudozhnikov-grafikov KHKH vka v sovremennoi illyustratsii [The relevance of recreating the creative method of graphic artists of the twentieth century in modern illustration] // *The progressive researches science & genesis*. 2014. № 1. P. 84–90. (In Russian).
- Katkhanova Yu.F.* Tvorcheskie sposobnosti i ikh razvitie v graficheskoi deyatel'nosti: monografiya [Creative abilities and their development in graphic activity: monograph]. Cheboksary: ID «Sreda», 2018. 140 p. (In Russian).
- Kol'ovska E.G.* «Ya ponyatno ob"yasnyayu?..» Ob ispol'zovanii polnometrazhnykh mul'tiplikatsionnykh fil'mov na urokakh RKI [“Do I explain clearly?..” On the use of full-length animated films in Russian as a foreign language lessons] / E.G. Kol'ovska, M.V. Kul'gavchuk // *Vestnik TSMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*. 2009. № 3. P. 110–114. (In Russian).

Kulibina N.V. Zachem, chto i kak chitat' na uroke. Metodicheskoe posobie dlya prepodavatelei russkogo yazyka kak inostrannogo [Why, what and how to read in class. Methodological guide for teachers of Russian as a foreign language]. SPb.: Zlatoust, 2015. 224 p. (In Russian).

Sokovikov S.S. Vizual'nye proektsii istoriko-kul'turnykh kontekstov v knizhnykh illyustratsiyakh [Visual projections of historical and cultural contexts in book illustrations] / S.S. Sokovikov, O.N. Zaikova // Vestnik YUURGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2021. № 2. (In Russian).

Vereshchagin E.M. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language] / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. 1990. P. 38–39. (In Russian).

Жгунова Светлана Андреевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zhguneva Svetlana
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЗРЫВНОГО [г]
И ФРИКАТИВНОГО [γ] В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ОБОЗНАЧЕНИЕ ЭТИХ ЗВУКОВ НА ПИСЬМЕ**

**STYLISTIC DISTRIBUTION OF THE EXPLOSIVE [g] AND FRICATIVE [ɣ]
IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE DESIGNATION
OF THESE SOUNDS IN WRITING**

В XVIII в. началось становление литературного языка нового типа, опирающегося не на церковнославянский, а на собственно русский язык. Одним из проявлений этого процесса стало то, что фрикативный звук [ɣ], единственно возможный в церковнославянском языке, постепенно был вытеснен взрывным [g], прежде находившимся в области некнижной фонетики. Смена орфоэпической нормы в XVIII-XIX вв. сопровождалась оживленной полемикой между филологами и писателями, мнения которых излагаются в статье.

Поскольку буква *Г* использовалась для обозначения как взрывного звука, так и спонданта, это становилось причиной неточной передачи звучащей речи на письме. В связи с этим многократно раздавались предложения эксплицитно разграничить буквенные обозначения звуков [ɣ] и [g]. Пока доминирующим оставалось щелевое произношение, предлагалось ввести особый знак для взрывного звука. Когда же в языке стало побеждать взрывное произношение, возникла ощутимая нехватка знака для звука фрикативного (преимущественно при передаче заимствований). В статье приводится ряд примеров окказионального использования в этой функции разных знаков и делается вывод о том, что ни одна из этих попыток не была закреплена в практике письма.

In the 18th century, the formation of a new type of literary language began. It was based not on Church Slavonic, but on the proper Russian language. One of the manifestations of this process was that the fricative sound [ɣ], the only possible one in the Church Slavonic language, was gradually replaced by the explosive [g], which had previously been in the field of non-bookish phonetics. The change in the orthoepic norm in the 18th-19th centuries was accompanied by controversy between philologists and writers, whose opinions are presented in the article.

The letter *G* represented both the explosive sound and the spirant. This was the reason for the inaccurate transmission of sounding speech in writing. In this regard, it was proposed to explicitly distinguish between the letters that denote the sounds [ɣ] and [g]. As long as the fricative pronunciation remained dominant, it was proposed to introduce a special sign for the explosive sound. When the explosive pronunciation began to win, there was a noticeable lack of a sign for the fricative sound (mainly for the transmission of loan words). The article provides examples of occasional use of different signs in this function. However, none of these attempts was fixed in the practice of writing.

Ключевые слова: фрикативный звук, взрывной звук, «высокий штиль», «низкий штиль», церковнославянский язык, некнижная фонетика, орфоэпическая норма, графика.

Key words: fricative sound, explosive sound, high style, low style, Church Slavonic language, non-bookish phonetics, orthoepic norm, graphics.

Как известно, буква *Г* может служить для обозначения разных звуков: взрывного [g], произношение которого предписывает современная литературная норма, и щелевого [ɣ], который можно услышать в речи жителей южных областей России. Однако, помимо такого

территориального разделения, долгое время существовало стилистическое распределение в употреблении этих звуков, связанное со сложным взаимодействием русского и церковнославянского языков.

До XVIII в. в живом, собственно русском языке центральных и северных областей был только взрывной звук [г]. Он звучал в простой, обыденной речи, в словах исконно русских, бытовых, «народных». В церковном же чтении, равно как и в высоком стиле, был возможен только щелевой согласный [γ]. Такое произношение предписывали орфоэпические нормы церковнославянского языка, бытовавшего параллельно с русским.

Пока книжная фонетика оставалась за пределами внимания грамматиков, буква «глаголь» однозначно осознавалась как знак щелевого [γ]. Например, в грамматическом сочинении XVI в. «*Написанїе ѿзъкоꙋ словенскиꙋ о грамотѣ і о еѣ строенїи...*» приводятся «сходительные» (т.е. противопоставленные по звонкости / глухости) согласные: «*сходѣтсѣ вѣки с покоѣꙋ [т. е. Б и П], вѣди с фертоꙋ да с ѿнтою [т. е. В и Ф, Ѡ], глаголь с хѣроꙋ [т. е. Г и Х], добро с твердоꙋ [т. е. Д и Т], живете съ шею [т. е. Ж и Ш], земля с зѣлоꙋ да с словоꙋ [т. е. З, С и Ш]... И ѿ сиѣх сходительныхъ писманъ едины чисты а другыя тѣсклы*» [Ягич, 1885-1895, с. 371]. Мы видим, что коррелятом к *Г* здесь выступает именно *Х*, а не *К*.

И более поздние многочисленные примеры указывают на фрикативный характер звука, обозначаемого буквой *Г*.

Например, в «Лексиконе» Федора Поликарпова междометие *ах* записано как *агъ*, т. е. щелевой [γ] в позиции оглушения дает [х] [Поликарпов, 1704].

То же самое видим в либретто итальянских комедий времен Анны Иоанновны:

Панталеон: Аг; аг! [он стал плакать].

Шарлота: Замолчишь ли ты?

Панталеон: Аг; аг! Отдай мне мои пожитки [Перетц, 1917, с. 283].

Здесь же в параллельно представленных русском и итальянском текстах песенки итальянские восклицания *oh, ah* передаются по-русски как *огъ, агъ*.

Поручик В.А. Васильев в своем дневнике пишет о пугачевских мятежниках: «*От Оренбурха путь им пресечен*» (здесь *Х* передает щелевой звук [γ]). И тут же: «*Корпус вступил в Оренбургъ*» (здесь *Г* в позиции оглушения изображает [х]) [Васильев, 1896, с. 51]. Родство буквенных изображений [х] и [г] ясно говорит о фрикативном характере обоих звуков.

Все наблюдатели XVIII в. единодушно говорят о том, что букве *Г* соответствуют два звука: в одних случаях – [γ], а в других – [г]. Причем фрикативный всегда упоминается

в первую очередь; это объясняется тем, что он был связан с «высокими» словами, а потому сам «приобрел иератическое значение» [Панов, 2002, с. 365].

Интересную иллюстрацию такого стилистического распределения фрикативного [ɣ] и взрывного [ɣ] находим в книге Ильи Копиевича «Руководение в грамматику во славянороссийскую, или Московскую» (1706). В начале сочинения приводится довольно обширный перечень русских слов с переводом на латинский и немецкий языки. При некоторых словах с буквой **Г** Копиевич рядом с обычной записью приводит смешанную, уточняющую произношение. Так, при словах церковных, торжественных, «высоких» указано произношение **Г** как [h]: *Господь Бог – Hospod Boh, ангел – Anhel*. А рядом с бытовыми, народными, обиходными словами записано произношение с взрывным [g]: *голова – gаlava, гусь – gусь* [Копиевич, 1706].

В письменности Юго-Западной Руси с конца XVI в. обнаруживаются первые примеры обозначения щелевого [ɣ] и взрывного [ɣ] разными буквами. Основным звуковым значением «глаголя», разумеется, было фрикативное [ɣ], а для редкого взрывного [ɣ] была введена особая буква – «гамма». Эту букву указывает Мелетий Смотрицкий в своей «Грамматике» [Смотрицкий, 1619].

«Гамма» в юго-западнорусской письменности употреблялась преимущественно при передаче иноязычных слов. Смотрицкий указывает ее в ряду тех букв, которые нужны «Греческихъ дѣла и нѣкои^х Еврейскихъ и Латинскихъ реченій» («ради греческих и некоторых еврейских и латинских слов»). Так, в его «Грамматике» с «гаммой» написаны термины «орѳографіа», «етимологіа», тогда как слова «гласомъ» и «слагати» пишутся через обычный «глаголь».

Вероятно, из «Грамматики» Смотрицкого «гамма» стала известна великорусским книжникам. Идея различного обозначения щелевого [ɣ] и взрывного [ɣ] получила развитие в России в XVIII столетии. Впервые эта мысль встречается у В.Е. Адодурова в грамматическом очерке, написанном по-немецки и опубликованном в 1731 г. как приложение к немецко-русско-латинскому лексикону Вейсмана (без указания автора) [Адодуров, 1731].

Согласно произносительной норме XVIII в., буква **Г** однозначно обозначала фрикативный [ɣ]. Потому и в алфавитной таблице название буквы **Г** Адодуров по-немецки записывает как «*Hlagol*», передавая щелевой характер обозначаемого звука. Разумеется, именно такое «высокое» произношение предписывается в качестве нормативного: «*Герасимъ ließ Heraßim, того ließ toho*» («*Герасимъ читай Heraßim, того читай toho*»). Однако далее автор замечает, что русскому языку не хватает нескольких букв, а поэтому устное произношение часто не может быть точно отображено. Для передачи взрывного [g]

Адодуров предлагает ввести особую букву *Г*: *«Было бы весьма желательно, чтобы появилась привычка обозначать символом Г – Н, а символом Г – Г. А пока придется смириться с тем, что символ Г используется как вместо Г, так и вместо Н, без учета различий между ними»* [Адодуров, 2014, с. 97].

Важно отметить, что если в юго-западной письменности «гамма» предназначалась главным образом для заимствований (т. е. имела книжный характер), то идея ввести эту букву в русскую азбуку была обусловлена, напротив, стремлением передавать не книжные, собственно русские, а не церковнославянские формы. Предложение обозначить специальной буквой взрывной звук [г], обычный в разговорной речи, но недопустимый в специальном книжном произношении, было по-настоящему революционным. Это было началом становления литературного языка нового типа – языка, ориентированного на живую речь, а не на искусственные книжные нормы.

Предложение обозначать разными буквами церковно-книжный (щелевой) [γ] и народно-русский (взрывной) [г] поддержал В.К. Тредиаковский. В конце 40-х гг. XVIII в. он написал сочинение под названием «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой». Этот трактат построен как диалог, где устами «российского человека» Тредиаковский излагает свои взгляды на «орфографию» (орфографию).

Знакомя собеседника с русскими согласными, «российский человек» звонкой парой к [х] указывает [г], тогда как у [к] звонкая пара отсутствует:

Чуж. И мне желается, чтоб о сем вы мне изволили после растолковать: ибо я нетерпеливо знать хочу, что у вас значит в мягких⁴¹ положенный на конце крестик.

Рос. Ничего не знача, г[осударь] м[ой], много значит: то есть что в нашем Алфавите недостает одна буквы из согласных, а именно такая, которой надобно быть подобной звоном латинскому g, когда оно пред a, o, u [Тредиаковский, 1849, с. 260].

Тредиаковский отмечает, что в разговорном русском языке имеется множество слов с [г] взрывным: *«...никто у нас сего слова гусь и бесчисленно многих других не произносит так, как оно писано чрез Г, то есть как чрез h латинское <...>, но как чрез g латинское ж, так, например, гусь. Однако все такая слова пишем мы чрез Г в противность произношению»*. Автор предлагает ввести специальный знак для взрывного [г]: *«Нужда в букве необходимая»* [Тредиаковский, 1849, с. 261].

Однако, сообщая о своем намерении, «российский человек» опасается возможных неприятностей и предупреждает собеседника: *«Впрочем, покорно прошу держать сие про*

⁴¹ В терминологии XVIII в. глухие согласные назывались «твердыми», а звонкие – «мягкими».

себя и вымысла моего никому не сообщать» [Тредиаковский, 1849, с. 262]. Это еще раз говорит о том, насколько смелой была мысль о включении специфически разговорного звука [г] в сферу литературного (письменного) языка.

Чуж.: Нас теперь двое, а я клянусь вам всем тем, чего у меня нет важнее, что не вынесу никому: скажите, какую б вы хотели дать фигуру сей букве?

Рос.: Я б ей дал такую, которая б не весьма разбивалась с нашим Г, однако б имела с ним видимую разность. Словом, я б ей дал сию следующую, извольте смотреть: Г <...>. Она немного отходит от Г, а однако чувствительно от него отличается для того, что верхний ея кончик молоточком сделан [Тредиаковский, 1849, с. 262].

«Российский человек» и «чужестранный» обсуждают возможные названия новой буквы: они перебирают варианты «голь», «газ» и «гамма».

Чуж.: ...Но какое ж бы вы имя наложили новой вашей букве? <...>

Рос.: Можно б ея назвать голюю /.../, чего ради и поставлена теперь на сей бумажке в имени ея латинская буква g, с которою она сходствует.

Чуж.: Нет, г[осударь] м[ой], лучше б ея назвать газом. Имя голь бедности есть прознаменование.

Рос.: Но кто из нашей братьи и богат? /.../ Впрочем, я об имени новой букве не весьма забочусь: пускай господин Употребление, буде за благо рассудит ея принять, сам наложит ей имя и прозовет хотя голюю, хотя газом, хотя гаммою, как ему угодно будет [Тредиаковский 1849, с. 264].

Далее «российский человек» рассуждает о том, что он дал бы всем буквам новые наименования – односложные, как в латинской азбуке: **Б** – «*ba*», **В** – «*we*», **Д** – «*do*» и т.д. Новая буква **Г** там получила бы название «*ga*» («*га*»).

Стремление Тредиаковского ориентировать русский литературный язык на разговорную речь, которое проявилось в частности в стремлении ввести специальную букву **Г** для разговорных, бытовых, некнижных слов, характеризовало первый период его творчества. Во второй же период он занял диаметрально противоположную позицию, провозгласив необходимость дистанции между разговорным и литературным языком. Теперь он понимал литературный язык как язык книжный, письменный – своего рода гражданский вариант церковнославянского, который должен служить «мерой чистоты» русской речи.

С позицией зрелого Тредиаковского был категорически не согласен А.П. Сумароков. Как и все прочие авторы XVIII в., он указывает на два звуковых значения буквы **Г**: в одних словах – [γ], в других – [г]. В своем «Наставлении ученикам» он замечает: «**Г** во Славенских речениях произносится как Латинское **H**, а во простонародных как Латинское **G**... [Вы

это] скоро познаете, слыша и церковное служение и простонародныя речи» [Сумароков, 1782, с. 52-53].

Сам Сумароков был горячим сторонником ориентации литературного языка на разговорную речь, предполагающую взрывное произношение [г]. Поэтому в «Примечании о правописании» он запальчиво нападает на «подьячих» (как он называл бюрократов-чиновников) и с резкой критикой обрушивается на их тяжеловесный и архаичный канцелярский язык: *«Генварь выдумали старинныя подьячия, находя в литере Г, когда она как Латинское Н произносится, некое величество и пышность: а до пышности невежи охотники, хотя бы она была и не у места»* [Сумароков, 1782, с. 44]. В сочинении «О правописании» он в том же духе замечает о подьячих, что они *«желая и устремляясь быть еще грамотняе других людей и поставляя слово январь не довольно осанистым, вдули в него Г»*⁴² [Сумароков, 1782, с. 32].

М.В. Ломоносов в духе времени разделял звуковые значения буквы Г. В своей «Грамматике» взрывной звук, соответствующий латинскому g (как в слове *глаз*) он называет «поднебным», а щелевой (как в слове *благо*) – «гортанным» [Ломоносов, 1755, с. 17].

Однако, в отличие от Тредиаковского, Ломоносов вовсе не считал, что в азбуке нужны специальные буквы для [γ] и [г]. Норма колебалась, распределение [γ] и [г] по словам было неупорядоченным, неустойчивым, и разграничить употребление этих звуков часто даже не представлялось возможным: многое зависело от контекста, и одно и то же слово могло произноситься со звуком [γ], например, в оде или торжественной речи и со звуком [г] в обыденном разговоре. Например, архиепископ Аполлос (в миру – Андрей Дмитриевич Байбаков) учит в своей грамматике, что слово *гром* во фразе *«Господи, глась грома твоего грядеть»* произносится с [γ], а во фразе *«громь гремитъ»* – с [г] [Аполлос, 1794, с. 3].

Чтобы доказать ненужность внесения в русскую азбуку лишней буквы, Ломоносов написал остроумное стихотворение «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке». Намеренно перемешивая слова разных стилей, он почти сплошь использует те, где встречается Г: *«Бугристы берега, благоприятны влаги, / О горы с гроздами, где греет юг*

⁴² Название этого месяца пришло в церковнославянский язык из Византии, где оно выглядело как γενουάρ(ο)ς [геновари(о)с]. Среднегреческое γε- в произношении книжных людей на юге Древней Руси звучало как [je], поэтому в древних памятниках встречаются разные варианты написания: *енварь, кнварь, генварь*. Книжная форма *генварь*, восходящая к греческому γενουάρ(ο)ς, сохранялась в литературном (особенно канцелярском) языке очень долго, вплоть до середины XIX в. (еще Пушкин употреблял ее наряду с *январь*). Светская форма *январь* возникла из *енварь* вследствие искусственного подравнивания к латинской праформе этого слова *Jānuārius mēnsis* – ‘Янусов месяц’ (т.е. месяц, посвященный Янусу – древнему италийскому богу солнечного круговращения).

ягнят...». Букву **Г** здесь содержат все знаменательные слова (за исключением двух последних строк). Заканчивается стихотворение вопросом, остающимся без ответа: «Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю?*» [Ломоносов, 1986, с. 261-262].

Вопрос о различном обозначении щелевого [γ] и взрывного [г] вновь встал в 1783 г., когда началась работа над созданием первого толкового словаря русского языка – «Словаря Академии Российской» (того самого, который упоминает А.С. Пушкин в «Евгении Онегине»: «...Хоть и заглядывал я встарь в Академический словарь»). Дело в том, что щелевой звук [γ], придающий речи торжественную окраску, был неуместен в тех бытовых, обыденных словах, которые не встречались в высоком стиле. На одном из первых собраний Российской Академии члены ее, как указано в протоколе заседания, приняли решение о введении особой буквы **Г**, «соответствующей немецкому или латинскому **g** для различия многих слов, которыя одним только выговором разнятся, например, **град** – город и **град** – смершиися капли с атмосферы падающия; **благий**, т. е. добрый, добронравный, и **благой**, т. е. блажной, **пригожей** – красен лицом, **пригож** – пригодный; и прочая» [Протокол от 18.11.1783]. Иначе говоря, составители «Словаря...» предназначали букву **Г** для тех немногих слов с взрывным [г], которые – как исключение – надо было особо отмечать. Например, с этой буквой записаны слова **баклага** или **багульник**. Как пишет про **багульник** М.В. Панов, «невозможно представить себе классицистскую трагедию, где понадобилось бы это слово» [Панов, 2002, с. 367].

Однако первоначальный замысел не нашел в «Словаре...» последовательного воплощения. Многие просторечные, явно нетерпимые в высоком стиле слова все-таки записаны там с буквой **Г**, а не **Г**. В русском языке уже побеждало произношение со взрывным [г], и выделять его с помощью особой буквы было бессмысленно.

Тем не менее можно отметить и более поздние попытки ввести особую букву для обозначения взрывного [г]. Например, Шишков свидетельствует о том, что высказывались предложения ставить над буквой **Г** две точки для передачи взрывного произношения – видимо, по аналогии с **Е** (примечательно, что в обоих случаях это обозначение соответствует звукам некнижной фонетики).

*А. Некоторые думают еще, что надобно также двумя точками отличить букву **г**, дабы произносить оную иногда как иностранное **g** (например, в слове **глаз**), а иногда как **h** (например, в слове **благость**).*

*Б. Выдумка эта будет столь же худая, как **Е** с двумя точками, и принесет столько же вреда языку и словесности* [Шишков, 1824, с. 39].

Фрикативное произношение [γ] еще сохранялось в высоком слоге и в начале XIX в. Консерватор и ревнитель чистоты русского языка, А.С. Шишков настаивал на том, что

в высоком слогe надо говорить с [ɣ], а в простом – с [г]. *«Весьма бы странно было, если б мы в высоких выражениях Давида: **Господь крепок и силен** /.../ или в стихах Ломоносова: **градов ограда, возлюбленная тишина** и проч. – весьма, говорю, странно было бы и нелепо, если б мы в подобном сему высоком языке букву г стали произносить как иностранное g. Между тем в простом языке мы чаще выговариваем ее как g, нежели как h: нередко одно и то же слово произносим двояко: **гора (g)** и **гора (h)**, смотря по тому, в высокой или простой речи слово сие поставлено»* [Шишков, 1824, с. 39-40]. *«Самое благороднейшее и наиболее свойственное языку нашему произношение состоит в выговаривании буквы г как иностранное g»,* – пишет Шишков [Шишков, 1824, с. 39]. Однако тут он, вероятно, выдает желаемое за действительное. В реальности буква Г уже произносилась и как [г] и как [ɣ] (в позиции оглушения – соответственно как [к] и [х]). Об этом красноречиво свидетельствуют рифмы поэтов того времени. Например, Г.Р. Державин в одном случае рифмует *«вокруг / лух»* [Державин, 1864, с. 225], а в другом – *«вокруг / лук»* [Державин, 1864, 683]. Сходные примеры находим в поэзии Я.Б. Княжнина: в трагедии «Рослав» слово *«друг»* рифмуется с *«дух»* [Княжнин, 1787, с. 224], поскольку в серьезных жанрах все же преобладало фрикативное произношение, а в комедии «Сбитенщик» – с *«недосуг»* и *«без рук»* [Княжнин, 1787, с. 210].

По словам Г.О. Винокура, «живое произношение одерживало в течение XVIII в. частичные победы над произношением традиционно-книжным, и по мере того как эти победы становились более частыми, традиционное произношение постепенно переходило на положение поэтической вольности, то есть из обязательной нормы превращалось в допустимый вариант» [Винокур, 1959, с. 359].

Со временем круг слов, в которых произношение щелевого [ɣ] было бы единственно правильным, неуклонно сокращался. В 20-х гг. XX в. еще можно было услышать [ɣ] в словах *бог₂ство, благо, Г₂сподь, Бо₂а* и некоторых других, церковнославянских по происхождению. В настоящее время щелевой согласный [ɣ] является обязательным только в словах *бух₂галтер, ага* и *Бо₂* (во избежание омонимии со словом *бок*), притом что в косвенных падежах возможны варианты *Бо[ɣ]а* и *Бо[ɣ]а*.

Итак, к началу XIX в. взрывное произношение Г стало в литературном языке господствующим, однако на протяжении некоторого времени еще сохранялась традиция произносить фрикативный [ɣ] в заимствованиях – в соответствии с западноевропейским [h].

Еще М.В. Ломоносов, возражая против введения особой буквы для взрывного [г], писал, что имеющийся в азбуке «глаголь» может передавать разные звуки. Он предлагал писать в заимствованных словах Г и при этом придерживаться такого же произношения, как в языке-источнике: *«в иностранных речениях, которыя в российском языке весьма*

употребительны», на месте **Г** «выговаривать пристойно как **h** где **h**; как **g** где **g** у иностранных» [Ломоносов, 1952, с. 427].

Так и было, пока буква **Г** сохраняла свое двойственное звуковое значение. М.В. Панов писал о книжниках второй половины XIX в., что «они хотели, сообразуясь с этимологией слова, использовать [γ] как «правильный» перевод греческого ' [густого придыхания] и латинского **h**. И сами они, вероятно, произносили: *гармонический, гектар, гелиотрон, гегемония, гедонизм, гейзеры, гекзаметр, гербарий, герой, гиацинт, гигиена, гидравлика, гимнастика, гимназия, гипербола, гиппопотам, гиена, гортензия* – с начальным [γ]» [Панов, 2002, с. 99].

Но со временем в литературном языке взрывное [г] осталось единственно возможным. И в тех заимствованиях, где прежде традиция требовала произносить [γ], возобладало [г]. Произошло воздействие орфографии на произношение. Как писал об этом Ф.Е. Корш, написание с **Г** «вводит в обман огромное большинство, не знакомое с происхождением этих слов, заставляя его произносить *Гера, герметический, гимн, Генрих* и т.п. с **Г** = **g**» [Корш, 1902, с. 41].

Действительно, под влиянием орфографии мы сейчас во многих заимствованиях произносим [г], хотя соответствующий звук в языке-источнике гораздо ближе к [h]:

- *гидра* < нем. *Nydra* 'водяной змей' < греч. Ὕδρα 'водяная змея' (от ὕδωρ 'вода'),
- *гармония* < др.-греч. ἀρμονία,
- *Гомер* < др.-греч. Ὅμηρος,
- *Гораций* < лат. *Horatius*,
- *Виктор Гюго* < *Victor Hugo*,
- *горельеф* < франц. *haut-relief* 'высокий рельеф',
- *Гамбург* < нем. *Hamburg*,
- *Генрих Гейне* < нем. *Heinrich Heine*,
- *галстук* < нем. *Halstuch* 'шейный платок' (из *Hals* 'шея' и *Tuch* 'платок'),
- *госпиталь* < нем. *Hospital* или голл. *hospital* < лат. *hospitāle* 'приют, странноприимный дом',
- *Голландия* < нидерл. *Holland*, от *holt land* 'древесная страна',
- *гусар* < венг. *huszár*, от *húsz* 'двадцать' (по венгерским законам из двадцати новобранцев один должен был стать кавалеристом).

Итак, отсутствие специальной буквы, которая передавала бы [h] в иностранных словах, стало причиной неточной передачи многих заимствований (главным образом имен собственных). Я.К. Грот писал о «чувствуемой всеми несообразности русской транскрипции иностранных слов с буквою **h** при помощи нашего **Г**, которое, по своему

господствующему произношению, отвечает совсем другой латинской букве (g)» [Грот, 1899, с. 605-606]. В руководстве «Русское правописание» Грот замечает: «Буква **Г** служит у нас для изображения двух различных звуков; так, напр., в именах: **Gambetta** и **Hugo**, **Göthe** и **Heine**, **Gent** и **Hamburg** мы пишем одинаково: **Гамбетта** и **Гуго**, **Гётте** и **Гейне**, **Гентъ** и **Гамбургъ**» [Грот, 1885, с. 74]. «При нынешнем употреблении в таких случаях буквы **Г** никогда нельзя узнать настоящего имени, если оно уже наперед не известно или если не стоит в скобках подлинное иностранное начертание его. Писать в таких именах, как недавно предлагалось, **Хамбургъ**, **Хорацій**, **Бетховенъ** было бы также неверно, потому что **Х** соответствует германскому **ch**, совершенно отличному от придыхания **h**» [Грот, 1862, с. 3-4]. Относительно фамилии немецкого композитора интересно отметить, что в XIX в. было употребительно написание **Бетговень**, а закрепивший впоследствии вариант **Бетховен** воспринимался Гротом как неверный.

Ощутимая неточность передачи слов с придыхательным звуком побуждала многих авторов XVIII-XIX вв. предлагать для щелевого [ɣ] особые буквенные знаки, которые могли бы использоваться для научной записи иноязычных слов и более точного обозначения соответствующего звука в русских словах (главным образом – заимствованиях). «Уже более полутора лет наши грамотеи жалуется на недостаток у нас особой буквы для отличения звука малороссийского спиранта **Г** от греко-русской **гаммы**», – замечал Грот [Грот, 1885, с. 74].

Академик П.С. Паллас в латинском предисловии к «Сравнительным словарям всех языков и наречий» (1787), помимо обычной буквы **Г**, сходной по звуковому значению с греческой «гаммой», вводит в соответствии с **h** букву **Г** с подстрочной запятой (этот значок называется «сидиль») [Паллас, 1787].

И.И. Срезневский в работе, посвященной звукам в славянских наречиях, звонкую пару к **Ж** условно изображает как **Г'** (**Г** с апострофом) [Срезневский, 1845, с. 156-157].

Географ С.И. Барановский, сожалея об отсутствии специальной буквы для обозначения придыхательного звука, для передачи его в своих работах «решился употреблять отвергнутое придыхание» [Барановский, 1848, с. 143], т.е. знак (˘).

Академик О.Н. Бётлингк в работе, посвященной языку якутов, передает якутские слова кириллицей, используя для звука [ɣ] знак **ѣ** [Бётлингк, 1853].

В статье «По вопросу об упрощении орфографии», опубликованной в журнале «Учитель» в 1862 г., высказывались разные идеи по обозначению фрикативного [ɣ]. Одни предлагали ставить над **Г** галочку (˘) для обозначения щелевого характера звука [«Учитель», 1862, с. 889]. Другие считали, что для слов *Бога*, *Богу*, *государь*, *богатство*,

богатырь, господин, бухгалтер, благо, когда и проч. необходим особый знак – например, (s) [Учитель, 1862, с. 891].

В.И. Даль в своем «Толковом словаре...» предлагает для этой цели использовать надстрочную точку. Он пишет про **Г**, что «от Москвы на юг она переходит в придыхание, как немецкое **h**, которое есть и у прочих славян; хорошо бы принять и у нас *ğ* (*г с точкою*) за такой придыхательный знак, часто необходимый» [Даль, 1863, с. 299].

Я.К. Грот в «Русском правописании» «звук, замечаемый, напр., в словах *благо, тогда*» передает как **Г** с небольшой буквой **X** сверху, «желая надстрочным «**x**» напомнить, что это голосовой звук, отвечающий безголосному **X**» (под «голосовым» и «безголосым» понимаются звонкий и глухой согласные) [Грот, 1885, с. 8-9].

В работе «По поводу толков о правописании» Грот пишет: «...удобнее и проще было бы, может быть, перечеркивать такое **Г** посредине. Но на введении этого нового знака все-таки нельзя слишком настаивать» [Грот, 1862, с. 3-4].

Автор «Полного филологического словаря русского языка» А.И. Орлов вводит для передачи [ɣ] особую букву **ǵ**. В его словаре с нее начинаются, например, такие слова, как *ǵагиография* ‘жизнеописание святых’, *ǵармоникум* ‘род органа’, *ǵармонифон* ‘духовой инструмент’, *ǵарния* ‘чудовище’ и др. [Орлов, 1885].

Однако, как показала практика, все эти многочисленные попытки ввести разные буквы для обозначения взрывного [ɣ] и щелевого [ɣ] не увенчались успехом. Так что с неточной передачей придыхательного звука в заимствованиях нам пришлось примириться.

А в тех немногочисленных случаях, когда в художественных произведениях бывает нужно передать особенности речи героев, авторы окказионально используют русскую **X** или латинскую **h**.

Так поступил, например, И.А. Гончаров, воспроизводя в романе «Обломов» речь Алексеева:

– Пушкина нет там. Я сам тоже подумал, отчего его нет! Ведь он *хений*, – сказал Алексеев, произнося *г* как *х* [Гончаров, 1909, с. 481].

А лихие кавалеристы стихотворения Б.П. Корнилова «Командарм» (1934) запевают песню «с кубанским выдохом на **ha**»:

– *hады* отовсюду, но недаром

Длинных сабель развернулся ряд,

Бурка крыльями над командармом

И знамена грозные горят [Корнилов, 1966, с. 240].

Таким образом, мы убедились в том, что в результате сложного взаимодействия русского и церковнославянского языков, начавшегося три столетия назад, место щелевого [ɣ] в литературном русском языке постепенно занял взрывной звук. Высказывались многочисленные предложения эксплицитно разграничивать буквенные обозначения двух этих звуков, однако ни одно из них не получило практической реализации.

Список литературы:

- Адогуров В.Е.* Anfangs-Gründe der Russischen Sprache, или Первые основания русского языка. // Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. Санкт-Петербург, 1731.
- Адогуров В.Е.* Василий Евдокимович Адогуров: «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», или «Первые основания русского языка» / Отв. ред. Филиппов К.А., Волков С.С., пер. Григорьевой Л.Н. СПб., 2014.
- Аполлос (Байбаков, Андрей Дмитриевич).* Грамматика руководствующая к познанию славено-русского языка. Киев, 1794.
- Барановский С.И.* О согласовании правописания с произношением // Иллюстрация, 1848, т. 6, № 9.
- Бетлингк О.Н.* О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. О. Бетлингк // Ученые записки Императорской Академии наук по I и III отделениям. Т. I. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1853.
- Васильев.* Дневник поручика Васильева с предисловием Е. Щепкиной. Санкт-Петербург, 1896.
- Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Гончаров И.А.* Обломов. – Санкт-Петербург, 1909.
- Грот Я.К.* По поводу толков о правописании // Русский вестник. Современная летопись. 1862, № 28.
- Грот Я.К.* Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротом. Санкт-Петербург, 1885.
- Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания // Труды Я.К. Грота. II. Филологические разыскания (1852-1892). Санкт-Петербург, 1899.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Ч. 1. Москва, 1863.
- Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. Санкт-Петербург, 1864.
- Княжнин Я.Б.* Собрание сочинений Якова Княжнина. Т. III. Санкт-Петербург, 1787.
- Копиевич (Копиевский) И.Ф.* Руководство в грамматику славенороссийскую. Штольценберг (Данциг), 1706.
- Корнилов Б.П.* Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1966.
- Корш Е.Ф.* О русском правописании. Санкт-Петербург, 1902.
- Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л., 1986.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика Михайла Ломоносова. Санкт-Петербург, 1755.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7. – М.-Л., 1952.
- Орлов А.И.* Полный филологический словарь русского языка. Т. 2. – Москва, 1885.
- Паллас П.С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отд. 1, ч. 1. Санкт-Петербург, 1787.
- Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 2002.
- Перетц В.Н.* Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733-1735 гг. Петроград, 1917.
- По вопросу об упрощении орфографии // Учитель, 1862, № 17.*
- Поликарпов-Орлов Ф.П.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. Москва, 1704.
- Протокол от 18.11.1783* – Протокол заседания членов Российской Академии 18 ноября 1783 г. – Архив РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Лл. 21, 22 об., 23.
- Смотрицкий М.* Грамматики славенския правильное Синтагма. Евье, 1619.
- Срезневский И.И.* Обзорение главных черт сродства звуков в наречиях славянских // Журнал МНП, 1845, ч. XLVIII. Санкт-Петербург, 1845.
- Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Часть X. Москва, 1782.

Тредиаковский В.К. Сочинения Тредьяковского. Т. 3. Санкт-Петербург, 1849.
Шишков А.С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки // Собр. сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. III. Санкт-Петербург, 1824.
Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. Санкт-Петербург, 1885-1895.

References:

- Adodurov V.E.* Anfangs-Gründe der Russischen Sprache, ili Pervye osnovaniya rossiiskogo yazyka [The first foundations of the Russian language] // Veisman E.H. Nemetsko-latinskii i ruskii leksikon. Sankt-Peterburg, 1731.
- Adodurov V.E.* Vasilii Evdokimovich Adodurov: «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», ili «Pervye osnovaniya rossiiskogo yazyka» [Vasilii Evdokimovich Adodurov: «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» or «The first foundations of the Russian language»] / Otv. red. Filippov K.A., Volkov S.S., per. Grigor'evoi L.N. SPb., 2014. (In Russian).
- Apollos (Baibakov, Andrei Dmitrievich).* Grammatika rukovodstvuyushchaya k poznaniyu slaveno-rossiiskago yazyka [Grammar guide to the study of the Church Slavonic language]. Kiev, 1794. (In Russian).
- Baranovskii S.I.* O soglasovanii pravopisaniya s proiznosheniem [About matching spelling with pronunciation] // Illyustratsiya, 1848, t. 6, № 9. (In Russian).
- Betlingk O.N.* O yazyke yakutov. Opyt issledovaniya otdel'nago yazyka v svyazi s sovremennym sostoyaniem vseobshchago yazykoznaniiya. O. Betlinga [About the language of the Yakuts. The experience of studying a separate language in connection with the current state of general linguistics by O. Betling] // Uchenyya zapiski Imperatorskoi Akademii nauk po I i III otdeleniyam. T. I. Vyp. 4. Sankt-Peterburg, 1853. (In Russian).
- Dal' V.I.* Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka V.I. Dal'ya [Explanatory dictionary of the living Russian language by V.I. Dal']. Ch. 1. Moskva, 1863. (In Russian).
- Derzhavin G.R.* Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nymi primechaniyami YA. Grota [Works by Derzhavin with explanatory notes by YA. Grot]. T. 1. Sankt-Peterburg, 1864. (In Russian).
- Goncharov I.A.* Oblomov. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russian).
- Grot Ya.K.* Po povodu tolkov o pravopisanii [Concerning the spelling rumors] // Russkii vestnik. Sovremennaya letopis'. 1862, № 28. (In Russian).
- Grot Ya.K.* Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniyu Vtorogo otdeleniya Imperatorskoi Akademii nauk akademikom Ya.K. Grotom [Russian spelling. Manual compiled on behalf of the Second Department of the Imperial Academy of Sciences by Academician Ya.K. Grot]. Sankt-Peterburg, 1885. (In Russian).
- Grot Ya.K.* Spornye voprosy russkogo pravopisaniya [Controversial questions of Russian spelling] // Trudy Ya.K. Grota. II. Filologicheskie razyskaniya (1852-1892). Sankt-Peterburg, 1899. (In Russian).
- Knyazhnin Ya.B.* Sobranie sochinenii Yakova Knyazhnina [Collected works of Yakov Knyazhnin]. T. III. Sankt-Peterburg, 1787. (In Russian).
- Kopievich (Kopievskii) I.F.* Rukovedenie v grammatiku slavenorossiiskuyu [Introduction to Church Slavonic grammar]. Shtol'tsenberg (Dantsig), 1706. (In Russian).
- Kornilov B.P.* Stikhotvoreniya i poehmy [Poems]. M.-L., 1966. (In Russian).
- Korsh E.F.* O russkom pravopisanii [About Russian spelling]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russian).
- Lomonosov M.V.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. L., 1986. (In Russian).
- Lomonosov M.V.* Rossiiskaya grammatika [Russian grammar] // Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. M.-L., 1952. (In Russian).
- Lomonosov M.V.* Rossiiskaya grammatika Mikhaila Lomonosova [Russian grammar by Mikhail Lomonosov]. Sankt-Peterburg, 1755. (In Russian).
- Orlov A.I.* Polnyi filologicheskii slovar' russkogo yazyka [Complete philological dictionary of the Russian language]. T. 2. Moskva, 1885. (In Russian).
- Pallas P.S.* Sravnitel'nye slovari vsekh yazykov i narechii, sobrannye desnitseyu vsevysochaishei osoby [Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by command of the Empress]. Otd. 1, ch. 1. Sankt-Peterburg, 1787. (In Russian).
- Panov M.V.* Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII-XX vv. [The history of Russian literary pronunciation of the 18th-20th centuries]. M., 2002. (In Russian).

- Peretts V.N.* Ital'yanskii komedii i intermedii, predstavlennye pri dvore imperatritsy Anny Ioannovny v 1733-1735 gg. [Italian comedies and interludes shown at the court of Empress Anna Ioannovna in 1733-1735]. Petrograd, 1917. (In Russian).
- Po voprosu ob uproshchenii orfografii* [On the issue of spelling simplification] // *Uchitel'*, 1862, № 17. (In Russian).
- Polikarpov-Orlov F.P.* Leksikon treyazychnyi, sirech' rechenii slavenskikh, ellinogrecheskikh i latinskikh sokrovishche [Trilingual dictionary, collection of Russian, Greek and Latin words]. Moskva, 1704. (In Russian).
- Protokol ot 18.11.1783* – Protokol zasedaniya chlenov Rossiiskoi Akademii 18 noyabrya 1783 g. [Minutes of the meeting of the members of the Russian Academy on November 18, 1783]. Arkhiv RAN. F. 8. Op. 1. D. 1. Ll. 21, 22 ob., 23. (In Russian).
- Shishkov A.S.* Razgovory o slovesnosti mezhdum dvumya litsami Az i Buki [Conversations about literature between two persons Az and Buki] // *Sobr. sochinenii i perevodov admirala Shishkova*. CH. III. Sankt-Peterburg, 1824. (In Russian).
- Smotritskii M.* Grammatiki slavenskiya pravilnoe Sintagma [Grammar of Church Slavonic]. Ev'e, 1619. (In Russian).
- Sreznevskii I.I.* Obozrenie glavnykh chert srodstva zvukov v narechiyakh slavyanskikh [Review of the main features of the affinity of sounds in Slavic dialects] // *Zhurnal MNP*, 1845, ch. XLVIII. Sankt-Peterburg, 1845. (In Russian).
- Sumarokov A.P.* Polnoe sobranie vsekh sochinenii v stikhakh i proze [Complete works in verse and prose]. Chast' X. Moskva, 1782. (In Russian).
- Trediakovskii V.K.* Sochineniya Tred'yakovskago [Works by Trediakovsky]. T. 3. Sankt-Peterburg, 1849. (In Russian).
- Vasil'ev.* Dnevnik poruchika Vasil'eva s predisloviem E. Shchepkinoi [Diary of Lieutenant Vasiliev with a preface by E. Shchepkina]. Sankt-Peterburg, 1896. (In Russian).
- Vinokur G.O.* Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. M., 1959. (In Russian).
- Yagich I.V.* Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoi i russkoi stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke [Reasonings of Church Slavonic and Russian antiquity about the Church Slavonic language] // *Issledovaniya po russkomu yazyku*. T. I. Sankt-Peterburg, 1885-1895. (In Russian).

Зеленова Анастасия Алексеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zelenova Anastasia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИНФОГРАФИКА НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

USE OF INFOGRAPHICS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В последнее время в журнально-газетной продукции, в сети Интернет достаточно часто публикуются материалы информационно-аналитического характера, в которых информация представлена графически. Данные материалы охватывают практически все сферы жизнедеятельности человека: экономика, политика, культура, спорт, образование и т.д. В статье рассматривается дидактический и функциональный потенциал использования статичной инфографики от российских СМИ на занятиях русского языка как иностранного (РКИ). В статье выделяются основные функции, приводится классификация инфографики. Несмотря на то, что преподаватели РКИ лишь сравнительно недавно начали привлекать инфографику на занятия, подобные материалы обладают рядом значительных преимуществ. Особое внимание уделяется использованию инфографики, как аутентичного материала, возможностям использования готовых материалов без предварительной адаптации. Кроме того, инфографика является средством повышения мотивации к изучению языка. В статье анализируется роль принципа наглядности в формировании коммуникативных компетенций у обучающихся. В статье дается краткое описание взаимосвязанного обучения, приводятся примеры типовых заданий на предтекстовом (лексические и грамматические упражнения), притекстовом и послетекстовом уровнях, коммуникативных заданий, а также варианты творческих и проектных заданий для студентов.

Recently, information and analytical materials have been published quite often in magazines and newspapers, on the Internet. In these materials the information is presented graphically. They cover almost all spheres of human life: economy, politics, culture, sports, education, etc. The article examines the didactic and functional potential of using static infographics in teaching Russian as a foreign language. The article highlights the main functions, provides a classification of infographics. Despite the fact that teachers of Russian as foreign language have only recently begun to attract infographics in the classroom, such materials have a number of significant advantages. Special attention is paid to the use of infographics as authentic material, the possibility of using ready-made materials without prior adaptation. In this article we provide the criteria for selecting infographics for teaching a foreign language. In addition, infographic is a mean of increasing motivation to learn a language. The article analyzes the role of the visual aids in the formation of students' communicative competencies. The article provides a brief description of interconnected learning and offers examples of lexical, grammatical, communicative tasks, as well as different types of creative or practical projects for students.

Ключевые слова: инфографика, русский язык как иностранный, принцип наглядности, коммуникативные компетенции, взаимосвязанное обучение, виды речевой деятельности.

Key words: infographics, Russian as a foreign language, visual aids, communicative competences, interrelated ways of teaching, language skills.

Практическая направленность курса русского языка как иностранного (РКИ) заключается в том, чтобы учащиеся овладели коммуникативными компетенциями, то есть в том, чтобы студенты были способны «средствами иностранного языка решать актуальные для них задачи общения» в разнообразных жизненных ситуациях, а также умели «пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения» [Азимов, 2009, с. 98].

Ввиду этого на занятиях РКИ преподаватели должны давать знания о системе изучаемого языка и входящих в его структуру единицах, формировать у студентов четыре вида речевой деятельности, а именно аудирование, говорение, чтение, письмо, развивать социокультурную и лингвострановедческую компетенции для того, чтобы студенты могли «из единиц языка извлекать страноведческую информацию, пользоваться ею, добиваясь полноценной коммуникации» [Азимов, 2009, с.128]. При этом каждая из задач представляется нам сложным процессом. Мы можем судить об овладении учащимся коммуникативной компетенцией по его способности порождать и воспринимать иноязычную речь в соответствии с реальной ситуацией общения и в объеме, заданном целью общения.

В процессе обучения иностранному языку преподаватели формируют у студентов умения и навыки речевой деятельности. Однако даже если студент будет обладать блестящими знаниями о системе языка, если у него будет богатый лексический запас, это автоматически не приведет к коммуникативному успеху, то есть студент не сможет применить все свои накопленные знания в общении. Из этого следует, что необходимо уделять особое внимание применению полученных навыков и знаний на практике, формировать коммуникативно-речевые умения, так как «условия общения никогда не повторяются полностью, и каждый раз человеку приходится заново подбирать нужные языковые средства и речевые навыки» [Леонтьев, 1997, с.148].

Обучение четырем видам речевой деятельности должно быть системным, и по совету А.А. Акишиной и О.Е. Каган в книге «Учимся учить» каждый вид речевой деятельности должен стать постоянным элементом занятий [Акишина, 2016, с. 76, 90, 106, 123]. Это важное замечание, так как все виды речевой деятельности связаны между собой, овладение всеми видами речевой деятельности осуществляется в рамках единой системы обучения иностранному языку.

В процессе общения аудирование выступает во взаимосвязи с говорением: мы слушаем, чтобы вступить в коммуникацию (диалог, полилог). В практике общения, а также и в обучении общению слушание неразрывно связано с говорением, так как партнеры постоянно меняются ролями (то говорящий, то слушающий) [Бредихина, 2018, с. 18].

Аудирование и чтение в психологическом плане сближает лежащий в их основе механизм соотнесения слов с понятиями, раскрытие содержания речевого сообщения и замысла автора речи. Но в силу разных условий протекания речевой деятельности аудирование и чтение существенно различаются: различная пропускная способность звукового и зрительного каналов, интенсивность работы механизмов памяти, прогнозирование, осмысление и др. [Пашкова, 2011, с. 291].

Письмо возникло на базе звучащей речи как способ фиксации звуков языка для сохранения и последующего воспроизведения информации. Чтение является переходной формой от устной речи к письму, сочетает в себе признаки того и другого [Бредихина, 2018, с. 33].

Одним из инструментов, к которому преподаватели могут обращаться в своей практике, являются разнообразные визуальные опоры, в частности репродукции картин, различные иллюстрации, комиксы (например, комиксы Херлуфа Бидструпа), реклама, афиши, буклеты из магазинов, театров и т.д. Важно отметить, что наглядные материалы выполняют ряд функций: информативную, страноведческую, семантизирующую, мотивирующую, познавательную, контролирующую [Митрофанова, 1990, с. 91]. Более того, «наглядность дает учащимся живой красочный образец недостаточно известного им кусочка действительности, расширяет их чувственный опыт, обогащает их впечатления...» [Там же].

Хотелось бы более подробно остановиться на принципе наглядности. А.Н. Щукин, выделяя принципы обучения (в том числе дидактические, лингвистические, психологические и собственно методические), отмечает доминирующую роль принципа сознательности и наглядности среди дидактических принципов [Щукин, 2006, с. 148]. Необходимость данного принципа, считает А.Н. Щукин, «обосновывается диалектикой перехода от чувственного восприятия к абстрактному мышлению в процессе познания» [Щукин, 2006, с. 152]. Данный принцип обучения «строится на конкретных образах, которые непосредственно воспринимают учащиеся» [Там же].

А.Н. Щукин отмечает, что использование принципа наглядности возможно как а) средство обучения (специально подобранные материалы для овладения произносительными или иными нормами языка, понимание речи на слух и выражение своих мыслей в рамках заданной темы или ситуации), б) источника информации о стране изучаемого языка [Щукин, 2006, с. 153]. Одной из важных реализаций обучающей функции наглядности является стимуляция высказывания, так как визуальные опоры «служат опорой при построении речевого высказывания» [Там же]. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением Е.И. Пассова о том, что любые иллюстративные опоры – лишь опоры, которые должны «будить мысли и чувства», а «истинное речевое умение предполагает самостоятельность, которую и следует развивать» [Пассов, 1989, с. 261–262]. При этом ученый замечает, что преподаватель должен поставить такую речевую задачу, которая бы стимулировала выражение собственного отношения к воспринимаемому, а не описание увиденного.

На наш взгляд, существует способ наглядного представления информации, который является и средством, и способом обучения на уроке РКИ, а именно инфографика. Инфографика – «область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний. Используется для быстрой и четкой передачи вербальной информации с формированием связанных с ней визуальных образов» [Лаптев, 2012, с. 10]. Как отмечает А.Е. Басырова, в отличие от стандартных способов визуализации информации (графики, диаграммы), которые передают «сухую» информацию, «инфографика воздействует на эмоции, ведь в ее основе лежит идея, визуальная ассоциация, авторский образ, который связывает воедино элементы разных семиотических систем, графического, вербального, числового рядов» [Басырова, 2016, с. 25].

Основываясь на определении текста и его свойствах, которые были даны Н.С. Валгиной в учебном пособии «Теория текста» мы можем сказать, что инфографика обладает некоторыми характеристиками традиционного текста. Текст «представляет собой объединенную по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Валгина, 2003, с. 7].

Если говорить о смысловой целостности текста, которая обеспечивается его темой, то инфографике, безусловно, присуще данное свойство. С темой инфографики будет связано ее содержание, подзаголовки, что обеспечивает внутреннее единство текста. Следующее свойство текста – завершенность. Инфографика ограничена во времени и пространстве своей темой. Членимость текста – это свойство также характерно для инфографики. Мы можем раздельно представить студентам части инфографики для того, чтобы облегчить восприятие сообщения. Однако в инфографике мы не находим элементы структурной связности, то есть причинно-следственная связь не выражена ни словами, ни логико-интонационными средствами [Валгина, 2003, с. 26–27].

Е.Е. Анисимова отмечает, что «информационная емкость и прагматический потенциал невербальных средств письменной коммуникации нередко выше, чем у вербальных средств» [Анисимова, 2003, с. 3]. Таким образом, мы можем говорить о том, что на передний план выдвигается коммуникативный компонент инфографики, который позволяет преподавателям использовать инфографику в качестве визуальной опоры, которая будет стимулировать развитие всех видов речевой деятельности, как рецептивных, так и продуктивных.

Использование инфографики в процессе обучения РКИ имеет определенные достоинства. Самое очевидное преимущество – визуальная семантизация новой лексики.

Кроме того, сегодня в России инфографику можно найти как в печатных СМИ – газетах и журналах, например, «Ведомости», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Вокруг света», «Русский репортер» и др., так и в таких онлайн-изданиях, как «Газета.ру» и др. В информационных агентствах (ИТАР-ТАСС, РИА Новости, МИА «Россия сегодня») созданы отделы инфографики. Коллекция сайта «РИА Новости» состоит из 16 853 материалов на актуальные политические, экономические, бытовые, культурные, научные и прочие темы. На сайте Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представлен тематический каталог инфографики, где можно найти подходящий материал практически для любой темы. Кроме того, развивается инфографика на телевизионных каналах, например на телеканале «Москва-24».

Еще одно преимущество инфографики состоит в том, что целевой аудиторией инфографики российских СМИ являются российские пользователи. Таким образом, инфографика – аутентичный материал, который предоставляет возможность введения не только новой лексики и грамматики, но и развития социокультурной и лингвострановедческой компетенций. Студенты ближе знакомятся с культурой и образом жизни в России, что особенно важно в условиях внеязыковой среды, так как при создании инфографики российские СМИ опираются на факты российской действительности, акцентируют внимание на актуальных проблемах и запросах российского общества.

Кроме того, инфографика не дает обучающимся готовую информацию. Студенту необходимо самостоятельно «добыть» информацию – интерпретировать вербальную и невербальную информацию, которая представлена в материале. Благодаря этому студенты не задумываются над тем, что сказать, они сосредотачиваются на том, как выразить свое отношение к данным, как выстроить логично свое высказывание, какие можно сделать выводы на основе материала, что, в конечном счете, и является основной целью преподавателя. Таким образом, мы также стимулируем самостоятельность студентов.

Говоря о функциях инфографики, А.Е. Басырова указывает на следующие: информативная, аналитическая, организационно-связующая / конструктивная, адаптивная, экспрессивная, воздействующая, аттрактивная, эстетическая [Басырова, 2016, с. 25].

Что касается видов инфографики, представленных в российских СМИ, ученые выделяют статистику и отчеты, справочную информацию, иллюстрации, анимацию и видео (статичная и анимированная), чертежи и схемы, картографию [Лайкова, 2014, с. 44–45].

Безусловно, использование инфографики разнообразит занятия, данный инструмент может послужить средством повышения мотивации и вовлеченности студентов, может также повысить познавательную деятельность обучающихся.

На уроках РКИ инфографику можно использовать как самостоятельный материал для введения новой лексики или грамматики, так и как инструмент вывода в речь уже полученных знаний. При этом, как нам кажется, второе оказывается предпочтительнее. Исходя из собственного опыта, можем отметить, что при работе с инфографикой, как и при работе с традиционными текстами, студентам необходимо давать предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания.

Так, например, при изучении темы «Праздники в России» можно использовать инфографику от ВЦИОМа «Новогодние праздники: Итоги» [Электронный ресурс].

На предтекстовом уровне данная инфографика дает богатый материал для работы над грамматической темой числительное, которая, как правило, вызывает серьезные сложности у студентов, особенно первых курсов бакалавриата. Также с привлечением данной инфографики возможна отработка винительного падежа после глаголов тратить-потратить, встречать-встретить, провожать-проводить, отработка глагольного управления (гулять-погулять, ходить), отработка творительного падежа после глагола кататься-покататься, отработка глаголов, употребляемых с творительным падежом в значении совместного действия, несовершенного и совершенного вида глаголов в прошедшем и будущем времени, выражения цели в простом предложении с помощью предлога на, выражения сравнения в простом и сложном предложении, употребление синтаксических конструкций для выражения предпочтений. Как мы видим, только на примере одной инфографики преподаватель может отработать с учащимся большое количество грамматических тем.

На притекстовом этапе мы можем предложить студентам проанализировать инфографику и сказать или написать, на какие вопросы отвечали респонденты, выделить основные положения текста и сказать или выписать ключевые слова, детализирующие основные положения.

Кроме того, на сайте ВЦИОМа можно найти данные мониторингового исследования о том, как россияне встречали Новый год в разные годы в виде традиционного текста [ВЦИОМ, электронный ресурс]. Если представленная нами инфографика от 2020 года, то на сайте мы можем найти похожие исследования, но уже по данным опроса 2019 или 2021 года. Здесь мы можем предложить студентам прослушать или прочитать второй текст и сравнить, что у них общего, а чем они отличаются.

На послетекстовом этапе можно предложить студентам рассказать или написать о том, как россияне провели новогодние праздники. Также можно предложить им поделиться тем, как они раньше проводили новогодние праздники, что планируют делать на Новый год в этом году, ответить на вопросы, предложенные в данной инфографике. Если студенты

проживают в России, то можно сравнить данные опроса с тем, что обучающиеся наблюдали в жизни, узнали ли они что-то новое.

Можно представить, что студенты стали сотрудниками ВЦИОМа, дать задание придумать вопросы, которые они могли бы задать по этой теме. Затем студентам можно предложить провести собственное исследование: составить и провести опрос среди друзей и знакомых, а затем на основе данных опроса составить собственную инфографику и рассказать о результатах на следующем занятии. При этом студентам необходимо предоставить сайты, на которых они могут это сделать. Сейчас в сети Интернет не представляет никакой трудности найти подобные сервисы. Приведем несколько примеров: piktochart.com, canva.com, easel.ly, venngage.com и т.д. Следует отметить, что каждый из сервисов имеет свои достоинства и недостатки. Преподавателю необходимо объяснить студентам, что подобные навыки им могут пригодиться в дальнейшем при трудоустройстве.

Еще один вариант творческого задания – написание собственного прогноза. На основе инфографики и прослушанного или прочитанного текста, мы можем предложить студентам предположить причины различия в результатах опросов в разные годы, основываясь на их фоновых знаниях, обсудить их идеи в группах. Также мы можем предложить им составить свой собственный прогноз на следующий год, а через год вернуться к этой теме и сравнить их предположения с новыми данными ВЦИОМа.

Итак, мы считаем, что использование инфографики является применением принципа наглядности. Данный инструмент позволяет преподавателям РКИ решать все цели и задачи, которые обычно существуют при работе с обычным текстом. Хотя инфографика еще не так прочно вошла в практику обучения русского языка как иностранного, как мы видим, данный инструмент дает преподавателям богатый материал для формирования коммуникативных компетенций у студентов, для мотивации и повышения вовлеченности обучающихся. Инфографика способствует развитию не только продуктивных видов речи, но и рецептивных. Безусловно, на материале инфографики преподаватель может применять разнообразные упражнения, но при этом все равно необходимо учитывать уровень подготовки студентов и наполняемость в языковом (лексическом и грамматическом) плане. На основе инфографики возможно применять проектный метод работы и метод совместного обучения. Однако в силу того, что это аутентичный материал, он требует серьезной подготовки со стороны преподавателя.

Список литературы:

Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

- Акишина А.А.* Учимся учить / А.А. Акишина, О.Е. Каган. М.: Русский язык. Курсы, 2016. 256 с.
- Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
- Басырова А.Е.* Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках РКИ // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы IV Международной научно-методической конференции. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. С. 22–26.
- Бредихина И.А.* Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 104 с.
- Валгина Н.С.* Теория текста. Москва, Логос, 2003. 173 с.
- Лайкова Я.В.* Инфографика в СМИ разного типа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. С. 41–53.
- Лаптев В.В.* Изобразительная статистика. Введение в инфографику. СПб.: Эйдос, 2012. 180 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Митрофанова О.Д.* Методика преподавания русского языка как иностранного / О.Д. Митрофанова, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 271 с.
- Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.
- Пашкова М.Н.* К вопросу о взаимосвязанном обучении аудированию и конспектированию научного монологического высказывания // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб., 2011. № 132. С. 290–295.
- Щукин А.Н.* Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Филоматис, 2006. 480 с.

References:

- Azimov Eh.G.* Novyĭ slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiĭ (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)] / Eh.G. Azimov, A.N. Shchukin. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448 p. (In Russian).
- Akishina A.A.* Uchimsya učit' [Learning to teach] / A.A. Akishina, O.E. Kagan. M.: Russkiĭ yazyk. Kursy, 2016. 256 p. (In Russian).
- Anisimova E.E.* Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) [Linguistics of text and intercultural communication (based on creolized texts)]. M.: Akademiya, 2003. 128 p. (In Russian).
- Basyrova A.E.* Infograficheskiĭ tekst kak novoe sredstvo naglyadnosti na urokakh RKI [Infographic text as a new means of visualization in Russian as a foreign language] // Problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsya: materialy IV Mezhdunarodnoĭ nauchno-metodicheskoi konferentsii. Voronezh: IPTS «Nauchnaya kniga», 2016. P. 22–26. (In Russian).
- Bredikhina I.A.* Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: Obuchenie osnovnym vidam rechevoi deyatel'nosti: ucheb. posobie [Methods of teaching foreign languages: Teaching the main types of speech activity: textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2018. 104 p. (In Russian).
- Valgina N.S.* Teoriya teksta [Text theory]. Moskva, Logos, 2003. 173 p. (In Russian).
- Laikova Ya.V.* Infografika v SMI raznogo tipa [Infographics in the media of various types] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. P. 41–53. (In Russian).
- Laptev V.V.* Izobrazitel'naya statistika. Vvedenie v infografiku [Pictorial statistics. Introduction to infographics]. SPb.: Ehĭdos, 2012. 180 p. (In Russian).
- Leont'ev A.A.* Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. M.: Smysl, 1997. 287 p. (In Russian).
- Mitrofanova O.D.* Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Methods of teaching Russian as a foreign language] / O.D. Mitrofanova, V.G. Kostomarov. M.: Russkiĭ yazyk, 1990. 271 p. (In Russian).
- Passov E.I.* Osnovy kommunikativnoi metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu [Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication]. M.: Russkiĭ yazyk, 1989. 276 p. (In Russian).
- Pashkova M.N.* K voprosu o vzaimosvyazannom obuchenii audirovaniyu i konspektirovaniyu nauchnogo monologicheskogo vyskazyvaniya [On the issue of interconnected teaching of listening and note-taking of a scientific monologue statement] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. SPb., 2011. № 132. P. 290–295. (In Russian).

Shchukin A.N. Obuchenie inostrannym yazykam: Teoriya i praktika: Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei i studentov [Teaching foreign languages: Theory and practice: Textbook for teachers and students]. M.: Filomatis, 2006. 480 p. (In Russian).

*Ковалева Кристина Николаевна
Пышненко Анна Андреевна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Kovaleva Kristina
Pyshnenko Anna*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ

POSSIBILITIES OF USING INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE ONLINE

Актуальность темы состоит в том, что на сегодняшний день, в период развития и внедрения электронного обучения и дистанционных образовательных инструментов необходимо правильно определить потребности образовательного процесса в использовании интерактивных заданий и электронных платформ.

В статье рассматриваются особенности перехода в дистанционную форму обучения. Доказывается необходимость использования интерактивных технологий в процессе изучения русского языка иностранными учащимися. Приведены способы использования образовательных ресурсов и интерактивных платформ в процессе обучения РКИ, а также способы преобразования традиционных упражнений в интерактивный формат. В основе работы лежит анализ и оценка различных интерактивных сервисов, способствующих оптимизации процесса обучения и эффективному овладению иностранным языком.

The relevance of the topic is that these days during the development and implementation of e-learning and distance learning tools, it is necessary to correctly determine the needs of the educational process in the use of interactive tasks and electronic platforms.

The article discusses the transition to distance learning. The authors make the case for using interactive technology in the process of learning Russian by foreign students. The article describes the ways of using educational resources and interactive platforms in the process of teaching Russian as a foreign language, as well as it gives the ways to transform traditional exercises into an interactive one. The work is based on the analysis and evaluation of various interactive services that contribute to the optimization of the learning process and effective mastery of learning foreign language.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательные технологии, интерактивное обучение, инновационные методы, русский язык как иностранный, обучающие платформы.

Key words: distance education, educational technology, on-line training, innovative methods, Russian as a foreign language, learning platforms.

За последние несколько лет мир столкнулся с непредвиденными обстоятельствами, которые подтолкнули многие сферы деятельности к принятию совершенно новых глобальных решений и поиску новых подходов. Это побудило к выработке нестандартных путей реализации целей в сфере образования, а также дало импульс для перехода в новый дистанционный формат образования. За два года пандемии у преподавателей появилась не только потребность в дистанционной связи со студентами и учениками, но также в

усовершенствовании образовательного процесса с помощью информационных и коммуникативных технологий.

На сегодняшний день применение электронного обучения и дистанционных технологий в вузе – это не только требование времени, но уже и неотъемлемая часть современного образования. За последние два года высшие образовательные учреждения накопили массу опыта в этом направлении и смогли перейти на совершенно новую ступень. Вузы начали поиск оптимальных возможностей и для переноса образовательных программ в онлайн, и для внедрения интерактивных платформ в процесс обучения.

Важность интернета в образовании является общепризнанным фактом. В настоящее время существует множество ресурсов и методов, которые служат источником как захватывающих примеров новых методов преподавания, так и легкодоступных методов для внедрения в различные форматы преподавания и обучения. Интернет-технологии позволяют преподавателям и учащимся идти в ногу со своими мыслями. Это позволяет им испытать свои идеи, как только они приходят им в голову.

Эффективность организации дистанционного обучения в онлайн формате зависит от нескольких основополагающих факторов, в том числе от:

- обеспечения технологическими устройствами преподавателей;
 - наличия хорошего интернет-сигнала;
 - компетенций педагогов в сфере компьютерных технологий;
- готовности студентов и преподавателей работать в онлайн-формате.

Дистанционное обучение – это разновидность электронного обучения, основанного на использовании дистанционных образовательных технологий, которые реализуются «в основном с применением информационно-теле-коммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации», ст. 16].

Одной из самых больших проблем, с которыми сталкиваются университеты, переходящие на онлайн-обучение, является интерактивность, как по ее уровню, так и по способу. Как преподаватель может сделать дистанционное обучение более интерактивным? Как преподаватель может создать виртуальную среду класса, которая максимизирует участие в учебном процессе? Что именно представляет собой "интерактивность", вряд ли ясно всем преподавателям. Для некоторых людей это означает предоставление учащимся и преподавателям возможности обмениваться идеями в виртуальном чате; для других простое размещение вопроса на виртуальной доске квалифицируется как интерактивность. Несмотря на популярную концепцию интернета как нашей самой интерактивной среды, на

подавляющем большинстве занятий все взаимодействие идет в одном направлении. Интерес, мотивация, вопросы и взаимодействие учащихся должны проявляться на протяжении всего процесса обучения.

Когда мы говорим об интерактивных методах образования, мы имеем в виду использование мобильных и компьютерных ресурсов в образовательном процессе, а также групповых и командных методов работы.

Интерактивное обучение иностранным языкам – это одна из форм образовательной деятельности, целью которой является создание удобных условий для изучения языка, налаживание межличностного общения между преподавателем и студентами, а также между самими студентами. Посредством такого взаимодействия обучающиеся учатся не только выражать свое мнение и самостоятельно принимать решения, но и работать в тесном диалоге, получая необходимые знания и планируя свои действия в соответствии с целями и задачами группы. Данный вид работы развивает навыки сотрудничества (обмен мнениями, идеями, совместная деятельность) и позволяет вовлекать в активную работу всех студентов. Таким образом интернет-платформы и задания, которые предлагаются студентам для изучения иностранных языков, должны быть проблемного, исследовательского и творческого характера.

Современный специалист должен самостоятельно ставить и решать учебно-познавательные задачи индивидуального поиска, разработки и использования информационных ресурсов, информационных и коммуникативных технологий как для моделирования и осуществления инновационного образовательного процесса, так и для личностно-профессионального саморазвития [Вотякова, 2010, с. 25].

Внедряя в работу интерактивные платформы, важно избежать монотонности и оптимизировать содержание и структуру занятий для интенсивного общения внутри группы студентов. Интерактивное обучение – это практический метод, отход от обычной структуры занятия, который может включать в себя традиционные инструменты работы, такие как ролевые игры и групповые проекты, наряду с онлайн-формами, которые приобщают студента к более динамичному изучению материала. В результате чего учащиеся овладевают навыками, позволяющими контролировать свой собственный прогресс обучения.

Таким образом, современный преподаватель должен уметь пользоваться интерактивными платформами и обладать профессиональным инструментарием, что будет позволять ему совершенствовать образовательный процесс, сохранять мотивацию студентов на должном уровне и активизировать учебный процесс.

Интерактивные способы можно применять при обучении всем видам речевой деятельности. В данной статье предлагается несколько из них для обучения аудированию онлайн. Аудирование представляет основную сложность как на уроках онлайн, так и на уроках оффлайн. Обучение аудированию подразумевает несколько этапов. Во-первых, учащиеся дифференцируют воспринимаемые звуки, потом интегрируют их в смысловые комплексы, удерживают их в памяти. Также они должны уметь осуществлять вероятностное прогнозирование и понимать воспринимаемую звуковую цепь. Следует отметить, что лучше всего формат интерактивных упражнений применяется, где требуется реконструкция содержания в ограниченном формате. Например, задания на восстановление порядка действий, заполнение пропусков, соединение элементов, ответы на вопросы с вариантами или без. Работа с аудиотекстом строится из предтекстового, текстового и посттекстового этапов.

Рассмотрим одну из игровых платформ, которая при предтекстовом этапе работы с аудиотекстом поможет ввести новую лексику и устранить трудности понимания – это Quizlet, использование которого на уроках предоставляет широкие возможности как для преподавателя, так и для ученика. Одно из преимуществ этого сервиса состоит в том, что студенты могут изучить лексику по флешкартам, что является наиболее близким аналогом бумажных карточек, хорошо знакомых всем изучающим иностранные языки. Новые слова следует заранее записать на карточках в изолированном виде или в контексте предложения, который демонстрирует возможности применения слова, а на обратной стороне можно вставить зрительный образ изучаемой лексической единицы. Данная семантизация слова показывает употребление слова в контексте словосочетания или предложения и вызывает ассоциации необходимые для понимания значения и для дальнейшего запоминания слов. Таким образом, преподаватель вводит новые слова на уроке. Естественно, сервис также помогает студентам изучать и закреплять лексику самостоятельно после урока.

Интерактив также может применяться и при текстовом этапе, для этого можно использовать интерактивные презентации. Преподаватель создает презентацию онлайн, включая туда задание, которое будет интерактивным. Для разработки заданий для текстового этапа работы над аудиозаписью удобнее всего использовать программу Power Point онлайн, часть бесплатной системы OneDrive (Майкрософт) или Google Slides, что обуславливается рядом причин. В первую очередь этот сервис легко и просто использовать, Power Point не требователен к техническим параметрам и может быть использован на любом компьютере. С помощью этого редактора презентаций легко создаются наборы слайдов, в которых текст сочетается с графическими объектами, картинками, анимацией. Преподаватель отправляет ссылку студентам на онлайн презентацию и предоставляет им

права редактирования. Так студенты могут писать, рисовать, добавлять картинки или перемещать их. Студенты могут работать в группах над этим заданием, для этого преподаватель отправляет их по парам или в маленьких группах в сессионные залы онлайн-конференции. Важно учитывать, что преподаватель создаёт столько слайдов с заданием, сколько есть студентов или групп. Преподаватель видит работу всех групп одновременно в онлайн Power Point, таким образом он может контролировать образовательный процесс.

В такой эффективной среде совместного обучения группа учащихся собирается вместе, чтобы делиться и учиться друг у друга. Всех объединяет общий интерес к получению знаний, а также студентами движет желание и потребность делиться проблемами, опытом, идеями, шаблонами, инструментами и полезным опытом. Активное участие в совместном обучении углубляет знания студентов посредством взаимодействия на ежедневной основе. Это канал для распространения знаний и средство укрепления социальной структуры в онлайн-среде.

При обучении аудированию онлайн применяются различные интерактивные опросники. Один из вариантов – это интегрировать опросы в конференцию Zoom. Благодаря функции опроса преподаватель может создавать вопросы с возможностью одного или нескольких вариантов ответа в конференциях на онлайн-уроках и интегрировать из учебника тестовые вопросы по аудированию. Zoom позволяет включать студентам аудиозапись и проводить опрос, на вопросы которого студенты должны отвечать, прослушивая аудиозапись. По результатам опроса и после прослушивания аудио преподаватель может загрузить отчет и обсудить со студентами ответы.

При обучении онлайн перед преподавателем стоит задача выбрать обучающие платформы, которые могут заменить аудиторную доску. С помощью доски преподаватель иллюстрирует учебный материал, отрабатывает лексику и грамматику, фиксирует правила и спонтанные заметки. Следовательно, для онлайн-урока необходимо подобрать удобный интерактивный аналог с разнообразным функционалом. В данной статье мы рассмотрим преимущества виртуальной доски Miro. Данная платформа обладает большим количеством различных функций и инструментов, может вместить большое количество информации, помогает преподавателю визуализировать информацию с помощью ручки и ластика, картинок, таблиц, цветных стикеров и фигур. Помимо этого, интерактивная доска Miro имеет ряд преимуществ:

- визуализация многих идей;
- выделение нужной работы с помощью стикеров;
- создание различных схем, таблиц, ментальных карт;
- прикрепление отдельных страниц из учебных пособий, видео и т.д.

Созданные материалы на доске Miro преподаватель может экспортировать в формат PDF, что является несомненным преимуществом.

При обучении через веб-камеру сложнее взаимодействовать со своими учащимися, чем в аудитории. Включение развлекательных цифровых инструментов, таких как Kahoots или Quizizz поможет поддерживать интерес учащихся.

Kahoots – это веселые интерактивные игры, помогающие учащимся практиковать русский язык и развивать языковые навыки. Данный сервис предназначен для создания викторин, тестов и дидактических игр. Бесплатная версия Kahoots включает музыку и изображения, чтобы заинтересовать студентов и сделать обучение интересным и приятным.

В Kahoots можно играть в режимах «игрок против игрока» или «команда против команды» или назначать в качестве задач для самостоятельного изучения. Kahoots можно использовать на стационарных компьютерах, планшетах или смартфонах, что дает преподавателям возможность применять их на онлайн-уроках, в очных классах или для домашнего задания. Преподаватель создает тест на компьютере, затем сообщает код учащимся, благодаря которому ученики смогут найти тест или викторину, созданные преподавателем. Студенты вводят код на своих телефонах, заходят в тест и используют телефон в качестве пульта, то есть с помощью него они выбирают правильный ответ. Задания выполняются на время и носят соревновательный характер, то есть после каждого задания на экран выводятся результаты, сообщающие о том, кто выполнил задание лучше всех. Следует отметить, что, выбрав опцию Assign, преподаватель может отправить игру студентам в качестве домашнего задания. Результаты прохождения потом будут доступны в личном кабинете преподавателя.

Таким образом с помощью интерактивных электронных платформ преподаватель создает новый образовательный продукт с увлекательными упражнениями, которые не только отвечают образовательным стандартам, а также «повышают мотивацию студентов, позволяют эффективно и качественно работать с лексикой, грамматикой и аудио материалами на занятиях по иностранному языку» [Караева, 2021, с. 91].

Quizizz – удобная платформа, которая используется, чтобы создавать интерактивные викторины. Преподаватель может создавать собственные тесты и делиться ими с учащимися, отправляя им код для входа в тест. Но принципиальное отличие данного сервиса от Kahoots является тем, что студенты на экранах своих телефонов видят не только геометрические символы, а вопрос полностью, который они могут при необходимости увеличить. Следовательно, преподаватель может включать не просто текстовые вопросы, но и вопросы-картинки, а также становится возможным визуализировать изучаемый материал, что поможет лучше закрепить тему. Помимо этого, Quizizz предоставляет

возможность делать викторины не на время, то есть учащиеся могут выполнять задания в своем собственном темпе, не находясь в зависимости от скорости других студентов. Параметр «время» можно полностью исключить, тогда ученик может спокойно подумать над ответом, не беспокоясь о скорости.

Благодаря одновременному воздействию графической, звуковой и визуальной информации на пользователя интерактивные платформы обладают большим эмоциональным и развлекательным потенциалом. Таким образом преподаватель должен осознавать важность выбора подходящего интерактивного инструмента для нужд учащихся и знать методологические основы его использования в учебном процессе.

Использование представленных интерактивных платформ сугубо индивидуально для каждой группы и уровня студентов, изучающих русский язык как иностранный. Преподавателю необходимо потратить немало времени, чтобы выяснить, какие методы наиболее целесообразно применять в группе и как наилучшим образом использовать их в интересах студентов, а также для того, чтобы студенты привыкли к использованию электронных платформ. Для облегчения процесса внедрения представленных инструментов следует вводить их постепенно вместо того, чтобы пытаться за один день перестроить всю структуру занятий.

Несмотря на то, что такие технологии, как интерактивные доски и другие виртуальные инструменты могут быть чрезвычайно полезны для расширения образовательных возможностей учащихся на занятиях, они могут доставлять некоторые трудности новичкам в использовании компьютерных технологий. Технические трудности перестают быть препятствием для создания интерактивного класса благодаря домашним видео урокам, виртуальным помощникам и брошюрам, которые могут обучить и помочь создать эффективную модель интерактивного обучения иностранному языку.

«Расширение современных информационных технологий приводит к стиранию границ между традиционным очным обучением и дистанционным обучением» [Штенгель, 2012, с. 192]. Но прежде, чем дистанционное обучение станет привычной реальностью, оно должно измениться еще больше. Необходимо обеспечить преподавателей оборудованием, адаптировать расписание к онлайн-формату (существует большая разница между посещением двух занятий в университете и дома), регулировать время, проводимое за компьютером, и помогать процессам социализации онлайн-студентов. На все это уйдут годы. До тех пор, пока не будут проведены эти онлайн реформы, традиционное обучение будет продолжать доминировать на рынке образования.

Список литературы:

Бочкова О.С., Колесникова В.В., Макаренко Е.Д. Современные тенденции в методике преподавания РКИ (опыт работы в модульной образовательной среде на начальном этапе изучения русского языка) // Известия ВГПУ. 2019. № 6 (139).

Вотьякова Л.Р. Развитие профессионально-информационной компетентности студентов - будущих педагогов: автореферат дис. кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Вотьякова Лилия Радисовна. Казань, 2010. 22 с.

Данилов О.Е. Реализация дистанционного обучения в вузе с помощью сервисов Google // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 498–502.

Караваяева В.Г. Стратегии трансформации традиционных упражнений по иностранному языку в новый интерактивный формат [Электронный ресурс] // Инновационная наука. 2021. № 12–1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-transformatsii-traditsionnyh-uprazhneniy-po-inostrannomu-yazyku-v-novyy-interaktivnyy-format>.

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022)

Штенгель Ю.Ю. Дистанционное обучение как форма организации самостоятельной работы студентов с использованием доступных интернет-технологий // Педагогика: традиции и инновации: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 190–192.

References:

Bochkova O.S., Kolesnikova V.V., Makarenko E.D. Sovremennye tendentsii v metodike prepodavaniya RKI (opyt raboty v modul'noi obrazovatel'noi srede na nachal'nom ehtape izucheniya russkogo yazyka) [Modern trends in the teaching methodology of the Russian as a foreign language (experience in a modular educational environment at the initial stage of learning the Russian language)] // Izvestiya VGPU. 2019. № 6 (139). (In Russian).

Danilov O.E. Realizatsiya distantsionnogo obucheniya v vuze s pomoshch'yu servisov Google [Implementation of distance learning at the university with the help of Google services] // Molodoi uchenyi. 2014. № 5 (64). P. 498–502. (In Russian).

Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 30.12.2021) «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2022) [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 on Education in the Russian Federation (with Amendments and Additions)]. (In Russian).

Karavaeva V.G. Strategii transformatsii traditsionnykh uprazhnenii po inostrannomu yazyku v novyi interaktivnyi format [Strategies of transformation of traditional exercises in a foreign language into a new interactive format] [Electronic resource] // Innovatsionnaya nauka. 2021. № 12–1. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-transformatsii-traditsionnyh-uprazhneniy-po-inostrannomu-yazyku-v-novyy-interaktivnyy-format> (In Russian).

Shtengel' Yu.Yu. Distantsionnoe obuchenie kak forma organizatsii samostoyatel'noi raboty studentov s ispol'zovaniem dostupnykh internet-tekhnologii [Distance learning as a form of organizing students' independent work using available Internet technologies] // Pedagogika: traditsii i innovatsii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, oktyabr' 2012 g.). Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa, 2012. P. 190–192. (In Russian).

Votyakova L.R. Razvitie professional'no-informatsionnoi kompetentnosti studentov - budushchikh pedagogov [Development of professional and informational competence of students - future teachers: abstract of the dissertation of the candidate of pedagogical Sciences]: avtoreferat dis. kandidata pedagogicheskikh nauk: 13.00.08 / Votyakova Liliya Radisovna. Kazan', 2010. 22 p. (In Russian).

Литвинова Галина Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Litvinova Galina
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**«ЧТО-ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ?..»
(К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В УСЛОВИЯХ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ)**

**“WHAT-WHAT DID YOU SAY...?”
(TO THE PROBLEM OF FORMING PHONETIC SKILLS IN THE CONDITIONS OF
DISTANCE LEARNING)**

В статье говорится о проблемах, которые принес образовательному пространству 2020 год. Наряду с новыми возможностями дистанционный формат обучения поставил перед преподавателями русского языка как иностранного ряд проблем, среди которых не последнее место занимает работа над произношением. Нечеткое произношение учащегося, неразвитость фонематического слуха, несформированность слухо-произносительных навыков затрудняет процесс обучения, замедляет время занятия, понижает заинтересованность самого учащегося. Разделяя в системе обучения произношению вводно-фонетический, сопроводительный и корректировочный курсы, преподаватели РКИ зачастую ограничиваются лишь вводно-фонетическим, цель которого дать учащимся первоначальные знания фонетики и постараться закрепить их на практике для того, чтобы могла осуществляться коммуникация в ограниченных пределах. Однако мы считаем, что работу над слухо-произносительными навыками надо вести не только на начальном этапе обучения, во время вводно-фонетического курса, но и на продвинутом этапе, особенно в условиях дистанционного обучения, когда учащийся оторван от языковой среды.

The article describes the problems that the year 2020 has brought to the educational space. Along with new opportunities, the distance learning format has posed a number of problems for teachers of Russian as a foreign language, among which not the least is the work on pronunciation. The indistinct pronunciation of the student, the underdevelopment of phonemic hearing, the lack of formation of auditory-pronouncing skills complicates the learning process, slows down the class time, reduces the interest of the student himself. Separating introductory phonetic, accompanying and corrective courses in the pronunciation training system, teachers of Russian as a foreign language often limit themselves to introductory phonetic, the purpose of which is to give students initial knowledge of phonetics and try to consolidate them in practice so that communication can be carried out within limited limits. However, we believe that the work on auditory-pronunciation skills should be carried out not only at the initial stage of training, during the introductory phonetic course, but also at an advanced stage, especially in the conditions of distance learning, when the student is disconnected from the language environment.

Ключевые слова: дистанционный формат обучения, формирование ритмико-интонационных и слухо-произносительных навыков, имитационный, сопоставительный и артикуляционный (сознательный) способы постановки звуков, компьютерные программы.

Key words: distance-learning format, the formation of rhythmic-intonation and aural-pronunciation skills, imitative, comparative and articulatory (conscious) ways of sound production, computer programs.

2020 год открыл для всего мира новый формат обучения – дистанционный. Этот формат, с одной стороны, расширил возможности образования, с другой – обозначил ряд проблем, которые оказались не так просты для решения. Одной из таких проблем при

изучении русского языка как иностранного стала работа над произношением. Идея аппроксимации произношения, сторонники которой считают, что научить говорить без акцента невозможно и поэтому усилия, затрачиваемые на постановку иностранного произношения, не оправданы, показала свою несостоятельность в условиях Интернет-обучения: неустойчивое соединение, помехи, создаваемые различными проблемами, общение через экран осложняют восприятие иноязычной речи. Если к этому прибавить еще нечеткое, невнятное произношение, то занятие может оказаться на грани коммуникативного провала. Фонетические ошибки не дают сосредоточиться на содержании звучащей речи. Безусловно, преподаватель русского языка как иностранного всегда становится своеобразным переводчиком с русского языка на русский и поэтому способен в конечном итоге понять практически любое высказывание иностранного учащегося и оформить его правильно. Не случайно существует шутка про работу РКИста: «Сам спросил – сам ответил». Но даже опытный преподаватель порой оказывается в тупике и просит написать в чат то, что студент только что сказал. Думается, что такая ситуация знакома каждому.

Разделяя в системе обучения произношению вводно-фонетический, сопроводительный и корректировочный курсы, преподаватели РКИ зачастую ограничиваются лишь вводно-фонетическим, цель которого дать учащимся первоначальные знания фонетики и постараться закрепить их на практике для того, чтобы могла осуществляться коммуникация: в ограниченных пределах учащиеся могли бы понимать русскую речь и быть понятыми. Однако мы считаем, что работу над слухо-произносительными навыками надо вести не только на начальном этапе обучения, во время вводно-фонетического курса, но и на продвинутом этапе, особенно когда учащийся попадает в языковую среду, где ему необходимо осуществлять коммуникацию в разнообразных ситуациях общения. Мы согласны с теми исследователями, которые считают, что нельзя противопоставлять друг другу постановочный и коррекционный курсы и на всем протяжении обучения необходимо осуществлять и постановку, и коррекцию, не связывая их с определенным этапом обучения (с начальным или продвинутым), поскольку постановка и коррекция не существуют друг без друга.

Неправильное произношение, неумение услышать и понять информацию мешают установлению контакта и шире – взаимопониманию. При подготовке филологов, лингвистов, переводчиков необходимо стремиться к максимально полному овладению ими фонетической (произносительной) нормой русского литературного языка. Это важно в том числе потому, что несформированность слухо-произносительных навыков приводит к неправильному восприятию лекций по специальности, затруднению в их записи, а также

создает трудности в работе с различной литературой, невозможность общаться с другими студентами на русском языке, решать профессиональные задачи.

Овладение правильным произношением – необходимое условие развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности. Фонетика является средством формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности, поскольку она лежит в основе понимания звучащей речи (аудирование), умения прочесть (чтение), записать (письмо) и правильно передать ту или иную информацию на русском языке с соблюдением существующих произносительных норм со скоростью, соответствующей среднему темпу речи носителя языка (говорение). Фонологические навыки лежат в основе формирования практически всех речевых навыков. И если фонетические навыки сформированы на невысоком уровне, то ни обучение такого студента, ни коммуникация с ним вообще будут невозможны.

При аудировании человек проговаривает информацию «про себя», во внутренней речи, следовательно, несформированность речевых навыков приведет к провалу коммуникации потому, что один человек говорит одно, а другой фиксирует во внутренней речи другое («слушаем, но не слышим, не понимаем»). Многим из нас знакома ситуация, когда учащемуся пытаются помочь ответить его одногруппники, однако подсказку он «не слышит». Секрет этого кроется не только в волнении учащегося и его сосредоточенности на собственном ответе, но и в несформированности его фонетических навыков: на слух чужая речь воспринимается с трудом, а если к этому прибавить еще акцент в речи подсказывающего, то подсказка «прилетает» исключительно к преподавателю, который знает правильный ответ или умеет ориентироваться в произносительных особенностях той или иной аудитории. Приходится констатировать, что, несмотря на признаваемое всеми учеными важное значение фонетического аспекта в обучении русскому языку, в методике обучения РКИ особое внимание всегда уделялось произносительной стороне речи, в то время как способность к распознаванию и пониманию воспринимаемых на слух единиц языка зачастую остается на втором плане. Однако «установление понимания в ходе коммуникативного взаимодействия начинается именно с фонетического анализа поступающего на слух сообщения» [Вронская, Осипова, 2020, с. 109]. Необходимо научить иностранцев различать и идентифицировать различные звуковые единицы, то есть должное внимание нужно уделять формированию рецептивных фонетических навыков, которые «должны основываться на корректно сформированной системе эталонов и представлять собой высокоавтоматизированные действия, обеспечивающие мгновенное узнавание звуков, интонем и понимание на этой основе смысла высказывания» [Там же]. Способность различать на слух и понимать отдельные языковые единицы не формируется сама собой,

без дополнительных усилий как со стороны учащегося, так и со стороны преподавателя. Важно помнить, что неразвитость речевого слуха затрудняет формирование собственно произносительных навыков.

Работа над формированием речевых навыков чтения также базируется на предварительной отработке и развитии слухо-произносительных навыков: озвучивая читаемый текст, учащийся неточно понимает его содержание вследствие фонетических ошибок.

Проговариванием с нарушением фонетической нормы можно объяснить появление грамматических ошибок на письме как коммуникативно незначимых, так и коммуникативно значимых.

И, наконец, говорение с плохим произношением значительно снижает эффективность процесса коммуникации: «Чаще всего акцент оценивается носителем языка отрицательно, поскольку восприятие речи билингва, насыщенной ошибками и отклонениями от нормы, затруднено и приводит к снижению заинтересованности носителя языка в акте общения» [Вишневская, 2002, с. 7]. Кроме того, как известно, наличие сильного акцента в речи говорящего приводит также к снижению его социальной оценки. Еще С.И. Бернштейн писал о том, что неодобрительное отношение к иностранному акценту является неосознанной формой протеста слушателя против принуждения к непродуктивной затрате умственной энергии [Бернштейн, 1975, с. 18]. Несмотря на толерантное отношение к акценту в современном мире, в некоторых ситуациях иностранный акцент говорящего оказывается для слушателя-носителя русского языка релевантной характеристикой собеседника.

Решение проблемы безакцентного произношения представляется особенно важным в условиях подготовки профессиональных переводчиков. Акцент в речи специалиста по межкультурной коммуникации, обусловленный прежде всего существенной межъязыковой интерференцией, мешает эффективному взаимодействию носителей разных языков и культур, следовательно, недостаточно сформированные слухо-произносительные навыки могут стать причиной невыполнения поставленных перед переводчиком прагматических задач.

Таким образом, от сформированности фонетических навыков зависит процесс устной и письменной коммуникации, в который включается и установление положительного контакта между собеседниками.

Несмотря на развитость технических средств, обучать фонетике в условиях онлайн-обучения – далеко не простая задача. Кроме прочего, важным моментом становится мотивация, вернее, ее отсутствие. Общаясь исключительно с преподавателем на занятиях,

учащиеся не стремятся к тщательной работе над улучшением своих произносительных и слуховых навыков, поскольку преподаватель и так старается понять (как уже было сказано выше), а также потому, что наличие «умных» вспомогательных средств (мобильных телефонов, гаджетов, разнообразных программ для перевода и т.д.) облегчает задачу коммуникации. Хотя не обходится и без казусов, обусловленных несовершенством электронных словарей (например, китайско-русской или арабско-русской языковой пары). Думается, что многие преподаватели получали сообщения от своих учащихся, которые заставляли улыбнуться. Так, автору этой статьи пришло от не посещавшей занятия студентки сообщение следующего содержания: «Мне только сделали операцию на глазу, и я не могу пойти в класс. Врач дал мне фальшивую записку с 16 по 21 марта». К сообщению была приложена медицинская справка-освобождение от занятий на указанный период. В последнее время все чаще говорят о том, что профессия переводчика с развитием электронных средств перевода скоро отомрет или станет менее востребованной. И иностранцы действительно успешно используют различные мобильные средства, например, записывают свои слова, потом переводят и при помощи звуковых программ озвучивают на иностранном языке написанное. Однако такой способ общения возможен только при коротком взаимодействии (узнать дорогу, спросить, куда можно обратиться, и т.д.) и далеко не совершенен, как уже было сказано выше. К слову сказать, электронные средства тоже настроены на то, чтобы слышать идеальное произношение. Вспоминается музыкальный клип одной из современных групп, где герой пытается «поговорить» с навигатором, но навигатор выдает «ошибку», потому что не понимает произношение этого человека.

При отсутствии языковой среды и необходимости общаться на изучаемом языке вне аудитории встает вопрос и о повышении мотивации, заинтересованности студентов в улучшении своего произношения.

Дистанционное обучение отличается от аудиторного прежде всего отсутствием прямого контроля со стороны преподавателя, который не всегда способен анализировать ситуацию, сознательно опираясь на визуальный источник. В таких условиях сложнее контролировать онлайн-аудиторию, удерживать ее внимание. Хотя, кажется, что все перед глазами, но все же ощущается определенная разобщенность. Многое зависит и от качества Интернета: «плавающий» звук, помехи, рвущаяся связь и др. затрудняют ведение занятия. В таких условиях особенно трудно работать над формированием ритмико-интонационных и слухо-произносительных навыков.

Как известно, при обучении фонетике используют имитационный, сопоставительный и артикуляционный (сознательный) способы постановки звуков.

Имитационный способ, безусловно, является наиболее действенным и экономным. В условиях дистанционного обучения такой способ становится достаточно эффективным. Учащиеся могут не только хорошо услышать тот или иной звук, фразу, текст при помощи наушников (при условии устойчивого Интернет-соединения), но и прослушать его многократно, благодаря записи занятий. Кроме того, учащийся может записать себя и прислать преподавателю аудио или видеофайл для анализа. Однако не все обучаемые обладают способностью точно имитировать тот или иной звук, особенно в потоке речи. Для таких учащихся полезным становится обращение к артикуляционному и сопоставительному методу постановки произношения. И тут возникает ряд проблем, связанных с тем, что далеко не все преподаватели русского языка как иностранного могут быть названы специалистами в области фонетики. Приходится констатировать неподготовленность некоторых преподавателей к работе над слухо-произносительными навыками, поэтому они ограничиваются изучением скороговорок, предложенных в различных пособиях для работы над тем или иным звуком. Между тем для успешной работы над звуковой стороной речи преподаватель РКИ должен хорошо знать фонологическую систему русского языка и хотя бы в общих чертах родного языка фонологическую систему учащихся; систему позиционных изменений фонем в русском языке в отличие от родного языка учащегося; характер артикуляционной базы русского языка и ее отличия от артикуляционной базы родного языка учащихся; способы артикуляции русских звуков; характер звукобуквенных соответствий и правила чтения; характер возможной языковой интерференции и национальные типы акцента; интонационную систему русского языка и желательно родного языка учащихся. В учебной практике одним из самых эффективных сопоставительный способ, который «заключается в опоре на навык учащихся в произношении эквивалентного звука исходного языка» [Вагнер, 2001, с. 37]. Учащемуся чрезвычайно важно научиться проводить правильные аналогии между русскими звуками и звуками родного языка.

Кроме того, преподаватель должен ориентироваться в типах, видах и системах упражнений, направленных на решение той или иной методической задачи, а также владеть принципами отбора материала для работы над фонетической стороной речи с учетом практических коммуникативных потребностей разных контингентов учащихся. Немаловажным фактором становится собственное произношение преподавателя, которое должно быть приближено к образцовому (следовательно, специалисты в области РКИ должны постоянно работать над совершенствованием своих ритмико-интонационных, просодических, произносительных навыков). Коррекция фонетических ошибок возможна

лишь при опоре на правильное произношение (образцовая речь преподавателя или речь диктора).

Хотелось бы поделиться опытом работы над слухо-произносительными навыками в условиях, в которые поставил весь мир COVID-19. На помощь преподавателям пришло пение. Понятно, что в условиях дистанционного обучения приходится исключать хоровое пение из-за того, что звук проходит у каждого учащегося в зависимости от скорости Интернета (у кого-то с опережением, у кого-то с опозданием). Однако можно предложить учащимся самостоятельно выучить предлагаемую песню, записать ее и прислать преподавателю. Так, на факультете Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова возник музыкальный онлайн театр, одной из целью которого стало формирование слухопроизносительных навыков, необходимых для изучения русского языка как иностранного, средствами вокального искусства в интеграции с театром и искусства в целом, а также снятие языкового барьера. Помимо этого, театр во многом решает проблему повышения мотивации говорить на русском языке без акцента. В работе театра могут принять участие все студенты, независимо от вокальных данных. Известно, что изучение иностранного языка способствует развитию музыкальных способностей человека, поскольку во время общения на иностранном языке или прослушивания аутентичной речи изучающий иностранный язык напрягает слух, пытаясь уловить интонацию, выделить в потоке речи слова и фразы, чтобы понять их, что, в свою очередь, тренирует музыкальный слух. Обычно работа над музыкальной композицией осуществляется следующим образом: подбирается песня и рассылается учащимся как фонограмма (преподаватель может сам исполнить под фонограмму эту песню и записать ее как образец). Учащиеся тоже записывают эту песню, имитируя произношение преподавателя (песня записывается на диктофон без музыки, в то время как в наушниках звучит песня-образец). Таким образом, преподаватель получает возможность проанализировать произношение учащегося и указать ему на ошибки, отдельно отработав необходимые звуки. Эта работа продолжается, пока не будет достигнут удовлетворительный результат. Нужно сказать, что такого рода эксперимент показал свои положительные результаты за короткий срок. Такая работа помогает автоматизировать произносительные навыки в области звуков, ритмики и интонации, совершенствовать произношение звуков, формирование слухопроизносительных навыков единиц сложного ритмослогового состава: словосочетаний, простых и сложных фраз различной синтаксической организации. Помимо этого, музыкальный онлайн театр стал любимым занятием студентов, проходящих дистанционное обучение.

Для развития слуховых навыков можно предложить задание на подстановку: учащимся рассылается текст песни, в котором пропущены слова. Во время прослушивания обучаемый должен вписать недостающие слова. Игровой компонент такого задания способствует созданию позитивного эмоционального настроя на занятии.

Работе над произношением способствуют и существующие компьютерные программы, обучающие фонетике русского языка, которых, к сожалению, на сегодняшний день не так много. Компьютерные программы стали одним из самых востребованных средств обучения в условиях всеобщей цифровизации и информатизации современного общества в целом и образования в частности. Особенно острым встал этот вопрос в условиях, продиктованных пандемией-2020. Электронная дидактика накопила значительный опыт по разработке и использованию подобных образовательных ресурсов. «При этом отмечается заметная диспропорция в использовании компьютерных программ на занятиях по русскому языку для его носителей и для иностранцев. Разработка и использование программ по обучению русскому языку как иностранному (РКИ) не получили широкого распространения в образовательной практике» [Трапезникова, Благоевич, Илич, 2020, с. 246]. Анализ, проведенный Трапезниковой О.А., Благоевичем Н., Иlichem В. показал, что в основном созданные на сегодняшний день программы предназначены для работы над произношением на начальном этапе обучения РКИ. Это такие курсы, как «Русский для всех! 1000 практических упражнений», созданный ЗАО «ИстраСофт» по заказу фонда «Русский мир». Он включает три уровня подготовки, на каждом уровне идет работа над формированием слухо-произносительных навыков.

1. Элементарный уровень. Обучающиеся учатся воспринимать русскую речь на слух (аудирование), а также порождать собственные высказывания в соответствии с фонетическими и грамматическими нормами русского языка (развитие речи).

2. Базовый уровень. Здесь отрабатываются и закрепляются произносительные навыки и навыки аудирования.

3. На третьем уровне учащиеся формируют умения общения в учебной среде (для обучения в вузе).

Следующий курс – это «Русский язык с компьютером. Шаг 1», авторами которого курса А.Л. Архангельская, Л.А. Дунаева, О.И. Руденко-Моргун. В ходе этого курса учащиеся знакомятся с основами русской фонетической системы. В основу отработки правильного произношения кладутся имитационный и артикуляционный способы: в курсе представлены схемы речевого аппарата, а также доступны функции проверки собственного произношения. Приемы визуализации, разработанные авторами, помогают в освоении теоретического и практического материала.

Курс «Профессор Хиггинс. Русский без акцента!» – это мультимедийный справочник-тренажер, позволяющий независимо от начального уровня знаний научиться говорить по-русски и понимать разговорную речь. Эта программа позволяет проверить свое произношение путем сравнения с эталоном и отображением результатов в виде 2D- и 3D-графиков.

Эти курсы не только помогают обучаемому в работе над произношением, но и повышают его интерес к этой работе. «Разнообразные аудиовизуальные и технические возможности данных образовательных ресурсов положительно влияют на мотивацию обучающихся, развитие их познавательных способностей» [Трапезникова, Благовеч, Илич, 2020, с. 249].

При организации обучения произношению преподаватель должен помнить о коммуникативной направленности такой работы, что обуславливает ситуативно-тематическую обусловленность фонетического материала. Необходимо сочетать фонетические упражнения, основанные на сознательном подходе с имитацией, обеспечивать наглядность при предъявлении звуков, слов и интонацией. Особенно важным становится личностный подход к формированию произносительной стороны речи учащегося в условиях коллективного онлайн обучения.

Список литературы:

- Бернштейн С.И.* Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 5–61.
- Вишневецкая Г.М.* Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1.
- Вронская И.В., Осипова А.С.* Проблема формирования и контроля иноязычных рецептивных фонетических навыков на раннем этапе обучения иностранным языкам // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2. № 2. С. 109–116.
- Трапезникова О.А., Благовеч Н., Илич В.* Компьютерные программы по обучению русскому языку как иностранному (из опыта работы в инославянской аудитории) // Вестник КемГУКИ. № 50. 2020. Педагогические науки. С. 245–253.

References:

- Bernshtein S.I.* Voprosy obucheniya proiznosheniyu (primenitel'no k prepodavaniyu russkogo yazyka inostrantsam) [Issues of teaching pronunciation (in relation to teaching the Russian language to foreigners)] // Voprosy fonetiki i obuchenie proiznosheniyu. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1975. P. 5–61. (In Russian).
- Trapeznikova O.A., Blagoevich N., Ilich V.* Komp'yuternye programmy po obucheniyu russkomu yazyku kak inostrannomu (iz opyta raboty v inoslavyanskoi auditorii) [Computer programs for teaching Russian as a foreign language (from work experience in a non-Slavic audience)] // Vestnik KeMGUKI. № 50. 2020. Pedagogicheskie nauki. P. 245–253. (In Russian).
- Vishnevskaya G.M.* Mez'kul'turnaya kommunikatsiya, yazykovaya variativnost' i sovremenniy bilingvizm [Intercultural communication, language variability and modern bilingualism] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2002. № 1. (In Russian).

Vronskaya I.V., Osipova A.S. Problema formirovaniya i kontrolya inoyazychnykh retseptivnykh foneticheskikh navykov na rannem ehtape obucheniya inostrannym yazykam [The problem of formation and control of foreign language receptive phonetic skills at an early stage of teaching foreign languages] // *Kompleksnye issledovaniya detstva.* 2020. T. 2. № 2. P. 109–116. (In Russian).

Лян Кэсинь
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Liang Kexin
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ФАКТОР ТРЕВОЖНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

THE ANXIETY FACTOR OF CHINESE STUDENTS IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN

В последние годы с реализацией политики «Один пояс, один путь» китайско-российские отношения стали более тесными, и спрос на переводчиков также резко вырос. В связи с чем важное значение имеет качество подготовки переводчиков, т.е. выяснение факторов, способствующих лучшего изучению иностранного языка. Конечно, в образовательном процессе важную роль занимает уровень преподавателей иностранных языков, одна на эффективность обучения влияют эмоции учащихся. Положительные эмоции могут значительно улучшить эффект обучения, отрицательные, напротив – уменьшить. Среди отрицательных эмоций, возникающих в процессе обучения, чаще всего встречается чувство тревоги. В данной работе анализируются причины возникновения тревоги, влияния тревоги на китайских студентов во процессе изучения русского языка, даются практические предложения по ослаблению или даже устранению отрицательного влияния тревоги, чтобы улучшить качество преподавания, а также повысить контроль людей над своими эмоциями.

In recent years, with the implementation of the “One Belt, One Road” policy, Sino-Russian relations have become increasingly close, and the demand for translators has also increased significantly. Based on this situation, it is also important for the training of translators, i.e., it is important to identify the factors that facilitate foreign language learning. Undoubtedly, the teaching level of foreign language teachers plays an important role in the educational process, but the students’ emotions affect learning efficiency. Positive emotions can promote learning efficiency, while negative emotions do the opposite. Of all the negative emotions that arise during learning, one of the most common is anxiety. This paper analyzes the causes of anxiety, the impact of anxiety on Chinese students during the process of the learning Russian, provides some practical suggestions for reducing or even eliminating the negative effects of anxiety in order to improve the quality of teaching, as well as to increase people's control over their emotions.

Ключевые слова: тревога, эмоция, русский язык как иностранный, подготовка переводчиков, методика преподавания.

Key words: anxiety, emotion, Russian as a foreign language, translator training, teaching methods.

Эмоция определяется как стабильный, глубокий психологический опыт и соответствующая реакция, которая возникает, когда человек осознает свою связь с объективными вещами. В процессе изучения русского языка участвуют разнообразные эмоции, влияющие на изучение языка, наиболее распространенными из которых являются тревога, волнение, любопытство, и т.д. Все, что доставляет удовлетворение потребности или способствует реализации этой потребности, вызывает позитивные эмоции, а если наоборот – вызывает негативные.

Эмоции свойственны человеку и связаны с удовлетворением потребностей. Они проявляются в скрытой форме и контролируются сознанием. Если субъект и объект

(например, студенты и русский язык) устанавливаются хорошие отношения, люди почувствуют близость и возникнет активная эмоциональная связь. При такой эмоциональной связи чем больше влечения субъекта к объекту, тем больше влияния будет оказываться на субъект. Напротив, это вызовет определенную психологическую дистанцию между субъектом и объектом, а психологическая дистанция – это своего рода психологическое отталкивание, негативный фактор, который приведет к негативному отношению к объекту.

Следует назвать функции, которые выполняют эмоции.

1) Функция движущей силы.

Функцию движущей силы эмоции можно разделить на функцию увеличения движущей силы и функцию уменьшения движущей силы. Функция повышения относится к позитивным эмоциям. Функция снижения, наоборот, снижает эффективность работы и учебы.

2) Регулирующая функция относится к влиянию эмоций на личные когнитивные деятельности. Когда настроение хорошее, мышление тоже становится чрезвычайно гибким, ум особенно ясен, и правильные суждения легко строятся.

3) Усиливающая функция означает, что эмоция изменяет поведение человека. Например, после того как поведение студента одобрено преподавателем, студент будет учиться еще лучше.

4) Заразительная функция подразумевает влияние эмоций человека на эмоции других людей. Западная психология называет это явление эмпатией. Другой пример – был учитель с высоким уровнем образования, богатым опытом работы и серьезным отношением к работе, но его педагогический эффект не был хорошим. Преподаватели с улыбкой и энтузиазмом обычно оказывают больше положительных влияний на студентов, чем преподаватели с холодным и серьезным лицом.

5) Сигнальная функция. Сигнал, несомненно, является условным знаком для передачи какого-либо сообщения, распоряжение, команды и т.п. Разные эмоции передаются различными сигналами, т.е. по лицу человека мы обычно можем понять испытываемые им эмоции. В процессе обучения эмоции преподавателей воздействуют на студентов, ведь студенты чувствуют заинтересованность преподавателя в своей работе. Если преподаватель равнодушен и безразличен, то лекция будет скучной, это снижает интерес студентов к этой лекции и увеличивает отрицательные эмоции у них. Наоборот, эмоции студентов также оказывают влияние на преподавателей: преподаватели могут понять, насколько интересно студентам, как они усваивают знания и т.д.

Среди данных эмоций, тревога в качестве типичного эмоционального фактора, значительно влияет на результат изучения. Тревога – одна из извращенных эмоций, также известна как психологическое отклонение. Тревога обычно рассматривается как стрессовое, вызывающее страх эмоциональное состояние, при котором самооценка и уверенность человека в себе подрываются или усиливается чувство неудачи и вины из-за угрозы не достичь цели или преодолеть препятствие.

«Языковая тревожность» – это уникальное явление, возникающее только в процессе изучения иностранного языка, как считает и Хорвиц (Horwitz), который определяет ее как «специфическую психологическую деятельность по самовосприятию, восприятию изучения иностранного языка, чувствам и поведению в изучении, которые вызваны уникальным процессом изучения языка» [Дин Хайян, 2003, с. 74–76]. Таким образом, «языковая тревожность» – это ситуативная тревожность, возникающая в процессе формального изучения иностранного языка. Ее особенность проявляется в том, что изучающие испытывают определенный страх и тревогу при общении на плохом языке. Она характеризуется следующим: изменением голоса, неспособностью правильно произносить звуки языка, забыванием слов, которые были выучены недавно. В 1994 году Гарднер (Gardner) и Макинтайр (MacIntyre) определили тревожность при изучении иностранного языка как «чувство нервности и страха в определенной языковой среде второго языка «включая изучение языка, слушание, говорение на языке и т.д.» [Дай Маньчунь, 1991, с. 144–148], в то время как Хорвиц (Horwitz) и Коуп (Cope, 1986) считали, что тревожность при изучении иностранного языка – «самовосприятие, убеждения, эмоции и поведение, связанные с изучением языка на занятии, которые вызваны своеобразием процесса изучения иностранного языка» [Дай Вэйдун, Цай Лунцюань, 2001, с. 113–119].

Альперт (Alpert) и Хабер (Haber) разделяют тревогу на два типа в зависимости от их влияния на обучающихся: конструктивная тревога и деструктивная тревога. Конструктивная тревога мотивирует учащихся преодолевать трудности, браться за новые задачи и пытаться преодолеть барьеры. С другой стороны, деструктивная тревога заставляет студентов избегать источника своей тревоги, уклоняясь от обучения. Поэтому при изучении языка не всякая тревога вредна – конструктивная тревога может быть еще полезна. Поэтому скорее в этой работе исследуется проблема уменьшения или устранения деструктивной тревоги в процессе изучения.

Теория классического обусловливания (classical conditioning) предполагает, что изучение по сути является реакцией людей на внешний раздражитель и что изучение иностранного языка – это формирование ассоциаций между языковыми символами и вещами, которые они обозначают. Скиннер расширил более ранние теории

обусловливания, подчеркнув важность подкрепления в процессе изучения. Он утверждал, что люди реагируют на стимулы определенным образом через поведение. Если поведение подкрепляется (например, вознаграждается или наказывается), вероятность повторения поведения в будущем увеличивается (или уменьшается). Согласно этой интерпретации, изучение иностранного языка, каждый шаг в изучении является стимулом, на который реагирует обучающийся и который затем подкрепляется преподавателем. Изучение иностранного языка можно рассматривать как процесс приобретения соответствующих привычек [Вильям, 1997, с. 10].

В последнее время ученые предпочитают связывать тревожность при изучении иностранного языка с индивидуальными потребностями, и личным опытом изучения языка. Поскольку оценка поведения в обществе тесно связана с тревогой, поэтому Хорвиц (Horwitz) предполагает, что «языковая тревога» тесно связана с тревогой в коммуникации, тревогой при сдаче экзаменов и тревогой при негативных оценках. Тревога в коммуникации – это тревога, возникающая при взаимодействии с другими людьми, которая в основном характеризуется страхом или опасением и является одним из отражений застенчивости. Тревога при экзаменах – это в основном поведенческая тревога, возникающая из-за возможной плохой успеваемости и тревога при негативной оценке – страх возможных низких оценок других людей.

Янг [Янг, 1991, с. 426–439] обобщил шесть возможных причин возникновения тревожности.

1) Тревога из-за сравнения самого себя с собой и с другими: студенты иногда сравнивают свои результаты и достижения с другими или переоценивают собственные способности к изучению в начале учебы, а замечают, что они не достигли своих целей или даже сильно отстали от них.

2) Взгляды учащихся на изучение языка. Например, некоторые студенты считают, что ключ к изучению иностранного языка – это приобретение хороших навыков аудирования и говорения, и упускают из вида чтение, письмо и перевод, таким образом, не получают ожидаемых результатов.

3) Взгляды преподавателей на преподавание языка: некоторые преподаватели слишком строги, исправляя каждую ошибку в произношении, грамматике, лексике и т.д., которую студенты делают на занятии, или преподаватели иногда переоценивают (или недооценивают) студентов.

4) Общение между преподавателями и студентами: например, некоторые преподаватели непрерывно по очереди задают вопросы на занятии. Вопросы действительно помогают студентам концентрировать свое внимание на лекции, но перед тем, как они будут

отвечать, некоторые волнуются о том, что ответят неправильно. В этот момент они не могут размышлять над вопросом от волнения, особенно на начальном этапе обучения, когда студенты еще плохо владеют этим языком. Если преподаватели часто или непрерывно задают вопросы по очереди, некоторые студенты будут волноваться больше, что снижает эффективность обучения.

5) Форма занятия: некоторые преподаватели, например, просят студентов в начале обучения выступать в одиночку перед всеми на занятии, что вызывает дискомфорт у них.

б) Языковые тесты: сложность теста и большое количество вопросов вызывают у студентов определенный страх, что они не смогут добиться хороших результатов и будут негативно оценены друзьями, родителями и преподавателями. По мнению Айды [Айда, 1994, с. 155–168], тревога вызвана тем, что студенты боятся прошлых неудач, поэтому растет их тревога, в связи с чем у них появляются негативные, не относящиеся к тесту мысли до и во время теста.

Более того, кроме вышеуказанных причин, у китайских студентов еще есть специфические причины, связанные с особенностями системы образования той или иной страны, а также с влиянием родного языка, отличающегося грамматической структурой. Соответственно, происхождение тревоги тоже будет отличаться. Следующие факторы могут вызывать тревогу у китайских студентов:

1) Большинство студентов изучает русский язык с «нулевой точки». С точки зрения выбора курсов иностранных языков в школах, английский язык в принципе является единственным вариантом. Популярность английского языка чрезвычайно широка, ведь то самый используемый язык в мире. На большей части территории Китая английский язык является обязательным предметом в начальной и средней школе, поэтому у большинства студентов нет возможности изучать русский язык в школе.

2) Время для владения русским языком намного короче. От того, что многие китайцы изучают русский язык своей специальностью только с первого курса бакалавриата, у большинства всего лишь 4 года, чтобы хорошо владеть этим языком и найти хорошую работу. Однако они учили английский язык с детства, и до того, как они начали изучать русский язык, у них было достаточно времени владеть английским языком, ведь по крайней мере учили английский 10 лет. Кроме того, китайский язык представляет собой идеографию, входящую в китайско-тибетскую семью, а русский язык – фонография, и он входит в индоевропейскую семью. Русский язык сильно отличается от родного языка китайцев, и тоже намного сложнее английского в спряжении и склонении. Одним словом, русский язык более сложный, но у студентов меньше времени для изучения, что приводит к появлению тревоги.

3) На изучение русского языка влияет не только родной язык студентов, но и английский. Как упоминалось выше, большинство студентов изучает русский язык «с нуля», и они изучали английский язык как иностранный только перед тем, как поступить в университет. Для студентов с нулевым стартом русский язык уже является их вторым иностранным языком, а их родным языком является китайский язык, поэтому на них влияют как родной язык, так и первый иностранный язык (английский язык). На начальных этапах изучения учащиеся путают некоторые русские буквы с английскими буквами и китайским пиньинь. Студенты часто произносят «т» в русском языке как «m» в английском и в пиньинь, а «д» в русском языке как «g» в английском и в пиньинь. С точки зрения разницы между английской и русской грамматикой, студенты путают некоторые грамматические явления. Оттого что есть артикль в английском, а в русском нет, студенты часто добавляют неправильные слова при составлении предложений. При склонении и спряжении студенты будут ошибаться или игнорировать изменения в окончаниях слов, т.к. они уже привыкли к английскому языку, где меньше изменений формы слов.

4) Некоторые студенты выбирают русский язык своей специальностью не по желанию. Выбор студентов иногда не может быть собственным. В Китае есть много родителей, вмешивающихся в дела своих детей, так что выбор самих студентов иногда не может быть желательным для родителей. В последние экономическое и политическое сотрудничество России и Китая стало тесным. Многие студенты выбирают русский язык своей специальностью на основании пожеланий или требований своих родителей, родственников и друзей, но они совсем не имеют понятия, интересно ли им изучать этот новый и сложный иностранный язык, сложно ли им будет разбираться в русской лингвистике.

Мы считаем, что тревога является как причиной, так и следствием плохой успеваемости по иностранному языку. Плохая успеваемость по иностранному языку заставляет студентов чувствовать возможность неудачи и повышает их тревожность, что в свою очередь влияет на эффективность изучения. Негативное влияние тревожности в изучении иностранного языка нельзя игнорировать.

5) Большинство учащихся уже старше подросткового возраста, когда начинают изучать русский язык. На изучение иностранного языка влияют не только культурные особенности, социальные обычаи и традиционное сознание, но и возраст учащихся. Из предыдущих исследований видно, что людям, которые начинают изучать иностранные языки после подросткового возраста, практически невозможно достичь языкового уровня носителей языка. С точки зрения принятия новых знаний, из-за влияния таких факторов, как нервы, мотивация и восприимчивость, взрослым учащимся труднее принять

иностранные культурные обычаи, потому что они сформировали фиксированный образец своей собственной культуры.

В иерархию потребностей Маслоу включается пятиуровневая модель человеческих потребностей, обычно изображаемых как уровни внутри пирамиды. Снизу вверх по иерархии потребности: физиологические потребности, потребность в безопасности, потребность в любви, потребность в уважении и потребность в самореализации. Пять потребностей являются самыми основными, врожденными, составляют разные уровни и становятся мотивацией поступков человека. Очевидно, что в процессе изучения русского языка личные эмоциональные характеристики не имеют ничего общего с их физиологическими потребностями, поэтому здесь мы обсуждаем только возникновение тревоги, связанное с 4 категориями. Тревога прежде всего у студентов вызывает страх неудачи и плохой оценки, который разрушает 2-ую потребность Маслоу (потребность в безопасности). Почему у них возникает такой страх? Потому, что все нуждаются в одобрении и уважении окружающих, что удовлетворит 3-ью и 4-ую потребности Маслоу (потребность в любви и потребность в уважении). Зачем стремятся к одобрению или удаче? Самореализация обозначает, что люди не зря тратят свою жизнь (это и есть потребность в самореализации).

Чтобы улучшить качество преподавания, необходимо сначала уделять много внимания удовлетворению данных потребностей, а чтобы удовлетворить эти потребности, следует снизить уровень тревоги у студентов. Однако это реализуется не только преподавателями, но и самими студентами.

Что касается преподавателя, то он, во-первых, прежде всего должен помочь студентам правильно оценить самих себя, понять особенности русского языка и сформировать уверенность в возможности выучить русский язык.

Во-вторых, преподаватели также должны обращать внимание на воспитания чувства успеха у студентов. Русский язык достаточно сложный язык. Студенты столкнутся с множеством трудностей в процессе обучения. Преподаватели могут предоставлять студентам больше шансов чтобы они почувствовали успех. Например, преподаватели могут задать не очень простой, не очень сложный, а средний по трудности вопрос, так будет больше возможностей, что они правильно ответят. После того, как они правильно ответят, необходимо похвалить за их ответ. В конце концов, преподаватели также должны помогать студентам правильно оценивать себя, формировать правильные представления о себе и обеспечивать студентам большую мотивацию, развивая в них уверенность в себе.

В-третьих, преподаватели должны обращать внимание на мотивацию студентов. Например, когда преподаватель оценивает успеваемость одного студентов на занятии

похвала всегда играет главную роль, а критика – второстепенную. Однако похвала должна быть умеренной. Преподаватель не должен быть предвзятым по отношению к студентам, у которых низкий уровень языка, чтобы не снизить самооценку студентов с низким уровнем языка. Чтобы мотивировать студентов, лучше всего хвалить их, мотивируя. Например, если преподаватель хвалит студентов за хорошие результаты экзамена, тут следует объяснить важность сдачи данного экзамена: хорошее владение языком поможет найти хорошую работу и т.д.

В-четвертых, на старших курсах (в процессе изучения русского языка в последние два года) преподаватели должны уделять особое внимание воспитанию у учащихся положительных эмоций и снижению выплеска отрицательных эмоций. После первых двух лет изучения русского языка студенты сформировали собственную методику обучения и овладели базовыми языковыми навыками. На старших курсах изучение русского языка перешло на более высокий уровень, количество и сложность занятий значительно повысятся, а также появится немало объемных и трудных языковых материалов. Тут преподаватели могут адаптировать содержание учебника, чтобы повысить его интерес и выделить коммуникативные характеристики языка.

В-пятых, большая часть отрицательных эмоций старшекурсников связана с опасениями по поводу своего будущего. Преподаватели должны помочь студентам правильно понять различные возможные варианты (например, поступление в аспирантуру, выезд за границу, трудоустройство и т.д.). А затем побудить студентов выбрать тот путь, который им подходит.

В-шестых, в процессе изучения русского языка преподаватели должны уделять больше внимания эмоциональному состоянию студентов, у которых низкая успеваемость. Эти студенты зачастую более чувствительны и сильнее ощущают свою неполноценность из-за плохой успеваемости по сравнению с другими. В процессе обучения преподаватели могут хвалить и поощрять этих студентов немного больше, чем студентов с лучшей успеваемостью. В то же время следует обращать внимание на то, чтобы не хвалить этих студентов за выполнение слишком простого задания. Это будет контрпродуктивный эффект и заставит учащихся почувствовать, что их способности недооцениваются преподавателем. Преподаватели также должны создавать для этих учеников с плохой успеваемостью больше возможностей для достижения успеха. Не следует игнорировать их на занятии из-за их недостаточного уровня, а надо давать больше заданий, соответствующих их уровню владения языком. Если ответ неправильный, преподаватель должен дать некоторые подсказки, чтобы помочь им ответить правильно; преподаватель должен снижать их беспокойство и тревогу.

В конце концов, преподаватели также должны помогать учащимся правильно оценивать себя, помогать учащимся сформировать правильные представления о себе, чтобы учащиеся могли правильно оценивать свои собственные способности и уровни и не обесценивать себя, терять уверенность в себе и предотвратить стресс из-за неспособности достичь поставленной цели.

С точки зрения ослабления и устранения влияния тревожности студенты должны обратить внимание на следующее.

Во-первых, надо всегда поощрять себя. Когда студенты сталкиваются с трудностями в процессе изучения русского языка, им не надо обвинять себя в неспособности, а следует поощрять себя, чтобы преодолеть трудности.

Во-вторых, меньше сравнивать себя с более успешными людьми. Чужой успех невозможно повторить. Вместо того, чтобы тратить время на сравнение с другими, лучше сосредоточиться на собственном процессе изучения и следить за своим прогрессом, чтобы была мотивация продолжать усердно работать.

В-третьих, необходимо ставить достижимые цели и стремиться к ним, чтобы почувствовать себя успешнее. Чтобы цели обучения больше не казались недостижимыми, учащиеся могут ставить для себя реальные цели на разных этапах обучения, соответствующие своим собственным способностям, например, запоминание 10 новых слов каждый день и т.д. Реализация достижимых целей дает учащимся ощущение успеха в четырехлетнем обучении русскому языку, снижает их тревожность и повышает их мотивацию.

В-четвертых, студентам, помимо обучения, также следует обобщать свой собственный положительный опыт и анализировать недостатки в процессе обучения, чтобы иметь четкое представление о своем процессе обучения и направить усилия на то, чтобы превратить тревогу в мотивацию, исправить недостатки и повысить эффективность изучения русского языка.

В-пятых, при изучении русского языка нельзя закрываться от других. Студенты должны обмениваться учебным опытом с преподавателем и одногруппниками в свободное время и учиться на примерах и опыте других. Кроме того, хорошие межличностные отношения между одногруппниками также мотивируют учащихся к изучению русского языка, позволяя учащимся понять, что они не одиноки в своей борьбе.

В-шестых, когда студенты испытывают чрезмерный стресс на экзаменах и занятиях, они очень сконцентрированы и напряжены, поэтому в этот момент они должны сделать глубокий вдох, чтобы расслабиться, а затем заново попытаться сконцентрироваться на занятии или экзамене.

Наконец, надо познавать себя и правильно оценить себя. Студенты должны правильно понимать свои собственные способности, сильные и слабые стороны и осознать себя, чтобы найти жизненный путь, подходящий для своего развития. Имея полное и правильное представление о себе, студенты также должны правильно оценивать себя, и не переоценивать свои силы. Это приведет к постановке целей, которые не соответствуют их реальным способностям и потребностям, и будут препятствовать изучению русского языка и личностному развитию.

Надеемся, что в процессе подготовки студентов, изучающих русский язык, в будущем преподаватели смогут уделять больше внимания эмоциональным изменениям студентов, усиливать роль положительных эмоций, ослаблять или даже устранять влияние отрицательных эмоций, да и сами студенты тоже должны уделять внимание собственным эмоциональным изменениям и корректировке своего настроения и эмоций. Своевременная обратная связь и общение также нужны при столкновении с трудностями, и в конечном итоге, совместными усилиями преподавателей и студентов качество преподавания русского языка можно улучшить, за счет контролирования эмоций студентов.

Список литературы:

- Aida Y.* Examination of Horwitz and Cope's construct of foreign language anxiety: The case of students of Japanese[J]. *The Modern Language Journal*, 1994, (78): 155–168.
- William M. & Burden R.L.* Psychology for language Teachers [M]. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Young D.J.* Creating a Low-anxiety Classroom Environment: What Does Language Anxiety Research Suggest? *The Modern Language Journal* .1991, vol. 75: 426–439.
- 王银泉, 万玉书. 外语学习焦虑及其对外语学习的影响[J]. *外语教学与研究*. 2001, (3)
- 戴曼纯. 大脑优势与二语习得[J]. *湖南大学学报*, 1991(5): 144–148.
- 戴炜栋, 蔡龙权. 中介语的认知发生基础[J]. *外语与外语教学*, 2001(9): 113–119.
- 丁海燕. 克拉申情感过滤假说对成人英语习得的影响[J]. *江南大学学报*, 2003(2): 74–76.

*Петрoсова Елена Генриховна
Раздолина Екатерина Александровна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Petrosova Elena
Razdolina Ekaterina*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПОСРЕДНИК В ПЕРЕДАЧЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ОПЫТА

RUSSIAN LANGUAGE AS A MEDIATOR IN THE TRANSFER OF ACADEMIC KNOWLEDGE AND EXPERIENCE

В XX–XXI столетиях, когда России удалось закрепить за собой статус величайшей мировой державы, русский язык как язык международного общения приобрел особую актуальность. В этой связи государственный язык Российской Федерации рассматривается как язык посредник в передаче накопленных знаний в различных сферах общественного развития. Вместе с тем перед носителями русского языка и отечественными филологами встает насущный вопрос адаптации современных языковых средств и способов их использования для решения целого ряда коммуникативных и образовательных задач.

The last two centuries have become crucial in proving Russia as a greatest superpower with establishing the global impact of the Russian language. Due to this the official language of the Russian Federation can be viewed as a bridge language in different spheres of social life. At the same time the Russian native speakers and philologists have been confronted with the adaptation of existing linguistic means and their use in solving a series of communicative and educational tasks.

Ключевые слова: пиджин, язык-посредник (лингва франка), выбор языковых средств, русский язык в сфере профессионального общения, носители языка.

Key words: pidgin, bridge language, (lingua franca), linguistic choices, Russian for professional communication, native speakers.

В рамках обычной ситуации общения между людьми, хорошо знающими друг друга, не приходится задумываться о выборе наиболее подходящих средств коммуникации, с помощью которых осуществляется контакт. Однако в подверженном глобализации и интернационализации мире собеседники все чаще решают, как поступить в новой для них ситуации и какие языковые средства следует выбрать. Когда А и В, носители двух языков, встречаются, у них имеются следующие варианты организации общения [ср. Алпатов, 2000, с. 15–20; Mustajoki, 2010, с. 43–50]:

1. Из-за отсутствия общего средства общения коммуникация не происходит.
2. Используются только невербальные средства общения (жесты, рисунки и т.п.).
3. Прибегают к услугам переводчика.

4. Каждый участник общения говорит на своем родном языке (что возможно лишь в определенных ситуациях, например, если А и В являются носителями близкородственных языков).

5. Оба коммуниканта употребляют один из языков А или В (если оба владеют одним общим для них языком).

6. Прибегают к помощи третьего языка, языка-посредника (лингва франка).

7. Создается смешанный креолизированный язык или его упрощенный вариант (пиджин).

Выбор стратегии коммуникативного поведения продиктован множеством факторов; основными из них являются набор языков, которыми потенциальные собеседники владеют, и, безусловно, степень необходимости общения. Если потребность в общении невелика, можно и не вступить в разговор (стратегия 1), а если контакт имеет большое значение для обеих сторон на протяжении долгого времени, то возможно создание пиджина (стратегия 7).

В нашей статье мы обращаемся к ситуации употребления русского языка в качестве лингва франка (стратегия 6), что предполагает сходство с употреблением русского языка в других контекстах межкультурной коммуникации, но, как будет показано ниже, имеет и свои специальные особенности.

В наши дни самым распространенным языком международного общения, очевидно, является английский. Поэтому неудивительно, что ELF (английский язык как лингва франка) всегда вызвал интерес у лингвистов.

Говоря о русском языке как лингва франка (ЛФ), следует сразу отметить, что в русской лингвистической традиции термин «лингва франка» употребляется не во всех контекстах; помимо него часто фигурирует и термин «язык-посредник». Это касается лингвистических традиций советского времени. В западной лингвистической традиции ЛФ считается любой «третий» язык-посредник, с помощью которого общаются люди, носители иных языков.

По отношению к русскому языку можно выделить четыре основные сферы его употребления в качестве ЛФ:

1. В советское время русский язык служил языком межнационального общения и употреблялся как в официальных контекстах, так и в повседневной жизни в качестве языка-посредника для миллионов людей. Поскольку русские составляли самую большую группу жителей Советского Союза, во многих коммуникативных ситуациях один из собеседников был носителем русского языка, т.е. коммуниканты принимали стратегию. Число людей – неносителей русского языка, регулярно говорящих с другими неносителями языка по-

русски, – было весьма большим, одним из самых многочисленных в истории употребления разных ЛФ в мировой истории. Некоторую параллель с современной ситуацией относительно английского языка можно видеть в том, что многие неносители русского языка владели этим языком почти в совершенстве, так что к ним можно было бы применять английский термин *near-native speaker*. Языковая политика и положение разных языков в советское время подробно описаны в ряде работ [в частности, например, Алпатов, 2000; Grenoble, 2003].

2. Русский язык все еще имеет сравнительно прочное положение во многих бывших советских республиках [см., например, Лазутова, 2002; Андреева, Хруслов, 2004; Pavlenko, 2008a, 2008b; Vershik, 2010]. Во многих бывших республиках, а также в некоторых регионах России русский язык играет роль ЛФ в условиях, когда нет другого общего языка.

3. Третьей характерной особенностью употребления русского языка как ЛФ можно считать общение многих иммигрантов и приезжих в больших русских городах, особенно в Москве. В основном это строители и мелкие торговцы (бизнесмены) разного рода. Это более случайные коммуникативные встречи, чем примеры, отмеченные в предыдущем пункте, но повод для ЛФ такой же: для коммуникации нужен общий язык, и ломаный русский язык, как правило, – единственное возможное для всех средство коммуникации. Так, на улицах, стройках и рынках Москвы можно слышать, как носители азербайджанского и киргизского языков говорят между собой по-русски.

4. Как отдельный пласт употребления русского языка в качестве ЛФ можно выделить соответствующие условия его применения вне России и Ближнего Зарубежья. Это происходит там, где скапливается много приезжих из разных бывших советских республик или стран Восточной Европы. В таких условиях русский язык служит не только средством коммуникации, но и важным социализирующим фактором, с помощью которого зарубежные наемные работники, гастарбайтеры, студенты, иммигранты могут проявить по отношению друг к другу солидарность в чужой для них среде.

Итак, русский язык в качестве ЛФ используется в различных коммуникативных ситуациях. Однако, лингво-прагматические аспекты данного общения еще недостаточно изучены и для многих исследователей в области русской филологии сводятся прежде всего к анализу языка делового общения.

Е.О. Опарина вводит понятие «деловая культура», которое охватывает весь комплекс взаимоотношений в сфере профессиональной деятельности человека, где важную роль играют конкретные формы и методы взаимодействия людей при решении деловых вопросов, стереотипы в служебном, должностном и других видах поведения. При этом в

центре внимания автора находится вопрос проявления культуры делового человека в культуре общения как важнейшем компоненте деятельности, а именно конкретные формы и способы взаимодействия людей при решении профессиональных задач, а также формирование так называемого дискурса профессионального общения в различных формах (деловое письмо, встреча, переговоры и др.) с помощью имеющихся в речевой практике образцов использования стратегий, приемов и выбора языковых средств.

В каждой из культур существуют свои нормы речевого поведения, организующие взаимодействие между собеседниками. Различие этих норм может привести к коммуникативному «дискомфарту» в процессе делового общения.

В настоящее время одной из актуальных задач современности является подготовка специалиста, способного хорошо ориентироваться в постоянно меняющихся условиях глобализации человеческого общества. Профессиональный успех специалиста во многом зависит от свободного владения одним из мировых языков посредников, которым по праву можно назвать русский язык, знания его норм в рамках профессиональной коммуникации предполагает:

- эффективное использование языковых норм в деловой беседе, деловых переговорах;
- четкое и последовательное высказывание своих взглядов, отстаивание собственных позиций посредством приведения соответствующих аргументов, объяснений, фактов;
- логическое продуцирование текстов в различных стилях речи с учетом их языковых особенностей, выделение в них особо важной идеи (мысли) и новой информации;
- воспитание интереса и уважения к избранной специальности на основе работы с текстами (чтение, языковой анализ, составление простых и сложных планов, беседа);
- грамотное использование гармоничных рече-поведенческих стратегий и тактик в процессе профессионального общения и т. д.

В ходе интернационализации высшего образования в России формируются условия для создания и развития нового средства коммуникации в условиях контакта языков и культур, ранее опосредованных английским языком. В этой связи необходимо обратиться к опыту использования английского языка как исторически выполняющего функцию лингва франка для участников образовательного процесса во всех мировых университетах и в настоящее время использующегося как особая форма организации академического дискурса, а также обладающего рядом отличительных лингвопрагматических характеристик. Нативизированный вариант английского языка, на котором осуществляется речевое взаимодействие студентов и преподавателей магистерских программ, отражает

специфику образовательной среды современных вузов, в том числе и российских. В условиях отечественного образовательного процесса неотъемлемой чертой являются заимствования из английского языка и англо-русское кодовое смешение. На основе ряда филологических и социолингвистических исследований можно сделать вывод о том, что кодовое переключение «английский → русский» и «английский → иной язык, общий для коммуникантов» является реализацией объяснительной / информативной стратегии в коммуникативном поведении преподавателя. Оценочная, контролирующая, организующая и содействующая стратегии англоязычного академического дискурса предполагают учет культурных особенностей студентов и их опыт (или его отсутствие) обучения в вузе. С целью адаптации к культурам студентов и предотвращения культурного шока преподаватель прибегает к тактикам усиления степени вежливости высказывания, смягчения критики, похвалы и комплимента, а также прибегает к приемам обеспечения комфортной учебной атмосферы и снижения риска возникновения межкультурного непонимания. Кроме того, следующим шагом становится анализ коммуникативного поведения студентов, чтобы установить, как и в какой степени национальные коммуникативные практики, российская культура, предыдущий опыт межкультурного взаимодействия и общий контекст влияют на формирование академического (русско-английского или русского) дискурса.

Анализ англоязычного академического дискурса (на основе опыта англоязычных магистерских программ российских и зарубежных вузов) позволяет установить, какие черты дискурса окажутся универсальными, а какие покажут зависимость от состава участников, их этнической принадлежности, предыдущего межкультурного опыта, в том числе опыта обучения в иноязычной среде и т.д. Как справедливо замечает Т.А. Иванкова, в случае опосредованной межкультурной коммуникации преподаватель, понимающий, что различия культур студентов, разница в уровне владения английским языком, отличия их фоновых знаний и прежнего опыта от реальности новой образовательной среды, а также их восприятие внешнего контекста в совокупности могут привести не только к сбоям в коммуникации, но и к определенной степени культурного шока, в своем репертуаре добавляет к оценочной, организующей и содействующей видам стратегий тактики обеспечения комфортной учебной атмосферы и снижения риска возникновения межкультурного непонимания. К таким тактикам можно отнести прямое выяснение: насколько допустимо то или иное действие (Можно ли объявлять оценки вслух при всей группе? Не против ли студенты работать в паре?), насколько привычна та или иная практика в вузах родной страны студента (Допустимы ли опоздания и пропуски дедлайна? Какие последствия наступают при получении неудовлетворительной оценки?), являются ли

этические нормы общепринятыми (Что считается плагиатом? Какие последствия наступают при выявлении плагиата в работе?).

Подводя итоги вышесказанному, следует заметить, что развитие русского языка в сфере профессионального общения, а также изучение перспектив его развития как мирового языка посредника, может ориентироваться на имеющийся мировой опыт становления английского языка как лингва франка.

Список литературы:

- Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт + ИВ РАН, 2000.
- Андреева И.В., Хруслов Г.В.* Функционирование русского языка в странах СНГ и Балтии. М.: Институт русского языка им. Пушкина, 2004.
- Бондаренко В.Е.* Lingua Franca как лингводидактическая проблема. Традиции и инновации // Вестник МГЛУ. 2013. № 14 (674).
- Дискурс межкультурного профессионального общения. Язык и культура: сборник обзоров / отв. ред. Е.О. Опарина. М., 1999. 109 с.
- Лазутова М.Н.* Трудные поиски общего языка (О функционировании русского языка в Содружестве независимых государств и странах Прибалтики) / М.Н. Лазутова, В.П. Тарасова, И.Ф. Михалюк. М.: Современный гуманитарный университет, 2002.
- Леонтович О.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
- Млечко Т.П.* Русский язык вне России: академическая норма и региональная специфика // Л.А. Вербицкая и др., ред. Русский язык и литература во времени и пространстве, XII Конгресс МАПРЯЛ. Том 2. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 269–281.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Ком-Книга, 2006.
- Стернин И.А.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные труды. Воронеж: Истоки, 2008.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд. МГУ, 2004.
- Dewey M.* English as a lingua franca: Heightened variability and theoretical implications // А. Mauranen, Е. Ranta, eds. English as a lingua franca: Studies and findings. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 2009. P. 60–83.
- Firth A.* The lingua franca factor // Intercultural Pragmatics. Vol. 6. № 2. P. 147–170.
- Grenoble L.* Language policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic, 2003.
- House J.* English as a lingua franca: A threat to multilingualism? // Journal of Sociolinguistics, 2003. Vol. 7. № 4. P. 556–578.
- Kaur J.* Intercultural communication in English as a lingua franca: Some sources of misunderstanding // Intercultural Pragmatics, 2011. Vol. 8. № 1. P. 93–116.
- Mustajoki A.* Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian // M. Lähteenmäki, M. Vanhala-Aniszewski, eds. Language ideologies in transition multilingualism in Russia and Finland. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2010. P. 35–55.
- Pavlenko A.* Russian as a lingua franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2006. Vol. 26. P. 78–99.
- Pavlenko A.* Multilingualism in post-Soviet countries: language revival, language removal, and sociolinguistic theory // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008a. Vol. 11. № 3–4. P. 275–314.
- Pavlenko A.* Russian in post-Soviet countries // Russian Linguistics. 2008b. Vol. 32. P. 59–80.
- Seidlhofer B.* Common ground and different realities: world Englishes and English as a lingua franca. World Englishes, 2009. Vol. 28. № 2. P. 236–245.
- Vershik A.* Contacts of Russian in the post-Soviet space // L. Wei, ed. Applied Linguistics Review. 2010. P. 85–128.

References:

- Alpatov V.M.* 150 yazykov i politika. 1917–2000 gg. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 languages and politics. 1917–2000s. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. M.: Kraft + IV RAN, 2000. (In Russian).
- Andreeva I.V., Khruslov G.V.* Funktsionirovanie russkogo yazyka v stranakh SNG i Baltii [The functioning of the Russian language in the CIS and Baltic countries]. M.: Institut russkogo yazyka im. Pushkina, 2004. (In Russian).
- Bondarenko V.E.* Lingua Franca kak lingvodidakticheskaya problema. Traditsii i innovatsii [Lingua Franca as a linguodidactic problem. Traditions and innovations] // *Vestnik MGLU*. 2013. № 14 (674). (In Russian).
- Dewey M.* English as a lingua franca: Heightened variability and theoretical implications // A. Mauranen, E. Ranta, eds. *English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 60–83.
- Diskurs mezhkul'turnogo professional'nogo obshcheniya. Yazyk i kul'tura: sbornik obzorov [Discourse of intercultural professional communication. Language and culture: a collection of reviews] / otv. red. E.O. Oparina. M., 1999. 109 p. (In Russian).
- Firth A.* The lingua franca factor // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 6. № 2. P. 147–170.
- Grenoble L.* Language policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic, 2003.
- House J.* English as a lingua franca: A threat to multilingualism? // *Journal of Sociolinguistics*, 2003. Vol. 7. № 4. P. 556–578.
- Kaur J.* Intercultural communication in English as a lingua franca: Some sources of misunderstanding // *Intercultural Pragmatics*, 2011. Vol. 8. № 1. P. 93–116.
- Lazutova M.N.* Trudnye poiski obshchego yazyka (O funktsionirovanii russkogo yazyka v Sodruzhestve nezavisimyykh gosudarstv i stranakh Pribaltiki) [Difficult search for a common language (On the functioning of the Russian language in the Commonwealth of Independent States and the Baltic countries)] / M.N. Lazutova, V.P. Tarasova, I.F. Mikhalyuk. M.: Sovremennyyi gumanitarnyy universitet, 2002. (In Russian).
- Leontovich O.* Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu [Introduction to intercultural communication]. M.: Gnozis, 2007. (In Russian).
- Mlechko T.P.* Russkii yazyk vne Rossii: akademicheskaya norma i regional'naya spetsifika [Russian language outside Russia: academic norm and regional specifics] // L.A. Verbitskaya i dr., red. *Russkii yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve*, XII Kongress MAPRYAL. Tom 2. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. P. 269–281. (In Russian).
- Mustajoki A.* Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian // M. Lähteenmäki, M. Vanhala-Aniszewski, eds. *Language ideologies in transition multilingualism in Russia and Finland*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2010. P. 35–55.
- Pavlenko A.* Multilingualism in post-Soviet countries: language revival, language removal, and sociolinguistic theory // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2008a. Vol. 11. № 3–4. P. 275–314.
- Pavlenko A.* Russian as a lingua franca // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2006. Vol. 26. P. 78–99.
- Pavlenko A.* Russian in post-Soviet countries // *Russian Linguistics*. 2008b. Vol. 32. P. 59–80.
- Prokhorov Yu.E.* Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev [National sociocultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching Russian to foreigners]. M.: Kom-Kniga, 2006. (In Russian).
- Seidlhofer B.* Common ground and different realities: world Englishes and English as a lingua franca. *World Englishes*, 2009. Vol. 28. № 2. P. 236–245.
- Sternin I.A.* Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya. Izbrannyye Trudy [Theoretical and applied problems of linguistics. Selected works]. Voronezh: Istoki, 2008. (In Russian).
- Ter-Minasova S.G.* Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communication]. M.: Izd. MGU, 2004. (In Russian).
- Vershik A.* Contacts of Russian in the post-Soviet space // L. Wei, ed. *Applied Linguistics Review*. 2010. P. 85–128.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА УРОКАХ РКИ

SOME ASPECTS OF TEACHING BUSINESS COMMUNICATION IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Для повышения эффективности образования применяются многочисленные методики, технологии, педагогические приемы, целью которых является достижение максимального развития каждого студента. Повышение требований к коммуникациям, коммуникативным компетенциям на изучаемом языке – это требование современного мира. Обучение деловой и академической коммуникации на русском языке предусматривает расширение у обучающихся использования средств деловой и академической коммуникации, овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетентности для решения конкретных задач в наиболее типичных ситуациях делового и научного общения, предполагает изучение основных особенностей деловой и научной коммуникации: нормы делового и научного общения, правила речевого этикета, виды и формы деловой коммуникации. Эффективность деловой речи зависит от компетентности его участников, манеры держаться, двигаться, речевой культуры и умения слушать, самоуправления и способности отстаивать свою точку зрения, обосновывать возражения. В настоящее время во всем мире сложилась такая ситуация, что деловая коммуникация осуществляется в офлайн и онлайн формах, требующих применение дополнительных методов и средств при обучении деловому общению.

To improve the effectiveness of education, numerous methods, technologies, pedagogical techniques are used, the purpose of which is to achieve the maximum development of each student. Increasing requirements for communications, communicative competencies in the language being studied is a requirement of the modern world. Teaching business and academic communication in Russian provides for the expansion of the use of business and academic communication tools among students, the mastery of students with the necessary and sufficient level of communicative competence to solve specific problems in the most typical situations of business and scientific communication, involves the study of the main features of business and scientific communication: norms business and scientific communication, rules of speech etiquette, types and forms of business communication. The effectiveness of a business speech depends on the competence of its participants, the manner of holding on, moving, speech culture and the ability to listen, self-government and the ability to defend one's point of view, to substantiate objections. Currently, such a situation has developed all over the world that business communication is carried out in offline and online forms, requiring the use of additional methods and tools in teaching business communication.

Ключевые слова: деловая коммуникация, коммуникативные компетенции, обучение, виды и формы делового общения.

Key words: business communication, communicative competencies, training, types and forms of business communication.

Происходящие интеграционные процессы в мире требуют и изменения содержания языкового образования, соответственно. Повышение требований к коммуникациям, коммуникативным компетенциям на изучаемом языке – это требование современного мира. Обучение деловому иностранному языку является одним из важнейших компонентов современного образовательного стандарта. Целью обучения деловому общению на иностранном языке – формирование у обучаемых определенных навыков и умений

общения, достижение коммуникативной компетенции на изучаемом языке в различных ситуациях общения, необходимой для делового общения в сфере профессиональной деятельности.

Обучение деловой и академической коммуникации на русском языке предусматривает расширение у обучающихся использования средств деловой и академической коммуникации, овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетентности для решения конкретных задач в наиболее типичных ситуациях делового и научного общения, предполагает изучение основных особенностей деловой и научной коммуникации: нормы делового и научного общения, правила речевого этикета, виды и формы деловой коммуникации.

Задача обучения деловой коммуникации на русском языке предполагает изучение языковых особенностей русского языка, речевых норм и правил делового общения на русском языке, а также овладение навыками делового общения в устной и письменной форме.

В результате изучения дисциплины деловой коммуникации на русском языке студент должен знать:

- основные особенности деловой и научной коммуникации на изучаемом языке;
- нормы делового и научного общения, правила речевого этикета, виды и формы деловой коммуникации.

Деловая коммуникация – это процесс взаимодействия, в котором партнер по общению всегда выступает как личность, значимая для другого.

В процессе деловой коммуникации предполагается реализовать следующие условия:

- а) обязательность контактов всех участников общения независимо от их симпатий и антипатий;
- б) соблюдение всех принципов взаимодействия;
- в) взаимозависимость всех участников деловой коммуникации в достижении конечного результата.

Деловая коммуникация отличается от обычной тем, что она направлена на решение определенной задачи. Деловая коммуникация осуществляется в различных формах: письменная – различные договоры, деловые письма, соглашения; устная – встречи, консультации, деловые переговоры и дискуссии.

Деловое общение – это особый вид общения, который реализуется в совместной профессионально-предметной деятельности людей. Оно возникает на основе определенного вида деятельности, связанного с производством какого-либо продукта или делового эффекта. Предметом делового общения является дело: любые социально

значимые проблемы, возникающие во всех сферах жизни общества – экономической, социальной, политической, духовной, требующие для своего решения совместных усилий. Любое общее дело предполагает взаимодействие и общение участников. «Профессиональная деятельность, имеющая огромное значение в жизни людей в целом, составляет предмет делового общения в сфере международных связей, определяет его содержание» [Елизарова, 2001, с. 371].

Содержание делового общения определяется социально значимым предметом общения, взаимным психологическим влиянием субъектов общения и формально-ролевым принципом их взаимодействия. Деловое общение представляет собой обмен информацией, знаниями, опытом для решения конкретной проблемы.

Деловое общение представляет собой особую форму взаимодействия людей в процессе определенного вида трудовой деятельности, которая содействует установлению нормальной морально-психологической атмосферы труда и отношений партнерства между руководителями и подчиненными, между коллегами и создает условия для продуктивного сотрудничества людей в достижении значимых целей, обеспечивая успех общего дела.

Деловое общение является одним из важнейших средств общения между людьми. В процессе делового общения происходит обмен информацией, решаются конкретные задачи, достигаются определенные цели. Деловое общение, в отличие от личностных, основано на соблюдении официальных правил и возникает в результате совместной деятельности. От владения навыками делового общения зависит не только эффективность взаимодействия с речевыми партнерами, но и карьера специалиста.

Деловое общение специалиста реализуется в процессе участия на производственных совещаниях, в переговорах, презентациях, дискуссиях и др. Специалист должен уметь понять и изложить деловую информацию, отстаивать свою точку зрения, разрешить конфликт, предложить варианты решения проблем, грамотно оформить документы и др. Конечно же, владение правилами делового общения и этикета повысит профессиональную компетентность специалиста, будет способствовать продвижению его по карьерной лестнице.

Отличительной чертой делового общения является то, что оно не является самоцелью, а служит средством для достижения каких-либо других целей.

Цель делового общения – организация совместной деятельности и ее направленность на решение социально значимых проблем.

Основная задача делового общения – продуктивное сотрудничество.

В зависимости от различных признаков деловое общение **делится** на:

- устное
- письменное;
- диалогическое
- монологическое;
- межличностное
- публичное;
- контактное
- дистантное.

Технология делового общения

1. **Вербальное общение** – устная словесная передача информации.

2. **Невербальное общение** – информация передается с помощью невербальных средств общения (жестов, мимики, интонации, позы тела и т.д.).

3. **Дистанционное общение** – передача информации с использованием различных видов технических средств (телефон, факсимильный метод (телефаксы), почта, интернет-коммуникации, электронная почта, системы теле- и радиовещания).

К формам делового общения относятся:

- деловые беседы (передача или обмен информацией и мнениями по определенным вопросам или проблемам), совещания (способ открытого коллективного обсуждения деловых вопросов группой специалистов и принятия решений), переговоры (обмен мнениями для достижения какой-либо цели, выработки соглашения сторон);
- публичные выступления (доклады, сообщения, приветствия): передача одним выступающим информации различного уровня широкой аудитории;
- пресс-конференции (встреча официальных лиц с представителями прессы, телевидения, радио с целью информирования общественности по актуальным вопросам);
- дискуссии (обмен мнениями по деловому вопросу), полемика, спор (столкновение мнений, разногласия по какому-либо вопросу, борьба, при которой каждая из сторон отстаивает свою точку зрения);
- деловая переписка (письменная форма взаимодействия с партнерами, заключающаяся в обмене деловыми письмами по почте либо по электронной почте. Деловое письмо – это краткий документ, выполняющий несколько функций и касающийся одного или нескольких взаимосвязанных вопросов. Применяется для

связи с внешними структурами, а также внутри организации для передачи информации между физическими и юридическими лицами на расстоянии);

- презентации (форма деловой коммуникации, осуществляемой для передачи информации и идей, убеждения в необходимости тех или иных действий, привлечения внимания к организации, персоне);
- телефонный разговор – дистанционное общение между личностями за счет использования специальных технических средств;
- деловые завтраки (решение принципиальных вопросов по намечаемым договорам, сделкам, обсуждаются деловые вопросы), обеды (деловое общение в неформальной обстановке, решение множественных, в том числе спорных моментов), ужины (встреча, которая позволяет поближе познакомиться с **деловым** партнером в неформальной обстановке), фуршеты (универсальный вариант провести любое мероприятие, порадовать гостей, предложив им вкусные угощения и предоставив возможность пообщаться в непринужденной обстановке).

Деловое общение связано с понятием «деловой этикет». Слово «этикет» в переводе с французского языка означает «ярлык», «этикетка». Этика – учение о морали, о нравственности, о нормах и правилах поведения человека. Успех делового разговора во многом зависит от «речевого паспорта говорящих». Культура делового общения требует знания норм литературного языка, а также речевого этикета. Деловая речь должна включать такие этикетные характеристики, как формулы знакомства, приветствия представления, прощания, телефонного разговора и др.

Этикет – это правила поведения и общения людей в конкретном обществе. Одной из разновидностей этикета является деловой этикет. Деловой этикет – установленный порядок поведения в сфере бизнеса и в сфере деловых контактов.

Этикет деловой речи состоит из следующих формул.

1. Этикет обращения, приветствия, прощания, извинения.
2. Этикет телефонных разговоров.
3. Этикет в различных ситуациях делового общения.

К **нормам делового этикета** относятся вежливость, корректность, тактичность, деликатность, скромность, простота, обязательность.

Рекомендации при деловом общении:

1. При деловом общении не рекомендуется класть руки в карманы.
2. В процессе делового разговора не нужно размахивать руками.
3. При деловом общении руки следует держать на столе.

4. При общении с руководством нельзя приближаться вплотную.
5. При деловом общении необходимо держать зрительный контакт.

Основные принципы делового общения:

1. На первом месте должны быть интересы дела.
2. Необходимо соблюдать принцип равноправия и корпоративности. Следует знать и учитывать специфические черты партнера.
3. Требуется использовать качественную информацию.
4. Информацию необходимо предоставлять партнеру в том достаточном объеме, который требуется в интересах дела.
5. Информацию следует излагать целенаправленно, конкретно по делу.
6. Информация должна быть отчетливо изложена партнеру и адекватно принята им.

Советы деловым партнерам:

1. В деловом общении соблюдайте интересы дела.
2. Поступайте по отношению к своему деловому партнеру так, как хочешь, чтоб он поступил с тобой.
3. Изучайте партнера, чтобы использовать его индивидуальные особенности в интересах дела.
4. Предоставляйте партнеру правдивую информацию, потому что на лжи не построишь отношения.
5. Предоставляйте партнеру необходимую информацию, потому что вы должны уметь понять и быть понятым.
6. Не предоставляйте излишнюю информацию, потому что партнер получит преимущество, которое будет использовать в своих интересах.
7. Не отклоняйтесь от темы общения, потому что будете отвлекать партнера.
8. Четко объясните свою позицию и умейте выслушивать партнера, потому что трудно будет найти оптимальный вариант решения проблемы.

Эффективность деловой речи зависит от компетентности его участников, манеры держаться, двигаться, речевой культуры и умения слушать, самоуправления и способности отстаивать свою точку зрения, обосновывать возражения. В настоящее время во всем мире сложилась такая ситуация, что деловая коммуникация осуществляется в офлайн и онлайн формах, требующих применение дополнительных методов и средств при обучении деловому общению.

Эффективность деловой коммуникации зависит от компетентности его участников, манеры держаться, двигаться, речевой культуры и умения слушать, самоуправления и способности отстаивать свою точку зрения, обосновывать возражения. В настоящее время во всем мире сложилась такая ситуация, что деловая коммуникация осуществляется в офлайн и онлайн формах, требующих применение дополнительных методов и средств при обучении деловому общению.

Для повышения эффективности образования применяются многочисленные методики, технологии, педагогические приемы, целью которых является достижение максимального развития каждого студента. Само слово «интерактив» обозначает взаимосвязь, диалог. Интерактивные методы предполагают совместное обучение (обучение в сотрудничестве). И студент, и преподаватель являются субъектами обучения. Применение интерактивного метода делает процесс обучения более интенсивным, создает предпосылки для максимального повышения активности каждого студента на уроке, делает урок интересным, и все это усиливает развивающий аспект обучения. Главная цель и основная суть интерактивных методов обучения, включающих информационную и коммуникативную, заключается в том, чтобы на каждом уроке добиться совершенствования знаний и коммуникативных компетенций каждого студента.

Список литературы:

- Велиева Н.Т.* Деловой русский язык. Баку: Издательство «Игтисад Университети», 2019. 298 с.
- Волкова Н.С.* Виды деловых писем [Электронный ресурс] // Allbest. Томск, 2014. – Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/ethics/00597282_0.html
- Елизарова Г.В.* Формирование межкультурной компетенции у студентов в процессе обучения иноязычному общению: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Елизарова Галина Васильевна. Санкт-Петербург, 2001. 371 с.
- Рзаева Г.Н.* Русский язык для делового общения. Баку: Издательство «Игтисад Университети», 2016. 450 с.

References:

- Velieva N.T.* Delovoi russkii yazyk [Business Russian]. Baku: Izdatel'stvo «Igtisad Universiteti», 2019. 298 p. (In Russian).
- Volkova N.S.* Vidy delovykh pisem [Types of business letters] [Electronic resource] // Allbest. Tomsk, 2014. – Available at: https://revolution.allbest.ru/ethics/00597282_0.html (In Russian).
- Elizarova G.V.* Formirovanie mezhhkul'turnoi kompetentsii u studentov v protsesse obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu [Formation of intercultural competence among students in the process of teaching foreign language communication]: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.02 / Elizarova Galina Vasil'evna. Sankt-Peterburg, 2001. 371 p. (In Russian).
- Rzaeva G.N.* Russkii yazyk dlya delovogo obshcheniya [Russian language for business communication]. Baku: Izdatel'stvo «Igtisad Universiteti», 2016. 450 p. (In Russian).

*Ся Наталья Валерьевна
Шульженко Анна Михайловна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Xia Natalia
Shulzhenko Anna*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО КУРСА РУССКОГО
ЯЗЫКА (АСПЕКТЫ ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА)
В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ ОБУЧЕНИЯ**

**PECULIARITIES OF TEACHING PRACTICAL COURSE OF RUSSIAN LANGUAGE
(LEXICAL AND GRAMMAR ASPECTS)
IN THE DISTANCE-LEARNING FORMAT**

Одним из последних и современных способов получения образования в мире является цифровизация. С внедрением современных цифровых технологий в систему образования пришел и дистанционный формат обучения, помогающий студентам и преподавателям контактировать друг с другом на расстоянии. В данной статье мы рассматриваем, как дистанционный формат обучения влияет на проведение занятий по русскому языку в иностранной аудитории, какими способами достигается коммуникация с преподавателем, к помощи каких цифровых средств прибегает преподаватель в обучении студентов.

One of the latest and modern methods of education in the world is digitalization. With the use of modern digital technologies in the educational system, a distance-learning format is now implemented, helping students and teachers to contact each other from different places. In this article, we observe how distance-learning format influences the practice of teaching Russian as a foreign language, which methods help a teacher to communicate with his/her students, which digital technologies are used in teaching.

Ключевые слова: практический курс русского языка, лексика, грамматика, дистанционное обучение.

Key words: practical course of Russian language, lexical aspect, grammar aspect, distance-learning format.

За последние годы практика проведения занятий в различных учебных заведениях кардинально изменилась. На смену аудиторным практическим и теоретическим занятиям пришло дистанционное обучение, которое является «взаимодействием учителя и учащихся между собой на расстоянии, и отражает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуется специфическими средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность» [Полат, 2004, с. 17].

Студенты-иностранцы, обучающиеся в бакалавриате на факультете Высшая школа перевода (МГУ имени М.В. Ломоносова), получают уникальную возможность получить не только специальность лингвиста, то есть профессионально овладеть русским языком и знать его особенности, но и изучить русский язык с точки зрения перевода.

Образование переводчиков стремится к тому, чтобы выработать у них знания и навыки, в современной терминологии – компетенции, необходимые для осуществления профессиональной переводческой деятельности. Что касается структуры знаний, необходимых переводчику, необходимо отметить, что на протяжении веков ученые, теоретики и переводчики говорили о нескольких неотъемлемых умениях переводчика. Во-первых, это отличное знание языка перевода и языка оригинала. Но язык – это инструмент и для того, чтобы научиться грамотно использовать его в той или иной ситуации перевода переводчику необходимо овладеть, прежде всего, профессиональными навыками перевода, которые отличаются от простого владения тем или иным языком. Переводчик-профессионал должен быть теоретически подкован для того, чтобы уметь отстаивать свою точку зрения и осознавать избираемые им стратегии перевода, опираясь на опыт предшественников и используя положения науки о переводе. Кроме того, он должен владеть различными знаниями в тех областях, с которыми он будет иметь дело в дальнейшем, прекрасно сознавать этические аспекты своей профессии, уметь использовать различные технологии для поиска и сверки информации, обладать качествами высокоразвитой в моральном и духовном плане самостоятельной личности, правильно позиционировать себя в социуме, в профессиональном контексте и уметь работать в команде, иметь навыки управления и администрирования и многое другое.

В связи с вышесказанным, «особенностью пособия» практического курса русского языка для переводчиков-иностранцев на факультете Высшая школа перевода (МГУ имени М.В. Ломоносова) «является комплексный подход, позволяющий корректировать навыки как устной, так и письменной русской речи, с одновременным углублением знаний в области социально-культурной жизни России» [Есакова, 2018, с. 4].

Дисциплины «Практический курс русского языка» и «Практикум по коммуникации русского языка» обеспечивают овладение языком в заданных учебной программой параметров. Содержание и объем этих дисциплин зависят от этапа и профиля обучения и отражены в соответствующих программах. На сегодняшний день «принято выделять следующие аспекты преподавания: фонетика, грамматика, лексика, развитие речи, анализ художественного текста, перевод» [Азимов, 2009, с. 223].

В данной статье мы рассмотрим особенности преподавания «Практического курса русского языка» (дисциплины лексика и грамматика) в дистанционном формате. Таким образом, дисциплина традиционно предполагала непосредственное общение студентов с преподавателем, нахождение в аудитории, которые позволяли учащимся воспринимать информацию через основные каналы: зрительный, слуховой, тактильный и т.д. Переход в онлайн-формат изменил традиционную практику преподавания. Во время онлайн-занятий

у учащихся наблюдается снижение концентрации внимания и повышенная утомляемость, что, в свою очередь, приводит к ухудшению результатов обучения. Для того, чтобы улучшить качество обучения в онлайн формате, нами были предприняты следующие вспомогательные действия:

1. При помощи различных социальных сетей (китайская социальная сеть WeChat, американская социальная сеть WhatsApp) преподаватель может находиться в непрерывном контакте со всеми студентами. Данные социальные сети открывают возможность создания специализированных групповых чатов, куда преподаватель присылает всю важную информацию, учебные пособия во всех форматах, ссылки на полезные видео- и аудиоматериалы. Этот способ общения предполагает выход на новый уровень общения студентов с преподавателем, так как для некоторых студентов проще именно в письменном виде изложить свою проблему и поделиться ей с преподавателем.
2. На протяжении 3 лет дистанционного формата обучения мы пользовались: американской платформой видеосвязи Zoom, китайскими платформами DingTalk, Voov. Благодаря ежедневной видеосвязи со студентами преподаватели могут отслеживать процесс обучения. По видеосвязи можно наблюдать выполнение заданий, правильное произношение при чтении текстов.
3. Также немаловажным помощником для достижения полного контроля над выполнением заданий можно назвать давно забытый способ: просить студента не только записывать свои заметки, упражнения, задания, глоссарий в тетрадь, но и пользоваться обычным диктофоном. Студент может в любое удобное для него время записать стихотворение, отрывок из задания и даже целое упражнение по грамматике или лексике.

Далее целесообразно уточнить, какие именно задания и как мы использовали в дистанционном формате на занятиях «Практический курс русского языка». Для начала следует упомянуть, что все преподаватели обязаны следовать рабочей программе, в рамках которой собраны все проверенные материалы и пособия для студентов. Дистанционный формат занятий позволят расширить кругозор учащихся, так как преподаватель может давать неограниченное количество материалов в дополнение к заданиям из учебника. Это могут быть таблицы, фотографии, сайты, ссылки, которые студенты могут изучить в удобное время внеаудиторной работы.

Исходя из вышесказанного, заблаговременно перед началом занятий в онлайн формате «Практического курса русского языка» (аспект «грамматика») мы отсылали студентам материалы по теме, которая будет изучена на уроке. Студент должен был

проработать ее самостоятельно, выполнить различного вида задания, тесты, записать возникшие вопросы, либо сделать заметки о непонятных местах, и отправить преподавателю. Проанализировав трудности и вопросы студентов перед занятием, преподаватель имеет возможность продумать структуру урока. Занятия по «Практическому курсу русского языка» по всем аспектам мы строили по следующим принципам: повторение ранее изученного материала, введение нового материала, объяснения, комментарии, пояснения, отработка устных и письменных заданий. Даже на занятиях по «Практическому курсу русского языка» (аспект «грамматика») мы обязаны уделять особое внимание коммуникативным навыкам учащихся, то есть поименно опрашивать каждого студента, проверяя изученный материал.

После занятий студенты выполняют устные и письменные домашние задания: составление интеллектуальных карт, создание аудио- и видеозаписей индивидуальных работ, а также фильмов и диалогов с одноклассниками.

Занятия по «Практическому курсу русского языка» (аспект «грамматика») включают в себя изучение и освоение студентами следующих тем: категория рода и одушевленности/неодушевленности, предложно-падежная система, согласование существительного с прилагательным, парадигматика русского глагола, виды глагола, глаголы движения, грамматическая основа предложения, порядок слов в русском предложении. Категория рода и одушевленности/неодушевленности, как и предложно-падежная система – темы, которые проходят на самых ранних этапах обучения русскому языку, поэтому на занятиях в дистанционном формате мы используем учебники, учебные пособия по грамматике русского языка, также мы предоставляем студентам таблицы, рекомендуем выполнять достаточно объемные домашние задания. Данные темы повторяются на протяжении всего «Практического курса русского языка».

Особую сложность в понимании вызывают темы «Виды глагола» и «Глаголы движения с приставками и без». При дистанционном формате обучения у преподавателя практически нет возможности наглядно показывать примеры употребления глаголов движения с приставками и без, однако при изучении данной темы, мы всегда используем небольшие видеоролики, фрагменты из фильмов, мультфильмов, таблицы, разного вида задания, чтобы показать, как двигается человек, транспорт. Безусловно, студенты пропускают русский язык через призму своего родного языка, но наша главная задача – попытаться донести и научить пользоваться глаголами движения в русском языке. Мы полагаем, что и сами студенты обязаны отрабатывать материал, учить наизусть, проговаривать, прописывать, выполнять все задания. В связи с тем, что студенты находятся далеко от преподавателя, можно попросить студента выйти на улицу с камерой и

прокомментировать все его движения на русском языке с использованием глаголов движения. Также данные темы активно используются на занятиях по лексике по теме «Транспорт», «Путешествия» и в некоторых других.

Все темы, связанные с грамматическими основами предложения, подразумевают выполнения большого количества письменных заданий. В дистанционном формате обучения студенты имеют возможность выполнять задания как письменно в тетради, отправляя выполненные упражнения преподавателю для проверки, так и на компьютере. Исходя из нашего опыта, чаще всего студенты предпочитают писать домашнее задание, что поощряется преподавателем, так как при данном упражнении тренируется сразу несколько видов памяти. На 3 курсе бакалавриата для выполнения некоторых упражнений все же требуется компьютер, так как студенты должны готовиться к написанию курсовых работ и учиться выполнять требования по оформлению.

Большим плюсом для аспекта «грамматика» в дистанционном формате является возможность давать студентам одну и ту же тему, используя электронные версии учебников. Многие платформы, на которых проходят занятия, предоставляют возможность делиться экраном, на котором делать заметки может не только преподаватель, но и студент. Также большим плюсом является и то, что студенты видят четко написанные печатным текстом слова, что облегчает запись нового материала в тетрадь.

Дисциплина «Практический курс русского языка» по аспекту «лексика» включает в себя следующие темы:

1. Этикетные формы: приветствие, прощание и представление.
2. Семья. Семейные традиции и ценности.
3. Внешность и внутренний мир человека.
4. Дом, жилище.

Обычно мы работаем с бакалаврами, владеющими русским языком в объеме уровня А2–В1. Частично эти темы изучаются ими на подготовительном этапе обучения. Поэтому нашей целью является расширить и закрепить имеющиеся знания, а также предоставить студентам возможность научиться искать необходимые материалы самостоятельно (развитие поисковой деятельности), работать с неадаптированными текстами различной направленности, словарями, использовать Интернет и уметь отбирать нужную информацию.

На занятиях по лексике особое внимание уделяется следующим аспектам: формирование концептуального поля учащегося, варьирование объема слов и выражений, семантика слов, синтагматические, ассоциативные связи между словами, функционирование и семантизация новых слов в речи. Используемое нами пособие

«построено таким образом, что одна и та же лексико-фразеологическая единица неоднократно презентуется в разных контекстах» [Есакова, 2018, с. 4].

В дополнение к традиционному методу выполнения предтекстовых и послетекстовых заданий нам кажется важным требовать от студентов не перевода новых слов (в текстах и упражнениях), но и объяснение их значений, поиск синонимов, антонимов, при помощи которых в дальнейшем можно использовать эти знания для применения таких переводческих приемов как: перефразирование, лексическая и грамматическая трансформация, антонимический и синонимический перевод.

В дистанционном формате мы предпочитаем задавать студентам новые слова в качестве домашнего задания. Таким образом, на следующем занятии преподаватель открывает нужную страницу учебника, а каждый студент по очереди читает слово, а затем дает свой вариант объяснения. Преподаватель записывает объяснение так, что студенты видят это на экране своего компьютера. При необходимости для объяснения значения также могут быть записаны синонимы, антонимы, продемонстрированы картинки, фотографии или схемы.

Для примера рассмотрим часть предтекстового задания по аспекту «лексика»:

..... **ТЕКСТ 1**

Задание 6. Знаете ли вы значение данных слов и выражений? Незнакомые слова посмотрите в словаре.

подвести кого-то - не оправдать ожиданий
(не) подводить / (не) подвести *кого?* / *что?*
доверять / доверить *что?* / *кому?* = полагаться на кого-то
любопытный = любить и хотеть учиться
манеры (*хорошие манеры*) = умение держаться в обществе, умение себя вести
миролюбивый - который любит мир, не любит конфликты, ссоры
начитанный - очень образованный, который много читает

Как можно заметить, у некоторых слов и выражений дано несколько объяснений, в дальнейшем студент может выбрать для себя тот вариант, который будет легче для запоминания. Дистанционный формат обучения позволяет всем студентам успевать за объяснениями преподавателя. При этом, если учащийся не успел что-то записать, он может сделать снимок экрана, а затем перенести информацию в свою тетрадь.

Работая описанным выше способом, студенты могут с легкостью составлять тематические глоссарии, которые потом они смогут использовать для написания эссе и подготовки к контрольным работам. Начиная первых занятий по лексике, мы рекомендуем студентам заполнять глоссарий постепенно, по мере появления новых слов и выражений.

Данный глоссарий был составлен студентом 1 курса бакалавриата полностью самостоятельно. Перед этим преподаватель дал примерную форму для заполнения, которая включает в себя следующие графы: слово, перевод, объяснение по-русски, синонимы, антонимы.

Глоссарий по теме «Свадьба»

слово	перевод	объяснение по-русски	синонимы	антонимы
приданое	嫁妝	деньги или имущество, которые выделяются родителями невесты при вступлении в брак	имущество; вено;	
брак	婚姻	законно оформленный договор между мужчиной и женщиной, женщиной и невестой	свадьба; женитьба; замужество;	развод.
церемония	儀式	торжественный обряд для чего-либо	обряд; ритуал	
традиция	傳統	то, что перешло от одного поколения к другому	обычай; наследие;	нововведение;
обряд	儀式	традиционное действие, связанное с каким-то бытовым событием	церемония; ритуал;	
бракосочетание	結婚儀式	свадьба, церемония вступления в брак	вступление в брак; свадьба;	развод.
букет	花束	Цветы, собранные вместе, подаренные друг к другу	букетик; букетец;	
женех	新郎	мужчина, который собирается жениться	новобрачный; молодожен; молодой;	невеста
невеста	新娘	женщина, которая собирается выйти замуж	новобрачная; молодая;	женех
медовый месяц	蜜月	путешествие после свадьбы	свадебное путешествие	
венчание	婚禮; 加冕礼	свадьба в церкви	богослужение; обряд; брак; свадьба;	

Обычно в конце каждой лексической темы в учебнике «Практический курс русского языка для переводчиков» даются фразеологизмы и пословицы, связанные с изучаемой темой. Обсуждение значения языковых единиц происходит на занятии, перед этим студенты дома самостоятельно ищут перевод дома, а также придумывают ситуации, в которых можно было бы их употребить. Затем данные понятия также вносятся в глоссарий:

Фразеологизмы и устойчивые выражения по теме «Свадьба»

Выносить сор из избы: разглашать семейные внутренние споры, разговоры другими людьми

кухар

Медовый месяц – свадебное путешествие

Устроить жизнь – жить в гармонии с собой и окружающим миром

Два сапга пара: в людях во многом похожи друг на друга; чаще всего этот фразеологизм имеет отрицательное значение

Жить как кошка с собакой – когда два человека ссорятся друг с другом

Жить душа в душу – очень дружить друг с другом; жить без ссор, жить мирно, понимать друг друга

Серебряная свадьба: когда люди женаты 25 лет

Золотая свадьба: когда люди женаты 50 лет

Обручальное кольцо – кольцо, которое символизирует брачные узы

1. Не выноси сор из избы! Это личные дела нашей семьи.

2. После свадьбы их ждет медовый месяц.

3. Он решил устроить свою жизнь по-новому.

Еще одним способом закрепления изученной темы является выполнение студентами презентаций. Обычно преподаватель дает план презентации, уточняя, какой материал нужно туда включить. На начальных этапах мы просим студентов сделать по 5–6 слайдов (с титульным листом и заключительным «Спасибо за внимание!»), ответ каждого студента занимает примерно 5–7 минут. Основным требованием к оформлению презентации является небольшое количество написанного текста, что позволяет студентам больше говорить, а не читать. В дальнейшем объем презентуемого материала увеличивается, сложность возрастает. Учащиеся отправляют преподавателю презентации заранее для возможности скорректировать материал.

В каждой изучаемой теме есть дискуссионные вопросы. Дистанционный формат дает возможность студентам работать в мини-группах так же, как и в аудитории. Для этого можно использовать отдельные «комнаты», например в конференциях Zoom.

Также хорошим вариантом для тренировки речевых навыков является выступление по конкретному вопросу за определенное количество времени. Например, студент должен говорить 3 минуты, аргументируя свою точку зрения. В дистанционном формате есть возможность записи конференции. Преподаватель после ответа студента дает свой комментарий, указывает на ошибки и неточности. После занятий у студентов есть возможность пересмотреть запись своего ответа, чтобы в следующий раз избежать ошибок.

Возможность записывать занятия также важна для обучения тех студентов, которые по каким-то причинам пропустили занятия. У них появляется возможность посмотреть объяснение новой темы, а затем задать вопросы преподавателю, используя выбранный ими способ связи.

Подводя итоги сказанному, хотелось бы отметить, что при надлежащем контроле и четко сформулированных заданиях даже при дистанционном формате обучения, можно

добиться хороших результатов владения русским языком. На занятиях «Практического курса русского языка» (аспекты лексики и грамматика), мы постарались «трансформировать традиционную систему очного образования в аудитории и включить инструменты цифрового обучения и обучающие коммуникационные платформы, тем самым повышая эффективность обучения» [Чжан Вэй, 2020, с. 387]. Также стоит упомянуть, что мотивация студентов является ключевой при данном типе обучения. Учитывая все применяемые нами методы, мы можем дать обучающимся возможность получить иногда даже большее количество знаний, чем при работе в аудитории. Немаловажную роль в этом играет запись и повторный просмотр занятий (особенно при подготовке к контрольным работам, экзаменам и зачетам). Также нужно учитывать, что при дистанционном формате обучения от преподавателя требуется хорошее знание современных технологий, умение ими пользоваться, а также навык быстрого поиска альтернативных методов связи в случае блокировки.

Список литературы:

- Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 265 с.
- Есакова М.Н.* Практический курс русского языка: Учебное пособие для переводчиков / М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, Г.М. Литвинова. 2-е изд., стереотип. М.: Русский Язык. Курсы, 2018. 248 с.
- Полат Е.С.* Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учебн. Заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева. Издательский центр «Академия», 2004. 416 с.
- Чжан Вэй.* Онлайн-обучение практической грамматике русского языка в вузе Китая в условиях эпидемии / Вэй Чжан, Л.Е. Веснина [Электронный ресурс] // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 383–408. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-383-408>

References:

- Azimov Eh.G.* Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)] / Eh.G. Azimov, A.N. Shchukin. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 265 p. (In Russian).
- Chzhan Vehi.* Onlain-obuchenie prakticheskoi grammatike russkogo yazyka v vuze Kitaya v usloviyakh ehpidemii [Online teaching of practical grammar of the Russian language at a Chinese university in the context of an epidemic] / Vehi Chzhan, L.E. Vesnina [Electronic resource] // Rusistika. 2020. T. 18. № 4. P. 383–408. Available at: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-383-408> (In Russian).
- Esakova M.N.* Prakticheskii kurs russkogo yazyka: Uchebnoe posobie dlya perevodchikov [Practical course of the Russian language: Textbook for translators] / M.N. Esakova, Yu.N. Kol'tsova, G.M. Litvinova. 2-e izd., stereotip. M.: Russkii Yazyk. Kursy, 2018. 248 p. (In Russian).
- Polat E.S.* Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. uchebn. Zavedenii [Theory and practice of distance learning: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions] / E.S. Polat, M.Yu. Bukharkina, M.V. Moiseeva. Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004. 416 p. (In Russian).

Юсупова Камилла Темуровна
Афинский национальный университет имени Каподистрии
г. Афины (Греция)

Yusupova Kamilla
National and Kapodistrian University of Athens
Athens (Greece)

**ИЗ ОПЫТА НАПИСАНИЯ МОНОГРАФИИ И УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО РУКИ
ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕВОДА ДЛЯ ГРЕЧЕСКИХ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ**

**FROM THE EXPERIENCE OF WRITING A MONOGRAPH AND A TEXTBOOK ON
THE STUDY OF THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE THROUGH
TRANSLATION FOR GREEK STUDENTS OF PHILOLOGICAL DEPARTMENTS**

В данной статье описывается опыт написания монографии и учебного пособия по русскому языку как иностранному для греческих студентов филологических факультетов, будущих русистов. В частности, представлено описание исследования, вошедшего в монографию, на основе которого затем было написано учебное пособие. Кратко излагается общая концепция относительно книг, которые направлены на национально-ориентированный и на культурологический подходы изучаемого и родного языков. Рассматриваются особенности преподавания русского языка как иностранного через перевод как одно из обучающих средств в условиях зарубежья.

This article describes the experience of writing a monograph and a textbook on Russian as a foreign language for Greek students of philological faculties, future specialists in Russian studies. In particular, a description of the study included in the monograph is presented, on the basis of which a textbook was then written. The general concept of books that are aimed at the nationally oriented and cultural approaches of the studied and native languages is briefly outlined. The features of teaching Russian as a foreign language through translation as one of the teaching tools in foreign countries are considered.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, перевод, монография, учебное пособие, национально-ориентированный метод, студенты филологических факультетов.

Key words: Russian as a foreign language, translation, monograph, textbook, ethno-oriented approach, students of philological faculties.

Российско-греческие отношения имеют свою многовековую историю. Кроме дипломатических отношений успешно развивается сотрудничество между университетами двух стран. С каждым годом в Греции увеличивается количество желающих изучать русский язык как иностранный, а в России все больше растет интерес к греческому языку как в университетах, так и в школах. Между греческими и российскими университетами подписаны соглашения о взаимосотрудничестве, в результате которых проводятся различные семинары, международные научные и студенческие конференции. Эти мероприятия направлены на приобретение филологических знаний и на укрепление дружеских отношений между преподавателями и студентами двух стран. Студенты филологических отделений – это проводники, закладывающие будущее в российско-греческих отношениях. Молодые филологи-русисты выступают с докладами на конференциях, также занимаются научной деятельностью, пишут диссертации на магистратурах и аспирантурах в России и в Греции.

Русский язык и переводоведение в Греции

В Греции будущие русисты учатся на Факультете русского языка и литературы и славяноведения Афинского национального университета имени Каподистрии в Афинах и на Факультете языков, литературы и культуры причерноморских стран Фракийского университета имени Демокрита в Комотини. Выпускники этих факультетов имеют право на преподавательскую деятельность, их дипломы признаются как в Европе, так и в Российской Федерации. Целью учебных программ на этих факультетах является не только обучить студентов русскому языку как иностранному (РКИ), но и дать им полное филологическое образование.

Особый интерес к более глубокому изучению русского языка в сфере переводческой деятельности существовал давно, так как переводоведение было и остается одним из направлений, куда выпускники филологических факультетов стремятся поступить на магистратуру. Этим направлением деятельности интересуются не только на факультете русского языка, но и на других филологических факультетах Афинского национального университета имени Каподистрии. В 2017 году был проведен набор студентов на программу магистратуры «Письменный и устный перевод» в языковых парах турецкий-греческий, английский-греческий и французский-греческий на Факультете турецких и современных азиатских исследований. Благодаря сотрудничеству Факультета турецких и современных азиатских исследований и Факультета русского языка и литературы и славяноведения Афинского национального университета им. Каподистрии была введена языковая пара русский-греческий. К большому сожалению, это был первый и на данный момент – последний набор. В 2020 году благодаря совместным усилиям Факультета русского языка и литературы и славистики и Факультета английской филологии открылась программа магистратуры «Перевод: греческий, английский, русский языки». Магистрантами стали выпускники этих двух факультетов, которые сдали вступительные экзамены по английскому, русскому и греческим языкам.

На языковых курсах Афинского национального университета также давно существуют специальные семинары по переводу в языковых парах английский-греческий, французский-греческий. С 2020 года была введена языковая пара русский-греческий, занятия семинара успешно проводятся и в 2022 академическом году. В 2022 году Санкт-Петербургский государственный университет на базе языкового центра русского языка и культуры Russian Word в Салониках провел дистанционный трехмесячный курс по теоретическим основам переводческой деятельности для желающих продвинутых уровней ТРКИ.

В греческих школах не ведется русский язык, поэтому абитуриенты не сдают вступительных экзаменов на знание языка. В связи с этим в университетских программах для греческих русистов упор осуществляется в первую очередь на изучение русского языка. При этом параллельно начинают вводиться и филологические предметы: лингвистика, литература, методика преподавания РКИ, переводоведение и т.д. Перед студентами стоит нелегкая задача не только выучить русский язык, но и стать филологами. Иностранные студенты могут постичь глубины «великого и могучего», занимаясь переводом. Студенты сравнивают структуру текстов, языковые и культурологические особенности изучаемого и родного языков, также приобретают недостающий опыт в работе с терминологией, фразеологией и с параллельными текстами и словарями.

Монография «Педагогический перевод в русской филологии»

Монография «Педагогический перевод в русской филологии. Создание дидактического материала» [2021] написана на основе исследования докторской диссертации [Юсупова, 2020] и является продолжением монографии «Методы обучения иностранному языку и использование перевода в изучении русского языка» [2001]. Библиография монографии содержит 206 наименований, включает четыре приложения, краткий словарь лингвистических терминов, именной указатель, список сокращений и резюме на русском языке.

Работа издана на греческом языке, чтобы русисты, лингвисты и филологи в Греции смогли как можно больше узнать о русской филологии. Данное издание выпущено для помощи студентам филологических отделений в преодолении трудностей, связанных с объемом информации, которой они должны овладеть за четыре года. У греческих студентов возникают трудности с полисемией, омонимией, паронимией, фразеологией и, конечно, с терминологией русского языка. Для облегчения обучения был составлен краткий словарь лингвистических, педагогических терминов, а также терминов, связанных с методикой преподавания иностранных языков. Сначала был проведен анализ часто встречающихся лингвистических, педагогических, методических терминов в российских, греческих и англоязычных научных трудах. На основе этого исследования для каждого термина был найден эквивалент в русском, английском и греческом языках. Работа над терминами трехязычного словаря продолжается и по сей день.

В данной книге перевод рассматривается как педагогический «инструмент» в преподавании русского языка как иностранного. Во-первых, использование перевода в обучении значительно помогает студентам в изучении русского языка. Во-вторых, систематическое и поэтапное использование педагогического перевода при обучении языку как иностранному положительно работает на филологических факультетах, поскольку дает

студентам возможность получить более глубокие филологические знания. В процессе обучения студенты начинают сравнивать грамматические, синтаксические и лексические и другие явления в языках.

Введение представляет собой краткий обзор уже проведенных исследований в Греции, относительно перевода и преподавания русского языка. Также рассматриваются основные цели и задачи исследования, проведенного на основе студенческих работ. Главная цель монографии – показать роль перевода в преподавании РКИ для греческих студентов филологических ВУЗов, которые в будущем собираются стать переводчиками или преподавателями. Кроме этого, были поставлены следующие задачи: определить понятия о тексте, кратко описать виды и типы текстов, проанализировать и классифицировать реалии, исследовать культурологические аспекты текста в переводоведении, разграничить понятия языковые и переводческие ошибки, рассмотреть педагогический и профессиональный перевод, провести исследование, а также выявить и классифицировать переводческие ошибки, на основе исследования создать методический дидактический материал.

В первой главе рассматриваются текстовые, коммуникативные и культурологические аспекты в переводе и преподавании РКИ. Интерес к анализу текста проявляют филологи, переводчики и преподаватели иностранных языков. Так как в эпоху мультимодальной коммуникации текст больше не воспринимается только как статичная языковая единица, а рассматривается как процесс воспроизведения речи, и как семиотическая система в ситуационном, культурном и когнитивном контекстах [Dimasi & Sakhinidou, 2013, с. 134]. Греческие филологи могут узнать о российских лингвистах, внесших вклад в текстологию, в этой главе упоминаются такие имена как: А.А. Реформатский, М.М. Бахтин, В.П. Белянин, Н.С. Болотнова, Н.С. Валгина и другие.

В тексте встречаются языковые единицы, несущие культурологическую информацию, поэтому студент и будущий переводчик должен владеть фоновыми знаниями языка. Таким образом, необходимо развивать языковую компетенцию, включающую фоновые знания как у студентов, изучающих русский язык, так и у будущих переводчиков. Несмотря на то, что русских и греков многое связывает и объединяет, существуют понятия, которые не переводятся с русского на греческий, и относятся к безэквивалентной лексике, например: *Радоница, крашенка, писанка, творог, сметана, вприглядку, вприкуску* и т.д. В этой главе подробно описывается классификация реалий С.И. Влахова, С.П. Флорина и Г.Д. Томашина, потому что знания реалий русского мира, необходимы греческим студентам в межязыковой и межкультурной коммуникации для заинтересованности студентов в написании научных сопоставительных работ на эту тему.

При выборе текста для занятий преподаватель должен учитывать требования, лексический минимум по русскому языку, возраст и интересы своей аудитории при выборе текста. В связи с этим было включено описание типов текстов, которые учащиеся должны понимать, читая и слушая, на каждом уровне, изучая русский язык как иностранный. Греческим студентам всегда нравится читать тексты, связанные с культурой, историей и религией России, поэтому они сами не замечают, как помимо перевода начинают оживленно обсуждать данные темы, и искать языковые и культурологические сходства и различия. Во время перевода и обсуждений часто включается эмоциональный фактор, который важен для межкультурного общения. Как известно греки – народ эмоциональный и общительный, поэтому студенты громко говорят, выражают свои эмоции, жестикулируют и оживленно спорят на занятиях.

Во второй главе анализируются языковые и переводческие ошибки, а также рассматривается классификация переводческих ошибок. По мнению Krimpas [Krimpas, 2017, с. 95], интерференционные переводческие ошибки обычно встречаются тогда, когда: переводчик автоматически их переносит из исходного текста в переводной или из-за большого сходства языковых единиц или когда перевод текста был остановлен на какое-то время, а позднее был возобновлен или по другим причинам. Одним из важнейших понятий в переводоведении является эквивалентность, поэтому в этой главе анализируется значение этого термина такими известными переводоведами как: Н.К. Гарбовский, А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров, З.Д. Львовская, P.G. Krimpas, G. Kentrotis и другие.

В дальнейшем подробно описывается исследование, в котором приняли участие 73 студента (67 студенток и 6 студентов) третьего курса Факультета русского языка и филологии и славистики. Студентам были даны два аутентичных текста, которые они перевели с современного русского на новогреческий язык. Первый текст – газетно-публицистический с культурно-значимой информацией, в котором описываются особенности и традиции русской православной Пасхи. Второй текст является аудиовизуальным и относится к общественно-политической тематике, участники имели возможность не только прочитать, но и послушать выступление Дмитрия Медведева на заседании правительства без звуковой дорожки. В данном исследовании был использован вероятностный метод, в ходе которого были отобраны 40 работ 20 студентов.

Цель исследования – показать, что развитие перевода как пятого навыка (четыре основных навыка – понятие и воспроизведение устной и письменной речи) необходим греческим русистам не только в их будущей профессиональной деятельности, но и в изучении РКИ. В ходе исследования были проанализированы переводы студентов, классифицированы и систематизированы переводческие ошибки. Подробно рассмотрены

виды переводческих ошибок, а также представлены сравнительные статистические таблицы, отображающие виды ошибок и их частоту в переводах. Особое внимание было уделено лингвокультурологическим ошибкам, а также ошибкам, связанным с терминологией. Была проанализирована и классифицирована частотность переводческих ошибок, которая варьировалась в зависимости от текста. Были изучены трудности, с которыми столкнулись учащиеся, и их причины, с целью снижения переводческих и языковых ошибок. Исследование показало, что респонденты допустили больше всего ошибок, связанных с терминологией (27%), с лексической интерференцией (23%), с синтаксической интерференцией (11.4%) и с ошибками культурологического характера (8.6%).

В третьей главе приводятся основные отличия учебного перевода от профессионального перевода. Учебный перевод направлен на освоение и отработку навыков, который в свою очередь можно разделить на подготовку профессиональных переводчиков и использование перевода как инструмент в преподавании иностранных языков. Затем, основываясь на результатах исследования, был разработан и использован учебный материал, который прошел апробацию на занятиях русского языка как иностранного для греческих студентов-русистов. В заключении рассматривается роль перевода сегодня и его место в общеевропейских компетенциях владения иностранным языком (ALTE).

Изложены основные цели и задачи, проведенного исследования, которое доказывает необходимость разработки методических материалов переводческой направленности. Были проанализированы студенческие переводы текстов, на основе которых были классифицированы все виды переводческих ошибок, а также представлены сравнительные статистические таблицы.

На основе проведенного исследования и многолетнего опыта преподавания РКИ написано учебное пособие для студентов филологических факультетов и всех тех, кто заинтересован в получении навыка перевода в языковой паре русский-греческий и национально-ориентированных знаний для овладения коммуникативной компетенцией.

Учебное пособие «Изучая русский язык посредством перевода»

Пособие является национально-ориентированным для греческих учащихся, изучающих русский язык вне языковой среды. По учебнику могут начать заниматься учащиеся, овладевшие первым сертификационным уровнем (B1) по русскому языку, но в основном он предназначен для второго сертификационного уровня (B2). Цель данного издания – изучение русского языка через языковую картину мира, в котором обучающийся занимается не только переводом, но и активно развивает письменную и устную речь.

Учебный материал основан на коммуникативной методике (communicative approach) и на коммуникативное ориентированное преподавание (task-based teaching).

Учебник состоит из введения, трех частей, раздела для преподавателя, краткого словаря лингвистических терминов. Содержит только аутентичные адаптированные тексты с культурологическими особенностями и иллюстрированными материалами. Первая часть «Русская зима: обычаи и праздники» содержит четыре темы: «Вотчина Деда Мороза», «Щит Деда Мороза», «Штандарт Деда Мороза» и «Рождественский сочельник». Вторая часть «От Широкой Масленицы до Православной Пасхи» включает четыре темы: «Веселая Масленица», «Светлая Пасха» и «Рецепт: пасхальный кулич». В первой и во второй частях уделяется особое внимание культурологической информации, связанной с Дедом Морозом, с Сочельником, с Масленицей и Пасхой. Третья часть содержит «Дополнительный материал» и включает фразеологизмы, аутентичные тексты и короткометражные видеоматериалы. Видеоматериалы содержат пять видео, которые возможно посмотреть на канале YouTube.

Пособие помогает раскрыть мир русской культуры, показывая реалии, к которым относятся фразеологизмы, пословицы, поговорки и загадки. В том числе представлена национальная кухня, которая отражает реалии России. В учебнике студентам предлагается познакомиться с основными названиями национальных блюд, которые русские готовят на определенные праздники, например: кутья, кулич, пасха и другие. Также представлены такие блюда, которые употребляется в повседневной жизни, например: блины, вареники, пончики и другие.

Развитие межкультурной коммуникативной компетенции у греческих студентов является одной из важной составляющей в преподавании русского языка как иностранного. Будущие греческие русисты должны не только знать русский язык и русскую картину мира, но и овладеть переводческими навыками, чтобы быть конкурентноспособными на рынке труда. В последние годы появилась потребность в разработке специальной национально-ориентированной методики РКИ для владеющих греческим языком как родным или как иностранным не только для студентов, но и для большого количества желающих его изучать. Автор надеется, что эти книги помогут студентам в изучении языка. Представленными книгами могут воспользоваться как преподаватели, так и методисты иностранных языков и русского языка как иностранного, а также филологи, русисты, переводчики, студенты, магистранты, аспиранты и все кто изучает русский язык и его культуру. Книги являются современными пособиями, выпущенными и в печатном, и в электронном формате.

Список литературы:

- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров: Работы 1940–1960гг.. М.: Русские словари, 1996. С. 227, 237, 239, 240–244.
- Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Издательство Московского университета, 1988. С. 50–58.
- Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста. М.: Флинта, Наука, 2009. С. 105, 110, 115–117.
- Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. С. 4, 69–72.
- Влахов С.И.* Непереваемое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. М.: Международные отношения, 1980. С. 47, 50–83.
- Гарбовский Н.К.* О переводе. М.: ФОРУМ, 2016. 345 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2007. С. 178, 516–535.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: ЧеРо, 1999. С. 87.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. С. 56, 185, 319–320.
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода. М.: ЛКИ, 2008. С. 74, 75, 88.
- Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. Серия: Антология мысли. М.: Юрайт, 2018.
- Томахин Г.Д.* Реалии – Американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. С. 5, 46–204.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. С. 125–126.
- Юсупова К.Т.* Изучая русский язык посредством перевода: Пособие для студентов [Μαθαίνοντας ρωσικά μέσα από τη μετάφραση: Εγχειρίδιο για φοιτητές]. *NEOHEL–Modern Greek and European Studies*, 2021. С. 1–136.
- Юсупова К.Т.* Методы обучения иностранному языку и использование перевода в изучении русского языка [Μέθοδοι διδασκαλίας ξένων γλωσσών και η χρήση της μετάφρασης στην εκμάθηση της ρωσικής]. Афины: *NEOHEL–Modern Greek and European Studies*, 2021. С. 1–170.
- Юсупова К.Т.* Педагогический перевод в русской филологии: Создание дидактического материала [Η παιδαγωγική μετάφραση στη ρωσική φιλολογία. Πρόταση διδακτικής παρέμβασης]. *NEOHEL–Modern Greek and European Studies*, 2021. С. 1–310.
- Юсупова К.Т.* Роль перевода в преподавании иностранного языка // Русское слово в многоязычном мире: XIV конгресс МАПРЯЛ, Нур–Султан, Казахстан, с 29 апреля по 3 мая, 2019. Нур–Султан: МАПРЯЛ, 2019. С. 1387–1390.
- Δημάση Μ., Σαχινίδου Π.* Η γλώσσα της ορολογίας ή η ορολογία της γλώσσας: μια πτυχή της μελέτης και της διδακτικής της γλωσσικής επικοινωνίας // *Ελληνική Γλώσσα και Ορολογία: Сборник статей IX международной конференции, Афины, Греция, с 7 по 9 ноября, 2013.* Афины: Ελληνική Εταιρεία Ορολογίας, 2013. С. 133–145.
- Κεντρωτής Γ.* Θεωρία και πράξη της μετάφρασης. Αθήνα: ΔΙΑΥΛΟΣ, 1996. σελ. 56, 125, 288, 296–297.
- Κριμπάς Π.Γ.* Συμβολή στη μεταφρασεολογία. Αθήνα: Γρηγόρης, 2005. σελ. 46–51.
- Κριμπάς Π.Γ.* Εισαγωγή στη θεωρία της μετάφρασης. Αθήνα: Γρηγόρης, 2017. σελ. 51, 80–93, 95, 52–60.

References:

- Bakhtin M.M.* Problema rechevykh zhanrov: Raboty 1940–1960gg. [The Problem of Speech Genres: Works of 1940–1960]. М.: Russkie slovari, 1996. P. 227, 237, 239, 240–244. (In Russian).
- Belyanin V.P.* Psikholingvisticheskie aspekty khudozhestvennogo teksta [Psycholinguistic aspects of a literary text]. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988. P. 50–58. (In Russian).
- Bolotnova N.S.* Filologicheskii analiz teksta [Philological analysis of the text]. М.: Flinta, Nauka, 2009. P. 105, 110, 115–117. (In Russian).
- Dimasi M., Sakhinidu P.* I glossa tis orologias i i orologia tis glossas: mia ptikhi tis meletis ke tis didaktikis tis glossikis epikinonias // *Elliniki Glossa kai Orologia: Sbornik statei IX mezhdunarodnoi konferentsii*, Athens, Greece, 7–9 November, 2013. Athens: Elliniki Eteria Orologias, 2013. P. 133–145. (In Greek).
- Fedorov A.V.* Osnovy obshchei teorii peregoda [Fundamentals of the general theory of translation]. М.: Vysshaya shkola, 1983. P. 125–126. (In Russian).
- Garbovskii N.K.* O perevode [About translation]. М.: FORUM, 2016. P. 345. (In Russian).
- Garbovskii N.K.* Teoriya peregoda [Translation theory]. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. P. 178, 516–535. (In Russian).

- Kentrotis G.* Theoria ke praksi tis metafrasis. Athens: DIAVLOS, 1996. P. 56, 125, 288, 296–297. (In Greek).
- Komissarov V.N.* Obshchaya teoriya perevoda [General theory of translation]. M.: ChERo, 1999. P. 87. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies]. M.: R. Valent, 2011. P. 56, 185, 319–320. (In Russian).
- Krimpas P.G.* Isagogi sti theoria tis metafrasis. Athens: Grigoris, 2017. P. 51, 80–93, 95, 52–60. (In Greek).
- Krimpas P.G.* Simvoli sti metafraseologia. Athens: Grigoris, 2005. P. 46–51. (In Greek).
- L'vovskaya Z.D.* Sovremennye problemy perevoda [Modern problems of translation]. M.: LKI, 2008. P. 74, 75, 88. (In Russian).
- Reformatskii A.A.* Lingvistika i poehtika [Linguistics and poetics]. Seriya: Antologiya mysli. M.: Yurait, 2018. (In Russian).
- Tomakhin G.D.* Realii – Amerikanizmy: posobie po stranovedeniyu [Realities – Americanisms: A guide to country studies]. M.: Vysshaya shkola, 1988. P. 5, 46–204. (In Russian).
- Valgina N.S.* Teoriya teksta: Uchebnoe posobie [Text Theory: Textbook]. M.: Logos, 2003. P. 4, 69–72. (In Russian).
- Vlakhov S.I.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation] / S.I. Vlakhov, S.P. Florin. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. P. 47, 50–83. (In Russian).
- Yusupova K.T.* Izuchaya russkii yazyk posredstvom perevoda: Posobie dlya studentov [Μαθαίνοντας ρωσικά μέσα από τη μετάφραση: Εγχειρίδιο για φοιτητές]. NEOHEL–Modern Greek and European Studies, 2021. P. 1–136. (In Greek).
- Yusupova K.T.* Metody obucheniya inostrannomu yazyku i ispol'zovanie perevoda v izuchenii russkogo yazyka [Μέθοδοι διδασκαλίας ξένων γλωσσών και η χρήση της μετάφρασης στην εκμάθηση της ρωσικής]. Afiny: NEOHEL–Modern Greek and European Studies, 2021. P. 1–170. (In Greek).
- Yusupova K.T.* Pedagogicheskii perevod v russkoi filologii: Sozdanie didakticheskogo materiala [Η παιδαγωγική μετάφραση στη ρωσική φιλολογία. Πρόταση διδακτικής παρέμβασης]. NEOHEL–Modern Greek and European Studies, 2021. P. 1–310. (In Greek).
- Yusupova K.T.* Rol' perevoda v prepodavanii inostrannogo yazyka [The role of translation in teaching a foreign language] // Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: XIV kongress MAPRYAL, NuR–Sultan, Kazakhstan, s 29 aprelya po 3 maya, 2019. NuR–Sultan: MAPRYAL, 2019. P. 1387–1390. (In Russian).

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аль-Авад Асиль Рафаа

Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Al-Avad Asil Rafaa

The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О МЕТАФОРИЗАЦИИ АЛХИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В АРАБСКОМ ХИМИЧЕСКОМ И МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСАХ

ON THE METAPHORIZATION OF ALCHEMICAL CONCEPTS IN THE ARABIC CHEMICAL AND MEDICAL DISCOURSES

Статья посвящена вопросу метафоризации алхимического знака в арабских химических и медицинских текстах в Средние века. Как феномен, обусловленный текстом и речью, к метафорической вербализации объектов окружающей действительности неоднократно обращались множество алхимиков, начиная с упрощения фонетической оболочки некоторых алхимических терминов, вплоть до модификации названий химических веществ и элементов. Арабизация трудов великих медиков привела к появлению важнейших языковых стратегий моделирования созданных на разных языках текстов, включая перенос знания с одной области в другую, приводящий к появлению новых видов дискурса и переходу из абстрактного мышления к более точному, имеющему однозначный характер; сужению синонимических конструкций, что способствовало возникновению арабской средневековой терминологии.

The article is devoted to the issue of metaphorization of the alchemical sign in Arabic chemical and medical texts in the Middle Ages. As a phenomenon conditioned by text and speech, many alchemists repeatedly turned to the metaphorical verbalization of objects of the surrounding reality, starting with the simplification of the phonetic shell of some alchemical terms, up to the modification of the names of chemicals and elements. The Arabization of the works of the great physicians led to the emergence of the most important language strategies for modeling texts created in different languages, including the transfer of knowledge from one area to another, leading to the emergence of new types of discourse and the transition from abstract thinking to more precise, unambiguous; narrowing of synonymic constructions, which contributed to the emergence of medieval Arabic terminology.

Ключевые слова: химия, медицина, метафора, концепт, терминология, алхимия.

Key words: chemistry, medicine, metaphor, concept, terminology, alchemy.

Метафоризацию важнейших химических и медицинских концептов можно наблюдать при изучении древних арабских трактатов по алхимическому искусству, в то время, когда в арабском научном дискурсе преобладала философско-религиозная установка, и была принята антропоцентрическая концепция «человек в науке». Если провести параллели, то в современных лингвистических исследованиях языка наблюдается развитие антропоцентрической модели конструирования научного знания, позволяющая рассматривать человека в контексте языка и приводящая к изучению метафоры не только в

языковом ракурсе, но и «как семиотический механизм, обуславливающий воздействие людей в процессе деятельности» [Алексеева, Мишланова, 2016, с. 122]. Тогда в арабской культуре всякая научная деятельность сопровождалась гуманистической концепцией или профессиональным достоинством, которое зависело от социального и материального положений химиков, медиков и фармакологов. Считается, что «в основе коллективного языкового сознания различных культур лежат системы ценностных ориентаций, которые находят отражения в разных слоях культуры, в частности, на уровне национальных культурных символов» [Молчанова, 2017, с. 257].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы показать каким образом происходила метафоризация основных алхимических концептов в арабском средневековом научном дискурсе, воспользовавшись методами когнитивной лингвистики и семантической теорией символов. Понимание образования арабских химических и медицинских терминов невозможно, не изучив мыслительные процессы, в рамках которых происходило формирование арабской научной деятельности. «Для когнитивных исследований реальные объяснения языковых процессов и фактов можно получить только через экспликацию связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки» [Манерко, 2002, с. 18].

На стыке философии и религиозного знания с опорой на дошедшие до арабов сведения по алхимии возникает арабская средневековая химическая и медицинская наука и, соответственно, терминология, нуждающаяся в новых способах выражения и адаптации древней лексики в соответствии с созданными наименованиями металлов и вещества в химии, болезней в медицине и с названиями лекарств в фармакологии. Язык алхимии выступает как универсальный механизм, обуславливающий метафорический или символический перенос старых представлений на новую реальность, так как, по мнению профессора Л.А. Манерко, «язык представляет собой важнейшее средство человеческого общения, обмена мыслями, чувствами и эмоциями, воплощение человеческой культуры и социо-исторического опыта в развитии общества» [Манерко, 2020, с. 6]. Являясь в данном случае производным термином, химический и медицинский знаки соотносят вновь открытое знание с уже существующей системой концептов.

Для нас важным является применение метафоры, которая используется арабскими учеными как один из способов порождения нового знания. Метафора определяется учеными как «сдвиг в семантике слова» [Алексеева, Мишланова, 2016, с. 122] или «понимание и переживание сущности одного вида в терминах и сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27]. В арабском химическом тексте она вместе с языковым субстратом предстает как надлингвистический слой, обеспечивающий перенос систем

знаний и слов-терминов из функциональной области обыденного знания в научную область знания, где осуществляется переход от субъективного к объективному мышлению, причем истинная сила метафоры проявляется не в бессознательном метафорическом познании, а в намеренном метафорической коммуникации» [Steen, 2007, с. 78].

По видимости язык алхимии выполнял две основные функции – когнитивную и коммуникативную функции, что сказывается на характере общения ученых химиков, выборе языковых средств и способе формирования представлений арабской средневековой научной деятельности. Алхимики использовали перераспределение информации из одного домена в другой [Манерко, 2012, с. 57], особенно последовательность слов в предложении, и формировали мысли по образцу химического состава эликсиров, что приводило к пониманию названий как самостоятельных сущностей, уже не обусловленных внешними факторами, результат согласия между людьми [Джабир ибн Хайян, 2008, с. 24].

В арабском медицинском средневековом дискурсе, являющемся одним из наиболее насыщенных терминами, яркими примерами выступают трактаты Авиценны ابن سينا, Разеса الرازي, Аль-Фараби الفارابي и др. Знания нескольких языков, включая арабский и персидский языки, и в некоторых случаях даже сирийский и греческий, а также перевод медицинских работ на латинский и греческий языки, и наоборот, были важнейшими факторами в ускорении процесса метафоризации в научных арабских медицинских и фармакологических текстах. Про Авиценну говорили, что «его лингвистические способности наглядно сказались на его попытках провести забавные языковые параллели и сравнения». Метафорические отсылки объяснялись господствующей в то время «всеобщей лингвистической концепцией», которая была направлена на то, чтобы скрыть философские мысли, кроющиеся под подлинным высказыванием от посторонних глаз и простых людей. Многие из этих трудов арабских медиков привели к выработке научных стандартов, закреплению полученных знаний, терминологии и сокращению синонимии. Но тем не менее, несмотря на метафорические процессы, в то время для арабских медицинских произведений была характерна аристотелевская логика, считавшаяся неотъемлемой частью структуры арабского медицинского дискурса и одной из необходимых условий научного исследования. После написания книги «Исцеление» «كتاب الشفاء», Авиценне присвоили звание «писателя разговорного стиля», который появлялся на страницах его трактата. Владение арабским языком на высоком уровне позволило Авиценне точно передать сложные мысли, в которых отсутствовало всякое противоречие или разногласие, несмотря на длину тракта и деление его на множество частей, а также внедрение в некоторых случаях иноязычных терминов или концептов.

В энциклопедических медицинских словарях научное понятие должно было выражаться только одним звуковым комплексом, синонимия была недопустима. Можно заметить, что начиная с IX-ого века в арабском средневековом научном медицинском и химическом дискурсах процесс сокращения синонимии и структурирования научных терминосистем происходит в соответствии с категориями однозначности, краткости и точности, но, тем не менее, можно наблюдать участие единиц в метафорическом и метонимическом переносах. С.В. Петрова и С.И. Маджаева отмечают в своей работе, что «каждый период становления и развития медицинской науки наложил определенный отпечаток на формирование медицинской терминологии. Начиная со времен Гиппократов, для которого характерно изобилие греческих слов, включая Средневековье, внесшее в анатомическую терминологию образность и метафоричность, а также период Нового времени, сократившего количество кратких, образных, метафоричных и полисемичных названий и увеличившего число рациональных терминов, синонимов и многословных обозначений» [Петрова, Маджаева, 2017, с. 346].

Так, один из примечательных приемов моделирования языкового концепта в арабской медицинской терминологии это – *фонетическое моделирование*, к которому арабские ученые-философы прибегали в переводческой деятельности греческих, латинских, сирийских, индийских слов и в процессе составления научных трактатов. Во-первых, наличие в литературном арабском языке артикля «ал» способствовало трансформации множества слов и древних концептов, как это можно заметить в слове *алхимия*. Алхимия, выступавшая в нашем сознании современности как древняя таинственная наука, с помощью артикля и фонетической трансформации приобрела на сегодняшний день совсем иное толкование. Этот артикль сыграл большую роль в преобразовании нашего представления понимания алхимии как прародительницы современной химии и отделении ее от старой таинственной алхимии. Авиценна, переводя в медицинском тексте латинские термины, часто добавлял к латинским терминам этот артикль, например латинский термин *cephalic vein*, в «Каноне врачебной науки» он переводит как *alkifal*, означавшего *головную вену* или подкожную латеральную вену руки [Петровский, 1983, с. 179]. В метафорической структуре фиксируется указание на «*наружность*» и «*внешность*», одновременно отсылающие нас к повседневному знанию, имеющему в то же время отличие от латинской трактовки этого термина [Каримов, 1994, с. 220].

Фонетическое моделирование происходило даже с лексемами и концептами, пришедшими в арабскую культуру из Древнего Египта, в частности, из Александрийской школы. Например, слово *алембик* الامبيق – прибор с тремя приемниками для дистилляции

влаги и одновременно широко используемый по сей день прибор, известный как водяная баня и бенмари. В трактате «Тайна тайн» алхимика Разеса происходит концептуализация этого слова и с помощью артикля «ал» это слово приобретает уже иные значения. Во-первых, Разес относит этот прибор к числу важнейших химических изобретений. Во-вторых, со словом появляются новые словосочетания и химические операции: *алембик с носиком* الخرطوم والانيق *и приемником* القابلة; *тыква со слепым алембиком* القرع مع العمياء. Новые процессы растворения с алембиком описаны в трактате Разеса следующим образом: «Возьми размягченную вещь, смочи ее одной из острых вод и помести в кольцеобразную канавку слепого алембика. А в тыкву налей ту воду, которой ты смочил вещь. После того, как ты нальешь в тыкву острую воду, поставь на нее слепой алембик и, плотно закрыв щели под ней тыквой, зажги слабый огонь». Это в дальнейшем дало толчок к изобретению в арабской культуре одного из уникальных приборов, обозначаемого словом «слепая тыква» القرعة العمياء, который часто был иллюстрирован в виде перевернутой чаши. В эту чашу вмещались растворенные вещества, а внизу ставилась горящая лампа, которая не должна была погаснуть пока помещенное вещество не застынет.

Нужно заметить, что важнейшей характеристикой арабской средневековой химической и медицинской терминологии, является бинарная оппозиция научный /ненаучный, специалист/неспециалист, термин/нетермин. По мнению Т.А ван Дейка, в дискурсе выделяется несколько типов знаний, одно из которых признано считать групповое или экспортное знание, получаемое во время профессиональных и социальных практик, важнейшей целью которых является получение нового знания [Ван Дейк, 2003, с. 25–26]. Последнему всегда противопоставляется непрофессиональное знание, которое в общем не утверждает об отделении обыденного знания от научного, а наоборот, такая постановка вопроса говорит о существовании некой модели интеграции знания, способная вобрать в себя общенаучное, собственно специальное знание, представление о формах его отражения в сознании, о языковых формах его репрезентации, а также знания об оперировании языковыми единицами с целью обработки, хранения и передачи информации.

С другой стороны, существует иной вид моделирования, получивший название *лексическое моделирование*. Здесь будет уместно привести следующее определение: «Метафора определяется как эвристический прием, способ мыслить, понимать одну область через другую» [Ченки, 2010, с. 351]. В арабском средневековом научном дискурсе часто функционировало слово *мудрость*, которое выступало в качестве ориентира в поисках великого эликсира и стремления подвести человека к высшей степени истинного познания. В этой связи в религиозно-философских трактатках были сконструированы

новые понятия, которые были перенесены из области источника в области цели. Поэтому словом мудрец наименовали не только философов, но и ученых химиков, медиков, фармакологов и алхимиков. Отсюда в научных трудах появляется целый ряд слов и метафор, напрямую связанных со словом мудрость: «искусство» [Гартман, 1997, с. 173], «мастерство», «творение», «хикма», «синаа» и др. Н.Н. Болдырев справедливо отмечает: «приписывая человеку, событию или объекту определенные характеристики, мы привлекаем к ним особое внимание и одновременно выделяем их из всего возможного перечня характеристик за счет обращения к другой концептуальной области» [Болдырев, 2013, с. 14]. От слова мудрость в арабском языке также образовались отдельные области знания: в некоторых научных трактатах вместо слова *химия* Разесом используется слово *мастерство*, сходное по семантике и звучанию со словом *творить* в русском языке и *мудрость* в арабском языке; алхимические трактаты практически всегда носили название мудрость *الحكمة* или *الصنعة* синаа.

У арабских алхимиков как Джабир ибн Хайян и Рази и даже в европейских трактатах Парацельса одна область источника – *дух или душа, тела, эликсир* – коррелирует одновременно с несколькими областями целями или наоборот, одна и та же область источника может соотносится с различными областями цели. Приведем пример из трактата Разеса «Тана тайн»: «Начну теперь упоминание о таджсиде тел и камней; Аллах хвалит Золото и серебро – это чистые металлы, которые не нуждаются в операции. Что касается меди и обоих свинцов, то они являются металлами, для которых не требуется большой работы. Однако таджсид нужен только для одного железа из всех металлов, а из камней – для марганцевой руды, марказита, железняка, талька, гипса и стекла». В цитате идет речь об области источника *тело, камни*, которым соответствуют следующие области цели: *металлы, полуметаллы, золото, серебро, свинец, камни, гипс, стекло, марказит, тальк, гипс, стекло и др.* От слова «тело» «جسم او جسد» образовалась другие похожие по значению слова-концепты: (تجسيد *таджсид*), تجسد, «воплощение», «приобретение телесной формы», «облицовка» [Каримов, 1957, с. 128]. Как термин в алхимии, слово *таджсид* обозначает процесс или операцию, цель которой состоит в приобретении вещества формы тела. Что касается характеристики в отрывке из текста *золота и серебра* как чистых металлов, то автор текста отождествляет эти два химических элемента с наивысшим благом, которого может достичь алхимик в своем искусстве: они всегда несут *положительную оценку*. Указывается, что в процессе их употребления ученый никогда не нуждается в дополнительных процедурах и операциях. В случае их классификации на белый и красный эликсиры, под которыми понималось окрашивание в красный цвет золота и белый серебра, или когда речь идет об операциях и цветовой

символики, то всегда использовались словосочетания *до красноты и до белизны التصعيد* "للحمرة" و "التصعيد للبياض".

Другой наглядный пример – это слова *душа, дух и дыхание*, трансформированные в современное *алкоголь, спирт и порошок*. Нужно заметить, что в арабском языке есть еще несколько близких по значению слов-метафор, обозначающих улетучивающиеся вещества и символы – «*таййаар*» الطيار, «*фарар*» الفرار, «*укаб*» العقاب [Джабир ибн Хайян, 1935, с. 63] – как символы-концепты, от них в арабском научном дискурсе образовались множества устойчивых фразеологических единиц, которые «являясь внутренней структурой языка, они отражают когнитивную сущность языка, которая передается с помощью этих устойчивых выражений». Например во фразах Джабира ибн Хайяна типа «*предел души, – это совершенство тела, механизм, ориентирующий исходящие из него действия*», «*предел духа – это нечто мягко текущее по образцу действующего лица*», явно продемонстрирован процесс объективации недавно полученных знаний об окружающей действительности, предполагающий наличие в их семантике категориальных и концептуальных признаков.

Подводя итог, можно сказать, что метафора в арабском представлении – это плод переводческой деятельности; это есть процесс, сопровождающий арабско-мусульманскую историю развития научного знания. И также исходим из того факта, что специфика становления арабской науки заключается в том, что большая ее часть приходится на алхимию. Вместе с тем, терминология формировалась за счет нескольких слов из разных языков, таких как сирийский, греческий латинский, китайский и индийский и др. Логичным является использование арабскими учеными заимствований лексем из другого языка, приводивших к интеграции старого знания в виде заимствованных терминов и понятий в системе нового знания на основе имеющихся представлений в арабской повседневной культуре.

Список литературы:

- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Пермская школа метафоры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, № 3 (35). 2016. С. 122–132.
- Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / ок. 42000 слов. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 1989. 928 с.
- Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып XV: Механизмы языковой когниции: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. лом ТГУ им Г.Р. Державина, 2013. С. 12–21.
- Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения; Медицина. Космология. Антропология. Пневматология. Магия и колдовство. Алхимия и астрология. Философия и теософия / Пер. с англ. В.С. Зуевой и др. М.: Новый Акрополь, 1997. 288 с.
- Джабир ибн Хайян. Избранные письма; под редакцией П. Крауса. Каир-Египет: Ханжи, 1935. 582 с.
- Джабир ибн Хайян. Избранные труды по алхимии и Великом эликсире; под редакцией Пиера Лори. Ливан: Дом-библиотека Библион, 2008. 485 с.
- Каримов У.И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957. 186 с.

- Каримов У.И., Хуришут Э.У.* Канон врачебной науки: Избранные разделы: В 3 ч. М. Ташкент: Коммерческий вестник, Фан АН РУз, 1994. 400 с.
- Лаккофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Манерко Л.А.* Сопоставительное изучение языков и концептуальные универсалии в когнитивных исследованиях // Вопросы романо-германской и русской филологии: межвузовский сборник научных статей / Под ред. В.А. Богородицкой, А.А. Шарапковой. Пятигорск: ПГУ, 2020. С. 6–14.
- Манерко Л.А.* Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования. Сборник научных трудов / под ред. Л.А. Манерко. Рязань: РГПУ, 2002. С. 17–19.
- Молчанова Г.Г.* Концепт-символ и смыслы культурных универсалий // Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике: сборник научных трудов в честь доктора филологических наук, проф. Ларисы Александровны Манерко. М: МАКС Пресс, 2017. С. 256–269.
- Петров С.В., Маджаева С.И.* Семантическая вариативность терминов инфектологии // Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике: сборник научных трудов в честь доктора филологических наук, проф. Ларисы Александровны Манерко. М: МАКС Пресс, 2017. С. 345–350.
- Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 340–370.
- Энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред Б.В. Петровского. М.: Сов. Энциклопедия, 1984. С. 421.
- Dijk van T.A.* Specialized discourse and knowledge: a case study of discourse of modern genetics // *Cad.Esp. Ling., Campinas*, (44). P. 21–55. Jan. / June 2003.
- Steen G.* Finding Metaphor in Grammar and Usage. John Benjamin publishing Co., 2007. 425 p.

References:

- Alekseeva L.M., Mishlanova S.L.* Permskaya shkola metafory [Perm school of metaphor] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. Perm'*, № 3 (35). 2016. P. 122–132. (In Russian).
- Baranov Kh.K.* Arabsko-russkii slovar' [Arabic-Russian dictionary] / ok. 42000 slov. 7-e izd., stereotip. М.: Rus. Yaz., 1989. 928 p. (In Russian).
- Boldyrev N.N.* Interpretatsionnyi potentsial kontseptual'noi metafory [Interpretation potential of the conceptual metaphor] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp XV: Mekhanizmy yazykovoi kognitsii: sb. nau.tr. M.: In-t yazykoznanija RAN; Tambov: Izd. lom TGU im G.R. Derzhavina*, 2013. P. 12–21. (In Russian).
- Chenki A.* Semantika v kognitivnoi lingvistike [Semantics in cognitive linguistics] // *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya. M.: LIBROKOM*, 2010. P. 340–370. (In Russian).
- Dijk van T.A.* Specialized discourse and knowledge: a case study of discourse of modern genetics // *Cad.Esp. Ling., Campinas*, (44). P. 21–55. Jan. / June 2003.
- Dzhabir ibn Khaiyan.* Izbrannye pis'ma [Selected letters]; pod redaktsiei P. Krausa. Kair-Egipet: Khanzhi, 1935. 582 p. (In Russian).
- Dzhabir ibn Khaiyan.* Izbrannye trudy po alkhimii i Velikom ehliksire [Selected Works on Alchemy and the Great Elixir]; pod redaktsiei Piera Lori. Livan: Dom-biblioteka Biblion, 2008. 485 p. (In Russian).
- Ehntsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov* [Encyclopedic dictionary of medical terms] / pod red B.V. Petrovskogo. М.: Sov. Ehntsiklopediya, 1984. P. 421. (In Russian).
- Gartman F.* Zhizn' Paratsel'sa i sushchnost' ego ucheniya; Meditsina. Kosmologiya. Antropologiya. Pnevmatologiya. Magiya i koldovstvo. Alkhimiya i astrologiya. Filosofiya i teosofiya [The life of Paracelsus and the essence of his teachings; The medicine. Cosmology. Anthropology. Pneumatology. Magic and sorcery. Alchemy and astrology. Philosophy and Theosophy] / Per. s angl. V.S. Zuevoi i dr. М.: Novyi Akropol', 1997. 288 p. (In Russian).
- Karimov U.I.* Neizvestnoe sochinenie ar-Razi “Kniga tainy tain” [Unknown work of ar-Razi “The Book of Secrets of Secrets”]. Tashkent, 1957. 186 p. (In Russian).
- Karimov U.I., Khurshut Eh.U.* Kanon vrachebnoi nauki [Canon of medical science]: Izbrannye razdely: V 3 ch. М. Tashkent: Kommercheskii vestnik, Fan AN RUz, 1994. 400 p. (In Russian).

- Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russian).
- Manerko L.A.* Osnovy kontseptual'nogo integrirovaniya mental'nykh prostranstv [Fundamentals of conceptual integration of mental spaces] // *Tekst i diskurs: traditsionnyi i kognitivno-funktsional'nyi aspekty issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov / pod red. L.A. Manerko.* Ryazan': RGPU, 2002. P. 17–19. (In Russian).
- Manerko L.A.* Sopostavitel'noe izuchenie yazykov i kontseptual'nye universalii v kognitivnykh issledovaniyakh [Comparative study of languages and conceptual universals in cognitive research] // *Voprosy romano-germanskoi i russkoi filologii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei / Pod red. V.A. Bogoroditskoi, A.A. Sharapkoi.* Pyatigorsk: PGU, 2020. P. 6–14. (In Russian).
- Molchanova G.G.* Kontsept-simvol i smysly kul'turnykh universalii [Concept-symbol and meanings of cultural universals] // *Metodologicheskie osnovy issledovaniya kognitsii i kommunikatsii v sovremennoi lingvistike: sbornik nauchnykh trudov v chest' doktora filologicheskikh nauk, prof. Larisy Aleksandrovny Manerko.* M: MAKS Press, 2017. P. 256–269. (In Russian).
- Petrov S.V., Madzhaeva S.I.* Semanticheskaya variativnost' terminov infektologii [Semantic variability of infectology terms] // *Metodologicheskie osnovy issledovaniya kognitsii i kommunikatsii v sovremennoi lingvistike: sbornik nauchnykh trudov v chest' doktora filologicheskikh nauk, prof. Larisy Aleksandrovny Manerko.* M: MAKS Press, 2017. P. 345–350. (In Russian).
- Steen G.* Finding Metaphor in Grammar and Usage. John Benjamin publishing Co., 2007. 425 p.

Бецук Юлия Владимировна

Государственное бюджетное образовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 653
с углубленным изучением иностранных языков (хинди и английского)
Калининского района Санкт-Петербурга имени Рабиндраната Тагора
г. Санкт-Петербург (Россия)

Beshchuk Yulia

State budgetary educational institution Secondary school № 653
with in-depth study of foreign languages (Hindi and English)
of the Kalininsky district of St. Petersburg
named after Rabindranath Tagore
St. Petersburg (Russia)

ПЕРЕВОД КАК АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

TRANSLATION AS ASPECT OF TEACHING ORIENTAL LANGUAGE IN SECONDARY EDUCATIONAL SCHOOL

Данная статья освещает основные виды переводов в рамках изучения одного из восточных языков (хинди) в средней общеобразовательной школе с углубленным изучением иностранных языков. Особое внимание уделяется переводу иноязычных реалий и культурных явлений. Актуальность данной статьи обусловлена непрерывным развитием российско-индийских отношений в областях науки, культуры и искусства. Так как язык хинди является основным государственным языком Республики Индия, его изучение способствует укреплению этих отношений. Рассматриваются особенности и проблемы перевода с/на хинди, обоснование их практического применения, способы их решения, а также приводятся примеры различных видов литературного перевода. Это отрывки прозаических и стихотворных текстов, в том числе эквиритмические переводы песен на русском и хинди языках. Переводы выполнены учащимися 9–11 классов. На примерах этих переводов показаны конкретные проблемы, такие как перевод мифологических и религиозных терминов и понятий индийской культуры, пословиц и поговорок, фразеологизмов и т.д. Отдельным аспектом выделен киноперевод – наиболее интересный и вместе с тем наиболее сложный для работы. Делается вывод о том, что преодоление трудностей мотивирует обучающихся на изучение языка хинди, индийских традиций, обычаев и различных аспектов культуры этой страны.

This article highlights the main types of translations as part of the study of one of the Oriental languages (Hindi) in a secondary school with in-depth study of foreign languages. Special attention is paid to the translation of foreign language realities and cultural phenomena. The relevance of the article is due to the constant development of Russian-Indian relations in the field of science, culture and art. Since the Hindi language is the main state language of the Republic of India, its study helps to strengthen these relations. The features and problems of translation from / into Hindi, the rationale for their practical application, ways to solve them, as well as examples of various types of literary translation are given. These are fragments of prose and poetry texts, including equirhythmic translations of songs in Russian and Hindi. The translations were made by students of grades 9–11. The examples of these translations show specific problems, such as the translation of mythological and religious terms and concepts of Indian culture, proverbs and sayings, phraseological units, etc. Film translation is singled out as a separate aspect – the most interesting and at the same time the most difficult to work with. It is concluded that overcoming difficulties motivates students to study the Hindi language, Indian traditions, customs and various aspects of the culture of this country.

Ключевые слова: язык хинди, перевод, иноязычные реалии, российско-индийские отношения, средняя общеобразовательная школа, углубленное изучение языка, мотивация обучающихся.

Key words: Hindi language, translation, foreign language realities, Russian-Indian relations, secondary school, in-depth study of the language, student motivation.

Школа № 653 с углубленным изучением иностранных языков (хинди и английского) Калининского района Санкт-Петербурга имени Рабиндраната Тагора является единственным в России образовательным учреждением среднего образования с изучением языка хинди. Осенью 2022 года школа отметит свой 65-летний юбилей. Уникальность этого учебного заведения и его многолетняя история позволяют говорить об огромном опыте работы, использовании в преподавании различных форм и методик.

Учителями-индологами школы № 653 созданы несколько специализированных курсов по различным направлениям перевода (литературный стихотворный перевод, песенный перевод (в том числе эквиритмический), литературный прозаический перевод и т.д.) Все эти курсы носят профильный характер и готовят одаренных детей к профессиональной деятельности в данной сфере. Это программа прозаического и стихотворного перевода «Катхасаритсагар – океан сказаний» и программа киноперевода «Мир индийского кино. Трудности перевода».

Именно на примере этих двух программ и будет рассказано об опыте работы с восточным языком, возникающих проблемах, путях их решения, а также приведены примеры разных видов перевода.

Пояснение: к сожалению, часто можно встретить понятие «индийский язык», по аналогии с «английский, французский...». Оно неправильно, так как единого «индийского языка» не существует. Согласно Конституции Индии, государственными языками приняты хинди и временно английский (как наследие колониального прошлого), наряду с ними официальными считаются 24 языка, большинство из которых относится к двум крупным языковым семьям – индоевропейские (санскрит, хинди, панджаби, бенгали, урду, ория и т.д.) и дравидийские (телугу, тамили, каннада, малаялам и т.д.).

Основные проблемы перевода при работе с любыми иностранными языками сформулированы уже давно и хорошо известны. Предлагается рассмотреть их в контексте работы с языком хинди, а также назвать возможные способы их решения.

Дело в том, что мало просто знать язык, нужно иметь навыки понимания и воспроизведения разговорной речи, вплоть до жаргона, а также чувствовать специфику того или иного произведения, жанр, эпоху, соответствие идиом разных языков и многие другие аспекты. Это относится как к письменному литературному, так и к кинопереводу.

За годы работы по представляемым программам было создано большое количество переводов разного уровня и направлений.

Ученикам интересно переводить стихи и песни из популярных кинофильмов, но и не только. Несколько лет назад заговорили с учениками 10 класса о том, можно ли переводить русские стихи и песни на хинди. А почему бы нет? Если произведения

Пушкина, Лермонтова, Блока были переведены, что может нас остановить? Когда я спросила, какую песню какого исполнителя попробуем перевести, прозвучало имя Виктора Цоя. Так родились эквиритмические переводы песен «Печаль» и «Звезда по имени Солнце» (см. табл. 1).

Таблица 1

Эквиритмический перевод песни В. Цоя «Звезда по имени Солнце»

Текст на русском языке (оригинал)	Текст на языке хинди (перевод)
Белый снег, серый лед	सफ़ेद बर्फ़ धुसर हिम
На растрескавшейся земле	दरारों से भरी ज़मीन पर
Одеялом лоскутным на ней	रंगीन कंबल के जैसा उस पर
Город в дорожной петле	रास्ते की फाँसी में शहर
А над городом плывут облака	उस के ऊपर बादल बहते हैं
Закрывая небесный свет	आसमान की ज्योति जो बंदते हैं
А над городом желтый дым	उस के ऊपर पीली धुआ
Городу две тысячи лет	दो हज़ार साल का शहर
Прожитых под светом звезды	जिस को ज़िन्दा रखता है
По имени Солнце	सूरज नाम का सितारा।
И две тысячи лет война –	दो हज़ार साल का है यह जंग
Война без особых причин	बिना किसी कारण का जंग
Война – дело молодых	जवानों का काम है जंग
Лекарство против морщин	छवाओं की दवा है जंग
Красная-красная кровь	लाल लाल रंग का यह खून
Через час уже просто земля	एक घंटे में ज़मीन बन गया
Через два на ней цветы и трава	दो घंटों में उस पर फूल और घास
Через три она снова жива	तीन घंटों में वह फिर से ज़िन्दा

И согрета лучами звезды	और उसे फिर से धूप देता है
По имени Солнце	सूरज नाम का सितारा।
И мы знаем, что так было всегда	जानते हैं हम यह हमेशा हुआ
Что судьбою больше любим	कि तकदीर को वहीं ज़्यादा प्यारा है
Кто живет по законам другим	जो अलग कानून से जीता है
И кому умирать молодым	जिसे जवान रहके मरना है
Он не помнит слова «Да» и слова «Нет»	उसे याद नहीं कहाँ हाँ कहाँ न
Он не помнит ни чинов, ни имен	उसे याद नहीं कहाँ काम कहाँ नाम
И способен дотянуться до звезд	वह सितारों को भी छू सकता है
Не считая, что это сон	नहीं मानकर कि यह सपना है
И упасть опаленным звездой	गिरता वह और जलाता उसे
По имени Солнце	सूरज नाम का सितारा।

С развитием компьютерных технологий стало возможно создавать видеоролики с озвучкой или дубляжем. Мы работаем с учащимися в программах Movie Maker, Pinnacle, Sony Vegas. Порядок работы таков – выбор фрагмента фильма, перевод (возможен в формате монтажного листа), начитывание, запись аудиодорожки, наложение на видеоряд, создание титров. При подборе фильмов, помимо интересного сюжета и относительно чистого языка (без жаргонизмов, вульгаризмов и т.п.), мы руководствуемся и фактором возможности связи с правообладателями данных лент, чтобы направлять им уведомления об использовании фрагментов фильмов в обучающих целях. Им также были отправлены готовые фрагменты, удостоившиеся высокой оценки, особенно те, где русские ребята говорили на хинди. Ниже приведен пример такого перевода (см. табл. 2).

Фрагмент перевода фильма *दीवार* «СТЕНА» (Индия, 1975)

Время/счетчик	Персонаж	Текст на языке хинди (оригинал)	Текст на русском языке (перевод)
1:49:53	<u>विजय/विजय:</u>	– क्या बात है मां? क्या हुआ रवि?	– В чем дело, мама? Что случилось, Рави?
1:49:58	<u>रवि/रवि:</u>	– भाई... मैं तुमसे कुछ बात करना चाहता हूँ।	– Брат... Мне нужно поговорить с тобой.
1:50:19		– आज मुझे एक लिस्ट दी गई है। पुलिस डिपार्टमेंट की तरफ से। जिसमें उन लोगों के नाम लिखे हैं, जिन पर पुलिस को पूरा शक है कि वो स्मगलिंग और दूसरे गैरकानूनी काम करते हैं।	– Сегодня в полиции я получил список... Подозреваемых в контрабанде и прочих преступлениях.
1:50:33		– उनमें से एक नाम तुम्हारा भी है।	– В этом списке было и твое имя.
1:50:46		– इस पर साइन कर दो।	– Подпиши это.
1:50:50	<u>विजय/विजय:</u>	– क्या है इस कागज़ में?	– Что это?
1:50:52	<u>रवि/रवि:</u>	– इसमें लिखा है, कि तुम पुलिस को सबकुछ बताने के लिए तैयार हो। अपने जुर्म, अपने काले पैसे, अपने साथियों के नाम।	– Здесь написано, что ты добровольно рассказываешь полиции обо всем – обо всех твоих преступлениях, черных деньгах и об именах своих сообщников.
1:51:06		मुझे इस पर तुम्हारे साइन चाहिए।	Мне нужна твоя подпись.

«История перевода знакомит нас с существованием двух тенденций, двух типов передачи иноязычного текста, представляющих крайнюю противоположность по отношению друг к другу. Встречаются они и в античном мире, и в средние века, и в новое время. Это: 1) перевод, основанный на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала – в ущерб смыслу целого и в ущерб языку, на который текст переводится, и 2) перевод, основанный на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и соблюсти требования своего языка» [Федоров, 2002, с. 5].

Наиболее сложными проблемами перевода считаются отсутствие аналогичного явления или культурной реалии в русском языке, другая система образов, а также отсылки

к мифологии и традициям индуизма. На это указывает и Л.С. Бархударов: «Наибольшие трудности в переводе возникают тогда, когда сама ситуация, описываемая в тексте на ИЯ, отсутствует в опыте языкового коллектива – носителя ПЯ, иными словами, когда в исходном тексте описываются так называемые «реалии», то есть, предметы и явления, специфичные для данного народа и страны. Тем не менее, и в этих случаях трудность решения переводческой задачи отнюдь не означает ее принципиальную невыполнимость» [Бархударов, 1975, с. 8].

В качестве примеров можно привести два наиболее часто встречающихся в текстах и кинофильмах термина, связанных с брачными обрядами:

«स्वयंवर (svayamvara)» – «сваямвара», церемония, на которой невеста сама выбирает жениха (по доблести, уму, красоте и т.п.). Условия сваямвары объявлялись претендентам заранее. В современной Индии не практикуется [Бархударов и др, 1972, 2 т., с. 769].

«मंगलसूत्र (mangalsūtra)» – «мангалсутра», «священная нить», ожерелье из золотых и черных металлических бусин, которое носят замужние женщины. Порвать, потерять, продать его – дурной знак и примета скорого вдовства [Бархударов, 1972, 2 т., с. 318].

В некоторых случаях можно применить описательный перевод иноязычного понятия. В письменном переводе допустимо сделать сноску или примечание, в кинопереводе – попытаться найти подобное понятие или оставить слово без перевода, предполагая, что те, кто смотрит индийские фильмы, хоть немного, но знакомы с основными реалиями Индии.

Примеры иной образности, не всегда привычные нашему восприятию – эпитеты красавиц из древней и средневековой поэзии хинди:

«गाजागामिनी (gājāgāminī)» – «грациозная», буквально «слоноидушая, обладающая походкой слона». Сомнительный комплимент для европейской или русской девушки, но для индианки – один из самых приятных.

«मीनाक्षी (mīnākshī)» – «рыбоглазая» (но не та, у которой глаза круглые, как у рыбы, а формой напоминающие рыб, плывущих навстречу друг другу).

Отсылки к мифологии и эпосам довольно часто встречаются в кинофильмах, и тут переводчикам приходится порой жертвовать точностью ради понимания зрителем той или иной фразы. Пример из популярного в нашей стране индийского фильма «Зита и Гита». В нем довольно много мифологических параллелей, а нашему зрителю перевод был предложен простой, но не искажающий смысл. В одном из эпизодов свекровь упрекает невестку за очередную злую выходку. В советском дубляже этот упрек звучал так:

– Каушалья, ты поступила дурно.

В оригинале же имя злой тетушки Каушальи сравнивается с именем ее мифологической тезки, добродетельной и почтенной матери царевича Рамы, и фраза в дословном переводе звучит так:

– कौशल्य्या, तुम राम की माँ के नाम की लायक नहीं हो। (Kaushalyā, tum Rām kī mā ke nām kī lāyak nahī ho), то есть «Каушалья, ты недостойна имени матери Рамы».

Конечно же, нельзя обойти стороной такие языковые явления, как фразеологизмы, пословицы и поговорки, игра слов.

«लोहे को लोहा काटता है। (lohe ko lohā kattā hai)» – «Железо режет железо» = «Клин клином вышибают» [Бархударов, 1998, с. 345], «अंडे बबूल में, बच्चे खजूर में। (ande babūl men, bachche khajūr men)» – «Яйца на акацию, дети на финиковую пальму» = «Кто в лес, кто по дрова» [Бархударов, 1998, с. 221], «रात की नीयम हराम। (rāt kī nīyam harām)» – «Ночное решение – запретное» = «Утро вечера мудренее» [Бархударов, 1998, с. 339].

При наличии в переводимом тексте пословиц, фразеологизмов или игры слов, нужно постараться найти аналог среди русских пословиц и выражений или попробовать обыграть, при непереводаемости заменить фразу близкой по смыслу.

Достаточно большое количество индийских культурных явлений и реалий встречается в оригинальных названиях кинофильмов на языке хинди. Именно это одна из причин того, что фильмы, попадающие в советский и российский кино- и видеопрокат, обретают порой совершенно другие названия. Вот несколько наиболее известных кинолент, прокатные названия которых в ряде случаев подходят к ним едва ли не больше оригинальных. «त्रिशूल (Trishūl)» – «Трезубец» в советском прокате назывался «По закону чести». «मैं तुलसी तेरे आँगन की (Main tulsī tere āngan kī)» – «Я дерево тулси в твоём дворе» получил название «Внебрачный сын». «आंध्रावाला (Andhrāwālā)» – «Житель местности Андхра» превратился в «Месть сына».

Что же касается переводов с русского языка на хинди, мы взяли в качестве примера фрагменты перевода романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненного Чарумати Рамдас, известной писательницей и переводчицей на хинди многих произведений русской литературы (А.С. Пушкин. «Станционный смотритель», Н.В. Гоголь. «Нос» и т.д.). Однако, и здесь были неизбежны казусы, возникающие в случаях, когда даже при прекрасном владении языком некоторые слова и словосочетания невозможно перевести максимально точно, с соблюдением нюансов или сохранением игры слов.

«– Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!» [Булгаков, 1988, с. 284].

«– मैं इतिहासकार ही हूँ – विशेषज्ञ ने कहा और फिर जैसे अनजान बनते हुए कहा, – आज शाम को पत्रियार्शी पार्क के पास एक रोचक घटना घटने वाली है!»

इतिहासकार историк [Бархударов, 1 т. с.227].

घटना событие [Бархударов, 1 т. с.488].

Игра слов «историк – история» теряется, хотя на общем смысле не отражается.

«Никанор Иванович заявил, что ему необходимо лично повидать иностранца, но в этом получил от переводчика отказ: никак невозможно. Занят. Дрессирует кота». [Булгаков, 1988, с. 383].

«निकानोर इवानोविच ने कहा, “मेरा उस विदेशी से व्यक्तिगत रूप से मिलना बहुत ज़रूरी है.”

अनुवादक ने एकदम इनकार कर दिया, “यह नामुमकिन है. वह व्यस्त है, बिल्ले को कपड़े पहना रहा है»

कपड़े पहनाना одевать (кого-то) [Бархударов, 1 т., с 317].

Таким образом, слово «дрессировать», скорее всего, не было известно автору и не обнаружено в словарях, и было заменено сходным по звучанию с английским dress («одежда»), что и отразилось в переводе.

Трудности перевода неизбежны, но тем интереснее их преодолевать, знакомиться с новыми и новыми культурными реалиями Индии и знакомить с ними других, постигая тонкости языковых явлений. Это дает обучающимся еще более глубокую мотивацию к изучению языка хинди и различных аспектов индийской культуры, искусства и быта.

Список литературы:

Бархударов А.С., Бескровный В.М., Зограф Г.А., Липеровский В.П. Хинди-русский словарь. हिन्दी-रूसी शब्दकोष. В 2 томах. М.: Советская Энциклопедия, 1972. 1821 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международные отношения», 1975. 240 с.

Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Мастацкая літаратура, 1988. 670 с.

Зита и Гита (Индия, 1972 г.), советская прокатная копия, автор литературного перевода Г. Петрова, редактор Л. Железнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Sqr5X37QaNU>

Пословицы и поговорки Северной Индии. Составление, перевод с хинди и урду и комментарии А.С. Бархударова, В.М. Бескровного и Г.А. Зографа. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. 388 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков. Учебное пособие [Электронный ресурс]. 5-е изд. СПб.: 380

Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО "Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002. 416 с. – Режим доступа: <https://superlinguist.ru/teoriia-i-praktika-perevoda-skachat-knigi-besplatn/fedorov-a-v-osnovy-obshchei-teorii-perevoda-lingvisticheskie-problemy.html>

Цой В.Р. Звезда по имени Солнце [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rumedia.su/tekst-pesni-viktor-tsoy-zvezda-po-imeni-solntse-akkordy/>

Deewaar Hindi Movie 1975 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=MSGuVDCc33Y>

Seeta aur Geeta Hindi Movie 1972 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=uVTRLKJqYxM>

मिखाइल बुलगाकोव के उपन्यास 'मास्टर एंड मार्गरीटा' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jankipul.com/2020/07/an-excerpt-from-mikhail-bulgakov-novel-the-master-and-margarita.html>

References:

Barkhudarov A.S., Beskrovnyi V.M., Zograf G.A., Liperovskii V.P. Khindi-russkii slovar'. हिन्दी-रूसी शब्दकोष. V 2 tomakh. [Hindi-Russian dictionary, vol.1-2]. M.: Sovetskaya Ehntsiklopediya, 1972. 1821 p.

Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) [Issues of general and particular theory of translation]. M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1975. 240 p. (In Russian).

Bulgakov M.A. Belaya gvardiya. Master i Margarita [White guard. The Master and Margarita]. Minsk: Mastatskaya litaratura, 1988. 670 p. (In Russian).

Deewaar Hindi Movie 1975 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MSGuVDCc33Y>

Fedorov A. V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov. Uchebnoe posobie [Basics of the general theory of translation (Linguistic problems): For institutes and faculties of foreign languages. Study guide] [Electronic resource]. 5-e izd. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPBGU; M.: ООО "Izdatel'skii Dom "FILOLOGIYA TRI", 2002. 416 p. – Available at: <https://superlinguist.ru/teoriia-i-praktika-perevoda-skachat-knigi-besplatn/fedorov-a-v-osnovy-obshchei-teorii-perevoda-lingvisticheskie-problemy.html> (In Russian).

Poslovitsy i pogovorki Severnoi Indii. Sostavlenie, perevod s khindi i urdu i kommentarii A.S. Barkhudarova, V.M. Beskrovного i G.A. Zograf [Proverbs and sayings of Northern India. Compilation, translation from Hindi and Urdu and commentary by A.S. Barkhudarov, V.M. Beskrovnyi and G.A. Zograf]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. 388 p. (In Russian).

Seeta aur Geeta Hindi Movie 1972 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=uVTRLKJqYxM>

Tsoi V.R. Zvezda po imeni Solntse. [Electronic resource]. – Available at: <https://rumedia.su/tekst-pesni-viktor-tsoy-zvezda-po-imeni-solntse-akkordy/>

Zita i Gita (Indiya, 1972 g.), sovetskaya prokatnaya kopiya, avtor literaturnogo perevoda G. Petrova, redaktor L. Zheleznova [Electronic resource]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Sqr5X37QaNU>

मिखाइल बुलगाकोव के उपन्यास 'मास्टर एंड मार्गरीटा' [Electronic resource]. – Available at: <https://www.jankipul.com/2020/07/an-excerpt-from-mikhail-bulgakov-novel-the-master-and-margarita.html>

Гадимова Амина Баба гызы
Азербайджанский государственный университет культуры и искусств
г. Баку (Азербайджан)

Gadimova Amina
Azerbaijan State University of Culture and Arts
Baku (Azerbaijan)

ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЭТНОСОВ

ON THE ISSUES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF ETHNIC GROUPS

Компоненты социально-психологической адаптации национально-этнических групп имеют весьма разнообразный и сложный психологический механизм. Адаптация человека зависит от комплексного влияния природных, наследственных и географических факторов. Мировоззрение в современных условиях дает подробную информацию о психологических подходах и рекомендациях, способах разрешения конфликтов и других вопросов по предотвращению проблем национально-этнических групп с этой психологической точки зрения. По результатам отдельных исследований также затрагиваются некоторые практические аспекты разных культур. Дана классификация различных факторов по группам, отражающих взаимодействие национально-этнических групп, уточнена специфика адаптационного процесса для определения социально-психологических проблем, адаптации миниэтнических групп в современных условиях.

The components of socio-psychological adaptation of national-ethnic groups have a very diverse and complex psychological mechanism. Man's adaptation depends on the complex influence of natural, hereditary, geographical factors on him. The worldview in modern conditions provides detailed information on psychological approaches and recommendations, ways to resolve conflicts and other issues to prevent the problems of national-ethnic groups from this psychological point of view. According to the results of separate studies, the material also touches on certain practical aspects of different cultures. The classification of different factors reflecting the interaction of national-ethnic groups is given by groups, the specifics of the adaptation process are clarified to determine the socio-psychological issues of adaptation of mini-ethnic groups in modern conditions, the different aspects of adaptation and adaptation are considered.

Ключевые слова: этнические группы, социально-психологическая адаптация, этническая идентичность, этнический стереотип.

Key words: ethnic groups, socio-psychological adaptation, ethnic identity, ethnic stereotype.

На протяжении веков Азербайджан заселяли многочисленные этнические группы, которые живут и сегодня. Важно изучить направления социально-психологической адаптации этнических групп, проживающих в Азербайджане, в новом социальном и политическом контексте.

Сегодня Азербайджан является одним из главных мест терпимости и этнической принадлежности. Не случайно в стране было проведено несколько форумов, посвященных многонациональности, и представлены миру модели мультикультурализма мировых государств в Азербайджанской Республике. В этом случае изучение механизмов успешной социально-психологической адаптации национально-этнических групп привело к росту религиозной, культурной и национальной толерантности, с одной стороны, и появлению новых научных фактов о социальной адаптации с другой.

На протяжении веков межкультурные отношения осуществлялись только через путешественников, торговцев и политиков. У людей были такие психологические представления и взгляды, что мир настолько велик, что объехать его полностью невозможно. Однако в наше время или в современных условиях мировоззрение постепенно психологически сужается, а межкультурный диалог достигает своего пика. Такая ситуация более выражена в социально-психологической адаптации национально-этнических групп.

Основная причина, по которой многие люди вступают в межкультурные отношения, заключается в том, что они подвергаются воздействию других культурных условий (беженцев и мигрантов) независимо от самих себя. Для других новая культура всегда обеспечивает место для жизни и благоприятную среду для их поселения. Некоторые люди присоединяются к процессу миграции добровольно, а другие вынуждены это делать. В ряде случаев национально-этнические группы навсегда покидают родину. Приезжие (те, кто проживает и работает в интересах другого государства) вынуждены длительное время жить в определенных культурных условиях в силу своей профессиональной деятельности.

Однако из всего этого нельзя сделать вывод, что открытость в межкультурных отношениях и вмешательство в культурную жизнь друг друга сопровождаются взаимным уважением и любовью. В некоторых случаях открытость в межкультурных отношениях приводит к дискриминации и этнической напряженности.

М. Тейлор показывает, что «даже недостатки в понимании культурных различий могут создавать серьезные проблемы, драматические ситуации для тех, кто хочет приспособиться к требованиям новой культуры» [Taylor, 1974, с. 135]. Другими словами, люди, желающие вступить в этнокультурные отношения, могут быть вовлечены в серьезные отношения, выбирая возможное поведение на фоне превосходства новой культуры над собственной культурой.

Конечно, негативные стереотипы можно развеять директивами. Людям свойственно, особенно в ранние годы, подвергаться воздействию новой социальной среды, особенно другой культурной среды. Неприятные чувства и отношения можно оправдать. Расширение межличностных отношений в той или иной культуре может привести к усилению негативного восприятия других групп. Поэтому при определении закономерностей культурных отношений необходимо учитывать, при каких условиях они создают травму между представителями разных культур и народов и при каких условиях вызывают у людей большее доверие [Байрамов, 2001, с. 358].

Исследователи характеризуют различные факторы, отражающие приятное взаимодействие разных культур. Их можно сгруппировать следующим образом:

1. общая территория или территория, которую только одна из групп считает «своей»;

2. устойчивость взаимодействия (постоянная, долгосрочная, краткосрочная);
3. цель (совместная деятельность, сосуществование, образование и т.п.);
4. привлекательность общественной жизни (от участия к наблюдению);
5. частота и глубина контактов;
6. относительное равенство статуса и прав;
7. релевантность числа (большинство-меньшинство);
8. явные отличительные черты (язык, религия, нация и т.д.) [Стефаненко, 2009, с. 146].

Однако даже при наличии необходимых условий для внутренне перемещенных лиц и приезжих в стране пребывания может возникнуть ряд напряженностей и трудностей, даже при наличии благоприятной ситуации для отношений, а также успешной совместной деятельности и взаимного статуса не показывает культурных различий. Одна из этих проблем заключается в том, что беженцы и эмигранты скучают по своей стране и культуре, что затрудняет их адаптацию к новой среде.

Следует учитывать, что и современные люди испытывают боль разлуки. Опросы общественного мнения показывают, что большинство беженцев и эмигрантов тосковали по своей родине. Например, 72 % иммигрантов в США, 60 % иммигрантов в Канаде и 87 % иммигрантов в Израиле скучают по родине.

Для полного определения социально-психологических проблем адаптации национально-этнических групп к современным условиям необходимо выяснить особенности адаптационного процесса.

Отдельные исследования акцентируют внимание на внутренних и внешних аспектах адаптации национально-этнических групп. Внутренней адаптацией называют психологическую адаптацию, которая проявляется в смысле удовлетворенности жизнью национальных и этнических групп. При этом выделяют внешнюю сторону адаптации, которую называют социально-психологической адаптацией.

Этот аспект адаптации проявляется в адаптации национально-этнических групп и новых групп в культурной жизни, в том, что они выступают как равноправные члены в межличностных отношениях.

Следует отметить, что социокультурная и психологическая адаптация взаимосвязаны. В этом случае социально неадекватное поведение приводит к градуализации и психологической травме, при этом психологическая слабость отражается в поведении и ряде социальных привычек [Уорд, 2003, с. 692].

Комплексная адаптация необходима для индивидуальной адаптации в целом. Адаптация к новой системе важна для формирования новых ценностей и их соответствия требованиям общества.

Опыт показывает, что адаптация человека также зависит от комплексного влияния природных, наследственных и географических факторов. Адаптивные изменения отражают в той или иной степени осознанные изменения, которые возможны через ментальную призму личности и ее трансформации в новые ценности.

Будь то соответствие или изменение, оно всегда следует за человеком. Поэтому человек всегда должен быть готов к тому или иному изменению, уметь точно отражать вариации ситуации. Все это отражает постоянную готовность личности к изменяющимся условиям и повышает способность человека к адаптации.

Среди видов адаптации важную роль играет психологическая адаптация. В психологии адаптация представлена как приспособление органов чувств. Процесс психологической адаптации происходит непрерывно, потому что меняются социально-экономические условия, а в этом направлении меняется и морально-этическая направленность личности. С этой точки зрения психологическая адаптация отличается от других видов адаптации. Успешная адаптация обычно представляется как построение гармоничных отношений с окружающим миром. Основное внимание здесь уделяется благополучию и психологическому здоровью национально-этнических групп.

Безусловно, культурный шок при адаптации к другой культуре наблюдается, когда ценности этой культуры воспринимаются личностью и вызывают положительные эмоции, не несут никакой угрозы ее культурным ценностям. Говоря о такой психологической ситуации, Дж. Берри стал использовать понятие «аккультурационный стресс» наряду с понятием культурного шока. По его словам, культурный шок связан не только с негативными переживаниями, но и со страхом перед нерешенными проблемами в восприятии новых культурных ценностей.

Изменение социокультурной среды требует от личности установления новых социальных отношений и в контексте этих отношений актуализировать свою систему ценностей, профессиональную направленность, профессиональную уверенность в себе и потенциал в этом направлении. Эти требования, вытекающие из социокультурной среды, направлены на выбор поведенческой стратегии или адаптационного механизма, позволяющего личности как удовлетворить требования социальной среды, так и реализовать свои ценности.

Если у индивида в процессе его социально-психологической адаптации не создается широкой системы отношений и эти связи не опираются на экономические, политические,

психологические основы, то трудно говорить о том, что он может успешно адаптироваться к социальной среде.

Одним из факторов, обеспечивающих успешность социальной адаптации, являются индивидуально-психологические особенности представителя этноса. Однако факты показывают, что важную роль играют не только индивидуально-психологические особенности, но и становление положительной социальной идентичности у личности, ее социальные и этнокультурные характеристики. Например, одной из этнопсихологических особенностей турецкого общества является эмоциональная привязанность к семье, трудность невозможности жить вдали от нее и т.д. является характерным. То есть их этнопсихологические качества затрудняют адаптацию к той или иной чужой среде или социокультурной среде. Такие качества, как чувствительность, хрупкость, привязанность к родине и так далее является одним из факторов, препятствующих их адекватной адаптации.

Для понимания психологических особенностей адаптации человека и этнического мира необходимо рассмотреть некоторые регуляторные механизмы социального поведения, например, с точки зрения «Я-концепции». Думая о себе, человек редко может быть нейтральным, он всегда подходит к себе с какой-то точки зрения. В связи с этим мысли первопроходца о самом себе всегда носили эмоциональный оттенок, а нередко носили характер оценки различных сторон его личности и деятельности. Мысли человека о себе отражаются в его поведении, в отношении к другим людям. Все это составляет основу «Я-концепции», устойчивой структуры личности.

«Я-концепция» объединяет все знания человека о самом себе, а также то, как он себя оценивает. Он существует не только на воспринимаемом уровне, но и на бессознательном уровне, выражая в форме эмоций направленные на него непонятные внутренние инструкции.

Обычно выделяют три основных компонента «Я-концепции»: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Когнитивный компонент «Я-образа» характеризует сущность восприятия человеком самого себя. «Я-образ» включает в себя собственные способности и умения человека, отношения с ним, внешний вид, круг общения, интересы, личностные качества и др. Этот список может быть практически бесконечным. Таким образом, «Я-образ» – это все, что важно для человека, с одной стороны, он позволяет ему чувствовать единство с другими людьми, объединяться с ними, с другой стороны, выделять себя среди них, понимать себя как особую неповторимую личность. По этой причине содержание образа «Я-концепции» характеризуется двумя составляющими:

- а) «объединяющая» часть союза индивида с другими людьми;

б) «отдельный» компонент, позволяющий человеку быть избирательнее других и создающий основу для чувства уникальности человека.

Исследования по изучению этнопсихологических особенностей показывают, что люди в принципе способны критически относиться к собственной национальной культуре, а также ценить нечто чуждое, что им присуще.

Вторым компонентом «Я-концепции» является эмоционально-оценочное отношение к себе (этнофор) в целом по отношению к себе, или по отношению к своей личности, деятельности и т.п. отражает его отношение к разным сторонам, и это проявляется в самооценке, личном достоинстве, самооценке и уровне утверждений.

Основу второго компонента составляет самооценка или личное достоинство, чувство собственного достоинства. Самооценка – это чувство уверенности в своих силах и возможностях. Это не относится к какой-либо конкретной области и представляет собой нечто большее, чем оценка. Выражает общее отношение человека к себе. Самоуважение – это принятие себя таким, как есть, любовь к себе.

В «самооценке» выделен оценочный компонент. Самооценка – это самооценка человека в целом (общая оценка) и оценка отдельных сторон личности, деятельности, отношений с другими людьми (конкретная или частичная оценка). Самооценка может быть устойчивой, то есть сохраняться в разных условиях и длительное время, а может быть неустойчивой.

Эффективная координация устойчивой и неустойчивой оценки имеет решающее значение для развития. Таким образом, сохранение устойчивой самооценки в условиях меняющихся условий мешает человеку осуществлять нормальную деятельность и реализовывать себя в этих условиях. Это вызывает сильную неустойчивость, нерешительность, колебания в самооценке, заставляет самовосприятие то подниматься, то опускаться с очень высокого уровня, и наоборот.

С этим понятием связана трагедия человеческой истории. Бесконечные войны за ресурсы между нациями и государствами ведутся под знаменем национальной (этнической) исключительности и с убеждением, что их соперники качественно второсортны. Идеология фашизма тому доказательство.

Уровень притязаний на самооценку тесно связан с уровнем сложности поставленных человеком целей; он определяет, какие достижения человек будет воспринимать как неудачи, а какие как успехи. Уровень самооценки и притязаний в той или иной сфере деятельности можно определить достаточно точно. По этой причине уровень оценок и притязаний может быть высоким, средним и низким в зависимости от конкретной сферы деятельности.

В таких случаях необходимо говорить об адекватности самооценки. Самооценка считается адекватной, когда человек соответствует реальной успешной деятельности в какой-либо сфере деятельности. В тех случаях, когда самооценка не соответствует успешности деятельности, речь идет о неадекватной самооценке. Неадекватная оценка может быть выше действительной ценности (субъект переоценивает свои действительные возможности, потому что она есть), а ее реальная ценность снижена (когда субъект оценивает свои действительные возможности ниже своих действительных возможностей). Как неадекватно повышенная, так и неадекватно заниженная самооценка являются сильными барьерами как для общего развития, так и для успеха в любом начинании.

Если человек (этнофор) ценит себя выше, чем он есть, и ставит перед собой слишком высокие цели, не соответствующие его личным реальным возможностям, его неминуемо ждет неудача. Такие переживания очень тяжелы, и чтобы не столкнуться с ними, человек должен скорректировать свою личную самооценку, немного понизить ее и свои притязания или как-то недооценить неудачу, в первую очередь доказать самому себе, что она произошла случайно, из-за чужой несправедливости. В особо сложных случаях он, кажется, не замечает личных неудач и не заботится о них. Это часто происходит под влиянием особых защитных психологических механизмов. В случае более низкой самооценки теряется зона перспективного развития в результате достижения максимально достижимых целей.

Говорить без заниженной самооценки можно только по отношению к какому-либо конкретному виду деятельности, потому что результаты, полученные в этом виде деятельности, можно точно определить в сравнении с какой-либо выборкой, эталоном.

Оптимальным условием развития личности является высокий уровень самооценки и общей самооценки. Человек с высоким уровнем самооценки – это человек с чувством личного достоинства и уверенности в себе. Такой человек реализует и утверждает себя за счет своих личных возможностей, личных усилий.

Наоборот, низкий уровень самооценки характеризуется заниженной самооценкой, как правило, личной никчемностью, чувством большой самооценки, попытками самоутвердиться за счет окружающих. Люди с низким уровнем самовыражения часто страдают даже от самых простых шуток окружающих, более остро реагируют на критику с их стороны. Такие люди склонны вспоминать мелкие обиды и соперничать. Для них характерен постоянный страх раскрыть свои личные слабости и слабости в глазах окружающих.

Одним из проявлений низкой самооценки является комплекс несомнения. Это явление было открыто известным психоаналитиком А. Адлером (1870–1937 гг.). Комплекс

несовершенство проявляется в постоянной убежденности человека в том, что он бессилен и неспособен решить проблемы своей жизни.

Такие люди нуждаются в партнерстве и помощи окружающих, а в более сложных случаях в специальной психологической и психотерапевтической помощи.

Третьим компонентом «Я-концепции» является поведенческий компонент. Этот компонент определяет способность человека к саморегуляции, его способность принимать самостоятельные решения, управлять своим поведением, держать его в уме, нести ответственность за свои действия.

Поведенческий компонент отражает представления и чувства человека о том, способен ли он решать проблемы, которые ставит перед ним жизнь, а также способен ли он справляться с трудностями и достигать поставленных целей. Все они проявляются в сознании человека как самоуверенного или неуверенного в себе.

Одним из важных измерений «Я-концепции» является направленность внутреннего и внешнего контроля в поведении. В соответствии с этим самооценка людей определяется главным образом отношением других людей к таким людям, а события в их жизни они объясняют соответственно судьбой, гневом и чужим влиянием. Интерналы сосредоточены на внутреннем контроле и ориентируются в первую очередь на личную самооценку и считают, что все в жизни зависит только от них. Однако совершенно противоречивые проявления каждого из этих типов непродуктивны. Кроме того, они проявляются в негативном направлении в межэтнических отношениях. Как видно, компоненты социально-психологической адаптации национально-этнических групп имеют весьма разнообразный и сложный психологический механизм. В связи с этим следует учитывать сложность компонентов социально-психологической адаптации национально-этнических групп в современности и изучать социально-психологические механизмы успешной адаптации каждого этноса к современным условиям.

В современных условиях мир психологически сжимается, а межкультурный диалог достигает своего пика. Такая ситуация более выражена в социально-психологической адаптации национально-этнических групп, и, безусловно, в этой сфере принимаются необходимые меры.

Список литературы:

- Байрамов А.С.* Этническая психология. Баку, 2001.
Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для студ. М., 2009.
Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура, СПб: 2003. 709 с.
Taylor D.M. Ethnocentrism and causal attribution in a South Indian context // Of Cross-Cultural Psychology, 1974. Vol. 5. P. 162–171.

References:

- Bairamov A.S.* Ehtnicheskaya psikhologiya [Ethnic psychology]. Baku, 2001. (In Russian).
- Stefanenko T.G.* Ehtnopsikhologiya [Ethnopsychology]: Uchebnik dlya stud. M., 2009. (In Russian).
- Taylor D.M.* Ethnocentrism and causal attribution in a South Indian context // *Of Cross-Cultural Psychology*, 1974. Vol. 5. P. 162–171.
- Uord K.* Azbuka akkul'turatsii [Alphabet of acculturation] // *Psikhologiya i kul'tura*, SPb: 2003. 709 p. (In Russian).

Жбанкова Елена Васильевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zhbankova Elena
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЕВРОПЕЙСКИЙ САЛОННЫЙ ТАНЕЦ XIX ВЕКА В «ПЕРЕВОДЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

THE NINETEENTH CENTURY EUROPEANS SALON DANCE IN "TRANSLATIONS" INTO RUSSIAN

В статье речь идет о широком распространении в России XIX века учебников, методических пособий, рекомендаций для обучения основам бального этикета и самого бального танца, являвшегося в то время неотъемлемой и обязательной частью жизни светского общества. Учебники привозились из европейских стран, были написаны на иностранных языках, чаще всего на французском, и переводились на русский для удобства использования. Со временем в России стали составляться оригинальные учебники по «танцеванию», написанные уже по-русски, которые в свою очередь переводились на иностранные языки, и, попадая в Европу, способствовали проникновению русской культуры салонного танца в мировую культуру. Наиболее известными авторами были Клемм Б., Линдрот Н., Раевский Ф.В., Цорн А.Я, Чистяков А.Д. и др. В середине XIX в. существовала целая система обучения бальным танцам. Им учились в государственных и частных высших и средних учебных заведениях России, военных учебных заведениях и иностранных пансионах, где обязательным уроком, входившим в учебный план, было «танцевание». Учебники и методические пособия были серьезным подспорьем в работе преподавателей бального танца.

The article deals with the wide dissemination in Russia of the XIX century of textbooks, manuals, recommendations for teaching the basics of ballroom etiquette and ballroom dance itself, which was at that time an integral and mandatory part of the life of secular society. Textbooks were imported from European countries, were written in foreign languages, most often in French, and were translated into Russian for ease of use. Russian russians eventually began to compile original textbooks on "dancing", written in Russian, which in turn were translated into foreign languages, and, getting to Europe, contributed to the penetration of the Russian culture of salon dance into world culture. The most famous authors were Klemm B., Lindrot N., Rayevsky F.V., Zorn A.Ya, Chistyakov A.D. and others. In the middle of the XIX century. there was a whole system of teaching ballroom dancing. They studied in public and private higher and secondary educational institutions of Russia, military educational institutions and foreign boarding schools, where "dancing" was a mandatory lesson included in the curriculum. Textbooks and manuals were a serious help in the work of ballroom dance teachers.

Ключевые слова: бальный танец, русский язык, учебник, перевод, преподаватель.

Key words: ballroom dance, Russian language, textbook, translation, teacher.

В России XIX века культура общественных (бальных) танцев находилась на очень высоком уровне. Связано это, с одной стороны, с ролью бала в жизни светского общества, как неотъемлемой части досуга, а с другой стороны, местом России в европейской профессиональной хореографии. Русская классическая балетная школа в течение XIX века становится одной из основных в Европе, и это обстоятельство не может не влиять на убежденность русского светского человека о важнейшем месте танца и в бытовой жизни.

По сравнению с началом века в николаевское время общее количество танцев на балу несколько уменьшается, зато порядок их исполнения становится более определенным,

танцевальный этикет приобретает свою завершённую форму. Постепенно исчезают сложные хореографические па из бального салона, сами танцы упрощаются и становятся более доступными для исполнения.

В 1850-е годы начинают устраивать свои собственные балы представители других слоев общества, в основном, русского купечества. Балы широко распространяются в провинции, теряют свой церемониальный характер и становятся важной частью повседневной жизни [Развлекательная культура, 2000, с. 190].

Самым популярным танцем середины XIX в. была полька. Ее успех объяснялся простотой движений, демократичностью и живостью музыкального аккомпанемента. Эти качества нового танца помешали ему сразу попасть в русские привилегированные салоны, куда полька пришла, будучи уже широко известной во всей Европе. Известный танцмейстер Целлариус ввел ее в парижские танцевальные салоны, описав основные движения и обязательные фигуры, а также дав схему исполнения этого танца [Руководство, 1848, с. 42].

«Редкому танцу выпадала честь произвести такую сенсацию и заставить о себе столько говорить, писать, печатать и фантазировать чуть ли не по всему земному шару, как то случилось в 1844 году с полькой», – писал член Берлинской Академии танцевального искусства, преподаватель танцев при Одесской Ришельевской гимназии А.Я. Цорн [Цорн, 1890, с. 256].

К середине XIX в. сложилась целая система обучения бальным танцам. Во всех государственных и частных высших и средних учебных заведениях России, военных учебных заведениях, иностранных пансионах обязательным предметом учебного плана были уроки танцев. Здесь подрастающее поколение обучалось основам салонного танца и умению вести себя в бальной зале. Модным новинкам молодежь и люди более старшего поколения могли научиться в разного рода танцклассах, вели которые, в основном, профессиональные танцовщики и балетмейстеры. В этих же классах человек мог также получить навыки исполнения классических бальных танцев. Широкое распространение получил наем частного учителя танцев для конкретной семьи, который чаще всего был иностранцем.

Подобная система утвердилась в обществе к началу XIX века, на протяжении которого в ней происходили некоторые существенные изменения. Вначале основную роль в деле обучения танцам играли частные учителя-иностранцы и танцклассы, так как в них обучались взрослые люди, принимающие участие в балах и для которых умение танцевать в ту пору было необходимым. В течение XIX века возрастает роль учебных заведений в деле обучения танцам, так как взрослые поколения уже были обучены азам хореографии, и учиться приходилось только детям. В танцклассах и у частных учителей продолжают

заниматься взрослые люди, но теперь они – выходцы из неаристократических слоев общества, то есть те люди, детство которых прошло без обязательных уроков танцев. На этих же людей были рассчитаны и многочисленные учебники, пособия и самоучители салонных танцев. В XIX в. появляется большое количество подобных изданий, что само по себе свидетельствует о стабильном интересе общества к хореографической практике. Этот же факт говорит о попытках преподавателей бальных танцев обобщить свой опыт, поделиться им с читателями, а также попробовать создать теоретические и методические основы обучения салонным танцам. Учебники и пособия в основном переводились на русский язык с французского и немецкого, так как неаристократический состав обучающихся в танцклассах, не владевший иностранными языками, не мог заниматься по оригинальным пособиям. Позднее преподаватели бальных танцев, по-прежнему будучи большей частью иностранцами, начинают писать подобные произведения по-русски для удобства их распространения. Их методические рекомендации нередко становились известными и по достоинству оцененными не только в России, но и в Европе, попадая туда уже в переводах с русского.

По мнению большинства преподавателей танцев XIX в. салонные (бальные) танцы предназначались исключительно для общественных увеселений, а поэтому процесс обучения им должен был быть по возможности доступным для любого человека.

Все танцы, исполняемые на балах, подразделялись на фигурные и круговые. Фигурные (с исполнением обязательных фигур) танцы – это классические полонез, мазурка, французская кадрили, котильон и пр. К их числу относятся так называемые рядовые танцы (исполняемые в ряд или колоннами). Это, к примеру, экосез, англес, триолет и тампет. Круговые танцы (исполняемые по кругу) – это вальс, галоп, полька. Довольно часто круговые и фигурные танцы называются одним словом – хоровые (массовые), чтобы отличить их от тоже довольно распространенных сольных танцев, исполняемых одним человеком, парой или двумя парами. К ним в XIX в. относились салонные танцы ярко выраженного национального характера: качуча, венгерка, тирольский танец, казачок и пр.

Для освоения всех этих танцев в учебных заведениях XIX в. существовали письменные программы, на которые в свою очередь ориентировались и частные преподаватели. Единой, утвержденной Министерством программы не существовало, возникали разные варианты для конкретных учебных заведений, составленные специально для них и утвержденные вышестоящим органом. Так, например, была опубликована программа обучения танцам в кадетских корпусах, введенная в 1889-1890 гг. и утвержденная Главным Начальником военно-учебных заведений [Чистяков, 1893, с. 125-127]. Она была составлена на основе иностранных методик и предлагала изучение

основных движений и танцев по классам.

В первом классе предполагалось основное внимание уделить умению ученика правильно стоять, его осанке, а также положению корпуса и головы. Нужно было изучить основные хореографические позиции ног и рук, ознакомиться с общими законами красивой походки. Особое внимание требовалось уделять поклонам и реверансам: на месте, на ходу, вперед и в сторону, предназначенным одному или многим лицам. В этом же классе дети должны были научиться основным прыжкам, поворотам, движениям ног и координации этих движений с движениями рук и корпуса. Из танцев, разучиваемых в первом классе, основным был полонез. Главное, на что нужно было обращать внимание при обучении детей полонезу – это на изящество походки, уверенность, представительность и торжественность, которые в должной мере передают характер этого танца.

Во втором классе обучаемые должны были освоить более сложные комбинации движений из различных танцев, а также изучить менуэт и русский танец. При изучении менуэта, считавшимся всегда танцем, знание которого определяет настоящую школу, необходимо было обращать внимание не только на правильность исполнения движений, но и на умение детей передать в танце достоинство, грацию и изысканную любезность.

В третьем классе изучались основные движения польки, сама полька и лансье.

В четвертом классе ученики должны были научиться танцевать вальс в два и три па, а также французскую кадрили.

В пятом классе изучалась полька-мазурка, основные движения мазурки и сама мазурка.

В шестом и седьмом классах на уроках танцев устраивались показательные балы с исполнением классических танцев и модных, обучение которым не входило в основную программу.

Большое внимание преподавателей балльных танцев уделялось методическим указаниям, изложенным в учебниках по «танцеванию», написанных по-русски. Главной целью школьного преподавания танцев объявлялось развитие в людях уверенности в самих себе. Чтобы стать достойным членом большого общества, по мнению преподавателей балльных танцев, ребенок должен был постоянно внутренне ощущать свою собственную привлекательную внешность, которая зависела от гармоничности физических движений. Ребенок также должен был быть уверен, что он твердо знает все необходимые правила поведения, по которым живет окружающая его среда.

Общество XIX в. – это общество большого количества условностей, которые представляют собой определенные требования этикета. Одно из главных условий «приличного» поведения – отсутствие явной заботы о правильности и приятности

собственных движений, что дается не столько врожденными способностями, сколько постоянной практикой движения. Эту практику предоставляют молодому человеку уроки танцев. Именно в этом заключается важная роль бытового танца в жизни человека XIX в. Привыкнув сочетать свои движения с музыкальным ритмом, человек дисциплинируется в движениях вообще. Постоянное стремление к гармоничным движениям закладывает в молодом человеке основы эстетического чувства, умение понимать и ценить изящество и грациозность.

Преподаватели бальных танцев неоднократно высказывались против введения дополнительных уроков гимнастики в учебных заведениях в ущерб урокам танцев [Цорн, 1890, с. 25]. Они единодушно считали, что гимнастика действительно развивает в человеке мускульную силу, ловкость, гибкость, делает человека сильнее и решительнее, но в то же время она придает движениям излишнюю резкость и механичность. Поэтому разумная программа физического развития должна основываться на разумном сочетании уроков гимнастики с уроками бальных танцев, при сохранении преобладания последних.

Уроки бальных танцев состояли из доступного объяснения и показа учителем основных движений и на регулярном и многократном повторении показанного учителем. Преподаватель должен был учитывать анатомию и физиологию своих учеников, чтобы во время уроков избежать возможных травм и повреждений. Учитель должен был заботиться о занимательности и посильности своих уроков, чтобы постараться привить удовольствие к движению даже от природы малоспособным к танцам детям.

Преподаватель бальных танцев в целом заботился не только об усвоении его учениками основных па, но и об их повседневной манере держать себя. Вот каким образом предлагал ежедневно сохранять красивую осанку учитель танцев реального училища при московском николаевском сиротском институте ведомства императрицы Марии иностранец Н. Линдрот, написавший учебник по-русски.

Для правильного положения корпуса необходимо:

Плечи держать как можно более назад, не изменяя прямого положения спины, в противном случае легко можно показаться сутуловатым.

Талию подавать назад.

Шею держать так же как можно более назад, не поднимая подбородка.

Руки держать свободно и чтобы локти были немного согнуты; кисть же руки должна выдаваться вперед и быть несколько согнутою, от чего руки получают некоторую округленность [Линдрот, 1871, с. 3].

Рекомендации профессора танцевального искусства Бернгарда Клемма выглядят следующим образом: «При вертикальном положении равновесие тела зависит главным

образом от положения спинного хребта и бедер. Следует прежде всего заботиться о надлежащем положении этих последних. Затем должно держать плечи назад, опустив руки вниз, а грудь выставив вперед, голову же откинуть несколько назад. Далее надо соблюдать, чтобы нижняя половина туловища несколько выдавалась вперед, но чтобы при этом не выставлялся слишком сильно живот, и чтобы руки держались закругленными со слабо согнутыми сочленениями кисти и пальцами, причем большой и указательный пальцы должны почти соприкасаться между собой. Такое положение тела, оживляемое добродушным и веселым выражением лица, если только оно не заученное, а естественное, производит на каждого чрезвычайно благоприятное впечатление» [Клемм, 1884, с. 5–6].

Особое значение в деле изучения бальных танцев уделялось усвоению молодыми людьми правил, разработанных для выполнения на балу особой роли танцевального дирижера, т.е. человека, который руководит всем бальным процессом [Чистяков, 1893, с. 131–132]. Обучали навыкам исполнения этой ответственной общественной роли также преподаватели бальных танцев.

Дирижер должен был заботиться и о порядке исполнения танцев. Для облегчения его труда на видном месте вывешивалась программа танцев на весь вечер. Это помогало освободить распорядителя от просьб танцующих о том или ином изменении в последовательности танцев [Раевский, 1896, с. 16].

Дирижер-распорядитель был основной фигурой на балу. Он должен был следить за строгим соблюдением бального этикета и выполнением правил поведения на общественных балах. Правил этих в XIX в. было очень много, но незнание их строго осуждалось обществом. Изучение бального этикета также входило в систему обучения бальным танцам. Основная роль в разъяснении этих правил также отводилась преподавателю салонных танцев, и они также излагались в учебниках по «танцеванию» [Цорн, 1890, с. 342].

Русская бальная культура в XIX в. переживала пору своего расцвета. Приобщившись к традициям салонных танцев на несколько веков позже Европы, она быстро впитала в себя все хореографические правила и манеры поведения в бальном салоне, принятые в западных странах. Основным результатом, полученным российским обществом к XIX в. – это прочное понятие о значительной роли и важном месте бального танца в жизни светского общества, а также о необходимости серьезного и длительного процесса обучения как самому танцевальному искусству, так и правилам поведения на балу. Кроме этого, преподаватели-практики, писавшие учебные пособия по «танцеванию», способствовали теперь проникновению в Европу правил бального этикета по-русски и новых модных танцев, придуманных ими в России.

Список литературы:

Клемм Б. Руководство для учащихся танцам и учителей танцевания. СПб., тип. А. Каспари, 1884. С. 5–6.

Линдрот Н. Первоначальные правила для изучения бальных танцев. М., тип. В. Готье, 1871.

Раевский Ф.В. Дирижер. Практическое руководство дирижировать бальными и общественными танцами. СПб., изд. Ф.В. Раевского, 1896.

Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб., Гос. институт искусствознания, 2000. С. 190.

Руководство к изучению новейших бальных танцев. Сочинение Целлариуса. СПб., тип. В. Полякова, 1848.

Цорн А.Я. Грамматика танцевального искусства и хореографии. Одесса, гимназия Ришелье, 1890.

Чистяков А.Д. Методическое руководство к обучению танцам в среднеучебных заведениях. СПб., тип. П. Яблонского, 1893.

References:

Chistyakov A.D. Metodicheskoe rukovodstvo k obucheniyu tantsam v sredneuchebnykh zavedeniyakh [Methodical guide to teaching dance in secondary schools]. SPb., tip. P. Yablonskogo, 1893. (In Russian).

Klemm B. Rukovodstvo dlya uchashchikhsya tantsam i uchitelei tantsovaniya [A guide for dance students and dance teachers]. SPb., tip. A. Kaspari, 1884. P. 5–6. (In Russian)

Lindrot N. Pervonachal'nye pravila dlya izucheniya bal'nykh tantsev [Initial rules for the study of ballroom dancing]. M., tip. V. Got'e, 1871. (In Russian)

Raevskii F.V. Dirizher. Prakticheskoe rukovodstvo dirizhirovat' bal'nymi i obshchestvennymi tantsami [Conductor. A practical guide to conducting ballroom and public dances.]. SPb., izd. F.V. Raevskogo, 1896. (In Russian).

Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII–XIX vv. [Entertainment culture of Russia XVIII – XIX centuries]. SPb., Gos. institut iskusstvoznaniya, 2000. P. 190. (In Russian).

Rukovodstvo k izucheniyu noveishikh bal'nykh tantsev. Sochinenie Tsellariusa [A guide to learning the latest ballroom dancing. The work of Cellarius]. SPb., tip. V. Polyakova, 1848. (In Russian).

Tsorn A.Ya. Grammatika tantseval'nogo iskusstva i khoreografii [Grammar of dance art and choreography]. Odessa, gimnaziya Rishel'e, 1890. (In Russian).

Кабанова Оксана Валерьевна
Московский педагогический государственный университет
г. Москва (Россия)

Kabanova Oksana
Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)

РУССКОЕ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОЕ СЛОВО «МИЛЫЙ» В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

THE RUSSIAN LANGUAGE-SPECIFIC WORD “MILYI” IN THE LIGHT OF TRANSLATION

Статья посвящена русскому слову *милый*, рассматриваемому на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с двух точек зрения: анализируются, с одной стороны, переводы предложений, содержащих это слово, на английский язык (переводные реакции на стимул *милый*), а с другой – предложения с этим словом в переводах с английского языка (использование слова *милый* в качестве реакции на разнообразные стимулы в оригинальном тексте).

Всего в НКРЯ обнаружилось 192 соответствия для этого слова. В качестве реакции на слово *милый* в английских переводных текстах, вошедших в НКРЯ, используются 93 перевода. Иными словами, мы имеем довольно высокий разброс его переводов на английский язык. Еще больше разброс стимулов для появления слова *милый* в переводных текстах: оно появляется в качестве реакции на 152 стимула. При этом 53 слова встретились и как перевод слова *милый*, и как стимул для его появления в переводе. (Встречаются и нулевые соответствия: переводчики иногда оставляли слово *милый* без перевода либо, наоборот, употребляли слово *милый* в переводе при отсутствии непосредственного стимула.)

Как известно, обилие разнообразных переводных эквивалентов можно считать признаком, свидетельствующим о лингвоспецифичности слова, а разброс переводов может использоваться для количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводные соответствия слова в реально существующих переводных текстах, тем выше его лингвоспецифичность. Можно заключить, что слово *милый* характеризуется высокой лингвоспецифичностью.

This article is devoted to the Russian word *milyi* as it is presented in the Russian National Corpus (RNC). It considers both the counterparts of *milyi* in the English translations of Russian texts (Russian as the source language) and the stimuli for *milyi* in the Russian translations of English texts (Russian as the target language).

In general, there are 192 counterparts of this word in the RNC (93 counterparts of *milyi* in the English translations of Russian texts and 152 stimuli for the use of *milyi* in the Russian translations of English texts; 53 expressions serve both as equivalents of *milyi* in English translations and as stimuli for it in Russian translations). (In addition, there are “zero” matches: sometimes translators left the word *milyi* without translation or used it when there is no immediate stimulus.)

As is known, variation of translated equivalents of a single word may serve an indicator of its linguistic specificity (one can conclude that there is no direct equivalent in the target language), and the more various are the counterparts of a word the greater is its language specificity.) Thus, *milyi* shows a great degree of language specificity.

Ключевые слова: перевод, параллельный корпус, лингвоспецифичность, семантика.

Key words: translation, parallel corpus, language specificity, semantics.

Как известно, русское слово *милый* не имеет единого, общепризнанного переводного соответствия в английском языке и обнаруживает значительный разброс соответствий в реальных переводных текстах. Разброс соответствий обычно бывает обусловлен

лингвоспецифичностью слова⁴³ и вызывается одной из двух причин: либо русское слово многозначно и разным значениям соответствуют разные переводные эквиваленты, либо русское слово выражает сложную семантическую конфигурацию, для которой нет общепринятого выражения в английском языке. Разумеется, одно не исключает другого: может оказаться, что каким-то из значений русского многозначного слова (или даже всем) соответствуют сложные семантические конфигурации, не имеющие общепринятых способов выражения в английском.

Кажется, именно этот последний случай имеет место в отношении интересующего нас слова *милый*. Для этого слова можно выделить разные типы употреблений: по отношению к человеку или, реже, животному (*милый мальчик, милый котенок*) и по отношению к явлению (*милый голос, милая улыбка*), в качестве определения или в позиции сказуемого (*Он был очень мил*), а также в субстантивированном употреблении (*С милым рай и в шалаше*), в том числе в функции обращения (*Что ж ты, милая, смотришь искоса...?*). Существующие словари иногда описывают некоторые из этих типов употребления как отдельные лексические единицы. Можно добавить, что наречие *мило* во многих словарях описывается посредством отсылки к прилагательному *милый* (а иногда в пределах той же словарной статьи) и поэтому наречные употребления (*мило улыбнулся; мило провели время*) тоже должны приниматься во внимание при семантическом анализе слова *милый* и выявлении его переводных соответствий. При этом какие-то из них явно не имеют однозначного словарного соответствия в английском языке, и можно ожидать, что они будут демонстрировать определенный разброс переводов.

Если мы обратимся к материалам русско-английского подкорпуса Национального корпуса русского языка, то увидим, что это впечатление подтверждается. Для слова *милый* в целом обнаруживается почти сотня переводных соответствий, причем иногда это слово вообще остается без перевода. При этом выбор переводного соответствия в значительной степени зависит от типа употребления, однако не полностью детерминировано им: для большинства типов употребления переводчики выбирают между несколькими возможными соответствиями.

В составе обращения слово *милый* может использоваться в качестве определения или изолированно. Когда оно используется изолированно, самые частые переводы – *dear* (иногда *my dear*) или *darling*, значительно реже *dearest*. При этом иногда добавляется существительное, напр. *dear fellow, dear boy* (или *dear girl*). Всего лишь несколько раз встретился перевод *my friend*. Прочие переводы: *my boy, old boy, my good woman, sweetheart*

⁴³ О разбросе переводных соответствий как о признаке лингвоспецифичности см., напр., [Шмелев 2015, с. 562–563; Зализняк 2015, с. 655].

и т. п. – единичны. И, конечно, следует иметь в виду, что не так редки случаи, когда переводчики просто опускают это обращение. Однако выбор соответствия часто зависит от индивидуальных предпочтений переводчика или задач, которые он поставил перед собою. Так, в повести Куприна «Суламифь» обращение *милый* встречается трижды, и в переводе, выполненном Бернардом Гилбертом Герни, все три раза переводчик использует перевод *beloved*, напр.:

А где же там твое окно, Суламифь? — Зачем тебе это знать, *милый*? / “And which is thy window there, Sulamith?” “Why shouldst thou know this, *beloved*? ...” [А. И. Куприн (1870) / Bernard Guilbert Guerne, 1928; здесь и далее выделение курсивом в примерах мое – О.К.].

По-видимому, это связано с желанием переводчика стилизовать текст в соответствии с содержащимися в повести библейскими аллюзиями (характерно, что в нем используются также устаревшие формы местоимения второго лица единственного числа). Примечательно, что в повести Куприна «Яма» неоднократно встречается обращение *милый* (или *милая*), и в переводе, выполненном тем же Бернардом Гилбертом Герни, оно каждый раз передается как *(my) dear* или *(my) darling* и никогда *beloved*.

Когда в составе обращения прилагательное *милый* используется как определение к некоторому существительному, в подавляющем большинстве случаев используется переводное соответствие *(my) dear*, независимо от того, какое именно существительное определяет слово *милый* (нередко это имя собственное). Перевод *darling* используется значительно реже, прочие переводы – в единичных случаях. И, как и при изолированном *милый* в функции обращения, иногда обращение в переводе просто опускается.

Иную картину представляет использование прилагательного *милый* в функции именного сказуемого. Когда дается характеристика человека, слово *милый* в краткой форме может характеризовать его поведение в конкретной ситуации (*Он был очень мил со мною; Она была так мила, что сварила мне кофе*), давать общую характеристику манер поведения (*Он очень мил и хорошо воспитан*) или же характеризовать его восприятие другими людьми (*Насильно мил не будешь*), тогда как полная форма пригодна только для общей характеристики манер поведения или восприятия человека другими людьми. Но во всех трех случаях могут использоваться такие переводы, как *charming, nice, sweet* или просто *good*, и, пожалуй, материалов русско-английского подкорпуса НКРЯ недостаточно для разграничения этих режимов употребления.

Если же речь идет об абстрактных сущностях (*все было очень мило*), то и здесь есть определенный разброс переводов: могут использоваться слова *good, nice, charming, pleasant*, а оборот *как мило с вашей стороны* передается как *so nice of you* или *how sweet of you*.

Перевод наречия *мило* во многом зависит от предпочтений переводчика. В переводе повести Пушкина «Капитанская дочка», выполненном Марией Зелинской, фраза *одета была по-прежнему просто и мило* передана как *was, as usual, clad in simplicity, but with neatness and taste*. В переводе «Героя нашего времени» Лермонтова (переводчики J.H. Wisdom и Marg Murray) регулярно используются переводные соответствия *charming* и *charmingly*: оборот *стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило* передается как *clasped her slim little ankle so charmingly*, фраза *она шутила очень мило* – как *she jested very charmingly*, выражение *очень мило улыбаясь* – как *with a very charming smile*. Констанс Гарнетт переводах произведений Тургенева попеременно использует наречия *sweetly*, *prettily* и *charmingly*, а также оборот *in a charming way*, а иногда (редко) прибегает к изменению конструкции.

Более всего заметен разброс переводов, когда слово *милый* служит определением к существительному вне конструкции обращения. Мы обнаруживаем, что в одном и том же сочетании слово *милый* может получать разнообразные переводы. Так, сочетание *милая улыбка* встретилось в русско-английском подкорпусе восемь раз; слово *милый* в этом сочетании три раза переведено как *charming*, два раза – как *sweet*, один раз – как *amiable*, один раз – как *pleasant* и один раз – как *welcoming*. В сочетании *милый человек* это слово переводилось как *attractive, nice, lovable, dear, charming, delightful, good*, в сочетании *милая девушка* – как *dear, kind, darling, sweet, nice, pleasant, lovely*.

В целом мы видим, что разнообразие переводных соответствий слова *милый* в русско-английском подкорпусе НКРЯ дополнительно свидетельствует о высокой лингвоспецифичности этого слова и подтверждает идею И. Б. Левонтиной, согласно которой «в слове *милый* мерцают два разных смысла: *милый* – это то ли тот, кто хорош, то ли тот, кто нравится» [Левонтина, 1997, с. 56]. В зависимости от того, какой из этих смыслов: объективная оценка или субъективное восприятие – профилируется в некотором конкретном контексте, и выбирается перевод (разумеется, если переводчик правильно понял оригинальный текст). При этом объективная оценка может быть самого общего плана (в этом случае уместен перевод *good*), а может касаться каких-то особенностей поведения (напр., перевод *welcoming* уместен, когда подчеркивается гостеприимство). Нравиться тоже могут самые разные вещи (внешний вид, манера двигаться, манера шутить и т. д.), и это отчасти коррелирует с разнообразием переводных соответствий.

При использовании слова *милый* в функции обращения эти нюансы выхолащиваются, так что появляется возможность использовать слово *милый* в качестве этикетного или нейтрально ласкового обращения, а в определенных случаях в это обращение не вкладывается никакое чувство, так что они звучат отчужденно (ср.

[Левонтина, 1997, с. 55]). С этим и связано то, что в качестве стандартного соответствия слова *милый* в функции обращения используется английское слово *dear* (или имеющее то же происхождение *darling*), которое в исходном значении подчеркивало ценность объекта.

Можно заметить, что даже относительно небольшой материал, который содержится в русско-английском подкорпусе НКРЯ, позволяет уточнить словарные описания слова *милый*. Так, в некоторых словарях сочетание *милый голос* приводится в качестве иллюстрации «оттенка значения», который поясняется как ‘доставляющий удовольствие, наслаждение, очень приятный’. Но если мы обратимся к данным НКРЯ, то увидим, что частое переводное соответствие этого сочетания – *dear voice*, подразумевающее, что речь идет не о приятном звуке голоса, а о голосе любимого человека (т. е. имеет место своего рода метонимия). Ср.: *при звуке этого милого голоса / at the sound of that dear voice* («Герой нашего времени», в уже цитированном переводе); *слышу знакомые шаги, шорох платья, милый голос / I hear familiar footsteps, the rustle of a dress, a dear voice* («Скучная история» Чехова, перевод Констанс Гарнетт). При этом понимание ‘доставляющий удовольствие, очень приятный’ тоже иногда встречается, и в этом случае обычное соответствие – *sweet voice*, напр. в переводе рассказа Льва Толстого «После бала». Ср. также:

Видеть ежедневно Олесю, слышать ее *милый голос* и звонкий смех, ощущать нежную прелесть ее ласки – стало для меня больше чем необходимостью. / It was more than a necessity for me to see Olesya every day, to hear her *sweet voice* and her ringing laughter, to feel the delightful tenderness of her caresses [А. И. Куприн (1898) / Stepan Apresyan, 1982].

В примере 0 перевод *the beauty of her voice* ясно показывает, что речь идет о приятном звучании голоса, а не о голосе любимого человека:

...он сумел оценить и *милый голос*, и белизну ее зубов, и ямочки на щеках... / ...he could appreciate *the beauty of her voice*, her white teeth and the dimples in her cheeks [В. С. Гроссман (1960) / Robert Chandler, 1985].

Еще более показательны данные англо-русского подкорпуса НКРЯ. Хотя само появление лингвоспецифичного слова в переводном тексте может казаться парадоксальным (ведь в оригинале не могло быть слова, для которого оно было бы соответствием), установление того какие стимулы (т. е. выражения оригинала и их семантические характеристики) заставили переводчика употребить лингвоспецифичное выражение, часто позволяет обнаружить те особенности лингвоспецифичной единицы, которые без такого анализа ускользали от внимания. Иными словами, «выявление в оригинальных текстах стимулов, побуждающих переводчиков использовать лингвоспецифичные выражения языка перевода, позволяет не только верифицировать описание этих слов, полученное без

использования электронных корпусов, но в определенных случаях по-новому взглянуть на те или иные лингвоспецифичные слова» [Шмелев, 2020, с. 659].

По необходимости изложим результаты проведенного анализа кратко и сосредоточимся лишь на непосредственных стимулах появления слова *милый* в русских переводах, т. е. на тех словах, для которых оно послужило переводным соответствием. Было обнаружено больше полутора сотен непосредственных стимулов для слова *милый*, т. е. еще больше, чем соответствий слова *милый* в английских переводах (чуть больше пятидесяти слов входят в оба списка: и непосредственных стимулов, и переводных соответствий). Сразу надо сказать, что ни для одного стимула слово *милый* не было самым частотным переводом. В большинстве случаев выбор этого слова – одно из возможных переводческих решений, что не делает его менее показательным (ср. [Зализняк, Шмелев, 2017, с. 396]). При этом встречается и «нулевые» непосредственные стимулы, т. е. случаи, когда слово *милый* появляется в русском переводе, хотя никакой лексической единицы, для которой *милый* могло бы считаться переводным соответствием, в оригинале нет. Ср.:

“Oh, Tigger, I AM glad to see you,” cried Rabbit. / *Милый* Тигра, как же я рад тебя видеть! – закричал Кролик. [A. A. Milne (1928) / Б. Заходер, 1960].

(Кстати, в этом примере обращает на себя внимание появление в переводе Бориса Заходера частицы *же*, для которой в английском оригинале тоже нет непосредственного стимула. Возможно, здесь сыграло некоторую роль эмфатическое выделение связки *AM* в оригинале.⁴⁴)

В функции обращения субстантивированное *милый* часто используется для передачи таких обращений, как *child, mate, friend, pet, duckie* и др. Разнообразие стимулов подтверждает сформулированное выше положение, согласно которому при использовании субстантивированного *милый* в качестве обращения его семантическое содержание в значительной мере выхолощено, так что оно может использоваться в качестве этикетного или нейтрально ласкового обращения и даже при высказывании упреков или недовольства. Ср.:

Oh, *child*, you never think. You never think of anything but your own selfishness. / Ах, *милый*, ты никогда не думаешь. Ты никогда ни о чем не думаешь, только о себе самом. [Mark Twain (1876) / Н. Дарузес, 1950].

⁴⁴ О том, что эмфатическое выделение в английском оригинале иногда стимулирует появление частицы *же* в переводе (вывод, сделанный как паз на основе перевода «Винни-Пуха», выполненного Борисом Заходером), см. [Levontina, Shmelev, 2005, с. 267; Шмелев, 2021, с. 628]

Наречие *мило* используется в качестве переводного соответствия самых разных наречий: *handsomely, pleasantly, sensitively, lovely, agreeably, nicely, sweetly, politely, lovely* и др., причем в самых разнообразных контекстах. Напр.:

He very *handsomely* hopes they will be happy together; and there is nothing very unforgiving in that, I think. / Он очень *мило* выражает надежду, что они будут счастливы. По письму и не скажешь, что он затаил обиду. [Jane Austen (1816) /Е. Суриц, 1988)].

Кроме того, наречие *мило* иногда используется для передачи прилагательного (напр., *nice*) с видоизменением конструкции, напр.:

He was *nice* to her and liked to talk to her. / Он *всегда мило* обходился с нею и охотно разговаривал. [Theodore Dreiser (1912) / М. Волосов, 1944].

Обращает на себя внимание несимметричность соответствий в русско-английском и англо-русском подкорпусах. Так, выше отмечалось, что сочетание *милый голос* не раз встретилось в русско-английском подкорпусе; при этом, когда оно указывало на голос любимого человека, оно могло переводиться как *dear voice*, а когда речь шла о приятном звучании голоса – как *sweet voice*. В англо-русском подкорпусе (большем по объему, чем русско-английский подкорпус) сочетание *милый голос* не встретилось в русских переводах ни разу! Сочетание *dear voice* (в английских оригиналах) тоже не встретилось ни разу. Напротив того, сочетание *sweet voice* оказалось довольно частотным: оно встретилось в англо-русском подкорпусе 13 раз. Однако ни разу оно не было переведено как *милый голос* (обычные переводы – *нежный голос, приятный голос, мелодичный голос*). Несимметричность соответствий слова *милый* в русско-английском и англо-русском подкорпусах могла бы составить предмет отдельного исследования.

Список литературы:

- Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2015. Вып. 11 (18). Т. 1. М.: РГГУ. С. 651–662.
- Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый... // Русская речь. 1997. № 5. С. 55–62.
- Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2015. Вып. 14 (21). Т. 1. М.: РГГУ. С. 561–570.
- Шмелев А.Д. Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: *тоска* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 19 (26), основной том. М.: РГГУ, 2020. С. 658–669.
- Шмелев А.Д. Русская частица *же* в зеркале параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 20. М.: РГГУ, 2021. С. 626–635.
- Шмелев А.Д., Зализняк А.А. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2017. Вып. 16 (23). Т. 2. М.: РГГУ, 2017. С. 394–406.

Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without // East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow: Slavic Culture Languages Publishing House, 2005. P. 258–267.

References:

Levontina I.B. Milyi, dorogoi, lyubimyi... [The Russian *milyi, dorogoi, lyubimyi...*] // Russkaya rech'. 1997. № 5. P. 55–62. (In Russian).

Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without // East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow: Slavic Culture Languages Publishing House, 2005. P. 258–267.

Shmelev A.D. Russkie lingvospetsifichnye leksicheskie edinitsy v parallel'nykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniya i “podvodnye kamni” [Russian language-specific lexical units in parallel corpora: prospects of investigation and “pitfalls”] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2015. Issue 14 (21). Vol. 1. M.: RGGU. P. 561–570. (In Russian).

Shmelev A.D. Lingvospetsifichnye slova v zerkale perevoda: *toska* [Language-specific words in the light of translation: the Russian *toska*] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog”. Issue 19 (26). M.: RGGU, 2020. P. 658–669. (In Russian).

Shmelev A.D. Russkaya chastitsa *zhe* v zerkale parallel'nykh korpusov [The Russian particle *zhe* in the light of parallel corpora] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog”. Issue 20. M.: RGGU, 2021. P. 626–635. (In Russian).

Shmelev A.D., Zaliznyak Anna A. Reversivnyi perevod kak instrument lingvisticheskogo analiza diskursivnykh slov [Reverse translation as a tool for analysis of discourse words] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2017. Issue 16 (23). Vol. 2. M.: RGGU, 2017. P. 394–406. (In Russian).

Zaliznyak Anna A. Lingvospetsifichnye edinitsy russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza [Russian language-specific words as an object of contrastive corpus analysis] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2015. Issue 11 (18). Vol. 1. M.: RGGU. P. 651–662. (In Russian).

Казакевич Ольга Анатольевна
Лаборатория общей и сибирской лексикографии
Томский государственный университет
Институт интегративного здравоохранения
Сибирский государственный медицинский университет
г. Томск (Россия)

Kazakevich Olga
Laboratory of general and Siberian lexicography
Tomsk State University
Institute for Integrative Health
Siberian State Medical University
Tomsk (Russia)

**СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛИЙ ИНОЗЕМНОГО МИРА
В ПОСОЛЬСКИХ ОТЧЕТАХ XVII В. О ПОЕЗДКАХ В КИТАЙ**

**MEANS OF REPRESENTATION OF THE FOREIGN WORLD'S REALITIES
IN THE 17TH CENTURY EMBASSY REPORTS ON TRIPS TO CHINA**

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-312-90028
«Чужеземная реальность в восприятии русского средневекового человека»

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90028
“Alien reality in the perception of Russian medieval man”

Статья посвящена описанию различных способов номинации предметов и явлений, встреченных русскими людьми XVII века в служебных поездках в Китай – ранее неизвестную и во многом экзотическую страну. Исследование выполнено на материале разного рода деловых жанров средневековой посольской литературы, таких как роспись, расспросные речи, статейный список и ведомость, представлявших собой посольские отчеты о поездках за рубеж русских служивых людей. К анализу были привлечены три разновременных источника: *Роспись Китайскому государству* И. Петлина в трех вариантах (1619), *Статейные списки* Ф.И. Байкова в двух вариантах (1657–1658) и Н.Г. Спафария (1675–1676). Ходом исследования выявлены пять ведущих способов номинации иноземных реалий: сравнение, перевод, указание на неизвестность, детализированное описание и клиширование. В статье описана лингвистическая сущность перечисленных приемов и приведены наиболее типичные конструкции и языковые средства, репрезентирующие каждую из них. Определен ведущий прием для каждого агента на основании частотности употребления и разнообразия используемых конструкций и языковых средств в рамках отдельного приема. Предпринята попытка интерпретации выбора ведущего приема и связи этого выбора с индивидуальными особенностями каждого автора.

The article is dedicated to the description of various ways of nominating objects and phenomena encountered by Russian people of the 17th century on business trips to China, a previously unfamiliar and largely exotic country. The study was carried out on the sources from various business genres of medieval embassy literature, such as painting, questioning speeches, an article list and a statement, which were embassy reports on trips abroad of Russian service people. Three sources from different times were involved in the analysis: I. Petlin's *Painting to the Chinese state* in three versions (1619), *Article lists* of F.I. Baikov in two versions (1657–1658) and of N.G. Spafariy (1675-1676). Through the course of the study five leading ways of nominating foreign realities were revealed: comparison, translation, indication of the unknown, detailed description and clichés. The article describes the linguistic essence of the listed techniques and presents the most typical structures and language tools that represent each of them. The leading technique for each agent is determined based on the frequency of use and the variety of structures and language means used within a particular technique. An attempt is made to interpret the choice of the leading technique and the connection of this choice with the individual characteristics of each author.

Ключевые слова: способы номинации, посольские отчеты, иноземье, реалии, Китай, XVII век.

Key words: means of nomination, embassy reports, foreign lands, reality, China, 17th century.

Проблемы ономазиологии – «учения о языковом обозначении неязыковой действительности» [Комлев, 1986, с. 80] – остаются актуальными для лингвистических работ в рамках любых научных парадигм. Особую значимость они приобретают при обозначении средствами родного языка ранее неизвестных инокультурных и – шире – иноземных реалий⁴⁵, то есть предметов материальной и духовной культуры, присущих определенным нациям и народам. Работы этого направления представлены двумя основными группами: те, в которых изучается обозначение русских реалий в иноязычном дискурсе [Мартынова, 2004, с. 9–12], и те, в которых анализируется номинация инокультурных реалий средствами русского языка [Кретов, Фененко, 2013; Фененко, 2009; Федорова, Карпова, Стихарёва, 2019; Ромадина, 2013].

Основной трудностью при номинации неосвоенных реалий является отсутствие соответствия в описывающем их языке, что может быть связано с отсутствием номинируемого явления или наличием отличий в его устройстве, функциях и т.п. в другой национальной культуре, что порождает при их обозначении ситуацию подбора лексических средств, наиболее полно соответствующих признакам неизвестных доселе предметам инонациональной культуры. Поскольку результативность любого исследования во многом определяется его материалом, наиболее адекватными источниками для изучения указанной проблемы видятся отчеты российских посланников о поездках в иноземье: этот жанр делового письма своим содержанием был призван формировать представления русских людей о чужом мире. Данный тип посольского делопроизводства представлен различными документами: статейными списками, сказками, расспросными речами, отписками и росписями, созданными во время исполнения посланниками дипломатических миссий или сразу после них.

Настоящее исследование выполнено на основе разножанровых документов начала, середины и конца XVII в., представляющих отчеты посланников о поездках в Китай. Так, отчет И. Петлина дошел до наших дней в трех вариантах: первый и второй варианты – это «Росписи», оформленные в Тобольске между 16 мая и 6 июля 1619 г. (далее – П1) и в Москве между 23 сентября и 10 ноября того же года (далее – П2), третий представляет собой «Сказку томского казака И. Петлина на стане в слободе Солдоге о его поездке в Китай», составленную 23 сентября того же года (далее – П3). Статейный список Ф.И. Байкова сохранился в двух вариантах. Первый датируется по времени пребывания Ф.И. Байкова в

⁴⁵ Разные подходы к пониманию данного термина, возможные классификации и аспекты описания реалий см. [Кретов, Фененко, 2013, с. 7–13].

Тобольске после возвращения из Китая, между 31 июля 1657 г. и 16 марта 1658 г. (далее – Б1), второй вариант относится ко времени возвращения Ф.И. Байкова в Москву – «1658 г. позднее августа» (далее – Б2). Статейный список Н.Г. Спафария представлен в единственном варианте, созданным между 28 февраля 1675 г. и 20 июля 1676 г. (далее – С) [Русско-китайские отношения, 1969].

Они выполнены лицами различного социального статуса: томский конный казак (И. Петлин), сын боярский, воевода (Ф.И. Байков), известный дипломат (Н.Г. Спафарий-Милеску), с разным уровнем образования и знаний о Китае и пограничных государствах той эпохи. Данное обстоятельство позволяет выявить личностное начало в сферах, способах и средствах номинации незнакомой реальности, поскольку в фактах внимания к разным сторонам чужого мира, в описании и интерпретации реалий и событий неизбежно проявляется индивидуальность посланника: его круг интересов и ценностная парадигма, словарный запас, умения и навыки строить связный рассказ⁴⁶. Таким образом, заявленная названием проблематика предполагает исследование как самого процесса номинации подобных реалий, так и самих номинативных структур, что обусловлено уже сложившимися подходами в теории номинации в свете других актуальных концепций современной лингвистики.

Анализ позволил отнести номинируемые иноземные реалии к трем основным номинативным сферам⁴⁷, традиционно выделяемых исследователями в зависимости от объекта номинации: 1) натурфактной, включающей в себя естественные природные объекты и явления – элементы естественного ландшафта, растительные объекты разного рода, животный мир и погодные условия, свойственные новым территориям; 2) антропологической, в рамках которой объектом номинации становится человек и его различные характеристики: особенности характера и поведения, внешность и одежда, род деятельности и официальные должности, язык (в том числе речь), верования, традиции, этикет, ритуалы и обряды; 3) артефактной, в которую вошли номинации объектов, созданных в результате деятельности человека: архитектурные и интерьерные объекты, сооружения, крепости и крепостные стены, города, оружие, средства передвижения, товары для торговли, деньги, особенности национальной кухни и др. Таким образом, вполне очевидно, что в посольских отчетах затронуты практически все стороны жизни и быта людей другой страны и что ставит перед посланниками непростую задачу при выборе

⁴⁶ Об особенностях языковой личности русских посланников при освоении ранее неизвестного культурного пространства и индивидуальных предпочтениях тех или иных номинативных сфер см. [Слугина, 2011, с. 40–44].

⁴⁷ Вне всякого сомнения, пересекающихся друг с другом.

способов и средств для языкового воплощения каждого из означенных явлений чужого мира.

При столкновении с неизвестными реалиями и задачами их описания у номинатора могут возникнуть несколько возможных вариантов номинаций данного объекта, основанных чаще всего на разных способах представления признаков описываемого объекта: а) в случае невозможности соотнесения объекта с уже известными реалиями актуализируется способ прямого указания на неизвестность объекта номинации; б) попытка узнать объект и дать ему имя при помощи средств чужого языка, с уточнением и отсылкой к средствам родного языка актуализирует такой способ номинации, как перевод; в) сопоставление объекта с реалиями родной или уже известными реалиями чужой культуры актуализирует способ сравнения; г) и, наконец, возможность описать с разной степенью подробности существенные признаки номинируемого объекта средствами родного языка актуализирует способ детализации и клиширования как частного случая детализации.

Наиболее ярким маркером того, что реалия впервые встречается русскому человеку, в текстах исследованных памятников является прямое указание на неизвестность объекта (подчеркнуто мной – О.К.). Данный способ номинации демонстрирует, что описываемая реалия не просто неизвестна говорящему – ее невозможно соотнести с привычными предметами и явлениями, поставить в один ряд с ними. В данных номинациях семантика неизвестности той или иной реалии реализуется различными средствами в зависимости от градации неизвестности: от полной неизвестности до указания на то, что полученные сведения являются неточными. Вербализация полной неизвестности реалии осуществляется при помощи конструкций с глаголами ЗНАТЬ, ВЕДАТЬ и их производными с частицей НЕ: *иных семен всяких много, только мы не знаем* (П2: Л.365об.); *а иных овощей мы и не знаем какие* (П1: Л.14); *на слонах узды великие широкие позолочены с камнем, и не знаем серебро позолочено или медь* (С: Л.161об.); *стоят на них звери каменные, неведомо какие* (П2: Л.365); *иного незнатного лесу много* (С: Л.97); *стоят на храмах нивисть какие звери каменные* (П1: Л.8). Собственно наименование иноземных реалий реализуется в рамках таких способов номинации, как перевод, сравнение и детализация.

Перевод как способ именованя неизвестного (подчеркнуто мной – О.К.). Как показал материал, незнание языков аборигенного населения серьезным образом осложнило выполнение миссий И. Петлиным и Ф.И. Байковым в Китае. Н.Г. Спафарию помогло знание латыни и европейских языков. Во всяком случае, именно в его отчете прослеживается употребление экзотизмов: *ван, заргучей, мандарыня, асканяма* и проч., часть из которых в дальнейшем получает некоторые пояснения, значение же других определяется из

контекста: *розных чинов мандарыни* (С: Л.168); *первые наши бояре – колаи* (С: Л.124); *до приезде китайского боярина асканамы* (С: Л.45об.)

При попытке передать в отчетах своеобразие экзотической культуры, авторы посольских отчетов используют три типа конструкций названия, ведущими компонентами которых являются средства другого языка: обозначение объекта в сочетании с его именем, собственно перевод, перевод с пояснением названия. Неосвоенность и непривычность для русского уха китайской и мунгальской речи вербализируется в памятниках прежде всего в варьировании антропонимов и топонимов – часто встречаются искажения и неустойчивость обозначений одного и того же объекта в рамках одного текста, что связано с восприятием имен собственных на слух, ср.: *Черектин* (П1: Л.6) и *Черехтун* (П2: Л.364об.), *Долон-Карагай* (Б1: С.116) и *Доло-Карагай / Далан-Каргай* (Б2: Л.72об.). В данном случае используется первый тип конструкции названия ‘констатация объекта + имя’, реализуемые в рамках следующих моделей: ‘ИМЯ / ЗОВЬ + (какое? / каким языком? / как?) чему / кому – как’: *имя городу Широкалга* (П1: Л.13); *имя той реке Хатунь* (Б2: Л.126); *дьяк, а имя ему мугальское ергучей* (Б2: Л.133); *зовь тому озеру калмацким языком Кизыл-баш* (Б2: Л.107).

Второй тип конструкций названия незнакомых объектов реализуется в рамках трех моделей с использованием глаголов ЗВАТЬ / НАЗЫВАТЬ / ИМЕНОВАТЬ / СЛЫТЬ. Как и предыдущий тип, он связан с обозначением объекта в сочетании с топонимами и антропонимами. Его отличие от первого – это наличие пояснений либо собственно перевода иноязычных слов: *лес небольшой, называют его соскоул* (Б1: С.120); *заставной город <...> именуют ево Синфенкун* (С: Л.104); *город каменной <...> словет Белгород* (П1: Л.1); *Лабинская земля по нашему словет: молитвенные люди* (П3: Л.354об.); *братья ево хановы и племянники «ван» называютца* (С: Л.91об.).

Третий тип конструкций – собственно перевод – используется при обозначении любых объектов и явлений и реализуется в моделях сопоставления *камень <...> по их «сара», а по-русски «самоцвет»* (П2: Л.370об.); *кутуфта у них — то по нашему патриарх* (П1: Л.10); *2 человека жалги, а по-русски сотники* (Б2: Л.112); *в городе Тунг, а по-мунгальски в Баян-Суме* (С: Л.270об.); *великая стена именуетца по-китайски Джаси, а по-калмыцки и по-мугальски Калган* (С: Л.104). Данные конструкции по своей сути устанавливают между именами отношения тождества, в противовес представленному далее сравнению, в основе которого лежит собственно сопоставление характеристик объектов. Отношения полного тождества между наименованиями в разных языках ярче всего выражены в статейном списке Н.Г. Спафария при помощи оборота СЕ ЕСТЬ: *мапи се есть китайские чертежи* (С: Л.232об.); *Хоанкти се есть миродержец или земледержец* (С: Л.190об.).

Сравнение как способ номинации иноземных реалий (подчеркнуто мной – О.К.).

Сталкиваясь с новой для себя реальностью, человек осваивает ее посредством апелляции к уже известному и привычному, в чем проявляются его стереотипы и эталоны как представителя той или иной национальной культуры. Как показал изученный материал, сравнение занимает заметное место среди способов номинации иноземных реалий как по частотности употребления, так и по разнообразию номинативных конструкций.

Это могут быть сравнительные придаточные предложения с союзами ЧТО, КАК, БУДТО: *заперты были, что в тюрьме* (Б2: Л.122); *руки протянули, что поклонитца хотят, как кланяютца мугальские люди лобам* (П1: Л.8); *ест, как ели дыни* (С: Л.221). В сравнительных оборотах набор союзов шире: ЧТО, КАК, АКИ, БУДТО: *платья, что священнические ризы* (С: Л.111–111об.); *лес сосновой тонок, как у нас на Руси в городех* (Б1: С.119); *государю служить, аки богу* (С: Л.234); *кумирницы стоят по деревням будто наши часовни* (С: Л.110). Предложно-падежные конструкции используют предлоги в рамках разнообразных моделей: *все 4 реки с Миос реку* (П1: Л.5); *стебель <...> толщина в батог* (С: Л.110); *образ подобие Пречистые богородицы одегитрия* (Б2: Л.130).

Наречные сравнения представлены двумя типами – собственно наречиями: *а подысподом полукафтанье по нашему* (П1: Л.21); *А волосы на главах по-немецки* (Б1: С.137); *на полках сидят, поджав ноги по-турски ж* (С: Л.45); и конструкциями с опорными словами ОБЫЧАЙ, СТАТЬЯ, ПЕРЕВОД: *заплетают в косы с мугальского переводу* (Б2: Л.128–129); *в-ызбах зделаны полки на турецкую статью* (С: Л.45).

Сравнение неизвестных объектов с 1) реалиями русской культуры: *колокола медные и железные, что наши русские* (Б2: Л.129); *ямы у них по дороги, что в Руси* (П2: Л.368); 2) с реалиями уже освоенных чужих культур (монгольской, даурской, татарской, турецкой): *а избы у них, как и у даур, земляные* (С: Л.99); *меж тех столбов учинены завесы по турецкому обычаю* (С: Л.167–167об.); 3) с ранее встреченными объектами китайской культуры: *2 полаты меньши тех, которые стоят на воротах, а дело все одним подобием* (С: Л.162об.); *по башням и по воро[там] пушки и мелкое оружие и карау[лы], что в первых городех* (П1: Л.16).

Детализация как способ номинации иноземных реалий (подчеркнуто мной – О.К.)

предполагает описание называемого объекта разной степени подробности, которая напрямую зависит от уровня знаний автора текста о предмете речи, мире в целом, его индивидуальных способностей и особенностей восприятия внеязыковой действительности. Данный способ может реализовываться как в элементной, так и в событийной номинации в зависимости от типа реалии. Он также позволяет выделить клиширование как частный

случай детализации, предполагающий использование устойчивых конструкций при описании в противовес свободному набору слов⁴⁸.

Отличительной особенностью этого способа является его реализация преимущественно законченным предложением или сочетанием нескольких предложений, представляющих собой отдельное речевое произведение. Сама сущность детализации при номинации требует максимально подробного описания некой сложной иноземной реалии, обозначить которую иноязычным словом в сочетании с переводом или при помощи кратких сравнительных конструкций не представляется возможным.

Данный способ именования представлен тремя основными моделями, словесное наполнение которых определяется типом описываемого объекта. Первые две модели являются по сути своей элементарными номинациями и используются при обозначении объектов сложной конструкции либо многокомпонентных объектов. Первая модель представляет собой несколько предложений, объединенных сочинительным типом связи: *город высок и хорош и мудрен делом, а башн[и] так же, что московские, высоки, а в окнах пушки стоят, и по воротам пушки же, а пушки коротки, и мелково оружия много, и караулы по воротам и по башням и по стенам* (П1: Л.13–14); *Двор великой, только строение старое и уже много розвалилось. А кругом того двора зделана стена каменная, вышиною сажени в пол две. А на посольском дворе полаты каменные, поземные, крыты черепом, а в полатах подволоки деревянные, и связей в полатах железных нет. Также на посольском дворе садов и иных каких диковин нет* (С: Л.114об.); *стоит кумирница китайских людей каменная, а в ней розные идолы их, иные вырезаны, а иные живописаны, а среди их стоит большой идол, а держит круглое в руках* (С: Л.102). Вторая модель также реализуется предложением, осложненным рядами однородных членов: *под тою слободою родится всякие овощи, виноград и яблоки и груши, а хлеб, пшено и просо сарачинское* (С: Л.110); *а лес всякой: дубняк, и березник, и сосник, и кедровник, и липняк, и ельник* (Б1: С.123).

Третья модель представляет собой событийную номинацию и выражается несколькими предложениями: *воеводы пойдут ко храму или куды гулять, и перед ними идет человек 3 20 с протазаны и с колобарды, а батожников человек с 30, а над воеводами несут солнишники великие, камка желтая* (П1: Л.18–19); *все, как принели чашки, поклонились до земли на левую руку, а в правой держали чашки, и опять сели на место и пили. И как вытили, опять поклонились до земли, и чашки ближние люди собрали* (С: Л.168). Этот способ номинации только Н.Г. Спафарий использует не только для номинации в рамках артефактной и антропологической сферы, но и для описания природных объектов: *А около*

⁴⁸ Анализ данного способа номинации см. [Казакевич, Старикова, 2021, с. 38–54].

Лохану степь неширока меж гор, а горы по обе стороны песчаные, а на них лесу нет. А по стене песок белой. А около реки лес илимник и тальник и иной лес. И на левой стороне реки Лохона проехали озерко небольшое, и в том озерке жемчужных раковин много, также и черепахи большие, и те черепахи китайцы едят (С: Л.98).

Материал доказал лингвистическую ценность посольских отчетов как весьма информативных источников для исследования процессов номинации неизвестных реалий чужой культуры, что обусловлено жанровой спецификой статейных списков, диктовавшей необходимость описать все неизвестное, а также иноземное, новое и чужое как частный случай неизвестного. Ресурсы русского языка XVII в. в именовании новых реалий проявились многообразием способов и конструкций, в основе которых так или иначе лежит описание и сопоставление с уже известным в силу универсальных механизмов восприятия нового. В зависимости от частотности употребления того или иного приема номинации во всех исследуемых памятниках, в качестве ведущих способов можно выделить детализацию, что обусловлено особенностями жанра, и сравнение как базовый механизм познания мира. Непосредственно перевод представлен не столь широко, однако активное использование в текстах посольских отчетов ранее переведенных экзотизмов не позволяет отодвинуть данный способ на периферию.

Исследование выявило ряд индивидуальных предпочтений при выборе способов и моделей номинации иноземного каждым посланником. Так, детализация практически не различается от памятника к памятнику, в то время как применение сравнительных структур с предлогами демонстрирует увеличение частоты употребления подобных конструкций (сравним: у И. Петлина практически не встречаются, Н.Г. Спафарий использует предложные конструкции в три раз чаще, нежели Ф.И. Байков) и разнообразие предлогов. При переводе в номинации иноземных реалий И. Петлин, в силу небольшого объема текста, использует достаточно однообразные приемы в представлении преимущественно онимов, Ф.И. Байков тяготеет к конструкциям сопоставления иноязычного слова с русскими, а в списке Н.Г. Спафария встречаются подробные описания как самого языка, так и активное включение иноязычной лексики в повествование. Личностное начало в репрезентации реалий иноземного мира проявляется не только в наиболее частотной маркировке посланниками тех или иных сфер, но и в приверженности к определенным способам и моделям номинации, более подробное рассмотрение которых выходит за рамки допустимого объема статьи.

Список литературы:

- Казакевич О.А., Старикова Г.Н.* Из Сибири в Китай: способы и средства локализации перемещения в незнакомом пространстве (на материале статейного списка Ф.И. Байкова) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 73. С. 38–54.
- Комлев Н.Г.* Ономазиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Т. 1. М.: Издательство Московского университета, 1968. С. 80–89.
- Кретов А.А., Фененко Н.А.* Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
- Мартынова Н.А.* Именованье инокультурных реалий (передача имен русскокультурных реалий в англоязычном дискурсе): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Наталия Анатольевна Мартынова. Орел, 2004. 23 с.
- Мясников В.С.* Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы / под ред. В.С. Мясникова. М.: Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 611 с.
- Ромадина И.Д.* Коммуникативно-прагматические характеристики вторичного рекламного текста: перевод и локализация // Вестник ВГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2013. № 11. С. 208–210.
- Слугина О.А.* Номинативные сферы в обозначении неизвестного как проявление личностного начала (на материале статейных списков XVII в.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 40–44.
- Федорова Н.В., Карпова А.В., Стихарёва Ю.А.* Бытовые реалии в английском языке и их передача на русский язык (на примере художественного произведения) // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 225–240.
- Фененко Н.А.* Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.

References:

- Fedorova N.V., Karpova A.V., Stikhar'yova Yu.A.* Bytovyye realii v angliyskom yazyke i ikh peredacha na russkiy yazyk (na primere khudozhestvennogo proizvedeniya) [Everyday realities in the English language and their translation into Russian (on the example of a work of art)] // Filologiya: nauchnyye issledovaniya. 2019. No. 6. P. 225–240. (In Russian).
- Fenenko N.A.* Dve strategii perevoda realiy [Two strategies for translating realities] // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2009. No. 1. P. 121–128. (In Russian).
- Kazakevich O.A., Starikova G.N.* Iz Sibiri v Kitai: sposoby i sredstva lokalizatsii peremeshcheniya v neznakomom prostranstve (na materiale stateinogo spiska F.I. Baikova) [From Siberia to China: Ways and Means of Localising Movement in an Unfamiliar Environment (Based on the State Report of Fyodor Baykov)] // Vestnik TGU. Filologiya – Tomsk State University. Journal of Philology. 2021. No. 73. P. 38–54. (In Russian).
- Komlev N.G.* Onomasiologiya kak ucheniye o yazykovom oboznachenii neyazykovoy deystvitel'nosti [Onomasiology as a doctrine of the linguistic designation of non-linguistic reality] // Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Vol. 1. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1968. P. 80–89. (In Russian).
- Kretov A.A., Fenenko N.A.* Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of reality] // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. No. 1. P. 7–13. (In Russian).
- Martynova N.A.* Imenovaniye inokul'turnykh realiy (peredacha imen russkokul'turnykh realiy v angloyazychnom diskurse): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Naming other cultural realities (transferring the names of Russian cultural realities in English discourse): abstract diss. ... Cand. philol. nauk] Orel, 2004. 23 p. (In Russian).
- Myasnikov V.S.* (ed.) Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russian-Chinese relations in the 17th century: Materials and documents]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1969. 611 p.
- Romadina I.D.* Kommunikativno-pragmaticheskiye kharakteristiki vtorichnogo reklamnogo teksta: perevod i lokalizatsiya [Communicative and pragmatic characteristics of the secondary advertising text: translation and localisation] // Vestnik VGU. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh. 2013. No. 11. P. 208–210. (In Russian).

Slugina O.A. Nominativnye sfery v oboznachenii neizvestnogo kak proyavlenie lichnostnogo nachala (na materiale stateinykh spiskov XVII v.) [Nominative area in designation of unknown objects as a personality's manifestation (on the material of 'stateiny spiski' of XVII century)]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2011. Vol. 10. No. 9. P. 40–44. (In Russian).

Кольцов Сергей Вячеславович
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия_

Koltsov Sergey
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ТИПЫ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ФРЕДЕРИКА ДАРА
«ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ ГЛАЗАМИ САН-АНТОНИО,
ИЛИ БЕРЮРЬЕ СКВОЗЬ ВЕКА»**

**TYPES AND FUNCTIONS OF THE LANGUAGE GAME IN THE WORK BY
FREDERIC DARD “THE HISTORY OF FRANCE IN THE EYES OF SAN ANTONIO,
OR BERURIER THROUGH THE CENTURIES”**

Языковая игра – это тема, актуальная для различных областей современной гуманитарной науки. Доказательством возрастающего интереса к этой теме можно считать появление множества трудов, в которых она исследуется с разных точек зрения. В данной статье рассматриваются различные приемы языковой игры в произведении французского писателя Фредерика Дара, предпринимается попытка их классификации, а также анализируется перевод языковых игр с французского языка на русский. Автор также исследует индивидуально-авторские приемы стилистического использования языковых игр, которые представляют трудности для русскоговорящего читателя.

The language game is a topic relevant to various areas of modern social science. Many works devoted to this topic are evidence of growing interest. This article examines various methods of language games in the work of the French writer Frederic Dard, analyzes the translation of language games from French into Russian. The author also makes an attempt to classify them and explore the individual-author's methods of stylistic use of language games, which present difficulties for the Russian-speaking reader.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, Фредерик Дар, перевод.

Key words: language game, pun, Frederic Dard, translation.

В современной лингвистике заметно усилился интерес к проявлениям творческой функции языка, одним из проявлений которой выступает языковая игра. В этой связи особенно актуальным представляется исследование художественного текста с высокой степенью языковой обусловленности, отличительной чертой которого является ориентированность автора на намеренное моделирование семантических, лексических, синтаксических, словообразовательных, прагматических аномалий. Последние помогают осознать заложенную в системе языка и отраженную в речи противоречивость и неоднозначность функционирования языковых единиц. Сложность феномена языковой игры определяет неоднозначность подходов к интерпретации ее сути, эстетической и собственно лингвистической природы. Обращение к проблеме возможности трансляции языковой игры средствами другого языка объясняется стремлением лингвистов

всесторонне исследовать проблемы индивидуально-авторского словотворчества, отступления от языкового канона, полей нормы и антинормы в языке.

В данной статье мы предприняли попытку продемонстрировать типы языковых игр на материале произведения «Фредерика Дара (Сан-Антонио) История Франции глазами Сан-Антонио, или Берюрье сквозь века» на французском языке и его переводе на русский язык.

Понятие языковой игры было введено австрийским философом Л. Витгенштейном, который называл языковой игрой любой вид деятельности, связанный с языком. В его толковании языковая игра предстает как «...целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [Витгенштейн, 1985, с. 79]. Термин «языковая игра» в современной науке получил двоякое толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое (особый вид речевой деятельности, связанный с осознанным нарушением норм).

В последние десятилетия XX – начале XXI века в лингвистике появилось много исследований, посвященных рассмотрению особенностей использования языковой игры в различных видах дискурса: разговорном (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) художественном (О. Аксенова, Т.А. Гридина, Б.Ю. Норман, В.З. Санников, А.В. Усолкина, Т.В. Устинова), масс-медийном (С.В. Ильясова, Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко), рекламном (Л.П. Амири). Начинают появляться статьи, посвященные вопросам использования приемов языковой игры в политическом дискурсе (Т. Бочарова) и интернет-дискурсе (М.С. Рыжков).

Трактовка ЯИ неоднозначна. Разные авторы вкладывают в этот термин подчас не вполне одинаковое содержание. Так, Т.А. Гридина [Гридина, 2002] связывает ЯИ с креативной речедеятельностной активностью языковой личности. «При осознанном нарушении языкового канона мы имеем дело с ЯИ как особой формой лингвокреативной деятельности, отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на “опознание” реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения. Эти правила “выводимы” только при опоре на языковой стереотип, опрокидывание которого и составляет парадокс восприятия соответствующей тактики (приема, сценария и т.п.) ЯИ. Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, ЯИ всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной обработкой того или

иного вида языкового знания» [Гридина, 2002, с. 26]. Авторы монографии «Русская разговорная речь» Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова считают, что ЯИ «можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка» чаще всего «в виде установки на комический эффект» [Русская разговорная речь, 1983, с. 172–173]. Такое понимание ЯИ оценивается иногда как слишком широкое. Как отмечает В.З. Санников, под это определение подпадает вся художественная литература, «поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности» [Санников, 2002, с. 15].

«Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера». «Игра слов – разновидность языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава)». «Каламбур – разновидность игры слов, в которой эффект остроты (в основном – комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдоантонимов» [Культура русской речи, 2003, с. 802].

В.З. Санников выделяет такие функции ЯИ:

1) языкотворческая: «Языковая игра – один из путей обогащения языка» [Санников, 2002, с. 26];

2) среди функций языковой игры указывают обычно стремление развлечь себя и собеседника, а также стремление к самоутверждению;

3) маскировочная: «Шутка позволяет “замаскировать” сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом» [Санников, 2002, с. 27].

Кроме того, ЯИ выполняет оценочную функцию, на которую указывают, в частности, Л.П. Амири, С.В. Ильясова [Ильясова, Амири, 2009], В.И. Шаховский [Шаховский, 2008], и связанную с нею манипулятивную функцию. Последние две функции ЯИ делают ее особенно привлекательной для рекламного, масс-медиального и политического дискурса.

Существует немало классификаций приемов, используемых для создания языковой игры. Наиболее удачной представляется классификация, предложенная в монографии «Языковая игра в современной русской разговорной речи». Согласно данной классификации, все приемы языковой игры делятся на две группы:

1. производство игрового языкового элемента;
2. придание игрового статуса существующему языковому элементу.

К первой группе относятся следующие приемы, связанные с:

- необычностью формы

А) рифмовка;

Б) фонетические деформации, то есть видоизменение привычного для говорящих и слушающих облика слова;

В) морфологические деформации, которые представляют изменение грамматических признаков слов и образование ненормативных (оказиональных, диалектных и просторечных) словоформ;

- необычностью формы и значения

Г) непрямые номинации. В качестве средства языковой игры говорящие используют слова и выражения, имеющие сдвиги в семантике, а именно тропы (метафоры, метонимии, сравнения, перифразы). Употребление тропов в разговорной речи основано на создании контраста между означающим и означаемым;

Д) нарушение лексической сочетаемости представлено тремя способами: 1) эффект игры создается за счет сдвигов в семантике; 2) приобретать оказиональную сочетаемость может слово с фразеологически связанным значением; 3) абсолютное употребление глаголов, требующих обязательного распространения (в противоположность случаю, когда абсолютные глаголы приобретают сочетаемость);

Е) оказионализмы – авторские слова, созданные для определенного контекста и употребляемые исключительно в рамках этого контекста;

Ж) каламбур – «фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов»;

З) прецедентные высказывания, которые связаны с цитацией, клишированием.

Ко второй группе относится прием контраста. Использование иностилевой (в широком смысле – речь идет не только о словах, принадлежащих определенным функциональным стилям, но и о словах, имеющих стилистическую окраску, например, в социальном аспекте – просторечные, книжные, высокие слова, заимствованные, исконные и др.) лексики в современной русской разговорной речи как средства шутки основано на том, что слово, попадая в неузуальную для своего употребления сферу, порождает резкий диссонанс.

Примеры:

	Оригинал	Перевод	Комментарий
1.	en commençant par le commencement	ее не обязательно читать с начала	Тип игры: рифмовка Существующая игра слов, построенная на созвучном

			звучании слов, была упущена в переводе
2.	AVANT-PROPOS HORS DE PROPOS MAIS QUI VIENT A PROPOS	ПРЕДИСЛОВИЕ. БЕЗ ГРОМКИХ СЛОВ, НО К СЛОВУ	Тип игры: рифмовка Языковая игра была удачно передана путем подбора аналогичной версии игры
3.	les malfaiteurs ne « malfont » plus	как правонарушители не «правонарушают»	Тип игры: морфологические деформации Такая форма слова отсутствует в языке оригинала и в языке перевода, поэтому можно сказать, что версия перевода оказалась удачной.
4.	La maison Parapluie	Фараонка	Тип игры: непрямые номинации В переводе присутствует новое слово, которое пытается передать игру слов автора, так как в оригинале эта игра передается при помощи жаргона.
5.	– A toi, Grosse Pomme !	– На тебя, Толстяк!	Тип игры: Нарушение сочетаемости слов В оригинальном тексте два слова не имеют реальной сочетаемости, так как по своей природе яблоко не может быть жирным. В переводе игра слов отсутствует полностью
6.	un de ces casques à plumes comme on n'en trouve même plus chez le fripier de l'Alhambra	и такими шлемами с перьями-крылышками, которых не сыщешь даже у старьевщика Альгамбры	В языке оригинала присутствует скрытая игра, которая оказалась непонятна переводчику. Слово Альгамбра имеет минимум два значения. Первое значение – это крепость на юге Испании. А второе значение, которое и использует автор, – это театральная постановка, которая была очень популярна в Париже во времена написания этой книги. <i>Le fripier</i> – слово, которое изначально отсутствует в языке оригинала, поэтому можно сказать, что это словообразовательная игра слов. Слово обозначает профессию, связанную с тряпками или поношенными вещами. Так что можно сказать, что здесь речь шла, скорее, о костюмере, который работал на этой постановке.
7.	Si le Gaulois était à plumes, ou peut se demander si la Gauloise était pas à poils ?	Если галлы были с перьями, то галлийки, наверное, были с шерсткой?	Тип игры: непрямые номинации В данном примере также присутствует несколько зашифрованных приемов языковых игр. Первый прием – это сравнение галлов с петухами и курицами

			Второй связан со значением слова <i>La Gauloise</i>, так как помимо значения представительниц Галлии (галлийки), оно так же обозначает и фирму сигарет, которая тогда выпускалась во Франции. На логотипе этой фирмы был представлен шлем с крыльями, типичный для представления о Галлах. Третий прием также связан с этим словом. Помимо уже обозначенных значений, у современного Французско-Бельгийского читателя это слово вызовет ассоциацию с несколькими алкогольными напитками, одно из них – пиво, на логотипе которого изображена девушка в шлеме с перьями.
8.	Pas en ce temps-là ! La citadelle de Rome s'appelait le Capitole ! – Je sais, tranche doctement le Gros. Ben oui, s'explique-t-il en découvrant mon air incrédule.	– В те времена еще нет! Цитадель Рима называлась Капитолием! – Я знаю, – обрывает с ученым видом Толстяк. – Ну да, – объясняет он, заметив по моему лицу, что я ему не верю. – Я с детства знаю, что Рим – столица Италии.	Тип игры: фонетическая деформация В языке оригинала присутствует языковая игра, связанная со звучанием слова <i>Capitole</i>, которое очень напоминает слово <i>Capitale</i>. Однако значение этих слов различно.
9.	Mais les oies qui s'y trouvaient les ont éventés et se sont mises à crier... – C'étaient des zouaves pontificaux ?	Но гуси, которые там были, их обнаружили и подняли крик... – Это были папские гусары?	Тип игры: рифмовка В данном примере присутствует языковая игра, связанная с созвучием слов <i>les oies</i> и <i>zouaves</i>. Перевод также располагает подобного вида игрой, однако термин гусары не совсем правильно подходит, так как не имеет отношения к описываемому периоду истории.
10.	ils se sont tenus peinarads, à boire de l'hydromiel...	они успокоились и пили медовуху...	Тип игры: непрямые номинации На первый взгляд, перевод выглядит вполне удачным, однако, если присмотреться, то значение <i>se sont tenus peinarads</i> несколько отличается от значения русского слова <i>успокоиться</i>. Французскому читателю будет понятно, что здесь речь идет, скорее, о том, что они притаились, чтобы перегруппироваться, а не просто успокоились. А слово <i>hydromiel</i>, которое было переведено как медовуха вообще не отражает действительности, так как это абсолютно другой напиток. В

			оригинале это напиток из трав, вина и меда, который, скорее, напоминает глинтвейн нежели медовуху.
11.	Et qu'est-ce qu'il lui est arrivé au Vercingétorisque ?	И что с ним было потом, с этим Версенжеториксом?	Тип игры: морфологические деформации В языке оригинала автор намеренно делает ошибку в имени персонажа, чтобы зашифровать там слово <i>risque</i> (риска), однако в Русском варианте это не было передано.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что игра слов, в качестве литературного приема, имеет множество функций: для придания тексту остроумия, в качестве двусмысленности, как произвольная перестановка звуков, наконец простой каламбур. Языковая игра может функционировать на фонетическом, морфологическом, лексико-стилистическом, словообразовательном и графическом уровнях текста. Языковые игры – это результат игры с речью с помощью звуков, букв, шрифтов, а также игры со словами и словосочетаниями, рифмами, предложениями и речевыми контекстами. Существует ряд творческих средств для осуществления такого приема. Так как авторы проводят манипуляции с языком, творческий процесс предполагает использование языковых игр. Игра слов в узком смысле равна каламбуру, в широком смысле под этим явлением подразумевается словесные игры и их категории. В любом случае, она предназначена для того, чтобы сделать произведение не похожим на другие, то есть индивидуальным и неповторимым. При передаче игры слов проблемы для переводчика будут неизбежны.

Список литературы:

- Витгенштейн Л.С.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая грамматика. С. 79–97.
- Гридина Т.А.* Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002. С. 26–27.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003. 840 с.
- Ильцова С.В., Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.

References:

- Gridina T.A.* Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel'nost' [Language game as a linguo-creative activity] // Yazyk. Sistema. Lichnost'. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel'nost'. Formirovanie yazykovoi lichnosti v ontogeneze. Ekaterinburg, 2002. P. 26–27. (In Russian).

- Il'yasova S.V., Amiri L.P.* Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy [Language game in the communicative space of the media and advertising]. M.: Flinta, 2009. 296 p. (In Russian).
- Kul'tura russkoi rechi: ehntsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic reference dictionary] / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva i dr. M., 2003. 840 p. (In Russian).
- Sannikov V.Z.* Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry [Russian language in the mirror of the language game]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 552 p. (In Russian).
- Shakhovskii V.I.* Lingvisticheskaya teoriya eh Motsii [Linguistic theory of emotions]. M.: Gnozis, 2008. 414 p. (In Russian).
- Vitgenshtein L.S.* Filosofskie issledovaniya [Philosophical research] // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. M., 1985. Vyp. 16. Lingvisticheskaya grammatika. P. 79–97. (In Russian).

Логина Анжелика Викторовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Loginova Angelika
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ПЕРЕВОДЫ ТУРЕЦКИХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ
КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ТУРЦИИ**

**TRANSLATIONS OF TURKISH PRAGMATIC TEXTS
INTO RUSSIAN AND ENGLISH
AS A PART OF THE TURKISH LINGUISTIC LANDSCAPE**

Турция – многонациональная страна, привлекающая туристов, бизнесменов, учащихся и мигрантов со всего света, поэтому ее лингвистический ландшафт неоднороден. В общественных пространствах Турции широко представлены переводы турецких прагматических текстов – текстов информационного, инструктирующего и регулятивного характера – на различные языки, в том числе на английский и русский. Анализ элементов лингвистического ландшафта с фокусом на изучение функционирования в нем полилингвальных текстов представляет собой актуальное междисциплинарное исследование с точки зрения лингвистики, социолингвистики, переводоведения и лингвокультурологии. Сопоставление турецких прагматических текстов с их переводами на русский и английский языки позволяет оценить качество перевода, определить место переводов прагматических текстов в лингвистическом ландшафте Турции и выявить присущие им особенности. Сопоставление характерных для таковых текстов клишированных форм позволяет раскрыть принципы восприятия окружающей действительности, присущие носителям конкретного языка. Сопоставительное исследование в рамках данной работы производилось на материале выборки фотографий, сделанных в период с 2019 по 2022 годы, включающей более 150 знаков. Результаты исследования проиллюстрированы примерами 29 текстов на турецком языке, из которых 25 сопоставлены с их переводами на английский язык и 6 – с переводами на русский язык.

Turkey is a multinational country that attracts tourists, businessmen, students, and migrants from all over the world, so its linguistic landscape is heterogeneous. Translations of Turkish pragmatic texts (texts of informational, instructive, or regulatory nature) into various languages, including English and Russian, are widely represented in Turkish public places. Analyzing elements of the linguistic landscape focusing on the functioning of multilingual texts may be a part of an important interdisciplinary study from the point of view of linguistics, sociolinguistics, translation studies and linguoculturology. Comparing Turkish pragmatic texts with their translations into Russian and English makes it possible to assess the quality of their translation, determine the place of such translations in the Turkish linguistic landscape and underline their specific features. Comparing the clichéd forms appearing in these texts helps to reveal some principles of perception of the reality by speakers of a particular language. A comparative study is based on photographs taken in 2019–2022 and includes more than 150 signs. The study's results are illustrated with examples of 29 Turkish texts. 25 texts are compared with their translations into English and 6 texts are compared with translations into Russian.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, прагматические тексты, Турция, перевод.

Key words: linguistic landscape, pragmatic texts, Turkey, translation.

Введение

Глобализация коренным образом изменила ход развития человечества: все чаще в повседневной жизни люди взаимодействуют с носителями других языков и проявлениями

иных лингвокультур. Растущие темпы делопроизводства, туризма и миграции закономерно привели к тому, что текстов, написанных исключительно на исторически свойственных определенной местности языках, оказалось недостаточно для эффективного воздействия на общество. Наблюдаемое в результате многоязычие в общественных пространствах на сегодняшний день представляет собой актуальную, но недостаточно разработанную тему для исследований. Целью данного исследования стало определение места и выявление некоторых особенностей перевода турецких прагматических текстов на русский и английский языки в лингвистическом ландшафте Турции. Объектом данного исследования является лингвистический ландшафт Турции, предметом исследования – прагматические тексты на турецком, английском и русском языках, находящиеся на полилингвальных знаках в лингвистическом ландшафте Турции. Исследование проводилось путем сопоставления турецких прагматических текстов с их переводами на английский и русский языки на материале более 150 знаков лингвистического ландшафта (предупреждений, уведомлений и пр.), встреченных и сфотографированных нами в общественном пространстве разных городов Турции в период с 2019 по 2022 годы. Представленная в статье и иллюстрирующая результаты исследования выборка включает 29 текстов на турецком языке, из которых 25 сопоставлены с переводами на английский язык и 6 – с переводами на русский язык. Это первое исследование подобного плана. Результаты исследования позволили нам сделать определенные выводы об особенностях переводов турецких прагматических текстов на русский и английский языки, а также о месте, которое такие переводы занимают в лингвистическом ландшафте Турции.

Лингвистический ландшафт

В социолингвистике понятие «лингвистический ландшафт» охватывает тексты, представленные в общественных пространствах в виде вывесок, табличек, объявлений, дорожных знаков, указателей, рекламы, названий улиц, локаций, магазинов и все прочие видимые проявления языка [Лю Цзинпэн, 2019, с. 119]. Согласно результатам проведенного Дж. Уэндэлом в 2016–2017 годах масштабного исследования лингвистического ландшафта нескольких районов крупнейшего города Турции Стамбула, в общественных пространствах этих районов преобладают тексты исключительно на турецком языке (69% от общего числа), однако в некоторых районах велика доля текстов на английском языке (на турецко-английских и английских знаках, до 51% в районе с наибольшим показателем) [Wendel, 2018a]. При этом доля полилингвальных знаков (подавляющее большинство которых составляют турецко-английские знаки) от общего числа варьируется в пределах от 2,7% до 21,2% в зависимости от района Стамбула [Wendel, 2017]. В исследовании лингвистического ландшафта центральной улицы Джумхуриет центрального района Ипекйолу г. Ван,

проведенном Б.М. Карадаг на материале данных 2015 года, доля полилингвальных знаков составила около 20%, из которых 17% – турецко-английские знаки [Karadağ, 2021, с. 37]. В статье, посвященной лингвистическому ландшафту стамбульского района Кумкапы, Дж. Уэндэл, приводя статистические данные, утверждает, что русский язык присутствует на 5,50% знаков, что делает его третьим по степени распространенности после турецкого (83,79%) и английского (16,21%) языков [Wendel, 2018б].

Стоит отметить, что турецкий язык является единственным официальным языком Турецкой Республики согласно Конституции страны. Это официальный язык СМИ, системы образования, органов власти, государственных и муниципальных учреждений, и языковая политика государства ориентирована в первую очередь на турецкий язык. Английский язык нередко используется в качестве универсального языка общения туристов и мигрантов во всем мире [Mufwene, 2010]. Возможно, именно этим объясняется факт преобладания двуязычных турецко-английских знаков в лингвистическом ландшафте Турции. Русский язык является языком международного общения для туристов и мигрантов из России, стран постсоветского пространства и Центральной Азии [Wendel, 2018б]. Наряду с этими языками в общественном пространстве Турции встречаются знаки, содержащие тексты на арабском, французском, немецком, китайском, греческом, болгарском и других языках.

Прагматические тексты

Одними из ярчайших образцов текстов, встречаемых в общественных пространствах, можно назвать прагматические тексты. Предложенная К. Райс категория прагматических текстов охватывает речевые произведения, созданные с определенными конкретными и легко идентифицируемыми целями в определенных условиях коммуникации, адресованные определенным получателям и зафиксированные в письменной форме [Райс, 1978, с. 203]. Такие образцы прагматических текстов как тексты предупреждений, предписаний, инструкций, информационных табличек, окружающие получателей в повседневной жизни, в первую очередь характеризуются конкретностью, краткостью и логичностью изложения. Кроме того, прагматические тексты отличаются стереотипностью синтаксических и грамматических конструкций, традиционными речевыми штампами: это явление можно считать частной нормой для текстов такой категории.

В Турции, как и во многих других странах, существуют законы, регулирующие содержание знаков и табличек, находящихся в общественных местах [Karadağ, 2021].

В некоторых случаях турецкие учреждения или организации, иницирующие создание текстов, разрабатывают соответствующие предписания или стандарты. Так, Фонд

защиты окружающей среды Турции (TÜRÇEV) опубликовал в свободном доступе методичку⁴⁹ под названием «Информационные и предупреждающие таблички, которые должны быть доступны на пляжах, отмеченных сертификатом «Голубой флаг».⁵⁰ Предписываемые информационные и предупреждающие таблички должны информировать посетителей пляжа о существующих правилах, надлежащим образом влиять на их поведение и предотвращать нарушения правил. При этом авторы предлагают свои варианты полилингвальных текстов для знаков, однако, не запрещая вносить в них коррективы. Отметим, что не всегда рекомендованные формулировки соответствуют языковым нормам.

Проблема ошибок в текстах и переводах знаков в значительной мере беспокоит турецкое общество. В социальных сетях и блогах⁵¹ встречаются публикации пользователей с фотографиями неудачных текстов и переводов. Неравнодушные к облику своей страны переводчики Турции находят подобные знаки и инициируют их замену: пример подобной замены приведен ниже.⁵²

Рисунок 1

Знак до изменения

Измененный знак

⁴⁹ «Голубой флаг» – международный сертификат, предназначенный для туристических объектов, пляжей и причалов, на территории которых вода отвечает высоким стандартам качества и пригодна для безопасного купания. По данным информационного агентства «Анадолу», в данный момент Турция входит в тройку мировых лидеров по числу пляжей, отмеченных этим сертификатом, а Министерство культуры и туризма Турции поставило перед собой цель вывести к 2023 году страну на первое место в мире по данному показателю. По этой причине предписания TÜRÇEV являются важнейшим источником данных для исследований лингвистического ландшафта Турции. См.: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-претендует-на-мировое-лидерство-по-числу-безопасных-пляжей/2248265>.

⁵⁰ В оригинале: «MAVİ BAYRAKLI PLAJLARDA BULUNDURULMASI GEREKEN BİLGİLENDİRME VE UYARI LEVHALARI». См.: [http://mavibayrak.org.tr/userfiles/file/PLAJLAR%20%C4%B0%C3%87%C4%B0N%20UYARI%20TABELALAR%20I_compressed%20\(1\).pdf](http://mavibayrak.org.tr/userfiles/file/PLAJLAR%20%C4%B0%C3%87%C4%B0N%20UYARI%20TABELALAR%20I_compressed%20(1).pdf).

⁵¹ Пример: Çeviriblog, известнейший турецкий проект в области переводоведения под руководством исследователя и переводчика Сенем Кобья (Senem KOBYA). См.: <https://www.ceviriblog.com/2016/01/26/ceviride-hata-demisken/>.

⁵² Фотография из архивов турецкого переводческого бюро Dijital Tercüme, 2021 год.

Сопоставление текстов

В этом разделе приведены результаты сопоставления текстов и их переводов. В каждом из подразделов тексты были исследованы исключительно в отношении указанной в соответствующем подзаголовке особенности или характеристики, прочие особенности во внимание не принимались, а ошибки в текстах не исправлялись.

Конструкция *tehlikeli ve yasaktır*

Таблица 1

№	Текст на турецком языке	Текст на английском языке	Текст на русском языке
1	HAVUZA GİRMEK <u>TEHLİKELİ VE YASAKTIR</u>	ENTERING POOL IS <u>DANGEROUS AND PROHIBITED</u>	-
2	Velileri/Öğretmenleri gözetimi dışında çocukların köprülere çıkması <u>tehlikeli ve yasaktır.</u>	<u>It is dangerous and prohibited</u> for children to go out to the bridges without the attendance of parents / teachers.	-
3	RESTORASYON ÇALIŞMALARI NEDENİYLE, ALANA GÖREVLİ PERSONEL DIŞINDA GİRİLMESİ <u>TEHLİKELİ VE YASAKTIR.</u>	<u>IT IS DANGEROUS AND FORBIDDEN TO ENTER</u> “THE STAFF ONLY AREA” DUE TO RESTORATION WORKS.	-
4	Denize Girmek <u>Tehlikeli ve Yasaktır.</u>	Entering the Sea is <u>Dangerous and Prohibited.</u>	-
5	CAM KORKULUKLARA YASLANMAK <u>TEHLİKELİ VE YASAKTIR !!</u>	<u>IT IS DANGEROUS AND FORBIDDEN TO LEAN UPON GLASS RAILINGS !!</u>	-
6	12 yaş ve altı çocukların iskeleye saat 19:30’dan sonra girmesi <u>tehlikeli ve yasaktır.</u>	Entering the pier after 19:30 is <u>dangerous and prohibited</u> for children under 12 years of age.	Детям младше 12 лет подниматься на пирс после 19:30 часов <u>опасно и запрещено.</u>
7	DİKKAT! BU BÖLGEYE GİRMEK <u>TEHLİKELİ VE YASAKTIR !!!</u>	ATTENTION! ENTERING THIS ZONE IS <u>DANGEROUS AND FORBIDDEN !!!</u>	ВНИМАНИЕ! ВХОДИТЬ В ЭТУ ЗОНУ <u>ОПАСНО И ЗАПРЕЩЕНО !!!</u>
8	GOLF SAHASINA GİRMEK <u>TEHLİKELİ VE YASAKTIR !</u>	-	На Гольф поля заходить <u>опасно и запрещено!</u>
9	EVCİL HAYVANLAR <u>YASAKTIR</u>	<u>NO PETS</u>	-
10	YİYECEK <u>YASAKTIR</u>	<u>NO FOOD</u>	-
11	TEHLİKE! SICAK YÜZEY	<u>DANGER! HOT SURFACE</u>	-

Словосочетание *tehlikeli ve yasaktır* часто переводится дословно: *is dangerous and forbidden* или *is dangerous and prohibited* в английских текстах, и *опасно и запрещено* в русских текстах (примеры №№1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8). Нетипичная для русского лингвистического ландшафта конструкция *опасно и запрещено* иллюстрирует различия в языковой картине мира носителей русского и турецкого языков. При этом по отдельности фразы *tehlike*, *tehlikeli* и *yasaktır* могут переводиться совершенно по-другому, посредством более характерных для английского и русского языка конструкций (примеры №№9, 10, 11).

Инфинитивные конструкции

Таблица 2

№	Текст на турецком языке	Текст на английском языке
1	<u>HAVUZA GİRMEK</u> TEHLİKELİ VE YASAKTIR	<u>ENTERING POOL</u> IS DANGEROUS AND PROHIBITED
2	Alan içerisinde <u>ateş yakmak</u> yasaktır.	<u>Lighting fires</u> in the area is prohibited.
3	Patika <u>yolun dışına çıkmak</u> yasaktır.	It is prohibited to get out of the path.
4	SAM KORKULUKLARA <u>YASLANMAK</u> TEHLİKELİ VE YASAKTIR !!	IT IS DANGEROUS AND FORBIDDEN TO LEAN UPON GLASS RAILINGS !!

Примеры №№1, 2: Исследованные инфинитивные конструкции в турецких предложениях не несут дополнительных смыслов и используются главным образом для краткости и для передачи безличного и общего характера высказывания. Инфинитив выражает не столько императивность, сколько номинативность, называя реципиентам предписанное действие. Переводиться эта конструкция может по-разному. Проведенный анализ переводов турецких инфинитивных конструкций показывает, что на английский язык они в большинстве случаев переводятся посредством герундиальных конструкций. В английском языке инфинитив также обладает субстантивными свойствами, но у герундия они более ярко выражены.

Примеры №№3, 4: Инфинитивные конструкции турецкого языка переведены при помощи параллельных им инфинитивных конструкций английского языка.

Строение предложения и успешные переводческие трансформации

Таблица 3

№	Текст на турецком языке	Текст на английском языке
1	BU SİSTEM ENERJİLENDİRİLMİŞTİR.	ENERGIZED SYSTEM!
2	ELEKTRİK ÇARPMA RİSKİ VARDIR!	ELECTROCUTION RISK
3	HAVUZA GİRMEK TEHLİKELİ VE YASAKTIR	ENTERING POOL IS DANGEROUS AND PROHIBITED
4	BU ALANDA SİGARA İÇİLMEZ	NO SMOKING

5	PLAJA VE ÇİM ALANA EVCİL HAYVAN KABUL EDİLMEZ	NO PETS ALLOWED ON BEACH OR GRASS
6	BASTIRARAK AÇIN	PUSH BAR TO OPEN

В некоторых из исследованных примеров наблюдается различие знаков пунктуации. В примере №1 точки в турецком тексте заменены на восклицательный знак в английском тексте. В примере №2 наблюдается замена восклицательного знака в турецком тексте на точку в английском тексте. Во многих случаях при смысловой завершенности предложения грамматически в силу отсутствия знаков препинания оно остается незавершенным (явление проиллюстрировано примером №3).

Примеры №№4, 5, 6 иллюстрируют радикальную переводческую трансформацию и отход от конструкций турецкого языка при сохранении эквивалентности в переводе.

Нарушения языковой нормы, а также эквивалентности и адекватности в переводе

Таблица 4

№	Текст на турецком языке	Текст на английском языке	Текст на русском языке
1	<u>Yerlere çöp atmayınız.</u>	Do not throw garbage <u>in places.</u>	-
2	TUVALET <u>İLERİDEDİR.</u>	WC IS <u>ADVANCED.</u>	-
3	<u>mescitte uyumak yasaktır.</u>	<u>mescitte is forbidden to sleep.</u>	-
4	Duvarların Üstünde Gezmek Tehlikeli ve Yasaktır	(Please Do Not Walk On The Walls)	-
5	SAHİLDE SİGARA İÇİLMEMESİNE DİKKAT EDELİM	DO NOT SMOKE IN THE BEACH, USE THE SMOKING ZONES	-
	SİZİN İÇİN BELİRLENEN SİGARA İÇME ALANLARINI KULLANALIM.		-
6	CANKURTARAN SORUMLULUK BÖLGESİ: BAYRAK, UYARI LEVHALARI VE DUBALARLA BELİRTİLMİŞTİR. LÜTFEN BU ALAN İÇERİSİNDE DENİZE GİRİNİZ.	-	Зона <u>Спасителей</u> определена флажками и предупреждающими <u>значками</u> . Просьба не заплывать за указанную зону.
7	GOLF SAHASINA GİRMEK TEHLİKELİ VE YASAKTIR !	-	На <u>Гольф</u> поля <u>заходить</u> опасно и запрещено!

8	LÜTFEN MASKENİZİ TAKIN!	-	ПОЖАЛУЙСТА НАДЕНЬТЕ МАСКУ!

В примерах №1 и 4 наблюдается калька с турецкой конструкции, результат – нарушение адекватности перевода. В примере №2 можно отметить неверное использование лексических средств языка перевода, вызвавшее нарушение эквивалентности перевода. В примере №3 наблюдается нарушение грамматических норм обоих языков и лексическая ошибка. Пример №5 (если пренебречь грамматическими и лексическими недочетами) иллюстрирует собой радикальную переводческую трансформацию с сохранением эквивалентности, однако с изменением регистра текста, которую можно рассматривать, с одной стороны, как удачное переводческое решение, а с другой – как нарушение адекватности. В примере №6 возможно отметить наличие уместных переводческих трансформаций (опущение, антонимический перевод), однако некоторые лексические средства подобраны неверно. В примере №7 есть нарушение норм языка, в примере №8 допущена пунктуационная ошибка.

Выводы

Английский и русский языки широко распространены в общественных пространствах Турции, а переводы турецких прагматических текстов на эти языки занимают важное место в лингвистическом ландшафте страны. Несмотря на официальный статус турецкого языка и языковую политику Турции в целом, использование знаков, содержащих английские и русские тексты, необходимо для успешного воздействия на поведение получателей.

Иногда в доступных текстах, находящихся в общественных пространствах, нарушается языковая норма, а качество переводов является неудовлетворительным. Это вызывает негативную реакцию и критику со стороны турецкого общества.

Анализ особенностей таковых текстов выявил наличие у переводчиков текстов понимания сути переводческих трансформаций, но, к сожалению, во многих случаях этому пониманию сопутствует нарушение адекватности перевода в силу недостаточного уровня владения языком, на который осуществляется перевод.

Один из речевых штампов (конструкция *tehlikeli ve yasaktır*), присущих турецким прагматическим текстам и не характерный для параллельных им русских и английских текстов, тем не менее, в подавляющем большинстве случаев переводится на русский и английский языки путем калькирования. Учитывая, что переводческие трансформации использовались и в переводе более сложных, как показывает практика, текстов, возможно выдвинуть предположение о том, что именно эта конструкция является неотъемлемым атрибутом восприятия действительности носителями турецкого языка.

Цели и перспективы

Исследование переводов прагматических текстов в силу клишированности их форм выражения имеет особенно важное значение. «Любой речевой штамп – это прежде всего традиция», утверждает Н.К. Гарбовский, а речевые штампы и клише, присутствующие в прагматических текстах, «первоначально были избраны в соответствии с определенной прагматической установкой» [Гарбовский, 2016, с. 159]. Следовательно, изучение речевых штампов и клишированных текстов, являющихся частью лингвистического ландшафта и находящихся в своей «естественной среде», позволит раскрыть особенности проявления языковой картины мира автора-носителя языка. В свою очередь, сопоставление переводов текстов и содержащихся в них речевых штампов с текстами оригинала предоставляет возможность, с одной стороны, выявить сохранение или опущение некоторых характерных языковых особенностей в процессе перевода. С другой стороны, подобное сопоставление позволяет выдвинуть некоторые предположения о принципах, которыми руководствовались переводчики, и об отношении представителей исследуемой лингвокультуры к переводу не литературных, а «простых» и «повседневных» текстов. Более того, именно на основе результатов сопоставления речевых штампов нам представляется возможной последующая разработка новых методик перевода прагматических текстов, составляющих лингвистический ландшафт. На сегодняшний день проблема недостаточности теоретико-методологической базы для разработки методики перевода текстов, принадлежащих к лингвистическому ландшафту, остается нерешенной.

Список литературы:

- Гарбовский Н.К. О переводе. М.: ФОРУМ, 2016. 752 с.
- Лю Ц. Лингвистический ландшафт: направления исследований и тенденции в КНР // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 119–129.
- Özkaça T., Atıncıeva Ü. Турция претендует на мировое лидерство по числу безопасных пляжей [Электронный ресурс] // Anadolu Agency. 2021. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-претендует-на-мировое-лидерство-по-числу-безопасных-пляжей/2248265>
- CeviriBlog [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ceviriblog.com/2016/01/26/ceviride-hata-demisken/>
- Karadağ B.M. Bir Dilsel Çevre İncelemesi: Van'ın Merkez İpekyolu İlçesine Bağlı Cumhuriyet Caddesi // Dilbilim, 2021. (37). P. 25–44.
- MAVİ BAYRAKLI PLAHLARDA BULUNDURULMASI GEREKEN BİLGİLENDİRME VE UYARI LEVHALARI [Электронный ресурс] // Mavi Bayrak. Режим доступа: [http://mavibayrak.org.tr/userfiles/file/PLAJLAR%20İÇİN%20UYARI%20TABELALARI_compressed%20\(1\).pdf](http://mavibayrak.org.tr/userfiles/file/PLAJLAR%20İÇİN%20UYARI%20TABELALARI_compressed%20(1).pdf)
- Mufwene S. Globalization, global English, and global English(es): Myths and facts // Language and Globalization. Nikolas Coupland (Ed). 2010. P. 31–55.
- Wendel J. Istanbul's linguistic landscapes: sociolinguistic profiles of four Istanbul neighborhoods // Proceedings of INTCESS 2017 4th International Conference on Education and Social Sciences, Istanbul. 2017. P. 319–328.

Wendel J. Istanbul past and present: a linguistic landscape perspective // Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi (IBAD). 2018. P. 106–116.

Wendel J. Linguistic Landscapes and Superdiversity in Istanbul – A Focus on Kumkapı, “Istanbul’s Mogadishu” // The IAFOR Conference on Heritage & the City – New York 2018 Official Conference Proceedings. 2018. 15 p.

References:

CeviriBlog [Electronic resource]. Available at: <https://www.ceviriblog.com/2016/01/26/ceviride-hata-demisken/> (In Turkish).

Garbovskij N.K. O perevode [On Translation]. M.: FORUM, 2016. 752 p. (In Russian).

Karadağ B.M. Bir Dilsel Çevre İncelemesi: Van’ın Merkez İpekyolu İlçesine Bağlı Cumhuriyet Caddesi [A Linguistic Landscape Study: Cumhuriyet Street in the İpekyolu District of Van] // Dilbilim, 2021. (37). P. 25–44. (In Turkish).

Liu J. Lingvisticheskij landshaft: napravleniya issledovanij i tendencii v KNR [Linguistic landscape: research development trends in China] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2019. №4. P. 119–129. (In Russian).

MAVİ BAYRAKLI PLAJLARDA BULUNDURULMASI GEREKEN BİLGİLENDİRME VE UYARI LEVHALARI [Information and warning sites that must be available on Blue Flag beaches] [Electronic resource] // Mavi Bayrak. Available at: [http://mavibayrak.org.tr/userfiles/file/PLAJLAR%20İÇİN%20UYARI%20TABELALARI_compressed%20\(1\).pdf](http://mavibayrak.org.tr/userfiles/file/PLAJLAR%20İÇİN%20UYARI%20TABELALARI_compressed%20(1).pdf) (In Turkish).

Mufwene S. Globalization, global English, and global English(es): Myths and facts // Language and Globalization. Nikolas Coupland (Ed). 2010. P. 31–55.

Özkaya T., Amuyeva Ü. Turtsiya pretenduet na mirovoe liderstvo po chislu bezopasnykh plyazhei [Turkey claims to be the world leader in the number of safe beaches] [Electronic resource] // Anadolu Agency. 2021. – Available at: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-претендует-на-мировое-лидерство-по-числу-безопасных-пляжей/2248265> (In Russian).

Wendel J. Istanbul’s linguistic landscapes: sociolinguistic profiles of four Istanbul neighborhoods // Proceedings of INTCESS 2017 4th International Conference on Education and Social Sciences, Istanbul. 2017. P. 319–328.

Wendel J. Istanbul past and present: a linguistic landscape perspective // Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi (IBAD). 2018. P. 106–116.

Wendel J. Linguistic Landscapes and Superdiversity in Istanbul – A Focus on Kumkapı, “Istanbul’s Mogadishu” // The IAFOR Conference on Heritage & the City – New York 2018 Official Conference Proceedings. 2018. 15 p.

Лыткина Оксана Ивановна
Разина Анастасия Сергеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lytkina Oksana
Razina Anastasia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРОСТРАНСТВО ДОМА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

THE SPACE OF THE HOUSE/HOME IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE LANDSCAPE

В настоящей работе предпринята попытка описания представлений о доме и домашнем пространстве у русского и китайского народов. Исследование было проведено в рамках лингвокультурологического подхода. Материалом для исследования послужили толковые и аспектные словари русского и китайского языков, а также фразеологизмы и тексты художественной литературы на русском и китайском языках. В качестве методов исследования были использованы этимологический анализ лексем, обозначающих дом и домашнее пространство, анализ их лексической сочетаемости, метод контент-анализа. На основе полученных результатов были сделаны выводы о сходстве и различии в представлениях о доме и домашнем пространстве у русских и китайцев, описана эволюция культурного концепта «Дом» в русской и китайской языковых картинах мира.

In this article an attempt is made to describe the ideas about the house and home space among the Russian and Chinese people. The study was conducted within the framework of the linguoculturological approach. The material for the study is explanatory and aspect dictionaries of Russian and Chinese languages, as well as phraseological units and texts of fiction in Russian and Chinese. The etymological analysis of lexemes denoting house and home space, the analysis of their lexical compatibility, the method of content analysis were used as research methods. Based on the results obtained, conclusions were drawn about the similarities and differences in the ideas about the house and home space among Russians and Chinese, and the evolution of the cultural concept "House" in the Russian and Chinese language pictures of the world is described.

Ключевые слова: дом, пространство дома, лингвокультурология, языковая картина мира, русский язык, китайский язык.

Key words: house, home space, linguoculturology, language picture of the world, Russian language, Chinese language.

Данная работа посвящена исследованию представлений о доме и домашнем пространстве в русской и китайской языковой картинах мира. Выбор темы исследования обусловлен тем, что концепт «Дом» относится к универсальным концептам, но в то же время содержание концепта «Дом» в разных языковых картинах мира будет отличаться. В этом отношении справедливы идеи Г.Д. Гачева о том, что, строя дом, человек создает «макет мироздания, национальный космос в уменьшении». Как Бог творит мир, так и человек создает дом по своему образу и подобию. Как человеческое тело является оболочкой для его души, так и дом становится телом для человека [Гачев, 1999, с. 11–12].

Дом выступает «обоюдопосредником, как бинокль: оборотим его на грандиозный мир вокруг – и он предстанет в уменьшении, доступно и обозримо для нас. Обратим его внутрь нас – оно, невидимое «я», выступит в проявлении (как на светочувствительной пластинке) и увеличении» [Там же, с. 12]. С одной стороны, дом является отпечатком того мира, который видит человек вокруг себя (этим объясняются различия в архитектуре у разных народов), а с другой стороны, дом является отражением и выражением внутреннего мира человека, его потребностей (вспомним, например, детальное описание интерьера домов помещиков в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»).

Таким образом, обращение к концепту «Дом» в качестве объекта научного исследования позволяет получить представление о картине мира того или иного народа, выявить в ней универсальное и специфическое.

Настоящее исследование выполнено в рамках лингвокультурологического подхода, базирующегося на идее взаимосвязи языка и культуры. Единицей языка, являющейся носителем культурной информации, выступает концепт (лингвоконцепт). Поскольку среди современных лингвистов нет единства в понимании концепта (концепт рассматривается с позиции психолингвистики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и др.), необходимо отметить, что в данной работе вслед за Ю.Е. Прохоровым под концептом мы понимаем «сложившуюся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированную особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённую в их национальной картине мира и транслируемую средствами языка в их общении» [Прохоров, 2008, с. 159].

Для описания содержания концепта «Дом» в русской и китайской языковой картине мира были использованы материалы толковых и аспектных словарей русского языка, результаты ассоциативных экспериментов, русские и китайские пословицы, а также тексты художественной литературы. В качестве методов исследования были использованы метод компонентного анализа, контекстуальный и контентный анализ, описательно-аналитический метод.

Концепт «Дом» в русской языковой картине мира. Чтобы установить содержание концепта «Дом» в русской языковой картине мира, мы обратились к анализу словарных статей, возглавляемых лексемой-номинантой концепта «Дом» [Даль, 2000; Ефремова, 2000; Ожегов, 1994; Преображенский, 2010; Словарь русских народных говоров, 1972; Словарь русского языка, 1999; Словарь современного русского литературного языка, 1954; Толковый словарь русского языка, 2001; Черных, 1999]. Нами было установлено, что лексема «Дом» используется в следующих значениях: 1) «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий», 2) «учреждение,

заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды», 3) «храм, церковь», 4) «собственное жилище человека», 5) «место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования», 6) «семья, близкие люди, родственники», 7) «хозяйство, распорядок, домашний обиход», 8) «династия, род, фамилия», 9) «гроб» (диал.), 10) «голова» (арг.).

Все многообразие типов выявленной информации, с которыми связаны представления о доме у носителей русского языка, на наш взгляд, можно объединить в три группы.

В первую очередь дом – это «строение, здание», замкнутое пространство, ограждающее человека от внешнего мира, которое он создал сам (этот признак выявляется и при этимологическом анализе слова «дом» – от индоевропейского корня **demi* ‘строить’). Любое здание должно иметь свое предназначение и своих жильцов, отсюда и представления о том, что дом – 1) это «учреждение, заведение предприятие» (дом отдыха, дом молодежи), 2) «храм» (молитвенный дом), 3) «жилище человека» (родной дом, брать работу на дом), 4) «место, где живут люди» (общеевропейский дом).

Путем метонимического переноса на основе когнитивного признака «жилище человека» появились представления о том, что дом, во-первых, «люди, живущие вместе» («семья, родственники» (всем домом встречать); «династия, род, фамилия» (дом Романовых), а во-вторых, «домашнее хозяйство, распорядок, домашний обиход» (вести дом, жить своим домом).

В результате метафорического переосмысления дома как внешней оболочки, закрытого пространства развились такие когнитивные признаки, как 1) «голова» (голова как дом советов) и 2) «гроб» (дом строй, а домовину ладь).

Как показывает материал исследования, в русском языковом сознании с домом связаны самые разнообразные типы информации, между которыми на первый взгляд трудно уловить связь. Однако связь эта становится очевидной, если обратиться к этимологии слова и истории обретения человеком собственного жилья. Г. Гачев в труде «Национальные образы мира» писал о том, что строительство дома вызвано насущной потребностью человека быть защищенным: «...человеческая история, и жизнь начинается с того момента, когда человек рискнул выйти на открытое ристалище. И тут же узрел, что он наг и гол. Ведь новорожденное животное сразу одето шкурой и может ходить. А человек гол и кожей нежен, и, как ему надо добавлять к себе шкуру — одежду, так и второй слой шкуры — дом строить, и именно строить» [Гачев, 1999, с. 13]. Таким образом, дом в первую очередь – это собственное пространство человека, в котором он себя чувствует в полной безопасности. Необходимость и важность иметь собственный дом выражается в

синонимических связях лексемы-номинанта концепта «Дом» (насчитывается более 230 синонимов⁵³) и отражается в русской фразеологии (ср., например: хорошо тому, кто в своем доме; в своем доме и стены помогают; в гостях хорошо, а дома лучше, худо тому, кто живет в чужом доме; горе тому, кто плачет в доме, а вдвое тому, кто плачет без дому! и т.д.). Потребность человека в доме, в котором он жил бы только со своей семьей, отмечается современными исследователями архитектуры. Ученые утверждают, что только в собственном доме люди могут себя чувствовать комфортно и безопасно, поэтому считают недопустимой спекуляцию землей и наживу на естественной потребности человека иметь свой дом: «Надо сделать все возможное, чтобы традиционные формы аренды жилья стали невозможными и фактически незаконными. Каждой семье надо предоставить собственный дом с прилегающей территорией, достаточной для разведения сада. При определении права собственности надо делать упор на право управления, а не на финансовую собственность. Если есть возможность создавать такие формы собственности, которые обеспечивают людям право полного контроля над своими домами и садами, но делают невозможными финансовые спекуляции, в действительности они должны стать предпочтительными» [Александр, 2014, с. 404].

Наши выводы подтверждаются результатами ассоциативных экспериментов. Среди самых частотных реакций на слово-стимул «дом» можно выделить группы в следующей иерархической последовательности: 1) дом – пространство одного человека и его семьи: уют, кот, убежище, кров, диван, очаг, тепло, гнездо, наш, свой, собственный, мой и др.; 2) дом – строение: крыша, камин, кирпич, дача, квартира, забор, изба, коттедж, дверь, огород, фундамент, строение, усадьба, комнаты, стены, печь, построить и др.; 3) дом – семья: семья, родители, мама, дети, муж и др.; 4) дом – положительные эмоции: счастье, спокойствие, любовь, родной и др.⁵⁴

Концепт «Дом» в китайской языковой картине мира. Представление о доме у китайцев в первую очередь связано с представлением о семье. Сам иероглиф «家», который используется для обозначения дома, представляет собой идеограмму, состоящую из двух частей и обозначающую место, где живут свиньи: верхняя часть «宀» обозначает жилую постройку, нижняя часть «豕» является синонимом к слову «豨» и обозначает «猪» свинью, поскольку свиньи были одними из первых животных, одомашненных людьми. Для надежности и безопасности дом строили в два этажа: на верхнем этаже жили люди, а нижний этаж служил хлевом. Так объясняется наличие части «豕» в иероглифе,

⁵³ <https://sinonim.org/s/дом> (дата обращения: 14.02.2022).

⁵⁴ <https://sinonim.org/as/дом> (дата обращения 13.02.2022), <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 13.02.2022), <https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/дом?start=200> (дата обращения 13.02.2022).

обозначающем дом. Спустя время первоначальный смысл иероглифа отошел на второй план, а сам иероглиф получил сакральное значение для всех китайцев.

Как показал анализ словарных материалов, лексема-номинант концепта «Дом», обозначенная иероглифом 家jiā, представлена следующими значениями в Большом китайско-русском словаре 汉语大词典:

1. семья, семейство; род; дом, двор (как семья); дома, в семье; домой; семейный; фамильный;
2. домашнее хозяйство; домашний; домодельный, кустарный;
3. дом, двор; жилище; домовый; домашний; дворовый;
4. свой дом, своя семья; родные места; родной; мой (*обычно о родственниках, чаще о старших*);
5. родня, родственники; самый родной человек; муж; жена;
6. как счетное слово к торговым домам, фирмам; магазинам;
7. школа; специалист в данной области, мастер своего дела, умелец;
8. двор, династия, царствующий дом; *перен.* император, наследник престола;
9. также может быть глаголом со значением: жить, проживать⁵⁵ [Большой китайско-русский словарь, 1984, с. 840].

Важно отметить, что для обозначения дома как постройки у китайцев в Большом китайско-русском словаре 汉语大词典 есть еще один иероглиф 房子 fángzi, который обозначает:

1. дом, здание
2. комната, помещение
3. фанза (*тип традиционного жилища в Китае*) [Большой китайско-русский словарь, 1984, с. 420].

Как показывает приведенный выше материал, для китайцев дом – это всегда семья, семейство, родные люди, родные места, поэтому в подавляющем большинстве случаев они используют лексему, обозначенную иероглифом 家, в значении «семья». Подтверждение этому мы находим в китайских пословицах и поговорках, например: 富人的家丁多, 穷人的孩子多 (в домах богатых много слуг, в домах бедных много детей); 女以男为家 (муж является для женщины домом/ муж для женщины самый родной человек); 家家都有本难念的经 (в каждой семье и в каждом доме свои трудности); 家有一老人, 如有一宝 (если в доме есть старый человек, значит в доме есть драгоценность) и др.

⁵⁵ Перевод с китайского языка здесь и далее мой – А.Р.

Дом в представлении китайцев - это пристанище и убежище (家虽不好, 终能栖身 – «хотя мой дом не самый хороший, но там можно приклонить голову»; 金窝银窝, 不如自己的草窝 – «золотой дом и серебряный дом хуже, чем мой родной дом»; 作客固佳, 在家更好 – «в гостях хорошо, а дома лучше»), место, где семья в сборе, и дому обязателен нужен хозяин (家无主, 屋倒竖 – «если в доме нет хозяина – дом рухнет»).

Если у человека есть дом – значит у него есть все, так считают китайцы. В труде 资治通鉴 «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» (историко-энциклопедическое сочинение назидательно-утилитарного характера, составленное Сыма Гуаном в 1084 г., охватывает события с 403 г. до н. э. до 959 г., состоит из 294 свитков) написано: 富者田连阡陌, 贫者无立锥之地 («У богатых есть бескрайние поля, которые не окинуть взглядом, а бедным даже стоять негде»)⁵⁶ Эти слова означают, что наличие земли и недвижимости указывают на богатство и высокий социальный статус человека. Так, торговцы в династиях Мин и Цин копили деньги и часто не вкладывали эти средства в оборот для увеличения прибыли, а тратили их на покупку земли и недвижимости. Покупка дома для китайцев не зависит от возраста и их социального статуса, отношение к приобретению и наличию дома остается неизменным вот уже на протяжении многих тысячелетий. Китайцы говорят: ласточки строят дома из грязи и глины, сороки из веток – все живые существа стараются обзавестись крышей над головой. В настоящее время из-за высоких цен на жилье многие китайцы вынуждены годами жить на съемных квартирах с осознанием того, что съемная квартира никогда не будет родным домом, поэтому китайцы изо всех сил стараются купить пусть и маленькую, но все же свою квартиру, которая даст им самое главное – чувство дома.

Исследование содержания концепта «Дом» в русской и китайской языковых картинах мира показало, что концепт «Дом» относится к универсальным культурным концептам. Как в русской, так и в китайской языковых картинах мира с домом соотносятся представления о строении, здании, жилище человека, семье и домашнем хозяйстве. Однако следует отметить, что если для русских дом – это в первую очередь жилище человека, в котором он проживает вместе со своей семьей, то для китайцев – это сама семья, родственники, близкие люди. Как для русских, так и для китайцев дом представляет особую ценность: иметь дом для русского человека – иметь защиту, комфорт, быть в безопасности, в представлении китайцев это еще и признак богатства и высокого статуса хозяина.

⁵⁶ <https://baike.baidu.com/item/富者田连阡陌, 贫者无立锥之地/22945154?fr=aladdin> (дата обращения: 12.02.2021).

Список литературы:

- Александр К.* Язык шаблонов / К. Александр, С. Исикава, М. Силверстайн. М.: Изд-во студии Артемия Лебедева, 2014. 1096 с.
- Большой академический словарь русского языка. Т.6. М.: Наука, 2006.
- Большой китайско-русский словарь: В 4 т. Т. 3. М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы Москва, 1984. 7947 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2000. 624 с.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т.1. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1994. 928 с.
- Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: А-О. М.: ЛКИ, 2010. 716 с.
- Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
- Словарь современного русского литературного языка. Т.3. М.-Л., 1954. 1340 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып.8. С-Петербург: Наука, 1972. 370 с.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 1. 702 с.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М.: Мир книги, 2001. 703 с.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.

References:

- Aleksander K.* Yazyk shablonov [Template language] / K. Aleksander, S. Isikava, M. Silverstajin. M.: Izd-vo studii Artemiya Lebedeva, 2014. 1096 p. (In Russian).
- Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka [Big academic dictionary of the Russian language]. T.6. M.: Nauka, 2006. (In Russian).
- Bol'shoj kitajsko-russkij slovar': V 4. [Big Chinese-Russian Dictionary: in 4 vols]. T. 3. M.: Izd-vo «Nauka» Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Moskva, 1984. 7947 p. (In Russian).
- Chernyh P.Ya.* Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. T. 1. M.: Rus. yaz., 1999. 624 p. (In Russian).
- Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols] T. 1. M.: Rus. yaz., 2000. 624 p. (In Russian).
- Efremova T.F.* Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational dictionary]. T.1. M.: Rus. yaz., 2000. 1209 p. (In Russian).
- Gachev G.D.* Nacional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca [National images of the world. Eurasia is the space of a nomad, a farmer and a highlander]. M.: Institut DIDIK, 1999. 368 p. (In Russian).
- Ozhegov S.I.* Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M., 1994. 928 p. (In Russian).
- Preobrazhenskij A.G.* Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: A-O [Etymological dictionary of the Russian language: A-O.]. M.: LKI, 2010. 716 p. (In Russian).
- Prohorov Yu.E.* V poiskah koncepta [Looking for a concept.]. M: Flinta: Nauka, 2008. 176 p. (In Russian).
- Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects] Vyp.8. S-Peterburg: Nauka, 1972. 370 p. (In Russian).
- Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M., 1999. T. 1. 702 p. (In Russian).
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. T.3. M.-L., 1954. 1340 p. (In Russian).
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / Pod red. D.N. Ushakova. T.1. M.: Mir knigi, 2001. 703 p. (In Russian).

Манерко Лариса Александровна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Manerko Larissa
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ТЕРМИНОЛОГИЯ МОРАЛИ В РАБОТЕ АНГЛИЙСКОГО ФИЛОСОФА ДЖОНА ЛОККА: РЕЗУЛЬТАТЫ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА⁵⁷

MORAL TERMINOLOGY IN THE PAPER OF THE ENGLISH PHILOSOPHER JOHN LOCKE: THE RESULTS OF CORPUS ANALYSIS

В статье раскрываются чрезвычайно важные проблемы отражения терминов морали в труде английского философа Джона Локка «Опыт о человеческом разумении». В исследовании показывается использование ключевых понятий морали, которые относятся к сложным идеям (модусам). При анализе этих основополагающих концептов автор статьи опирается на понятия внешней валентности, применимой к словосочетаниям, фиксируемым в тексте философа. Кроме того, показывается, как статистические результаты формируемого корпуса анализируемого произведения оформляют семантику анализируемой концептосферы и терминологии. Подобные данные могут быть полезны в процессе перевода с одного языка на другой в паре английский – русский язык и в процессе понимания явлений культуры в межкультурной коммуникации.

The article reveals the most important issues of moral terms in the paper of the English philosopher John Locke represented “Essay Concerning Human Understanding”. The use of key moral terms belonging to complex ideas (modi) is studied. In the analysis of these foundational concepts the author of the article takes into account the notion of the outer valency applied to word-combinations and fixed in the philosopher’s text. Besides that, in the article it is shown how the statistical results of the formed corpus of discourse shape the semantics of the analysed conceptual domain and terminology. These data may be useful in the translation from one language to the other (English-Russian) and in the understanding of culture in cross-cultural communication.

Ключевые слова: Джон Локк, «Опыт о человеческом разумении», текст, корпусная лингвистика, внешняя валентность, терминология морали, концептуальный анализ.

Key words: John Locke, “Essay Concerning Human Understanding”, text, corpus linguistics, outer valency, moral terminology, conceptual analysis.

Знакомясь с трудами английского философа и просветителя Джона Локка, я обратила внимание на то, как ученый описывает ключевые концепты познания мира, включающие, в том числе, концепты морали. Материалом для исследования послужила известная работа ученого “Essay Concerning Human Understanding” («Опыт о человеческом разумении»), так как именно в ней мы находим идеи философии морали, которые оказали влияние на видение «перспектив развития общества» [Заиченко, 1988, с. 21]. Данные идеи оказали влияние на развитие концепции морали, права и идеологические нормы последующих XIX и XX столетий, включая европейский континент и англоязычные

⁵⁷ Работа поддержана грантом Российского научного фонда №21-78-10044 «Феномен моральной ответственности».

страны. В связи с поставленной целью считаю важным рассмотреть на основе работы Локка, какие элементы входят в состав отдельной концептуальной области морали, которая оказывается четко оформленной как терминологическая сфера, связанная с областью морали и в некоторой степени права.

Локк задумал «Опыт о человеческом разумении» за почти 20 лет до ее издания в 1690 году. В период после окончания колледжа в Оксфорде и вплоть до получения магистерской степени в области искусств в 1659 году Локк приобщается к исследованиям, которые выполнялись его знакомыми «учеными-виртуозами» – Р. Гуком, Р. Бойлем, К. Реном и др. В тот период он сближается «с энтузиастами нового научного направления, которое противостояло схоластической учености, господствовавшей в английских университетах» [Заиченко, 1988, с. 9]. Увлеченно занимаясь естественными науками (*scientia*) – медициной, химией и метеорологией, Локк постоянно вел записи в своей записной книжке [Dewhurst, 1962, с. 317]. По совету своих друзей Локк принимает решение осуществить тщательное исследование «познавательных способностей человеческого разума и тех шагов, которые совершает ум в своем движении к знанию» [Заиченко, 1988, с. 11], что отразилось в набросках 1671 года к его главному труду.⁵⁸ Его концепция строится на критериях деятельности разума, которая развивается в рамках естественнонаучных открытий. Центральной областью его интересов становится новая философская концепция о сущности знания, основывающаяся не на соображениях «ложно понятой престижности» [Заиченко, 1988, с. 16].

Можно сказать, что в основе его работ лежат положения, которые были не совместимы с существовавшей тогда старой картиной мира. В тот период естественная философия балансировала между теолого-религиозными воззрениями и естественными науками, опираясь на категории рационализма и эмпиризма, получившими толчок на основе декартовского понимания метода. Но в отличие от Декарта, Джон Локк четко показал, что знание не является врожденным, чему посвящены вторая и третья главы его работы. Они озаглавлены как “No Innate Speculative Principles” («В душе нет врожденных принципов») и “No Innate Practical Principles” («Нет врожденных практических принципов») (перевод на русский дан А.Н. Савиным, выпускником МГУ имени М.В. Ломоносова еще в начале XIX века по изданию [Локк, 2022]). Отрицание врожденных

⁵⁸ Набросок А вышел под его именем в 1671 году: Locke. *Intellectus humanus cum cognitionis certitudine, et assensûs* (<http://www.oxfordscholarlyeditions.com/view/10.1093/acrade/9780198243861.book.1/acrade-9780198243861-miscMatter-7> (www.oxfordscholarlyeditions.com). Oxford University Press, 2015), другой вариант под именем 'Intellectus (1671) J. L.'; 'De Intellectu humano. Оба манускрипта на английском языке в дополненном и переработанном виде появятся в 1685 году под несколько другим названием 'An Essay concerning The Understanding, Knowledge, Opinion & Assent' [The Clarendon, 1975 (2013), с. 13].

идей было практически революционной попыткой объяснения зарождения морали в противовес существовавшей религиозно-идеалистической этике. Так, Локк доказывает, как человек приходит к знанию: «Некоторые считают установленным взгляд будто в разуме есть некие врожденные принципы, некие первичные понятия... так сказать, запечатленные в сознании знаки, которые душа не получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир. ...как много наше знание зависит от правильного применения наших способностей, дарованных нам природой...» [Локк, 2022, с. 79, 97]

В первых главах «Опыта о человеческом разумении» на английском языке Локк описывает, как именно приобретает человеческий опыт и как он связан с пониманием. Им используются фразы *innate principles* «врожденные начала» (*It is an established opinion amongst some men, that there are in the understanding certain innate principles* (27)⁵⁹), которые противопоставлены *principles of knowledge* «первоосновам знания» (*And if these “first principles” of knowledge and science are found not to be innate, no other speculative maxims can (I suppose), with better right pretend to be so* (46)). Следует вспомнить, что английское слово *principle* «начало, первопричина» появилось на основе французского *principe* от латинского слова *prīncipium* (“beginning, foundation”) от *prīnceps* (“first”) < *prīmus* (“first”) + *ceps* (“catcher”) [<https://en.wiktionary.org/wiki/principle>]. В тот период большинство научных работ было написано на латинском языке, ср. например, работа И. Ньютона 1687 года “*Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* «Математические начала натуральной философии». И скорее всего именно семантика латинского слова оказала влияние на английский термин, ср. следующий контекст из книги Локка, в котором он указывает на основы морали: *moral principles require reasoning and discourse, and some exercise of the mind, to discover the certainty of their truth* (46).

Дж. Локк обращает внимание на то, что первоосновы знания и наука никак не могут быть врожденными. Отвечая на вопрос о том, что составляет универсальную базу человеческого знания, ученый пишет, что такие знания опираются на немногочисленные понятия, связанные с человеческими чувствами, дающими «наиболее частые и сильные впечатления»: *What universal principles of knowledge? Their notions are few and narrow, borrowed only from those objects they have had most to do with, and which have made upon their senses the frequentest and strongest impressions* (45). Итак, основные термины, которые фиксируются в его работе, – это не только *principles*, но, прежде всего, *knowledge* и *understanding*. Его взгляды формируются посредством результатов собственного наблюдения, а уже в преклонные годы он переосмысливает свои философские взгляды,

⁵⁹ Здесь и далее указаны номера страниц по изданию [Locke 1999].

познакомившись с работой И. Ньютона «Математические начала натуральной философии». У Локка на основе ньютоновского понимания пространства и времени формируется взгляд на науку, где находят отражение чувственный опыт (*sense experience*) и рождающиеся идеи (*Ideas*) в сознании человека [Ducheyene, 2010, 63].

Процесс восприятия формирует источники человеческого знания (*fountains of knowledge*) (см. об этом более подробно [Шарапкина, Манерко, 2022]). Локк указывает на то, что мы способны нашими чувствами узнавать вещи, различать их и благодаря этому исследовать: “*We are able, by our senses, to know, and distinguish things; and to examine them so far...*” [Shapiro, 2006, с. 267]. Первичное и вторичное знание рождается из наблюдения за внешними чувственными объектами посредством воспринятых образов и отраженных внутренних операций: *Our observation employed either, about external sensible objects, or about the internal operations of our minds perceived and reflected on by ourselves, is that which supplies our understandings with all the materials of thinking. These two are the fountains of knowledge, from whence all the ideas we have, or can naturally have, do spring* [Locke, 2008, с. 87]. К первичным идеям отнесены те сущности, которые воспринимаются человеком, включая цвет, мягкость/твердость предмета, движение и его единство. Более сложные идеи формируются на основе простых идей и включают существование (*Existence*), знание (*Knowledge*), власть (*Power*), счастье (*Happiness*). Сюда также отнесены модусы, отношения между представлениями и субстанции (*modes, relations and substances*), где модусы не подразумевают отношений между идеями в нашем сознании или вещами, воспринятыми извне. К модусам Локк относит понимание собственности и несправедливости [Schuurman, 2003, с. 2], в том числе законы осмысления морали и движущие силы моральной ответственности, которые могли бы работать вне зависимости от культурно-исторических правил или религиозных догматов. Модусы морали формируются «приближением к знанию», на которое влияет «разница между возможностью и определенностью, верой и знанием» (“*the difference between Probability and Certainty, Faith and Knowledge*”) и на этой основе модусы «формируются нашим пониманием» [The Clarendon, 2013, с. 434]. По мнению О. Фланагана, «внушающая доверие (*plausible*) основа моральной системы должна основываться на разумных постулатах о природе концептов, мышлении (*reasoning*), личности (*the self*) и психологии морали» [Flanagan, 1991; цит. по Johnson, 2018, с. 139].

Для понимания системы ключевых концептов, сформированных в «Опыте...» Дж. Локка, нами была проведена обработка наиболее частотных коллокаций с ключевыми элементами. Первым ключевым элементом выступает прилагательное *moral*, которое является важным показателем семантики изучаемой области знания. Подобный анализ основывается на понятии внешней валентности, описанный применительно к анализу

терминологических словосочетаний [Манерко, 2001]. Мораль как центральный смысловой компонент, зафиксированный в анализируемом тексте, включает определенные правила и принципы осмысления как реакции на внешний мир. Описание морали представлено в совершенно новой разновидности дискурса – философском дискурсе, являющегося предметом научного изыскания ученого. Такой вид дискурса фиксируется на основе ряда слов и их сочетаний друг с другом. В тексте «Опыта...» Дж. Локка были зафиксированы словосочетания с субстантивными элементами, обладающие правосторонней валентностью: *rule(s)* (19 примеров), *word(s)* (11), *principle(s)* (10), *rectitude* (8), *relation* (4), *discourses* (4), *knowledge* (4), *action* (3), *science* (2), *matter* (2), *right* (1), *pravity* (1) и т.д. Д. Глинн называет такой анализ «коллокационным анализом» в рамках корпусной лингвистики, при этом в процессе его проведения формируются «формальные и таким образом наблюдаемые закономерности», причем такой анализ выполняется как «движимый корпусом» (corpus-driven) [Glynn, 2014, с. 308]. Он направлен на дальнейшее развитие идей функционирования данной области семантики (см. про данное направление [Манерко, 2018]).

Одновременно в нашем исследовании были задействованы статистические данные и методики, применяемые в корпусной лингвистике (см. об этом подробнее [Манерко, 2018; 2019]), опирающиеся на комплексное программное обеспечение Sketch Engine (<http://www.sketchengine.co.uk>). Sketch Engine относится к корпусным менеджерам (corpus managers), то есть к специализированным системам, которые способны создавать условия для анализа текстов и управления корпусом. Эта система включает программные средства, помогающие выстроить конкорданс и находить контексты, как по отдельным словам, так и словосочетаниям, сортировать списки по нескольким параметрам, учитывать и затем извлекать статистическую информацию. Можно сказать, что на основе текста «Опыта о человеческом разумении» Джона Локка был создан корпус коллокаций в составе отрывков из текста анализируемой работы. В.П. Захаров и другие авторы отмечают, что «корпус – это уменьшенная модель языка или... подязыка», где решается «проблема адекватного отражения, адаптации и отображения» некоторых фрагментов речевой деятельности [Моделирование, 2019, с. 13]. При создании собственных корпусов текстов учитывается сочетаемость единиц в составе конструкций. Обычно в корпусной лингвистике используется следующий набор тестов: t-score (t-test), minimum sensitivity, MI (mutual information), MI-log-prod (MI.log_f), log-likelihood ratio, Dice (logDice), MI.log_f (см. подробнее об этом Rychlý 2008; Захаров 2020: 201). Три характеристики t-score (t-test), MI (mutual information score), log-likelihood ratio выявляют степень близости компонентов друг с другом. Некоторые ученые отмечают, что более эффективными способами анализа

выступают те, которые связаны с разновидностями тестов MI-log-prod (MI.log_f), minimum sensitivity, Dice (logDice), MI.log_f [Baroni, Evert, 2008]. Они пригодны для анализа коллокаций с опорным элементом в составе конструкций (хотя нельзя согласиться с указанием на то, что понятие лексической колокации является неким «размытым явлением, которое еще не получило должного объяснения в теории лингвистики» (“are a fuzzy phenomenon that has not yet been satisfactorily explained by linguistic theory”) [Evert, Krenn]).

Можно наблюдать использование особых модификаторов к прилагательному (1 столбик), участие прилагательного слова *moral* по отношению к субстантивам (2 столбик), то же слово *moral* зафиксировано в конструкциях с союзами *and* или *or* (3 столбик) и участие определенных глаголов (см. табл. 1).

Таблица 1

Встречаемость прилагательного *moral* в составе коллокаций в тексте Джона Локка

Модификаторы в прилагательному <i>moral</i>	Существительные, определяющие прилагательное <i>moral</i>	<i>Moral</i> в сочетании союзов (<i>and / or</i>)	Глаголы перед прилагательным <i>moral</i>
especially thereby well	rule(s), word(s), principle(s), rectitude, relation, discourses, knowledge, action, science, matter, right , pravity	innate metaphysical considerable good several natural own eternal complex such	disturb

Очевидным является то, что для формирования терминологической системы морали Локк использует уже сложившиеся сочетания из доминирующего тогда теолого-религиозного дискурса, который определял существовавшую на тот момент картину мира. Локк стремится употреблять определенные словосочетания, важные для развития его концепции, придав им несколько другой концептуальный ракурс в составе философского дискурса. Использование существовавших языковых средств в несколько иной языковой среде определило не только становление дискурса философской науки, но и формирование нового терминологического аппарата. По мнению Д. Глинна, «через синтаксические закономерности или конечно текстовые типы и жанры, крупно-масштабное исследование коллокаций является мощным инструментом для обобщений использования языка» [Glynn, 2014, с. 308]. Тем более, что подобный подход отличается от чисто компьютерных, алгоритмических и механических решений, направленных на примитивное представление когнитивных систем человека. Когнитивное направление лингвистики тем и сильно, что

оно выделяется как «теория, привлекающая данные» (data-friendly theory) из смежных с ней дисциплин, фокусируя внимание при этом на отношениях между формой и значением» с помощью «матрицы данных» [Janda, 2013, с. 2; 9]. В этом подходе существенным оказывается «понимание участия языковых единиц, возникающих в используемых событиях (usage events), а зафиксированные события наблюдаемы, следовательно, могут быть собраны, измерены и научно проанализированы» [Janda, 2013, с. 9].

Можно наблюдать, что в составе конструкций философского дискурса Дж. Локка особо выделяется фраза *moral rule(s)* с указанием на целевое прилагательное *moral* коллоката. Это центральный элемент концепции морали Локка, что фиксируется в примерах из текста, где наблюдается пересечение с рядом слов – знание (*knowledge, knowing*) и также мораль (*ground of Morality*), ср.: *It may suffice, that these moral Rules are capable of Demonstration: and therefore it is our own faults, if we come not to a certain Knowledge of them* (66); *That several Moral Rules, may receive, from Mankind, a very general Approbation, without either knowing, or admitting the true ground of Morality* (69). Данные примеры примечательны тем, что правила морали равносильны законам, с которыми человек знакомится в социуме, что представлено в примерах из текста: *Of these Moral Rules, or Laws, to which Men generally refer, and by which they judge of the Rectitude or Pravity of their Actions, there seem to me to be three sorts, with their three different Enforcements, or Rewards and Punishments*. Описание строится на основе моральных норм, о выполнении которых мы можем судить по действиям и поступкам индивида: *rectitude or pravity of their actions*. В данном примере речь идет о правильности и прямоте. Оба слова латинского происхождения. Слово *rectitude* произошло от латинского *rectitudo* (прямота) от *rectus* (прямой) и вошло в английский язык в XV веке в значении “straightness, quality of being straight” («прямолинейность, здравомыслие, прямота»), образовавшись от старофранцузского *rectitude* (XIV век). Количественные показатели встречаемости говорят нам о том, что существительное *rectitude* сочетается с прилагательным *moral* и по частотности следует за *moral words* и *moral principles* как одно из наиболее абстрактно описывающих представление о морали (см. табл.1). Именно эта различная частотность заслуживает особого внимания, так как семантика и сочетаемость существительных *rule* и *rectitude* отражают формирование терминологического аппарата описания морали в философии Нового времени, что дает ключ к пониманию морали у Дж. Локка.

Еще одно существительное *pravity* в значении «испорченность, искаженность» противопоставлено прямолинейности в анализируемом контексте Джона Локка: *Of these Moral Rules, or Laws, to which Men generally refer, and by which they judge of the Rectitude or Pravity of their Actions...* Слово вошло в английский язык в 1540–1550 годы из латыни

pravitas в значении, обратном прямолинейности, ср. “crookedness, distortion, deformity; impropriety, perverseness” и происходило от pravus “wrong, bad” дословно “crooked” [etymonline]. Следует обратить внимание на употребление союза *or*, который указывает именно в данном примере на противительные отношения.

Кроме того, прямолинейность также наблюдается и в словосочетании *moral right*. Данное представление о прямолинейности и правильности связано с осознанием человеком обязательств, их природы и условий выполнения действий, проявляющихся на основе употребления единиц *Enforcements, or Rewards and Punishments*. Неоднократно Локк использует союз *or* для того, чтобы показать, что принуждение может включать две основные сущности, противопоставленные друг другу – это поощрение и наказание, что, несомненно, связано с правоприменением основных постулатов ученого на практике.

Привлекает внимание то, что в начале работы Локка преобладает понимание правил, основ, описания отношения к морали. В некоторых примерах они подкреплены фразами со словом *morality*. Именно данная единица становится вторым центром, описывающим мораль: *most unshaken rule of morality* (49), *a great and undeniable rule in morality* (49). В первой части фиксируются атрибутивные элементы к слову *rule*: *most unshaken, undeniable rule*, а далее ученый употребляет словосочетания уже без определительного элемента. Он чаще пишет именно об основах морали в обществе, ср. *The great principle of morality*, “*To do as one would be done to,*” *is more commended than practised* (50). Важным представляется, что лексическая единица *morality* фиксируется в «Очерке...» 28 раз, что говорит о том, что она, как и прилагательное *moral*, участвует в оформлении сложившейся концептосферы. Тем более, после описания основных принципов и правил, это понятие в работе четко выделено и противопоставлено религии и закону, оно нуждается в демонстрации как в математике: *And in discourses of religion, law, and morality, as they are matters of the highest concernment, so there will be the greatest difficulty* (479); *morality is capable of demonstration as well as mathematics* (638). И только в самом конце своей работы Джон Локк приводит читателя к мысли о том, что рассуждения о морали представляют собой отдельную науку: *I think I may conclude that morality is the proper science and business of mankind in general* (640).

Таким образом, важным достижением философии Просвещения являлось не просто «открытие человека» как личности, но вера в прогресс посредством человеческого разума: индустриальный, социальный и личностный, в том числе и в аспекте морально-нравственного развития. Обосновав концептуальную систему морали в своем труде «Опыт о человеческом разумении», Локк приходит от познания реальности к поиску тех деятельностных механизмов человеческого познания, которые могут показать

совокупность действий индивида в обществе, и концептов, сформировавших терминологическую систему. В целом, его труд представляет собой воплощение «скачкообразного изменения господствующего образа мыслей в науке» [Демьянков, 2016, с. 70], так как для оформления терминологии морали в философском дискурсе ученый привлекает существовавшие там словосочетания и переосмысливает их значение. Основой его новой системы и картины мира становятся представления о прямолинейности в противовес ответственности через поощрение и наказание.

Использованный корпусный анализ на основе программного продукта Sketch Engine помог показать, как функционирует терминологическая система в работе Локка. Важными аспектами в таком анализе выступает возможность концептуального осмысления элементов терминологической категории, в рамках которой правила и закон становятся фундаментом для концептуальной и терминологической области «мораль», в которой моральное действие обоснованно, осмыслено через опыт и потому разумно.

Список литературы:

- Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.
- Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. 3-е изд. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2020. 234 с.
- Локк Джон. Опыт о человеческом разумении / Пер. А.Н. Савина. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 864 с.
- Манерко Л.А. Развитие теории валентности в связи с использованием компьютерных технологий // Материалы Международной конференции, посвященной научному наследию проф. М.Д. Степановой и ее дальнейшему развитию (К 100-летию со дня рождения). М.: Изд-во МГЛУ, 2001. С. 92–95.
- Манерко Л.А. Методологические основы использования корпусных данных в исследованиях по когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. 33: Когнитивные исследования в гуманитарных науках / Под ред. Л.А. Фурс. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. С. 70–78.
- Манерко Л.А. Методологическое своеобразие применения корпусных данных в когнитивных исследованиях // Язык и наука в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: Мат-лы III междунар. научно-практической конф. В 2-х частях. Ч. I. Пятигорск, 2019. С. 8–18.
- Моделирование в корпусной лингвистике: специализированные корпуса русского языка / Отв. ред. В.П. Захаров. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2019. 208 с.
- Шарапова А.А., Манерко Л.А. Становление терминосистемы философии морали в трудах Дж. Локка: новаторство и дань традиции // 2022. (в печати)
- Baroni M., Evert S. Statistical methods for corpus exploitation // Corpus Linguistics. An International Handbook / Ed. by A. Lüdeling and M. Kytö. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Article 36. P. 777–803.
- Dewhurst K. A Review of John Locke's Research in Social and Preventive Medicine [Электронный ресурс] // Bulletin of the History of Medicine: The Johns Hopkins University Press, 1962, Vol. 36. No. 4 (July-August, 1962). P. 317–340. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/44449184>
- Ducheyne S. 'Newtonian' Elements in Locke, Hume, or: How far can one stretch a label? Enlight book, 2010. 15/9. P. 62–95.
- Evert S., Krenn, B. Exploratory Collocation Extraction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ofai.at/~brigitte.krenn/papers/evert-krenn.pdf>

- Flanagan O.* Varieties of moral personality: Ethics and psychological realism. Harvard University Press, 1991.
- Glynn D.* Techniques and tools: Corpus methods and statistics for semantics // *Corpus methods for Semantics: Quantitative studies in polysemy and synonymy* / Ed. by Dylan Glynn and Justina A. Robinson. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2014. P. 307–342.
- Janda L.A.* Quantitative methods in Cognitive Linguistics: An Introduction // Janda, Laura A. (ed.) *Cognitive linguistics. The quantitative turn. The essential reader.* Berlin: De Gruyter Mouton (Mouton Reader), 2013. P. 1–31.
- Johnson M.* The aesthetics of Meaning and Thought: The bodily roots of philosophy, science, morality, and art. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2018.
- Latour B., Steve W.* Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Locke J.* An essay concerning human understanding. The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series, Jim Manis, Faculty Editor. Hazleton, 1999.
- The Clarendon Edition of the Works of John Locke: An Essay Concerning Human Understanding [Электронный ресурс] / Ed. by Nidditch Peter H. Clarendon, 1975. (published online 2013). – Режим доступа:
<https://www.oxfordscholarlyeditions.com/view/10.1093/acrade/9780198243861.book.1/acrade-9780198243861-book-1>
- Rychlý P.* A Lexicographer-Friendly Association Score // RASLAN, 2008. P. 6–9.
- Schuurman P.* Willem Jacob's Gravesande's Philosophical Defence of Newtonian Physics: On the Various Uses of Locke // In Peter R. Anstey (ed.), *The Philosophy of John Locke: New perspectives.* Routledge, 2003. P. 43–57.
- Shapiro L.* Instrumental or Immersed Experience: Pleasure, Pain and Object Perception in Locke // *The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science* / Ed. by Charles T. Wolfe; Ofer Gal. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2006. P. 265–286. (Studies in history and philosophy of science. Vol. 25).

References:

- Baroni M., Evert S.* Statistical methods for corpus exploitation // *Corpus Linguistics. An International Handbook* / Ed. by A. Lüdeling and M. Kytö. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Article 36. P. 777–803.
- Dem'yankov V.Z.* Yazykovye tekhniki «transfera znanij» [Language techniques of “knowledge transfer”] // *Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: metody, principy, tekhnologii: kollektivnaya monografiya.* M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2016. P. 61–85. (In Russian).
- Dewhurst K.* A Review of John Locke's Research in Social and Preventive Medicine [Electronic resource] // *Bulletin of the History of Medicine: The Johns Hopkins University Press*, 1962, Vol. 36. No. 4 (July-August, 1962). P. 317–340. – Available at: <https://www.jstor.org/stable/44449184>
- Ducheyene S.* ‘Newtonian’ Elements in Locke, Hume, or: How far can one stretch a label? *Enlight book*, 2010. 15/9. P. 62–95.
- Evert S., Krenn, B.* Exploratory Collocation Extraction [Electronic resource]. – Available at: <https://www.ofai.at/~brigitte.krenn/papers/evert-krenn.pdf>
- Flanagan O.* Varieties of moral personality: Ethics and psychological realism. Harvard University Press, 1991.
- Glynn D.* Techniques and tools: Corpus methods and statistics for semantics // *Corpus methods for Semantics: Quantitative studies in polysemy and synonymy* / Ed. by Dylan Glynn and Justina A. Robinson. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2014. P. 307–342.
- Janda L.A.* Quantitative methods in Cognitive Linguistics: An Introduction // Janda, Laura A. (ed.) *Cognitive linguistics. The quantitative turn. The essential reader.* Berlin: De Gruyter Mouton (Mouton Reader), 2013. P. 1–31.
- Johnson M.* The aesthetics of Meaning and Thought: The bodily roots of philosophy, science, morality, and art. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2018.
- Latour B., Steve W.* Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Locke J.* An essay concerning human understanding. The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series, Jim Manis, Faculty Editor. Hazleton, 1999.

- Lokk Dzhon*. Opyt o chelovecheskom razumenii [Experience about human understanding] / Per. A.N. Savina. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. 864 p. (In Russian).
- Manerko L.A.* Metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya korpusnyh dannyh v issledovaniyah po kognitivnoj lingvistike [Methodological bases for the use of corpus data in research on cognitive linguistics] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 33: Kognitivnye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh / Pod red. L.A. Furs. M.: Institut yazykoznaniya RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2018. P. 70–78. (In Russian).
- Manerko L.A.* Metodologicheskoe svoeobrazie primeneniya korpusnyh dannyh v kognitivnykh issledovaniyah [Methodological originality of the use of corpus data in cognitive research] // Yazyk i nauka v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya: Mat-ly III mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konf. V 2-h chastyah. Ch. I. Pyatigorsk, 2019. P. 8–18. (In Russian).
- Manerko L.A.* Razvitie teorii valentnosti v svyazi s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologij [Development of the theory of valency in connection with the use of computer technologies] // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj nauchnomu naslediyu prof. M.D. Stepanovoj i ee dal'nejshemu razvitiyu (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya). M.: Izd-vo MGLU, 2001. P. 92–95. (In Russian).
- Modelirovanie v korpusnoj lingvistike: specializirovannye korpusy russkogo yazyka [Modeling in corpus linguistics: specialized corpora of the Russian language] / Otv. red. V.P. Zaharov. SPb: Izd-vo SPb un-ta, 2019. 208 p. (In Russian).
- Rychlý P.* A Lexicographer-Friendly Association Score // RASLAN, 2008. P. 6–9.
- Schuurman P.* Willem Jacob's Gravesande's Philosophical Defence of Newtonian Physics: On the Various Uses of Locke // In Peter R. Anstey (ed.), The Philosophy of John Locke: New perspectives. Routledge, 2003. P. 43–57.
- Shapiro L.* Instrumental or Immersed Experience: Pleasure, Pain and Object Perception in Locke // The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science / Ed. by Charles T. Wolfe; Ofer Gal. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2006. P. 265–286. (Studies in history and philosophy of science. Vol. 25).
- Sharapkova A.A., Manerko L.A.* Stanovlenie terminosistemy filosofii morali v trudah Dzh. Lokka: novatorstvo i dan' tradicii [The formation of the terminological system of moral philosophy in the works of J. Locke: innovation and tribute to tradition] // 2022. (v pechati) (In Russian).
- The Clarendon Edition of the Works of John Locke: An Essay Concerning Human Understanding [Electronic resource] / Ed. by Nidditch Peter H. Clarendon, 1975. (published online 2013). – Available at: <https://www.oxfordscholarlyeditions.com/view/10.1093/actrade/9780198243861.book.1/actrade-9780198243861-book-1>
- Zaharov V.P., Bogdanova S.Yu.* Korpusnaya lingvistika [Corpus linguistics]. 3-e izd. SPb: Izd-vo SPb un-ta, 2020. 234 p. (In Russian).

Мешкова Елена Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Meshkova Elena
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СРАВНЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ОРИГИНАЛ И АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД

SIMILES IN M. LERMONTOV'S POETIC DISCOURSE: ORIGINAL AND ENGLISH TRANSLATION

В данной работе предпринята попытка дифференцированно подойти к оценке художественной значимости широко распространенного в поэтическом дискурсе М.Ю. Лермонтова приема сравнения, как в оригинальном лермонтовском тексте, так и в английском переводе. Под поэтическим дискурсом Лермонтова мы будем понимать его поэтические произведения как находящиеся в диалектическом взаимодействии с авторским замыслом, с одной стороны, и читательским восприятием, с другой. Нас будут интересовать основные особенности поэтики Лермонтова, в частности прием сравнения, и их восприятие англоязычным читателем-переводчиком. Высокая частотность использования того или иного художественного приема не означает, что данный прием при каждом его употреблении в художественном дискурсе играет существенную роль в передаче авторского замысла. Один и тот же прием может использоваться автором в одних случаях как орнаментальное средство, не несущее большой смысловой нагрузки, а в других – в силу контекстуальных связей с другими элементами художественного, и, в частности, поэтического, дискурса – как основа для создания образа, способствующего раскрытию авторского содержания-намерения. Как показало исследование материала, художественно менее значимые, орнаментальные сравнения могут существенно трансформироваться в переводе, в то время как эстетически более нагруженные элементы в целом сохраняются и в переводе и если трансформируются, то в меньшей степени.

The paper attempts to treat differentially the aesthetic value of similes in M. Lermontov's poetic discourse, both in the original and English translation. Lermontov's poetic discourse is understood here as all his poetic works being in dialectical interaction with the poet's artistic intent, on the one hand, and with reader's reception on the other. Our primary concern will be the key features of Lermontov's poetics, particularly similes, and their reception by English speaking reader and translator. A highly frequent use of this or that stylistic device does not necessarily guarantee that this device plays a significant role in rendering the aesthetic intent every time. One and the same device can be in some cases employed just ornamentally, not adding much to unravelling the artistic message, whereas in other cases it happens to be intertwined with other elements of poetic discourse thereby creating an image contributing a lot to rendering the author's poetic intent. As our research has shown, aesthetically less significant similes may be considerably transformed in translation, whereas aesthetically loaded ones are transformed to a smaller extent.

Ключевые слова: поэтический дискурс, художественный перевод, сравнение, развернутое сравнение, художественная (лингвопоэтическая) значимость стилистического приема.

Key words: poetic discourse; literary translation; simile; extended simile; aesthetic (linguopoetic) value of a stylistic device.

В данной работе мы попытаемся сопоставить особенности использования художественного приема сравнения в поэтическом дискурсе М.Ю. Лермонтова и в переводах произведений поэта на английский язык. Термин «поэтический дискурс» широко распространен в современной лингвистике и переводоведении и имеет множество

интерпретаций [см., в частности, Ковалев, 2010; Макарова, эл. ресурс; Малыгин, 2017; Монгилева, эл. ресурс;]. Актуальным, на наш взгляд, представляется следующее определение поэтического дискурса, взятое из работы Н.В. Монгилевой: «Объектом настоящего исследования выступает поэтический дискурс, представляющий собой диалектическое взаимодействие составляющих «автор – текст» и «читатель – текст», в котором текст является тем звеном, которое соединяет эстетическую деятельность продуциента (автора) и реципиента (читателя) в гетерогенное целое поэтического дискурса» [Монгилева, эл. ресурс].

Вспомним также работы Э.Н. Мишкурова, посвященные герменевтике перевода, где рассматривалась триада «автор – переводчик – читатель» [Мишкуров, 2013], при этом переводчик представлялся как посредник между автором и читателем, который, в зависимости от избранной переводческой стратегии, либо приближает читателя к автору, сохраняя чуждый культуре переводного текста колорит оригинала, либо наоборот, приближает автора к читателю, привнося в перевод элементы, характерные для культуры и языка переводного текста.

Поэтический дискурс является разновидностью художественного дискурса, который, с точки зрения междисциплинарного лингвоэстетического подхода, определяется как «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» [Фещенко, 2021, с. 16]. Дискурсивный подход к изучению словесно-художественного творчества способствует раскрытию семиотической природы и когнитивной основы данного вида речевой деятельности человека [см., в частности, Манерко, 2013; Миронова, 2018].

Под поэтическим дискурсом Лермонтова мы будем понимать его поэтические произведения как находящиеся в диалектическом взаимодействии с авторским замыслом, с одной стороны, и читательским восприятием, с другой. Нас будут интересовать основные особенности поэтики Лермонтова, частности прием сравнения, и их восприятие англоязычным читателем-переводчиком.

Широкое использование сравнений является одной из существенных особенностей лермонтовского поэтического дискурса [Фишер, эл. ресурс; Косяков, эл. ресурс]. Лермонтова можно назвать мастером поэтического сравнения: данный прием у него нередко отличается красочностью и структурной сложностью – сравнения у Лермонтова могут быть весьма развернутыми и сочетаться с другими стилистически маркированными единицами, например:

Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно...
[Лермонтов, эл. ресурс].

В данном случае внутри сравнения имеется инверсия («надписью златой покрытый донизу клинок») и сравнение распространяет одну из однородных деепричастных конструкций («Сверкая желтою спиной»).

Или:
В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.
[Лермонтов, 1841, эл. ресурс].

Здесь сравнения распространяют антитезу: внешнее положительное качество («прекрасна») противопоставлено отрицательным душевным свойствам («коварна и зла»). Антитеза подчеркивается «зеркальным» синтаксическим построением: признак («прекрасна») – сравнение («как ангел небесный»), сравнение («как демон») – признак («коварна и зла»).

Высокая частотность использования того или иного художественного приема не означает, что данный прием при каждом его употреблении в художественном дискурсе играет существенную роль в передаче авторского замысла. Данный стилистический прием может использоваться как чисто орнаментальное средство в описательных частях текста, как например в самом начале романтической поэмы «Мцыри»:

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод.

[Лермонтов, 2018, с. 359].

Сравнения, в том числе развернутые, могут использоваться и в тех частях поэтического дискурса, где лирический герой Лермонтова философски рассуждает о своей жизни. Так в главе двадцать первой той же поэмы читаем:

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

[Там же, с. 387–388]

В данном случае развернутое сравнение используется не как чисто орнаментальный прием для усиления выразительности текста, но создает романтический образ, способствующий передаче идейно-художественного содержания всего произведения, а именно мысль о том, что гибель Мцыри, его неудача обрести свободу обусловлена его воспитанием в неволе, в стенах монастыря. Художественная нагрузка развернутого сравнения здесь весьма существенна. А.А. Липгарт предлагает в таких случаях говорить об

актуализированном речепотреблении стилистически маркированной языковой единицы и реализации ею ассоциативной лингвопоэтической функции [см. Липгарт, 1996, с. 25–31].

Если мы обратимся к одному из переводов «Мцыри» на английский язык, обнаружим, что сравнение, не несущее существенной художественной нагрузки, значительно трансформируется:

Where merge Aragva and her twin,
Kura, and fast rush onward, in
Times past, a lonely cloister stood:
By fields, a dense and o'ergrown wood
Encircled 'twas...
[Petrenko, 1999]

Вместо сравнения в комбинации с олицетворением «обнявшись, будто две сестры» переводчик употребляет в качестве олицетворения существительное “twin” («близнец»), меняя таким образом синтаксическую структуру и отчасти смысл. Развернутое же сравнение в двадцать первой главе сохранено как развернутое сравнение, но яркость поэтического образа несколько снижается, поскольку вместо «цветка» переводчик пишет “plant” («растение»), а вместо «роз» – “flowers” («цветы»):

My prison had on me its mark
Left: like a plant that in a dark
Cell springs to life, so was I; lone
And sapless, 'twixt two slabs of stone
It slowly sprouts, not daring to
Spread its young leaves, and, pale of hue,
Waits for the sun.... Its grieve does move
The hand of pity to remove
It to a garden from the gloom
Of dank and murky cell; flowers bloom
About it, all is bliss and cheer
And sweetness.... But our prisoner
Cannot survive, and with the rise
Of dawn, 'tis scorched by sun and dies!
[Там же]

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что менее значимые в художественном отношении элементы поэтического дискурса могут существенно трансформироваться в переводе, художественно более значимые также могут изменяться,

но в общем их роль в передаче идейно-художественного содержания сохраняется и в переводе: та же мысль о неспособности героя обрести свободу в силу того, что он вырос в неволе, и в переводе передана при помощи развернутого сравнения, пусть и менее красочного.

Как писал Эткинд, художественный перевод невозможен без жертв и замен [см. Эткинд, эл. ресурс]. Вопрос в том, чем жертвует переводчик выполняя транспозицию поэтического дискурса с одного языка на другой. В хороших переводах – то есть таких, в которых передано идейно-художественное содержание автора оригинального произведения, – приемы, несущие существенную эстетическую нагрузку, меньше подвергаются трансформациям, а в жертву приносятся эстетически менее нагруженные элементы дискурса.

В целом характеризуя интерпретацию особенностей поэтического дискурса Лермонтова в проанализированном нами переводе поэмы «Мцыри», можно говорить о сохранении и незначительной в смысловом плане трансформации художественно значимых элементов текста. Переводческая стратегия, примененная в данном случае, может быть названа стилистической доместикацией [о форенизации и доместикации см., в частности, Мишкурков, 2013], поскольку перевод по своим стилистическим особенностям напоминает произведение классической английской поэзии [см. также Мешкова, 2020].

Итак, сравнения в лермонтовском поэтическом дискурсе являются достаточно частотным приемом, нередко характеризуются сложностью синтаксической структуры и сочетанием с другими стилистически маркированными элементами поэтического дискурса. В плане передачи авторского содержания-намерения лишь отдельные распространенные сравнения несут значительную художественную нагрузку, способствуя созданию образов, передающих художественный смысл произведения. Сравнения в дискурсе Лермонтова используются и как чисто орнаментальный элемент, не вносящий весомый вклад в передачу идейно-художественного содержания текста. Последние имеют тенденцию трансформироваться в переводе в большей степени, чем эстетически более нагруженные сравнения.

Список литературы:

- Ковалев П.А.* Поэтический дискурс русского постмодернизма: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Ковалев Петр Александрович. Орел, 2010. 558 с.
- Косяков Г.В.* Метафизическая природа библейских сравнений в лирике М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskaya-priroda-bibleyskih-sravneniy-v-lirike-m-yu-lermontova/viewer>
- Лермонтов М.* Тамара [Электронный ресурс] / Лермонтов М. Стихи. 1841. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/36775/tamara>

- Лермонтов М.Ю.* Мцыри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/991/p.1/index.html>
- Лермонтов М.Ю.* Лирика. Мцыри. СПб., М.: Речь, 2018.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI–XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. С. 25–31.
- Макарова Л.С.* Поэтический дискурс и перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova>
- Мальгин В.Т.* О возможностях перевода поэтического дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 78–87.
- Манерко Л.А.* Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
- Мешкова Е.М.* Поэма М.Ю. Лермонтова Мцыри в переводе на английский язык // Тарханский вестник (2020, вып.31, Государственный Лермонтовский музей-заповедник Тарханы). Государственный Лермонтовский музей-заповедник Тарханы, 2020. С. 63–70.
- Миронова Н.Н.* Семиотика дискурса как механизм формирования когнитивного пространства литературного произведения // Когнитивные исследования языка. Вып. 34. С. 543–546.
- Мишуров Э.Н.* О «Герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (Часть III) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 3–29.
- Монгилева Н.В.* Семантическое пространство поэтического дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/semanticheskoe-prostranstvo-poeticheskogo-diskursa>
- Фещенко В.В.* Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16–35.
- Фишер В.М.* Поэтика Лермонтова [Электронный ресурс] // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 196–236. – Режим доступа: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/fisher/poetika-lermontova.htm>
- Эткинд Е.Г.* Об условно-поэтическом и индивидуальном (Сонеты Шекспира в русских переводах) [Электронный ресурс] / Е. Эткинд. Мастерство перевода: 1966. М., Советский писатель, 1968. – Режим доступа: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_etkind.txt
- Petrenko M. Mtsiri / Mikhail Lermontov; III. Сан-Франциско, 1999. 24 с.*

References:

- Ehtkind E.G.* Ob uslovno-poeticheskom i individual'nom (Sonety Shekspira v russkikh perevodakh) [On conventionally poetic and individual (Shakespeare's sonnets in Russian translations)] [Electronic resource] / E. Ehtkind. Masterstvo perevoda: 1966. M., Sovetskii pisatel', 1968. – Available at: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_etkind.txt (In Russian).
- Feshchenko V.V.* Khudozhestvennyi diskurs: k opredeleniyu termina v perspektive lingvoestetiki [Artistic discourse: towards the definition of the term in the prospect of linguoesthetics] // Novyi filologicheskii vestnik. 2021. № 1 (56). P. 16–35. (In Russian).
- Fisher V.M.* Poetika Lermontova [Lermontov's poetics] [Electronic resource] // Venok M. Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik. M.; Pg.: Izd. t-va "V.V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh", 1914. P. 196–236. – Available at: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/fisher/poetika-lermontova.htm> (In Russian).
- Kosyakov G.V.* Metafizicheskaya priroda bibleiskikh sravnenii v lirike M.Yu. Lermontova [Metaphysical nature of biblical similes in the lyrics of M.Y. Lermontov] [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskaya-priroda-bibleyskikh-sravneniy-v-lirike-m-yu-lermontova/viewer> (In Russian).
- Lermontov M.* Tamara [Electronic resource] / Lermontov M. Stikhi. 1841. – Available at: <https://www.culture.ru/poems/36775/tamara> (In Russian).
- Lermontov M.Yu.* Mtsyri [Electronic resource]. – Available at: <https://ilibrary.ru/text/991/p.1/index.html> (In Russian).
- Lermontov M.Yu.* Lirika. Mtsyri [Lyrics. Mtsiri]. SPb., M.: Rech', 2018. (In Russian).
- Lipgart A.A.* Lingvopoeticheskoe issledovanie khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika (na materiale angliiskoi literatury XVI–XX vv.) [Linguopoetic study of a literary text: theory and practice (on the material of English literature of the 16th-20th centuries)]: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. M., 1996. P. 25–31. (In Russian).

- Makarova L.S.* Poeticheskiy diskurs i perevod [Poetic Discourse and Translation] [Electronic resource]. – Available at: <http://vestnik.adygnet.rufilies/2005.2/132/makarova> (In Russian).
- Malygin V.T.* O vozmozhnostyakh perevoda poeticheskogo diskursa [About the possibilities of translating poetic discourse] // Mir lingvistiki i kommunikatsii: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal. 2017. № 4. P. 78–87. (In Russian).
- Manerko L.A.* Struktury znaniy, predstavlenyye v khudozhestvennom i akademicheskom diskursakh [Knowledge structures embodied in fictional and academic discourse] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2013. № 1. P. 100–118. (In Russian).
- Meshkova E.M.* Poehma M.Yu. Lermontova Mtsyri v perevode na angliiskii yazyk [M. Lermontov's "Mtsiri" in the English translation] // Tarkhanskii vestnik (2020, vyp.31, Gosudarstvennyi Lermontovskii muzei-zapovednik Tarkhany). Gosudarstvennyi Lermontovskii muzei-zapovednik Tarkhany, 2020. P. 63–70. (In Russian).
- Mironova N.N.* Semiotika diskursa kak mekhanizm formirovaniya kognitivnogo prostranstva literaturnogo proizvedeniya [Discourse semiotics as a cognitive space mechanism of a literary work] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 34. P. 543–546. (In Russian).
- Mishkurov Eh.N.* O «Germenevticheskom povorote» v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (Chast' III) [On the "hermeneutical turn" in the contemporary theory and methodology of translation (Part III)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2013. № 3. P. 3–29. (In Russian).
- Mongileva N.V.* Semanticheskoe prostranstvo poeticheskogo diskursa [Semantic space of poetic discourse] [Electronic resource]. – Available at: <https://www.dissercat.com/content/semanticheskoe-prostranstvo-poeticheskogo-diskursa> (In Russian).
- Petrenko M.* Mtsiri / Mikhail Lermontov; III. San-Frantsisko, 1999. 24 p.

Миронова Надежда Николаевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mironova Nadezhda
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОММЕНТАРИЯХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE TRANSLATORS' COMMENTS

Комментарии переводчиков как вторичный жанр в переводческом дискурсе имеют большое значение для понимания концепций автора литературного произведения в иноязычной и инокультурной коммуникации. Переводческие комментарии можно разделить на лингвосомиотические и лингвокультурные, при этом лингвосомиотические переводческие комментарии в соответствии с представлениями языковых знаков в семиотике подразделяются на семантические, синтаксические и прагматические переводческие комментарии. Лингвокультурные переводческие комментарии опосредованы различиями в культурах носителей языка оригинала и языка перевода. В статье рассматриваются комментарии В.В. Набокова, Ю.М. Лотмана, А. Берлина, Д.Р. Хофштедта к произведениям А.С. Пушкина.

Translators' comments as a secondary genre in translation discourse are of great importance for understanding the concepts of the author of a literary work in foreign language and foreign cultural communication. Translation comments can be divided into linguosemiotic and linguocultural, while linguosemiotic translation comments, in accordance with the representations of language signs in semiotics, are divided into semantic, syntactic and pragmatic translation comments. Linguocultural translation comments are mediated by differences in the cultures of native speakers of the original language and the target language. The article discusses the comments of V.V. Nabokov, Yu.M. Lotman, Berlina A. Hofstadter, Douglas R. to the works of A.S. Pushkin.

Ключевые слова: комментарий переводчика, переводческий дискурс, иноязычная и инокультурная коммуникация, лингвосомиотика, языковой знак.

Key words: translator's comment, translation discourse, foreign language and foreign cultural communication, linguosemiotics, language sign.

Наука о переводе сегодня – это динамично развивающаяся отрасль гуманитарного знания с четко обозначившимися в последнее время тенденциями перехода от эмпиризма к рационализму, включая технологические методы обработки текстов на ИЯ и ПЯ, с одной стороны, и методы исследования теории дискурса, лингвистической концептологии и лингвосомиотики, с другой стороны.

Одной из примет современных исследований по переводоведению можно считать и взаимодействие лингвистики текста и лингвосомиотики, что позволяет разграничивать литературные тексты как разноуровневые знаки: первичные и вторичные как на ПЯ, так и ИЯ. Особое место в этой парадигме занимает переводческий комментарий. Ю.М. Лотман, ссылаясь на книгу С.А. Рейсера, приводит следующее определение комментария: «Независимо от того, для какой читательской категории комментарий предназначен, он не

представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему – он должен помочь читателю понять текст. Комментарий – спутник текста» [Лотман, 2014, с. 5]. Комментарии к литературному тексту, *пояснения*, по Ю.М. Лотману, имеют двойной характер, это: текстуальные и концепционные пояснения.

Текстуальные пояснения отображают смысл произведения в комментариях на ПЯ или ИЯ, концепционные пояснения содержатся в теоретических статьях и монографиях.

В других работах по изучению комментариев [Дондукова, 2013] предлагают классифицировать комментарии как аргументацию или критику переводческого решения, при этом констатируется, что комментарий возникает вокруг определенного лингвистического события, требующего линейного отклонения от текста ПЯ. Понятие «лингвистическое событие» для обозначения явления системы языка или культурного феномена образует основу для комментария в том случае, если данное «лингвистическое событие» содержит определенные трудности для переводчика, что побуждает переводчика к отклонению от линейной последовательности текста оригинала и написанию комментария.

По содержательному критерию были выделены следующие разновидности переводческого комментария: лингвокультурные и лингвосемиотические. Последние включают в себя, согласно Ч. Моррису, семантические, синтаксические и прагматические характеристики языковых знаков. Что касается лингвокультурных переводческих комментариев, то они поясняют различия в культурах языка оригинала и перевода [Гарбовский, 2016, Липгарт, 2008].

В отечественной литературе образцами комментирования стали фундаментальные работы В.В. Набокова [Nabokov, 1981; Набоков, 1998] и Ю.М. Лотмана [Лотман, 2017], посвященные творчеству А.С. Пушкина. Оба комментария по жанровой принадлежности можно охарактеризовать как научно-исторические комментарии.

В своей статье «О лингвистических аспектах перевода» Р.О. Якобсон, говоря о трех способах интерпретации вербального знака, перечисляет три вида перевода:

- 1) Внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка.
- 2) Межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка.
- 3) Межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Якобсон, 1988, с. 361].

Как мы видим, в переводческом комментарии используются внутриязыковой перевод и межъязыковой перевод. Первый, основанный на отечественных источниках, мы

встречаем в комментариях Ю.М. Лотмана; в комментарии В.В. Набокова присутствуют и первый, и второй виды перевода, так как его комментарий касается и носителей русского языка, когда он комментирует роман, и носителей английского (американского варианта английского языка), когда он интерпретирует свой перевод с русского на английский, ссылаясь на западноевропейские и американские источники.

Интерпретации пушкинских текстов, предложенные В.В. Набоковым, до настоящего времени популярны среди переводчиков-славистов во всем мире, так как весьма облегчают им задачу понять как явные, так и скрытые аллюзии, которыми переполнены пушкинские тексты, с одной стороны, и освоить культурно-исторические реалии российского общества XIX века, с другой стороны. Комментарии Ю.М. Лотмана оказали большое влияние на создание и развитие литературоведческой школы в Тарту, впоследствии сформировавшейся в Тартуско-московскую семиотическую школу.

Взгляды В.В. Набокова на перевод и переводчика были реализованы им в трехтомном комментарии к его переводу романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», написанные в 1950-годы и опубликованные в 1964 году [Nabokov 1981; Набоков 1998]).

В комментариях к тексту романа В.В. Набоков анализирует язык Пушкина, сюжет романа, лингвокультурные реалии. Переплетение семантики дискурса романа с историческими, биографическими, социальными, эпистолярными и переводческими реалиями создает неповторимый и оригинальный по своей форме и своему содержанию комментарий, который может рассматриваться как самостоятельное произведение писателя.

В.В. Набоков проявил себя как тонкий исследователь лексической семантики, примерами может служить перевод названий растений «черемуха» и «акация», охватывающий образные ассоциации носителей русского языка. Так, В.В. Набоков поясняет, что семантика слова «черемуха» и его звуковой образ связаны с приятными ассоциациями русских читателей, поэтому и для английских (американских) читателей он подбирает слово *gasemosa*, образованном им от прилагательного *gasemose*. Переводческая критика невысоко оценила перевод В.В. Набокова, но теория перевода, по моему мнению, приобрела уникальное исследование в междисциплинарной области, объединяющей переводоведение с контрастивной лингвистикой, лингвистикой текста, семиологией, теорией дискурса. Последняя дисциплина стала основой для анализа переводческого дискурса самого В.В. Набокова как писателя и переводчика.

Дальнейшая разработка классификаций жанров переводческих комментариев базируется в современном переводоведении на основе *когнитивных стратегий*. Под когнитивными стратегиями переводчика понимают стратегии комментирования, при

помощи которых формируется соотношение знаний переводчика и адресата. Типология комментариев была построена в зависимости от оценки переводчиком уровня собственных знаний и уровня знаний адресата. Различают две разновидности переводческого комментария, а именно: авторитарный и эгалитарный переводческий комментарий. Авторитарный переводческий комментарий основан на авторитарной стратегии переводчика, которая реализуется в тех случаях, когда переводчик оценивает собственные знания выше, чем знания адресата. Такая когнитивная разновидность комментария может быть связана с социальным статусом переводчика-преподавателя, адресуящего свои комментарии студентам, либо может свидетельствовать об уверенности переводчика в собственных знаниях, когда он использует собственное мнение как аргумент к выбору варианта перевода. Эгалитарный переводческий комментарий базируется на основе эгалитарной стратегии переводческого комментария, который актуализируется в тех случаях, когда переводчик придерживается мнения об адресате, как равного себе. Такие комментарии, основанные на принципе диалога, составляют большую часть профессиональных переводческих комментариев. Переводческие комментарии также проанализированы с применением когнитивного подхода. Введено понятие «когнитивная стратегия» переводчика для обозначения оценки переводчиком уровня собственных знаний и знаний адресата как основы аргументативных стратегий в ходе профессиональной интерпретации собственных или чужих переводческих решений. На основе предварительного анализа эмпирического материала были выделены две когнитивные стратегии переводчика: авторитарная и эгалитарная. Авторитарная стратегия переводческого комментария реализуется в тех случаях, когда переводчик в комментарии стремится обратить внимание читателя на себя как автора профессионально верных решений, оценивает собственные профессиональные знания выше, чем профессиональные знания других членов дискурсивного сообщества, выступающих в роли адресата. Исходя из такого понимания авторитарной стратегии переводчика, была выделена такая когнитивная разновидность комментария, как авторитарный переводческий комментарий. Авторитарные переводческие комментарии были далее разделены на комментарии, строящиеся на основе эксплицитной авторитарной стратегии, при которой переводчик открыто позиционирует собственные знания как превосходящие знания адресата, и комментарии, опирающиеся на скрытую авторитарную стратегию, маскирующую уверенность автора в собственном профессиональном превосходстве субъективной модальностью. Эгалитарная стратегия переводческого комментария представляет собой когнитивную стратегию, при которой переводчик оценивает собственные знания и знания адресата как равноценные, при этом адресат вовлекается в переводческий дискурс как

равноправный в профессиональном отношении участник речевого взаимодействия. Таким образом, в эгалитарном переводческом комментарии переводчик не противопоставляет себя адресату, а объединяет себя с ним, акцентируя внимание на идее общности, совместности в поисках переводческого решения.

Комментарии текстов А.С. Пушкина составляет на сегодняшний день десятки исследований на разных языках [Миронова, 2019]. Часто семиотическое пространство эпохи поэта представлено в весьма противоречивом виде. Так, было выявлено немало ошибочных трактовок зависимости пунктуационных знаков от выраженного в предложении (строфе) смысле, тем более что поэт иногда не использовал пунктуационный знак в конце предложения, а заканчивал фразу рисунком, виньеткой, но в печатном виде редакторы сами проставляли пунктуационные знаки. Комментарии русистов, литературоведов, культурологов к текстам А.С. Пушкина способствовали переработке уже имеющихся переводов на другие языки. Первые переводы произведений А.С. Пушкина появились еще при его жизни в 1823 году (переводы на немецкий и французский языки). Переводы «Евгения Онегина» на английский язык (британский и американский вариант) осуществили переводчики: Оливер Элтон (Oliver Elton, 1937); Дороти П. Рэдин и Джордж З. Патрик (Dorothea P. Radin and George Z. Patrick, 1937); Уолтер Арндт (Arndt, 1963); Юджин М. Кайден (Eugene M. Kayden, 1964); В.В. Набоков (1964); Чарльз Х. Джонстон (Charles H. Johnston, 1977). Они представляют различные социальные сообщества, обладают различным опытом в освоении русского лингвокультурного пространства первой половины XIX в. и разновременного англоязычного пространства, они отличаются друг от друга и различными взглядами на перевод поэтического текста, включая «индивидуальную когнитивную процедуру по установлению неязыковой (невербальной) коммуникативной интенции автора [Клушина, 2011, с. 126].

Приведем некоторые комментарии переводчиков. Так, Оливер Элтон в предисловии к своему переводу «Евгения Онегина» отмечает сложность перевода онегинской строфы из-за бедности выбора и однотипности двойных и женских рифм в английском языке. Переводчик указывает на построчный характер пушкинских стихов, каждая строфа представляет собой цельное законченное высказывание. Этого невозможно достичь в английском языке, поскольку для кратких предложений трудно найти подходящую английскую рифму. О. Элтон отказывается от следования синтаксическому делению пушкинской строфы ради сохранения коммуникативной равноценности с оригиналом. Его перевод изобилует переносами и сложными предложениями длиной в несколько строк. Д.П. Рэдин и Д.З. Патрик также не ставили себе задачу передачи пушкинской строфы. У. Арндт, профессор по русскому языку и литературе, хорошо известен как переводчик

А.С. Пушкина. За сохранение в переводе онегинской строки он удостоился высокой оценки отечественных литературоведов. Юджин М. Кайден, в предисловии к своему изданию 1964 года, пишет о невозможности перевода «Евгения Онегина» на иностранный язык из-за «поэтической формы онегинской строфы, ассонансов, речевых нюансов, ритма, рифмы, идиом – всего того, что составляет лексическое богатство пушкинской поэзии» (Kayden 1964). Свою переводческую задачу он видит в сохранении ритма пушкинского стиха, но при возможности нарушения строгого чередования мужских и женских рифм в пределах двенадцати строк при неизменном сохранении рифмы двух последних. Ради этого Кайден жертвует смысловой эквивалентностью своего перевода.

В последние десятилетия появились новые английские переводы «Энциклопедии русской жизни» (романа в стихах «Евгений Онегин») и обширные комментарии, которые в большей степени, чем прежде, отвечают задачам переводчика поэтического произведения. Особого внимания заслуживает в этой связи комментарии к пушкинским переводам когнитивиста и философа Дугласа Хофштадтера, опубликованные на английском языке в США и совсем недавно, в 2018 году, на немецком языке в ФРГ. Д. Хофштадтер сравнил четыре перевода «Евгения Онегина» на английский язык, прибегнув порой к весьма суровой критике [Hofstadter, 1999; 2018]. Так, перевод О. Элтона (1937) он считает неплохим, но не может назвать содержащихся в нем особых переводческих находок в переложении стихов А.С. Пушкина. Перевод писателя и переводчика У. Арнда (1963) с немецкого и русского языков на английский отличается, по его мнению, «немецким акцентом» (*deutscher Akzent*), которого переводчик не чувствует. Наряду с критикой синтаксического построения, достоинства данного перевода очевидны и перевод был отмечен премией Принстонского университета (США). Дословный перевод «Евгения Онегина» и обширный комментарий В.В. Набокова критик подверг уничижительному разгрому, назвал перевод «гротеском», припомнив при этом все «грехи» русского писателя. Британский дипломат, поэт и переводчик Чарлз Хелберн-Джонстон (Charles Herburn-Johnston) опубликовал свой перевод «Евгения Онегина» в 1977 году. К недостаткам этого перевода Д. Хофштадтер относит нарушения ритмики английского языка, который начинает «спотыкаться», и грамматические погрешности, хотя в передаче смысла ставит этот перевод на высокое место, сравнивая все прежние варианты. Перевод известного американского переводчика с русского языка, литературоведа Джеймса Фейлена (James E. Falen), увидевший свет в 1990 году, был весьма положительно представлен в упомянутом комментарии, как вариант, передавший замысел русского поэта во всей его полноте. Д. Хофштадтер писал: перевод Джеймса Фейлена был на голову выше работы Чарлза Джонстона во всех возможных аспектах – течение стиха было более мелодичным,

он был яснее и проще, ритм был более регулярным, рифмы – более точными. В целом, перевод Фейлена был просто более артистичным [Hofstadter, 2018].

В версиях на немецком языке поэтический гений А.С. Пушкина представлен весьма богато, начиная с прижизненных переводов и заканчивая последними переводами романа «Евгений Онегин». В 1997 году был опубликован перевод «Евгения Онегина» на немецкий язык Рольфа-Дитриха Кайля, а уже в 1998 году С. Апт в своей рецензии дал ему высокую оценку: «Рольф-Дитрих Кайль совершил великое дело, можно было бы даже сказать подвиг, если бы это слово не было так обесценено слишком частым употреблением. Он перевел на немецкий язык роман «Евгения Онегина» онегинскими строфами, с рифмами, стилистически соответствующими пушкинским, легкими, звучными стихами». И при этом сделал это настолько точно, что, если пронумеровать строки, как это делают, например, с Библией, с античными поэтами или в академических изданиях классиков, любой стих перевода будет соответствовать стиху оригинала, в чем легко убедиться, благо издательство имени Сабашниковых опубликовало немецкий перевод параллельно с подлинником [Апт, 1998].

Вариативность переводных текстов и комментариев к ним как литературоведов, так и лингвистов-славистов весьма многообразна. Новые переводы классической русской литературы нуждаются в новых комментариях. Причин этому несколько. Во-первых, требует пояснения устаревшая лексика. Во-вторых, новые переводы переводчики часто дополняют социально-политическим и историческим комментарием [Berlina, 2021, Nizberg, 2016, Thiergen 2002].

Переводческий комментарий как жанр переводческого дискурса представляет интерес для дальнейшего изучения и уточнения. Полученные в ходе исследования данные позволяют наметить перспективы дальнейшего анализа переводческого комментария в ракурсе теории речевых актов и шире – его интенциональности. Также перспективно применение теории языковой личности в целях характеристики языковой личности переводчика, проявляющейся в жанре комментария. Наконец, полезны исследования в парадигме сопоставительной лингвистики, которые могли бы обогатить знания о переводческом комментарии в различных лингвокультурах. Несмотря на то, что переводческий комментарий является лишь характерной разновидностью профессиональной речевой деятельности, такая оценка перспектив исследования не представляется нам завышенной. За комментарием как знаком скрываются важные отношения в системе социального взаимодействия, охватывающие как профессиональную, так и общечеловеческую сферы. Иными словами, это одна из областей профессиональной

речевой деятельности, за которой скрыты универсальные, равно как и уникальные закономерности вербальной коммуникации.

Переводческий комментарий как жанр переводческого дискурса представляет интерес для дальнейшего изучения и уточнения. Языковая личность переводчика реализуется в тексте комментариев разных жанров:

- семиологического (семантического, синтаксического, прагматического);
- исторического;
- социально-политического;
- лингвокультурологического;
- литературоведческого;
- когнитивного.

Интерес к русской классической литературе со стороны отечественных и иностранных студентов, аспирантов, переводчиков, языковедов и литературоведов внушают надежду на дальнейшее развитие вторичных жанров литературно-художественных произведений.

Список литературы:

- Ант С.* Пушкин по-немецки [Электронный ресурс] // Иностранная литература. М.: 1998, № 6. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/inostran/1998/6/book01.html>
- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность? // О переводе. М.: Форум, 2016. С. 213–218.
- Дондукова Г.П.* Переводческий комментарий как разновидность профессиональной речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дондукова Галина Петровна. Улан-Удэ, 2013. 148 с.
- Клушина Ю.И.* Факторы лакунарности в английских переводах «Евгения Онегина» А.С. Пушкина // Вестник ПСТГУ. III: Филология. М., 2011. Вып. 4 (26). С. 125–135.
- Липгарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. 2008. – Режим доступа: www.libfl.ru/win/nbc/books/lipgart.html
- Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С.-Петербург: Азбука, 2017. 512 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).
- Миронова Н.Н.* Семиотика стихосложения А.С. Пушкина в рецепции переводчиков // Русский язык и культура в зеркале перевода (Материалы IX Международной научной конференции, 2019, Греция). Изд-во Московского университета, Москва, 2019. С. 205–212.
- Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер с англ. С-Птб.: Набоковский фонд, 1998. 928 с.
- Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода // Избр. работы / Сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1988. С. 361–368.
- Berlina A.* Nachwort der Übersetzerin // Michail Bulgakow. Der Meister und Margarita / Aus dem Russischen neu übersetzt und mit einer Nachwort von Alexandra Berlina. München: Anaconda Verl., 2021. P. 550–571.
- Hofstadter D.R.* Hofstadter preist James Falen [Электронный ресурс] // TraLaLit. Plattform für übersetzte Literatur / Übers. aus dem Engl. v. Freyja Melsted, Julia Rosche und Felix Pütter. 25. Juli 2018. Meisterwerk. – Режим доступа: <https://www.tralalit.de/2018/07/25/douglas-r-hofstadter-preist-james-falen>
- Keil R.-D.* Jewgeni Onegin: Roman in Versen. Gießen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1980.
- Nabokov V.* Eugene Onegin. Princeton: University Press, 1981. 334 p.

Nitzberg, A. Nachwort // Fjodor Dostojewskij. Der Spieler oder Roulettenburg. Aus den Aufzeichnungen eines jungen Mannes. Roman / Aus dem Russischen neu übersetzt und herausgeg. von Alexander Nitzberg. München: dtv Verl., 2016. P. 201–210.

Thiergen P. Alexandr Puschkin: Brozu li ja vdol' ulic sumnych // Die russische Lyrik / Herausg. von Bodo Zelinsky u. Mitarb. v. Jens Herlth. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verl., 2002. P. 86–92.

References:

Apt S. Pushkin po-nemetski [Pushkin in German] [Electronic resource] // Inostrannaya literatura. M.: 1998, № 6. – Available at: <http://www.zh-zal.ru/inostran/1998/6/book01.html> (In Russian).

Berlina A. Nachwort der Übersetzerin // Michail Bulgakow. Der Meister und Margarita / Aus dem Russischen neu übersetzt und mit einer Nachwort von Alexandra Berlina. München: Anaconda Verl., 2021. P. 550–571. (In German).

Dondukova G.P. Perevodcheskii kommentarii kak raznovidnost' professional'noi rechevoi deyatelnosti [Translation commentary as a kind of professional speech activity]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Dondukova Galina Petrovna. Ulan-Udeh, 2013. 148 p. (In Russian).

Garbovskii N.K. Russkii perevodnoi diskurs: mif ili real'nost'? [Russian translated discourse: myth or reality?] // O perevode. M.: Forum, 2016. P. 213–218. (In Russian).

Hofstadter D.R. Hofstadter preist James Falen [Electronic resource] // TraLaLit. Plattform für übersetzte Literatur / Übers. aus dem Engl. v. Freyja Melsted, Julia Rosche und Felix Pütter. 25. Juli 2018. Meisterwerk. – Available at: <https://www.tralalit.de/2018/07/25/douglas-r-hofstadter-preist-james-falen> (In German).

Keil R.-D. Jewgeni Onegin: Roman in Versen. Gießen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1980. (In German).

Klushina Yu.I. Faktory lakunarnosti v angliiskikh perevodakh “Evgeniya Onegina” A.S. Pushkina [Factors of lacunarity in English translations of “Eugene Onegin” by A.S. Pushkin] // Vestnik PSTGU. III: Filologiya. M., 2011. Vyp. 4 (26). P. 125–135. (In Russian).

Lipgart A.A. Ob angliiskikh perevodakh poezii i dramaturgii A.S. Pushkina [About English translations of poetry and drama by A.S. Pushkin] [Electronic resource]. 2008. – Available at: www.libfl.ru/win/nbc/books/lipgart.html (In Russian).

Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina “Evgenii Onegin”. Kommentarii [Roman A.S. Pushkin “Eugene Onegin”. Comments]. S.-Peterburg: Azbuka, 2017. 512 p. (Azbuka-klassika. Non-Fiction). (In Russian).

Mironova N.N. Semiotika stikhoslozheniya A.S. Pushkina v retseptsii perevodchikov [Semiotics of A.S. Pushkin in the reception of translators] // Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda (Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 2019, Gretsiya). Izd-vo Moskovskogo universiteta, Moskva, 2019. P. 205–212. (In Russian).

Nabokov V. Eugene Onegin. Princeton: University Press, 1981. 334 p. (In German).

Nabokov V.V. Kommentarii k romanu A.S. Pushkina “Evgenii Onegin” [Commentary on the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”] / per s angl. S-Ptb.: Nabokovskii fond, 1998. 928 p. (In Russian).

Nitzberg, A. Nachwort // Fjodor Dostojewskij. Der Spieler oder Roulettenburg. Aus den Aufzeichnungen eines jungen Mannes. Roman / Aus dem Russischen neu übersetzt und herausgeg. von Alexander Nitzberg. München: dtv Verl., 2016. P. 201–210. (In German).

Thiergen P. Alexandr Puschkin: Brozu li ja vdol' ulic sumnych // Die russische Lyrik / Herausg. von Bodo Zelinsky u. Mitarb. v. Jens Herlth. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verl., 2002. P. 86–92. (In German).

Yakobson R.O. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On Linguistic Aspects of Translation] // Izbr. raboty / Sost. i obshch. red. V.A. Zvegintseva. M.: Progress, 1988. P. 361–368. (In Russian).

Немкина Николь Игоревна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Nemkina Nikol
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ РУССКИХ СКАЗОК НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION OF NATIONAL IMAGES OF RUSSIAN FAIRY TALES INTO CHINESE LANGUAGE

Исследования в теории перевода дают представление о переводе как особом виде межкультурной коммуникации, требующем знания не только исходного языка, но и культурной специфики его носителей. В статье рассматриваются парадигмы науки о переводе, которые, сменяя друг друга, рождали новые подходы к объяснению сущности этого явления. С развитием лингвокультурологического подхода к переводу интерес смещается с собственно языка на его связь с культурной антропологией. В статье раскрываются особенности перевода сказок, описываются наиболее оптимальные стратегии при переводе образов вымышленных героев, а также архаичных слов, заключающих в себе характерную культурную специфику.

Theory of translation gives us understanding of translation as a special kind of intercultural communication that requires not only comprehension of the source language, but also knowledge of cultural perspectives of its nation. The article reveals the paradigms of translation theory, which by replacing each other give rise to new approaches in studying this phenomenon. With the development of a linguistic and cultural approach to translation, language is described in its connection with cultural anthropology. In the article we are to point out the features of the fairy tale translation, the most appropriate strategies for translating the images of fictional creatures, as well as archaic words that contain explicit cultural characteristics.

Ключевые слова: художественный перевод, парадигма, лингвокультурологическая адаптация, образ сказочного героя, культурная специфика, стратегия перевода.

Key words: literary translation, paradigm, linguistic and cultural adaptation, the image of a fairy tale character, cultural specificity, translation strategy.

Современная наука о переводе зародилась сравнительно недавно, несмотря на то, что этот вид деятельности исчисляется тысячелетиями. Первая парадигма, сформировавшаяся в данной науке – литературно-критическая. Именно художественный перевод лег в основу данной парадигмы. Такой вид перевода «предполагает творческое преобразование подлинника с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала» [Казакова, 2002, с. 6]. Проблемы перевода текстов художественных произведений исследуются особой лингвистической наукой – теорией художественного перевода, у истоков которой стоит А.М. Горький. В процессе формирования литературно-критической парадигмы ученые придерживались разных взглядов относительно того, как следует поступать переводчику. С одной стороны,

говорилось, что художественный перевод сродни труду писателя, поскольку передача всех смыслов, заключенных в исходном речевом произведении – задача не из легких, тогда как с другой, утверждалось, что переводчик должен всецело забыть себя, поскольку переводы, в противовес всем авторским амбициям, должны быть анонимными. Действительно, художественный перевод можно назвать литературным творчеством. «Сложность перевода текстов художественных произведений объясняется и необычайно высокой смысловой “нагруженностью” каждого слова – ведь переводчику приходится не только переводить текст с другого языка, а создавать его по смыслу заново с отличным “видением” мира, а, следовательно, специфическими способами осознания и отражения мира в разных языках; и различием культур, к которым принадлежат языки перевода и оригинала: арабский читатель легко узнает в тексте намек на сюжеты Корана, а европеец этих реминисценций может не заметить» [Горбачевский, 2001, с. 202].

Исходя из этого становится очевидным, что дословный перевод не в состоянии отразить весь смысл и глубину текста произведения. В связи с этим, литературный перевод невозможен без всеобъемлющего осмысления оригинала. Чтобы выполнить эту сложную задачу переводчик должен обладать особым мастерством – умением интерпретировать игру слов чувством языковой формы, способностью передачи художественного образа. «Между исходным художественным произведением и художественным переводом этого произведения переводчик устанавливает неустойчивое и, по всей видимости, относительное равновесие на основе своего личного языкового и культурного опыта, индивидуального видения мира» [Казакова, 2002, с. 5].

С рождением новой научной парадигмы в исследованиях перевода в середине XX в., на смену литературоведческому подходу к переводу художественного текста приходит лингвистический. «Язык – неременный участник переводческого процесса, поэтому изучать перевод в категориях и понятиях лингвистики вполне естественно» [Федоров, 1983]. Формирование данной парадигмы обусловлено попытками объяснить сущность перевода с помощью дескриптивной теории структурной и функциональной лингвистики, дидактически ориентированной теории и теории эквивалентности. Остановимся подробнее на последней.

Эквивалентность означает отношения между исходным сообщением и его переводом, заключающиеся в совпадении по смыслу, значению, содержанию, выразительным и дедуктивным возможностям. Эквиваленты, в свою очередь, означают межъязыковые соответствия, установившиеся традицией языковых и культурных контактов на основе аналогии денотатов. Благодаря отсутствию многозначности эквивалентности для переводчика выступают в качестве той базы, на которую он опирается в

процессе перевода. Именно эти сегменты речи раскрывают переводчику то, что хотел сказать автор. По мнению Я.И. Рецкера, «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер, 2007, с. 74]. К эквивалентам он относит географические названия, имена собственные и отраслевые термины. Понятие многоступенчатого переводческого эквивалента приобретает достаточно четкие очертания в теории Г. Егера. Он приходит к понятию коммуникативной эквивалентности через понятие коммуникативной значимости, которая и составляет основу этого типа эквивалентности.

На рубеже XX и XXI веков начинает оформляться новый подход к изучению перевода как науки – междисциплинарный. Согласно данному подходу, переводчик должен одновременно решать множество вопросов не только лингвистического, но и социального, психологического, этнографического, культурологического и других характеров. Когнитивные науки, теория речевых актов, теория информации вывели науку о переводе на новый уровень теоретизации, привлекая внимание ученых разных областей исследований.

Когнитивная лингвистика как новая парадигма лингвистического знания признается многими теоретиками перевода перспективной для исследования лингвистических явлений «с точки зрения того, какие процессы приводят к их формированию и каким образом они выбираются и используются носителем языка в процессе коммуникации» [Беляевская, 2006, с. 76]. Смещение центра внимания с способов перевода (буквальный или свободный) на процесс перевода, способствует всеобъемлющему осмыслению различных механизмов и алгоритмов получения качественного финального продукта. Когнитивная модель перевода предполагает моделирование посредством восприятия одного вида информации с последующей ее трансформацией в другой вид. С оформлением данной модели пришло четкое понимание разграничения устного и письменного переводов как разных видов деятельности, в которых задействованы разные когнитивные механизмы, проявляются различные уровни активизированного сознания через различные типы операций. На сегодняшний день с применением терминологического аппарата других смежных дисциплин, анализ речемыслительных процедур выходит за рамки лингвистики, усложняя профессиональную модель переводчика, меняя традиционные представления о переводческой деятельности.

Попытки выйти за пределы лингвистики и взглянуть на переводческий опыт с позиции культурной антропологии породили массу сравнительных лингвокультурологических работ. Связь между языковыми знаками и скрытыми за ними явлениями культуры очевидна. Переводческое декодирование знаков, скрывающих культурные явления чужого этноса, невозможно без познания этого этноса. Все это

способствовало формированию лингвокультурологической (далее: ЛК) парадигмы в науке о переводе, которая изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и исследует «этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты, отражающие новую систему ценностей» [Воробьев, 1996, с. 4]. Очевидна связь между языковыми знаками и скрытыми за ними культурными явлениями чужого этноса, где расшифровка знаков невозможна без познания этого этноса. Так, В.В. Воробьев, в качестве единицы исследования предлагает лингвокультурему, лексическую единицу, которая объединяет в себе лингвистическое и экстралингвистическое (понятийное и предметное) содержание. В понимании В.В. Воробьева, «лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак» [Воробьев, 2008, с. 45]. При этом ЛК анализ опирается исключительно на лексические единицы, культурно маркированные словосочетания, особенно те, которые принадлежат сфере нематериальной культуры [Брагина, 1999, с. 132–133, 136], а также «фоновая лексика». Последний термин представляет собой слова с неполной эквивалентностью фонов, который обусловлен существованием дополнительных признаков, критериев, по которым предмет включается или не включается в объем лексического понятия [Верещагин, Костомаров, 1973, с. 59]. Вместе с тем, считается, что «анализу должны быть подвергнуты и грамматические явления, поскольку дух народа ищет выхода и находит отражение и на уровне фонетики, и на уровне грамматики, и на уровне лексики, и на уровне текста» [Иванова, Чанышева, 2010, с. 106].

ЛК в переводе тесно связано с таким понятием, как «адаптация», которая представляет собой определенный вид преобразования исходного сообщения с целью полной передачи колорита оригинального произведения, исключая при этом любые недопонимания, связанные с межкультурными различиями. Однако к адаптации следует подходить с осторожностью, поскольку, облегчая понимание смысла оригинального произведения, у получателя может сложиться ложное представление об однообразии явлений. Перед переводчиком стоит задача поиска похожей ситуации, которую можно использовать в качестве эквивалента. Кроме того, в современной переводческой практике к адаптации обращаются значительно реже, чем к другим формам трансформации исходного сообщения, в связи с тем, что она в большой степени искажает представления об иной культуре. Тем не менее, иногда необходимо прибегнуть к адаптации именно для того, чтобы сохранить комплексную систему смыслов исходного произведения и добиться соответствующего коммуникативного эффекта. Понятие адаптации как нельзя полно

охарактеризовал Жорж Бастин. «Адаптация – это действие, всегда выполняемое осознанно, и посредничество, осуществляемое с помощью решений или предпочтений, которые в конечном счете становятся методами или процедурами». Адаптация текстов может называться «лингвокультурной» тогда, когда тексты наполнены реалиями, фразеологизмами, и в то же время в них отражены национальные особенности культуры. «Адаптация таких текстов является в равной степени социокультурной и лингвистической» [Фаненко, 2001, с. 70–74].

Любой переводчик должен ответственно подходить к выбору стратегий и методов перевода, особенно при передаче культурной специфики и национальных особенностей определенного социума. Не следует полностью подстраивать текст под реалии получателя, важно помнить о сохранении уникальности явлений, отраженных в исходном тексте. ЛК адаптация текста необходима тогда, когда в нем встречаются следующие элементы:

1. Идиоматические выражения и игра слов, требующие определенных фоновых знаний в новой языковой среде;
2. Безэквивалентная лексика: лакуны, культурные реалии, отсутствующие в языке перевода, специальная терминология, аббревиатуры, имена собственные, топонимы;
3. Присутствие в исходном тексте элементов интертекстуального характера, которые могут быть не знакомы носителям языка перевода (аллюзии, цитаты, отсылки к историческим событиям или персоналиям) [Зубенина, 2015, с. 75].

Таким образом, ЛК адаптация чрезвычайно важна при переводе произведений с ярко выраженными культурными особенностями. К таким произведениям в первую очередь относятся фольклорные тексты, а именно народные сказки, высокая степень национальной окрашенности которых – требует наибольшей «аккультурации» текста.

Для сказки как жанра художественной литературы характерны традиционность формы выражения, а также сохранение образов и сюжетов в течение долгого времени. Образы, созданные человеком в процессе познания мира, приводят к появлению вымышленных существ, обладающих яркой национальной спецификой. Национально-специфический компонент сознания определяется на этапе формирования этноса под влиянием природно-климатических условий. После формирования лингвокультурологических компонентов нации, видение человеком мира так же, как и мышление больше не изменяются, однако многие факторы, повлиявшие на менталитет общества, закрепляются в языке. Тем самым представляется возможным передача этнической, социальной и культурной особенностей коллектива. «Выражение содержания подлинника средствами другого языка предусматривает также выход за его пределы, так как наряду со знанием языка оригинала переводчику необходимо знание культуры, быта и

нравов народа, в среде которого создано произведение» [Зиновьева, 2014, с. 767]. Иными словами, при переводе сказок следует учитывать не только языковые, но и внеязыковые аспекты. «Текст не автономен и не самодостаточен – он основной, но не единственный компонент речемыслительной деятельности человека» [Манерко, 2013, с. 106].

Трудными для перевода являются имена собственные, а также вымышленные имена и названия, многие из которых – весьма своеобразны и национально специфичны. Особый интерес для перевода представляют сложные двойные «говорящие» сказочные имена. «Двухкомпонентные и многокомпонентные сказочные имена выполняют помимо прочего специфическую сказочную функцию – характеристику героев. В большинстве случаев такие имена передаются в переводе калькированием или (реже) сочетанием калькирования с другими способами: обычно – с транскрипцией (транслитерацией), в единичных случаях – описанием, толкованием» [Зиновьева, 2014, с. 768]. Чрезвычайно важно верно передать имя традиционного сказочного персонажа, поскольку в них может заключаться эмоционально-эстетическая оценка героя. «Имя персонажа обычно представляет собой имя собственное плюс титул или определение – эпитеты, и рассматривать их следует как единое целое» [Зиновьева, 2014, с. 769].

При анализе перевода антропонимов в русской сказке «Царевна-лягушка» [электрон. ресурс, «Сказка Царевна-лягушка»] в результате использования переводчиком определенных стратегий в некоторых случаях смысл был передан неполно. Рассмотрим несколько примеров. При передаче образа Кашея Бессмертного не учитывался смысловой компонент, заключенный в имени персонажа. Образ был передан с помощью метода *транскрипции* как 卡谢·别斯梅尔内 (kǎ xiè bié sī méi'ěr nèi) [«Царевна-лягушка. Электронный словарь», эл. ресурс], что повлекло за собой серьезное смысловое опущение: перевод утратил такую важную сверхъестественную способность персонажа, как бессмертие. Исходя из этого, чтобы у читателей сложились верные представления о герое, необходимо перевести значащую часть слова с помощью прилагательного 不死的 в значении *бессмертный*, и поставить его перед именем «Кашей» 卡谢, т.к. согласно китайской грамматике с фиксированным порядком слов, прилагательное всегда ставится перед существительным. Таким образом, «Кашей Бессмертный» следует перевести как 不死的卡谢 (букв. бессмертный Кашей).

Национально-специфический образ Бабы-яги требует детального анализа с целью адаптации его на культурном и лингвистическом уровне. Был использован прием *опущение*. Образ Бабы-яги передан существительным 女妖 (nǚyāo) в значении «ведьма» [«Царевна-лягушка. Электронный словарь», эл. ресурс]. Действительно, Баба-яга умеет колдовать,

поэтому эквивалент на китайском языке подобран верно. Однако в переводе не заключена еще одна особенность героя сказки, ее возраст. Очевидно, что Баба-яга в пожилом возрасте. Если оставить перевод в виде «ведьмы», то у читателей могут возникнуть неточные представления о данном образе, следовательно, следует добавить слово, отражающее эту важную смысловую часть. Лучше всего использовать стратегию *описательного перевода* и передать образ с помощью выражения 老巫婆 (lǎowūpó) в значении «старая ведьма». Данный перевод в наибольшей степени отражает национально-специфический образ Бабы-яги в сказке «Царевна-лягушка».

Использование стратегии описательного перевода особенно актуально в том случае, когда слова не существует в языке перевода. Например, Колобок как вымышленный образ, изображаемый в виде небольшого пшеничного хлеба шарообразной формы [«Колобок», эл. ресурс]. Для того чтобы у читателей сложился правильный образ персонажа, следует применить стратегию описательного перевода. При виде слова «колобок» у русскоязычного писателя тут же возникает ассоциация круглого шара с лицом. Тем не менее, чтобы вызвать у иностранных читателей похожие ассоциации, переводчик должен выявить наиболее характерные черты сказочного героя. Во-первых, Колобок слеплен из теста, значит Колобок съедобный. Во-вторых, Колобок умеет передвигаться («Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился»). Глагол «катиться» указывает на то, что Колобок шарообразной формы. В-третьих, факт того, что в конце сказки Колобка съедает лиса, говорит нам о его небольших размерах. Следовательно, все эти характерные черты образа должны быть отражены в переводе. «Колобок» переводчик интерпретировал как 小圆面包, что буквально означает «маленький круглый хлеб» [«Колобок. Электронный словарь», эл. ресурс]. Переводчику удалось передать целостный образ героя сказки, отразив в переводе самые важные структурно-смысловые компоненты.

Определенную сложность при переводе представляют архаизмы, чаще всего встречающиеся именно в сказках. К таким словам относятся упомянутые в сказке «короб», «сусеки» и «пряжон» [«Колобок», эл. ресурс]. Короб – плетеное или гнутое изделие, обычно круглой или овальной формы, из луба, бересты и т.п., служащее для хранения и переноски различных предметов. В сказке данное слово используется в выражении «по коробу поскреби», в значении «собрать остатки муки с короба». Сусек – отгороженное в амбарах место для ссыпки зерна [Ушаков, 1935–1940]. Данное слово вышло из употребления с начала XX века и осталось только в выражении «по сусеку помети» в значении «тщательно поискать». Переводчик подобрал самые близкие по смыслу эквиваленты на китайском языке. Выражение «по коробу поскреби» было переведено как 刷刷篮子 (букв. очистить

корзину) [«Колобок. Электронный словарь», эл. ресурс], короб действительно внешне напоминал корзину. Глагол 刷 имеет значение «скрести», его часто используют для описания процесса чистки при помощи щетки, например, 刷牙 «чистить зубы». «По сусеку помети» было передано с помощью 清清木箱, где 木箱 означает «деревянный ящик». Сусек на самом деле был сделан из дерева и напоминал большой ящик, а у глагола 清 одно из значений «смести». В обоих случаях переводчик использовал прием удвоения глаголов. После удвоения глагол в основном приобретает оттенок кратковременного действия или попытки совершить действие. Таким образом, при переводе архаичных слов переводчику стоит обращаться к словарям не только за тем, чтобы проверить значение отдельного слова или иероглифа, но и за толкованием полных слов, читать подробные комментарии авторов словарей, а также изучать литературу, посвященную культуре страны изучаемого языка. Вместе с тем важно не выходить из контекста, не забывать о том, что слово, как и иероглиф – это часть текста целостного произведения.

Народные сказки отражают художественное творчество народа, являются его словесным искусством. В процессе передачи из поколения в поколение сказки приобрели типичные языковые особенности и яркую стилистическую окраску, которая отражает национальную специфику. «Народные сказки, в отличие от художественных произведений других жанров, характеризуются использованием живых устных оборотов речи, которые не только раскрывают глубину философии народа, но и доставляют читателям большое эстетическое удовольствие» [Цун, 2012, с. 67]. Таким образом, национальный колорит сказок требует от переводчика глубокого знания не только языка, но и культуры страны изучаемого языка.

Художественный перевод отличается от других видов перевода сложностью передачи уникальных авторских стилей, особой атмосферой и самобытным характером. Именно поэтому художественному переводу отведена большая роль. Сложность перевода сказок как жанра художественного перевода заключается в передаче имен собственных, которые часто сопровождаются титулом или определением, а также архаичных слов. При переводе сказок помимо трудностей лингвистических, определенные проблемы возникают из-за различия культур, несовпадения создаваемой в тексте языковым средствами картины мира. Наличие переводческого опыта, хорошее знание языка и культуры способствует успешному решению стоящих перед переводчиком задач. Перевод фольклорных текстов дает возможность людям разных культур знакомиться с духовным богатством, культурными ценностями и национальными особенностями стран.

Список литературы:

- Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: Критерии выбора метода // парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: РАН, 2006. 79 с.
- Брагина Н.Г. Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. Москва, 1996.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008.
- Горбачевский А.А. Оригинал и его отражение в тексте перевода. Челябинск: ЧПИУ, 2001.
- Зиновьева Т.А. «Сказочные» приемы переводчика / Т.А. Зиновьева, Е.В. Гудакова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 21 (80).
- Зубенина М.А. Прагматическая и социокультурная адаптация при переводе текстов СМИ // Человек в мире культуры. № 3. Екатеринбург, 2015.
- Иванова С.В., Чаньшева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
- Казакова Т.А. Художественный перевод. Учебное пособие. Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2002.
- Колобок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/af1/af1-0462.htm>
- Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. 2-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2007.
- Сказка Царевна-лягушка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deti-online.com/skazki/russkie-narodnye-skazki/carevna-ljagushka/>
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь. 1935–1940.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001.
- Цун Япин. Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте // Вестник Пермского университета. 2012.
- 南勤生, 黄谦佩. 《大俄汉词典》. 北京商业出版社, 1985. 87 с. (Нань Чжишань, Хуан Чанпэй. Большой русско-китайский словарь. Под ред. Пекин: Изд-во «Коммерция», 1985. 87 с.).
- 在线新华字典 (Онлайн-версия словаря Xinhua) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/>
- 小圆面包 (俄罗斯). 词典网 (Колобок. Электронный словарь). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cidianwang.com/gushi/yuyan/192082.htm>.
- 青蛙公主 (俄罗斯). 词典网 (Царевна-лягушка. Электронный словарь). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cidianwang.com/gushi/tonghua/193424.htm>.

References:

- Belyayevskaya Ye.G. Semantika v trekh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya: Kriterii vybora metoda [Semantics in three paradigms of linguistic knowledge: Criteria for choosing a method] // Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike. M: RAN, 2006. 79 p. (In Russian).
- Bragina N.G. Frazeologiya v kontekste kultury [Phraseology in the context of culture]. M., 1999. (In Russian).
- Vorobyev V.V. Lingvokulturologicheskaya paradigma lichnosti [Linguoculturological paradigm of personality]. Moskva, 1996. (In Russian).
- Vorobyev V.V. Lingvokulturologiya: Monografiya [Linguoculturology: Monograph]. M.: RUDN, 2008. (In Russian).
- Vereshchagin Ye.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kultura. Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. M.: Izd-vo MGU, 1973. (In Russian).

- Gorbachevskiy A.A.* Original i yego otrazheniye v tekste perevoda [The original and its reflection in the text of the translation]. Chelyabinsk: CHGPU, 2001. (In Russian).
- Zubenina M.A.* Pragmaticheskaya i sotsiokulturnaya adaptatsiya pri perevode tekstov SMI [Pragmatic and socio-cultural adaptation in the translation of media texts] // *Chelovek v mire kultury*. № 3. Yekaterinburg, 2015. (In Russian).
- Zinov'eva T.A.* «Skazochnye» priemy perevodchika [“Fabulous” methods of the translator] / T.A. Zinov'eva, E.V. Gudakova. *Tekst: neposredstvennyi // Molodoi uchenyi*. 2014. № 21 (80).
- Ivanova S.V., Chanysheva Z.Z.* Lingvokulturologiya: problemy, poiski, resheniya: Monografiya [Linguoculturology: problems, searches, solutions: Monograph]. Ufa: RITS BaSHGU, 2010. (In Russian).
- Kazakova T.A.* Khudozhestvennyy perevod. Uchebnoye posobiye [Literary translation. Tutorial]. Sankt-Peterburgskiy institut vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava, 2002. (In Russian).
- Manerko L.A.* Struktury znaniy, predstavlenyye v khudozhestvennom i akademicheskoy diskursakh [Knowledge structures embodied in fictional and academic Discourse] // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 22: Teoriya perevoda*. 2013. № 1. P. 100–118. (In Russian).
- Ushakov D.N.* Tolkovyy slovar [Dictionary]. 1935–1940. (In Russian).
- Retsker Ya.I.* Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda [Translation theory and translation practice: essays on the linguistic theory of translation]. 2-e izd., stereotip. M.: R. Valent, 2007. (In Russian).
- Fenenko N.A.* Lingvokulturnaya adaptatsiya teksta pri perevode: predely vozmozhnogo i dopustimogo [Linguistic and cultural adaptation of the text in translation: the limits of the possible and admissible] // *Vestnik VGU. Seriya Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2001. (In Russian).
- Fedorov A.V.* Osnovy obshchey teorii perevoda [Fundamentals of the general theory of translation]. M., 1983. (In Russian).
- Tsun Yapin.* Lingvisticheskiye osobennosti russkikh i kitayskikh narodnykh skazok v natsionalno-kulturnom aspekte [Linguistic features of Russian and Chinese folk tales in the national and cultural aspect] // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2012. (In Russian).
- Kolobok [Kolobok]* [Electronic resource]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/af1/af1-0462.htm>. (In Russian).
- Skazka Tsarevna-lyagushka [Tale of the Frog Princess]* [Electronic resource]. – Available at: <https://deti-online.com/skazki/russkie-narodnye-skazki/carevna-lyagushka/>. (In Russian).
- 南勤生，黄谦佩。《大俄汉词典》。北京商业出版社，1985。87 p. (Nan Chzhishan, Khuan Chanpey. *Bolshoy russko-kitayskiy slovar [Large Russian-Chinese Dictionary]*. Pod red. Pekin: Izd-vo «KommertsYA», 1985. 87 p.). (In Chinese).
- 在线新华字典 (Onlain-versiya slovary Xinhua [Online version of the Xinhua Dictionary]) [Electronic resource]. – Available at: <http://xh.5156edu.com/>. (In Chinese).
- 小圆面包 (俄罗斯)。词典网 (Kolobok. Elektronnyy slovar [Kolobok. Electronic Dictionary]). [Electronic resource]. – Available at: <https://www.cidianwang.com/gushi/yuyan/192082.htm>. (In Chinese).
- 青蛙公主 (俄罗斯)。词典网 (Tsarevna-lyagushka. Elektronnyy slovar' [Frog Princess. Electronic Dictionary]) [Electronic resource]. – Available at: <https://www.cidianwang.com/gushi/tonghua/193424.htm>. (In Chinese).

Николаиди Мария Александровна
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
г. Москва (Россия)

Nikolaidi Maria
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow (Russia)

МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ БАСЕННЫХ ТЕКСТОВ В ГРЕЧЕСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

MODELS OF TRANSFORMATION FABLE TEXTS IN GREEK AND RUSSIAN CULTURES

В связи с охватившим все сферы человеческой деятельности процессом глобализации в современной науке актуализируется такое направления междисциплинарных исследований как культурный трансфер, в центре внимания которого находится изучение того, как элементы одной культуры заимствуются другой. В процессе межкультурного трансфера происходит приспособление оригинального текста к историко-культурным и лингвистическим реалиям культуры-реципиента. На примере басенных текстов Эзопа как части мирового культурного наследия и басенных текстов И.А. Крылова как части русской культуры нами были предприняты попытки выявить модели, по которым происходит трансформация басенных текстов внутри греческой культуры и в процессе межкультурного трансфера. Проанализирован путь становления басенных текстов Эзопа в греческой культуре, начиная от оригинальных устных басен и заканчивая их переводом на новогреческий язык. Выявлены шаги межкультурной адаптации, при помощи которых происходит заимствование иноязычных текстов в русскую культуру. В статье предпринята попытка объяснить, почему модель трансформации, предложенная И.А. Крыловым, стала наиболее успешной для заимствования басенных текстов и позволила древнегреческим басням Эзопа стать частью русской культуры.

Due to the process of globalization that has engulfed all spheres of human activity in modern science such an area of interdisciplinary research as cultural transfer is being updated, the focus of which is the study of how elements of one culture are borrowed by another. In the process of intercultural transfer, the original text is adapted to the historical, cultural and linguistic realities of the recipient culture. Using the example of Aesop's fable texts as part of the world cultural heritage and I.A. Krylov's fable texts as part of Russian culture we have made attempts to identify models by which the transformation of fable texts takes place within Greek culture and in the process of intercultural transfer. The path of formation of Aesop's fable texts in Greek culture is analyzed, starting from the original oral fables and ending with their translation into modern Greek. The steps of intercultural adaptation are revealed, with the help of which foreign language texts are borrowed into Russian culture. The article attempts to explain why the transformation model proposed by I.A. Krylov became the most successful for borrowing fable texts and allowed the ancient Greek fables of Aesop to become part of Russian culture.

Ключевые слова: межкультурный трансфер, басенные тексты, модели трансформации.

Key words: intercultural transfer, fable texts, models of transformation.

Процесс глобализации, охвативший в конце XX века все сферы человеческой деятельности, в том числе, науку и культуру, неизбежно затронул и научные процессы, продемонстрировав возрастающую с каждым годом актуальность междисциплинарных исследований. Одним из наиболее перспективных направлений таких исследований стал межкультурный трансфер, под которым понимается особый методологический подход, целью которого является установление специфики «взаимосвязей и взаимопроникновений национальных культурных пространств» и «механизмов, при помощи которых сходные формы культуры способны воспринимать внешнее воздействие» [Эспань, 2009, с. 7–18.].

Актуальным в этой связи становится вопрос о том, как тексты одной культуры встраиваются в другую.

В центре внимания данной статьи – художественный текст как специфический способ межкультурной коммуникации, представляющий «<...> многокомпонентную художественно осложненную, эстетически обусловленную коммуникацию» [Карасева, 2012, с. 16], то есть художественный текст как тест культуры. Как культурологическая единица, текст культуры представляет собой «нелинейную последовательность символов, образующих целостное высказывание субъекта о культуре; текст культуры обладает содержанием, имеет смысловую завершенность и является отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в других» [Симбирцева, 2017, с. 70].

Цель статьи – продемонстрировать на примере басен Эзопа и их перевода И.А. Крыловым, по каким моделям происходит трансформация басенного текста внутри одной культуры (греческой) и в процессе межкультурной коммуникации. Выбор материала статьи обусловлен, с одной стороны, духовной, исторической и культурной близостью греческой и русской культур, с другой стороны, ценностным значением басен Эзопа как части мирового культурного наследия.

Влияние греческих культурных традиций на русские обусловлено обширными политическими, экономическими и культурными связями Древней Руси с Византией. Первым правителем Древней Руси, официально принявшим христианство, стала княгиня Ольга, после чего Византия признала Русь как равную христианскую империю. Между странами установились прочные торгово-политические связи, которые обусловили и культурное влияние: «Древняя Русь силой навязала себя Византии в качестве партнера в системе межгосударственных отношений, но одновременно она попала в сферу влияния высокой византийской цивилизации» [Литаврин, 1976, с. 256]. Окончательное установление восточного христианства на Руси произошло в 988 году, когда князь Владимир принял крещение, а затем обратил в христианство и всю Русь.

С принятием христианства в русскую культуру проникли греческие богослужебные и духовные тексты, а вместе с ними и античное культурное наследие, в числе которого находились и тексты древнегреческого баснописца Эзопа.

История басни берет свое начало в VI веке до н.э. Оригинальные басни Эзопа до нас не дошли. В III веке до н.э. басни Эзопа были записаны Деметрием Фалерским. Так как оригинальные басни бытовали в устной форме, не исключено, что с течением времени эти басни трансформировались и дошли до своих современников в уже несколько измененном

виде. Тем не менее именно сборник Деметрия Фалерского послужил основой для всех более поздних сборников. В большинстве своем эти сборники переписывались для школьных упражнений. Поздние рукописи таких сборников сохранились и до наших дней в большом количестве. Сопоставляя их между собой, ученые смогли составить так называемый «основной эзоповский сборник», бывший в ходу около II века н.э.

В античности басни входили в число «прогимнасм», то есть подготовительный упражнений для ритора. До наших дней сохранилось четыре таких учебника: Феона (конец I в. н.э.), Гермогена (II в. н.э.), Афтония (IV в. н.э.) и Николая (V в. н.э.).

Сюжет в басне обязательно линейный, басня лишена подробных описаний и лирических отступлений и сообщает только ту информацию, которая необходима для усвоения морали, поэтому большую часть басни составляют глаголы, а прилагательных и наречий в ней мало. Диалоги в баснях используются крайне редко, обычно только в финальной реплике, предваряющей мораль. Басни написаны разговорным греческим языком, который в то время сильно отличался от литературного – старинного аттического наречия.

Басни основного эзоповского сборника послужили материалом для стихотворных переложений Федра в первой половине I века н.э. и Бабрия в конце I – начале II века н.э. Басни Федра написаны на латинском языке, а басни Бабрия – на греческом. С этих переложений начинается история трансформации басенных текстов внутри греческой культуры.

В первую очередь, басни проходят жанровую трансформацию из прозы в стихи. Басни Федра написаны латинским ямбическим стихом и послужили основой для более позднего латинского переложения Авианом, который приспособил тексты к латинскому элегическому дистиху. Этот сборник Авиана представлял собой «высокий», риторический вид басни. «Низовая», массовая была представлена в сборнике «Ромул», который появился в IV–V вв. н.э. Этот сборник неоднократно пересказывался и дополнялся сказками и притчами.

В греческой басне поздней античности «высокая», риторическая басня была представлена многочисленными пересказами Либания, Фемистия, Гимерия, Григория Назианзина. «Низовая» струя продолжила переработку текстов оригинального эзоповского сборника, язык которого претерпел значительные изменения. Так в VI в. н.э. возникла «средняя» редакция эзоповского сборника, язык которого допускал ошибки и просторечия.

Наследуя традиции поэта Каллимаха, Бабрий использовал для своих басен холиямб, то есть «хромой ямб» – шестистопный ямб со спондеем или трохеем на последней строке. Большинство басен написано с использованием общеаттического диалекта – койне с

элементами ионийского диалекта. Как считают исследователи, это было сделано для намеренной архаизации басен.

Сравнивая между собой тексты Эзопа и последующие переложения, можно сделать вывод, что Бабрий в большей степени, чем Федр, следует композиционной и сюжетной структуре эзоповых текстов. Бабрий и Федр значительно расширяют объем басен за счет разворачивания предикатов в диалогические конструкции, а также за счет введения обширных атрибутивных конструкций.

Таким образом, процесс адаптации басенных текстов внутри греческой культуры можно представить в виде следующей схемы:

Схема 1

Дальнейшая история развития и распространения басни связана с позднелатинским сборником неизвестного автора «Ромул», большая часть басен в котором восходит к сборнику Федре. В средневековой литературе существует не менее 12 переложений этого сборника, первое же научное издание было осуществлено в 1709 году нидерландским филологом И.Ф. Нилантом.

В 1668 году в свет вышли книги, озаглавленные как «Басни Эзопа, переложенные на стихи г-ном де Лафонтеном» и принесшие его автору, наряду с Эзопом и Федром, славу одно из известнейших баснописцев мира.

В России басни Эзопа издавались, начиная с XVII века. Среди них можно выделить «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданные, а на российской язык переведены в С.-Петербурге, канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым» 1747 года, «Езоповы басни с баснями латинского стихотворца Филельфа, с новейшего французского перевода, полным описанием жизни Езоповой... снабденного г. Беллегардом, ныне вновь на российской язык переведенные Д. Т.» 1792 года, «Басни Езоповы, переведенныя с греческаго Иваном Мартыновым» 1823 года, «Полное собрание басен Эзопа» 1871 года.

Вершиной развития басенного жанра в России, несомненно, являются басни Крылова.

Басни Эзопа написаны прозой, в то время как уже первые их переложения были облечены в стихотворную форму. Ключевым звеном в процессе их заимствования в русскую культуру является перевод эзоповских сюжетов Лафонтеном, так как именно на тексты французского баснописца опирался Крылов [Травников, 2007, с. 7]. Несмотря на то, что русский баснописец заимствовал уже трансформированные тексты Эзопа, то есть прошедшие путь культурного трансфера из греческой культуры во французскую, мы можем говорить о том, что басни Лафонтена повлияли, в первую очередь, на форму крыловских переводов, в то время как их содержание и мораль близки эзоповским. Таким образом, и басни Лафонтена, и басни Крылова написаны в стихотворной форме, что обуславливает первую их особенность, а именно отличие стихотворной речи от прозаической. Важнейшим таким отличием становятся открытые Ю.Н. Тыняновым закон единства и тесноты стихового ряда, динамизация речевого материала, сукцессивность [Тынянов, 1924, с. 75]. Под единством стихового ряда понимается то, что каждая строка стихотворного текста воспринимается как замкнутая и законченная. Если же синтаксическое членение не совпадает со стиховым, семантико-синтаксические членения и связи перегруппировываются, чтобы создать иллюзию замкнутости; это и называется теснотой стихового ряда. Единство и теснота, взятые вместе, определяют повышенное внимание к каждому слову в тексте, это и называется динамизацией. Наконец, понятие сукцессивности связано с затрудненным восприятием стихотворного текста по отношению к прозаическому. Таким образом, ключевое отличие стихотворного текста от прозы заключается в том, что слово в стихотворном тексте выступает, с одной стороны, во всей полноте своих семантических значений, с другой стороны, оно оказывается тесно связано

с рядом стоящими словами семантически и синтаксически. Запоминаемость стихотворного текста во многом обусловлена следующей его особенностью – ритмическим принципом организации, «закономерной упорядоченностью звуковой формы» [Жирмунский, 1975, с. 8]. Стихотворная речь по сравнению с прозаической обладает большей выразительностью, экспрессивностью и легче запоминается. Последний пункт особенно важен для жанра басни, так как крыловские фразы, ставшие крылатыми, обязаны этим в том числе и своей ритмической, лаконичной форме.

Что касается композиционной структуры басенных текстов, оригинальные тексты Эзопа при заимствовании И.А. Крыловым подвергаются значительным изменениям. Это связано с расширением объема исходного текста и перестановкой отдельных ее фрагментов (чаще всего, морали басни).

Увеличение объема заимствованного текста может достигаться тремя способами: распространение предиката / определения исходного текста (например, в баснях «Ворона и Лисица», «Лисица и Виноград»), развертывание предиката в диалог (в баснях «Стрекоза и муравей», «Волк и ягненок», «Лягушки, просящие царя») и введением в текст дополнительной информации, отсутствующей в оригинале (рассуждение крестьянина о своей тяжелой доле в басне «Крестьянин и смерть»). В большинстве случаев приемы увеличения объема текста, применяемые Крыловым, совпадают с приемами Лафонтена, что подтверждает тот факт, что в формальной структуре своих переводов Крылов опирался на тексты Лафонтена.

Многообразие способов адаптации литературного текста обуславливает разные модели его встраиванию в чужую культуру. При трансферизации эзоповских текстов в русскую литературу И.А. Крылов использует такие способы адаптации как расширение объема исходного текста, замена одних лексических единиц исходного текста другими, перестановка частей текста. Целью использования таких способов адаптации становится адекватное и органичное включение инокультурных текстов в пространство русской литературы.

В числе причин, по которым происходит замена одних текстовых единиц другими, можно выделить следующие:

географические реалии;

этнографические реалии (к числу которых можно отнести предметы быта, труда, особенности национальной культуры и искусства); общественно-политические реалии (территориально-административные единицы, сословия, военные реалии);

закрепленные в сознании носителей языка коннотации, то есть «<...> несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею [лексемой] понятия, которые

воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995, с. 159].

Особенности географических реалий могут быть связаны не с названием местности, а с отличительными чертами ее растительного и животного мира. Так, например, в басне Крылова «Дуб и тростник» Дуб в своей речи упоминает воробья («воробей, и тот тебе тяжел»), в то время как в басне Лафонтена вместо воробья речь идет о корольке (Roitelet). Во Франции королек – распространенная птица, знакомая каждому читателю. Русский же читатель не всегда может представить себе внешний вид королька, поэтому Крылов заменяет его воробьем.

Общественно-политические реалии конкретной страны всегда находят свое отражение в текстах басен. Это выражается в названиях сословий, территориально-административных единиц, принятых обращениях, которые часто встречаются в тех баснях Крылова, героями которых становятся люди. «Старик» из басни Эзопа «Старик и смерть» в переводе Лафонтена становится лесорубом («Bucheron»), а в переводе Крылова – крестьянином. Это придает отвлеченно-нравственному характеру басни Эзопа острое социальное звучание. В той же басне «Крестьянин и смерть» национально-маркированным признаком общественной жизни является упоминание видов налогов, которые вынужден платить крестьянин: «подушное, боярщина, оброк». Несмотря на то, что место действия нигде в басне не названо, характерные приметы общественно-политической жизни в крепостной России придают тексту басни национальную специфику, благодаря чему басня перестает восприниматься как перевод древнегреческого текста и становится принадлежностью русской культуры.

Еще одним типом значительных замен, заслуживающих внимания, являются замены стилистически нейтральных слов стилистическими окрашенными. Стилистически окрашенные слова могут быть книжными и разговорными. Книжная лексика редко встречается в баснях Крылова (например, слова «поистине», «радение» в речи Дуба в басне «Дуб и Трость», подчеркивающие величие Дуба). Гораздо более частотны случаи использования разговорной лексики.

Стилистически маркированные слова в речи персонажей могут выполнять следующие функции:

- показывать истинное отношение персонажей друг к другу (чаще всего негативное);
- демонстрировать ироническое отношение одних персонажей к другим (в басне «Стрекоза и муравей» муравей называет стрекозу «кумушкой»);

выявлять скрытые мотивы поведения персонажей (обилие диминутивов в речи Лисицы в басне «Ворона и Лисица» показывает читателю, что ее слова неискренни и про помощи лести она пытается получить выгоду).

Стилистически маркированные слова, употребляемые в речи автора, также призваны выполнять несколько функций:

подчеркивать социальное положение персонажей или демонстрировать эту социальную разницу между ними (разговорная лексика в басне «Крестьянин и Смерть» подчеркивает тяжелое положение крестьянина; высокая лексика в басне «Лягушки, просящие царя» употребляется только по отношению к Зевсу, что подчеркивает его высокое положение);

выражать авторское отношение к персонажам (характеризуя того или иного персонажа, Крылов часто использует иронические слова, показывающие его снисходительное, ироническое отношение к ним);

дополнительно раскрывать образы персонажей (разговорная лексика в описании Лисицы в басне «Ворона и Лисица» свидетельствует о ее хитром характере; в басне «Дикий пастух» действия пастуха по отношению к диким козам описываются словами с положительной оценкой, в то время как его отношение к домашнему стаду демонстрируется через лексику с негативной оценкой);

наконец, основной функцией использования стилистически окрашенной лексики в речи автора является создание образа автора как полноправного персонажа своих басен.

Замена одних языковых единиц исходного текста другими может быть вызвана лингвистическими и экстралингвистическими причинами. Экстралингвистические факторы, вызывающие замену одних слов другими, являются необходимым элементом при адаптации текста, так как историко-культурные реалии чужой страны заменяются реалиями, близкими русскому читателю. Иногда такие замены не требуются, так как названные в оригинальном тексте предметы и явления считаются достоянием мировой культуры и понятны читателю, вне зависимости от его родного языка и страны.

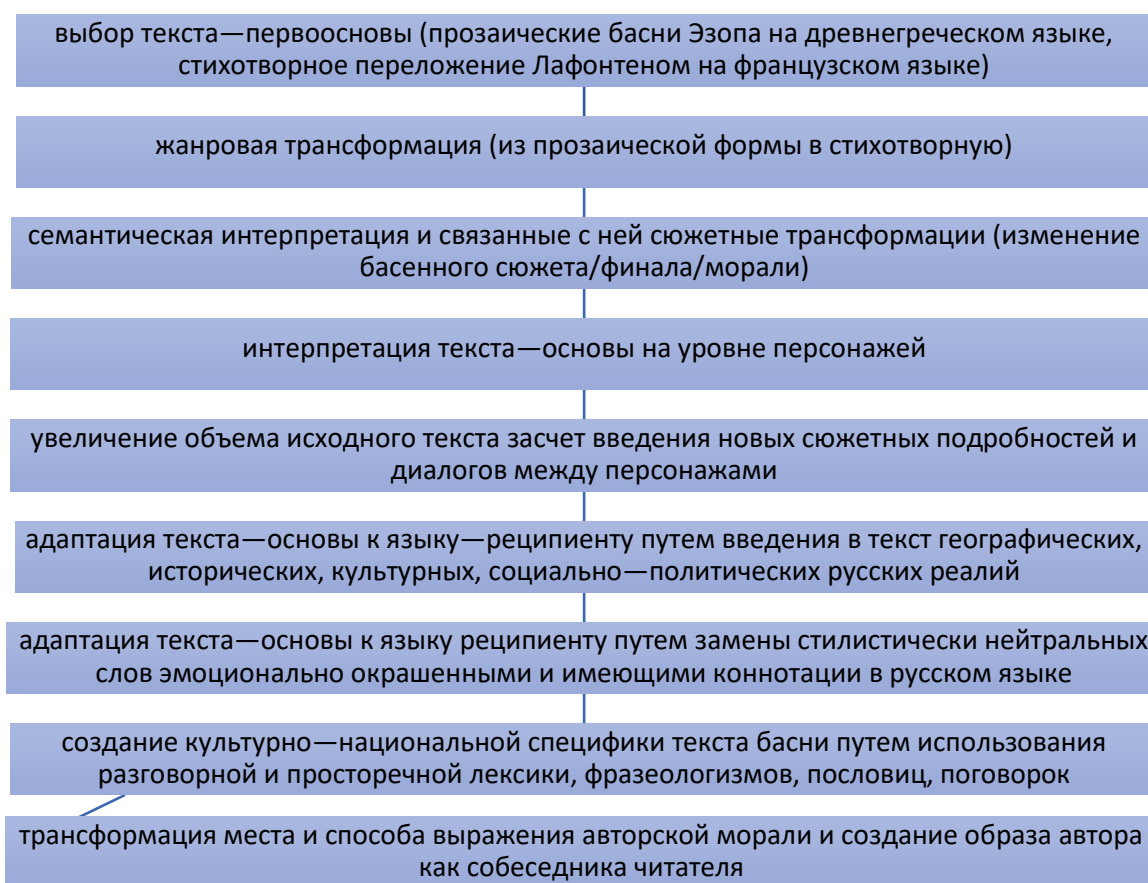
Основным средством адаптации эзоповских басен в текстах Крылова является замена стилистически нейтральных слов словами, имеющими в сознании носителя русского языка устойчивые коннотации, и стилистически маркированными словами. Такие замены призваны, во-первых, создавать яркие образы персонажей, обладающих в сознании русскоговорящего читателя устойчивыми чертами характера, однозначно интерпретируемыми всеми носителями языка; во-вторых, создать образ автора, близкого читателю и поэтому имеющего право указывать на человеческие пороки; в-третьих, обозначить авторское отношение к ситуации (сочувствие бесправным и беззащитным,

насмешка над глупыми, чванливыми, хвастливыми). Все эти средства придают текстам, заимствованным из греческой культуры, яркую национальную специфику и позволяют рассматривать их не просто как заимствованные, но и как ставшие важной частью русского литературного наследия.

Особенности интерпретации И.А. Крыловым басен Эзопа проявляются на уровне аллегории, иносказания и нравоучения. В баснях Крылова в большей степени выражен социальный аспект, актуальный для России конца XVIII – начала XIX века. Баснописец акцентирует внимание на социальном неравенстве персонажей, осуждая злоупотребление властью и сочувствуя слабым и беззащитным.

Модель, по которой происходит трансформация басенных текстов Эзопа И.А. Крыловым, можно представить в виде следующей схемы:

Схема 2

Шаги адаптации, которые использует И.А. Крылов, разнообразны. Они всегда включают в себя увеличение объема исходного текста, перестановку фрагментов текста, адаптацию к историко-культурным российским реалиям, замену стилистически нейтральных единиц оригинального текста разговорными и просторечными словами русского языка. И.А. Крылов использует в своих текстах фразеологизмы, пословицы и поговорки, что делает его басни максимально близкими и понятными читателю. В некоторых случаях Крылов прибегает и к сюжетным интерпретациям, совершенно иначе

представляя персонажей и формулируя авторскую мораль (как, например, в баснях «Лев и мышь» и «Лев и комар»).

Таким образом, наиболее успешной моделью заимствования басен в русскую культуру стала модель, предложенная И.А. Крыловым. Ориентируясь на западную басенную традицию, представленную в текстах Лафонтена, И.А. Крылов заимствовал структуру и композиционное построение текстов французского баснописца, при этом опираясь на смысловое и аксиологическое содержание оригинальных басен Эзопа, с которыми русский баснописец также был знаком. Близость греческой и российской культур, обусловленная общностью религиозных и ценностных культурных структур, обеспечила широкое распространение басенных текстов Эзопа в России. А глубинные структурно-семантические изменения текстов сделали иноязычные басни поистине народными. Благодаря широкому использованию разных пластов русского языка, в том числе разговорного и просторечного, И.А. Крылову удалось создать на основе древнегреческих басен прецедентные для русского читателя тексты с мощным афористическим потенциалом.

Список литературы:

- Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // *Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография.* М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л.: Советский писатель. Москва, 1975. 664 с.
- Карасева Ю.А.* Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.05 / Карасева Юлия Александровна. Москва, 2012. 205 с.
- Литаврин Г.Г.* Культурные связи Древней Руси и Византии в X–XII веках (опыт исторической характеристики) // *Балканские исследования. Вып 2: Проблемы истории и культуры.* М., 1976.
- Симбирцева Н.А.* Текст культуры: факторы и механизм интерпретации. *Вестник славянских культур.* М., 2017. С. 70–82.
- Травников С.Н.* Русская басня. История и теория жанра. Сборник научных статей / Отв. ред. С.Н. Травников. М.: Икар, 2007. 224 с.
- Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 140 с.
- Эспань М.* О понятии культурного трансфера. Предисловие // *Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия) / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня.* М.: ИМЛИ РАН. 2009. С. 7–18.

References:

- Aprasyan U.D.* Konnotaciya kak chast' pragmatiki slova [Connotation as a part of the pragmatics of the word] // *Aprasyan U.D. Izbrannyye Trudy. Tom 2. Integral'noe opisanie i sistemnaya leksikografiya.* M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. 767 p. (In Russian).
- Espan' M.* O ponyatii kul'turnogo transfera. Predislovie [On the concept of cultural transfer. Foreword] // *Evropeiskii kontekst russkogo formalizma (k probleme esteticheskikh peresechenii: Franciya, Germaniya, Italiya, Rossiya) / pod red. E. Dmitrievoi, V. Zemskova, M. Espanya.* M.: IMLI RAN, 2009. P. 7–18. (In Russian).
- Karaseva U.A.* Khudozhestvennyi tekst kak istochnik nacional'no-kul'turnoi informacii i vyrazitel' nacional'noi mental'nosti [Literary text as a source of national-cultural information and an exponent of

national mentality]: dis.... kand. fil. nauk: 10.02.05 / Karaseva Yuliya Aleksandrovna. Moscow, 2012. 205–p. (In Russian).

Litarvin G.G. Kul'turnye svyazi Drevnei Rusi i Vizantii v X – XII vekah (opyt istoricheskoi karakteristiki) [Cultural relations of ancient Russia and Byzantium in the 10th-12th centuries (Experience of historical characteristics)] // *Balkanskie issledovaniya / Vyp. 2: Problemy istorii i kul'tuty*. M., 1976. 256 p. (In Russian).

Simbirtseva N.A. Tekst kul'tury: factory i mehanizm interpretacii [Text of culture: factors and mechanism of interpretation]. *Vestnik slavyanskih kul'tur*. M., 2017. P. 70–82. (In Russian).

Travnikov S.N. Russkaya basnya. Istoriya i teoriya zhanra [Russian fable. History and theory of the genre]. *Sbornik nauchnyh statei / Otv. red. S.N. Travnikov*. M.: Ikar, 2007. 224 p. (In Russian).

Tynyanov U.N. Problema stihotvornogo yazyka [The problem of poetic language]. L.: Academia, 1924. 140–p. (In Russian).

Zhyrmunskiy V.M. Teoriya stiha [Theory of poetry]. L.: Sovetskiy pisatel'. Moskva, 1975. 664 p. (In Russian).

Нурутдинова Аида Рустамовна
Казанский Федеральный Университет
г. Казань (Россия)

Nurutdinova Aida
Kazan Federal University
Kazan (Russia)

РАЗРАБОТКА УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ELABORATION OF TEACHING MATERIALS IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Навыки межкультурной коммуникации оказывают непосредственное влияние на качество языковой подготовки и также на социализацию. Навыки межкультурной коммуникации неизбежно приобретаются в определенной степени по мере повышения уровня владения китайским языком, и сильно варьируется. Развитие этой компетенции в основном происходит в последовательности приобретения культурных знаний, принятия культуры, культурной интеграции и межкультурной коммуникации. Проблемы могут возникнуть как с первой стадии, так и на последующих стадиях, на что влияют субъективные и объективные восприятия, переживания и эмоции. Первым шагом является обучение культурологическим знаниям, и это начинается с учебника, который является своего рода планом преподавания. Учебник китайского языка играет важную роль в развитии навыков межкультурной коммуникации и определяет содержание и «вес» культуры, а также то, как «преподается» культура и как развиваются навыки межкультурной коммуникации.

Intercultural communication skills have a direct impact on the quality of language training and also on socialisation. Intercultural communication skills are inevitably acquired to a certain extent as the level of Chinese language proficiency increases, and varies greatly. The development of this competence mainly takes place in the sequence of cultural knowledge acquisition, cultural acceptance, cultural integration and intercultural communication. Problems may arise from the first stage as well as from subsequent stages, which are influenced by subjective and objective perceptions, experiences and emotions. The first step is to teach cultural knowledge, and this starts with the textbook, which is a kind of teaching plan. The Chinese textbook plays an important role in the development of intercultural communication skills and determines the content and “weight” of culture, as well as how culture is “taught” and how intercultural communication skills are developed.

Ключевые слова: китайский язык, иностранные студенты, культурная интеграция, межкультурная коммуникация, субъективные и объективные восприятия, культурологический компонент, Межкультурная коммуникативная компетенция.

Keywords: Chinese, international students, cultural integration, intercultural communication, subjective and objective perceptions, cultural component, intercultural communicative competence.

Изучение китайского как второго иностранного языка достигло значительных успехов. Преподаватели, решая проблемы обучения фонетике, лексике, грамматике и частям речи, обнаружили, что в преподавании существует пробел, который нельзя игнорировать, и это необходимость развития навыков межкультурной коммуникации.

- Например, когда студенты, долгое время обучаются в Китае, встречают своих преподавателей, они всегда приветствуют их словами «здравствуйте, учитель», другие способы приветствия встречаются редко.
- Другой пример – студент, окончивший университет в Китае, до сих пор не знает, что нужно делать при встрече с преподавателем.

- Некоторые студенты уважительны, когда впервые приезжают в Китай, но со временем теряют свои манеры.
- Некоторые иностранные студенты находятся в Китае, но не «завели» ни одного китайского друга и по-прежнему ограничиваются своими собственными социальными кругами.
- Некоторые студенты имеют стойкое «ксенофобское» отношение к китайской культуре, другие усвоили плохие социальные установки и способы общения.

Существуют две нежелательные тенденции относительно организации преподавания с учетом межкультурной коммуникации:

- *пренебрежение лингвистической компетенцией и сосредоточение на межкультурных аспектах* (курсив мой – А.Н.), что затрудняет достижение коммуникативных целей из-за слабой основы языка и лингвистических навыков;
- *пренебрежение аспектами межкультурной коммуникации и отсутствие у обучающихся культурной осведомленности, лингвистических знаний и межкультурной коммуникации* (курсив мой – А.Н.). Последнее является основной проблемой.

Помимо «предоставления» знаний, учебные материалы должны также служить «планом» для осознания китайской культуры. Существующая учебная программа [China Hanban/国家汉办, 2008, с. 17] по китайским иероглифам, лексике, грамматике, функциям и ситуациям, не включает культурологический аспект. В контексте того, что китайская культура становится глобальной, разработка культурологической программы, создание системы преподавания культуры и реконструкция взаимодействия между китайской культурой и культурами других стран мира является неотложной задачей.

Рассматривая взаимосвязь культуры и языка в материалах по обучению китайскому языку Чэнь Саш [Liu Li, Chen Sash/刘利、陈绂等, 2019, с. 149] предлагает вариант «язык – это носитель культуры, а культура есть путь языка». Язык любого народа воплощает культурные особенности данного народа, и китайский язык, конечно, не является исключением. Китайская нация имеет богатую по своему содержанию культурную традицию, которая насчитывает тысячи лет. По мнению Чэнь Саш, культурологическое содержание, которое должно быть отражено в преподавании языка, конечно, многогранно, например, культурные обычаи, но самое важное, что должно быть отражено – «верхняя культура», то есть «отличительная культура», которая «отражает знания, мудрость и рациональное мышление, накопленные китайским народом за тысячи лет». Это «спинной мозг» китайской культуры, который представляет собой «характерную систему мышления», а именно философские концепции и привычки мышления китайского народа, заложенные в языке. Чэнь Саш [Liu Li, Chen Sash/刘利、陈绂等, 2019, с. 154] также утверждает, что

возможно привести бесчисленные примеры характеристик китайской культуры, содержащихся в грамматике, лексике и китайских иероглифах, используемых для записи китайских слов (как порядок слов, порядок пространственного расположения выражений, множество «культурных слов» и глубоких значений в общей лексике, образные формы китайских иероглифов с сильными идеографическими чертами), обоснование создания китайских иероглифов и «культурное» значение китайских иероглифов и глубокие философские концепции китайского народа. Все это должно быть включено в преподавание языка.

Однако объем культурологического содержания в современных учебниках китайского языка минимален, и нет основных требований к учебным программам, не говоря уже о культуре высших уровней и культуре самого языка; но с другой точки зрения, построение культурологического содержания начинается с языка, с двух аспектов:

- *репрезентативных форм китайского языка* (курсив мой – А.Н.) (иероглифы, лексика, фонетика, грамматика и части речи);
- *содержания, выраженного на китайском языке* (курсив мой – А.Н.) (иероглифы, слова, язык и текст).

Каково культурологическое содержание учебных материалов по китайскому языку до разработки учебной программы? (курсив мой – А.Н.).

В предисловии к учебникам почти нет упоминаний о преподавании культуры, за исключением примечаний, в которых говорится, что «примечания представляют собой объяснения некоторых языковых моментов и знания культурного фона». Также упоминается, что лексика, примечания, грамматические заметки в учебнике «все служат тексту» и что текст «является основным содержанием обучения в классе», «это лингвистическое поле грамматики и слова» и «без текста грамматика не имела бы основы», «использовать грамматику как руководство для изучения текста» и «улучшить языковые навыки студентов в аудировании, чтении, письме и социальном общении на китайском языке». Многие учебники написаны с учетом того, что в основе лежит обучение языку и речи, а культурологическое содержание является вспомогательной и дополнительной частью текста. Несмотря на это, тексты в учебниках всегда посвящен Китаю, китайскому народу и относительное культурологическое содержание неизбежно присутствует в учебнике, но с точки зрения межкультурной коммуникации культурологическое содержание отсутствует, является необязательным и неактуальным, и становится «побочным» для изучения языка.

Среди целей и содержания первых трех уровней Общей учебной программы преподавания китайского языка как иностранного, основные области культурных знаний включают культурный и образовательный вклад Китая в мировую культуру, историю

китайской культуры и искусства и их вклад в мировую культуру, культурные коннотации наиболее часто используемых идиом и историй на китайском языке, социальные структуры и межличностные отношения в китайской культуре, такие как личность и семья, и т.д. Данный предмет предназначен для ознакомления с китайской культурой и ее вкладом в мировую культуру. Учебные материалы по китайскому языку должны анализировать ценность и вклад китайской культуры в мировую культуру как с исторической, так и с современной точки зрения, чтобы студенты могли получить духовную и культурную пользу в дополнение к изучению языка и понять взаимосвязь между изучением культуры и изучением языка. Кроме того, многие учебники китайского языка не отражают должным образом важное значение культуры для языка, что поможет учащимся понять и развить положительные эмоции, будет способствовать обучению китайскому общению по четырем направлениям: *понятия, знания, язык и поведение* (курсив мой – А.Н.), а также улучшит их коммуникативную компетенцию.

Культура – высокая категория, а обучение языку – развитие учащихся. Взаимосвязь между языком и культурой является одним из ключевых факторов. Культура не подчинена языку, а является содержанием, смыслом, ценностью и силой языка. Улучшение культурологического содержания и достижение взаимного продвижения с языком является важной задачей для дальнейшего повышения статуса и качества преподавания.

В целом, учебные материалы по китайскому языку могут быть построены следующим образом:

1. необходимо обобщить и уточнить культурные, образовательные и исторические достижения Китая, которые внесли вклад в развитие мира;
2. проанализировать и описать культурологические особенности китайской общественной жизни;
3. проанализировать культурологическое содержание существующих учебных материалов с точки зрения их актуальности;
4. обобщить и упорядочить результаты исследований в области межкультурной коммуникации, чтобы направить их на написание китайских учебных материалов;
5. культурологическое содержание должно быть интегрировано в учебники китайского языка на разных уровнях сложности, включая начальный, средний и продвинутый уровни;
6. разработать способы интеграции культурологического содержания, включая то, как интегрировать с преподаванием языка.

Важно, чтобы преподаватели китайского языка как иностранного преобразовывали содержание своих учебных материалов с учетом межкультурной перспективы, меняли

философию обучения и технологию преподавания, совершенствовали методы преподавания, увеличивали количество межкультурных коммуникативных упражнений и самостоятельно принимали меры. Цель – развитие навыков межкультурной коммуникации у иностранных студентов по принципу «снизу вверх», таким образом, преподавателям рекомендуется разрабатывать учебные материалы по китайскому языку как иностранному тремя конкретными способами:

1. Уточнить культурные рамки и основное содержание межкультурного обучения.

Например, при изучении приема пищи в китайском доме, в дополнение к предложениям, представленным в учебнике, учитель может рассказать о значении китайской поговорки «Не торопись» и об обычае угощения гостей, включая время прибытия в дом хозяина, количество приготовленной еды, вид еды, подачу еды хозяином, уговаривание вина, тост, как закончить, продолжительность трапезы и как попрощаться. Ознакомьтесь с манерами поведения за столом и табу, такими как использование палочек для еды и неуместные темы за столом. Студентам также предлагается обсудить вопросы, которые необходимо принимать во внимание при угощении гостей в своей стране, и после сравнения их друг с другом они могут отработать сценарий, чтобы выполнить конкретное задание по межкультурной коммуникации в китайском культурном контексте. Это конструктивный подход к материалу, который можно превратить в часть содержания.

2. Существуют различные стадии и уровни развития навыков межкультурной коммуникации, и таким образом, для разных стадий необходимо разрабатывать различные учебные материалы по китайскому языку.

Разработка учебных материалов по китайскому языку на разных этапах (курсив мой). В соответствии с общей последовательностью овладения языком и культурой, обучение межкультурной коммуникации на практических занятиях китайского языка можно разделить на три этапа.

Первый этап – преподавание культурного фона параллельно с китайским языком для постепенного развития у студентов осознания значимости межкультурного обучения.

Второй этап – обучение культурным идеям и концепциям, содержащимся в преподавании китайского языка, что позволяет студентам понять представления о мире, жизни и обществе, которых придерживаются носители китайского языка, и глубже понять мышление и культуру китайского народа.

На третьем этапе – «усиление» понимания китайской культуры, а именно о традиционных китайских культурных ценностях и современных перспективах; понимание китайской литературы, т.е. возможность анализировать, сравнивать и проводить различия между изучаемыми культурами, что способствует развитию толерантности к «чужим» культурам.

3. В соответствии с целями обучения и навыкам межкультурной коммуникации, разработка и пересмотр учебных материалов интегрируется с моделью обучения навыкам межкультурной коммуникации.

Существуют три основные модели развития навыков межкультурной коммуникации для иностранных студентов.

Первая модель представляет собой подпрограмму или комплексную модель обучения межкультурной коммуникации, ядром которой является обучение вербальной коммуникации.

Вторая модель – это модель систематического обучения, основанная на системе межкультурной коммуникации, которая развивает у студентов навыки межкультурной коммуникации систематически и целостно, от осознания до практики.

Третий тип обучения – это метод изучения конкретных случаев или лекций, что позволяет студентам распознать различия и сходства между китайской и иностранной культурами, приобрести знания о межкультурной коммуникации и овладеть определенными навыками межкультурной коммуникации. Эта модель в основном используется в преподавании межкультурной коммуникации на специализированных курсах.

Первая модель в настоящее время является наиболее подходящей для преподавания китайского языка как второго языка в классе. Однако при обучении в таком режиме развитие навыков межкультурной коммуникации остается незначительным, и такого обучения коммуникативным функциям недостаточно для полного развития навыков межкультурной коммуникации, поэтому, исходя из этого преподаватели должны разрабатывать содержание лексики, текстов и упражнений на основе содержания обучения языку и предоставлять студентам культурологические знания и навыки межкультурной коммуникации, что само по себе является построением культурного содержания учебного материала и полезным исследованием преподавания межкультурной коммуникации. Важный способ развития межкультурной осведомленности студентов и их способности «приостанавливать» осуждения культурных различий. Преподаватели должны продолжать укреплять собственное обучение, углублять понимание истории, обычаев, ценностей и правил общения своего народа, а также создавать прочную теоретическую систему знаний для преподавания межкультурной коммуникации, чтобы они могли направлять учащихся к пониманию ценностей и привычек разных стран.

Преподаватели должны не только уметь исследовать учебные моменты и обогащать культурный подтекст своего преподавания, но и проводить тренинги по межкультурной коммуникации. Преподаватели могут изучать и расширять свои знания и сравнивать их с

культурой своих учеников, чтобы повысить свою осведомленность о культурном разнообразии и обеспечить обучение межкультурной коммуникации.

Например, при изучении темы «Разрыв поколений» учащиеся могут рассказать о текущей ситуации разрыва поколений в своих семьях или странах, продемонстрировать барьеры в общении со старшими или младшими поколениями, проанализировать причины этого, обсудить проблему в малых группах с разных точек зрения, сделать групповые отчеты, провести классные дискуссии или дебаты, сравнить различия в разрыве поколений между разными культурами, дать объективные оценки и выдвинуть предложения. Группа обсуждает или дискутирует о различиях между разными культурами, дает объективную оценку, предлагает решения, проводит инсценировку общения между поколениями и дает задания вне класса, что углубляет и расширяет аспект межкультурной коммуникации в тексте и помогает студентам связать изучение языка с реалиями жизни, социальными проблемами, культурными установками и событиями времени, и в полной мере использовать ценность преподавания языка и преподавания культуры в учебных материалах, развивать межкультурную коммуникативную осведомленность и компетенцию, а также способствовать общему развитию мышления, языка, мышления, культуры и компетенции студентов. Эти аспекты межкультурной коммуникации должны быть результатом практического построения учебных материалов.

Список литературы:

- 杨寄洲. Курс китайского языка. Beijing Language and Culture University Press/北京语言大学出版社, 2009.
- 刘利、陈绂等. 汉语国际教育知识体系的特色与构建——“汉语国际教育 知识体系的特色与构建研讨会”观点辑录, 世界汉语教学, 2019. 第2期. (Liu Li, Chen Sash et al. The Characteristics and Construction of the Knowledge System of Chinese International Education: A Collection of Views from the Seminar on the Characteristics and Construction of the Knowledge System of Chinese International Education, World Chinese Language Teaching. 2019. Vol. 2).
- 国家汉办/孔子学院总部. 国际汉语教学通用课程大纲, 北京:外语教学与研究出版社, 2008. (China Hanban/Confucius Institute Headquarters. General Curriculum for Teaching Chinese as a Foreign Language, Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2008).
- 荣继华, 徐桂梅. Developing Chinese. 北京语言大学出版社/Beijing Language and Culture University Press, 2011.
- 吴中伟. Contemporary Chinese. SINOLINGUA / 华语教学出版社, 2010.
- 姜丽萍. Experiencing Chinese. Higher Education Press / 高等教育出版社, 2006.
- 张辉. Road to Success. Beijing Language and Culture University Press / 北京语言大学出版社, 2008.
- 李晓琪. Boya Chinese. Peking University Press / 北京大学出版社, 2013.
- 肖在奚强, 朱敏. Intensive Elementary Chinese Course. Peking University Press / 北京大学出版社, 2008.

References:

- 杨寄洲. Kurs kitaiskogo yazyka [Chinese language course]. Beijing Language and Culture University Press/北京语言大学出版社, 2009.

- 刘利、陈绂等. 汉语国际教育知识体系的特色与构建——“汉语国际教育 知识体系的特色与构建研讨会”观点汇辑, 世界汉语教学, 2019. 第 2 期. (Liu Li, Chen Sash et al. The Characteristics and Construction of the Knowledge System of Chinese International Education: A Collection of Views from the Seminar on the Characteristics and Construction of the Knowledge System of Chinese International Education, World Chinese Language Teaching. 2019. Vol. 2). (In Chinese).
- 国家汉办/孔子学院总部. 国际汉语教学通用课程大纲, 北京: 外语教学与研究出版社, 2008. (China Hanban/Confucius Institute Headquarters. General Curriculum for Teaching Chinese as a Foreign Language, Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2008). (In Chinese).
- 荣继华, 徐桂梅. Developing Chinese. 北京语言大学出版社/Beijing Language and Culture University Press, 2011.
- 吴中伟. Contemporary Chinese. SINOLINGUA / 华语教学出版社, 2010.
- 姜丽萍. Experiencing Chinese. Higher Education Press / 高等教育出版社, 2006.
- 张辉. Road to Success. Beijing Language and Culture University Press / 北京语言大学出版社, 2008.
- 李晓琪. Boya Chinese. Peking University Press / 北京大学出版社, 2013.
- 肖在奚强, 朱敏. Intensive Elementary Chinese Course. Peking University Press / 北京大学出版社, 2008.

Соколова Ирина Александровна

Государственное бюджетное образовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 653
с углубленным изучением иностранных языков (хинди и английского)
Калининского района Санкт-Петербурга имени Рабиндраната Тагора
г. Санкт-Петербург (Россия)

Sokolova Irina

State budgetary educational institution Secondary school № 653
with in-depth study of foreign languages (Hindi and English)
of the Kalininsky district of St. Petersburg
named after Rabindranath Tagore
St. Petersburg (Russia)

**РОЛЬ ПРЕПОДАВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ
ИСТОРИЯ И УСПЕХ ПРЕПОДАВАНИЯ ХИНДИ
УНИКАЛЬНАЯ ШКОЛА ХИНДИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

**THE ROLE OF LANGUAGE TEACHING IN THE DEVELOPMENT OF RELATIONS
BETWEEN THE TWO COUNTRIES
HISTORY AND SUCCESS OF TEACHING HINDI
UNIQUE HINDI SCHOOL IN SAINT PETERSBURG**

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 653 с углубленным изучением иностранных языков (хинди и английского) Калининского района Санкт-Петербурга имени Рабиндраната Тагора – на сегодняшний день единственная государственная школа в России, в которой изучается язык хинди. За годы существования учебного заведения сложились основные направления деятельности с использованием языка хинди как инструмента укрепления российско-индийских дружественных связей. Важнейшие из них будут освещены в предлагаемой статье, в качестве примеров, повышающих статус предмета «иностранный язык» как общеобразовательной учебной дисциплины. А именно:

- Профильное обучение
- Обмен делегациями
- Прием почетных гостей из Индии и участие в мероприятиях городского, всероссийского и международного масштаба
- Видеоконференции и виртуальные уроки совместно со школами и колледжами Дели и Мумбаи (Индия)
- Создание учебных пособий по языку хинди
- Изучение материальной культуры, традиций и искусства Индии.
- Переводческая деятельность (предпрофессиональная подготовка).

Очевидные для специалиста или просто взрослого образованного человека жизненные преимущества, которые дает овладение иностранным языком или языками, совсем не так очевидны для школьников, сфера основных интересов которых зачастую лежит за рамками школьной программы. Поэтому, актуальность предлагаемой статьи обусловлена поисками и апробацией найденных или созданных различных способов, методов и методик направленных на повышение мотивации к изучению сложного восточного языка – хинди – и на стремления использовать полученные знания в реальной жизни, что расширит возможности выпускников при выборе будущей профессии, даст им уверенность и конкурентоспособность, предоставит им шанс выбрать уникальную, интересную и востребованную профессию в различных сферах, связанных с международным сотрудничеством или иностранными языками.

Secondary school № 653 with in-depth study of foreign languages (Hindi and English) of St. Petersburg named after Rabindranath Tagore is today the only public school in Russia where students study the Hindi language. Over the years of the existence of the educational institution, the main directions of activity have developed using the Hindi language as a means for strengthening Russian-Indian friendly ties. The most

important of them will be shown in the proposed article, as examples that increase the status of the subject “foreign language” as a general educational discipline. Namely:

- Profile training
- Exchange of delegations
- Reception of honored guests from India and participation in the city, Russian and international events
- Video connection and virtual classes with schools and colleges in Delhi and Mumbai (India)
- Creation of Hindi language study guides
- Study of the material culture, traditions and art of India.
- Translation activities (pre-professional training).

Obvious for a specialist or just an educated adult, the life benefits that improve the foreign language which are not so obvious for schoolchildren, whose main interests are often outside the school curriculum. Therefore, the relevance of the proposed article is due to the search and testing of the found or created various methods and techniques aimed at increasing the motivation to study the complex oriental language – Hindi – and the desire to use the acquired knowledge in real life, which will expand the possibilities of graduates when choosing a future profession and will give them confidence and competitiveness, will give them a chance to choose a unique, interesting and demanded profession in various fields related to international cooperation or foreign languages.

Ключевые слова: язык хинди, профильное обучение, предпрофессиональная подготовка, российско-индийские связи, углубленное изучение языка, мотивация обучающихся, международное сотрудничество.

Key words: Hindi language, profile education, pre-professional training, Russian-Indian relations, in-depth study of the language, translation, motivation, international cooperation.

Как востоковед и преподаватель восточного языка, я наблюдаю в последние десятилетия возросший интерес к Востоку не только в России, но и во всем западном мире. Этот пристальный интерес говорит о желании западного мира понять и принять новую, более открытую концепцию мироустройства, в которой прогрессивные идеи толерантности и стремление к диалогу различных культур помогают различным народам осознать свое место в современном мире. Однако для этого, прежде всего, необходимо иметь верное представление о восточной культурной традиции, представляющей из себя сложную систему идей и ценностных ориентаций и понимать ее отличие от западно-европейского и американского стиля мышления и образа жизни. Наиболее простой и рациональный путь для этого – изучение основных реалий иной культурной традиции по литературным памятникам, искусству. Но главное – общение. Важнейшим средством общения, без которого невозможно существование и развитие человеческого общества, является язык.

Уникальная, на данный момент, единственная школа с изучением государственного языка Индии хинди была основана в 1957 году в ознаменование 10-летней годовщины независимости Индии после визита в эту страну Н.С. Хрущева. В 2014 году школе было присвоено имя великого индийского писателя, философа и гуманиста Рабиндраната Тагора.

За годы существования учебного заведения сложились основные направления деятельности с использованием языка хинди как инструмента укрепления российско-индийских дружественных связей:

- Профильное обучение
- Обмен делегациями

- Прием почетных гостей из Индии и участие в мероприятиях городского, всероссийского и международного масштаба
- Видеоконференции и виртуальные уроки совместно со школами и колледжами Дели и Мумбаи (Индия)
- Создание учебных пособий по языку хинди
- Изучение материальной культуры, традиций и искусства Индии.
- Переводческая деятельность (предпрофессиональная подготовка).

Из всего этого, далеко не полного перечня, сейчас хотелось бы особо выделить аспекты профорientации и профильного обучения. Хинди является в нашей школе вторым иностранным языком. Часов в основном расписании всего два. Поэтому, помимо основного курса, разработаны и реализуются элективные курсы внеурочной деятельности и дополнительного образования, связанные с языком, культурой и искусством Индии.

Очевидные для специалиста или просто взрослого образованного человека жизненные преимущества, которые дает овладение иностранным языком или языками совсем не так очевидны для школьников, сфера основных интересов которых зачастую лежит за рамками школьной программы. Кроме того, большинство современных представителей юного поколения, по крайней мере, обучаясь в школе, не строят (в силу психологических особенностей возраста) далеко идущих планов на будущее, предоставляя планировать это будущее родителям. Отсюда и проистекает одна из главных проблем в обучении – проблема мотивации. Ни для кого не секрет, что современное общество предоставляет юному поколению весьма обширный выбор интересов. И наиболее конкурентоспособными на этом рынке предоставляемых услуг, как в профессиональном смысле, так и на рынке развлечений являются современные компьютерные и информационные технологии. Большинство современных школьников не представляют свою жизнь без компьютера и интернета. Эти новейшие достижения цивилизации являются настолько значимыми в сфере интересов школьников, что все (или почти все) лежащее вне данной сферы, становится менее значимым и интересным.

В такой, казалось бы, сложной ситуации, все же возможен компромисс, не требующий особенно высокотехнологичного оснащения, в котором и ученик, и учитель смогут проявить свои сильные стороны. Ученику будет предоставлена возможность проявить свои творческие способности и компьютерные навыки. Преподаватель же сможет добиться выполнения своей главной задачи – научить, повысив интерес к преподаваемому предмету, используя нестандартные методы обучения. Таким компромиссом может являться проектная деятельность с использованием компьютерных технологий.

Успешное овладение иностранным языком требует достаточного уровня компетентности по целому ряду параметров: речь, письмо, аудирование, коммуникативные навыки, знание социокультурных аспектов и т.д. Для успешного освоения учениками программы изучения иностранного языка, согласно последним методическим рекомендациям, преподавание должно вестись комплексным, интеграционным методом. Интеграция различных видов речевой деятельности является приоритетным направлением в методике преподавания иностранного языка. Данный метод преподавания позволяет воздействовать практически на все каналы восприятия информации.

Но преподавание восточного иностранного языка – статья особая. Помимо очевидной сложности графики и фонетики языка, изучающие язык сталкиваются с терминами и понятиями, полностью отсутствующими в европейском сознании. Более того, через невербальные каналы восприятия обучающиеся считают совершенно отличным от привычного культурный код: иная мимика, язык жестов, обычаи и этикет затрудняют понимание и в живом общении, и при переводе. Для преодоления таких специфических трудностей, на базе нашей школы, усилиями преподавателей языка хинди и учащихся старших классов создан ряд творческих проектов в рамках программы изучения языка хинди. Все школьные программы разработаны учителями-индологами и являются авторскими. Ими же создан ряд пособий и методических разработок по языку хинди. Сейчас в стадии разработки создание новых учебных пособий для первой (начальной) ступени и второй (для средней школы).

Чтобы подготовить учащихся к освоению языка и пробудить в них интерес к индийской культуре, преподавателями школы был создан ряд программ дополнительного образования, внеурочной деятельности (согласно новым ФГОС) и элективных курсов. В начальной школе (3–4 классы) в рамках занятий групп продленного дня ведутся программы «Индийская радуга» (базовое страноведение), «Давайте говорить на хинди» (основы базовой лексики и общеупотребительных фраз), «Красиво пишем и читаем» (основы индийской графики, навыков письма и чтения).

В рамках преподавания языка хинди в средней школе (5–8 классы) реализуются, помимо основной Учебной программы, также программы дополнительного образования «Индийские сказки и основы мифологии», «Национальные праздники и традиции Индии». Данные программы включают в себя не только работу с текстами различного уровня на языке хинди, но и знакомство с материальной культурой. Для старшей школы разработаны элективные курсы «Индийская мифология» и «Введение в историю и философию индийских религий»

Особенно хочется выделить проект «Студия переводов “कथासरित्सागर” «Катхасаритсагар» [Kathāsaritsāgara, эл. ресурс]. Название переводится как «Океан сказаний» [Океан сказаний, эл. ресурс]. Оно дано в честь бессмертного произведения индийского поэта XI в. Сомадевы [Сомадева, эл. ресурс]. Данный проект продолжает собой тематический блок дисциплин, направленных на глубинное изучение культуры, философии, религии и литературного творчества Индии, а также на совершенствование учащимися практических (языковых) навыков.

Поскольку школьный курс языка хинди имеет практическую направленность, то и специализированные курсы, такие как «Киноперевод с языка хинди», созданный в рамках проекта «Студия переводов «Катхасаритсагар», как пример предпрофессиональной подготовки одаренных учащихся, носят практический характер.

Курс направлен на:

- увеличение возможностей для приобретения учащимися опыта межкультурного общения и работы переводчика, приобретения более глубоких знаний по истории, культуре, литературе, традициям и обычаям страны изучаемого языка.
- Создание разносторонней лингвокультурологической компетенции учащихся в процессе овладения разными видами речевой деятельности.
- Повышение мотивации учащихся к овладению различными аспектами иноязычной лингвистической культуры

Для примера представлены варианты этапов работы с кинофильмом на языке хинди:

- Просмотр кинофильма на языке оригинала, обсуждение
- Выбор фрагмента для перевода
- Запись текста, реплик
- Перевод реплик (подстрочный)
- Художественный перевод реплик
- Работа с монтажным листом
- Распределение ролей
- Выразительное чтение по ролям
- Аудио запись дубляжа, озвучки
- Наложение аудиодорожек на видео
- Оформление видеоролика,
- Создание и наложение субтитров

Все это можно реализовать с помощью не очень сложных технических средств.

Другое направление в рамках проекта «Катхасаритсагар» – это стихотворный перевод. Переводы участников проекта песен и стихов индийских авторов высоко оценены специалистами и несколько раз публиковались в индийских изданиях. Один из примеров перевода песни из индийского кинофильма:

गाना / Title: जादू तेरी नज़र [Udit Narayan,
эл. ресурс]

Песня: «Чудо – твой взгляд»

चित्रपट / Film: डर

Фильм: «Жизнь под страхом»

संगीतकार / Music Director: Shiv-Hari

Композитор: Шив-Хари

गीतकार / Lyricist: Anand Bakshi

Автор стихов: Ананд Бахши

गायक / Singer(s): Udit Narayan

Певец: Удит Нараян

Перевод на русский: Дмитрий Демидов

(9 класс)

जादू तेरी नज़र,
खुशबू तेरा बदन (२)
तू हाँ कर या ना कर (२)
तू है मेरी किरन (२)

Чудесен глаз твоих лучистый взгляд
Ты вся – цветов волшебный аромат
Сказать мне можешь «да», а можешь «нет»...
Но для меня ты – солнца яркий свет

जादू तेरी नज़र ...
मेरे ख्वाबों की तस्वीर है तू
बेखबर मेरी तकदीर है तू (२)
तू किसी और की हो ना जाना
कुछ भी कर जाऊंगा मैं दीवाना
तू हाँ कर या ...

Судьбу свою не ведаю,
Но ты – обман моей несбыточной мечты,
Не будет никогда с тобой другой!
Безумный подвиг совершу любой.

फ़ासले और कम हो रहे हैं
दूर से पास हम हो रहे हैं (२)
माँग लूँगा मैं तुझे आसमाँ से
छीन लूँगा तुझे इस जहाँ से

И вот уже мне кажется подчас –
Одно мгновенье разделяет нас
И у небес – на счастье иль беду –
Я вымолю тебя и уведу.

तू हाँ कर या ...

Разумеется, участие в проектной деятельности такого уровня возможно лишь в старших классах, когда запасы лексики, знания грамматики и мотивация уже достаточны

для включения в довольно трудоемкий и длительный процесс. Ведь, как говорят в Индии: **जल्दी काम काअच्छा नहीं** (Быстро сделанная работа хорошей не бывает) [Пословицы и поговорки Северной Индии, 1998, с. 143]. Но уже и на первой ступени изучения хинди, даже в самом начале, мы стараемся использовать свои наработки. Например, у обучающихся пятого класса, только начинающих изучающих язык хинди, уже есть возможности, при помощи медиатехнологий, услышать живую речь носителей языка, обращенную непосредственно к ним. Через невербальные каналы восприятия, постараться понять аутентичные жестикуляцию и мимику, познакомиться с азами приветственного этикета и увидеть национальную одежду.

Предлагаемые индологами школы методы и виды работ в рамках проекта «Катхасаритсагар», помимо очевидной помощи в обучении и повышения мотивации, помогают сформировать у учащихся стремление использовать полученные навыки в реальной жизни. Так как специалистов в России, занимающихся восточными языками (в частности, хинди), довольно мало, то овладение начальными профессиональными навыками перевода дает дополнительную возможность молодым людям применять свои знания на практике, работая переводчиком литературных произведений различной направленности, выполняя работу по переводу и озвучиванию фильмов, телепрограмм и т.п. Тем самым появляется шанс получить, продолжив образование, редкую, интересную и востребованную профессию или совмещать занятия подобного рода с другой, основной работой. Практическое применение полученных знаний приносит и материальную выгоду, что для современной молодежи является одним из решающих факторов при выборе рода деятельности.

Успехи учащихся школы в освоении языка хинди и постижения основ индийской культуры высоко оценены на уровне Посольства Республики Индия в РФ и Генерального Консульства Индии в Санкт-Петербурге. Нашу школу также неоднократно посещали делегации учеников и преподавателей индийских школ, где изучают русский язык. Т.к. основное назначение иностранного языка состоит в формировании коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Нашим учащимся повезло: у них есть реальная возможность встречаться с носителями языка, общаться как очно, так и виртуально, причем как со сверстниками, так и на самом высоком, правительственном уровне.

Учащиеся и преподаватели нашей школы были приглашены на торжественные мероприятия в честь визита в наш город Премьер-министра Индии господина Атал Бихари

Ваджаи. А в 2009 году в рамках визита в нашу страну президента Индии госпожи Пратибхи Девисингх Патиль был организован торжественный прием и культурная программа. Учащиеся нашей школы и преподаватели принимали в ней заметное участие. Среди почетных гостей, посетивших школу в разные годы, мэр города Бомбея, вице-спикер Парламента Индии, делегация правительства Дели. Регулярно проходят встречи с индийскими деятелями культуры. Мы принимали путешественника Рам Чандра Бисваса, совершающего кругосветное путешествие на велосипеде, танцовщиц Джоти Бхарати и Арти Шанкар (последняя не только выступила на школьной сцене, но и провела мастер-класс для учащихся), коллектив народной музыки и танца из штата Раджастан. В Санкт-Петербурге проходили Дни Дели, в которых принимали участие известные деятели культуры Индии.

В нашей школе две студии индийского танца: классический танец стиля Кучипуди преподает моя коллега Бещук Ю.В., а я веду студию эстрадного и народного индийского танца «Ратна».

Многие годы мы работаем в тесном сотрудничестве и при поддержке Посольства Республики Индия в Российской Федерации, Генерального консульства Республики Индии в г. Санкт-Петербурге, Международного Культурного центра им. Дж. Неру при Посольстве Индии в г. Москве, принимаем активное участие в мероприятиях, связанных с укреплением дружественных связей между Россией и Индией, развитием сотрудничества, культурой, наукой и искусством Индии, что подтверждено многочисленными дипломами, сертификатами и благодарственными письмами. Послы и Генеральные консулы Индии наши частые гости.

И учащиеся, и преподаватели с энтузиазмом принимают участие в культурно-просветительских мероприятиях, в том числе и таких, которые призваны познакомить людей с индийской культурой, языками и традициями. Например, в мастер-классах, посвященных индийской кухне и национальной индийской одежде, проводимых в Генеральном консульстве Индии. Посольством Индии в Москве Генеральным Консульством Индии в Санкт-Петербурге были организованы кинофестивали, где можно было познакомиться как с классическими, так и с современными кинолентами Индии. Учителя-индологи школы № 653 работали в качестве переводчиков-синхронистов на показах в крупнейших кинотеатрах Санкт-Петербурга («Паризиана», «Прометей»), а учащиеся посещали сеансы, чтобы закрепить и улучшить свои знания разговорного хинди. В рамках одного из кинофестивалей были проведены два сеанса специально для учащихся школы, где фильмы демонстрировались без перевода.

Кинофестиваль «Open India», организованный в нашем городе в апреле 2012 г. в честь 65-летия установления дипломатических отношений между СССР и Индией, стал еще одной вехой в развитии и укреплении дружбы наших стран. Педагоги и учащиеся школы работали на этом фестивале в качестве переводчиков, экскурсоводов и волонтеров. Ассоциацией Международного сотрудничества был организован семинар «Кинематограф Индии и России – перспективы содружества», в котором принял участие киноактер Шарман Джоши. Кроме этого, представители школьного самоуправления входили в состав делегации, приглашенной на съемки индийского фильма «Игроки», проходившие в центре Санкт-Петербурга. А на году на съемках картины «Лаки. Не время любить» с участием известного актера и режиссера Митхуна Чакраборти наши ученики и педагоги пробовали себя в качестве репортеров – брали интервью у создателей и участников картины.

Происходящие сегодня изменения в общественных отношениях, стремление к глобализации, расширение средств и возможностей коммуникации требуют повышения коммуникативной компетенции школьников, совершенствования их филологической подготовки, что, в свою очередь, расширит возможности выпускников при выборе будущей профессии. Овладение начальными профессиональными навыками литературного, поэтического и кино-перевода, оказывает на школьников благотворное психологическое воздействие, повышая уровень самооценки учащихся и давая больше уверенности в возможности практического применения полученных навыков во взрослой жизни, что снижает уровень стресса при переходе в среднее учебное заведение в ВУЗ или профессиональную деятельность. Все это повышает статус предмета «иностраный язык» как общеобразовательной учебной дисциплины и усиливает мотивацию к изучению такого сложного языка как хинди.

Список литературы:

- Бархударов А.С., Бескровный В.М., Зограф Г.А., Липеровский В.П.* Хинди-русский словарь. हिन्दी-रूसी शब्दकोष. В 2 томах. М.: Советская Энциклопедия, 1972. 1821 с.
- Океан сказаний* [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Океан_сказаний
- Пословицы и поговорки Северной Индии.* Составление, перевод с хинди и урду и комментарии А.С. Бархударова, В.М. Бескровного и Г.А. Зографа. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. 388 с.
- Сомадева* [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сомадева>
- Kathāsaritsāgara* [Электронный ресурс] // Wikipedia. – Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Kathasaritsagara>
- Udit Narayan* [Электронный ресурс] // Hinditracks. – Режим доступа: <https://www.hinditracks.in/jaadu-teri-nazar-lyrics>

References:

Barkhudarov A.S., Beskrovnyi V.M., Zograf G.A., Liperovskii V.P. Khindi-russkii slovar' [Hindi-Russian Dictionary]. हिन्दी-रूसी शब्दकोष. V 2 tomakh. M.: Sovetskaya Ehntsiklopediya, 1972. 1821 p.

Okean skazanii [The ocean of legends] [Electronic resource] // Vikipediya. – Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Okean_skazanii (In Russian).

Poslovitsy i pogovorki Severnoi Indii [Proverbs and sayings of North India]. Sostavlenie, perevod s khindi i urdu i komentarii A.S. Barkhudarova, V.M. Beskrovnogo i G.A. Zografa. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. 388 c. (In Russian).

Somadeva [Electronic resource] // Vikipediya. – Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Somadeva> (In Russian).

Kathāsaritsāgara [Electronic resource] // Wikipedia. – Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Kathasaritsagara>

Udit Narayan [Electronic resource] // Hinditracks. – Available at: <https://www.hinditracks.in/jaadu-teri-nazar-lyrics>

Тарасова Кира Эдуардовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Tarasova Kira
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СРАВНЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ ШОТЛАНДИИ И КАТАЛОНИИ

COMPARISON OF THE LANGUAGE CONFLICTS CONCEPTUAL DOMAINS IN THE REPRESENTATION OF THE SCOTLAND AND CATALONIA ETHNOCULTURAL COMMUNITIES

В статье дается краткая историческая характеристика развития языковой ситуации и протекания языковых конфликтов в Шотландии и Каталонии, приводятся определения таких ключевых понятий, как «языковой конфликт», «концепт», «концептуальная область» и др. На материале научных англоязычных статей М. Шеббы, К. и Д. Матесон, Р. Джексона и Л. Нивени испаноязычных статей Х. Марти и Кастель, И. Мари и Маянс, Х.А.Г. Риано определяются концепты, характеризующие языковые конфликты, которые рассматриваются как последовательность исторических событий с точки зрения концептуализации их этнокультурными сообществами в рамках действительности, в которой они протекают. В статье приводится сравнение концептуальных областей языковых конфликтов в рамках двух разных культур: рассматриваются общие и различные концепты, содержащиеся в сознании двух разных этнокультурных сообществ, и лексические единицы, объективизирующие данные концепты в анализируемых статьях. Формулируются выводы об общности концептов, составляющих знания об языковом конфликте в сознании двух разных этнокультурных сообществ, несмотря на различия в объективизации данных концептов, вызванные особенностями культурного, языкового и исторического развития этих сообществ.

The article gives brief historical characteristics of the language situation development and the language conflicts course in Scotland and Catalonia and represents definitions of such key terms as “language conflict”, “concept”, “conceptual domain” and etc. Concepts characterized language conflicts are determined on the basis of the scientific English and Spanish articles written by M. Shebba, C. and D. Matheson, R. Jackson, L. Niven, J. Martí y Castell, I. Mari y Mayans, X.A.G. Riaño. Language conflicts are represented in the article as sequence of the historical events from the point of view of their conceptualization by ethnocultural communities within the reality, in which they occur. The article provides comparison of the conceptual domains within two different cultures: the article studies common and distinct concepts, that are stored in the consciousness of two different ethnocultural communities, and lexical units objectivized these concepts in the analyzed articles. Despite differences in objectification of the analyzed concepts, which are caused by the identity of the cultural, linguistic and historical developments of these communities.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, социолингвистика, языковой конфликт, концепт, концептуальная область, Шотландия, Каталония.

Key words: Cognitive Linguistics, Sociolinguistics, language conflict, concept, conceptual domain, Scotland, Catalonia.

Язык и культура являются одними из важных элементов, отражающих причастность группы людей к определенному этнокультурному сообществу, которое предстает носителем знаний, характерных конкретно для окружающей его действительности. Язык является определяющим фактором, который организует языковые личности в этнос,

формирующий нацию «через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2001, с. 33].

Издавна люди, принадлежащие к разным культурам, вступали между собой в контакты, тем самым распространяя свои языки и культуры, которые вследствие постоянных контактов находились под влиянием друг друга. В большинстве случаев языковой контакт связан с языковым конфликтом, который он может вызвать по ряду причин: несоответствие в отношении к языку; различиями в языках; расхождениями в понятиях, входящих в состав языка; внешними, культурными влияниями, которые приводят либо к созданию конфликтной ситуации, либо к потере части самобытности [Nelde, 1987, с. 33]. Если этнокультурное сообщество в определенный исторический период не сумело отстоять свою языковую и культурную независимость, то далее оно будет существовать уже в ситуации дву- или многоязычия, при которой их национальный язык будет, скорее всего, оттеснен на периферию [Бахтикириеева, 2014, с. 241].

В современном мире языковая ситуация во многих странах и автономных административно-территориальных единицах характеризуется многоязычием, что нередко приводит к возникновению языковых конфликтов, особенно в тех случаях, когда происходит притеснение национального языка этноса официальным языком страны: например, языковой конфликт в Шотландии, где происходит притеснение национального англо-шотландского языка официальным английским, языковой конфликте в Каталонии – притеснение национального каталанского языка официальным кастильским. Исходя из выше сказанного, языковые конфликты предполагают противостояние между разными этническими общностями по вопросам, связанных с языками, и являются «частью национальных конфликтов, затрагивающих социальные, культурные, политические проблемы» [Михальченко, 2014, с. 209].

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к вопросам языкового конфликта, что прослеживается в работах П.Х. Нелде, М. Пютц, У.Д. Дейвис, В.Ю. Михальченко, Е.М. Арутюнова, Н.Б. Бахтин и др., занимающихся изучением вопроса взаимоотношения языка и социального конфликта, а также в разработке глобального, междисциплинарного проекта Language Conflict Encyclopedia⁶⁰, целью которого является всестороннее изучение языковых конфликтов в разных странах. Интерес также представляет сравнение фрагмента концептуальных картин двух разных этнокультурных

⁶⁰Language Conflict Encyclopedia – междисциплинарный, совместный проект, находящийся в данный момент в стадии разработки и направленный на изучение отношений между языком и социальным конфликтом в рамках политологии, лингвистики и цифровых гуманитарных наук, целью которого является создание единой базы данных об языковых конфликтах. Режим доступа: <https://www.languageconflict.org>

сообществ, что способствует изучению концептосфер носителей культур Шотландии и Каталонии и средств их объективизации в языке.

Целью данной статьи является сравнение концептуальных областей языковых конфликтов, рассматриваемых как последовательность исторических событий с точки зрения их представления в сознании этнокультурных сообществ Шотландии и Каталонии на материале научных статей М. Шеббы [Shebba, 2019, с. 339–362], К. и Д. Матесон [Matheson, 2000, с. 211–222], Р. Джексона и Л. Нивен [Jackson, эл. ресурс], Х. Марти и Кастель [Marí уCastell, 1985, с. 13–25], И. Мари и Маянс [Marí уMayans, 2003, с. 1–7], Х.А.Г. Риано [Riaño, 2013, с. 191–213].

В лингвистике понятие «конфликт» чаще всего рассматривается с позиции участников речевого конфликта (в трудах В.С. Третьяковой, М.Ю. Сейранян, Н.А. Белоус, Н.Д. Голев и др.), под которым понимается «состояние противоборства двух сторон..., в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне», то есть речевой конфликт представлен как «протекающее во времени коммуникативное событие, имеющее свое развитие» [Арустамян, 2011, с. 1–2]. Конфликт рассматривается как событие, которое изучается в лингвистике на когнитивных и дискурсивных основаниях. В.И. Заботкина определяет событие с точки зрения того, как оно репрезентируется в сознании носителей определенной культуры, и предлагает ментальную модель события [Заботкина, 2017, с. 29, 34], которая перекликается со структурой репрезентации события в работах А. Папафрагоу, состоящей из “agent condition”, “patient condition”, “goal condition” и “instrument condition [Papafragou, 2015, с. 332]. Л.А. Манерко обращается к понятию события как научному открытию с позиции репрезентации физической картины мира в сознании ученого [Манерко, 2017, с. 146–173]. Ю.Л. Троицкий описывает событие как «семиотический конструкт историка, в основе которого лежит факт, являющийся результатом фиксации фрагмента действительности в предельно нейтральном виде» [Троицкий, 2017, с. 213–214]. В данной статье языковой конфликт рассматривается как последовательность исторических событий, формирующих определенную систему представлений в сознании языковых личностей.

Языковой конфликт является частью культуры и понимание его концептуальных структур, хранящихся в сознании носителей культуры и находящих языковое отражение в дискурсах, помогает сформировать фрагменты концептуальной и языковых картин мира. Согласно когнитивному подходу, под культурой понимается «когнитивная организация концептов материальных и социальных явлений», суммированное знание (пропозициональное и процедурное), «необходимое для адекватного участия человека в жизни общества» [Елизарова, 2005, с. 17]. Такой подход к пониманию культуры позволяет

рассматривать язык как ментальную структуру, отражающую «то, что говорящий знает как член общества и языкового ареала, и что детерминирует его интерпретацию окружающего мира» [Елизарова, 2005, с. 18], и средство активизации и передачи концептов, понимаемых как оперативные единицы памяти «концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [Кубрякова, 1997, с. 90–92], фундаментальная единица знаний, играющая важную роль в категоризации и концептуализации [Evans, 2007, с. 31]. Концептуальные области определяются как сложные структуры знания, которые представляют собой согласованные и взаимосвязанные между собой аспекты участков опыта [Evans, 2007, с. 61]. Для более глубокого понимания сложившейся в сознании носителей картины мира рассмотрение концептов, составляющих представление об языковом конфликте, необходимо проводить вместе с изучением развития языковой ситуации в определенные исторические периоды.

Проанализировав англоязычные статьи М. Шеббы, К. и Д. Матесон, Р. Джексона и Л. Нивен, можно концепты: SCOTS (АНГЛО-ШОТЛАНДСКИЙ ЯЗЫК), RENAISSANCE (ВОЗРОЖДЕНИЕ), SCHOOL (ШКОЛА), POLITICS OF SCOTS (ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА), представляющие взгляд на языковую ситуацию в Шотландии и формирующих фрагмент картины мира носителей шотландской культуры.

Современная языковая ситуация в Шотландии характеризуется существованием трех языков: гаэльского, английского и англо-шотландского языков, где касательно статуса последнего наблюдается столкновение взглядов: одни рассматривают его как полноправный язык, другие – как диалект английского языка или сленг.⁶¹ В анализируемых статьях концепт SCOTS является ключевым и представлен лексемой *Scots* и словосочетанием *the Scots language*. Описывая англо-шотландский язык, авторы анализируемых статей употребляют такие слова как *language*, *dialect*, *variant* и *form*, подчеркивая неоднозначное отношение к данному языку.

Начало истории англо-шотландского языка датируется приблизительно V в. н.э., когда северогерманские племена (англы и саксы) прибыли на британские острова [Murison, 1977, с. 1]. В это время англо-шотландский язык мало отличался от английского, так как оба языка восходят к одному источнику – западногерманскому языку [Corbett, 2003, с. 5]. Различия в англо-шотландском и английском языках, приобретенные в последующих веках, можно объяснить тем, что англо-шотландский язык формировался больше под влиянием диалектов англов, в то время как английский – под влиянием диалектов саксов [Murison, 1977, с. 1]. Характерные языковые различия вызваны также языковыми контактами с

⁶¹Информация представлена в документе *History of Scots: From the Middle Ages to the present day*, представленном на сайте Education Scotland Foghlam Alaba – официальный сайт одного из органов власти Шотландии, предоставляющий информацию об образовании в Шотландии. – Режим доступа: <https://education.gov.scot/nih/Documents/HistoryOfScotsMar17.pdf>

другими языками (например, в VIII в. древнескандинавский язык оказал влияние на англо-шотландский в области образования имен собственных, географических названий, названий продуктов питания). С 900 г. по начало XII в. языком шотландской власти и основным языком населения был гаэльский, пришедший на территорию Шотландского высокогорья из Ирландии V в. н.э. и относящийся к группе кельтских языков [Manerko, 1998, с. 23-24; Aitken, 1984, с. 517-518]. Норманское завоевание 1066 г. и последующие этому события: брак принцессы Маргарет (носитель англо-скандинавского языка) и короля Малькома III (носитель гаэльского языка), создание новой феодальной системы, где французский язык играл важную роль, оттесняют употребление гаэльского языка, на смену которому в XII в. на юго-востоке Шотландии приходит англо-шотландский. В начале XIV в. Война за независимость приводит к отделению Шотландии и Англии, что является важным событием для установления англо-шотландского языка как независимого языка. С ростом национального самосознания среди шотландского населения происходит формирование англо-шотландского языка, который становится главным орудием создания новой шотландской литературы и языком органов власти, вытесняя французский язык и латынь [Templeton, 1977, с. 6]. В XV в. англо-шотландский язык приобретает отличительные черты и получает статус национального языка. В статьях данный исторический период находит свое подтверждение в употреблении таких выражений, как: *originates from the language of the Angles, distinctive Scottish norms, heyday of the Scots tongue; national language; prestigious language; administrative and literary language.*

К XVI в. англо-шотландский язык сталкивается с сильным давлением со стороны английского языка, что вызвано рядом причин: недостаточная языковая лояльность; объединение Англии и Шотландии 1603 г.; процесс англоизации; Реформация; создание типографий на территории Шотландии (книги на английском языке), – все это приводит к повышению статуса английского языка и его ассоциации с властью, а также вытеснению англо-шотландского языка из разных сфер его функционирования [Dossena, 2005, с. 40, 50; Murison, 1977, с. 5]. Описание языковой ситуации XVI–XVIII вв. отражено в концепте SCOTS и представлено словосочетаниями, содержащими глаголы, описывающие понижение социального статуса англо-шотландского языка и его превращая в диалект, употребление которого стоит избегать: *lose, decline, avoid*. Несмотря на господство английского языка, в XVIII в. наблюдается всплеск интеллектуальной и научной активности, получивший название Шотландского просвещения, и повышение интереса к шотландской поэтической традиции: ключевым событием здесь становится творчество Р. Бернса, внесшим вклад в развитие шотландской литературы и национального языка [Dossena, 2005, с. 84]. В это же время власти проводят агрессивную языковую политику

прескриптивизма английского языка, вследствие чего создается негативное представление об англо-шотландском языке, который воспринимается как «плохая», неправильная форма английского языка [Dossena, 2005, с. 84], что представлено в статьях выражением *associated with 'bad' English*.

XIX в. характеризуется художественным направлением романтизм, урбанизацией и индустриализацией. В начале века в Шотландии произведения основоположника жанра исторического романа Сэра Вальтера Скотта получают позитивный отклик у читателей, что способствует популяризации истории и культуры Шотландии. В 1808 г. лингвист Дж. Джеймисон публикует первый англо-шотландский словарь, что ознаменует начало составлению словарей англо-шотландского языка.⁶² Конец XIX в. и XX в. представлены рядом событий: шотландский поэт Хью Макдиармид заново «открывает» англо-шотландский язык для литературных и политических целей; акт об образовании 1872 г. провозглашает употребление только английского языка в обучении; рост интереса к шотландской народной музыке и театру; перевод Нового Завета на англо-шотландский язык У.Л. Лоримером в 1983 г. Таким образом, описанный исторический период характеризуется ростом национального самосознания и стремлением к возрождению шотландского языка и культуры. Представление данной языковой ситуации в анализируемых статьях сосредоточено в концепте RENAISSANCE и концепте SCHOOL. Первый концепт представлен в таких словосочетаниях как: “*Scottish Renaissance*”; *Hugh MacDiarmid*; *corpus development, dictionary in Scots, literary journals in Scots*, и *revival of Scots literary writing*; а второй концепт – лексемой *school* и рядом словосочетаний: *punish the use of Scots at schools, lack of Scottish literature in school* и т.д., отражающие вытеснение изучения и использования родного языка в школах.

Современная языковая ситуация относительно англо-шотландского языка характеризуется: достижением им официального признания; включением вопроса его употребление в список опроса переписи населения 2011 г.; написанием книг на этом национальном языке и переводом книг на англо-шотландский; включением его использования в средствах массовой информации и т.д.; созданием веб-сайта для единого словаря англо-шотландского языка и специального, бесплатного приложения для его использования школьниками; включением англо-шотландского языка в процесс обучения.⁶³ Языковая ситуация конца XX в. и современное ее состояние находит свое отражение в концепте POLITICS OF SCOTS, представленный в основном лексемами *policy*

⁶²Информация представлена в документе *History of Scots: From the Middle Ages to the present day*, – Режим доступа: <https://education.gov.scot/nih/Documents/HistoryOfScotsMar17.pdf>

⁶³Информация представлена в документе *History of Scots: From the Middle Ages to the present day*, – Режим доступа: <https://education.gov.scot/nih/Documents/HistoryOfScotsMar17.pdf>

и *politics*, входящими в состав свободных словосочетаний. При описании языковой политики употребляются, с одной стороны, прилагательные, несущие в себе негативный оттенок: *incoherent*, *discriminatory* и т.д., и, с другой стороны, глаголы, выражающие стремления к возрождению англо-шотландского языка: *protect*, *celebrate*, *encourage*, *support*, *promote*.

На основе анализа испаноязычных статей Х. Марти и Кастель, И. Мари и Маянс, Х.А.Г. Риано были выделены следующие концепты, хранимые в сознании носителей каталонской культуры: LENGUA CATALANA (КАТАЛАНСКИЙ ЯЗЫК); LENGUA ESPAÑOLA (КАСТИЛЬСКИЙ ЯЗЫК); RENAIXENSA (ВОЗРОЖДЕНИЕ); ESCUELA (ШКОЛА) POLÍTICA LINGÜÍSTICA.

Современная языковая ситуация в Каталонии характеризуется существованием двух официальным языков: кастильского и каталанского, последний имеет еще статус национального языка на территории данного автономного сообщества. Оба языка восходят к латинскому языку и относятся к романской группе языков. Рассматривая концепт LENGUA CATALANA и концепт LENGUA ESPAÑOLA, стоит обратить внимание на то, что они объективизируются словами или словосочетаниями, содержащими слова *la lengua* и *lingüístico*.

Территория современной Каталонии частично совпадает с территорией римской провинции Ближняя Испания, за исключением ее западной части, которая в V в. вошла в состав Вестготского королевства, образовав тесные контакты с югом Франции. VIII в. характеризует арабским завоеванием и затем Реконкистой, что привело к образованию Испанской марки на отвоеванных землях в начале IX в. [Нарумов, 2001, с. 496]. Каталанский язык берет свое начало приблизительно в VIII-X вв., однако первые письменные памятники датируются XII веком. В период Реконкисты с XI века по XIV в. язык распространяется на юг и дальнейшее его развитие «связано с языками и диалектами Пиренейского полуострова» [Нарумов, 2001, с. 493]. С XII в. каталанский язык был официальным на всей территории Арагонской короны и употреблялся во всех сферах жизни. В это время Барселона превратилась первый восточный средиземноморский порт, через который проходили основные торговые пути того времени. Первый кодекс морских законов *Libredel Consolat del Mar* (Книга Морского Консульства) был написан на каталанском языке и распространен среди испанских колоний [Нарумов, 2001, с. 494–495]. В данный исторический период (с XII в. по XV в.) каталанский язык характеризуется «высокой степенью единства, исключавшей проявлений... диалектных особенностей». В XIV-XV вв. наблюдает расцвет каталанской литературы: среди писателей стоит отметить большой вклад в развитие каталанского языка и культуры Ф. Эшименса, Б. Метже, Х. Роис

де Корелла, А. Марка [Нарумов, 2001, с. 496]. В анализируемых статьях описание состояние каталанского языка этого периода находит отражение в таких словосочетаниях как: *la lengua social*, *la lengua oficial*, *dominio lingüístico catalán* и т.д.

Династический брак Изабеллы I и Фердинанда II способствовал объединению королевств Кастилии и Арагона в 1479 г., что оказало негативное влияние на языковую ситуацию в Каталонии, так как именно кастильский язык был избран официальным языком на образованных территориях. «Каталанский язык постепенно перестал употребляться как язык художественной литературы..., но продолжал использоваться в государственном делопроизводстве до начала XVIII», однако в качестве языка повседневного общения он не переставал использоваться, сохраняя свою устную форму [Нарумов, 2001, с. 495]. С 1640 г. по 1652 г. Каталония ненадолго получает автономность вследствие Сегадорского восстания. Война за испанское наследство (1702–1714 гг.) приводит к упразднению органов самоуправления и культурным репрессиям. В 1711 г. король Филипп V издает указ о «распространении в Каталонии кастильского языка» [Висенс, 2007, с. 6], а в середине XIX в. королева Изабелла II – о признании каталанского языка «диалектом кастильского» [Висенс, 2007, с. 7].

В XIX в. и первой трети XX в. наблюдается возрождение каталонского языка и культуры, установление некоторой языковой нормализации, что отражено в концепте RENAIXENSA, который представлен существительными, обозначающими возрождение и восстановление каталонских языка и культуры: *reconocimiento*, *recuperación*, *reconstrucció*n. В это же время начинается процесс индустриализации, способствующий миграции испаноговорящего населения в крупные города Каталонии, что «сокращало объективно возможность каталонским языку и культуре восстановить свое социальное присутствие» [Пин, 2007, с. 24]. В это время наблюдается зарождение каталанского национализма, вызванного конфликтом интересов каталонской буржуазии и правящих классов центральной власти Испании. С формированием Испанской Республики в 1932 г. каталанский язык был признан официальным в границах Каталонии. Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) и последующий диктаторский режим генерала Франсиско Франко (1939–1978 гг.) приводят к политической и культурной репрессии: «любые проявления национальных чувств, отличных от кастильских, подавлялись» [Висенс, 2007, с. 5], а также к лишению каталанского языка официального статуса, введению запрета на его использование в средствах массовой информации, в сфере образования и повседневного общения [Нарумов, 2001, с. 495], что приводит к тому, что «значительная часть населения не умела ни читать, ни писать на своем родном языке» [Висенс, 2007, с. 6–7]. В 70-е года XX века с переходом Испании к демократии каталанский язык вновь приобретает статус

официального и возвращается в употребление во все сферы жизни, в первую очередь в сферу образования, где с 1983 г. изучение родного языка становится обязательным [Нарумов, 2001, с. 495; Висенс, 2007, с. 7]. В 1983 г. был «принят закон о языке, цель которого – «каталонизация» всех сфер жизни...и возрождение каталанского языка» [Висенс, 2007, с. 7]. Стандартизации языка способствовал созданный в 1907 г. Institutd' Estudis Catalans (Институт каталанских исследований), издавший книги по орфографии и грамматике каталанского языка. Языковая ситуация конца XX–XIX вв. представлена в рамках концепта ESCUELA, включающий такие понятия как *enseñanza del catalán*, *medio de alfabetización* и т.д., и концепта POLÍTICA LINGÜÍSTICA, для описание которого употребляются глагол *se prohibió*, отражающий политику режима Франко в отношении каталанского языка, и глаголы *garantizará*, *proteger*, *promover*, *amparar* и *fomentar*, представляющие современную политику.

При проведении сравнения концептуальных областей языковых конфликтов в Шотландии и Каталонии можно выдвинуть предположение о совпадении выявленных концептов в концептуальных картинах мира носителей разных культур, что вызвано совпадениями в определенных исторические периоды языковых ситуаций, несмотря на то, что они формировались под влиянием разных исторических событий. Рассматривая лингво-социогический фон развертывания языковых конфликтов в Шотландии и Каталонии, были выявлены общие области соприкосновения двух разных культур, развивающихся независимо друг от друга: англо-шотландский и каталанский языки изначально существовали как национальные языки населения и официальные языки власти и затем были вытеснены языками, близкими с ними, поскольку они сформировывались из одних языков-источников; централизованными властями как Англии, так и Испании проводилась политика запрета обучения родным языкам и любое использование этих национальных языков в школах; рост национального самосознания среди шотландцев и каталонцев в XIX в. дал толчок к возрождению национальных языков и культур. Разница в описываемых языковых ситуациях состоит в том, что англо-шотландский язык на протяжении всей истории своего существования развивался параллельно и в тесной связи с английским, хотя сам язык и обладает рядом отличительных свойств, он чаще всего воспринимался шотландцами наравне с английским, что делает языковой конфликт менее выраженным. Каталанский язык в свою очередь сначала развивался независимо от кастильского, и только при объединении королевств Кастилии и Арагона попал под сильное влияние последнего, что вызвало среди каталонского население возмущения, выдвинув языковой конфликт на передний план.

Если рассматривать то, как представлены сравниваемые концепты в английском и испанском языках, то в случаях совпадений в социо-лингвистических ситуациях существования англо-шотландского и каталанского языков, можно проследить употребление эквивалентных и схожих по значению лексических единиц: например, наблюдается совпадение в объективизации концептов POLITICS OF SCOTS и POLÍTICA LINGÜÍSTICA и концептов SCOTS и LENGUA CATALANA: ср. *protect* – *защищать* – *amparar*, *encourage* – *поощрять* – *fomentar*, *promote* – *продвигать* – *promover*; ср. *national language* – *национальный язык* – *la lengua nacional*.

Таким образом, на основании изучения языковых ситуаций на протяжении истории существования англо-шотландского и каталанского языков и выявления концептов, составляющих фрагмент концептуальных картин мира, отражающих языковые конфликты в сознании носителей культур, и объективизирующих эти концепты языковых структур, можно сделать следующие выводы: языковой конфликт предстает как последовательность исторических событий в представлении языковой личности; концептуальные области языкового конфликта в сознании разных этнокультурных сообществ могут совпадать при условии хотя бы частичного сходства протыкаемых исторических событий; рассмотрение концептов, отражающих представления в сознании разных этнокультурных сообществ, и лексических единиц, представляющих данные концепты, способствует изучению концептуальных и языковых картин, что в свою очередь позволяет лучше понять незнакомую культуру и помогает при межкультурной коммуникации.

Список литературы:

- Арустамян Л.В.* Концепт «конфликт» как объект лингвистического исследования // Университетские чтения, 13–14 января 2011 г. Часть VI секции 17–19 симпозиума 1. Пятигорск, 2011.
- Бахтикиреева У.М.* К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 241–245.
- Висенс Е.* От национальности к нации, или уроки национализма // Испаний-Каталония: империя и реальность. М.: REGNUM, 2007. С. 5–12.
- Елизарова Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 352 с.
- Заботкина В.И.* Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 360 с.
- Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Манерко Л.А.* Научное открытие как событие: конструирование структур знания в специальном дискурсе // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 146–173.
- Михальченко В.Ю.* Языковой конфликт в полиэтничном государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 209–213.
- Нарумов Б.П.* Каталонский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 492–517.
- Пин В.Г.* Язык, который устоял/ пер. Е. Висенс // Испаний-Каталония: империя и реальность. М.: REGNUM, 2007. С. 23–26.

- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур М.: СЛОВО/SLOVO, 2008. 334 с.
- Троицкий Ю.Л.* Digital Humanities: когнитивные схемы понимания сложных событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 213–219.
- Aitken A.J.* 'Scots and English in Scotland' // Language in the British Isles. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 517–532.
- Corbett J.* 'A Brief History of Scots' // J. Corbett, J. McClure and J. Stuart-Smith // The Edinburgh Companion to Scots. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. P. 1–16.
- Dossena M.* Scotticisms in Grammar and Vocabulary: 'Like Runes upon a standin' stane'? Edinburgh: John Donald, 2005. 178 p.
- Evans V.* A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh University Press, 2007. 239 p.
- Jackson R.* Language, Law and Liberty [Электронный ресурс] / R. Jackson, L. Niven. Unpublished paper. – Режим доступа: <https://www.scotslanguage.com/Research/Language, Law and Liberty>
- Manerko L.A.* English Etymology through the History of the British People. Ryazan: RGPU named after S.A. Esenin, 1998. 272 p.
- Mari y Mayans I.* La lengua catalana, piedra de toque de la diversidad lingüística europea. Digitum, núm. 5, abril, 2003. P. 1–7.
- Martí y Castell J.* Conflicto lingüístico en Catalunya: Análisis de la situación actual y perspectivas // Revista de filología románica. 1985. № 3. P. 13–25.
- Matheson C.* Languages of Scotland: culture and the classroom / C. Matheson, D. Matheson // Comparative Education. 2000; № 36 (2). P. 211–221.
- Murison D.* The Guid Scots Tongue. Edinburgh: William Lockwood, 1977. 63 p.
- Nelde P.H.* Language Contact Means Language Conflict // Journal of Multilingual and Multicultural Development, V. 8, № 1–2, 1987. P. 33–42.
- Papafragou A.* The Representation of Events in Language and Cognition // The conceptual mind: New directions in the study of concepts. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 327–345.
- Riaño X.A.G.* Diversidad lingüística y conocimiento de catalán/castellán / X.A. G. Riaño, A.H. Canalis, S.M. Chireac // Teoría de la Educación: Revista Iberoamericana: 25, 1, 2013. P. 191–213.
- Sebba M.* Named into being? Language questions and the politics of Scots in the 2011 census in Scotland // Lang Policy. № 18. 2019. P. 339–362.
- Templeton J.M.* 'Scots: an Outline History' // Lowland Scots: Occasional Papers. № 2. Edinburgh: Association for Scottish Literary Studies, 1973. P. 4–11.

References:

- Aitken A.J.* 'Scots and English in Scotland' // Language in the British Isles. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 517–532.
- Arustamyan L.V.* Kontsept «konflikt» kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [The concept of "conflict" as an object of linguistic research] // Universitetskie chteniya, 13–14 yanvarya 2011 g. Chast' VI seksii 17–19 simpoziuma 1. Pyatigorsk, 2011. (In Russian).
- Bakhtikireeva U.M.* K voprosu o roli yazyka v natsional'nykh konfliktakh [To the question of the role of language in national conflicts] // Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire. M., 2014. P. 241–245. (In Russian).
- Corbett J.* 'A Brief History of Scots' // J. Corbett, J. McClure and J. Stuart-Smith // The Edinburgh Companion to Scots. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. P. 1–16.
- Dossena M.* Scotticisms in Grammar and Vocabulary: 'Like Runes upon a standin' stane'? Edinburgh: John Donald, 2005. 178 p.
- Elizarova G.V.* Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam [Culture and teaching foreign languages]. SPb.: KARO, 2005. 352 p. (In Russian).
- Evans V.* A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh University Press, 2007. 239 p.
- Jackson R.* Language, Law and Liberty [Электронный ресурс] / R. Jackson, L. Niven. Unpublished paper. – Режим доступа: <https://www.scotslanguage.com/Research/Language, Law and Liberty>
- Kubryakova E.S.* Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Brief Dictionary of Cognitive Terms] / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, YU.G. Pankrats, L.G. Luzina. M.: Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 245 p. (In Russian).
- Manerko L.A.* English Etymology through the History of the British People. Ryazan: RGPU named after S.A. Esenin, 1998. 272 p.

- Manerko L.A.* Nauchnoe otkrytie kak sobytie: konstruirovaniye struktur znaniya v spetsial'nom diskurse [Scientific discovery as an event: construction of knowledge structures in a special discourse] // *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk*. M.: Izdatel'skii dom YASK, 2017. P. 146–173 (In Russian).
- Mari y Mayans I.* La lengua catalana, piedra de toque de la diversidad linguística europea. *Digitum*, núm. 5, abril, 2003. P. 1–7.
- Martí y Castell J.* Conflicto lingüístico en Catalunya: Análisis de la situación actual y perspectivas // *Revista de filología románica*. 1985. № 3. P. 13–25.
- Matheson C.* Languages of Scotland: culture and the classroom / C. Matheson, D. Matheson // *Comparative Education*. 2000; № 36 (2). P. 211–221.
- Mikhal'chenko V.Yu.* Yazykovoi konflikt v poliehtnicheskom gosudarstve [Language conflict in a multi-ethnic state] // *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire*. M., 2014. P. 209–213. (In Russian).
- Murison D.* *The Guid Scots Tongue*. Edinburgh: William Lockwood, 1977. 63 p.
- Narumov B.P.* Katalanskii yazyk [Catalan language] // *Yazyki mira: Romanskie yazyki*. M.: Academia, 2001. P. 492–517. (In Russian)
- Nelde P.H.* Language Contact Means Language Conflict // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, V. 8, № 1–2, 1987. P. 33v42.
- Papafragou A.* The Representation of Events in Language and Cognition // *The conceptual mind: New directions in the study of concepts*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 327–345.
- Pin V.G.* Yazyk, kotoryi ustoyal [The language that survived] / per. E. Visens // *Ispanii-Kataloniya: imperiya i real'nost'*. M.: REGNUM, 2007. P. 23–26. (In Russian).
- Riaño X.A.G.* Diversidad linguística y conocimiento de catalán/castellan / X.A. G. Riaño, A.H. Canalis, S.M. Chireac // *Teoría de la Educación: Revista Iteuniversitaria*: 25, 1, 2013. P. 191–213.
- Sebba M.* Named into being? Language questions and the politics of Scots in the 2011 census in Scotland // *Lang Policy*. № 18. 2019. P. 339–362.
- Templeton J.M.* 'Scots: an Outline History' // *Lowland Scots: Occasional Papers*. № 2. Edinburgh: Association for Scottish Literary Studies, 1973. P. 4–11.
- Ter-Minasova S.G.* Voina i mir yazykov i kul'tur [War and Peace of Languages and Cultures]. M.: SLOVO/SLOVO, 2008. 334 p. (In Russian).
- Troitskii Yu.L.* Digital Humanities: kognitivnye skhemy ponimaniya slozhnykh sobytii [Digital Humanities: cognitive schemes for understanding complex events] // *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk*. M.: Izdatel'skii Dom YASK, 2017. P. 213–219. (In Russian).
- Visens E.* Ot natsional'nosti k natsii, ili uroki natsionalizma [From nationality to nation, or the lessons of nationalism] // *Ispanii-Kataloniya: imperiya i real'nost'*. M.: REGNUM, 2007. P. 5–12. (In Russian).
- Zabotkina V.I.* Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk [Representation of events: an integrated approach from the standpoint of cognitive science]. M.: Izdatel'skii dom YASK, 2017. 360 p. (In Russian).

Цай Ванифань

Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Cai Wangyifan

The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА СУБТИТРОВ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА
ДЛЯ СУБТИТРИРОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦЗЯНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМЫ «СОН В
ХАНЬДАНЬ»)**

**SPECIFICITY OF TRANSLATION OF THE CULTURAL ASPECTS FOR
SUBTITLING (ON THE MATERIAL OF THE JIANGXI MUSICAL DRAMA “DREAM
IN HANDAN”)**

В современном мире культурные обмены между странами становятся все более личными и персональными, кино и телевидение занимают незаменимое место в продвижении собственной культуры страны и ее национального духа. В статье рассматриваются проблемы аудиовизуального перевода, который в современном мире является одним из наиболее востребованных средств массовой информации. Создание и оформление субтитров в процессе аудиовизуального перевода имеют специфические требования и подчиняются определенным нормам и правилам, которые необходимо знать профессиональному переводчику. Особенно сложным является процесс перевода субтитров с китайского на русский язык. В статье представлены особенности субтитрирования в китайском и русском языках, анализируются основные переводческие приемы, которые помогают сопоставить субтитры. Аудиовизуальный перевод с использованием субтитрирования рассмотрен на конкретном практическом материале: в статье представлен авторский перевод и анализ процесса создания субтитров на примере Цзянхской музыкальной драмы «Сон в Ханьдань». Представленный материал позволяет выявить основные трудности аудиовизуального перевода для дальнейшего субтитрирования с китайского на русский язык и предлагает способы их преодоления.

Nowadays, cultural exchanges between countries are becoming more and more personal, cinema and television series play an indispensable role in promoting the culture and spirit of a nation. This article deals with the problems of audiovisual translation, which is one of the most popular media in the modern world. The making of subtitles in the process of audiovisual translation has specific requirements and are subject to certain rules and regulations that a professional translator must obtain. The process of translating subtitles from Chinese to Russian is especially difficult. The article presents the features of subtitles in Chinese and Russian languages, analyzes the main translation techniques that help to match subtitles. Audiovisual translation using subtitling is considered on specific practical material: the article presents the author's translation and analysis of the process of creating subtitling on the example of the Jiangxi musical drama “Dream in Handan”. The presented material makes it possible to identify the main difficulties of audiovisual translation for further subtitling from Chinese into Russian and suggests ways to overcome them.

Ключевые слова: субтитр, аудиовизуальный перевод, способы перевода, «Сон в Ханьдань».

Key words: subtitle, audiovisual translation, translation methods, “Dream in Handan”.

В современном мире культурные обмены между странами становятся все более личными и персональными, кино и телевидение занимают незаменимое место в продвижении собственной культуры страны и ее национального духа. Перевод субтитров, который сейчас играет важную роль в межкультурной коммуникации, стал одним из

важных способов дать возможность иностранным зрителям лучше понять китайские кино и телевидение. Тщательный перевод субтитров может полностью донести смысл информации видеофайла до иностранной аудитории, чтобы люди могли максимально понять смысл и дух данного фильма и понять китайскую культуру. Несмотря на то, что плохой перевод субтитров не похож на чисто письменный перевод, который принесет совершенно неверную информацию, он может разрушить процесс передачи культурного кода, содержащегося в видео. Поэтому очень важно обратить внимание на перевод субтитров.

Субтитры – один из основных способов аудиовизуального перевода. С самого рождения фильма кинокомпании пытались донести до зрителя смысл диалогов в фильме. Так и появился перевод субтитров. Субтитры возникли в Европе в виде «интертитров» в эпоху немого кино. Американский теоретик перевода Ю. Найда считает, что субтитры относятся к тексту непосредственно под экраном фильма и передают общий смысл диалога актера в синхронизации с его движениями. По мнению В.Е. Горшковой, «субтитрирование – это сокращенный перевод диалогов фильма, который отражает их основное содержание и выражается в виде печатного текста, находящегося в нижней части экрана» [Горшкова, 2006, с. 131].

Китайский ученый Тан Цзайси делит перевод субтитров на два типа: внутриязыковой и межъязыковой. Под внутриязыковым переводом понимается перевод исходного языка на аналогичный язык, например, перевод диалекта на китайский язык. Под межъязыковым переводом субтитров понимается перевод исходного языка субтитров фильма на другой язык, например, перевод китайских субтитров на английский или перевод английских субтитров фильмов на китайский. Это позволяет зрителям, не владеющим иностранными языками, лучше понимать кино- и телепроизведения.

Перевод субтитров отличается от других видов перевода. Видео имеет контекст, а это значит, что перевод субтитров нельзя делать изолированно, он должен соответствовать контексту рассказа, характеру говорящего и текущей сцене. Кроме того, перевод субтитров технически ограничен по времени и пространству. Ограничение по времени в основном включает два момента: продолжительность звука или изображения и среднее время, необходимое зрителю для просмотра субтитров. Ограничения по пространству относятся к количеству места, доступного на экране для отображения текста субтитров, так как в ограниченном пространстве переводчик не может объяснить слово или выражение, добавив сноску. Переводчикам следует применять гибкие приемы перевода, обращать внимание на синхронное переключение субтитров и действий персонажей, диалогов и картинок, а также

обеспечивать наилучший контекстуальный эффект переводимого текста в условиях ограниченного времени и пространства.

Китайские ученые предложили несколько методов решения этих проблем. Профессор Чжан Чуньбай считает, что из-за мгновенности и популярности фильмов, перевод субтитров следует уделять больше внимания языковому уровню целевой аудитории. Это означает, что перевод субтитров должен ориентироваться на вольный перевод, то есть на «функциональную эквивалентность» Ю. Найда [Zhang Chunbai, 1998, с. 51]. Профессор Цянь Шаочан считает, что «Да» в трех принципах «Синь, да, Я» (верность, понятность и элегантность) является наиболее важным при переводе кино- и телепроизведений. Чжао Чуньмэй, редактор Международного отдела CCTV, выдвинул четыре противоречия в переводе кино- и телевизионных произведений: длина и содержание; порядок слов и изображения; локализация и интернационализация; транслитерация и семантический перевод [Zhao Chunmei, 2002, с. 51]. Профессор Ли Юнсин из Тяньцзиньского педагогического университета считает, что самое важное в субтитрах – это предоставлять наиболее релевантную информацию наиболее эффективным способом [Li Yunxing, 2001, с. 39].

Далее, мы возьмем в качестве примера Цзянсискую музыкальную драму «Сон в Ханьдань», чтобы изучить стратегию перевода субтитров. Музыкальная драма написана по одноименному произведению Тан Сяньцзу эпохи династии Мин. Оригинальный текст состоит из 30 актов, в которых рассказывается история Лу Шэна, который провел свою жизнь во сне, а затем проснулся и отказался от погони за славой и богатством. Музыкальная драма была сокращена, были оставлены только 10 актов. Продолжительность видео составляет два часа и двадцать восемь минут, а текст субтитров китайского языка – 7400 иероглифов. Язык драмы можно разделить на три типа: пение, диалог и монолог. Среди них скорость диалога выше, он похож на наш обычный темп разговора. Скорость пения и монологов немного медленнее, они более рифмованные. При переводе субтитров необходимо по-разному рассматривать характеристики языка. Кроме того, текст драмы сосредоточил в себе большое количество историзмов, образных выражений, специальной лексики и географических названий. Это также дополнительно усложняет перевод субтитров.

Нетрудно обнаружить, что в музыкальной драме «Сон в Ханьдань» имеется большое количество четырехсимвольных структур – слов или фраз, состоящих из четырех слогов. Такой метод выражения смысла очень лаконичен, и он может выражать сложные и глубокие значения с помощью меньшего количества слов. Использование нескольких четырехсимвольных структур вместе делает язык полным импульса. Однако из-за

недостаточного количества слов многие языковые части речи были опущены. В процессе перевода такие обороты необходимо дополнять. Далее мы рассмотрим метод перевода четырехзначных структур из двух императорских указов.

Время	Текст субтитров	Перевод субтитров
01:15:28	哼有圣旨在此	Получен высочайший указ
01:15:30	跪听宣读	Внимайте указу
01:15:34	前节度使卢生	Бывший управляющий и военный командующий Лу Шэн
01:15:37	勾结番将	был в сговоре с врагами
01:15:39	图谋不轨	и имел злой умысел
01:15:41	即刻拿赴云阳市	Он должен быть арестован, доставлен на место казни в Юньяне
01:15:44	明正典刑	и казнен публично
01:15:46	不许违误 钦此	и без промедления. Это императорский указ

Этот указ относительно прост, и в полном тексте речь идет только о Лу Шэне. Но нам нужно обратить внимание на разрывы предложений в русском переводе. «Был в сговоре с врагами» и «и имел злой умысел» – это только то, что Лу Шэн делал раньше, тогда как «доставлен на место казни в Юньяне» – это наказание императора для него. Здесь смысл должен быть разделен на два предложения.

Время	Текст субтитров	Перевод субтитров
01:29:58	圣旨到	Получен высочайший указ
01:30:12	卢生罪当万死	Хоть Лу Шэн и заслуживает наказания
01:30:15	体上天好生之德	но небесная благодать заступает за него
01:30:17	量免一刀	Я прощаю его и отменяю казнь
01:30:22	谪去广南鬼门关安置	Лу Шэн отправляется в ссылку в Гуймэнь-гуань в Гуаннане
01:30:23	不许顷刻停留	Ни минуты отсрочки

При переводе этого указа следует обратить внимание на две момента. Прежде всего, «Лу Шэн и заслуживает наказания» и «небесная благодать заступается за него» переведены в одно предложение, отражающее логическую взаимосвязь между двумя действиями. Во-вторых, была добавлено подлежащее «простить и отменять казнь», выраженное самим императором. Такая обработка делает весь русский перевод очень понятным.

В музыкальной драме «Сон в Ханьдань» также присутствует много слов, связанных с системой Кэцзюй. Система Кэцзюй (кит. 科举) – государственные экзамены в императорском Китае со времен эпохи Суй. Данная система подразделялась на несколько этапов: местный, провинциальный и столичный. Местный экзамен проводился ежегодно, а тех, кому удалось его сдать, называли «сюцай» (кит. 秀才). Провинциальный экзамен проводился раз в три года. Тот, кто выдержал его, назывался Цзюйжень (кит. 举人). Получившие степень Цзюйжень имели право сдавать дворцовые экзамены под наблюдением самого императора и занимать различные административные должности. Первое из трех почетных званий, которые присваивались отличившимся во время дворцовых экзаменов называются Чжуанюань (кит. 状元).

Время	Текст субтитров	Перевод субтитров
00:27:00	可知道	Вы знаете
00:27:03	都经御览裁	Его Величество во время чтения работ
00:27:06	看上了山东卢 <u>秀才</u>	решил, что <u>ученый Лу</u> из Шаньдуна будет первым

Этот диалог происходит в третьем действии «Борьба за главенство». Премьер-министр Юйвэнь Жун в частном порядке определил два первых места на императорском экзамене, а затем спросил мнение евнуха. Евнух ответил, что император выбрал Лу Шэна в качестве первого. Из приведенного выше введения мы можем узнать, что только «Цзюйжень» может участвовать в дворцовом экзамене. Поэтому «卢秀才/ Лу Сюйцай» здесь не относится к ученой степени, и напрямую переводится как «ученый Лу».

Время	Текст субтитров	Перевод субтитров
00:28:38	咱看定了的 <u>状元</u>	Я уже выбрал <u>первого ученого</u>

00:28:41	不想被那卢生	Но Лу Шэн
00:28:44	钻刺抢去了	его сместил
00:28:46	偏不钻刺于我	и даже не снискал мое расположение
00:28:51	哼哼哼	Ладно
00:28:59	待我想一计打发于他	я придумаю, как избавиться от него

Это монолог Юйвэнь Жуна, за которым следует приведенный выше диалог. Он был очень зол, узнав, что Лу Шэн был выбран первым, поэтому он говорил с более высоким темпом речи, и каждая строка субтитров появлялась всего лишь на две секунды. В этом случае использование транслитерированного слова «Чжуанюань» может прервать чтение аудитории. Зрителям сложно за такой короткий времени отреагировать на это и осмыслить эту информацию. Существует много вариантов вольного перевода слова «Чжуанюань». Например, в произведениях драматурга Тан Сяньцзу «Пионовый павильон» употребляются следующие варианты: «человек, занявший первое место на экзаменах у императора», «победитель на императорских экзаменах», «господин триумфатор», чтобы описать эту реалию. Но, учитывая ограниченность пространства субтитров, здесь используется только самое простое «первый ученый».

Время	Текст субтитров	Перевод субтитров
00:29:57	鸳枕翠生寒	Замерзая, не могу уснуть
00:30:24	始悔轻别言	и сожалею, что я отправила его
00:30:41	<u>状元郎</u> 拜满三年限	три года назад, чтобы стать <u>чжуанъюанем</u>
00:30:49	猛思量那日雕鞍	Картины мелькают перед моими глазами
00:30:54	又早春风一半	проходит очередная весна
00:31:00	展妆台独自捻花枝叹	Вздыхая, украшая сама свой стол цветами
00:31:05	问章台人去如天远	Мой муж теперь далеко

Это сольное пение жены Лу Шэна из четвертого акта «Провинциальный чиновник». Ритм пения медленный, среднее время задержки субтитров на строку составляет 8 секунд.

В третьем акте Юйвэнь Жун неоднократно подчеркивал, что Лу Шэн занял первое место, и у зрителей было достаточно времени, чтобы прочитать субтитры. Поэтому 状元 здесь был транслитерирован в «чжауньюань».

Время	Текст субтитров	Перевод субтитров
02:14:22	俺一径的中了唐家状元	Я стал <u>первым на государственных экзаменах</u>
02:14:24	仕宦五十年	прослужил чиновником пятьдесят лет
02:14:26	活到八十多	дожил до восьмидесяти
02:14:28	太奇太奇	Удивительно, удивительно

Этот диалог происходит в конце драмы, десятого акта «Пробуждение». Лу Шэн провел свою жизнь во сне, и когда он проснулся, он взволнованно рассказал историю своего сна людям. Лу Шэн говорил очень быстро, весь разговор занял менее 7 секунд, а первое предложение появилось всего на 2 секунды. В этом случае мы сначала исключаем транслитерацию «чжауньюань», которая не может быть понята мгновенно и переводим как «первого на экзамене». Кроме того, императорский экзамен долгое время не упоминался в предыдущей сцене, лучше всего добавить здесь «государственный», чтобы информация была как можно более полной.

Перевод субтитров составляет важную часть любого фильма и определяет успех культурной коммуникации. В этой статье кратко излагается разница между переводом субтитров и другими переводами, в качестве объекта исследования рассматриваются русские субтитры Цзянсиской музыкальной драмы «Сон в Ханьдань», а также обсуждаются конкретные методы перевода четырехсимвольных структур и экзаменационной системы Кэцьюй.

Список литературы:

- Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск: МИГЛУ, 2006. 278с.
 Li Yunxing. Strategies for Translation // Chinese Translator Journal, 2001. Vol. 22. № 4. P. 38–40.
 Zhang Chunbai. A Preliminary Study on Film and Television Translation // Chinese Translator Journal, 1998. № 2. P. 50–53.
 Zhao Chunmei. Translation into Chinese of Film Scripts and Scripts of TV-drama series – Four Main Conflicting Demands // Chinese Translator Journal, 2002. Vol. 23. № 4. P. 51–53.

References:

- Gorshkova V.E. Perevod v kino [Translation in cinema]. Irkutsk: MIGLU, 2006. 278 p. (In Russian).

Li Yunxing. Strategies for Translation // Chinese Translator Journal, 2001. Vol. 22. № 4. P. 38–40.
Zhang Chunbai. A Preliminary Study on Film and Television Translation // Chinese Translator Journal, 1998. № 2. P. 50–53.
Zhao Chunmei. Translation into Chinese of Film Scripts and Scripts of TV-drama series – Four Main Conflicting Demands // Chinese Translator Journal, 2002. Vol. 23. № 4. P. 51–53.

**Чернова Любовь Викторовна
Томашева Ирина Владимировна
Ковалевич Елена Павловна**

Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир (Россия)

**Chernova Lubov
Tomasheva Irina
Kovalevich Elena**

Armavir State Pedagogical University
Armavir (Russia)

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ACTUALIZATION OF MEDICAL VOCABULARY IN THE CONTEXT OF UPDATING THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

В статье исследуется роль актуализации научного слоя лексики в обновлении языковой картины мира, вызванном пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 2020 г. на примере процессов в лексико-семантической системе русского, английского и испанского языков, которые под воздействием общественных трансформаций оказались вовлечены в процесс интенсивного языкового творчества и языковой игры. Ключевыми словами эпохи стали слова *ковид*, *коронавирус* и *корона*, поскольку они явились не только словами-символами определенного исторического периода, но и продуктивными основами для огромного количества узуальных и окказиональных новообразований. Авторы выявляют узконаучную и общемедицинскую лексику в текстовом массиве СМИ в качестве одного из источников пополнения лексического состава языков и анализируют семантические изменения лексических единиц, вошедших в активное употребление.

Анализ функционирования актуализированной лексики позволяет утверждать, что слово многократно претерпевает функциональные и номинативные изменения, оказываясь в конкретных социокультурных условиях, приобретает социальную значимость, повышает активность употребления, закрепляется в разряде активной лексики.

Средства массовой информации подвергают переформатированию привычные способы восприятия мира, создавая новый образ реальности. Коммуникативное поведение в обществе постоянно подвергается всевозможным реконструкциям со стороны языковых средств массовой информации, особенно сильным становится влияние экстралингвистических факторов, в результате чего возникает номинативно-коммуникативная востребованность научной, в частности медицинской, лексики.

The article studies the role of scientific vocabulary actualization in updating the linguistic picture of the world caused by the pandemic COVID-19 (2020) on the example of processes in the lexical-semantic system of Russian, English and Spanish languages, which, under the influence of social transformations, have become involved in the process of intensive language creativity and word play. Such words as Covid, coronavirus and corona have become the key words of the epoch, as they turned out to be the verbal symbols of a historical period, as well as the productive bases for a huge number of neologisms, both usual and occasional. The authors identify narrow scientific and general medical vocabulary in mass media texts as one of the sources of extending language vocabularies and analyze semantic changes of lexical units in active use.

Analysis of the functioning of the actualized vocabulary allows us to assert that the word undergoes multiple functional and nominative changes, due to specific socio-cultural conditions, acquires social significance, becomes more active in usage, gets fixed in the category of active vocabulary.

Mass media are revising the way of perceiving the world and the way of life, as they are redesigning the world. Communicative behaviour in society is constantly being subjected to all kinds of verbal reconstruction by the media, and the influence of extra-linguistic factors becomes particularly strong, resulting in the nominative and communicative demand for medical vocabulary.

Ключевые слова: научная лексика, экстралингвистические факторы, пандемия, актуализация, медицинская терминология, метафоризация, языковая игра.

Key words: scientific vocabulary, extra-linguistic factors, pandemic, actualization, medical terminology, metaphorization, word play.

Отличительной чертой современной языковой ситуации является чрезвычайный динамизм изменений на разных уровнях языковой структуры, что объясняется воздействием происходящих в обществе трансформаций. Прежде всего, к воздействию экстралингвистических факторов оказывается восприимчивой лексико-семантическая система любого языка, в результате чего она подвергается наиболее существенным трансформациям в периоды социальных катаклизмов.

Динамика изменений в современных языках показывает непрерывный рост: появляются новые слова, изменяется произношение известных слов, формируются новые значения и новые актуальные смыслы; при этом наблюдается интенсивность словообразовательных процессов суффиксации, сложения, контаминации.

В связи с пандемией произошла резкая актуализация общенаучной и специальной лексики, и медицинские термины (COVID-19; SARS-CoV-2; COV-ID / COVID-статус; контагиозность, вирулентность, обсервация, сатурация, альфа (бета)-коронавирус, нулевой пациент) вышли на первое место по детерминологизации.

Анализ функционирования актуализированной лексики позволяет утверждать, что слово неоднократно подвергается функционально-номинативным изменениям, оказываясь в конкретных социокультурных условиях, приобретает социальную релевантность, увеличивает активность употребления, закрепляется в разряде активной лексики.

Так, для русского языка существительное *коронавирус* и его дериват – прилагательное *коронавирусный* – не являются новыми. Термин *коронавирус* полноценно функционирует в СМИ с 2000 г. и обозначает род вирусов, к которым ученые впоследствии отнесли и коронавирус нового типа – *SARS-CoV-2*, получивший распространение в 2020 г. Однако в последнее время, в связи с невероятной употребительностью, слово *коронавирус* сузило свое значение от наименования типа вируса до наименования конкретного его вида, вызвавшего пандемию. С другой стороны, оно приобрело и новое значение – «болезнь, вызванная данным типом вируса» (*заболеть коронавирусом, симптомы коронавируса*).

Английский язык как язык международного общения выступил в качестве основного источника «коронавирусных» номинаций, став донором не только для абсолютного неологизма 2020 г. **COVID-19**, но и непосредственно для термина **coronavirus**. Это существительное часто принимают за искусственное образование на основе сложения латинских слов, однако оно было создано с помощью словообразовательных средств английского языка.

В этимологической справке толковых словарей английского языка указывается, что этот медицинский термин впервые зафиксирован в научном журнале NATURE (№ 650/2 от

16 ноября 1968 г.) в качестве обозначения новой группы вирусов, при этом семантический принцип образования слова объясняется следующим образом:

основа **corona** (новое значение было образовано от значения 'ореол небесного тела' многозначного английского существительного **corona** путем семантического переноса по принципу сходства строения вируса с солнечной короной) + англ. существительное **virus**:

coronavirus, *n.*

Origin: Formed within English, by compounding. Etymons: corona *n.1*, virus *n.* *Virology*.

Nature 16 Nov. 650/2 In the opinion of the eight virologists these viruses are members of a previously unrecognized group which they suggest should be called the coronaviruses, to recall the characteristic appearance [*sc.* recalling the solar corona] by which these viruses are identified in the electron microscope [цит. по Павлова, с. 455].

Аналогичная дефиниция включена в словарь испанского языка Королевской академии: *Coronavirus (del ingl. coronavirus, de corona 'corona solar', por el aspecto del virus al microscopio, y este del lat. Corona 'corona', y virus 'virus', y este del lat. Virus 'veneno', 'ponzoña')*.

m. Med. Virus que produce diversas enfermedades respiratorias en los seres humanos, desde el catarro a la neumonía o la COVID [DLE].

Аббревиатура **COVID** (от англ. COronaVirus Disease) постепенно ассимилировалась русским языком, который, как обычно, подчиняет заимствования. Обозначение COVID-19, пережив несколько этапов адаптации (Coronavirus disease Corona Virus, long covid, SARS-CoV-2, Coviding, Covid toe, COV-ID/COVID-статус) и придя к кириллическому написанию **ковид**, начала склоняться по законам русской грамматики.

В результате актуализации понятия и конкретизации значения произошли изменения и в сфере употребления слова: если прежде оно относилось к области медицинской терминологии, то в новом значении закрепилось и в разговорной речи, и в языке официальных документов, и в языке СМИ и интернета, что позволяет констатировать его переход в разряд общеупотребительной лексики.

Важной чертой текстов СМИ является использование наиболее типичных для данного времени способов изложения материала, наиболее частотных лексических единиц, характерных фразеологизмов и переосмысленных значений слов. Существенную роль на современном этапе в этом процессе играет активизация языковых средств научного стиля, в первую очередь, типична активность медицинских и биологических терминов, например:

вакцинация, вирус, вирусология, герметичность, заболеваемость, иммунизация, иммунитет, иммунология, инкубационный, инфицированный, контагиозный, мутация,

продуцировать, самоизоляция, симптом, смертность, уровень летальности; эпидемиология, экспоненциальные кривые заражений коронавирусом;

contagious, epidemiology, exponential curves of viral contagion, immunization, immunity, immunology, incubation period, infected, self-isolation /isolating (staying at home), morbidity rate, mortality rate /death rate, mutation, symptom, vaccination, viral diseases, virology;

autolesionismo; curvas exponenciales de contaminación por coronavirus, epidemiología; hermética, inmunización, inmunidad, inmunología, infección, incubación; morbilidad, mortalidad; mutación, síntomas, procrear; el nivel de letalidad; vacunación, virología, virus contagioso.

Это придает текстам научный характер, прослеживается ясность и точность выражений, реальная и стройная соотнесенность слов и понятий:

В начале процесс заражения развивается приблизительно по экспоненциальной кривой, пока темп роста новых случаев заражения превышает единицу. С ростом числа зараженных скорость заражения замедляется, эпидемия прекращается, кривая выходит на так называемое плато [НАНГС].

“We determined that SARS-CoV-2 originated through natural processes by comparing the genetic sequences and protein structures of other coronaviruses to those of new virus that causes COVID-19,” said study senior author Robert F. Garry, PhD, professor of microbiology and immunology at Tulane University School of Medicine [TN].

Desgraciadamente, el crecimiento de contagio de la enfermedad COVID-19 causada por el virus SARS-CoV-2, se comporta de una manera que puede ser modelada muy bien con funciones exponenciales. Por ello, se habla de que el crecimiento de contagios es exponencial [CASLEO].

Динамичны лексика с префиксами из латинского и греческого языков:

гиподиагностика, гипервоспаление, пандемия, контрпродуктивный, а также сложные слова: дистресс-синдром, эпидраследование, эпидгруппа;

counterproductive, epidemic outbreak investigation, hypo diagnostics, hyper inflammation, pandemic acute respiratory distress syndrome (ARDS);

contraproducente, epidogrupo, hipodiagnóstica, hipervivalencia, pandemia, síndrome de distress, epidemiología.

Так, в испанском языке

Pandemia (del fr. pandémie, este del lat. mod. pandemia, y este del gr. πάνδημος pándēmos 'que afecta a todo el pueblo', compuesto de παν- pan- 'todo' y δῆμος dêmos 'pueblo', y el lat. -ia '-ia', sobre el modelo del lat. mediev. Epidemia 'epidemia'; cf. gr. πανδημία pandēmía 'conjunto de la población').

f. Med. Enfermedad epidémica que se extiende a muchos países o que ataca a casi todos los individuos de una localidad o región [DLE].

Использование аффиксов в соответствии с моделью словообразования в средневековой латыни (эпидемия>пандемия) обуславливает появление новых терминов (информация + эпидемия + пандемия).

Термин «инфодемия» ввела ВОЗ и впервые создала специальную платформу для борьбы с негативными информационными проявлениями в интернете:

инфодемия (англ. Infodemic: «информационная» и «пандемия», «эпидемия»).
Негат. ‘Распространение дезинформации с целью создания стрессовой ситуации посредством слухов, фейков, утрирования ситуации или ее отрицания’.

*«Фейковые новости о коронавирусе распространяются быстрее, чем сам вирус, и мы призываем предотвратить распространение этой **инфодемии**», — писала одна из самых популярных газет Африки кенийская *The Daily Nation*, называя коронавирус самым серьезным кризисом для национальной системы здравоохранения со времен обретения независимости [Коммерсант].*

Узкоспециальные слова нередко непонятны массовому читателю, что сказывается на языковых особенностях текстов: возникает необходимость включать специальную лексику, требующую пояснений, а иногда и развернутых комментариев, например:

...экстракорпоральная мембранная оксигенация (ЭКМО), когда кровь пациента перегоняют вне тела через искусственное легкое (оксигенатор), где она насыщается кислородом [РОС];

For extremely sick patients, an advanced form of life support called extracorporeal membrane oxygenation, or ECMO, cuts the risk of dying from Covid-19 by half, according to a new study by researchers at Vanderbilt University [CNN];

...интубация (введения эндотрахеальной трубки в трахею с целью обеспечения проходимости дыхательных путей) берется сам мазок. Все эти манипуляции выполняются сразу при поступлении пациента [ANews];

antes de comenzar la intubación traqueal, siempre se usan maniobras para crear una vía aérea abierta y ventilar y oxigenar al paciente. Una vez tomada la decisión de intubar, las medidas preparatorias incluyen [Manual MSD].

Привычным стало использование собственно иностранных аббревиатур, не входящих в словарный состав русского языка, чье использование продиктовано необходимостью обозначить собственно-научные единицы:

белок SHC014; два типа коронавируса SARS CoV-2: штамм s-CoV и штамм l-CoV-2; нуклеотидная последовательность 2019-nCoV; COVID-19;

Chinese policymakers face mounting challenges to keep growth steady, as the country contends with a real estate crisis and Beijing's zero-tolerance approach to the coronavirus [CNN].

proteína SHC014; Dos tipos de coronavirus SARS CoV-2: cepa de s-CoV y cepa de l-CoV-2; secuencia nucleotídica de la 2019-nCoV; COVID-19 [NLM].

Тенденциями развития медийного дискурса являются предпочтение виртуальных способов коммуникации реальному общению, изменения на лексическом и стилистическом уровнях языка. Как эффективное средство оценки объектов современной действительности и как способ воздействия на читателя используется прием осознанного нарушения лексической сочетаемости, приводящий к расширению смысловых границ, к возникновению новых ассоциаций, например:

биологическая /социальная безопасность, биологическая война, респираторная гигиена, пораженный регион; социальная дистанция; профиль смертности; гибридная версия вируса; клиническая проверка;

seguridad biológica y social, guerra biológica, higiene respiratoria, región afectada; distancia social; perfil de mortalidad; versión híbrida del virus; verificación clínica;

biosafety, societal security, biological warfare, respiratory hygiene, affected region, social distancing, mortality, hybrid version of the virus, clinical trial.

К числу характерных явлений также можно отнести образование новых слов посредством аффиксации, что постоянно происходит в современных текстах, например:

иммунная система начинает реагировать на вторженцев (вирусные клетки); «ковидные» стационары; кто контактировал с «возвращенцами» [ВКонтакте].

La «Coviditis» tiene cinco etapas: Negación (a lo Bolsonaro y Ortega), Ansiedad, Adaptación, Esperanza y Nuevo Normal. ¿En cuál etapa está usted? Yo, entre Ansiedad y Adaptación; "yo en Esperanza", dice la lorita, "por eso soy verde, y soy la última que me pierdo" [DHLE].

Нельзя не заметить значительное количество слов, подвергшихся метафоризации и изменивших коннотацию. Наиболее ярким примером может служить слово «корона» употребляемое до этого лишь в нейтральном смысле, теперь, изменив и лексическое значение, и сочетаемость, оно приобрело иной смысл, например: *Корона спадет / И треснет кольчуга / Откроются двери / Рассыплются башни / Мы выйдем из дома / Дышать друг на друга / Чихать друг на друга / И кашлять (П. Петулько) [НГ].*

Образования от него, типа «коронный», также демонстрируют расщепление смыслов, появление новой метафоры: *Коронные методы: как врачи борются с новым вирусом [АиФ];*

... people don't want to get two to three shots a winter, but they get one dose where they get a booster for corona and they get a booster for flu and RSV [CNN];

Contaminación del aire y coronavirus, ¿un acelerador? [IAMBIENTE].

Помимо собственно языковых процессов, наблюдается десакрализация многих общественных практик. Исследователи отмечают, что важной характеристикой массовой культуры является постоянное движение в сторону снятия табу; нормальное существование общества невозможно без противопоставления высокого и низкого регистров общения. Десакрализация многих подобных ситуаций приводит к тому, что нормой официального общения становится нейтрально-разговорный и порой сниженно-разговорный регистр, соответственно, происходит снижение всей системы стилевых регистров [Карасик, с. 74]. Проиллюстрируем данное утверждение примером из русского языка:

Генетический материал вируса, в сущности, выступает в роли захватчика, фактически подминая под себя весь клеточный метаболизм, как будто говоря: «Прекрати делать все то, что ты делаешь обычно. Теперь твоя работа – помогать мне создавать вирусы»; во всем мире число случаев заражения перевалило за миллион [МедТур].

Любой текст имеет прагматическую составляющую, а в текстах средств массовой коммуникации она обычно доминирует, поскольку всегда имеет целью воздействие на адресата. Часто образная функция терминологии в текстах СМИ сопровождается одновременной оценкой описываемого, которая бывает разнообразной по своей предметной направленности и экспрессии. Вследствие этого в медийном тексте у термина могут появиться варианты значения с оценочными семами и эмотивными семными конкретизаторами, которые усиливают степень воздействия на читателя, например:

катастрофическое увеличение; мощная вспышка этого заболевания, вирус страха; избыточная смертность; манипулятивные фотографии и видео; сомнительные официальные заявления и цифры; коронавирусный кризис; пиковая нагрузка;

catastrophic increase, significant outbreaks of disease, excess mortality, manipulative photos and videos, questionable official pronouncements and figures, corona crisis, peak load;

aumento catastrófico; el potente brote de esta enfermedad, el virus del miedo; el exceso de mortalidad; fotos y vídeos manipuladores; declaraciones y cifras oficiales dudosas; crisis del coronavirus; carga de pico, estrategia “tolerancia cero”.

При этом главное воздействие СМИ выражается в том, что они формируют взгляды людей и модели их коммуникативного поведения. Характерная для медиа функция воздействия приводит к метафоризации, являющейся ярким средством экспрессии и выражения оценки. Прагматический потенциал информации в метафорических конструкциях значительно выше той, которую несут безобразные сочетания. Ассоциации,

вызываемые метафорическим употреблением термина, активируют образы в представлении ситуации. Метафоры превращают термин в языковую единицу с определенным оценочным и /или эмоционально-экспрессивным эффектом. После ретерминологизации ослабляются семантические рамки термина, образуются новые единицы, происходит расширение сферы распространения и употребления, например:

Среди осложнений лидирует вирусная пневмония; глобальный медийный террор; ... можно было понять, что массовый завоз вируса в Россию будет из Европы; вирус проникает внутрь и превращает клетку в «фабрику» по производству своих «клонов»; У нас было больше ресурсов, но их сожрала «оптимизация» медицинской системы [ANews].

Some scientists think we might be rolling up our sleeves each year not just for flu shots but for Covid-19 jabs too [CNN].

“Es arriesgado para China reabrir en este momento porque Ómicron se está extendiendo a nivel mundial, e incluso si la variante no causa una enfermedad importante, se propagará como un reguero de pólvora”, dijo la doctora Vineeta Bal, inmunóloga del Instituto Indio de Educación e Investigación Científica [France 24].

В 2020 году появились международные протологизмы, которые достаточно быстро получили распространение в исследуемых языках, например:

КОВИДИОТ (англ. covidiot: Covid-19 + idiot) 1. *Неодобр. Ирон.* ‘Человек, который неадекватно реагирует на пандемию Covid-19, чрезмерно боится последствий эпидемии или пренебрегает мерами предосторожности’. *Таких людей называют «ковидиотами», учитывая, что они нарочито игнорируют предупреждения, направленные на защиту личного и общественного здоровья и безопасности [Коммерсант].*

Слово *covidiot* впервые появилось на сайте словаря Urban Dictionary 16 марта 2020 года: *Relating to the 2020 Covid-19 virus: Someone who ignores the warnings regarding public health or safety. A person who hoards goods, denying them from their neighbors [UD];*

One particularly dense #COVIDIOT was blocking the narrow entrance into the park (Submitted by: Mary O’Neill from Ireland on 23/03/2020) [MD].

В испанском языке слово также появилось впервые в марте 2020 года на информационном сайте 20 Minutos (Madrid) в значении «человек, который отказывается соблюдать санитарные нормы, предписанные для предотвращения заражения ковидом»:

Muy pronto comenzó esa creación léxica en torno al coronavirus. Quizá lo primero que nos pasó es que todos nos concienciamos de que había que salir lo mínimo, mantener una distancia social y eso dio lugar a que se generase el neologismo, adjetivo neológico, Covidiota para designar a ese irresponsable que perjudica a los demás con sus pequeñas decisiones cotidianas [DHLE].

По сравнению со словом *идиот*, имеющим пометы *просторечное* и *бранное*, данная языковая единица в текстах СМИ на всех языках воспринимается как *неодобрительное* и/или *ироничное*.

Поиск новых форм языкового выражения обусловил особую роль феномена языковой игры в современных медиатекстах разных жанров. Масс-медиа пересматривают способы мировосприятия, образ жизни, рисуют новую картину мира. Коммуникативное поведение в обществе непрерывно подвергается всевозможным реконструкциям со стороны языка средств массовой информации, при этом влияние экстралингвистических факторов становится особенно сильным, что и влечет за собой номинативную и коммуникативную востребованность медицинской лексики.

Как верно отмечает Е.И. Маркова, «повышенная эмоциональная атмосфера в обществе ведет к усилению эмоционально-экспрессивного характера звучащей речи, что позволяет говорить» ... о креативизации языков, связанной «с возрастанием роли прагматических, коннотативно окрашенных элементов» [Маркова и др., с. 3].

Уникальность современной языковой ситуации заключается, в частности и в том, что этот процесс языковой игры синхронен и актуален в той или иной степени для всех языков мира, безусловно, подтверждая социальную и психологическую природу языка и языкового развития, а также общую социальную тенденцию глобализации, особенно в условиях событий, в которые оказалось вовлечено все мировое сообщество.

Список литературы:

- Аргументы и Факты (АиФ)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aif.ru>.
- ВКонтакте* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-194180230_60.
- Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 428 с.
- Коммерсант* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/rss-list>.
- МедТур. Оператор медтуризма* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medtour.by/ru/blog/article/what-happening-on-coronavirus>.
- Национальная ассоциация нефтегазового сервиса (НАНГС)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nangs.org/news>.
- Павлова А.С.* Наименования коронавирусной инфекции в английском и русском языках (к тенденции интернационализации ковидного лексикона) / Русский язык коронавирусной эпохи. Издательство: Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. 2021. С. 453–469.
- Петулько П.* Корона [Электронный ресурс] // Независимая газета (НГ). Ex Libris. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2021-01-20/9_1062_crown.html.
- Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) / Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. №1. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru.
- Российское общество специалистов (РОС)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--j1aeg1d.xn--p1ai/chto-takoe-ekmo>.
- ANews* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.anews.com/p/127086719-kak-koronavirus-atakuet-telo-pochemu-odni-vyzdoravlivayut-a-drugie-net>.
- CNN* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com>.

Complejo Astronómico El Leoncito (CASLEO) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casleo.conicet.gov.ar>.

Diccionario de la lengua española (DLE) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dle.rae.es/coronavirus?m=form>.

Diccionario histórico de la lengua española (DHLE) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rae.es/dhle>.

France 24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.france24.com>.

IAMBIENTE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iambiente.es>.

Library of Medicine (NLM) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7843109>.

Macmillan Dictionary (MD) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com>.

Manual MSD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.msmanuals.com/es/professional/cuidados-cr%C3%ADticos/paro-respiratorio/intubaci%C3%B3n-traqueal>.

Tulane News (TN) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tulane.edu/pr/study-coronavirus-pandemic-sparked-nature-not-bioengineering>.

Urban Dictionary (UD) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com>.

References:

ANews [Electronic resource]. – Available at: <https://www.anews.com/p/127086719-kak-koronavirus-atakuet-telo-pochemu-odni-vyzdoravlivayut-a-drugie-net>. (In Russian).

Argumenty i Fakty [Arguments and Facts] [Electronic resource]. – Available at: <https://aif.ru>. (In Russian).

CNN [Electronic resource] – Available at: <https://edition.cnn.com>.

Complejo Astronómico El Leoncito (CASLEO) [Electronic resource]. – Available at: <https://casleo.conicet.gov.ar>.

Diccionario de la lengua española (DLE) [Electronic resource]. – Available at: <https://dle.rae.es/coronavirus?m=form>.

Diccionario histórico de la lengua española (DHLE) [Electronic resource]. – Available at: <https://www.rae.es/dhle>.

France 24 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.france24.com>.

IAMBIENTE [Electronic resource]. – Available at: <https://iambiente.es>.

Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla [Linguistic crystallization of meaning]. Volgograd: Paradigma, 2010. 428 p. (In Russian).

Kommersant [Electronic resource]. – Available at: <https://www.kommersant.ru/rss-list>. (In Russian).

Library of Medicine (NLM) [Electronic resource]. – Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7843109>.

Macmillan Dictionary (MD) [Electronic resource]. – Available at: <https://www.macmillandictionary.com>.

Manual MSD [Electronic resource]. – Available at: <https://www.msmanuals.com/es/professional/cuidados-cr%C3%ADticos/paro-respiratorio/intubaci%C3%B3n-traqueal>.

MeDTur. Operator medturizma [Medical tourism operator] [Electronic resource]. – Available at: <https://medtour.by/ru/blog/article/what-happening-on-coronavirus>. (In Russian).

Natsional'naya assotsiatsiya neftegazovogo servisa [National Association of Oil and Gas Services] [Electronic resource]. – Available at: <https://nangs.org/news>. (In Russian).

Pavlova A.S. Naimenovaniya koronavirusnoi infektsii v angliiskom i russkom yazykakh (k tendentsii internatsionalizatsii kovidnogo leksikona) [Names of coronavirus infection in English and Russian (toward the trend of internationalization of the covid lexicon)] / *Russkii yazyk koronavirusnoi ehpokhi*. Izdatel'stvo: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, Sankt-Peterburg. 2021. P. 453–469. (In Russian).

Petul'ko P. Korona [Coronavirus] [Electronic resource] // *Nezavisimaya gazeta*. Ex Libris. – Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2021-01-20/9_1062_crown.html. (In Russian).

Rol' SMI v demokratizatsii i kreativizatsii sovremennogo russkogo yazyka (kruglyi stol) [The role of the media in the democratization and creativity of the modern Russian language (round table)] / Markova E.M., Ratsiburskaya L.V., Issers O.S., Mel'nik Yu.A., Zaitseva I.P., Sipko I., Radchenko M.V. [Electronic resource] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (ehlektronnyi zhurnal)*. 2017. №1. – Available at: www.evestnik-mgou.ru. (In Russian).

Rossiiskoe obshchestvo spetsialistov [Russian Society of Specialists] [Electronic resource]. – Available at: <https://xn--j1aeg1d.xn--p1ai/cto-takoe-ekmo>. (In Russian).

Tulane News (TN) [Electronic resource]. – Available at: <https://news.tulane.edu/pr/study-coronavirus-pandemic-sparked-nature-not-bioengineering>.

Urban Dictionary (UD) [Electronic resource]. – Available at: <https://www.urbandictionary.com>.

Vkontakte [Electronic resource]. – Available at: https://vk.com/wall-194180230_60. (In Russian).

Чович Лариса Ивановна
Чович Бранимир
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Covic Larisa Ivanovna
Covic Branimir
Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

**ИГРА ПЕРЕВОДАМИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПАРЕМИЙ О ЖЕНЩИНАХ
С РУССКОГО НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ СЕРБСКИЙ ЯЗЫК
(К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА ПАРЕМИЙ О
ЖЕНЩИНАХ В ДВУХ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ)**

**PLAYING WITH TRANSLATIONS: PECULIARITIES OF TRANSLATING
PROVERBS ABOUT WOMEN FROM RUSSIAN INTO THE CLOSELY RELATED
SERBIAN LANGUAGE
(TO THE QUESTION OF THE CULTUROLOGICAL ASPECT OF THE
TRANSLATION OF PROVERBS ABOUT WOMEN IN TWO CLOSELY RELATED
LANGUAGES)**

В настоящей статье исходным моментом послужила предпосылка, что пословицы являются одним из способов создания языковой картины мира. Только на достаточно больших идеографических (или тематических) массивах становится очевидной связь образного основания идиом с культурно-национальным миропониманием, т.е. ценностно-ориентированным менталитетом народа-носителя языка. Именно поэтому предметом данного исследования являются паремии о женщине, пополняющие сферу базовых стереотипов культурного мировидения, его эталонов, обычаев, и в этом качестве выступающие как языковые экспоненты культурных знаков, как и исследование дискурсов, относящихся к художественному стилю, служащих источником индивидуальной интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в русском языке и способах их перевода на близкородственный сербский язык в новелле В. Ерофеева «Бог бабу отнимет, так девку даст», равно как и принципы, и приемы перевода с применением различных переводческих операций: замены, трансформации, креолизации и т.д.

In this article, the starting point was the premise that proverbs are one of the ways to create a linguistic picture of the world. Only on sufficiently large ideographic (or thematic) arrays does it become obvious that the figurative basis of idioms is connected with the cultural-national world outlook, i.e. value-oriented mentality of the people-native speakers. That is why the subject of this study is paroemias about a woman, replenishing the sphere of basic stereotypes of the cultural worldview, its standards, customs, and in this capacity acting as linguistic exponents of cultural signs, as well as the study of discourses related to the artistic style, serving as a source of individual interpretation of individual proverbs and sayings about women in Russian and ways to translate them into closely related Serbian language in the novel "God and the Faith", and methods of translation with the use of various translation operations: replacement, transformation, creolization, etc.

Ключевые слова: паремия, трансформация, креолизация, стереотипы, пословичные эквиваленты.

Key words: paroemia, transformation, creolization, stereotypes, proverbial equivalents.

Предметом данного исследования являются паремии о женщине, пополняющие сферу базовых стереотипов культурного мировидения, его эталонов, обычаев, и в этом качестве выступающие как языковые экспоненты культурных знаков, равно как и изучение дискурсов, относящихся к художественному стилю, служащих источником индивидуальной интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в русском

языке и способах их перевода на близкородственный сербский язык в новелле В. Ерофеева «Бог бабу отнимет, так девку даст». То есть данная работа состоит из двух частей: первая посвящена культурологическому аспекту перевода паремий о женщинах в двух близкородственных языках; вторая – индивидуально авторской интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в оригинале и переводе новеллы Ерофеева. Итак, переходим к первой части данного исследования.

I. Значимые атрибуты картины мира – национально-культурные и национально-языковые особенности, культурные ценности, национальный менталитет, стереотипы – наиболее четко, как известно, проявляются в сфере паремиологии. Пословицы – один из способов создания языковой картины мира. Деятельный аспект пословиц и поговорок непосредственно связан с человеческим фактором, благодаря чему запечатлеваются национально-культурное богатство, опыт, накопленный языковым коллективом, и национально-культурный менталитет, отражающий специфичную для того или иного народа систему миропонимания и мировоззрения.

Только на достаточно больших идеографических (или тематических) массивах становится очевидной связь образного основания идиом с культурно-национальным миропониманием, т.е. ценностно-ориентированным менталитетом народа-носителя языка [Телия, 1993; Маслова, 2001]. Именно поэтому предметом данного исследования являются паремии о женщине, расширяющие сферу базовых стереотипов культурного мировидения, его эталонов, обычаев, и в этом качестве выступающие как языковые экспоненты культурных знаков.

В народном менталитете русских и сербов женщина очень часто является предметом насмешек и унижений. Она превратилась в «бабу», т.е. охарактеризована презрительным словом, непереводимым на большинство иностранных языков. Однако, что касается сербского языка, то в нем есть целый ряд более или менее адекватных эквивалентов: *женетина, жентурача, бабетина; снаша*.

Сравнивая корпус русских и сербских паремий о женщине (выбранный из сборников пословиц В. Даля [Даль, 1994], Вука Караджича [Караџић, 1977], Джуро Даничича [Даничић, 1871] и из исследования Жарко Требьешанина [Требьешанин, 1985], посвященного образу женщин в сербских пословицах), нетрудно прийти к выводу, что в народном менталитете этих двух народов женщина, по меткому определению В.Н. Телии, – скорее «недо-человек» [Телия, 1996]: Ср.: *Курица не птица, баба не человек; Не быть курице петухом, не стать бабе мужиком; Кобыла не лошадь, а баба не человек.* – пословицы в сербском языке: *Боље је бити пијевац један дан него кокош мјесец; Боље је за годину волом него сто година кравом*).

Кроме того, отношение к женщине, выраженное в пословицах, является отношением существа привилегированного к существу подчиненному: *Не петь куры петухом, не владеть бабе мужиком; Любить жену – держать грозу. – Коња и жену треба држати за улар; Ко жену слуша, гори је од жене.*

К ней (бабе) следует применять строгость, держать ее в ежовых рукавицах. Так советуют пословицы: *Бей бабу молотом, сделаешь золотом; Люби жену, как душу, трясии ее, как грушу; Шубу бей теплее, жену бей милее; Бей жену к обеду, а к ужину опять; Кто вина не пьет, пьян не живет, кто жены не бьет – мил не живет; Жена с сердцем, муж с перцем – натирай ей нос; Обошел муженек женушку дубинным корешком. – Жену и змију по глави удри; Бога и вола моли, а жену и коња удри; На сваишта замахуј, на жену спуштај.*

1) В сложившихся пословичных стереотипах; она (т.е. женщина) – «глупая» (*У бабы волос долог, да ум короток; Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Дура не дура, а ума нет; Бабы умы разоряют дома; Собака умнее бабы: на хозяина не лает. – У жене је дуга коса, а кратка памет; Жене су мурдрије од гусака, кад киша пада оне се у суво склоне*), «болтливая», «неумеющая хранить тайны» (*Где баба, там рынок, где две, там базар; Гусь да баба - торг, два гуся, две бабы – ярмарка; Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Волос долог, а язык длинней; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Где две бабы, там суем, а три, там содом; Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить. – Где је гусака, ту је чантрања; Где је жена, ту је брбљања; Опасала се језиком као куја репом; Гори је женски језик но турска сабља; Што једна жена зна, није више тајна; Жена ће само ону тајну сачувати коју не зна; Блебетуша као жаба; Три жене – это вашара; Женско кад ћути најлепше је*), «сварливая» (*Сварливая жена в доме пожар. Аред, да скарעד, да третья ржа*), «упрямая» (*С бабой не сговоришь. Бабу не переговоришь; Стели бабе вдоль, она меряет поперек; Стрижено, нет – брито; Бабе хоть кол на голове теши; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую. – Инат баби душу губи*), «ненадежная, ветреная» (*Меж бабьим 'да' и 'нет' не проденешь иголки; Женские думы изменчивы; Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы уверток; Не верь ветру (коню) в поле, а жене в доме! – Не веруј жени, јер се као месец мени; Не вјеруј љетини док је не метнеш у амбар, ни жени док је не метнеш у гроб; Не веруј жени ни кад је мртва; Жени вере нема; Жени и наприки није веровати; Жена мужа коротује, колико пињата кад се са огња дигне*), «ленивая» (*Муж в поле пахать, а жена руками махать; Муж пашет, а жена пляшет. – Отпор баби гребени да сујој зупци мједени; Боли Влахињу пета да не чешља вуне*), «хитрая» (*Лукавой бабы и в ступе не истолчешь. – Људе је Бог одликовао снагом за десет жена, а једну жену лукавством за десет људи; Више жена плаче од лукавства него од жалости*), «злая» (*От пожара, от потопа и от*

злой жены, боже сохрани!; Лучшее хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Перед злою женою сатана – младенец непорочный; Лучшее жить со змеею, чем со злою женою; Злая жена – та же змея. Злая жена – злее зла; Всех злее злых злая жена. Всех злыдней злее жена злая; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь. – Све зло долазило је одувек од жене; Женској рђи границе нема; Од зле жене нема већег зла на свету: Нема пакости над женском; Змија и жена ствар је једна: Горе је злу жену дирнути но злу гују; Са женама ни ђаво на крај не изађе; Жена је већи ђаво од ђавола; Свашта је лакше трпети него злу жену; Од зле жене браду у шаке), «лживая» (Бабыя вранья и на свинье не объедешь; Баба бредит да кто ей верит), «притворная» (Баба плачет – свой норев тешит. – Жена се узда у плач, а лупеж у лаж; Што жене више плаче, више мужа вара) и т.д.

2) отношение к ее занятиям исключительно презрительное (*Знай, баба, свое кривое вертено; Бабе дорога от печи до порога. – Женски посао приложак од меса (ништа).*

3) место женщины – в доме (*Мужик да собака всегда во дворе, а баба и кошка навсегда в избе; Девкою полны улицы, бабою полна печь. – Мужева је кућа свет, а женин свет је кућа; Риба је најрадије у води, птица у ваздуху, а добра жена код своје куће; Жена и пећка ваља увек да су док куће).*

Вряд ли существуют еще какие-либо отрицательные черты характера, которые не приписывали бы женщине. И поэтому мужчину, неспособного принимать решения, безвольного, в котором отсутствует активное начало, мужество, мужское достоинство, называют «бабой». Общество такого мужчину осуждает, считая это отклонением от нормы в сторону женских стереотипов поведения [Малишевская, 1999]. Эта закономерность – негативная оценка мужчины в таком типе пословиц – проявляется как в русском, так и в сербском языках: «*Эка баба, што нюни распустил*», – «*Не ваљаиш колико дјевојчина*» (рече се у Црној Гори – рђавом мушкарцу, који није јунак); «*Ко се жене боји нека дјецу доји*»; «*Ко жену слуша гори је од жене*»; «*Валај си и чоек и жена*».

Следует также обратить внимание на образы, лежащие в основе содержания некоторых пословиц, где прослеживаются мировоззрения, характерные для русского и сербского народов; отчасти отличающиеся одно от другого, но где опять же проявляется пренебрежительное отношение к женщине: «*Курица не птица, баба не человек*»; «*Баба, што жаба*»; «*Кобыла не лошадь, баба не человек*»; «*Собака умней бабы: на хозяйина не лает*»; «*Баба да бес – один у них вес*». – «*Блебетуша као жаба*»; «*Змија и жена ствар је једна*»; «*Жена је већи ђаво од ђавола*»; «*Два пута је чоек у свом веку весео: првом кад се ожени, а другом кад жену укопа*»; «*Какоће као квочка*».

С помощью паремий, в образной основе которых лежит негативная характеристика моделей поведения женщины, практически можно описать весь мир человека: оттенки

отрицательных чувств и состояний, предосудительные действия и образ поведения, лишний раз подтверждающие, что идиомы в процессе их употребления воспроизводят характерологические черты народного менталитета. («Знай, баба, свое кривое веретено»; «Баба с возу – кобыле легче» – «Што је баби мило, то јој се и снило»; «Трла баба длан да је прође дан»; «Баба баби гребла лан да јој заман прође дан»; «Ишла би баба у Рим, али нема с чим»; «Баба и бог»; «Како сам се надала, добро сам се удала»; «Гатала баба да није мраза»; «Ко о чему, а баба о уштитцима»). Все приведенные примеры еще раз подтверждают, что идиомы в процессе их употребления воспроизводят характерологические черты народного менталитета [Телия, 1996].

Уважительное отношение к женщине в пословицах проявляется лишь к матери и к хозяйке – хранительнице домашнего очага («Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери»; «Нет такого дружка, как родная матушка»; «Отцов много, а одна матушка»; «При солнце тепло, а при матери добро»; «Хозяйка в дому, что оладышек в меду»; «Добрую жену взять – ни скуки ни горя не видать»; «Без мужа, что без головы; без жены, что без ума»; «Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт». – «Не стоји кућа на земљи него на жени»; «Муж је глава, а жена је врат. Глава гледа куд врат окрене»; «Мајку и Бог има»; «Жена је жена, али је мајка мајка»; «Нема ти без матере добра на свету»; «Материн благослов и божји све једно су»; «Материна клетва страшнија је од божје»; «Мајка била, мајка мила»; «Материна рана је најслађа»; «Материно име је свето и на небу и на земљи».

Однако следует отметить, что существует ряд пословиц, которые как бы перечеркивают все то негативное, что звучало о женщине: она умна («Женский ум лучше всяких дум»; «Без жены, что без ума»); с ней следует советоваться («Худо дело, коли жена не велела» – «Добро је и паметну жену послушати»); и не так уж плохо быть женщиной («Лучше раз в году родить, чем день-днемской бороду брить»); и жена мужа может бить («В старые годы бывало – мужья жен бивали, а нынче живет, что жена мужа бьет; «Бил жену денечек, сам плакал годочек»); и самая плохая женщина – все-таки добрая («И зла жена добра жена»); и не так уж весело, когда жена умрет («Дай бог погореть, не дай бог овдоветь»; «Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота»; «Не дай бог гореть да вдоветь! »; «Видал ли ты беду? Терял ли ты жену». – «Нема већег богца од попа удовца».) Контрадикторность, присущая паремиям, усиливается в модифицированных вариантах, в трансформированных пословицах («Курица – не птица, женщина – орлица»; «Называли женщин бабами, а сейчас зовут прорабами»; «Бабой жила Марья на свете, а сейчас в столице, в Верховном Совете» – «Кад нема пацова, жене коло воде»).

Таким образом, лингвокультуроведческий анализ позволяет реконструировать и описать пословичный идеал (полезное, послушное и рабски преданное существо, представляющее ценность только как мать и хозяйка) и антиидеал женщины (злая, болтливая, глупая баба), закрепленные в сознании народа – носителей языка и культуры как стереотипы. К основным характерологическим свойствам этих стереотипов относятся психофизические свойства, интеллектуальные характеристики, различные формы деятельности, связанные со свойствами женской личности; при чем с прагматической точки зрения цель в них размыта: одна и та же пословица может быть и упреком, и утешением, и нравоучением, и советом, и предупреждением, и даже угрозой («*Всех злее злых злая жена*»; «*Женская лесть без зубов, а с костями сложет*»; «*Худо мужу тому, у которого жена большая в дому*».)

Однако следует заметить, что при всем сходстве стереотипов в русском и сербском языках, контрадикторных суждений, в пословицах имеется ряд особенностей, характерных для того или другого народа, на основе которых и образуются различные культурные модели:

В русских пословицах женщину называют только презрительным словом «баба», в сербских – нейтральным словом *женщина* (по-сербски: *жена*), приобретающим то положительные, то отрицательные коннотации в зависимости от окружающего контекста.

Для русских паремий характерна темпоральная модель с несколькими временными шкалами, отсутствующими в сербском языке, – «бабий век» («*Девка молодуха, а баба – старуха*»; «*Сорок лет – бабий век*»; «*Сорок пять – баба ягодка опять*»).

В сербском языке нет пословиц, в которых бы жена занимала особое, самое главное место в жизни мужа; в русском они присутствуют («*Муж жену береги, как трубу на бане!*»; «*Родители берегут дочь до венца, а муж до конца*»; «*Жена не сапог, с ноги не скинешь*»; «*Жена не рукавица, с руки не сбросишь*»; «*Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь*»; «*Жена не седло, со спины не сымешь*»; «*Хоть гайтан порви, да жену корми*»).

Синонимические ряды пословиц со стереотипами «глупая», «злая», «болтливая баба» разнообразней и богаче в русском языке, чем в сербском; зато у сербов намного больше сравнений женщин с образами животных.

Национально-культурная специфика проявляется и в объеме использования в речи пословиц и поговорок: по сравнению с русским народом сербы их используют реже. Существует определенное количество пословиц в активном словарном запасе, которые известны всем носителям языка, а большинства из них нет даже в пассивном словарном запасе. Хотя следует оговориться, что их использование во многом зависит от возраста и места проживания говорящих.

Бывают лишь единичные случаи совпадения и по форме, и по содержанию русских и сербских паремий, что свидетельствует о различных культурных моделях двух анализируемых языков. Поэтому практически, за редкими исключениями, невозможно подобрать эквиваленты. В связи с этим несомненный интерес представляют исследования дискурсов, относящихся к художественному и публицистическому стилям, которые служат источником индивидуальной семантизации знаний о мире и индивидуальной интерпретации отдельных паремий. Но это уже предмет следующего нашего исследования.

II. Вторая часть данного исследования посвящена исследованию дискурсов, относящихся к художественному стилю, служащих источником индивидуальной интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в русском языке и способах их перевода на близкородственный сербский язык в новелле В. Ерофеева *«Бог бабу отнимет, так девку даст»*, равно как и принципы, и приемы перевода с применением различных переводческих операций: замены, трансформации, креолизации и т.д.

Одним из важнейших вопросов теории художественного перевода, безусловно, является вопрос о границах переводимости: где кончается перевод и начинается интерпретация, прежде всего это относится к тем элементам языка, как идиомы, в которых аутентичные компоненты одной культуры ясно выражены, а нет в другой, даже когда речь идет о генетически родственных языках как русский и сербский.

Прежде чем, приступить к сравнительному изучению культурных компонентов паремий (пословиц) о женщинах в русском и сербском языках задачей первостепенной важности для исследователя – это интерпретация значения конкретной пословицы на языке оригинала. Для выполнения этой цели ему необходимо предварительно подобрать более или менее близкие синонимы в этом же языке для конкретной пословицы, чтобы перейти к следующему фазису – поиск функционально-смысловых эквивалентов в переводном языке. Следующим важным этапом является имманентный анализ этих рядов паремий в каждом из двух языков в отдельности, чтобы потом перейти к сравнительно-стилистическому анализу, который вновь опирается на результаты предыдущих имманентных анализов.

Редко бывает, чтобы исследователи сразу и без предварительных аналитических процедур могли без колебаний подобрать самый близкий пословичный функционально-смысловой эквивалент, так как весьма редко встречаются идентичные паремии, даже в языках в генетически близких языках. Например, в одной из новелл современного русского писателя Виктора Ерофеева *«Бог бабу отнимет, так девку даст»* из сборника новелл *«Мужчины»* [Ерофеев, 1997, с. 22–24] на небольшом вербальном пространстве имеется 17 пословиц. Все они о статусе русской женщины в обществе и, в основном, с преобладающей отрицательной коннотацией. Лишь только одна идентична в двух

анализируемых языках (*У бабы волос долог, да ум короток – У жене је дуга коса, а кратка памет*), в то время как у остальных шестнадцати – различия варьировали в диапазоне: от узнаваемых по компонентам, составляющим данную пословицу или по комментариям автора, до совершенно семантически непрозрачных, ибо в них культурный компонент был настолько своеобразен, что никакие аналогии нисколько не помогали.

Поэтому необходимо было выбрать пословицы из соответствующих словарей: *Српске народне пословице* Вука Стефановића Караджича, *Пословице* Джуро Даничича и *Пословицы русского народа* В. Даля [Караџић, 1977; Даничић, 1871; Даль, 1994] с основным компонентом *баба – жена* (срб.), а также обращаться к редкой литературе по культурным компонентам в идиомах одного языка и даже пословицам, наблюдаемым в контексте культуры этих двух языков [Телия, 1993, 1996, 1999; Требјашанин 1985]. Следующий этап исследования был посвящен культурологическому аспекту изучения паремий (пословиц) о женщинах на русском и сербском языках, а затем переводу пословиц из текста упомянутой новеллы «Бог бабу отнимет, так девку даст» («Једна се погребе друга се доведе»).

После множества различных трансформаций, которые были реализованы при переводе паремий с русского языка на сербский, был сделан однозначный вывод, что этот тип перевода с полным основанием может носить эпитет *интерпретативного*, поскольку пересекает три типа интенций, ибо в нем скрещиваются три способа интенции, в первую очередь автора исходного текста В. Ерофеева, который, говоря о неблагоприятном положении женщины в русской культуре, используют общерусские паремии о женщинах, интерпретируя их по-своему, комически, приспособлявая к основному тону персифляжа.

После этого следуют интенции интерпретатора-переводчика, который, учитывая пересечение двух предыдущих интенций, общеязыковой и индивидуальной, активизирует ряд сербских, паремий о женщине, с таким же негативным отношением к положению женщины в сербской среде. Пересечение этих трех интенций обычно предполагает видоизменение как оригинальных русских, так и оригинальных сербских пословиц, когда интерпретатор дает свою чаще всего креолизованную паремию, составленную из исходных элементов двух языков исходного и языка перевода.

1. Так, например, для пословицы, находящейся в заглавии оригинала, «*Бог бабу отнимет так девку даст*» ближайшим сербским функционально-смысловым эквивалентом будет «*Једна се погребе друга се доведе*», которая представляет собой модифицированную пословицу с элементами обеих паремий: *Бог једну погребе другу младу доведе*. Из русской оригинальной пословицы переводчик должен был сохранить в модифицированном варианте пословицы компонент *Бог*, ибо так в оригинале» говорится о

смерти старухи и молодой жене – как дару от Бога. Это было начало игры русско-сербскими паремиями

2. Как мы уже указывали, автор часто актуализирует один из тех вторичных культурных компонентов пословицы, которые только виртуально содержатся в ее изобразительной структуре, но которые действительно способствуют общему комическому эффекту всего рассказа. Это, безусловно, дает переводчику широкие возможности для актуализации вторичных культурных компонентов из нескольких возможных сербских эквивалентов и предоставляет возможности скрещивания их друг с другом, а также с элементами оригинальной русской пословицы.

Итак, в одном случае, из двух близких пословиц – исходной русской и ближайшего сербского функционально-смыслового эквивалента – была создана одна сложная русско-сербская пословица. Например, русская пословица *Собака умней бабы: на хозяина не лает* и исходной, сербской *Жене су мудрије од гусака кад киша пада оне су у суво склоне* представлено несколько вариантов креолизации: (а) *Женетина је глупља од пса: лаје на газду, а мудрија од гуске: кад киша пада она се у суво склони*; (б) *Пас је паметнији од жене: на газду не лаје, а жена - од гуске: када пада киша она се у суво склони*.

В другом случае, сербская пословица *Дошо враг по свој џак* была инкорпорирована в русскую *Пришла смерть по бабу - не указывай на деда: Дошо враг по бабин џак, не упри прстом у деду пак*.

3. Метаязыковые комментарии автора иногда выражают индивидуальное отношение к определенным стереотипам, например: если с бабой что-то случится не жалко: *баба с возу – кобыле легче*; бабе отказано в сострадании: *баба плачет – свой норов тешит*; вялого, дрянного, робкого, бестолкового мужика на Руси традиционно принято дразнить бабой: *Эка баба, што нюни распустил!* Это позволяет переводчику, как метаавтору, одинаково относиться к некоторым сербским стереотипам, в том числе в виде комментариев, в которых читателю предлагается смысл пословицы, несколько отличный от общеязыкового стереотипа. Конечно, в таком соревновании с автором оригинала – в использовании идентичных приемов – много опасностей подстерегают переводчика, между прочим, что он может незаметно «скатиться» в импровизацию на заданную тему. Но задача подобного рода эксперимента не только заманчива для исследователя, но и является фактически единственно реальным способом достижения одновременно двух эффектов: сохранения комического эффекта оригинала новеллы и авторского приема актуализации нестереотипных значений общеязыковых паремий. Соответственно, перевод трех предыдущих пословиц выглядел бы так: «Ако се женетини нешто деси – никаква штета: “Срећноме умиру жене, а несрећном кобиле цркавају”»; «У бабетине нема ни трунке

саосећања: “*Више жена плаче од лукавства него од жалости*”»; «Безвольног, похабаног, плашљивог ћакнутог гејака у Русији одвајкада зову папучаром: “*Ко се жене боји нека дјецу доји*”». Это также был один из двух самых распространенных приемов передачи пословиц в нашем переводе, потому что из общего числа – 17 – только в одном случае совпадение было очевидным и бесспорным: *У бабы волос долог, да ум короток – У жене је дуга коса, а кратка памет.*

4. Вторым, с точки зрения частотности, был переводческий прием, при котором учитывались два момента: во-первых, попытка подражать архаическим паремиям из сборников пословиц Вука Караджича и Джуро Даничича, а, во-вторых, особое внимание уделять сохранению ритма, размера оригинала, когда это возможно. (*Сорок лет – бабий век – Жени четрес лета – это краја века; Сорок пять – баба-ягодка опять – Четрес’ пета – жена опет цвета; Скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом – Бацака се женетина и задњицом и боком, а ствар се одвија својим током; Бей бабу молотом – сделаеш златом – Удри бабу млатом да постане злато; Пришла смерть на бабу – не указывай на деда – Кад је, бабо, дошо враг по твој џак, не упри прстом у деду пак).*

5. Иногда для двух конкурирующих вариантов одной и той же русской пословицы (например, *Не стать курице петухом, не стать бабе мужиком* и *Курица не петух, баба не человек*) в сербском языке найден только один вариант (*Боље бити пијевац један дан, него кокош мјесец*).

И, наконец, отправляясь от этих преобразований и креолизаций в языке перевода, пословицы были переведены снова на русский язык, чтобы проверить правдоподобность всех наших предыдущих аналитических процедур, равно как и всех преобразований и креолизаций. Нет никакого сомнения, что такой интерпретативный подход при переводе паремий с сербского языка на близкородственный русский, а при помощи проведенной креолизации элементов двух культур, содержащихся в ряде окказиональных синонимических пословиц, – дает возможность взаимного расширения и обогащения инвентаря существующих сербских, так и русских пословиц. А это является целью этих весьма и весьма серьезных игр в поисках переводных эквивалентов для паремий близкородственных языков.

В заключении отметим, что книга Виктора Ерофеева «Мужчины» написана современным языком, в котором переплетаются элементы очерка и беллетристики, а то и другое перемежается с элементами колоритного московского арга. И среди существенных стилистических особенностей выбранной новеллы *Бог бабу отнимет, так девку даст* включает индивидуальную семантику общезыковых пословиц Виктора Ерофеева.

Следујући превод предназначен в првую очередь для сербских студентов, изучающих русский язык и русских, изучающих сербский язык.

Виктор Јерофејев

**Бог једну погребу, другу млађу доведе
(Бог бабу отнимет, так девку даст)**

(Превод новеле на српски језик)

Баш су лепу утеху у Русији нашли за удовца. Негде онамо, у другим земљама уцвелењени (јес' клинац!) витезови су лили крокодилске сузе када би остали без вољене жене, писали би (јес' клинац!) срцепарајуће епитафе, одлазили би у манастир, а нашем гејаку ни на ум није падало да је оплакује. Њега је испуњавало чудно осећање олакшања што се ослободио беде, пред њим су се отварале нове животне перспективе. Па наравно! Руски Бог је добар. Он ће њему млађано и слађано девојче подарити. Не постоји ниједна народна култура било где у свету у којој би однос према жени био толико циничан, какав је одвајкада био код нас. Све је то у генима записано до данашњег дана.

Својевремено је Лењин тачно запазио да у Русији постоје две културе: племићка и наша. Племићка култура није штедела снагу да подигне статус руске жене. Генијалним стиховима и прозом Пушкин и Тургенев, Тургенев и Пушкин упињали су се из све снаге да утуве у руске главе да је жена нешто више, поштеније и племенитије од мушкарца. Њекасов је описао жене декабриста као идеал националног карактера. Толстој, Достојевски, Чехов - сви до једнога - уздигли су жену на пиједестал, међутим, она се на њему ко зна због чега није одржала.

«Наша» култура се показала јачом. Она није била тако глагољива, слаткоречива, али су зато пословице откриле њену праву природу јер говоре саме по себи. Пословице су смождиле жену као људско биће. Она је постала предмет подсмевања и понижавања. Она је уз то изгубила и статус жене. Она се претворила у женетину, тј. она се окарактерисала пежоративном речју која се не да превести на већину страних језика.

Читав корпус руске народне мудрости прожет је подругљивом женофобијом. Бабетина нема ни трунке памети. «У жене је дуга коса, а кратка памет» (У бабы волос долог, да ум короток), поука је ове пословице. У бабетине нема ни трунке поштења: «Не веруј летини док је не метнеш у амбар, ни жени док је не метнеш у гроб». (Баба бредит, да кто ей верит). У бабетине нема ни трунке саосећања: «Више жена плаче од лукавства него од жалости» (Баба плачет свой норов тешит). Женетина је глупља од пса: лаје на газду, а мудрија од гуске: кад киша пада она се у суво клони. Или: Пас је паметнији од жене: на газду не лаје, а жена - од гуске: кад киша пада она се у суво склони/. (Баба хуже, чем собака: «Собака умней бабы: на хозина не лает»). Жени је место у кући: «Риба је најрадије у води, птица у ваздуху, а добра жена код своје куће» (Знай, баба, свое кривое веретено).

Запрепашћује понекад ничим не објашњива пакост у руским пословицама: «Бацака се женетина и задњицом и боком, а ствар се одвија својим током» Или: «Женетина лаје караван пролази». (Скачет баба и задом и передом а дело идет своим чередом). Ко још држи до жениног мишљења: «Блебетуша као жаба». (Сердилась баба на торг, а торг про то и не ведал).

Што се пак тиче женских страсти, чак и ту за њу нема никакве милости: «Жена мужа коротује, колико ври земљана пињата кад се са огња дигне» (Бабье сердце что котел кипит). Нема милости ни за жену у годинама. Њој ионако тешко пада старење, а пресуда је немилосрдна: «Жени четрес лета, ето краја века» (Сорок лет – бабий век). Мада, истина, постоји и руски закаснели волунтаризам: «Четрес пета – жена опет цвета» (Сорок пять - баба ягодка опять). Ама немој вазда да ми се ту снебиваш, већ умри: «Кад је, бабо дошо враг по свој џак, не упри прстом у деду пак» (Пришла смерть по бабу, не указывай на деда).

Мушко је важније од женураче и тиме се може подичити: «Боље је бити пијевац један дан него кокош мјесеца» (Не стать курице петухом, не стать бабе мужиком). Али тај исти «пијевац» кадар је да се претвори у кокош. Безвољног, похабаног, плашљивог, ђакнутог гејака у Русији, одвајкада зову папучаром: «Ко се жене боји, нека дјецу доји» (Эка баба, что нюни распустил).

Женетину треба тући. То је препорука руског бонтона. Што јаче - утолико боље, наравно за њу саму: «Удри жену млатом да постане злато» (Бабу бей молотом, сделаешь золотом). Ако се женетини нешто деси – никаква штета: «Срећном жене умиру, а несрећном кобиле цркавају» (Баба с возу – кобыле легче). А то је баш смешно речено. Духовито. Талентовано. Ето такав је у нашем народу даровит човек по природи. И круна све те мудрости је јака реч, и опет је о кокоши: «Боље бити пијевац један дан, него кокош мјесеца» (Курица не петух, баба не человек).

Па то је ипак она?

Наша култура слеже раменима. Она још никог није удостојила одговором. Где престају пословице – започиње баналност.

У совјетско време «наша» култура попримила је нове сокове. Она је постала субкултура и тим својим квалитетом је напречац освојила многе руске независне умове. Жени у алтернативној култури припало је најниже место.

Ја знам од којих предрасуда се треба ослободити. Ја такође знам да се од тих предрасуда неће бити нимало лако ослободити. Племићка култура се на може вратити јер то неће дозволити демократија. Па шта чини онда сироти руски плејбој који је одлучио да прихвати оно што на нашим просторима није било уобичајено?

Шта да се ради?... Шта да се ради?...

Можда за почетак да купи цвеће и кондом?

Мада, са друге стране, понекад стварно са осмехом примаш изреку: «*Срећном умиру жене, а несрећном кобиле цркавају*» (*Баба с возу - кобыле легче*).

(Наслов оригинала: Виктор Ерофеев, *Бог бабу отнимет, так девку даст./У:/ Мужчины*. Москва, Подкова 1997. С. 22–25.)

Список литературы:

Даль В.И. Пословицы русского народа // Сборник В. Даля в двух томах. М.: Художественная литература, 1994.

Ерофеев В. Бог бабу отнимет, так девку даст // Мужчины. М.: Издательский дом «Подкова», 1997. С. 22–24.

Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина» // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 182 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М.: Наука, 1993. 305 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С.13–24.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996.

Даничић Ђ. Пословице, У Загребу, 1871.

Караџић В.С. Српске народне пословице. Београд, Нолит, 1977.

Требјашанин Ж. Представа жене у српским народним пословицама. Психологија, год. XVIII, бр. 4/4, 1985. С. 85–103. (In Serbian).

References:

Dal' V.I. Poslovitsy russkogo Naroda [Proverbs of the Russian people] // Sbornik V. Dal'ya v dvukh tomakh. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1994. (In Russian).

Danichih' Ђ. Пословице, У Загребу [Proverbs in Zagreb], 1871. (In Serbian).

Erofeev V. Bog babu otnimet, tak devku dast [God will take away a woman, so he will give a girl] // Muzhchiny. M.: Izdatel'skii dom «Podkova», 1997. P. 22–24. (In Russian).

Karazhich' V.S. Српске народне пословице [Serbian folk proverb]. Beograd, Nolit, 1977. (In Serbian).

Malishevskaya D.Ch. Bazovye kontsepty kul'tury v svete gendernogo podkhoda (na primere oppozitsii «Muzhchina/Zhenshchina») [Basic concepts of culture in the light of the gender approach (on the example of the opposition “Man / Woman”)] // Frazеologiya v kontekste kul'tury. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 182 p. (In Russian).

Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. M.: Izdatel'skii tsentr «AkademiYA», 2001. 208 p. (In Russian).

Teliya V.N. Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov [Cultural and national connotations of phraseological units] // XI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Slavyanskoe yazykoznanie. M.: Nauka, 1993. 305 p. (In Russian).

Teliya V.N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [Primary tasks and methodological problems of the study of the

phraseological composition of the language in the context of culture] // *Frazeologiya v kontekste kul'tury*. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. P. 13–24. (In Russian).

Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M.: Nauka, 1996. (In Russian).

Trebjashanin Zh. Представа жене у српским народним пословицама [The game of women in Serbian folk proverbs]. *Psikhologiya*, god. XVIII, br. 4/4, 1985. P. 85–103. (In Serbian).

ГЕНДЕР КАК НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

GENDER AS A DIRECTION OF SCIENTIFIC RESEARCH

В современной системе высшего образования растет интерес к новой для Азербайджана учебной дисциплине – гендер. Успешное усвоение гендерной теории невозможно без изучения того интеллектуального потенциала, который накоплен в западной социальной науке. Нынешний уровень развития гендерных исследований позволяет говорить о гендерном подходе как об особом теоретическом направлении, ориентированном на формирование и утверждение политики равных, не зависящих от пола возможностей самореализации человека в различных областях социальной практики. Понятие «гендер» – одно из новых в общественности. Оно находится на стадии становления, обогащения новым содержанием, определения места в категориально-понятийном аппарате социологии. Гендер трактуется как одно из базовых измерений социальной структуры общества, который наряду с другими социальными характеристиками (класс, раса и др.) организует социальную систему.

In the modern system of higher education, there is a growing interest in a new academic discipline for Azerbaijan – gender. Successful assimilation of gender theory is impossible without studying the intellectual potential that has been accumulated in Western social science. The current level of development of gender studies allows us to speak of the gender approach as a special theoretical direction focused on the formation and approval of a policy of equal, gender-independent opportunities for self-realization of a person in various areas of social practice. The concept of gender is one of the new in social science. It is at the stage of formation, enrichment with new content, determination of its place in the categorical-conceptual apparatus of sociology. Gender is interpreted as one of the basic dimensions of the social structure of society, which, along with other social characteristics (class, race, etc.), organizes the social system.

Ключевые слова: гендерные исследования, общество, социальная система, культура, взаимоотношения, личность.

Key words: gender studies, society, social system, culture, relationships, personality.

В современной системе высшего образования растет интерес к новой для Азербайджана учебной дисциплине – гендер. Успешное усвоение гендерной теории невозможно без изучения того интеллектуального потенциала, который накоплен в западной социальной науке. Нынешний уровень развития гендерных исследований позволяет говорить о гендерном подходе как об особом теоретическом направлении, ориентированном на формирование и утверждение политики равных, не зависящих от пола возможностей самореализации человека в различных областях социальной практики.

Гендер – это сравнительно новое направление исследований (первые работы появились около 20 лет назад), синтезирующие в себе широкий спектр научных и ненаучных представлений. Эти исследования направлены на раскрытие механизмов взаимодействия и взаимоотношений между мужчинами и женщинами в обществе,

определение социальных ролей полов в зависимости от культуры, господствующих ценностей. Гендер – это одно из направлений, создающих педологическую основу формирующего нового мировоззрения, фундамент новой философии, пересматривающей и перераспределяющей роль, место и значение мужчины и женщины в обществе.

Понятие «гендер» – одно из новых в обществознании. Оно находится на стадии становления, обогащения новым содержанием, определения места в категориально-понятийном аппарате социологии. Данный термин происходит из англоязычной феминистской литературы и означает пол, род, воспроизводит оппозицию биологического (социального).

Ввод данного понятия в научный оборот преследовал несколько целей: перевести анализ с биологического уровня на уровень гадальный, отказаться от постулата о «природном назначении полов», показать, что понятие пола принадлежит к числу основополагающих категорий, как класс, раса.

Концепция гендера или гендерных отношений стала первой политической и социологической концепцией, рассматривающей женщину не в ее «природном», «естественном» качестве, не как биологическое существо, судьба которого предопределена его физиологическими особенностями, а как человека, то есть существо социальное, со своим особым статусом, особыми социальными интересами, запросами, потребностями.

В ходе подготовки к IV Всемирной конференции по положению женщин (конференция проходила в Пекине в сентябре 1995 года, в ней приняли участие представители 190 стран) вопрос о значении термина тендерный был вынесен на специальное экспертное обсуждение. В итоге было отмечено, что этот термин следует широко использовать в его общепринятом значении [Пекинская декларация]. Данная линия представлена в итоговом документе IV Всемирной конференции – в «Платформе действий по улучшению положения женщин» [Доклад IV Всемирной конференции по положению женщин, 1996, с. 223]. Подтверждена легитимность использования в научной лексике понятий «гендер», «гендерный фактор», «гендерные исследования», «гендерная политика».

Важно различать понятия биологический пол и гендер.

Биологический пол в достаточно простой формулировке означает биологические (физические, генетические) различия, отличающие мужчин от женщин. В действительности, как и расовые различия, они не так велики. Если сравнить функции организма, у мужчин и женщин гораздо больше общего. Но биологические различия полов очень важны. Факт, что женщины могут рожать детей, несомненно, важен, как и тот факт, что мужчины этого делать не могут. Однако это еще не определяет всего социокультурного значения, которое может придаваться мужчине и женщине в том или

ином обществе. Некоторые физические различия, которые определены природой, такие, например, как рост и телосложение, не так важны. Они не постоянны, так женщины из Северо-Западной Европы в среднем выше ростом, чем мужчины из Юго-Восточной Азии. На размер и вес тела существенно влияют питание и образ жизни, на которые в свою очередь оказывают влияние общественные взгляды: как должны питаться и какие упражнения, спортивные занятия будут приемлемы для растущих мальчиков и девочек. Также важно, живете ли вы в развитой стране или в стране третьего мира. Кроме того, с помощью тренировок как мужчины, так и женщины могут изменить телосложение, увеличить физическую силу. В действительности, важно не столько физические различия, сколько то социальное значение, которое придают различиям между мужчинами и женщинами.

Понятие гендер часто ассоциируют с понятием социальный пол. Он означает совокупность норм поведения и позиций, которые обычно связываются с лицами мужского и женского пола в любом данном обществе.

Одним из аспектов нашего социального образа является то, как мужчины или женщины обучаются, «строятся» в течение жизни в определенных обществах с различными культурами.

Впервые идея о необходимости различения биологического и социального понятий пола была выдвинута в работе Маргарет Мид «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935 г.). Сначала она была принята феминистской теорией, а позднее и в научных исследованиях стали проводить различие между понятиями пол и тендер. Ощущение человеком принадлежности к определенному социальному полу воспитывается всю жизнь, в течение которой он осваивает те поведенческие нормативы, характеризующие их как мужчину и женщину. Хотя биологические различия действительно существуют, но не они являются решающими в конструировании мужской и женской природы. Мужчины и женщины обучаются в обществе естественному поведению и взглядам, ролям и деятельности. Такое поведение идентифицирует гендер и определяет гендерные роли.

Гендер – это сложный социокультурный конструкт: различия в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках между мужским и женским, творимые (конструируемые) обществом.

Гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие, но и определяющая их отношения на макроуровне, в основных институтах общества.

Гендер трактуется как одно из базовых измерений социальной структуры общества,

который наряду с другими социальными характеристиками (класс, раса и др.) организует социальную систему. Осознание гендерной принадлежности – конструирующий элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами.

Социологи исходят из тезиса о том, что именно научная среда, а не индивидуальные способности или установки женщин-ученых обуславливают их позицию в научном сообществе и поэтому, чтобы объяснить социальный порядок института науки, они изучают инкорпорированные в него механизмы воспроизводства и конструирования гендерных различий [Ведерникова, 2005, с. 25].

Гендерная социализация – это процесс, в ходе которого происходит усвоение образцов поведения в зависимости от половой принадлежности, то есть, обучение тому, что является социально приемлемым для мужчин и женщин. Гендерная социализация неразрывно связана с понятиями гендерной идентичности и гендерной роли.

Усвоение гендерных стереотипов в процессе социализации (на примере социализации в семье). Термин «социализация» используется социологами и психологами при описании процесса обучения человека социальным нормам и моделям поведения на протяжении всего жизненного пути. При этом обычно выделяют три стадии социализации:

- первичную или начальную – социализацию ребенка в семье;
- среднюю или вторичную – социализацию в школе;
- и третью или завершающую – социализацию взрослого человека (принятие профессиональных, семейных ролей).

Также существует понятие ресоциализации. По определению Э. Гидденса, это процесс, в результате которого происходит разрушение ранее усвоенных норм и образцов поведения, вслед за которым идет процесс усвоения или выработки иных норм. Как правило, ресоциализация происходит с попаданием в критическую ситуацию, но наиболее она вероятна в период трансформационных процессов. В качестве агентов или институтов социализации выступают группы или социальные контексты (сферы), в которых происходит процесс социализации. Основным агентом и институтом социализации, особенно на первой ее стадии, является семья. На более поздних этапах подключаются другие агенты влияния, такие как школа, группа сверстников, «значимые другие», высшая школа, средства массовой информации, «работа» и др. [Агаев, 1987, с. 156].

Гендер конструируется через определенную систему социализации, разделение труда и принятые в обществе нормы и стереотипы. Принятые в обществе гендерные нормы в определенной степени определяют психологические качества (поощряя одни и негативно оценивая другие), способности, профессии людей в зависимости от биологического пола.

При этом гендерные нормы и роли не имеют универсального характера и значительно различаются в разных обществах.

В 20–30-х гг. XX века исследования, посвященные месту женщин в истории науки, носили в основном эпизодический характер. Положение стало меняться лишь тогда, когда сами женщины-ученые начали писать о проблемах, с которыми они сталкиваются в научном сообществе [Соловей, 2016, с. 65]. Гендерные исследования тесно связаны с «женскими» исследованиями. С середины 70-х годов XX столетия под напором феминистского движения в западных университетах повсеместно возникали центры «женских» исследований с особыми программами, то есть проходил процесс институционализации этих исследований. Их основная задача – изучение «женского вопроса» с точки зрения женщин. Гендерные исследования являются логическим следствием женских исследований. Вместе с тем необходимо указать и на различия между ними.

Особенность женских исследований – это включение женского жизненного опыта в рамки социальной и культурной действительности как основы научной работы. Традиционные исследования о женщинах перестали рассматриваться как научные теории, которые приписывали женщинам особую иррациональность, кротость и домовитость, стали считаться мужскими стратегиями, имеющими своей целью не столько объяснить, сколько оправдать существующее положение. Многие из имеющихся общественных теорий с их претензиями на универсализм находились в противоречии с жизненной практикой женщин. Для положения женщин в науке данные исследования предлагают рекомендации, которые сводятся к изменению мотивации, что приведет к смене «женской» идентичности и поведения на «мужские» эквиваленты. Объяснение низкой представленности женщин в науке будет более глубоким, если принять к рассмотрению факт того, что обуславливают данную ситуацию и гендерное разделение труда в обществе, и гендерный символизм [Ведерникова, 2005, с. 26].

В противовес этим взглядам был выдвинут постулат универсального общего женского опыта. Однако, данное феминистское положение не учитывало в достаточной степени различия внутри женской части населения. Положение об общем угнетении женщин по признаку пола не является убедительным для представителей, например расовых меньшинств. Для них важнее другие проблемы, как религия, этническая принадлежность и др. Даже если женщины-негритянки могли еще частично сочувствовать свою солидарность с белыми женщинами по признаку пола, то эта солидарность в результате дискриминации по расовому признаку разрушалась.

Таким образом, становится очевидной ограниченность женских исследований в постановке и решении вопросов. Основная функция этих исследований состояла в предоставлении информации от женщин и о женщинах, чтобы создать фундамент для новых теоретических построений. Задача гендерных исследований состоит не столько в продолжении критики вытеснения женщин, сколько в критическом анализе механизмов, связанных с иерархизацией. Если в начале речь шла прежде всего о представлении информации о женщинах, о показе различий между женщинами и мужчинами, гендерные исследования задаются прежде всего вопросом о значении, которое приписывалось и приписывается этим различиям.

Утверждение категории гендера имело несколько обоснований: в целях отказа от причинной зависимости между женским и мужским телом и определенными общественными ролями, которые принимаются за естественные; в целях установления связи между структурой отношений полов и другими внутрикультурными контекстами и формами общественной организации; в результате признания того факта, что общественная организация, в которой мужчины и женщины играют определенную роль, не может быть понята без анализа соответствующих властных систем.

Сторонники европейского и американского движений за эмансипацию женщин стали уделять основное внимание не столько достижениям женщин в науке, сколько препятствиям, которые стоят на пути женщин и мешают им добиваться успеха в науке. Научное сообщество открывало свои двери «исследовательским парам», нежели женщинам, которые работали в одиночестве. Неравномерно происходили и распределения исследовательских грантов между супругами: муж, как правило, получал большую долю кредита [Женщины в науке, 1989, с. 10].

Наряду с понятием «гендер» при анализе данных проблем используются категории «феминный» и «маскулинный» для обозначения культурно-символического смысла «женского» и «мужского». Маскулинность-феминность это нормативные представления о поведенческих психологических свойствах, характерных для мужчин и женщин.

Широкое распространение гендерных исследований на Западе оказало существенное воздействие на эволюцию общественных норм и представлений об отношениях между полами и назначении женщин. Например, один из десяти американских служащих в армии – женщина, половина постов во всех структурах управления в Норвегии принадлежит женщинам. Дело не сводится только к распространению гендерных исследований и их пропаганде в обществе. Главное включается в векторе, направлении общественного развития. Но научные знания, со своей стороны, стимулируют перемены в массовом сознании, способствуют утверждению определенных ценностей и норм,

определяют содержание новых законов, способствуют изменению нравов, традиций, институтов. В результате спор о назначении женщины, начатый небольшой группой феминисток, получил завершение в принятых международным сообществом документах, таких, как Конвенция Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), где женщина признается таким же полноценным субъектом истории, как и мужчина.

Неофеминистский лозунг «Мое тело принадлежит мне», под которым развернулась гигантская кампания за легализацию абортов, в этих же документах переведен в положение о том, что рождение детей – это право, а не обязанность женщины. Иначе говоря, личность женщины оценивается сегодня международным правом выше, чем ее «природное назначение», природная функция.

Социальная действительность в Азербайджане, а именно проблематизация гендерных отношений в условиях постсоциалистической трансформации диктует необходимость того, что речь идет о фактической отстраненности женщин от участия в политическом процессе, широком распространении предрассудков и стереотипов, ограничивающих место женщин в общественной жизни. Все это требует широкого внедрения в образовательную систему гендерных исследований с целью повышения культуры населения.

Список литературы:

- Агаев В.С.* Психологические социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 152–158.
- Ведерникова Е.* Феминистские исследования науки: позиции и аргументы // Сборник статей. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. С. 23–40.
- Доклад IV Всемирной конференции по положению женщин.* ООН, 1996. 226 с.
- Женщины в науке.* Реф. Сборник, М., 1989. 176 с.
- Пекинская декларация* [Электронный ресурс] // Декларации Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml
- Соловей А.П.* История и контекст возникновения гендерных исследований в науке // Сборник научных трудов. Полоцкий государственный университет, 2016. С. 64–67.

References:

- Agayev V.S.* Psikhologicheskoe sotsial'nye funktsii polorolevykh stereotipov [Psychological social functions of sex-role stereotypes] // Voprosy psikhologii. 1987. № 2. P. 152–158. (In Russian).
- Doklad IV Vsemirnoi konferentsii po polozheniyu zhenshchin* [Report of the IV World Conference on the Status of Women]. OON, 1996. 226 p. (In Russian).
- Pekinskaya deklaratsiya* [Beijing Declaration] [Electronic resource] // Deklaratsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. – Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (In Russian).
- Solovei A.P.* Istoriya i kontekst vozniknoveniya gendernykh issledovaniy v nauke [History and context of the emergence of gender studies in science] // Sbornik nauchnykh trudov. Polotskii gosudarstvennyi universitet, 2016. P. 64–67. (In Russian).

Vedernikova E. Feministskie issledovaniya nauki: pozitsii i argumenty [Feminist research in science: positions and arguments] // Sbornik statei. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2005. P. 23–40. (In Russian).

Zhenshchiny v nauke [Women in science]. Ref. Sbornik, M., 1989. 176 p. (In Russian).

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бубекова Лариса Борисовна

Елабужский институт Казанского федерального университета
г. Елабуга (Россия)

Кудрявцева Екатерина Львовна

Международная сетевая лаборатория «Инновационные технологии в поликультурном образовании» Елабужского института Казанского федерального университета
г. Гутов (Германия)

Bubekova Larisa

Yelabuga Institute of Kazan Federal University
Yelabuga (Russia)

Kudryavtseva Ekaterina

International Network Laboratories “Innovative Technologies in Multicultural Education” of
Yelabuga Institute of Kazan Federal University
Gutov (Germany)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ АДАПТИВНОЕ ТРАНСКОДИРОВАНИЕ В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «ПАМЯТНИК»

ETHNOCULTURAL ADAPTIVE TRANSCODING IN A.S. PUSHKIN “MONUMENT”

В статье рассматривается этнокультурное адаптивное транскодирование стихотворения «Памятник» А.С. Пушкина в аспекте проблемы понимания и интерпретации лингвоэстетической составляющей переводческих интерпретаций поэтического текста.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что при достаточно полной изученности историко-культурного контекста стихотворения имеющиеся трактовки диктуются социокультурной парадигмой XX века, существовавшей в СССР. Антропоцентризм современных филологических исследований, изучение поэтического текста как дискурса, проблемы адекватности перевода и прагматического воздействия поэтического текста предполагают новые прочтения произведения А.С. Пушкина, ставшего «поэтическим завещанием» потомкам. Отсюда следует цель исследования – при сопоставлении текстов переводов оды Горация «К Мельпомене» М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина и А.А. Фета выявить основные трансформации при адаптивном транскодировании и определить причины их появления.

В процессе работы путем применения сравнительно-сопоставительного метода, контрастивного анализа, компонентного и стилистического анализа авторы приходят к выводу, что стихотворение А.С. Пушкина отличается от произведений названных авторов как на структурно-стилистическом, так и смысловом уровне, в нем заключено иное прагматическое воздействие на читателя, которое приобретает особую актуальность в наше время.

The article discusses the ethno-cultural adaptive transcoding of the poem “Monument” by A.S. Pushkin in the aspect of the problem of understanding and interpreting the linguo-aesthetic component of translation interpretations of the poetic text.

The relevance of this topic is due to the fact that with a fairly complete study of the historical and cultural context of the poem, the available interpretations are dictated by the sociocultural paradigm of the 20th century that existed in the USSR. The anthropocentrism of modern philological research, the study of the poetic text as a discourse, the problems of the adequacy of translation and the pragmatic impact of the poetic text suggest new readings of the work of A.S. Pushkin, who became a “poetic testament” to posterity. This implies the purpose of the study - when comparing the texts of translations of Horace's ode “To Melpomene” by M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin, A.S. Pushkin and A.A. Fet to identify the main transformations in adaptive transcoding and determine the causes of their occurrence.

In the process of work, by applying the comparative method, contrastive analysis, component and stylistic analysis, the authors come to the conclusion that the poem written by A.S. Pushkin differs from the works of named authors both at the structural-stylistic and semantic levels, it contains a different pragmatic effect on the reader, which is of particular relevance in our time.

Ключевые слова: адаптивное транскодирование, герменевтика, лирическое «Я» А.С. Пушкина, предназначение поэта.

Key words: adaptive transcoding, hermeneutics, lyrical “I” of A.S. Pushkin, the purpose of the poet.

Стихотворение А.С. Пушкина «Памятник», как известно, в подлинной рукописи не имеющее названия, неоднократно привлекало внимание исследователей как «последний завет Пушкина» (С.А. Венгеров), «поэтическое завещание» (Н.Л. Степанов). Наполненное глубоким смыслом, имеющее множество подтекстов и подвергшееся вынужденной правке Г.Р. Державина, оно вызывало множество споров и различных толкований отечественных (П.В. Анненков, П.И. Бартенев, Ю.Н. Тынянов, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, Г.О.Винокур, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотман, М.И. Цветаева, М.П. Алексеев и др.) и зарубежных ученых (В. Ледницкий, Э. Ло Гатто, А. Мазон, У. Викери и Т. Шоу, Д. Бейли, А Трауйя и др.). К сожалению, с конца XX века и до настоящего времени интерес к этому произведению несколько ослабел и оно стало обычным классическим произведением школьной программы, которое преподносится на уроках литературы как вольный перевод оды Горация «К Мельпомене», наряду с переводами М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина. Однако, стихотворение А.С. Пушкина трудно назвать переводом, скорее это адаптивное транскодирование, причем передающее взгляды и убеждения самого автора, а не Горация. Напомним, что, по определению В.Н. Комиссарова, адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только перенос информации с одного языка на другой, но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации [Комиссаров, 2000, с. 17]. В том случае, когда транскодированию подвергается иноязычное произведение, то происходит сразу два последовательных преобразования: непосредственно перевод и этнокультурная адаптация текста. Именно это мы и наблюдаем в стихотворении А.С. Пушкина, который по мотивам оригинала на латинском языке и имеющихся на русский язык переводов создает свое глубочайшее по содержанию произведение, ставшее духовным завещанием потомкам. Надо сказать, что это стихотворение было оценено современниками и потомками поэта далеко не сразу, возможно, из-за существенной редакции В.А. Жуковского, имеющей целью скрыть свободолобивый смысл произведения от цензуры. Искаженная цитата в правке Жуковского попала даже на постамент памятника А.С. Пушкину работы

А.М. Опекушина, открытому в Москве в 1880 г.: «И долго буду тем любезен я народу, Что звуки новые для песен я избрал».

Рассмотрим, чем произведение А.С. Пушкина отличается от обращений к оде Горация М.В. Ломоносова, а Г.Р. Державина и более позднего перевода А.А. Фета, которое также не является классическим переводом, к которым относят наиболее известные русские переводы Валерия Брюсова (в двух вариантах, 1913 и 1918), Якова Голосовкера и Сергея Шервинского.

Явной аллюзией к оде Горация «К Мельпомене» (XXX ода книги III) является эпиграф стихотворения: «Eхegi monumentum – Я воздвиг памятник (лат.)».

Пушкин в своей трактовке Горация ближе всего к версии не М.В. Ломоносова, а Г.Р. Державина, коего поэт считал своим наставником. По жанру стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» – ода, но в отличие от оригинала и переводов М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина это ода не самому себе, не традиционное воспевание правителей. Лирическим «Я» стихотворения становится не столько сам А.С. Пушкин, сколько любой поэт, использующий силу и власть слова во благо народа.

Стихотворный размер «Памятника» – ямб неравносложный: (чередования длинных (Д) и коротких (К) строк в последовательности ДДК т.е. шестистопный в первых трех стихах, четырехсложный в последнем), в то время как ода Горация написана малым асклепиадовым стихом. Ода М.В. Ломоносова написана двусложным ямбом, стихотворение Г.Р. Державина – шестистопным ямбом с перекрестной рифмой. Добавление двух стоп к излюбленному размеру А.С. Пушкина четырехсложному ямбу придает сходство с гекзаметром, которым написаны знаменитые «Одиссея» и «Иллиада» Гомера, таким образом создается торжественность стихотворения.

Возможно, это произведение создано как «поэтическое состязание», пересмотр предыдущих переводов с учетом меняющихся реалий. В стихотворениях М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина присутствует обращенность в прошлое, в античность: «великий Рим», «Авфид», «Давнус», «стихи эольски», «Алцейской лирой», «Дельфийским лавром» – у М.В. Ломоносова; «славянов род», «где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал», «о добродетелях Фелицы» – у Г.Р. Державина; «Аквилон», «Капитолий», Ауфид, «Давн», «голос эолийский», «Мельпомена», «венец дельфийский», «руно» – у А.А. Фета. А вот в стихотворении А.С. присутствует обращенность в будущее, в нем нет упоминания античных мест или богов. Остановимся на самом знаменитом первом четверостишии:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной

Александрийского столпа.

Сочетание «памятник нерукотворный» переключается с текстом В.Г. Рубана на подножии памятника Этьена Фальконе «Медный всадник»:

Колос Родийский, свой смири прегордой вид.
И Нильских здания высоких пирамид,
Престаньте более казаться чудесами:
Вы смертных бранными соделаны руками!
Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу божию из уст Екатерины,
Пришла во град Петров, через Невские пучины,
И пала под стопы Великого Петра.

Мы можем согласиться с исследователями творчества А.С. Пушкина, что в прямой ассоциативной связи с этой «надписью» находится также и пушкинский «александрийский столп» [Якобсон, 1937, с. 15–16.]

Таким образом, мы можем предположить, что поэт противопоставляет Санкт-Петербург, творение Петра, созданное на болотах подневольным трудом, тяжелое наследие имперской власти, если судить по тексту поэмы «Медный всадник» А.С. Пушкина, своему свободному творчеству. Еще одним толкованием словосочетания «памятник нерукотворный» можно считать память, создаваемую не руками, но следом слов и дел человека. Из первой строфы мы можем вычлениить 5 противопоставлений от лица лирического «Я»:

Я – сам воздвиг, столп воздвигли другие, восхваляя царя;

Я – создал нерукотворный памятник, не чужими руками, а даром и жертвой (страданием) лирического «Я», столп – рукотворное творение;

Я – народная тропа (единство с народом), столп – символ самодержавия;

Я – непокорный, столп – монархизм, абсолютизм власти;

Я – выше столпа, свобода выше монархии, она дана человеку свыше.

Итак, «памятник» в тексте переводов до и после Пушкина сравнивается с нерушимыми (временем, ветрами, грозой – стихиями) и все же не вечными, в отличие от него, творениями рук человеческих (пирамиды, металлы – мягкая и гибкая медь – с налетом старины). У Пушкина дана четкая дефиниция памятника именно как памяти народной (память нерукотворная, благодарная, свободная – крепче сознанных под давлением, насилием рабами пирамид, металлов).

Кроме того, Пушкин обращается к современной ему истории и ее символам, понятным современникам; в то время как другие переводчики ближе к первоисточнику: в

их текстах присутствует обращение к греческой мифологии, египетским древностям (античности). Реализм и близость к народу Пушкина резко контрастирует с классицизмом и свойственным этому направлению обращением к избранным, образованным современникам, высшему классу в высоком «штиле» оды М. Ломоносова, Г. Державина, А. Фета.

Во втором четверостишии классическая традиция (античный образ мира, с центром в Италии, в Риме; Капитолий, жрец с девой – еще более древний вариант прочтения вечности), сохраняемая М. Ломоносовым: «Я буду возрастать повсюду славой, Пока великий Рим владеет светом» и продолженная А. Фетом: «Все будет зеленеть, доколе в Капитолий С безмолвной девою верховный ходит жрец», перебивается Г. Державиным: «И слава возрастет моя, не увядая, Доколь славянов род вселенна будет чтить» и А. Пушкиным: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык», ставящим в центр мироздания («вселенной» у Г.Р. Державина) «род славян». А. Пушкин идет еще дальше: в позиции центра мира оказывается Великая Русь, но Русь не самодержавная, а народная, поликультурная. Интересна рифмовка «великой» – «дикой» (великая, дикая, Пугачевская, стихийная Русь; в этой связи не случайно Пушкин выбирает не лексему «Россия», а именно корневое, исконное, древнее, природное «Русь»). Примечательно, что в черновой рукописи 3-й строфы называются еще и другие национальности, живущие в России, которые назовут имя лирического «Я»: грузинец, киргизец, черкес. Славяне и финны – проживали в Европейской части империи; тунгусы и калмыки – в азиатской части, упоминание родословной (внук славян) наводит нас на размышления о связи со всеми славянскими народами, не только русским, русичами. Таким образом, происходит еще большее расширение территории до южных, западных – полабских – славян. Эксплицитно прослеживается тема мирового объединения, примирения, равенства, братства народов, к тому же указанные в стихотворении национальности представляют четыре основные мировые религии – православное христианство, католичество/протестантство, мусульманство/язычество и буддизм. Происходит пересмотр Г.Р. Державиным и А.С. Пушкиным классической картины мироздания, транслируемой из Европы: Русь ставится в центр современного и будущего мира (ср. Москва – Третий Рим). Отдельно хочется отметить и фразу «слух обо мне пройдет», которая является скрытой цитатой из Евангелия от Матфея, где приведены слова, сказанные им в проповеди на горе Елеонской (гл. 11, ст. 15; гл. 25, ст. 30): «Кто имеет уши слышать, да слышит!». Слух – изустная информация, которая передается от человека к человеку, как сказительство, устное

народное творчество, и передается только то, что действительно важно. Тем самым лирическое «Я» ставится в один ряд с этими важными, изустно передаваемыми сведениями.

Третье четверостишие у М. Ломоносова и А. Фета разворачивается на родине Горация. Причем, принадлежность последнего к низшему (ничтожному, безвестному) слою общества, простому народу, воспринимается как препятствие, преодолимое лишь для славы и таланта (божественного дара):

Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был ... М. Ломоносов
И скажут, что рожден, где Ауфид говорливый
Стремительно бежит, где средь безводных стран
С престола Давн судил народ трудолюбивый,
Что из ничтожества был славой я избран... А. Фет

Г.Р. Державин и А.С. Пушкин, перемещая лирическое «Я» на Русь, тем не менее, расходятся в трактовке славы как пути из неизвестности и низшей касты в высшую (Державин) или инструмента в т.ч. посмертного служения народу, вне каст, сословий и наций (Пушкин). В противовес кастовости высокого стиха оды у остальных поэтов-переводчиков, мы наблюдаем демократизацию поэзии А.С. Пушкина.

Четвертое четверостишие (у Ломоносова и Фета – последнее, как и в первоисточнике Горация) сообщает о сути «заслуги» лирического «Я» перед страной/народом (поэтическое творчество) и требованием его прижизненной награды от музы (лавровый венок).

Интересно, что и М.В. Ломоносов и А.А. Фет вслед за Горацием сообщают, что лирическое «Я» «привнесло» в Италию «голос эолийский» (греческий), тогда как Пушкин и Державин гордятся тем, что ушли от античной и европейской традиции и слагали песнь «в забавном русском слоге», беседуя «в простоте» о Боге и с царями (причем, Пушкин уточняет тему бесед – Поэт как равный, просит у Царя о слабых и отверженных, призывая к милосердию). Неслучайно А. Пушкин пишет «в **мой** жестокий век восславил я **Свободу**»: местоимение «мой» вместо грамматически правильного «свой» и «век» оказывается контекстуальным антонимом Свободы – жестокость в лишении свободы, в отнятии у человека права свободного волеизъявления, свободы выбора. В этом фрагменте явно прослеживается тема декабристов, ссылки, заточения в «каторжных норах». «Мой век» выступает здесь как ответственность поэта за это время. Необходимо обратить внимание и на написание «Свободы» с заглавной буквы – это цитата первого слова в девизе Великой французской революции, но в трактовке Пушкина это не столько цитата девиза, сколько его

восприятие интеллигенцией до начала «эпохи Ужаса». Строка «милость к падшим призывал» отсылает нас к Пушкинским «Стансам» («В надежде славы и добра...»), к стихотворениям «Друзьям», «Пир Петра I», может быть, «Герой», в которых он призывал Николая I вернуть с каторги декабристов; вероятно, здесь заключен и отзвук встречи с Николаем I с последующим возвращением поэта из Михайловского в 1825 г.

Пятое четверостишие представлено только в стихотворениях Г.Р. Державина и А.С. Пушкина и обращено непосредственно к музе, но не с требованием награды для лирического «Я», а с провозглашением зари бессмертия и награды, как и урока мудрости для самой музыки:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Интересно, что в отличие от оригинала Горация и от своих предшественников Пушкин «не требует венца» (награды, материально воплощенной в венце, по античной традиции; признание современников и власти). И в то же время декларирует важность народной памяти как высшей награды, нематериальной. Прижизненное признание заменяется посмертной даже не славой, а доброй памятью. Что подтверждают последние две строки, проникнутые горькой иронией: «Хвалу и клевету приемли равнодушно И не оспаривай глупца». Мы видим изменение роли (функции) поэта – служение не власти (единственное число «глупца» как намек на единоправного монарха), а народу, терновый венец при жизни и посмертная память как единственная награда.

Представленные стихотворения являются этнокультурным адаптивным транскодированием, поскольку все они существенно отличаются от оригинала: произошли серьезные трансформации текста и в плане выражения, и в плане содержания. Особенно явно этнокультурная трансформация выражена в оде А.С. Пушкина. Фактически под видом перевода из Горация Пушкин спрятал программу действий современного поэта и его приемников (поэтому столь значима оказывается роль музыки). Пушкин еще более, нежели Державин, отходит от классицистической оды как жанра к жанру гражданской лирики, отражающей вопросы и проблемы современности, а не воспевающей классические, античные мотивы.

Список литературы:

Алексеев М.Я. «Памятник» Пушкина по исследованиям последнего двадцатипятилетия // Ученые записки Горьковского ун-та, 1962. Сер.: Историко-филолог. Вып. 57. С. 1–76.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Jacobson R. Socha v dile Puskinove. // Slovo a slovesnost, 1937. Praha, Rocn. III, N I, str. 15–16.

References:

Alekseev M.Ya. “Pamyatnik” Pushkina po issledovaniyam poslednego dvadtsatipyatiletiya [“Monument” by Pushkin according to the research of the last twenty-five years] // Uchenye zapiski Gor'kovskogo un-ta, 1962. Ser.: Istoriko-filolog. Vol.57. P. 1–76. (In Russian).

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of Translation (Linguistic Aspects)]: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 p. (In Russian).

Jacobson R. Socha v dile Puskinove [Statue in Puskin's work] // Slovo a slovesnost, 1937. Praha, Rocn. III, N I, P. 15–16. (In Czech).

Гик Анна Владимировна
Институт русского языка имени В.В. Виноградова
Российской академии наук
г. Москва (Россия)

Gik Anna
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
The Russian Academy of Sciences
Moscow (Russia)

СИНКРЕТИЗМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

SYNCRETISM OF LITERARY WORK. INTERACTIONS OF CULTURES AND LITERARY TRADITIONS

В статье анализируется сложная структура текста, содержание которого закодировано в разных семиотических системах: вербальной, музыкальной, визуальной. Объектом исследования стало синкретичное произведение начала XX века М. Кузмина «Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях «Лесок»» (1922 г.). Произведение вобрало в себя литературную и музыкальную историю, которая позволяет соотносить текст с произведениями Шекспира, Гете, Гофмана, Апулея. Три части произведения автора серебряного века так и называются: «Шекспировский лесок», «Гофмановской лесок», «Апулеевский лесок».

The article analyzes the complex structure of the text, the content of which is encoded in different semiotic systems: verbal, musical, visual. The object of the study was the syncretic work of the early twentieth century by M. Kuzmin "A lyrical poem for music with explanatory prose in three parts *Lesok*" (1922). The work absorbed literary and musical history, which allows us to correlate the text with the works of Shakespeare, Goethe, Hoffmann, Apuleius. Three parts of the work of the author of the Silver Age are called so: "Shakespeare's forest", "Hoffmann's forest", "Apuley's forest".

Ключевые слова: Серебряный век, М. Кузмин, взаимодействие культур, множественность и многоканальность семиотического кода произведения, литературный кубизм, синкретизм, авангард.

Key words: Silver age, Mikhail Kuzmin, interaction of cultures, multiplicity and other channels of the semiotic code of the work, literary cubism, syncretism, Avant-Garde.

Лирическая поэма М. Кузмина «Лесок» является ярким примером взаимодействия различных подходов к художественному произведению. Книга впервые была напечатана в 1922 году в Петроградском издательстве «Неопалимая Купина» с иллюстрациями А.И. Божерянова [Кузмин, 1922a]. Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях посвящается Юрию Юркуну.

После революции первое издание в России опубликовано лишь в 2006 году [Кузмин, 2006]. Издание и исполнение «Леска» было запрещено. «Лесок» не имеет развернутого сюжета. Текст включает в себя описание известных произведений Шекспира, Гофмана, Апулея и других. Работает с несколькими семиотическими кодами: музыкальным (сюита); вербальным (проза и поэзия); визуальным. Книга состоит из чередующихся частей, представляющих собой поэтический текст, прозу и драматические отрывки.

Кузмин отказывается от временной последовательности создания текстов, не

придерживается исторического хода событий (от более ранних работ к более поздним). Внутри каждой части текста «перетасовывает» факты, имена, названия в том порядке, в котором они расположены в его эмоциональной памяти, кажется, не беспокоясь о читателе/слушателе. Он действительно использует технику кубистического изображения. Можно ли изобразить объем на плоском листе, не пользуясь перспективой? Оказывается – да! В лирической поэме используется коллажное расположение разных семиотических кодов.

Кузмин описывает сюжетные линии произведений названных авторов или их соотечественников. Он выбирает тексты, представляющие любовные истории, которые заканчиваются трагедией: «Венера и Адонис» (Шекспир), «Ромео и Джульетта» (Шекспир), «Фауст» (Гете). Произведение состоит из трех больших частей, которые называются соответственно: «Шекспировский лесок», «Гофмановский лесок», «Апулеевский лесок».

Например, первый эпизод «Леска» состоит из 11 частей, в которых чередуются стихи, объяснительная проза и сценарий представления. Четыре номера написаны в стихотворной форме: «Приглашение» (Покиньте эти стены, / Сонливость и недуг...), «Интермеццо» (Вы скажете: «буря в стакане / Искусство – вот оно»...), «Песнь соловья» (Он лихо джигу танцевал... / Тийо-тийо, тийо!), «Колыбельная песня» (Блестят кастрюлей крыши, / Погасли все огни...). Представление рассказывает шекспировскую историю Венеры и Адониса. Эротическая поэма Шекспира восходит к «Метаморфозам» Овидия, в ней представлены различные взгляды на сущность любви.

К текстам была написана Кузминым и музыка, однако задуманное издание с нотами не осуществилось. Некоторые музыкальные фрагменты из произведения исполнялись автором в камерной обстановке перед почитателями его творчества. Так в публикации Тимофеева находим программу вечера, на котором исполнялись отрывки из музыки к «Леску»: «Вечер состоялся в понедельник 12 мая. Сохранилась его программа, где под третьим пунктом находим указание на музыку к произведению: «1) стихи из «Парабол»; 2) Лесок; 3) отрывки из музыки к «Леску»; 4) стихи из «Парабол»; 5) Прогулка Гуля; 6) Новый Гуль; 7) песни и танцы». [Тимофеев, 1990].

Музыкальный семиотический код служит музыкальной основой текста. Трехчастная структура «Леска» повторяет трехчастную структуру сонатной формы. Сонатная форма считается наиболее изощренной из всех многоголосных музыкальных форм. Она объединяет самый разнообразный материал, представляя его в различных вариантах и сочетаниях. В каждой части наблюдаем развитие главной и «побочной» тем (взаимоотношения искусства и жизни; различные проявления любовных отношений). Кузминская концепция художественного произведения использует музыкальную форму.

Музыка проявляется в «Леске» на разных уровнях. Так, автор активно включает в текст имена композиторов и музыкантов: Шоберт, Шоман, Шуберт, И.-С. Бах, И.-Х. Бах, Моцарт, Вебер и другие.

«Гофмановский лесок» состоит из калейдоскопа имен известных и забытых композиторов [Гик, 2014]. Встречается упоминание словаря Римана: «О, тетушка Фюсхен, ты будешь бессмертной. Пускай только в словаре Римана осталась твоя *trompette marine!*» [Кузмин, 1922а, с. 21]. Имеется в виду “Музыкальный словарь” (1882 г.) немецкого музыковеда Карла Вильгельма Юлиуса Гуго Римана (1849–1919 гг.), многократно издававшийся на многих языках, в том числе и на русском (М., 1901 г.).

Кузмин упоминает «оперы Гайдна для кукольного театра». Австрийский композитор Франц Йозеф Гайдн написал шесть немецких кукольных комических опер: «Филемон и Бавкида», «Совет богов», «Наказанная жажда мести», «В канун субботы» (1773 г.), «Покинутая Дидона», «Четвертая часть Геновефы» (1777 г.). М. Кузмин, в качестве композитора, также писал музыку для кукольных спектаклей. В 1921 году была издана книга «Вторник Мэри» с абсурдным подзаголовком: «представление для кукол живых или деревянных» (Петроград, 1921 г.).

В сюжете произведения «Лесок» герои поют песни и танцуют: «На дворе гостиницы худая, черная девица пела разбитым голосом контраданс» [Кузмин, 1922а, с. 22]. В текст вплетаются названия музыкальных произведений – «*Dollarprinzessin*» (оперетта австрийского композитора Лео Фалля «Принцесса долларов» (1907 г.), (1873–1925 гг.); «Похищение из серая» (опера Моцарта (1782 г.)). А также исполнителей и музыкантов: Казадезюс (скрипач, композитор, дирижер Парижского симфонического оркестра); Анри Гюстав (1879–1947 гг.) – альтист и исполнитель на виоль д’амур, основатель (в 1901 г.) «Общества старинных инструментов» и глава его камерного ансамбля, с которым гастролировал во многих странах (в том числе и в России); Маркус Робер Макс (1892–? гг.) – скрипач и композитор, виртуоз игры на квинтоне; Шоберт Иоганн (ок. 1740–1757 гг.) – немецкий пианист и композитор, клавесинист при дворе принца Конти в Париже; Кавальери Лина (Наталина; 1874–1944 гг.) – итальянская оперная певица (сопрано), неоднократно гастролировавшая в Петербурге; приобрела широкую популярность, снимаясь в кино («Манон Леско», «Гранатовая роза» и др.).

Синкретичность жанра «Леска» делает это произведение авангардным и позволяет рассматривать его в рамках поэтики бурлящего начала века. «Лесок» – это и музыкальное произведение, и драматическое, и прозаическое (прозаические отрывки сам Кузмин называет «программой» для стихотворных отрывков).

«Лесок» является коллажем, составленным из смешанных техник разных видов

искусств, которые хорошо вписываются в поэтику современных постмодернистских произведений. В это же время, в 1922 году была написана сверхповесть «Зангези» В. Хлебникова, стихотворные и прозаические отрывки этого произведения составляют плоскости и могут тасоваться как колода карт.

Кузмин использует стилистические нюансы и легким пародийным оттенком снимает всякую претенциозность и фальшивое глубокомыслие с поставленной в этом тексте философско-художественной задачи. Между тем сама задача серьезна и глубока, как и содержание этого текста, разъясненные самым простым и примитивным языком.

Тут следует вспомнить известное положение Кузмина, высказанное им в статье об Ю. Анненкове и в других теоретических статьях (в частности, «Декларации эмоционализма»). Положение о том, что искусство располагается «в области духовной реальности, более реальной, нежели реальность природная» [Кузмин, 1922б]. Это соответствует пониманию Платона и гностиков, а на современном Кузмину этапе – пониманию символистов.

Об условности театральной постановки писал Мейерхольд. В 1907 году в журнале «Весы» находим: «УСЛОВНЫЙ метод полагает в театре четвертого творца, – после автора, актера и режиссера; это – зритель. УСЛОВНЫЙ театр создает такую инсценировку, где зрителю своим воображением, творчески, приходится дорисовывать данные сценой намеки. УСЛОВНЫЙ театр таков, что зритель “ни одной минуты не забывает, что перед ним актеры, которые играют, а актеры, что перед ними зрительный зал, а под ногами сцена, а по бокам – декорации. Как в картине: глядя на нее, ни на минуту не забываешь, что это – краски, полотно, кисть, а вместе с тем получаешь высшее и просветленное чувство жизни. И даже часто так: чем больше картина, тем сильнее чувство жизни”» (выделения заглавными буквами авторские; закавыченное высказывание в приведенной цитате взято В.Э. Мейерхольдом из частного письма Леонида Андреева) [Мейерхольд, 1907, с. 95]. Для того, чтобы полнее представить произведение Кузмина в контексте художественных исканий начала XX века приведем еще несколько важных цитат: «два беседующих человека делают руками такие движения, становятся в такие позы, так опускают глаза, что это дает возможность определить их взаимоотношения. Это оттого, что, говоря о погоде, искусстве и пр., эти два человека делают движения, не соответствующие словам. И по этим-то движениям, не соответствующим словам, наблюдающий и определяет, кто говорящие: друзья, враги, любовники. <...> Жесты, позы, взгляды, молчание определяют истину взаимоотношений людей. Слова еще не все говорят. Значит – нужен рисунок движений на сцене, чтобы настичь зрителя в положении зоркого наблюдателя, чтобы дать ему в руки тот же материал, какой дали два разговаривающих третьему наблюдающему, – материал, с

помощью которого зритель мог бы разгадать душевные переживания действующих лиц. Слова для слуха, пластика для глаз. Таким образом, фантазия зрителя работает под давлением двух впечатлений: зрительного и слухового. И разница между старым и новым театром та, что в последнем пластика и слова подчинены – каждое своему ритму, порой находясь в несоответствии» [Мейерхольд, 1907, с. 45].

Перед читателем встают в достаточной степени разработанными идеи как многоканальности – зрение/слух, так и многоязычия – язык телесный/словесный. И все эти теоретические аспекты все время реализовывались практически, даже скорее наоборот, практико-теоретически переосмыслились.

Идея многоканальности накладывается на идею условности текста. Так как полноценного исполнения этой сюиты, насколько нам известно, не существует.

В предисловии к своей книге М. Кузмин подробно объясняет музыкально-поэтическую схему произведения: «Три предлагаемые “Леска” представляют из себя ряд музыкальных пьес камерного характера, объединенных поэтическим содержанием. Все номера, текст которых написан в стихотворной форме, предназначены для пения, отрывки же прозаические составляют как бы программу соответствующих музыкальных пьес, а отнюдь не мелодекламацию. Они или читаются слушателями, или произносятся специальным лицом все подряд перед исполнением каждого «Леска». Состав камерного оркестра следующий:

для «Шекспировского леска»: голос, фортепьяно, кларнет, валторна, виолончель;

для «Гофмановского леска»: голос, фортепьяно, две скрипки, гобой;

для «Апулеевского леска»: голос, фортепьяно, альт, флейта, арфа.

Вокальных исполнителей двое: меццо-сопрано и тенор. Первое поет “Песнь соловья”, “Колыбельную” из I части, “Романс» и «Контрданс” из II части и “Куплеты Изиды”. Тенор исполняет “Приглашение” и “Интермеццо” из “Шекспировского леска”, “Песнь двойника” из “Гофмановского”, “Приглашение” и “Интермеццо” из “Апулеевского”.

Как произведение музыкальное все это носит название “Ундецимет в трех квинтетах для флейты, гобоя, кларнета, валторны, арфы, пения и фортепьяно с сопровождением объяснительной прозы”» [Кузмин, 1922а, с. 7].

В первые годы после революции Михаил Кузмин сотрудничал как композитор с созданным в 1919 году Большим драматическим театром – написал музыку к спектаклям «Рваный плащ» С. Бенелли (1919 г.), «Двенадцатая ночь» У. Шекспира (1921 г.), «Земля» В. Брюсова (1922 г.) и «Близнецы» Т. Плавта (1923 г.).

Почему же автор дает так много жанровых определений своему произведению? Вариативность жанра, скорее всего является проявлением синкретизма самого текста.

1. Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях.
 2. Ряд музыкальных пьес камерного характера.
 3. Вокальное произведение (ср. вокальных исполнителей двое: меццо-сопрано и тенор).
 4. Подзаголовок «Ундецимет в трех квинтетах для флейты, гобоя, кларнета, валторны, арфы, квартета, пения и фортепьяно с сопровождением объяснительной прозы».
- Это одна из основных загадок текста.

Третья часть произведения – «Апулеевский лесок» должна отсылать к произведению писателя II в. Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» (эпитет «золотой» со времени блаж. Августина относится к художественным достоинствам произведения). Дело в том, что Кузмин переводил это произведение Апулея (первое издание перевода – 1929 год). Апулеевский сюжет проглядывает в стихотворной вставке «Интермеццо»: Психея, верь: Не страшный зверь, – Супруг твой неизвестный <...> [Кузмин, 1922а, с. 31]. Здесь автор интерпретирует известную сказку об Амуре и Психее (кн. IV – VI «Метаморфоз»): Любви помочь / Дано одной надежде [Там же]. А остальное место занимают рассуждения о суде и судьбе Париса. Кузмин подробно описывает внешний вид и качества личности Геры, Афины, Афродиты. «Первая величественна и царственна. Темные волосы высоко забраны под сквозную корону. <...>»; «У второй – строгий, девственный, почти мужеский, лик. От скромной кольчуги и серой совы на плечах стальные глаза ее кажутся еще суровее и нежнее. <...>»; «Но вот словно душистый ветер, гонящий оборванные лепестки цветов, – вихрь лет, зорь, рыжих кудрей, голубей, перламутра, пудры, легкого вина, искр закрутился <...>. Яблоко катится к ее ногам» [Кузмин, 1922а, с. 32]. Богиня любви, без сомнения, в глазах Париса и, вслед за ним, Кузмина, выигрывает пари, благодаря эмоциям, а не рассудочным построениям.

По прихотливому закону наслоения культурных эпох в Апулеевском леске появляются персонажи фресок Беноццо Гоцолли: «Молодой человек забыл, что дома ждет невеста. Узкое платье блестит золотом, как у Беноццо Гоцолли» [Кузмин, 1922а, с. 30]. Так в художественную систему древнеримского автора вплетается изобразительный ряд итальянского художника XV века (скорее всего «Шествие волхвов», 1459–1462 гг.). В главе «Купание идолов» автор возвращается к перипетиям «Метаморфоз» Апулея, в конце произведения которого Луций, превратившийся в осла, отведав лепестков роз, «обращается» в человека. В заключительной части стихотворные «Куплеты Изиды» призывают «страшиться сонливости». А жанровую зыбкость произведения поддерживает такое свойство души – как изменчивость.

Открытым остается вопрос выбора название произведения. Почему «Лесок»? В

поэтических произведениях образ леса встречается достаточно часто (67 употреблений данной лексемы зафиксировано в «Конкордансе к стихотворениям М. Кузмина» [Конкорданс, 2010]), а лексема «лесок» всего лишь два раза. Лес – это локус таинственных превращений в драматических произведениях Шекспира, в сказках Гофмана и метаморфозах Апулея. Превращения связаны с духовными изменениями, которые происходят с людьми, прошедшими испытание в трудных условиях неопределенности и непредвиденности, изменчивости.

Выводы

«Лесок» является новаторским с точки зрения формы художественным произведением. Синкретичность жанра позволяет говорить о коллажном представлении разного типа текстов: вербального, музыкального, изобразительного. Учитывая центонный характер произведения, можно протянуть нить к современным интертекстуальным произведениям от поэта, писателя и композитора начала XX века. Условность музыкального текста заставляет активно включать читателю свое воображение.

Список литературы:

- Гик А.В.* Ономастическое пространство текста: «Лесок» М. Кузмина // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы V Международного конгресса исследователей русского языка. Составители: М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. 2014. С. 419–420.
- Кузмин М.* Лесок. Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях. Петроград, 1922а. 35 с.
- Кузмин М.* Колебания жизненных токов // Анненков Ю. Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Пг.: Петрополис, 1922б. С. 43–56.
- Кузмин М.* Стихотворения. Из переписки // Составление, подготовка текста, примечания: Н.А. Богомолов. М.: Прогресс-Плеяда, 2006.
- Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина / Сост. А.В. Гик. В 4-х т. Т. 2. М., 2010.
- Мейерхольд В.Э.* Из писем о театре // Весы. 1907. № 6.
- Программа вечера «Лесок» // ИМЛИ. Ф. 192. Оп. 1. № 23.
- Тимофеев А.Г.* Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А. Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Ленинград, 1990.

References:

- Gik A.V.* Onomasticheskoye prostranstvo teksta: «Lesok» M. Kuzmina [Onomastic space of the text: “Forest” by M. Kuzmin] // Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'. Trudy i materialy V Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka. Sostaviteli: M.L. Remneva, A.A. Polikarpov, O.V. Kukushkina. 2014. P. 419–420. (In Russian).
- Kuzmin M.* Lesok. Liricheskaya poema dlya muzyki s ob"yasnitel'noy prozoy v trekh chastyakh [Forest. Lyric poem for music with explanatory prose in three parts]. Petrograd, 1922a. 35 p. (In Russian).
- Kuzmin M.* Kolebaniya zhiznennykh tokov [Fluctuations of vital currents] // Annenkov Yu. Portrety / Tekst E. Zamyatina, M. Kuzmina, M. Babenchikov. Pg.: Petropolis, 1922b. P. 43–56. (In Russian).
- Kuzmin M.* Stikhotvoreniya. Iz perepiski [Poems. From correspondence] // Sostavleniye, podgotovka teksta, primechaniya: N.A. Bogomolov. M.: Progress-Pleyada, 2006. (In Russian).
- Konkordans k stikhotvorenyam M. Kuzmina [Concordance to the poems by M. Kuzmin] / Sost. A.V. Gik. V 4-h t. T. 2. M., 2010. (In Russian).
- Meierkhol'd V.Eh.* Iz pisem o teatre [From the letters about theatre] // Vesny. 1907. № 6. (In Russian).
- Programma vechera «Lesok» [The program of «Lesok» party] // IMLI. F. 192. Op. 1. № 23. (In Russian).

Timofeev A.G. Progulka bez Gulya? (K istorii organizatsii avtorskogo vechera M. A. Kuzmina v mae 1924 g.) [The walk without Gul? (To the history of organization author's party of Mikhail Kuzmin in the May of 1924)] // Mikhail Kuzmin i russkaya kul'tura KHKH veka. Leningrad, 1990. (In Russian).

Есакова Мария Николаевна
Кольцова Юлия Николаевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Esakova Maria
Koltsova Yulia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**МОЖЕТ ЛИ ОДИН НЕТОЧНО ПЕРЕВЕДЕННЫЙ ГЛАГОЛ ИЗМЕНИТЬ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРСОНАЖЕ?
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И
МАРГАРИТА» НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ)**

**CAN ONE MISTRANSLATED VERB CHANGE THE IMAGE
OF A CHARACTER?
(A STUDY OF «THE MASTER AND MARGARITA» NOVEL BY
MIKHAIL BULGAKOV INTO ENGLISH AND FRENCH)**

Многозначность форм выражения, как и лакунарность системы языка перевода по сравнению с системой языка оригинала, присущие всем языкам, порождает существенные проблемы при их переводе. Для создания качественного перевода важно уделять внимание национально обусловленным культурным особенностям форм выражения носителей исходного и переводящего языков. Особенно это важно, если речь идет о переводе художественных произведений.

Значимой проблемой перевода художественного текста становится адекватная передача образов героев.

Описывая внешность героя, автор обращает внимание не только на черты его лица, но и на мимику. Мимические движения могут различно вербализоваться представителями разных культур, что может повлечь за собой иное, по сравнению с оригиналом, восприятие образа героя. Так, одно неверно переданное в переводе мимическое движение может привести к абсолютно иному восприятию характера героя читателями переводного текста. О подобной неточности, выявленной в переводах на английский и французский языки романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», и пойдет речь в данной статье.

Polysemy of expression forms as well as lacunarity of the translation language system in comparison with the system of the source language, inherent in all languages, causes significant problems in their translation. In order to create a high-quality translation, it is important to pay attention to the nationally determined cultural features of the expression forms of the speakers of the source and the target languages. This is particularly important when it comes to translating works of fiction.

A significant problem in the translation of a work of fiction is the adequate transmission of the characters' images.

Describing a character's appearance, the author pays attention not only to facial features, but also to facial expressions.

Mimic movements can be differently verbalised in different cultures, which can lead to a different perception of the character's image compared to the original. For example, a single facial movement that is not correctly translated can lead to a completely different perception of the character of the translated text by the readers. This article is about such an inaccuracy, found in the English and French translations of "The Master and Margarita" novel by Mikhail Bulgakov.

Ключевые слова: перевод, художественный образ, мимика, роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», французский и английский языки.

Key words: translation, artistic image, facial expressions, Mikhail Bulgakov's novel "The Master and Margarita", French and English languages.

Переводческая деятельность – сложнейший процесс, включающий в себя многоплановую когнитивную деятельность. В самом общем представлении перевод – это перенос смыслов текста, созданного на одном языке, в текст на другом языке. Однако для создания качественного перевода важно уделять внимание национально обусловленным культурным особенностям форм выражения носителей исходного и переводящего языков. Особенно это важно, если речь идет о переводе художественных произведений. Феномену межкультурной асимметрии необходимо отводить одну из главных ролей в процессе создания качественного перевода художественного текста. Задача переводчика в этом случае – передать всю палитру смыслов, закладываемых в произведение, читателям, которые, возможно, не знакомы с реалиями и особенностями межсубъектных отношений в культуре исходного языка. Работая над переводом художественного текста, нельзя забывать о том, что в основе описания действительности, портретов и характеров персонажей и т.д. любого литературного произведения лежит мироощущение его автора. В свою очередь, этому мироощущению соответствует набор психологических особенностей, отраженных в художественном тексте в виде определенных семантических компонентов, формирующих эмоционально-смысловую доминанту художественного текста. Таким образом, анализируя текст, можно «получить представление об особенностях эмоциональной и когнитивной сферы его автора» [Белянин, 2000].

К сожалению, многозначность форм выражения, как и лакунарность системы языка перевода по сравнению с системой языка оригинала, присущие всем языкам, порождает существенные проблемы при их переводе. Проблема поиска наиболее близкого по смыслу и эмоциональной окраске эквивалента всегда стоит очень остро.

Выбор подходящих форм для передачи того или иного концепта с учетом межкультурной асимметрии и культурных особенностей переводящего языка – основная задача переводчика. Неверное решение приводит к возникновению существенных ошибок в тексте перевода. Причем такие ошибки могут допускать как начинающие переводчики, так и профессионалы. Перевод – достаточно субъективный процесс, позволяющий определенную свободу творчества и в основном ничем не регламентируемый, поэтому в сложной ситуации выбора переводчик может допустить некоторые ошибки, иногда по невниманию, но нередко и по причине отсутствия в языке перевода соответствующих форм. Особенно ситуация осложняется, если текст богат упоминаниями и описаниями культурных особенностей исходного языка.

В качестве причин появления переводческих ошибок можно назвать «недостаточное знание системы языка перевода, невозможность найти наиболее точный эквивалент как с точки зрения смысла, так и стилистики текста, незнание правил построения фраз на

переводящем языке, пренебрежение правилами ритмической организации текста» [Гарбовский, 2002, с. 19]. Еще одной, не менее важной, причиной возникновения переводческих ошибок является «игнорирование различий между восприятием реальности носителями исходного и переводящего языков» [Сдобников, 2007, с. 49], а также «скольконибудь значительная переоценка фоновых знаний потребителей переводного текста» [Влахов, Флорин, 198, с. 83].

Значимой проблемой перевода художественного текста становится адекватная передача образов героев.

Внешность людей, ее изменения во времени и в пространстве, способы имплицитной характеристики действующих лиц литературного произведения представляют интерес не только для литературоведческого, но и для культурологического анализа, поскольку, создавая образы людей, писатель одновременно создает образ своего времени и своей культуры. Внешность человека, будучи, с одной стороны, универсальной для всех культур, в то же время несет в себе национально-культурную составляющую, а образ, создаваемый автором, несет на себе несомненный отпечаток его индивидуальности.

Описывая внешность героя, автор обращает внимание не только на черты его лица, но и на мимику.

Немецкий писатель Георг Кристоф Лихтенберг назвал лицо человека «самой занимательной поверхностью на земле» [Лихтенберг, эл. ресурс]. Лицо, своеобразный символ человеческой личности, отображает индивидуальные черты человека, его отличие от других. Неслучайно в русском языке существует большое количество идиом, связанных с этим значением слова «лицо»: *не ударить лицом в грязь, меняться в лице, потерять лицо* и др. Именно поэтому лицо притягивает внимание не только физиологов, анатомов, но и художников, писателей. Последние ищут в его чертах отпечатки человеческого характера, видят в нем средство постижения человеческой души, своеобразие внутреннего мира человека.

Язык мимики является одним из фрагментов языковой картины невербального поведения человека и реконструируется на основе слов и фразеологизмов, которые содержат информацию о выражении лица или его отдельных движениях.

Мимика относится к так называемым выразительным движениям, является материалом, весьма ценным при анализе личности в ее различных состояниях. Каждое переживание – горе, радость, испуг, боль, утомление, напряжение внимания – отражается именно в мимике. Слово передает лишь отдельные понятия, мимика же передает психологическое состояние человека в динамике.

Мимические движения могут различно вербализоваться представителями разных культур, что может повлечь за собой иное, по сравнению с оригиналом, восприятие образа героя. Так, одно неверно переданное в переводе мимическое движение может привести к абсолютно иному восприятию характера героя читателями переводного текста. О подобной неточности, выявленной в переводах на английский и французский языки романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», и пойдет речь в данной статье.

М.А. Булгаков – один из самых известных русских писателей, произведения которого любят и ценят не только в России, но и во всем мире. Его работы были переведены более чем на 40 языков мира. Согласно Index Translationu,⁶⁴ международному сводному каталогу WorldCat (The World's Largest Library Catalog,⁶⁵ больше всего переводов было сделано на немецкий (86), польский (74), французский (48) и английский языки (42).

Среди переводов произведений М.А. Булгакова особое место занимает перевод философского романа «Мастер и Маргарита». Однако глубокий философский подтекст, скрытая сатира и ирония вызывают наибольшие затруднения при переводе романа на иностранные языки. Из-за асимметрии языковых картин мира, недостаточных фоновых знаний, а также различий в социальном укладе и культурных традициях иностранные читатели могут несколько иначе воспринимать произведение М.А. Булгакова в отличие от носителей языка.

Одним из центральных героев романа является Воланд. Главным отличием булгаковского Дьявола от привычного образа является его отношение к людям. Герой предстает не темной и страшной абстрактной силой, сеющей зло, а скорее, исследователем, наблюдающим за людьми. Профессор черной магии – галантный и ироничный пожилой человек в изысканной дорогой одежде, порой весьма обаятельный. Героя автор показывает мудрым и рассудительным. Он уверен в себе. И, главное, не совершает никакого преднамеренного зла. С позиций своего знания он предоставляет человеку осознанный выбор, за которым впоследствии может последовать как наказание, так и вознаграждение. Таким образом, Воланд, скорее, вершит справедливость, чем несет в себе зло. Тем самым Булгаков пытается донести до читателя мысль о том, что добро и зло неотделимы друг от друга. В мире, как и в каждом человеке, добро и зло сосуществуют. И каждый сам решает, какую сторону ему принять. Зло, по мнению автора, вершит не Дьявол, а сам человек.

Воланд воздаст каждому человеку по заслугам: к Маргарите он добр, так как она стойко вынесла все тяготы своего положения. Он позволяет героине вновь обрести своего

⁶⁴ Index Translationum – это библиографическая база данных, содержащая информацию о переводах книг, которые издаются по всему миру. Создается при поддержке ЮНЕСКО.

⁶⁵ WorldCat – это крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей обо всех видах произведений на 470 языках мира.

возлюбленного и быть рядом с ним. Он дарует Мастеру и Маргарите вечный покой, отправляет их в мир без суеты и беспокойства.

Одной из главных черт характера героя – скепсис и всепроникающая ирония. Он, безусловно, знает и видит больше остальных, поэтому многие высказывания персонажей вызывают у него насмешливую улыбку. Эта черта проявляется именно в мимике героя. Описывая взгляд Воланда, Булгаков часто использует такой глагол, как «прищуриться», который помогает передать такие важные черты его характера, как снисходительность и ироничность.

Например:

*«Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то **снисходительно усмехнулся, прищурился**, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки»* (М. Булгаков, глава 1).

*«А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, – тут иностранец **прищурился** на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет – поскользнется и попадет под трамвай!»* (М. Булгаков, глава 1).

*«Потому, – ответил иностранец и **прищуренными** глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила»* (М. Булгаков, глава 1).

«После того, как мастер осушил второй стакан, его глаза стали живыми и осмысленными.

*– Ну вот, это другое дело, – сказал Воланд, **прищуриваясь**, – теперь поговорим. Кто вы такой?»* (М. Булгаков, глава 24).

Снисходительность и ироничность – значимые черты характера героя, поэтому при переводе романа на иностранный язык необходимо было бы добиться того, чтобы образ героя соответствовал авторскому замыслу и не рождал ложных представлений о его характере.

Однако, обратившись к первому переводу романа «Мастер и Маргарита» на английский язык, выполненному в 1967 г. Майклом Гленни, мы обнаружили, что представление о герое, не в полной мере соответствующее авторскому замыслу, могло возникнуть из-за неточного перевода глагола «прищуриться».

Рассмотрим несколько примеров.

оригинал	перевод на английский язык	дословный вариант перевода (Яндекс переводчик)
Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки. (глава 1)	His gaze halted on the upper storeys, whose panes threw back a blinding, fragmented reflection of the sun which was setting on Mikhail Alexandrovich for ever; he then looked downwards to where the windows were turning darker in the early evening twilight, smiled patronisingly at something, frowned , placed his hands on the knob of his cane and laid his chin on his hands (chapter 1).	Его взгляд остановился на верхних этажах, чьи стекла отбрасывали слепящее, фрагментарное отражение солнца, которое навсегда садилось на Михаила Александровича; затем он посмотрел вниз, туда, где окна темнели в ранних вечерних сумерках, чему-то покровительно улынулся, нахмурился, положил руки на набалдашник трости и положил подбородок на руки.

Переводчик переводит глагол «прищурился», глаголом «frowned», что означает «нахмурился».

В Oxford English Dictionary мы находим следующее толкование слова «**frown**» – «to bring your eyebrows together so that there are lines on your face above your eyes, often while turning the corners of your mouth downwards, showing that you are annoyed, worried, sad, or thinking hard» [Oxford English Dictionary] (*сведите брови вместе так, чтобы на вашем лице над глазами появились морщины, часто при этом уголки рта опускаются вниз, показывая, что вы раздражены, обеспокоены, грустны или напряженно думаете*).

Collins COBUILD English Language Dictionary дает этому же слову такое определение – «When someone frowns, their eyebrows become drawn together, because they are annoyed, worried, or puzzled, or because they are concentrating» (*Когда кто-то хмурится, его брови сходятся вместе, потому что он раздражен, обеспокоен или озадачен, или потому что он сосредоточен*). При этом в качестве иллюстраций приводятся следующие примеры – «He frowned at her anxiously» (*Он тревожно нахмурился*); «He frowned as though deep in thought» (*Он нахмурился, как будто глубоко задумался*); «He pushed his cuff back and frowned at his watch» (*Он отодвинул манжету и нахмурился, глядя на часы*) [Collins London and Glasgow, 1990].

Вместе с тем Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language дает такие толкования глагола «**frown**» – «1. to contract the brow, as in displeasure or deep thought; scowl 2. to look displeased; have an angry look 3. to look disapprovingly»

(1. *нахмурить брови, как при недовольстве или глубокой задумчивости; смотреть сердито* 2. *выглядеть недовольным; иметь сердитый вид* 3. *смотреть неодобрительно*) [Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language, 1994].

Следует оговориться, что данный словарь является классическим американским толковым словарем и, следовательно, представляет американский региональный диалект английского языка. При этом перевод романа выполнен представителем британской культурной традиции.

Любопытно отметить, что в американском варианте глагол «**squint**» приобретает более жесткие обертоны, нежели в британском.

Очевидно, семантика глаголов «прищурить, прищуриться» и «нахмурить», нахмуриться» различна.

Русское слово «прищуриться», помимо основного значения «прищурить глаза от яркого света» [Толковый словарь Ожегова] имеет устойчивую коннотацию – «хитрость», «лукавство», «насмешка» – о чем могут свидетельствовать примеры из русской литературы:

*Дедушка **прищурился** по-своему, как он всегда щурился, когда хотел посмеяться и пошутить.* (М. Пришвин «Кладовая солнца»).

*Незнакомец сидел перед ним, слегка улыбаясь, и, **прищурясь** немного, дружески кивал ему головою.* (Ф. Достоевский «Двойник»).

*В минуты сомнений относительно своих наиболее драматических поступков Аглая поднимала глаза к портрету, и товарищ Сталин, слегка **прищурясь**, с доброй мудрой усмешкой как бы внушал ей: да, Аглая, ты можешь это сделать, ты должна это сделать, и я верю, что ты это сделаешь. Да, ей приходилось в жизни принимать трудные решения, жесткие и даже жестокие по отношению к разным людям, но делала она это ради партии, страны, народа и будущих поколений.* (В. Войнич «Монументальная пропаганда»).

*– Ну уж так уж и не стремились? – ехидно **прищурился** Ульяновцев. – Неужели вам было не интересно, в чем суть конфликта?* (А. Маринина «Ангелы на льду не выживают») [Национальный корпус русского языка].⁶⁶

А глагол «хмурить» имеет значение «угрюмо или задумчиво морщить (лицо, брови)» [Толковый словарь Ожегова], то есть в семантике данного глагола заложена негативная коннотация.

⁶⁶ См. на сайте Национального корпуса русского языка: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=main&nodia=1&p=1&req=прищурился&sort=i_grtagging&text=lexform.

Например: *Он шагал по комнате, хмурился и нервно теребил жилетку.* (Чехов «Тина»). *Ленивая и медленная усмешка изредка кривила ее губы; презрительно хмурились ее прямые брови.* (И. Тургенев «Затишье»).

Князь слушал довольно долго упреки княгини и молчал, но лицо его все более и более хмурилось. (Л. Толстой «Анна Каренина») [Национальный корпус русского языка].⁶⁷

Следует заметить, что, если бы глагол «прищуриться» был переведен глаголом «**frown**» однократно, то это могло бы означать случайно допущенную неточность в переводе. Однако М. Гленни использует подобный перевод на протяжении всего произведения, о чем свидетельствуют примеры:

Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила. Так что заседание не состоится (глава 1)	Because, – replied the foreigner and frowned up at the sky where, sensing the oncoming cool of the evening, the birds were flying to roost, – Anna has already bought the sunflower-seed oil, in fact she has not only bought it, but has already spilled it. So that meeting will not take place (chapter 1).	Потому что, – ответил иностранец и нахмурился , глядя в небо, где, чувствуя надвигающуюся вечернюю прохладу, птицы летели на ночлег, – Анна уже купила подсолнечное масло, на самом деле она не только купила его, но и уже пролила. Так что эта встреча не состоится (глава 1).
– Ну вот, это другое дело, – сказал Воланд, прищуриваясь , – теперь поговорим. Кто вы такой? (глава 24)	– That's better, – said Woland with a slight frown . – Now we can talk. Who are you? (chapter 24).	– Так-то лучше, – сказал Воланд, слегка нахмурившись . – Теперь мы можем поговорить. Кто ты? (глава 24).

Интересно заметить, что глагол «нахмуриться», который встречается в оригинальном тексте и имеет соответствующую коннотацию переводится М. Гленни тем же глаголом «**frown**», что вполне соответствует замыслу М. Булгакова.

«А какого черта ему надо?» – подумал Бездомный и нахмурился (глава 1).	“What the hell does he want?” –thought Bezdomny and frowned (chapter 1).	«Какого черта ему нужно?» – подумал Бездомный и нахмурился (глава 1).
«Нет, он не англичанин...» – подумал Берлиоз, а Бездомный подумал: «Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что	“No, he's not an Englishman”, – thought Berlioz. Bezdomny thought: “What I'd like to know is where did he manage to pick up such good	«Нет, он не англичанин», – подумал Берлиоз. Бездомный подумал: «Что я хотел бы знать, так это где он умудрился выучить

⁶⁷ См. на сайте Национального корпуса русского языка:

https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&ssp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=нахмурился

интересно!» – и опять нахмурился (глава 1).	Russian?” – and frowned again (chapter 1).	такой хороший русский язык?» – и снова нахмурился (глава 1).

В английском языке существует глагол «squint» со значением «прищуриться», однако он обозначает лишь физическое действие, у него отсутствует коннотация, присущая русскому глаголу, «хитрости», «лукавства».

Например:

Rachel **squinted** at the droplets. (Дэн Браун «Точка обмана») (Рейчел **прищурилась**, пытаюсь получше рассмотреть вкрапления) [Браун, эл. ресурс].

Collins COBUILD English Language Dictionary – «**squint**» – «If you squint at something, you look at it with your eyes partly closed» (*Если вы щуритесь на что-то, вы смотрите на это с частично закрытыми глазами*).

А в качестве иллюстративной фразеологии приводятся следующие примеры. «The bright sunlight made me squint...» (*Яркий солнечный свет заставил меня прищуриться...*).

«He held up the rifle and squinted as he took aim.» (*Он поднял винтовку и прищурился, прицеливаясь*) [Collins London and Glasgow, 1990].

Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language – «**squint**» – «1. to look with the eyes partly closed 2. to close eyes partly in looking» (*1. смотреть с частично закрытыми глазами 2. частично закрывать глаза при взгляде*).

И в качестве примера – «The baby squinted his eyes at the bright light.» (*Ребенок щурит глаза от яркого света*) [Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language, 1994].

Таким образом, можно предположить, что М. Гленни переводит глагол «прищуриться» глаголом «frown» («нахмуриться») вовсе не случайно. Вероятнее всего, над переводчиком довлел классический образ дьявола, созданный мировой культурой. Видимо, он воспринимал Воланда более жестоким, суровым, хмурым созданием, лишенным человеческих черт. Ироничность и насмешливость героя Булгакова в переводе М. Гленни стирается. Образ предстает перед англоязычным читателем иным.

Во французском переводе, выполненным Клодом Линем, мы можем наблюдать несколько иную картину.

оригинал	перевод на французский язык	дословный вариант перевода (Яндекс переводчик)
Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки. (глава 1)	Il était visible qu'il se trouvait là pour la première fois, et que le spectacle l'intéressait. Ses yeux s'arrêtèrent sur les étages supérieurs, dont les vitres renvoyaient l'image aveuglante d'un soleil brisé qui, pour Mikhaïl Alexandrovitch, allait disparaître à jamais, puis descendirent vers les fenêtres que le soir assombrissait déjà. Il eut alors, sans qu'on pût en deviner la raison, un sourire légèrement ironique et condescendant, cligna de l'œil, posa les mains sur le pommeau de sa canne, et son menton sur ses mains (chapter 1).	Его глаза остановились на верхних этажах, стекла которых отражали слепящий образ разбитого солнца, которое для Михаила Александровича должно было исчезнуть навсегда, а затем опустились к окнам, в которых уже стемнело. Затем он, не догадываясь об этой причине, слегка иронично и снисходительно улыбнулся, моргнул, положил руки на наконечник своей трости и положил подбородок на руки (глава 1).
Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы,... (глава 1)	Clignant des yeux, l'étranger regarda le ciel que des oiseaux noirs, pressentant la fraîcheur du soir, zébraient d'un vol rapide, et répondit... (chapter 1).	Моргая, незнакомец посмотрел на небо, в котором с быстротой полета порхали черные птицы, предчувствуя вечернюю прохладу, и ответил:... (глава 1).
– Ну вот, это другое дело, – сказал Воланд, прищуриваясь, – теперь поговорим. Кто вы такой? (глава 24)	– Ah ! voilà, maintenant c'est autre chose, fit Woland, l'examinant d'un regard aigu. Nous allons pouvoir parler. Qui êtes-vous ? (chapter 24).	- А! вот, теперь другое дело, – сказал Воланд, внимательно изучая ее. Мы сможем поговорить. Кто вы такой? (глава 24).

Для перевода глагола «прищурился» К. Линь использует выражение «cligna de l'œil», которое на русский язык переводится как «моргнул», а также (в 24 главе) выражение «l'examinant d'un regard aigu», которое можно перевести как «внимательно изучая; изучая острым взглядом». Данный перевод также не полностью передает особенности образа Воланда. Ироничность, насмешливость и некоторая надменность героя не звучит во французском тексте. Это можно объяснить тем, что во французском языке отсутствует форма, способная более или менее точно передать необходимый нюанс доброй иронии, снисходительности в движении глаз. Выражение «cligner des yeux» во французском языке

означает только физическое действие, и чтобы передать оттенки значения русского глагола необходимо было бы прибегнуть к развернутому описанию/разъяснению, которое вряд ли приемлемо в художественном тексте.

Таким образом, можно сделать вывод, что образы, созданные М. Булгаковым, весьма сложно полностью, со всеми нюансами характера, воспроизвести в переводе. Безусловно, восприятие образов героев М. Булгакова в иностранной аудитории отлично. На наш взгляд, на подобные неточности стоит обращать внимание начинающих переводчиков, так как один неточно переведенный глагол может поменять представление о герое в целом.

Список литературы:

- Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
- Браун Д. Точка обмана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studyenglishwords.com/book/Точка-обмана/193?page=71>
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. 343 с.
- Гарбовский Н.К. Герменевтический аспект перевода // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 7–24.
- Лихтенберг Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.citaty.net/avtory/georg-kristof-likhtenberg/>
- Сдобников В.В. Переводческие несоответствия: коммуникативно-функциональный подход // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 7. С. 47–58.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>
- Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/186022>
- Collins COBUILD English Language Dictionary – Collins London and Glasgow, 1990. 1703 p.
- Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language – Gramercy Books, New York/Avenel, 1994. 1584 p.

Список источников:

- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=256&p=1>
- Boulgakov M. Le Maître et Marguerite // En français traduit par Claude Ligny [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebfr001_maitremarguerite.pdf
- Bulgakov M. The Master and Margarita // Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс]. – 1967. – Режим доступа: http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001_mastermargarita_glenny.pdf

References:

- Belyanin V.P. Osnovy psikholingvisticheskoj diagnostiki. (Modeli mira v literature) [Fundamentals of psycholinguistic diagnostics. (Models of the world in literature)]. M.: Trivola, 2000. 248 p. (In Russian).
- Boulgakov M. Le Maître et Marguerite // En français traduit par Claude Ligny [Electronic resource]. – Available at: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebfr001_maitremarguerite.pdf (In French).
- Braun D. Tochka obmana [Deception point] [Electronic resource]. – Available at: <https://studyenglishwords.com/book/Tochka-obmana/193?page=71> (In Russian).
- Bulgakov M. The Master and Margarita // Translated by Michael Glenny [Electronic resource]. – 1967. – Available at: http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001_mastermargarita_glenny.pdf

Bulgakov M.A. Master i Margarita [The Master and Margarita] [Electronic resource]. – Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=256&p=1> (In Russian).

Collins COBUILD English Language Dictionary – Collins London and Glasgow, 1990. 1703 p.

Garbovskii N.K. Germenevticheskii aspekt perevoda [Hermeneutic aspect of translation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2002. № 1. P. 7–24. (In Russian).

Likhtenberg G. [Electronic resource]. – Available at: <https://ru.citaty.net/avtory/georg-kristof-likhtenberg/> (In Russian).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] [Electronic resource]. – Available at: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (In Russian).

Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Available at <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

Sdobnikov V.V. Perevodcheskie nesootvetstviya: kommunikativno-funktsional'nyi podkhod [Translation inconsistencies: a communicative and functional approach] // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. 2007. № 7. P. 47–58. (In Russian).

Tolkovyi slovar' Ozhegova [Explanatory dictionary of Ozhegov] [Electronic resource]. – Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/186022> (In Russian).

Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. M., 1980. 343 p. (In Russian).

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language – Gramercy Books, New York/Avenel, 1994. 1584 p.

Карданова Наталия Борисовна
Генуэзский университет
г. Генуя (Италия)

Kardanova Nataliya
University of Genoa
Genoa (Italy)

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

TO THE QUESTION OF GENDER ASYMMETRY IN THE LITERATURE OF PETROVSK TIME

Освоение европейской культуры, происходившее в правление Петра I, ассоциируется с изменением роли женщины в культуре, прежде всего – в бытовой. Вместе с тем, исследователи отмечали так называемую «гендерную асимметрию», присущую рассматриваемой эпохе и культуре того времени, в частности, в трактате «Юности честное зеркало». В настоящей статье рассматривается этикет женского поведения, представленный в одной из Петровских повестей, а именно в «Истории о Василии Кориотском», в сопоставлении их с моделями поведения мужского в контексте правил, описанных в «Юности честное зеркало». Мы приходим к выводу, что главная героиня, королевна Ираклия, владеет целым рядом навыков, которыми обладает и Василий Кориотский и которые в «Зерцале» принадлежат к числу обязательных именно для мужчины. Если исходить из того, что петровские повести представляют собой рецепцию идеологии Петра через призму художественного произведения, можно утверждать, что в момент создания этой повести, то есть в позднее петровское и ранее постпетровское время в литературном произведении, где главная героиня является дочерью великого герцога Тосканы, предвосхищены те принципы, которые в дальнейшем в русской культуре будут действовать в воспитании и дворянских юношей, и дворянских девушек, и в качестве правил воспитания граждан будут закреплены Екатериной Великой.

The interest to European culture during the reign of Peter I is associated with a change of the role of women in culture, primarily in everyday life. At the same time, the gender asymmetry was noted, in particular, in the treatise “The Honest Mirror of Youth”. This article examines the etiquette of feminine behavior, presented in the “History of Vasily Koriotsky”, in comparison with the models of male behavior in the context of the rules described in “The Honest Mirror of Youth”. We come to the conclusion that the main feminine character, Princess Iraklia, possesses a number of skills that Vasily Koriotsky also possesses and which in “The Honest Mirror of Youth” are described like masculine ones. If we proceed from the fact that the “History of Vasily Koriotsky” represents the reception of Peters innovative ideas through the prism of a literary text, it can be argued that at the time of the creation of this story (in the late Petrine and earlier post-Petrine times) in the literature some ideas of Catherine the Great regarding education of nobles of both genders like citizens are anticipated.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, Петр I, «Юности честное зеркало», «История о Василии Кориотском».

Key words: gender asymmetry, Peter I, “The Honest Mirror of Youth”, “History of Vasily Koriotsky”.

Освоение европейской культуры, происходившее в правление Петра I [Живов, 2000], ассоциируется с изменением роли женщины в культуре, прежде всего – в бытовой. Если такие новые для российского дворянского общества реалии, как учеба в Европе и путешествие по европейским странам, экспериментируются мужчинами, то европейские формы досуга [Коргожа, 2011] – прежде всего, знаменитые «ассамблеи», предполагают обязательное участие женщин, а Петровские указы говорят об одежде нового, европейского кроя и для мужчин, и для женщин. В переводном теоретическом сочинении «Юности

честное зеркало», напечатанном по распоряжению Петра 4 февраля 1717 г. и трактующем новые нормы поведения [Капкан, Лихачева, 2018] и, шире, дающем читателю возможность «почерпнуть и основы современной ему общественной морали, уяснить потребность в новых формах отношений между людьми» [Русские повести, 1965, с. 111], поведению девушки посвящен отдельный раздел (о возможных источниках см. [Менделеева, 2018]). В художественной литературе – так называемых Петровских повестях – возникают новые женские образы: если «древнерусская литература знала добродетельные аскетические образы женщин житий, образ верной жены и матери бытовой повести, наконец, образ порочной женщины – соблазнительницы» [Кузьмина, 1941, с. 133], то «повесть XVIII в. впервые рисует любовную психологию женщины в противоречиях ее разнообразных эмоций. Новой чертой мирозерцания является иной взгляд на женщину, которая рассматривается уже не как воплощение добродетели или злая искусительница, «сосуд дьявола», а как человеческая индивидуальность» [Кузьмина, 1941, с. 133–134].

Вместе с тем, исследователи отмечали так называемую «гендерную асимметрию», присущую рассматриваемой эпохе, и, в частности, трактату «Юности честное зеркало» не только потому, что в этой книге «конкретных рекомендаций (алгоритмов), предназначенных для юноши, гораздо больше, чем адресованных девушке» [Капустин, 2019, с. 116], но и потому, что «само понятие добродетели – центральное для «женской» части книги, где названы двадцать добродетелей (от стремления и любви к слову Божьему и любви к Богу – до молчаливости), в его «мужской» части имеет другую наполненность. Если в первом случае оно ведет к спасению души, то во втором обеспечивает мирские потребности человека» [Там же, с. 115], что может быть объяснено как тем, что «в основе “Юности честного зеркала” лежат западноевропейские источники, круг которых до сих пор точно не установлен <...>. Не исключено, что у составителей “Юности честного зеркала” просто не оказалось под рукой руководства, какое смогло бы заполнить лакуны, касающиеся конкретных характеристик женского поведения» [Там же, с. 117], так и тем, что «есть устойчивые конструкты сознания, бессознательно транслируемые структуры – вечные спутники человека. Гендерные представления из их числа» [Там же, с. 118]. Вследствие этого “Юности честное зеркало” – сочинение, «призванное изменить привычную модель русского мира, решило эту задачу только по отношению к дворянскому юноше. Что касается девушки, то представление о том, какой ей быть, осталось традиционным. <...> Тем самым претендующее на создание новой модели русского мира, имеющее, по сути, характер предписания “Юности честное зеркало” закрепило гендерную асимметрию, оставив женщину на религиозно-нравственной высоте, но одновременно ограничив ее возможности в социуме» [Там же, с. 115].

В настоящей статье мы попытаемся определить этикет женского поведения, представленный в «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли», в сопоставлении с моделями поведения мужского в контексте правил, описанных в «Юности честном зерцале».

Напомним, что «История о Василии Кориотском», в которой очевидна «живейшая, непосредственная связь с исторической действительностью начала XVIII в., с типичными чертами этого времени» [Русские повести, 1965, с. 42], была создана между 1703 и 1726 гг. [Там же, с. 56]. Главный герой «Истории о Василии Кориотском» – русский дворянин, по доброй воле отправившийся учиться морскому делу за рубеж и успехами в учебе и честностью заслуживший уважение и отеческую любовь некоего голландского купца, на службе у которого оказался и с товарами которого отправился в путь на корабле. С прекрасной флорентийской «королевной» Ираклией (так названа она в повести, напомним, что в начале XVIII в. правитель Тосканы, представленный в «Истории» как «король», носил титул великого герцога) он знакомится на некоем острове, где после кораблекрушения оказывается в плену у морских разбойников, которыми Ираклия в свое время была похищена из Флоренции (в повести и Флоренция, и «Цесария» – Священная Римская империя – находятся на морском берегу). Любовь Ираклии, в которую Василий влюбляется с первого взгляда, завоевывается им: он опекает и защищает ее на острове, затем, перехитрив разбойников и взяв часть их сокровищ, бежит с Ираклией в Вену, где ему удастся сначала снискать уважение императора («цесаря») Священной Римской империи, а затем победить коварного флорентийского адмирала, отправленного родителями Ираклии на поиски дочери и претендующего на ее руку. В финале повести Василий женится на королевне и сам становится флорентийским королем.

К вершинам социальной лестницы европейского общества и ко всеобщему признанию Василия Кориотского приводят не только ум, смекалка и храбрость, но и – в первую очередь – целый ряд этических качеств: уважение к родителям, старшим и вышестоящим, трудолюбие, честность, порядочное отношение к женщине, а в самых сложных ситуациях – упование на волю Господа.

Вместе с тем, Василий Кориотский действует, исходя из знаний этикета. Так, в соответствии с дипломатическим статусом флорентийской королевы Василий выбирает дом в Вене («Приплыше же в Цесарию, нанел некоторой министерской дом, зело украшен, за которой платил на каждой месяц по пятидесят червонцов, и в том доме стоял и с королевною в великой славе» [Русские повести, 1965, с. 200]), а также отбирает и одевает прислугу для себя («И нанел себе в лакеи пятьдесят человек, которым поделал ливреи велми з богатым убором, что при дворе цесарском таких ливрей нет чистотою» [Там же]) и для

Ираклии («А королевне нанел девиц самых лепообразных тритцать, которых зело украсив» [Там же]).

Кроме того, отправляясь первый раз в Вену на большой праздник в церковь, он одевается в соответствии с самым высоким статусом – «в драгоценное платье» («Случися некоторой годовой праздник – то россиской матрос, убравшись в драгоценное платье и от всех драгих камней изокладено, что великия лучи от него сияют» [Там же]), а также выбирает соответствующую карету («Также приказал и людем убратса, а корету приказал заложить златокованную, и и коней добрых з богатым конским убором, яко во всей Цесари такового убору нет не у кого, и поехал к церкви, в которой будет цесарь сам, и стал в церкви у праваго крыласа» [Там же]).

Наконец, оказавшись во дворце императора Священной Римской империи, Василий ведет себя в соответствии с церемониалом, не позволяя себе сидеть в присутствии правителя («И как вошли внутрь царских полат, в полату убранную, в которой был поставлен стол со всем убранством и кушаньем, потом цесарь стал россискаго матроса сажать за стол кушать. Василей же нача с почтением отговариватса: “Пожалуй, государь и великий царь, меня недостойнаго остави, понеже я ваш раб, и недостойно мне с вашею персонаю сидеть, а достойно мне пред вашим величеством стоять”.» [Там же, с. 200–201]) и садится только после его повторного приглашения («Тогда цесарь рече: “Почто напрасно отговариваешися, понеже я вижу вас достойно разума, то вас желаю своим сердцам искренним. Хотя бы мой которой и потданной раб, а я ево желаю, велю садитса с собою, и тот меня слушает. А ты – приезжай ко мне гость, и прошу, изволте садитса”. Тогда российской матрос, поклонясь, рече: “Буди воля вашего величества”. И сел за стол с царем кушать.» [Там же, с. 201]).

В свою очередь, избранница Василия, королевна Ираклия, обладает целым рядом добродетелей, которые в «Юности честном зеркале» образуют «Девической чести и добродетелей венец» (всего их двадцать: «охота, и любовь к слову, и службе Божеи, истинное познание Бога, страх Божий, смирение, призывание Бога, благодарение, исповедание веры, почитание родителем, трудолюбие, благочиние, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость и воздержание, целомудрие, бережливость, щедрота, правосердие, и молчаливость, и протчая») [Юности честное зеркало, 1717, с. 47].

«Почитание родителем» Ираклией проявляется, как мы увидим ниже, как в действиях (готовность выйти замуж вопреки собственной воле как выполнение воли отцовской), так и на вербальном уровне (вежливая манера обращения), что, отметим, в «Юности честном зеркале» подобает и отроку (правило 1: «В первых наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать» [Юности честное зеркало, 1717, с. 1];

правило 3: «У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить» [Там же, с. 3] и т.д.).

«Целомудрие» (а также связанные с ним «стыдливость» и «воздержание») королевны следует из принятого ею решения (о чем она заявляет Василию Кориотскому, осознав свою любовь к нему и живя вместе с ним в Вене в нанятом им доме) сохранить девическую честь и верность до брака («И говорила, что до законного брака сохранять во всякой девической чистоте, а кроме ево в супружество не за кого инаго не посегать.» [Русские повести, 1965, с. 202]), а в случае расставания с Василием – и до смерти («А ежели кто один из них какими ни есть Приключившейся резонами отлучитса, не за инаго не побегать и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей с клятвою обещался, что хранить девичество.» [Там же]).

То, что королевна Ираклия должна в полной мере владеть этикетом бытового поведения, предполагается в первую очередь ее происхождением: напомним, что в повести она появляется в том одеянии, в котором была взята в плен во Флоренции и по которому Василий, обнаружив Ираклию в чулане у разбойников, безошибочно угадывает ее королевский статус («в златом одеяни королевском одету» [Там же, с. 196]) – и подтверждается в тексте повести.

В частности, в Вене королевна Ираклия одевается в соответствии со своим статусом и этикетом. Когда Василий, находясь на прогулке с Императором, приглашает его посетить дом, в котором квартирует вместе с Ираклией, он предупреждает ее через слугу о предстоящем высочайшем визите, веля ей одеться подобающим образом («убратся хорошенько»), что она и исполняет, отдав при этом необходимое распоряжение и своим фрейлинам: «И россиской матрос послал своего раба к прекрасной королевне Иракли, чтоб убралась хорошенко, понеже цесарь с ним будет. И как тот посланной приехал и объявил⁴⁹ ей о приезде цесареве, и королевна убралась хорошенко и з девицами.» [Там же, с. 201]).

Однако в целом ряде случаев королевна Ираклия одевается и действует в соответствии со своим эмоциональным состоянием, в том числе и вразрез с этикетом.

Так, узнав от Василия о прибытии в Вену флорентийского адмирала («Приехавши объявил прекрасной королевне Ираклии о приезде от отца ея адмирала.» [Там же, с. 203]), которому она не доверяет, несмотря на то, что он послан ее родителями на ее поиски, она так огорчается («То королевна слышав, зело опечалилась всем сердцам.» [Там же]), предчувствуя недоброе, что просит Василия заказать ей траурное платье («и просила королевна у Василия, чтоб приказал зделать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости зделано.» [Там же]), в которое одевается в день визита адмирала («И поутру рано королевна убралась в черное платье.» [Там же]). Пока адмирал говорит с Василием,

Ираклия в черном платье находится в другом помещении («А прекрасная королева была з девицами в особой палате.» [Там же]), куда Василий проводит адмирала в ответ на его просьбу увидеть Ираклию («Потом адмирал просил росискаго матроса, чтоб ево государыне показал. И Василей, взяв ево за руку, и введе ево в тую полату, где сидела прекрасная королева Ираклия.» [Там же]). Ираклия, увидев адмирала, не встает («Вшед адмирал х королевне в полату, и королева против его не встала» [Там же]), как того, по всей вероятности, требовал этикет, будучи погружена в свои печальные мысли («сидела в великой печали» [Там же]).

В этом же траурном платье Ираклия вместе с Василием, не внявшим ее тревожным предчувствиям, и свитой отправляется с визитом на корабль адмирала («И от цесаря Василей и с королевной, з генералы и министры и множество драбантов как к адмиралу на корабли поехали» [Там же, с. 204]), который с притворной любезностью принимает Василия («И как на пристань приехали, тогда адмирал с великою радостью встретил, и, приняв Василия и королевну, пошли в корабль.» [Там же, с. 204–205]), и черный цвет платья передает ее печальное настроение («А королева в черном платье была и в великой печали.» [Там же, с. 205]).

Позднее, когда адмиралу при помощи вероломных действий во время визита Василия и Ираклии на корабль, путем насилия и обмана, удастся отдалить на некоторое время Василия, заставить поверить Ираклию в его гибель и выдать себя за спасителя королевны, Ираклия прибывает вместе с адмиралом на корабле во Флоренцию в черном платье, выражающем ее горе («А королева с печали насилу вышла, и ни о чем ни говорит, лицом помрачена» [Там же, с. 207]), омрачающем радость ее встречи с родителями и замеченном ими («Видевше отец ея и мать, начаша горко плакати и говорить: “Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королева! Или ты недомогаеш, что ты видом очень печална?” Она же, вздохнув жалостно, и нача плакати, и рекла: “Государь мой батюшко и государыня матушка! Ныне я вижу вас, мало порадовалась сердцем своим от печали своей, которая в сердце мое вселилась.” [Там же]).

Когда флорентийскому королю, вновь в силу коварства флорентийского адмирала, приходится выдавать королевну Ираклию замуж за адмирала только потому, что он не может нарушить данное некогда слово (отдать дочь тому, кто ее найдет), королева Ираклия в ответ на приказ отца одеваться («убираться») полагающимся образом к свадьбе («И король прииде х королевне Ираклии и рече: “Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королева Ираклия! Изволь убиратса, время к законному браку”» [Там же]) просит отца не отдавать ее адмиралу («Слышав же королева от отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: “Милостивый мой государь батюшко! Прошу вашей государской и

родительской милости, пожалуй, не отдавай меня в жену сему адмиралу”» [Там же]), а услышав отказ и повторный призыв одеваться к свадьбе («Слышав же отец ея, рече: “Не изволь мне о сем болше говорить, ибо я дал свой пороль сему адмиралу, чтоб тебя отдать ему в жену, и не хочу пороль свой оставить, изволь убиратса и ехать до кирке!”» [Там же, с. 207–208]), сообщает о бессмысленности свадебного наряда, если рядом нет единственного («И видев королевна, что уже никак у отца не отговоритса, залилась слезами и воздохнувши рече: “На что мне убиратса, когда у меня единаго нет: ежели б у меня едино было, то бы я веселилась”» [Там же, с. 208]), не отвечает на вопросы удивленных родителей («Слышав же отец ея и мать, начаша дивитися и ее вопрошати: “Повеждь нам, милейшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклия”. Королевна же в великой своей печали не отвеща.» [Там же]), направляется в покои, где должна одеваться, откуда выходит в траурном платье, в котором садится в карету и едет в церковь венчаться («и поиде во уготованную полату и вышла, и пала в корету в черном платье, и поехали х кирке» [Там же]).

Отказывается от «печального платья» Ираклия в пользу «драгоценного» лишь тогда, когда оказывается, что Василий жив, адмирал уличен в коварстве, и «печаль» королевны, о которой до этого постоянно шла речь, сменяется на «великое веселие»: «Тотчас посла каморгера х кирке и велел орестовать адмирала. Каморгер орестовал. Королевна же тогда просия красотою, яко солнце, и одеяние черное сняла, и в драгоценное платье убралась. И бысть в великом веселии» [Там же, с. 209].

«Черное платье печальное» таким образом становится воплощением «печали» королевны, о которой идет речь с момента появления флорентийского адмирала в Вене, и горя потери, о предчувствии которой было заявлено – при помощи того же платья – заранее, в обстоятельствах, казавшихся благополучными. Именно в этом контексте Ираклия нарушает этикет. Она либо не совершает необходимое действие — остается сидеть в момент появления адмирала с визитом в Вене («Вшед адмирал х королевне в полату, и королевна против его не встала, сидела в великой печали» [Там же, с. 203]), либо совершает его неподобающим статусу образом, то есть двигаясь с трудом: она не сходит, а с трудом спускается с корабля («А королевна с печали насилу вышла, и ни о чем ни говорит, лицом помрачена» [Там же, с. 207]), на котором увез ее адмирал; не садится в карету, а падает, отправляясь на бракосочетание с адмиралом («и пала в корету в черном платье» [Там же, с. 208]).

Текст повести подтверждает также, что королевна Ираклия владеет нормами вербального поведения. При встрече с родителями после разлуки («Она же, вздохнув жалостно, и нача плакати, и рекла: “Государь мой батюшко и государыня матушка! Ныне я

вижу вас, мало порадовалась сердцем своим от печали своей, которая в сердце мое вселилась”.» [Там же, с. 207]) она обращается к ним при помощи лексем «государь»/«государыня» («государь мой батюшко»/«государыня матушка»), тогда как в обращении Ираклии к отцу с вежливой просьбой («прошу милости») не выдавать ее за коварного адмирала («Прошу вашей государской и родительской милости») находим форму «милостивый государь» («Милостивый мой государь батюшко!») и формы, предполагающие обращение как на ты (императив второго лица единственного числа: «не отдавай»), так и на Вы (притяжательное местоимение «ваша»): «Слышав же королева от отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: “Милостивый мой государь батюшко! Прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй, не отдавай меня в жену сему адмиралу”.» [Там же].

Это соответствует 6 правилу «Юности честного зеркала» о вежливом обращении к родителям при помощи лексем «государь»/«государыня» и на Вы: «Когда родители или кто други их спросят [позовут], то должны они к ним отозватца и отвечать тотчас, как голос послышат. И потом сказать: “Что изволите, государь батюшко, или государоня матушка”» [Юности честное зеркало, 1717, с. 4–5].

Королева Ираклия выступает собеседницей императора Священной Римской империи, когда Василий приглашает его нанести визит к ним на квартиру – она встречает Василия и императора («и королева их встретила» [Там же, с. 201]), ведет длительный разговор с императором («и цесарь в полатах долго беседовал» [Там же, с. 202]) и на вопрос императора о похищении («и спрашивал королеву, как она увезена от Флоренской земли разбойниками» [Там же]) дает обстоятельный ответ («И она цесарю все объявила» [Там же]): «И как цесарь с Василием гуляли, то россиской матрос Василей нача просить цесаря, чтоб к нему пожаловал на квартиру. И цесарь поехал с ним. А как приехали, и королева их встретила, и цесарь в полатах долго беседовал и спрашивал королеву, как она увезена от Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самого вечера и поехал во дворец» [Там же, с. 201–202].

Во время первой встречи Василия и Ираклии, когда он находит ее в чулане, воспользовавшись отсутствием разбойников, запретивших ему туда ходить, Василий по одежде девушки, как мы помним, понимает, что имеет дело с особой королевской крови («И виде девицу зело прекрасну в златом одеяни королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно» [Там же, с. 196]) и, пораженный ее красотой, влюбившись в нее («и в любовь впаде» [Там же]) и упав на колени, спрашивает ее о ее происхождении, обращаясь к ней на ты и используя три лексемы – «государыня», «девица» («прекрасная»), «королева»: «Сей Василей, став на коленки, рече: “Государыня, прекрасная девица

королевна! Ты роду какова и како сими разбойниками взета?» [Там же, с. 196–197]. Ираклия также обращается к Василию на ты, назвав его «милостивы государь» и в ответ на его вопрос вежливо («Изволь, милостивы государь, слушать» [Там же, с. 197]) предлагает выслушать свою историю («И отвеча девица: “Изволь, милостивы государь, слушать, я тебе донесу. Аз есмь роду королевскаго, дочь великаго короля флоренскаго. А имя мое – Ираклия. Токмо едина была у отца своего дочь. И уже тому два года, пришли морем в наша государства изъ Евиопи кораблями росискія купцы, и я в то время гуляла з девицами в шлупках и смотрела росских товаров и всяких диковинак. И как мы на шлюпках от кораблей поплыли, то оныя разбойники набежали в буерах, и всех гребцов у нас побили, и девиц в море и побросали. Мене едину в сей остров увезоша и держат по сие время, что между ими великая распря: тот хочет взять себе, а другой не дает. И за тем спором хотять мене изрубить. И я пред ними горко плакати”.» [Там же, с. 197]). Только после этого Ираклия спрашивает Василия о его происхождении, предполагая, что он происхождения дворянского и соответствующего поведения – на что указывает лексема «ковалер», ею используемая («И стала ево вопрошать: “Молю тя, мой государь, ваша фамилия како, сюда зайде из котораго государства? Понежея у них, разбойников, до сего часу вас не видала и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некотораго ковалера”.» [Там же]). При этом она сначала, как и первый раз, обращается к нему на ты и при помощи лексемы «государь» («Молю тя, мой государь») – глагол, соответственно, использован в форме аориста второго лица единственного числа («зайде»), после чего переходит на Вы, используя соответствующие формы притяжательного («ваша фамилия како») и личного местоимения («вас не видала», «вижу вас», «признаю вас»).

Как видим, беседа Василия и Ираклии, которые спокойно («благочинно»), уважительно («вежливо») и с вниманием друг к другу («учтиво») отвечают друг другу и дают друг другу возможность рассказать свою историю несмотря на драматизм ситуации, в которой находятся, в достаточной мере соответствует не только тому, как должна вести себя по правилам «Юности честного зеркала» девушка, обладающая 11 добродетелью, а именно «приветливостью»: «С чуждым говорить учтиво, отвечать ласково, других охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать в поступках, словах, и делах, которыя добродетели выше всех мер украшают девицу» [Юности честное зеркало, 1717, с. 57]), но и 7 правилу «Зеркала», относящемуся к юношам («Когда им говорить с людьми, то должно им благочинно, учтиво, вежливо, но а не много говорить. Потом слушать, и других речи не перебивать, но дать все выговорить и потом мнение свое, что достойно, предьявить» [Юности честное зеркало, 1717, с. 5-6]).

Когда флорентийский адмирал приглашает Василия и Ираклию на свой корабль, задумав похитить таким образом королеву («И вздумал к себе звать росискаго матроса на корабль гулять и с королевною и увести. И поехал во дворец, нача просить: “Государь мой Василей Иванович! Покорно прошу государя моего, пожалуй завтрешняго числа ко мне, рабу вашему, со всеми министрами и пажами, такожде, ежели возможно, и с прекрасною королевною Ираклиею на корабли погулять, и наших кораблей посмотреть и убранства флоренскаго”» [Русские повести, 1965, с. 204]), и Василий соглашается («И Василей рече ему: “За вашу прозбу быть готов”» [Там же]) – причем просит адмирал об этом дважды – и дважды Василий дает свое согласие («И на другой день поутру рано адмирал вторично просил Василия. И он обещал к нему быть» [Там же]), Ираклия предчувствует беду и в ответ на приглашение Василия («И нача просить Василей по прозбе адмиралской, звал з собою королеву на корабль» [Там же]), вежливо обратившись к нему «Государь мой!», сообщает ему о своих опасениях («я опасна того», «вельми опасуюсь» [Там же]). Зная адмирала лично, она обосновывает свои опасения тем, что знает, какова его натура – он человек ненадежный («сей Адмирал вароват» [Там же]) и сообщает, в чем именно они заключаются, предполагая (в форме сослагательного наклонения и самым общим образом при помощи местоимения «чего»), что адмирал может совершить действия насильственного характера («не зделал бы чего над нами» [Там же]).

В ответ Василий, столь же вежливо обратившись к Ираклии при помощи лексемы женского рода («Государыня!»), аргументирует свое решение тем, что находиться они будут в окружении множества знатных людей и собственных слуг («С нами много будет генералов и министров, и пажей, и драбантов наших.» [Там же]), что предполагает невозможность агрессии со стороны кого-либо, на что указывает соответствующий риторический вопрос («Что нам может зделать?» [Там же]).

Ираклия принимает решение Василия («Буди, государь мой, по воли вашей» [Там же]), обращаясь к нему при помощи «государь мой». При этом она не говорит о том, что его доводы ее убедили, но и не противоречит ему: ее слова – «Я готова с вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять.» [Там же] – свидетельствуют о том, что предстоящий визит на корабль по-прежнему представляется ей потенциально опасным, но ее опасения менее значимы, чем решение, принятое Василием.

Таким образом, и предостережение королевы («Тогда королева рече ему: “Государь мой! Я опасна того, что сей Адмирал вароват, не зделал бы чего над нами. Того ради вельми опасуюсь”» [Там же]), и ответ Василия («И рече Василей: “Государыня! С нами много будет генералов и министров, и пажей, и драбантов наших. Что нам может зделать?”» [Там же]), и согласие Ираклии (Королева же рече: “Буди, государь мой, по воли вашей. Я

готова с вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять» [Там же]) в полной мере соответствуют тому, о чем говорится в 7 правиле «Юности честного зерцала»: «А еже ли в чем оспорить можно, то учинить с учтивостью и вежливыми словами, и дать свое рассуждение на то, для чего» [Юности честное зеркало, 1717, с. 6].

Кроме того, и Василий, и Ираклия обращаются друг к другу на Вы, используя, соответственно, вежливое обращение «государь»/«государыня», как того требует процитированное выше 6 правило «Зерцала», предполагающее такое обращение не только к родителям, но и к любому другому человеку: «“Что мне прикажете государь”, а не так: “Что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь”. И не дерзностно отвещать: “Да, так”», и ниже вдруг наотказ молвить “Нет”, но сказать: “Так государь”, “Слышу, государь”, “Я выразумел, государь, учиню так, как вы, государь приказали”.» [Юности честное зеркало, 1717, с. 4–5].

Нарушает королева Ираклия вербальный этикет в диалоге с родителями в силу своего эмоционального состояния: когда сообщает родителям причину своей печали – свадьба предстоит не с ее избранником («И видев королева, что уже никак у отца не отговорится, залилась слезами и вздохнувши рече: «На что мне убиратся, когда у меня единого нет: ежели б у меня едино было, то бы я веселилась» [Русские повести, 1965, с. 208]), а когда они, удивившись, просят ее рассказать, в чем дело («Слышав же отец ее и мать, начаша дивитися и ее вопрошати: “Повеждь нам, милейшая наша дочь, прекрасная королева Ираклия”» [Там же]), она не отвечает на их просьбу («Королева же в великой своей печали не отвеща» [Там же]).

Как показывает проведенный анализ, королева Ираклия владеет целым рядом навыков, которыми обладает и Василий Кориотский и которые в «Юности честном зеркале» либо принадлежат к числу обязательных именно для мужчины (владение невербальным этикетом), либо выделены особенным образом для мужчины и менее явно для женщины (владение вербальным этикетом). Следование норме этикета как отражение, пусть и опосредованное, реалий дипломатического этикета и придворного церемониала, соотнесено с невозможностью такого следования в силу чрезвычайных обстоятельств, определяющих и меняющих ход повествования: нарушение правил этикета в тексте повести – художественное средство, позволяющее выразить переполняющие королеву чувства, что способствует эмоциональному вовлечению читателя в сюжет повести. В частности, платье королевы выполняет три функции, указывая или на дипломатический статус (королевский) Ираклии, или на эмоциональное состояние королевы, или на ее согласие/несогласие с происходящим вне зависимости от осуществляемых ею действий. Что касается речевого этикета, то в рассмотренных выше диалогах Ираклии и Василия

выбор формы местоимения при обращении («ты» или «Вы») диктуется коммуникативной ситуацией, которая связана как с жанровой принадлежностью текста, так и с формирующимися правилами светского общения, предполагающими обращение на Вы наряду с традиционным обращением на ты [Benacchio, 1984, 1985].

Таким образом, актуальность для женщины тех же моделей и норм бытового поведения, что при Петре были заявлены в «Юности честном зерцале» как актуальные для мужчин, зафиксирована в «Истории о Василии Кориотском» с большей отчетливостью, нежели в «Зерцале». Если исходить из того, что Петровские повести представляют собой рецепцию идеологии Петра через призму художественного произведения, рассмотренная нами «История о Василии Кориотском» свидетельствует о том, что в момент создания этой повести – то есть в позднее Петровское и ранее постпетровское время – в литературном произведении, где главная героиня является дочерью великого герцога Тосканы, предвосхищены те принципы, которые в дальнейшем в русской культуре будут действовать в воспитании и дворянских юношей, и дворянских девушек в качестве правил воспитания гражданина и, в частности, будут закреплены при Екатериной Великой [Бецкой, 1764, с. 3].

Список литературы:

- Бецкой И.И.* Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества, подтвержденное ея императорским высочеством 1764 года марта 12 дня [Электронный ресурс]. СПб.: Сенат. тип., 1764. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/394430>
- Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 3: XVII – начало XVIII века. С. 528–583. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура).
- Капкан М.В., Лихачева Л.С.* «Юности честное зеркало»: этикетные традиции и новаторство // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 114–126.
- Капустин Н.В.* Об истоках гендерной асимметрии в России Нового времени: «Юности честное зеркало» // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 111–120.
- Коргожа Н.С.* Формирование культурно-досуговых традиций российского общества в Петровскую эпоху // Вестник КемГУКИ. 2011. № 17. С. 215–219.
- Кузьмина В.Д.* Повести Петровского времени [Электронный ресурс] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 117–136. – Режим доступа: <http://feb—web.ru/feb/irl/il0/il3/il321172.htm>
- Менделеева Д.С.* Отсылки к другим источникам в поучении девицам сборника «Юности честное зеркало» (к постановке проблемы) // Вестник науки и образования. № 15 (51). Часть 1. 2018. Филологические науки. С. 44–46.
- Русские повести первой трети XVIII в. Исследование и подготовка текстов Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Наука, 1965. 332 с.
- Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов, напечатана повелением царского величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1717 февраля 4 дня. СПб., 1717.
- Benacchio R.* Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII. Università di Padova: Istituto di Filologia Slava. 1984. 55 p.
- Benacchio B.R.* L'allocutivo reverenziale di cortesia «vy» nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico // Atti del colloquio «Lingue slave e lingue romanze: un confronto». Firenze, 25–26 gennaio 1985. Pisa: ETS Editrice, 1985. P. 61–78.

References:

Benacchio B.R. L'allocutivo reverenziale di cortesia «vy» nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico // Atti del colloquio «Lingue slave e lingue romanze: un confronto». Firenze, 25–26 gennaio 1985. Pisa: ETS Editrice, 1985. P. 61–78. (In Italian).

Benacchio R. Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII. Università di Padova: Istituto di Filologia Slava. 1984. 55 p. (In Italian).

Betskoi I.I. General'noe uchrezhdenie o vospitanii oboego pola yunoshestva, konfirmovannoe eya imperatorskim vysochestvom 1764 goda marta 12 dnya [General Institution for the Education of both genders of youth] [Electronic resource]. SPb.: Senat. tip., 1764. – Available at: <https://www.prilib.ru/item/394430> (In Russian).

Kapkan M.V., Likhacheva L.S. «Yunosti chestnoe zertsalo»: etiketnye traditsii i novatorstvo [“The honest Mirror of Youth”: etiquette traditions and innovation] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2018. T. 24, № 1 (171). P. 114–126. (In Russian).

Kapustin N.V. Ob istokakh gendernoi asimmetrii v Rossii Novogo vremeni: «Yunosti chestnoe zertsalo» [On the Origins of Gender Asymmetry in Modern Russia: “The Honest Mirror of Youth”] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. № 1. P. 111–120. (In Russian).

Korgozha N.S. Formirovanie kul'turno-dosugovykh traditsii rossiiskogo obshchestva v Petrovskuyu ehpokhu [Formation of cultural and leisure traditions of Russian society in the Petrine era]. Vestnik KeMGUKI. 2011. № 17. P. 215–219. (In Russian).

Kuz'mina V.D. Povesti Petrovskogo vremeni [Stories of Petrine era] [Electronic resource] // Istoriya russkoi literatury: V 10 t. / AN SSSR. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941–1956. T. III: Literatura XVIII veka. CH. 1. 1941. P. 117–136. – Available at: <http://feb—web.ru/feb/ir1/il0/il3/il321172.htm> (In Russian).

Mendeleeva D.S. Otsylki k drugim istochnikam v pouchenii devitsam sbornika «Yunosti chestnoe zertsalo» (k postanovke problemy) [References to other sources in the instruction to the girls of the collection “The honest Mirror of Youth”] // Vestnik nauki i obrazovaniya. № 15 (51). Chast' 1. 2018. Filologicheskie nauki. P. 44–46 (In Russian).

Russkie povesti pervoi treti XVIII v. Issledovanie i podgotovka tekstov G.N. Moiseevoi [Russian stories of the first third of the 18th century.] M.; L.: Nauka, 1965. 332 p. (In Russian).

Yunosti chestnoe zertsalo ili pokazanie k zHITEISKOMU obkhozhdENIYU [Youth honest mirror or testimony to everyday behavior], sobrannoe ot raznykh avtorov, napechatasya povelaniem tsarskogo velichestva v Sankt Piterburkhe leta Gospodnya 1717 fevralya 4 dnya. SPb., 1717. (In Russian).

Zhivov V.M. Kul'turnye reformy v sisteme preobrazovaniia Petra I [Cultural reforms in the system of transformations of Peter the Great] // Iz istorii russkoi kul'tury. M.: Yazyki rus. kul'tury, 2000. T. 3: XVII – nachalo XVIII veka. P. 528–583. (Ser.: Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russian).

Кольовски Александр Александров
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kolovski Alexander
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

В СПОРАХ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭМИГРАЦИИ (1920–30-е гг.)

IN DISPUTES ABOUT THE PRESENT AND FUTURE OF RUSSIAN LITERATURE IN EMIGRATION (1920s–30s)

Статья посвящена литературе русской эмиграции «первой волны». Целью эмиграции во многом было не столько приспособиться к жизни в рамках чужой культуры, сколько сберечь и развивать русскую культуру в надежде на возвращение на родину и, следовательно, сохранить свою национальную самоидентификацию. Однако ведущие литературные критики и сами литераторы русского зарубежья зачастую очень по-разному видели перспективы и пути развития эмигрантской литературы. Наиболее последовательным в отстаивании основополагающей роли художественного творчества как фундаментальной основы культурной целостности был живший и работавший в Праге критик, публицист, библиограф, педагог, общественный деятель Альфред Людвигович Бем. В частности, в своих полемических статьях, ставших откликами на выступления в печати «парижан» Г. Газданова, Г. Адамовича и других, он настаивал на том, что литература должна быть тесно связана с сегодняшним днем, сохраняя при этом традиции русской классической литературы.

The article is devoted to the literature of the Russian emigration of the “first wave”. The purpose of emigration in many respects was not so much to adapt to life within the framework of a foreign culture, but to preserve and develop Russian culture in the hope of returning to their homeland and, consequently, to preserve their national self-identification. However, the leading literary critics and the writers of the Russian diaspora themselves often saw very differently the prospects and ways of developing emigre literature. The most consistent in upholding the fundamental role of artistic creation as the fundamental basis of cultural integrity was the critic, publicist, bibliographer, teacher, and public figure Alfred Ludvigovich Bem, who lived and worked in Prague. In particular, in his polemical articles, which became responses to the speeches in the press of the “Parisians” G. Gazdanov, G. Adamovich and others, he insisted that literature should be closely connected with today, while maintaining the traditions of Russian classical literature.

Ключевые слова: эмиграция «первой волны», литературная критика русского зарубежья, русская культура, А.Л. Бем.

Key words: the “first wave” of emigration, literary criticism abroad, Russian culture, A.L. Bem.

Оказавшиеся волею исторической судьбы оторванными от родины русские эмигранты «первой волны», рассеянные по разным странам и городам, тем не менее смогли создать единое культурное поле. Это единство во многом поддерживалось периодическими эмигрантскими изданиями, выходившими прежде всего в таких европейских столицах, как Париж и Берлин. С начала двадцатых годов на протяжении двух десятилетий на страницах печати разворачивались дискуссии о путях развития русской литературы в новых политических реалиях. Наряду с писателями и критиками, приобретшими известность еще

в дореволюционной России, в эту полемику вступали и те, кто начал свой путь литературного критика уже в эмиграции.

В конце 1920-х – начале 30-х годов Альфред Людвигович Бем уверенно заявляет о себе как о сложившемся профессиональном критике. Он начинает публиковать свои критические разборы – так называемые «Письма о литературе» – в выходившей в Берлине эмигрантской газете «Руль». Примерно в это же время в трех номерах «Руля» (29.04.1931, 01.05.1931, 05.05.1931) выходят три его статьи, посвященные современной критике и объединенные под общим названием «О критике и критиках». Остановимся прежде всего на этих статьях.

Первая из рассматриваемых работ была посвящена Ю.И. Айхенвальду. После его безвременной кончины Бему, который к тому времени уже входил в состав редакции в качестве представителя организации «Крестьянская Россия», было предложено возглавить в «Руле» литературно-критический отдел, который ранее вел Айхенвальд. Но статья Бема не является только данью уважения своему предшественнику, в ней автор заявляет о следовании определенной традиции. Бем, безусловно, как литературный критик не разделял айхенвальдовский метод «принципиального импрессионизма», базирующийся на идее о том, что никакая наука о литературе существовать в принципе не может: «Искусство недоказуемо; оно лежит по ту сторону всякой аргументации» [Айхенвальд, 1994, с. 29]. У Бема совсем другая позиция, однако публицистический пафос статей Айхенвальда, характерный как раз для берлинского периода его творчества, призыв к сохранению и развитию русских культурных традиций в эмиграции, внимание к тому, что происходит в советской России, интерес к молодым писателям и стремление его в своих «Литературных заметках» «сократить дистанцию между классиками и современниками» [Сорокина, 2010, с. 78] были очень близки Бему.

Следует отметить и то, что из-за происходивших в метрополии изменений политической и культурной ситуации именно в 1931 году Бем начинает оценивать по-новому роль литературы советской и литературы эмиграции. Сейчас, считает Бем, когда в советской России «судьбы русской литературы, жизни, в буквальном смысле этого слова, русских писателей находятся в руках этой новой опричнины Сталина <...> при таких условиях русская литература в советской России переживает период явного упадка»; и в связи с этим перед литературой русского зарубежья встает чрезвычайно важная задача: «ей приходится отвечать за всю русскую литературу в ближайший, по крайней мере, период времени» [Бем, 1996, с. 34]. Для осознания этой задачи литературе требуется помощь критики, а ее в эмигрантской культурной среде, полагает Бем, в настоящее время нет. Причинами такого положения вещей стали «семейственность» жизни русской эмиграции

(об этом пишет также М. Осоргин в статье «Пожелания», опубликованной в №1 парижской «Новой газеты» от 01.03.1931) и то, что главная роль в критике принадлежит самим поэтам и писателям, а они могут быть более (как, к примеру, Вл. Ходасевич) или менее (как Г. Адамович) точными в выносимых ими оценках, но, как бы там ни было, любой литератор «все же скорее плохой, чем хороший, судья чужого творчества», поскольку мнение его обязательно отражает его собственную художественную индивидуальность. Субъективность писательской критики проявляется не только в манере письма, но также и в суждениях и оценках и, даже в большей степени, в отборе рецензируемых произведений. Конечно, профессиональный критик тоже не застрахован от субъективности, но в этом случае она зависит не от его личной индивидуальности, она обусловлена «его особым критическим вкусом» [Бем, 1996, с. 38].

Тот факт, что критика не дает достаточно объективного и репрезентативного представления о состоянии литературы эмиграции, согласно Бему, определяется также корпоративностью эмигрантских печатных изданий. «Самым большим преступлением эмигрантской печати является, на мой взгляд, усвоенная ей система замалчивания того, что почему-либо пришлось не по вкусу вершителям ее судеб. При монопольном положении ежедневной прессы именно замалчивание является одним из наиболее сильных оружий против всего, что выходит за пределы общепризнанного» [Бем, 1996, с. 42]. О том, что в журналах печатают только тех, кто «пришелся ко двору», что там в этом отношении существует «внутренняя дисциплина», Бем также говорит в статье «Самопризнание и самообнажение», опубликованной в варшавской газете «Меч» (17.06.1934).

Свои надежды на то, что эта ситуация в эмигрантской прессе претерпит изменения, Бем возлагает на младшее литературное поколение, на появление новых печатных изданий. Он солидарен с Ю. Терапиано, который в статье «О критике и литературном направлении» («Новая газета», №3 от 01.04.1931) пишет о том, что молодые литераторы должны выработать собственную идеологию, а критика обязана обеспечить оформление нового литературного течения. Без этого молодая литература еще долго будет существовать во фрагментарном состоянии, а не как целостное явление культурной жизни. В конце последней, третьей статьи «О критике и критиках» Бем с уверенностью говорит о том, что для литературы эмиграции наступает начало нового периода, «когда бок о бок пойдут художественная литература и литературная критика в сознании ответственности, которую возлагает на них история» [Бем, 1996, с. 45].

К сожалению, пророчество Бема в отношении изменения ситуации в литературе русского зарубежья не сбылось. Наоборот, в тридцатые годы еще острее встал ряд проблем, связанных со сложностью как сохранения старых, так и создания новых изданий. Тем не

менее в своей критике Бем и далее строго придерживался сформулированных им принципов, которые определяют отношения литературной критики как с читательской аудиторией, так и с писателями и поэтами. Во-первых, литературная критика только тогда оправдана, когда она является для читателей критикой руководящей. В отличие от истории литературы, она призвана не просто представлять научные выводы, она должна на основе своей оценки литературного произведения убеждать читателей в точности своего понимания и анализа, в верности выбранных критериев. Во-вторых, критика – это форма самоосмысления литературы.

Интерес Бема «к литературе сегодняшнего дня», по его собственному признанию, во многом определялся и поддерживался его общением с молодыми поэтами пражского литературного объединения «Скит», чьим бессменным руководителем он являлся. Поэтому в своих статьях он обращался в первую очередь к молодому поколению эмигрантов, что обуславливает и их своеобразную «педагогическую направленность». Значительная часть критических публикаций Бема тем или иным образом связана с проблемами молодой русскоязычной зарубежной литературы. Многие из этих статей можно считать репликами в том споре о современной поэзии, который на протяжении нескольких лет Бем вел с Г. Адамовичем.⁶⁸

В основе полемики Бема с Адамовичем лежит разное понимание позиции творца поэтического произведения, а отсюда вытекают различия и в понимании поэтического языка. По Бему, главное в поэзии – это преображение мира. А Адамович считал, что суть поэзии в самораскрытии, и содержание подчиняет себе форму произведения. Поэтому он призывал «к простоте в поэзии», требовал стремиться к лаконичности формы и отказаться от метафорической нагруженности языка. Бем в статье «Соблазн простоты», которая была полемически направлена против эстетики поэтов «парижской ноты», утверждает, что произведение как таковое невозможно разъять на «форму» и «содержание», а значит, сама постановка такой цели, как создание новых форм, абсолютно ошибочна. Понятие слитности формы и содержания давно и прочно утвердилось в эстетике, и спор об их разведении просто невозможен, не говоря уже о попытке решить подобную задачу в художественном творчестве. Согласно Бему, «простота» проявляется там, где нет «формосодержания» (термин А. Белого из книги о Гоголе), а есть или форма, или содержание. В качестве примера он приводит поэзию А. Штейгера, говоря, что за «простотой» его произведений не стоит ничего, «голая форма простоты и пустоты» [Бем, 2001, с. 398]. У поэтов парижского

⁶⁸Фактически речь идет о продолжительной литературной полемике Г. Адамовича и Вл. Ходасевича, которая возникла на страницах парижских газет «Последние новости» и «Возрождение». Эта полемика разделила русскую литературную эмиграцию на два лагеря.

журнала «Числа» Бем выделяет общую черту: «...они хотят своей поэзией больше “сказаться”, чем “сказать”. Поэзия для них не активный процесс преобразования мира через собственное его постижение, а только “отдушина” для личных переживаний. Поэтому в круг поэтического переживания втянут очень ограниченный мирок самого автора», однако в этом не проявлено то трагедийное, что показывало бы преобразивший поэта жизненный путь, а виден лишь раздавленный жизнью человек. Это кризис не поэзии, а поэта: «Там, где нечего сказать, а хочется только “сказаться”, там высыхает подлинное творчество <...> Надо, чтобы сила поэтического напряжения сдвинула мир с привычного места, подчинила его себе. Когда поэт остается с глазу на глаз со своим внутренним миром, он редко достигает поэтической силы. Здесь успех дается только исключительно избранным. И успех этот обусловлен тем, что этот “внутренний мир” также взорван и смещен лирическим напряжением»; для настоящего поэта почти неизбежен путь от «сложности» к «простоте», однако эта простота – «итог величайшей сложности, формальное совершенство которой дается и большим поэтическим опытом, и огромной духовной напряженностью» [Бем, 2001, с. 398–399]. Такой простоте научиться нельзя, она должна сама прийти к поэту, и никак нельзя настаивать на том, чтобы те, кто только вступил на литературное поприще, начинали с ее поиска, в этом случае вместо простоты окажется пустота.

Выработанная Бемом концепция личности художника социально ориентирована. Направленный на то, чтобы преобразить мир, творческий процесс одновременно является путем преобразования самого творца, способного почувствовать себя с веком и миром на равных, а не в их власти. В какой-то степени подобную установку можно считать средством защиты молодых литераторов-эмигрантов от угрожающего им духовного пессимизма.

В одном из своих выступлений на вечере «Скита» Бем следующим образом сформулировал разницу между двумя типами мировосприятия, характеризующими творческие установки «парижан» и «пражан»: «Я – это мир. Преломление мира через мое Я. Другая возможность: Я и мир: отношение мое к миру» [«Скит», 2006, с. 73]. С точки зрения Бема, позиция «парижан» в большей мере ориентирована на европейские культурные традиции (он упоминает, в частности, о влиянии, которое оказало на поэтов «парижской ноты» творчество Пруста) и оторвана от собственно русских культурных традиций, а именно их Бем старался сохранить в поэтическом творчестве «пражской школы».

Уверенность Бема в том, что именно творчество молодого поколения определяет лицо современной эмигрантской литературы и ее будущее, – важнейшая составляющая его концепции развития этой литературы.

С этой позиции вступает Бем и в полемику, которая развернулась после публикации в парижском журнале «Современные записки» статьи Гайто Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (1936, № 60). В этой полемике принимали также участие Осоргин, Ходасевич, Алданов, Варшавский, ее отголоски можно заметить и в некоторых выступлениях Адамовича (подробнее об этом см. [Федякин, 2004]). Бем категорически не согласен с Газдановым, который утверждает, что молодая эмигрантская литература – всего лишь выдуманный эмигрантами миф, ведь на слуху нет ни одного нового имени, которое бы появилось за последние полтора десятка лет, всех литераторов можно отнести просто к категории «тружеников». Бем же считает, что даже если сейчас в литературе русской эмиграции присутствуют только «труженики» (в чем лично он, однако, ничего зазорного не видит), то это уже само по себе подтверждает факт существования эмигрантской литературы. В то же время Бем полагает, что Газданов углядел одно из самых слабых мест литературы эмиграции. И суть дела здесь не в писателе, а в человеке. Если сам художник не цельная личность, если у него отсутствует индивидуальность и должная мотивация, то он не в состоянии создать полноценное и цельное художественное произведение. Нет творчества там, где не проявлено сконцентрированное мнение самого творца. Да, в настоящее время в художественном творчестве наблюдаются сплошь «выдуманные жизни», и это всячески культивируется и приветствуется. Тем не менее подобное положение дел не должно вызывать чувства обреченности. Не стоит, как делает это Газданов, объявлять о конце эмигрантской литературы, ведь упадочность, тупиковость и умирание видятся исключительно в одном направлении, пусть, к сожалению, в том, что задает тон. Однако русский Париж – это еще не вся русская эмиграция [Бем, 1996, с. 257–261]. И в этих словах мы тоже слышим отголоски полемики Бема с Адамовичем.

Столь важная и для Бема, и для большей части его собратьев-критиков тема судьбы литературы эмиграции оказывается тесно переплетенной с темой литературы советской. В этом нет ничего удивительного, так как оценка литературного процесса в метрополии необходима для самоидентификации эмигрантской литературы, определяя «от обратного» ее роль и место в русском и мировом культурном пространстве.

В опубликованной в газете «Меч» статье «Русская литература в эмиграции» (22.01.1939), которую можно считать неким «конспектом» истории русской литературы двадцатых – тридцатых годов, Бем утверждает, что «до 1923 года вообще нельзя было провести строгой грани между литературой советской и эмигрантской» [Бем, 1996, с. 334]. Но в других статьях он распространяет свое представление о происходящем в метрополии и эмиграции как о составляющих единого, целостного литературного процесса на более продолжительный период, до начала тридцатых годов, когда в его работах меняется оценка

роли эмигрантской и советской литератур. Тем не менее стремление Бема избегать крайностей, которые состоят в том, чтобы, признавая какую-то одну литературу, эмигрантскую либо советскую, отрицать другую, всегда остается неизменным.

Публикуя в 1925 г. в пражском журнале «Своими путями» статью «Мысли о современной русской литературе», Бем выступает против тех, кто связывает будущее русской словесности исключительно с литературой метрополии. Он считает лишним всякого смысла сам принцип деления литературы на две, эмигрантскую и советскую, и отвергает его: «Что такое русская литература? – Это, очевидно, литература (художественная) на русском языке. А что значит “эмигрантская” литература? Неужели литература, написанная на “эмигрантском” языке? Или “советская” – на “советском” языке? Я не знаю ни “эмигрантского” языка, ни “советского”! Зато очень хорошо знаю единый русский литературный язык, на котором, прекрасно понимая друг друга, переругиваются эмиграция с “советской” Россией» [Бем, 1925, с. 19]. Бем делает вывод о том, что основным показателем художественной ценности произведения следует считать наличие в нем «пульса современности», «правды времени» – одним словом, всего того, что является подлинно современным.

Основываясь на этом критерии, Бем проводит деление не по политическому принципу, а на литературу «вчерашнего» и «сегодняшнего» дня. «Прошлое – часто в полном расцвете своих талантов, законченное и определившееся, но именно в этой своей законченности конченное, без шансов на будущее» [Бем, 1925, с. 20]. Среди представителей «прошлого» оказываются Бунин, Бальмонт, Мережковский, Горький, Сологуб, Сергеев-Ценский, Ахматова, Маяковский, для которых уже «готово место» в истории русской словесности (правда, впоследствии Бем будет по-другому оценивать творчество Маяковского и Бунина). «Сегодня» – это литература нового поколения, «взрожденного» бурей, которую пережила Россия и которая коснулась «всякого русского» [Бем, 1925, с. 20]. Согласно Бему, «литературное сегодня» характеризуется переломом в сторону содержания, возрождением «смысловой» литературы; поворотом к современности, возможно, даже излишним бытописанием. Оправданием последнему служит основная задача, состоящая в художественном отображении опыта суровых лет, а в этой связи возникает повышенный интерес к человеческим судьбам: «жизнь – не сама по себе, а в ее преломлении в человеческой душе». Замечая обращение современной литературы к традиции Достоевского, Бем видит и преодоление этой традиции в том, что писатели стремятся «показать человека через действие, а не путем анализа его переживаний, не копание в нем, а выявление через трагичность обстановки». Другая замеченная им традиция – гоголевская: «судьба маленького человека, но маленького в столкновении с большим» [Бем, 1925, с. 21].

Еще одна характерная черта литературного сегодня, по Бему, проявляется в том, что писатели отходят от эстетизации жизни: «нельзя современную жизнь, страшную и суровую, вынизывать бисером и рисовать завитушками», условности отпадают, не остается «ничего запретного, замалчиваемого, если надо сказать для главного». Происходящие в содержательной составляющей произведения изменения обуславливают и изменение отношения к языку: «Отказ от поэтических средств выражения (тропы) и поиски нового художественного воздействия путем слова, как такового. Обращение вновь к сокровищницам народного языка <...> стремление к строгости и сжатости языка в поэзии <...> сухость, а временами и непривычная смещенность синтаксиса». Затем Бем более подробно рассматривает отличительные черты современной поэзии и прозы. В поэзии это разорванность стиха, перебой ритма, отказ от классической рифмы, из-за чего возникает впечатление стирания границы между стихом и прозой, а это неверно, поскольку «поэзия прошла и впитала в себя всю изощренность предшествующей эпохи»; внимание к крупной поэтической форме и небрежение чистой лирикой, что легко объяснимо: «человек интересен не сам по себе, а в событии, не душевная статика, а динамика». В прозе же наблюдается кризис традиционной романной формы, на первое место выходят такие жанры, как рассказ и повесть, а в целом царит «разнобой и уход в крайности», и «трудно предсказать, какая форма в прозе в ближайшее время станет господствующей» [Бем, 1925, с. 21].

Такие главные черты «литературного сегодня» выделяет Бем в 1925 г. Перечисленные особенности, наличие или отсутствие этих черт окажутся важными для критика и позднее, при вынесении оценки художественных произведений в статьях тридцатых годов. К «литературному сегодня», каким оно ему виделось, Бем старался приобщить и молодых поэтов «Скита». Можно сказать, что рассмотренная выше статья является программной для работы Бема со «скитовцами». Она объясняет, почему для него оказываются значимыми черты «эпичности» в стихах Аллы Головиной, усеченная рифма у Эмилии Чегринцевой и другие частные стилевые характеристики произведений входящих в объединение поэтов, а также делает понятной непримиримость, с которой он выступал против апологета «чистой лирики» Адамовича.

В 1925 году Бем согласен с тем, что «литературное “сегодня” <...> ярче и определеннее сказывается в России, а не за ее пределами». Однако на основании этого нельзя делать вывод о том, что оно отсутствует в эмигрантской среде. Здесь «литературное сегодня» тоже существует и в будущем обязательно покажет себя: «Не может его не быть там, где живут тысячи молодых людей, переживших не меньше, если не больше, чем их сверстники в России», но эту молодежь нужно поддерживать. Чего не делают те, кто

полагает современной только литературу метрополии, наоборот, их мнение наносит вред, потому что «подрывает веру в свои силы начинающей литературной молодежи, творчески не менее здоровой, чем их собратья в России. Литературное “сегодня” там и здесь по существу характеризуется теми же свойствами, ибо судьба тех и других крепко спаяна с судьбой России» [Бем, 1925, с. 22–23].

Таким образом, уже в первых критических работах Бем, полемизируя о судьбах литературы в метрополии и эмиграции, вырабатывает свою собственную позицию. В литературном процессе он отводит важнейшую роль молодым литераторам-эмигрантам, тогда как большинство связывало свои надежды или с советской литературой, отображающей «новую Россию», или с писателями-эмигрантами старшего поколения, призванными сохранять классическую традицию (стоит сослаться на Зинаиду Гиппиус: «Мы не в изгнании, мы в послании»). В 1940 году выходит статья Бема «Русская литература в эмиграции», в которой он повторит то, что имелось им в виду полтора десятка лет назад, но выразалось иными понятиями: литературное «вчера» и «сегодня». В качестве литературы эмиграции «в узком смысле слова» должна рассматриваться «“молодая” русская литература, создававшаяся вне СССР», так как старшее поколение в эмиграции «в сущности только продолжало свою литературную деятельность», а для ряда этих писателей (например, для А.Н. Толстого или А.И. Куприна) эмиграция стала лишь временным этапом; до 1923 года примерно «вообще нельзя было провести строгой грани между литературой советской и эмигрантской». Но со временем эмигрантская литература «кристаллизовалась» как «нечто обособленное и отличное от литературы советской», и основная заслуга в этом «принадлежала молодому поколению писателей, сложившемуся уже в самой эмиграции» [Бем, 1996, с. 334]. Эта статья, которой завершается бемовский цикл писем о литературе, является не столько критическим разбором, сколько историко-литературным обзором. Авторские выводы и используемый им терминологический инструментарий лишены оценочности и полемичной заостренности, присущей ранним его работам, когда ставилось под сомнение само существование новой эмигрантской литературы и требовалось его доказывать, оценивая факты живого литературного процесса, а не завершившегося периода развития литературы.

Идея одинаковой значимости двух литературных потоков для всей русской культуры и ее будущего приводит к выводам о том, каких установок должна придерживаться критика в эмиграции. По отношению к литературе метрополии требуется внимательный и как можно более объективный взгляд, фиксирующий и анализирующий литературные явления и позволяющий определить траекторию развития русской литературы; а в литературной жизни эмиграции критик сам – активный ее участник,

поэтому на нем также, а не только на писателях, лежит ответственность за нее, за ее настоящее и будущее. Эти выводы не сформулированы Бемом со всей определенностью, тем не менее его критические работы написаны именно с таких позиций.

Список литературы:

- Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
Бем А.Л. Письма о литературе. Praha: Slovansky ustav, Euroslavika, 1996. 368 с.
Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
Бем А.Л. Мысли о современной русской литературе // Своими путями. 1925. № 6–7. С. 19–23. «Скит». Прага. 1922–1940: Антология. Биографии. Документы. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
Сорокина В.В. Формирование литературной критики русского зарубежья: берлинский период: дис... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Вера Владимировна Сорокина. Москва, 2010. 415 с.
Федякин С.Р. Полемика о молодом поколении в контексте литературы русского зарубежья // Русское зарубежье: приглашение к диалогу. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. 281 с. С. 19–28.

References:

- Aikhenva'l'd Yu.* Siluehty russkikh pisatelei [Silhouettes of Russian writers]. M.: Respublika, 1994. 591 p. (In Russian).
Bem A.L. Issledovaniya. Pis'ma o literature [Research. Letters on Literature]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 448 p. (In Russian).
Bem A.L. Mysli o sovremennoi russkoi literature [Thoughts on Modern Russian Literature] // Svoimi putyami. 1925. №6–7. P. 19–23. (In Russian).
Bem A.L. Pis'ma o literature [Letters on Literature]. Praha: Slovansky ustav, Euroslavika, 1996. 368 p. (In Russian).
Fedyakin S.R. Polemika o molodom pokolenii v kontekste literatury russkogo zarubezh'ya [The controversy about the younger generation in the context of the literature of the Russian abroad] // Russkoe zarubezh'e: priglashenie k dialogu. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2004. 281 p. P. 19–28. (In Russian).
«Skit». Praga. 1922–1940: Antologiya. Biografii. Dokumenty. M.: Russkii put', 2006. 768 p. (In Russian).
Sorokina V.V. Formirovanie literaturnoi kritiki russkogo zarubezh'ya: berlinskii period [The formation of literary criticism of the russian diaspora]: dis... d-ra filol. nauk: 10.01.01 / Vera Vladimirovna Sorokina. Moskva, 2010. 415 p. (In Russian).

Конюхова Елена Станиславовна
Лыткина Оксана Ивановна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Абрамова Галина Сергеевна
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Konyukhova Elena
Lytkina Oksana
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

Abramova Galina
Moscow City University
Moscow (Russia)

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ КУЛЬТУРА» В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE CONCEPT OF RUSSIAN CULTURE IN THE WORLD SPACE

В статье представлена попытка описания структуры и содержания концепта «Русская культура» в картине мира европейцев. Материалом исследования послужили результаты, полученные на материале проведенного опроса. Авторы интересовало, какую роль играет русская культура в современной жизни европейцев, знакома ли иностранная молодежь с русской литературой, живописью, театральными постановками и т.д. Результаты проведенного опроса среди иностранцев позволяют прийти к выводу, что большинство из респондентов знакомо с реалиями русской культуры и рассматривает культуру России как часть мировой культуры. Было установлено, что концепт «Русская культура» является универсальным для картин мира русских и европейцев. Содержание концепта представлено такими типами информации, как живопись, музыка, литература, театр и т.п. Западная и русская культуры всегда были тесно связаны, на протяжении долгого времени европейская культура оказывала влияние на русскую и наоборот. Русская культура всегда привлекала представителей разных стран, в связи с этим интересно проследить, какие изменения произошли в содержании концепта «Русская культура» на современном этапе. Выводы, к которым приходят авторы, однозначны: концепт «Русская культура» отражает духовное богатство нации и является частью не только национальной, но и мировой картины мира в целом.

The article presents a description of the structure and content of the concept “Russian culture” in the European view of the world. The material of the study was the conclusions obtained on the results of the survey. The authors were interested in the role Russian culture plays in the modern life of Europeans, whether foreign youth are familiar with Russian literature, painting, theatrical performances, etc. The results of the survey among foreigners allow us to conclude that most of the respondents are familiar with the realities of Russian culture and consider the culture of Russia as a part of world culture. It was found that the concept of Russian culture is universal for the worldviews of Russians and Europeans. The content of the concept is represented by such sources of information as painting, music, literature, theater, etc.

Western and Russian cultures have always been closely connected, for a long time European culture has influenced Russian and vice versa. Russian culture has always attracted representatives of different countries, in this regard, it is interesting to trace what changes have occurred in the content of the concept of “Russian culture” at the present stage. The conclusions reached by the authors are unambiguous: the concept of “Russian culture” reflects the spiritual wealth of the nation and is part of not only the national, but also the global landscape of the world as a whole.

Ключевые слова: концепт, картина мира, языковая картина мира, русская культура.

Key words: concept, global landscape, linguistic picture of the world, Russian culture.

Цель данной работы – описать концепт «Русская культура» в картине мира жителей Западной Европы. Впервые в отечественной лингвистике к понятию концепта обращается С.А. Аскольдов-Алексеев в статье «Концепт и слово». Ученый обращает внимание на самую важную сторону концепта – функцию заместительства, утверждая, что «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 269]. Говоря о природе концепта, исследователь подчеркивает связь концепта с художественным словом: «Слова в одном случае, не вызывая никакого познавательного «представления», понимаются и создают нечто, могущее быть объектом точной логичной обработки. В другом случае слово, не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения... В проблеме познания это «нечто» носит название «концепта», под которым надо разуметь два его вида: «общее представление» и «понятие». В проблеме искусства это «нечто» пока не связано с четким термином. Мы будем называть его «художественным концептом» с полным сознанием имеющихся в данном случае существенных отличий» [Аскольдов, 1997, с. 268]. В дальнейшем учение о концепте было развито Д.С. Лихачевым, указавшим на то, что концепт неравен слову и является результатом столкновения значения слова с личным опытом и опытом народа [Лихачев, 1997, с. 281]. Концепты в своей совокупности, по мнению Д.С. Лихачева, образуют концептосферу.

В настоящее время термин «концепт» получил широкое распространение в исследованиях, посвященных проблемам взаимосвязи языка, мышления и культуры. За последнее время был накоплен достаточный опыт описания концептов русской языковой картины мира в синхроническом, диахроническом и сопоставительном аспектах. Однако до сих пор среди ученых нет единства в понимании концепта и принципах организации его содержания и структуры [Лыткина, 2009]. Концепт рассматривают как лингвокогнитивное, психолингвистическое, лингвокультурное явление, абстрактное научное понятие, базовая единица культуры [Прохоров, 2008].

В данной работе в качестве рабочего было использовано определение концепта, данное Ю.С. Степановым: «Концепт – понятие, за которым в нашем сознании возникает давно знакомое содержание, это описание ситуации культуры» [Степанов, 2007, с. 19]. Содержание концепта не может быть приравнено к лексическому значению слова. Содержание концепта шире, «объемнее», чем содержание слова, которое в данном случае выступает лишь его наименованием («ярлыком»). При описании содержания концепта исследователь в крайне редких случаях может использовать весь набор лексико-семантических вариантов, составляющих семантическую структуру одного многозначного

слова; чаще всего содержание концепта передается системой лексико-семантических вариантов целого ряда слов.

Важен также вопрос о структуре и содержании концепта. Ю.С. Степанов отмечает сложность структуры концепта: «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия ..., с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов, 2001, с. 43]. Содержание концепта представлено разными когнитивными признаками, представляющими разные типы информации, организованными в своеобразный текст, ср., например, замечание Ю.Е. Прохорова о структуре и содержании концепта: «... любая совокупность именований концепта – невербальным, лексическим способами, использованием устойчивых конструкций и т.п. – образует текст, под которым мы понимаем совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей лингвокультурной общности. Этот текст может быть как угодно широк: в него входят и исторически сложившиеся элементы и элементы, связанные с правилами сегодняшнего дня; в нем есть элементы, относящиеся ко всем типам коммуникативных пространств, в которых личность вступает в общение средствами данного языка (от планетарного до личного пространства)» [Прохоров, 2008, с. 142].

Важным также для нашей работы является деление концептов на большие/базовые/основные и малые/неосновные/небазовые. Малые концепты, выполняющие роль конкретизаторов, – необходимое окружение большого концепта. Они представляют собой «закрытый набор слов, связанных с основным концептом общим (единым) понятием, но своим лексическим значением дополняющих это понятие некими существенными элементами. Эти дополняющие элементы распределены между малыми концептами и, будучи представленными в определенной совокупности, позволяют вывести расширенное определение концепта уже не просто как понятийной данности, а как данности, способной принимать в себя множество дополнительных характеристик» [Шведова, 2006, с. 508].

Поскольку концепт обладает сложной, слоистой и многомерной структурой, то, говоря о концепте «Русская культура», мы всегда имеем в виду множество реальных понятий, относящихся к музыке, живописи, архитектуре, поэзии, театру, кино и т.п., которые сами будут представлять собой концепты. Это малые концепты, которые являются окружением большого концепта (макроконцепта) «Культура». Макроконцепт «культура» строится из концептов, содержание которых известно каждому человеку в мире независимо

от того, в какой стране он проживает⁶⁹. Языковое общение и понимание между собеседниками невозможно без заместительной способности концептов. Например, В.В. Красных отмечает, что концепт, являясь «свернутой смысловой структурой текста», «служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой стороны – конечной целью при его восприятии» [Красных, 1998, с. 202]. Таким образом, концепт «Культура» помогает преодолевать трудности в коммуникации, так как многие предметы, возникающие в нашем сознании, будут, вероятно, связаны с искусством: театром, литературой, музыкой, кино, живописью и т.д. Концепт «культура», вызывая в сознании людей образы, воспоминания, эмоции и т.д., связанные с искусством, получает возможность собственного истолкования аудиторией и служит базой для порождения новых представлений. Конечно, каждый концепт, в том числе и концепт «Культура», может быть по-разному интерпретирован в зависимости от ситуации общения, традиций и исторического опыта нации и т.д.

В данном исследовании авторы рассматривают концепт «Русская культура» как часть следующего понятийного ряда: русская литература, живопись, театр, балет, музыка. Для того чтобы выяснить, как представители разных стран понимают русскую культуру, какое содержание вкладывают в это понятие, отличаются ли эти представления от представлений русских людей, обратимся к результатам опроса, проведенного среди респондентов, проживающих в европейских странах. Было опрошено 50 человек в возрасте от 18 до 65 лет. Респондентам предлагалось ответить на вопросы о русской литературе, живописи, театре, кино и т.д., чтобы выяснить содержание концепта «Русская культура».

В первую очередь участниками предложили ответить на вопрос, знакомы ли они вообще с русской литературой, с творчеством русских писателей. В ответах респонденты назвали имена Гоголя, Солженицына, Пушкина, Пастернака, Набокова, Чехова, Булгакова. Удивительным может показаться то, что один из участников даже упомянул Кропоткина. Практически все опрошиваемые упомянули Гоголя, Достоевского и Пушкина. На вопрос, какие произведения русских писателей они читали, были даны различные ответы. Только 14% опрошенных вообще не читали произведений русской литературы. Большая часть опрошенных (86%) читали такие произведения, как «Анна Каренина», «Капитанская дочка», «Пиковая дама», «Братья Карамазовы», «Шинель», «Собачье сердце» и «Вишневый сад».

⁶⁹ Например, среди ассоциаций на слово-стимул «культура» были отмечены: *искусство, театр, речь, музыка, кино, книги, балет, скульптура, живопись* и др. (См. Словарь ассоциаций русского языка онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinonim.org/as/культура>).

21% опрошенных отметили, что ни одно произведение из прочитанных им не понравилось, 65% участников анкетирования ответили, что им понравились лишь некоторые из произведений, которые они прочитали, а именно: «Капитанская дочка», «Анна Каренина», «Собачье сердце»; 14% отметили, что им понравились все произведения, которые они прочитали. Примечательно, что среди прочитанных произведений никто не дал ответ, что им понравился роман Л.Н. Толстого «Война и Мир». На вопрос, хотели бы вы больше узнать о русской литературе, все участники дали положительный ответ. Вызывает интерес тот факт, что все респонденты незнакомы с произведениями современных российских писателей и никогда не читали их. В то же время, высказывая свое мнение по поводу, нужно ли переводить книги российских писателей на иностранные языки, все участники опроса ответили утвердительно.

Следует отметить, что 92,9% опрошенных отметили, что было бы полезно, если бы книги русских писателей переводили на иностранные языки, однако 7,8% заметили, что во время перевода может быть утерян значительный смысл произведений. На вопрос, будет ли интересно вам прочитать эти книги в переводе, также 92,2% опрошенных ответили положительно, и только 7,9% опрошенных предпочли бы прочитать произведения в переводе с возможностью сравнить их с оригиналом на русском языке.

Далее участникам был задан вопрос, нравится ли им русский театр. 42,9% респондентов отметили, что они любят русский театр, 28,6% ответили, что нет, и одинаковое количество участников ответили, что они «не смотрели пока» (7,12%), «никогда не смотрели» (7,12%), «никогда и не пробовали посмотреть» (7,12%) и «не знаю» (7,12%). Среди театральных постановок, которые видели, большинство участников опроса отмечают пьесы Чехова «Дядя Ваня», «Вишневый сад» и «Три сестры». 14% респондентов отметили, что они незнакомы с русскими театральными постановками.

На вопрос, нравится ли вам русский балет, большая часть участников опроса ответили положительно, однако 16% опрошенных отметили, что русский балет им не нравится. 28% опрошенных отметили, что они не смотрели ни одного русского балета. 72% опрошенных смотрели некоторые русские балеты: были отмечены «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта», «Жизель», «Щелкунчик». 72% опрошенных, которым удалось посмотреть российские балетные спектакли, отметили, что все они им понравились.

Интерес представляют мнения иностранных респондентов о русской живописи. 35% отметили, что они вообще незнакомы с картинами русских художников. 75% опрошенных отметили, что знакомы с творчеством таких художников, как Репин, Шагал, Малевич, Кандинский, Репин и Кустодиев. 57% не смогли назвать любимую картину русского

художника, 43% перечислили следующие картины: «Черный квадрат», пейзажи Левитана и «Купчиха за чаем» Б. Кустодиев.

На вопрос, хотели бы вы посетить выставку русских художников у себя на родине, 85,7% опрошенных были бы рады посетить выставку русских художников в своей стране; 14,3% отметили, что им это было бы не интересно.

На предлагаемый вопрос, каких русских композиторов вы знаете, только один участник опроса ответил, что не знает ни одного русского композитора, остальные участники опросники назвали следующих композиторов: Чайковский, Мусоргский, Стравинский, Рахманинов, Шостакович. 50% опрошенных не смогли назвать ни одного произведения русских композиторов, остальные 50% опрошенных назвали следующие произведения: «Вальс цветов», «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Золушка», «Ленинградская симфония», «Прелюдия до диез минор». В то же время 42% не смогли назвать ни одного известного русского музыканта-исполнителя. 58% смогли назвать только современных музыкальных исполнителей, таких как Би-2, группа «Ленинград», Дима Билан, группа «Кино», и только один опрошенный назвал Сергея Рахманинова как одного из известных русских исполнителей.

На вопрос, хотели бы вы сходить на концерт русской музыки, 50% ответили, что они, безусловно, хотели бы; 14 % не хотели бы посетить концерт русской музыки и 14% не смогли однозначно ответить на данный вопрос, желание 12% опрошенных будет зависеть от жанра музыки, которая будет исполняться на концерте.

Самым трудным для информантов стал вопрос, какую роль играет русская культура в мировом пространстве, поскольку он требовал развернутого ответа. Приведем некоторые ответы⁷⁰.

Участник №1

Россия была страной, игравшей центральную роль в европейской культуре во всех областях. Сейчас это кажется гораздо менее значимым, чем раньше. Но эта историческая связь всегда будет вызывать у молодых любознательных умов в Европе романтическое отношение к России. Для меня это точно так.

Участник №2

Классическая литература, которая имеет значение для тех, кто ее не читал, часто упоминается в британских газетах и т.д. Существует высокая важность русской культуры для дипломатического понимания, чтобы иметь большее культурное понимание.

⁷⁰ Здесь дается буквальный перевод ответов участников опроса (перевод мой – Г.А.).

Участник №3

Русские писатели и философы, такие как Карл Маркс, сыграли важную роль в развитии европейской мысли. Россия также оказала влияние на классическую музыку, балет и спорт.

Участник №4

Я думаю, что русская культура не играет большой роли в мире. Не так велика, как, например, японская или американская.

Участник №5

Большую роль русская культура играет в Восточной Европе и Центральной Азии. Но практически неизвестна в западном мире.

Участник №6

Русская культура играет важную роль на востоке и в странах бывшего СССР.

Участник №7

Я думаю, что русская культура играет важную роль, особенно в наши дни, потому что она очень важна и эмансипирована.

Участник №8

Я думаю, что русская культура очень высока в традициях, но она также очень современна и нова в антиподах традиций, например в атмосфере русского техно.

Участник №9

Она оказала большое влияние на литературу, балет и классическую музыку, которую знают во всем мире.

Участник №10

Русская культура известна во Франции своим разнообразием из-за различий между регионами, она также известна русскими коврами и алкоголем. А также благодаря очень красивым балетным и театральным школам.

Участник №11

Я думаю, что русский язык немного скрыт, молодые люди Франции не очень много знают о России. Мы знаем только, науку и космологию.

Итак, содержание концепта «Русская культура» отличается многообразием и богатством типов представленной в нем информации, что объясняется долгим, многовековым процессом формирования культуры русского народа. Безусловно, этот процесс во многом происходил под влиянием западноевропейской культуры, так же, как очевидно и то, что русская культура оказала влияние на европейскую (можно даже сказать

на мировую) культуру. Следовательно, концепт «Русская культура» является частью не только национальной, но и мировой картины мира в целом.

Список литературы:

- Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание, Коммуникация). М. Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1998. 350 с.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
- Лыткина О.И.* Проблемы изучения концепта в современной лингвистике // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 67–80.
- Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. 170 с.
- Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 900 с.
- Шведова Н.Ю.* К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: Сб. статей. М.: РУДН, 2006. С. 506–510.

References:

- Askol'dov S.A.* Koncept i slovo [Concept and word] // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya / Pod red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 1997. P. 267–279. (In Russian).
- Krasnyh V.V.* Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie, Kommunikaciya) [Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness, Communication)]. M. Izd-vo AO «Dialog-MGU», 1998. 350 p. (In Russian).
- Lihachev D.S.* Konceptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language] // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya / Pod red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 1997. P. 280–287. (In Russian).
- Lytkina O.I.* Problemy izucheniya koncepta v sovremennoj lingvistike [Problems of studying the concept in modern linguistics] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Filologicheskie nauki. 2009. № 4. P. 67–80. (In Russian).
- Prohorov Yu.E.* V poiskah koncepta [Looking for a concept]. M.: Flinta: Nauka, 2008. 170 p. (In Russian).
- Stepanov Yu.S.* Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii [Concepts. Thin film of civilization]. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007. 248 p. (In Russian).
- Stepanov Yu.S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. M.: Akademicheskij Proekt, 2001. 900 p. (In Russian).
- Shvedova N.Yu.* K opredeleniyu koncepta kak predmeta yazykoznanija [To the definition of the concept as a subject of linguistics] // Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira: Sb. statej. M.: RUDN, 2006. P. 506–510. (In Russian).

Криворотова Эльвира Владимировна
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Krivorotova Elvira
Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)

**ОВЛАДЕНИЕ ОБУЧАЮЩИМИСЯ СОДЕРЖАНИЕМ ПОНЯТИЯ
«МНОГОЗНАЧНОСТЬ» И ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКА**

**MASTERING THE CONTENT OF STUDENTS OF THE CONCEPT
OF POLYSEMATION AND FORMATION OF
LINGUO-CULTUROLOGICAL COMPETENCE OF THE GRADUATE**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой овладения обучающимися содержанием понятия «многозначность» в процессе языкового образования, а также с проблемой формирования лингвокультурологической компетенции выпускника. В качестве эффективного средства достижения понимания способов переноса и причин возникновения нового значения слова автор предлагает познавательные задачи, построенные с использованием лексического материала.

The article deals with issues related to the problem of mastering the content of the concept of “polysemy” by students in the process of language education, as well as the problem of forming the linguo-culturological competence of a graduate. As an effective means of achieving an understanding of the methods of transfer and the reasons for the emergence of a new meaning of a word, the author proposes cognitive tasks built using lexical material.

Ключевые слова: изучение лексических понятий, многозначность, способы переноса, лингвистическое мышление, познавательные задачи.

Key words: study of lexical concepts, polysemy, transfer methods, linguistic thinking, cognitive tasks.

Как известно, в русском языке наличествует огромное количество слов, имеющих в своей семантической структуре несколько лексических значений. С одной стороны, многозначность часто рассматривается как важнейшее средство экономии словарного состава языка. Но с другой стороны, и это наиболее важно для процесса наиболее полного и глубокого овладения языком, усвоение многозначности и основанной на этой многозначности метафоричности языка есть средство достижения понимания ментальности русского народа.

Анализ тех значений, которые имеет слово, позволяет сделать вывод о том, что явление многозначности обусловлено природой логического, а точнее, ассоциативного мышления человека, которое отражает то общее, что имеется у предметов реальной действительности. Сходные признаки предметов привлекают к себе внимание человека, и в его сознании происходит объединение предметов по этим признакам, благодаря чему носители языка в процессе называния получают возможность переносить название с одного предмета на другой.

Кроме того, слова, будучи названиями предметов, явлений, по-разному с ними связаны: одни непосредственно, другие опосредованно. Например, слово *лапа* в значении «нога или ступня у некоторых животных и птиц» к предмету относится непосредственно, а значение «ветвь хвойного дерева» отражает опосредованную связь, поскольку это значение возникло на базе первого, благодаря внешнему сходству двух предметов. Отсюда в слове разграничивают *прямое* значение и *переносное*.

Именно механизм процесса переноса, который происходит как при сходстве между предметами, отмеченном нашим ассоциативным мышлением, так и при наличии связи между ними, часто остается не осознанным обучающимися.

Как известно, перенос наименования по сходству происходит в том случае, если между предметами обнаруживается внешнее сходство или им присущ какой-то скрытый общий признак. Например, цветок колокольчик назван так потому, что он похож на маленький колокол.

Встречаются случаи, когда при переносе названия с одного предмета на другой учитывается их местоположение или функция. Например: *подошва сапога* и *подошва горы*.

Таким образом, кроме экономии языковых средств и несомненного показателя богатства языка, наличие многозначности, несомненно, свидетельствует об образности мышления носителей языка, закрепленной в языке, поскольку все значения слова «вне зависимости от его данного употребления <...> присутствуют в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность». Именно таким образом и происходит понимание многозначного слова в устной речи, а при чтении обеспечивается контекстом, о чем писал в свое время В.В. Виноградов.

К сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать тот факт, что школьники, даже носители русского языка как родного, а не только обучающиеся-билингвы, в большинстве своем испытывают определенные затруднения в процессе выявления причин возникновения переносного значения слова, затрудняются объяснить или соотнести с контекстом то или иное значение слова, являющегося многозначным.

Все это объяснимо многими факторами, но наличие даже объективных факторов не умаляет негативных последствий данного положения вещей для становления языковой личности, как первичной, так и вторичной. Известно, под языковой личностью понимается «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности» [Караулов, 1997, с. 671].

И в этой связи низкий уровень понимания переносных значений выступает одним из негативных факторов, объясняющих отсутствие или снижение возможности использования в производимых текстах системных средств языка для отражения понимания и адекватной интерпретации окружающей действительности говорящим или пишущим, то есть, по сути, речь идет об отсутствии лингвокультурологической компетенции.

Таким образом, поскольку русский язык, несомненно, есть «сосредоточение культурных концептов» [Дейкина, 2019, с. 27], а концепт есть понятие обыденной философии, которое является результатом взаимодействия фольклора, религии, национальных традиций, ощущений и ценностей, то является очевидным, что полноценное употребление языка невозможно без знания всей системы культурных ценностей, отраженных в языке – традиций, обычаев, социальных установок, то есть того культурного опыта, который составляет своеобразный «культурный багаж» представителя определенного социума. Значительную часть этого багажа составляет именно владение лексикой русского языка. Изучение и освоение этого важного раздела русского языка несомненно, способствует и развитию лингвистического мышления обучающихся, которое понимается нами как качественно новое личностное, возникающее в процессе изучения языка [Криворотова, 2019, с. 7], что связано с тем, что при изучении теории языка, в данном случае, сведений о фразеологии, и в процессе овладения лингвистическими умениями, связанными в нашей ситуации с раскрытием значения и с употреблением фразеологических единиц, повышается интерес к изучению языка.

В основополагающих образовательных документах при этом отмечается, что важнейшей целью изучения русского языка в школе является формирование умений выбирать адекватные языковые средства для успешного решения коммуникативных задач. Следовательно, при условии достижения обозначенной цели мы можем говорить о сформированности у обучающихся лингвистической компетенции, а, если смотреть шире, то, возможно, и о достижении определенного уровня сформированности компетенции лингвокультурологической, о наличии которой свидетельствует именно уровень владения лексико-фразеологическим богатством языка.

Именно благодаря тому, что в преподавании русского языка как родного «на всех этапах обучения может быть представлен ценностно-смысловой компонент, служащий развитию языковой личности, способствующий формированию жизненно важных смыслов» [Дейкина, 2019, с. 27], реализуются возможности становления у обучающихся лингвокультурологической компетенции. Именно в этой связи еще более возрастает значимость учебного предмета «Русский язык», занимающего важнейшее место в системе гуманитарной подготовки подрастающего поколения, поскольку, раскрывая сущность

знаний о языке как системе и создавая базу лингвистического образования, он не только способствует осознанному овладению устной и письменной речью и пониманию важности способности вырабатывать и формулировать мысли, но в значительной степени именно в процессе изучения лексики и овладения понятием многозначности, лежащем в основе образования как образной, так и когнитивной метафоры, происходит приобщение обучающихся к национальной культуре русского народа. Это обусловлено тем, что, поскольку лингвокультурологическая компетенция включает в себя знание культурной специфики и национальной самобытности народа, то в первую очередь она отражается посредством языка, лексикона, дискурсных моделей, уместности и эффективности их использования, что оказывает огромное влияние на процесс межкультурной коммуникации.

Как же происходит образование многозначности? На основании каких мыслительных процессов носителей языка это происходит? На какие моменты необходимо обращать внимание обучающихся в процессе ознакомления с понятием многозначности? Как известно, многозначность, или полисемия, возникает при переносе названия одного предмета, признака или процесса на другой на основе ассоциативной общности каких-либо свойств, а ассоциация, если говорить коротко – это отражение в сознании взаимосвязей предметов и явлений действительности. Но при этом метафора, возникающая на основе переноса, очень часто, даже почти всегда связана с ментальностью. Классический пример – слово *змея*. Мы помним, как Софья Фамусова говорит об известном нам герое Александре Андреевиче Чацком: «*Не человек – змея!*», вкладывая в это слово значение *человек, острый на язык и даже обладающий ядовитым языком*, которое понятно каждому носителю русского языка как родного. Но у носителя восточной ментальности данная метафора может наполниться и, скорее всего, наполнится совершенно иным смыслом. Или, к примеру, поскольку, согласно юго-восточным легендам (и нам хорошо известно прекрасное стихотворение А.С. Пушкина), дерево анчар является смертоносным для всего живого, то, назвав какое-то явление анчаром, носитель восточной ментальности тем самым перенесет на это явление свое видение этих ядовитых свойств дерева, а это видение будет столь же понятным людям его ментальности, тогда как носители языков, в которых анчар не является символом смерти и разрушения, сути появления нового значения могут не уловить.

Как нам представляется, важнейшим моментом в построении работы над пониманием явления многозначности, должно стать обращение к понятию *лексическое значение слова*, которое, как известно, есть отражение любого явления действительности, будь то предмет (*дерево, книга, корабль*), будь то процесс (*читать, думать, бежать, ориентироваться*), будь то свойство предмета (*странный, неожиданный, быстрый*) или

свойство процесса (*странно неожиданно, быстро*), а также отражение отношения, выраженного предлогом или союзом (*на, около, вследствие; и, но, потому что*) в форме понятия.

При этом, даже работая с приведенными выше примерами, мы можем достичь неплохого эффекта в направлении работы, связанной с пониманием процесса возникновения переносных значений: *книга* как предмет и *открытая книга* о том, что абсолютно понятно; *корабль* как морской транспорт и *корабль* как символ судьбоносного продвижения человека по жизни, а также перенос имеет место и в выражении, по сути, во фразеологизме, *сжечь свои корабли.*, то есть, *отрезать все пути к отступлению*.

Очень важно достичь понимания обучающимися того момента, что лексическое значение слова может включать не только обыденное понятие (*день, дерево, заря*) и не только научное понятие (*тангенс, котангенс, крекинг, субстантив, адъектив*), но что лексическое значение слова может включать те самые коннотации, то есть новые, ситуативно возникающие значения (например, *лиса*, если речь идет о хитром человеке).

Здесь очень важен момент, связанный с пониманием отнесенности слова к тому или иному типу лексического значения. В данном случае мы должны сфокусировать свое внимание именно на типе номинативности, где мы наблюдаем оппозицию *прямое и переносное значение слова*, что очень часто является камнем преткновения для обучающихся. Думается, что для достижения понимания данного момента целесообразно использовать познавательные задачи, например:

ПЗ. Что изменилось в лексическом значении слова *плесень* во втором предложении?

1. *Суровый окрик, дегтя запах свежий, таинственная плесень на стене...*

(А. Ахматова)

2. *Не страшно стареть, страшно, если душа зарастет плесенью.*

ПЗ. Как вы думаете, что изменилось в лексическом значении слова *огонь* во втором предложении?

1. *По осеннему полю ходил одинокий журавль.*

2. *На фоне далекого леса виднелся журавль колодца.*

Поскольку процесс системного изучения лексики отчетливо обозначил многие проблемы в классификации видов многозначности слова, то, наряду с общепринятыми видами многозначности (метафорой, метонимией, регулярной / нерегулярной многозначностью и т.д.), ученые отмечают особый вид – многозначность производного слова, обусловленную многозначностью производящего. Организация работы с этим видом

многозначности является, как нам представляется, с одной стороны, наиболее сложной, а с другой – наиболее продуктивной, поскольку дает возможность привлечения сразу нескольких лексических понятий в сферу рассуждения.

Так, например, процесс решения предлагаемой познавательной задачи дает возможность в процессе выявления лексического значения многозначного слова обратиться и к тому антонимическому ряду, который наблюдается у этих слов в зависимости от реализуемого в тексте лексического значения.

ПЗ. Как вы думаете, в одинаковых ли значениях употреблено в следующих предложениях слово *свежий*?

1. Суровый окрик... дегтя запах *свежий*... (А. Ахматова)

2. В окна с севера задувал *свежий* ветер.

3. Из пекарни принесли *свежий* хлеб.

4. Погляди хоть ты!

Словно кто-то тороватый

Свежей, белой, пухлой ватой

Все убрал кусты (А. Фет).

Таким образом, благодаря тщательной работе над значением слова, обучающиеся могут усвоить не только способ переноса значения, но и узнать некоторые особенности, связанные с русской культурой и бытом.

Список литературы:

Дейкина А.Д. Аксиологическая методика преподавания Русского языка. М., 2019. 212 с.

Криворотова Э.В. Развитие лингвистического мышления школьников-билингвов. М.: «Экон-Информ», 2019. 111 с.

Энциклопедия «Русский язык» / под ред. Ю.Н. Караулова. 1997.

References:

Deikina A.D. Aksiologicheskaya metodika prepodavaniya Russkogo yazyka [Axiological methods of teaching the Russian language]. M., 2019. 212 p. (In Russian).

Krivorotova Eh.V. Razvitie lingvisticheskogo myshleniya shkol'nikov-bilingvov [Development of linguistic thinking of bilingual schoolchildren]. M.: «Ehkon-InforM», 2019. 111 p. (In Russian).

Ehntsiklopediya «Russkii yazyk» [Encyclopedia “Russian language”] / pod red. Yu.N. Karaulova. 1997. (In Russian).

Кульгавчук Марина Викторовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulgavchuk Marina
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

В ПОИСКАХ НРАВСТВЕННОЙ НОРМЫ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

IN SEARCH OF A MORAL NORM: SOME FEATURES OF MODERN RUSSIAN LITERATURE

В данной статье рассматриваются некоторые особенности современной русской прозы. На примере произведений различных писателей анализируются тенденции, которые определяют движение литературного процесса. Проявление в текстах произведений отношения авторов к системе нравственных ценностей может быть различным, определяется их тематикой и проблематикой. «Женской прозе» последних лет свойственно стремление раскрыть особенности женского характера. История любви или ее ожидания часто составляет основу сюжета. Внимание к деталям обычной жизни и одновременное стремление подчеркнуть связь человека с вечностью – вот характерные черты этого направления. Уход в историю в поисках героя современности – так можно охарактеризовать еще одну особенность современной прозы. Изображение прошлого (в том числе и его альтернативных вариантов) привлекает многих современных писателей, что можно рассматривать как своеобразный уход от реальности. Популярным жанром в современной русской прозе стал роман-биография. Часто обращение к биографии известного писателя дает автору возможность найти в реальном творческом человеке своего идеального героя, в котором отражены представления о нравственности.

This article deals with the certain issues of modern Russian literature, analyzing the trends that determine the movement of the literary process, using the example of the works of various writers. The expression of the authors' attitude to the system of moral values in the texts of works can be different and is determined by their themes and problems raised. The women's writing of recent years is characterized by the desire to reveal the peculiarities of the female character. The story of love or its expectations often constitutes the basis of the plot. Attention to the details of ordinary life and the simultaneous desire to emphasize the connection of a person with eternity – these are the characteristic features of this genre. Search of a modern hero in historical circumstances is another feature of modern literature. The image of the past (including its alternative variants) attracts many modern writers and can be considered as a kind of escape from reality. A popular genre in modern Russian literature has become a novel-biography. Referring to the biography of a famous writer often gives the author the opportunity to find his ideal hero in a real creative person, which reflects a sense of morality.

Ключевые слова: современный литературный процесс, нравственная норма, «женская проза», отражение истории в литературе, роман-биография.

Key words: modern literary process, moral norm, women's writing, reflection of history in literature, novel-biography.

Анализ современного литературного процесса безусловно воспринимается как задача, с трудом поддающаяся осмыслению. Слишком много имен, тем, направлений. По подсчетам Сергея Чуприна [Чуприн, 2007] еще в 2018 году писателей было в 12 раз больше, чем когда-то в СССР. Авторов, которые проявили себя в интернете, разумеется, намного больше: Проза.ру содержит сведения о 254.589 авторах, Стихи.ру – о 712.145. В

картотеке С.И. Чупринина, известного критика и литературоведа, значится 120 тысяч авторов, выпустивших хотя бы одну книгу.

Подобные цифры могут стать тревожным сигналом – как все это соотносится с качеством предлагаемых текстов, не превращается ли наша страна из самой читающей в мире в самую пишущую? Нельзя не отметить, что наличие большого количества авторов одновременно и облегчает, и усложняет задачи исследователей. Сложно выбрать тех авторов, которых нельзя пропустить, так как они сказали то самое «слово». И в то же время – всех не перечитаешь и не проанализируешь. Но осознать, в каком направлении движется этот не слишком управляемый, к счастью, литературный процесс, вполне возможно. Может быть, именно для того, чтобы увидеть, как в творчестве писателей отражается наша действительность – «век» и «современный человек».

Мы не ставим перед собой задачу предложить идеальную схему анализа современной литературы. Интересно проследить, как некоторые общие тенденции проявляются в произведениях, которые уже привлекали внимание и критиков, и читателей. Когда-то, в советские времена, анализ современного для той эпохи литературного процесса укладывался в весьма удобную схему. Основные направления современной литературы определялись как военная и деревенская проза, отмечалось также присутствие городского (в более узком понимании – производственного) романа. Наличие цензуры, создавая определенные рамки, в известной степени «оттачивало» мастерство писателей, которые были вынуждены стремиться к идеальному сочетанию формы и содержания.

Современные русскоязычные писатели – люди, для которых рамки цензуры, – это давно прошедшее и не затронувшее их прошлое. Далеко не все из них живут на территории России и даже в странах постсоветского пространства. Конечно, больше всего их в России, на Украине и в Белоруссии – впрочем, события, происходившие на Украине еще в течение последних десяти лет, ставят под вопрос сам факт существования русскоязычной литературы в этой республике. Заметим, что и авторами «дальнего зарубежья» создаются вполне достойные произведения, в некоторых странах существуют писательские организации, в которые входят авторы, пишущие по-русски. В Израиле, например, официально числится в Союзе русскоязычных писателей около двухсот человек. Существуют также союзы русскоязычных писателей Чехии, Германии, Северной Америки.

В этом смысле русская литература вошла в мировое культурное пространство, но во многих случаях взаимодействует с русскоязычными же читателями. Хотя стоит отметить, что определенный процент современных авторов переводится на иностранные языки.

Говоря о тематике произведений авторов, пишущих по-русски, хочется увидеть некое объединяющее начало, нечто такое, что напоминало бы ситуацию в русской прозе

XX, а возможно, и XIX века. Именно тогда, при всем разнообразии тем, которые оказывались в центре внимания писателей: маленький человек, непростые любовные переживания, чиновничий произвол, русский бунт, нравственные искания интеллигенции – главным оставался интерес к человеку, его отношение к системе нравственных ценностей, изменения, которым он подвергается под влиянием «жесточкого века» и «жесточких сердец», что мы увидели еще в «Маленьких трагедиях» А.С.Пушкина. Название данной статьи не случайно содержит в себе упоминание о нравственной норме – именно ее поиск, осмысление важности этого понятия в жизни человека и человечества лежит в основе идей главных произведений XIX века. Об этом сказал в своей «Пушкинской речи» Ф.М.Достоевский, словами «Смирись, гордый человек!» призывая современников о норме не забывать [Достоевский, 1988]. А И.А. Гончаров еще за двадцать с лишним лет до этого вложил в уста своего Обломова призыв к современным писателям: «Протяните руку падшему человеку... и тогда я стану вас читать» [Гончаров, 1987].

Объединяет ли современных нам авторов, пишущих по-русски, стремление к обретению нравственной нормы или к поискам героя, по отношению к которому это понятие применимо?

Мы обратимся к некоторым именам и попробуем выделить определенные направления.

Говоря о литературе последних лет, сложно не сказать о «женской прозе». Женщины, пишущие о женщинах, знают «предмет изображения», делают это талантливо, глубоко проникая в загадочный русский и к тому же женский характер. Разумеется, «женская проза» (как и поэзия) появилась не вчера. Еще до Ахматовой, признавшей, что она «научила женщин говорить», писательницы занимали свою нишу в литературе, и не только в русской. Женская проза отличается лиризмом, особым, женским взглядом на мир. Без истории любви или истории вечного ее ожидания сюжеты таких произведений не обходятся. Не всегда представительницам данного направления удается избежать сосредоточенности на судьбе конкретной героини и ее «микротрагедии» и выйти за пределы традиционного любовного романа, но есть книги, которые выделяются на фоне женских историй, – романы Марины Степновой «Женщины Лазаря» и «Сад», Елены Чижовой «Время женщин», Елены Катишонок (живущей в США), Наринэ Абгарян, привлекают внимание произведения Людмилы Улицкой и Дины Рубиной. Объединяет этих очень разных и неравнозначных авторов желание расширить рамки частной жизни и показать связь судьбы человека с историей. Именно поэтому читатели не остаются равнодушны к саге об истории старообрядческой семьи, которая показана в романе Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой».

В романе Марины Степновой «Женщины Лазаря» в центре внимания автора – судьба гения, оказавшегося частью системы. События романа связаны с судьбой самого Лазаря и ненавидящей его женщины, жены Галины Петровны. Если здесь мы видим женский взгляд на события XX века, то в последнем романе Степновой – «Сад» – перед нами картины жизни дворянской жизни XIX века. Размеренная жизнь князей Борятинских нарушается рождением нежданного позднего ребенка – Туси, чье отношение к миру и жизненная позиция очень непохожи на взгляды людей «того круга». В романе Степновой, к сожалению, есть то, что свойственно современному искусству в целом – стремление выиграть битву за интерес читателя. Желающие поностальгировать о прекрасном прошлом, любители свободы во всех ее проявлениях, страдающие феминистки – все могут подумать, что роман создан специально для удовлетворения их интересов. Пожалуй, Дина Рубина и Людмила Улицкая в подобном «разнотемье» преуспели еще больше. Задолго до появления в нашей стране большого количества защитников ЛГБТ Улицкая показала страдания матери, сын которой расстроил ее своей ориентацией, а затем осознание ею некой нравственной нормы в том, как он живет («Даниэль Штайн, переводчик»). Разумеется, автор волен выбирать интересующие его темы, и в романе Улицкой, главный герой которого переводчик-еврей, выдававший себя за немца и сумевший спасти от неминуемой гибели многих людей, – это несомненная удача писательницы. Но бросается в глаза явное желание автора понравиться всем, кто будет читать книгу, и это, к сожалению, снижает художественный уровень произведения. Тем много, соединить же несколько историй в одну после Лермонтова и Л.Н.Толстого удавалось немногим. Следующие работы Улицкой не всегда отражали стремление выразить себя в большой форме, это можно сказать лишь о романе «Лестница Якова», который, при всей занимательности сюжета, прежде всего является «семейной сагой».

Уверенно чувствует себя на фоне современного литературного процесса Анна Матвеева. Критика порой весьма снисходительно высказывалась о ее книгах, но читатели сразу оценили простые женские истории. Заметим, что вошла Матвеева в литературу с отнюдь не женской темой – еще в 2001 году был написан «Перевал Дятлова» – о таинственной гибели группы туристов на Урале, загадка которой не разгадана до сих пор. Женские истории, о которых было уже сказано, появились позднее и внимание привлекли: «Завидное чувство Веры Стениной» – безусловное тому доказательство. История двух женщин – Веры и Юльки, их погони за счастьем и осознания его призрачности – вот то, что сказала Матвеева о жизни. Герои совершают ошибки, но остаются людьми, для которых существует дружба, любовь, а значит и нравственность. И несомненной удачей можно назвать последний роман – «Каждые сто лет. Роман с дневником». История двух женщин,

писавших дневники с разницей в сто лет – в конце XIX и в конце XX века, причем дневники эти вступают в своеобразный диалог, а повороты судеб странным образом перекликаются. Фактографическая точность деталей не делает текст сухим, авторы дневников предстают как живые люди. Кстати, именно эта книга вошла в длинный список самой престижной сегодня российской литературной премии «Большая книга» за 2022 год.

И еще одно имя хотелось бы упомянуть – Наринэ Абгарян, которая вошла в литературный процесс как автор разных по направленности и адресованных разному читателю книг, но, несомненно, достойных. Цикл на первый взгляд детских книг о Манюне, трагическое описание войны в Карабахе («Люди, которые всегда со мной») и глубокое и тонкое полотно «С неба упали три яблока». Именно в этой книге рассказ об обычной жизни простых людей в забытой Богом армянской деревне раскрывает перед читателем идеальный мир, герои которого умеют ощутить свою связь с вечностью и со всеми людьми. Главная героиня, Анатолия, в начале книги показанная как человек, ожидающий скорой смерти, в конце истории предстанет перед нами познавшей счастье любви и материнства, а в селе, история которого, как могло показаться, закончилась, начнется новая эпоха. Гармония и счастье, которые обретают герои книги, – это награда людям, сохранившим в душе нравственные законы.

Иногда, правда, писательница увлекается деталями «обычной» жизни, узнаваемыми реалиями и желанием повеселить читателей. Это проявилось и в последней книге писательницы – романе «Симон». Истории женщин, любивших одного мужчину и вспоминающих о нем после его смерти – так кратко можно изложить сюжет. Размышления о том, что такое любовь, и о том, что остается после ухода человека из жизни, – и это можно найти в книге. Как и в других книгах Абгарян, юмор писательницы привлекает и развлекает, не случайно читатели о них отзываются как об «антидепрессанте», но иногда за юмором исчезает нечто важное. И пожалуй, подробностей уж чересчур много.

Интересно, что погружение в историю оказалось не чуждо для женской прозы, помимо упомянутых уже Улицкой, Катишонок, Матвеевой, есть еще и книги Гузели Яхиной, в которых запечатлены герои на фоне страшных поворотов советской истории – «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и недавний, тоже, кстати, включенный в длинный список «Большой книги», «Эшелон на Самарканд». Произведения не из легких, весьма занимательные, несмотря на трагические времена, отраженные в них, но, увы, лишённые иногда достоверности, на что справедливо сетуют критики. История молодой татарской женщины, оказавшейся в лагере в годы сталинских репрессий, непростые судьбы поволжских немцев, и, наконец, в последнем романе – 20-30 годы, беспризорники – страдающие от города дети, начальник эшелона, на плечи которого ложится непростая

задача их спасения. Можно сказать, что в поисках нравственности Яхина не ищет легких путей и находит возможность показать, как человечность и доброта пробуждаются в людях даже тогда, когда это кажется невозможным.

Несмотря на все различия в творчестве упомянутых писательниц, можно сказать, что проблемы нравственные постоянно оказываются для них в центре внимания. Именно исторический материал помогает авторам выразить свое отношение к тому, что такое норма.

Говоря о «мужской» прозе, отметим, что интерес к истории также отличает авторов последних лет, но порой история оказывается для писателей интереснее, чем та идея, которая вдохновляла их изначально. Уход в историю, в фантазии на темы истории и в чистую антиутопию – вот то, что характерно для «мужской» прозы (попробуем придерживаться гендерного принципа). Один из примеров такого рода – «Филэллин» Леонида Юзефовича. Роман в письмах и дневниках, перемежающихся «мысленными» разговорами. В основе сюжета – истории разных людей, для которых любовь к Греции стала основой жизненных устремлений и целью, отношение разных людей к греческому восстанию дает возможность показать эпоху и людей – от штабс-капитана Григория Мосцепанова до Александра I. Не остается без внимания и русский патриотизм, и вопрос о вмешательстве – невмешательстве России в греческое восстание. Нравственные проблемы писателя, безусловно, волнуют – но прежде всего сквозь призму далекой истории начала XIX века. И хотя критики отмечали умение писателя «говорить о современности словами истории», эту современность довольно трудно заметить. Очевидно, что Юзефовича гораздо больше, чем современность, интересуют события 1822 года. Юзефович – профессиональный историк, поэтому не стоит обвинять его в уходе от реальности, но как-то очень уж далек мир его героев от того, что нас волнует сегодня.

Порой уходом от реальности становится не история, а мир собственных «околоисторических» фантазий. Это проявляется в разных по времени создания книгах Дмитрия Быкова – в написанных в начале двухтысячных романах «Орфография», «Остромов, или Ученик чародея» и в последнем «Истребителе». Увы, последняя заявка на глубокий анализ эпохи с позиций сегодняшнего дня надежд не оправдала: много слов, событий, исторических лиц, но как-то хочется спросить: «А к чему все это?». Тема – герои тридцатых годов – интересна, подход – осмысление истории сквозь призму сегодняшнего, увы, предвзятого взгляда, – настораживает. Впрочем – свободу художнику... Но свобода и нравственность не всегда идут в одном направлении.

Еще один способ ухода от реальности – погружение в мир собственных словесных и психологических конструкций – демонстрирует замеченный критиками Александр

Иличевский. Чужая память органично входит и в последнюю книгу автора, «Исландия», герой которой, Михаил, сдает в аренду часть своего мозга некой таинственной организации и обретает вместе с деньгами чужие воспоминания, а значит и чужие жизни. Здесь герой – физик, живущий в Иерусалиме, подробно изложены его размышления об истории и современности, выраженные весьма сложным языком, о любви к древнему городу, о религии и науке. Автор явно наслаждается своим стилем, его мало волнует фактическая точность (на что указывали даже читатели в своих отзывах). Пожалуй, не худшую часть текста составляют записи отца героя, которые расширяют картину мира. Поток сознания (в самом прямом смысле слова) поначалу увлекает, а потом «обрушивается» на читателя и, к сожалению, препятствует сохранению в сознании читателя целостной картины. И в этом причудливом мире героя и автора нравственные проблемы явно интересуют меньше, чем собственное самовыражение. Кстати, Исландия, обозначенная в названии, отнюдь не далекий северный остров, а район Иерусалима, что все-таки говорит о желании автора сохранить некоторую связь с реальностью.

Не всегда фантазийно-историческая основа отделяет авторов от нашего сегодня. Весьма органично входит история в романы Евгения Водолазкина, чей «Лавр» был отмечен многими критиками. Автор изобразил почти идеальный образ древнерусского врача-целителя, способного совершить подвиг ради людей. Герою романа «Авиатор» Платонову довелось пережить революцию, сталинские лагеря и пробудиться от сна, в который его погрузили с целью эксперимента (заморозили), уже в 90-х годах XX века. Блестящему стилисту Водолазкину (филологу по образованию) удалось очень точно передать «стилистику» мышления человека Серебряного века и то потрясение, которое он переживает, осознав, что для него «распалась связь времен». Именно феномен времени становится одним из героев романа, при этом обычные герои, несомненно, интересны. В последнем же романе «Оправдание острова» автор уходит в мир альтернативного конструирования истории: читателям предлагается история вымышленного острова, в правителях которого эрудированный читатель найдет весьма узнаваемые черты.

Не всегда черты известных, оставивших свой след в истории людей приходится угадывать. Иногда имя героя узнаваемо, оно значится на обложке – несложно заметить, что значимую часть современного литературного процесса составляют произведения, которые можно отнести к жанру романа-биографии. Если раньше подобные книги, выходившие в серии ЖЗЛ, далеко не всегда создавались известными писателями, то сегодня почти у каждого из известных авторов, пишущих на разные темы, есть и обращение к биографии известной личности, часто творческой – писателя. Алексей Варламов известен как автор книг о Михаиле Пришвине, Алексее Толстом, Михаиле Булгакове, недавно вышел его

роман «Имя Розанова» – об одной из самых противоречивых фигур русского Серебряного века. Сергей Шаргунов создал подробную и вдумчивую биографию Валентина Катаева, в которой нашла свое отражение бурная и противоречивая история русской советской литературы. К этому жанру обращается и Захар Прилепин, выбравший для себя в качестве объекта изучения и осмысления Леонида Леонова и написавший биографию этого незаслуженно забытого автора. Биография писателя для Прилепина не просто описание жизни – это осмысление личности на фоне истории и внутри нее, поиск в прошлом того героя, которого иногда не хватает в настоящем. Это можно сказать о его книге «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы». Возможно, именно поиском нравственности в прошлом объясняется активное обращение писателей к героям, «проверенным временем», чьи ошибки и победы над собой достойны того, чтобы о них вспомнить.

Относительно недавно в эфире телеканала «Культура» в процессе обсуждения современного литературного процесса прозвучала мысль о том, что главный герой современной русской литературы – это деньги. Таким образом участник программы, известный литератор, противопоставлял современную русскую литературу классической. Но, как известно, тема денег как силы, противостоящей нравственным ценностям, не была редкостью и в литературе XIX века: произведения Гоголя, Островского и Достоевского это явно доказывают. А если вспомнить Пушкина, то деньги (о чем прямо говорилось в его известном стихотворении) – это одно из условий достижения свободы: «Наш век торгаш, в сей век железный без денег и свободы нет» [Пушкин, 1959-1962]. Но до сих пор деньги не претендовали на роль героя литературы, и принять подобную мысль – значит принять и нормы, которые от нравственности далеки.

Может быть, именно потому, что герои русской литературы XXI века – живые люди, знающие, что такое материальные трудности, бытовые проблемы, нравственные поиски, они во многом и близки тем, кого мы встречаем в произведениях классиков.

В современной русской литературе есть то, что и во времена писателей-классиков читатели хотели найти в книгах: занимательный сюжет, интересные характеры, узнаваемые детали жизни, осмысление действительности и, конечно, поиск нравственных ценностей.

Список литературы:

Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях. Ленинград, «Наука», Ленинградское отделение, 1987. 380 с.

Достоевский Ф.М. Пушкин. Очерк // Светлое имя Пушкин / Сост., коммент. В.В. Кунина. М.: Правда, 1988. С. 110–126.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 2. Стихотворения 1823–1836.

Чупринин С.И. Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. М.: Время, 2007. 768 с.

References:

- Goncharov I.A.* Oblomov. Roman v chetyrekh chastyakh [Oblomov. A novel in four parts]. Leningrad, «Nauka», Leningradskoe otделение, 1987. 380 p. (In Russian).
- Dostoevskii F.M.* Pushkin. Ocherk [Pushkin. Essay] // Svetloe imya Pushkin / Sost., komment. V.V. Kunina. M.: Pravda, 1988. P. 110–126. (In Russian).
- Pushkin A.S.* Sobranie sochinenii v 10 tomakh [Collected works in 10 volumes]. M.: GIKHL, 1959–1962. Tom 2. Stikhotvoreniya 1823–1836. (In Russian).
- Chuprinin S.I.* Zhizn' po ponyatiyam. Russkaya literatura segodnya [Life by concept. Russian literature today]. M.: Vremya, 2007. 768 p. (In Russian).

Список источников:

- Абгарян Н.Ю.* Симон. М.: АСТ, 2020. 352 с.
- Абгарян Н.Ю.* С неба упали три яблока. М.: АСТ, 2015. 319 с.
- Водолазкин Е.Г.* Оправдание острова. М.: АСТ, 2021. 405 с.
- Илличевский А.В.* Исландия. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 310 с.
- Катишонок Е.А.* Жили-были старик со старухой. М.: Время, 2019. 480 с.
- Матвеева А.А.* Каждые сто лет. М.: АСТ, 2022. 768 с.
- Прилепин З.* Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы. М.: АСТ, 2017. 732 с.
- Степнова М.Л.* Сад. М.: АСТ, 2020. 494 с.
- Юзефович Л.А.* Филэллин. М.: АСТ, 2020. 384 с.

Логвинова Ирина Владимировна
Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке
г. Москва (Россия)

Logvinova Irina
Moscow State Institute of Music named by A.G. Schnittke
Moscow (Russia)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОМАНЕ А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

THE MUSICAL ASPECT OF RUSSIAN AND UKRAINIAN CULTURAL INTERACTION IN A. FADEEV'S NOVEL "THE YOUNG GUARD"

В романе А. Фадеева «Молодая гвардия» часто упоминаются песни на русском и украинском языках, исполняемые героями, а также есть эпизод, в котором Любовь Шевцова на вечеринке в занятом немцами Краснодаре танцует русский танец. В романе поются русские и украинские песни, звучит мягкий украинский говор и русская речь, обозначая взаимодействие двух культур, двух народов, для которых луганская земля равно родная, и которую они вместе готовы защищать от фашистов и предателей-полицаяев. В докладе проанализирована роль этих песен в той или иной ситуации, в которой они исполняются. Например, заживо зарываемые фашистами коммунисты поют «Интернационал». Начитанная Уля поет песни на стихи Лермонтова, революционные песни и однажды исполняет грустную украинскую песню. Музыкальная стихия романа дополняет и делает более емким образ простого народа, многонациональной среды шахтеров и мастеровых. Образы музыкальные сливаются с описанием простого быта этих людей, в котором сплелись русские и украинские, хуторские элементы, и с описанием луганской и донецкой степи, знакомых нам по произведениям А.П. Чехова, А.И. Куприна. Анализ романа сквозь призму музыкальной стихии делает это произведение более понятным. Здесь акценты смысловые сразу смещаются на донбасский характер, сформированный в суровых степных условиях и в условиях интернациональной дружбы (помимо русского и украинского элементов, сюда влетены молдавский, армянский, цыганский и др.).

Russian and Ukrainian songs performed by the characters are often mentioned in A. Fadeev's novel "The Young Guard", and there is also an episode in which Lyubov Shevtsova dances a Russian dance at a party in Krasnodon occupied by the Germans. Russian and Ukrainian songs are sung in the novel, a soft Ukrainian dialect and Russian speech sound, denoting the interaction of two cultures, two peoples for whom the Lugansk land is equally native, and which they are ready to defend together from fascists and traitors-policemen. The report analyzes the role of these songs in a particular situation in which they are performed. For example, communists buried alive by fascists sing "Internationale". The well-read Ulya sings songs based on Lermontov's poems, revolutionary songs and once performs a sad Ukrainian song. The musical element of the novel complements and makes more capacious the image of the common people, the multinational environment of miners and artisans. The musical images merge with the description of the simple life of these people, in which Russian and Ukrainian, farm elements are intertwined, and with the description of the Lugansk and Donetsk steppe, familiar to us from the works of A.P. Chekhov, A.I. Kuprin. The analysis of the novel through the prism of the musical element makes this work more understandable. Here the semantic accents immediately shift to the Donbass character, formed in harsh steppe conditions and in the conditions of international friendship (in addition to Russian and Ukrainian elements, Moldovan, Armenian, gypsy, etc. are interwoven here).

Ключевые слова: музыка, музыкальная стихия в романе, русские и украинские песни, революционные песни, Великая Отечественная Война, герои Краснодона, А.А. Фадеев, культурное взаимодействие.

Key words: music, musical element in the novel, Russian and Ukrainian songs, revolutionary songs, the Great Patriotic War, heroes of Krasnodon, A. Fadeev, cultural interaction.

Преподавание литературы в музыкальном колледже требует от учителя поиска новых, интересных форм работы. В том числе это могут быть интерактивные методики, дискуссионные, создающие атмосферу «делового сотрудничества» [Полехина, 2016, с. 305], или сравнительно-исторический метод, который позволяет вводить изучаемое явление в широкий культурный контекст, что также является частью упомянутой интерактивной методики. При изучении творчества А.А. Фадеева мы со студентами рассматриваем его роман «Молодая гвардия» с точки зрения исторической, а также музыкальной, и тут для нас важна непосредственная связь исторических и музыкальных фактов. В докладах, которые студенты готовят к уроку, они указывают на источники, которыми пользовался писатель при воссоздании образов знаменитых краснодонцев-подпольщиков и их героической деятельности в период немецкой оккупации на Донбассе. На занятии же, собственно, мы занимаемся анализом музыкальной стихии романа. И в данной статье проанализируем взаимодействие русской и украинской музыкальной среды на Донбассе в середине 1930–40-х годов, изображенное в романе А.А. Фадеева «Молодая гвардия».

В произведении А.А. Фадеева часто упоминаются песни на русском и украинском языках, исполняемые героями в различных жизненных ситуациях. Взаимодействие русского и украинского культурных элементов происходит мягко, без каких-либо конфликтов. При этом писатель подчеркивает второстепенную роль украинского языка как просторечия, языка простых рабочих, языка лирических песен.

Показателен эпизод, в котором Любовь Шевцова на вечеринке, устроенной ребятами-подпольщиками после ночного развешивания импровизированных красных флагов на нескольких городских зданиях, в занятом немцами Краснодоне танцует русский танец (эпизод, отсылающий нас к роману-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», где русский народный танец исполняет Наташа Ростова). Сначала танцевали вальс-бостон. Но это было что-то чуждое народной культуре, поэтому перешли на гопака, который прервался, когда раскрасневшаяся от пляски бабушка Олега Кошевого не упала на диван. Характер украинского танца Фадеев описывает так: «Ни в чем так свободно не проявляется народный характер, как в песне и в пляске. Олег с выражением лукавства, которое у него было не в губах и даже не в глазах, а где-то в подрагивающих кончиках бровей, с расстегнутым воротом рубахи, с выступившими на лбу под волосами капельками пота, свободно и почти недвижимо держа крупную голову и плечи, шел в присядку с такой – оторви голову! – удалостью, что в нем, как и в его бабушке, сразу стал виден природный украинец» [Фадеев, 2021, с. 518]. Тогда Любовь Шевцова объявила «нашу поулошную» и «пошла “русскую”, сразу выдав такого дробота своими каблучками, что уже ни на что нельзя было смотреть,

как только на ее ноги. Так она прошла, плавно неся голову и плечи, и вышла перед Сержкой Тюлениным, топнула ногой и отошла назад, предоставив ему место...» [Фадеев, 2021, с. 518]. Эта вечеринка в честь юбилея Октябрьской революции показывает дружбу людей разных национальностей: русских, украинцев, евреев, армян, цыган. Донбасс всегда был многонациональной единой семьей. И это единство автор подчеркивает во многих эпизодах.

Как только герои задумываются, что спеть, им на ум приходят как русские, так и украинские песни, и никто не делает между ними большой разницы. Это подчеркнуто и замечанием о том, как населялся Донбасс: «Со всех концов нашей земли стекаются люди в Донбасс...» [Фадеев, 2021, с. 31]. Или, например, история Сергея Тюленина, отец которого пришел работать на шахту из Тулы, «вышел на заработки в Донбасс еще мальчишкой и за сорок лет шахтерского труда обрел те черты наивной, самолюбивой, деспотической гордости своей профессией, которые ни одной из профессий не свойственны в такой степени, как морякам и шахтерам» [Фадеев, 2021, с. 132–133]. Писатель подчеркивает свободолобивый, независимый характер людей, живущих на Донбассе. Также он отмечает, что во многом этот характер сформирован степными условиями жизни: «То там, то здесь по изборожденному лицу этой выжженной голубой степи, на холмах и в низинах, виднелись рудничные поселки, хутора среди ярко- и темно-зеленых и желтых прямоугольников пшеничных, кукурузных, подсолнуховых, свекловичных полей, одинокие копры шахт, а рядом – высокие, выше копров, темно-голубые конусы терриконов...» [Фадеев, 2021, с. 17]. Суровые жизненные условия, палящее степное солнце и тяжелый труд сделали этих народ Донбасса суровым и выносливым.

В романе поются русские и украинские песни, звучит мягкий украинский говор и русская речь, обозначая взаимодействие двух культур, двух народов, для которых луганская земля равно родная, и которую они вместе готовы защищать от фашистов и предателей-полицаев. Большинство героев романа «Молодая гвардия» изъясняется на мягком русско-украинском суржики. Например, диалог Проценко и Шульги: «Они стоя долго трясли друг друга за руки.

– Побачим, шо воны за немци, яки воны хозяева та правители, – говорил Проценко.

– Вы же себя дережите, Иван Федорович...

– Та я живучий, як трава. Бережись ты, Костиевич.

– А я бессмертный, – улыбнулся Шульга» [Фадеев, 2021, с. 83]. Автор в начале романа, рисуя портреты краснодонских девушек, замечает: «Они говорили на том характерном для Донбасса смешанном грубоватом наречии, которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским

казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов – Мариуполя, Таганрога, Ростова-на-Дону» [Фадеев, 2021, с. 7]. Это языковое смешение во многом объясняет спокойное отношение собеседников к тому, кто на каком языке предпочитает общаться и петь песни.

При этом персонажи читают стихи А.С. Пушкина и даже пишут свои собственные. Например, Ваня Земнухов читает свои патриотические стихи, заслужившие похвалу раненого майора: «...Думаю, многие клянут сейчас нас, армейцев, а разве можно? Отступаем – верно. Так ведь он какой кулак собрал! Но подумайте, какая сила духа! Ах, боже мой! Да это счастье – стоять на месте, не отступить, жизнь отдать, - поверьте совести, я сам бы почел за счастье жизнь отдать, отдать жизнь за таких ребят, как вы!...» [Фадеев, 2021, с. 106–107].

В тюремном застенке, схваченные фашистами героини-молодогвардейцы хором поют песню о партизанах:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города...

И при этом фашисты ничего не могут с ними сделать. Особенно когда ребята слышали, как советские самолеты начали бомбить город, «они перестали скрывать свою принадлежность к организации и вступили в открытую борьбу с их мучителями. Они грубили им, издевались над ними, пели в камерах революционные песни, танцевали, буянили, когда из камеры вытаскивали кого-нибудь на пытку» [Фадеев, 2021, с. 587–588].

В романе звучит несколько украинских народных песен, революционные песни. Они звучат в момент душевного подъема, раздумий о судьбе страны и советского народа, а также в момент гибели. Интересно, что сфера употребления украинских и русских песен разная. И это тоже можно проследить на примере конкретных эпизодов, где герои поют их в той или иной ситуации, не задумываясь.

Девушки, собравшиеся послушать Лилю, которая бежала из немецкого лагеря, выбирают песню, которая не привлекла бы внимание полицаев: «И она [Саша Бондарева] затянула “Спят курганы темные”, но тут девушки зашикали на нее: разные жили в поселке, и мог забрести кто-нибудь из полицаев. Стали подбирать какую-нибудь старинную украинскую, а Тоня предложила “Землянку” <...> Но все нашли, что и так невесело на душе, а с этой “Землянкой” еще расплачешься» [Фадеев, 2021, с. 327] и запели «На закате ходит парень возле дома моего, поморгает мне глазами и не скажет ничего», в которой

ничего крамольного не было. И с этой песней они думали о Москве, о хоре Пятницкого, «и именно потому, что они не раз слышали песню по радио из Москвы, теперь они точно проделывали с этой песней обратный путь отсюда, из Первомайки, в Москву» [Фадеев, 2021, с. 327]. Для них песни – способ забыть на минуту о тяжелой действительности: «Как им хотелось забыть, хотя бы на это мгновение, все, что окружало их, забыть немцев, полицаев, забыть, что надо регистрироваться на немецкой бирже труда, забыть муки, перенесенные Лилей, забыть, что дома уже волнуются их матери, почему так долго нет дочерей! Как им хотелось, чтобы все было как прежде! Они кончали одну песню и начинали другую» [Фадеев, 2021, с. 328]. В этой смене песен, конечно, звучали попеременно русские и украинские песни, какие только знали девушки.

Начитанная Ульяна Громова поет песни на стихи М.Ю. Лермонтова, революционные песни и однажды исполняет грустную украинскую песню, находясь в раздумье, что будет дальше и что она будет делать, если враг придет на родную землю. Отрывок из «Демона» М.Ю. Лермонтова звучит в устах Ули, когда она читает его в тюремной камере, так, словно это про них писал поэт: «Это о вас, о ваших еще не родившихся страстях и погибших надеждах!» [Фадеев, 2021, с. 585]. В минуту опасности, на патетическом подъеме героям вспоминаются именно такие пламенные тексты:

...Что люди? Что их жизнь и труд? –
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть – ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!.. [Фадеев, 2021, с. 585].

Это уже не просто стихи Лермонтова, а строки, которые помогают жить, поднимают душу. После этих слов Любовь Шевцова произносит вдохновенную речь о русском народе: «А что! Нашего народа не сломит никто! <...> Да разве есть другой такой народ на свете? У кого душа такая хорошая? Кто столько вынести может?.. Может быть, мы погибнем, мне не страшно. Да, мне совсем не страшно. <...> Но мне бы не хотелось... Мне хотелось бы еще рассчитаться с ними, с этими! Да песен попеть...» [Фадеев, 2021, с. 585]. При этом не только душа юных героев просит песни, пьяные немцы тоже поют песни о России, о Волге на немецком языке, но выглядит это очень уродливо. Фадеев приводит эпизод, где немцы поют песню, в качестве контраста. Немцы поют «ужасными низкими голосами», «одинаковыми низкими голосами» [Фадеев, 2021, с. 193, 196], «как поют пьяные немцы: совершенно одинаковыми низкими голосами, со страшным напряжением» [Фадеев, 2021, с. 191].

В машине, когда их везут на казнь, молодогвардейцы поют песню революционера-народовольца Г. Мачтета «Замучен тяжелой неволей» и «Интернационал». Любовь Шевцова перед расстрелом поет свою любимую песню «На широких московских просторах».

Заживо зарываемые фашистами коммунисты поют «Интернационал». Эта песня доносилась для тех, кто ее слышал, как будто из-под земли: «Целые лавины земли посыпались им на головы, на плечи, за вороты рубах, в рот и глаза, и люди поняли, что их закапывают живыми.

Шульга, возвысив голос, запел:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов...

Валько низко подхватил. Все новые голоса, сначала близкие, потом все более дальние, присоединялись к ним, и медленные волны «Интернационала» взнеслись из-под земли к темному, тучами несущемуся над миром небу» [Фадеев, 2021, с. 390]. «Интернационал» звучит здесь как гимн сопротивления врагу, как подтверждение несломленности духа.

Примечательно, что в минуты опасности люди поют русские революционные песни, а не украинские. Это своего рода культурное разделение. Украинские песни созданы для минут печали, они протяжные и не подходят для поднятия боевого духа. А русские песни обладают широким спектром действия: с ними можно идти в атаку, поднимать ими боевой дух, умирать с ними на губах, показывая врагу несломленность народного духа. При этом интуитивно герои сами выбирают, что петь в той или иной ситуации. Песни и стихи сами приходят им в голову в нужное время.

Интересно, что песенное начало в романе, по-видимому, исследователи не анализировали. Их больше интересовало, например, различие первой и второй редакций, психология предательства [Манукян, 2005]. В одном из учебников роману «Молодая гвардия» отводится две страницы, и он охарактеризован, как роман об основных положениях военной и довоенной идеологической модели и модели государства как большой и дружной семьи. Авторы учебника отмечают: «Единственной ценностью для героев Фадеева является духовная жизнь, которая для них состоит в следовании революционным идеалам, соблюдении строгих требований морали, тяге к знаниям, художественном творчестве и, конечно, дружбе и чистой любви» [История, 2007, с. 15]. Про песни замечено мимоходом, что они «несут в романе символическую нагрузку, служат знаком предельного напряжения внутренних сил персонажей» [История, 2007, с. 15].

Однако, как показывает наш анализ, эти песни не только обозначают силу внутреннего напряжения, но и являются откликом на происходящие события и вызовом тем темным силам, которые напали на Советский Союз. Эти песни также отражают единство русского и украинского народов, их братство, особый характер жизненного уклада на Донбассе и в стране в целом. Роман Фадеева, конечно, не дань пропаганде дружбы народов, как это пробует представить автор учебника, а отражение реальной ситуации. Донбасс всегда был многонациональным и дружным регионом. В статье-рецензии 1979 года на книгу о творчестве А.А. Фадеева автор справедливо говорит о цельности характеров в его произведениях [Чепурнова, 1979, с. 258]. При этом важно и то, что герои образованны, начитанны, знают много песен. Важно, что эта образованность и делается основой их цельных характеров, подчеркивает их смелость, их героизм, в отличие от предателей и полицаяев, которые никаких песен не поют и вечно недовольны всем на свете. Например, про предателя и полицая Игната Фомина сказано, что он был не раз премирован и отмечен в газетах, но «здесь, в поселке, где жили главным образом люди шахтерского труда, среди которых немало было стахановцев, Игнат Фомин слыл за человека темного и выскочку. Он появился здесь в начале тридцатых годов, когда много неизвестных людей появилось в Краснодоне, как и во всем Донбассе, и построилось на Шанхае. И разные слухи ходили о нем, о Фомине» [Фадеев, 2021, с. 132].

Таким образом, музыкальная стихия романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия» дополняет и делает более емким образ простого народа, многонациональной среды шахтеров и мастеровых. Образы музыкальные сливаются с описанием простого быта этих людей, в котором сплелись русские и украинские, хуторские элементы, и с описанием луганской и донецкой степи, знакомых нам по произведениям А.П. Чехова («Степь»), А.И. Куприна («Молох»). Анализ романа сквозь призму музыкальной стихии делает это произведение более близким и понятным. В музыке, в песне смысловые акценты сразу смещаются на донбасский характер, сформированный в суровых степных условиях и в условиях интернациональной дружбы (помимо русского и украинского элементов, сюда вплетены молдавский, армянский, цыганский и др.). Революционные песни были известны всем, изучались в школе, поэтому логично, что их вспоминают герои, подбадривая себя в трудные минуты жизни. Украинские песни в сельской местности также бытовали всегда и их вспоминали в минуты отдохновения или праздника. Это народная стихия, основа местного характера. При этом украинские песни нравятся не только украинцам, но и русским. Тут дело не в национальной принадлежности, а в самом характере этих произведений, их певучести.

Список литературы:

- История русской литературы XX век.* В 2 частях. Ч. 2 / В.В. Агеносов и др.; под ред. В. В. Агеносова. М.: Дрофа, 2007. 540 с.
- Манукян О.Г.* Две редакции романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Исторические и образные акценты: дис... канд. филол. наук: 10.01.01 / Манукян Оганес Григорьевич. Москва, 2005. 159 с.
- Полехина М.М.* Опыт преподавания филологии в контексте новых образовательных технологий: ценностные подходы к изучению литературных текстов // II Международный Форум по педагогическому образованию. Казань, 19–21 мая 2016. Казань, 2016. С. 305–306.
- Фадеев А.А.* Молодая гвардия. М.: АСТ, 2021. 640 с.
- Чепурнова Л.* Новое об Александре Фадееве // Вопросы литературы. 1979. № 1. С. 257–260.

References:

- Chepurnova L.* Novoe ob Aleksandre Fadeeve [New about Alexander Fadeev] // Voprosy literatury. 1979. № 1. P. 257–260. (In Russian).
- Fadeev A.A.* Molodaya gvardiya [The Young Guard]. M.: AST, 2021. 640 p. (In Russian).
- Istoriya russkoi literatury XX vek.* V 2 chastyakh. CH. 2 [History of Russian literature XX century. In 2 v. V. 2] / V.V. Agenosov i dr.; pod red. V. V. Agenosova. M.: Drofa, 2007. 540 p. (In Russian).
- Manukyan O.G.* Dve redaktsii romana A. Fadeeva “Molodaya gvardiya”. Istoricheskie i obraznye aktsenty [Two editions of A. Fadeev's novel “The Young Guard”. Historical and figurative accents.]: dis... kand. filol. nauk: 10.01.01 / Manukyan Oganeg Grigor'evich. Moskva, 2005. 159 p. (In Russian).
- Polekhina M.M.* Opyt prepodavaniya filologii v kontekste novykh obrazovatel'nykh tekhnologii: tsennostnye podkhody k izucheniyu literaturnykh tekstov [The experience of teaching philology in the context of new educational technologies: value-based approaches to the study of literary texts] // II Mezhdunarodnyi Forum po pedagogicheskomu obrazovaniyu. Kazan', 19–21 may 2016. Kazan', 2016. P. 305–306. (In Russian).

Мишкuroв Эдуард Николаевич
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov Eduard
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЛОЖНЫЙ ДИСКУРС: ФУНКЦИИ, ТРОЛЛИНГ, ДЕВИАНТНЫЙ УЗУС, ПЕРЕВОД

FALSE DISCOURSE: FUNCTIONS, TROLLING, DEVIANT USUS, TRANSLATION

В работе исследуется «ложный дискурс» – надстроечное над политическим, военно-политическим, дипломатическим, публицистическим и другими мега-дискурсами коммуникативно-фейковое пропагандистское средство прикрытия агрессивно-поведенческой политики США и ее союзников типа «brinksmanship» – «искусство лавирования на грани войны» с помощью методики «talksmanship» – «искусство забалтывания истины». Вспомогательным средством служит интернет-сетевой «гибридный троллинг» в виде «троллинга-обвинителя», «троллинга-провокатора», «бикини-троллинга» и манипулятивно-информационного «википедия-тролля» и «отсылочного тролля». Нередко вербальной основой информационно-скандальных и псевдохудожественных троллей служит профанный язык, использующий obscenную лексику, адекватные меры перевода которой вызывают нескончаемые споры в среде профессионального сообщества. Репрезентируется государственная политика «по повышению грамотности граждан России и борьбе за поддержку русской языковой среды за рубежом в информационной, образовательной, гуманитарной сферах» (В. Путин).

The paper explores “false discourse” – a communicative-fake propaganda tool built on top of political, military-political, diplomatic, publicistic and other mega-discourses to cover up the aggressive behavioral policy of the United States and its allies such as “brinksmanship” – “the art of maneuvering on the brink of war” using the “talksmanship” technique – “the art of chattering the truth” An auxiliary tool is the Internet network “hybrid trolling” in the form of “trolling accuser”, “trolling provocateur”, “bikini trolling” and manipulative-informational “Wikipedia troll” and “reference troll”. Often, the verbal basis of information-scandalous and pseudo-artistic trolls is a profane language that uses obscene vocabulary, adequate translation measures of which cause endless disputes in the professional community. The state policy “to improve the literacy of Russian citizens and the struggle to support the Russian language environment abroad in information, educational, humanitarian spheres” is represented by V. Putin.

Ключевые слова: ложный дискурс, троллинг / гибридный троллинг, девиантный узус, профанный язык, перевод obscenной лексики.

Key words: false discourse, trolling / hybrid trolling, deviant usus, profane language, translation of obscene vocabulary.

«Ложный дискурс» («дискурс лжи» / «неискренний дискурс»), ныне явленный по своему функционально-коммуникативному целеполаганию как неотъемлемая манипулятивно-аргументативная, дискурсивно-игровая надстройка над структурно-смысловым контентом ряда общественно значимых институциональных мега-дискурсов типа «политического/военно-политического», «дипломатического», «публицистического» и др., реализуется в мировом информационно-пропагандистском пространстве с разной степенью в овладении и подчинении общественного сознания масс-медийной дезинформации, политике агрессивности, воинственности, запугивания «своих» и «чужих»

фатальной неизбежностью наступления «горячей стадии» в противостоянии конфликтующих сторон, грозящей с высокой вероятностью перерастания «информационной войны» в «силовую конфронтацию».

С этой целью, к примеру, США и ее союзники по НАТО широко используют стратегии и тактики риторико-дипломатического и психологического давления на противника, базирующегося на методах «brink(s)manship», с одной стороны и «talksmanship», с другой.

В словарной интерпретации «Webster's dictionary» лексема «brink / brinks – man – ship» означает «the policy of pursuing a hazardous course of action to the brink of catastrophe («политика следования рискованному курсу действий, ведущему на грань катастрофы»)» [Webster's dictionary, 1986, с. 178].

Известно, что еще в 50-е годы XX в. госсекретарь США Джон Фостер Даллес (1888-1959), ничтоже сумняшеся, настаивал на необходимости для США именно такого типа агрессивной политики: «Искусство подходить к грани войны – необходимое искусство... если вы не можете овладеть им, если вы трусите, вы пропали» [цит. по «За рубежом». 1984, № 30, с. 15].

Тем не менее современные политики Запада считают, что до поры до времени свой агрессивный курс следует искусно прикрывать риторической завесой миролюбия в виде «talksmanship», т.е. безграничным «искусством болтовни языком», широко используя Интернет-ресурсы и безграничные возможности контролируемых масс-медиа для дискредитации и охаивания противника и пропагандирования выгодных для себя рецептов «мироуспокоения» конфликтующих сторон. Поистине Запад, по выражению В.В. Путина, – самая настоящая «Империя лжи» [Путин, 2022, эл. ресурс].

Спекулятивно-агрессивные технологии «talksmanship» в нынешних условиях обострения международной обстановки получили свое дискурсивно-теоретическое и прагматико-прикладное развитие в рамках пресловутого «ложного дискурса», посредством которого откровенно пропагандируются шовинистическое, человеконенавистное, русофобское направления в масс-медиа в США и в большинстве западноевропейских стран, а также в ряде стран других регионов. Для этого широко используются разнообразные пропагандистско-манипулятивные дискурсивные игры⁷¹, карикатурно-мемовские технологии, провокационно-фейковый троллинг и т.д.

⁷¹ В рамках современного дискурсивно-антропологического направления в мировом языкознании знаменитые «языковые игры» Л. Витгенштейна, сопрягаемые философом с определенными «формами жизни», вполне закономерно рассматривать как «дискурсивные игры», памятуя о том, что «дискурс», в трактовке Н.Д. Арутюновой, – это «речь, погруженная в жизнь» (см.: Мишкур, 2021, с. 18).

Простейшим приемом клеветнического «оболванивания» и дезинформации «простаков» и «глупой толпы» считается, к примеру, перекладывание вины за то или иное злодеяние и преступление, совершенное «своими», на «чужого», на противостоящую сторону. Если, как говорится, «фокус не удался», тогда «казус-инцидент» нужно изощренно и немедленно, всеми доступными способами замалчивать и поскорее предать забвению путем представления, в частности, иного положительного информационного события.

В современной социально-политической обстановке в мире, именуемой ныне в масс-медиа не иначе как «Первая мировая информационная война», искомый «ложный/неискренний дискурс» обрел свои константные ярко выраженные конститутивные черты:

- исходно лживая информационно-пропагандистская составляющая транслируемого контента, ее массовое всеобъемлющее тиражирование и одиозное комментирование;
- риторическое – нередко лексико-ненормативное шельмование инакомыслящих политологов, корреспондентов и другого персонала масс-медийных средств, профессионально занятого в информационно-пропагандистских государственных и общественных структурах;
- массовое изготовление масс-медийной «fake»-продукции, компрометирующей неугодных «чужих» государственных и общественных деятелей стран-изгоев, и выставяющих в выгодном свете политику и социально-экономическую деятельность «своих» стран и их лидеров, которые нередко осуществляют свою планы опосредованно чужими руками, по отношению которых проводится известная социологам политика типа «leading from behind», т.е. «руководство из-за спины»;
- отсутствие и недоступность для реципиентов полемических информационно-пропагандистских материалов ложного дискурса, вследствие запрета на публикацию в подконтрольных СМИ и Интернет-сетях контроверзных точек зрения, опровергающих ложность и обман масс-медийных фейковых материалов, нацеленных на компрометацию оппонентов всеми доступными средствами;
- всевременная и массовидная обеспеченность подконтрольных СМИ и социальных Интернет-сетей цензурированной и «просеянной» на предмет благонадежности информацией, новостными блоками и аналитико-пропагандистскими материалами;
- конфликтогенная, воинственная пропаганда возможности/допустимости морального и физического устранения медиа-противника, представляющего

реальную угрозу имиджу самозванных правозащитников любой этнической группы населения и др. [ср.: Infante, 1987].

Складывается впечатление, что в когнитивно-коммуникативный стереотип дискурсивного поведения правящей элиты Запада сформировался исключительно в рамках экзистенциальной философии Сартра (франц. «mauvaise foi» – рус. «необразованность, злонамеренность»), в которой понятие «лживость» означает «такую ложь, когда я умышленно утаиваю от себя истину, мне известную, когда я в известном смысле лгу сам себе. Но так как я не могу себя обманывать даже умышленно <...> то моя лживость начинает исчезать, едва появившись, уступая тем самым место *цинизму* (курсив мой – Э.М.)» [Философский энциклопедический словарь, 1997, с. 241].

Современный «**троллинг**» – это инновационная разветвленная система методов, способов и приемов использования обычно обманным путем разнообразных интернет-ресурсов с целью провокационных насмешек и моральных издевательств над отдельными «неудобными» лицами или группами лиц с целью побуждения их межконфликтному словесному или физическому противостоянию искомым противникам/врагам.

В научном терминопонятийном обороте встречается также словосочетание «**гибридный троллинг**». Так, в статье группы авторов под названием «Гибридный троллинг как метод ведения информационной войны и техника борьбы с ним» публикуются результаты работы специалистов «по классификации гибридных интернет-троллей, распознаванию их поведения в сетевом контенте и анализу методики борьбы с интернет-провокациями» [см.: Коренная и др., 2018, с. 232–237].

Для целей нашего исследования представляется репрезентативным определение «гибридного троллинга» как метода ведения противником *информационной войны* (курсив наш – Э.М.) посредством размещения провокационных сообщений в сети Интернет с целью внедрения пропагандистской идеологии» [Там же, с. 234].

Авторы исследования подробно охарактеризовали стилистику применения четырех наиболее типичных «гибридных троллей», номинируя их следующим образом:

1. **Троль-обвинитель**: тексты тролля основаны на теории заговоров, в которых утверждается, что все происходящие на геополитической арене события срежиссированы США и их союзниками (Например: «The U.S. is, by definition, waging a proxy war against Russia, using Ukrainians as their instrument, with the goal of not ending the war but prolonging it. – США по определению ведут опосредованную войну против России, используя украинцев в качестве своего инструмента, с целью

не прекращения войны, а ее продления»⁷². Соответственно заявляется, что «Путин троллит Запад требованием оплаты за газ в рублях...»⁷³;

2. **Бикини-тролль** использует образ девушки в бикини как приманку для привлечения внимания аудитории и побуждения пользователей вступить в диалог с троллем по одному вопросу: «Неужели это не только плохая Россия... а как же вина США?»;
3. **Агрессивный тролль** публикует только агрессивно выраженные сообщения, из которых становится ясно, какие позиции он защищает;
4. **Википедия-тролль** – это гибридный тролль, публикующий некоторую информацию из Википедии или другого надежного источника, не добавляя иной эмоциональной ценности информации. Но ее используют в неправильном контексте, подталкивая аудиторию сделать ложные выводы;
5. **Отсылочный тролль** – это короткие сообщения с некоторой ссылкой на их источник. Зрителям предлагается следовать за ней для того, чтобы они воспринимали предлагаемую информацию «вслепую», а потому она оказывается продолжением троллинга, например, в виде видео-контента, который может оказаться фейком и который эмоционально навредит читателю сам по себе [Там же, с. 235].

В итоге может быть сделан вывод: «Цель демократического Запада построить новый миропорядок на руинах “путинской России”».

Д.Е. Новокшенов убедительно доказывает: «Явление троллинга представляется чем-то необычно новым, как и Сеть, в языковой и речевой жизни общества. Между тем, не отрицая новые черты, которые есть в этом явлении, можно утверждать, что в основе ТРЛ лежат старые, давно описанные речевые явления. До сих пор считается, что происходящий из сленга участников виртуальных сообществ термин «троллинг» не имеет прямого отношения к сфере военного дискурса. ТРЛ именуют «игрой в подделку личности, но без согласия большинства игроков, не сознающих участия в этой игре». Обман и втягивание противника в полемические ловушки – обычное дело в споре, равно как уловки на потеху публике и для обмана противника – это обычные приемы в поединке и на войне [Новокшенов, 2016, с. 150].

Действительно феномен «троллинга» в своей основе базируется, в частности, на давно описанных «окололитературных» скандальных речевых актах. К ним можно отнести

⁷² См.: Glenn Greenwald «Biden's Reckless Words Underscore the Dangers of the U.S.'s Use of Ukraine As a Proxy War» [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: <https://greenwald.substack.com/p/bidens-reckless-words-underscore?s=w>

⁷³ См.: Politico «Путин троллит Запад требованием оплаты за газ в рублях» [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/496050>

так называемые «озорные стихи и прозу», двусмысленные шутки, эпиграммы, сарказмы и т.п. И. С. Баркова (1732-1768), А. С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы и их подражателей нашего времени – В.В. Маяковского, С.А. Есенина и др. [см.: Ахметова, 1997; Флегон, 1993].

В частности, известно, как А.С. Пушкин саркастически «троллил» невежу князя Дондукова-Корсакова, по протекции назначенного на пост вице-президента Академии наук⁷⁴:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж**а есть.

«Поозорничал» и «потроллил» на “фене” – тюремном жаргоне Л.Н. Гумилева (1912–1992), написавший в колонии на Таймыре в 1939 г. лекцию «История отпадения Нидерландов от Испании»: «В 1565 году по всей Голландии пошла параша, что папа – антихрист. Голландцы начали шипеть на папу и раскурочивать монастыри, римская курия, обиженная на пахана, подначила испанское правительство. Испанцы стали качать права – нахально тащили голландцев на исповедь (совали за святых чурки с глазами). Отказчиков сажали в кандей на трехсотку, отрицаловку пускали налево. По всей стране пошли шмоны и стук. Спешно стряпали липу <...> Голландцы (обратно зашуровались) и вусмерть покатились, когда дотыркали про Армаду, испанцы лепили от фонаря про победу, но им не посветило – ссученных становилось все меньше, чесноки шерудили рогами. Голландцы восстали по новой, а Маргарита Пармская и Александр Фарназе смылись во Фландрию, где народ клал на Лютера. Так владычество испанцев в Голландии накрылось мокрой п...ой». [см.: Новокшенов, 2016, с. 146–147].

В настоящее время специалисты трактуют «троллинг» прежде всего как эффективные практики, отражающие враждебную, нередко лживую, конфликтно-полемическую атмосферу заказного интернет-дискурса.

«Ложный дискурс» как разновидность «дискурсивных игр» сниженного стиля реализуется как в устной, так и в письменной формах манифестации нередко с переходом на *профанный язык* с безграничным употреблением инвективной, обценной лексики и оскорбительных мемо-паралингвистических средств.

⁷⁴ См.: Эпиграмма А.С. Пушкина на Дондукова-Корсакова [Электронный ресурс]. 1835. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/На_Дондукова-Корсакова_\(Пушкин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/На_Дондукова-Корсакова_(Пушкин))

Перевод отдельных высказываний, крылатых выражений, текстов различной жанровой принадлежности в девиантно-стилевой окраске с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные – это особая часть теории и практики межъязыкового посредничества в сфере межкультурной коммуникации.

Разработка данной проблематики является важной стратегической задачей фундаментального переводоведения. Очевидно, что перевод с языка на язык так называемой «озорной литературы» – стихотворений, прозы и т.п., не затрагивающей, как правило, чести и достоинства конкретных лиц – это лишь общественно-правовое дело того или иного государства, которое этически регулирует правила издания и распространения подобных сочинений, отличающихся различной степенью употребления инвективной, сниженной лексики [см.: Мишкурин, 2019].

Специалисты справедливо, в частности, сетуют на то, что в научном обороте отсутствуют в достаточном количестве специальные справочники и словари, содержащие инвективный фонд обценной лексики и фразеологии, необходимой для двусторонних переводов. Известный британский издатель, публицист и составитель словарей Алек Флегон (1924–2003) в своей книге «За пределами русских словарей» ратовал за полноту словарей русского языка, адекватно отражающих все уровни сниженной лексики в том числе и так называемой «нецензурной, неприличной». Некорректной он считал практику составления одноязычных словарей по принципу, гласящему, что «в словарь не должно войти ни одно неприличное слово, даже если оно встречается у всех писателей». В тоже время «для двуязычных словарей действует принцип «мы должны знать все неприличные слова иностранцев, но иностранцы не должны знать наших неприличных слов». При этом он попытался дать переводы на английский и французский язык ряда оидозных русских слов типа «шмара, бикса, лярва, сука, блядь, курва, стерва» и т.д. с соответствующими примерами из литературных источников. Характерно также примечание «Note to foreign students»: «Для того чтобы студенты, изучающие русский язык, могли легче понимать объяснения, данные в настоящем словаре, они должны знать, что синонимы “брань”, “бранное выражение” и “ругательство” соответствуют английским выражениям “swear-word”, “curse”. Русские глаголы “использовать” и “употреблять” означают не только “to use”, но также “to fuck”. По этой причине многие русские стараются избегать применение этих глаголов, считая их неприличными. В настоящее время с этими словами происходит то, что во французском языке уже произошло с глаголом “baiser” (Бальзак применял его в значении – “целовать”, а сегодня этот глагол применяется в значении – “использовать женщину”» [Флегон, 1993, с. 10, 15].

Замечено, что инвективная лексика и фразеология как в классической, так и в современной художественной литературе, в кинофильмах, на театральных подмостках и т.д. стала неотъемлемой частью разговорной речи героев соответствующих «клоачных» произведений.

Так, исследователи американской киноиндустрии, в частности, установили 11 голливудских актеров (Сэмюэль Л. Джексон, Джо Пешши, Стив Мартин, Роберт Де Ниро и др.), «которые превратили мат в форму искусства». Констатируется, что в кино нецензурная лексика – «это мощнейшее орудие, способное привнести живость, юмор и интеллект в слова, которые традиционно считаются низкими и вульгарными».

В настоящее время в переводческом сообществе уже сложилась определенная традиция по передаче «срамной» лексики в различных инвективных сценах как в печатных изданиях, так и в кинофильмах.

Сэмюэль Л. Джексон – brutalный киноактер в кинофильме «Криминальное чтиво» в полную силу использовал матерный язык. В другом кинофильме «Змеиный полет» фразу «I have had it with these motherf*skin' snakes on this motherf*skin' plane!» перевели в отечественном прокате весьма лояльно «Я уже сыт по горло гребаными змеями на этом гребаном самолете!».

Стив Мартин в фильме «Самолетом, поездом и автомобилем» в эпизоде с арендой автомобиля, играя роль специалиста по маркетингу, «умудрился втиснуть аж 17 различных вариаций «f..k» практически в одном предложении»⁷⁵.

Нам импонирует мнение А.П. Чужакина и П.Р. Палажченко о том, как следует работать с подобными сценариями: стремиться «не снизить общее художественное восприятие, не исказить замысел автора, качество диалогов, речевые характеристики (по возможности), сохранить стиль, передать аромат эпохи и индивидуальность», констатируя, что это «почетная, но нелегкая миссия» [Чужакин, Палажченко, 2004].

Перевод различных типов, жанров и форм девиантных дискурсивных игр сам по себе является своеобразной разновидностью речевой деятельности, представляющей собой уникальную герменевтико-феноменологическую и семиотико-интерпретационную проблему дискуссии. Другими словами, в рамках людической концепции речевых актов мы толкуем подобного типа переводческий процесс как особый специфический вид речевой деятельности в сфере межкультурной коммуникации, представляющей собой разновекторное межъязыковое посредничество с целью перевыражения инвективных текстов ИЯ в знаках ЯП на максимально достижимых уровнях информационно-игрового

⁷⁵ См. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uznayvse.ru/interesting-facts/11-gollivudskih-akterov-kotorye-prevratili-mat-v-formu-iskusstva.html>

соответствия – системно-структурного, когнитивно-эвристического, этнопсихолингвистического, функционально-стилистического и некоторых других в зависимости от текстотипов оригинала и их жанров [Мишкурлов, 2020].

Целевая установка на оскорбление, уничижение и уничтожение русскоязычной науки и культуры с использованием профанного языка и методов политического троллинга ныне реализуется, в частности, в виде беспрецедентной атаки Запада на их основу – русский язык.

Показательна в этом отношении русофобская истерия в США и ряде западноевропейских стран, характерной чертой которой является нарушение всех правил международного дипломатического этикета и норм межкультурной коммуникации.

Одним из объектов агрессивных нападков «пещерных русофобов», как констатировал В.В. Путин на заседании Совета по русскому языку в ноябре 2019 г., стал русский язык: «Сегодня мы сталкиваемся с попытками искусственно <...> грубо, подчас бесцеремонно сократить пространство русского языка в мире, вытеснить его на периферию». В этой связи президент поставил две задачи по сохранению русского языка в мире. Первой он назвал необходимость «обеспечить достойный уровень знаний, общей грамотности граждан России и тем самым – глобальную конкурентоспособность, притягательность русского языка как современного, живого, динамично развивающегося средства общения». А вторая – «...реализовать действенную систему поддержки русской языковой среды за рубежом в информационной, образовательной, гуманитарной сферах» [Путин, 2019, эл. ресурс].

И несомненно, как провидчески писала Анна Ахматова в своем стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

[Ахматова, 1942, эл. ресурс]

Список литературы:

- Арутюнова Н.Д.* Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- Ахметова Т.В.* Озорные стихи русских поэтов. М.: Колокол-пресс, 1997. 448 с.
- Коренная А.А.* Гибридный троллинг как метод ведения информационной войны и техника борьбы с ним / А.А. Коренная, В.А. Мазуров, М.А. Стародубцева // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. №6 (104). С. 232–237.
- Мишкуроев Э.Н.* Дискурсивные игры сниженного стиля в речевом поведении коммуникантов // Военно-гуманитарный альманах. Вып. 4. Материалы XIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации Язык. Коммуникация. Перевод. Т. 1 из Лингвистика. М.: М., 2019. С. 15–23.
- Мишкуроев Э. Н.* Язык современного социума: норма и девиантный узус (лингвокультурологические, социолингвистические и переводческие аспекты) // Русский язык и культура в зеркале перевода: X Международная научная конференция; Материалы конференции. Издательство Московского университета Москва, 2020. С. 181–192.
- Новокишинов Д.Е.* Речь против языка. М.: Изд. дом Высшей Школы Экономики, 2016. 304 с.
- Путин В.В.* Выступление Президента России от 24.02.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bk55.ru/news/article/199256/>
- Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
- Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
- Флегон А.* За пределами русских словарей. Троицк, Изд-во: ТОО «РИКЕ», 1993. 414 с.
- Чужакин А.П., Палажченко П.Р.* Мир перевода: Introduction to Interpreting XXI. Изд. 6-е, доп. М.: Р. Валент, 2004. 224 с.
- Greenwald G.* «Biden's Reckless Words Underscore the Dangers of the U.S.'s Use of Ukraine As a Proxy War». [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: <https://greenwald.substack.com/p/bidens-reckless-words-underscore?s=w>
- Hanke J.* Rubles for gas: «Putin trolls the West over its energy addiction». [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/rubles-for-gas-russia-vladimir-putin-trolls-the-west-energy-economy/>
- Infante D.A.* Aggressiveness // Personality and interpersonal communication. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 157–192.
- Webster's New World Dictionary of the American Language. New York: Prentice Hall Press, 1986. 1692 p.

References:

- Akhmetova T.V.* Ozornye stikhi russkikh poetov [Mischievous poems of Russian poets]. M.: Kolokol-press, 1997. 448 p. (In Russian).
- Arutyunova N.D.* Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1990. P. 136-137. (In Russian).
- Chuzhakin A.P., Palazhchenko P.R.* Mir perevoda [Translation world]: Introduction to Interpreting XXI. Izd. 6-e, dop. M.: R. Valent, 2004. 224 p. (In Russian).
- Filosofiya. Ehntsiklopedicheskii slovar' [Philosophy. encyclopedic Dictionary]. M.: Gardariki, 2006. 1072 p. (In Russian).
- Filosofskii ehntsiklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M.: INFRA-M, 1997. 576 p. (In Russian).
- Flegon A.* Za predelami russkikh slovarei [Beyond Russian Dictionaries]. Troitsk, Izd-vo: ТОО «РИКЕ», 1993. 414 p. (In Russian).
- Greenwald G.* «Biden's Reckless Words Underscore the Dangers of the U.S.'s Use of Ukraine As a Proxy War». [Electronic resource]. 2022. – Available at: <https://greenwald.substack.com/p/bidens-reckless-words-underscore?s=w>.
- Hanke J.* Rubles for gas: «Putin trolls the West over its energy addiction». [Electronic resource]. 2022. – Available at: <https://www.politico.eu/article/rubles-for-gas-russia-vladimir-putin-trolls-the-west-energy-economy/>.
- Infante D.A.* Aggressiveness // Personality and interpersonal communication. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 157–192.

Korennaya A.A. Gibridnyi trolling kak metod vedeniya informatsionnoi voyny i tekhnika bor'by s nim [Hybrid Trolling as a Method of Information Warfare and Techniques for Combating it] / A.A. Korennaya, V.A. Mazurov, M.A. Starodubtseva // *Izvestiya AITGU. Yuridicheskie nauki*. 2018. №6 (104). P. 232-237. (In Russian).

Mishkurov E.N. Diskursivnye igry snizhennogo stilya v rechevom povedenii kommunikantov ["Discourse games" of a reduced style in the speech behavior of communicants] // *Voенно-gumanitarnyi al'manakh*. Vyp. 4. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod. T. 1 iz *Lingvistika*. M.: M., 2019. P. 15–23. (In Russian).

Mishkurov E.N. Yazyk sovremennogo sotsiuma: norma i deviantnyi uzus (lingvokul'turologicheskie, sotsiolingvisticheskie i perevodcheskie aspekty) [The language of modern society: norm and deviant usus (linguo- culturological, sociolinguistic and translation aspects)] // *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: X Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya; Materialy konferentsii*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Moskva, 2020. P. 181–192. (In Russian).

Novokshonov D.E. Rech' protiv yazyka [Speech versus language]. M.: Izd. dom Vysshei Shkoly Ehkonomiki, 2016. 304 p. (In Russian)

Putin V.V. Vystuplenie Prezidenta Rossii ot 24.02.2022. [Speech by the President of Russia dated February 24, 2022]. [Electronic resource]. – Available at: <https://bk55.ru/news/article/199256/> (In Russian).

Webster's New World Dictionary of the American Language. New York: Prentice Hall Press, 1986. 1692 p.

Николина Наталья Анатольевна
Московский педагогический государственный университет
г. Москва (Россия)

Петрова Зоя Юрьевна
Фатеева Наталья Александровна
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

Nikolina Natalia
Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)

Petrova Zoya
Fateeva Natalya
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS
Moscow (Russia)

**МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЗЕРКАЛЕ КОМПАРАТИВНЫХ
ТРОПОВ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ИМЕНАМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)**

**WORLD CULTURAL SPACE IN THE MIRROR OF COMPARATIVE TROPES WITH
PRECEDENT NAMES
(ON THE MATERIAL OF MODERN RUSSIAN PROSE)**

В статье рассматриваются компаративные конструкции (метафоры и сравнения), включающие в свой состав прецедентные имена, связанные с зарубежной культурой. Материалом для исследования служат произведения современной русской прозы. В статье отмечается, что наиболее часто используются имена литературных персонажей и исторических деятелей. Наиболее частотны образы сравнения, источниками которых служит английская и французская литература. Компаративные конструкции, включающие прецедентные имена, характеризуют внешность персонажа, его внутреннее состояние, особенности характера и поведения. Для современной русской прозы характерно снижение исходных образов, которое осуществляется посредством определений, выражающих ироническую экспрессию. Определения, сопровождающие прецедентные имена, служат также для уточнения образной характеристики и модификации образа. Компаративные конструкции с прецедентными именами, относящимися к зарубежной культуре, выполняют в современных прозаических текстах различные функции. Они служат средством образной характеристики персонажей или предметов, маркером межтекстовых отношений, выполняют функцию оценки (чаще сниженной или иронической). Они также могут развивать в тексте значимые для него мотивы и в ряде случаев играть сюжетообразующую роль. Проведенный анализ показал, что интенсивное использование компаративных конструкций с прецедентными именами в современной русской прозе отражает многообразие мирового культурного пространства.

The article deals with comparative constructions (metaphors and similes) which include precedent names associated with foreign culture. The material for the study is the works of modern Russian prose. The article notes that the names of literary characters and historical figures are most often used. The most frequent images of comparison are from English and French literature. Comparative constructions including precedent names characterize the appearance of the character, his/her internal state, features of character and behavior. Modern Russian prose is characterized by lowering of the original images, which is carried out through definitions that express ironic expression. The definitions accompanying precedent names also serve to detail the figurative characteristics and modify the image. Comparative constructions with precedent names related to foreign culture perform various functions in modern prose texts. They serve as a means of figurative characterization of characters or objects, a marker of intertextual relations and perform the function of evaluation (often lowered or ironic). They can also develop motifs that are significant for the text and in some cases play a plot-forming role. The analysis showed that the intensive use of comparative constructions with precedent names in modern Russian prose reflects the diversity of the world cultural space.

Ключевые слова: компаративный троп, метафора, сравнение, прецедентное имя, современная русская проза, мировая культура.

Key words: comparative trope, metaphor, simile, precedent name, modern Russian prose, world culture.

Для современной русской прозы характерно обращение к образам мирового культурного пространства, что проявляется не только в использовании многочисленных цитат, аллюзий, но и в широком употреблении компаративных тропов (метафор и сравнений), включающих прецедентные имена, значимые для мировой культуры. Прецедентное имя – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом <...> или с прецедентной ситуацией <...>, сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату <...>, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Брилева, Вольская, Гудков, Захаренко, Красных, 2004, с. 17]). Прецедентным именам посвящены многие работы современных исследователей, при этом они преимущественно рассматриваются в лингвокультурологическом и психолингвистическом аспектах [Алефиренко, 2010; Гудков, 2003; Терещенко, 2016; Флейшер, 2014; Попадинец, 2010 и др.].

Цель нашего исследования – рассмотреть метафоры и сравнения, включающие прецедентные имена, связанные с зарубежной культурой⁷⁶, и определить их функции в художественном тексте. Для анализа привлекались произведения Ю. Буйды, Е. Водолазкина, Д. Рубиной, А. Матвеевой, В. Пелевина, Е. Колиной, Е. Чижовой и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Употребление прецедентных имен, связанных с зарубежной литературой и историей, носит в русской литературе традиционный характер. Многие прецедентные имена приобрели устойчивость, подверглись апеллятивизации и вошли в общеязыковой фонд (см., например, Отелло, Дон Жуан, Тартюф, Гулливер, Дон Кихот, Ромео, Наполеон). Характерно употребление таких имен в прозе XIX в составе заглавий: «Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир» И.С. Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова и др.

В современной русской прозе наблюдается тенденция к расширению ряда таких имен. Например, встречаются употребления в форме множественного числа имен *Скарлетт*: «Образ Скарлетт О'Хары ключевой для студентки филфака. Проблема в том, что *Скарлетт* вокруг много» (Н. Щербак. Роман с филфаком), *Джордано Бруно*, *Жанна Д'Арк*: «Цена одной жизни, – полтора миллиона. Да? Власть готова заплатить? Получается,

⁷⁶ Прецедентные имена в тропах, связанные с русской культурой, рассматривались нами в работах [Николина, Петрова, Фатеева 2020; Николина, Петрова, Фатеева – в печати].

ежели облить себя керосином, встать посреди площади с зажигалкой «Крикет» и – ультиматум: либо мне сюда сейчас полтора лимона зеленых, либо одной человеческой жизнью станет меньше, то?... То? А не ТО. Хоть вы пеплом по утру развейтесь, хоть вы взвейтесь кострами, *джорданы-бруны, жанны-дарки!*» (А. Измайлов. Трюкач).

Основным классом прецедентных имен, представленных в компаративных тропах современной прозы, являются антропонимы. Кроме собственно антропонимов, в состав компаративных тропов могут входить имена сказочных или фантастических животных: «Сотни долларов были заранее разложены по внутренним карманам в мелких купюрах, делая семейную пару похожими на *Пятачка* и *Винни-Пуха*» (А. Цветкова. Штрихи к портрету), «– Верно, мол чел, – улыбнулся широко, как *Чеширский кот*, заграничный господин» (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем).

Среди антропонимов наиболее объемной группой выступает группа имен литературных персонажей, которые преимущественно извлекаются из «сильных» (М. Ямпольский, Н. Фатеева) текстов зарубежной литературы. Прецедентные имена могут в ряде случаев не соответствовать полу описываемого персонажа, например: «В ответ на это нежная Таня, обезоруживающе улыбаясь, сгибала левую руку в локте и произносила такое, отчего случайно оказавшиеся рядом соотечественники заливались краской стыда и укоризны. Таня была настоящей *Гаврош*» (К. Арутюнова. Весна на русской улице), «Из бочки я вылез... как *Венера* из пены морской, такой же чистый, гладкий и обольстительный» (А. Аршакян. Шведский дебют Ивана Денисовича).

В современной прозе доминируют прецедентные имена из текстов В. Шекспира: *леди Макбет*: «Если через пять дней мои руки – вот эти, – растопырила пальцы и уставилась на них, как безумная *леди Макбет*, – если они не будут заняты фотокамерой, а мои изголодавшиеся по работе глаза будут вынуждены созерцать одну только твою мятую рожу...» (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын), *Гамлет*: «Улл несколько раз прошелся перед партами, обхватив подбородок ладонью. Мне пришло в голову, что он похож на пожилого и уже не очень хорошо соображающего *Гамлета*, забывшего, куда он положил свой череп» (В. Пелевин. Бэтман Аполло), *Офелия*: «Ну же, поднимайтесь. Что вы лежите, как утопившаяся *Офелия*. Ничего не поделаешь, милая, теперь придется ответ держать» (Б. Акунин. Чайка), *Отелло* и *Дездемона*: «– Или сам наброшусь и задушу нашу милую Орли, как *Отелло* – *Дездемону?*» (А. Иванов. Комьюнити), *король Лир*: «– Мне хочется понять, – продолжал я, – какое место в вашей картине мира занимают такие люди, как Топоров... он для меня – человек-тайна, то есть тьма... – Он очень одинок, – сказал Брат Глагол. – *Король Лир*. – И с усмешкой добавил: – А я при нем шут» (Ю. Буйда. Стален).

Столь же широко распространены компаративные конструкции, включающие прецедентные имена из сказок Г.-Х. Андерсена: *Дюймовочка*: «Я тебя знаю как облупленную, столько пирожков на вокзале съедено... Мне нужна девушка тихая, скромная, как *Дюймовочка*, чтобы три зернышка в день и наперсточек водички, а ты, Арутюновна, обжора и...» (Е. Завершнева. Высотка), *Снежная королева*: «Валерка видел, что с каждым годом мать становилась все холоднее – ее как будто вымораживало изнутри. Из нее по капле уходило тепло и все то, что можно назвать чувствами. – Ты как *Снежная королева*, – однажды сказал ей Валерка. – Такая же красивая? – не улыбнувшись, уточнила Лида. – Нет, такая же ледяная» (М. Трауб. Замочная скважина), «Она сказала: “Меня зовут Анастасия”. Стояла надо мною, как *Снежная королева*, на новеньких коньках Галифакс, руки в муфте, посреди Юсуповского сада» (Е. Водолазкин. Авиатор), *Кай*: «Одолев уровень третьего этажа, чувствую, что выстуженная за ночь лестница превращает меня в *Кая* – ледяного мальчика из сказки» (Г. Башкуев. Маленькая война).

В текстах современной русской прозы в составе тропов встречаются имена персонажей и из других художественных произведений, чаще всего английской, американской и французской литературы: *Робинзон Крузо* (Д. Дефо): «Избегая быть затоптанным, я мчался *Робинзоном* и прятался в тальник у ильменя» (А. Иличевский. Ай-Петри), *Гулливер* (Дж. Свифт): «Росту, если память не изменяет, метра два с приличным гаком – то ли восемь, то ли аж двенадцать сантиметров. Огромный костистый *Гулливер*. И особенно пугало большое ее, странное лицо, широкое, но с множеством углов и плоскостей» (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы), *Шерлок Холмс* (А. Конан Дойл): «Догадливый, блин. *Шерлок Холмс*. А я тогда кто? По любому не доктор Ватсон» (А. Геласимов. Год обмана), *Маугли* (Р. Киплинг): «– А я?... я без него уж точно оставалась бы дворовой *маугли*, и... вообще не знаю, где была бы сейчас...» (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы), *Тарзан* (Э. Берроуз): «Думаю: спасибо, Рая, в новых трусах я выгляжу достойно, а то бы ходил сейчас в драных, как Тарзан» (М. Панин. Камикадзе), *Фигаро* (П. Бомарше): «Она пользовалась успехом, и ее рабочее расписание оказалось заполненным, как у *Фигаро*, который постоянно был то здесь, то там» (С. Таранов. Мстители), *Д’Артаньян* (А. Дюма): «С этой тайной в груди она сигает в окно второго... нет, третьего этажа резиденции православного патриарха, сбивая с ног (этакий *д’Артаньян* в рясе) проходящего мимо коптского монаха... О-о!!!» (Д. Рубина. Медная шкатулка), *Квзимодо* (В. Гюго): «Один только олигофрен Челюст бурно хохотал и прыгал, как какой-нибудь *Квзимодо*» (В. Аксенов. Таинственная страсть), *Тартарен* (А. Доде): «Ведь он был росточком вот досюда, – он показал чуть выше своей поясицы, – усы, как у *Тартарена*, бороденка... А что – женщины тоже интересовались им?...» (А. Рекемчук. Мамонты).

Наиболее часто среди прецедентных имен из произведений французской литературы встречаются имена персонажей сказок Ш. Перро (*Золушка, Красная Шапочка, Спящая красавица, Белоснежка, Кот в сапогах, Мальчик-с-пальчик* и т. д.).

Сохраняют активность в современной прозе в качестве образов сравнения компаративных тропов прецедентные имена, восходящие к античной мифологии, например, *Одиссей*: «Стоя на остановке автобуса с рюкзаком за плечами, Медея ощущала себя не менее чем *Одиссеем*. Вероятно, даже более, поскольку Одиссей у берегов Трои, не догадываясь о многолетнем времени, которое понадобится ему для возвращения, достаточно точно представлял себе расстояние, отделявшее его от дома» (Л. Улицкая. Медея и ее дети), *Пигмалион*: «Некоторая разница в их возрасте давала возможность Феликсу ощущать себя *Пигмалионом* и ваять из своей прелестной избранницы истинную принцессу» (А. Ростовский. По законам волчьей стаи), *Галатея*: «Да сними ты плащ, не стой, как *Галатея*, сейчас здесь будет жарко, вспотеешь, простудишься...» (А. Волков. Ликвидаторы), *Аполлон*: «Гость был *аполлон*: плечи, грудь, икры, вьющиеся волосы на большой голове – все какое-то выставочное, восклицательное» (Б. Клетинич. Мое частное бессмертие).

Реже в современной русской прозе используются прецедентные имена из немецкой, итальянской, испанской, финской, чешской и других литератур: *Крошка Цахес* (Э.Т.А. Гофман): «А за инструментом сидел человек, эдакий *Крошка Цахес*, с почти квадратным туловищем, с лицом в воспаленно-шершавых пятнах, как при диатезе, с крючковатым носом и безгубым ртом, с ногами, едва достающими до педалей, короткорукый, но пальцы были длинные, тонкие, прогибающиеся на концах» (Н. Кожевникова. Гарантия успеха), *Пиноккио* (К. Коллоди): «Высокий, обаятельной нескладностью и грустным подвижным лицом гость напоминал *Пиноккио*. А подчеркнутой нарядностью модной одежды – *Пиноккио* в свежкупленной курточке» (Е. Колина. Питерская принцесса), *Дон Кихот* (М. Сервантес): «Еврейский Дон Кихот, всегда успевавший сесть прежде полагавшегося ему процесса и совершенно не за то, за что следовало бы, к этому времени Гольдберг успел отсидеть два ничтожных, по масштабам тех лет, срока и готовился к третьему» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого), *Снусмумрик* (Т. Янссон): «У него была большая бесформенная шляпа и длинный ширококрылый нос. На полосатом форменном жилете оранжевый значок-звезда о восьми лучах. Очень похожа на реквизит из космического сериала. Я подумал, что все остальные экспонаты на фоне экскурсовода-*Снусмумрика* должны выглядеть просто классикой реализма» (Д. Захаров. Корочка диссидента), *бравый солдат Швейк* (Я. Гашек): «А тому эдак лет двадцать пять назад Марго была разбитной и шустрой голубоглазой девчушкой, с бабулькой вместо

носа и всклокоченной башкой: *бравый солдат Швейк* в начале своей военной карьеры» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

В текстах современной прозы встречаются и прецедентные имена героев произведений изобразительного искусства. Наиболее часто как образ сравнения используется имя *Джоконда (Мона Лиза)*: «Саша ощущала, как разглаживается кожа на ее лице, как скулы сами собой чуть утягивают уголки губ и вся она, будто *Джоконда*, лучит силу, умиротворение и тайну» (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана). При этом в составе компаративных тропов наиболее распространено сравнение с *улыбкой Джоконды*: «– О вашей любви к Нине Софьиной, – сказала Наталья, улыбаясь своей непостижимой женской *улыбкой Джоконды*» (А. Слаповский. Любовь по-нашему), «Женщина, не проронив ни слова, ушла с загадочной *улыбкой Джоконды*» (Д. Каралис. Катер), «Любка, у которой деньги отродясь не водились, лишь недоуменно пожала плечами, с загадочной *улыбкой поистаскавшейся Джоконды* потеряла большой палец об указательный» (Н. Дежнев. Год бродячей собаки)

Для образной характеристики персонажей в современной прозе нередко используются также описательные конструкции с указанием картин известных художников, например: «При нем телепался умный, нервный и злой шут Люсио, так напоминавший мне *карликов великого Веласкеса*» (Д. Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра), «– У тебя ограниченное понятие о красоте, – пенял Юрий Сергеевич жене. – Тебе хочется, чтобы Машка была пышная красавица, как ты. А у нее совсем другой тип, она – *девушка с портретов Модильяни*» (Е. Колина. Питерская принцесса).

В состав компаративных тропов могут входить не только имена персонажей, но и имена самих писателей, художников и композиторов: *Байрон*: «Борька был белокурый, как бестия, на голову выше сверстников и, как *Байрон*, угрюм» (Б. Зиф. Провинция), «Ведь он был хром, как бес. – Как *лорд Байрон*, – сказала она» (Л. Юзефович. Дом свиданий), *Микеланджело*: «С чувством выплаченной за свою привлекательность дани Вера объявила, что раз все закончилось, то она пошла. Новость стала для потенциального *Микеланджело* ударом» (А. Снегирев. Вера), *Сальери* и *Моцарт*: «Я возвращал искусство трудоемко, медленно, а они топтали его и не замечали даже. Я был *Сальери*, а они – какие-то абсурдные *Моцарты*» (А. Белозеров. Люди до востребования).

Наряду с рассмотренными именами в составе метафор и сравнений современной русской прозы широко представлены имена исторических деятелей, например, *Чингисхан*: «Мы затаили дыхание, а Рамиль торжествующе посмотрел на нас с высоты таким взглядом, что у меня мурашки побежали по коже. *Чингисхан* во время полтавской битвы» (А. Геласимов. Год обмана), *Колумб*: «Николенька ощущал себя *Колумбом*. Наконец-то ему

удалось попасть в центр внимания не одной только кадетской роты или кадетского морского корпуса, но всего корабля, а значит, всего общества» (В. Михальский. Весна в Карфагене), *Наполеон*: «На кухне сидел заспанный зять со своими бумагами, а в коридоре из угла в угол ходила Татьяна. Как *Наполеон* перед битвой при Ватерлоо» (А. Геласимов. Чужая бабушка), *Карл Маркс*: «Голеву бросилась в глаза его разросшаяся борода, которая сделала бы Кичитского похожим на исхудавшего *Карла Маркса*, кабы не ржаной цвет...» (А. Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера), *Фидель Кастро*: «– Угу, – согласился Сергей, – упорный, как Фидель Кастро: ни бриться, ни мыться не будет, пока тебя не достанет...» (А. Мельник. Авторитет).

Кроме имен исторических деятелей, в современной прозе используются в тропах имена ученых и актеров: «И вот доказательство: из небытия ее рванул худенький еврей, чем-то похожий на *Эйнштейна*, нашел у нее жабры и потянул вверх» (Г. Щербакова. Ангел Мертвого озера), «Он видел, как бесцеремонный англичанин в желтом жилете, похожий одновременно и на *Дарвина*, и на его доисторического рыжевато-голубого предка, раздраженно смял газету и бросил на пол» (А. Богдан, Г. Прашкевич. Человек «Ч»), «А приехала она в четвертом часу утра, и отец уже не спал. Или еще не спал. Доконает он себя. – Ну, ты даешь, прямо *Бельмондо*! – восхитилась она, чтобы приободрить отца. – Был бы *Бельмондо*, если бы ты меня так не доканывала, дочечка моя» (О. Некрасова. Платит последний), «Начинается с того, как главный герой, писатель, выступает в клубе, где знакомится со своей восторженной поклонницей, влюбленной в его книги. Такая длинноногая провинциальная *Брижит Бардо*» (О. Новикова. Женский роман).

Прецедентные имена в составе компаративных тропов часто сочетаются с определениями, которые уточняют образную характеристику, модифицируют ее и отсылают к сюжетной ситуации исходного текста: «Я лихорадочно перебирал тонкие серые книжки дрожащими руками, как *Том Сойер*, *нашедший клад*, и вдруг схватил «Старинную любовь», вскочил и начал танцевать по комнате, бережно прижимая книжку к груди» (Е. Колина. Дневник измены), «Она напоминала *Медю*, *решившуюся на убийство собственных детей ради единственной цели – принести горе их отцу, ушедшему к другой женщине*» (К. Яхонтова. Смятение Анастасии).

В прозе последних лет прецедентные имена последовательно адаптируются к изображаемым современным ситуациям, что отражается в характере их распространителей: «Я чувствовал себя блистательным (и лишь чуть пошловатым) *малаховским Казановой*» (В. Маканин. Неадекватен), «Я слыл *батальонным Казановой*, хотя за время службы любовных приключений мне почти не выпадало» (А. Троицкий. Удар из прошлого), «А ведь достаточно было зайти на любое кладбище и полюбоваться на бесконечные ряды

черных обелисков, чтобы понять, как эти *современные Робин Гуды* тысячами крошат друг друга за бабки» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова).

Для современной прозы характерно последовательное снижение образа, что порождает в тексте ироническую экспрессию: «Неужели сам не понимаешь, что это нелепо? *Побитый молью Ромео* – это смешно...» (С. Романов. Парламент), «Выходит, *этот прожженный Фигаро* мог быть и искренним» (Н. Кожевникова. Колониальный стиль), «Представьте себе *сермяжного Отелло*, привыкшего все решать с кондачка, который, заигрывая, всякий раз норовит ущипнуть Дездемону за определенное место, а потом в припадке ревности ни за что ни про что душит ее насмерть» (В. Слипенчук. Зинзивер), «Та еще штучка! *Кармен доморощенная...*» (Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда»).

Функцию снижения выполняют, в том числе, фразеологизированные конструкции с компонентами *тоже мне, нашелся*: «Это вернулся драгоценный муженек Антонины, тот самый кобель, который едва не вогнал ее в продолжительную депрессу, обозвав синим чулком. *Тожe мне Ален Делон, блин, членистоногий*» (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками), «Чем дальше, тем Олег все больше сожалел о своем поступке. *Нашелся граф Монте-Кристо*. Ведь зря бандюгу деньгами наделил. Тот и сумму приличную огреб, и девчонку эту снова приберет» (В. Мясников. Водка).

Компаративные конструкции, включающие прецедентные имена, характеризуют в современных текстах:

1. Внешность персонажа: «Таков был Адик, золотоволосый *Дориан Грей*, с кошачьи-вкрадчивыми движениями, с разными профилями и кривой улыбкой» (Н. Кожевникова. Гарантия успеха), «Директор действительно лицом несколько смахивал на *Наполеона*: мелкие черты, пухлый подбородок мягко переплывал в короткую массивную шею» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого), «Длинные ресницы, правильный аккуратный ротик, большие темно-синие глаза и неправдоподобно белая кожа делали ее похожей на *Дюймовочку*, только что спустившуюся с цветочного лепестка» (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало);

2. Особенности характера и поведения: «– Не пойду, – сказала я шепотом. – Что? – переспросила мама. – Ты не моя мама, ты – *Снежная королева*. Злая. Ты меня заберешь с собой и заморозишь» (М. Трауб. Плохая мать), «По узкому ходу в толстой стене заброшенного Троицкого собора пробрался я на хоры, а потом по еще более узкому ходу, скорее даже лазу, с огромным трудом, точно *Винни Пух*, возвращающийся из гостей у Кролика, протиснулся на крышу» (М. Бару. Замок с музыкой);

3. Внутреннее состояние персонажа: «И компьютеры – наши! Мы успеваем поставить их по договору в областную администрацию, получаем свои деньги, возвращаем

кредиты фонду и спасаем свои квартиры. Николай обвел всех торжествующим взглядом. Он чувствовал себя как *Наполеон*, воскликнувший: «Солдаты! Вот солнце Аустерлица!» (А. Геласимов. Дом на Озерной), «Я попробовал представить то, о чем он говорил. И ощутил себя *Винни-Пухом* с тонной опилок в голове. От меня, кажется, даже запахло опилками» (М. Петросян. Дом, в котором...).

Функция образной характеристики персонажа нередко совмещается с оценочной функцией: «Такие подробности уже некстати, но Соне невдомек, она – приветливое чудовище, *Пандора*, открывающая рот, не ведая, что творит» (Д. Симонова. Шанкр).

В текстах современной прозы могут встречаться контексты, в которых одновременно используются два и более образа: «Стоп, Джой, стоп, я сказал! Цвет волос своих, естественных, у нее опять же разный... зависит от освещения... настроения... времени года... магнитных и прочих бурь... Бобби, нахмурившись, подумает, как пить дать, что я поэтизирую. Ишь ты, *лорд Джордж Гордон Байрон и Перси Биши Шелли в одном лице!*» (М. Палей. Дань саламандре), причем подобные образы могут характеризовать разные культуры: «В тот раз, что она к нам заехала, у нас была Зоя. *Бальзаковская баронесса де Нусинген и диккенсовская крошка Доррит*» (А. Найман. Любовный интерес).

Итак, активное использование компаративных конструкций с прецедентными именами, представляющими зарубежную культуру, в современной русской прозе отражает широту и многообразие мирового культурного пространства. В текстах современных прозаиков в метафорах и сравнениях используются прецедентные имена разных исторических эпох, разных национальных культур, разных видов искусства, при этом наблюдается взаимодействие и переосмысление различных образов. В то же время для современной русской прозы характерен неполный охват мирового культурного пространства: в центре внимания писателей находятся прецедентные имена, связанные преимущественно с европейской культурой. Так, например, арабско-иранская культура представлена в исследованном нами материале единичными примерами, включающими прецедентное имя *Шехерезада*: «Опусти руки. На колени, вот так... Ну, давай, начинай, я слушаю. Будешь моей *Шехерезадой*: пока длится сказка, девушка живет» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Компаративные конструкции с прецедентными именами, относящимися к зарубежной культуре, выполняют в современных прозаических текстах различные функции. Они служат средством образной характеристики персонажей или предметов, маркером межтекстовых отношений, выполняют функцию оценки (чаще сниженной или иронической). Они также могут развивать в тексте значимые для него мотивы и в ряде

случаев играть сюжетообразующую роль (см., например, образ Робинзона Крузо в романе Е. Водолазкина «Авиатор» [Николина, Петрова, 2019, с. 57]).

Список литературы:

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 288 с.
- Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.
- Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: «Гнозис», 2003. 288 с.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
- Николина Н.А., Петрова З.Ю.* Система компаративных тропов в романе Е. Водолазкина “Авиатор” // *Slavica XLVIII*. Debrecen: Debrecen Univ. Press, 2019. P. 54–64.
- Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.* Имена литературных персонажей в составе компаративных конструкций современной русской прозы // *Известия Смоленского государственного университета*. 2022. № 1.
- Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.* Славянские мифонимы в зеркале компаративных тропов современной русской литературы // *Русский язык и литература в славянском мире: история и современность*. М.: Изд-во МГУ, 2020. С. 483–489.
- Попадинец Р.В.* Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: опыт психолингвистического исследования. Курск: Курский государственный технический университет, 2010. 126 с.
- Терещенко А.В.* Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. №11 (176). С. 76–84.
- Флейшер Е.А.* Основы прецедентности имени собственного: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Флейшер Екатерина Андреевна. Санкт-Петербург, 2014. 164 с.

References:

- Alefirenko N.F.* Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology. Value-semantic space of language]. Moscow: Flinta Publ., 2010. 288 p. (In Russian).
- Brileva I.S., Vol'skaya N.P., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Krasnykh V.V.* Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar' [Russian cultural space: Linguoculturological dictionary]. Issue 1. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 318 p. (In Russian).
- Fleisher E.A.* Osnovy pretsedentnosti imeni sobstvennogo [Foundations of the precedent character of a proper name]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Fleisher Ekaterina Andreevna. Saint-Petersburg, 2014. 164 p. (In Russian).
- Gudkov D.B.* Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 288 p. (In Russian).
- Nikolina N.A., Petrova Z.Yu.* Sistema komparativnykh tropov v romane E.Vodolazkina «Aviator» [A system of comparative tropes in the novel «Aviator» by E. Vodolazkin] // *Slavica XLVIII*. Debrecen: Debrecen University Press, 2019. P. 54–64. (In Russian).
- Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A.* Imena literaturnykh personazhei v sostave komparativnykh konstruktсии sovremennoi russkoi prozy [Names of literary characters in comparative constructions of modern Russian prose] // *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 1. (In Russian).
- Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A.* Slavyanskie mifonimy v zerkale komparativnykh tropov sovremennoi russkoi literatury [Slavic mythonyms in the mirror of comparative tropes in modern Russian literature] // *Russkii yazyk i literatura v slavyanskom mire: istoriya i sovremennost'*. Moscow: MGU Publ., 2020. P. 483–489. (In Russian).
- Popadinets R.V.* Pretsedentnoe imya v soznanii nositelya russkogo yazyka: opyt psikholingvisticheskogo issledovaniya [The precedent name in the minds of a Russian speaker: an attempt of a psycholinguistic study]. Kursk: Kursk State Technical University Publ., 2010. 126 p. (In Russian).

Russian National Corpus [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka] [Electronic resource]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.

Tereshchenko A.V. Precedentnye imena v sovremennom russkom i angliiskom yazykakh: status, semantika, osobennosti funktsionirovaniya [Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, features of functioning] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. №. 11 (176). P. 76–84. (In Russian).

Осипова Нина Осиповна
Вятский государственный университет
г. Киров (Россия)

Osipova Nina
Vyatka State University
Kirov (Russia)

**ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА (Н. АНИСИМОВА)
КАК ИСТОЧНИК ОСМЫСЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ МИССИИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ**

**LITERARY HERITAGE OF METROPOLITAN NESTOR (N. ANISIMOV) AS A
SOURCE OF COMPREHENSION OF THE SPIRITUAL MISSION
OF RUSSIAN ÉMIGRÉS ABROAD**

В статье впервые рассматривается литературное творчество митрополита Нестора, его вклад в культуру русского зарубежья и культуру Китая. Литературные очерки, травелоги, воспоминания, составившие огромный пласт его творчества, демонстрируют открытость жанровой природы, богатство стиля, синтетизм художественно-эстетического сознания. Положенные в основу лекций, прочитанных в разных странах, они отражают не только тонкость художественного восприятия мира и человека, но и значимость сближения и единения русской и восточной культур в их стремлении к общечеловеческим идеалам «мира через культуру». В поле зрения автора – цикл произведений о. Нестора, включенных в раздел «Очерки архиерея в изгнании», примыкающие к ним очерки-путешествия по Европе и Азии и воспоминания о духовной миссии русской православной церкви на Дальнем Востоке, в Индии и других странах. Своеобразие прозы о. Нестора – в сплаве традиций русской литературы с духовной прозой, в стилевом синтезе возвышенно-романтического и повседневного, в богатстве деталей и субъективном авторском видении. Это проявляется в романтических описаниях природного мира, автобиографических историях, внимании к жизни простого человека. Традиционная оппозиция *свое/чужое* в освещении инокультурного материала воспринимается о. Нестором как оппозиция *свое/другое*. В таком понимании культур духовный писатель видит источник преодоления конфликта между ними и достижения общечеловеческой гармонии, даже если путь к этой гармонии лежит через страдания и жертвы.

The article explores literary creative works of Metropolitan Nestor, his contribution to the culture of Russian émigrés and culture of China for the first time. Literary sketches, travelogues, and memoirs, which form a large bulk of his creative work, reveal genre openness, richness of style, and syncretism of his artistic and aesthetic consciousness. These works, which constituted the basis of his lectures, delivered in different countries, reflect not only a finesse of his perception of the world and human beings but the significance of drawing together and bonding of Russian and Oriental cultures in their aspiration for common human ideals of achieving “peace through culture”.

The author focuses on the cycle of Father Nestor’s works, included into the part “Ocherki arkhiereya v izgnanii” (“Essays by a Bishop in Exile”), travelogue sketches about his trips to Europe and Asia, closely linked to the former, and memoirs about the spiritual mission of the Russian Orthodox Church in the Far East, in India, and in other countries. The originality of Father Nestor’s prose is in its blending of traditions of Russian literature and spiritual prose, in the stylistic synthesis of the sublime-romantic and the quotidian-mundane, in richness of details, and the writer’s subjective vision. This is evident in romantic descriptions of the natural world, autobiographical stories, and the attention paid to life of the ordinary person. The traditional opposition of *one’s own/alien* in interpretation of materials from other cultures is perceived by Father Nestor as the opposition of *one’s own/different*. In this understanding of cultures, the spiritual writer sees the source of resolving a conflict between them, and a way to reach harmony for all humanity, even if the path towards this harmony may lie through suffering and sacrifice.

Ключевые слова: русское зарубежье, Русская Православная Церковь, митрополит Нестор, литературное наследие, жанровая система.

Key words: Russian émigrés, the Russian Orthodox Church, Metropolitan Nestor, literary heritage, genre system.

Епископ, затем архиепископ и митрополит *Нестор* (имя в миру Николай Александрович Анисимов) – личность уникальная не только в эмигрантском мире и православной церкви, но и в русской культуре в целом. Человек яркой индивидуальности, многогранного проявления личности, он даже внешностью своей не вписывался в традиционное наше представление об отцах церкви. Между тем, мало кому было суждено пройти весь крестный путь веры и страданий в великом служении людям и своей многострадальной родине.

Основные этапы жизни и деятельности этого замечательного человека, подвижника церкви в целом достаточно полно изучены историками и исследователями эмиграции [Фомин, 2004] – мы лишь коротко обозначим основные вехи его духовного служения. Будущий митрополит родился в Вятке в 1885 году. После окончания миссионерских курсов при Казанской духовной академии принимает постриг и позже уже в сане иеромонаха отправляется с миссией на Камчатку – тогда заброшенную, разворовываемую окраину Российской империи, коренные жители которой находились на грани вымирания. Именно усилиями Нестора удалось привлечь внимание русского императора к спасению этого края, в результате чего были построены десятки церквей, школ, приютов, больниц. До конца жизни о. Нестор с любовью вспоминал период своего Камчатского служения, считая его самым ярким в жизни. Участник Первой мировой войны, в гражданскую он поддержал Белое движение, служил в санитарных батальонах, а после разгрома армий Колчака, эмигрировал вначале в Японию, затем в Китай. С Манчжурией, с Харбином связаны основные годы эмиграции о. Нестора и его служение в сане архиепископа, а потом и Митрополита Харбинского и Маньчжурского (до своего ареста в 1948 году китайскими властями, передачи его советским властям и препровождении в Советский Союз с последующим арестом и заключением в лагерь ГУЛАГа). После реабилитации и освобождения в 1956 г. служил в ряде епархий; последнее его назначение – митрополит Кировоградский и Николаевский. Владыка Нестор скончался в Москве 4 ноября 1962 года, похоронен в ограде храма Преображения Господня в Переделкине.

В годы эмиграции Владыка ведет активную общественную и миссионерскую деятельность, выступает в лекциями с проповедями, участвует в организации новых приходов, видя свою главную миротворческую миссию в том числе в достижении взаимопонимания представителей разных конфессий и общин, в том числе и языческого, шаманистского толка, их мирного сосуществования на земле. Жизнь среди инородцев выработала у о. Нестора веротерпимость и уважение к национальным традициям и вере всех народов, с которыми он общался.

Широка география его поездок, главным образом связанных с делами церкви, но в то же время ставших источником множества впечатлений о странах, городах, людях, искусстве и архитектуре. Современники отмечали несомненный литературный талант о. Нестора, выразительность и эмоциональность его проповедей и трудов. Изданное относительно недавно собрание его трудов («Вернувшийся домой...», 2005) дает полное представление о его авторе как о писателе, обладающем ярким образным мышлением, оригинальной художественной системой, жанровым новаторством. Произведения, составившие содержание сборника – это литературные «жемчужины», в том числе и те, что были завершены автором в период заключения и ждут своего исследователя.

К сожалению, труды о. Нестора до сих пор не рассматриваются в качестве художественных текстов – к ним применялся исключительно содержательно-тематический подход, ориентированный на религиозный дискурс. Но в соответствии с темой статьи в поле нашего зрения – цикл произведений, объединенных названием «Очерки архиерея в изгнании», куда вошли «Очерки Дальнего Востока», «Маньчжурия-Харбин», «Очерки Югославии», «Египет–Рим–Бари».

Литературное наследие о. Нестора – это бытовые и исторические очерки, мемуары, дневниковые записи, путевые записки. Многообразие тематики и сюжетов, которые составили содержание очерков, связано не только с миссионерской деятельностью русских церкви дальневосточной ветви эмиграции, но и с уникальными историко-этнографическими, национальными, социокультурными, художественными, культурно-географическими реалиями, которые составляли жизненное пространство автора. Все эти особенности определяют специфику жанров, характеризующих творчество о. Нестора. Это органичный синтез травелога, дневника, воспоминаний, жития, воплощенных в ярком художественном дискурсе. Несомненно, эти произведения связаны с протяженной русской литературной традицией, в которой любимые о. Нестором, протопоп Аввакум, славянофилы, Достоевский, Гоголь, Чехов.

Этот синтез в полной мере свойствен очерку «Манчжурия-Харбин» (опубликован в 1933 г.). Следует подчеркнуть, что определение «очерк» (или «доклад», как его именует сам автор) не отражает полноты жанровых красок этого текста, основная тональность которого задается сложным художественным параллелизмом в самом начале: «После страшной бури, которая пронесется над городом, шумит, рвет и ломает все на своем пути, часто находят разбросанные остатки домов, обстановки, имущества в самых разнообразных, в самых отдаленных краях <...> Так и в человеческом мире страшные, адские бури бунта и революции, разрушая все скопленное народами духовное и материальное достояние, далеко

разметывают по лицу земли тех, кто дерзает противостоять черным силам зла» [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 217].

Пространственно-временной континуум очерков обладает особым типом ментальности. Рисуя Манчжурию, давшую приют многим русским изгнанникам, автор отражает свое мирозерцание в сочных описаниях манчжурских пейзажей, пропуская их сквозь призму авторского «я», национально-культурное и историческое видение, давая читателю вариант «автопортретирования» природы, где сдержанность соседствует с высокой экспрессивностью. Это не снимает документальности описаний, но делает их проникнутыми «божественным замыслом», что создает удивительный литературный эффект: «Густой пеленой покрывает снежный саван весь город – и улицы, и высокие серые дома деловой части города, и маленькие уютные домики предместья Модягоу – собственность русских жителей. Снег блестит яркими красками под улыбкой солнца и кажется каким-то таинственным сказочным одеянием под белым светом луны. Ах, как красив в первом свежем, чистом, снежном уборе Харбин. Еще ближе становится он тогда русскому сердцу» [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 232]. Бинокулярность пейзажных описаний создает эффект панорамности картины: от характерного для романтической поэтики общего романтизированного впечатления до приближения фрагмента, укрупнения деталей и от них – к человеку (таков прием в описании поездки о. Нестора по монастырям – католическому, протестантскому, буддийскому, исламской мечети). Природа не делит людей по вероисповеданию и национальности – это космос божественного разума – не случайно временные вехи очерка обозначены праздниками (православными, языческими), в которых участвуют представители всех религий (в числе ярких и забавных эпизодов – обращение китайцев-язычников к русским православным, чтобы те помолились о ниспослании дождя).

И черной линией (еще один пространственный образ), видимой с горы, разрезает эту благодатную землю «черный туннель отделяющий китайскую, ныне маньчжурскую, линию КВЖД от советской <...> И взор русского изгнанника, стоящего на этой горе, с тоской всматривается вдаль, в этот край страшных мук и непередаваемых страданий» [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 230]. Семантика границы, отчетливо акцентированная в очерках, включает различные образы-топосы: граница реальная, географическая, граница железной дороги и граница духовно-историческая, расколовшая Россию на два мира. Но в том, пока еще гармоничном мире Манчжурии, который описан в очерках, нет границ между народами и вероисповеданиями, между природой и человеком.

И здесь явственно звучит пушкинская традиция, в частности «Путешествия в Арзрум», где погружение романтической поэтики в реалистическое пространство дороги

создает особую жанровую проницаемость художественного и документального, своего и чужого [Иванова, 2015, с. 37-49]. Читатель получает уникальные знания об истории региона, народах, его населяющих, животном и растительном мире, этом «причудливом, интересном, волшебном смешении всех форм, всех видов жизни на земле» [Вернувшийся домой...2005, 218]. Мы склонны видеть в художественной системе очерков о. Нестора проявление панентеистического мирозерцания, промежуточного между теизмом и пантеизмом, не одобряемого официальной Церковью, но, как полагает С. С. Хоружий, воплощающего «метафизику всеединства», сохраняющую дистанцию между Богом и миром [Хоружий, 1994].

В качестве иллюстрации приведем фрагмент описания церковной службы в канун Происхождения Древа Креста Господня: «Далеко, под горой, виднелись хижины поселка, весь склон горы, на которой совершалось богослужение, был усыпан звездочками – свечами богомольцев, как бы отражая в себе звездное синее небо, которое широким пологом простерлось над нами. И горы, и лес молчали в эту минуту. Казалось, они с благоговением внемлют молитве людей. Высокие вершины гор уходили в самое небо, небо низко опустилось над нами, как бы заглядывая в душу каждого. Казалось, что в молитвенном трепете все слилось воедино. Небо сочеталось с землей, и природа соединилась с человеком» [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 227]. Все это многообразие зарисовок харбинского быта, атмосферы политической и литературной жизни эмигрантов, с включенными в них историософскими рассуждениями и описанием православных праздников в Харбине создает сложный жанровый сплав. Путевые заметки православного пастыря по Манчжурии, ее монастырям, религиозным общинам превращаются в художественное описание свойственной такому типу очерка «целостной картины бытия из разрозненных деталей, индивидуальное соотносится с универсальным, личность и нация находятся в процессе самопознания» [Стеценко, 1999, с. 12].

Обозначенные особенности жанра прозы о. Нестора особенно отчетливо реализуются в цикле путевых очерков «Египет, Рим, Бари (1934) и «Очерках Югославии» (впечатления путешествия)» (1935). Оба произведения – типичный образец путевых записок, ставших результатом паломнической поездки о. Нестора (тогда еще архиепископа) по святым местам, которую он предпринял с целью укрепления связей между православной эмиграцией Дальнего Востока и западным центром. В ходе поездки, которая продлилась почти год, о. Нестор посетил более 30 городов и большое количество христианских святынь, прочитал более 70 лекций о Дальнем Востоке. Эти записки в истоке явственно восходят к жанру «хождения» в чужие земли и паломничества. В то же время это синтетический жанр, представляющий сложный сплав динамики движения и описательной

статистики, исторических и библейских сюжетов, романтических легенд и фольклора, элементов путеводителя и проскинетария. Благодаря этим жанровым особенностям путешествия представляют универсум бытия. Но все обозначенные жанровые модификации нанизаны в записках на жесткую схему перемещения в пути: города, которые входили в программу путешествия, люди, с которыми встречался или знакомился, при этом путевые впечатления включают такую особенность, как «характер отбора дорожного повествовательного материала и его стилистическое воплощение», что находится «в прямой зависимости от социально-профессионального статуса пишущего» [Шадрина, 2003, с. 42].

Практически все «медальоны» путешествия включают описание природы этого места, его святынь, исторические и культурные факты, с ним связанные. При этом описания не исключают субъективности взгляда автора. Так, в очерках «Египет, Рим, Бари» о. Нестор демонстрирует исключительное уважение к культуре и религии этих мест, выражает восхищение уникальными памятниками древнего Египта и Италии. Религиозная терпимость, уважение к иной церкви снимают традиционную для исторически более ранних «хожений в чужие земли» оппозицию свое/чужое, отражая эмоционально-духовную близость культур: «За грядой гор и холмов, за пылью долин в легкой дымке исчезал Вечный город. Много там мишуры, много внешнего, не глубокого блеска, много чуждого православному сердцу, но еще больше того, что наполняет душу трепетом и умилением...» [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 311–312].

Неизгладимое впечатление оставляют у повествователя художественные достижения итальянской культуры, живопись Ренессанса – перед этими чудными шедеврами «можно стоять часами, замороженными их красотой, но молиться пред этими иконами трудно. Потому что слишком земные, чувственные, плотские эти изображения, потому что слишком земная красота в них отображена» [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 307].

«Очерки Югославии», сохраняя сюжетный архетип «хожения», объединены общей идеей, положенной в их основу. Это идея «славянского мира», точнее, *Slavia Christiana*, которая в полной мере воплощается в Королевстве Югославия, оставшемся единственным мощным ядром славянства после «русского раскола». Цель очерков – показать стремление к единению всего славянского мира. О. Нестор, сторонник панславизма, не скрывает своего восхищения мужеством сербов, их характером, отраженным в языке и богатом фольклоре. Много страниц отводится истории страны, в том числе военной истории освобождения земли от Османской империи и о роли в этих процессах России. Повествование насыщено рефлексией, которая организует не только субъективный пласт рассказа, но и характер

хронотопа: кроме физического перемещения автора-повествователя по заданному путешестви́ем маршруту, здесь представлено перемещение духовное и историческое. Но если герой путешествий, как правило, получив впечатления от поездки, с радостью возвращается на родину, то для о. Нестора путешествие в Югославию – это одновременно и путь в другие земли, и возвращение к своим истокам: для него Югославия – это символ славянства. Объектом особого преклонения являются не только христианские святыни, но и героические страницы национальной истории, которым уделяется много внимания. О. Нестор – прекрасный рассказчик, его повествование насыщено семантически выразительными деталями. Трагической интонацией проникнуты фрагменты о поражении сербского восстания против турок-османов: «И вот, как молодой орел с недоросшими крыльями со стоном падает после первого взлета, если не поддержат его могучие крылья старших орлов, так в зареве пожаров, сжигавших родные города, в потоках крови доблестных славянских борцов склонилось снова и снова знамя сербской борьбы [«Вернувшийся домой...», 2005, с. 339]. Путевые заметки насыщены подробностями, образными пассажами в описании югославских пейзажей, богослужений, архитектуры и внутреннего убранства храмов. О. Нестор намеренно использует различные приемы художественной выразительности, расширяя жанровый канон «путешествия в святую землю» до литературного произведения, насыщенного транскультурными аллюзиями, – процесс, названный исследователями травелогов «циркулирующей транскультурной информацией»: приводятся многочисленные примеры хроникальных источников, легенд и песен, которые формируют хронотоп Югославии как культурно-исторического центра славянства; тем самым подчеркивается мысль М. Бахтина о том, что местность – это след события ее оформившего. Такова логика всех местных мифов и легенд, осмысливающих пространство историей» [Бахтин, 1975, с. 223].

Основное место в очерках занимает информация о жизни русской эмиграции в Югославии, являясь важным источником понимания роли Белграда в сохранении и развитии русской науки, образования, юриспруденции, медицины за рубежом; подробно описана деятельность знаменитого Русского дома, центра организации Русских Соколов. Одновременно автор развивает мысль о вкладе русской эмиграции в экономическую и научную жизнь страны.

В качестве заключения отметим, что очерки и путевые записки о. Нестора, представляя особый блок его творчества, являются высокохудожественными текстами, отражающими развитие жанровых традиций русской литературы в сфере мемуаристики, эпистолярного, дневникового наследия, художественной прозы. Исследование их в контексте всего комплекса этого богатого литературного наследия в многообразных связях

с русской литературой (в том числе религиозно-философской) будет способствовать полноте представлений о литературном процессе и русской культуры в целом.

Список литературы:

- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 120-290.
- Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова):* В 2 т. Т.1. / Авт.-сост. О.В. Косик. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005. 575 с.
- Иванова Н.П.* Отражение взаимосвязи художественной и ментальной эволюции в творчестве А.С. Пушкина (на материале «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года») // Вопросы русской литературы. 2015. № 2. С. 37–49.
- Стеценко Е.А.* История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. 310 с.
- Фомин С. В.* Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов). М.: Форум, 2004. 448 с.
- Хоружий С.С.* Идея всеединства от Гераклита до Бахтина // После перерыва. Пути русской философии [Электронный ресурс]. СПб.: Алтейя, 1994. – Режим доступа: https://royallib.com/read/horugiy_serгей/posle_pereriva_puti_russkoy_filosofii_chast_1.html#112747
- Шадрина М.Г.* Эволюция языка «путешествий»: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шадрина Марина Геннадьевна. Москва, 2003. 396 с.

References:

- Bakhtin M.M.* *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poehtike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics] // M. Bakhtin. *Voprosy literatury i ehstetiki*. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. P. 120–290. (In Russian).
- Fomin S.V.* *Apostol Kamchatki. Mitropolit Nestor (Anisimov)* [Apostle of Kamchatka. Metropolitan Nestor (Anisimov)]. M.: Forum, 2004. 448 p. (In Russian).
- Ivanova N.P.* *Otrazhenie vzaimosvyazi khudozhestvennoi i mental'noi ehvolyutsii v tvorchestve A.S. Pushkina (na materiale "Puteshestviya v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda")* [Reflection of the relationship between artistic and mental evolution in the work of A.S. Pushkin (on the material of "Travel to Arzrum during the campaign of 1829")] // *Voprosy russkoi literatury*. 2015. № 2. P. 37–49. (In Russian).
- Khoruzhii S.S.* *Ideya vseedinstva ot Geraklita do Bakhtina* [The idea of unity from Heraclitus to Bakhtin] // *Posle pereryva. puti russkoi filosofii* [Electronic resource]. SPb.: Alteiya, 1994. – Available at: https://royallib.com/read/horugiy_serгей/posle_pereriva_puti_russkoy_filosofii_chast_1.html#112747 (In Russian).
- Shadrina M.G.* *Ehvolyutsiya yazyka «puteshestvii»* [The evolution of the language of "travel"]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 / Shadrina Marina Gennad'evna. Moscow, 2003. (In Russian).
- Stetsenko E.A.* *Istoriya, napisannaya v puti... (Zapiski i knigi puteshestvii v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.)* [History written on the road... (Notes and books of travels in American literature of the 17th–19th centuries)]. M.: IMLI RAN, 1999. 310 p. (In Russian).
- Vernuvshiiysya domoi: Zhizneopisanie i sbornik trudov mitropolita Nestora (Anisimova).* V 2 t. [Returned home: Biography and collection of works of Metropolitan Nestor (Anisimov): in 2 vols.] / Avt.-sost. O.V. Kosik. M.: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta, 2005. 575 p. (In Russian).

Полехина Майя Михайловна
МГИМО МИД России (Одинцовский филиал)
г. Одинцово (Россия)

Polekhina Mayya
MGIMO MFA of Russia (Odintsovo branch)
Odintsovo (Russia)

**АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖАНР В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ
ПОВСЕДНЕВНОГО СОЗНАНИЯ: ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

**AUTO DOCUMENTARY GENRE IN THE DISCURSIVE PRACTICE OF EVERYDAY
CONSCIOUSNESS: NOTEBOOKS OF MARINA TSVETAEVA**

В статье рассматривается место автодокументальных жанров в дискурсивной практике повседневного сознания. Репрезентируя культуру повседневности, автодокументалистика синтезирует в себе огромный пласт представлений о мире и человеке (философских, этических, психологических, лингвистических). Авторское сознание воссоздает особую реальность, на которую не может не откладывать свои специфические черты поэтика художника: это и субъективно окрашенный хронотоп, и синтез лиро-эпического и драматического в текстах, и использование изобразительно-выразительных средств языка для достижения художественно-эстетического эффекта. Дневниковые записи связаны с вопросом о самоидентификации, характеризуются установкой на философский подтекст, особую сюжетно-композиционную структуру и образность. Автор не просто воспроизводит жизнь, а реконструирует ее под определенным углом зрения. Структура авторского сознания отражается в сложно организованной системе исповедально-экспрессивного дневникового повествования. Автор записных книжек – это субъект первично-эмпирической реальности: на фоне трагических событий русской и мировой истории и культуры предстает личность во всей сложности ее убеждений, взглядов, настроений и прежде всего нравственно-этических принципов.

The article examines the place of auto-documentary genres in the discursive practice of everyday consciousness. Representing the culture of everyday life, auto-documentary synthesizes in itself a huge layer of ideas about the world and man (philosophical, psychological, linguistic). The author's consciousness recreates a special reality – constructs the spatio-temporal coordinates of everyday life, on which the artist's poetics cannot but lay aside their specific features: this is a subjectively colored chronotope, and a synthesis of lyric-epic and dramatic in texts, and the use of pictorial and expressive means of language for achieving artistic and aesthetic effect. The writer's diary entries are related to the question of self-identification, are characterized by an attitude towards artistic and aesthetic effect, philosophical overtones, a special plot-compositional structure and imagery. The author not only reproduces life, but reconstructs it from a certain angle of view. The structure of the author's consciousness is reflected in the complexly organized system of confessional-expressive diary narration. The author of notebooks is a subject of primary empirical reality: against the backdrop of the tragic events of Russian and world history and culture, a person appears in all the complexity of her beliefs, views, moods and, above all, moral and ethical principles.

Ключевые слова: автодокументальная проза, дневники писателя, повседневность, экзистенциальное сознание, М.И. Цветаева.

Key words: auto-documentary prose, diaries of the writer, everyday, existential consciousness, M.I. Tsvetaeva.

Материалом нашего исследования стали дневники и записные книжки М.И. Цветаевой периода 1920–1930-х гг. Нас интересует судьба художника и русской культуры первой волны русской эмиграции во всей сложности своих характеристик: нравственно-этических принципов, взглядов, настроений, убеждений на фоне трагических событий русской и мировой истории.

Определение «автодокументальная проза» широко вошло в практику отечественного литературоведения с начала 1970-х годов и связывается возникновение термина прежде всего с работами А.А. Урбан [Урбан, 1970, с. 193–274]. Л.Я. Гинзбург выделила понятие «автодокументальные жанры» для обозначения текстов с «установкой на подлинность» [Гинзбург, 2002, с. 768], упоминая дневники, записные книжки, воспоминания, автобиографические заметки, исповедальную прозу и т. п.

Позднее, в зарубежном литературоведении появляется термин «эго-документ» [Ego-dokument I literature, 2005, с. 138], который скоро завоевал свои позиции и в России. С обращением к «эго-документам» прошла первая международная научная конференция «Дневники русских писателей: литературный и исторический контекст» (20-21 мая 2005 г., Варшава), где ее организаторы заявили о своем намерении в течение нескольких ближайших лет «целенаправленно обращаться к изучению личных писательских документов: дневников, записных книжек, писем, автобиографий, автобиографических летописей, заметок, воспоминаний, мемуаров и других аналогичных текстов» [Луцевич, 2005, с. 73]. Тогда-то и стал активно использоваться термин «эго-документ», условно принадлежащий науке о литературе. Он близок скорее социологической науке, связанной с историей повседневной жизни. Вместе с тем, интерес к автодокументальной прозе определяет сегодня один из важных подходов к изучению творчества писателя, постижению эпохи, культуры, человека. С одной стороны, автодокументальная проза – это источник информации, с другой, объект и предмет специального изучения.

В последние десятилетия расширяется спектр исследований дневника как автодокументального жанра. Это работы, в которых предпринимается попытка включить дневник в состав художественной прозы [Поляк, 2004, с. 32], исследовать его как «текст обыденного общения» [Егоров, 2003, с. 280], рассматривать в системе публицистических жанров [Чулюкина, 2009, с. 175], в связи с анализом поэтики дневниковой прозы [Донченко, 1999, с. 138–149] и т.д. При разнообразии подходов все исследователи жанра отмечают в дневниковых текстах автобиографическую направленность, субъективность взгляда на мир, авторскую уникальность здесь и теперь, которая организуется вокруг субъекта речи.

Отмечая монологический характер дневниковой прозы, необходимо отметить важный момент – вопрос об автокоммуникации, диалогичности и связи адресанта и адресата. И здесь мы можем говорить о разной степени доверительности в дневниках писателей. Некоторое недоверие к возможному постороннему адресату просматривается в дневниках Ивана Алексеевича Бунина 1920–1930-х гг., особенно в описании фрагментов, касающихся его взаимоотношений с Галиной Кузнецовой, тогда как вопросы быта, творчества, природы, отдельные психологические зарисовки персонажей выписаны им

открыто, тщательно и скрупулезно. Некоторые страницы вообще изъяты из дневников. В беседе с А.В. Бахрахом, который продолжительное время жил в доме Бунина (в годы войны), писатель признавался, что ведет дневник и «невольно делает это с оглядкой на печать <...>. ...одновременно уверял, что ему, вероятно, было бы стыдно, если бы эти дневники он увидел в печати. – <...> Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками не случилось, полный их текст никогда не увидит света» [Бахрах, 2006, с. 119].

В некоторых случаях напротив, автор желает быть прочитанным: показательна точная формулировка установки Марии Башкирцевой из предисловия к ее «Дневнику»: «...это всегда интересно – жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время со страстным желанием, чтобы оно было прочитано» [Башкирцева, 2000, с. 3]. И еще: «...я писала и пишу безусловно искренно именно потому, что надеюсь быть изданной и прочитанной. Если бы эта книга не представляла точной, абсолютной, строгой правды, она не имела бы никакого смысла. И я не только все время говорю то, что думаю, но могу сказать, что никогда, ни на одну минуту не хотела смягчать того, что могло бы выставить меня в смешном или невыгодном свете. Да и наконец, я для этого слишком высоко ставлю себя. Итак, вы можете быть вполне уверены, благосклонный читатель, что я вся в этих страницах. Быть может, я не представляю достаточного интереса для вас, но не думайте, что это я, думайте, что это просто человек, рассказывающий вам все свои впечатления с самого детства» [Башкирцева, 2000, с. 3]. Здесь содержится важное указание на косвенного адресата, именно его сосуществование определяет уникальность жанра дневника: дневник пишется как будто исключительно для себя и поэтому автор предельно искренен, но именно это и оказывается интересно другим – тем, кем он, возможно, будет прочитан.

Некоторые особенности дневниковой прозы, такие, как тезисность, обрывочность записей, нанизывание односоставных, номинативных, эллиптических предложений, пропуски, являются естественным следствием ситуации отсутствия прямого адресата. Сюда же можно отнести фрагментарный способ передачи впечатлений, мыслей, с этим связана и основная особенность синтаксиса такого типа речи: он не образует законченных предложений, а стремится к бесконечным цепочкам ритмических повторяемостей» [Лотман, 1996, с. 163]. Все перечисленные свойства можно рассматривать как осознанные литературные приемы структурирования текста. И здесь необходимо принять во внимание, что любой текст рассчитан на обратную связь и «безадресность» дневника – чистая условность.

Предельная искренность, откровенность и открытость характерны для цветаевских дневников, записи в которых существуют как акт автокоммуникации и самопрезентации.

Более того, быстро освоив дневниковую технику еще в юности (и опыт Марии Башкирцевой был для поэта бесценным), Цветаева подняла ее на новый уровень, и, как утверждает Елена Гречаная, интимность ее записных книжек нарушала все пределы интроспекции, граничила с трансгрессией, выходила за пределы жанра дневника и традиционного поля литературы [Автобиографическая практика в России и во Франции, 2006, с. 11]. Вот лишь некоторые афористичные высказывания автора, которые носят самоценный личностный характер: «Все мое желание любви – желание смерти» [Цветаева, 2000, с. 304]; «Моя любовь – это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям» [Цветаева, 2000, с. 305]; «Женщины любят не мужчин, а Любовь, мужчины не любовь, а женщин. Женщины никогда не изменяют. Мужчины – всегда» [Цветаева, 2000, с. 307]; «Для полной согласованности душ нужна согласованность дыхания, ибо что – дыхание, как не ритм души? Итак, чтобы люди друг друга понимали, надо, чтобы они шли или лежали рядом» [Цветаева, 2000, с. 145]; «Моя душа одинаково открыта для радости, как и для боли, с меня просто на просто кожа содрана. Я не знаю, как живут другие, я знаю только, что я десять раз в день хочу – рвусь!< – умереть! [Цветаева, 2001, с. 176]; «У каждого из нас, на дне души, живет странное чувство презрения к тому кто нас слишком любит» [Цветаева, 2001, с. 127]; «Смерть для меня будет освобождением от избытка, вряд ли удастся умереть совсем. Я, более чем кто-либо достойна умереть через кровь (ein Blutstrahl), с грустью думаю о том, что неизбежно умру в петле» [Цветаева, 2001, с. 211]; «Между полом и умом в нас помещается центр – душа, где все скрещивается, все соединяется и все образуется, и откуда все исходит преображенным и преображающим [Цветаева, 2001, с. 393].

Запредельность, «жуткая интимность» (выражение Брюсова) дневниковых записей поэта побудили дочь Цветаевой Ариадну Эфрон закрыть архив матери до 2000 года, этим объясняется и отрицательное отношение цветаеведов к публикации дневников (Ирма Кудрова, Анна Саакянц). Однако в свое время Цветаевой были тщательно «прибраны» эти материалы и, согласно ее воле, сохранены. В 1932 и 1938 гг. Цветаевой было уничтожено много текстов, но многое и переписано. Если до 1925 года мы имеем достаточно пространные ее записи, то далее находим лишь отдельные фрагменты. Поэтому мы осознаем, что вопрос о сохранении и публикации дневников – это вопрос большой удачи, даже если писатель и допускал изначально, что когда-то его рукописи увидят свет. Цветаева, которая создавала дневники всю жизнь, хорошо понимала, насколько это важный и значимый жанр – автодокументальная проза. Она оставила 12 записных книжек (в основном – фрагментарных, необработанных), 5 из которых отличаются видимой стилистической обработкой и в большей степени отвечают определенности жанровых

признаков дневника (наличие метатекстовой даты записи, автобиографические сведения, бытовые подробности повседневных событий, особый характер причинно-следственных связей, нелинейность фрагментов, интертекстуальность, авторефлексия, синтез документального и художественного, образность, диалогичность и др.). Основное различие между личным дневником и записной книжкой исследователи видят в принципе организации материала: в дневник заносятся преимущественно внешние, а затем уже внутренние события в строгой хронологической последовательности, в записной книжке автором собирается все самое значительное для его внутренней жизни [Ахмадеева, 2015, с. 9–36].

Дневниковые записи Цветаевой связаны с вопросом самоидентификации художника, автор не просто воспроизводит эпизоды своей жизни, а реконструирует ее под определенным углом зрения, объясняя и мотивируя свои действия и поступки. Цветаевское письмо часто производит впечатление провокационного текста: в ее записных книжках явлена растерзанная, ничем не сдерживаемая личность. «Душевные надрывы адекватны влечению к бездне» [Беранже, 2006, с. 248], вызывают порой полное неприятие авторской позиции. Об эксперименте Цветаевой над собой говорят многие исследователи (Иосиф Бродский, Елена Коркина, Катрин Вьолле, Елена Гречаная). «Эти записи оставляют впечатление, и даже убеждение в том, что это лабораторные журналы сознательно поставленного и последовательно через всю жизнь проведенного эксперимента, фиксирующие его ход и промежуточные результаты. Эксперимент этот можно назвать естествоиспытательским, в котором испытывалось прежде всего собственное естество, но – увы – и других» [Коркина, 2001, с. 5–6].

В противовес существующему порядку вещей, и одновременно содействуя абсурду происходящего, выписан диалог с Ариадной накануне ее отъезда в Кунцевский приют: «О, Марина! Знайте, вся моя душа останется здесь! Вся, вся! – Я возьму с собой только кусочек души – для тоски!» [Цветаева, 2001, с. 16]. И в ответ Маринино: «Аля, понимаешь, все это игра. Ты играешь в приютскую девочку. У тебя будет стриженная голова, длинное розовое – до пят – грязное платье – и на шее номер. Ты должна была бы жить во дворце, а будешь жить в приюте. – Ты понимаешь, как это замечательно?... Это – авантюра, это идет великая Авантюра твоего детства. – Понимаешь, Аля?» [Цветаева, 2001, с. 16]. И шестилетняя Аля, нежное, прелестное создание, маленькая тень Цветаевой, которой, казалось бы, предназначено было блистать на балах и жить в роскошных усадьбах, рано вкусила всю горечь человеческой боли и страданий. С тончайшим и проникновенным психологизмом представлены на страницах дневников этапы взросления маленькой Али, ее повседневность: мечты, сны, письма, бессонные ночи, шатания по ночному разоренному

войной городу, а также первые поэтические опыты – свидетельства большого, оригинального таланта девочки. «Аля. Такого существа не было – и не будет, – признавалась Цветаева. – Были трехлетние гении в Музыка – в Живописи – в Поэзии – и т.д. и т.д. – но не было 3-х летнего гения – в Душе!» [Цветаева, 2001, с. 37]. Однако великая авантюра века прошла через сотни человеческих жизней, уничтожив самых слабых и беззащитных.

Помимо Али перед нами проходит ряд других персонажей повседневной цветаевской жизни. Образы писателей, поэтов, философов, журналистов даны бегло, эскизно, но вместе с тем необычайно выразительно, емко, афористично. Даже самый незначительный лаконичный цветаевский штрих отличается законченностью и характерностью мнения, оценки. Здесь проявляется и знаковая черта Цветаевой – мифологизирование личности того или другого героя ее жизненного сценария. При отсутствии развернутых психологических портретов Сергея Эфрона, Константина Бальмонта, Анны Ахматовой, Александра Блока, Евгения Ланна, Константина Радзевича и др., доминантные черты этих персонажей выписаны предельно точно и выразительно.

Структура авторского сознания отражается в сложно организованной системе исповедально-экспрессивного дневникового повествования. Автор записных книжек – это субъект первично-эмпирической реальности: на фоне трагических событий русской и мировой истории предстает личность во всей сложности ее убеждений, взглядов, настроений и прежде всего нравственно-этических принципов. Говоря о структурных компонентах личности автора, целесообразно учитывать разработанную В. Виноградовым систему выявления авторского образа в художественных текстах. Я-субъект включает в себя следующие компоненты: философско-мировоззренческий, социокультурный, аксиологический, прагматический, вербальный (психолингвистический), психологический. Формы авторского проявления личности в записных книжках при этом самые разные: это и комментарии отдельных событий, и характеристика персонажей, письма, сцены, диалоги, размышления, ситуации активного творческого процесса. Способ организации повествования у Цветаевой мозаичный, характеризуется хаотичностью, «клочковатой» композицией отдельных сцен, нередко «уравниваются» самые разные, порой противоречивые события, при этом подчеркивается их особая значимость.

Авторское внимание останавливается на сущностных вещах и деталях; здесь и отдельные эпизоды пореволюционной действительности, и бытовые подробности жизни, и услышанная разговорная речь на улице, пространные сцены объяснений в любви, целые страницы будущих текстов поэта. Расширение художественного пространства осуществляется благодаря ассоциативным связям Я-субъекта. Калейдоскопичность

записей поддерживается графическим оформлением текста – недоговоренностью, записями на французском языке, пробелами, вырезанными страницами.

Дневники писателя позволяют нам проникнуть в тайны его подсознания, становятся формой самовыражения и самопознания, представляя уникальную возможность автора отстраниться и посмотреть на себя другого, на себя со стороны. Из отдельных фрагментов записей очень непросто структурируется целостный образ адресанта, представляющего свой автопортрет, для него всегда остается соблазн что-то исправить, подкорректировать. Взаимоотношения с собой, «другим» строятся во внешнем диалоге, в котором принимают участие другие персонажи, придающие авторскому «я» новизну и объективность, разрушая синдром «зеркального преобразования». Цветаевой удивительным образом удалось и дневниковые записи превратить в творческий акт, повседневность представить частью своей поэзии.

В бытийном дискурсе художественных и автодокументальных текстов раскрывался внутренний мир художника с проблемами экзистенциальными, сущностными: жизни и смерти, свободы, ответственности и выбора, любви и одиночества, смысла жизни и бессмысленности всего сущего. Самый тип бытования «эмигрантских литераторов», в среде которых по воле судьбы оказалась Цветаева, предельно откровенно обнаружил мировоззренческую нестабильность, социальную неопределенность и даже безысходность. Остро ощущалась катастрофичность происходящего, выброшенность человека в пустоту и одиночество [Семенова, 1999, с. 183–205]. Размышляя о смысле «человеческого существования», исходя из самого смертного статуса человека, художник невольно уходил в раздумья о метафизической участи человека, о роковых пределах его судьбы, о таких, казалось бы, первичных реальностях его бытия, как физическая конечность, природа, любовь, время, Бог, свобода и одиночество.

Литераторы русского зарубежья так или иначе все прошли через своего рода пограничную ситуацию, через смерть себя прежнего. Как инвариант подобных размышлений невольно вспоминается судьба Цинцинната в романе В. Набокова «Приглашение на казнь», когда герой гибнет, но именно его смерть становится условием возрождения, то есть мы видим картину продуцирования известной в европейской культуре метафоры гностического происхождения «Мир – это тюрьма для духа, смерть – освобождение» [Головнева, Василенко, 2017, с. 104-110]. Подобные ощущения были характерны практически для всех художников первой волны русской эмиграции, в известном смысле они изначально были низвергнуты в классическую экзистенциальную ситуацию заброшенности, заброшенности в чужой, «абсурдный» мир, в одиночество, пустоту. «История очертила вокруг них некий трансцендентно-непереходимый рубеж, за

которым лежало то, что стало им абсолютно и навеки недоступно, – былая Россия, их потерянный рай. И тем не менее всех их объединяло желание “открыть истинное бытие”, которое формулировалось как “бытие – к – смерти”, бытие, пропитанное тоской и отчаянием конечности всего сущего» [Семенова, 1999, с. 183–205].

О новом ощущении свободы, появившемся в эмиграции, писал Иван Алексеевич Бунин. Но это был совсем другой характер свободы, связанный скорее с неприкаянностью человека, его освобождением от дома, от родины, от почвы, его постоянная безытность, граничащая с пустотой: «Да, вот мы и освободились от всего – от родины, дома, имущества... Как нельзя более идет это нам и мне в частности!», – замечал он с горькой иронией (1/14 Янв. 1922 г.) [Устами Буниных, 1977, с. 74], тогда как совсем недавно это был человек, воспитанный «удивительной, уникальной в своем роде культурой последнего «деревенского» дворянства, с еще живым, не утраченным чувством рода, преемственности и непрерывности жизни, с органической привязанностью к корням, памятью о прошлом» [Котельников, 1995, с. 70]. Свобода для Цветаевой – это прежде всего свобода духа, она ассоциировалась с полетом, широко расправленными крыльями, сами по себе крылья за спиной – это тяжесть, гнет, они символизируют свободу только тогда, когда раскрыты в полете, в деятельности, в творчестве. Свобода – это творчество! Но здесь же возникало другое, глубинное понимание свободы, отраженное в дневниковых записях Цветаевой 1933 г. по истечении десяти лет эмиграции: «Свобода в предопределенности (может быть – свобода предопределенности), которой мы в точности не знаем, которой мы никогда не противимся, в которой мы претерпеваем все, оставаясь собой» [Цветаева, 2001, с. 371].

В дневниковых записях Цветаевой начинают преобладать лексические единицы, формирующие определенного характера лексико-семантические поля повествования, помогающие лучше понять мотивы поступков субъекта речи, почувствовать и определить иерархию ценностей, а также установить его прагматические ориентиры: такими значимыми единицами становятся лексемы: больная душа, душа и тело, святая душа, судьба поэта, священный дух, сон, любовь, магический круг любви, испытания любви, смерть, смерть в страдании, боль жизни, истинная жизнь, бесконечная нежность, горячие слезы, слезы, проливавшиеся трелями, насильственная смерть, петля, высшая жертва, ложе смерти – ложе страсти, Бог, прекрасные глаза, тело, стихии, заломленные руки, рука ласкающая, рука суровая и неловкая, бледное лицо, изломанные брови, мельчайшая и чистейшая трель какого-то мускула, маленькая возлюбленная, потерявшаяся женщина, потерявшаяся душа и др. Обнаруживается пристрастие художника к наивысшим проявлениям реальности – любви, смерти, творчества, при этом очевидным становится, с

одной стороны, обостренное, чувственное восприятие телесности, с другой стороны, глубинное постижение стихии духовного мира.

Записные книжки Цветаевой – это обращение прежде всего к внутреннему движению «я» личности, это непрерывная напряженная работа я-субъекта, постоянное соотнесение себя с большим и враждебным миром, в котором в тысячный раз предпринимается попытка уничтожить это самое «я». Безусловно, записи эти носят экзистенциальный характер, они представляют личность в ее глубинных основах, все представляется значимым: аналитические наблюдения, художественные зарисовки, внутренние диалоги и монологи, пространственные сцены встреч и разговоров, письма, стихи. «Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имен, – признавалась Цветаева еще вначале своего творческого пути. – Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох!... Записывайте точнее! Нет ничего неважного! ...Цвет ваших глаз и вашего абажура, разрезательный нож и узор на обоях, драгоценный камень на любимом кольце, – все это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души» [Цветаева, 1994, с. 230].

Все, что составило содержание дневниковых записей, так или иначе явилось подготовительным, иногда сопутствующим материалом для новых художественных произведений поэта. Однако нельзя игнорировать и самоценный, уникальный опыт записных книжек. Несмотря на то, что в истории науки записные книжки не признаны в полной мере самостоятельным жанром литературного творчества, оставленные Цветаевой рукописные материалы, безусловно, важны для исследователей ее поэтического наследия. Это художественная лаборатория раздумий и чувствований, наблюдений и пристрастий, высокий нравственно-этический потенциал подобных откровений побуждает исследователей к новым работам о выдающемся поэте.

Список литературы:

- Автобиографическая практика в России и во Франции. Сборник статей. Под ред. К. Вьолле и Е. Гречановой. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 279 с.
- Ахмадеева С.А. Особенности и принципы организации дневниковых текстов Марины Цветаевой как основа их стилистического анализа // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 4–5. С. 9–36.
- Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост. вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. 588 с.
- Башикирцева М. Дневник. М.: Захаров, 2000. 448 с.
- Беранже К. Записные книжки в творчестве Марины Цветаевой // Автобиографическая практика в России и во Франции. Сборник статей. Под ред. К. Вьолле и Е. Гречановой. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 248.
- Бунин И.А. К моему литературному завещанию // Новый журнал (Нью-Йорк), 1961. Кн. 66. С. 172.
- Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

- Головнева Ю.В., Василенко П.А. Метафоры внутреннего мира человека в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» // Гуманитарные науки и образование. Саранск: Изд-во МордГПИ, 2017. № 2. С. 104–108.
- Двинятина Т.М. Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Литературный факт. 2019. №1 (11). С. 348.
- Донченко Н.Ю. Пространственно-временные координаты в «Дневниках» М. Пришвина // Семантика и структура художественного текста: доклады VII международной конференции. М.: СпортАкадемПресс, 1999. С. 138–149.
- Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование. М.: Флинта: Наука, 2003. 280 с.
- Комлик Н.Н. Одорический подтекст прозы И.А. Бунина // ФИЛОЛОГОС (Елец, гос. ун-т им. И.А. Бунина). 2013. №17 (2). С. 36–40.
- Котельников В.А. Иван Бунин и Константин Леонтьев // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов к 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж: Воронежский гос. Университет, 1995. С. 70.
- Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. 172 с.
- Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 163–176.
- Луцевич Л. Русские дневники в Варшаве. Международная научная конференция «Дневники русских писателей в литературном и историческом контексте» // Новое литературное обозрение, 2005. № 3. С. 73.
- Михеев М. Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст. М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.
- Поляк Д.М. Жанр дневника и проблемы его типологии: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.01.01 / Д.М. Поляк. Алмата, 2004. 32 с.
- Семенова С. Два полюса русского экзистенциального сознания. Проза Георгия Иванова и Владимира Набокова-Сирина // Новый мир, 1999. № 9. С. 183–205.
- Сливицкая О.В. О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 72–80.
- Урбан А.А. Автодокументальная проза // Звезда, 1970. № 10. С. 193–204.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977. Т. 1. 361 с.
- Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. В двух томах. Т. 1. 1913–1919. Сост., подготов. текста, предислов. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000. 558 с.
- Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. В двух томах. Т. 2. 1919–1939. Сост., подготов. текста, предислов. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2001. 544 с.
- Цветаева М. Собр. соч. в семи томах / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухин. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
- Чулюкина М.Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности: дис. канд. фил. наук: 10.01.10 / Чулюкина Марина Геннадьевна. Казань, 2009. 175 с.
- Ego-dokument I literature. Dzienniki pisarzy rosyjskich: kontekst literacki i historyczny / Red. naukowa L. Lutevici. Warszawa, 2005. 138 p.

References:

- Ahmadeeva S.A. Osobennosti i principy organizacii dnevnikovyyh tekstov Mariny Cvetaevoj kak osnova ih stilisticheskogo analiza [Features and principles of organization of Marina Tsvetaeva's diary texts as the basis of their stylistic analysis] // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2015. № 4–5. P. 9–36. (In Russian).
- Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Francii [Autobiographical practice in Russia and France]. Sbornik statej. Pod red. K. V'olle i E. Grechanovoj. M.: IMLI RAN, 2006. 279 p. (In Russian).
- Bahrah A.V. Bunin v halate. Po pamyati, po zapisyam [Bunin in a bathrobe. From memory, from records] / Sost. vstup. st., komment. St. Nikonenko. M.: Vagrius, 2006. 588 p. (In Russian).
- Bashkirtseva M. Dnevnik [Diary]. M.: Zakharov, 2000. 448 p. (In Russian).
- Beranzhe K. Zapisnye knizhki v tvorchestve Mariny Cvetaevoj [Notebooks in the work of Marina Tsvetaeva] // Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Francii. Sbornik statej. Pod red. K. V'olle i E. Grechanovoj. M.: IMLI RAN, 2006. P. 248. (In Russian).

- Bunin I.A.* K moemu literaturnomu zaveshchaniyu [To my literary testament] // *Novyj zhurnal* (N'yu-Jork), 1961. Kn. 66. P.172. (In Russian).
- Chulyukina M.G.* Dnevnik kak zhanr publicistiki: predmetno-funkcional'nye osobennosti [Diary as a genre of journalism: subject-functional features]: dis. kand. fil. nauk: 10.01.10 / Chulyukina Marina Gennad'evna. Kazan', 2009. 175 p. (In Russian).
- Cvetaeva M.* Neizdannoe. Zapisnye knizhki. V dvuh tomah [Unpublished. Notebooks. In 2 volumes]. T. 1. 1913–1919. Sost., podgotovka teksta, predislov. i primech. E.B. Korkinoy i M.G. Krutikovoj. M.: Ellis Lak, 2000. 558 p. (In Russian).
- Cvetaeva M.* Neizdannoe. Zapisnye knizhki. V dvuh tomah [Unpublished. Notebooks. In 2 volumes]. T. 2. 1919 – 1939. Sost., podgotovka teksta, predislov. i primech. E.B. Korkinoy i M.G. Krutikovoj. M.: Ellis Lak, 2001. 544 p. (In Russian).
- Cvetaeva M.* Sobr. soch. v semi tomah [Collected works in 7 volumes] / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakyanc i L. Mnuhina. T. 5. M.: Ellis Lak, 1994. 720 p. (In Russian).
- Donchenko N.Yu.* Prostranstvenno-vremennye koordinaty v «Dnevnikah» M. Prishvina [Spatio-temporal coordinates in the “Diaries” by M. Prishvin] // *Semantika i struktura hudozhestvennogo teksta: doklady VII mezhdunarodnoj konferencii*. M.: SportAkademPress, 1999. P. 138–149. (In Russian).
- Dvinyatina T.M.* Dnevnik I.A. Bunina 1920 – 1953 gg.: Tekstologicheskij aspekt [Diaries of I.A. Bunin 1920–1953: Textological aspect] // *Literaturnyj fakt*. 2019. №1 (11). P. 348. (In Russian).
- Ego-dokument I literature. Dzienniki pisarzy rosyjskich: kontekst literacki i historyczny / Red. naukowa L. Lutevici. Warszawa, 2005. 138 p. (In Polish).
- Egorov O.G.* Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra: Issledovanie [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre: a study]. M.: Flinta: Nauka, 2003. 280 p. (In Russian).
- Ginzburg L.Ya.* Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse [Notebooks. Memories. Essay.]. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2002. 768 p. (In Russian).
- Golovneva Yu.V., Vasilenko P.A.* Metafori vnutrennego mira cheloveka v romane V.V. Nabokova “Priglasenie na kazn” [Metaphors of the inner world of a person in the novel by V.V. Nabokov “Invitation to execution”] // *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. Saransk: Izd-vo MordGPI, 2017. №2. P. 104–108. (In Russian).
- Komlik N.N.* Odoricheskij podtekst prozy I.A. Bunina [Odoric subtext of I.A. Bunin] // *FILOLOGOS* (Elec. gos. un-t im. I.A. Bunina). 2013. № 17 (2). P. 36–40. (In Russian).
- Kotel'nikov V.A.* Ivan Bunin i Konstantin Leont'ev [Ivan Bunin and Konstantin Leontiev] // *Carstvennaya svoboda. O tvorcestve I.A. Bunina. Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov k 125-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya*. Voronezh: Voronezhskij gos. Universitet, 1995. P. 70. (In Russian).
- Linkov V.Ya.* Mir i chelovek v tvorcestve L. Tolstogo i I. Bunina [The world and man in the works by L. Tolstoy and I. Bunin]. M.: Izd-vo MGU, 1989. 172 p. (In Russian).
- Lotman Yu.M.* Avtokommunikaciya: “Ya” i “Drugoj” kak adresaty [Autocommunication: “I” and “Other” as addressees] // Yu.M. Lotman. Vnutri myslyashchih mirov. CHElovek – tekst – semiosfera – istoriya. M., 1996. P. 163–176. (In Russian).
- Lucevich L.* Russkie dnevniky v Varshave. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Dnevniky russkih pisatelej v literaturnom i istoricheskom kontekste” [Russian diaries in Warsaw. International scientific conference “Diaries of Russian Writers in the Literary and Historical Context”] // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005. № 3. P. 73. (In Russian).
- Mihev M.Yu.* Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst [A diary in Russia of the 19th–20th centuries is an ego-text, or a pre-text]. M.: Vodolej Publishers, 2007. 264 p. (In Russian).
- Polyak D.M.* Zhanr dnevnika i problemy ego tipologii [The genre of the diary and the problems of its typology]: avtoref. diss. kand. filol. nauk: 10.01.01 / D.M. Polyak. Almata, 2004. 32 p. (In Russian).
- Semenova S.* Dva polyusa russkogo ekzistencial'nogo soznaniya. Proza Georgiya Ivanova i Vladimira Nabokova-Sirina [Two poles of Russian existential consciousness. Prose by Georgy Ivanov and Vladimir Nabokov-Sirin] // *Novyj mir*, 1999. № 9. P. 183–205. (In Russian).
- Slivickaya O.V.* O prirode buninskoj “vneshnej izobrazitel'nosti” [On the nature of Bunin's “external depiction”] // *Russkaya literature*, 1994. № 1. P. 72–80. (In Russian).
- Urban A.A.* Avtodokumental'naya proza [Autodocumentary prose] // *Zvezda*, 1970. № 10. P. 193–204. (In Russian).
- Ustami Buninyh.* Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arhivnye materialy: V 3 t. [Through the lips of the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 volumes] / Pod red. M. Grin. Frankfurt a/M., 1977. T. 1. 361 p. (In Russian).

Пушкарева Наталия Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)

Pushkareva Natalia
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg (Russia)

**«СТАРАТЬСЯ СПАСТИ ЛЮДЕЙ» (ИЗ ИСТОРИИ ГЛАГОЛА «СТАРАТЬСЯ»
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА)⁷⁷**

**“TRY TO SAVE PEOPLE” (FROM THE HISTORY OF THE VERB “TO TRY” IN
BUSINESS WRITING OF THE XVIIIth CENTURY)**

В статье рассматривается роль глагола «стараться» в императивных конструкциях, выражающих приказание в морских уставах начала и конца XVIII века. На материале «Устава Морского» 1720 г. и «Устава Военного Флота» 1797 г. выявляются семантические особенности, которые глагол «стараться» вносит в стандартные обороты, передающие императивную модальность. Отмечается, что инфинитив «стараться» передает в тексте уставов особую императивную семантику, снижающую интенсивность приказания. Включение глагола «стараться» в текст делового документа, регламентирующего жизнь флота, расширяет набор средств выражения императивности в деловой письменности и иллюстрирует историю развития официально-делового стиля. Императивные конструкции с глаголом «стараться» не типичны для Петровского устава 1720 г., однако в уставе Павловской эпохи они последовательно используются для регламентации действий моряков в сложных или опасных обстоятельствах. Выраженное таким образом приказание частично ограждает адресата от обвинений в неподчинении и защищает его от наказания. Включение подобных формулировок в уставные документы свидетельствует о стремлении Павла I облегчить жизнь матросов и отражает смягчение нравов по сравнению с Петровской эпохой.

The article examines the role of the verb “to try” in imperative constructions expressing orders in maritime charters of the beginning and end of the 18th century. On the material of the “Charter of the Marine” of 1720 and the “Charter of the Navy” of 1797, semantic features are revealed that the verb “to try to” introduce into standard phrases that convey the imperative modality. It is noted that the infinitive “to try” conveys in the text of the statutes a special imperative semantics that reduces the intensity of the order. The inclusion of the verb “to try to” in the text of a business document regulating the life of the fleet expands the set of means of expressing imperativeness in business writing and illustrates the history of the development of an official business style. Imperative constructions with the verb “to try” are not typical of the Petrovsky statute of 1720, however, in the statute of the Pavlovian era, they are consistently used to regulate the actions of sailors in difficult or dangerous circumstances. Expressed in this way, the order partially shields the addressee from accusations of disobedience and protects him from punishment. The inclusion of such wording in the statutory documents testifies to the desire of Paul I to make life easier for sailors and reflects the softening of morals compared to the Petrine era.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, деловая письменность, регламентирующие документы, выражение императивности, глагол стараться.

Key words: Russian language of the 18th century, business writing, regulatory documents, imperative expression, verb to try.

Устная или письменная коммуникация между руководителем и подчиненным, протекающая в условиях совместной деятельности, является одним из интересных с семантической и прагматической точек зрения видов языковой деятельности. Общение в таком ключе происходит на разных уровнях организации общества и актуализируется в

⁷⁷Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338].

современном русском языке с помощью конструкций официально-делового функционального стиля, выработанных на протяжении развития русской стилистической системы. Официально-деловой стиль определяется сегодня как «функциональная разновидность современного литературного языка, обслуживающая сферу права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений <...> формирование, развитие и совершенствование деловой речи, составляет жизненно важную для каждого общества потребность в эффективном управлении и регулировании» [Стилистический энциклопедический словарь, 2003].

Основные принципы современного официально-делового стиля и его разновидностей складывались в XVIII в., когда созданное Петром I государство нового европейского образца, в котором личная власть монарха уступала место стандартизированным механизмам государственного управления, что приводило к усилению «координирующей функции государственной коммуникации» [Садова, Руднев, 2019, с. 45]. Следствием этого стало формирование набора документов, определяющих нормы жизни страны (законов, регламентов, уставов, указов и т.п.). Последователи Петра I продолжали работу над комплексом законов и регламентов, не только совершенствуя их содержание, но и развивая деловой язык в соответствии с потребностями общественного строительства. Процесс отбора языковых средств для деловых документов XVIII в. отражал различные прагматические цели: от предписания поведения в конкретных ситуациях до объяснения смысла тех или иных действий.

Интересным материалом, демонстрирующим особенности создания русских деловых текстов XVIII в., являются документы, упорядочивавшие жизнь государственных органов, а именно многочисленные уставы. В Петровскую эпоху создаются Артикул воинский (1715 г.), Генеральный регламент (1720 г.), Устав Морской (1720 г.), Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи (1722 г.) и другие разнообразные документы, надолго определившие правила жизни в Российской империи. Все эти тексты квалифицируются с точки зрения стилистической отнесенности как регламентирующие и директивные, предназначенные для нормализации, упорядочения и управления жизнью общества (или какой-либо его части). Регламентирующие и директивные документы официально-делового стиля сегодня определяются как «дискурс исполнительной власти» [Ширинкина, 2017, с. 139], то есть как разновидность языка, применяемая «в коммуникативно-когнитивной деятельности должностных лиц исполнительной власти при осуществлении ее функций» [Там же]. Семантика регламентирующего подтипа отличается от директивной семантики «расширенным спектром оттенков волеизъявления» и «меньшей степенью категоричности предписания» [Ширинкина, 2018, с. 128]. Отмеченные семантические

оттенки передаются различными императивными конструкциями, состав которых в настоящее время в достаточной мере упорядочен, описан в справочных изданиях. Определенные наборы языковых средств соотносятся сегодня с различными жанрами регламентирующих и директивных текстов. Однако к такому положению русский деловой язык пришел не сразу, и значительный вклад в его развитие был внесен языковой практикой XVIII в., когда новации государственного строительства мгновенно отражались в деловой переписке и в законодательном творчестве. Анализ деловых документов прошлого показывает, что арсенал языковых средств официально-делового стиля раньше был гораздо разнообразнее современного, то же касается и модальных оттенков, возникающих в указах, регламентах и уставах. Сопоставление функционирования конструкций в деловых текстах XVIII в., учет их прагматических целей и императивных оттенков представляется интересной и перспективной задачей.

Для решения этой задачи обратимся к двум текстам, затрагивающим одну сферу: к Уставу Морскому (1720 г.), написанному при непосредственном участии Петра I, и сменившему его в конце XVIII в. Уставу Военного Флота (1797 г.), составленному по приказу Павла I. В этих документах ярко прослеживается выбор конструкций и оборотов, соответствующих реальности, в которой существовал русский флот. Так, Устав Морской впервые знакомил читателя с флотом как новым явлением жизни страны, а также вводил в обиход систему морской терминологии, наборы команд, описание иерархии членов корабельного экипажа, списки обязанностей персонала и т.п. В связи с этим важным компонентом текста оказывалось разъяснение и комментирование ряда положений устава. Устав Военного Флота решал уже иную задачу: пошаговое регламентирование конкретных действий и определение степени ответственности моряков за их выполнение.

Отмеченные выше цели достигались путем актуализации в тексте императивности, «модально-бытийной понятийной категории субъективной модальности» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 385]. По словам А. В. Бондарко, для актуализации необходима императивная ситуация (ИС), которую составляют «1) субъект волеизъявления (C_1), 2) субъект-исполнитель (C_2), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от (C_1) и обращенного к (C_2)» [Бондарко, 1990, с. 80]. Волеизъявление субъекта адресуется субъекту-исполнителю и направлено на преобразование реальности и выражается в особых языковых формах [Бондарко, 1990, с. 87].

Среди таких традиционных для русского языка форм выражения императивности, как инфинитив, конструкции с модальными операторами *должен*, *может*, *надлежит* + инфинитив и проч., в обоих документах используется глагол *стараться*, встречающийся в

сочетании с инфинитивом, а также входящий в присоединяемый к инфинитиву оборот с модальным оператором *надлежит стараться*. Значение глагола *стараться* определяется в XVIII в. как «Тщуся, пекуся, забочуся; напрягаю свои силы, способности для достижения конца в чем» [Словарь Академии Российской, 1794, с. 701–702]. Современное значение практически то же: «1) Проявлять старание, усердие в каком-либо деле, работе; 2) Прилагать усилия для достижения чего-либо» [Словарь современного русского литературного языка, 1963, с. 740–741]. Как видно, в определении отсутствует категорическое указание на достигнутый результат. Применение слова с такой семантикой в приказах или командах представляется несколько странным, поскольку оно «размывает» однозначность приказа. Однако, как показывает материал, ослабление модальных оттенков необходимости и долженствования при появлении этого глагола обуславливается в текстах уставов тематически или зависит от адресата.

В Петровском уставе команды формулируются с помощью личных форм глаголов, инфинитивов, конструкций с модальными операторами *должен, может, надлежит* + инфинитив, с помощью оборота имеет + инфинитив, некоторых других конструкций. Все эти команды конкретны, категоричны, не предполагают двойного толкования: *...распустить свои флаги, бить в барабан* [УМ, 1720, с. 200]; *Ни какому капитану, или шхиперу... не искать другова гавена без крайней нужды* [УМ, 1720, с. 41]; [Лейтенант] *должен определить людей корабельных для бою* [УМ, 1720, с. 64]; *Адмирал от синяго Флага, имеет командовать Авангардию* [УМ, 1720, с. 14]. Категоричность пронизывает весь текст устава, и это объяснимо: документ является первым регламентом русского флота и первым источником информации о флоте и о правилах его существования. Кроме того, в Предисловии к читателю, помещенном в начале текста, Устав Морской позиционируется как послание Петра I заинтересованному читателю, но это послание имеет в Петровскую эпоху силу закона. Требования к морякам и наказания за проступки были суровыми, и язык документа отражал это в полной мере. Глагол *стараться* встречается в Уставе Морском всего один раз, в сочетании с глаголом *иметь*. Оборот использован в описании действий по спасению пострадавших в бою кораблей: *И имеют стараться во всяком случае, ежели который корабль от пушек неприятельских поврежден будет, оным по крайней возможности **вспомогать*** (выделение курсивом и жирным мое – Н.П.) [УМ, 1720, с. 63]. Категоричность приказа снижают и семантика глагола, и обстоятельство *по крайней возможности*, свидетельствуя о том, что учитываются обстоятельства, в которых должен выполняться приказ.

В конце XVIII в., когда русский флот стал привычным компонентом жизни государства, а морские офицеры и матросы составляли важную часть общества, принципы

управления флотскими делами уже выработались, а вместе с ними сложился и набор языковых элементов императивного характера. В Павловскую эпоху основные положения регламентирующих документов не менялись, в уставах учитывалась вариантность действий людей в зависимости от не зависящих от них причин. Одним из свидетельств этого факта становится появление глагола *стараться* в статьях Устава Военного Флота, связанных с определенными ситуациями.

Это наблюдается в статьях, регламентирующих обязанности морского персонала. Так, капитан брандера *По зажжении же стапина тщательно **старается** спасти людей на гребные суда* [УВФ, 1797, с. 42]. Плотник *...ежели что найдет гнило, перетерто или перервано, **старается** починить, <...> или переменить* [УВФ, 1797, с. 70]. Лекарь, *когда раненых будет много <...> **стараться** учредить на тот случай гошпитали или лазареты* (выделение курсивом и жирным мое – Н.П.) [УФВ, 1797, с. 194].

Далее, глагол *стараться* появляется в статьях, описывающих действия во время морского боя или десанта: *В таковых случаях, когда битва не требует совершенной решительности, или не отчаянна, полезнее **стараться** причинить в неприятельском флоте замешательство* [УВФ, 1797, с. 185]; *Когдаже на валу встречены будут неприятелем, и атакующих не весьма еще взойдет много, должны **стараться** укрепиться на оном* (выделение курсивом и жирным мое – Н.П.) [УВФ, 1797, с. 153].

В действиях экипажа во время шторма также предполагается вариативность: *Ежели какое судно понесет на мель, а есть возможность послать гребные суда, должно ему помогать; когдаже того учинить по крайности ветра невозможно, **стараться** спасти людей* (выделение курсивом и жирным мое – Н.П.) [УВФ, 1797, с. 108].

Еще одна сфера деятельности экипажа, в которой требование результата не выражено категорически, это пополнение запасов провизии: *<...> **стараться** ловить рыбу неводами около берегов, и оную употреблять в пищу служителям, но с осторожностью и не иначе как в перемешку с соленым мясом, дабы от оной не воспоследовал каковый вред* [УВФ, 1797, с. 254]; *<...> **надлежит стараться доставать** с берега свежее мясо, и покупая оное довольствоваться служителей, раздавая, по количеству определенному в табели, вместо соленого* (выделение курсивом и жирным мое – Н.П.) [УВФ, 1797, с. 253]. Примечательно, что в последнем примере глагол *стараться* сопровождается модальным оператором *надлежит*, и в итоге жестко сформулированное распоряжение утрачивает безапелляционность: семантика двух компонентов конструкции сталкивается и побеждает более мягкий вариант. Использование глагола *стараться* в документе нарушает директивную тональность текста, ослабляя его категоричность и внося в него элементы вариативности, не являющиеся типичными для официально-делового стиля.

Таким образом, в Уставе Военного Флота (1797 г.) формы глагола *стараться* активно используются для передачи императивности, однако интенсивность выражаемого приказа не так высока, как в случаях применения модальных операторов *должен*, *надлежит* с инфинитивами и иных императивных конструкций. Приказание, выраженное с помощью глагола *стараться*, не является категорическим, поскольку относится к действиям в особых условиях, их контроль исполнителями или субъектом волеизъявления невозможен. Следовательно, допускается невыполнение приказа в силу каких-либо объективных причин. Это принципиальное отличие от картины, представленной в Петровском уставе, не оставлявшем исполнителю никаких возможностей для отклонения от предписанного порядка действий и не допускавшего вольной трактовки приказов. Здесь наблюдается отмечаемое историками стремление Павла I смягчить условия службы для матросского состава, что выражалось как в сокращении списка наказаний, так и в признании фактора непреодолимых обстоятельств, полностью или частично препятствующих выполнению приказа [Ковалев, 2016, с. 87].

Последовательное употребление в статьях Устава Военного Флота глагола *стараться* в роли модального оператора или в функции самостоятельного средства передачи императивности придает тексту черты регламентирующего документа особого типа, позволяющего морскому персоналу определенную свободу действий. Субъект волеизъявления в данной императивной ситуации учитывает объективные обстоятельства, влияющие на выполнение приказаний, то есть проявляет рациональный подход, свойственный принятой в XVIII в. концепции государства-механизма.

Регулярное использование глагола *стараться* в Уставе Военного Флота (1797 г.) отличает этот текст от петровского Устава Морского (1720 г.), демонстрируя изменения в понимании роли адресата (в данном случае морского персонала) и степени его самостоятельности. Применение этого глагола в уставе свидетельствует, что в конце XVIII в. пришло осознание того, что в некоторых сферах деятельности целесообразно предоставить исполнителю если не инициативу, то относительную свободу выбора, ограниченную, однако, определенными условиями. Таким образом, частный пример проникновения глагола *стараться* в морские уставы отражает постепенное изменение образа адресата императивных высказываний: от бессловесного исполнителя до активного деятеля, что косвенно свидетельствует об относительном смягчении нравов той эпохи, по крайней мере, по сравнению с Петровским временем.

Список литературы:

- Бондарко А.В.* К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. С. 80–89.
- Ковалев К.С.* Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». № 3. 2016. С. 85–91.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1990. 602 с.
- Садова Т. С., Руднев Д. В.* Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5. С. 43–47.
- Словарь Академии Российской.* Часть V. От Р до Т. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук 1794 года. С. 701–702.
- Словарь современного русского литературного языка.* В 17 т. Т.14. М., Л., Изд-во АН СССР. 1963. 700 с.
- Стилистический энциклопедический словарь* [Электронный ресурс]. М.: Флинта, Наука, 2003. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/66/oficialno-delovoj-stil.htm>
- УСТАВЪ ВОЕННАГО ФЛОТА по высочайшему повелению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВАГО изданный в 1797 году. Печатанъ в Типографии Морскаго Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса, того же года [УВФ]. 1797. 361 с.
- УСТАВ МОРСКОЙ. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. Напечатался повелением ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА в Санктпитебургской типографии лета Господня 1720. Апреля в 13 день [УМ]. 1720. 432 с.
- Ширинкина М. А.* Функциональные стили документов исполнительной власти // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т.19. № 2 (163). С.134–146.
- Ширинкина М. А.* Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. 2018. № 1(67). С. 120–130.

References:

- Bondarko A.V.* K analizu kategorialnykh situatsij v sfere modalnosti: imperativnye situatsii [On the analysis of categorical situations in the sphere of modality: imperative situations] // Teoriya funktsionalnoj grammatiki. Temporalnost. Modalnost. L.: Nauka, Leningr. otd., 1990. P. 80–89. (In Russian).
- Kovalev K.S.* Voennye reformy Pavla I v otsenkakh istorikov i memuaristov [Military reforms of Paul I in the assessments of historians and memoirists] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». № 3. 2016. P. 85–91. (In Russian).
- Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 602 p. (In Russian).
- Sadova T.S., Rudnev D. V.* Kristallizatsiya delovoj rechi v Petrovskuyu epokhu [Crystallization of business speech in the era of Peter I] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 5. P. 43–47. (In Russian).
- Shirinkina M.A.* Funktsionalnye stili dokumentov ispolnitelnoj vlasti [Functional styles of documents of the executive branch] // Izvestiya URFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2017. T. 19. № 2 (163). P. 134–146. (In Russian).
- Shirinkina M.A.* Reglamentiruyushchie dokumenty ispolnitelnoj vlasti v aspekte tonalnosti (sopostavitelno s direktivnymi) [Regulatory documents of executive power in terms of tonality (compared with directives)] // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1 (67). P. 120–130. (In Russian).
- Slovar Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy]. Chast V. Ot R do T. V Sanktpeterburge, pri Imperatorskoj Akademii Nauk 1794 goda. P. 701–702. (In Russian).
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. V 17.t. T.14. M., L., Izd-vo AN SSSR. 1963. 700 p. (In Russian).
- Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar* [Stylistic encyclopedic dictionary] [Electronic resource]. M.: Flinta, Nauka, 2003. – Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/66/oficialno-delovoj-stil.htm> (In Russian).
- USTAV MORSKOJ. O vsem, chto kasaetsya k dobromu upravleniyu v bytnosti flota na more [MARINE CHARTER. About everything that concerns good management when the fleet was at sea]. Napechatalysya poveleniem TSARSKAGO VELICHESTVA v Sanktpiterburgskoj tipografii leta Gospodnya 1720. Aprelya v 13 den [UM]. 432 p. (In Russian)

USTAV" VOENNAGO FLOTA po vysochajshemu poveleniyu GOSUDARYA IMPERATORA PAVLA PERVAGO izdannyy v 1797 godu [The REGULATIONS OF THE MILITARY FLEET by the highest command of the EMPEROR PAUL THE FIRST was published in 1797]. Pechatan" v Tipografii Morskago Shlyakhetskago Kadetskago Korpusa, togo zhe goda [UVF]. 361 p. (In Russian)

Тетерукова Ирина Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Teterukova Irina
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО В ВОСПРИЯТИИ ИТАЛЬЯНЦЕВ

“WAR AND PEACE” BY LEO TOLSTOY IN PERCEPTION OF THE ITALIANS

На протяжении многих лет роман Л.Н. Толстого «Война и мир» занимает умы читателей как в России, так и за рубежом. Итальянские интеллектуалы считают Толстого наравне с Достоевским самым выдающимся русским писателем всех времен. В данном исследовании мы затрагиваем вопрос почему роман «Война и мир» так близок итальянским читателям, а также проводим сравнение мнений о романе литературных критиков XX и XXI веков, а также обычных читателей, которые выражают свое мнение на просторах Интернета. Взгляды на роман Толстого разнятся, но все читатели признают гений автора и величие его произведения, которое называют «polistorico» (многоисторическим) и «opera-mondo» (произведение, включающее в себя весь мир). При этом далеко не всем нравятся большие вставки на французском языке и философские размышления Толстого о взгляде на человека и Историю. А женская аудитория не смогла оценить сексистские взгляды Толстого на роль женщины в обществе в ту эпоху. Но практически все признают особую человечность его персонажей, с их достоинствами и недостатками, будь то обычные герои или исторические личности. Именно поэтому роман так полюбился итальянским читателям, которые признают его лучшим романом Толстого, да и всей русской литературы.

For many years the novel “War and Peace” written by Leo Tolstoy stays in minds of readers both in Russia and abroad. Italian intellectuals consider Tolstoy alongside with Dostoevsky the most outstanding Russian writer. In this research we touch upon the issue why “War and Peace” is so close to the Italian readers. We also compare opinions of literary critics of the XX and the XXI centuries and ordinary readers in the Internet about this novel. The views on the Tolstoy’s novel are different, but all the readers admit the genius of the writer and the greatness of his work which is called “polistorico” (multihistorical) and “opera-mondo” (work-universe). At the same time not everyone likes large text inserts in French and Tolstoy’s philosophical reflections on the individual and the History. The female audience didn’t appreciate Tolstoy’s sexist views on the role of women in the society in those times. However almost everyone admits the particular humanity of his characters with all their flaws and all their goodness whether it’s ordinary people or historical figures. That is why the Italian readers liked so much reading the novel which they consider the best Tolstoy’s work and the best piece of the Russian literature.

Ключевые слова: литературная критика, анализ текста, эпический роман, роль автора, Л.Н. Толстой.

Key words: literary criticism, text analysis, epic novel, the role of the author, L. Tolstoy.

*Guerra e pace non invecchia,
conserva nei secoli, come i versi di Omero
e di Dante, la sua forza, la sua freschezza,
la sua verità anche storica.
Eridano Bazzarelli⁷⁸*

На протяжении многих лет роман Л.Н. Толстого «Война и мир» занимает умы читателей как в России, так и за рубежом. Итальянские интеллектуалы считают Толстого

⁷⁸ «Война и мир» не стареет, сохраняет в веках, как стихи Гомера и Данте, свою силу, свою свежесть, свою правду, в том числе историческую. Эридано Баццарелли (Перевод мой – И.Т.).

наравне с Достоевским самым выдающимся русским писателем всех времен. По словам одного из основателей славистики в Италии Этторе Ло Гатто, «Война и мир» – это «самое великое произведение русской художественной литературы и одно из самых великих произведений европейской литературы XX века». Интересно, почему же русская литература и, в частности, этот эпический роман так привлекает итальянцев.

Как писал в своей книге «Итальянцы» британский журналист и писатель Джон Хупер, «эта нация – даже если до недавнего времени она не считала себя нацией – создала империю, объединившую Европу, и совершила крупнейший культурный переворот в западной истории, который предопределил все наше современное мировоззрение. Кроме того, итальянский полуостров стал главным средоточием христианского мира. Ни один другой народ не может похвастаться таким количеством великих художников и скульпторов» [Хупер, 2012, с. 8]. Итальянцам мы обязаны григорианским календарем, языком музыки, часовыми поясами, телеграфом. Итальянцы, рожденные и воспитанные в одном из самых культурно богатых обществ, выросшие в одной из самых красивых стран Европы с точки зрения природного ландшафта и архитектуры, с младых лет впитывают любовь к прекрасному. Поэтому неудивительно, что их привлекает и завораживает не менее богатая культура России, а именно ее литература и такое грандиозное произведение как «Война и мир». Так за что же итальянцы так любят именно этот роман?

Естественно, в Италии «Войну и мир» читают не только филологи и литературные критики, но и простые люди, которые пишут о нем свои отзывы в различных сообществах и блогах. В России этот роман входит в школьную программу, но, к сожалению, далеко не все русские школьники находят в себе силы дочитать его до конца. Некоторые возвращаются к чтению во взрослом возрасте, а некоторые знают о нем только понаслышке либо по эпичной экранизации Сергея Бондарчука или по вышедшему в 2016 году не менее прекрасному сериалу ВВС. Вот и итальянцы на просторах Интернета признаются, что не все смогли осилить роман, потому что он «огромный как сама Россия» [Tolstoy, 2002, p. 1]. Но и литературные критики, и простые читатели оценивают роман по достоинству.

Существует несколько изданий этого романа на итальянском языке в разных переводах. Итальянские читатели жаловались, что в некоторых изданиях части на французском языке давались без перевода в тексте, перевод при этом располагался в конце книги. Так что читать, постоянно перелистывая в конец в поисках нужного перевода, было крайне неудобно. Кстати, известно, что с первых изданий Толстого упрекали в использовании слишком больших отрывков на французском языке, указывая даже на то, что это мешает чтению романа. Толстому приходилось оправдываться за использование французского языка и в двух изданиях, 1873 и 1880 годов, он даже заменил его на русский.

И только в издании 1886 года французский язык был реабилитирован. Итальянские переводчики также экспериментировали с французским языком, пытаясь переводить его на итальянский, как, например, сделал Федерико Вердинуа в своем переводе, вышедшем в 1915 году. Однако уже в издании 1928 года французский язык вернулся на свое законное место [Lo Gatto, 1929, p. 365].

Давайте же посмотрим, как воспринимают этот роман итальянские читатели и критики. Как пишет современный итальянский писатель Эральдо Аффинати в очерке «Искусство жизни в «Войне и мире», «на первый взгляд такое впечатление, что это грандиозная фреска, изображающая Россию в наполеоновскую эпоху. Достаточно пролистать несколько страниц, чтобы понять неадекватность такого суждения» [Affinati, 2011, p. 3]. Он говорит о том, что рядом с двумя историческими фигурами – Наполеона и Кутузова, которые в своем противопоставлении представляют два противоположных и непримиримых видения мира – стоят фигуры двух главных героев: Андрея Болконского и Пьера Безухова. Андрей и Пьер – это две души Толстого. Наряду с основными персонажами действует целая толпа второстепенных, каждый из которых имеет точную и несравнимую характеристику, будь он извозчиком, горничной или крестьянином, описанным в одной лишь строчке романа, они нам хорошо запоминаются. Аффинати утверждает, что «Война и мир» – это не традиционный роман, какими мы их обычно представляем. Автор достигает абсолютной прозрачности, так что читатель не видит, как он пишет, а видит только само действие, то есть архитектуру произведения. Он избегает стилистических фокусов и сокращает до минимума семантический шум. Он «ищет ожившее молчание чистого общения» [Affinati. 2011, p. 4]. Толстой ставит в ряд сцены, одну рядом с другой, двигаясь на инстинктивной скорости. Таким образом, «Война и мир» превращается в мозаику возможных переплетений. Каждому персонажу, каждой сюжетной линии можно было бы посвятить отдельную книгу, и они были бы совершенно разными между собой в зависимости от главных героев, будь то Соня, которая всю жизнь любила Николая Ростова и должна была стать его женой, но вынуждена жить с его семьей; или Платон Каратаев, крестьянин со свободной душой; или незабываемый генерал Денисов, не выговаривающий букву «р»; или видный Анатолий Курагин. Но и о главных действующих лицах автор говорит странным образом: то тщательно их описывает, а то пропускает целые временные отрезки из их жизней. Описывая сцены, проходящие в салоне Анны Павловны Шерер, Аффинати называет «Войну и мир» лучшим романом во французском стиле, который когда-либо был написан. По его словам, Толстой побеждает Бальзака на его территории: «Чтобы войти в «Войну и мир» нужно быть одетым торжественно, иначе ты останешься снаружи. И мы делаем это не переодеваясь, следуя за писателем шаг за шагом, в то время как он

продвигается вперед, обходя группы людей, стоящих у стен, калибруя реплики в виртуозной игре персонажей, которые входят и выходят» [Affinati E. 2011, p. 6]. Еще он подмечает поразительную симметрию персонажей, которую он объясняет как будто бы предсказанной судьбой, антиисторической и антидиалектической силой. Например, сближаются или женятся такие персонажи как Вера и Берг, Наташа и Пьер, Элен и Долохов, Николай Ростов и княжна Марья. При этом неудачей заканчиваются отношения между «непохожими» – это Пьер и Элен, Андрей и Лиза, Наташа и Анатолий. Кроме этого, Анатолий и Элен фактически «разворачивают» Наташу и Пьера, которые впоследствии женятся между собой. Андрей, вдовец Лизы, обручается с Наташей, которая в свою очередь становится его «вдовой», так, как Пьер станет «вдовцом» Элен.

Особенное впечатление на всех читателей производят сцены описания войны. Эральдо Аффинати говорит о том, что Толстой своими батальными сценами высмеивает всех писателей, которые писали о войне до него, но и те, которые были после, выглядят как плохая копия. Единственный, кто выдерживает сравнение, это Стендаль, чье сражение при Ватерлоо, описанное в «Пармской обители», по словам самого Толстого, оставалось его главным ориентиром при написании батальных сцен.

Автор говорит также о том, что многие итальянские читатели пропускают все критические отступления в книге, считая их скучными. И очень многие так относятся к Толстому, потому что он одержимо повторяет один и тот же тезис на протяжении всего романа. Тезис о том, что важен не индивид, а толпа. Это может показаться парадоксальным, но он ставит акцент на непреклонности отдельных людей, но не великих полководцев, а всех других, которые вместе образуют темную и молчаливую массу, благодаря которой мир продолжает существовать.

Перейдем от литературных критиков старого звена к молодому поколению и посмотрим, что они думают о великом романе. Далеко не все из них считают роман «всемирным наследием», каким считал его славист Этторе Ло Гатто [Lo Gatto, 1929, p.364]. Молодой литератор из Рима Симоне Джермини остался разочарован романом. Он сравнивает его с романом Достоевского «Братья Карамазовы» и с «Отверженными» Виктора Гюго, и сравнение идет не в пользу Толстого. Признавая эпичность «Войны и мира», Джермини считает Толстого фривольным и поверхностным: «У меня осталось навязчивое горькое послевкусие, которое всегда появляется как результат обманутых ожиданий» [Germini, 2015]. Сырую историческую хронику, которая утяжеляет повествование и делает чтение затруднительным, он называет слишком скучной для художественного произведения. Психологические изыскания он считает слишком краткими, порой совсем отсутствующими, поэтому персонажи остаются как некие

незаконченные портреты. По его мнению, Толстого не интересует глубина характера, он не исследует их бездну души и ума, чем отличается в худшую сторону от Достоевского. Надо заметить, что иностранные читатели зачастую сравнивают Толстого с Достоевским (которого итальянцы фривольным образом называют Досто, следуя своей традиции делать уменьшительные имена, оставляя лишь первую часть длинных имен), поскольку это, пожалуй, два самых популярных автора за пределами России и, вероятно, кроме них они ничего более не читали из русской литературы. Вместе с тем Джермини признает, что «Война и мир» и «Братья Карамазовы» считаются шедеврами двух самых великих русских писателей всех времен, и не только русских. Он также уверен, что превосходство Достоевского вне всяких сомнений и что якобы сам Толстой его признавал, поскольку при своем побеге из Ясной Поляны взял с собой именно «Братьев Карамазовых». В конце статьи автор отмечает, что не самые лучшие впечатления от чтения «Войны и мира» похожи на его впечатления после прочтения «Анны Карениной», а наиболее удачными произведениями Толстого он считает все, созданное им после 1881 года, а именно такие произведения как «Воскресение», «Крейцера соната», «Смерть Ивана Ильича» и «Отец Сергей», то есть все его произведения с религиозным подтекстом.

Интересно, что не только Джермини не понравилась «Анна Каренина». Среди статей, написанных современными итальянскими блогерами-любителями русской литературы, встречаются похожие далеко не восторженные отзывы об этом романе. При этом его сравнивают с романом «Война и мир» и последний явно выигрывает, потому что, как написала одна восторженная читательница, он рассказывает о России; о всем мире; о любви и ненависти; о жизни и смерти; о духе и о материи; об истории и эсхатологии; о Человеке и о Боге; о великих и о маленьких людях; о вчерашнем дне и о дне сегодняшнем; о всегда и о никогда – в общем, обо всем. В отзывах обычных читателей как правило много эмоций, итальянцы с их живым языком, открытостью в выражении эмоций, тонким восприятием настроения людей подчеркивают, что чтение романа вызывает чистую радость от соприкосновения с совершенством, выраженным в словах. Есть книги, которые делят всю жизнь на «до» и «после», и «Война и мир», по их словам, как раз относится к таким книгам. Персонажи проникают прямо в сердце, любишь ты их или ненавидишь, но их невозможно забыть. Ты за ними тревожно следишь, желая узнать, что они будут делать, куда пойдут, что с ними случится. Построение каждого персонажа четко выверено как с повествовательной, так и с психологической точки зрения. Язык романа точно подстраивается под психологию и природу персонажей, например, язык Марьи противопоставляется языку Элен. Андрей и Пьер помимо того, что ведут себя по-разному, но и говорят, выражают себя совершенно по-разному. Толстой не прячет зло, которое есть

в каждом отдельном человеке, он не отрицает малодушие, ничтожество, ошибки, присущие человеку. Его персонажи не совершенны. Они человечны, они ошибаются, ранят, убивают, падают, но стараются встать, реабилитироваться, стать лучше. У него нет положительного видения Человека, но у него есть необходимая вера и надежда на то, что каждый может стать лучше и внести свой вклад в развитие человечества.

Мнение молодых итальянских читателей в отношении французского языка в романе в целом совпадает с мнением многих: что его в романе слишком много. Но также подмечают иронию Толстого: русские побеждают Наполеона и говорят ему «прощай навсегда» на его же языке! Что касается фигуры Наполеона, многие читатели отмечают, что Толстой описывал его необъективно, как бы свысока, с точки зрения победителя на проигравшего. И объясняют это тем, что каждый русский писатель считал вторжение Наполеона большим оскорблением, нанесенным России.

Эмоциональные итальянцы так же эмоционально описывают сцены из романа: когда читаешь описание Бородинской битвы чувствуешь, что твои ноги испачканы грязью и кровью; когда читаешь про горящую Москву, которая предстала пред глазами Наполеона, чувствуешь запах гари, и пороха, и крови, и пота. Но самой большой заслугой, по мнению итальянских читателей, является то, что Толстой соединяет в своем романе множество жанров: это и исторический роман, и военный, и любовный, и психологический, и реалистический, и социальный. Причем автор не перепрыгивает с одного жанра на другой, а идеально сплавляет их вместе, производя таким образом уникальный литературный продукт, единственный в своем роде. И именно поэтому он нравится всем в любом возрасте, и все к нему приходят в разные периоды своей жизни [Shamprorova, 2017]. И даже если человек не умеет взглянуть глубоко, а его цепляет, например, только любовная история, даже эта история такова, каких было рассказано очень мало. Заинтересовывает современного итальянского читателя и философия Толстого, когда он в своих размышлениях делает упор на том, что история зависит не от какого-то одного конкретного человека, а решается волей каждого человека, таким образом история – это сумма решений всех этих людей, взятых вместе. Тем не менее, не всем понравилась эта философия, многие читатели пишут, что не согласны с точкой зрения Толстого и это та часть романа, которую легко можно «выкинуть», то есть вообще не читать, и это никак не скажется на восприятии всего романа [Gabrilu, 2008]. Эта часть кажется им каким-то чужеродным телом, так как это страницы полные назиданий и высокомерия, в связи с чем они вызывают только раздражение.

Что же касается сравнения с «Анной Карениной», слабым звеном этого романа, как и романа «Война и мир», итальянцы, а именно читательницы-женщины, признают описание

женских персонажей. Анна Каренина, по их мнению, не убедительна, как не убедительны Наташа Ростова и княжна Марья: Толстой не умеет описывать женщин [Gabrilu, 2008], как и многие другие писатели, просто потому что они мужчины. Толстого даже обвиняют в мизогинии: женщина предназначена только для удовлетворения мужчины, она только тем и занята, что ищет за кого ей выйти замуж. Поэтому, пожалуй, мы даже больше симпатизируем Элен, которая из своих амбиций или ради удовольствия не следует мужской логике, но все же оказывается в подчинении у отца и брата, чем фигуре Наташи, которая в конце книги превратилась в матрону, чья жизнь как будто «погасла» и осталась заключена в круге дом – муж – дети. И здесь имеет отражение фигура самого Толстого, который, по воспоминаниям, был в некоторой степени женоненавистником даже в отношении своей жены. На совершенно другом уровне находятся Пьер и Андрей Болконский. Они идут по пути развития, проходя через различные фазы роста, и приходя к своей полной реализации и пониманию своей роли и своей миссии в этом мире.

Также читатели подмечают, что роман на самом деле не имеет конца. История главных героев не заканчивается. Последние 200 страниц романа посвящены историко-философским размышлениям автора (которые критикуют многие читатели, не согласные с взглядами Толстого), и история главных героев как бы теряется. Понятно, что их личная история – это приложение к Истории (с большой буквы), но в любом случае она не окончена. Потому что «Война и мир» говорит о жизни, а Жизнь, она не заканчивается. Но тем не менее, мы привязываемся к персонажам, и женская половина читателей ждет какого-то продолжения.

О том, что этот роман посвящен жизни, а именно смыслу жизни, говорит также в своей лекции профессор литературы Гвидо Маццони [Mazzoni, 2005]. И поэтому читать его нужно не в подростковом возрасте, когда человек еще не может сформулировать для себя многие вещи, а в более старшем, когда ты уже в состоянии оценить, что это на самом деле шедевр. Цитируя другого современного исследователя русской литературы, Гвидо Сакки, Маццони говорит о том, какие впечатления производит чтение романа «Война и мир»: чтобы прочесть этот роман, естественно, нужно много времени, как будто ты сидишь в кино на протяжении двух месяцев, это такое удовольствие, которое не получишь ни от чего другого в мире. Вслед за литературным критиком Франко Моретти Маццони говорит о том, что существуют такие произведения как «opere-mondo», то есть произведения, которые являют собой весь мир. Это «Илиада», «Одиссея», «Божественная комедия», «В поисках утраченного времени», а также «Война и мир» и «Анна Каренина», поскольку эти произведения представляют жизнь во всех ее аспектах, и у читателя такое чувство, как будто бы он переносится в отдельный мир, законченный, логичный и последовательный.

«Война и мир» – это одно из тех произведений, рассказать сюжет которых невозможно» [Mazzoni, 2005]. Профессор говорит о том, что Андрей Болконский и Пьер Безухов – это две части самого Толстого, который не ограничивается одним автобиографическим персонажем, а как бы «раскалывается» пополам. Почему же читателям так интересны персонажи Толстого? Потому что они не делятся на плохих и хороших, человек представляется состоящим из разных возможностей, импульсов, желаний, но при этом они все не хаотичны, а последовательны. И направление развития человека не прямолинейно, а спиралевидно, что делает персонажей романа действительно человеческими, они такие как мы: у них есть свои моменты слабости, они совершают непонятные поступки, но в конце концов вся последовательность их действий, если посмотреть со стороны, представляется очень логичной. И положительные персонажи порой показываются не с лучшей стороны. Например, несмотря на все положительные качества, в Андрее Болконском живет маленький Наполеон, который не проявляет жалости к жене и хочет поехать на войну, чтобы прославиться.

Маццони объясняет почему же еще так интересно читать этот роман. Прежде всего потому, что в нем описываются не только исторические события, а вся жизнь персонажей, поэтому он называет роман «многоисторическим» («polistorico»), то есть состоящим из множества историй. В 95% всех романов рассказывается об одном, двух, трех, четырех персонажах, но не о сотнях персонажей, как в «Войне и мире». Такое большое количество персонажей нужно для того, чтобы показать, что действительность состоит из множества судеб, которые пересекаются. И структура, которая всех их соединяет – это великая история, которая является определяющей для личных судеб, но которую они никак не могут контролировать. И даже если История возвышается над отдельными жизнями, то, что действительно имеет значение, так это эти самые жизни. И все судьбы заслуживают максимального уважения, всегда, каким бы ни было их содержание. Для Толстого не существует объективной шкалы ценностей, судеб, социальной или культурной среды: Наташа Ростова в день своего первого бала заслуживает не меньшего внимания, чем Наполеон в день сражения при Аустерлице. Каждый индивид священен, каждый является смысловым центром, все жизни важны. И каждый простой человек прежде всего хочет быть счастливым. И вот в этом сосуществовании разных измерений: измерения индивидуального и коллективного, измерения личного и общественного, измерения микроисторий и макроистории – состоит величие этого романа.

Как бы отвечая читательницам на обвинения Толстого в мизогинии по отношению к своим женским персонажам, профессор Маццони говорит о том, что да, Толстой был сексист, но иначе и быть не могло. В то время отношения между мужчиной и женщиной

были отношениями силы. Была доминирующая сторона и сторона подчиненная, те, кто могли, и те, кто не могли делать определенные вещи. Именно этим и объясняется, почему в романах XIX века, посвященных адюльтерам, главными действующими лицами были женщины (Анна Каренина, Эмма Бовари, Эффи Брист). Дело в том, что мужчины и так могли спокойно изменять своим женам. И если посмотреть современным, внеисторическим взглядом, то, конечно, Толстой покажется сексистом, и он действительно таковым является, но только в том культурном контексте, в котором не могло быть иначе.

Итак, можно сделать вывод о том, что итальянцы, такие похожие на русских в страсти к классической музыке и литературе (есть даже такая присказка, что русские – это те же самые итальянцы, только грустные), в общем и целом, являются большими ценителями романа «Война и мир» (за редкими исключениями), персонажи им близки и понятны, эпический размах произведения их поражает, а чтение захватывает. При этом далеко не всем нравится Толстой, углубляющийся в размышления об истории, семье, о добре и зле. Отзывы как литературных критиков, так и современных блогеров-любителей русской литературы очень эмоциональны, что присуще всем итальянцам, пронизанные симпатией к русской литературе, русским людям и к России.

Список литературы:

- Xuner D.* Итальянцы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 8 с.
- Affinati E.* L'arte della vita in Guerra e pace // Tolstoy L. Guerra e pace. Roma: Newton Compton editori, 2011. P. 3–20. Guerra e pace è forse il massimo esempio di epica moderna.
- De Michelis C.* “Guerra e pace” anatomia di un capolavoro [Электронный ресурс] // La Repubblica. 19/03/1999. – Режим доступа: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1999/03/28/guerra-pace-anatomia-di-un-capolavoro.html>.
- Gabrilu.* Che cos'è Guerra e pace? // Non solo Proust. 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nonsoloproust.wordpress.com/2008/03/19/che-cose-guerra-e-pace/>.
- Germini S.* “Guerra e pace” – riflessioni critiche. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://imalpensanti.it/2015/04/guerra-e-pace-riflessioni-critiche/>.
- Lo Gatto E.* Su “Guerra e pace” // Rivista di letterature slave, n.5. Roma: Anonima romana editoriale, 1929. P. 363–368.
- Mazzoni G.* Guerra e pace di L. Tolstoy. Conferenza tenuta presso il Centro Culturale l'Aeropago il 6 maggio 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gliscritti.it/approf/2006/conferenze/tolstoj.htm>.
- Parla della Russia. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://parladellarussia.wordpress.com/2016/07/14/guerra-e-pace/>.
- Shamporova Y.* Dieci capolavori della letteratura che formano ogni russo // Russia beyond. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://it.rbth.com/cultura/79684-dieci-capolavori-della-letteratura>.
- Tolstoy L.* Guerra e pace. Introduzione di Eridano Bazzarelli. Milano: Rizzoli, 2002. P. 1.
- Tolstoy L.* Guerra e pace, traduzione integrale di Enrichetta Carafa Capecelatro, duchessa d'Andria. Torino: Slavia, 1928.
- Tolstoy L.* La guerra e la pace, traduzione di Federico Verdinois, (2 voll.), con un saggio di Alessandro Chiappelli. Milano: Istituto Editoriale Italiano, 1915.

References:

- Affinati E.* L'arte della vita in Guerra e pace // Tolstoy L. Guerra e pace. Roma: Newton Compton editori, 2011. P. 3–20. Guerra e pace è forse il massimo esempio di epica moderna.
- De Michelis C.* “Guerra e pace” anatomia di un capolavoro [Electronic resource] // La Repubblica. 19/03/1999. – Available at: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1999/03/28/guerra-pace-anatomia-di-un-capolavoro.html>.
- Gabrilu.* Che cos'è Guerra e pace? // Non solo Proust. 2008 [Electronic resource]. – Available at: <https://nonsoloproust.wordpress.com/2008/03/19/che-cose-guerra-e-pace/>.
- Germini S.* “Guerra e pace” – riflessioni critiche. 2015 [Electronic resource]. – Available at: <https://imalpensanti.it/2015/04/guerra-e-pace-riflessioni-critiche/>.
- Hooper J.* Italiantsy [Italians]. M.: Alpina non-fiction, 2016. P. 8. (In Russian).
- Lo Gatto E.* Su “Guerra e pace” // Rivista di letterature slave, n.5. Roma: Anonima romana editoriale, 1929. P. 363–368.
- Mazzoni G.* Guerra e pace di L. Tolstoy. Conferenza tenuta presso il Centro Culturale l'Aeropago il 6 maggio 2005 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.gliscritti.it/approf/2006/conferenze/tolstoj.htm>.
- Parla della Russia.* 2016 [Electronic resource]. – Available at: <https://parladellarussia.wordpress.com/2016/07/14/guerra-e-pace/>.
- Shamporova Y.* Dieci capolavori della letteratura che formano ogni russo // Russia beyond. 2017 [Electronic resource]. – Available at: <https://it.rbth.com/cultura/79684-dieci-capolavori-della-letteratura>.
- Tolstoy L.* Guerra e pace, traduzione integrale di Enrichetta Carafa Capecelatro, duchessa d'Andria. Torino: Slavia, 1928.
- Tolstoy L.* Guerra e pace. Introduzione di Eridano Bazzarelli. Milano: Rizzoli, 2002. P. 1.
- Tolstoy L.* La guerra e la pace, traduzione di Federico Verdinois, (2 voll.), con un saggio di Alessandro Chiappelli. Milano: Istituto Editoriale Italiano, 1915.

Хуснулина Разиля Рафинатовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Khusnulina Razilya
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**«КОЛОКОЛ» ВЕК СПУСТЯ: РУССКАЯ ГАЗЕТА А. ГЕРЦЕНА И
ОДНОИМЕННЫЙ ИРЛАНДСКИЙ ЖУРНАЛ Ш. О'ФАОЛЕЙНА**

**“THE BELL” A CENTURY LATER: THE RUSSIAN NEWSPAPER OF A. HERZEN
AND THE IRIS MAGAZINE OF THE SAME NAME BY S. O'FAOLAIN**

Оповещая читателей о выходе газеты, Герцен подчеркнул бесстрастность издания, заметив, что «Колокол» будет звонить обо всем: нелепым указом, воровством сановников или невежеством Сената. И «Колокол», в действительности, стала трибуной, с которой авторы могли обратиться с вольным словом к народу. Чуть менее века спустя, в середине XX века, в условиях проводимой в Ирландии политики изоляционизма от мировых общественных проблем, классик ирландской литературы XX века Шон О'Фаолейн основал по аналогии с герценовской газетой журнал «Колокол» (“The Bell”), который пытался помочь ирландцам самоопределиться в сложной исторической обстановке и выбраться из тягостной атмосферы застоя. Смысл аналогии, однако, был шире. Ирландский «Колокол», подобно русской газете, пытался разбудить общественность страны, помочь самоопределиться в сложной исторической обстановке. Журнал не потерял свою актуальность и в настоящее время, выразив через «ирландский материал» проблемы общечеловеческие. Задачу журнала его редактор видел в том, чтобы «жизнь заговорила со страниц журнала», поэтому и достоинством его считал, прежде всего, правдивость. Передовицу, открывавшую новое издание, он назвал «Это Ваш журнал», приглашая к участию в нем тех, кого волнует судьба Ирландии. С этой целью в журнале был выделен раздел для заметок непрофессиональных авторов. «Колокол» служил живым, острым комментарием к событиям ирландской общественной и литературной жизни.

Notifying readers about the newspaper's release, Herzen emphasized the dispassion of the publication, noting that “The Bell” would ring about everything: a ridiculous decree, theft of dignitaries or ignorance of the Senate. And “The Bell”, in fact, became a tribune from which the authors could address the people with a free word. A little less than a century later, in the middle of the twentieth century, under the conditions of the policy of isolationism from world social problems carried out in Ireland, the classic of Irish literature of the twentieth century, Sean O'Faolein, founded, by analogy with the Herzen newspaper, “The Bell” magazine, which tried to help the Irish to self-identify in a difficult historical situation and get out of the painful atmosphere of stagnation. The meaning of the analogy, however, was broader. The Irish “Bell”, like a Russian newspaper, tried to wake up the public of the country, to help self-determination in a difficult historical situation. The magazine has not lost its relevance at the present time, having expressed universal problems through the “Irish material”. The editor of the magazine saw the task of the magazine in making “life speak from the pages of the magazine” therefore, he considered truthfulness, first of all, to be its dignity. The editorial that opened the new edition, he called “This is your magazine”, inviting those who care about the fate of Ireland to participate in it. For this purpose, a section was allocated in the journal for notes by non-professional authors. The Bell served as a lively, poignant commentary on the events of Irish social and literary life.

Ключевые слова: трибуна, политика, самоопределение, пробудиться, не потерять актуальность, национализм.

Key words: a tribune, the policy, the analogy, self-identity, stagnation, wake up, do not lose the relevance, nationalism.

1 июля 1857 года в Лондоне вышла первая русская оппозиционная газета «Колокол», издателем которого был русский писатель-эмигрант Александр Герцен и отчасти Николай

Огарев. Газета издавалась за границей: в 1857-1865 годах – в Лондоне, в 1865-1867 годах – в Женеве на русском и французском языках. Общий тираж «Колокола» доходил до 2500 экземпляров.

Название газеты было выбрано не случайно: в преддверии выхода Герцен объявил, что «Колокол» будет звонить обо всем: нелепым указом, воровством сановников или невежеством Сената. Поначалу программа «Колокола» содержала демократические требования: освобождение крестьян от крепостной зависимости, отмена цензуры, телесных наказаний. Позже газете «Колокол» стала трибуной, с которой авторы могли обратиться с вольным словом к народу. «Колокол» читали не только либерально настроенные инакомыслящие, но подчас и министры. Среди корреспондентов и распространителей газеты были Николай Добролюбов, Николай Серно-Соловьевич, Михаил Михайлов и другие, а также вернувшиеся из ссылки декабристы. В «Колокол» доставляли материалы и либеральные деятели и писатели: Иван Аксаков, Александр Кошелев, Иван Тургенев и другие.

«Колокол» просуществовал до 1867 г. и стал первым вольным изданием русской печати; он же предшествовал появлению рабочей печати в России.

Удивительно ли, что век спустя, в середине XX века, в условиях проводимой в Ирландии политики изоляционизма от мировых общественных проблем, классик ирландской литературы XX века Шон О'Фаолейн основал по аналогии с герценовской газетой журнал «Колокол» (“The Bell”), который пытался помочь ирландцам самоопределиться в сложной исторической обстановке и выбраться из тягостной атмосферы застоя.

Символично название журнала. Русский эмигрантский орган, выходивший в период 1857-1867 годов, затрагивал, в том числе, и вопросы ирландской общественной жизни, пытался помочь национально-освободительному движению в стране. Это сыграло определенную роль при выборе названия ирландского журнала [О'Фаолейн, 1980, с. 21].

Смысл аналогии, однако, был шире. Появившись почти семь десятилетий спустя после выхода русской газеты, ирландский «Колокол», подобно ей, пытался разбудить общественность страны, помочь самоопределиться в сложной исторической обстановке. Журнал не потерял свою актуальность и в настоящее время, выразив через «ирландский материал» проблемы общечеловеческие. Задачу журнала его редактор видел в том, чтобы «жизнь заговорила со страниц журнала» [О'Фаолейн, 1972, с. 13], поэтому и достоинством его считал, прежде всего, правдивость. Передовицу, открывавшую новое издание, он назвал «Это Ваш журнал», приглашая к участию в нем тех, кого волнует судьба Ирландии. С этой целью в журнале был выделен раздел для заметок непрофессиональных авторов. «Колокол»

служил живым, острым комментарием к событиям ирландской общественной и литературной жизни. Он появился в то время, когда мир был втянут во вторую мировую войну, а Ирландия, придерживавшаяся нейтралитета, оказалась оторванной от всего окружающего, решала свои внутренние проблемы. Деятельность ирландских писателей была заторможена государственной цензурой, исчезновением литературно-художественного журнала «Айриш Стейтсман». В этих условиях журнал подал «одинокий свободолобивый голос» [Макмиллановский словарь ирландской литературы, 1980, с. 105]. Он оказывал поддержку молодым писателям. В нем, в частности, дебютировали Б. Биэн, Дж. Планкетт. Здесь публиковались произведения в то время уже известных прозаиков и поэтов – М. МакДэверти, Ф. О’Брайена, О. Кьярка. Литературные вопросы для О’Фаолейна были неотделимы от социальных, политических. В «Колоколе», как в зеркале, Ирландия отразилась во всей ее полноте [Доиль, 1968, с. 139].

Жизнь в ирландских трущобах, положение заключенных в тюрьмах, критика государственной цензуры, вопросы движения за земельную ренту в Италии, проблемы общественной жизни Польши, Югославии, близкие ирландским, – таков далеко не полный перечень обсуждавшихся на страницах «Колокола» проблем. «Я выносил сор из избы, которой была Ирландия», – признается позднее О’Фаолейн. Многие с пафосом говорили ему: «Вы делаете великое дело», для себя же, скрывая гражданское равнодушие, находили извинения: «Мы бы тоже были с Вами, если бы не жена и дети» [Доиль, 1968, с. 19]. Вспоминая 1940-е годы, писатель заметит, что в редакторской работе им руководило чувство ответственности перед своими в огромном большинстве молчаливыми и робкими согражданами. Поэтому О’Фаолейн яростно обрушился на епископа, когда со стороны последнего началась резкая критика таких «злых и враждебных» органов, как «Айриш Таймс» и «Колокол». Его светлость предпочитает «презренно угодливых» проповедников «католической социальной этики» [О’Фаолейн, 1972, с. 163], иронично замечает О’Фаолейн. Социальная критика писателя не пришлась по вкусу церковникам и политикам, которые чинили журналу препятствия. В небольших ирландских городах выпускаемый тиражом в две тысячи экземпляров (еще одна выходила для распространения за пределами Ирландии) «Колокол» нередко продавался из-под полы, как и порнографические журналы, с горечью вспоминает дочь редактора Джулия О’Фаолейн.

Журнал просуществовал с 1940 по 1954 года. Вслед за О’Фаолейном его возглавил П. О’Доннелл. Политическая направленность журнала в начале 1950-х годов еще более заострилась. По замечанию библиографа журнала П. Холзапфела, «журнал стал ценным документом для сегодняшних историков» [Макмиллановский словарь ирландской литературы, 1980, с. 106]. Не удивительно, что, когда в 1946 году «Колокол» обратился к

читателям с просьбой назвать двенадцать лучших, на их взгляд, литературных работ последних лет об Ирландии, один из читателей рекомендовал выборку двенадцати передовиц «Колокола» 1944-1945 годов, предложив озаглавить ее «Без страха и уступок». «Колокол» явился не только средством самовыражения О'Фаолейна-публициста, необходимой общественной и литературной трибуной, но и своеобразным символом в его дальнейшем художественном творчестве. Два десятилетия спустя, О'Фаолейн признается, что на полях своих работ рисовал «предостерегающие» колокольчики, которые заставляли быть требовательным и бескомпромиссным в художественном творчестве [О'Фаолейн, 1964, с. 107].

Неотъемлемым качеством художественного слова О'Фаолейн считал выражение духовной жизни своего народа. Соотечественники по праву называют его «мудрым наставником ирландских писателей, по крайней мере, двух поколений» [Доиль, 1968, с. 8]. В своих литературно-критических и публицистических работах он дает оценку многим литературным явлениям. Глубокие по мысли, его статьи отражают наблюдательность, остроумие и некоторые основные принципы О'Фаолейна-литератора: его чуткое внимание к мастерству, уважение к писательскому труду.

Сильной стороной его литературно-критических работ являются постоянные поиски связи литературных явлений с событиями общественной жизни. О'Фаолейн историк неотделим от О'Фаолейна-литературного критика и писателя. За его рассуждениями о литературе стоит активная гражданская позиция. Она проявляется и в смелом обращении писателя к вопросам значительной идейно-художественной проблематики.

В литературно-критических работах 1940-х годов О'Фаолейн, рассматривая вопросы исторического развития национального самосознания ирландцев, развенчивает культ жертвенности ирландцев, не приемля точку зрения семивекового рабства, столь удобную для оправдания негативных явлений ирландской истории. Один из исследователей творчества Шона О'Фаолейна как-то заметил, что помнить о прошлом стало «фактически профессией среди ирландцев» [Дэпсэй, 1962, с. 166]. Для О'Фаолейна обращение к прошлому вызвано желанием объективного, с его точки зрения, воссоздания истории, которое заставит по-новому, более трезво, взглянуть на современные события ирландской общественной жизни. В сознании О'Фаолейна эти размышления прошли определенную эволюцию, обусловленную его жизненной и творческой судьбой.

О'Фаолейн родился в семье ирландских католиков, «в месте, которого не существовало, так как не существовало Ирландии», «там была власть Британской Империи» [Доиль, 1968, с. 19], – с болью замечает он. В восемнадцатилетнем возрасте юноша вступил в Гэльскую лигу, которая пыталась возродить национальные традиции и

уже забытый в стране гэльский язык, и свое звучащее на английский манер имя – Джон Уилен – сменил на гэльское, став Шоном О’Фаолейном. Чуть позже он примкнул к организации ирландских волонтеров, готовивших себя к борьбе за освобождение родины. Во время гражданской войны (1922-1923) был в рядах Ирландской Республиканской Армии. Но поняв, что республиканцы не имели какой-либо социальной или политической программы действий, испытал разочарование в ИРА: «Я пробудился ото сна».

Освободительное движение породило не только гнев и ненависть к существующим порядкам, но и смятение, бессилие перед происходящим. Для государственных служащих была введена «проверка на лояльность», которой решительно не желал подчиняться ни один республиканец. В результате многим ирландцам пришлось эмигрировать из «разбитой и обескровленной страны» [Доиль, 1968, с. 23] главным образом в Америку. В двадцатилетнем возрасте О’Фаолейн покидает страну. Позднее он признается, что там, в Америке, уверял одного из друзей, что никогда не захочет вновь увидеть «это проклятое место», и повторял слова У.Б. Йейтса о том, что романтической Ирландии больше нет. А этой, современной страны, для него не существует [О’Фаолейн, 1964, с. 112].

Но О’Фаолейн не стал добровольным изгнанником, подобно многим своим старшим собратям по перу. Желание помочь Ирландии, боль за нее, граничащая с ностальгией, возвращают его в начале 1930-х годов на родину. «У нас древняя маленькая страна..., где каждое поле, каждая тропинка, каждая развалина имеет память, где каждый уголок имеет историю» [О’Фаолейн, 1984, с. 221], – заметит позднее О’Фаолейн в одной из передовиц «Колокола». Его публицистике свойственен пафос критики того, что мешает движению страны вперед. Через журнал писатель пытался помочь ирландцам самоопределиться в сложной исторической обстановке 1940-х годов и обрести свои, национальные ориентиры (англ. “standarts”). В литературно-критических работах этого времени он обращается к вопросам исторического прошлого Ирландии, пытаясь в отдаленных эпохах проследить специфичность национального развития. Его работы построены на богатом и разнообразном материале ирландской культуры, истории. Они содержат малоизвестные или забытые обстоятельства культурно-исторической жизни ирландского общества.

Одну из двух книг, посвященных истории страны, О’Фаолейн открывает рассуждениями о том, что на карте мира Ирландия с четырехмиллионным населением кажется сравнительно небольшой страной. Ее отдаленное положение создает иллюзию отстраненности от Европы, но многое в ней, на его взгляд, определено европейским влиянием [О’Фаолейн, 1947, с. 143].

На примере ранней истории Ирландии О’Фаолейн прослеживает стремление ирландцев к изоляции от европейской культуры, к выражению своей национальной

исключительности. Было бы наивным считать, рассуждает О'Фаолейн, что то, что мы сейчас называем «нацией», сплотило бы ирландцев, ибо сам термин ничего не значил для них. У ирландцев издавна было лишь представление о ближнем человеке, идущее от кланового строя, но не политическая концепция национализма. Это позволяло завоевателям использовать внутренние раздоры ирландцев в своих целях, «Вроде бы и не они убили полтора миллиона людей, – замечает О'Фаолейн об англичанах, имея в виду события гражданской войны. – Они так все устроили, словно как раз их политика невмешательства привела к этому» [О'Фаолейн, 1963, с. 270].

Возможно, размышляет О'Фаолейн, будь Ирландия в тысячах миль от Британии, она стала бы централизованной страной [О'Фаолейн, 1943, с. 16]. Централизации страны некоторым образом способствовала религия. По его убеждению, она стала «первым символом, первым ростком национализма» [О'Фаолейн, 1947, с. 71].

О'Фаолейн пытается выделить ряд общих свойств, присущих, на его взгляд, характеру и психологии ирландцев, которые способствовали развитию отдельных проявлений шовинизма – крайности национализма, выдаваемого в Ирландии за патриотизм. Упрямство и консерватизм, гордость и терпимость, обреченность и верность прошлому – таков круг отмеченных О'Фаолейном «добродетелей»; вместе с тем, неумеренно проявляемые, они становятся «пороками». «Аппетит, который растет», – с обидной для национального самолюбия прямотой замечает О'Фаолейн об ирландском национализме. Не церемонясь со своими консервативно настроенными противниками, он безапелляционно заявляет: «Есть много людей, которые выплакивают его вместе со слезами» [О'Фаолейн, 1947, с. 140].

Ссылаясь на слова К. Маркса о том, что национализм исчезает, когда национальное чувство удовлетворено, О'Фаолейн подчеркивает, что приверженность ирландцев к «гэльскому духу», их «национальный эгоизм» привел к тому, что они до сих пор живут с оглядкой на свое прошлое. При этом они отвергают то, без чего дальнейшее развитие невозможно, что О'Фаолейн для выражения значительности обозначает прописными буквами: «Изменение, Преобразование, Реконструкция» [О'Фаолейн, 1947, с. 139-140]. Процессы эти должны быть направлены на внутреннюю сферу жизни народа – его самосознание.

Рассуждения О'Фаолейна категоричны. Душевная боль за будущее своей страны, стремление разъяснить ирландцам опасность позиции «отстраненности» от Европы, получившей в оценке О'Фаолейна название «провинциализма», определили излишне резкую критическую направленность его работ, ибо в них граничат страстная привязанность к ирландцам и осуждение их шовинистических настроений.

В передовицах «Колокола» он неустанно подчеркивал мысль о том, что изоляционизм не допустим в будущем. Он писал об ООН, о возможной организации в послевоенное время Федерации европейских стран и места Ирландии в них. В 1950-е годы О'Фаолейн выступил с призывом развивать экономические и культурные связи зарубежными странами. Широкое общественное звучание получила его статья «Авто-антиамериканизм» («Колокол», 1951), в которой О'Фаолейн подверг резкой критике отказ Ирландии от ссуды, предложенной американцами для развития ирландской индустрии. «Авто-антиамериканизм», – так О'Фаолейн охарактеризовал предвзятый протест ирландцев против всего американского. Их отношение к американцам – это лишь частный пример ирландского изоляционизма. Но если сколько-нибудь конкретное понятие «американское» расширить до универсального «мировое», то характерная особенность ирландского национального сознания раскроется в полной мере. Моральные, социальные и экономические проблемы, волнующие мир, – это и проблемы Ирландии, – таков пафос статьи О'Фаолейна.

Нравственные проблемы наполняются в осмыслении писателя большим социально-историческим содержанием: исторические судьбы страны в этот переходный момент определяются, по его убеждению, тем, достаточно ли объявится в обществе людей энергичных, способных к единению своих деятельных усилий в интересах будущего страны. Как истинный ирландский патриот, О'Фаолейн смотрит на Ирландию взглядом гражданина мира. По его мнению, ирландский патриот – тот, кто непредвзято относится к Ирландии и смотрит на нее, как на частицу Европы.

Его книги об Ирландии, а также исторические биографии деятелей ирландского национально-освободительного движения, являются вкладом в развитие истории народа, роста его самосознания. Но писатели, замечает О'Фаолейн, – «только голоса, а история – процесс» [О'Фаолейн, 1947, с. 143].

Эпиграфом к книге «Ирландцы» послужили слова английского историка Р. Коллингвуда о том, что «настоящая история есть история мысли. Нет случайностей в истории». О'Фаолейн, развивая эту мысль, подчеркивает, что из мыслей, намерений вырастают действия, и задачу историка он видит в том, чтобы в этих мыслях предвидеть будущие события. И применительно к своей стране заключает, что, если Ирландия, много выстрадав, мало вынесла из опыта, ей еще предстоит болезненно осваивать этот опыт.

Оценивая ее опыт спустя более полувека, в 2022 году, невольно возникает вопрос: только ли ей, Ирландии?

Список литературы:

- Dempsey. D.* The Sleeping Dogs of Memory // Saturday Review, January, 6, 1962. 187 p.
Doyle P.A. Sean O. Faolain. N.Y.: Indiana University, 1968. 156 p.
The Macmillan Dictionary of Irish Literature. L.: Macmillan, 1980. 815 p.
O'Faolain J. Sean at Eighty // London Magazine, 1980, June. V. 20. № 3. P. 18-28.
O'Faolain S. The Bishop of Galway and "The Bell" // The Best from "The Bell." Dublin: The O'Brien press, 1972. P. 12-84.
O'Faolain S. The Irish. Middlesex: Penguin Books, 1947. 43 p.
O'Faolain S. The Irish Femines // Nations, 1963, March, 30. V. 19. № 13. P. 269-271.
O'Faolain S. Principles and Propaganda // In.: Harmon. M. Sean O'Faolain. - Dublin, 1984. P. 51-61.
O'Faolain S. The story of Ireland. L.: William Collins and Co., 1943. 48 p.
O'Faolain S. This is your magazine. The best from "The Bell." Dublin: The O'Brien press, 1972. P. 59-85.
O'Faolain S. A Writer in Search of Himself // An Atlantic, Boston, 1964, October. V. 214. № 4. P. 104-108.

References:

- Dempsey. D.* The Sleeping Dogs of Memory // Saturday Review, January, 6, 1962. 187 p.
Doyle P.A. Sean O. Faolain. N.Y.: Indiana University, 1968. 156 p.
The Macmillan Dictionary of Irish Literature. L.: Macmillan, 1980. 815 p.
O'Faolain J. Sean at Eighty // London Magazine, 1980, June. V. 20. № 3. P. 18-28.
O'Faolain S. The Bishop of Galway and "The Bell" // The Best from "The Bell." Dublin: The O'Brien press, 1972. P. 12-84.
O'Faolain S. The Irish. Middlesex: Penguin Books, 1947. 43 p.
O'Faolain S. The Irish Femines // Nations, 1963, March, 30. V. 19. № 13. P. 269-271.
O'Faolain S. Principles and Propaganda // In.: Harmon. M. Sean O'Faolain. - Dublin, 1984. P. 51-61.
O'Faolain S. The story of Ireland. L.: William Collins and Co., 1943. 48 p.
O'Faolain S. This is your magazine. The best from "The Bell." Dublin: The O'Brien press, 1972. P. 59-85.
O'Faolain S. A Writer in Search of Himself // An Atlantic, Boston, 1964, October. V. 214. № 4. P. 104-108.